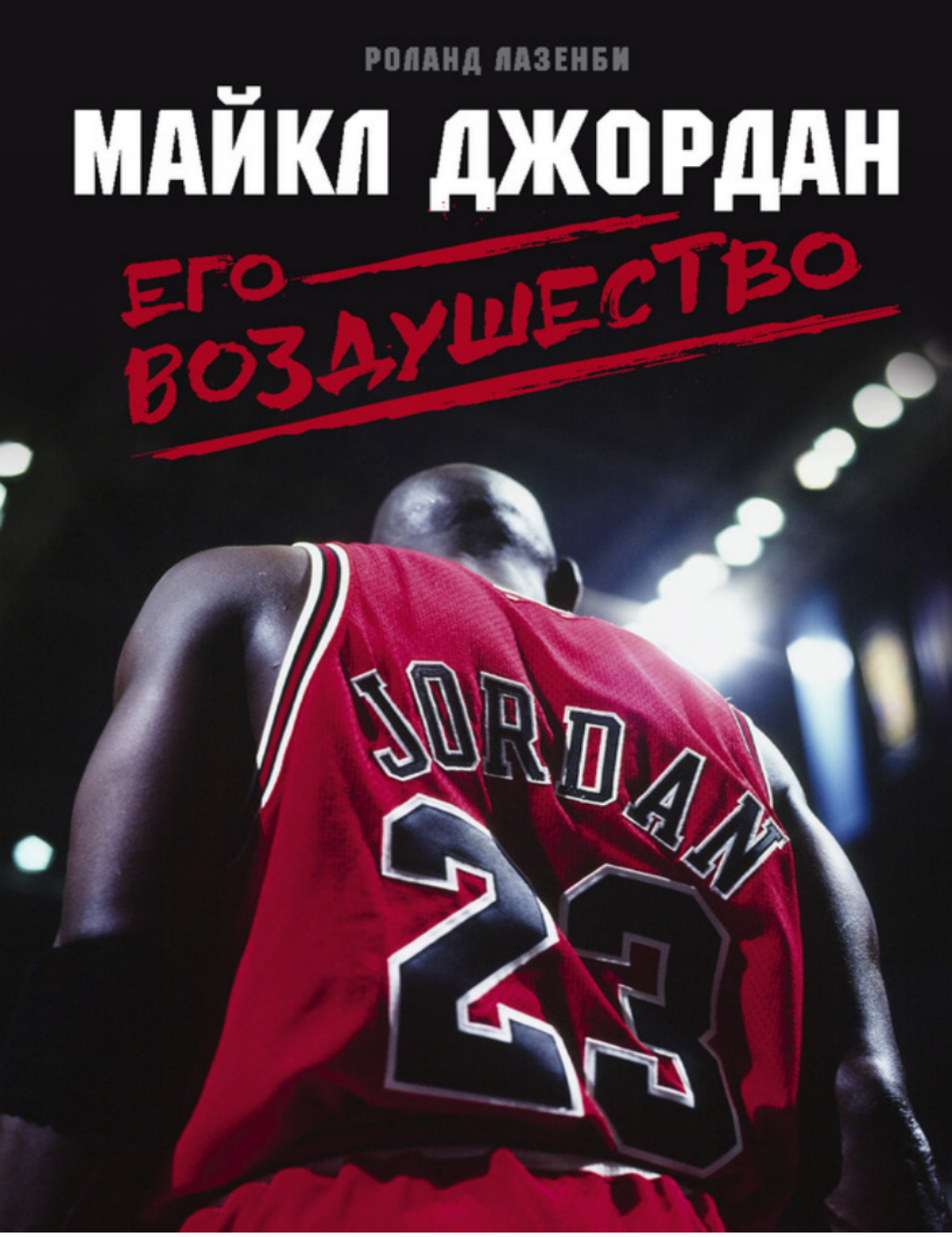
РОЛАНД ЛАЗЕНБИ

МАЙКЛ ДЖОРДАН

ЕГО ВОЗДУШЕСТВО



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Майкла Джордана называют «Богом баскетбола». Но кто он на самом деле? Журналист и писатель Роланд Лазенби сумел докопаться до истины относительно даже самых противоречивых моментов биографии Джордана. Перед вами полная биография легендарного игрока, иконы спорта и обычного человека в одном лице. Книга основана на многочисленных интервью с членами семьи Майкла, его товарищами и тренерами. Вы узнаете больше об этом удивительном культе, который сформировался вокруг Майкла Джордана за годы игры в NBA. «Откровенный и увлекательный рассказ об иконе спорта, под чьей маской скрывается одинокий и горделивый человек», – Publishers Weekly «Глубокая предыстория биографии Джордана – это то, что кардинальным образом отличает портрет баскетболиста, составленный Лазенби, от всех остальных», – The New York Times

- Роланд Лазенби
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
  - ○ Часть II
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
  - ○ Часть III
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
  - ○ Часть IV
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
  - ○ Часть V
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
  - ○ Часть VI
    - ■ Глава 17

        - Глава 18
        - Глава 19
    - Часть VII
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
    - Часть VIII
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
    - Часть IX
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
    - Часть X
        - Глава 33
        - Глава 34
        - Глава 35
    - Часть XI
        - Глава 36
        - Глава 37
        - Глава 38
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Роланд Лазенби
Майкл Джордан. Его Воздушество

Roland Lazenby
MICHAEL JORDAN: THE LIFE

© 2014, by Full Court Press, Inc. This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved
© Качалов А.А., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Глаза защитника раскрываются все шире, как и должно быть. Через мгновение перед ним предстанет все то кинестетическое великолепие, которое впервые подвигло людей изобрести технологию slow-motion[1], позволяющую в точности рассмотреть, что происходит в момент, когда движение ловко обманывает человеческий разум.

Обстановка до боли знакомая. Что-то треснуло и надломилось в структуре атаки команды на другом конце площадки, и это моментально разожгло пламя ответного выпада. Вся оборона теперь в спешке отступает. Защитник ускорился, бросился назад к своему кольцу и, обернувшись, увидел размытое пятно. Темная фигура в красном завладела мячом, она движется с ним, на большой скорости прокладывая себе путь сквозь окружающий хаос. Она перекатывает мяч с правой руки в левую и обеими руками поднимает его вверх, ведя в полушаге от левого бедра.

В этот самый момент ее язык вываливается изо рта. Иногда он мог лишь слегка показаться между зубами, но в этот раз выскочил целиком, гротескно вытянувшись, точно какая-то мультяшная кукла, решившая безмолвно посмеяться над защитником. В этом выражении лица словно скрывается какой-то плотоядный, непристойный даже контекст, как будто данк сам по себе недостаточно унизителен. Веками воины инстинктивно строили такие гримасы, чтобы напугать своих врагов. Быть может, здесь происходит то же самое, а может, он сказал правду и это лишь уникальное для него выражение максимальной концентрации, перенятое у отца.

Как бы то ни было, 22-летнему Майклу Джордану ясно предстала вся картина момента, и он высунул язык перед глазами защитника, словно он сам Шива, древний бог смерти и разрушения, устремившийся к кольцу. Так же быстро язык скрывается из виду, и в момент шага Джордан поднимает мяч вверх к левому плечу, переворачивает его перед своим лицом двумя руками и отрывается от пола, чуть заступив за линию штрафного броска. Защитники вжались в пространство трехсекундной зоны, но длинная и тонкая фигура уже взлетает в воздух, парит между ними и, приближаясь к цели, переводит мяч в свою громадную правую кисть. На мгновение рука взметнулась наподобие кобры, готовой атаковать жертву. Он проскользил по воздуху к кольцу, взмыв над полом в гордом одиночестве – время как будто исчезло и растворилось, – и спокойно закончил

начатое. У зрителей странный глухой звук слэм-данка вызывает глубочайшее возбуждение. Он открывает у них рефлекс, как у собак Павлова, почти хищнический, какой порой проявлется в нас, когда на канале Nature показывают кадры охоты льва на антилопу.

Дуга атаки Джордана по форме выглядела почти как идеальная парабола – от взлета до приземления. Со временем профессора физики и даже один полковник Военно-воздушных сил займутся интенсивными исследованиями этого феномена, пытаясь дать ответ на вопрос, изводивший мировую аудиторию: «Майкл Джордан *летит*?» Все они будут замерять его «hang-time»[2], а потом заявлять, что его «полет» – лишь иллюзия, ставшая возможной благодаря импульсу, что придавала его телу скорость отрыва от земли. Чем больше они говорили о его выдающихся по силе мышцах бедер и икр, чем чаще упоминали «быстросокращающиеся мышечные волокна» и его «центр тяжести», тем больше выглядели людьми, отчаянно сотрясающими воздух.

Все путешествие Джордана от линии штрафного броска до кольца длится от силы секунду.

Да, Элджин Бэйлор и Джулиус Ирвинг тоже умели необычно долго зависать в воздухе – но они выступали еще до появления продвинутых видеотехнологий, которые могли бы дать публике возможность посмаковать их подвиги у кольца. «Полет» Джордана же был чем-то совершенно иным, феноменом своей эпохи, олицетворявшим уход от прошлого, которое когда-то казалось невосприимчивым к будущему.

Из миллионов людей, игравших в эту игру, только он один мог летать.

Джордан и сам рассуждал на эту тему в первые месяцы своей профессиональной карьеры, когда посмотрел видеозапись своей игры. «Летел ли я? – спрашивал он. – Так мне казалось, по крайней мере, какое-то короткое время». Редчайший талант подобен комете, за долю секунды пролетающей в небесах, и доказательством его великолепия становится лишь шлейф, идущий по следу. Вся завораживающая карьера Майкла Джордана оставила болельщиков, прессу, его бывших тренеров и партнеров, даже самого Джордана недоумевать о том, что случилось, и размышления о ней одолевают их даже теперь, спустя многие годы после того, как он в последний раз выходил на паркет.

«Порой я спрашиваю себя, на что это будет похоже, если оглянуться на все происходящее, – однажды сказал он, – будет ли это все вообще казаться реальным».

А оно было реальным? В поздние годы его карьеры наступят времена, когда располневший Джордан и его изменившееся лицо станут мишенью для ядовитых насмешек, Интернет будет потешаться над его неудачными решениями на менеджерском поприще или его личными неудачами, но даже это не сможет затмить свет, который он источал, будучи игроком, когда в нем видели пришельца с другой планеты.

В начале своего пути он был просто Майклом Джорданом, обычным подростком из Северной Каролины с туманным будущим; по окончании школы он размышлял о карьере в Военно-воздушных силах. Начало 1980-х обернулось его трансформацией в Майкла, архангела баскетбольных колец. В процессе этой трансформации его персона стала катализатором невероятного взлета бизнес-империи Nike, которая вскоре сделала его своим молодым императором, отдав ему роль, одновременно сковывавшую его и даривщую свободу. Он стал воплощением компетентности. Никто, казалось, не умел делать свое дело так хорошо, как Майкл Джордан умел играть в баскетбол. «Его компетентность превосходит лишь его уверенность в себе», – отмечал многоопытный спортивный журналист из Чикаго Лэйси Бэнкс.

Профессиональный баскетбол всегда боролся со своим неприглядным имиджем: взрослые мужчины бегают по площадке в чем-то сильно напоминающем нижнее белье. Но Джордан возвысился надо всем этим своим «полетом». Поначалу это был едва уловимый элемент его игры, крупица своего рода крутизны, которую он принес с собой в спорт. Вскоре он влюбил в себя мировую аудиторию, покорившуюся ему как раз тогда, когда американское телевидение приближалось к пику своего могущества и влияния. Для целого поколения невероятно притягательная реклама Gatorade 1991 г. послужила саундтреком жизни, мантрой: «Иногда я мечтаю, что он – это я. Вы должны увидеть, кем я мечтаю стать… Если бы я был как Майкл…»

Симбиоз культуры и технологий вытолкнул его на эту беспрецедентную по масштабу и значению роль парящего высоко в небе божества мирового спорта и иконы торговой империи, поражавшей практически всех своими спектаклями на площадке. Арт Чански, автор, пищущий о баскетболе, для которого Джордан был обычным парнем из Университета Северной Каролины, потом вспоминал, каким было его удивление, когда он приехал проведать Майкла в Чикаго. «Находясь на старом чикагском «Стэдиуме», я поразился, увидев, как он идет к площадке по проходу между сидений за лицевой линией, позади корзины, поразился тому эффекту, который он оказывал на людей вокруг.

На взрослых мужчин и женщин. Вы знаете, сколько им нужно было зарабатывать, чтобы позволить себе такие места, начнем с этого? Просто чтобы оказаться в нескольких метрах от Майкла. Я смотрел на их лица, гримасы. Казалось, что мимо них проходит Мессия. А после матча в раздевалке его окружали не менее десятка журналистов».

И вправду Мессия. Поклонение с годами приобрело такой устрашающий размах, что многолетний пиар-менеджер «Буллз» Тим Халлам начал называть Джордана Иисусом. Халлам мог повернуться к своему ассистенту по связям с общественностью и непринужденно спросить: «Видел сегодня Иисуса?»

Эта эволюция стала возможной из-за казавшегося непоколебимым везения Майкла. Ральф Сэмпсон противостоял Джордану в колледже, когда оба стремились к награде «Лучший игрок года» среди студентов, а в последующие десятилетия он завороженно наблюдал за восхождением своего соперника на вершину славы. Да, Джордан обладал всеми необходимыми физическими данными и беспрецедентным трудолюбием, как признает Сэмпсон, но отмечает, что нельзя забывать и об удаче, недостатка в которой Джордан не знал. Он был как будто благословлен свыше: работал только с лучшими тренерами, получал великолепных партнеров в команду.

«Я к тому, что он работал над игрой, и если в чем-то уступал другим, у него всегда была мотивация трудиться, чтобы стать в этом лучше всех, – отмечал Сэмпсон в интервью 2012 г., данном незадолго до того, как его самого включили в Зал славы. – Но кроме этого он попал в нужную обстановку, оказался в правильной команде, отличные тренеры сумели разглядеть его талант и способности, а потому решили строить команду вокруг него, и это сработало. Так что думаю, что сочетание всех этих факторов сделало его тем, кем он стал».

Никто лучше самого Джордана не понимал, какая удивительная цепочка событий сделала его жизнь такой, какой она получилась. «Расчет времени – это все», – делился он мыслями, вспоминая о прошлом незадолго до своего 50-летия. Однако расчет времени и везение едва ли были ключом к разгадке.

Спортивный психолог Джордж Мамфорд был ошеломлен, впервые увидев, каким оживленным был 32-летний Джордан на тренировках. Психолог был наслышан об огромном аппетите Майкла и о том, как мало тот спит, а потому, только начав работать на «Буллз», сразу же заподозрил, что у главной звезды команды маниакально-депрессивный синдром или биполярное расстройство, а может, и то и другое сразу. «Он неистовствовал,

его гиперэнергетика была повсюду, – вспоминает Мамфорд ту тренировку. – Я подумал: «Он просто не сможет выдерживать такое подолгу»».

Не иначе, Джордан страдает неким маниакальным расстройством психики, заключил Мамфорд. Маниакально-депрессивный синдром сопровождается фазами необычайной активности больного, за которыми следуют периоды значительного упадка сил и настроения. В последующие недели психолог внимательно наблюдал за Джорданом, рассчитывая разглядеть у него признаки депрессии после завершения периода бурной деятельности. Но изучив поведение Майкла, Мамфорд осознал, что оживление и невероятное стремление состязаться попросту были характерными чертами обычного поведения игрока. Мамфорд когда-то и сам играл в баскетбол в Университете Массачусетса и жил в общежитии вместе с Джулиусом Ирвингом, так что опыта общения с талантами высшей пробы ему было не занимать. Но Джордан явно выделялся на общем фоне, заключил вскоре Мамфорд. В зону высокого уровня выступлений, к которой другие атлеты подбирались с большим трудом, у Джордана был пропуск на постоянной основе. «Майклу приходилось искать мотивацию, чтобы вывести себя в это состояние, – объяснял Мамфорд. – Чем чаще ты ловишь моменты в этой зоне, тем сильнее тебе хочется увеличить их число. Большинству людей это не под силу. Его способность найти это состояние, его способность сконцентрироваться, закрыться в себе были почти что сверхчеловеческими. Он был из какого-то другого мира».

А в матчах? «Он находился в самом эпицентре урагана, – говорил Мамфорд. – Чем больше безумия и хаоса было вокруг, тем спокойнее он становился».

Большую часть начального этапа своей карьеры Джордан посвящал поискам способа укротить эти свои таланты и научиться использовать их на благо команды, потому что кроме прочего он отчаянно нуждался в победах. И если поначалу публика обратила на него внимание из-за его «полета», то потом удержать ее взгляды на себе ему позволило уже другое – ошеломительная жажда соревноваться и побеждать. Вскоре очарование публики сменилось безудержным драйвом, приведшим к тому, что он стал проверять на прочность все и всех вокруг на протяжении всей карьеры. Он проверял своих друзей и женщин на преданность, проверял своих тренеров и партнеров, чтобы убедиться, что их сердца и головы достаточно сильны, чтобы позволить им быть рядом с ним. Чем больше энергии он аккумулировал, тем чаще случались испытания на прочность. Он

приобрел репутацию весьма жесткого человека за эту свою склонность проверять всех и вся. Джеймс Уорти, его друг и партнер из Северной Каролины, называл Джордана задирой и хулиганом.

> Джордан признавал его правоту: «Я мог быть суровым», – откровенничал он в 1998 г.

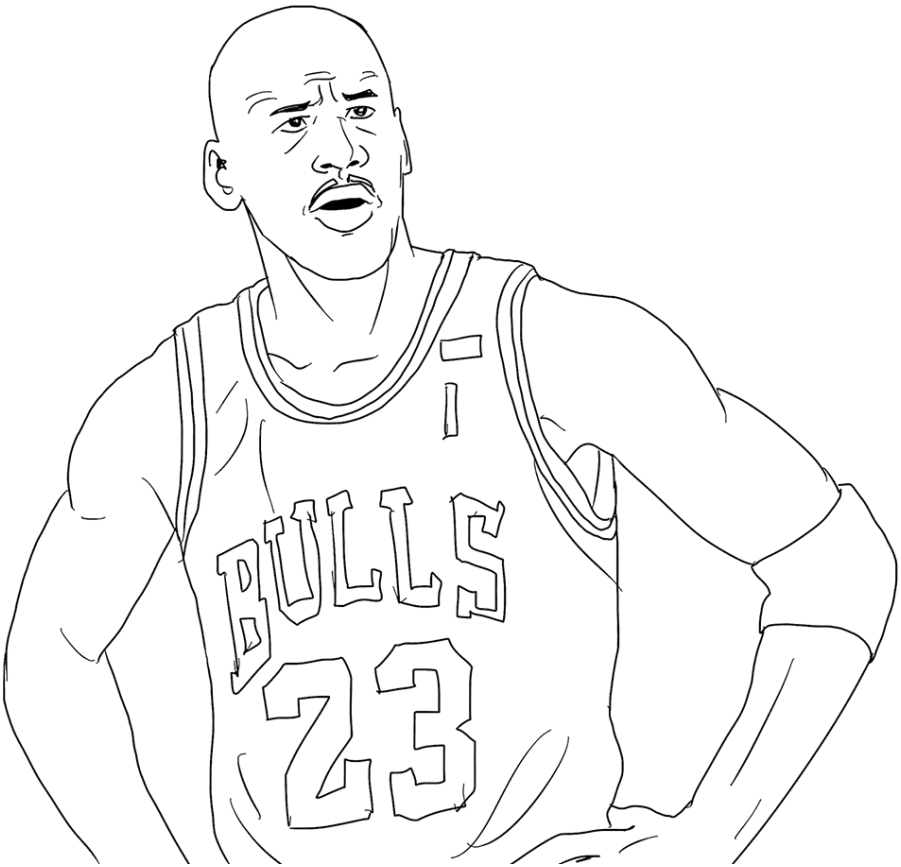
Но по большей части на прочность он проверял самого себя. Казалось, что ему довольно скоро открылся секрет жизни в постоянной конкуренции: чем большее бремя он на себя взвалит, тем крепче будут его силы, необходимые в такой ситуации. Это лишь усложняло его и без того невероятно сложный для понимания образ.

Текс Уинтер, много лет работавший в «Чикаго Буллз» ассистентом тренера и дольше всех из тренеров сотрудничавший с Джорданом, сказал, что за шесть десятилетий в баскетболе ему никогда не доводилось встречать на своем пути более многогранную личность. «Его личность достойна отдельного исследования. Он – настоящий феномен, – говорил Уинтер о Джордане, когда их совместная работа подходила к концу. – Думаю, что мне не хватит интеллекта, чтобы объять многие нюансы, которые определяют характер Майкла, делают его таким, какой он есть. Думаю, что я довольно неплохо проанализировал его личность, но он остается человеком-загадкой в очень многих аспектах, и мне кажется, что так будет всегда, даже для него самого».

Осознание этого камнем свалилось на многих фанатов в 2009-м, когда Джордан, произнося свою речь на церемонии включения его в Зал славы баскетбола, резко раскритиковал очень многих значимых людей в своей карьере, в том числе и тренера команды Университета Северной Каролины Дина Смита. Бывшие коллеги, спортивные комментаторы, болельщики – все выразили удивление и недовольство заявлениями Джордана. Он оказался не тем, кем они его считали все эти годы, на протяжении которых его имидж был таким безукоризненным.

Они думали, что знают его. Они ошибались.

Часть I
Кейп-фир



Глава 1
Холли Шелтер

«Бог баскетбола», как его будут называть болельщики во всем мире, появился на свет с окровавленным носом, в Бруклине, довольно зябким февральским воскресеньем 1963-го, когда из-за холода от всех люков канализации, разбросанных вокруг госпиталя Камберленд, столбом валил пар. Баскетбольный гуру Ховард Гарфинкел впоследствии с большим удовольствием отметит, что госпиталь стал также местом рождения братьев Альберта и Бернарда Кингов, и этот факт делает его своего рода легендарным местом в городе, всегда высоко чтившем своих знаменитых спортсменов.

Несмотря на эту бруклинскую ауру своего начала, будущая невероятная и чрезвычайно насыщенная жизнь Джордана начала обретать свои первые очертания в совершенно другом месте и гораздо раньше: почти на самом рубеже XIX–XX вв., в месте рождения его прадедушки, на Прибрежной равнине штата Северная Каролина.

В те дни казалось, что смерть повсюду. Ее запах поднимался вверх по течению каждое утро и смешивался с солоноватым воздухом. Чайки кричали подобно Банши, оповещая округу о том, что никто из живущих в этих маленьких трущобах даже не посмеет назвать простое выживание чем-то само собой разумеющимся. Вот здесь по-настоящему начинается история жизни Майкла Джордана, в крошечном домике на берегу черноводной реки, прокладывающей себе извилистый путь меж сосновых лесов и болот, где потихоньку гонят самогон, а в воздухе витает какой-то мистический, таинственный дух, его здесь так же много, как и комьев серого мха, свисающих с деревьев.

Год был 1891-й, прошло всего 26 лет после окончания кровопролитной американской Гражданской войны, принесшей в эти земли столько насилия и хаоса. Местечком была деревушка на берегу реки под названием Холли Шелтер, в округе Пендер, что примерно в 30 милях[3] к северо-западу от Уилмингтона, и в 40, если сплавляться по петляющему северо-восточному притоку реки Кейп-Фир, как это часто делали предки Джордана. Предположительно свое название место приобрело после окончания Войны за независимость: холодными зимними ночами солдаты здесь искали укрытие (shelter) от непогоды под падубами (holly tree). Саванна граничит с болотистой местностью, которая в

годы рабовладения становилась убежищем для людей другого рода – беглых рабов. Предположительно владельцем одной из крупнейших плантаций региона был белый проповедник из Джорджии по фамилии Джордан. После освобождения многие рабы стали стекаться в Холли Шелтер. «Они обжили болота, – объясняет Уолтер Баннерман, дальний родственник Джордана. – Холли Шелтер была болотом и ничем иным».

Вскоре, впрочем, наступят такие мрачные времена, что значение второго слова в названии селения утратит всякий смысл: убежища тут было уже не найти.

И это стало первым примечательным штрихом в жизни маленького мальчика.

Он родился на свет в типичный для этих мест изнуряюще знойный день в конце июня 1891 г., после того как утихла очередная серия прибрежных штормов, столь часто угрожавших обитателям реки. Коронеры регистрировали поразительное количество случаев мертворожденных детей и детских смертей в этих лачугах, а потому многие семьи зачастую ждали долгие дни, даже недели, прежде чем дать имена своим новорожденным. Этот ребенок, однако, был настоящим живчиком, о чем свидетельствовал пронзительный вопль, которым он будил по ночам свою мать, – много лет спустя его голос, такой же громкий, но уже куда более низкий, бас-профундо, будет сигналом для его вертлявого и суетного шестилетнего правнука Майкла: пора сосредоточиться и начать вести себя смирно.

Внедрение законов Джима Кроу и политики превосходства белых развернулось в Северной Каролине такими свирепыми темпами, что отголоски этой эпохи ощущались еще долгие годы после того, как эти законы канули в Лету. В этом мире привычной окружающей жестокости прадедушка Майкла Джордана жил на грани нищеты, в атмосфере беспощадного расизма. Еще хуже его существование сделала смерть, забиравшая родных и друзей, почти всех подряд, начиная от младенцев и маленьких девочек и кончая крепкими молодыми мужчинами, она не щадила никого из жителей тех прибрежных поселений, хотя большинство умерших только стояли на пороге расцвета своей жизни.

Но все эти кошмары ждали маленького мальчика в будущем. В день его рождения, в июне 1891-го, его 21-летняя мать, Шарлотта Хэнд, пребывала в несколько затрудненном положении, так как не была замужем за отцом мальчика, Диком Джорданом. Само понятие брака было чем-то далеким и незнакомым в этом мире трущоб и бараков, так как законы Северной Каролины долгое время запрещали рабам жениться и выходить замуж, отнимая у них это право наряду с другими привилегиями. Законы

штата были крайне жестокими, к примеру, в прошлом они разрешали рабовладельцам наказывать любого непокорного молодого раба кастрацией.

Единственным, на что молодой Доусон Хэнд мог полагаться в те бурные и до крайности неопределенные 90-е гг. XIX столетия, была материнская любовь. Он так и останется единственным ребенком Шарлотты, и они пронесут свою взаимную любовь через многие десятилетия. После рождения Доусона Шарлотта нашла приют в доме родных и растила мальчика, живя сначала вместе с семьей одного своего брата, а потом другого. Большую часть 20 первых лет своей жизни мальчик прожил под именем Доусон Хэнд, оно значилось в его официальных документах. Однако какими бы гостеприимными ни были братья его матери, пройдет совсем немного времени, прежде чем он подрастет и заметит разительный контраст.

Хэнды были светлокожими настолько, что целый ряд членов семьи мог сойти за белого или индейца, в то время как Джорданы были людьми с кожей темно-шоколадного оттенка. Из всего поколения братьев и кузенов Хэнд лишь один был темнокожим, как расскажут годы спустя члены семьи. Белые Хэнды в округе Пендер были видной семьей рабовладельцев, и их черные отпрыски будут еще долго судачить о том, что белый мужчина из Хэндов наконец признал неудобную правду – что один из чернокожих Хэндов был его брат. Это, возможно, объясняет, почему в подростковые годы мальчик взял фамилию своего отца и в официальных записях стал зваться Доусоном Джорданом.

Доусон вырос в молодого мужчину, которого на первый взгляд мало что роднило с его статным правнуком. Доусон был невысоким – по некоторым данным, ростом всего 5 футов[4] – и коренастым. А еще он был калекой, вынужденным волочить за собой нездоровую ногу в течение своей долгой жизни. Но, как и его правнук, Доусон обладал невероятной физической силой. И был таким же бесстрашным, его отличала непривычная крепость, позволявшая ему в молодости творить такие подвиги, которые еще многие десятки лет будут предметом обсуждения и изучения в его родных краях. Но что более важно, из столкновений со своими врагами Доусон Джордан каким-то образом умудрялся выходить несломленным, непобежденным, и причины этого никак не могли понять последующие поколения семьи.

С точки зрения того, какой исключительной получилась жизнь Майкла Джордана, легко упустить из виду один важный аспект, повлиявший на формирование его характера больше всех прочих: на протяжении большей части периода своего взросления и формирования личности он жил вместе с представителями

четырех поколений семьи Джорданов, что уже можно считать большим достижением с учетом того, какие социальные факторы долгие годы угрожали жизни афроамериканских мужчин.

Прадед Дассон, как его часто называли, был авторитетной фигурой в жизни молодого Майкла Джордана. Вся семья в полном составе почти целое десятилетие прожила вместе в фермерском округе Тичи в Северной Каролине. Даже в годы активной автомобилизации и строительства четырехполосных шоссе Доусон Джордан продолжал упорно следовать своей давней привычке – передвигался на повозке, в которую с гордостью запрягал своего мула. Даже будучи глубоким стариком, он привязывал к копытам своего мула мягкие накладки и следил за тем, чтобы ось повозки всегда была хорошенько смазана: так можно было без лишнего шума срываться по ночам за самогоном. В дневное время его правнуки с удовольствием запрыгивали в этот маленький фургон, чтобы добраться до города, а Майкл вместе со старшими братьями иногда развлекался тем, что дразнил боровов, которых старик разводил вплоть до своей смерти в 1977 г., настигшей его спустя всего несколько дней после четырнадцатого дня рождения Майкла.

Тогда юные Джорданы едва ли осознавали, что мул и боровы – по сути, все их воспоминания, связанные с прадедом, – были трофеями, доставшимися ему от славно прожитой жизни. Как объяснял много позже сам Майкл, Доусон Джордан не был из тех людей, с которыми можно было бы поговорить о прошлом или значимости животных в жизни семьи. Но даже случайное упоминание о Доусоне могло вызвать слезы в глазах его знаменитого правнука.

«Он был суровым, – говорил Джордан о своем деде. – Он был таким. Да, именно таким».

Река

Вы начнете слегка улавливать вибрации мира Доусона Джордана, если встанете с утра пораньше и выйдете к северо-восточному притоку Кейп-Фир, что протекает мимо Холли Шелтер. Теперь это место по большей части отдано для сельскохозяйственных нужд и передано заповедникам, но солнечный свет здесь все тот же, каким был раньше: беспощадный и ослепительный большую часть года, он пляшет, отражаясь от воды, и растворяется лишь с наступлением утреннего тумана. Чтобы найти убежище от палящего зноя, вам придется двинуться в глубь территории, минуя заболоченные леса и ручьи, к

одиночеству тех мест, что скрывались в тени некогда величественно возвышавшихся здесь девственных болотных сосен.

Доусон Джордан провел здесь свою юность, работая посреди смоляных ям в лесах: он валил последние из оставшихся величественных деревьев, связывал бревна в огромные плоты и спускал их вниз по течению северо-восточного притока Кейп-Фир, направляя на судостроительные верфи Уилмингтона. Работенка явно не для трусов.

Доусон Джордан достиг зрелости почти сразу с началом XX столетия, а тем временем привычный уклад жизни на реке стремительно менялся: последние из оставшихся болотных сосен вырубались, а на смену плотогонам приходила индустрия грузоперевозок. Древняя река и надежно укрывающие ее леса и чащи были определяющими факторами в молодые годы его жизни. Он знал, как охотиться на дичь, освежевать убитую тушу и правильно ее приготовить. Много лет спустя, когда он уже был стариком, владельцы местных охотничьих домиков давали ему работу на кухне, чтобы он готовил вкуснейшие блюда из свежей дичи для постояльцев.

Свою трудовую жизнь Доусон начал в девять лет, сумев убедить людей, проводивших перепись, в том, что ему 11 и он достаточно взрослый, чтобы работать на полях. Он уже умел читать и писать, поскольку посещал местную «общеобразовательную школу для цветных», представлявшую собой одно-единственное классное помещение и частенько закрывавшуюся во время четырех месяцев ежегодного академического курса для того, чтобы ученики могли поработать на полях или близлежащих лесопилках. «Родители рассказывали мне, как трудно было делать кровельную дранку на той лесопилке», – вспоминал Морис Юджин Джордан, дальний родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством. Ученики школы сами доставали хворост и поддерживали огонь в печурке маленького школьного класса, но тогда это было привычном делом даже для белых детей, учившихся в лучше оборудованных школах.

В те первые десятилетия XX в. никакого электричества там не было, проточная вода, как и водопровод, ценились высоко, а асфальтированные дороги можно было пересчитать по пальцам одной руки. И, что неудивительно, не было никакого среднего класса, а посему все мужчины, белые или черные, целые дни проводили в отчаянных поисках пропитания для себя и своей семьи, трудясь испольщиками и наемными чернорабочими на землях узкого круга землевладельцев.

Глубинное исследование 1000 семейств, живших фермерством в Северной Каролине, которое провела в 1922 г. коллегия штата по сельскому хозяйству, показало, что испольщики зарабатывали меньше 30 центов в день, а порой и всего десять, несмотря на многочасовой труд. В докладе также сообщалось, что у большинства испольщиков не было возможности вырастить какие-либо продукты питания для себя и зачастую им приходилось одалживать деньги, просто чтобы поесть и заплатить по счетам. Порядка 45 тыс. безземельных семейств фермеров жили в кое-как сколоченных одно- и двухкомнатных хибарах без удобств; скрывать многочисленные дыры и трещины в стенах и потолках своих домиков им приходилось газетными листами, ничего больше они позволить себе не могли.

> Лишь у одной трети испольщиков была уборная во дворах.

Антисанитарные условия были причиной частых заболеваний и высокой смертности среди детей безземельных семейств фермеров, к тому же, сообщалось в докладе, смертность среди чернокожих более чем вдвое превышала аналогичный показатель среди белого населения.

Шарлотта Хэнд и ее сын Доусон каким-то образом сумели выжить в столь незавидных обстоятельствах, отчасти благодаря помощи семьи Хэнд, работавшей на реке и, по всей видимости, обучившей Доусона управлять плотами из сплавляемых бревен; семейные свидетельства и воспоминания местных жителей говорят о том, что он стал опытным и умелым плотогоном в очень молодом возрасте. Было отнюдь не легко связывать огромные тяжелые бревна, а потом сплавлять их по коварной реке, кишевшей змеями, отличавшейся штормовыми волнами и переменчивым течением. Требовалась невероятная физическая сила, чтобы провести цепочку из трех бревенчатых плотов по реке, минуя многочисленные изгибы и повороты. Но каким бы рискованным ни было это занятие, Доусон, без сомнения, любил реку, которая в ту эпоху была главной коммерческой жилой региона.

Молодой Доусон работал вместе со своим кузеном Гэллоуэйем Джорданом, тоже калекой. Морис Юджин Джордан, родственник, живший в округе Пендер и занимавшийся там фермерством, вспоминал рассказы своего отца, Делмара Джордана, который пересказывал ему байки о похождениях Доусона. «Говорят, он очень здорово умел сплавлять бревна, – вспоминал Морис Юджин Джордан. – У Гэллоуэйя была больная

нога, как и у Доусона. Они были очень близки».

Северо-восточный приток Кейп-Фир был приливной рекой, и это лишь усложняло задачу плотогонам. Морис объяснял: «Им приходилось внимательно следить за приливами и отливами, которые приходили и уходили, приходили и уходили, меняясь в соответствии с лунными фазами. Если приливные волны были достаточно высокими, они могли продвигаться. Но когда прилив ослабевал, им приходилось привязывать плоты к деревьям и ждать возвращения волн». Ожидание могло занимать долгие часы. «У них были котелки и еда, и, когда прилив прекращался, они привязывали плоты, выбирались на холм и готовили себе что-нибудь поесть».

Работа была тяжелой, опасной, еще с колониальных времен ею занимались разные люди: освобожденные рабы, плотогоны и просто крепкие суровые мужчины, готовые принять этот вызов. Те, кто занимались работой на реках, находились на самой нижней ступени социальной лестницы, им очень скудно платили, зачастую им приходилось довольствоваться несколькими центами в день – столько же получали самые нищие испольщики. И тем не менее Доусон Джордан все же любил работу на реке, ценил независимость, которую она ему давала. В переписях указано, что он был «самозанятым», а не трудился по найму на кого-то. Вдобавок работа регулярно давала ему возможность спускаться вниз по реке к экзотическому порту Уилмингтон, бухты которого всегда были заполнены кораблями и моряками со всего света; разумеется, там было много баров и борделей.

Можно представить в своем воображении Доусона Джордана сто лет назад сидящим на плоту в тихом, спокойном местечке реки в холодную ясную ночь и глядящим на невероятной красоты звезды. Вполне вероятно, что такие ночи на реке под небосводом были единственными мгновениями, когда Доусон мог по-настоящему убежать от своего мира, огромного и часто такого подавляющего. Наверное, это были лучшие моменты жизни прадеда Майкла Джордана.

Десятилетия спустя его правнук отметит, что моменты игры на баскетбольной площадке были его единственным убежищем, теми эпизодами жизни, когда он обретал подлинное умиротворение, они служили своеобразным выходом из мира, который был куда более беспощадным и таил в себе куда больше разочарований, чем мог представить себе любой из миллионов его поклонников и почитателей. Этих двух Джорданов, разделенных десятилетиями века, объединяло очень многое, хотя их положение в этом мире различалось кардинальным образом. Доусон Джордан наверняка по достоинству оценил бы сладкий

вкус роскошной жизни своего правнука и променял бы его на многие из своих тяжелых, жестоких дней.

Клементина

В отличие от Майкла, который мог выбирать себе спутницу из множества самых привлекательных и изысканных женщин планеты, низкорослый калека Доусон жил в маленьком, изолированном сообществе вместе с матерью, долгими днями занимаясь опасной работой в лесах и на реке. Он впервые увидел, какой может быть романтика, когда его мать обрела наконец любовь, повстречав в Холли одного испольщика. Айзек Килон был на 20 лет старше ее, и, когда они поженились в мае 1913 г., ему было уже далеко за 60. Их счастье, должно быть, натолкнуло Доусона на мысль о собственных перспективах в этой жизни.

Со временем, несмотря на малый шанс на успех, Доусон сумел добиться благоволения к себе со стороны Клементины Бернс. Песня Oh My Darling, Clementine («Ах, моя дорогая Клементина»), впервые обретшая безумную популярность в 1884 г., наверняка повлияла на выбор ее родителями имени для девочки. Она была на год старше Доусона и жила с родителями и семью младшими братьями и сестрами прямо там, в Холли Шелтер. В некотором смысле ее собственные перспективы были такими же туманными, как и его. Ухаживания начались, как и все романтические отношения в те времена, с застенчивых бесед, которые со временем становились длиннее и смелее. Вскоре Доусон влюбился в девушку, что никогда не было пустяковым делом для глубоко эмоциональных по натуре Джорданов.

В конце января 1914 г. они обменялись клятвами верности и начали жить вместе. Спустя примерно восемь месяцев Клеммер, как ее называли, сообщила Доусону о своей беременности, а в апреле 1915 г. она родила в их крошечной хижине сильного и здорового мальчика. Они назвали его Уильямом Эдвардом Джорданом. Есть масса указаний на то, что это событие принесло новоиспеченному отцу невероятную радость.

Если бы только эта радость продлилась немного дольше.

Первые признаки надвигающейся беды появились почти сразу после родов: у молодой мамы началась потливость по ночам, она стала испытывать дискомфорт при мочеиспускании. Потом Клеммер начала харкать кровью. Самым явным симптомом болезни были бугорки, маленькие круглые уплотнения или узелки, проступавшие на костях и мышечных тканях.

«Туберкулез был болезнью черных, – вспоминал Морис

Юджин Джордан. – В те времена медицина мало что могла с ней поделать».

Передающаяся воздушно-капельным путем болезнь была крайне заразной, и несмотря на то что Северная Каролина стала одним из первых южных штатов, открывших санаторий для чернокожих в 1899 г., в этом учреждении, существовавшем на частные деньги, насчитывалось лишь десяток коек, а стоимость лечения была заоблачной. Единственной альтернативой для семей была установка белого защитного тента или возведение временного барака во дворах позади домов, в которых заболевшие могли провести свои последние дни, не распространяя инфекцию туберкулеза на других. Медленная смерть близкого человека могла тянуться месяцами или даже годами. Клеммер Джордан обследовалась у доктора на ранних стадиях заболевания, но все равно умерла апрельским утром 1916 г., спустя год после рождения сына.

В те годы молодые вдовцы часто бросали своих детей, это было в порядке вещей. Доусон мог пойти легким путем и оставить мальчика в семье Клеммер, чтобы они растили его сами. У Доусона Джордана точно были варианты в той ситуации. Поскольку Уилмингтон был портовым городом, там всегда было полно возможностей наняться коком на одно из многочисленных судов, что регулярно заходили в порт и покидали его. Но из публичных записей, оставшихся о его жизни, открывается простая правда: он очень сильно любил свою мать и так же сильно своего подрастающего сына. Об этом говорят его поступки. И его твердая решимость построить семью стала первой крепкой нитью, из которой будет потом соткана история Майкла Джордана.

Несколько месяцев спустя жизнь нанесла Доусону еще один тяжелый удар. Он узнал, что его мать, которой еще не было и 50, умирает от заболевания почек. На Прибрежной равнине смерть была частым гостем, но в 1917-м и 1918 гг. показатели смертности в округе Пендер сначала удвоились, потом утроились, а потом и учетверились, и всему виной пресловутая эпидемия испанского гриппа. Доусон своими глазами видел, как члены семьи Хэнд, а вместе с ними его коллеги и их близкие один за другим умирают в рекордные сроки. За 90 дней сентября – ноября 1917 г. эпидемия выкосила более 13 тыс. жителей Северной Каролины.

Ухудшавшееся состояние матери Доусона вынудило ее покинуть дом Айзека Килона и возвратиться к сыну. Мать Доусона приближалась к своей кончине и больше не могла помогать ему заботиться о маленьком сыне, а потому Доусон решил взять в дом иждивенку, молодую женщину Этель Лэйн, у

которой была маленькая дочь и которая могла позаботиться как о детях, так и об умирающей Шарлотте. Вскоре после этого внезапно умирает Айзек Килон. Его похоронили, а спустя три месяца почечная болезнь окончательно добила и мать Доусона.

Доусон похоронил Шарлотту Хэнд Килон ниже по течению реки, у моста Баннерман в Холли. Мальчик, всегда мечтавший о семье, теперь остался почти совсем один, если не считать деятельного малыша, путавшегося у него под ногами. Остаток своей жизни отец и сын проведут вместе, будут жить и работать то в одной хижине, то в другой, не покидая маленьких прибрежных селений, и будут напрягать все свои силы, чтобы устоять перед лицом страшной нищеты.

Сохранившиеся свидетельства со временем покажут, что ни один из двух мужчин не нажил в этой жизни почти ничего, однако жизнь сложилась таким образом, что им все же удалось многое оставить в наследство следующему поколению семьи. Удалось, несмотря на то что в дымке Кейп-Фир таилось и другое наследие, коварное, порой даже сюрреалистичное.

Глава 2
Кровавый Уилмингтон

Майкл Джордан и сам довольно часто возвращался в прошлое, к деревенским проселочным дорогам и простым воспоминаниям, оставшимся от побережья Кейп-Фир. Если свернете на восток по трассе I-40 на выезде из Чапел-Хилл, Пидмонт откроет вам дорогу к Прибрежной равнине с ее сочными открытыми полями, обрамленными однообразным сочетанием карликовых сосен и обветшалых сушильных сараев для табака. Вскоре на дороге появляются знаки, указывающие на повороты в сторону Тичи, потом в Уоллес, а позже в Бергау и Холли – фермерские городки, где много лет назад пустил первые корни род Джорданов.

В наши дни паутина шоссейных автодорог, связывающая штаты, скрыла под собой большую часть тревожного наследия Кейп-Фир, теперь тут на многие мили раскинулись ровные мостовые с вкраплениями придорожных заправок и сетевых ресторанов, очень слабо связанных с культурным прошлым Каролины, да изредка попадающимися площадками для барбекю. Ныне, кажется, нигде не отыскать упоминаний о политике Демократической партии США, продвигавшей идею превосходства белой расы, но в ранние годы жизни Доусона Джордана она ощущалась вполне явственно, и эти старые раны, восходящие к давним событиям, случившимся в старом Уилмингтоне, позже откроются в жизни Майкла Джордана, причем весьма странным и ироничным образом.

К 1890-м, за годы, минувшие с начала Реконструкции Юга, демократы Дикси[5] сумели возвратить белым политический контроль над большей частью Северной Каролины, но Уилмингтон и Прибрежная равнина оставались обособленным регионом, во многом потому, что там было зарегистрировано свыше 120 тыс. чернокожих мужчин, имевших право голоса на выборах. Край уверенно шел к тому, чтобы вскоре обрести статус побратима Атланты: здесь начало зарождаться высшее общество среди чернокожих, был чернокожий мэр, две газеты для черных и сплоченная полиция, а также целое множество компаний и предприятий, находившихся во владении чернокожих. Реакцией демократов на эти перемены стало подстрекательство к бунту: 11 ноября 1898 г. в Уилмингтоне случились погромы на расовой почве. Белое население города, возбужденное политической риторикой демократов, высыпало на улицы, чтобы сжечь офис

газеты для чернокожих, посмевшей встать в оппозицию к демократам.

Позже в тот же день началась стрельба, вооруженные белые люди, называвшие себя «красные рубашки», стали вести ее на улицах города. На следующий день местный морг сообщал о 14 убитых, 13 из которых были черными, но другие утверждали, что общее количество жертв составило 90 человек. Волна насилия распространялась, и пришедшие в ужас чернокожие стали вместе со своими семьями сбегать в близлежащие болота, где, по слухам, «красные рубашки» их выслеживали и добивали. Останки многих из этих людей так никогда и не были найдены.

Следующая стадия тщательно спланированного восстания началась на следующий день, когда белые собрали видных чернокожих деятелей города – священников, бизнес-лидеров и политиков – и препроводили их на местный вокзал, где посадили в поезд, отправив из города восвояси.

Убедительная победа сторонников идеи белого превосходства обеспечила доктрине партии успешную реализацию в последующие десятилетия. Чарльз Эйкок, выбранный губернатором в 1900 г., определил повестку для законодательных органов, которая следовала основному кровавому посылу, спровоцированному бунтом. «На Юге не будет никакого прогресса ни для одной из рас до тех пор, пока негры не будут окончательно удалены от участия в политическом процессе», – объявил Эйкок. В основе плана была идея ограничить регистрацию голосующих на выборах за счет введения теста на грамотность, в результате чего число чернокожих мужчин Северной Каролины, имевших право голоса на выборах, стремительно сократилось со 120 тыс. до бунта до 6000 после.

Подобную несправедливость и разгул насилия негласно поддерживали местные государственные и правоохранительные органы, а другие силы штата активно запугивали население. К 1940–1950 гг. в округе Дуплин, где жила семья Джорданов, было зарегистрировано всего два чернокожих мужчины с правом голоса – согласно сведениям Рафаэля Карлтона, одного из двух этих зарегистрированных.

Сын испольщика Рафаэль Карлтон в молодости был современником живших в Дуплине Джорданов, и хотя он работал, как и все, по настоянию отца находил время для учебы в школе. Впоследствии Карлтон поступил в близлежащий Университет Шо, в 1940-е закончил его, получив диплом преподавателя, и возвратился домой, став частью целого поколения чернокожих учителей, искренне преданных своему делу. Он вспоминал, как приходил на собрания студентов факультета для чернокожих во

времена расцвета сегрегации, как белый суперинтендант местной школьной системы поднялся и сказал своим чернокожим учителям: «Вам, ниггерам, надо бы поучиться дисциплине». «Люди теперь не понимают, как нас тогда запугивали, у них не укладывается в головах, что такое вообще возможно, – говорил Карлтон. – Но запугивание было тотальным. Ты и думать не смел о том, чтобы перечить им».

Меняя восприятие

В 1937 г. Колледж Северной Каролины для негров из Дарема (ставший впоследствии Центральным университетом Северной Каролины) нанял Джона Маклендона обучать студентов баскетболу. Придя в колледж, он поразился тому, какими забитыми были молодые игроки, их стесненному сознанию. «Самым большим вызовом для меня как тренера, – вспоминал Маклендон, – было убедить моих игроков в том, что они – вовсе не неполноценные атлеты. Тогда этого не знало даже чернокожее население, они попросту не верили, что такое возможно. Они поддались влиянию однобокой пропаганды».

Само присутствие тренера в Северной Каролине подчеркнуло важность еще одного значимого для жизни Майкла Джордана события, тоже случившегося в 1891 г. Спустя всего пять месяцев после рождения прадеда Джордана Джеймс Нейсмит прибил корзину для персиков к щиту в гимнастическом зале Спрингфилда, штат Массачусетс, и тем самым положил начало эпохе баскетбола. Много десятилетий позже Нейсмит переберется в Университет Канзаса и станет работать на педагогическом факультете. Какое-то время он будет тренировать тамошнюю университетскую команду, после чего передаст ее в руки Фогу Аллену, который войдет в историю как «отец» баскетбольного тренерства.

Джон Маклендон приехал в Канзас на заре 1930-х, став одним из первых чернокожих студентов университета, но Аллен запретил ему выступать за баскетбольную команду и плавать в университетском бассейне. Ситуация, в которой оказался студент, была бы еще хуже, если бы сам Нейсмит не разыскал его и не устроил тренером команды местной старшей школы, пока Маклендон учился в университете, стремясь получить степень бакалавра. После того как Маклендон получил в 1936-м диплом, Нейсмит помог ему в назначении стипендии в Университете Айовы, где тот учился на магистра. Завершив учебу в течение года, Маклендон устроился тренером в маленьком колледже

Северной Каролины, где учредил первую программу физической подготовки, на которой потом выросло целое поколение чернокожих тренеров и преподавателей Северной Каролины. Эта программа «воспитала» Клифтона (Поп) Херринга, тренера Джордана в старшей школе.

Первые чернокожие команды американских колледжей вынуждены были тренироваться в опасной атмосфере расовой сегрегации и не могли рассчитывать на внушительные бюджеты. Они добились успеха, несмотря на культуру страны, сделавшую путешествия для них практически невозможными. Они не могли пользоваться общественными туалетами, фонтанчиками с питьевой водой, не могли посещать рестораны и останавливаться в отелях. «Простая поездка из одной школы в другую требовала планирования, словно ехать предстояло по минному полю», – говорил Маклендон.

В течение следующих нескольких лет Маклендону удалось собрать такую впечатляющую команду, что вдохновились даже официальные лица Университета Дьюка. Они пригласили молодого тренера посидеть на скамейке команды «Дьюк Блю Девилз» на следующей игре. С единственной оговоркой: Маклендон должен был облачиться в белый пиджак, чтобы зрители решили, что он – стюард.

Маклендон вежливо отказался.

Тренер поклялся, что никогда не будет ставить себя или своих игроков в такие обстоятельства, в которых их можно будет унизить или выставить на посмешище. «Ты вряд ли захочешь оказаться в ситуации, в которой твое достоинство растопчут на глазах твоей собственной команды», – объяснял он. Поддержание уважения к игрокам было жизненно важно для того, чтобы убедить их в том, что они ничуть не хуже белых.

Прорыв случился в ходе Второй мировой войны, когда армия направила в медицинскую школу при Университете Дьюка полевых медиков для обучения, и несколько человек из них были баскетболистами высшего класса. Команде медшколы, состоявшей сплошь из белых игроков, целыми днями воспевали оды даремские газеты. В то же время успехи непобедимой команды Маклендона не получали никакой огласки вообще. Расстроенный таким неравенством Алекс Ривера, менеджер команды Маклендона, решил устроить матч между двумя командами. Поскольку общество проявляло бдительность и наверняка воспрепятствовало бы такому «смешению» рас, тренер команды Университета Дьюка согласился провести «секретный матч», на который не пустили бы ни болельщиков, ни

представителей прессы, воскресным утром. К перерыву команда Маклендона, прессинговавшая по всей площадке, вдвое превзошла по очкам опытных и сыгранных соперников. После этого белые игроки подошли к скамейке Маклендона и предложили заново поделить всех игроков, смешав черных и белых, чтобы во второй половине матча силы уравнялись.

Эта победа над расизмом стала огромным успехом для Маклендона, она помогла ему открыть глаза своим игрокам. Влияние Маклендона в Северной Каролине ощущалось еще долгое время после его отъезда, сначала в успешном распространении баскетбола по городам и весям штата, в которых преобладало чернокожее население, а потом, уже более существенно, на уровне колледжей. Маклендон был тренером-новатором, и компания – производитель обуви Converse пригласила его преподавать на своих тренерских курсах. Именно на одной из презентаций Маклендона в рамках курса молодой ассистент тренера из академии Военно-воздушных сил Дин Смит составил первый набросок знаменитой четырехугольной схемы нападения, что сам Смит и подтвердил в своем интервью 1991 г.

Маклендон и его друг Кларенс Гейнс (Биг Хаус) из Университета Уинстон-Сейлема вскоре стали считаться акулами тренерского дела, но в то время ни один из них и не предполагал, что этот вид спорта поможет разрушить расовые барьеры между людьми в штате. Никогда эти тренеры не могли себе представить, что на их веку черные и белые жители Северной Каролины будут с такой радостью принимать чернокожего игрока в команде, с какой они принимали Майкла Джордана.

Как не мечтали они и о том, что однажды их самих включат в Зал славы баскетбола имени Джеймса Нейсмита.

Кукуруза

За свою долгую жизнь Доусон Джордан никогда не мог рассчитывать на везение, которое сопутствовало в жизни его правнуку. К тому времени, как Доусону исполнилось 28 лет, он не только пережил несколько страшных личных утрат, но и был вынужден менять профессию, так как лес по рекам больше не сплавляли – зарождалась индустрия грузоперевозок. Продолжая работать на местных лесопилках, Доусон Джордан стал еще и испольщиком, как и большинство людей, населявших южные штаты. В те годы такая работа была тотемом низших классов общества.

Важнейшим элементом выживания на арендованной земле

был собственный мул. По сути, животное, как объяснял кузен Уильям Генри Джордан, давало человеку высокий статус. «Когда я был ребенком, мул стоил дороже машины, потому что с мулом можно было заработать на хлеб».

Как последующие поколения фермеров будут закупать для своих хозяйств механизированное оборудование, так испольщики и арендаторы земли покупали или брали в аренду мулов, приобретая их у местных торговцев. Морис Юджин Джордан вспоминал: «Можно было взять мула [у торговца мулами], но если год случался неудачным, он приходил к тебе и забирал мула. Торговец семенами и удобрениями, у которого ты одалживал товар, мог сделать то же самое. Стоило только попасть на нехороший год, и все, ты в провале, из которого выбираться придется следующие год-два».

«Выбора у тебя не было, – объяснял Уильям Генри Джордан. – Никаких других альтернатив не было».

У таких мужчин, как Доусон Джордан и его сын, не было выхода из тех обстоятельств, но каким-то образом им удавалось прокормиться. Иногда они работали ранним утром на близлежащей ферме, где доили коров, а потом выводили их пастись. В самые плохие времена фермер мог обеднеть настолько, что ему приходилось отказываться от арендованного участка земли – он сдавал его по частям в аренду другим и сам всем руководил – и возвращаться к занятию испольщиной. «Там тебе нужно было работать на земле, – объяснял Уильям Генри Джордан, – а люди, владевшие фермой, предоставляли тебе мула, семена и удобрения. В конце сезона ты получал третью часть от того, что осталось. Много раз бывало такое, что не оставалось ничего».

Вот почему многие фермеры искали другие источники дохода – и именно поэтому самогоноварение стало столь важным занятием для многих из них. Фермеры Прибрежной равнины, черные и белые, гнали свой спиртной напиток из кукурузы начиная еще с колониальных времен. У большинства из них попросту не было денег на то, чтобы купить себе алкоголь, поэтому они делали его сами. «Издавна повелось так, что все, что у нас было, это кукурузный самогон, – объяснял Морис Юджин Джордан. – Его было много. Повсюду были перегонные кубы: на реке, в лесах, на болотах, в любых местах, где была хорошая вода».

Маловероятно, что Доусон Джордан когда-то намеренно планировал стать самогонщиком, но довольно скоро он приобрел репутацию важной фигуры в нелегальной торговле округа Пендер. Возможно, что впервые в этот бизнес он попал, еще когда

сплавлял бревна по реке. «Те плоты могли быть полны виски, – сказал Морис Джордан, хитро засмеявшись. – Никто не скажет вам, что они перевозили».

Кукурузный самогон немного снимал напряжение тяжелой жизни. Он точно расслаблял атмосферу длинных ночей, делая консервативных фермеров чуть более открытыми к игровым развлечениям. Тяжко трудившиеся мужчины округа Пендер бросали кости, ставя на кон несколько пенни, суммы совершенно несравнимые с теми огромными цифрами пари, которые десятилетия спустя будет заключать Майкл.

«Ни у кого не было денег, чтобы что-то ставить, – говорил Морис Юджин Джордан. – Смысл был не в ставках, а в том, чтобы немного покидать кости». В этом весь характер Джорданов. Упорно трудись и находи себе развлечение по душе. В этом отношении Доусон тоже был первым в череде мужчин семьи Джорданов. Он знал, как развеселиться, сидя за одним столом с дьяволом. Он любил иногда выпить, покурить, а порой и развлечься с какой-нибудь женщиной в очередную длинную темную ночь в Каролине.

Новое поколение

Достигнув совершеннолетия в 1930-е, сын Доусона, Уильям Эдвард, стал известен как Медвард. Он устроился на работу водителем грузовика в компанию, занимавшуюся благоустройством. Скромная зарплата, которую он теперь получал, означала, что они с отцом больше не зависят исключительно от превратностей нелегкой судьбы испольщика, хотя Медвард и продолжал помогать отцу на ферме. Езда по округе на маленьком самосвале, на котором он развозил материалы для благоустройства и облагораживания территорий, также позволила Медварду обрести новый статус и возможность знакомиться с новыми людьми – такая перемена была довольно радикальной в сравнении с изолированной жизнью на ферме. Согласно свидетельствам членов семьи, он быстро обрел славу дамского угодника в округе.

В поздние подростковые годы он познакомился с довольно молодой женщиной Розабелл Хэнд, которая приходилась ему дальней родственницей со стороны семьи его матери. В 1935 г. она стала его женой, а два года спустя у них родился сын – отец Майкла. Они дали ему имя Джеймс Рэймонд Джордан.

Пара проживет многие десятилетия с Доусоном Джорданом под одной крышей, однако никогда, как кажется, не будет

протестовать против его авторитетного присутствия в их тесном домике, том же, где вырастут Майкл Джордан и его братья и сестры. Розабелл была настолько же мягкой и милой в обращении, насколько ее свекор был громкогласным и неугомонным. Приближаясь к своему 50-летию, Доусон все чаще и чаще начал гулять с палочкой, но его слово продолжало оставаться самым веским в доме Джорданов.

Как и у большинства семейств фермеров, финансовые трудности были постоянным спутником в жизни Джорданов, но, по воспоминаниям членов семьи, они никогда не позволяли им слишком глубоко отражаться на своей жизни. Быть может, причина была в том, что Доусон с ранних лет понял, что в жизни есть масса вещей куда хуже, чем нехватка наличных для оплаты счетов. Когда финансовые неурядицы совсем подкосили семью, он наконец решился на то, что делали другие бедные испольщики и арендаторы земли. Он загрузил повозку, запряг в нее мула и поехал дальше.

Для начала новой жизни ему не пришлось далеко уезжать. Доусон, его сын, его беременная невестка и их маленький сын обосновались в фермерском поселении Тичи, едва ли дальше 25 миль от Холли Шелтер. Спустя недолгое время после переезда Розабелл родила мужу второго сына, Джина.

Всего же Розабелл Хэнд родила от Медварда четверых детей, а они, в свою очередь, привели в этот мир дюжину внуков, регулярно пополнявших численный состав обитателей скромного домохозяйства. Со временем Джорданам благодаря скопленной от доходов Медварда сумме удалось приобрести дешевый крошечный домик на Калико Бэй-роуд, на окраине Тичи. Там были три маленькие спальни и уборная, но для Доусона Джордана и его семьи это был настоящий замок. Он также станет центром мира в жизни молодого Майкла Джордана.

Пройдет немного времени, и Джорданы приобретут еще один участок земли на Калико Бэй-роуд: семья процветала благодаря работе Медварда и заработкам Доусона на самогоноварении, и вскоре ее стараниями в этой части Тичи появится маленький «спальный городок». Важность этой недвижимости для семьи с эмоциональной точки зрения поможет оценить тот факт, что десятилетия спустя Джорданы, несмотря на все богатство Майкла, сохранят дом в собственности и будут сдавать его внаем.

Помимо приобретенного благополучия самым важным сдвигом в жизни Доусона и его сына стал приход в их жизнь глубоко духовной Розабелл Джордан. Она искренне любила всех своих детей и внуков, и те отвечали ей взаимностью – она любила даже детей, родившихся у ее мужа на стороне в результате его

романтических похождений. Мисс Белл, как ее часто называли, особенно гордилась своим старшим сыном. В Джеймсе Рэймонде Джордане было что-то особенное, отличавшее его от остальных. В нем была какая-то исключительная энергия, свет. Начнем с того, что он был весьма умен. К десяти годам он уже освоил вождение трактора и помогал отцу в поле, а потом показывал ему, как чинить сломавшуюся технику. К тому времени, как он стал молодым человеком, вся округа знала о его талантах механика и врожденной сноровке. Говорили, что Медвард в открытую недолюбливал Джеймса, но мальчик нашел себе другого идола в лице дедушки Доусона. Одной из отличительных черт Джеймса было умение невероятным образом концентрироваться, о чем всегда свидетельствовал высунутый язык во время выполнения какого-нибудь задания. По свидетельствам некоторых членов семьи, Джеймс перенял привычку высовывать язык у Доусона.

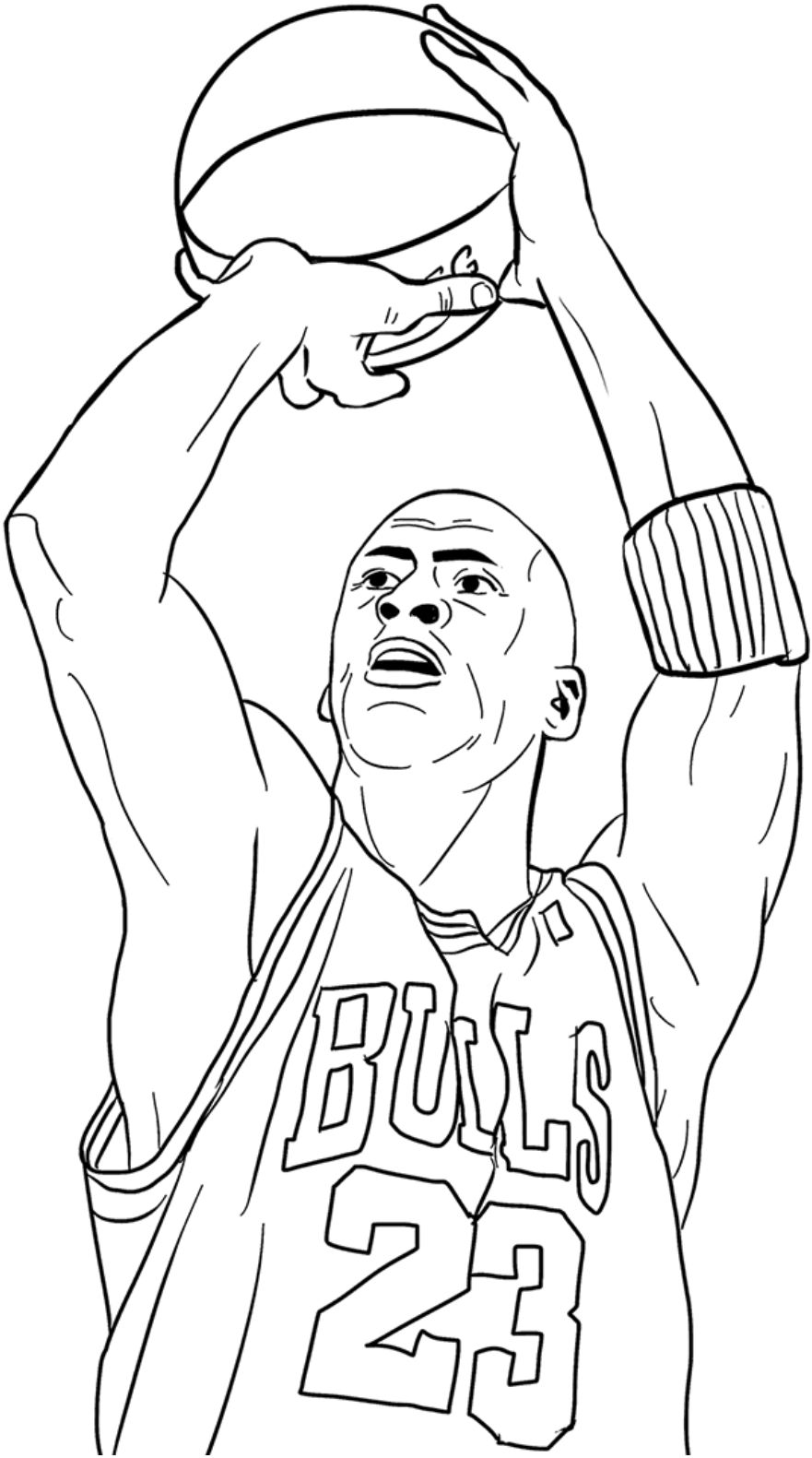
Пока Джеймс рос, превращаясь из ребенка в подростка, и работал вместе с отцом и дедом, он свободно перемещался по Холли, где родился на свет, и по Тичи, где вырос. «Он был довольно тихим, – вспоминал Морис Юджин Джордан, посещавший вместе с Джеймсом благотворительную старшую школу в Роуз-Хилл. – Если он не был с тобой знаком, он никогда не вел себя вызывающе». Однако если Джеймс тебя знал, он мог быть очень обаятельным, особенно с девушками, в точности как его отец Медвард. Как и многие подростки, он обожал моторы, бейсбол и автомобили, с одной оговоркой: он отлично разбирался во всем перечисленном. Это означало, что у него, как правило, всегда была работа на грузоперевозках, что давало подростку Джеймсу Джордану в 1950-е особый статус в местном обществе. Вдобавок он имел вкус к развлечениям и знал, где их отыскать, когда луна поднималась в небо и озаряла своим светом Прибрежную равнину. В то время как многие чернокожие жители региона намеренно избегали белых людей при любой возможности, Доусон и его внук Джеймс поступали ровно наоборот.

1950-е оставались тяжким временем для черных. Многие из них славно послужили своей стране во Вторую мировую войну, что позволило несколько смягчить негативный настрой по отношению к ним в обществе. И все же старые привычки еще крепко держались в населении Северной Каролины, что вскоре продемонстрирует надвигавшаяся борьба за гражданские права цветных. Дик Неэр, молодой белый морпех из Индианы, женился на местной девушке и обосновался в Уилмингтоне в 1954 г. Неэр любил бейсбол, как любили его и жители близлежащего городка Уоллес, и поэтому иногда он подвозил нескольких чернокожих

ребят, когда ездил поиграть в мяч. Наверняка Неэр пересекался с Джеймсом Джорданом в 1950-е, они могли играть друг против друга в Уоллесе. Однако Неэр недолго играл там. Однажды вечером он возвратился домой и обнаружил, что у него во дворе припаркован чей-то пикап. Оказалось, что он принадлежал членам Клана, которые приехали вынести ему предупреждение о том, что негоже разъезжать с черными и участвовать в бейсбольных матчах в смешанных расовых составах. Неэр проигнорировал их предупреждение, но члены Клана вскоре вновь пришли с визитом к нему в дом. Во второй раз они сказали ему, что больше предупреждать не будут. Неэр перестал ездить в Уоллес играть в бейсбол. Впрочем, Уилмингтон он не покинул и много лет спустя стал тренером молодого Майкла Джордана по бейсболу.

В такой атмосфере Доусон Джордан и его семья были слишком озабочены каждодневными жизненными проблемами, чтобы по-настоящему планировать будущее и верить в то, что оно будет светлым. Но даже при этом члены семьи и соседи видели, что Джеймс Джордан – представитель нового поколения, которому, быть может, удастся уйти от привычек старого мира и жить в новой, лучшей реальности. Тогда, на заре 1950-х, мало кто из них представлял себе, какой будет эта новая жизнь, и не думал о том, каким причудливым образом в ней будут сочетаться надежда на лучшее и боль разочарований. Можно легко заключить, что, если бы Джорданы знали, какие невероятные сюрпризы готовит им будущее, они наверняка со всех ног рванули бы ему навстречу. Хотя, как скажут потом некоторые члены семьи, были все шансы и на то, что они захотят от него убежать подальше.

Часть II
Ранние годы


BULLS
23

Глава 3
Влияние

Если прадед Доусон Джордан был тем, кто собрал хворост для будущего огня жизни Майкла, то мать Майкла Делорис Пиплс стала тем, кто разжег пламя. Она родилась в сентябре 1941 г. в относительно обеспеченной семье из местечка Роки-Пойнт, что в Северной Каролине. Ее отец, Эдвард Пиплс, был холодным, кто-то даже мог сказать, что начисто лишенным чувства юмора человеком, известным своими большими амбициями и трудолюбием. Живя среди многих разочарованных жизнью нищих чернокожих фермеров, будучи выходцем из поколения мужчин, всю жизнь не вылезавших из рабочих комбинезонов и находившихся в смертельной ловушке экономической системы, практически гарантировавшей им провал и неудачу, Эдвард Пиплс сумел добиться успеха в жизни, что в ту пору было редким явлением.

«Я знал ее отца, – вспоминал Морис Юджин Джордан. – Старичок Эдвард Пиплс не был испольщиком. У него была собственная ферма».

Поскольку доступа в политику у чернокожих в ту эпоху не было, Эдвард Пиплс вместе с рядом черных предпринимателей Северной Каролины сконцентрировался на экономическом развитии. «Черная Уолл-стрит» процветала в близлежащем Дареме под руководством Джона Меррика, основавшего несколько страховых компаний и банков. Эдварду Пиплсу с его скромными достижениями было не тягаться с таким успехом, но документы эпохи свидетельствуют, что он неутомимо шел к своей цели: заработать как можно больше денег. Помимо фермерского хозяйства отец Делорис работал на Casey Lumber Company, занимавшуюся пиломатериалами в Роки-Пойнт, а его супруга Инес служила в прислугах. И хотя богатыми Пиплсы не были, бедными их тоже никак нельзя было назвать. Им удавалось успешно преодолевать опасности и трудности, сведшие в могилу многих фермеров, черных и белых, в первые десятилетия XX в. В эту эпоху болезней и разгула смертности Пиплсы так же, как и Джорданы, хлебнули горя. Но все же им удалось стать землевладельцами, которые могли позволить себе свободно жить и работать на благо своих интересов. И хотя о Пиплсах мало что известно, а упоминания о них в истории жизни Джордана редки, нет никаких сомнений в том, что трудовая этика и решимость семьи передались матери Майкла, она пронесла их через свою

жизнь и передала своему знаменитому сыну.

> Историю семьи Джорданов пересказывают снова и снова, но во многих аспектах повествование отдает фальшью, и это понятно.

Всякий раз, когда какие-то семьи обретали невероятную славу и богатство, оказываясь в центре всеобщего внимания, они быстро придумывали целую мифологию своей жизни. Зачастую это делалось из чувства самосохранения, для защиты членов семьи от всепожирающей поп-культуры, управляемой средствами массовой информации.

Делорис Джордан приходилось защищать свою семью во многих ситуациях, по мере того как ее сын становился все более и более известным в 1980-е. Поэтому нет ничего удивительного, что она начала создавать такой ложный нарратив жизни семьи, опускавший и приукрашивавший многие неприятные факты настоящей истории. Она делала это сначала в интервью, а позже в своей книге *Family First,* в которой делилась советами по воспитанию детей и как бы невзначай подсказывала, как семьи могут вырастить своих детей «такими, как Майк». Книга, ставшая бестселлером, позволила миссис Джордан объездить полмира и публично выступать на тему семейной жизни и характерных для нее проблем.

Настоящая правда жизни Делорис Джордан куда как сильнее, чем выдуманная история, потому что раскрывает ее характер, а позже покажет ее способность проводить семью через тяжелейшие испытания. Мало сомнений в том, что препятствия, с которыми столкнулась Делорис Джордан в жизни, распалили ее стремление поднять семью на ноги. В результате они же стали топливом для реактивного «Его Воздушества» (Air Jordan).

Роки-Пойнт

Надлежащим образом семьи, чьи гены унаследует Майкл Джордан, впервые повстречались в тесном гимнастическом зале, полном оживленных, ликующих студентов. Если верить расплывчатым воспоминаниям местных жителей и членов семьи, Джеймс вместе со своим младшим братом Джином Джорданом играли за команду благотворительной школы, братья Делорис – Эдвард и Юджин Пиплс – за тренировочную школу округа Пендер в Роки-Пойнт. В те годы обе школы соперничали друг с другом, и люди вспоминают, что мальчики были толковыми игроками.

Помнят они и о любви студентов и преподавателей к Роки-

Пойнт. Открывшаяся в 1917 г. школа была одной из 5000 школ, магазинов и домов для учителей, построенных для афроамериканцев по всей стране на деньги Фонда Розенвальда – траста, учрежденного президентом компании Sears, Roebuck and Company Джулиусом Розенвальдом. Оборудование, собранное для этого проекта, не всегда было самым лучшим; подержанная мебель и книги, часто с вырванными страницами, передавались чернокожим из школ для белых со всей страны. «Мы получали то, что они уже сносили», – вспоминал Уильям Генри Джордан, родственник семьи. Но в эпоху, когда образование чернокожих было в лучшем случае второстепенной задачей для местных школьных советов, преданные делу учителя готовили студентов к вызовам и проблемам абсолютно любого рода, что сделало Роки-Пойнт важным местом для афроамериканского населения округа Пендер, и эта значимость сохранялась вплоть до начала интеграции чернокожих в социально-политическую жизнь США в конце 1960-х.

Баскетбольные матчи проводились после уроков в помещении школьного актового зала и часто продолжались до вечера. Делорис изначально сообщила журналистам о том, что игра, сведшая ее с Джеймсом, имела место в 1956 г., когда ей было 15. Однако в книге *Family First* она скорректировала эту неточную информацию, написав, что на самом деле повстречала своего будущего мужа после игры, состоявшейся в 1954-м.

Тогда ей только исполнилось 13 лет, и мысль о том, чтобы стать частью того духа, что царил в школе в Роки-Пойнт, по-настоящему волновала ее. Она была бойкой и смелой девчонкой, но при этом была хорошей дочерью. Она часто молилась и регулярно ходила в церковь вместе со своей семьей.

«Она была хорошей ученицей, когда я занималась с ней», – вспоминала Мэри Фэйзон, бывшая преподавательница в Роки-Пойнт. Неясно, сыграл ли Джеймс за благотворительную школу в тот вечер. Ему было 17, он готовился кончать школу и к тому же водил машину, что указывает на улучшение финансовой ситуации в семье Джорданов, равно как и на его склонность к увлечению механикой.

Как это часто бывает в подростковых историях любви, она заметила его еще до того, как он обратил на нее внимание. У него были глаза, как у лани, и высокие скулы, но привлекло ее в нем не это. «Меня притягивал его характер, – объясняла она. – Что же до внешнего вида, то он ничем особенным не выделялся на фоне других парней. Он был открытым, обладал хорошим чувством юмора и был добрым, заботливым человеком».

После игры Делорис и несколько ее кузенов запрыгнули на

заднее сиденье его машины, чтобы поехать домой. Когда они проезжали мимо ее дома, она попросила остановиться.

– О, а я и не знал, что тут еще кто-то есть, – сказал он. – А ты довольно милая.

– А ты довольно дерзкий, – якобы парировала она.

– Может быть. Но однажды я на тебе женюсь, – так ответил он, если верить ее воспоминаниям.

– Я знала, что он гуляет с другими девушками, – говорила она. – Я держалась от него подальше.

Делорис побежала домой и, забегая внутрь, громко хлопнула дверью, как это часто делают 13-летние девочки.

Живя в таком маленьком сообществе, Джеймс Джордан наверняка был в курсе, что Эдвард Пиплс работал на своей собственной земле, и не мог не заметить, что дом приглянувшейся ему девочки был больше всех прочих домов. Это был двухэтажный каркасный дом, смотревший на дорогу чуть из глубины. «Во дворе было много больших и старых тенистых деревьев», – вспоминал Морис Юджин Джордан.

«Многие цветные люди тогда были просто работягами на фермах», – добавлял он, поясняя, что предприимчивый трудоголик Эдвард Пиплс держал свой участок земли, который круглый год приносил ему доход, продолжая при этом работать в Casey Lumber Company. Помимо фермерства Эдвард Пиплс вкладывал время и деньги в другое доходное предприятие: следуя примеру многих своих соседей, он гнал самогон. Более того, Пиплс, как говорят, был близок с Дэвидом Джорданом, одним из многих кузенов Доусона Джордана, промышлявших самогоноварением. Как объяснял Морис Юджин Джордан, «у них было порядочно дистилляторов. Инспектора находили их, громили, но проходило время, и они снова начинали работать. Ключ к успеху был – не быть пойманными».

Довольно скоро Джеймс обратился к Эдварду Пиплсу по поводу Лоис, как он называл девочку, с которой хотел встречаться. Много работавший и не любивший праздной ерунды Пиплс не очень-то проникся этой идеей. «Она недостаточно взрослая», – отвечал он. Впрочем, у молодой любви – не говоря уже об амбициях – были свои планы на этот счет. Двое вскоре начали встречаться, несмотря на неодобрение родителей. «Мы быстро полюбили друг друга и встречались следующие три года», – вспоминала Делорис.

Их отношения не утратили своего огонька даже после того, как Джеймс по окончании школы в 1955 г. вступил в Военно-воздушные силы, что стало большим поводом для гордости его отца и деда. Пока Джеймс проходил обучение в Техасе, семья

Делорис отправила ее в Алабаму жить вместе с дядей и посещать двухлетние курсы по косметологии. Она утверждала, что переезд был задуман родителями в попытке немного притормозить ее отношения с молодым авиатором, но к тому времени они уже набрали крейсерскую скорость. К началу 1957 г. ей было 15 и она была беременна – этот факт не упомянут в ее мемуарах, – а вдобавок была вынуждена мириться с гневом семьи. Внезапный отъезд в Алабаму был типичным для тех времен решением проблемы: беременных девушек-подростков часто отправляли восвояси рожать и воспитывать ребенка.

В апреле того же года и Джеймс, и Делорис уже возвратились в округ Пендер и отправились вместе в кино, по всей видимости, чтобы разобраться в ситуации. Решение пришло, когда он сделал ей предложение в своей машине после сеанса. Как только Джеймс поступил по всей законности, она сообщила родителям, что не вернется в Алабаму, и это решение, судя по всему, тоже не очень хорошо приняли. Годы спустя она скажет, что ее мать настаивала на том, чтобы она вернулась в школу и продолжила учиться. «Моей маме следовало посадить меня на поезд», – сказала однажды Делорис репортеру.

Вместо этого она въехала в многолюдный дом своего жениха в Тичи, где по-прежнему всем заправлял Доусон Джордан, – ему было уже 66. Там беременная девушка вскоре крепко подружилась с Розабелл Джордан, которой только исполнилось 40. Благочестивая мирская женщина любила детей, любила, когда ее маленький дом был полон приглашенных родственников и друзей, приезжавших на праздники и в выходные. Делорис стала называть мать Джеймса «мисс Белл», а со временем, когда ее отношения с собственными родителями стали очень натянутыми, Делорис нашла опору и поддержку в лице этой мудрой и заботливой женщины. Дружба между двумя женщинами со временем свяжет их крепчайшими семейными узами, что в будущем повлияет на карьерный успех Майкла Джордана.

В сентябре того же года Джеймс и Делорис отметили рождение своего первого ребенка, Джеймса Рональда. Молодая мать, которой только исполнилось 16, прижимала дитя к груди и раздумывала: что же готовит ему этот мир? Со временем ребенок вырастет в трудолюбивого молодого человека, каким был отец самой Делорис. Ронни, как его все будут называть, в старших классах школы работал на двух работах: водил школьный автобус, а вечерами управлял местным рестораном, – одновременно выделяясь отличной службой в младшем корпусе подготовки офицеров резерва, чем вызывал большую гордость родителей. Этот первый сын, казалось, перенял авторитет и

командирские повадки Доусона Джордана. Он сделал примечательную карьеру в армии США, где был старшиной и неоднократно выезжал на боевые задания.

Делорис принесла нового ребенка в и без того многолюдный дом Джорданов. Джеймса приписали к базе в регионе Тайдуотер, в Виргинии, что чуть дальше чем в двух часах езды от дома, и по выходным он приезжал проведать своего маленького сына. Позже Делорис призналась, что в тот период впервые начала сомневаться в правильности своего выбора и винить себя за такой поворот жизни. Она жаждала чаще видеться со своей семьей, но они жили почти в получасе езды от нее, в Роки-Пойнт. Она продолжала верить в лучшее, а ее свекровь помогала ей не утратить позитивный настрой окончательно. Джеймс со своей стороны выполнял свои обязательства, он был убежден, что приобретенный на службе опыт поможет ему стать кормильцем семьи и обеспечит его детям жизнь, какую имели дети из среднего класса.

Бруклин, Тичи

В 1959 г. в молодой семье Джеймса Джордана появился второй ребенок, девочка Делорис. В первые годы жизни ребенок носил имя Делорес, но во взрослую жизнь она входила уже под именем Делорис. Чтобы не путаться, члены семьи называли ее просто Сис. В тот же год Джеймс уволился из рядов ВВС и возвратился в Тичи, где стал работать на местной текстильной фабрике. Какое-то время молодой семье приходилось ютиться в доме родителей Джеймса, но потом они смогли построить маленький домик на Калико Бэй-роуд, напротив дома Доусона, Медварда и Розабелл.

Близкое соседство дедушки и бабушки будет очень кстати, так как к 23 годам Делорис Джордан успеет родить пятерых детей. В ранние годы их жизни основное бремя по воспитанию детей упадет на плечи Розабелл Джордан, у которой было только одно желание: купать в любви и заботе каждого своего внука. Но какими бы крепкими ни были узы большого семейства Джорданов, время, проведенное Делорис в Алабаме, и служба, которую Джеймс прошел в ВВС, открыли обоим глаза на очевидную правду: за пределами Северной Каролины есть целый огромный мир. И так вышло, что во время строительства своего дома на Калико Бэй-роуд они начали ощущать глубоко сидевшее в них желание получить от этой жизни чуть больше, чем могли предложить маленькие фермерские сообщества Тичи и Уоллеса.

В этом отношении они ничем не отличались от миллионов других представителей своего поколения. В особенности это касалось афроамериканцев, которые делали первые глотки свежего воздуха после стольких лет удушающих притеснений. Крепостная система испольщины и фермерства на арендованных землях начала отмирать после Великой депрессии и Второй мировой войны, которые ускорили переезд миллионов чернокожих жителей из сельской местности в крупные города (особенно на севере), где они искали новые экономические возможности для выживания.

Марш за свободу начал набирать обороты 1 февраля 1960 г., когда четверо чернокожих студентов из Сельскохозяйственного и технического университета Северной Каролины (A&T) отправились в магазин Woolworth в Гринсборо, сделали там кое-какие покупки, а потом присели за буфетную стойку, заказав себе кофе. Их простые действия эхом разнесутся по всей Северной Каролине. Управляющие магазина проигнорировали студентов, и тогда они в ответ решили в тишине досидеть до его закрытия. Следующим утром студенты A&T вернулись в магазин в компании пятерых друзей и вновь попросили обслужить их за буфетом. Натолкнувшись на полное молчание управляющих магазина, студенты начали так называемую сидячую забастовку, тихую и мирную демонстрацию протеста. Вскоре в магазин стала приходить белая молодежь, дразнившая чернокожих и швырявшая в них окурки, но в других городах штата: в Уинстон-Сейлеме, Дареме, Шарлотт, Роли и Хай-Пойнте, стали появляться аналогичные протестные группы. А потом движение раскинулось на 15 городов и еще большее число магазинов Woolworth по всей стране, и всего-то за две недели. Woolworth, общенациональная сеть магазинов, вскоре смягчила свою политику и начала обслуживать чернокожих клиентов в своих буфетах. Компания явно не хотела, чтобы в общественном сознании ее имя ассоциировалось с расистским скандалом, запечатлеть который могли телекамеры национального телевидения.

Разворачивавшееся движение за гражданские права было лишь одним элементом невероятного культурного сдвига, затронувшего всю страну. С этими переменами пришла надежда на новую жизнь, и Джеймс с Делорис не могли не заразиться этими оптимистичными ожиданиями. Время было волнующее, но все-таки непонятное и по-прежнему весьма опасное. В начале 1962 г. Делорис родила второго сына, Ларри; два месяца спустя она узнала, что вскоре у нее будет еще один ребенок. Вскоре после этого 21-летняя Делорис и ее муж взяли под мышку маленького Ларри и направились в Бруклин, Нью-Йорк, где

прожили почти два года, пока Джеймс, реализуя право, данное ему G.I.Bill[6], постигал премудрости сборки, ремонта и обслуживания гидравлического оборудования, что стало логичным продолжением образования, полученного им во время службы в ВВС. При переезде двух старших детей – оба были младше пяти лет и еще только подрастали – пришлось оставить под опекой дедушки и бабушки почти на два года. Позже Делорис Джордан обмолвится, что фактически у нее и Джеймса было две семьи: старшие дети, оставшиеся в Каролине, и младшие. По этой причине их семью разделит немаленький барьер.

Какими бы жизнерадостными ни были юные члены семьи, разрыв с родителями изменил их, закалив характеры. Джорданы не пробыли в Нью-Йорке и двух недель, когда Делорис получила вести о внезапной смерти своей матери Инес. Шок от утраты и резкий наплыв горя и страданий поразил Делорис до глубины души и поставил под угрозу жизнь ее еще не родившегося ребенка. Доктор прописал ей постельный режим на неделю. «Едва не случившийся выкидыш мы переживали очень тяжело», – вспоминал годы спустя Джеймс Джордан.

Отношения между Делорис и ее матерью улучшились после сложного периода, включившего в себя раннюю беременность девушки и ее замужество, но неразрешенные противоречия все еще оставались, как это часто бывает в случае с внезапной и преждевременной смертью близкого человека. Горе Делорис усугублялось сложной беременностью и общей ситуацией: она была вдали от дома, в незнакомом многолюдном городе. Роды выдались особенно трудными и неспокойными. Схватки начались у Делорис раньше запланированного, что объясняет то, как она оказалась в госпитале Камберленд в Бруклине, хотя ее врач принимал на Манхэттене. Еще до того, как санитары госпиталя успели положить Делорис на коляску, чтобы доставить ее в отделение скорой помощи, на свет появился поразительно крепкий и крупный мальчик, покрытый слизью и пытавшийся вдохнуть полной грудью. День был воскресный, 17 февраля 1963 г. «Когда Майкл родился, мы подумали, что с ним, наверное, что-то не так, – рассказывал Джеймс Джордан много позже в интервью газете *Chicago Tribune*. – Когда он родился, у него из носа текла кровь. Его продержали в госпитале еще три дня после того, как выписали Делорис. До пятилетнего возраста у него без видимых причин периодически текла кровь из носа, потом это прекратилось». «После рождения Майкла доктора продержали его у себя еще несколько дней, чтобы удостовериться, что его легкие прочистились от слизи», – вспоминала его мать.

Появление ребенка во многих смыслах утешило Делорис,

горевавшую на протяжении нескольких месяцев. «Я всегда говорила, что рождение Майкла было сродни знаку свыше, – объясняла она позже. – Вынашивая Майкла, я внезапно потеряла свою маму, а он стал настоящей находкой. Майкл стал для меня счастьем, которое Бог ниспослал мне после очень грустного периода моей жизни».

Позже Майкл узнает подробности своего появления на свет из чикагских газет, от журналистов, которые соберут свидетельства у членов его семьи. «У меня до сих пор легко может пойти кровь из носа, – говорил он Бобу Сакамото из *Tribune*. – Эту историю мама никогда мне не рассказывала. Единственное, о чем она рассказывала, это об одном эпизоде, когда я, будучи младенцем, упал за кроватку и чуть не задохнулся. В жизни я несколько раз оказывался на волоске от смерти».

Едва не случившаяся гибель ребенка от удушения – это случилось, когда семья возвратилась в Северную Каролину, – лишь усилила беспокойство матери по поводу ее «особого подарка свыше». «Он был таким жизнерадостным ребенком, – вспоминала она. – Никогда не плакал. Просто покорми его и дай с чем-нибудь поиграть, и с ним все будет хорошо».

Когда Майклу исполнилось пять месяцев, семья возвратилась из Бруклина в свой дом на Калико Бэй-роуд в Тичи. Они переезжали, когда Делорис забеременела в последний раз (следующим ребенком стала дочь Розлин). По возвращении Джеймс устроился работником технического обслуживания на завод General Electric в Касл-Хейн, неподалеку от Уилмингтона, с успехом применив полученное образование на практике.

Вскоре молодая мать очутилась в крошечном доме с пятью детьми, четверо из которых были младше пяти лет. Муж называл ее Лоис, как и остальные члены семьи. А она ласково называла его Рэй. За время службы в рядах ВВС, работы на ферме и заводе GE он обзавелся впечатляющим телом. И хотя обычно он был человеком дружелюбным и отзывчивым, но стал все чаще демонстрировать свою суровую сторону. В обращении с детьми он оказался человеком строгим, постоянно давал им задания и поручения независимо от того, его это дети были или чужие.

> Вскоре дети из ближайших окрестностей уже знали: с Рэем шутки плохи. Он вмиг надерет тебе уши.

Годы своего взросления Майкл провел на сонной Калико Бэй-роуд. По воспоминаниям и свидетельствам всех, его было легко рассмешить, он любил угождать, был голоден до развлечений и из-за этого ему порой перепадало ремня. «Приходилось приучать его к дисциплине, – вспоминала как-то Делорис Джордан. – Он

постоянно испытывал тебя на прочность. Майкл всегда во что-нибудь ввязывался».

В двухлетнем возрасте он в один из вечеров бродил около дома, пока его отец занимался с машиной на заднем дворе. Отец работал с лампой, которая двумя удлинителями, тянувшимися по влажной земле, была подключена к розетке на кухне. Еще до того, как отец успел помешать ему, только начавший ходить Майкл схватил оба удлинителя в месте их соединения. Разряд тока отбросил его на три фута, сильно напугав. Никаких других повреждений ребенок не получил.

И без того строгие с детьми Джорданы после этого инцидента решили усилить контроль над ними. Никому из детей не дозволялось покидать дом без разрешения ни при каких обстоятельствах. Каждый вечер они должны были быть в кровати к восьми часам вечера независимо от того, играют ли соседские дети на улице или уже разошлись по домам. Но по мере взросления Майкла довольно быстро стало понятно, что его широкую натуру не удержать такими запретами.

Как-то раз он попал в переплет, когда решил облить бензином осиное гнездо под повозкой дедули Доусона. За этим последовало приключение со стульями, стоявшими на лужайке у дома: он сложил их в удивительно высокую башню, чтобы продемонстрировать всем свою удаль и умение летать. После этой истории на руке у него остался длинный порез.

Джеймс Джордан дождаться не мог дня, когда его дети достаточно подрастут, чтобы держать в руках биту. Он всегда с большим желанием тащил их на задний двор, чтобы побросать в их сторону бейсбольный мяч и научить их правильному замаху. Однажды Майкл ударил битой по куску деревяшки с вбитым в нее гвоздем, а мгновение спустя обнаружил, что пущенный им снаряд ударил его сестру по голове и там застрял.

Самый памятный случай приключился с ним в четырехлетнем возрасте, когда он выскользнул из родительского дома и, перебежав дорогу, оказался в доме дедушки, где обнаружил своего старшего кузена, рубившего дрова. Маленький Майк пару раз взмахнул топором, после чего кузен предложил ему пари: он обещал дать ему доллар, если Майк сможет отрубить себе палец на ноге. Жаждавший впечатлить старшего мальчик поднял топор и дал ему упасть себе на носок, после этого тут же взвыл от боли и рванул назад к матери через дорогу, прыгая на одной ноге, крича и истекая кровью.

«Он был непослушным ребенком», – будет вспоминать позже Джеймс Джордан с улыбкой на лице.

Сис, старшая девочка в семье, вспоминала, что у ее

родителей в семье были свои любимчики. Она вместе с Ларри была любимым ребенком отца, а мать души не чаяла в Ронни и маленьком Майкле, у которых было всего 11 месяцев разницы в возрасте. Роз, последний ребенок в семье, купалась во всеобщей безраздельной любви и ласке. Живя в таком населенном и всегда оживленном доме, молодой Майкл Джордан стремился активно конкурировать за внимание к себе, и эта необходимость обозначила дальнейшую динамику всей его жизни. Он всегда любил и умел угождать – сначала родителям и семье, а позже тренерам и обожавшей его публике.

«Он в совершенстве постиг мастерство развлечения и часами мог забавлять нас, – вспоминала о тех ранних годах Сис. – Он делал все, что способно было вызвать улыбку, усмешку или хохот: танцевал, пел, поддразнивал. Он никогда не удовлетворялся игрой в одиночестве, ему всегда нужна была аудитория, он не позволял нам игнорировать его, как бы сильно мы ни пытались».

Снова переезд

Идиллия раннего детства Майкла в Тичи не часто встречалась в Америке 1960-х. Но еще до того, как он начал ходить в детский сад осенью 1968-го, обстоятельства драматичным образом изменились. В январе того года Джеймс и Делорис Джордан продали свой дом в Тичи, собрали чемоданы и перебрались в Уилмингтон, что примерно в 60 милях в сторону побережья. Одной из причин переезда была усталость Джеймса от каждодневных сорокаминутных поездок на завод GE в Касл-Хейн. Но более значимым поводом переехать, как расскажет позже Делорис Джордан, было желание семьи познать жизнь за пределами деревни, в том числе предоставить больше возможностей для своих детей. Они продолжили жить достаточно близко от дедушки и бабушки и собирались совершать частые визиты в Уоллес и Тичи. В частности, они дали обещание, что будут возвращаться хотя бы один выходной в месяц, чтобы присутствовать на службах в африканской методистской епископальной церкви Рокфиш, десятилетиями бывшей для семьи Джордан местом поклонения.

Они едва успели распаковать свои вещи в Уилмингтоне, как пришло известие об убийстве Мартина Лютера Кинга-младшего, приведшее в замешательство всю страну. Даже в Уоллесе и Тичи черные и белые начали конфликтовать после произошедшего убийства, а в Уилмингтоне было ничуть не лучше. С 1950-х гг. местное общество добилось кое-какого прогресса по части

расовых отношений: лидеры сообщества увидели, что привлечение инвестиций в округ и развитие в нем бизнеса требовали перемен в старом укладе жизни. Уилмингтон долгое время был железнодорожным узлом, пока в 1955-м железная дорога Атлантического побережья США не перенесла свой центральный офис в Джексонвилл, чем вынудила Уилмингтон искать варианты трудоустроить население в новой отрасли. Компании вроде General Electric заявили, что согласятся разместить свои предприятия в Уилмингтоне только в том случае, если город сделает равными трудовые возможности для всех жителей.

Но даже при этом расовая атмосфера в Уилмингтоне оставалась напряженной. Джорданы перебрались в город как раз тогда, когда школы начали реализацию утвержденного судом плана по десегрегации, вызвавшего большой скандал и много негатива. Центральное место в умах людей и газетах занимали планы города по объединению черных и белых в общих школах. Поскольку начальные школы, согласно плану, должны были последними пройти через процесс интеграции, Майклу и другим чернокожим ученикам пришлось той осенью начинать учебу в классах, все еще разделенных по расовому признаку.

Атмосфера накалялась до тех пор, пока наконец в феврале 1971 г. не случился взрыв: он прогремел в бакалейной лавке, которой владели белые в районе, населенном преимущественно чернокожими. Десять человек, девять черных мужчин и белая женщина, были позже арестованы по подозрению в причастности к инциденту и получили внушительные тюремные сроки по итогам расследования. Эта группа лиц, прозванная в прессе «уилмингтонской десяткой», подавала коллективные апелляции, добиваясь ликвидации расовой дискриминации в школах Северной Каролины. Сообщения об этом проскакивали в газетах еще долгие годы, прежде чем федеральный суд отменил их приговоры.

Неблагоприятный климат расового конфликта усилил беспокойство Делорис Джордан за своих детей, приписанных к новым школам округи.

Семья недолго пожила в одном месте и вскоре перебралась в район Уивер Экрс, на улицу Гордон-роуд. Какое-то время они жили там, пока не переехали вновь, в дом в том же квартале. Новым жилищем стал многоуровневый дом из кирпича и досок. Джеймс Джордан построил его на участке земли в 12 акров[7], в тени сосен. Он был удобно расположен относительно пригородных школ округа Нью-Хановер и при этом находился достаточно близко к центру города. Океан был всего в нескольких

милях, и порой тихими летними вечерами Джеймс и Делорис сбегали на побережье, чтобы приятно провести там время. У молодого Майкла же, наоборот, вскоре развилось стойкое отвращение к воде. Примерно в семилетнем возрасте он плавал вместе с другом в океане, как вдруг друг запаниковал и вцепился в Майкла. Майкл отплыл в сторону, чтобы не дать мальчишке утянуть себя под воду, и ребенок утонул. Несколько лет спустя Майкл и сам попал в беду в бассейне во время поездки на бейсбол, и тогда другим пришлось вытаскивать его из воды. Спустя еще несколько лет одна из его подруг по колледжу утонула, приехав к родителям на праздник.

«Я не связываюсь с водой» – известно, что Джордан не раз произносил эти слова впоследствии.

Уивер Экрс был относительно молодым кварталом, населенным по большей части черными, но там жили и семьи других рас, и уживаться им удавалось вполне мирно. Джеймс и Делорис приучали своих детей уважительно относиться ко всем людям, объясняя им, что от стереотипов толку мало. Нужно обращаться с людьми как с людьми, вне зависимости от их цвета кожи, – было их кредо. И действительно, по соседству с Джорданами на Калико Бэй-роуд жила белая семья, и дети без проблем играли со своими сверстниками. Открытость семьи и широта взглядов молодых родителей означали, что Джорданы были готовы идти на большие жертвы, чтобы подготовить своих детей к жизни в совершенно новом мире.

Толерантное отношение к окружающим стало отличительной чертой ранних лет жизни Джордана в Уилмингтоне. К третьему классу школы Майкл крепко подружился с Дэвидом Бриджерсом, белым соседом и одноклассником. Они продолжили тесно общаться и спустя много лет после того, как один из них стал мировой знаменитостью. Ребята вместе играли в бейсбол и катались на велосипедах, заодно исследуя леса и русла ручьев по всему Уивер Экрс. Бриджерс был сыном таксиста, его семья недавно перебралась из Южной Дакоты. Когда брак его родителей треснул, связь Бриджерса с Майклом стала лишь крепче. Они оба разделяли любовь отца Майкла к бейсболу, и Дэвид был желанным гостем в доме Джорданов. Бриджерс и Джордан поочередно играли роль питчеров в сильной местной команде Младшей лиги. Тот из них, кто не был питчером, занимал позицию центрального принимающего игрока.

«Перед каждой подачей я смотрел на Майкла, стоявшего в центре, а он показывал мне поднятый большой палец, – вспоминал как-то Бриджерс. – Когда на горке стоял он, я делал то

же самое».

Одним знойным днем, еще до того как у Майкла развилась боязнь воды, они, думая, что соседи уехали и дома никого нет, пробрались к ним на задний двор, чтобы окунуться в бассейне. Хозяева дома увидели мальчишек и заставили их вылезти из воды, но сделали это так, что оба ребенка почувствовали расовый подтекст в их словах.

«Они увидели Майка и вышвырнули нас обоих со двора, – рассказывал Бриджерс. – Остаток пути на велосипеде мы проехали молча. Я спросил у него, знает ли он, почему они выгнали нас. Он сказал «да». Я спросил, переживает ли он на этот счет. Он сказал «нет». А потом просто улыбнулся. Я никогда не забуду этого. Он сказал: «Я хорошо охладился. А ты?»

Глава 4
Соперник

Чтобы завести его, требовалось всего несколько слов, а порой было достаточно и едва заметной ухмылки. Вдобавок он обладал магической способностью создать конфликтную ситуацию практически из ничего. Это они все осознают позже. Он запоминал внешне казавшиеся бессмысленными подколки или жесты и глубоко отпечатывал их в своем сердце, где они хранились, сияя радиоактивным излучением, они были ядерными топливными стержнями его великого внутреннего пламени.

Только много позже публика придет к пониманию того, сколько внимания он уделял даже самым мельчайшим деталям, насколько был неспособен о них забыть. Многие наблюдатели полагали, что эти «конфликты» были поводом посмеяться для самого Майкла, считали их маленькими инструментами выплескивания спортивной злости и адреналина и что он шутя мог отбросить их в сторону, как только с ними было покончено, как только очередная победа была им добыта в пылу борьбы. Но он не мог отбросить их, как не мог, скажем, отрезать себе правую руку. Они были настолько же естественны для его натуры, как и его длинный язык. Многие из слов, глубоко оскорбительных в понимании Майкла Джордана, зачастую были весьма далеки от того, чтобы их можно было считать жестокими упреками, кроме разве что самых первых и, как окажется ясно потом, самых важных.

«Иди в дом к женщинам».

Из миллионов фраз и предложений, что произнес Джеймс Джордан в адрес своего младшего сына, эта станет самой ярко сияющей, словно неоновая вывеска, и помнить ее Майкл будет еще много десятилетий.

«Мой отец был человеком механики, – вспоминал потом Джордан. – Он всегда старался скопить денег, занимаясь починкой всех машин в округе. А мои старшие братья помогали ему в работе. Он просил их дать ему ключ девять на шестнадцать, и они давали. Он вылезал оттуда и просил меня дать ему ключ девять на шестнадцать, а я понятия не имел, о чем он вообще говорит. Он раздражался и говорил мне: «Ты ни черта не знаешь, что делаешь. Иди домой к женщинам»».

Слова отца зазвенели в его ушах, как вызов, брошенный его подростковой мужественности. Даже тогда, когда первые гормональные всплески начали уплотнять его черты, внешне он

оставался невинным, словно херувим, что обожали его сестры и братья, как и мать, с восторгом заключавшая его в свои объятия. Но это была лишь маскировка.

Злые слова его отца забрались куда-то глубоко внутрь его существа и активировали там какую-то заблудшую цепь ДНК, породив мутацию его соревновательного духа: он стал настолько крепким, что казалось, будто он из титана. Они содержали в себе все то презрение, с каким Майкл сталкивался почти каждый день на протяжении всех лет своего взросления в доме Джорданов, оно проявлялось в поведении, в отношении к нему.

«Годы спустя, – вспоминала его сестра Делорис, – в первые месяцы своей карьеры в NBA, он признался мне, что отношение к нему отца и заявление о том, что Майкл совершенно бестолков, стали той силой, что мотивировала его… Каждое достижение, каждый успех были для него словно боевой клич, которым он сопровождал очередную победу над отцом и его негативными представлениями о себе».

Майкл и сам потом расскажет, что в детстве отчетливо ощущал более благосклонное отношение отца к Ларри, старшему брату.

Джеймс Джордан и сам столкнулся с подобным отношением к себе со стороны своего отца. О презрении Медварда к нему в семье хорошо знали. Джеймс подтверждал это, и именно такое презрение мотивировало его уехать из Тичи, чтобы доказать свою состоятельность службой в ВВС. Медвард гордился своим сыном, говорят члены семьи, но никогда не мог отыскать способа выразить это в разговорах лицом к лицу.

Джеймс отвечал ему своими аргументами снова и снова, добиваясь в жизни многого, о чем его отец не мог и мечтать. Этим часто занимаются отпрыски отцов, не баловавших своих детей одобрением. Даже не осознавая этого, они зацикливаются на необходимости дать опровержение своей несостоятельности и постоянно доказывают отцам их неправоту, вновь и вновь отказываясь «просто идти в дом». И продолжают это делать даже тогда, когда отец обратился в прах, словно подсознательно пытаются докричаться в бездну времени до своего старика в попытке его переспорить.

Примерно тогда же, когда он «посоветовал» Майклу жить среди женщин, Джеймс Джордан повесил на заднем дворе своего семейного дома баскетбольное кольцо, чтобы его сыновья могли играть. До той поры атлетическое образование в семье строилось на упражнениях с бейсбольным мячом: Джеймс делал подачи сыновьям, приучая их правильно отбивать мяч и любить бейсбол.

В пяти-шестилетнем возрасте они уже играли в T-ball – бейсбол для маленьких детей. В семь-восемь лет мальчики перешли на следующий уровень, начав играть в лиге, где применяются машины для подачи мячей. Впервые противостоять живым питчерам они начали в возрасте девяти-десяти лет, тогда же открылась дихотомия в их талантах. Если Ларри то и дело выбивал синглы, то Майкл отбивал мяч в сторону забора.

> Именно Ларри, старший брат, первым заразился баскетболом.

Майкл уже уверенно шел к успеху в Младшей лиге, в которой выступал, когда во дворе дома открылась баскетбольная площадка. И внезапно все начало развиваться в совершенно другом направлении.

Вероятно, что Джеймс руководствовался инстинктом, подсказавшим ему, что раз Майкл имеет все шансы стать звездой бейсбола, то ему нужно непременно повесить баскетбольное кольцо для Ларри. Однако младший в это время уже тоже загорелся баскетболом. В девять лет Майкл сосредоточенно следил за тем, как сборная США, ведомая неистовым молодым защитником Дагом Коллинзом, прокладывает себе путь к финалу летней Олимпиады-1972, где ей предстояло сразиться с русскими. Когда американцы в скандальных обстоятельствах потерпели поражение, Майкл прибежал на кухню к матери рассказать об увиденном. «Он сказал: «Однажды я буду на Олимпиаде, и тогда мы точно победим», – вспоминала позже Делорис. – Я улыбнулась про себя и сказала: «Дорогой, чтобы выиграть золотую медаль, нужно приложить очень много усилий».

Однако механизм уже пришел в действие. С того момента Майкл будет смотреть все баскетбольные матчи, которые будут транслироваться по ТВ, а в то время их было совсем немного. Тогда, до наступления эры кабельного телевидения и постоянного присутствия на ТВ профессионального баскетбола, будущий властитель баскетбольных колец не мог смотреть матчи NBA. Но баскетбол местного уровня предложил ему альтернативу в виде еженедельных матчей Конференции атлантического побережья (Atlantic Coast Conference – ACC), что позволило Майклу следить за выкрутасами высокого полета Дэвида Томпсона, который выступал за команду «НК Стэйт Вулфпэк» Университета Северной Каролины. NBC показывало в эфире матчи национального чемпионата, включая игры с участием другой его любимой команды, «УКЛА Брюинз». Много лет спустя бывшая звезда «УКЛА» Маркес Джонсон будет озадачен, увидев постер со своей фотографией на памятной стене в честь Джордана в Университете

Северной Каролины, но причина его появления там была в том, что Джонсон был телезвездой в подростковые годы Майкла.

К тому времени как Майклу исполнилось 11 лет, Джеймс Джордан купил в семью первый баскетбольный мяч, и вскоре после этого Майкл уже начал выполнять меткие броски на площадке. Довольно быстро задний двор Джорданов начал привлекать к себе юных игроков со всего квартала, но в семье Джорданов действовал ряд правил. Дети должны были выполнить домашнюю работу прежде, чем идти играть на площадку, а правилу отбоя в восемь часов вечера необходимо было следовать строжайшим образом. И все же главным событием каждого дня были битвы титанов один на один – Майкл против Ларри.

И хотя Джордан был почти на год моложе, он уже был выше ростом, нежели его более крепкий и сильный старший брат. Майкл был болтлив, хотя они оба прибегали к трэш-току, пытаясь отыскать любые способы поддеть друг друга побольнее. Поединки быстро перерастали в физическую борьбу, а потом в бурное выяснение отношений. Когда крики и споры становились слишком агрессивными, Делорис Джордан вставала в дверях дома и принуждала братьев к миру. Иногда ей приходилось наказывать их, запирая дома. День за днем они сражались друг с другом, и Ларри удавалось доминировать над младшим братом благодаря силе и несмотря на преимущество Майкла в росте.

Постоянные победы его более низкорослого брата больно били по молодой неокрепшей психике Джордана. Горечь поражения могла растягиваться на год, а то и полтора. «Думаю, что Майкл стал таким классным игроком, потому что когда-то Ларри все время его обыгрывал, – объяснял позже Джеймс Джордан. – Он с трудом принимал поражения».

«Мы росли один на один», – вспоминал Ларри.

«Я всегда играл жестко, – говорил Джордан. – Мы с братом играли каждый день до тех пор, пока мама не загоняла нас домой… Мы никогда не думали о братских отношениях, ни минуты. Иногда все заканчивалось дракой».

Майкл был тонким, как тростник, ему не хватало физической силы, но постепенно он учился пользоваться своим преимуществом – ростом. Долгое время силы братьев были настолько равны, что они были почти что зеркальным отражением друг друга. «Когда видите меня в игре, вы видите играющим Ларри», – скажет позже Джордан.

«Я побеждал почти всегда до той поры, пока он не начал опережать меня в росте, – сказал Ларри. – После этого победам настал конец».

К тому времени как Дик Неэр, тренировавший Джордана в

молодости, навестил Джорданов (Майкл тогда был подростком) и побывал на их заднем дворе, кольцо, висевшее там, уже было изрядно потрепано и скошено на сторону. По всей видимости, такой ущерб оно понесло в результате данков Ларри, служивших доказательством того, как страдала психика Майкла стараниями его старшего брата.

Эти битвы на заднем дворе определят характер взаимоотношений двух братьев во взрослой жизни: их близость закалила братская вражда. Они также определили манеру общения Майкла с партнерами по командам, которая будет отличать его в профессиональной карьере. Джеймс Уорти вспоминал, как Джордан, пришедший первокурсником в баскетбольную команду Университета Северной Каролины, докучал ему вызовами на поединки один на один: «Его целью было отыскать лучшего игрока команды, и таким игроком был я, я тогда учился на третьем курсе. Он был забиякой и постоянно задирал меня».

Но еще раньше он вел себя подобным образом в уилмингтонском Эмпи-парке и городском общественном центре имени Мартина Лютера Кинга. «В какой-то момент все дошло до того, что мне пришлось просить его не приходить играть», – вспоминал директор центра Уильям Мерфи. «Я не хотел, чтобы ему перепало, – говорил Мерфи. – Я боялся, что ему ноги отрежут. Он бросал вызовы всем подряд». Таким грубым был ответ на его привычку агрессивно атаковать.

«Так было всюду, куда бы он ни шел», – объяснял Джордж Мамфорд, психолог, работавший с Джорданом, когда тот уже стал профессиональным атлетом. В каждом сопернике ему мерещился Ларри, которого нужно было обыграть. Много лет спустя мифология, порожденная матчами один на один между братьями, обеспечит Ларри особый статус в узком кругу приближенных Майкла сначала в колледже, а позже в Чикаго.

«Майкл и Ларри, по всей видимости, яростно соперничали друг с другом в детстве, и Ларри занимал в его жизни очень большое место, – объяснял Дэвид Харт, сосед Майкла по комнате в Университете Северной Каролины и менеджер команды. – Майкл очень любил Ларри и постоянно говорил о нем – он прямо благоговел перед ним. Но несмотря на то что Майкл добился гораздо большего, чем Ларри, как атлет, он никогда не позволял этому как-либо отразиться на его чувствах к старшему брату – его эмоциональная связь с ним была очень крепка, как и уважение, которое он испытывал к нему. Когда рядом оказывался брат, Майкл тут же сбрасывал с себя весь тяжкий груз славы и

достижений и становился просто любящим, обожающим младшим братом».

Позже в Чикаго Ларри Джордан присоединится к профессиональной баскетбольной лиге, в которой по правилам командам запрещалось иметь в составе игроков выше 193 см, но довольно быстро он травмировал плечо и ушел, беспокоясь, что без него семейный дом будет пустовать. «Я никогда не чувствовал, что Майкл меня затмил, потому что мог вблизи наблюдать его работу, – сказал Ларри в интервью 2012 г. – Я занимался игровыми видами спорта всю свою жизнь, но никогда не был таким страстным фанатом баскетбола, как Майкл. Я больше имел склонность работать руками, я был механиком, как мой отец».

«Он был породистым атлетом, – однажды сказал о Ларри Даг Коллинз, тренировавший Майкла в Чикаго. – Помню, как увидел его в первый раз – довольно низкого, но невероятно мускулистого молодого человека с потрясающим телом, ростом примерно 170 см, у него было скорее тело футболиста, нежели баскетболиста. В тот момент, когда я его увидел, я понял, откуда Майкл черпал свою мотивацию».

Поп Херринг тренировал братьев в старшей школе Лэйни в Уилмингтоне, где Майкл стал звездой, а Ларри получал совсем немного игрового времени. «Ларри, – сказал как-то Херринг, – был настолько заряжен на борьбу и имел настолько крепкий соревновательный дух атлета, что это вмиг компенсировало всякую нехватку роста: из парня в 170 см он превращался в баскетболиста ростом под метр девяносто. Уверен, что Майкла бы знали как брата Ларри, а не наоборот».

Возможно, некоторые слова похвалы здесь несколько преувеличены с учетом того, с какой теплотой члены семьи и друзья относились к Ларри Джордану. Они часто называли его искренним, воспитанным и сдержанным парнем, но видели в нем болезненный отпечаток коварной судьбы. В подростковом возрасте он был очень близок по способностям к своему брату, но жизнь уготовила ему быть вечно в тени Майкла. Это обстоятельство не давало покоя Делорис Джордан долгие годы. Оно всплывало даже в моменты веселья, когда братья уже стали взрослыми. После того как Майкл стал звездой NBA, они как-то раз решили вспомнить былое и сыграть один на один, как в старые добрые времена, и в какой-то момент матча Майкл взял паузу, посмотрел вниз на ноги Ларри и произнес: «Не забывай, чье имя на твоих кроссовках».

Билл Биллингсли вспоминал, как двое братьев вместе делали свои первые шаги в организованном баскетболе. Все началось в

1975-м, в допотопном спортзале в старой уилмингтонской школе на Честнат-стрит, где проходили матчи молодежной городской баскетбольной лиги. Биллингсли, тогда ему было 24 года, тренировал команду, которой противостояли Джорданы. «Когда ты их видел, то казалось, что Ларри тут младший, – говорил он. – Майкл был гораздо выше него. Даже тогда Ларри и близко не был таким игроком, каким был Майкл».

Ларри вспоминал, что их обоих привел в баскетбол их молодежный тренер по бейсболу. Дик Неэр помогал собирать молодежные команды и позвонил Нэду Пэрришу, тренировавшему Майкла, когда тот занимался бейсболом. Пэрриш незамедлительно порекомендовал братьев Джорданов.

В интервью 2012 г. Неэр смеялся, вспоминая молодого Джордана в составе той баскетбольной команды. «Он был великий охотник, – говорил тренер. – Он никогда не играл в командный баскетбол. Его тренер по бейсболу из Младшей лиги поставил его в команду. Он был хорошим дриблером. Умело обращался с мячом. Был быстрым. Но если дать ему мяч, все, больше его не увидишь. Он тут же улетал в корзину. Нас это очень смешило».

Команда Биллингсли провела три игры против той первой джорданской команды и одержала две победы во многом за счет того, что Биллингсли приучал своих игроков опекать соперников персонально, тогда как остальные команды лиги практиковали ленивую и неповоротливую зонную защиту, столь типичную для молодежного баскетбола. Биллингсли приставил опекать Джордана свою главную звезду, Реджи Уильямса, который потом играл какое-то время на уровне колледжей. «Майкл был их лучшим игроком. Чтобы вы поняли, насколько он был умен даже в том возрасте, я скажу, что в один момент он повернулся к Реджи спиной, укрыв мяч, а потом сделал короткий бросок в прыжке, – вспоминал тренер. – Даже в 12-летнем возрасте он уже обладал пониманием баскетбола и необходимыми навыками». Биллингсли считал, что такой маневр в исполнении Майкла был чисто инстинктивным, поскольку ни у одного детского тренера не будет ни времени, не стремления обучать игроков подобным вещам.

«Когда мне было 12 лет, мы с братом Ларри выходили в старте в защиту, играя в лиге для малышей, – вспоминал о том опыте Джордан. – Он был защитником, а я забрасывал. И вот я опять забросил победный мяч, мы едем домой, а мой отец говорит: «Ларри, ты сегодня отлично отыграл в защите». А я тут же: «Блин, я забрал мяч и сделал победный лэй-ап». В моем представлении отец попросту не видел очевидного, не видел, что

я сделал в игре, а потому должен был обязательно ему это показать. Теперь забавно вспоминать подобные ситуации и понимать, что это были шаги к формированию соревновательного духа и отношения».

В бейсболе было то же самое. Майкл делал хоум-ран, а Ларри – удар на базу, после чего отец всегда говорил: «Ларри, как здорово ты относишься к игре, сразу метишь удар на базу».

Эти первые опыты по организации любительских баскетбольных лиг ставились еще до наступления эпохи, когда Союз спортсменов-любителей (Amateur Athletic Union – AAU) начал привлекать в баскетбол детей с юного возраста. В то же время бейсбол – игра, в которую играли преимущественно белые, – пользовался в Уилмингтоне, как объяснял Биллингсли, широкой и всесторонней поддержкой. Ресурсы молодежного баскетбола были куда более скудными в сравнении с бейсболом.

В конце сезона Майкл попал в команду Всех Звезд, даже несмотря на то что был одним из самых молодых игроков лиги. Поскольку команда Биллингсли выиграла чемпионат, его выбрали тренером команды Всех Звезд. Он начал готовить группу игроков к турниру штата и тогда впервые столкнулся с Джеймсом и Делорис Джордан. «Его родители смотрели каждый его матч, – вспоминал тренер. – Мы с вами говорим о родителях, очень преданных своим детям, их дети были для них всем. Мистер Джордан был тихим человеком. Миссис Джордан придавала их отношениям динамичности. Любой, кто проводил с ними рядом какое-то время, оставался впечатлен силой воли Делорис Джордан. Она оберегала своих детей. Некоторые родители просто привозили детей и отчаливали. Только не они. Они всегда были там, но никогда не надоедали мне и не пытались повлиять на мои решения». Более того, они ни слова не сказали о том, как он руководит командой.

Весной 1975-го команда Всех Звезд Уилмингтона отправилась в Шелби, местечко неподалеку от Шарлотт, там проходил показательный турнир штата. Джеймс Джордан был в рядах небольшой группы родителей, отправившихся с детьми в поездку. Биллингсли вспоминал, что команда отыграла четыре игры за два дня, добравшись до полуфинала турнира, где уступила команде из Чапел-Хилл, в атаке у которой играли рослые, многократно превосходившие по силе его подопечных игроки.

«Последнюю ночь мы проводили в отеле, – вспоминал тренер. – Дети сидели в своих номерах и играли. Кое-кто из отцов и тренеров рубился в картишки. Ничего серьезного, сплошное веселье. Кто-то сказал: «Давайте достанем пивка». Биллингсли впечатлили слова Джеймса Джордана, который сразу же заметил,

что они приехали в «сухой» округ, тут не продают алкоголь. «Мистер Джордан, он отлично знал, где можно было достать немного пива. Он пересек границу штата и вернулся с двумя-тремя блоками пивных банок, – вспоминал Биллингсли. – Мы засиделись допоздна, просто приятно проводили время, не то чтобы играли в карты. Мистер Джордан был очень приятный малый».

Эта поездка была первой в череде многих и многих баскетбольных поездок, которые отец и сын совершат вместе в последующие годы. С кем бы они ни знакомились, у всех складывалось потрясающее мнение о Джеймсе Джордане. «Какой приятный человек!» – будут повторять они снова и снова, человек открытый и дружелюбный, всегда с готовностью улыбавшийся и дружески хлопавший по плечу, щедро делившийся симпатией и лаской и одаривший теплым отношением даже такого человека, как генеральный менеджер «Буллз» Джерри Краузе, хлебнувшего немало негатива за время своего конфликта с Майклом.

«Он был таким приятным и дружелюбным мужчиной», – говорит Биллингсли. Но, что более важно, люди подмечали и другое. Майкл Джордан полностью заслужил любовь своего отца. Очевидно, что на определенном уровне Джордан и сам это понимал. Но на другом уровне, том, самом важном, такая информация никогда не отпечатывалась на непроницаемом ядре его психики атлета, привыкшего бороться и побеждать. Неизменная программа Майкла Джордана уже была задана, и по малейшему щелчку она тут же вызывала цунами страсти и драйва, которое заставляло всех вокруг недоуменно раскрывать глаза.

Никого, разумеется, эти моменты не удивляли так сильно, как самого Джордана. Когда они овладевали им снова и снова, из года в год, он все так же, как в первый раз, удивлялся этому. И всегда задавал себе один и тот же вопрос: «Что я сделаю дальше?»

Тьма

Несмотря на внешнее благополучие, союз Джеймса и Делорис Джорданов оказался на грани разрушения в середине 1970-х. На публике они демонстрировали гармонию и счастье, но их брак отравляли разногласия, порой выливавшиеся в громкие скандалы и даже насилие. Когда случился самый худший из этих конфликтов – начавшийся в доме на Калико Бэй-роуд, – Джеймс и Делорис кинулись друг на друга на глазах у детей, которые выскочили из дома и, перебежав улицу, стали звать дедушку,

чтобы он прекратил рукопашную схватку родителей. Переезд в Уилмингтон никак не разрешил эту проблему. Они не ругались каждый день, но когда такое случалось, все быстро выходило из-под контроля. Дочь Сис вспоминает, как в ходе одной из таких ссор ее мать погналась за отцом, а тот ответил ей нокаутирующим ударом, после которого Делорис потеряла сознание. Дети испугались, решив, что она умерла, но на следующий день она вышла из спальни как ни в чем не бывало. Другой инцидент включал жутковатую погоню на автомобилях по дороге около дома, причем дети находились в одной из машин. Подобные инциденты время от времени прерывали общее мирное течение жизни, двигавшее семью вперед, но в этом движении всегда находилось место таившемуся где-то на задворках страху.

> Работа Джеймса в General Electric позволяла семье вести комфортную жизнь и обеспечивала детей разными возможностями.

Все дети чем-то занимались помимо школы, а у старших даже были подработки. Но и с высокой зарплатой Джеймса им приходилось сталкиваться с финансовыми трудностями. Когда Розлин, самая младшая в семье, пошла в школу, Делорис устроилась работать на сборочном конвейере на местном заводе компании Corning. Работа была сменная, с плавающим графиком, из-за чего весь привычный распорядок жизни семьи нарушился. Так продолжалось до тех пор, пока Делорис не опустила руки и не бросила работу. Она не обсуждала свое решение с Джеймсом, но он его принял. Спустя несколько месяцев она нашла работу в местном филиале United Carolina Bank, служащей которого стала.

Как будто сочтя, что одних этих хлопот семье не хватает, пара решила открыть ночной клуб Eleganza, что в то время казалось неплохой идеей. Им обоим уже было за 30, и добрую половину своих молодых лет они занимались воспитанием детей. Ни один из них никогда не упоминал клуб ни в одном интервью, данном журналистам, интересовавшимся темой взросления Майкла. Однако кажется, что клуб Eleganza сыграл некоторую роль в разрешении их брачных проблем. Подобные затеи зачастую высасывают из семьи все время и деньги, а жизнь Джеймса и Делорис и так уже была полна забот о детях.

Сис предположила, что несчастливая жизнь в родном доме подтолкнула Ронни записаться в ряды Армии США, чтобы пройти там базовый курс подготовки, спустя всего два дня после окончания старшей школы в 1975-м. Другие утверждали, что он годами мечтал об армейской службе, что подтверждают его связи с корпусом подготовки офицеров запаса в старшей школе. Какой

бы ни была причина, побудившая его так поступить, отъезд Ронни только усилил напряжение внутри семьи. Когда семья провожала его с автовокзала, Делорис горько рыдала. «Ощущение было такое, что в доме кто-то умер, – сказала Делорис об отъезде Ронни. – Я долгие-долгие годы не могла заставить себя войти в его комнату. Он первым покинул гнездо».

Как и многие матери, столкнувшиеся со стрессом и вызовами материнства, Делорис изрядно набрала лишнего веса. И хотя потом ей удастся похудеть, этот период оказал глубокое эмоциональное воздействие на мать пятерых детей. И памятуя о своих собственных злоключениях подросткового возраста, она стала все сильнее и сильнее тревожиться за дочь Сис, которая уже начала половую жизнь. Мать и дочь никогда не были особенно близки, а потому довольно скоро между ними начались почти что ежедневные некрасивые склоки и скандалы. Одна из таких сцен приключилась летним утром 1975-го, когда Делорис везла свою дочь на работу. Когда они уже подъезжали к месту работы Сис, дискаунт-магазину Gibson's, градус напряжения между ними достиг предела. Делорис предположительно назвала свою дочь шлюхой. «Если я такая шлюха, что же ты пускаешь своего мужика ко мне в постель?» – отвечала Сис, о чем она позже рассказала в своей книге *In My Family's Shadow*, опубликованной самостоятельно.

У Делорис просто челюсть упала. Она была поражена словами дочери, но прежде чем успела собраться с мыслями, Сис выскочила из машины и убежала на работу. Делорис в ответ стала беспрестанно нажимать на клаксон в попытке вызвать свою дочь на улицу. Оказавшись в магазине, Сис попыталась проигнорировать ревущую сирену автомобиля, но менеджер магазина сказал ей, чтобы она вернулась на улицу и узнала у матери, чего та хочет.

Когда Сис возвратилась в машину, Делорис попросила дочь объяснить свои слова. Мать молча слушала, пока Сис рассказывала о продолжавшихся свыше восьми лет домогательствах со стороны Джеймса Джордана, который поздними ночами приходил к ней в спальню, где она спала вместе с Розлин, – младшая дочь была еще дошкольницей, когда начались предполагаемые домогательства отца к Сис. Она рассказывала, как отец сначала объяснял ей, что учит ее целоваться по-взрослому, говорила, как была смущена этими «уроками» и как со временем его домогательства становились все откровеннее.

За этим последовала душераздирающая, со слов Сис, сцена. Они с матерью подъехали в клубу Eleganza, где Джеймс

занимался текущим ремонтом. Жена приказала ему сесть в машину, после чего привезла на тихую улицу, где попросила дочь повторить обвинения в адрес отца. Когда Сис начала все рассказывать снова, Делорис говорила мужу, что теперь начинают проясняться некоторые подозрительные моменты их брачных отношений. Джеймс пришел в ярость и, набросившись на дочь, принялся душить ее с криком: «И ты поверишь этой шлюхе?» Сис вспоминала, что слова отца, назвавшего ее шлюхой, поразили ее до глубины души. Сис отчаянно хватала ртом воздух, а Делорис приказала мужу тотчас остановиться, пригрозив, что иначе убьет его на месте.

Только тогда наконец вспышка гнева утихла, вспоминала в своей книге Сис. Они все успокоились и поехали вместе домой, после чего дочь сразу же убежала в свою комнату и закрылась. Спустя примерно час к ней пришла мать, сообщившая ей, что такие обстоятельства делают невозможным их дальнейшее совместное сосуществование с отцом под одной крышей. Поскольку Сис оставалось учиться в старшей школе еще два года, ей придется покинуть семью и переехать в женское общежитие. Делорис сказала дочери, что Джеймс, по его словам, «всего-навсего пытался ей помочь» и оправдывался тем, что дочь якобы совершенно не так поняла его искреннюю любовь к ней.

Ни при каких обстоятельствах, подчеркнула Делорис, Сис не должна никогда и никому из членов семьи или посторонним людям сообщать о случившемся. Тогда дочь не сказала матери, что давать такой наказ было уже поздно: в 12-летнем возрасте она призналась во всем своему кузену-одногодке. Кузен, в свою очередь, рассказал ее брату, но если слух и пополз дальше среди членов семьи Джорданов, то разве что шепотом. Никто в семье, казалось, не рискнет пойти на конфронтацию с Джеймсом Джорданом, который вызывал у ее членов восхищение и страх в равной степени.

Джорданы так никогда и не воплотили в жизнь свою угрозу отправить дочь в женское общежитие. Родители Сис сумели каким-то образом проглотить этот инцидент и жить дальше, сохранив при этом прежнюю модель поведения благополучной семьи. Джеймс Джордан, в частности, продолжал получать похвалу и признание как дружелюбный человек и отец совершенно особенного спортсмена.

Оценить правдивость обвинений, выдвинутых Сис, практически невозможно из-за того, что они были преданы огласке лишь спустя десятилетия, в 2001 г., а в то время, когда насилие имело место, она никогда о нем не сообщала властям, органам соцзащиты или полиции. Делорис Джордан, по всей

видимости, обдумала заявление своей дочери и пришла к выводу, что введение в курс дела представителей власти разрушит их семью и поставит под угрозу дальнейшую судьбу других детей. Скорее всего, уголовные обвинения в адрес Джеймса привели бы к его увольнению с работы и утрате основного источника дохода семьи.

Спустя десять лет после того, как Сис во всем созналась матери, она связалась с адвокатом из Шарлотт, чтобы узнать, существует ли возможность подать в суд на родителей. В своей книге она упоминала, что адвокат порекомендовал ей обратиться в правоохранительные органы Уилмингтона, которые, в свою очередь, сообщили ей о том, что согласно закону об исковой давности она не может подать в суд, так как все сроки давно истекли.

Майклу в то время было 12 лет, он не был в курсе ситуации; он еще много лет не будет знать о том, что происходило с его сестрой. Сис покинула семью в 1977-м, чтобы выйти замуж и начать собственную семейную жизнь, однако вся ее жизнь пройдет под знаком продолжительной депрессии и сомнительных поступков, что позже станет аргументом для некоторых членов семьи, которые тем самым захотят поставить под сомнение правдивость ее заявлений. Адвокаты жертв сексуального насилия говорят, что подобные черты в поведении зачастую становятся характерными для жертв подобных преступлений.

Обвинения в домогательствах станут негласным яблоком раздора в семье, со временем они будут рвать и выкручивать отношения внутри семьи, и тут не помогут никакие попытки стереть их из памяти. Майкл Джордан черпал энергию для подпитки своего соревновательного духа из тех же глубинных и искренних чувств любви и преданности, которые испытывал к родителям. Его чувства по отношению к семье жили на куда более глубоком уровне, чем могли представить себе его поклонники. На протяжении стольких лет его взросление будет казаться идеальной историей успеха без единого сучка и задоринки, и этот образ активно поддерживался его матерью, пытавшейся всем доказать, что Джорданы были обычной семьей среднего класса.

Как и в случае с ее подростковой беременностью, Делорис была предпринята попытка скрыть от глаз публики правду, весьма далекую от нормального течения жизни. Ее защитники скажут, что решение, принятое в 1975-м, отражало добрые намерения матери семейства защитить мир в доме и брак.

Правда же может помочь объяснить, почему в поздние годы жизни, когда ей было уже далеко за 70, Делорис продолжала

ездить по всему миру и в десятках стран рассказывать о том, как нужно справляться с семейными неурядицами. Она никогда не распространялась о глубочайших конфликтах, угрожавших ее собственной семье, но зато часто рассуждала о том, в чем разбиралась лучше всего, – выживании.

Глава 5
Бриллиант

Пока его семья погружалась в хаос перемен в 1975-м, Майкл Джордан провел выдающийся год как 12-летний игрок Младшей лиги. Его признали самым ценным игроком штата после того, как он совершил два ноу-хиттера и привел свою команду к выигрышу чемпионата штата. Позже, в матче регионального первенства в Джорджии, Майкл покажет свой талант отбивающего, когда в ключевой момент матча выбьет мяч за пределы поля, – его отец еще долгие годы будет улыбаться, вспоминая этот подвиг.

«Он часто говорил о том, что моя команда Младшей лиги скоро будет выступать в Мировой серии, – вспоминал Джордан, – а мы играли тогда в Джорджии, и нам было обещано, что любой, кому удастся сделать хоум-ран, получит бесплатный стейк. Я давненько не ел стейков, и отец сказал мне: «Если сделаешь хоум-ран, я куплю тебе еще один стейк». Мы играли на большом футбольном поле, и в четвертом иннинге я пробил по мячу так, что он вылетел за забор и мы получили два очка, сравняв счет 3: 3. Ту игру мы все равно проиграли 4: 3, но в спорте я никогда не испытывал ничего близкого к тому, что испытал, выбив мяч за пределы поля».

В то время Джеймс Джордан уже начал размышлять о том, что его сыну может быть уготовано будущее в профессиональной лиге. Уильям Генри Джордан, кузен, считал так же. «Майкл в 12-летнем возрасте делал подачи в матче Всех Звезд, где ему противостоял мой сын, – вспоминал он. – По правилам тех лет можно было подавать только четыре иннинга. Он сдюжил против всех 12 отбивающих, если я правильно помню. Он бросал невероятно сильно. Он играл за Нью-Хановер, а мой сын – за округ Пендер. Когда мы следили за его игрой, то были уверены, что Майкл станет профессиональным игроком».

Джордан не был только питчером. «Когда ему было 12 лет, он был выдающимся игроком в Младшей лиге, – вспоминал Дик Неэр, позже тренировавший Джордана в Лиге Бейба Рута. – Он был долговязым. И иногда играл шорт-стопом[8]. Он уходил за третью базу, чтобы подобрать граундболл, мог поймать мяч нерабочей рукой. Вы видели подобное в исполнении Дерека Джетера. Он подпрыгивал в воздухе и бросал мяч к первой базе. В Северной Каролине его называли Мистером Бейсболом».

Получив эту награду, Джордан в придачу к ней получил и стипендию на двухнедельную стажировку тем летом в

бейсбольном лагере Микки Оуэна в Миссури. Это была огромная честь. Семья долгие годы с гордостью демонстрировала всем его награды, завоеванные в Младшей лиге. «Майкл исполнил 265-футовый хоум-ран в игре навылет в Джорджии, – рассказывал посетителям Джеймс. – С самого начала ему понравилась Младшая лига, и он блистал в ней».

Однако молодой Майкл упал с вершины успеха так же быстро, как взлетел на нее. Той весной Неэр выбрал Джордана и еще четверых 13-летних игроков на драфте в Лиге Бейба Рута. В ней выступали игроки в возрасте 13–15 лет. «В Младшей лиге он был суперзвездой, но я всегда говорил родителям своих 13-летних игроков: «Ваш сын, вероятно, будет в этом году играть не слишком часто», – вспоминал Неэр.

Была и другая причина, по которой молодой Майкл не получал много игровой практики в 13 лет. Поле в этой лиге было большего размера, расстояния между базами были длиннее, больше была и дистанция от горки до «дома». Рука Джордана больше не позволяла ему доминировать над соперниками. «Когда я заполучил его, я не мог ставить его шорт-стопом, – вспоминал Неэр первый год Джордана, 1976-й, в Лиге Бейба Рута. – Он не мог бросать. Когда Майку было 13, он сыграл при мне около четырех игр. Не думаю, что за весь тот сезон он брал биту больше четырех раз».

Если Джорданов и приводили в ярость сложившиеся обстоятельства, то они никогда не позволяли себе демонстрировать это Неэру. Джеймс Джордан даже помог тренеру построить бейсбольное поле за то время, что его сын провел в команде. «У отца и матери Майка не было проблем с этим, – вспоминал тренер в интервью 2012 г. – Они в любом случае были хорошими людьми, воспитанными… За три года Джеймс ни разу не вмешался в мою работу, никогда не надоедал мне. Он только помогал».

13-летний Джордан тоже никогда не жаловался. Неэр говорил: «От трехлетнего опыта работы с Майком могу вынести только одно: тренировать его было в радость. Он всегда старался помогать команде. Все время нашего общения он хотел только играть».

Билл Биллингсли, следивший за игрой команды, был поражен, увидев, что 13-летний Джордан часто стоит у края поля в ветровке и руководит игрой на первой базе. Его шансы проявить себя очевидным образом были ограничены. Молодежный спорт может быть таким жестоким: сначала на каком-то этапе он купает молодого игрока в славе, а потом отбирает ее у него и передает кому-то другому.

Поскольку играть часто у него возможности не было, Джордан стал развлекать себя и других. «Он был раскованным парнем, – говорил Неэр. – И всем помогал оставаться раскованными». Всегда любивший пошутить молодой Джордан в команде нашел возможность вывести свои фиглярства на новый уровень: он мазал кремом для бритья шлемы своих партнеров, игравших отбивающих, шлепал кого-нибудь по плечу, а потом быстро прятался, и вообще разыгрывал партнеров как только мог. Старый друг Джордана Дэвид Бриджерс тоже был в составе команды. «Он был поклонником Майка номер один, – вспоминал Неэр. – Его называли белый Майкл Джордан. Он и Майк были неразлейвода, но почти каждую тренировку у них случалась драка. Они оба обожали соперничать и побеждать, постоянно поддевали друг друга. А Бриджерс был хорошим спортсменом».

В один из дней Неэр пришел на тренировку и увидел, что Бриджерс сидит верхом на Джордане и лупит того изо всех сил. Джордан, игравший кэтчера, начал подкалывать Бриджерса, который не мог отбить несколько подач. Он сказал Бриджерсу, что, если тот попытается отбить летящий мяч своими огромными ушами, у него может появиться шанс на хит. «Майк лежал на земле в полной экипировке, а Давид сидел на нем сверху и молотил по маске, – вспоминал Неэр. – Как хоккеисты. Они все время устраивали такие концерты».

Неэр разнял их. Он мысленно вернулся к тому, как увидел слезы, катившиеся по лицу Бриджерса. Когда тренер услышал, что именно привело к потасовке, он засмеялся и спросил у Джордана, давно ли тот смотрелся в зеркало. У самого Джордана были необычной формы уши, и они частенько становились предметом подколов и шуток Ларри во время их сражений на заднем дворе дома. Неэр раздавал клички всем своим игрокам. Джордана он прозвал Кроликом в честь забавных «ручек кувшина» по бокам его головы, и, по всей видимости, это помогло рассеять гнев.

«Детям такое нравится, – говорил тренер. – Мы подшучивали над Майком. Уши у него очень близко прижаты к голове, прямо как у кролика. И вот в один день, мы все стояли и рассуждали: «А почему бы нам не прозвать его Кроликом?» Уши-то ведь почти лежат на голове. Все смеялись. Майк был не против. Когда они с семьей жили в Чикаго, Джеймс рассказал репортерам, что Майка прозвали Кроликом потому, что он был очень быстрым. На самом деле ничего подобного».

Джордану все же удалось попасть в состав на большую игру в тот первый год в команде. Двое основных кэтчеров непобедимой команды Неэра не могли играть в матче, в котором ей

противостоял другой непобедимый клуб, чьим главным спонсором была компания Mutual of Omaha. Джордан уговорил тренера поставить его ловить подачи, несмотря на то что его броски с основной базы могли долететь до второй только с отскоком от земли. «Майк сказал: «Тренер, я поймаю». Он был таким маленьким и тощим, но зато руки у него были огромные, – вспоминал Неэр. – Я сказал: «Да ладно тебе, Кролик, без шансов вообще. Ты не сможешь доставить мяч на вторую базу. До этой пластины 128 футов». Он сказал: «Тренер, я смогу». Таким он был ребенком».

Один из ассистентов Неэра предложил научить Джордана точно доставлять мяч на вторую базу «прыг-скоком», то есть с отскоком от земли. Ассистент тренера сказал Джордану, чтобы тот бросал мяч плотно, чуть выше головы питчера. Джордан тут же освоил технику. Он запустил мяч низко, с отскоком, в точности туда, где игрок на второй базе мог сделать «тег-аут» бегущему сопернику.

Неэр вспоминал разминку перед тем большим матчем: «Мы занимали инфилд, а игроки Mutual выстроились вдоль забора и наблюдали. Когда они увидели, что Джордан бросает с отскоком, они начали смеяться. Они словно обезумели, начали насмехаться над ним: «Ой, смотрите на эту руку-макаронину. Мы тебя сегодня перебегаем, Мистер Руки-Спагетти».

> Майк поднял свою маску кэтчера и посмотрел на них. Потом ухмыльнулся и сказал: «Вы будете бегать, а я буду стрелять».

Мы все засмеялись. Забавно получилось. Во втором иннинге они выставили своего игрока, и Майк его порвал. Потом они отправили третьего, четвертого. Майк продолжал выбивать, и они перестали бегать. Нам было смешно. После игры Майк сказал: «Говорил же, что смогу».

Много лет спустя, в Чикаго, Джордан признается ассистенту тренера «Буллз» Джонни Баху, что обстоятельства были непростыми, что он ощущал некоторую изоляцию и даже боль, будучи одним из двух чернокожих игроков в своих бейсбольных командах. За все 37 лет тренерской работы Неэра у него в командах было всего трое чернокожих игроков, один из них – Джордан. «Это поможет вам представить, как все тогда было, – говорил тренер. – Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People – NAACP) давила на меня, потому что у меня в команде не было ни одного черного. Обычно бывало так: в команде 12 человек, из которых только один черный. Я

говорил NAACP, что мне трудно заполучить черных игроков, потому что во всю лигу пытаются попасть 250 детей, среди которых только трое чернокожих».

Первые два года выступлений в Лиге Бейба Рута у Джордана был только один чернокожий партнер по команде, Терри Аллен. В последний его год в лиге единственным черным партнером был Клайд Симмонс, который впоследствии сделал карьеру защитника в Национальной футбольной лиге (National Football League – NFL) и попал в сборную All-Pro[9], выступая в составе «Филадельфия Иглз». Если что и подчеркивает боль и разочарование семьи Джорданов, решившей отдать сына в спорт, где доминировали белые, то это цифры. Когда его команды ездили по региону на игры и им требовалась ночевка, Джордана размещали в домах местных чернокожих семей. Эта ситуация позволила ему знакомиться с новыми людьми и заводить друзей, но такие обстоятельства очевидно доставляли дискомфорт. Джорданы никогда не выражали каких-либо негативных эмоций относительно расового состава команд. «От Майка я никогда не видел никакого негодования», – говорил Неэр.

Тренер вспоминал одну из вечерних тренировок команды на поле, располагавшемся в негостеприимном квартале. Во время тренировки двое посторонних мужчин отправились к скамейке и принялись рыться в холодильнике команды, где хранилась вода. Неэр попросил их прекратить, на что они ответили угрозами и бранью. Кто-то из игроков команды побежал к телефону вызывать полицию; пока остальные ждали, Джордан использовал слово на букву N в адрес двух мужчин, вспоминал Неэр. Момент отражал всю сложность ситуации. Молодежный бейсбол, по большей части игра белых, вдруг оказался в неловких обстоятельствах: команде пришлось проводить тренировочное занятие на единственном доступном поле в квартале, населенном преимущественно черными, и это в эпоху, когда градус расовой нетерпимости все еще был очень высок. Вполне логично, что Джордан-подросток мог столкнуться с проблемами идентичности, оказавшись в подобном контексте.

Той зимой телеканал ABC в течение нескольких январских дней 1977-го показывал в эфире мини-сериал *Roots,* завоевавший несколько наград и представлявший собой сагу (автор Алекс Хейли) об историческом опыте афроамериканцев и жестокостях рабовладельческого строя. Джордан был ошеломлен и очень тронут этой историей. «Сотни лет они причиняли нам страшную боль, и впервые я осознал это, посмотрев *Roots*, – объяснял он много лет спустя. – Изначально я был очень невежественным в этом вопросе, но фильм по-настоящему открыл мне глаза на

жизнь наших предков и показал, через что им пришлось пройти».

У него самого не было какого-то запомнившегося персонального столкновения с расизмом, рассказывал он позже. Но осознание отвратительного прошлого Америки настолько разъярило его, что мысли о нем надолго засели в его мозгу. Куда бы он ни приходил, он всюду видел то, на что прежде не обращал внимания, какие-то вещи и явления, которые лишь вынуждали еще чаще поднимать вопрос расизма и несправедливости и рассуждать о том, как это все отразилось на его семье.

Охотничий клуб

Мальчишки из охотничьего клуба Уоллеса для белых будут помнить это лицо и спустя много десятилетий, даже те из них, кто и не подозревал, что этот человек – прадед легенды. Доусон Джордан, повар в охотничьем клубе, производил именно такое впечатление. Он был стариком с костылем, передвигавшимся с удивительной быстротой и всегда балансировавшим на грани какой-то катастрофы, которая никогда не случалась, он был мастером, умевшим каким-то образом выдавать роскошные блюда. А разве можно было забыть его бисквитные пирожные? Он ходил в фартуке поверх робы и всегда щеголял густой седой бородой, обрамлявшей покрытое глубокими морщинами лицо. Но больше всего постояльцев клуба поражала грусть в его усталых, налитых кровью глазах. Выражение лица свидетельствовало о тяжелой жизни его обладателя.

«Лицо было суровым и жестким, – вспоминал Майк Тейлор, каждую неделю ездивший в клуб вместе со своим отцом. – Доусон Джордан и вправду был ярким человеком, постояльцы охотничьего клуба Уоллеса любили его за его сварливый характер и вкуснейшую еду». Кен Робертс, также проведший свою юность в клубе, был поражен добротой Доусона. В одну из первых встреч Робертс спросил у старого джентльмена, как к нему лучше обращаться. «Он сказал мне, чтобы я звал его просто Доусон», – вспоминал Робертс.

Клуб представлял собой не более чем пару обветшалых бараков, расположившихся на большом участке арендованной земли в верхней части русла северо-восточного притока Кейп-Фир в округе Пендер. Позже эти постройки снесут и заменят другими строениями, которые позже окажутся заброшеными и покинутыми. «Клубный дом можно было назвать ветхой хибарой, по современным стандартам это была дыра, – объяснял Майк Тейлор. – Я помню одно длинное одноэтажное строение из досок,

довольно низко посаженное, едва возвышавшееся над землей и явно нуждавшееся в покраске. У него было крыльцо во всю длину фасада. Внутри были обычные спальные места с койками и металлическими односпальными кроватями, а в столовой стоял длинный стол. Думаю, что Доусон готовил свои блюда в дровяной печи».

В этом месте даже двери-ширмы нуждались в основательном ремонте. Этот факт заслуживает упоминания потому, что как-то раз, в одну из суббот, охотничья собака, всегда, казалось, обитавшая во дворе, прогрызла сетчатую дверь и украла с кухни голову кабана, которую Доусон планировал использовать в приготовлении одного из своих загадочных блюд.

Главным лицом в управлении охотничьим клубом был Роберт Карр, известный всем, кто имел с ним дела, как «мистер Роберт». Он был видным человеком в округе Пендер, где владел компанией по дистрибуции масел и занимал пост главы Комиссии по охоте и охране природы в Северной Каролине. Карр мог быть излишне властным, но к Доусону Джордану испытывал горячую любовь. Их отношения были одним из парадоксов, оставшихся с прежних времен.

«Мистер Доусон очень хорошо относился к мистеру Роберту, а мистер Роберт очень хорошо – к мистеру Доусону, – объяснял Кен Робертс, добавляя, что уважительное отношение Карра к Джордану служило примером для остальных членов клуба. – Все уважали мистера Доусона. Никто не смел конфликтовать с ним, потому что Роберт Карр задал бы взбучку любому, кто рискнул бы сделать это».

Робертс вспоминал: «Мистер Роберт приезжал и забирал его в охотничий клуб каждую среду. Даже в не сезон охоты на оленей они все равно уезжали каждую среду. Им просто нравилось сбегать на природу».

Двое мужчин ехали вместе по трассе 50 через Северную Каролину в клуб, где начинали подготовку к привычному сбору охотников, устраивали старый добрый праздник с вкусной едой, обильным питьем, рассказыванием баек и даже время от времени с охотой и рыбалкой.

Легендарные яства Джордана были самым ярким впечатлением от поездок. «Завтрак был традиционным для Юга: деревенская ветчина, печенья, соус, яйца, овсянка и другие блюда, весьма соленые, достаточно масляные, с добавлением свиного сала для пикантности, – вспоминал Майк Тейлор. – Уверен, что такие обеды и завтраки были одинаково вкусными и вредными. Был и кофе, но мужчины всегда привозили с собой спиртное, которое свободно пили все». Мальчишки, приезжавшие

с отцами в клуб, удивлялись, как и семья самого Доусона, как это ему удается успевать делать всю эту работу, прыгая на костыле по кухне и столовой клуба. «Я вспоминаю, как раздумывал, как он умудряется готовить, мыть посуду и делать остальную работу, – говорил Тейлор. – Думаю, что я спрашивал у отца, помогал ли кто-нибудь мистеру Доусону, на что он отвечал, что все помогали таскать еду на стол. Она подавалась в семейном стиле: в больших мисках и блюдах, которые передавались друг другу сидящими за столом».

Кен Робертс, которому тогда было около десяти лет, вспоминал, что его беспокоил объем работы, который был вынужден выполнять старый калека, чтобы приготовить собравшимся еду, а потому он пользовался каждой возможностью помочь старику с домашними хлопотами: каждое утро вытаскивал на стол банки с мелассой и помогал мыть посуду.

«Я вставал по утрам, и порой холод стоял собачий, – вспоминал Робертс. – Мистер Доусон растапливал печь. Он был тихим человеком, но ко мне относился по-особенному, потому что я был одним из самых юных постояльцев». Робертс вспоминал один незабываемый день, когда впервые в жизни «услышал бранные слова». Роберт Карр развлекал в охотничьем клубе остальных членов Комиссии по охоте и охране природы. То были успешные и известные люди со всей Северной Каролины, они сидели за длинным столом в ожидании знаменитых блюд от Джордана.

«С каждым блюдом он подавал печенье, – говорил Робертс. – Не важно, что это было за блюдо, печенье было всегда». И вот Джордан вышел из кухни с подносом свежей выпечки, источающей пар, и двинулся к столу, как вдруг споткнулся и выронил поднос, рассыпав печенье по изрядно истоптанному деревянному полу. На секунду мужчины за столом затихли. «Тогда мистер Роберт сказал: «Доусон, поставь печенье на стол». Напоминаю, что это было собрание известных людей, городских шишек, – объясняет Робертс. – Мистер Роберт оглядел сидевших за столом и сказал: «Это печенье Доусона. Тот, кто его не съест, – сукин сын». И печенье исчезло. Они съели его все до единого».

Когда Доусон Джордан не был занят готовкой, он уходил в маленькое строение, примыкавшее к зданию клуба и со стороны походившее на бывший табачный упаковочный склад, там он спал. Робертс, периодически навещавший его там, говорил: «Помню, что в той маленькой комнатке у него стояла кровать с периной в старом стиле. Еще там были маленькая масляная лампа и небольшая печка. Он всегда сидел на своей кровати и читал. Он не очень-то любил общаться с людьми, приезжавшими

в клуб. Он был приятным человеком, но, наверное, не слишком стремился проводить время с белыми людьми».

В конце зимы 1977 г., спустя три коротких недели после того, как Майкл посмотрел по телевидению сериал *Roots*, его прадед умер в Тичи, не дожив всего несколько месяцев до своего 86-го дня рождения. Начавший свой жизненный путь ребенком в Холли Шелтер, засыпавшим в теплых руках родной матери, он позже занимался сплавом леса по великой реке, пахал плугом, чтобы прокормиться, совершал бесшумные рейды самогонщика тихими ночами, а закончил тем, что работал поваром в охотничьем клубе Уоллеса, утоляя голод постояльцев, – Доусон Джордан многое пережил. По ходу дела он сумел построить семью, которой каким-то образом удалось выжить и устоять под тяжелейшими ударами судьбы, справиться с самыми темными проявлениями человеческого характера, какие только бывают, даже в контексте огромного богатства и славы. Его внуки и правнуки будут еще долго ценить время, проведенное в присутствии его внушительной личности, но Доусон Джордан смог повлиять не только на них, но и на людей, навещавших охотничий клуб Уоллеса. Кен Робертс вспоминал, как в 1977 г. его семью шокировало известие о смерти Доусона. «Помню, как дедушка рассказывал мне, что Доусон умер, – говорил он. – Для него это было большим ударом».

Семья Джорданов в тот день рыдала в три ручья. Прадед Майкла хорошо знал об успехах правнука на бейсбольном поле, но настоящая слава, баскетбольная, была у Майкла еще впереди. Его успех сам по себе виделся чудом членам охотничьего клуба и жителям округа Пендер. «Помню, что, когда Майкл стал звездой, – со смехом говорил Кен Робертс, – мой тесть сказал: «Старине Доусону это понравилось бы».

Глубокая печаль, постигшая семью в связи с кончиной Доусона, вероятно, подлила масла в огонь расового гнева и негодования, недавно охватившего Майкла. Он не знал всех подробностей жизни своего прадеда, но ему было достаточно заглянуть в лицо старика, чтобы понять, каким ухабистым и опасным получился его жизненный путь и с каким количеством незримых барьеров ему приходилось сталкиваться.

Позже в том же году одна из девочек в школе назвала Майкла «ниггером». «Я швырнул в нее газировку, – вспоминал он. – Год выдался тяжелым. Я начинал бунтовать. В то время я считал себя расистом. По сути, я был против всех белых людей».

После этого инцидента Джордана отстранили от занятий в школе. Но вместо того чтобы сидеть все эти дни дома, он по требованию матери ездил с ней в банк и сидел в машине, пока

она работала, – так она могла наблюдать за ним через окошко оператора и контролировать выполнение им домашних заданий, а заодно следить, чтобы он не ввязывался в неприятности. Майкл был в ярости, а много лет спустя он шутя скажет ей, что эта ситуация – явный пример жестокого обращения с детьми. Однако Делорис удалось донести до него свое послание. В течение следующих месяцев она снова и снова поднимала тему бессмысленной траты сил на злобу и расовый гнев, объясняла молодому человеку, насколько деструктивными они могут быть. Дело было не в том, чтобы забыть о том, что было, а в том, чтобы простить, говорила она.

Потребуется больше года на то, чтобы смысл ее слов достиг разума Майкла, а его эмоции ослабели. «Меня образовывали родители, – вспоминал Джордан. – Нужно было уметь сказать: «Да, такое было в прошлом. А теперь давайте начнем с чистого листа и посмотрим, что будет». Было бы очень просто ненавидеть людей остаток своей жизни, некоторые так и поступали. Но нужно жить в настоящем и пытаться как-то улучшить ситуацию».

Формируя отношение своего сына к этому вопросу, Делорис Джордан опиралась на собственный опыт взросления на Прибрежной равнине. Но не только. Она была настолько сосредоточена на будущем, на позитиве, достижении новых высот, что не позволяла ни гневу сына, вызванному несправедливостью общества, ни душераздирающим обвинениям дочери в домогательствах отца встать на своем пути. У нее не было желания тратить время ни на один вопрос – каким бы важным и тяжелым он ни был, – не связанный с улучшением жизни семьи, своей жизни, чего угодно. Для Делорис Джордан остановиться означало проиграть. Испытав такое разочарование в ранние годы, она твердо решила, что больше не будет терпеть поражений.

Летит! Летит!

В марте 1977 г. Джордан следил за перипетиями турнирного пути команды Университета Северной Каролины в чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта (National Collegiate Athletic Association – NCAA) по ТВ, но не был впечатлен ее игрой. Позже он признается, что, будучи болельщиком «НК Стэйт», до глубины души презирал «Тар Хиллз».

Однако это был захватывающий момент для фанатов студенческого баскетбола, поскольку телевидение открыло для себя силу и мощь той химии, что со временем синтезирует

Мартовское безумие[10]. Повышенное внимание определенно было связано с тем фактом, что в том сезоне в студенческом баскетболе вновь разрешили данки, находившиеся под запретом в течение девяти лет, ту эпоху еще застал в «УКЛА Брюинз» Лью Алсиндор. Вероятно, была и другая причина, по которой молодому Майклу не нравились «Тар Хиллз», чисто инстинктивная. Если данки были призваны снова разжечь интерес публики, то Дин Смит и его команда Университета Северной Каролины своей знаменитой (или скорее пресловутой) четырехугольной атакой его только убивала.

По ходу турнира Северная Каролина намазывала ее толстым слоем на каждый матч, словно соус барбекю. Выскочки из Университета Северной Каролины (УНК) в Шарлотт, ведомые Седриком (Корнбредом[11]) Максвеллом, огорчили в региональном плей-офф средневосточного региона Мичиган, в результате чего в Финале четырех оказались две команды из одного штата. Судьбу национального чемпионского титула решали в итоге Университеты Северной Каролины и Маркетт. Лидером «Тар Хиллз» был разыгрывающий защитник Фил Форд, принимавший участие в матче, несмотря на травму локтя, но бросать по этой причине он не мог и поэтому никак не помогал своей команде преодолевать зонную оборону Маркетт. Дин Смит вновь не сумел взять чемпионский титул: пять раз добравшись до Финала четырех, он не одержал ни одной победы. Ликующий Джордан смотрел финальный матч по телевизору вместе с семьей. «Моей маме нравился Фил Форд, но я терпеть его не мог, как и остальных парней из Каролины, – вспоминал он. – В чемпионской игре 1977-го я болел за Маркетт. Маму это разозлило».

Весной и летом того года 14-летний Джордан начинал в стартовом составе каждый матч команды Дика Неэра в бейсбольной Лиге Бейба Рута, но магия, что была ему свойственна в 12-летнем возрасте, ушла и так никогда не вернулась. «Я не мог ставить его шорт-стопом, – вспоминал Неэр. – Он не мог делать броски. Периодически я ставил его на третью базу. Иногда на первую. Ставил его слева. Он делал подачи. В 14 лет он был в ротации на поле. Он играл питчера каждые две-три игры».

> Однако его подачи больше не имели такой разрушающей силы и точности, как прежде.

А когда он был на бите, скорость его ударов недотягивала до нужных показателей. «В тот год он показывал результат в 0,270 или 0,275[12], – говорил Неэр. – Это самые высокие цифры,

которые у него были при мне. Обычно в молодежных лигах ребята выдают 0,380–0,400, такие примерно результаты. Майк умел отбивать. Он был надежным игроком. Он, пожалуй, был одним из лучших отбивающих среди тех, кто показывал 0,230 и выше. Он был важнейшей частью команды. Но в Лиге Бейба Рута он никогда не был такой звездой, какой был в Младшей лиге. Он три года играл у меня и ни разу не попал в команду Всех Звезд».

Осенью 1977-го Джордан пошел в среднюю школу Ди Си Вирго (D. C. Virgo), где быстро стал завсегдатаем спортзала, куда приходил рано по утрам. Сотрудник школы Дэйв Аллен открывал учебное заведение каждый день и вскоре разглядел в Джордане талант прыгуна и обратил внимание на характерную для Майкла привычку высовывать язык при прыжках к корзине. «Сынок, боюсь, ты можешь откусить его себе», – сказал ему Аллен. И правда, спустя примерно неделю Джордан появился в кабинете директора с окровавленным ртом. Аллен спросил: «Язык?» Джордан смог только кивнуть.

Одним из партнеров Джордана в ходе той предсезонной подготовки был Харвест Лерой Смит. В битвах один на один с Майклом его высокий рост почти в 2 м противостоял быстроте и проворности Джордана. «Мы практиковались с ним каждый день, и ему постоянно нужно было побеждать. Если мы играли в «лошадь» и мне удавалось победить его, нам приходилось играть еще раз, пока не победит он, – вспоминал Смит. – Нельзя было уйти домой, пока он не выиграет».

Джордан, чей рост тогда едва превышал 170 см, находил массу разных путей к баскетбольному кольцу. «Ты видел, как он делает бросок, а потом спрашивал себя, как ему это удалось, ведь он совсем невысокого роста, – говорил Смит, – но дело было в скорости. Единственный вопрос был в том, каким высоким будет его рост – ну, и как высоко он поднимет уровень своего мастерства».

Джордан ответил на это в девятом классе, когда провел в составе баскетбольной команды, которую тренировал Фред Линч, отличный сезон, раскрывший многим глаза на его таланты. Вскоре Джордан привлек интерес целого ряда тренеров с округи. «Я смотрел за его игрой за Вирго, начиная с его дебюта, – вспоминал Дик Неэр, чей сын Стив играл в баскетбол вместе с Джорданом. – Их команда отправилась в Бурго играть с командой местной средней школы. Майк набрал 44 очка, а в средней школе четверти были не больше 6 минут». «Джордан принес своей команде 44 очка из 54 набранных ею в матче, – вспоминал Неэр. – Сначала он делал броски, а потом стал прыгать к корзине».

Джим Хеброн, школьный тренер, работавший в близлежащей

старшей школе Нью-Хановер, начал внимательно наблюдать за Джорданом. «Помню, как Джим Хеброн сказал мне, что Майкл, который тогда учился в девятом классе, в будущем станет особенным игроком», – вспоминал Маршалл Хэмилтон, работавший тогда тренером неподалеку, в старшей школе Сазерн Уэйн.

Шумиха вокруг Майкла была не слишком масштабной, но, вне всяких сомнений, началось все именно в девятом классе школы Ди Си Вирго. Джордан раскрылся в то время, когда баскетбол еще не приобрел бешеную популярность. Турниры AAU вскоре захватят этот вид спорта, стараниями Объединения он станет функционировать по сложной и продуманной системе, которая будет превращать молодые таланты в предмет купли-продажи.

«Теперь дети 12 лет и младше, играющие в баскетбол в AAU, думают, что уже стали профессионалами и карьера им обеспечена», – подметил в интервью 2011 г. Том Кончалски, баскетбольный скаут-ветеран. В 1977–1978 гг. Джордан мог развиваться только в рамках школьной лиги и ее отнюдь не насыщенного графика. Турниры AAU придут позже и предоставят молодым игрокам огромное количество часов игровой практики, но жернова этой машины пестования талантов, скорее всего, лишили бы Джордана самой его идентичности, самой его сущности, добавлял Кончалски. «Не думаю, что он сохранил бы эту свою всепоглощающую жажду соревноваться, эту особенную XYY-хромосому, давшую ему такой соревновательный дух. В других сферах жизни она могла бы навредить ему, но в баскетболе эта черта была определяющей в его характере. Она шла дальше его атлетизма. Если бы он участвовал в турнирах AAU, у него ничего этого не было бы, потому что там всегда есть следующая игра. Ты проводишь по три матча в день. Можно с позором проиграть, но уже два часа спустя тебе предстоит проводить следующую игру. Поэтому ты не концентрируешься на победе. Стремление к победе там не становится самоцелью, не носит характер одержимости, а Майкла Джордана от других игроков отличало именно это: он был одержим соревнованиями, жаждой борьбы. Если бы он рос в культуре AAU, он бы утратил свое стремление к победе. Он бы растерял то, что делало его настоящим, – свой соревновательный дух».

Судьба распорядилась таким образом, что Билл Биллингсли, тренировавший 12-летнего Джордана в баскетбольной команде Всех Звезд, той весной был приглашен руководством школы Ди Си Вирго работать учителем на замену и приставлен тренером бейсбольной команды девятиклассников. Он хорошо знал, что

Джордан начинает разочаровываться в игре. «Он терял интерес, – говорил Биллингсли об отношении Джордана к бейсболу. – Его тело начало меняться, расти, к тому же он уже добился некоторых успехов в баскетболе». По правде говоря, многие из самых приятных и запомнившихся впечатлений игроков бейсбольной команды Биллингсли девятого класса школы Вирго были связаны с баскетболом. Бад Блентон, белый мальчик, и Джордан с солидным отрывом были двумя лучшими игроками бейсбольной команды школы. Биллингсли каждый полдень находил их в школьном спортзале, где они ожесточенно сражались один на один у кольца. «Они приходили в зал и начинали играть в баскетбол, а тебе со стороны казалось, что у тебя на глазах разворачивается Третья мировая, – вспоминал, смеясь, тренер. – Они бились насмерть».

Как-то раз Джордан даже сумел уговорить Биллингсли, которому уже шел третий десяток, поиграть с ним. «Он не играл со мной так же жестко, как с Блентоном, – объяснял тренер. – Он просто стоял у линии штрафного броска и говорил мне: «Эй, тренер, неужели вы позволите мне оставить мяч себе?» Биллингсли садился назад к линии, чтобы помешать скоростному Джордану продвинуться к кольцу, но добился лишь того, что Майкл исполнил три прямых броска издалека, хотя в те времена трехочковый бросок еще не ввели. «Добавляет дистанцию», – подумал тренер.

Молодой Джордан уже тогда приправлял такие эпизоды щепоткой трэш-тока, как утверждал Биллингсли. «Когда ему было 14 лет, скромностью он не очень-то отличался. Он был тот еще болтун. Любил вербальные игры». Некоторым его комментарии были не по душе. «У него случилась стычка с одним парнем. Майкл немного его приложил», – говорил Биллингсли. – Кажется, у него тогда были проблемы из-за этого, так что пришлось идти в кабинет директора. Майкл был очень учтивым ребенком, отличавшимся примерным поведением. Но когда дело касалось его интересов, он не стеснялся их защищать». В том сезоне Джордан еще подавал за Вирго, но большей частью играл кэтчера. Бад Блентон уже демонстрировал талант, с помощью которого в будущем он заработает стипендию в Университете Кентукки, где будет питчером в Юго-Восточной конференции. Перформансы Джордана у «дома» напоминали чем-то выкрутасы Мика Джаггера и Ричарда Прайора на сцене. «Он ловил мяч и начинал смеяться и танцевать из-за «дома». Все вокруг начинало ходить ходуном», – рассказывал Биллингсли о домашних матчах Вирго.

Блентон, сын покойного местного чиновника, был наделен интересным сочетанием талантов: помимо скорости, другим его

козырем было умение исполнить выдающийся наклбол[13], что давало Джордану массу поводов для подколов. Биллингсли вспоминал, что один такой эпизод случился в игре против команды из соседнего Джексонвилла. «Блентон умел бросать очень резко, а потом внезапно переходить на наклболы. Отбивающие были ошарашены и даже немного напуганы его подачами. Но по-настоящему парень сбивал их с толку за базой. «Ты не сможешь попасть по этому мячу», – говорил Майкл. Блентон размахивался перед подачей, а Джордан кричал отбивающим: «Летит! Летит!»

Биллингсли усмехался, сидя за бэкстопом. «Я даже сейчас могу отчетливо расслышать его слова, представить картину. Когда летели наклболы, эти парни даже не размахивались битами. Отбивающие были настолько озадачены, а тут еще Джордан сидел и ехидничал. Вместо того чтобы смотреть на питчера, они оглядывались на Джордана. Смех пробирал меня настолько, что я чуть со стула не падал. Каждый раз, когда Бад Блентон бросал мяч, Джордан говорил им: «Берегись. Вот он летит».

Тем летом Джордан провел свой последний сезон в Лиге Бейба Рута. «В 15-летнем возрасте он должен был быть одним из ведущих моих питчеров, – говорил Дик Неэр. – Но не срослось. Я мог иногда ставить его в аутфилд и изредка на первую базу». Джордан и отбивал не лучше, чем в предыдущем сезоне, но все еще был эффективным игроком. «Мы играли в смоллбол, в игре было много бантов[14], ударов и беготни, – объяснял Неэр. – Майку это нравилось. Он был горазд бегать. Он не был быстрым бегуном. Просто у него был длинный шаг».

И этого хватило для того, чтобы его команда выиграла чемпионат. Характерный эпизод случился в одном из перенесенных матчей, перетекших в дополнительный иннинг, так как счет не был открыт. «Майк двигался неторопливо, и мгновения были потеряны, – говорил Неэр. – Мы продвинули его на третью бантом, если я ничего не путаю. И я рискнул пойти на суисайд сквиз. У нас был один 13-летний игрок, умевший хорошо исполнять банты. Я ввел его в состав и сказал, чтобы он сделал бант и защитил Майка на третьей базе. Но Майк уже был на середине линии, когда питчер выпустил мяч из рук». Неэр оглянулся на базу, а отбивающий сделал шаг из своей зоны.

Его команда оказалась на грани катастрофы, вспоминал тренер. «Мяч был у кэтчера, который сидел и смотрел на Майка, находившегося футах в 40 от него. Тогда он перепрыгнул. А игрок на третьей базе стоял около пластины, скрестив ноги, и грыз ногти. Майк просто развернулся, сделав вид, что собирается

бежать назад к третьей. И когда кэтчер бросил мяч в левую часть поля, Майк рванул вдоль линии к «дому», перед которым сидел кэтчер, футах в трех. Майк перескочил через него и приземлился на пластину, никак не задев его. Все воскликнули: «Вау, вы это видели?» Мы победили 1:0 благодаря игре Майка».

Но, подчеркивал Неэр, успешно играть ему помогал не только атлетизм, он и в правилах разбирался. «Было такое правило, что, если ты совершил контакт, а у кэтчера при этом нет мяча, ты выбывал из игры. Так что Майк избежал контакта. Он чисто перепрыгнул кэтчера, не задев его».

Следующей осенью Джордан захотел играть за младшую футбольную команду старшей школы Лэйни. К тому времени он уже был выше всех мужчин в своей семье, его рост почти достигал 175 см. Но мать стала отговаривать его от этой затеи, она указывала на его тощие руки и ноги. Он умолял разрешить, и в конце концов она сдалась, а он нашел себе место в оборонительном бэкфилде, где довольно скоро стал лидером команды по перехватам. Когда сезон уже был в самом разгаре, Лэйни играли с «Брансуик Каунти»; в составе этой команды был крупный, сбитый раннинбек, которому в начале матча удалось прорвать линию. Тощий Майк Джордан храбро сделал шаг вперед, чтобы закрыть брешь. В следующую секунду он уже лежал на земле, стонал от боли и жаловался на плечо. «Оно сломано, тренер. Оно сломано», – кричал Майк тренеру Фреду Линчу, вышедшему посмотреть, что с парнем. Линч, уже привыкший к постоянным шуткам и розыгрышам Джордана, сказал ему: «Поднимайся, ты тянешь время». Потом он понял, что это была не шутка.

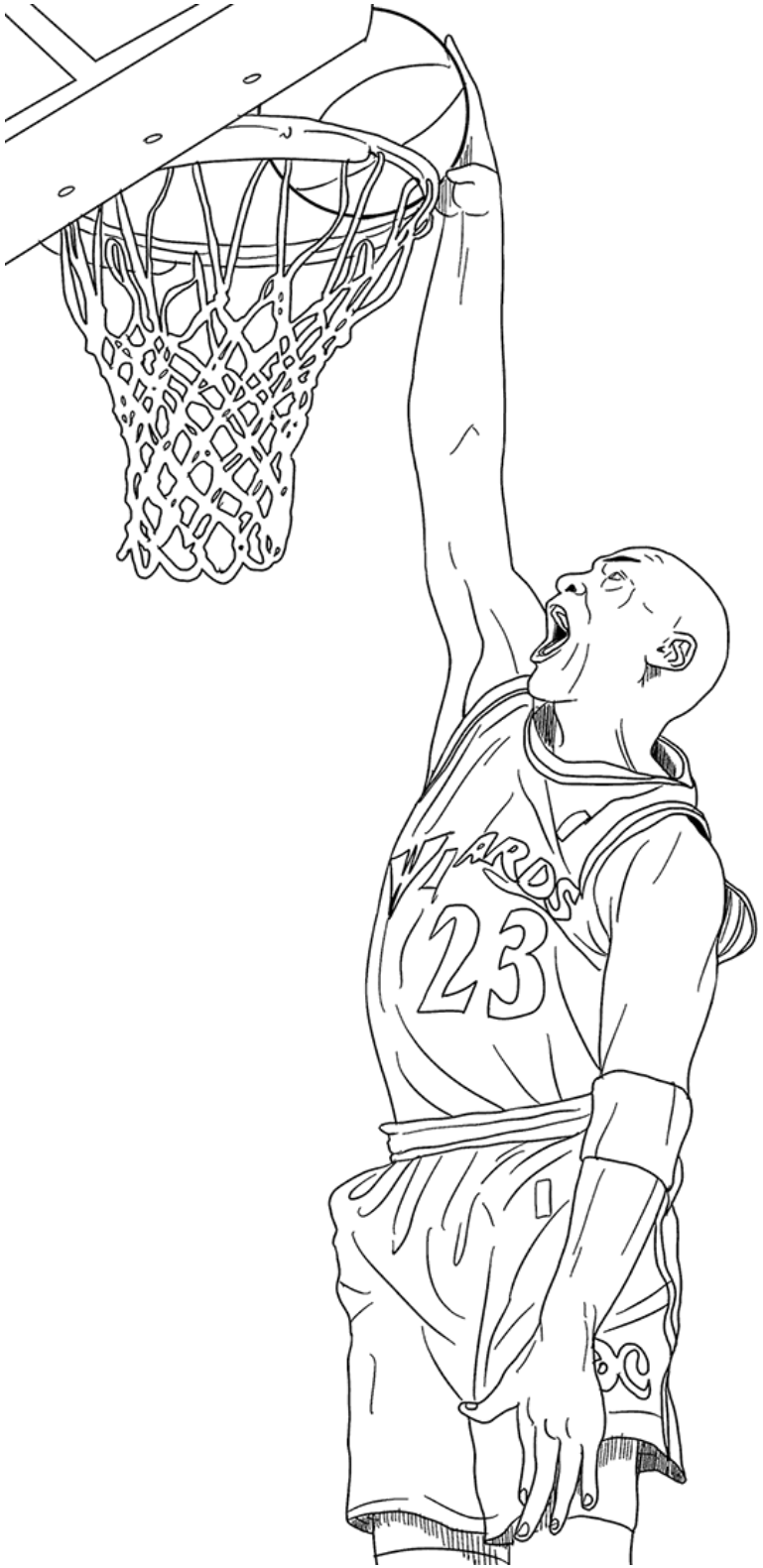
Делорис Джордан опоздала на матч и только садилась на свое место на трибуне, когда увидела, что игра приостановилась. Друг сообщил ей, что Майкл получил травму и к полю уже вызвали бригаду скорой помощи, чтобы отвезти его в больницу. Она вспоминала, что ее первым инстинктивным желанием было сбежать вниз к полю, чтобы узнать, все ли в порядке с сыном, но вспомнила об обещании, данном ему: что не будет стеснять его. Потому она вернулась в машину и поехала в больницу, чтобы дождаться его там. Плечо было вывихнуто, но ко времени банкета, состоявшегося несколькими неделями позже, оно уже пришло в норму.

Перед банкетом Майкл и Бад Блентон немного побросали друг другу футбольный мяч, а потом пошли на задний двор поиграть в баскетбол один на один. После этого Джордан разбежался и попытался сделать данк. Он не смог засадить мяч в корзину с ходу, но был довольно близок к этому, что подстегнуло

его продолжить попытку. И он пробовал. Снова и снова. Снова и снова. Потея и хмурясь, он почти весь следующий час пытался забить мяч в кольцо, высунув язык. Наконец, спустя примерно 30 попыток, он взмыл в воздух и вбил мяч в цель. Его улыбка была красноречивее любых слов.

«Он был очень взволнован, – вспоминал много лет спустя Блентон. – Он был рад, что ему удалось, но это было лишь делом времени, рано или поздно у него бы получилось».

Часть III
Восхождение


WIZARDS
23

Глава 6
Исключение

Пятнадцатилетний мальчик, возложивший свои надежды на баскетбольную команду старшей школы Лэйни, куда он надеялся попасть осенью 1978 г., был бесконечно далек от фантастически уверенного в себе Майкла Джордана, которого узнает потом весь мир. Того молодого человека одолевали сомнения. Он не был плохим студентом, его оценки по большей части были положительными (четверки и тройки), но не было никаких признаков того, кто его ждет звездное будущее на академическом поприще. А работать он попросту ненавидел, никогда не прилагал никаких усилий, чтобы заработать больше денег. Он давно забыл о примере своего брата Ронни, который был занят на двух работах, учась в старшей школе, и отцу Майкла было ясно, что тот будет делать все, лишь бы избежать того, что хотя бы отдаленно напоминало усилия и труд.

«Это самый ленивый мальчишка из всех, каких я только видел», – будет вновь и вновь повторять Джеймс Джордан. – Если бы ему пришлось идти на завод, где нужно отмечаться на проходной, он бы с голоду помер. Он отдавал все до последнего цента из своих карманных денег братьям, сестрам и даже детишкам из квартала, чтобы они выполняли за него домашнюю работу. Он всегда ходил с пустыми карманами».

Однако когда дело доходило до занятий спортом, его лень магическим образом исчезала. Если кто-то подбрасывал в воздух мяч, если кто-то хотел соревноваться, тумблер в его голове моментально переключался. Своими подростковыми мозгами Майкл додумался до того, что вполне может стать профессиональным спортсменом. Это было единственной по-настоящему интересовавшей его темой, и в этом плане он не отличался от миллионов других мальчишек своего возраста, мечтавших о том же. Он не знал, как реализовать этот замысел, но к жизни в мире профессионального спорта редко ведет прямая и разумная дорога.

Время сокращало количество возможных вариантов для него. Он увидел, что сильные качества, выделявшие его в бейсболе, по большей части испарились. К тому же мать настаивала на том, чтобы он окончательно порвал с футболом. Его перспективы казались настолько туманными, что Делорис даже предложила ему начать ходить на занятия по домоводству, чтобы он хотя бы научился готовить себе еду. Поступательно уничтожая его

самооценку, она утверждала, что с его стороны будет мудро поступить таким образом, ведь он не из тех парней, кому легко удастся привлечь внимание девушек. Это была ее интерпретация фразы: «Просто иди в дом к женщинам».

Вместо того чтобы противиться, Джордан принял ее предложение и записался на курсы – и ему там понравилось. «Помню, что в школе он испек торт, который был так хорош, что мы поверить не могли, – говорила его мать. – Нам пришлось звонить преподавателю, чтобы удостовериться, что это и правда сделал он».

Как бы то ни было, в 15-летнем возрасте Джордан впал в меланхолию, столь распространенную среди подростков его возраста. По правде говоря, у него было мало друзей.

> Единственным маяком, освещавшим светом его жизнь, был баскетбол.

После окончания девятого класса в Вирго Джордан и его долговязый дружок Лерой Смит побывали в баскетбольном лагере, которым заправлял Поп Херринг, школьный тренер в старшей школе Лэйни. Школе было всего три года со дня открытия, у нее был новенький, сияющий чистотой спортзал. Лэйни была символом тяжело давшихся Уилмингтону побед на поприще интеграции: примерно 40 % учеников школы были чернокожими. Город все еще болел расовой нетерпимостью, в столь многих отношениях напоминавшей об Уилмингтоне 1898 г., сотрясаемом расовым бунтом, по итогам которого черных согнали на железнодорожный вокзал и приказали им убираться прочь. «Для многих афроамериканцев единственной возможностью двигаться вперед по жизни был только отъезд из города», – считал Билл Биллингсли, впоследствии получивший степень доктора наук по истории и писавший о расовых проблемах города.

Впрочем, в старшей школе Лэйни в годы учебы там Джордана обстановка была относительно спокойной отчасти потому, что черные и белые ученики объединяли силы на игровых площадках и полях. Помимо смешанных по составу классов, ставших важным достижением по части интеграции, спортивные соревнования стали главной площадкой, на которой люди разных рас учились мирно сосуществовать на основе заново обретенного взаимного уважения. Но такие вещи покажутся важными лишь в ретроспективе. В 1978 г. Джордан был лишь еще одним мальчишкой, пытавшимся пробиться в школьную команду.

Джордан очевидно был лучшим игроком в команде девятиклассников, а в лагере Херринга впечатлял всех не меньше,

чем в школе. После пребывания там он стал представлять в воображении те вещи, которые будет творить на паркете зимой в составе «Лэйни Бакканирс». Он был вполне уверен в том, что сможет попасть в команду на грядущий сезон. В конце концов, даже Лерой Смит и другие партнеры-девятиклассники с готовностью признавали Джордана лучшим игроком команды.

Тут настает время момента, в котором мифология Джордана пересекается с трагедией, коей стала жизнь тренера Попа Херринга, и это событие приведет к недопониманию, что в последующие десятилетия будет лишь плодиться и множиться. Эту историю пересказывали в бесчисленном количестве журнальных статей, газетных колонок, телепередач, видеороликах, радиоэфирах и еще много где, ведь это история о том, как суперзвезду Майкла Джордана не включили в состав баскетбольной команды старшей школы.

Под всей этой лавиной мифов, порожденных карьерой Джордана, был погребен его тренер Поп Херринг. Он был гордым сыном Уилмингтона, посещавшим старшую школу Нью-Хановер, где играл под началом легенды, тренера Леона Бродгена, который привел к чемпионству штата восемь разных команд. Херринг был в составе последней команды Бродгена, которой покорился титул, после чего он перешел в американский футбол и стал квотербеком «Норт Каролайна Сентрал», где в 1930-е гг. Джон Маклендон организовал тренерские курсы. Херринг наверняка мог стать баскетболистом, но предпочел футбол, так как он был его билетом к степени в университете. После этого он возвратился в Уилмингтон и какое-то время работал ассистентом Бродгена. Когда в середине 1970-х открылась старшая школа Лэйни, у Херринга были все рекомендации, чтобы стать баскетбольным тренером. Важно отметить, что он был главным тренером-афроамериканцем, что было редкостью в те времена. Херринг был представительным и умным молодым педагогом с блестящим будущим, когда Майкл Джордан в 1978 г. стал участником программы старшей школы Лэйни. Более того, Херринг жил по соседству с Джорданами и вскоре обзавелся привычкой по утрам заезжать за Майклом, чтобы отвезти его в школьный спортзал на утреннюю тренировку. Ради своих игроков он был готов пойти на многое, даже помогал им писать письма в колледжи на предмет возможности выступать за них после окончания старшей школы. Как покажут дальнейшие взаимоотношения его с Джорданом, победа как таковая не имела первостепенного значения для Херринга. На первом месте были его игроки.

Дик Неэр, сделавший пристальное наблюдение за тренерами

своим привычным занятием, отдал в команду Херринга своего сына. «Он был отличным парнем, – вспоминал Неэр. – У него было психическое расстройство. Он был весельчаком. Всегда по-доброму относился к детям. Хороший был тренер. Представительный. Но он был на самом дне».

К сожалению, спустя три года после того, как Джордан закончил школу Лэйни, проблемы Херринга на почве шизофрении поставили крест на его карьере. Когда открылись его проблемы с психикой, в его характере и поведении произошли очень быстрые и внезапные перемены. Некогда вдумчивого, энергичного молодого тренера теперь часто видели бредущим по улицам города, он был словно растрепанный зомби, занятый погоней за некими незримыми демонами; мог подолгу разговаривать с самим собой или ни с кем конкретно. Такая перемена произошла почти что в одночасье. Для старых друзей Херринга это стало большим огорчением. «Как такое могло произойти? – повторяли они вновь и вновь. – Как вышло так, что этот светлый, талантливый человек дошел до такого?» Лекарства помогали ему немного облегчить свое состояние, но жизнь скатилась к такому знакомому и характерному шаблону жизни умалишенного: злоба и агрессия чередовались с резкими переменами в настроении и поведении, а сопровождалось это быстрой утратой всех социальных статусов.

Друзья по тренерскому цеху старались защитить его, как только могли, но пока его жизнь рушилась, история Джордана набирала обороты. Со временем возникнет шквал интереса к одной из самых странных загадок прошлого Джордана. Его не включили школьную команду? За этим следовал логичный вопрос: кому взбрело это в голову?

Уилмингтонское сообщество годами берегло правду о ситуации с Херрингом, четко придерживаясь настоящей версии событий, даже несмотря на не ослабевавший интерес журналистов, снова и снова поднимавших подробности этой истории для своих репортажей о Джордане. Первым репортером, которому удалось добиться значительного прогресса в поисках правды, стал Кевин Шеррингтон из Далласа. Много позже издание *Sports Illustrated* тоже раскопает подробности этой ситуации и опубликует великолепно написанный очерк о Херринге. Эти и другие истории утверждали, что заявления самого Джордана содержали ловушки ошибочных суждений и неточностей и каким-то образом были порождены характером и натурой суперзвезды баскетбола, которой был свойственен невероятный по мощи соревновательный дух. Но и это на поверку не оказывается правдой, хотя восприятие Джордана людьми, на

которое в значительной мере повлияла статья в *Sports Illustrated,* стало еще одним предметом для обсуждений в обширной мифологии Джордана. Простые факты истории выделяются на фоне бесконечных недопониманий и попыток переосмыслить произошедшее, пусть даже сделанных из добрых побуждений. Дело в старой как мир истине: молодые атлеты пробуются в спортивные команды школы, кому-то из них везет, и они пробиваются, другие остаются на обочине.

Спустя много лет поисков ответов на вопросы об истории с Джорданом тренеры начали утверждать, что никаких серьезных просмотров в спортивные команды Лэйни той осенью не было. Такой пересмотр фактов, конечно же, порождает вопросы. Если никаких проб в команду не было, то тогда совершенно точно не было бы опубликовано списка игроков, которые попали в школьную команду. Но позже той осенью Херринг опубликовал список, в котором были перечислены все отобранные в команду игроки в алфавитном порядке. Джордан с нетерпением ждал новостей об этом, считая дни, часы и даже секунды. А когда список был вывешен, он почти незамедлительно прибежал прочесть его. Потом перечитал. Тут ясно где-то закралась ошибка, подумал он сначала. Даже 15-летний Джордан знал, что он – лучший игрок команды девятиклассников, а тут его не было. Но единственным десятиклассником в списке оказался его высокий, длинный друг Лерой Смит.

Осознание собственной неудачи обрушилось на него подобно тяжелому валуну. В тот день он отправился домой в одиночестве и по пути старался избегать людей. «Я пришел в свою комнату, закрыл дверь и заплакал, – вспоминал позже Джордан. – Какое-то время я плакал и не мог остановиться. Даже несмотря на то что в доме тогда никого не было, я все равно закрыл дверь. Мне было важно, чтобы меня никто не услышал и не увидел».

Смягчающим «вину» Херринга обстоятельством было то, что той осенью он собрал команду смешанного состава, где было много ветеранов. Одиннадцать 12-классников и трое 11-классников возвращались в спортивную команду. Восемь из них были защитниками. Лерой Смит давал команде столь нужные ей габариты и рост, хотя играл он нерегулярно. Поразмыслив какое-то время над решением тренера, Джордан пришел к неизбежному выводу: размер имел значение. «Я был в бешенстве, – скажет он в 1990 г. писателю Джону Эдгару Вайдману. – Ведь мой друг ростом два метра прошел в команду. Он не был классным игроком, но зато был два метра ростом, а в старшей школе это высокий рост. Он попал в команду, а я чувствовал, что лучше его». Годы спустя Смит и сам подчеркнет, какое удивление

испытал, узнав, что его включили в команду, «потому что выбор явно делался не на основании моих талантов».

«Споры шли вокруг того, – вспоминал Рон Коули, тренер-ассистент Херринга, – что нам делать с Лероем Смитом». Коули, который впоследствии стал главным тренером в округе Пендер, утверждал, что даже не помнит, приходил ли Джордан на просмотр, но зато описал молодого Майкла, назвав его «стеснительным бейсболистом».

Потом тренеры признавали, что могли бы лучше справиться с той ситуацией. Херринг вполне мог обсуждать с Джорданом его будущее, но если такое действительно было, то Джордан не понял его слов. А никто другой об их разговоре не помнил. Более вероятно, что ничего не было сказано вовсе, так как ситуация была вполне привычной и реагировать на нее следовало в соответствии с давно принятым и все еще актуальным принципом спортивной жизни общественных школ: тренеры тренируют и принимают решения. Процесс не предполагал длительных обсуждений. Источником огорчения стал список сам по себе, который, по всей видимости, провисел большую часть того сезона. «Он еще долгое, долгое время висел без моего имени в нем», – вспоминал Джордан.

Много лет спустя репортеры отправятся в Уилмингтон, чтобы раскрыть тайну, почему Джордан не был включен в команду. Экс-тренеры и бывшие партнеры по команде как один скажут им, что решение было принято во благо Майкла, что он тогда не был готов, был слишком низкорослым, слишком тощим и, скорее всего, не смог бы обыгрывать один на один более старших и физически крепких соперников в школьных матчах. «Я всегда чувствовал, что он уверен в себе, – вспоминал многоопытный спортивный журналист и писатель из Уилмингтона Чак Карри. – Он просто был низковат и не умел делать то, что научился делать потом, после того как у него случился скачок роста».

Может, это была правда, хотя результаты последующих лет сделают этот аргумент сомнительным. Подобные ответы казались очевидными всем свидетелям тех событий 1978 г. – кроме, разумеется, самого главного их участника.

Сердце Джордана было разбито. Он захотел бросить спорт насовсем, но его мать, как он будет вспоминать потом, убедила его в необходимости продолжать бороться, чтобы преодолеть невероятное разочарование. К счастью, его боевой дух в ту зиму не пострадал.

«Мы сочли, что будет лучше, если он будет играть за резервную команду школы, – сказал Фред Линч, тренер команды

более молодых учеников и по совместительству ассистент в основной школьной команде. – Он не опустил руки, он работал. Мы знали, что Майкл хорош, но хотели, чтобы он играл чаще».

Членство в основной команде означало, что ему часто пришлось бы играть роль запасного игрока, который бы редко играл и мало прогрессировал, как объяснял Линч. В младшей, резервной команде у него было пространство для маневра, там он мог задавать тон. Однако статусу игрока резервной команды сопутствовали привычные для подросткового возраста унижения. Игроки, участвовавшие в спортивной программе Лэйни, обратили внимание на форму головы Майкла и начали обзывать его «арахисом» или «яйцеголовым». Еще со времен занятий бейсболом его раздражало то, что другие люди выбирали ему прозвища. «Впрочем, он никогда не отзывался на эти клички, – отмечал Майкл Брэгг, учившийся тогда в 11-м классе Лэйни и игравший за команду школы. – Майкл оценивал свою игру по тому, как выступал против старшеклассников, но вплоть до конца десятого класса школы он не мог обыграть один на один никого из них».

Ответом Джордана на ситуацию с попаданием в основную команду была игра, которую он показывал всякий раз, когда резервная команда школы выходила на паркет, и очень скоро игроки основной стали приходить полюбоваться этими спектаклями. Они следили за каждой деталью его перформансов, неотрывно наблюдая за ними до тех пор, пока не приходило время им самим идти готовиться к своим матчам. Он набирал очки пачками, яростно забрасывая мяч в кольцо снова и снова, дважды ему даже удалось набить больше 40 очков за игру – немыслимые цифры для матчей, где четверть длится по 6 минут. По итогам сезона, который он отыграл плеймейкером, средний его показатель по очкам за матч достиг 28.

В то время Джордан был ростом всего 170 см, но как-то раз Кевин Эдвардс, ученик 12-го класса, бывший запасным защитником основной команды, обратил внимание на руки Джордана и сравнил их со своими. «Его были раза в два больше моих», – вспоминал он. Крупные кисти рук помогают игрокам легче контролировать мяч в дриблинге, а это, в свою очередь, позволяет им изумительным образом завершать атаки, что демонстрировал тогда в профессиональном баскетболе Джулиус Ирвинг, или Доктор Джей. Молодой Майкл начал внимательнее следить за профессиональной игрой по ТВ. Позднее, благодаря развитию ESPN, матчи NBA на телевидении станут вездесущими, а игра самого Джордана породит целое поколение молодых игроков, которые будут имитировать его игру. Он объяснял, что

сам поступал так же, отыскивая в эфире телевидения изредка мелькавших там мастеров, которые были его «инструкторами». Первым таким специалистом был Дэвид Томпсон, а за ним уже акробат Доктор Джей.

«Заключительную игру в сезоне 10-го класса школы мы проводили в Голдсборо. Майк украл у соперника мяч и убежал к кольцу, а потом исполнил данк, то есть реально заколотил мяч в корзину, – вспоминал однажды Тодд Паркер, партнер по команде. – Думаю, что это был первый данк в его жизни, исполненный в настоящем матче. Мы тогда переглядывались: «Вау, это как ему удалось?» Джордан рассказывал, что его первый данк в матче на самом деле случился в Вирго: «Это был детский данк, самый примитивный. Я даже не понял, что сделал его, осознание пришло уже постфактум. Я сам тогда удивился. Другие пацаны делали данки, но для школьника умение исполнить данк все равно очень круто. Я гордился тем, что мне это удалось». Был ли тот данк в конце десятого класса первым или нет, не важно, как бы то ни было, исполнен он был с мощью и силой и как раз тогда, когда в студенческом спорте вновь разрешили эмоциональную и зрелищную игру.

Поскольку бейсбол отходил для него на второй план, Джордан обратился к игре, которая лучше всех подходила его поразительным атлетическим талантам. С каждым шагом его пути другие люди будут выражать восхищение и восторг тем, как отчаянно и упорно он борется за победу. На каждом уровне игры он был движим какой-то неведомой силой, словно гнался за тем, что другие разглядеть не могли. Всякий раз, когда он выходил на баскетбольную площадку, казалось, что все его существо обращается в концентрированную ярость. В сочетании с его физическими особенностями эта ярость будет творить такие спектакли, которые никогда не смогут забыть многие, кто воочию наблюдал их.

«В первый раз, когда я его увидел, я понятия не имел, кто такой Майкл Джордан. Я помогал тренеру в школьной команде Лэйни, – вспоминал в газетном интервью 1999 г. Рон Коули. – Мы отправились в Голдсборо, в гости к нашим принципиальным соперникам, я вошел в спортзал и увидел концовку игры резервной команды. Девять игроков на паркете просто отдыхали, а один пацан играл всем сердцем, до последнего. Увидев, как он играет, я подумал, что его команда уступает одно очко за 2 минуты до конца. Тогда я посмотрел на табло, и оказалось, что его команда проигрывает 20 очков, а до конца играть всего минуту. Таков Майкл, я быстро понял, что он всегда был таким».

Джордан оказался подвержен тем же капризам радости, смущения и горя, которые были свойственны стольким подросткам вокруг него. Несмотря на свои серьезные разногласия, его отец и мать умели думать не только о себе, и это было самым важным их качеством. Они, быть может, и не горели желанием решать проблемы семьи, связанные с домогательствами, но каким-то образом Джеймсу и Делорис Джордан удалось сохранить прежнее отношение к детям, которые продолжали занимать главное место в их жизни. Делорис в особенности не теряла бдительности и тщательно оберегала своих детей от любых возможных ловушек. А Джеймс, несмотря на стресс от работы и деятельности владельца ночного клуба, приезжал на каждую игру сына, пусть даже ему и приходилось держаться от жены на расстоянии.

На поверхностном, внешнем уровне эта забота родителей проявлялась в материальных благах и подарках, которыми они осыпали своих детей, заодно щедро уделяя им свое время. После того как трое самых младших пошли в школу, Джорданы купили им в подарок маленьких пони. Когда сыновья достигли подросткового возраста, Джеймс подарил Майклу и Ларри маленький мотоцикл. Этот эксперимент закончился тем, что парни вдвоем рискнули перепрыгнуть на нем через трамплин и, конечно же, упали. Потом родители предприняли все усилия, чтобы поддержать Ларри и Майкла в Младшей лиге бейсбола: они постоянно возили их на тренировки и игры, несмотря на то что оба работали и работа требовала больших усилий и энергии.

Помимо подарков и активного участия в жизни детей они занимались еще и тем, что постоянно формировали характер и взгляды своих отпрысков, и в этом заключалось их самое значимое воздействие на их жизнь.

> Они повторяли один и тот же знакомый рефрен: упорно трудись. Добивайся. Ставь цели. Думай о будущем. Не мирись с отказами. Будь тактичным. Не тормози в гонке.

«Чтобы вырасти, нужно упорно трудиться, – говорила им Делорис Джордан. – Дисциплинируйте себя и ставьте перед собой цели».

Ее слова, пожалуй, никогда не были так важны, как в тот день, когда ее младший сын не сумел попасть в список основной школьной команды по баскетболу. Как он говорил о своей

карьере и развитии, «расчет времени – это все». Эта фраза была, наверное, ближе всех к признанию им того, что случившееся с ним осенью 1978 г. было просто еще одним нетвердым, неуверенным, но все же шагом вперед, к прогрессу. Быть может, само непопадание в команду не ранило бы его так глубоко, как то, что случилось после этого. Для школьных тренеров было обычным делом привлекать в конце сезона лучших игроков резервной команды в основную, чтобы те могли помочь команде в матчах плей-офф округа. Джордан ожидал, что его вызовут. По отзывам и мнениям людей он уже знал, что на его игру обратили внимание. Но Херринг и его ассистенты загадочным образом проигнорировали Майкла. Судя по всему, ни у одного из тренеров не возникло мысли пригласить его в команду.

«Мы никогда даже не обсуждали такую возможность», – вспоминал ассистент Херринга Коули. Джордан счел это глубочайшим оскорблением. Но судьба распорядилась так, что менеджер заболел перед самым началом матчей плей-офф, что позволило Джордану придумать план, как поехать на эти игры вместе с командой. Только не игроком, а в качестве квази-менеджера и статиста. Он вспоминал, что ему приходилось облачаться в униформу другого игрока, чтобы войти в здание, не платя за вход. Он был так разозлен всем этим, что скорее оплевал бы «Лэйни Бакканирс», чем поаплодировал бы ей.

«Они вышли в плей-офф, а мне приходилось сидеть в конце скамейки запасных; я не мог поддерживать их, хотя чувствовал, что должен был играть за эту команду», – вспоминал он.

Ему было трудно поддерживать основную команду сезона, находясь в резерве, но он все равно делал это. Когда же дело дошло до плей-офф, он уже не мог себя заставить. «Тот раз был единственным, когда я искренне за них не болел, – объяснял он. – Я хотел, чтобы они проиграли. Ирония, но я хотел их поражения, чтобы доказать, что я мог бы им помочь. Вот как я рассуждал тогда: «Вы совершили ошибку, не взяв меня в команду, и вы в этом убедитесь, когда проиграете»». Ту весну «Бакканирс» закончила с 15 победами и семью поражениями. Проиграв три из четырех последних матчей, она не смогла попасть в плей-офф штата.

Этот опыт впервые столкнул Джордана лицом к лицу с его собственным эгоизмом. Такое противостояние станет одной из доминирующих тем его карьеры, он будет постоянно учиться направлять свой невероятный драйв и мощь своего эго, своей натуры спортсмена, не мыслящего свою жизнь без борьбы за победу, в русло командной игры.

Вторым незамедлительно проявившимся эффектом этого

непопадания в команду стала его одержимость собственным ростом. Если тренеры предпочитают талантливому игроку более высокорослого, что ж, тогда он станет более высокорослым. Он часами упражнялся на турнике в заднем дворе, подолгу вися на нем, и вообще старался висеть везде и всюду, где только можно было хорошенько ухватиться руками: таким образом он пытался растянуть себя, сделать выше.

Его мать видела все, что происходило с ним, и потому говорила с сыном о его беспокойствах. Они вместе молились об этом, а в конце каждого дня Джордан молился в одиночестве, как, впрочем, и по утрам, и весь день: «Пожалуйста, Господи, сделай меня выше. Позволь мне вырасти».

Шансов на это, казалось, было очень мало. Будучи ростом в 177 см, он уже возвышался над всеми мужчинами своей семьи. Его родители убеждали его думать о росте не в физическом смысле, а о росте в сознании, в сердце. «Но я хочу быть выше», – не успокаивался он, и изо дня в день повторялся один и тот же спор. Наконец мать сказала ему: «Иди посоли свои ботинки и молись».

«Он сказал мне, что я говорю глупости, но мне нужно было как-то утихомирить его, чтобы можно было доесть ужин, – вспоминала миссис Джордан. – Потом зашел отец, и он сказал ему, что хочет быть высоким. Мы отвечали: «Это есть в твоем сердце. Твой рост в тебе, внутри. Ты можешь быть сколько угодно высоким в сознании, в том, как ты думаешь».

Так что теперь – вдобавок к постоянному висению на турнике – Джордан солил свои ботинки перед тем, как отправиться спать, и продолжал молиться. Много вечеров Делорис приносила соль в его комнату перед сном. Ей не хватало смелости сказать, что она все это выдумала, что соль как была солью, так солью и осталась, и больше ничем быть не могла.

Спустя недолгое время к Джорданам приехал погостить старший кузен, ростом в 2 м. Два метра! Внезапно надежда вновь ожила. Единственным поводом для беспокойства стали постоянные боли в коленях. Больно было настолько, что Майкл едва мог спать по ночам. Мать решила отвезти его к доктору, чтобы узнать о причинах болей и рассказать тому о желании Майкла вырасти. Доктор мельком взглянул на рентгеновские снимки, увидел зоны роста в костях и сказал матери с сыном, чтобы они не беспокоились. Молодому Майклу еще только предстояло вырасти.

И правда. К лету он вымахал до 190 см, и это был далеко не предел. Более того, он продолжит расти на протяжении всей учебы в колледже и даже немного по ходу карьеры в NBA, пока не

дорастет до 2 м и не станет возвышаться надо всеми остальными членами семьи на добрый фут.

«К концу десятого класса Майк был ростом в 178 см, никак не выше 180 см. Талант у него был всегда, – вспоминал Фред Линч. – Он был нашим лучшим девяти- и десятиклассником. Он играл сердцем, обладал навыками защитника и всегда имел крупные, сильные руки. К 11-му классу он вымахал до 190 см, почти до 193-х. Внезапно к его таланту и рвению добавился размер… И он просто расцвел».

Глава 7
Номер 23

Весной 1979 г. Ирвин Джонсон (Мэджик Джонсон), второй год учившийся в Университете штата Мичиган, только что привел своих «Спартанс» к чемпионскому титулу NCAA, в финале обыграв будущего выпусника Ларри Бёрда и его «Сикаморз» из Университета Индианы. Очная встреча с участием восходящей чернокожей звезды из Конференции Big Ten и восходящей белой звезды из малоизвестного университета в Индиане вызывала серьезный интерес по всей стране, о чем говорит самая внушительная в истории телевизионная аудитория финала чемпионата NCAA.

В рядах увлеченных противостоянием зрителей был и юный Майк Джордан из Уилмингтона, Северная Каролина. Он будет следить и за следующим баскетбольным сезоном, в котором Бёрд присоединится к «Бостон Селтикс», а Джонсон – к «Лос-Анджелес Лейкерс», двум легендарным франшизам профессионального баскетбола. Следующей весной, когда Джонсон, показав всем свой волшебный талант, привел «Лейкерс» к чемпионскому титулу NBA, он окончательно покорил молодого Майка. Подросток из Уилмингтона влюбился в «Лейкерс». Она стала его командой, а Мэджик Джонсон – его кумиром.

В тот же год родители Джордана подарили ему первый автомобиль в его жизни. Отлично знавшая путь к сердцу Джордана его подруга Лакетта Робинсон купила ему крутой номерной знак, который он с гордостью повесил на передний бампер своего нового авто: Magic Mike.

Некоторые люди из мира баскетбола – среди них многие тренеры – будут потом печально улыбаться, узнав об этом. Бёрд и Джонсон были высокими мужчинами, рост обоих был 205 см, они великолепно обращались с баскетбольным мячом и на паркете блистали такой яркостью и отличались таким неповторимым почерком, что NBA благодаря им обзавелась миллионами новых фанатов. Оба великолепно умели пасовать, особенно Джонсон, и оба умели доставить мяч партнеру так, что сердца всех, кто это наблюдал, начинали учащенно биться. Баскетбол никогда не видел никого, подобного Джонсону, на всех парах летящего в контратаке к кольцу.

Лето и осень 1979-го – пока Мэджик Джонсон все еще купался в лучах славы своего успеха на турнире NCAA и радовался попаданию в состав «Лейкерс» – Майкл Джордан провел в

Уилмингтоне и вот-вот должен был зажечь пламя своей легенды. Той осенью Джордан начнет играть за основную команду «Лэйни Бакканирс». И если его мастерство было еще далеко от идеала, то рвение, которое отличало его первые игры за школьную команду, уже бросалось в глаза. Его мольбы о высоком росте были услышаны. Он дорос до 190 см и уже приближался к 193 см. Его кисти стали крупнее, руки длиннее, а шаги размашистее. У него появились новые инструменты, которыми он мог разнообразить свою игру. Если раньше он был агрессивен в атаке, играя разыгрывающего в резервной команде, то теперь стал более вдумчиво раздавать мячи партнерам. Наблюдая за тем, как раскрывается его внушительный талант в школьной команде, тренер Лэйни Херринг и его ассистенты заметили, что Джордан излишне альтруистичен. Он был настолько талантлив, что ему нужно было чаще демонстрировать это, набирая очки, чтобы тем самым помогать относительно неопытной команде вместо того, чтобы уступать это право другим, заключил Херринг. Джордан внимательно выслушивал своих тренеров, но не спешил менять свою манеру. Он все еще верил, что баскетбол – командная игра, а потому собирался искать партнеров и помогать им.

В конце концов Поп Херринг обратился к Джеймсу Джордану за помощью. Отец поначалу сопротивлялся, объясняя, что никогда не симпатизировал папашам, не дающим тренерам заниматься тренерством. Вмешательство в работу команды будет нарушением этого принципа. Впрочем, он вскоре сдался и убедил своего сына делать то, что говорят ему тренеры.

После этого убеждения Майкл стал более индивидуально подходить к игре, что в результате помогло сильнее раскрыть его дарование. Тогда жизнь молодого баскетболиста впервые стала развиваться по шаблону, который останется неизменным в будущем: чем больше он делал, тем больше тренеры и публика просили его делать дальше. И чем дальше, тем приятнее ему было открывать в себе какие-то способности. Его игра и образ стали подпитывать себя сами, пусть в те первые дни его карьеры это происходило едва заметно. Но очень скоро станет ясно, что все, что с ним связано, так или иначе множится и плодится. Поначалу для окружавших его людей это развитие не было предметом для беспокойств. Но позже станет очевидно, что его успеху сопутствовал тяжкий груз. Чем больших успехов он достигал, тем тяжелее становился этот груз, и он никогда не падет с его плеч, какими бы рычагами его ни пытались снять.

Школьная команда

Бобби Креминс, 31-летний главный тренер команды Аппалачского университета, летом 1979-го был одновременно счастлив и ужасно измотан, занимаясь организацией летних лагерей. Бывший разыгрывающий Университета Южной Каролины, где он играл под началом Фрэнка Макгуайра, Креминс провел четыре непростых года в Аппалачском университете, жемчужине среди государственных высших учебных заведений горной части Северной Каролины, где выстраивал программу спортивного развития. Его усилия были вознаграждены в 1979-м, когда его команда совершила первую поездку на турнир NCAA, где его «Маунтанирс» (подходящее название) быстро потерпела поражение от команды Университета Луизианы. В июне того года, когда Креминс открыл свой лагерь для команд из старших школ, возбуждение только начало захватывать его по-настоящему. Лагерь давал командам возможность поиграть летом в баскетбол на прохладных возвышенностях Северной Каролины, а молодому тренеру Кремингсу в то же время предоставлял возможность оценить игроков, отыскать которых как-то иначе он вряд ли бы смог.

Креминс следил за игрой школьной команды Лэйни из Уилмингтона, когда заприметил длинноногого худого игрока, чья энергичность и атлетизм сверкали на тренировках и играх в лагере, подобно электрическим разрядам. Чем больше Креминс присматривался к нему, тем сильнее удивлялся. Наконец Креминс решил позвонить Бобу Гиббонсу, редактору местного баскетбольного «бюллетеня» о талантах, и сказал ему, выговаривая слова с густым нью-йоркским акцентом: «Боб, тут у меня есть один паренек… ты не поверишь».

Через несколько недолгих лет Гиббонс станет известен как один из первосвященников баскетбольного студенческого скаутинга, но в то время у его издания было мало читателей. Горячий, безудержный рассказ Креминса о неизвестном игроке, который даже не провел ни одной игры за основную команду школы, возбудил интерес Гиббонса, и он решил поехать в Аппалачский университет, чтобы посмотреть на талант своими глазами.

«Я увидел игрока в 190 см ростом, обладавшего взрывным талантом атлета, – рассказывал Гиббонс писателю Аль Фезерстону. – Но что впечатлило меня больше всего, так это слова, произнесенные Майклом в тот момент, когда Бобби знакомил меня с ним: «Мистер Гиббонс, что мне нужно совершенствовать, чтобы стать лучшим игроком?»

Креминс и Гиббонс были не единственными удивленными наблюдателями. Партнеры Джордана по команде будут потом

вспоминать, как на их глазах происходила поразительная трансформация Майкла. «Он возвращается в школу к 11-му классу, и все, это уже другой человек, о тощем маленьком Майке уже забыто, – вспоминал Тодд Паркер, партнер Майкла по Лэйни. – Он выскакивает из спортзала, и я сразу: «Что?!»

«Было видно огромную разницу, – соглашается Майк Брэгг, в то время 12-классник в Лэйни, игравший в команде школы. – Он теперь был куда более решительно настроен и умел гораздо больше».

Гиббонс ничего не знал о произошедшей трансформации, но отметил потенциал Джордана в своем следующем отчете, он вспоминал: «Я написал о том, каким талантливым и перспективным он был, но у меня была всего сотня читателей, скромная региональная аудитория».

«Обо мне точно не ходило разговоров, – говорил Джордан о времени, проведенном в летнем лагере Аппалачского университета. – Никто меня особо не знал».

Поп Херринг, впрочем, обратил внимание на интерес к Джордану, и он его обрадовал. Внимание к Майклу подтвердило его убежденность в том, что ему предстоит тренировать кого-то совершенно особенного. Херринг не был склонен к бахвальству, но документальные доказательства выставляют его исключительно в положительном свете, несмотря на одержимость Джордана идеей, что он не был включен в команду. В этой истории нет ничего того, что указывало бы на стремление Херринга эксплуатировать исключительный талант ради собственной выгоды, как тренеры часто и поступают. Свидетельства показывают, что Херринг хватался за каждую возможность расширить возможности молодого Джордана. Более того, тренер будет проворно и энергично заниматься рекрутингом будущего игрока в колледжах, что поначалу получалось с трудом, но потом эта задача решилась почти в одночасье.

Осенью 1979-го, незадолго до бури, Херринг сел за стол и написал письмо, пытаясь привлечь интерес тренерского состава Университета Северной Каролины к Джордану. Не каждый школьный тренер интересовался будущим своих игроков, а чтобы тренер писал подобное письмо об игроке, который не сыграл еще ни разу за школьную команду, – такое случалось крайне редко. Но именно так поступил Херринг, каждое утро вставший чуть свет, чтобы в 6:30 заехать за Джорданом и отвезти его в спортзал для тренировки.

«У него была слабая левая рука, – вспоминал однажды Херринг. – Я сказал ему, чтобы он улучшал работу левой и оттачивал броски после дриблинга».

Тренировочные сессии, проходившие рано утром, строились вокруг работы над подобными нюансами, а также отработкой бросков – их нужно было делать как можно больше. Значительная часть фундамента будущих успехов Джордана была заложена его молодым тренером, прилагавшим нечеловеческие усилия в работе с игроком. По свидетельствам некоторых источников, Херринг и Джордан станут близки за время совместной работы, но никогда не будут близки настолько, чтобы Джордан забыл отказ, который получил в десятом классе. Вспоминая все эти занятия ранним утром в спортзале Лэйни, Джордан потом скажет: «Всякий раз, когда я уставал на тренировке и решал, что надо бы остановиться, то закрывал глаза и видел тот список в раздевалке, список, в котором не было моего имени, и обычно это заставляло меня продолжать работу».

Той же осенью Херринг вызвал Джордана в свой кабинет, чтобы посоветоваться с ним по поводу номера на майке, который Майклу нужно было выбрать для грядущего сезона. Он предложил ему два номера: 23-й Джеймса Битти и 33-й Дэйва Макги, двух выпускников школы, попавших в символическую лучшую команду округа.

> Судя по всему, Джордан был неравнодушен к нумерологии, а потому решил взять 23-й номер Битти.

Много позже он объяснит свой выбор номера 23 тем, что эта цифра близка к половине от 45, – под этим номером играл его брат Ларри. Прежде чем он сделает себе имя, баскетбольные тренеры придут к выводу: этот номер – знак. Будь то соревнования под эгидой AAU, лиги общеобразовательных школ или даже показательный матч десятилетних детей, – тренеры всякий раз будут отмечать, что любой, кому хватило смелости надеть майку с 23-м номером, заслуживает больше внимания в защите.

Аналогично будущие поколения лучших молодых игроков будут соперничать за право надеть майку с 23-м номером и попробовать справиться с грузом давления и высоких ожиданий, который шел к этому в нагрузку. Для Джордана номер относительно скоро станет фирменным знаком, которым будет помечаться все, что связано с его именем: от сети бутиков и до личного самолета небесного цвета, который будет перевозить его из одной точки планеты в другую, с одного эксклюзивного курорта на другой, пока Майкл будет искать идеальное поле для игры в гольф.

Первый ярчайший момент его восхождения в том сезоне за школьную команду случился в выездной игре в округе Пендер –

из всех мест именно там. И именно там, на глазах у членов семьи, друзей и дальних родственников, он наберет 35 очков и принесет Лэйни победу (81: 79) в овертайме в первой игре сезона. Его семья, партнеры по команде, тренеры, даже сам Джордан – все были поражены его игрой.

С той поры все сдерживаемые им эмоции и разочарование начнут извергаться наружу в каждой игре по мере того, как он, словно зарядившись высокооктановым топливом, на бешеной скорости устремится ко всему тому, о чем так мечтал. Дикость, отличавшая его на площадке, буквально бросалась в глаза всем смотревшим. Снова и снова он атаковал корзину, его рот при этом раскрывался, словно впускной клапан драгстера, всасывавший воздух с такой перегрузкой, что губы оказывались высоко на деснах, а обнаженные зубы сверкали так, словно он был вампиром, готовившимся через мгновение впиться в кольцо корзины. Язык высовывался изо рта без причины, просто чтобы не оказаться на пути этой ярости. Вновь и вновь он повторял этот обряд, приближаясь к корзине. Одного выражения его лица было достаточно, чтобы защитники приостановились, замешкавшись. А когда он делал подборы, он возвышался над всеми и хватал мяч с той же свирепостью. Скорость, с которой он отрывался от паркета, заставляла разевать рты в равной степени как его партнеров, так и соперников. Физическая мощь, быстро выделившая его на фоне остальных мальчишек вокруг, стала серьезным вызовом для соперников. Лишь узкий круг избранных мог соперничать с ним по части прыгучести, но многие просто следовали принципу вертикальности, выбрасывая руки в воздух и надеясь на лучшее.

Среди многих, кто обратил внимание на его игру, был Майк Браун, спортивный директор школ округа Нью-Хановер. Он был настолько впечатлен артиллерийскими залпами Джордана по корзине, что связался с Биллом Гатриджем, первым ассистентом Дина Смита по команде Университета Северной Каролины, и сообщил ему, что в Уилмингтоне нашелся один исключительно талантливый молодой защитник, которого ему, Биллу, непременно надо увидеть собственными глазами. Семечко было посажено.

В составе команды Лэйни были также Лерой Смит, игравший тяжелого форварда, и готовившийся к выпуску Майк Брэгг, бывший защитником. Еще одним защитником / форвардом был Адольф Шивер, с которым Джордан познакомился несколькими годами ранее на площадках Эмпи-парка в Уилмингтоне. Шивер был раздражительным малым, всегда болтавшим чепуху во время игр. Джордан вспоминал, что у него во рту постоянно была зубочистка. Если большинство других игроков поведение Шивера

зачастую раздражало, то Джордана его трэш-ток и постоянная болтовня забавляли: со стороны это чем-то напоминало придворного шута, развлекающего короля. Как-то раз Джордан швырнул Шивера о стену после того, как тот оскорбил девушку Дэвида Бриджерса, но в нервозности Шивера было что-то такое, что располагало к нему Джордана. Также весьма вероятно, что присутствие рядом Шивера и его отношение к окружающим позволило Джордану приобрести некоторый авторитет и уважение в старшей школе. Взамен Шивер получал возможность питаться колоссальной энергией Джордана, как это делали в команде школы Лэйни все, включая даже тренеров.

Двое парней подружились, и этой дружбе суждено будет продлиться много лет. Связь между ними установилась после того, как Джордан увидел в Шивере надежного партнера по команде. Время покажет, что Джордан будет исключительно преданным узкому кругу своих друзей, приобретенных на жизненном пути. Шивер был чуть ли не первым, получившим доступ в этот узкий круг. Джордан будет закрывать глаза на некоторые сомнительные поступки людей из своего окружения, но неверность он не примет никогда. Доверие было слишком ценным товаром в понимании Джордана, и между ним и Шивером в тот первый сезон в основной команде установятся именно доверительные отношения. В чикагский этап карьеры Джордана Шивер будет приезжать в отели, где останавливалась команда Майкла перед большими матчами, и играть со старым другом в тонк, чтобы тем самым помочь ему снять напряжение.

«Бакканирс» добыли еще одну победу во второй игре сезона, а Джордан набрал 29 очков, на этот раз уже в домашнем матче, но вскоре за этим последовал неизбежный звонок, спустивший его с небес на землю. Старшая школа Южного Уэйна собрала команду, в составе которой были двое будущих партнеров Джордана по колледжу – огромный Сесил Экзам и разыгрывающий защитник Линвуд Робинсон, – оба в то время считались весьма перспективными игроками. В игре против Лэйни Робинсон набрал 27 очков, а Экзам – 24. Джордан, набравший 28 очков, удивил публику еще сильнее, но его потрясающее выступление не помогло команде избежать поражения. Южный Уэйн выиграл у «Бакканирс» со счетом 83: 58.

Херринг после матча мог только присвистнуть. «Играть с такими сильными соперниками нам будет полезно, – сказал он, пытаясь выставить проигрыш своей команды в позитивном свете. – Джордан всего лишь 11-классник, мы все будем совершенствоваться по ходу сезона. Нужно перегруппироваться. Сегодня нас поколотили».

Три вечера спустя команда Лэйни выглядела уже лучше, а Джордан и Лерой Смит собирали все подборы и лихо проводили контратаки. Набранные Майклом в игре 24 очка вкупе с шестью очками, что принес его брат Ларри, вышедший со скамейки запасных, помогли Лэйни одолеть принципиальных городских соперников из школы Хоггард. У старшего Джордана тоже будут моменты славы по ходу сезона, но большую часть времени он проводил на скамейке запасных, приходя в восторг от того, в какого игрока превращался на его глазах младший брат. «В школьной команде мы отыграли вместе один год, когда я уже готовился к выпуску из школы, а он был на год младше. Тогда-то игра Майкла и вышла на совершенно иной уровень, – вспоминал позднее Ларри. – И хотя на площадке было пятеро парней, он играл почти на всех позициях сразу. Уровень его игры был гораздо, гораздо выше нашего. Люди все время спрашивают у меня, беспокоило ли меня это, но я могу честно сказать, что нет, потому что у меня была возможность воочию наблюдать его рост и развитие. Я знаю, как усердно он работал».

Несмотря на непримиримое соперничество, которым отличались отношения двух братьев в детстве, Ларри оказался еще одним замечательным звеном истории успеха Майкла. Его исключительная порядочность и терпение подтверждаются уже тем, что в команде Лэйни не возникало никаких конфликтов и лишних драм. Немногим 12-классникам удалось бы спокойно смириться с сидением на скамейке из матча в матч, пока их младшие братья-соперники стягивали бы к себе все внимание публики.

Более того, всю семью застал врасплох внезапно и резко поднявшийся статус Майкла, даже Джеймса и Делорис. «Помню, как приходил в школу Лэйни вечером по пятницам в предпоследний год Майкла там, помню, как он вырос, – будет вспоминать позже Джин Джордан, младший брат Джеймса. – Перед игрой он говорил мне: «Следи за мной, сегодня я исполню три слэм-данка. Вот увидишь. Я всажу трижды». А я ему: «Пацан, ты кого дуришь? Не умеешь ты данки делать». Ну, три он не заколотил, но совершенно точно исполнил два. В тот вечер я сказал своему брату: «Эй, этот парень просто уничтожает».

Несколько других очевидцев соглашаются с Джином. «Лучшим игроком Лэйни был Майк Джордан», – отмечал в уилмингтонской газете за 18 декабря Чак Карри. Вечер спустя Джордан набрал 31 очко в победе над «Кинстоном» и впервые удостоился заголовка в прессе: «Джордан приводит «Бакс» к победе над «Кинстоном». С учетом добытых ранее побед показатели Лэйни достигли четырех побед при одном поражении,

и Херринг стал смотреть в будущее с еще большим оптимизмом.

«Это лучшая команда по игре в защите за все время, что я работаю в Лэйни», – объявил Херринг. Успешная игра в защите отчасти строилась на умении Джордана открываться на линиях паса и его внимательной игре при подборах. В атаке он играл винга, но в защите одновременно исполнял обязанности защитника и форварда благодаря своей быстроте и скорости, с которой возвращался на позицию. Как и его идол Мэджик Джонсон, он большую часть времени проводил у своей корзины, обороняясь, чтобы потом подхватить мяч на подборе и быстро убежать к противоположной стороне площадки.

Годы спустя он весело будет вспоминать то, как ярко раскрылись его взрывной талант и мощь в старшей школе. Необузданная природа этого опыта показала, что как атлет он в состоянии выполнять целый ряд таких вещей, о которых даже лучшие тренеры не имели ни малейшего представления.

По мере развития баскетбола все более актуальной становилась другая тема: баскетбол активнее любого другого вида спорта ускорял процесс понимания белыми чернокожих спортсменов и учил их диалогу друг с другом. Этот процесс начался в первые годы интеграции, задолго до появления Джордана на авансцене. Но в те первые десятилетия расового сотрудничества в баскетболе у многих белых тренеров было весьма ограниченное понимание атлетического стиля игры, что развился в среде чернокожих. Единственным способом познать и принять его было наблюдение за ним собственными глазами.

В старшей школе, а позже в Университете Сан-Франциско в 1950-е тренеры учили Билла Расселла не отрывать стопы от пола, когда он блокирует броски соперников. Недолгое время Расселл следовал их советам, а потом стал поступать так, как подсказывал ему инстинкт – выпрыгивать и блокировать броски, как никто прежде.

«Мы были рождены, чтобы играть так, как играем, – скажет позже Джордан в разговоре с писателем Джоном Эдгаром Вайдманом. – Этому нельзя научить».

Из всех тренеров, у которых играл Джордан, только первые двое были афроамериканцами. Фред Линч и Поп Херринг имели возможность наблюдать за тем, как Джордан в годы учебы в старшей школе раскрывает и изучает возможности своего исключительного атлетизма. Они делали это, не указывая ему излишне активно на то, что он нарушает то или иное фундаментальное правило игры. Линч и Херринг работали с ним над основами игры в баскетбол и направляли его уникальный атлетизм в нужное русло. Херринг показывал ему, как

максимально увеличить скорость на первом шаге за счет движения, которое потом судьи в студенческих матчах Северной Каролины будут классифицировать как пробежку, – до тех пор, пока Дин Смит не докажет им, что Джордан на самом деле не совершает лишнего шага.

Свидетельства говорят нам, что Херринг много времени обсуждал с Джорданом и его партнерами по команде умение правильно выбрать момент для броска и темп игры, столь же много внимания он уделял слаженности их действий в защите. О том, как Джордан облегчал такие разговоры тренеру, вспоминал ассистент тренера Рон Коули: «Ни у кого и никогда не было такой энергии, как у этого парня, даже в старшей школе. Он с гордостью защищался. Майк приходил в ярость, если его партнеры не отыгрывали в защите на тренировках как надо».

Но сколько бы Херринг ни нахваливал свою команду, он разумно ограничил себя в публичных комментариях касательно Джордана в те первые месяцы сезона. Он не распространялся ни о письмах, которые писал в колледжи, ни об утренних занятиях с Майклом в спортзале. Очень многие тренеры рассматривали свои команды и игроков с точки зрения своего профессионального резюме, но Херринг держал информацию о своих усилиях при себе. О них станет известно много позже, по большей части из воспоминаний Джордана. Херринг вряд ли тогда знал, что момент восхождения Джордана станет и его собственным коротким мигом славы. Поступки тренера были не идеальными, но в ретроспективе их точно можно назвать выдающимися. Херринг был энтузиастом, но молва о его стараниях оставалась за дверями раздевалки его неопытной команды.

Учитывая высокий рост Джордана и его прыгучесть, большинство тренеров логичным образом предпочли бы расположить его неподалеку от корзины или заставили бы играть вдоль лицевой линии. И хотя Джордан работал по всему периметру площадки, Херринг ставил его в основном на позицию защитника. «Поп дал ему возможность играть на позиции, на которой он будет действовать в колледже и в профессиональной карьере, – отмечал тренер Нью-Хановер Джим Хеброн. – Если бы Поп ставил его на лицевую или под кольцо, он мог бы выиграть чемпионат штата».

Слухи распространяются

Спустя два дня после наступления Рождества команда школы Лэйни открывала Пригласительный турнир Нью-Хановер,

организованный газетой *Star-News* и выигранный командой Херринга в предыдущем сезоне. Турнир сталкивал местные школьные команды с талантами не откуда-нибудь, а из Нью-Йорка. Первым соперником Лэйни стала команда школы Боумен из Уэйдсборо, приехавшая из южно-центральной части Северной Каролины. «Мы слышали о нем, – вспоминал в 2011 г. тренер Уэйдсборо Билл Такер. – Кое-кто из наших ребят считал, что сможет играть, как Майкл Джордан, но с этой задачей они не справились».

В частности, в составе его команды был атлетичный игрок Тим Стерлинг. Вот что вспоминал Такер: «Он считал, что сможет отвечать на каждый данк Майкла Джордана своим данком. Игра была очень напряженной, вперед выходили то одни, то другие».

Команды обменивались уколами с невероятной скоростью, и тон задавала команда Лэйни – своим прессингом и ловушками. За 6 минут до конца Лэйни вела со счетом 46: 44, Херринг взял тайм-аут, чтобы дать своим игрокам передышку и напомнить о том, что важно концентрироваться на метких бросках в оставшееся время матча. В первых выигранных матчах его беспокоило то, что его команда имела склонность терять контроль над игрой. В этот раз соперники тоже смогли подтянуться: за 3 минуты 47 секунд до конца счет был равным, 48: 48. Вернув утраченное хладнокровие, Джордан и его партнеры вновь успешно реализовали свою защитную стратегию и в оставшееся время набрали 18 очков против двух у соперников, завершив игру со счетом 66: 50. «Наши парни отлично оборонялись весь вечер, но особенно удачно действовали в конце», – сказал после матча Херринг. Особенно хорош был Джордан.

«У него была уйма энергии, целый вагон», – вспоминал Такер.

Однако оптимистичные ожидания не оправдались на следующий день, когда состоялся полуфинал против команды школы Холи Кросс, проделавшей для участия в турнире 15-часовой путь из Флашинга, Нью-Йорк. Лэйни имела преимущество в шесть очков в середине четвертого периода, а за 2 минуты до конца вела 51: 47. Но Джордан дважды промахнулся со штрафных бросков за 45 секунд до сирены, что позволило Холи Кросс сравнять счет в матче. У Джордана была возможность сделать победный бросок перед самой сиреной, но он снова промахнулся, после чего Холи Кросс взяла контроль над игрой и победила в овертайме 65: 61.

После поражения Херринг был изрядно зол. «Они должны были выполнять свою работу, – жаловался он репортеру. – У нас было собрание по этому поводу». То, что он сделал потом,

затмило, наверное, даже психическое расстройство, открывшееся у него позже. Вероятно, он просто не хотел дать принципиальным соперникам из Нью-Хановер возможность оценить игру его основных игроков, а может, был попросту вне себя от злости. На следующий день Херринг оставил всех игроков стартового состава на скамейке, выпустив резервистов на матч за третье место против Нью-Хановер. Озадаченный и разозленный Джордан со скамейки наблюдал за тем, как его партнеры проводят хороший матч, но проигрывают 53: 50.

Какой бы ни была цель, преследуемая Херрингом, ему пришлось столкнуться с негативными последствиями своего решения. В течение следующих трех недель его команда потерпела пять поражений кряду, хотя даже в этой провальной серии нашлось место паре светлых пятен. В игре с мощным Голдсборо, в составе которого играл Энтони Тичи, будущая звезда команды Университета Уэйк Форест, Джордан набрал 40 очков. В тот вечер Тичи заблокировал 17 бросков игроков Лэйни, из-за чего Херрингу оставалось только разочарованно качать головой – его команда проиграла 72: 64.

«Тичи сыграл просто невероятно, – сказал он. – 17 блок-шотов – невероятный результат».

Быть может, предыстория этого матча поможет объяснить сумасшедший настрой Джордана на ту игру, в которой он набрал аж 40 очков. В 16-летнем возрасте он встречался с девушкой из Голдсборо, а поскольку город этот находился примерно в двух часах езды на северо-запад от Уилмингтона, Майкл ездил к ней по ночам. Эта девушка, Лакетта Робинсон, проживала в том же районе, что и Тичи, а потому звезда Голдсборо время от времени пересекался с Джорданом. «Он встречался с девчонкой, моей одноклассницей, поэтому знал местных из Голдсборо», – вспоминал Тичи в интервью 2012 г. – Он очень часто наведывался в Голдсборо».

> Даже тогда Джордана окружала какая-то особая аура.

Тичи вспоминал: «Он держался сдержанно. У него была такая аура. Она и на площадке окружала его. Если он не знал тебя, то не водился с тобой за пределами площадки. Если он не знал тебя, то не начинал с тобой разговоров».

Не то чтобы Джордан был грубым. Он был вполне дружелюбным, отмечал Тичи. «Он просто не доверял многим людям».

Джордан явно хотел впечатлить свою подругу игрой в матче против команды ее школы. Лучшая демонстрация повышенной

мотивации? Сорок очков, набранные звездой одной команды, и 17 заблокированных бросков от звезды другой. Тичи не смог вспомнить, сколько из 17 его блок-шотов пришлись на броски Майкла, но признался: «Он очень активно атаковал корзину».

Тренер-ветеран Голдсборо Норвелл Ли в том сезоне уже был наслышан о Джордане от своих знакомых, вспоминал со смехом Тичи. «Мой школьный тренер сказал, что нам нужно начать внимательно следить за ним, как только он выйдет из автобуса… Вся атака, какая у них была, это был он один».

Тичи рассказывал, что в тот вечер Джордан прибегал к трэш-току, но конкретно ему свои выпады не адресовал. «У него уже было преимущество перед остальными – его талант, – объяснял Тичи. – Думаю, что он это понимал. Но вдобавок еще и вербальная игра? Трудно было помешать ему делать то, о чем он говорил, – все, что он хотел, он делал».

Джордан демонстрировал удивительно отточенное мастерство для игрока основной школьной команды, выступавшего в ней первый год. «В то время я не видел никаких слабостей в его игре, – вспоминал Тичи. – Каким-то образом он смог найти и раскрыть свою игру в очень раннем возрасте. Майкл не слишком часто исполнял данки. Он показывал умение бросать со средних дистанций. Хотя и дальние умел исполнять. Он не играл на какой-то конкретной стороне, а покрывал всю площадку. Он мог затормозить или ускориться. Ему всюду горел зеленый свет».

Это будет становиться все более очевидным с каждой последующей игрой. Два дня спустя его результат в очередном проигранном матче, втором в противостоянии с извечным конкурентом Нью-Хановер, составил 26 очков. И вновь он стал единственным игроком Лэйни, набравшим двузначное количество баллов. Следом их обыграла слабая команда из Джэксонвила, добывшая победу точным штрафным броском на исходе игрового времени. Джордан набрал 17 очков, но реализовал лишь семь из 14 своих штрафных бросков в матче, в котором вся команда показала лишь 36 %-ную реализацию бросков с линии.

Билл Гатридж, чей наметанный на таланты глаз высоко ценил Дин Смит, отправился в Уилмингтон в начале 1980 г., чтобы посмотреть на того, о ком все так активно судачат, но к тому времени, как он добрался до Джордана, «Лэйни Бакканирс» уже терпела одно поражение за другим, а сам Джордан несколько сдал и плыл по течению с командой. Понаблюдав за его игрой и отметив несколько точных бросков Майкла в прыжке, Гатридж сообщил Смиту, что у этого молодого таланта впечатляющая «физика» и восхитительная скорость, а также что он усердно

старается на протяжении всего матча, но при этом слишком много времени тратит на попытки сделать точные броски, снижающие его общую эффективность. Гатридж сказал Смиту, что Джордан талант «недоенный». Однако было решено, что Джордан – явно талант уровня ACC и команде Каролины нужно внимательнее следить за его игрой. Смиту всегда не нравилось, когда общественность узнавала об игроках, которые были ему интересны, и ситуации с Джорданом это касалось в полной мере, однако восхищение, вызванное открытием столь перспективного таланта, все же стало достоянием публики.

Арт Чански, освещавший успехи Каролины в местной газете, был близким другом ассистента тренера команды Эдди Фоглера. «И хотя я был газетчиком, но хранил в секрете информацию, которой они со мной делились, – вспоминал Чански. – Я знал, что он у них на радарах и что они считали его куда более талантливым, чем он сам. Майкл просто надеялся получить где-нибудь стипендию. Он задумывался о том, чтобы пойти служить в ВВС. Вот насколько поздно он раскрылся. Играя за Лэйни, он просто летал ниже радаров. Когда Каролина начинала набирать в команду парней, она не просто привлекала всеобщее внимание к новичкам, но еще и повышала рейтинги молодых парней во всех списках рекрутеров. Порой это отрицательно сказывалось на игроках, потому что все считали их классными, а на деле оказывалось, что они были далеко не так хороши».

Рой Уильямс, ассистент тренера и выпускник Университета Каролины, первым был приставлен наблюдать за Джорданом, но не смог начать это делать из-за конфликта. По всей видимости, Уильямс дал кое-кому наводку, что «Тар Хиллз» проявляют некоторый интерес к Джордану. Он позвонил Брику Оттингеру, другу, выпускающему редактору брошюры о текущей конъюнктуре ACC, касающейся потенциальных новичков. «Рой сказал мне держать эту наводку в секрете, так как тренер Смит не хотел, чтобы о его интересе прознали журналисты, – вспоминал Оттингер много лет спустя. – Он сказал мне: «В Лэйни есть один парень, Майк Джордан. Тренер Гатридж трижды смотрел на его игру. Он исполняет 360-градусные данки как нечего делать».

Джордан не был в курсе небольшой шумихи, вызванной его персоной в среде авторов, писавших о возможных новичках баскетбольных лиг. Более того, он не знал о том, что Северная Каролина присматривается к нему, до тех пор, пока ему не рассказали о визите Гатриджа. Это сделал не Херринг. Скорее всего, тренер боялся, что его главная звезда из-за этих новостей начнет нервничать. Когда Джордан узнал о визите университетского тренера, он был одновременно удивлен и

взволнован, а заодно получил заряд уверенности в себе, который несколько потух в связи с трудностями середины сезона, когда ему с трудом удавалось набирать очки.

«Я никогда не думал, что смогу играть в мяч в первом дивизионе, – говорил он о том периоде своего развития. – Я был очень счастлив от того, что хотя бы заинтересовал их, я был полон энтузиазма. Меня радовало, что я кого-то интересую».

Отчасти трудности, с которыми столкнулся Майкл на площадках, были связаны с тем, что тренеры соперничающих команд начали придумывать планы по его сдерживанию. Чем дальше распространялись слухи о нем, тем больше внимания в защите ему уделяли соперники, гораздо больше, чем в начале сезона. Джордану был брошен серьезный вызов: соперники подстроились под его игру. Ответ на вопрос о его таланте кроется в том, как он подстроился под тех, кто подстроился под него, – если так можно выразиться. Январь 1980 г. сменил февраль, а Джордан уже показывал, что подстраивается вполне удачно, что перед лицом сразу нескольких защитников он все же может вершить большие дела.

Так он преодолел первое серьезное препятствие в своей карьере. Использование видеозаписей в работе станет привычным делом в баскетболе лишь много позже, пока же тренерам соперничающих с Лэйни команд Конференции Прибрежной равнины второго дивизиона приходилось опираться лишь на собственную память и статистические выкладки по первому сезону Майкла в школьной команде. Но даже при этом Джордан предоставлял им и тренерам Северной Каролины много пищи для размышлений. Позднее, когда он будет играть в баскетбол на студенческом и профессиональном уровнях, его игра все чаще и чаще будет отправлять его соперников в комнату для просмотров записей его игр, где они будут смотреть их в надежде изучить его манеру и найти способ как-то ему противостоять.

Свидетельства Дина Смита и Роя Уильямса разнятся в том, как именно тренерский состав команды Северной Каролины отреагировал на Джордана после того первого просмотра его игры. «Билл Гатридж – выдающийся тренер, блестяще выбирающий таланты, – вспоминал позднее Дин Смит. – Увидев Майкла в первый раз, он сказал, что тот – игрок уровня ACC, но мы не были уверены, что хотим заполучить его в команду». В одном разные свидетели сходятся – тренеры Каролины хотели взять его в летний лагерь Смита, чтобы оценить, насколько он может им подойти.

Игра Джордана в заключительные недели сезона 1980 г. не дала им никаких поводов медлить с этим. Имея в активе семь

побед (при пяти поражениях), школьная команда Лэйни отправилась в Южный Уэйн с Робинсоном и Экзамом в составе. Джордан был болен, а потому остался в автобусе, где тихонько лежал на задних сиденьях, о чем 17 лет спустя вспоминал ассистент тренера Рон Коули, отмечая, что Джордан смог победить болезнь и привести «Буллз» к победе над «Ютой Джаз» в финальном матче сезона NBA. В 1980-м он еще только обретал первое понимание своей невероятной способности концентрироваться и узнавал, как некоторые неудачи вроде болезни или незначительных препятствий на пути, могут эту концентрацию усиливать еще больше.

В тот вечер Херринг прибегнул к замедляющей тактике при игре в атаке, что почти позволило «Бакканирс» избежать разочарования в матче, которое все же их настигло (36: 34). Джордан набрал лишь семь очков (включая два точных попадания в концовке, которые уже ничего не решали), а большую часть очков команде принесли Шивер и Смит.

После этого Лэйни занесла в свой актив победу над Хоггардом, а после сошлась лицом к лицу с Кинстоном в очень открытой и результативной игре. За минуту до конца, при счете 51: 51, Херринг попросил тайм-аут и приказал своим игрокам расположиться по площадке в соответствии с четырехугольной расстановкой в атаке. В этот раз, однако, исход был другим. Ларри Джордан вышел со скамейки с мячом в руках и, увидев свободный коридор по центру, рванул туда и принес победу своей команде лэй-апом. «Братья Джорданы топят Кинстон», – гласил заголовок газеты *Wilmington Star-News*, вышедшей следующим утром.

«Ларри Джордан вышел на замену и сыграл здорово, – сказал Херринг спортивному журналисту Чаку Карри. – Нехватка игровой практики была его единственной проблемой».

Младший брат Ларри помог команде победить 29 набранными очками.

Потом было поражение от Нью-Берна, а затем очередная встреча с Голдсборо и Энтони Тичи, на этот раз в Уилмингтоне. Родные стены не помогли. Джордан по-прежнему испытывал трудности в матчах против команды из родного города своей девушки. В первой половине матча он набрал лишь два очка. В заключительных двух четвертях он компенсировал это 15 очками, чем помог своей команде отыграть 15-очковое отставание в счете. «Бакканирс» сумела догнать соперника, но не смогла его дожать, из-за чего Херринг после матча жаловался, что устал видеть, как его игроки смущаются соперников из Голдсборо и вновь им уступают. Поражение выровняло показатели побед и проигрышей

Лэйни в том сезоне (9: 9) и сильно понизило шансы команды сыграть первый матч плей-офф дома.

После той игры настало время заключительной схватки с принципиальными соперниками из Нью-Хановер, состоявшейся в Уилмингтоне. Тренер Нью-Хановер Джим Хеброн изучал игру Джордана и соответствующим образом подготовил свою защиту к встрече с ним. Впрочем, последние четыре игры сезона покажут, как сильно выросла команда Херринга за это время. Тренер сумел вернуть баланс в атаку Лэйни. Джордан набрал 21 очко, пока игроки Нью-Хановер тщетно пытались его сдержать большим числом, но не меньше помощи оказали и Шивер, набравший 17 очков, и Майк Брэгг с 16 очками.

«Поп заслуживает большой похвалы», – сказал Хеброн после того, как Лэйни оформила победу.

Два вечера спустя Шивер набрал 24 очка, Джордан – 18, а Лэйни одолела Джексонвилл в Уилмингтоне. За этим последовала победа в День святого Валентина над командой из Восточного Уэйна, по ходу которой Джордан поймал ритм, что будет столь знакомым ему в последующие годы, ритм, который он сам будет называть «математикой» больших игр. Во втором периоде он набрал 15 очков из 22, завоеванных командой, в третьем добавил еще семь очков, а в четвертом приплюсовал к ним еще 11, поставив рекорд школы с 42 набранными очками за игру. В его игре было всего понемногу – бросков в прыжке, быстрых контратак, пара данков. Но что самое важное, его игра не обратила его партнеров в статистов. Шивер, открывавший в себе талант снайпера, играя бок о бок с партнером по «лошади», закончил игру с 14 очками в активе.

Следуя наводке Роя Уильямса, Брик Оттингер – журналист, освещающий баскетбольную тематику, – отправился в феврале 1980-го понаблюдать за той крупной победой Лэйни в игре против Восточного Уэйна. «Джордан был просто восхитителен, – вспоминал Оттингер. – Он просто неудержим. Когда ты видел игры, то думалось: «Как этот парень мог не попасть в команду годом ранее?» На самом деле Оттингер даже сказал своим друзьям в тот вечер: «Его тренер, должно быть, круглый идиот». Оттингер явно был впечатлен: «В следующем нашем выпуске – февральском от 1980 г. – я написал, что «вы, скорее всего, никогда не слышали имя Майкл Джордан, но этот парень обладает самым лучшим сочетанием атлетизма, баскетбольного мастерства и неосязаемого таланта среди всех представителей школьного крыла гвардии, которых я когда-либо видел».

Победа позволила Лэйни обеспечить себе третье место в Конференции 4А второго дивизиона, высшей классификации

штата. «Голдсборо и Южный Уэйн – лучшие команды штата, и нет ничего постыдного в том, чтобы финишировать позади них», – сказал Херринг газете *Star*. Для Лэйни такое окончание регулярного сезона означало, что окружной турнир она начнет домашним матчем. Джордан вышел очень агрессивно и быстро был наказан за фолы, а потому ему пришлось со стороны наблюдать за тем, как его партнеры вновь демонстрируют командный баланс. Шивер набрал 17 очков, Джордан – 20, Лерой Смит – 13, а Майк Брэгг – 9; этого хватило, чтобы победить Хоггард.

Затем команда Лэйни отправилась в Дадли, на полуфинальную игру Округа II против Южного Уэйна, одной из ведущих команд штата Северная Каролина, имевшей показатели побед и поражений 21–2. В том году команде Южного Уэйна удалось выиграть чемпионат штата, а Линвуд Робинсон получил звание MVP[15] турнира. «Бакканирс» едва не прервала в тот вечер спурт Южного Уэйна к чемпионству, решив сыграть вплотную зонную защиту 1-2-2, что позволило им перевести игру в овертайм. Тренер Южного Уэйна Маршалл Хэмилтон начал яростно тасовать защиту в попытке сдержать Джордана: прибегал к 3-2, «ромбу-1», персональной опеке, даже к прессингу на чужой половине площадки, к любым методам в попытке активнее прессинговать его. Джордан поначалу справлялся со всем этим и в первой половине набрал 12 очков, но смена защитных схем начала сказываться во второй половине и овертайме, за которые Джордану удалось набрать лишь шесть очков. Стратегия Хэмилтона сработала, а его команда сумела взять верх в напряженном матче – 40: 35. Сезон Лэйни закончила с показателями 13–11. Последняя игра, впрочем, стала документальным подтверждением того, что Джордан вырос и заматерел.

«Мы испытываем огромные проблемы со сдерживанием Джордана, но те же проблемы имеют и другие, – отмечал впоследствии Хэмилтон. – Столь классным игроком его делает терпение. Мы могли бы справиться с таким игроком, если бы он только бросал, – мы могли бы вынудить его бросать неточно. Но Джордан тогда перестает бросать совсем».

Тот сезон он завершил со средними показателями в 24,6 очка за игру и 11,9 подбора за матч. «Что еще я могу сказать о Майкле? – говорил по окончании сезона Херринг изданию *Star-News*. – Он хороший игрок, а я здесь многих повидал с тех пор, как в 1968-м команда Нью-Хановера взяла чемпионство штата. Думаю, он станет великолепным игроком. Он уже великолепный снайпер и бомбардир, а еще он не думает, что весь мир вращается

вокруг Майкла Джордана».

Что еще лучше, у тренера стало появляться ощущение, что он помогает Джордану выстроить свое будущее. «Тренер Гатридж наблюдал за ним, – отмечал Херринг, – так что серьезные школы уже в курсе насчет него».

Глава 8
Трансформация

В десятом классе Майкл Джордан чувствовал себя несколько изолированным, беспокоился, что не завел настоящих друзей в старшей школе. Он был шутником, легко шедшим на контакт, но внутри себя сражался с неопределенностью, что знакома столь многим в 15-летнем возрасте. Его сомнения в самом себе усугубились тем фактом, что он не сумел попасть в баскетбольную команду школы Лэйни в первый год. «Ну, вы знаете, как дети переживают и беспокоятся», – сказал он позже, оглядываясь в прошлое и вспоминая, что его внезапный резкий рост также повлиял на его имидж. И без того тощий Майкл в связи с ускорившимся ростом стал тонким, как тростинка. «Я был очень долговязым, очень высоким, и это меня выделяло. Когда ты ребенок, это может стать источником проблем».

У него было ощущение, что даже когда люди улыбаются и шутят с ним, на самом деле они смеются над ним. Другие, впрочем, иначе смотрели на эту ситуацию. «В Лэйни тогда была одна большая семья, – вспоминал Лерой Смит. – Соотношение белых и черных было 60 к 40, но все было круто. Никакого напряжения, ничего такого. Школа была новой. Для нас не было никаких «сторон» – это было необычным. Майк был Майком, он тоже был необычным. Мы все были заняты поисками идентичности. Но Майк… казалось, что он уже давно нашел свою».

> Тем не менее Джордан, видимо, считал себя совершенно безнадежным по части социальной адаптации.

«Я всегда думал, что буду холостяком, – вспоминал он. – Я ни с кем не мог начать встречаться… я слишком много дурачился. Я всегда имел привычку крутиться вокруг женщин. Я был клоуном. Я много надоедал людям. Таким был мой способ растопить лед в общении с теми, кто был очень-очень серьезным. В школе я хорошо учился. Получал на уроках пятерки и четверки, но за поведение постоянно были неудовлетворительные оценки, потому что я ребячился и все время болтал языком».

Его старшая сестра, вспоминая этот период, говорит, что Майкл тогда был любящим и всегда отличался приподнятым настроением. Теперь она была замужней женщиной и несколько отдалилась от семьи. В те дни он часто первым выходил на

контакт с ней. Он брал пример с ее мужа и с удовольствием проводил время с ее семьей. У сестры было двое детей, которых Майкл обожал. Он с давних пор легко ладил с детьми. Если другие мальчишки его возраста могли проявлять равнодушие к этим маленьким существам, то он с восторгом принимал их с самого начала, с удовольствием таская их на руках и наблюдая за тем, как они постепенно учатся ходить. «Ему нравятся дети, – объяснит позже его отец. – Думаю, потому, что в теории дети – обычно очень активный народец. А Майкл тот еще непоседа. Он совершенно разбаловал двоих детей моей дочери, безбожно разбаловал». Даже детишки помладше со всего квартала тянулись к нему и периодически заскакивали в гости просто потому, что Майкл всегда был готов поиграть, объяснял его отец.

Он не то чтобы любил детей. В некотором роде он жаждал угождать окружающим и хотел внимания к себе от любого, кто был готов его дать. После сезона 11-го класса и даже во время него ему стало ясно, что баскетбол способен привлекать к нему столько внимания, сколько не могло привлечь ничто другое. Его быстрый взлет до статуса звезды школьной команды означал, что теперь повсюду в коридорах Лэйни его встречали улыбающиеся лица и ждали комментарии о его игре. Это трансформировало статус Майкла – от жизни маргинала до уровня главного героя кампуса, – да таким образом, о каком большинство подростков может только мечтать. Он будет обращать его во благо команды, укрепляя коллективную динамику.

«До того как я начал играть в баскетбол в старшей школе, у меня было мало друзей, – сказал Джордан в апреле того года, вспоминая свой первый яркий сезон. – Баскетбол помог мне лучше узнать людей. Я люблю своих партнеров. Они помогли мне, а я помог им… Командная работа. Вот что важно. Я обнаружил, что чем лучше ты становишься в спорте, тем более приятные люди начинают окружать тебя, тем больше хороших друзей у тебя появляется». Он не смог бы стать лучше без людей, что были рядом, говорил он. «Я бы хотел поблагодарить своих тренеров и партнеров за это».

И хотя на тот момент ему было всего 17, эти данные без подготовки комментарии свидетельствовали о глубоком понимании им того, что происходило в его жизни, и соответствующей оценке этих событий. Тридцать лет спустя найдется много людей, которые, услышав его жесткие трактовки на церемонии введения его в Зал славы баскетбола, явно захотят напомнить ему о собственных мудрых словах, произнесенных в подростковом возрасте. Но впереди его ждет такое количество сложных вызовов, что перед столкновениями с ними он будет

вновь и вновь обращаться к своему талисману: твердому, как алмаз, разочарованию, что он, как казалось, носил на своей шее.

Его любимым предметом в школе была математика, и именно на уроках математики произошедшая с ним разительная перемена была заметна больше всего – если верить Дженис Харди, преподававшей ему сначала алгебру, а потом тригонометрию. «В первый его год у меня он был напуган до смерти. Мне это нравилось. На следующий год он уже сидел в первом ряду. Смеялся над моими шутками и трепал мне волосы».

Он жаждал популярности, а когда она на него свалилась, не мог насытиться, спешно пытаясь наполнить ею ту часть своей жизни, которую не поглотил спорт. «Он никогда не мог находиться в своей комнате в одиночестве, – вспоминала его мать. – Ему всегда надо было куда-то выйти, провести вечер с друзьями, поехать на кемпинг».

Делорис Джордан встретила успех Майкла со сдержанным энтузиазмом, хотя было не до конца понятно, какое из чувств доминировало в ее сознании – облегчение или радость. Каким бы ни был корень, цветком оказалась пышно расцветшая гордость. Самый младший ребенок, Розлин, взялась за учебу, чтобы заслужить похвалу и одобрение родителей. Дочь, которая была очень близка с матерью, составила секретный план: согласно ему она должна была закончить старшую школу на год раньше, чтобы можно было одновременно с Майклом пойти в колледж. Неудивительно, что ее усилия по части учебы раззадорили соревновательный дух Майкла, и хотя ему не удавалось нагнать Розлин с ее успехами, сложившиеся обстоятельства помогли ему начать получать высокие баллы в школе, что сделало его еще более привлекательным новичком для колледжей, которые очень скоро захотят пригласить его к себе.

Самым большим различием между Майклом и его младшей сестрой было то, что ни один репортер не приходил к ним домой брать интервью у членов семьи, когда Розлин оказывалась в списке отличников школы. Напротив, растущая популярность Майкла разожгла любознательность журналистов, которым стала интересна тема его воспитания и взросления, и Делорис Джордан была готова ответить на их вопросы. Она с гордостью рассказывала о достижениях своих младших детей. «Они знали, что после школы должны сразу идти домой, – говорила она журналисту из Уилмингтона. – К ним не могли приходить гости до тех пор, пока родители не вернутся домой. Они выходили из автобуса, заходили в дом, ели сандвичи и садились за домашнюю работу… Учеба в школе всегда была очень важна. Но кроме этого надо еще участвовать в жизни своих детей. Нельзя просто собрать

их и отправить подальше. Нужно поддерживать их, посещать собрания PTO[16] и по максимуму узнавать их и то, чем они занимаются. Все, чего они ищут, – это любовь и внимание. Мы много времени проводим с ними. Мы всегда знали, где они и с кем общаются».

Она, очевидно, была горда усилиями своих отпрысков. Но в этот период Делорис Джордан стала яснее ощущать, что она и ее муж вырастили две разные семьи. Частенько конфликтовавшая со старшей дочерью Делорис своими глазами видела, как рушится жизнь Сис в результате семейного конфликта. Самый старший сын Ронни имел разногласия с Джеймсом, которые наверняка сыграли свою роль в его спешном отъезде в армию. Взрослеющие дети всегда искали возможности сбежать из-под зорких очей своих родителей, но с учетом того, какие барьеры разделяли обитателей дома Джорданов, нет ничего удивительного в том, что дети в семье стремились проводить время за ее пределами. Джорданы давали своему потомству всего в изобилии, но было трудно отрицать тот факт, что стремление покинуть родительский дом стало одной из главных тем в их жизни.

Если во всем этом и крылась загадка, то ответы на нее надо искать во взаимоотношениях Делорис Джордан с ее собственными родителями. Она редко поднимала тему своего детства и взросления в многочисленных интервью, данных за эти годы, не говорила об этом даже в своей книге, но дети с готовностью признавали несуразность ее взаимоотношений с отцом-вдовцом. Джеймс и Делорис обычно проезжали мимо его дома в округе Пендер, в очередной раз направляясь с визитом к мисс Белл и Медварду. Когда они все же останавливались погостить у Эдварда Пиплса, в доме стояла холодная и пугающая атмосфера, как вспоминала Сис.

У Медварда Джордана были свои методы устрашения, но они и близко не были похожи на ту пропасть непонимания, что разделяла Делорис и Эдварда Пиплса. По всей видимости, ей тоже приходилось иметь дело с неодобрением собственного отца. Хотя бы по той причине, что в доме Пиплса с неприятием относились к ее ранней беременности и последующему уходу из семьи.

Однако нет никакого сомнения в том, что свойственная ей дисциплинированность, переданная ею младшим детям, на которых она возлагала большие надежды, была обретена в родительском доме. Пиплсы с той же целеустремленностью подходили к занятию не прощающим ошибок фермерским бизнесом, где смогли с таким трудом добиться успеха. Достижения Эдварда Пиплса могут показаться весьма скромными

в сравнении с тем богатством, которое удалось накопить его внуку, но когда начинаешь сопоставлять уровень сложности, думаешь о том, как он справился со сложнейшими вызовами жизни испольщика, понимаешь, что приобретение им земли в собственность и дальнейшее успешное управление ею было на самом деле огромным подвигом.

Что-то случившееся по ходу этого процесса породило загадочную отчужденность, и не только в отношениях Делорис с отцом. В последующие годы, по мере того как Джорданы будут все глубже погружаться в волшебный мир успеха своего младшего сына, Сис заметит, что они начнут еще сильнее стыдиться своего происхождения, и родителей Джеймса в том числе, равно как и предыдущих поколений предков, коим приходилось возделывать землю ради выживания. Казалось, что Джеймс и Делорис словно пытаются оставить мир Тичи и Роки-Пойнта где-то далеко позади, в прошлом.

Джеймса и Делорис Джордан также увлекало кое-что другое: они все активнее принимали участие в спортивной жизни сына, целиком разделяя его мечты о профессиональном успехе. Эта семья готова была поехать куда угодно и сделать что угодно, лишь бы зацепиться за любую возможность для своих детей в плане спорта. Подобное поведение станет характерной чертой жизни многих и многих семей в конце XX столетия, но Джорданы далеко опережали свое время. Сами матчи станут для них мощным наркотиком, они будут приковывать к себе внимание семьи, сладко томить их ожиданиями следующих игр, накачивать адреналином соревнований и оставлять им приятные воспоминания. По окончании каждой игры они уже будут предвкушать следующую, чтобы заново испытать всю гамму эмоций.

Они, наверное, и породили термин «родители-вертолеты»[17].

В те первые месяцы всплеска популярности Майкла эта зависимость стала для них источником наслаждения. Они долгие годы одержимо следовали за своими детьми в спорт, и вот теперь увидели первый сигнал о том, что за это ждет большая награда. Они вознеслись вместе с Майклом на вершину успеха Младшей лиги бейсбола, но лишь для того, чтобы потом столкнуться с суровой реальностью Лиги Бейба Рута. Однако то был бейсбол, баскетбол казался куда более верной ставкой. Тренеры из Университета Северной Каролины уже вовсю звали Майкла к себе. Подобный интерес к нему позволял им помечтать о будущем. Тренеры Каролины пригласили Майкла в свой летний лагерь. Казалось, что все складывается очень хорошо, кроме одного маленького нюанса.

Для Джеймса Джордана, как для родителя, приоритетным стремлением той весной было внушить своему младшему сыну мысль о важности труда, необходимости работы. Он без конца вдалбливал Майклу эту идею. Всю семью это приводило в смущение. Делорис это тоже мучило и беспокоило, пока в один момент она не обратилась к Х.Л. «Уайти» Преватту за помощью. Он был приятным человеком и клиентом банка, в котором она работала. Владел отелем и рестораном. И она решила попросить его устроить ее сына на работу.

«Мне не хватит слов, чтобы рассказать об этой женщине, – вспоминал Преватт. – Она работала в банке, с которым мы вели дела. Она позвонила мне и спросила, не найдется ли для Майкла какой-нибудь работы».

«Я работал в обслуге отеля, – вспоминал Джордан. – Чистил бассейны, красил перила, менял фильтры в блоках кондиционеров и подметал в служебных помещениях». Эта работа оплачивалась по минимальной ставке, Майкл получал 3 доллара 10 центов в час. Кто бы мог представить, что первый и последний чек с зарплатой, который он получит за свою «трудовую карьеру», подписанный «Уайти» чек на 119 долларов 76 центов, будет однажды помещен в рамку и вывешен в уилмингтонском музее Кейп-Фир как часть музейной коллекции вещей, связанных с Джорданом?

«Этот чек обеспечил меня большим объемом работы, – признавался Преватт репортеру спустя годы. – К нам как-то раз заехали люди из Германии, решившие остановиться здесь потому, что увидели в музее этот отрывок из чековой книжки».

Преватт вспоминал, что Джордан был приятным парнем, который примерно себя вел, но по ряду причин на работе он не задержался. Пожалуй, самой важной из этих причин была боязнь воды: Джордан просто отказывался иметь с ней дело, потому что никогда не забывал о том, как в детстве утонул его друг, и из-за этого не мог выполнять работу чистильщика бассейнов.

«Мы бродили в воде и пытались оседлать волны, прибивавшиеся к берегу, – будет вспоминать Майкл годы спустя. – Течение было таким сильным, что его потащило вниз, и он ухватился за меня изо всех сил. Это называется «замок смерти», люди делают так, когда понимают, что попали в беду и вот-вот умрут. Мне пришлось почти что сломать ему руку. Он мог утащить меня за собой… Он погиб. Я больше не захожу в воду… У каждого есть свои фобии. Я не имею дел с водой».

Впрочем, с чисткой и уборкой тоже. Джордан признавался потом, что прибегал к самому мелочному оправданию: он боялся, что его увидят друзья и будут его дразнить. В работе ему не

нравилось ничего, и это приводило его родителей, Джеймса в особенности, в бешенство. Но ему было все равно. «Он пытался изменить меня, – вспоминал Джордан, – но у него ничего не получилось… Я ушел спустя неделю… Я сказал: «Больше никогда. Пусть я буду алкоголиком, но никогда не буду работать с девяти до пяти».

Это вам, мисс Робинсон

Зато той весной Майклу посчастливилось пережить ярчайший опыт, которого так ждут подростки, – выпускной вечер в школе. Лакетта Робинсон не училась в Лэйни, но жила в Голдсборо. То, как они познакомились, – один из самых таинственных секретов легенды Джордана. Кажется логичным, что он останавливался в доме ее семьи в одну из многих своих бейсбольных поездок. В те дни отсутствия мессенджеров и текстовых сообщений они обменивались письмами через Почтовую службу США. Джордан написал ей много писем, каждое из них на тетрадном листе: так он развевал скуку, нападавшую на него на уроках. Все письма она хранила, как это делают девочки-подростки, а годы спустя два этих письма появились на рынке коллекционеров после того, как один из родственников Лакетты похитил их из дома. Одно из них всплыло в 2011-м и было продано за 5000 долларов, но когда Лакетта написала жалобу, оно было возвращено в аукционный дом, хотя содержание письма быстро разлетелось по просторам Интернета.

Письмо открывало Джордана с другой стороны: в нем содержались его неловкие, несколько небрежные попытки выразить свои эмоции, что столь характерно для парней-подростков. «Я был очень счастлив, когда ты отдала мне монетные деньги за выигрыш в споре, в котором я победил, – писал он в один из дней, сидя на уроке химии. – Хотел бы сказать тебе спасибо за то, что дала мне свой ежегодник. Я его всем показываю в школе. Все считают, что ты очень симпатичная молодая леди, и я должен согласиться, потому что это чистая правда. Пожалуйста, не слишком зазнавайся по этому поводу. (*Улыбка*.) С сожалением сообщаю тебе, что не могу поехать на игру в день своего рождения, потому что мой отец вывозит всю баскетбольную команду на праздничный обед. Пожалуйста, не злись, потому что я честно пытаюсь попасть к тебе через неделю, 14 февраля. Если у меня будет шанс приехать, пожалуйста, продумай, чем мы будем заниматься».

Молодой Джордан весьма пылко выражал свою любовь, но,

как и каждый юный кавалер, обеспечивал себе пути отхода на тот случай, если его чувства будут безответными. Как только письмо появилось в публичном пространстве в 2011 г., Лакетта Робинсон дала интервью съемочным группам ряда телеканалов. Она давала осторожные комментарии, подчеркивая, что ее потрясло и ужаснуло нарушение ее права на частную жизнь. Полицейские отчеты, составленные по итогам расследования инцидента с пропажей писем, подтвердили, что выгоду от их исчезновения преследовал кто-то другой. Но она призналась, что Майкл часто делал ей комплименты, но лишь для того, чтобы мгновение спустя поправить себя, сказав: «Не зазнавайся по этому поводу». А слова, сказанные ей по поводу некоего неназванного спора, который у них возник, и волнения, испытанного Майклом в связи с выигрышем «монетных денег», указывают на то, что инстинкты игрока в Джордане развились в очень раннем возрасте, как и его соревновательный дух.

Их совместное фото с выпускного вечера стало пиком их взаимоотношений в эти месяцы.

Они оба пришли на бал во всем белом, она в надлежащем такому случаю платье, высоко поднимавшемся к ее аккуратной шее, с рукавами три четверти, позволявшими ей с гордостью демонстрировать белый корсаж на запястье, который Майкл купил ей в подарок. Красноречивее всего была ее прическа. Она просто и без изысков разделила волосы прямым пробором, без лишних кудрей, начесов и прочих ужимок, открыв всем свои светлые глаза, милые высокие скулы и искреннюю, честную улыбку человека доброй души. Она выглядела полностью расслабленной, позируя фотографу с удовлетворенно сложенными на коленях руками. Она производила впечатление человека, начисто лишенного претенциозности, а в этом возрасте молодые люди – включая и самого Джордана – обычно имеют склонность вставать в позы. Он возвышался рядом с ней в белом смокинге, одна его рука легла на ее плечо, а вторую он убрал в карман брюк в забавной попытке юноши придать себе чуть более изысканный вид. Вечерний галстук, даже гвоздика на лацкане пиджака, были белого цвета, однако воротник рубашки был ему слишком велик. В то же время его улыбка, если ее так можно было назвать, была сдержанной, словно говорила нам: «Да, все неплохо, но у меня есть планы посерьезнее». Это воспоминание будет походить на очень многие другие моменты его жизни – они не будут поводом вспомнить, как здорово и весело когда-то было, они скорее будут запечатлевать время, мгновение на его пути к чему-то другому, чему-то большему. Он не знал, где именно хочет

оказаться, но очень сильно хотел узнать. У него уже начало оформляться стремление к какой-то цели, а в таких ситуациях обычная жизненная рутина просто заполняет оставшееся время. Только не то, которое он отводил баскетболу. Или бейсболу.

Той весной Майкл играл за Лэйни в бейсбол и попал в сборную лучших игроков города, выступая за команду, тренируемую Попом Херрингом, на позиции правого полевого игрока. Он обрел физическую силу и уверенность в себе, но теперь его иначе оценивал и тренер, который понимал его атлетический потенциал. Майкл также подавал мячи за Лэйни, хотя Дэвид Бриджерс был лучшим питчером в составе команды. Порой, подавая с питчерской горки, он испытывал некоторые трудности, но все равно хорошего было больше, а моменты триумфа случались чаще поражений. Более того, у него была бита, которую он пустил в дело с самого первого дня.

Он отбил четыре подачи из четырех и принес команде три рана в ходе дебютной игры сезона, в которой Лэйни размазала Южный Уэйн 9: 2. Во второй игре сезона против Хоггарда он подавал, и соперники его просто уничтожили, так как у него никак не получалось хорошо контролировать подачи. Вдобавок он подарил сопернику несколько уоков. Похожая судьба постигла его две игры спустя на питчерской горке в игре против Нью-Хановер.

«Ему не хватало скорости, он умеет бросать куда мощнее», – отмечал Херринг после того, как Джордан отдал соперникам шесть ранов в шестом иннинге, чем погубил «Бакканирс». Затем Лэйни проиграла следующий матч Джексонвиллу, несмотря на то что в седьмом иннинге Джордан сделал два дабла.

В игре с Южным Уэйном он отдал соперникам семь хитов, прежде чем сумел отбить мяч пул-хитом в седьмом иннинге очередного проигранного матча. Лэйни удалось наконец одержать победу в игре с Кинстоном, а Джордан смог заработать в игре один RBI[18]. Три дня спустя в домашней игре против Кинстона Джордан сделал победный ран и добавил к нему три хита, тем самым оправдав доверие терпеливого Херринга. В игре с Нью-Берном, проигранной в упорной борьбе, он исполнял роль центрального полевого игрока и заработал еще один RBI, после чего в игре с Голдсборо возвратился на питчерскую горку и принес команде еще одну победу (вторую при четырех проигрышах) тремя хитами.

За этим последовала третья победа со счетом 6: 1 в игре с Джексонвиллом, а Джордан не отдал соперникам ни одного хита за пять иннингов, совершив при этом семь страйк-аутов. В начале матча он потерял концентрацию после того, как поспорил с арбитром, с решениями которого был не согласен. Херринг убрал

его с поля, дал посидеть и успокоиться пару иннингов, а потом вернул на горку (правила школьного бейсбола позволяют так делать), и он поставил в игре победную точку.

В финальной игре сезона в Голдсборо он сделал два хита, но все равно проиграл, когда вышел реливером и отдал соперникам победный ран. Сезон во втором дивизионе Лэйни закончила с результатом 8: 8 и 9: 11 в совокупности.

Бейсбольный сезон лишь подтвердил то, что стало ясно по ходу его выступлений в составе баскетбольной команды. Херринг – тренер, на которого в последующие годы выльется так много грязи за «исключение» Джордана из команды, был целиком и полностью сфокусирован на профессиональном развитии своей молодой звезды.

В конце апреля Чак Карри написал колонку для воскресного спортивного выпуска газеты *Star-News* под заголовком «Джордан из Лэйни: перспективный универсал». Херринг пространно рассуждал о Джордане: «Думаю, что он – выдающийся спортсмен, и точка. В десятом классе он был лидером резервной футбольной команды по перехватам. Он принял решение не играть в футбол за школу. Решение не играть было сугубо семейным решением. Майк – великолепный баскетболист. Ему светит стать одним из пяти лучших игроков штата. На мой взгляд, Джордан заслуживает право быть в сборной лучших американских игроков из числа учеников старших школ. Мне не хватит слов, чтобы описать его игру на паркете. Не думаю, что кто-либо способен защищаться против него один на один. Когда он набирает мало очков за игру, причина не в нем, а в том, что игра шла в медленном темпе».

Той весной Джордан даже нашел время попрыгать за легкоатлетическую команду Лэйни. «Мне нравится прыгать, – сказал он Карри. – В легкой атлетике я этим и занимаюсь. Я люблю бейсбол. Для меня это спорт номер один. В колледже я хочу играть и в бейсбол, и в баскетбол. Но думаю, что баскетбол в колледже станет моим приоритетом. Я бы сначала попробовал реализоваться в баскетболе, а потом перешел бы в бейсбол, если не получил бы стипендию по обоим видам. Хочу спросить совета на этот счет у родителей и тренера».

В 17 лет он уже четко осознал, чего хочет, и не стесняясь говорил об этом на публике. «Если у меня будет возможность, я буду стремиться стать профессионалом при условии, что буду получать образование в колледже», – рассуждал он. – Моя цель – стать профессиональным спортсменом. Другая моя цель – просто попасть в колледж».

Глава 9
«Файв-Стар»

В летнем лагере в 1980 г. Дин Смит и его тренерский штаб смогли внимательнее рассмотреть игру Майкла Джордана и его самого. Удалось им поближе познакомиться и с его родителями. Джеймс и Делорис приехали в лагерь с визитом и встретились там со Смитом и его ассистентами, и эта встреча позволила обеим сторонам окунуться во взаимное восхищение. Но даже при этом приглашение в лагерь будущей звезды Уилмингтона не прояснило ни для одной из сторон, чего же ждать друг от друга дальше.

То, как игроки были распределены по номерам в летнем лагере Смита, указывает на то, что тренеры начинали все больше интереса проявлять к Джордану, хотя сигналы об этом были неоднозначными. Джордана и Лероя Смита, молодых чернокожих ребят с Прибрежной равнины, поместили в одну комнату с Баззом Питерсоном и Рэнди Шепардом, белыми партнерами по команде из Эшвилля, что расположен в горах на западной оконечности штата. Питерсон, которого в десятом классе признают Мистером Баскетболом Северной Каролины, уже был приоритетной целью для «Тар Хиллз», равно как и Линвуд Робинсон. Питерсон был ветераном лагеря Смита, он бывал в нем несколько предыдущих лет. Он и Джордан подружились в первую же неделю, и эта дружба будет только крепнуть в последующие месяцы. Но в группу к Джордану для тренировок и соревнований определили Шепарда. Вскоре он будет каждый вечер сообщать Питерсону о выдающихся подвигах уилмингтонского защитника. Такого игрока он никогда не видел, говорил Шепард Питерсону. С каждым днем его изумление росло, пока на четвертый день он не сказал, что Джордан явно наделен талантом, который позволит ему добраться до NBA.

Тренеры Каролины наблюдали то же самое. То, что увидел Брик Оттингер, лишь подтвердило его первое впечатление от Джордана, полученное на одной из игр Лэйни в феврале. «На той сессии присутствовал Линвуд Робинсон, – вспоминал Оттингер. – Базз Питерсон тоже там был, но лучшим игроком с большим отрывом был Майкл Джордан. Он был просто недосягаем». Рой Уильямс сообщил тренерскому штабу, что Джордан – лучший игрок в 193 см ростом из всех, кого он видел. «Очень мало людей знало его в то время, – вспоминал позднее Уильямс. – Майкл пришел и просто уничтожил всех в лагере».

Работа Уильямса в лагере заключалась в том, чтобы контролировать постоянные перемещения игроков разных возрастных групп, занимавшихся в лагере во время изнуряющей жары, стоявшей всю неделю; он следил за тем, чтобы каждая группа смогла уйти с площадок под открытым небом и поработать какое-то время на большом паркете в охлаждаемом кондиционерами помещении «Кармайкл Аудиториум», где «Хиллз» проводила свои матчи.

Понаблюдав за тем, как Джордан работает в паре упражнений, Уильямс пригласил его поиграть в спортзале с группой игроков более старшего возраста. Тренер потом будет вспоминать, что Джордан прокрадывался в зал с приходом каждой следующей возрастной группы, чтобы дать себе больше работы в тот вечер. Тренеры увидели в этом доказательство того, что ему нравится соревноваться, – так же, как нравятся кондиционеры.

По окончании тренировочных сессий четверо соседей по номеру приятно проводили время вместе. Джордан и Питерсон, например, подружились на основании того, что команда «Тар Хиллз» приглашала их обоих к себе. В то время как Шепард и Смит приехали в лагерь с надеждой, что Каролина может ими заинтересоваться, недельные сборы показали, что их уровень игры больше подходит школам калибра поменьше. И действительно, Лерой Смит в итоге окажется в Государственном университете Северной Каролины в Шарлотт, где будет играть в баскетбол на студенческом уровне, а Шепард – в Университете Северной Каролины в Эшвилле.

И хотя Робинсон и Питерсон стояли на первых местах в списке приоритетов Дина Смита, к концу работы лагеря стало казаться, что Джордан гораздо ближе подобрался к вершине тренерского списка. Дин Смит нашел время, чтобы дважды пообедать вместе с Майклом в лагере, что вкупе с визитом родителей Джордана начало подталкивать тренера к мысли о том, что этот мальчишка из Уилмингтона – тот человек, который сможет удачно вписаться в структурированную и сформированную баскетбольную программу.

Но как бы Джордан ни был взволнован вниманием тренеров, он все же не до конца решил для себя, что хочет играть в Каролине. Будучи болельщиком «НК Стэйт», он много лет испытывал неприязнь к «Тар Хиллз», и, несмотря на то что в будущем он будет благоговеть перед Дином Смитом, что-то в подходе тренера, стремившегося контролировать каждую мелочь, вынуждало Джордана и Херринга осторожничать.

«Он пытался меня спрятать», – вспоминал Джордан о Смите.

В этот критический момент процесса «трудоустройства» Майкла в команду Смита Херринг совершил тонкий ход, открывший Джордану несколько вариантов продолжения карьеры. Одним вечером в каролинском лагере Херринг в разговоре с Роем Уильямсом упомянул, что хотел бы показать Джордана и другим тренерам и обдумывает вариант отвезти его в питтсбургский «Файв-Стар» Говарда Гарфинкела или в лагерь «БК» Билла Кронауэра в Джорджии – два основных направления для первоклассных талантов в годы, когда борьба за самых талантливых школьников в баскетболе еще не превратилась в большой бизнес.

Уильямс понимал, что Смит не захочет, чтобы о Джордане узнал кто-то еще, но, даже будучи молодым ассистентом тренера, он понимал важность установления доверительных отношений с семьей игрока старшей школы. Уильямс согласился помочь Херрингу, по всей видимости, без одобрения Смита, хотя потом некоторые будут в этом сомневаться.

«Он спросил у меня, что я об этом думаю, – сказал Уильямс про Херринга. – Я ответил: «Думаю, ему стоит поехать. Полагаю, что для него это будет отличной проверкой. Если бы выбирать нужно было мне, я бы остановился на лагере «Файв-Стар». Я счел, что Майклу это будет полезно, потому что в том лагере здорово умели обучать игроков. Пребывание там – не просто возможность поиграть в матчах. Там учат фундаментальным основам игры в баскетбол».

Несколько дней спустя Уильямс упомянул о Джордане в разговоре с Томом Кончалски, помогавшим тренерам в управлении лагерем «Файв-Стар». Кончалски, эрудированный человек с отменной памятью, любивший пошутить над собой (говоря, что самое спортивное, что он когда-либо делал в жизни, это спешил с выводами), уже обзавелся репутацией одного из самых дотошных оценщиков молодых баскетболистов, еще учившихся в школе. Годы спустя этот знаток талантов будет вполне четко помнить свою поездку с Уильямсом, случившуюся в тот день: «Рой сказал: «Знаешь, есть один паренек из Северной Каролины, который может вырасти в большого игрока. Мы не уверены, правда. Он пришел к нам в лагерь этим летом, но у нас там немного мастеровитых игроков, ему не хватает серьезной конкуренции».

Двое мужчин принялись обсуждать тот факт, что на первой тренировочной сессии в лагере «Файв-Стар», известном как «Питтсбург-1», соберется самая внушительная компания молодых талантов за все время его работы. «Рой сказал: «Я не знаю, достаточно ли он хорош для «Питтсбурга-1», – вспоминал

Кончалски. И Кончалски, и Гарфинкел ясно помнили, что тренеры Каролины еще не до конца были уверены в Джордане. Словно этот парнишка из Уилмингтона был слишком хорош, чтобы в это можно было поверить. Посему Уильямс и Кончалски решили, что Джордану лучше поработать с «Питтсбургом-2» или даже «Питтсбургом-3», то есть на вторых и третьих сборах лагеря.

«Я позвонил Ховарду Гарфинкелу, – вспоминал Уильямс, – и сказал ему, что к нему приедет Майкл и я уверен, что он ему понравится как игрок. Я сказал Гарфу: «Из него вполне может получиться официант». Видите ли, если молодой игрок брался за работу официанта в лагере, он мог провести там две недели по цене одной. Потому я позвонил Гарфу и поговорил с ним по поводу этого варианта».

Гарфинкел рассказывал, что обстоятельства появления Джордана в лагере были несколько другими. Он вспоминал, что ему поступил крайне необычный звонок от Уильямса, который просил его в последний момент найти местечко в одном из лагерей, чтобы устроить туда потенциального рекрута Северной Каролины. «Он представился, – говорил Гарфинкел о том разговоре с Уильямсом, – мы какое-то время побеседовали, и тут он говорит: «У нас есть игрок, который, как мы считаем, очень и очень хорош. Он был у нас в лагере; получил приз самому ценному игроку, порвал всех в клочья, но уровень конкуренции у него был не так высок. Поэтому мы не уверены в нем на все сто процентов. Только где-то на 95 %. А хотим быть уверены на сто. Можете взять его в свой лагерь, чтобы он поиграл против лучших игроков страны?»

Никогда, за целые десятилетия работы с лагерями, Гарфинкелу не поступало столь необычных просьб. В конце концов, Уильямс сам лишь недавно закончил университет и был ассистентом в Каролине. Поначалу Гарфинкел засомневался, что сможет в последний момент пристроить Джордана в лагерь, но Уильямс стал настаивать, чтобы он это сделал. Это было нужно для реализации программы Дина Смита, а потому Гарфинкел уступил и занялся кое-какими перестановками в лагере, чтобы подготовить местечко для Джордана ко второй недели работы «Файв-Стар». Он даже сумел провернуть все таким образом, что Джордан смог пребывать в лагере за меньшую плату за счет того, что был устроен в штат официантов. Потом Гарфинкел услышал, что Смит был расстроен отъездом Джордана в лагерь, но сам владелец лагеря заявил, что никогда не верил этой басне: «Я к тому, что зачем Рою Уильямсу нужно было звонить мне и так настойчиво просить об этом, если Дин Смит был против всей этой затеи?» И хотя в этой истории не было ничего криминального,

тренер Каролины, по всей видимости, не хотел, чтобы его ассоциировали с ней.

Если эта ситуация и говорила о чем-то, то скорее об извращенном мышлении университетских тренеров, выходившем на первый план при поиске молодых талантов. Дин Смит за долгие годы работы приводил в свою программу десятки самых желанных молодых игроков, и каждый раз делал это с безукоризненной честностью. У него была репутация человека, никогда не сулившего игровое время молодым спортсменам с целью добиться их подписания в «Тар Хиллз». Вдобавок Смит умело избегал участия в закулисных рекрутинговых играх, чем грешили богатые университеты, добивавшиеся прихода молодых рекрутов в команды за счет умасливания их семей: те получали наличные, машины и могли рассчитывать на иные незаконные стимулы. Другие тренеры и другие программы могли заниматься подобным, но Смиту удавалось добиваться успехов в спорте при минимуме вопросов к нему и его методам.

Это, впрочем, не означало, что у Смита не было своих фишек, одной из которых была его одержимость положительным имиджем своей программы. В более позднюю эпоху действия Каролины по отношению к Джордану вполне могли заставить кого-то в руководстве NCAA вскинуть от удивления бровь, но эти действия точно не выходили за рамки правил. Более того, согласно воспоминаниям Уильямса, Смит был возмущен произошедшим. Уильямс вспоминал, что ему пришлось объясняться с тренером: «Я сказал: «Тренер, на мой взгляд, он и так поехал бы туда, я просто постарался дать ему подсказку о том, что будет ему полезно сейчас больше всего. И семья Майкла высоко это оценила».

В результате неизвестный игрок из Уилмингтона, все еще остававшийся загадкой для тренеров Каролины, отправился в лагерь «Файв-Стар» – «Питтсбург-2», чтобы попытать свои силы против игроков со всех уголков страны, игроков, пробившихся в свои студенческие команды на первом и втором курсах учебы, явно выделявшихся на общем фоне. Принято было считать, что все лучшие молодые игроки уже найдены и собраны здесь.

Джордан нервничал перед отъездом в лагерь Каролины, но это волнение было ничтожным по сравнению с тем напряжением, что он испытал по пути в «Файв-Стар», где ему предстояло помериться силами с элитой молодых талантов. Предполагалось, что участники сбора «Питтсбург-1» были лучшими в своей категории, но и среди тех, кто участвовал в сессиях «Питтсбурга-2», было 17 лучших американских игроков-старшеклассников. В этом списке был и уроженец Уичито Обри

Шеррод, которого многие скауты считали лучшим в том наборе восходящих звезд-старшеклассников.

Джордан волновался по поводу соперничества с лучшими в своем деле, но Поп Херринг посоветовал ему расслабиться, сказав Майклу, что с ним все будет хорошо. Однако Джордану было трудно расслабиться, когда он впервые увидел оживленную суматоху в питтсбургском колледже имени Роберта Морриса, где «Файв-Стар» начинал свою работу в конце июля. Место кишело тренерами и скаутами: 150 человек с блокнотами и ручками помечали для себя сильные и слабые стороны каждого из игроков. С восьми до 11 часов первого дня работы «Файв-Стар» игроков произвольно делили по командам, чтобы они проводили неформальные матчи друг с другом, по итогам которых тренеры 12 команд лагеря выбирали понравившихся игроков. Высшая по ранжиру лига лагеря именовалась NBA. Будучи новичком, Джордан был далек от гарантированного места в команде NBA.

> Все зависело от того, как он сыграет в тот вечер на площадке под открытым небом, в наименее приятной ему обстановке для игры.

«Я так сильно нервничал, что у меня ладони потели, – вспоминал он. – Я видел всех этих лучших американских игроков, и мне казалось, что в этой иерархии я в самом низу. Вот он я, деревенский парень из Уилмингтона».

Согласно правилам NCAA тех лет, тренерам из колледжей разрешалось участвовать в сборах лагерей Всех Звезд в качестве тренеров и консультантов. Брендан Мэлоун, умный и весьма жесткий ассистент тренера из Университета Сиракьюс, несколько лет работал с баскетболистами в лагере «Файв-Стар». Предыдущим летом в его команде играли Обри Шеррод и высоко котировавшийся центровой Грег Дрейлинг, и тогда им удалось выиграть чемпионат лагеря.

Привести команду к победе на лагерном турнире было честью и успехом для агрессивного Мэлоуна, ассистент тренера очень нуждался в таком достижении, чтобы развивать свою карьеру. Приехав в лагерь летом 1980-го, Мэлоун, вновь нацелившийся на титул, запланировал выбрать на драфте Дрейлинга и Шеррода. В частности, у Мэлоуна было право первого выбора игроков на драфте, и он знал, что Шеррод может стать для команды тем снайпером, в котором она нуждалась для победы на турнире. Однако за день до начала работы лагеря Мэлоуну пришлось ненадолго уехать домой по семейным обстоятельствам. А потому он попросил Тома Кончалски, своего хорошего друга, посмотреть пробы игроков в первый день и для него лучших. Мэлоун оставил

Кончалски строгий наказ: выбрать в команду Дрейлинга и Шеррода.

Кончалски был готов следовать инструкциям Мэлоуна в тот вечер, но ровно до тех пор, пока не увидел в деле одного никому не известного игрока из Уилмингтона. «Что я точно помню, так это то, что он здорово умел делать остановку перед прыжком, – вспоминал Кончалски. – Он мог остановиться в любую секунду, мог по-настоящему взмывать вверх и великолепно поднимался в воздух, совершая броски в прыжке. Тогда трехочковых в игре еще не было, поэтому он не бросал издали. Но зато отлично бросал со средней дистанции и умел останавливаться в прыжке. Он так высоко выпрыгивал при бросках в прыжке, что соперники защищались против его пупка. Он обладал взрывным атлетизмом».

За десятилетия работы лагеря «Файв-Стар» у тренеров там выработалась фраза, которой они описывали лучших из лучших, игроков чрезвычайного таланта, масштабы которого так велики, что он буквально бросается в глаза всем наблюдателям. «Таких ребят мы называли «игроками одного владения», – объяснял Гарфинкел. – Такому игроку достаточно было завладеть мячом один раз, чтобы все стало ясно».

Гарфинкел через окно своего кабинета наблюдал за первыми играми в лагере – тогда-то он и увидел Джордана в первый раз. «Он идет вперед для броска в прыжке, а его опекают трое соперников. Он взмывает вверх, и в воздухе вокруг него никого. Он в полном одиночестве. Он взмыл в воздух. И это завораживающее зрелище». Боже мой, тотчас подумал Гарфинкел, это «игрок одного владения»!

Джордан тоже незамедлительно почувствовал, что у него есть что-то, чего нет у других. «Чем больше я играл, тем увереннее в себе становился, – вспоминал он. – Я думал: «Может, я и правда *могу* играть с этими парнями».

Внезапно Кончалски нужно было принимать решение. Следует ли ему выбрать на драфте тех, на кого указал Мэлоун, или лучше взять игрока, равного которому он еще не видел в жизни? Мэлоун возвратился в лагерь следующим утром и сразу же отправился к Кончалски, который завтракал в лагерном кафетерии. «Он сказал: «Покажи мне мою команду», – вспоминал Кончалски. – Я сказал: «Я заполучил лучшего». А он в ответ: «Ты взял Дрейлинга?» Я сказал: «Да». Он тогда: «А Обри Шеррода ты взял?» Я сказал: «Нет». И тогда он спросил: «Как это? Что ты имеешь в виду?» Обри Шеррод считался лучшим атакующим защитником среди старшеклассников в то время. Я ответил: «Я взял парня из Северной Каролины».

Гарфинкел смеялся, вспоминая их разговор. «Брендан говорит: «Возмутительно, кто такой этот Майк Джордан?» И начинает рвать и метать, только вот он сказал тогда совсем не «возмутительно». Он был просто в ярости, как берсерк. «Что ты со мной сделал? Кто такой Майк Джордан?» Том сказал ему: «Да расслабься, он отличный игрок». У Брендана прямо пар из ушей валил. Он ушел. Новости привели его в бешенство».

Мэлоун запомнил этот эпизод несколько иначе, но зато вспомнил, что ему потребовался всего лишь один беглый взгляд на Джордана, чтобы успокоить свои нервы. «Я помню, как в первый раз увидел Майкла, – говорил Мэлоун. – Мы в тот день смотрели дневную игру. Майкл играл на открытой площадке с асфальтовым покрытием, он двигался, и в его движениях чувствовался породистый атлет, это было видно по тому, как он шагал, как грациозно бежал и открывался. Он выделялся с первых секунд. Достаточно было посмотреть на него, на то, как он двигался и бегал. Его талант был очевиден даже для непрофессионала. С самого начала было ясно, что Майкл превосходит всех остальных игроков в лагере, как и тех, кто играл в баскетбол в школах в то время».

Легенда гласит, что через несколько дней после начала работы лагеря Джордан набрал в одном из матчей 40 очков в первой половине игры, то есть всего за 20 минут.

«Что больше всего меня поражало, так это то, что против него невозможно было защищаться, – вспоминал Кончалски. – Потому что он перепрыгивал соперников и здорово обращался с мячом… Я имею в виду, что он мог совершить бросок в любой момент, когда захочет».

Энтони Тичи из Голдсборо тоже был в том лагере и вспоминал, что возвыситься так высоко над остальными Джордану помогал его соревновательный дух. «Там собралось 72 игрока со всей страны, лучшие на тот момент, – объяснял Тичи. – Так что в ту неделю у каждого были свои удачные моменты… Он же просто вышел в космос тем летом».

Гарфинкел осознал, что ему надо поскорее связаться с Дэйвом Крейдером, другом, работавшим редактором *Yearbook* издательства Street & Smith, серьезного предсезонного издания, писавшего в то время о студенческом баскетболе. В журнале были перечислены 650 самых перспективных игроков старших классов. «Дэйв, – спросил Гарфинкел, – на каком месте в твоем списке Майк Джордан?»

Предположительно, Крейдер проверил тогда весь список и отрапортовал, что никакого Майка Джордана в нем нет, только Джим Джордан. Тогда Гарфинкел посоветовал Крейдеру добавить

в список еще одного Джордана, да куда-нибудь повыше. «Я позвонил в Street & Smith, чтобы его включили в первую или вторую предсезонную сборную лучших американских игроков», – сказал Гарфинкел.

Крейдер ответил, что уже слишком поздно вносить правки – журнал ушел в печать. Гарфинкел сказал Крейдеру, что тот непременно должен что-нибудь предпринять, потому что не включить в список столь большой талант, каким был этот Джордан, будет стыдно.

«В то время эти журналы печатали за несколько недель до выпуска, – вспоминал Гарфинкел. – Дэйв сказал мне: «Ты не найдешь имени Майка Джордана в списке 650 лучших игроков по версии предсезонного журнала Street & Smith». Крейдер позже рассказал, что его автор, освещавший Северную Каролину в сезоне 1980/81 г., не включил Джордана даже в двадцатку лучших юниоров штата.

Куда бы Джордан ни отправлялся в лагере, Рой Уильямс следовал за ним по пятам, испытывая смешанные чувства тревоги и восторга. «Каждый раз, когда мы шли на групповые тренировки, Рой Уильямс шел туда же и смотрел, – вспоминал Мэлоун. – Было очевидно, что Северная Каролина считала его выдающимся игроком даже несмотря на то, что он провел лишь один сезон в школьной команде в Уилмингтоне. Что мне хорошо запомнилось за неделю пребывания Майкла в лагере, так это то, что все были поражены его дриблингом, потому что тогда этот навык был развит у него лучше всего».

На пути к корзине он прибегал к приему «ножницы», добавляя еще один шаг в движение, чтобы ускоряться, пробегая мимо защитников, вспоминал Мэлоун. «Он без устали атаковал корзину. Все собирались под корзиной, заполняя пространство и надеясь остановить его».

В ту первую неделю Джордан привел команду Мэлоуна к титулу NBA. «На последних секундах игры за чемпионство я попросил тайм-аут и сказал игрокам, что сейчас решается судьба матча. Я добавил: «Майкл, ты должен взять игру в свои руки». Он очень хорошо воспринимал тренерские указания. И в следующем же моменте, когда нам пришлось защищаться, он чуть ли не до земли доставал руками, настолько решительно был настроен помешать парню, которого опекал». Тогда-то Мэлоун осознал, что жажда борьбы и соревновательный дух в Джордане могут быть даже сильнее его исключительных атлетических талантов.

«Он был назван выдающимся игроком недели наряду с Майком Флауэрсом из Индианы и получил приз MVP матча Всех Звезд, а вместе с ним и несколько других наград», – вспоминал

Гарфинкел.

На протяжении нескольких дней второй недели Джордан был травмирован, ему пришлось просидеть несколько матчей на скамейке запасных. «Он травмировал лодыжку и сыграл лишь в половине матчей, – вспоминал Кончалски. – На второй неделе он второй раз подряд завоевал награду MVP матча Всех Звезд. Он не получил приз самому выдающемуся игроку. Им стал Лестер Роу, парень из Баффало, позже выступавший за Западную Виргинию. Он был ростом примерно в 193 см, может, и чуть больше. И получил награду потому, что играл на протяжении всей недели».

«Я получил девять наград», – горделиво хвастал Джордан репортерам газеты *Wilmington Journal* по возвращении домой.

Джерри Уэйнрайт, который тогда был тренером в старшей школе, сам видел великолепные выступления Майкла. В конце второй недели, когда постояльцам лагеря уже пора было паковать чемоданы, Уэйнрайт услышал в спортзале стук бьющегося об пол мяча и, придя туда, обнаружил Джордана, тренировавшего броски по всей площадке. Уэйнрайт, который позже будет тренировать в Университете Северной Каролины в Уилмингтоне, спросил у него, чем тот занимается. Уэйнрайт приводит ответ Майкла: «Тренер, мой рост всего шесть-четыре, а в колледже я, скорее всего, буду играть защитником. Мне нужно лучше бросать в прыжке».

Пребывание в лагере «Файв-Стар» быстро открыло новую главу в легенде Джордана. «Лагерь стал поворотной точкой моей жизни», – размышлял Джордан.

Этот опыт стал еще одним напоминанием о том, как быстро в мире спорта все меняется – эту истину Джордан впервые выучил в бейсбольной Лиге Бейба Рута. Ранний успех не гарантирует абсолютно ничего. «Перед началом «Питтсбурга-1», – говорил Том Кончалски, – Линвуд Робинсон был приоритетной целью Северной Каролины, искавшей защитника, они хотели заполучить его даже сильнее, чем Майкла Джордана. Они думали, что он станет для них новым Филом Фордом. Но в старшей школе он получил травму. Ему сделали операцию на колене, и он уже никогда не был тем игроком, каким был прежде. У него больше не было той силы, какая была когда-то». Дин Смит все же не отозвал предложения о стипендии для Робинсона, но игроку так никогда и не удалось добиться успеха на более высоком уровне. Впоследствии Робинсон перешел в Аппалачский государственный университет, в команде которого играл добротно, но так и не смог оправдать сравнений с Филом Фордом.

Самым серьезным трофеем, добытым Джорданом в «Файв-Стар», стала обретенная репутация. Даже в родной семье на него

теперь смотрели иначе. До лагеря Джеймс Джордан все еще грезил тем, что его сын сделает карьеру в бейсболе. После лагеря эти мысли стали стремительно отходить на задний план. Майкл признавался изданию *Wilmington Journal*: «Мой отец очень хотел, чтобы я играл в бейсбол, но теперь он хочет, чтобы я стремился сделать карьеру баскетболиста». Правда, теперь скорее баскетбол стремился заполучить его себе, чего никогда не делал бейсбол, и ему было все равно, как сильно отец Майкла держался за свою мечту.

Гарфинкел начал распространять слухи о том, что Джордан входит в десятку самых перспективных игроков страны среди школьников 1981 года выпуска, лидером которой считался молодой центровой из Массачусетса Патрик Юинг. Брик Оттингер поместил Джордана на вторую строчку в списке самых перспективных игроков, сразу вслед за Юингом. Но аналитик Боб Гиббонс пошел чуть дальше и назвал Джордана лучшим молодым игроком страны, поставив его даже выше Юинга. «Я просматривал его в нескольких матчах за 11-й класс школы и был в лагере «Файв-Стар», – вспоминал Гиббонс. – Вы представить себе не можете, как яростно меня критиковали за то, что я поставил Джордана выше Юинга, – все твердили, что я просто продвигаю земляка».

Невероятным образом подскочивший рейтинг Майкла привлек к нему интерес сотен разных школ, жаждавших заполучить его себе. И Северной Каролине вдруг пришлось конкурировать с уймой соперников, искавших благосклонность Избранного. За годы практики Дин Смит приучил себя осторожничать с молодыми рекрутами, но теперь казалось, что для него настал час расплаты за такое отношение к ним.

«На мой взгляд, когда ты видишь такой талант, как у Джордана, то сразу выделяешь его из толпы, – рассуждал Брендан Мэлоун. – Я удивлен, что они дважды думали насчет него, сомневались, что он достоин стипендии. Я ухватился бы за него обеими руками, как только увидел бы его в игре».

Позже Мэлоун позвонит в Уилмингтон, пытаясь завербовать Джордана в Сиракьюс. Несмотря на то что Джордан положительно оценивал и Мэлоуна, и опыт, полученный в «Файв-Стар», он вежливо отказался, сказав, что ему интересно попробовать себя в другом месте. Как и многие, Мэлоун заключил, что Джордан тем самым давал понять, что никуда не уедет из Северной Каролины. Но мысли Джордана были обращены не к Каролине. Отчасти его колебания были вызваны сомнением. Куда бы он ни шел в Уилмингтоне, ему попадались люди, говорившие ему, что он слишком много на себя берет, в

особенности по части программы «Тар Хиллз». «Дома люди в самую последнюю очередь видели меня состоявшейся звездой. Мне говорили, что, если я пойду играть за «Хиллз», меня ждет бесконечное сидение на лавке, что я не буду играть. И я им в каком-то смысле верил».

Сложившиеся обстоятельства вынудили его погрузиться в размышления об имевшихся вариантах. Если Северная Каролина так настойчиво его преследовала, почему бы тогда не присмотреться к другим интересным школам? Ларри Браун только-только вывел «УКЛА Брюинз» в финал национального первенства. Джордану нравилось то, что он увидел той весной в исполнении этой команды. «Я всегда хотел перейти в «УКЛА», – объяснял он позже. – Это было моей школьной мечтой. Когда я рос, у них была великолепные игроки: Карим Абдул-Джаббар, Билл Уолтон, Джон Вуден. Но «УКЛА» меня так и не завербовала».

Известный в тренерских кругах скиталец Браун уже подыскивал себе следующее место работы и собирался покидать «УКЛА» всего через два года после прихода в команду; эту школу он покинет в конце сезона 1981 г. Вдобавок Браун играл у Дина Смита и тренировал вместе с ним. Тогда Джордан этого не осознавал, но весьма вероятно, что Браун не стал бы вставать на пути Смита и красть у него столь желанного местного таланта.

Другим вариантом, о котором тогда публично не сообщалось, был Университет Виргинии, где произведший фурор первокурсник Ральф Сэмпсон только что привел «Вахуз» к победе на Национальном пригласительном турнире в Нью-Йорке. Джордан видел себя органично вписавшимся в состав этой команды, и поэтому связался с тренерами Виргинии. «Еще я хотел поехать в Виргинию, чтобы поиграть с Ральфом Сэмпсоном два оставшихся его года там… Я написал в Виргинию, но в ответ мне прислали лишь бланк заявки. Никто оттуда не приехал посмотреть на меня».

В интервью 2012 г. Терри Холланд, тогда тренировавший в Виргинии, подтвердил, что Джордан проявлял интерес к его команде, добавив, что Дэйв Одом, друг и коллега по тренерскому цеху, был в рядах «оценщиков» молодых талантов в лагере Гарфинкела. «Я знаю, что Дэйв Одом был впечатлен тем, что показал Майкл в лагере «Файв-Стар» в лето перед переходом в 12-й класс, – вспоминал Холланд. – До той поры Майкл был, по сути, поздно раскрывшимся игроком. Мы уже пообещали стипендию Тиму Маллену и Крису Маллену, которые выступали на этой же позиции, а чтобы заполучить их, нам пришлось ввязаться в серьезную схватку с Нотр-Дам, Дьюком и Сент-Джонс. Но

казалось, что у нас хорошие шансы взять обоих, а потому мы решили сконцентрироваться, чтобы защитить инвестиции, которые уже сделали в них как в потенциальных новичков. Тогда нам удалось взять Тима, но не Криса – он ушел в команду из родного города, которой удалось выиграть у нас ожесточенную битву за него. Майкл сказал мне, что ему нравится наша команда и он надеется на то, что мы будем усердно за него бороться, но он никогда при этом не указывал, что предпочтет Университет Виргинии, а не Северной Каролины». Виргинский тренер не мог знать, насколько немудрым и недальновидным будет решение отказать заинтересованному игроку из Уилмингтона. Майкл явно поставил в своей голове пометку напротив «Кавальерс» – на будущие встречи на паркете.

Решение Виргинии не брать Джордана тенью ляжет на последующие сезоны, на протяжении которых Северная Каролина и Виргиния будут соперничать за победу в Конференции атлантического побережья. В 1981 г. Виргиния дважды обыграла Каролину, а потом обе команды сошлись вновь в полуфинале Финала четырех в Филадельфии, где «Тар Хиллз» удалось наконец взять верх.

По прошествии многих лет Джордан скажет Сэмпсону, что мечтал играть с ним в одной команде.

Центровой ростом в 224 см провел в колледже четыре года, пытаясь выиграть национальный титул с Виргинией. «Что есть, то есть», – стоически сказал Сэмпсон, когда у него спросили об упущенной Виргинией возможности облачить Джордана в форму своих цветов. – Я ценил тех партнеров, что у меня были».

Много лет спустя Ховард Гарфинкел выпустит в свет книгу своих воспоминаний о том, как он заправлял лагерем «Файв-Стар», величайшим успехом которого было открытие Майкла Джордана. Гарфинкел редко навещал Джордана с тех пор, как тот наведался в его лагерь летом 1980 г., но в один из вечеров, когда Джордан должен был проводить очередной матч NBA, Гарфинкел отправился на арену с экземпляром книги, чтобы вручить ее звезде после игры. Гарфинкел прождал в толпе около раздевалки целых полчаса, и когда уже был готов все бросить и уйти, случилось это. «Вдруг какой-то маленький мальчик бежит по коридору и кричит: «Он идет! Вот он идет!» Естественно, по коридору шел Майкл Джордан. Тогда я шагнул вперед, выделившись из толпы. Я сделал маневр Джека Руби и оказался перед людьми из его окружения. Но перед ним были не только они, а еще два самых огромных копа, каких я только видел в жизни. Джордан шел посередине, а двое полисменов

экспортировали его по коридору. Я сделал шаг им навстречу, но коп спугнул меня, сказав: «Не трогайте его, пожалуйста, никаких автографов, никаких автографов». Тогда я отошел в сторону, а Джордан уже проходил мимо. Заметив меня периферическим зрением, он вскрикнул: «Стойте! Это Ховард Гарфинкел! Благодаря ему я здесь». Разумеется, это неправда. Не я был причиной его успеха. Но так он сказал. Богом клянусь».

Глава 10
Майкл

Сколько похожих университетских кампусов в было в округе! Одна и та же хорошо знакомая помесь из затхлых и старых кирпичных построек, рифленых колонн и трехполосных тротуаров, по которым взад-вперед передвигались стайки грациозных студенток, шедших на лекции. Но он считал, что если ты задержался в Чапел-Хилл, то нужно дорожить кое-какими вещами, отличавшими это место, – причудливо падающим солнечным светом на желтые листья дубов в четырехугольном дворе кампуса, видом студентов, лениво растянувшихся на ступеньках библиотеки с книгами на коленях, ритмичным стуком резиновых баскетбольных мячей, слишком сильно накачанных воздухом и ударяющихся об асфальтовое покрытие площадки под открытым небом. Такими маленькими деталями он наслаждался, крутя педали своего велосипеда, летевшего на большой скорости навстречу туманным грезам, которыми полнилась его студенческая жизнь.

Да, другие школы обладали таким же очарованием, но казалось, что ни одно другое место не сочетает в себе все эти элементы так, как Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл. Во время своих осенних визитов 1980 г. он не осознавал этого, он тогда выбирал место, в котором проведет последние дни своей подлинной свободы, прежде чем успех окончательно завладеет его жизнью.

Университет Северной Каролины хорошо ему подойдет. По крайней мере так он заключил после того, как нанес туда визит, во время которого много и громко трепался, чем вызвал хихиканье тех, кто запомнил появление его худой фигуры, вприпрыжку расхаживающей по коридорам спального корпуса для спортсменов. Патрик Юинг, ямаец из Бостона в 7 футов ростом, самый желанный рекрут 12-го класса в тот год, впервые встретил Джордана в октябрьские выходные, в которые оба совершили свой официальный визит в кампус Каролинского университета. Годы спустя Юинг улыбался, вспоминая этот эпизод. «Он много болтал, – говорил он. – Рассказывал, как будет заколачивать данки в играх против меня. С того момента он постоянно грешил трэш-током. Ему всегда была присуща эта развязность».

«Я хорошо помню поездку Майкла-рекрутера в кампус, – вспоминал Джеймс Уорти, на тот момент второкурсник, выступавший за «Тар Хиллз». – Его было слышно раньше, чем вы

его видели». Отчасти причиной такого поведения был юношеский страх, как признавался Джордан потом. Ведь если верить людям из Уилмингтона, в Чапел-Хилл ему делать было нечего. Он покорил «Файв-Стар», но когда он прогуливался по кампусу, страх все равно одолевал его.

Сомнения касательно перехода в «Тар Хиллз» стали покидать его, как только команда проявила интерес к нему. Все началось с заботливого и внимательного отношения тренеров, а установившаяся связь между Майклом и командой стала крепнуть с каждым его визитом в кампус. Там он мог вдохнуть воздух, которым дышала элита, и почувствовать мощь приливных волн славы Университета Северной Каролины (*англ.* University of North Carolina – UNC, УНК), волн успокаивающих светло-голубых цветов университета, волн, тут и там кружившихся в водоворотах, увлекавших Майкла за собой и создававших кампусу ауру жизнерадостности. Все это помогло ему прийти к выводу, к которому приходили столь многие элитные спортсмены за долгие годы: «Я мог бы привыкнуть к такому».

Патрика Юинга посетила та же мысль после их первой встречи с Джорданом во время визита в Чапел-Хилл. Много лет спустя центровой расскажет, что всерьез рассматривал возможность поиграть под началом Дина Смита, пока не вернулся в тот выходной в отель и не увидел проходившую неподалеку манифестацию членов Клана. Демонстрация мгновенно выветрила из его головы всякие мысли о том, чтобы перейти в УНК. Если бы не этот митинг Клана, Юинг мог составить компанию Джордану в «Тар Хиллз» и создать суперкоманду, которая могла бы выиграть несколько национальных чемпионских титулов подряд.

Джордан, быть может, и не видел в тот выходной демонстрацию клановцев, но, даже если бы видел, она не отложилась бы у него в памяти. «Его семья любила Северную Каролину», – отмечал Боб Гиббонс. Спустя всего дюжину лет с того дня, как их сын пошел в первый класс уилмингтонской школы, еще не до конца отошедшей от практики сегрегации, они оказались в ситуации, когда в борьбе за него сошлись самые престижные университеты штата. Субсидия на посещение университета, предложенная Майклу Чапел-Хилл, была по душе Джеймсу и Делорис.

«Я сказал Делорис, что, если бы Майкл был моим сыном, я бы отправил его в Каролину, – вспоминал Уайти Преватт. – Этот Дин Смит всегда производил на меня хорошее впечатление как мужчина и как тренер».

Как будто Джорданы нуждались в подбадривании! Они уже

видели своего сына облаченным в голубые тона Каролины, и от этих мыслей их переполняла гордость, раздувавшаяся, как надувные игрушки на параде «Мэйси». А когда Дин Смит и его окружение приехали той осенью с визитом в их дом, все выглядело так, вспоминал со смешком Том Кончалски, «будто сам Зевс сошел с горы Олимп к смертным». Смит своеобразно строил отношения с семьями и родителями игроков. Рассуждая об учебе и приоритетах в жизни своего игрока, он был искренен, как любой тренер. Джорданы сидели в гостиной, Майкл расположился на полу, скрестив ноги, и вертел баскетбольный мяч. Пока семья впитывала слова тренера, Майкл медленно крутил мяч. Смит говорил, что никаких обещаний никому дано не будет, Джордану придется заработать право быть в команде. «В тот момент весь разговор сводился к разглагольствованиям Дина об образовании, – объяснял писатель Арт Чански. – Дин знал, что Джеймса и Делорис очень интересует эта тема».

С самых первых мгновений встречи семья Джорданов увидела отличительные черты тренерского стиля Дина Смита, его тщательное и активное участие в жизни своих игроков как личностей – что было весьма непривычно, – которое, однако, не мешало ему держать дистанцию и сохранять объективность, как того требовала от него работа тренера.

«Развитие взаимоотношений с тренером Смитом было, пожалуй, самой простой и легкой вещью, – рассказывал Джеймс Уорти, – потому что он был предельно честным человеком, очень беспокоившимся обо всем. Он действительно понимал, откуда ты пришел к нему. Он много времени тратил на то, чтобы узнать получше твоих родителей и понять, чего они хотят для своего сына. И так же он относился к игрокам… Честность – лучший помощник в нашем деле, вот почему столь многих игроков привлекала его команда, о чем свидетельствуют визиты в колледж, общение рекрутов с ним и тому подобное». «В нем есть нечто особенное, какая-то черта человека, понимающего тебя и твои нужды», – добавлял Уорти.

Несмотря на нехватку интереса со стороны Виргинии и «УКЛА», Джордан все же пользовался спросом – за него боролись несколько школ региона. Когда он посетил Университет Южной Каролины, то в компании с тренером Биллом Фостером встретился с семьей губернатора и какое-то время побросал мяч вместе с сыном главы штата. «Они не были обеспокоены, – говорил Арт Чански о тренерском штабе Каролины, – но когда Билл Фостер, работавший тогда в Южной Каролине, повез Майкла в особняк губернатора на ужин, они долго смеялись. Вот какая ерунда творилась в плане борьбы за него. Но не думаю, что

в Каролине когда-либо сомневались, что он в конечном счете окажется у них».

В Университете Мэриленда тренером был Лефти Дриселл, который отчаянно жаждал увести Джордана из-под носа Дина Смита. Он пытался убедить Джорданов в том, что недавно построенный мост через Чесапикский залив сократил дорогу до Мэриленда настолько, что теперь путь туда можно было преодолеть почти за то же время, что и из Уилмингтона в Чапел-Хилл. Родители Джордана только закатили глаза. Джим Вальвано, новый тренер «НК Стэйт», тоже попытался заполучить Джордана и даже пустил в ход козырную карту – имя Дэвида Томпсона. Вальвано убеждал Джордана подумать о том, чтобы повторить путь своего героя детства.

Задолго до того, как Джордан приехал с первым официальным визитом в Чапел-Хилл, он съездил туда самостоятельно, чтобы внимательно осмотреть место и оценить его со стороны. «Джорданы приезжали в Каролину много-много раз с неофициальными визитами», – вспоминал Арт Чански, добавляя, что, хотя ассистент Рой Уильямс не мог ездить по городам набирать новичков, он все же находил время для того, чтобы развлечь Джорданов в кампусе. Джеймс Джордан и Уильямс в результате сдружились настолько, что отец Майкла потом построил Уильямсу дровяную печь в его доме в Чапел-Хилл. Но окончательно прояснил все в голове Майкла именно официальный визит в университет. Херринг подталкивал его к принятию решения о дальнейшем будущем до начала сезона, чтобы можно было сконцентрироваться на цели – выигрыше чемпионата штата среди школ. К тому же ситуация с будущим Джордана могла потенциально стать отвлекающим фактором для его партнеров по команде, если не для всех учеников Лэйни. «Вальвано, Лефти Дриселл… Рой Уильямс проводили тут так много времени, что мы думали, будто они уже устроились работать в Лэйни, – вспоминал партнер Джордана по команде Тодд Паркер. – Потом явился Дин Смит в своем пепельно-голубом костюме, и все было кончено. Если приходит Дин Смит, это значит, что Каролина действительно жаждет тебя».

Джордан согласился с Херрингом. Он хотел быстрее принять решение. «Каролина была четвертой школой, которую я посетил, – вспоминал он, – и после этого визита в моей голове уже не было никаких вопросов. В течение недели я сделал выбор в ее пользу и отменил свои визиты в Клемсон и Дьюк».

1 ноября 1980 г. в своем доме он сделал официальное заявление всего перед двумя микрофонами, которые предоставили местные телевизионные каналы. Линвуд Робинсон

выбрал тот же день для объявления о своих планах поступать в УНК, а посему много внимания было переключено на него. Спортивный журналист из Дарема Кейт Драм сказал в то время, что Джордан будет гораздо важнее для «Тар Хиллз», но редакторы информационных отделов разных средств массовой информации, должно быть, не получили его записки.

Джорданы сидели на диване в гостиной перед двумя микрофонами, стоявшими перед ними на кофейном столике, по соседству со стеклянной черепахой и растениями в горшках. Мать находилась справа от него, а отец – слева. Джордан сложил руки на коленях и подался вперед, чтобы подтвердить всем: да, он остановил свой выбор на Каролине.

Его мать, которой несколькими неделями ранее исполнилось 39 лет, откинулась на спинку дивана, ее руки с безупречным маникюром легли туда же, а ее стильная юбка темных тонов со складкой прикрывала колени. В последние годы она изрядно похудела и уже демонстрировала первые признаки человека, который будет вполне комфортно ощущать себя в свете софитов, которые уже привлекал к себе ее сын. Его заявление она приняла с улыбкой, выражавшей абсолютный восторг и говорившей обо всех тех усилиях, что она предприняла, чтобы привести к этому дню своего самого ленивого ребенка. В то же время 17-летний Майкл выглядел почти что сонным, он смотрел в сторону «солнечных» прожекторов телевизионщиков со спокойствием, которое станет его фирменным знаком и будет отличать тысячи его последующих интервью журналистам. Легкая, едва уловимая улыбка, свидетельствовавшая о сдерживаемом ликовании, озарила его лицо, когда он принялся выслушивать вопросы и формулировать свои ответы на них.

Его отец аналогичным образом откинулся на спинку дивана, словно для того, чтобы не лишать своего сына заслуженного внимания. Его невероятная гордость за сына в тот день приобрела оттенок торжественности. Его явно переполняли эмоции, которые он всеми силами пытался замаскировать.

Поп Херринг тоже был там, во время объявления он стоял в стороне, но испытывал такую же гордость за Майкла. Молодой тренер и Джордан позировали перед камерами, вдвоем наклонившись вперед, чтобы помериться руками. А чуть позже, когда Джордан взял бело-голубой мяч цветов Каролины, тренер изобразил, будто защищается против него, – эта игривость между ними родилась на утренних тренировках в спортзале школы Лэйни. «Он нам как отец, – говорил Джордан о Херринге в интервью газете *Wilmington Journal*. – Мы можем в любой момент пойти к нему и поговорить с ним о чем угодно, о вещах, которые

обычно не рассказываешь даже родителям, потому что не ждешь от них понимания. Думаю, что он способен привести нас к чемпионству».

Майк Кшишевски, предприимчивый молодой тренер Дьюка, питал надежды, что заполучить Майкла в команду ему поможет уважение, которое Делорис Джордан испытывала к уровню образования в университете, и ее слепое обожание Джина Бэнкса – бывшей звезды Дьюка. Как только намерения Джордана стали ясны всем, Кшишевски написал Майклу письмо, в котором сокрушался по поводу несостоявшегося перехода игрока в «Блю Девилз» и желал ему всего наилучшего. Несколько лет спустя письмо всплывет в зале уилмингтонского музея Кейп-Фир, посвященного Джордану, где, по слухам, станет самым любимым экспонатом среди болельщиков «Тар Хиллз».

Эмпи-парк

Теперь, когда с выбором будущего было решено, Джордан мог сосредоточиться на поставленной цели – выиграть чемпионат штата. Для начала Лэйни нужно было обыграть физически мощную и крепкую команду из Нью-Хановер в округе I Юго-Восточной Северной Каролины классификации 4A. «Он играл в лиге, в Средневосточной конференции, которая буквально кишела талантами», – вспоминал многоопытный спортивный журналист из Уилмингтона Чак Карри.

Нью-Хановер долгое время была ведущей белой школой Уилмингтона, традиции спортивных успехов которой заложил тренер – член Зала славы Леон Брогден. Особенно сильно в этой школе был развит футбол: она подарила NFL квотербеков Сонни Юргенсена и Романа Габриэла. С началом интеграции Уиллистон, старшая школа города для чернокожих учеников, была переделана в среднюю школу, и это решение так обидело чернокожее сообщество, что предположительно помогло спровоцировать инцидент с «уилмингтонской десяткой».

К тому времени как в 1976-м была открыта школа Лэйни, расовое напряжение начало спадать, и Поп Херринг стал первым в городе чернокожим главным тренером. Никто публично не давал комментариев о новом статусе Херринга, но во все глаза настороженно следили за его прогрессом, особенно когда речь заходила о встречах между Лэйни и Нью-Хановер, которую возглавлял Джим Хеброн. Статус Майкла Джордана как звездного новичка Университета Северной Каролины лишь повышал интерес общественности к матчам двух команд и привлекал еще

больше внимания к Херрингу.

> Два тренера – обоим было едва за 30 – проповедовали резко контрастировавшие друг с другом стили работы.

В состав Нью-Хановер на сезон 1980/1981 г. был заявлен Клайд Симмонс, который впоследствии войдет в сборную лучших игроков NFL оборонительного плана от «Филадельфии Иглз», и здоровяк Кенни Гаттисон – будущая звезда Университета Олд Доминион, который потом сделает серьезную карьеру в NBA как игрок и тренер. Осенью 1980-го Гаттисон был 11-классником ростом 2 м и весом в 108 кг. Клайд Симмонс был быстрым, имел рост почти 198 см и обладал хорошо развитой мускулатурой. В команде из Нью-Хановер было еще два исключительных атлета, так никогда и не обретших известности, хотя они того заслуживали. Гаттисон вспоминал: «Рондро Бони был ростом в 190 см, весил 97 кг и пробегал дистанцию в 40 ярдов[19] за 4,25 секунды. Когда он играл раннинбека в футболе, ему нужно было только оббежать соперников, и тогда все, нипочем его не догонишь. У него была фигура, как у Гершеля Уолкера. Рональд Джонс был ресивером ростом в 193 см и тоже обладал отличной скоростью. Он был как Джерри Райс. Эти двое должны были играть в NBA или NFL».

В футбольном сезоне 1980 г. школа Нью-Хановер благодаря этим игрокам добыла десять побед, но когда они надевали баскетбольную униформу, то становились еще более устрашающими. Хеброн, на контрасте, был миниатюрным человеком, беспрестанно упражнявшимся со скакалкой. Сильнее, чем уилмингтонский пляж и занятия серфингом, он любил только свою работу тренером в Нью-Хановер. Его уроки физкультуры в школе отличались расслабленной атмосферой, но Хеброн всегда целиком и полностью контролировал команду, которую тренировал.

«Физически он был совершенно неприметным и чем-то напоминал Дастина Хоффмана, – вспоминал Гаттисон. – У него был крайне скромный характер. Он никогда не кричал, никогда не орал во все горло. Но ты знал, что этот дядя тебя прикроет, а потому, о чем бы он ни просил, мы просто шли и делали это». Если Хеброна местное общество находило просто интересным персонажем, то Херринг, афроамериканец, привлекал куда более пристальное внимание. «Как и все прочее, это была проверка на вшивость», – вспоминал Гаттисон. В те первые десятилетия интеграции в спешке рождались новые расовые стереотипы. К примеру, чернокожим спортсменам почти никогда не доверяли

позицию квотербека – такой подход начал меняться лишь в сезоне 1986/1987 г., после того как Даг Уильямс привел «Вашингтон Редскинз» к победе в Супербоуле. Должности главных тренеров зачастую были зарезервированы для белых. Но Херринг заслужил свое назначение работой и, будучи главным тренером, имел очень большие перспективы. Стиль его поведения на площадке был оживленным, если говорить совсем мягко. «Если Джим Хеброн был Дастином Хоффманом, то Поп Херринг – скорее Фрэдом Сэнфордом, – вспоминал, смеясь, Гаттисон. – Поп был немного более пылким, нежели Джим Хеброн, это я вам точно говорю. Эти двое были полностью противоположными друг другу личностями и тренерами. Они надевали свои полиэстеровые костюмы и шли на матчи, как на работу. Хорошие были времена, правда».

Несмотря на свои внушительные размеры и физическую мощь, Гаттисон и Клайд Симмонс той осенью готовились начать лишь свой первый сезон в школьной команде. «В округе Нью-Хановер ученикам не дозволялось играть в школьных спортивных командах в десятом классе, – объяснял Гаттисон. – И не важно было, кто ты и откуда. Когда твой сезон в резервной команде юниоров заканчивался, то тебе, если ты, конечно, был достаточно хорош, разрешали сесть в конце скамейки запасных основной команды и смотреть игру».

Таким образом, этот солидный состав Нью-Хановер должен был получить свой первый опыт игры против Джордана, защищавшего сине-золотые цвета школы Лэйни. Но они уже знали его по многочисленным баскетбольным баталиям, проходившим на городских площадках Уилмингтона, в особенности в Эмпи-парке.

«Сообщество было настолько тесно сплетенным, что все знали всех, – объяснял Гаттисон. – Мы всегда играли. Играли в Бойз-клаб. Играли в Эмпи-парке. Классические матчи мы проводили на асфальтовых покрытиях площадок Эмпи-парка. Там никого не было. Он приводил своих ребят. Я – своих».

«Ребятами» Джордана были члены его давно сложившейся команды, состоящей из брата Ларри, Адольфа Шивера, Лероя Смита и Майка Брэгга. Гаттисон обычно являлся в компании своих партнеров из Нью-Хановер – Бони, Джонса и Симмонса, которые выросли вместе, выступая в разных городских спортивных лигах.

«У нас было интересное сочетание, – говорил о своих партнерах Гаттисон. – Когда дело доходило до чистого атлетизма, Майкл имел преимущество лишь в одном месте. В четырех остальных преимущество было у нас. Ох и битвы у нас были. Мы

играли целыми днями напролет, всю субботу. Каждый матч игрался до 11 очков. Каким-то образом часто выходило так, что мы, ведя в концовке 8: 3, проигрывали 8: 11, потому что Майкл блокировал каждый наш бросок и набирал очко каждым своим. Не важно, играли ли мы в Эмпи-парке или в Брогден-холле на глазах у 5000 зрителей, мы всегда хотели победить».

Хеброн осуждающе хмурил брови, когда слышал трэш-ток во время школьных матчей. Но даже если бы тренер не занял столь критичной позиции по отношению к этому явлению, одного внешнего вида игроков состава Нью-Хановер было достаточно, чтобы заставить соперников притихнуть. Но во время игр в Эмпи-парке тенор одного из игроков порой становился сильным раздражителем. «Адольф болтал больше, чем Майк, – вспоминал Гаттисон. – Соломинка или зубочистка – что-то всегда было у него во рту. Адольф был парнем, который умел трепаться, но не умел играть. Когда мы играли в мяч в школе, он постоянно молол языком и что-то тявкал, крутясь у корзины, но когда начиналась серьезная игра, он просто бросал мяч Майклу и убирался с его пути».

После пребывания в лагере «Файв-Стар» в 1980-м Джордан возвратился на площадки Эмпи-парка с новоприобретенным чувством уверенности в себе. «Я никогда не слышал о «Файв-Стар», – вспоминал Гаттисон. – Майк едет в «Файв-Стар» и увозит оттуда все награды. Как обычно, мы с ним встречаемся в спортзале после его возвращения, и Майк говорит нам: «Мужики, в «Файв-Стар» надо побывать». И добавляет: «Мы и понятия не имеем, насколько мы тут, в Уилмингтоне, хороши». Он говорил так потому, что мы привыкли играть друг с другом. Это правда. Мы действительно не понимали, талантом какого уровня обладали наши школьные команды. Мы могли просто объединить две наши команды в одну, и огромное количество колледжей с трудом смогли бы соответствовать нашему уровню».

В то время Гаттисоном как перспективным футбольным тайт-эндом интересовались десятки крупных колледжей. Он вполне мог рассчитывать получить стипендию, если бы он и его партнеры по команде школы Нью-Хановер не послушали совета Джордана и не отправились в лагерь «Файв-Стар» следующим летом. Там Гаттисон привлек к себе внимание тренеров, в результате чего получил спортивную стипендию от Университета Олд Доминион и сделал продолжительную карьеру в NBA.

«В каком-то смысле я обязан своей карьерой Майку. Он был прав, – говорил Гаттисон. – Мы не знали, насколько мы хороши».

Что оба знали наверняка, так это то, что зимой 1980/1981 г. им предстояла серьезная очная дуэль. Более того, с самого

закрытия лагеря «Файв-Стар» Джордан с нетерпением ожидал начала баскетбольного сезона. Он приходил на матчи футбольной команды Лэйни и смотрел, как его друзья по пятницам играют в свете вечерних огней, но при этом отчаянно ждал начала баскетбольных тренировок, чтобы можно было показать всем, чему он научился за время пребывания в летнем лагере.

Несмотря на это, Руби Саттон, преподававшая физкультуру в Лэйни, отмечала, что Джордан, вернувшийся в школу той осенью, не выглядел человеком, на которого сильно повлияло внезапно свалившееся на него признание. Он оставался все тем же беззаботным парнем, всегда готовым улыбнуться, вспоминала она. Сезон приближался, и Джордан признавался в интервью *Wilmington Journal,* что с нетерпением ждет трепета от реакции, которая у публики будет на его слэмы, особенно на его театральные вылазки к корзине после очередной кражи мяча – когда кольцо никто не защищает. «Мысли об этом вдохновляют меня играть», – говорил он. Его энергия подпитывалась их энергией, осознал он довольно рано.

«Я наслаждался до той поры, пока не начал делать то, чего другие делать не могли, – вспоминал он несколько лет спустя в разговоре с Джоном Эдгаром Вайдманом. – И это заинтриговало меня еще сильнее… возбуждение, которое я получаю от болельщиков, от людей, и это умение делать то, на что не способны другие, но что они при этом хотят сделать, а могут только через тебя… Это заводит меня. Я в состоянии делать то, чего не может сделать никто другой».

Его согласие на переход в Каролину привело к тому, что той зимой на игры Лэйни стали стекаться болельщики со всего штата. Чак Карри вспоминал: «Когда распространился слух о том, как хорош Джордан, Лэйни пришлось начать разворачивать прибывавших фанатов, потому что гимнастический зал был так мал, что такое количество народу в нем нарушило бы все правила пожарной безопасности». Многие хотели иметь возможность сказать, что видели игру Майка Джордана в старшей школе. У входа в спортзал школы Лэйни 26 ноября 1980 г., в день открытия сезона, собралась длинная очередь. Те, кому удалось попасть внутрь, увидели своими глазами, как Джордан набирает 33 очка и делает 14 подборов в победном матче против команды округа Пендер. Эта победа стала первой из шести побед подряд на старте сезона, в результате чего «Бакканирс» взлетела на первую позицию в классификации штата. В первых числах декабря, в середине этой победной серии, «освятить» своим присутствием «Бакканирс» решил Дин Смит. В тот вечер толпа любознательных зрителей была так велика, что, по свидетельствам

присутствовавших, был побит рекорд по посещаемости спортзала Лэйни. Такая картина убедила некоторых скептиков в том, что Джордан подходит Северной Каролине. Еще больше сомневающихся «перешли в новую веру», когда он присовокупил девять ассистов к 26 набранным очкам и 12 подборам, сделанным по ходу выигранного на той же неделе матча против Кинстона. Вдобавок он сделал три блок-шота. «Джордан попросту загипнотизировал нас», – сказал тренер Кинстона Пол Джонс, отмечавший, что его игроки были так сконцентрированы на Джордане, что напрочь забывали опекать его партнеров, остававшихся в одиночестве.

Подлинным ярким моментом сезона стала победа Лэйни на рождественском турнире в Брогден-холле (арена Нью-Хановер) в конце декабря. Этот матч был реваншем против старых врагов с игровой площадки, только теперь облаченных в черно-оранжевую униформу Нью-Хановер. Джордан быстро оказался на грани удаления из-за большого количества фолов и был вынужден смотреть со скамейки запасных за тем, как его товарищи уступают сопернику в счете. Меньше чем за 5 минут до конца Херринг возвратил его в игру и увидел, как Джордан в ураганном темпе набирает 15 очков. «Все, что я помню, это броски Майка – он забивал без промаха, – говорил Гаттисон. – Ну, то есть мы его хватали, удерживали, тянули за майку, сбивали с ног. А он все равно попадал каждым броском». Игра дошла до последнего владения, во время которого Джордан вел мяч, стараясь найти возможность атаковать корзину. А потом он взлетел. «Помню тот его бросок на рождественском турнире, который он сделал с сиреной, – говорил Гаттисон. – Я схватил его за шорты, чтобы потянуть вниз, потом за майку, а он все равно поднялся в воздух и сделал бросок».

Перед последним сезоном Херринг отбросил прочь всяческую претенциозность и признал, что главной его стратегией должна стать игра на Джордана: нужно поощрять его за атаки на кольцо. Этот подход работал по большей части, потому что во многих матчах Джордан был так хорош, что выигрывал матчи в одиночку. Но к середине января «Бакканирс» подошла с двумя поражениями за плечами, увязнув на третьем месте в классификации Округа II. Едва ли при таких обстоятельствах игроки чувствовали уверенность в скором выигрыше титула штата.

«Лэйни часто выглядит не столько как команда, сколько как сборище игроков, ждущих чуда от Джордана», – отмечал спортивный обозреватель *Wilmington Morning Star* Грэг Стода.

Эта тема будет снова и снова подниматься по ходу карьеры Джордана. Его атлетические перформансы были настолько

выдающимися, что партнеры и соперники в равной степени поражались им и часто просто застывали на месте, чтобы посмотреть, как он работает. «Впрочем, мы прибавляем в этом плане», – сказал Херринг Стоде, добавив, что команда порой играет лучше, когда Джордан оказывается на скамейке. «Но, разумеется, я хочу отдавать ему мяч всякий раз, когда есть такая возможность. Он – супер».

Джордан и сам предпринял усилия для того, чтобы направить игру в несколько иное русло, – на это его вдохновил его кумир. На персональных номерных знаках его автомобиля было выведено «magic» (сзади) и «magic mike» (спереди), что свидетельствовало о его горячем желании освоить способность Мэджика Джонсона делать пас не глядя. «Все началось однажды на тренировочной сессии, – сказал он Чаку Карри, – когда я начал исполнять всякие безумные штуки, как Джонсон. Я сделал несколько передач, глядя в другую сторону, и один из моих партнеров по команде начал называть меня Мэджик Майк. Он купил мне номерной знак на задний бампер автомобиля, а девушка подарила мне знак на передний и футболку с надписью «Magic Mike».

Он привычно расставался с мячом, делясь им с партнерами: об этом альтруизме Джордана свидетельствуют в среднем шесть ассистов за игру в том выпускном сезоне, и все же слишком часто складывалось впечатление, что для игроков Лэйни мяч был, как горячая картошка, настолько быстро они возвращали его обратно Майклу. «Если они открыты, я отдам им мяч, – объяснял Джордан Грэгу Стоде. – Тренер говорит им бросать, я говорю им бросать. Но я знаю, что они сильно зависят от меня».

Тренер Нью-Хановер Хеброн понимал такую реакцию других игроков. «Дети от него в восторге, – признавал тренер. – Они напуганы. Несколько тренеров сказали мне, что он лучший игрок среди школьников восточного побережья. Я видел, как он зашел в зал, чтобы поиграть со случайными ребятами, и все тут же встали, бросив играть. Может звучать странно, и, наверное, многие люди этого не поймут, но некоторым детям радостно просто находиться с ним на одном паркете. Он пойдет в Каролину, а потом, быть может, станет профессионалом. Дети смогут сказать, что играли против него или в одной команде с ним».

«Он эволюционировал у нас на глазах, – объяснял Гаттисон. – Задача была не в том, чтобы изучить его, потому что в каждой игре он показывал что-то новое или необычное. В каждой игре он находил новый способ обыграть тебя. В плане атлетизма он творил такие вещи, которых никто прежде не видел. Он прыгал, и все остальные прыгали с ним, но мы в отличие от него

возвращались на землю. Потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что он сделан из другого теста в отличие от всех нас».

Джордан подкрепил эти наблюдения в том сезоне, набив себе статистику в 27,8 очка и 12 подборов за игру в среднем, чем помог Лэйни закончить сезон с балансом побед и поражений 19 к 4. Среди одержанных побед было и три победы над Нью-Хановер по ходу регулярного сезона. После каждого поражения Гаттисон и его партнеры клялись, что больше не проиграют Майку Джордану. У них был последний шанс избежать проигрыша в четвертой встрече того сезона в рамках полуфинала округа – в этой игре определялась команда, которая отправится на турнир штата. Проходившая в спортзале Лэйни решающая игра, казалось, легко дастся Джордану и его партнерам, за минуту до конца имевшим преимущество в шесть очков.

«Мы уступали ни много ни мало 10 или даже 11 очков за минуту 40 секунд до сирены, – вспоминал Гаттисон. – Правило 24 секунд не действовало. Все, что им нужно было сделать для победы, это убить время владением. Но нам каким-то чудом удалось отыграться и выиграть ту игру. До сих пор не помню, что происходило в заключительные 2 минуты. Они вполне могли не отдавать нам мяч до сирены. Каким-то образом удавалось вынуждать их терять мяч снова и снова. Чтобы проводить контратаки, нам приходилось ловить Майка разными способами».

Впоследствии Гаттисон изумлялся, как его команде удалось применить весь этот прессинг и ловушки без лишних фолов. «И это на их домашней арене?» – вопрошал он. За 7 секунд до конца счет был равным (52: 52), и в этот момент Джордан совершил проход и сделал бросок в прыжке. Рефери свистнул фол в атаке со стороны Майкла, и это нарушение стало для него пятым фолом, из-за чего ему пришлось уйти с паркета и сесть на скамейку. Болельщики домашней команды были поражены. Гаттисон и сам удивлялся, как это такой фол свистнули на последних секундах игры, да еще и дома у Джордана.

Нью-Хановер исполнил штрафные броски, выйдя вперед в счете. Неожиданный поворот событий поверг толпу болельщиков в угрюмое настроение, что было не редкостью для любителей школьного баскетбола Прибрежной равнины. В том же сезоне Нью-Хановер удалось победить в Голдсборо. Гаттисон рассказывал: «Помню, как мы проводили игру в Голдсборо, где учился Энтони Тичи. Если победить этих ребят на их площадке, то потом придется закрываться в раздевалке и сидеть там, пока не приедет полиция, чтобы физически извлечь нас оттуда».

В Лэйни обстановка была куда более знакомой и гораздо

менее враждебной. «Мы знали друг друга, – объяснял Гаттисон. – Когда мы выиграли ту игру, мы пошли в раздевалку, и тренер сказал: «Забудьте про душ. Собирайте манатки, и валим отсюда». Гаттисон добавил: «Претензии они высказывали в основном арбитрам, но в тот вечер мы обошлись без душа».

Что же до Джордана, то столь неожиданный конец его школьной карьеры стал для него серьезным разочарованием. Он отчаянно желал выиграть чемпионат штата. «Он был по-настоящему пришиблен этим поражением», – говорил Гаттисон. Херринг, разочарованный не меньше Майкла, тоже едва мог подобрать слова в тот вечер, он сказал только: «Мы достали до луны и упали на звезды». В интервью, данном почти 30 лет спустя после тех событий, Гаттисон все еще вспоминал ту последнюю игру с большим сожалением. И хотя за время профессиональной карьеры того и другого они множество раз встречались на площадке, объяснял Гаттисон в 2012-м, он никогда не упоминал ту финальную игру в Уилмингтоне в разговорах с Джорданом, и не важно, насколько расслабленной и неформальной была обстановка, в которой они беседовали. Даже после того как Джордан выиграл столько профессиональных титулов, когда уже казалось, что боль от того провала давно утихла, Гаттисон все же не рисковал поднимать эту тему, считая ее слишком деликатной. Аналогично и Джордан никогда не вспоминал о ней.

> Игроки обеих команд больше никогда не будут собираться в Эмпи-парке для совместных матчей.

Создалось впечатление, что этот момент отравил ядом всю невинность их юношеского соперничества. Все они знали, как много это событие значит для Джордана. «Нужно понимать, что движет этим парнем, что делает его великим, – говорил Гаттисон. – Он принял боль того поражения… для большинства людей боль поражения или утраты лишь временная. Он принял то поражение и ухватился за него. Отчасти именно оно сделало его тем, кем он стал. Так же, как сделало меня. Он трижды обыгрывал меня, дважды это случились на моем родном паркете. Потом мы выиграли четвертую игру, и мне до сих пор неприятно об этом вспоминать».

Спустя несколько дней после поражения от Нью-Хановер, Херринг уверенно напророчил, что Северная Каролина выиграет национальное первенство с Джорданом в составе. Но пройдет несколько месяцев, и тренер начнет свой спуск в мрачные подземелья психического расстройства.

«Попу Херрингу многие годы пытались помочь разные люди, – говорил Гаттисон о странных переменах, произошедших с

тренером. – Каждый пытался сделать все, что мог. Ему годами не ставили правильный диагноз, а потому он годами обходился без правильного лечения. И он так быстро слетел вниз, как по спирали. Это очень сильно истощало ментально. Парень, стоявший у боковой линии, полный огня и энергии, вдруг стал призраком. Встретив несколько лет спустя Попа на улице, ты не знал, с каким Попом будешь говорить. Грустно было, очень. Психические заболевания – это ужасно».

Но даже при этом Гаттисон отмечал, что наследием Херринга-тренера стала карьера Джордана в баскетболе, но не потому, что он не взял Джордана в первую школьную команду, а потому, что принял много мудрых, взвешенных решений, непосредственно повлиявших на Джордана. «Тогда в школьном баскетболе все было почти что на автомате. Если ты был ростом в шесть-четыре, тебя считали здоровяком, – говорил Гаттисон. – Тебя ставили центровым или тяжелым форвардом и размещали около корзины. Но Херрингу хватило необходимых знаний, чтобы понять, в чем состоят таланты Майкла, и он поставил его на позицию защитника».

Очень многим высоким игрокам в старшей школе никогда не дозволяется занимать позицию защитников и развиваться на ней, и зачастую они превращаются в твинеров (tweener)[20], если говорить баскетбольным жаргоном. «Многие твинеры в 17-летнем возрасте имеют рост в шесть-пять или шесть-шесть (195–198 см), но выше они не растут, – добавил он. – Потом, в колледже, они пытаются играть тяжелых форвардов. Они могут даже сделать неплохую студенческую карьеру и показывать в среднем 20 очков и восемь подборов за игру. Но когда они приезжают в лагеря NBA, от них ждут игры на позиции атакующих защитников. А так как они никогда не играли на этой позиции, то не могут перестроиться под новые требования. И им крышка». Херринг, однако, позволил Джордану готовить себя к успеху следующего уровня.

«Поп видел будущее Майкла в баскетболе, – объяснял Гаттисон, – и он открыл ему дорогу туда».

Бигмак

Утешением для Джордана в тот год стала новость о том, что журнал *Parade* включил его в список лучших игроков Америки среди старшеклассников, но его самолюбие было уязвлено, когда по окончании сезона Базз Питерсон не включил его в опросе *Associated Press* в список лучших игроков среди школьников

Северной Каролины.

«Мы просто слишком часто играли с Нью-Хановер, – сказал Майкл *Star-News* спустя три недели после окончания сезона, когда его попросили подвести итог своим разочарованиям. – Когда ты так много раз играешь против хорошей команды, это начинает сказываться. Победить хорошую команду четыре раза подряд само по себе трудно. Просто тогда настал их черед побеждать».

Следующим пунктом его повестки дня был бейсбольный сезон, но участие в нем осложнялось приглашением от «Макдоналдс», спонсировавшего престижную Всеамериканскую игру, в которой он должен был принять участие. Новое правило лишало игроков-старшеклассников Северной Каролины права заявляться в команду в том случае, если они подтверждали свое участие в подобных играх, что незамедлительно поставило Джордана перед выбором: бейсбол или «Макдоналдс». Он сфотографировался с бейсбольной командой для общекомандного снимка и даже принял участие в дебютной игре сезона, но его перформанс выдался жалким, полным ошибок и промахов, и это решило дальнейшую судьбу. К великой досаде и разочарованию своего отца, Джордан бросил бейсбол.

«Я знал, что моя голова не работает по-бейсбольному», – сказал он журналистам уилмингтонских газет. Первый из организованных «Макдоналдс» турниров для старшеклассников, состоявшийся в 1981 г. в Ландовере, Мэриленд[21], столкнул между собой местных звезд и игроков со всех уголков страны. Эд Пинкни, выпускник школы из Нью-Йорка, был в числе всеамериканских звезд, приехавших в Вашингтон принять участие в мероприятии. Он не пребывал в лагере «Файв-Стар» предыдущим летом вместе с Джорданом, но другие игроки из Нью-Йорка там были и по возвращении домой рассказывали ему историю об одном очень талантливом игроке из Северной Каролины. В марте того года Пинкни не мог вспомнить его имени, но ему потребовалась всего одна тренировка на турнире «Макдоналдс», чтобы понять, о ком именно говорили его друзья.

«Он не слишком много разговаривал, – вспоминал Пинкни ту первую тренировку, на которой увидел Джордана. – Он просто играл. И играл так, что невольно вырывалось: «Матерь божья!» Если ты родом из Нью-Йорка, то в твоем сознании лучший баскетбол – только в Нью-Йорке. Но двух тренировок хватило для того, чтобы я полностью изменил свое мнение о том, где лучшие игроки страны».

В адрес Пинкни Джордан, быть может, и не отпускал никаких колкостей, но зато отрывался на Патрике Юинге. «Он все твердил, что будет делать данки через меня, – годы спустя вспоминал со

смехом центровой. – Он делал данки через меня. И просто молол всякую чепуху. Мы бегали туда-обратно по площадке».

Удивительно, но Джордан не попал в стартовый состав на первую игру «Макдоналдс». А Пинкни даже не смог вспомнить, кто тогда тренировал (тренером был Майк Джарвис, тогдашний тренер Юинга в школе Кембридж Риндж & Латин). Но ко второй половине игры стало ясно, что тренер всерьез намерен победить.

«Вот что случилось: в первой половине игры каждый получил возможность сыграть», – вспоминал он. Но во второй половине, особенно ближе к концу матча, вся игра уже шла вокруг тощего парня из Каролины. «Он получал мяч и забивал буквально в каждой нашей атаке, – говорил Пинкни, смеясь. – Так что вопрос был не в том, когда мы победим и победим ли вообще, а лишь в том, где он получит мяч и сколько очков еще наберет».

К сведению, в той первой игре Джордан набрал 14 очков, а Базз Питерсон 10 – достаточно качественный перформанс, позволивший паре каролинских рекрутов выйти в старте на общенациональную игру под эгидой «Макдоналдса», состоявшуюся в Уичито две недели спустя.

Поездка на эту игру стала первым большим баскетбольным путешествием для Джеймса и Делорис Джордан. В числе мероприятий было и выступление Джона Вудена, легендарного тренера «УКЛА». Билли Пэкер, бывший защитник «Уэйк Фореста», игравший в сборной лучших игроков ACC, а потом ставший диктором CBS, тоже поехал на турнир. Во время первой игры на турнире «Макдоналдс» Пэкер был занят освещением событий Финала четырех, проходившего в Филадельфии. Теперь, когда это крупное событие было позади, он приехал в Уичито, главным образом для того, чтобы посмотреть на Джордана.

Пэкер тоже жил в Северной Каролине и работал диктором на матчах ACC, а потому ему был любопытен любой новичок, приходящий играть в Конференции. Его удивил высокий уровень молодых талантов, игравших в матче. В ростере команды Востока были Милт Вагнер, Билл Веннингтон, Эйдриан Бранч, Крис Маллин и Джефф Эдкинс. Обри Шеррод, признанный MVP первой игры турнира «Макдоналдс» в Вашингтоне, был героем для родного города Уичито и лакомым кусочком на драфте.

«Но все внимание забрал себе Майкл», – сказал Пэкер. Джордан набрал 30 очков, поставив рекорд для игр турниров «Макдоналдс». Лучшим моментом с его участием стал эпизод, в котором он принес своей команде победу за 11 секунд до конца матча при счете 95: 94 в пользу соперников: он подошел к линии штрафных бросков и спокойно реализовал обе попытки. Он закончил матч с выдающейся статистикой: 13 из 19 его бросков с

игры были точными, он реализовал все четыре своих штрафных броска, а кроме того добавил еще шесть отборов и четыре ассиста.

Однако по окончании матча трое судей, которых попросили назвать самого ценного игрока матча – Джон Вуден, легенда филадельфийского баскетбола Сонни Хилл и Морган Вуттен, выдающийся школьный тренер из Мэриленда, – признали MVP Бранча и Шеррода, и это несмотря на рекорд по очкам, поставленный Джорданом. Согласно некоторым свидетельствам, Вуттен не принимал участия в голосовании, так как был школьным тренером Бранча. Бранч отправился в Университет Мэриленда.

«Мы транслировали игру, – вспоминал Билли Пэкер, – и разумеется, когда было объявлено о том, что самым ценным игроком будет не Майкл, все были ошарашены. MVP матча признали Шеррода и Эйдриана Бранча, которые играли в школе под началом Моргана Вуттена. Я знаю Моргана, он честный человек, как и тренер Вуден. По всей видимости, в той игре они увидели нечто такое, чего не заметил я. Но я не верю, что кто-либо из них мог опуститься до того, чтобы сказать: «Я выберу своего игрока, несмотря ни на что». Эйдриан тоже играл неплохо, но не так здорово, как Майкл».

Никто не был так сильно разъярен этим фактом, как Делорис Джордан. Она забыла о своей обычной сдержанности и донесла до ушей всех, кто мог ее расслышать, слова о том, что ее сына ограбили. После объявления результатов Билл Гатридж взглянул на зрителей и увидел разгневанную миссис Джордан, направлявшуюся к площадке в сопровождении матери Базза Питерсона. Ассистент тренера из Каролины сдержал их и разрядил обстановку. «Его мать была в бешенстве», – вспоминал Том Кончалски. «Она была очень расстроена, – вспоминал Ховард Гарфинкел. – Я объяснил ей, что действительно имеет значение только один список, и это список драфта NBA».

Позже в тот вечер Пэкер наткнулся на Джорданов на выходе с арены. «Его мама по-прежнему была расстроена, – говорил диктор. – Я шутил с ней и говорил: «Не расстраивайтесь из-за этой игры, Майкл будет выдающимся игроком, он будет играть у великолепного тренера в Северной Каролине. Однажды вы забудете тот вечер, когда он не получил приз MVP».

Вскоре Пэкер осознает, что если миссис Джордан еще могла забыть об этом оскорблении, то ее сын и не собирался этого делать. «Майкл мог играть в блошки с Эйдрианом Бранчем, и Эйдриан бы этого даже не осознал, – говорил Пэкер со смехом, – но у Майкла все равно стояла перед глазами картина той игры в

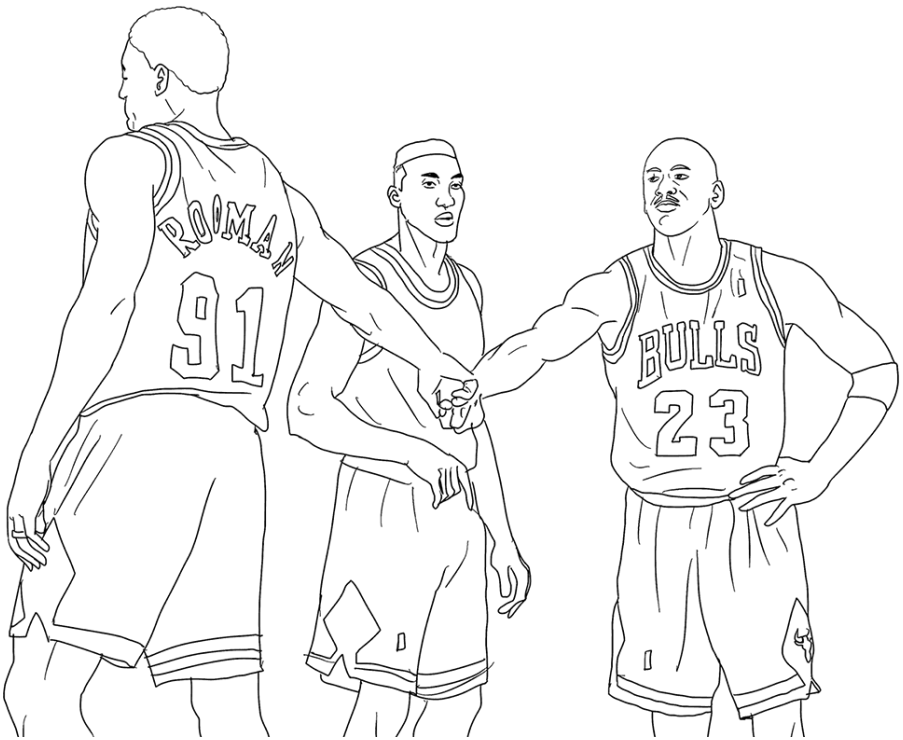
Уичито. Никто в ACC не понимал, как сильно его мотивировали подобные вещи. Но он никогда ничего не забывал».

Весной 1981-го Майкл и его сестра Розлин закончили школу Лэйни и начали готовиться к следующему раунду испытаний в Чапел-Хилл.

Ежегодник школы Лэйни *The Spinnaker* содержал подробности из резюме Джордана: «10-й класс: школьный совет (представитель класса); 11-й класс: клуб испанского языка… 12-й класс: общественный совет Нью-Хановер… 10-й класс: Фан-клуб спортивной команды школы». *The Spinnaker* также содержал отрывок с напутствием для Джордана и Лероя Смита: «Лэйни может лишь надеяться, что вы… разовьете свои таланты и заставите других гордиться вами так же, как гордилась Лэйни. Всегда помните, что Лэйни – ваш мир».

Мир Джордана, конечно, будет шириться по экспоненте. И каждая живая душа, в особенности сам Джордан, будет поражена той скоростью, с которой это произойдет.

Часть IV
Истинно синий



Глава 11
Первокурсник

Болельщики команд соперничающих школ со всей Конференции атлантического побережья всегда, казалось, концентрируют свое внимание на чертах лица Дина Смита: его нос виделся им огромным, а глаза – крошечными, как бусинки. Для них он был карикатурой, воплощавшей в себе дух едкого, желчного превосходства. Однако его публичный образ был радикально далек от того, как его воспринимали в самом Университете Каролины, где к нему относились с почитанием, какое редко можно встретить. В глазах игроков самоунижение Смита подчеркивало важность для него командной игры, на которой он неустанно делал акцент.

«Одно я всегда буду о нем помнить – это его честность, – сказал однажды в интервью *Sports Illustrated* знаменитый баскетболист NBA Бобби Джонс. – Мы все знали, что у него были проблемы, как и у каждого из нас, но большинство тренеров никогда не признало бы их наличие. Он также признавался, что не знает ответов на все вопросы». Эта честность стала фундаментом для глубочайшего уважения и любви, которые игроки часто выражали по отношению к Смиту, особенно после того, как переставали у него играть, после того, как он переставал быть для них тренером и начинал упорно трудиться, словно их друг. Майкл Джордан будет называть Смита своим вторым отцом, и сантименты такого рода эхом повторяли почти все, кто играл под его началом.

Иногда усилия Смита были направлены на разрешение каких-нибудь серьезных вопросов, таких, например, как арест Джеймса Уорти за приставания к проститутке в дни его выступлений за «Лос-Анджелес Лейкерс». «Тренер Смит был вторым человеком, позвонившим мне, – признавался Уорти, – и он сказал: «Мы все люди. Я знаю, что ты – славный парень. Просто разберись со всем этим, как подобает мужчине». Имя Смита соотносили и с менее драматичными историями, связанными, к примеру, с жизнью и карьерой бывших подопечных. Он обладал феноменальной памятью и зачастую мог вспомнить имена друзей и родственников игроков, людей, которых видел раз или два в жизни. Генеральный менеджер «Лейкерс» Митч Купчак, игравший когда-то за Каролину, был однажды поражен телефонным разговором со Смитом, в котором тот упомянул, что сестра Купчака, Сэнди, родила мальчика. «Он познакомился с моей

сестрой в 1972-м, – говорил Купчак. – Как он запомнил ее имя?»

Пит Чилкатт, другой подопечный Смита, говорил, что часто встречал игроков NBA, которые с горечью вспоминали свою учебу в колледже и своих тогдашних тренеров. С Северной Каролиной все было иначе. Чилкатт как-то раз объяснил: «Всех игроков «Тар Хиллз» объединяет одно – гордость». На практике это означало, что игроки Смита часто возвращались летом в Чапел-Хилл, чтобы поиграть в баскетбол на досуге или собраться на ежегодный пикник с игрой в гольф, который устраивали участники программы. Такая семейная атмосфера приносила дивиденды Смиту в виде связей и помогала ему вербовать новичков. Его программа задавала стандарт в то время, когда ACC считалась сильнейшей студенческой баскетбольной Конференцией страны.

Люди со стороны, однако, не испытывали благоговения перед Смитом. Во время жарких баталий в очень конкурентной конференции его часто поносили студенты и болельщики других команд. Отчасти такое негодование было вызвано тем, что Смит применял четырехугольную атаку – атакующую схему, ставшую фирменной чертой его каролинской программы. Рик Мур, бывший баскетболист, игравший на уровне школ, и баскетбольный фанат из Виргинии, вспоминал невероятное отвращение, которое испытывал, когда в подростковом возрасте смотрел матчи команд Смита по телевидению. «Моя ненависть к Дину Смиту не знала границ, – говорил Мур. – У тебя по паркету бегают блестящие игроки, одни из лучших, а ты заставляешь свою команду тянуть время. Это было проклятием баскетбола». Смит обычно отвечал, что четыре угла давали его команде наибольший шанс на победу, но мало кто из фанатов баскетбола верил в это. То же касалось и руководства Конференции атлантического побережья, которая первой ввела правило 24 секунд в студенческом баскетболе во многом потому, что оно должно было стать ответом на применение четырехугольной атаки.

> По мнению его недоброжелателей, четыре угла были далеко не только командной стратегией.

Оппоненты Смита жаловались на его самодовольство и чопорность – те же претензии высказывались в адрес Джона Вудена из «УКЛА». Как и Вудена, Смита считали исключительным манипулятором, обрабатывавшим каждый уголок соревновательного пространства. Джим Вальвано из «НК Стэйт» однажды пошутил, что если Дин лестно высказывался в адрес какого-либо арбитра ACC, то остальные тренеры в лиге тут же вносили этого парня в черный список. Раздраженный манипуляциями Смита (или по крайней мере тем, что виделось

ему манипуляциями) тренер Дьюка Билл Фостер однажды сказал, кипя от злости: «Я думал, что Нейсмит изобрел игру, а не Дин Смит».

«Существует большая разница между человеком и имиджем, который он пытается проецировать», – объяснял как-то раз тренер Виргинии Терри Холланд. В 1980-е по Шарлотсвиллу ходил анекдот, мол, у Холланда была собака, сука, которую он назвал Дин.

Порой складывалось впечатление, что Смит чувствовал себя тем, кому дозволено пренебрегать правилами. Холланд вспоминал такой инцидент: «В матче ACC в 1977-м он вдруг решил, что один из моих игроков, Марк Айаварони, слишком жестко обошелся с Филом Фордом, и в перерыве, когда команды ушли с площадки, он вступил в конфронтацию с Марком – толкал, пихал его и говорил всякое. По этой части, считаю, у Дина всегда были проблемы. Он полагал, что у него есть право вступать в конфликт с игроками других команд, чтобы защитить своих подопечных. Это очень опасно и явно выходит за всякие рамки нормальности».

«Все мы, наверное, творили такое, чем нельзя гордиться, когда поддерживали кого-то из своих игроков, – говорит соперник Смита, тренер Дьюка Майк Кшишевски. – Но я не могу вспомнить ни одного случая, когда слышал бы от него критику собственных игроков, ни разу он не обвинил и не унизил их, и взамен получал от этих ребят невероятную преданность. Такая верность не появляется сама собой. Отношения такого рода развиваются на фундаменте каждодневной совместной работы».

Билли Пэкер немало дней провел в наблюдениях за тренировками Смита, на которых часто стояла устрашающая тишина, пока игроки суетились, проходя четко структурированную последовательность упражнений. Каждое упражнение и каждый эпизод с мячом тщательно фиксировались, замерялись и оценивались, и у всего этого была одна-единственная цель – подчинить талант и удаль каждого индивида интересам команды.

«Даже в розыгрышах с мячом мы применяли этот стандарт, – объяснял как-то Смит. – Если игрок совершал неудачный бросок с отклонением, но все равно попадал, я говорил менеджеру: «Запиши ему ноль очков». Если же игрок делал лэй-ап, менеджер записывал +3. Нам хватило всего нескольких раз, чтобы ребята поняли, чего мы хотим и какую цель преследуем».

Каждый день вывешивались детальные тренировочные планы. Пока игроки проходили упражнения, менеджеры стояли у боковой линии с поднятыми вверх пальцами, указывая игрокам,

сколько минут осталось в каждом периоде. Структура программы Смита сделала возможным командный успех, который сопутствовал Джордану потом в профессиональном баскетболе, объяснял Текс Уинтер, много лет работавший ассистентом Фила Джексона в «Чикаго Буллз». «Если бы Майкл не поиграл у Дина Смита, он бы не стал таким великолепным командным игроком, каким он был», – сказал Уинтер в интервью 2008 г.

Часто легенда Джордана упускает такой немаловажный факт, как присутствие рядом с Майклом Билла Гатриджа, десятилетиями работавшего ведущим ассистентом Смита и поигравшего у Уинтера в «Канзас Стэйт», а после работавшего у него же ассистентом. Уинтер разработал сложную треугольную атаку, которую применяли команды «Канзас Стэйт», а позже «Буллз» с Джорданом в составе – уже в NBA. И хотя «Тар Хиллз» не прибегала к использованию треугольной атаки Уинтера, она применяла то, что Уинтер любил называть «системным баскетболом» – подход, базировавшийся на фундаментальных философских принципах игры. Уинтер объяснял, что многие тренеры не пользовались подобными системами, предпочитая опираться на свободно заменявшие друг друга амальгамы разных стилей и стратегий, зачастую изолированных и никак не связанных между собой.

В программе Смита «система» была важнее индивидуального таланта. Химия взаимоотношений тоже вытесняла талант на второй план. «Думаю, что весьма недооцененный фактор в механизме команды – это химия отношений и уверенность игроков друг в друге, – объяснял однажды Смит Пэкеру. – А отсутствие эгоизма, альтруизм в нашей игре колоссально важны. И конечно же, игроки обязаны играть до последнего, выкладываясь полностью. Мы всегда говорили: «Играйте усердно, играйте умно, играйте вместе». А играть умно означает, что нужно очень упорно оттачивать на тренировках игровые элементы, повторяя их снова и снова, чтобы отреагировать даже тогда, когда окружающие обстоятельства будут дезориентировать и сбивать с толку, когда болельщики будут орать на тебя, но несмотря на это, ты будешь знать, что нужно делать».

«С Дином команда опробовала все возможные средства и способы как на площадке, так и за ее пределами, – говорил Пэкер. – А если взять в расчет его тотальную вовлеченность в работу как тренера – причем касалась она и младших менеджеров, и такого игрока, как Майкл Джордан, – то, на мой взгляд, вы получите самый ценный и важный актив Дина Смита». Смит контролировал и ситуации, возникавшие во время игр, многозначительно инструктируя своих игроков не затевать

излишне красочные розыгрыши, способные унизить соперника. Когда однажды в концовке легко выигранного матча против Джорджии Джимми Блэк кинул мяч на аллей-уп Джеймсу Уорти, после чего тот сделал звонкий данк, Смит пришел в ярость и на следующей тренировке наказал игроков, позволивших себе подобную вольность. Игроки Каролины не могли просто стоять и смотреть на такое поведение.

В то же время он мог с той же легкостью оскорбить других своей одержимостью и стремлением к совершенству. «Я работал матч между «НК Стэйт» и Каролиной, большой матч, – вспоминал Пэкер. – Речь идет о двух командах первой пятерки, я был готов выходить на паркет объявлять стартовые составы. Команды уже заняли каждая свою скамейку, и вдруг Дин, проходя мимо меня, говорит: «Мне не по душе твой галстук». Я опускаю голову и вижу, что галстук красного цвета. В тот момент я впервые осознал, что надел красный галстук. Я подумал: «Этот человек никогда не отключается. Тут команды собираются на паркет выходить, матч играть. Какого черта его беспокоит то, какого цвета мой галстук?»

Пэкер признавал, что его часто раздражало то, что Смит хитростью превращал свои послематчевые пресс-конференции не в честное обсуждение игровых моментов и деталей борьбы, а в площадку для распространения посланий своим игрокам, даже арбитрам, а порой и тренерам соперничающих команд и их игрокам. «Я всегда пытался оценить то, что он говорит об игре после того, как она закончится, – вспоминал Пэкер. – Он что-нибудь говорил, а я в этот момент думал: «Господи, как же тупо. Не это стало ключом к игре». Меня это раздражало настолько, что я даже не обсуждал его слова в эфире по ходу матчей». Он делал заявления, у которых был скрытый смысл. «Со временем приходишь к пониманию, насколько умен был он и насколько глуп был ты, что не понял его слов».

Таким образом, Майклу Джордану, прибывшему в кампус Северной Каролины осенью 1981 г. предстояло обнаружить, что теперь он будет играть под началом совершенно другого тренера. Если Поп Херринг стал благословением, осветившим этап его раннего развития, то следующая стадия путешествия Джордана характеризовалась тотальным погружением в дисциплину баскетбола. «Когда ты выпускаешься из старшей школы, то обладаешь врожденными, еще сырыми способностями, – объяснял однажды Джордан. – Никто не воспитывает этот талант в тебе. Когда я покидал старшую школу, то был весь соткан из природных талантов, и больше ничего. Прыгучесть, быстрота. Когда я пришел в команду Северной Каролины, в моей жизни

начался новый этап. Познание баскетбола от Нейсмита и далее… подборы, игра в защите, техника, штрафные броски».

Даже при том, что у него в команде был Джордан, Смит не останавливался на этом и в 1981-м собрал одну из лучших своих команд, в которой были также Уорти, защитник Эл Вуд и центровой Сэм Перкинс. В том сезоне Виргиния дважды обыграла Северную Каролину, и в полуфинале национального первенства в Филадельфии две команды встретились вновь. Холланд намеревался привести свою команду к победе над системой Каролины. Но Смит перехитрил «Кавальерс», неожиданным образом сместив акцент в атаке на атлетичного Вуда, чья динамичная манера игры помогла добыть его команде победу.

Этот выход в Финал четырех стал для Смита шестым. С 1962-го по 1981-й его команды одержали более 460 побед, добыв девять титулов ACC. Единственным признанием, которого ему не хватало, был выигрыш национального чемпионата. В тот первый понедельник апреля 1981 г. его команда проиграла еще одну игру за титул и со стороны наблюдала, как тренер Университета Индианы Бобби Найт и разыгрывающий Айзейя Томас забирают домой трофей, еще на сезон продлевая печальную серию Каролины. После поражения его игроки собрались и поклялись, что в следующем сезоне положат конец трофейной засухе. Майкл Джордан смотрел за игрой по телевизору и впервые в жизни почувствовал глубочайшую преданность Смиту и «Тар Хиллз». Также он был разочарован тем, что не смог помочь команде в игре против Индианы.

«Похоже, что мы можем стать как футбольная команда Пенн Стэйт, – размышлял вслух Смит после поражения от Индианы. – Все время вторые». Сравнивая свою программу с программой легендарного Джо Патерно из Университета Пенн Стэйт, Смит своеобразно просил у болельщиков Северной Каролины еще немного терпения. И Патерно, и Смит имели крепкую репутацию людей, делающих свое дело как надо, умеющих поддерживать великолепный баланс между чемпионскими амбициями и академическими успехами своих спортсменов.

«Он ожидал, что ты будешь ходить на лекции, – объяснял Уорти, – а если ты был первокурсником, то обязан был посещать церковь, только если у тебя не было разрешения родителей не делать этого. Он обещал тебе, что через четыре года ты закончишь университет с дипломом. Это было просто, а его философия семейности была очень кстати».

Однако было трудно игнорировать грызущее неудовлетворение среди болельщиков Северной Каролины и представителей прессы, освещавших жизнь университетской

команды. Было ощущение, что баланс, который Смит привнес в циничный бизнес студенческого спорта, был недостаточным условием успеха, что его настойчивое стремление все делать правильно не давало ему возможности масштабного выигрыша. Ни Смит, ни его ассистенты, ни даже игроки не заикались о все чаще и чаще раздававшихся насмешках людей над Северной Каролиной, но после шестого выхода в Финал четырех они ощущали эту ауру сильнее, чем когда-либо.

По правде говоря, Смит выстроил самую лучшую и стабильно работающую баскетбольную программу в стране. Она выпускала лучших игроков, которые вдобавок заканчивали школу с куда лучшим пониманием самих себя как личностей. Никто не понимал это лучше самих игроков.

«Тренер Смит научил нас ладить с людьми, – объяснял Уорти. – Когда существует определенный набор правил, когда ты вынужден взаимодействовать с людьми, учиться соглашаться или не соглашаться, когда тебе приходится подчиняться авторитету, не теряя собственной честности, ты обретаешь социальные навыки, которые тебе помогают в жизни. Его работа, таким образом, учит взаимодействию с людьми, а потом показывает, как научиться им доверять и полагаться на них». Как говорил Уорти, структурированная «система» Смита фокусировалась на том, чтобы игроки даже в мелочах привыкали поступать правильно: делились мячом, ставили заслоны, помогая друг другу, и чтобы невозможно было переоценить замечательное отношение Смита к менеджерам команды и резервным игрокам.

«Все эти нюансы игры потом применимы и в жизни», – говорил он. В свою очередь, преданность игроков Смиту и его наставническим методам, по словам Уорти, сделала задачу выигрыша чемпионата жизненно важной для них.

Некоторые наблюдатели, следившие за успехами команды длительное время, увидели в поражении в Филадельфии проблеск надежды. Смит продемонстрировал свою готовность немного раздвинуть рамки системы для того, чтобы на площадке стало комфортнее Элу Вуду – обладателю особенных талантов. Это событие показало, что тренер готов подстраиваться под меняющийся ландшафт студенческого баскетбола. Огромное количество денег и более возросший уровень общественного внимания возвестили о начале процесса изменений. В следующие несколько лет такому игроку, как Джордан, со всеми его талантами, было бы почти невозможно пробиться в систему, которая управлялась так строго и жестко, как программа Дина Смита в Северной Каролине.

Джордану тем временем многое понравилось из того, что он

увидел в исполнении игроков Каролины в Финале четырех, который смотрел по ТВ. Ему понравился дух товарищества и талант команды. Он счел, что, несмотря на свой статус новичка-первокурсника, непременно найдет способ вылезти со скамейки запасных. Если ему удастся попасть в основной состав, думал Джордан, он найдет возможность помочь «Тар Хиллз».

Помочь в действительности. Тридцать лет спустя, незадолго до того, как его самого ввели в Зал славы баскетбола, Ральф Сэмпсон размышлял о Майкле Джордане, этой силе, что спутала ему все тщательно просчитанные планы и разрушила большие надежды, которые он связывал с баскетболом. Никто не смог предугадать его появления. Сэмпсон отмечал, что беспрецедентный взлет Джордана стал возможен благодаря невероятно удачному стечению обстоятельств: Джордан смог плавно войти в готовую брать чемпионский титул команду Северной Каролины, словно сам Господь Бог зарезервировал ему местечко в ней. «Ему очень повезло оказаться в такой ситуации», – отмечал Сэмпсон.

Как первокурснику, оказавшемуся в системе Дина Смита, Джордану нужно было лишь подчиниться правилам, по которым система работала. За все годы существования программы Смита лишь троим первокурсникам – Филу Форду, Джеймсу Уорти и Майку О'Корену – удалось пробиться в состав Каролины. Как и в большинстве программ той эпохи, в системе Смита акценты были сильно смещены в сторону возрастных игроков. Он позволял своим ветеранам определять правила поведения для всех игроков за пределами площадки. По ходу их последних сезонов он планировал расписание игр так, чтобы матчи проходили поблизости от их родных городов. Он поощрял их всеми мыслимыми и немыслимыми привилегиями и почестями, потому что именно благодаря их усердной четырехлетней работе и преданности делу программа поддерживала свое существование.

Новички, в свою очередь, были в иерархии Смита даже ниже менеджеров команды и инструкторов-ассистентов. Первокурсники таскали сумки и экипировку и занимались другими лакейскими хлопотами. Именно первокурсники, а не менеджеры команды, бегали за ускакавшими мячами каждую тренировку. Они обязаны были заслужить место в программе. В числе обязанностей Джордана в тот первый год была, к примеру, перевозка тяжелых кинопроекторов и другого оборудования с одной арены на другую. Но даже в этом проявлялась благосклонность судьбы к нему: будучи первокурсником, он не испытывал никакого сильного давления и не нес тяжелый груз высоких ожиданий.

Сэмпсон, высокий (224 см) и молчаливый наблюдатель, следил за происходящим с немалым испугом. Битвы 1981 г. между Виргинией и Каролиной были прелюдией к тому, что станет называться потом «эрой Джордана в Чапел-Хилл». В 1979-м Сэмпсон перешел в Виргинию, школу ACC, из родного штата со слабыми баскетбольными традициями, а в 1980-м, будучи первокурсником, привел «Кавальерс» к национальному титулу. Его видели следующим великим гигантом баскетбола, часто сравнивали с Каримом Абдул-Джаббаром, и подобные сравнения становились бременем, потому что притягивали внимание СМИ и подогревали ожидания болельщиков. Поражение в 1981-м в Финале четырех от «Тар Хиллз» стало большим провалом и разочарованием, но многие представители национальных СМИ предсказывали, что Сэмпсон непременно приведет «Кавальерс» к выигрышу на чемпионате в 1982-м. Единственным и самым серьезным препятствием на этом пути для него был Университет Северной Каролины, даже несмотря на потерю талантливого выпускника Эла Вуда.

Серьезным вопросом, который предстояло решить Дину Смиту той осенью 1981 г., был вопрос: кем заменить Вуда в команде. Было очевидно, что Уорси с ростом в 205 см был готов стать ведущим снайпером команды, а Перкинс, тоже двухметрового роста, сам по себе был грозным оружием. Смит нуждался в винге, который бы умел играть на высоких скоростях, питать энергией защиту и забивать прямыми бросками из зон, которые будут образовываться вокруг Уорти и Перкинса. Ранней осенью подходящим кандидатом на эту роль выглядел Джим Брэддок. Он был студентом третьего курса, прекрасным снайпером и толковым защитником. Двумя другими кандидатами были первокурсники Питерсон и Джордан. Питерсон умел бегать, прыгать и обладал приличной скоростью. Да и бросал недурно. С тех пор как Смит посмотрел и оценил перформансы талантливого, но еще сырого Джордана в старшей школе, он стал обдумывать возможные варианты. Но болельщики, помнившие, как развивались события по этому сценарию, еще долго будут закатывать глаза от негодования. Как мог тренер Каролины потратить столько времени впустую на поиск ответа, когда он был так очевиден? Ответом был Джордан.

Смит, однако, был во многом человеком процесса, и ему нужно было многое учесть той осенью. Он получал отчеты о Джордане по итогам его тренировочных игр с новыми партнерами и другими ребятами из кампуса. «Интернатура» Джордана, коей для него стали игры в уилмингтонском Эмпи-парке, сослужила ему хорошую службу, равно как и детские битвы с братом Ларри.

Как позже отметил психолог «Буллз» Джордж Мамфорд, те горячие вербальные и физические бои с Ларри установят формат взаимоотношений Джордана со всеми его будущими партнерами. Корни его игры уходили к баталиям между братьями на дворе. Новые партнеры Джордана понятия не имели о его брате, зато быстро почуяли дух соперничества. Как объяснял Уорти, Джордан, казалось, стремился «задирать» старших игроков Каролины, и составляющей этих хулиганских выходок был трэш-ток.

«Я тогда это увидел в нем, – говорил Уорти. – Он обладал природным талантом. В этом Майк был весь. Он пришел очень самоуверенным, стал выискивать лучших и пытаться атаковать их».

Первокурсник начал рассказывать новым партнерам, что будет делать через них данки.

Казалось, что больше всего это раздражало Уорти. Остальные в основном смеялись, слыша его слова, но поведение новичка вызвало беспокойство среди ветеранов команды. Они поклялись вернуться в Финал четырех в 1982-м и выиграть титул для своего тренера. Для них эта задача имела колоссальную важность. Последнее, в чем они нуждались, это нагловатый новичок с длинным языком, способный навредить внутрикомандной химии взаимоотношений, которой они так дорожили. Дело было не в том, что Джордан забыл о желании команды выиграть национальный титул чемпиона. Он чувствовал себя участником программы Каролины и вспоминал, какое разочарование и расстройство принесло ему поражение «Тар Хиллз» той весной. Но все же осенью 1981-го он был всего лишь первокурсником, и его агрессивность получала смешанную реакцию.

«Помню, что многие люди считали его чрезвычайно наглым или говорили, будто он много треплется, – вспоминал Арт Чански. – А еще он хотел, чтобы его называли Мэджиком. Люди в Уилмингтоне начали называть его Мэджиком. Дин Смит сказал ему: «Зачем тебе становиться Мэджиком? Это имя уже носит кто-то другой». Если вы взглянете на брошюру, посвященную сезону Каролины 1982 г., то увидите, что в ней он просто Майк Джордан. «Как ты хочешь называться?» – «Меня называют Майклом». Дин сказал: «Ну что ж, с этого момента мы будем звать тебя Майклом Джорданом». Это был самый умный ход, на какой можно было только решиться, – так он стал просто Майклом. Называть его Мэджиком – да это ерунда какая-то. Дин умно поступил в этом вопросе».

Каким бы ни было его имя, довольно скоро старшим игрокам

стало ясно, что внутри Джордана бурлил горячий источник, питавший его нужду доминировать и побеждать. Они увидели, что Джордан наделен сложным и многогранным характером; с одной стороны, трэш-ток казался глупым и безобидным, с другой – он показывал его твердое намерение бросить им всем вызов. Но вскоре его партнеры начали осознавать, что трэш-ток он использует для того, чтобы подтолкнуть самого себя к чему-то большему. Чем больше он болтал, тем больше ему приходилось делать, чтобы подтвердить свои слова. Джордан не был первым молодым игроком, избравшим такую тактику. Разница была лишь в том, что у него хватало таланта и мастерства делом подтверждать все, что он говорил. Таким образом, Джордан незамедлительно стал фигурой, способной перевернуть мир баскетбола Каролины вверх дном. По крайней мере, таким он виделся Уорти.

Новичок решил бросить Уорти вызов во время тренировки, сыграть с ним один на один, чтобы помериться силами. Уорти почувствовал, что Джордан пытается таким образом укрепить свой статус, и отказался участвовать в психологических играх первокурсника. Во многих отношениях эти двое были диаметральной противоположностью друг друга. Вместо того чтобы болтать языком, Уорти держал все в себе. Ему потребуются годы на то, чтобы научиться выражать свои дикие, необузданные чувства так, как Джордан делал это уже в 18-летнем возрасте. Так что Джордан во многом смысле был серьезным вызовом для игроков-ветеранов.

«В физическом плане он был худощавым малым, но уверенным в себе и сильным психологически, – вспоминал Уорти. – Он уже превзошел многих людей гораздо более старшего возраста. И уже тогда достиг определенного уровня веры в себя».

Значение имела не только их личная конфронтация. Во всех баскетбольных командах существует иерархия, а в командах Смита в особенности. Желание молодого Джордана бросить вызов ветеранам потенциально могло разрушить выстроенную командную динамику Каролины еще до того, как университетская команда впервые вышла на игру нового сезона.

«Ой, да ладно тебе, здоровяк», – говорил Джордан Уорти, пытаясь побудить его сыграть.

Ему потребуется какое-то время, чтобы утомить третьекурсника своими просьбами сыграть один на один. «Когда его успехи стали улучшаться, он принялся дразнить меня и Сэма Перкинса, – вспоминал, слегка улыбаясь, Уорти в интервью 30 лет спустя. – Он говорил: «Давай сыграем один на один». Наконец я согласился. Мы сыграли три игры, и я выиграл две, насколько

помню». Победа Уорти укрепила существующую иерархию в команде, хотя явно оставила Джордана неудовлетворенным, что, наверное, было только к лучшему. Уорти отмечал в интервью, данном для специального выпуска HBO[22], посвященного исторической вражде между Дьюком и Северной Каролиной, что Джордану потребовалось почти 30 лет, чтобы признать свои поражения.

В то время, впрочем, было по меньшей мере несколько человек, сомневавшихся в том, что дерзкому первокурснику есть место в Чапел-Хилл. «У него был характер человека, который, как казалось, не слишком подходил под образ игрока Каролины, потому что игроки Каролины говорят мало, но все готовы слушать, – объяснял Уорти. – А Майкл пришел и начал показывать, что он готов много болтать, но не очень охотно слушать. Он знал, кто такой тренер Смит. Он знал о Филе Форде и Уолтере Дэвисе, он знал, куда попал и что его ждет».

«Он был хамоватым младшим братом, – вспоминал молодого Джордана Арт Чански. – В то время никто и не думал, что Майкл Джордан станет величайшим… Никто и не думал, что ему суждено стать королем мира. Первокурсником он был еще той занозой… Но тренерам нравилась его уверенность, дерзость, которая отличала его на первом курсе. Им это было по душе, и они хотели направить эту энергию в правильное русло. Так что они не отваживали его от этой привычки задираться. Он много говорил, но думаю, что он говорил все меньше по мере того, как развивалась его карьера, поскольку всеобщее внимание становилось все пристальнее».

Вне паркета Джордан был обычным первокурсником, пытавшимся найти свою дорогу в жизни. Стюарт Скотт из телекомпании ESPN, тогда бывший участником каролинской футбольной программы, вспоминал, что Джордан в то время был простым парнем, рассекавшим на велосипеде по окрестностям Чапел-Хилл. Не витать в облаках Джордану помогало присутствие в кампусе его любящей младшей сестры. Осторожная и сдержанная Розлин прилагала усилия к тому, чтобы домашняя жизнь ее брата протекала легко и гладко. Она не брезговала убираться в его комнате, прежде чем там установится бедлам. Джеймс и Делорис тоже регулярно приезжали в Чапел-Хилл, чтобы проверить, как живут их дети. Розлин в особенности была близка с матерью, да и Джордан был в какой-то степени маменькиным сынком. Как только начался сезон, он, казалось, не мог заставить себя играть до тех пор, пока родители не доедут благополучно до арены и не займут свои места на трибунах.

Кларенс Гейнс-младший, сын знаменитого тренера – члена

Зала славы баскетбола из Уинстона-Сейлема, в тот год выпускался из УНК (позже он станет скаутом «Чикаго Буллз») и жил в Грэнвилл Тауэрс, в кампусе, где кроме него квартировали еще несколько спортсменов. Гейнс знал почти всех игроков Каролины.

«Я помню, как ветераны, особенно Джимми Блэк, поговаривали об этом наглом новичке, который собирался стать частью программы, – вспоминал Гейнс. – Так что я знал Майкла Джордана еще до того, как его имя стало известно всем».

Он вспоминал, что Джордан частенько играл на площадках под открытым небом в Грэнвилл Тауэрс со случайными людьми. «У Майкла всегда была особая аура, – говорил Гейнс. – Некоторые люди внушают одним своим видом, и он явно был из их числа».

И все же многие размышляли, что же станет с новичком, безумно любившим соревноваться, когда он столкнется с системой Смита на практике. Как оказалось, все сложилось удивительно легко и удачно. Безудержный атлетизм, который Майкл показывал осенью на тренировках и в играх на досуге, испарился практически за одну ночь. Много позже, после того как Джордан станет звездой профессионального баскетбола, публика начнет осознавать, насколько глубоко он был погружен в каролинскую программу и как сильно его игра была замаскирована системой. Однако сдерживала его не только система Дина Смита. В его жизнь приходили и другие ограничительные силы.

Первая тусовка

Два лета, предшествовавших его приходу в колледж, Джордан находил время на то, чтобы съездить в баскетбольный лагерь Университета Кэмпбелла в Бис Крик, Северная Каролина. Лагерь стал довольно популярным местом на баскетбольной карте Юга, тут часто появлялись ведущие игроки и тренеры. Джордан играл в Кэмпбелле и работал там консультантом – эту связь с лагерем он будет поддерживать на протяжении всей учебы в колледже. Там он познакомился с Фредом Уитфилдом, который сильно на него повлиял и стал Майклу другом на долгие годы. Уитфилд был родом из Гринсборо и в Кэмпбелле был одним из ведущих снайперов всех времен. Окончив университет, он устроился работать в школу ассистентом тренера и одновременно продолжал учебу, стремясь получить степень магистра делового администрирования.

Тогда Уитфилду было слегка за 20, и он, будучи

консультантом в лагере, обратил внимание на Джордана и Базза Питерсона, так между ними завязалась дружба. Консультантом Уитфилд был дружелюбным и смышленым, это был человек, на которого Джордан мог равняться. Уитфилд на себе испытал все взлеты и падения студенческого баскетбола и мог поделиться с Джорданом мнениями и наблюдениями, которые часто казались Майклу толковыми.

Уитфилд был одновременно наставником и другом. «Майкл пришел в нашу баскетбольную школу перед выпускным годом в старшей школе и оказался в моей группе, – вспоминал Уитфилд. – Мы быстро спелись и стали друзьями. В то время я там либо играл сам, либо тренировал, короче, работал в лагере. Когда он поступил в колледж Северной Каролины, я был ассистентом тренера в Кэмпбелле. Если по выходным у нас не было игр, я отправлялся в Чапел-Хилл посмотреть его матчи, а потом мы зависали с ним и Баззом Питерсоном. Одной из моих обязанностей как ассистента тренера был поиск игроков ACC с тем, чтобы потом привести их в летний лагерь. Когда Майкл уже играл в Каролине, я позвал его на один день, чтобы он поговорил с детьми. Наша дружба только начала крепнуть».

«Думаю, что он и я просто нашли что-то общее в Бис Крик, чем бы оно ни было, – говорил Уитфилд о раннем этапе своих взаимоотношений с Джорданом. – Но что более важно, мы установили дружеские и доверительные отношения между собой, и полагаю, что с того момента стали мотивировать друг друга стать настолько успешными, насколько это было возможно».

Те поездки по выходным были первыми шагами Джордана по формированию узкого круга друзей не из команды, который позже станет сплоченной тусовкой из нескольких конкретных людей. «Именно в колледже у него появилось окружение из людей вроде Фреда Уитфилда, очень приятного парня, – объяснял Арт Чански. – Майкл окружал себя только теми, кому мог доверять». Помимо Уитфилда в Чапел-Хилл был и Адольф Шивер. Дружба с Джорданом помогла Шиверу вовремя попасть в резервную баскетбольную команду «Тар Хиллз», которую тренировал Рой Уильямс. Шивер долгое время будет главой «развлекательного подразделения» приближенных Майкла Джордана, а вот Уитфилд был куда более приземленным человеком.

Джеймс и Делорис Джордан одобрили дружбу сына с Уитфилдом. Он был молодым человеком со светлой головой и умело обращался с мячом. Влияние Уитфилда явно помогало урановесить дурачества Шивера и других менее зрелых молодых людей, которые могли повлиять на первокурсника Джордана. У

Шивера был язык без костей, но он редко говорил что-то в адрес Джордана и его необузданного эго. Уитфилд мог болтать так же, как и любой другой из них, но он был занят развитием в себе утонченности и служил Джордану чем-то вроде моста из подросткового возраста в большой мир взрослых.

Взаимоотношения с Уитфилдом были еще одним исключительно важным, но редко обсуждавшимся фактором успеха и везения Джордана. Его родители, братья и сестры, тренерский штаб Каролины, сосед по комнате Базз Питерсон, Уитфилд и даже Адольф Шивер – все эти люди стали неслабой командой поддержки, которая сформировалась вокруг него в тот момент, когда он готовился влиться в студенческий спорт серьезного уровня. Казалось, что эта впечатляющая компания людей, каждый из которых влиял на него по-своему, была нужна Джордану, чтобы направлять себя, гиперактивного 18-летнего юношу с большим эго и зашкаливающим уровнем тестостерона, в правильное русло.

Слушатель

С легкостью можно утверждать, что причина, по которой Джордан был успешен в первые месяцы в Чапел-Хилл, крылась в его способности слушать, эта черта, приобретенная им из отношений со своей матерью, сдерживала его невероятную жизненную силу. Начиная с самых первых своих появлений в фокусе общественного внимания, Майкл следовал наставлениям Делорис Джордан, пытавшейся провести своего сына мимо многих препятствий и ловушек, которые она видела на его пути, и он слушал ее советы, что в итоге окажется главнейшим составляющим элементом его успеха. Это был дар матери сыну, который она дала ему во многом в силу того, что в переломный момент своей молодости Делорис Джордан не прислушалась к предупреждениям своих родителей и вскоре заплатила за это высокую цену. Даже в трудные моменты, даже тогда, когда друзья и приятели тянули его в противоположном направлении, Майкл прислушивался к матери. Часто ему требовалось время, чтобы обдумать ее слова, пропустить их через себя, особенно если ему не нравилось то, что он слышал. Но он четко понимал с раннего возраста одну истину: она – его путеводная звезда.

«Мой характер и мой смех у меня от отца, – объяснял он однажды. – Моя серьезная, деловая сторона – от матери». Делорис была его самым придирчивым критиком, но умела озвучить даже самые жесткие критические замечания таким образом, чтобы он

принимал их и соглашался. Джордану, особенно в годы взросления, было непросто отодвинуть в сторону собственные инстинкты, чтобы прислушаться к ней. Но именно отношения с матерью сделали его таким восприимчивым к тренерским указаниям, что, в свою очередь, гарантировало ему многие крупные успехи в жизни. Годы спустя он скажет, что мать была его «тренером».

Эта способность слушать была в числе самых ценных его качеств, как бы ни утверждал обратное Джеймс Уорти. Для тренеров его способность воспринимать информацию и учиться была важнейшей и самой впечатляющей чертой, по ценности превосходящей даже его потрясающие для 18 лет физические данные. Дин Смит утверждал: «Я никогда не видел другого игрока, который так внимательно слушал бы то, что говорили тренеры, а потом выходил и делал в точности то, о чем они просили».

> Но даже при этом подход Джордана был неидеальным.

В какой-то момент, на раннем этапе пребывания в команде, он мог иногда небрежно относиться к делу, что было тревожным сигналом для окружающих. Когда Рой Уильямс потребовал его объяснить свое поведение, Джордан ответил, что он работает так же усердно, как и остальные, на что Уильямс сказал, что, если он планирует добиться выдающихся результатов, ему нужно работать вдвое усерднее остальных. Впоследствии Уильямса поразило то, что ему потребовался всего один разговор с Джорданом, чтобы убедить его в необходимости выкладываться по максимуму. После этого никто не работал на тренировках усерднее, чем он.

Это умение слушать в Джордане подтолкнула Смита к осознанию того, что первокурсник, несмотря на все беспокойство окружающих в связи с особенностями его характера и привычкой огрызаться, был наилучшим кандидатом на замену Элу Вуду. «Моим величайшим навыком была способность к учению, – позже отметит Джордан. – Я был словно губка. Даже если я считал, что мои тренеры не правы, я старался слушать и чему-то учиться».

Это будут упускать из виду легионы имитаторов, которые пытались подражать ему в баскетболе. Они считали, что их выдающееся мастерство и физические данные поднимают их на уровень выше остальных. Джордан так никогда не считал. В тот первый год в колледже этому отношению предстояло пройти первую серьезную проверку.

Сезон приближался, а прогресс Джордана замедляли травмы, но он все равно оставался очевидным лучшим кандидатом на стартовой позиции. По опросам, Северная Каролина начала сезон как лучшая команда, а потому журнал *Sports Illustrated* захотел выпустить номер, посвященный студенческому баскетбольному сезону со стартовой пятеркой УНК на обложке. Слухи о Джордане, подогреваемые отчетами о его подвигах на площадках, продолжали распространяться. Той осенью на тренировках он творил такое, что его партнеры по команде наравне с тренерами приходили в трепет и раскрывали рты от удивления, особенно когда он бросил вызов «сдвоенной» команде Уорти и Перкинса. Поскольку в штабе работал общительный и неугомонный Рой Уильямс, подобные новости неизбежно утекали из команды, становясь достоянием публики. Когда эти разговоры дошли до фоторедакторов *Sports Illustrated*, они захотели, чтобы Джордана включили в состав игроков, которые должны были попасть на обложку издания, но Смит отказался от этого. Ни за что в жизни он не дал бы попасть на обложку журнала тому, кто еще ни минуты не сыграл за Северную Каролину.

«Он не был важным фактором промоушена и всей той подготовки, что обычно предшествует началу сезона, – вспоминал Билли Пэкер. – Вероятно, так получилось по указке Дина. В настоящее время новички обрели очень значимый статус в студенческом баскетболе, но в те годы все было не так».

Появление на обложке *Sports Illustrated* и активная рекламная кампания по раскрутке таланта, начатая прессой в ходе предсезонья, могли бы взволновать любого молодого спортсмена. Джордан был глубоко оскорблен тем, что не смог вместе с остальными попасть на обложку журнала. Это было его первым столкновением с системой Смита и его подходом к работе.

Однако каким бы разъяренным таким поворотом событий ни был Джордан, он никогда не выказывал нетерпения и не позволял себе раздражаться ни на секунду. Казалось, что обиды уходят куда-то глубоко внутрь, в огромную черную дыру его души, где сливаются с остальной чистой энергией его существа. Никого другого эта особенность характера Майкла не поражала так сильно, как соседа по комнате Базза Питерсона. С тех пор как двое парней повстречались в летнем лагере, они стали весьма близки. В последний год обучения в школе Питерсон колебался, не решаясь дать согласие Северной Каролине. Казалось, что он всерьез настроен поступить в Университет Кентукки и играть там. Джордан позвонил ему и выразил глубокое разочарование и

досаду в связи с тем, что Питерсон, казалось, забыл об их договоренности вместе выступать за «Тар Хиллз». В конце концов Питерсон поддался его уговорам и выбрал Каролину.

Будучи соседями по комнате, двое молодых баскетболистов продолжали укреплять свои дружеские отношения, даже несмотря на то что конкурировали друг с другом за место в стартовой пятерке Каролины. Лишь по прошествии времени Питерсон осознает, что, несмотря на дружбу, Джордан горел желанием доказать ошибочность присуждения Питерсону титула Мистер Баскетбол Северной Каролины, который тот получил в их выпускной год в школе. Не забыл Джордан и слова своих земляков и даже учителей из Лэйни, утверждавших, что в Каролине его ждет сидение на скамейке. «Многие мои друзья осуждали меня за решение перейти в Каролину, – вспоминал он. – Мне говорили, что новички там никогда не играют. Даже парочка моих учителей твердила мне об этом, несмотря на то что они были болельщиками «Стэйт».

Вся осень ушла на поиск ответов на все эти обиды, мнимые и настоящие. Доказывая всем свое право играть, Джордан вскоре завоевал симпатии ветеранов команды. «Когда ты приходишь в Каролину, тебя ждут суровые беговые тренировки, – объяснял Джеймс Уорти. – Существует деление на три группы: A, B и C. Обычно в группе A – быстрые защитники, группа B зарезервирована для таких ребят, как Майкл, среднего уровня, а в группе C – самые крупные и рослые ребята. И каждая группа должна показать определенное время при беге». Более низкорослые защитники начали поддразнивать Джордана, намекая на то, что ему приходилось легче, чем им, поскольку в группе B скоростной норматив был на 3 секунды больше, чем в группе A. «Он попросил тренера Смита определить его в группу A, и когда это случилось, он просто порвал этих парней, – говорил Уорти. – Так я тогда это видел».

Джордан не хотел, чтобы его считали «всего лишь первокурсником». Сэм Перкинс, который в тот год был на втором курсе, вспоминал: «Майкл быстро подтянулся к остальным. Он был новичком, но даже несмотря на то что первокурсники обычно не играют регулярно, этому парню из Уилмингтона непременно надо было играть».

И хотя той осенью он пропустил две недели тренировок из-за проблем с кровеносными сосудами в лодыжке, он продолжал лелеять надежду. Смит ломал голову над решением и прождал до самого последнего момента, прежде чем объявить имя пятого игрока стартового состава. Тренер знал, что конкуренция всегда полезна для командного развития и способствует вовлеченности

игроков в процесс, так зачем прекращать ее раньше времени? «Тар Хиллз» открывала сезон игрой против Канзаса в Шарлотт, этот матч транслировала недавно появившаяся молодая кабельная сеть ESPN. Джордан счел, что не попадет в состав, так как из-за травмы было потеряно много времени. Он рассчитывал стать шестым или даже седьмым игроком команды по ранжиру.

«Я был потрясен, когда тренер Смит написал мое имя на доске рядом с именами других игроков старта на первый матч сезона», – вспоминал Майкл.

«За 10 минут до игры к нам подошел один из тренеров и сказал, что Майкл выйдет в старте, – вспоминал Джеймс Джордан в интервью, данном спустя три года после событий. – Мы не могли поверить».

В тот день Джордан набрал первое очко в своей студенческой карьере и первое для Каролины в том сезоне, попав в корзину коротким броском в прыжке с лицевой линии по левой стороне от щита. Комментатор ESPN Бакки Уотерс заметил, что первокурсник, попавший в старт «Тар Хиллз», вызвал немалое возбуждение в рядах болельщиков, сравнивавших его одновременно и с Дэвидом Томпсоном, и с Уолтером Дэвисом.

В каждой из первых шести игр Джордан набирал двузначное количество очков. Он сразу начал демонстрировать стабильную результативность бросков в прыжке и беспримерную ловкость, с которой он проскальзывал сквозь бреши в разных зонах, открывавшихся перед игроками Каролины. Команды Смита были известны своим умением хорошо перемещать мяч, и первокурсник сразу показал, что он способен поддерживать общекомандный уровень в этом отношении. Если кто-то и начал его незамедлительно критиковать, то по большей части за то, что он предпочитал броскам проходы в зоны с целью продвинуть мяч ближе к корзине. Однако это было фирменной чертой команд Смита, они всегда пытались отыскать возможность для более меткого и легкого броска вместо того, чтобы полагаться на джамперы.

Будучи первой по рангу студенческой командой Америки, команда «Тар Хиллз» в буквальном смысле объяла всю страну в начале того сезона. После игры в Шарлотт и матча с командой Университета Южной Калифорнии в Гринсборо она провела два скоротечных подготовительных матча в Аудиториуме Кармайкла. Затем отбыла в Нью-Йорк на праздники, где сыграла с «Ратгерс» в Мэдисон-сквер-гарден за неделю до Рождества. Там Джордан сумел развлечь толпу болельщиков двумя данками после контратак, набрав в общей сложности 15 очков. Через два дня после Рождества «Тар Хиллз» сошлась с классной командой

Кентукки на площадке «Мэдоулендс». И вновь Майкл, казалось, позабыл о всяком давлении большого матча против высоко котировавшегося соперника и не обращал никакого внимания на телекамеры: Северная Каролина легко выиграла, укрепив уверенность в своих силах. После этого «Тар Хиллз» махнула на западное побережье, чтобы принять участие в турнире Cable Car Classic в Санта-Кларе, Калифорния, на котором обыграла Пенн Стэйт в овертайме и разгромила хозяев турнира Санта-Клару.

Джеймс и Делорис Джордан, всерьез настроенные своими глазами увидеть каждый матч сына, следовали за головокружительным водоворотом каролинского баскетбола. Расходы на путешествия наносили существенный урон финансам семьи, но отец и мать Майкла так завороженно наблюдали за развитием сказочной истории жизни своего ребенка, что не обращали на это никакого внимания. Впрочем, они, как и всегда, держали необходимую дистанцию. «Дин Смит действительно умело управлял кораблем команды, особенно по части общения с родителями, – объяснял Арт Чански. – Если кто-то из них начинал выдаваться, Дин тут же брал ситуацию под контроль. Джеймс Джордан был известен всем как приятный малый, искренне поддерживавший стремления сына. После матчей его всегда можно было найти в раздевалке».

Некоторые наблюдатели, следившие за развитием программы Каролины как изнутри, так и снаружи, заметили, что Джеймс и Делорис не всегда на одной волне друг с другом, но тогда никто не акцентировал на этом внимание, потому что не видел в этом проблемы. «Делорис была словно кремень, – объяснял Арт Чански. – Все говорили это с самого первого ее появления». Точно так же все видели, что Джеймс Джордан далеко не святой. Чански говорил: «Майкл равнялся на отца. Он следовал по его стопам. Свою несдержанность он в некотором смысле унаследовал от Джеймса и большую ее часть направлял в русло спорта, превращаясь в самого конкурентоспособного игрока на площадке. Там он был настоящим убийцей, чтоб вы знали».

Родители Джордана посмотрели 32 из 34 игр, что он провел в том сезоне; иногда они брали на матчи дочь Розлин. На домашние матчи из Технического и сельскохозяйственного университета Северной Каролины в Гринсборо, в котором он учился, приезжал Ларри.

Несмотря на все возраставшее возбуждение и трепет в голосах комментаторов, освещавших эти первые игры Джордана за университет, представление Майкла миру студенческого баскетбола вышло относительно невзрачным. Было очевидно, что Джордан – скороспелый талант, но страхи, вызванные его

дерзким поведением вначале, уже были развеяны. Его внедрение в команду проходило гладко, так как доверие тренеров и партнеров к нему возрастало с каждой игрой. Как позже отметит Ральф Сэмпсон, причины этого следовало искать в складывающейся обстановке. «Прийти в команду, где уже играют такие ветераны, как Джеймс Уорти, Сэм Перкинс, Мэтт Доэрти и Джимми Блэк? – рассуждал центровой Виргинии. – На том этапе эти парни были игроками чрезвычайно высокого уровня. Они были голодны, жаждали стать очень-очень крутыми игроками. И тут к ним приходишь ты, первокурсник, и что тебе делать? Нужно вливаться и начинать учиться у этих ребят. Знаете, я думаю, что он взял понемногу от каждого».

Команда и правда была готова к свершениям, но тренерский штаб в том сезоне собрал состав, которому удивительно не хватало глубины. Но тогда удача весьма благоволила команде. Каким-то образом вышло так, что сезон ей удалось пройти без серьезных травм. В прошлые годы, когда в составе было больше талантливых игроков, Смита частенько упрекали в излишнем стремлении часто заменять игроков по ходу игр, что убивало ритм командной игры. В этом сезоне глубина состава почти сняла этот вопрос. Игроки старта – Джордан, Перкинс, Уорти, разыгрывающий защитник Джимми Блэк и двухметровый форвард Мэтт Доэрти – в среднем проводили 35–40 минут за игрой. Перкинс, еще один баскетболист, которому суждено будет попасть в первый раунд драфта NBA, был высоким и гибким второкурсником, отличавшимся спокойным темпераментом. Блэк считался эффективным разыгрывающим, очков он набирал мало, но был связующим звеном команды. Доэрти фигурировал как игрок амплуа, полезный в защите и стабильно набиравший по девять очков за игру. Все они реализовывали более 50 % своих бросков.

Джим Брэддок, Базз Питерсон и Сесил Экзам вносили свой вклад, выходя со скамейки, но ни одному из них не удавалось набирать в среднем даже два очка за игру. По традиции много внимания было приковано к игрокам из Нью-Йорка в лице Блэка, Доэрти и Перкинса. Уорти и Джордан были уроженцами Каролины, происходившими из очень разных по своей сути культур, пустивших корни на противоположных друг от друга концах штата.

Уорти был великолепным лидером команды, впитавшим в себя любовь к Каролине с младых ногтей. Уважительное отношение к тренерам и авторитетным фигурам он перенял от набожных матери и отца, выходцев из Гастонии, Северная Каролина, местечке недалеко от Шарлотт. Уорти посещал летние

лагеря Смита начиная с подросткового возраста и был целиком солидарен с целями команды на сезон. При росте в 205 см он обладал редкими для таких габаритов быстротой и скоростью на дистанции площадки. Ни один другой игрок такой комплекции среди студентов не мог угнаться за ним. Он был из тех форвардов, кто умел добавить команде остроты в half-court[23] атаке, а кроме того, великолепно завершал быстрые контратаки точными бросками за счет своей скорости и ловких рук. Системный подход Смита оставлял его команде пространство для контратакующего маневра, вдобавок «Тар Хиллз» была скоростной командой, умевшей успешно обороняться против практически любой контратаки соперника.

Больше всего баскетбольные пуристы любили наблюдать за тем, как Уорти работает под кольцом. Оказываясь там, он обычно решал эпизод за считаные секунды. «Его первый шаг был изумительным», – делился наблюдениями Морис Лукас, впоследствии частенько опекавший Уорти в профессиональном баскетболе.

«Он делал два-три ложных движения перед соперником, ступал, а потом исполнял бросок с разворота, – объяснял однажды тренер «Лейкерс» Пэт Райли. – Это не было спланировано».

Уорти и Перкинс, второй из игроков передней линии, притягивали к себе много внимания защитников в плане игры в зонах и двойной опеки. Перкинс тоже был ростом в 205 см, но его руки, казалось, имеют бесконечную длину, что позволяло ему исключительно эффективно исполнять роль центрового в колледже. Он был немногословным человеком с сонным выражением лица, из-за которого в профессиональной лиге его окрестят прозвищем Big Smooth[24]. Но уже в бытность игроком Каролины он демонстрировал многие эти повадки.

Блэк и Доэрти были игроками амплуа. «Чтобы команда была сильной, нужно иметь в составе игроков, которые не будут пытаться набирать персональные очки, – объяснял Смит. – Если бы Джимми и Мэтт думали о своих очках, мы бы никогда не стали великой командой. Мы были бы хорошей командой, но не чемпионской командой. Они знали свои роли и хорошо их играли. Как, впрочем, и все остальные».

Доэрти, родом из Хиксвилла, Нью-Йорк, в старшей школе был результативным снайпером. Блэк был родом из Бронкса, там он играл в мяч в католической школе и в 1979-м уже собирался ехать в Айону к Джиму Вальвано, но попался на глаза Биллу Гатриджу и привлек его внимание. Тренеры Каролины видели, что он не умеет толково бросать, но им нравилось то, как он обращался с

мячом, как стабильно реализовывал штрафные, они любили его за скорость, хитрость, умение принимать верные решения и навыки прессинга. Смит не мог скрыть свою любовь по отношению к Блэку. Из раза в раз тренеры Каролины повторяли, что сезон 1982 г. не вышел бы таким волшебным, если бы не их разыгрывающий защитник.

«Я не знаю, насколько важной частью команды я был, – скажет позже Блэк. – Мы все хорошо играли вместе, получали удовольствие друг от друга, хорошо взаимодействовали. Я по-прежнему считаю успех результатом общекомандных усилий».

На втором курсе университета Блэк потерял мать, умершую в 39 лет от остановки сердца. Потом, спустя несколько месяцев, попал в автоаварию, после которой едва не остался парализованным. Он боролся за свое здоровье, пытаясь восстановиться к началу третьего курса, и той осенью начинал тренировки с шейным корсетом. Именно решимость Блэка привела команду к успеху в 1982-м. Было трудно даже представить другого игрока Каролины, который пользовался бы большим уважением, чем Блэк.

Что же до Джордана, то он не выстрелил в том сезоне так, как этого можно было ожидать, но смог показать, что имеет серьезные перспективы. В среднем он набирал по 13,5 очка за игру и реализовывал 53,4 % бросков с игры. Даже при этом Арт Чански отмечал, что в той ветеранской команде Джордан «был исключительно игроком амплуа. Только посмотрите на тех, с кем он играл».

«Многие люди уже не помнят, что даже тогда Майкл был нестабильным игроком и в свой первый год выступал неровно», – вспоминал Смит. Тренеры постоянно подстегивали Джордана работать над улучшением контроля мяча и паса. Кроме того, они давали ему советы по игре в защите и пытались научить его игре без мяча, которой в старшей школе он занимался не очень часто.

Никаких фейерверков в его исполнении в тот первый сезон Билли Пэкер не увидел. «Когда он был первокурсником, у нас не было ни малейшего представления о том, насколько он хорош, вплоть до Финала четырех, – вспоминал Пэкер. – Он показывал хорошую игру, но не контролировал ход матчей. Он не взрывался в атаке. Он делал то, что ему говорили делать в рамках системы. Он, по сути, был винтиком системы, я никогда не видел, чтобы при прорывах он делал то, что выделяло бы его потом на профессиональном уровне. Я ни разу не видел в его исполнении ничего такого, что могло бы заставить меня крикнуть: «Святые угодники!» Очевидно, теперь мы знаем, что ему суждено было стать хорошим игроком. Но когда мы начинали обсуждать

Майкла Джордана в те времена, мы никогда не рассматривали его как игрока, который станет лучшим в истории. Теперь, когда история уже сотворена, люди говорят: ««Что? Вы что там, совсем рехнулись?» Но он играл в рамках системы, и когда они атаковали зону, он делал ровно то, что должен был. Когда они убегали в прорыв, он бежал туда, где должен был находиться».

Разумеется, случались и разные «моменты», обычно они становились результатом выученного урока.

После праздников «Тар Хиллз» возвратилась с западного побережья, чтобы сыграть дома тренировочный матч с колледжем Уильям энд Мэри, затем она отправилась в Мэриленд открывать календарь игр ACC и сделала это в аппетитном стиле, обыграв команду Лефти Дриселла с разницей в 16 очков. Домой она вернулась, чтобы развлечь Ральфа Сэмпсона и Виргинию, вторую по силе студенческую команду страны. В тот день Северная Каролина начала игру очень агрессивно, прессинговала соперника на его половине и рассчитывала взвинтить скорости. Такая тактика имела отрицательные последствия, так как молодые защитники Виргинии Отелл Уилсон и Рики Стокс помогали своей команде комфортно чувствовать себя в игре. Впервые вышедший против Сэмпсона Джордан был поражен размерами центрового Виргинии и его выступлением в тот вечер: 30 очков и 19 подборов. В первой половине матча Джордан совершил три промаха с игры и оробел, начал избегать бросков с дистанции в 15–20 футов, и Виргиния плотно осела. В первые 20 минут игры ему удалось реализовать четыре штрафных броска. Тем не менее, когда после перерыва команды выходили на паркет, Уорти отвел его в сторону и дал наказ не стесняться делать броски, когда будет оказываться в зоне Виргинии.

«В начале матча я все искал варианты получше, – объяснял он репортерам после игры. – Мы хотели ближе доставлять мяч и, может, вынудить Ральфа Сэмпсона пару раз сфолить». Несмотря на больное плечо, Майкл последовал совету Уорти и во второй половине набрал 12 очков, доведя свой счет до 16 очков за игру. «Я не хотел силой принуждать его к чему-либо, – сказал позже репортерам Уорти. – Но я заметил, что в первой половине он не рисковал бросать оттуда, откуда умеет попадать. Нам нужно было атаковать».

И все же Виргиния, казалось, владеет инициативой: у нее было восьмиочковое преимущество в счете за 7 минут до конца матча. И в этот момент Джимми Блэк исчерпал лимит своих фолов. Брэддок вышел вместо него и зажег Северную Каролину, сумевшую сотворить камбэк и добиться победы 65: 60. Этот

внезапный поворот событий будет иметь большую важность в конце сезона. Сэмпсон тем временем даже не пытался скрыть своего раздражения исходом матча. «Я по-прежнему считаю нашу команду первой в стране, – сказал он. – Им просто везло с прорывами в конце игры. Им, знаете ли, еще предстоит приехать к нам в гости».

Далее «Тар Хиллз» обыграла «НК Стэйт» с разницей в 20 очков, потом сошлась с более слабым Дьюком в Дареме и там испытывала серьезные трудности вплоть до последней пятиминутки второй половины, когда Джордану удалось реализовать три подряд броска в прыжке, а потом добрать еще очков (он подправил мяч в корзину после неточного броска партнера). Во второй половине он набрал 13 из 19 своих очков. Но в следующей игре набрал всего шесть, а Северная Каролина потерпела первое поражение в сезоне, уступив дома не кому-нибудь, а Университету Уэйк Форест.

«Мы сильно ограничили их время с мячом, – вспоминал в 2012-м игрок Уэйка Энтони Тичи. – Я просто пытался контролировать щит. С Майклом нам приходилось играть один на один, потому что в команде у них были и Уорти, и Сэм Перкинс, и другие ребята. Мы не могли сконцентрировать свое внимание на нем одном из-за состава, который у них был». Как говорил Тичи, команда у Каролины была великолепная, блестящая.

Следующие три матча Каролина выиграла, но потом «Тар Хиллз» пришлось ехать в Шарлотсвилл на игру с «Кавальерс», которую так предвкушал Сэмпсон. В этот раз Смит предпочел отказаться от своего прессинга. Вместо того чтобы вынуждать соперника терять мяч, игроки «Тар Хиллз» отошли назад в свои зоны и уповали на промахи хозяев. Их набралось немного. «Кавальерс» реализовала 64 % своих бросков и одержала убедительную победу 74: 58. Столь серьезная разница в счете настораживала. По возвращении в Чапел-Хилл Джимми Блэк собрал командное собрание, на котором напомнил партнерам об их чемпионских амбициях.

Должным образом настроившись, команда выиграла восемь оставшихся матчей регулярного сезона и пробилась в плей-офф ACC, который должен был состояться в Гринсборо Колизеум. По традиции турнир причудливым образом смешал очарование юга с ожесточенной враждой команд, длившейся три напряженных дня. Но в 1982-м все сводилось к противостоянию «Кавальерс» и «Тар Хиллз». Северная Каролина легко убрала с пути Технологический институт Джорджии и «НК Стэйт» и сошлась с Виргинией в битве за чемпионский титул.

На долю команды Терри Холланда в конце сезона выпало

несколько битв: в упорной борьбе были добыты тяжелые победы над «Клемсон Тайгерс» и Университетом Уэйк-Форест, но по ходу турнира травму получил основной защитник команды Отелл Уилсон. Оба тренера знали, что победитель турнира Конференции станет первой сеяной командой в восточном региональном турнире NCAA. Проигравшему же придется ехать в другой регион, что обычно ставит команду в проигрышное положение.

Обе студенческие команды были великолепны, под стать друг другу. Обе завершили сезон ACC с показателями 12 к 2. Каролине удивительным образом удалось выиграть у Сэмпсона первое касание в матче, что тут же привело к слэм-данку в исполнении Уорти. С того момента «Тар Хиллз» захватила лидерство, ведя 8: 0, а потом развила его, доведя счет до 24: 12. Взяв тайм-аут в начале матча, Смит сказал своим игрокам, что Виргиния может отыграть дефицит и нужно быть готовыми к ответному натиску. Как по команде «Кавальерс» сократила отставание и даже получила преимущество, когда Джордан меньше чем за 3 минуты до конца первой половины матча совершил свой третий фол. Северной Каролине удалось удержать трехочковый гандикап к перерыву, но в начале второй половины Виргиния сделала шесть точных бросков подряд, чем вынудила Смита прежде времени брать тайм-аут, поскольку тренер ожидал, что Холланд сейчас даст своим игрокам указание играть плотнее в зонах.

«Кавальерс» вела в счете и продолжала наседать. Именно в этот отрезок, когда давление начало стремительно повышаться, Джордан взял дело в свои руки и четырьмя подряд точными бросками в прыжке вернул свою команду в игру. Его первый бросок из левого угла площадки сократил отставание «Тар Хиллз» до одного очка. Холланд взял тайм-аут, но сразу после этого его команда совершила свой первый промах во второй половине, позволивший Джордану исполнить справа еще один бросок с 18 футов. Поведя в счете в одно очко, Смит дал указание своим игрокам растягивать игру в попытке выманить Виргинию из ее зоны. Холланд, впрочем, отказался. Вместо этого он дал команду своим защитникам неплотно защищать периметр, чего было как раз достаточно для того, чтобы избежать нарушения правила 10 секунд. После этого игра сползла в трехминутное удержание мяча Каролиной, пока Джордан наконец не ушел от двух заслонов и не забросил свой третий джампер.

Затем Сэмпсон сократил отрыв Каролины, доведя его до одного очка, но Смит ответил на это призывом к своим повторить предыдущий розыгрыш, по итогам которого Джордан вновь вырвался из-под двух заслонов и попал в корзину в четвертый раз

подряд, Каролина повела 44: 41.

«Майкл совершил несколько невероятных решающих бросков в чемпионском матче ACC против Виргинии, – вспоминал Арт Чански. – Если бы он не сделал эти броски, бесстрашные, отважные броски с углов трехсекундной зоны, куда не выходил Сэмпсон… эти углы были самым близким к корзине местом, на котором ты мог оказаться, ближе было не подобраться. Если бы он не сделал те броски, они бы не выиграли игру. Вот тогда стало видно, что он начинает играть напористее, увереннее».

«У него была эта склонность совершать решающие броски уже тогда», – соглашался ветеран среди баскетбольных авторов Дик Вайсс.

Играть оставалось еще почти 9 минут. Каролина ушла в плотную оборону, на что Виргиния ответила точным броском Джеффа Лэмпа с 20 футов, чем вновь сократила преимущество «Тар Хиллз» до одного очка.

Без промедления Смит поднял вверх четыре пальца и перевел команду в режим четырехугольного нападения, и этот ход привел в ярость самые широкие прослойки наблюдателей: от зрителей на трибунах до комментаторов и даже судей лиги. Но он себя оправдал. Виргиния не могла совершить бросок вплоть до самого конца второй половины матча, пока «Тар Хиллз» тянула время. Холланд отказывался фолить на игроках Каролины вплоть до того момента, пока в игре не осталось 28 секунд. Доэрти реализовал лишь один из двух штрафных бросков, но Виргиния не смогла этим воспользоваться. Джимми Блэк совершил в концовке еще два штрафных броска, а Сэмпсон вколотил последний данк уже с сиреной. Значения он не имел. Каролина стала первой сеяной командой с Востока, победив в матче 45: 43.

Игра транслировалась на всю страну телеканалом NBC и вызвала бурные протесты в среде болельщиков и представителей прессы. Считается, что она подтолкнула судей к эксперименту, начавшемуся в следующем сезоне: в ACC стало действовать правило 24 секунд и появились трехочковые броски.

Во всеобщем шуме и гаме незамеченной осталась состоявшаяся своего рода коронация Майкла Джордана. Однако Джеймс Уорти ее увидел. «В тот год на турнире ACC Майкл Джордан расцвел, – вспоминал форвард. – Видеть, как он говорит «Это мой мяч, моя площадка» было невероятно и удивительно». Уверенность Джордана росла по мере приближения концовки сезона. Оказавшись в безопасном окружении ветеранов команды, он теперь мог мечтать о чем-то большем.

Турнир NCAA «Тар Хиллз» начала в статусе первой команды страны и сохранила его несмотря на то, что пару раз была на

волоске от его потери. На руку ей было и то, что каждая игра регионального турнира проходила в родном штате. В своей первой игре в Шарлотт против маленького виргинского Университета Джеймса Мэдисона у «Хиллз» были проблемы, но все же ей удалось победить 52: 50. В региональном полуфинале, проходившем в Роли, команда Университета Алабамы заставила команду Смита изрядно попотеть, прежде чем окончательно уступить 74: 69. Финал регионального турнира свел Каролину с Виллановой Ролли Массимино и Эда Пинкни. Каролина вновь оказалась слишком сильна для соперника в тот день, но один незначительный эпизод игры стал настоящим откровением. Игроки «Тар Хиллз» вынудили соперников потерять мяч, затем тут же бросили его вперед несшемуся к корзине Джордану. Большой центровой Виллановы Джон Пиноне стал отступать назад к корзине, чтобы защитить ее.

«Наш тренер всегда учил нас, что, если ты попал в беду и дела плохи, хватай парня руками и не дай ему сделать легкий лэй-ап, – объяснял Пинкни. – Я знал, что Джон собирается фолить на нем. И вот он прыгает, а Джон, у которого было прозвище Медведь – он был довольно сильным парнем, – хватает его. Уже в воздухе Джордан выкручивается у него из рук, и судья свистит фол. Казалось, что это невозможно сделать, но он сделал… Мы проигрывали им. И после этого момента мы все закачали головами, мол, «вы, наверное, шутите». Он не мог сделать данк, потому что Пиноне схватил его двумя руками за талию. Ему в буквальном смысле нужно было поднять 240-фунтового игрока, чтобы сделать данк. Для нас Пиноне был чуть ли не сильнейшим человеком в мире. Но Джордан выпрыгнул у него из рук. Он должен был упасть на пол. Он не должен был сохранить равновесие и освободиться для завершения броска. Эпизод вышел очень, очень странным».

Приобретя ценный опыт в противостояниях с Кенни Гаттисоном, Клайдом Симмонсом и Энтони Тичи на площадках Прибрежной равнины, Джордан не испытывал ни страха, ни сомнений, когда атаковал кольцо, и ему было не важно, кто его защищает.

После победы над Виллановой в региональном финале с разницей в десять очков «Хиллз» почувствовала, что вскоре может принести Смиту столь желанный трофей. Проходивший в новоорлеанском Супердоуме Финал четырех получился захватывающим зрелищем. Северная Каролина. Джордж-таун. Луисвилл (с четырьмя игроками чемпионской команды образца 1980 г. в старте). И Хьюстон. Все команды входили в число доминирующих в последнее десятилетие: на четверых у них было

11 появлений в Финале четырех, а в ростерах блистали одни из лучших игроков современного баскетбола: Майкл Джордан, Джеймс Уорти, Хаким Оладжувон, Патрик Юинг, Сэм Перкинс, Клайд Дрекслер.

Собравшиеся перед финалом представители прессы уже заготовили большой вопрос для Смита: как он чувствует себя, имея за плечами шесть выходов в Финал четырех и ни одной победы? «Я хорошо справился с этой ситуацией, – ответил он. – Я не ощущаю пустоты внутри».

В полуфинале Северная Каролина сошлась с Хьюстоном. К 1983-му «Кугарз» станет известна как Phi Slama Jama, братство данкинга. В 1982-м, впрочем, она была лишь еще одной командой-золушкой.

Бесстрашно встретивший рев толпы, заполнившей пещероподобный Супердоум, Джордан сделал первые два попадания своей команды в матче с Хьюстоном. С этого момента игру в свои руки взял Перкинс, набравший за «Хиллз» 25 очков и совершивший десять подборов, тогда как Роб Уильямс из Хьюстона, сдерживаемый защитой Каролины, продолжал бегать по паркету вхолостую. Каролина ни разу не уступала сопернику в счете по ходу игры и по ее итогам пробилась в следующий раунд в чемпионском стиле – 68: 63. «Помню, какой блестящий матч Сэм Перкинс провел в полуфинале против Хакима Оладжувона, – вспоминал Билл Гатридж по случаю 20-летнего юбилея той игры. – Если бы Сэм не сыграл с Хьюстоном так, как сыграл, велика вероятность, что мы не участвовали бы в игре за чемпионство».

«Хойас» из Джорджтауна с центровым-первокурсником Патриком Юингом и защитником Эриком «Слипи» Флойдом, попадавшим в символическую сборную лучших американских баскетболистов среди студентов, обыграли в другом полуфинале Луисвилл (20-ю по рангу команду страны) 50: 46 и тем самым воплотили в реальность мечту спортивных журналистов: финал Дин Смит против Джона Томпсона. Два друга и тренера американской сборной на Олимпиаде-1976 должны были сойтись лицом к лицу в борьбе за чемпионство, которое оба страстно желали выиграть. И Смит, и Томпсон намеренно преуменьшали свою значимость. Играть предстоит не им, говорили они, а командам. Как бы то ни было, битва Северной Каролины против Джорджтауна в финале NCAA 1982 г. многими считается самой драматичной в истории студенческого баскетбола. Комментатор-ветеран Курт Гауди считал, что эта игра больше, чем любая другая, ответственна за подъем Финала четырех на уровень зрелищности Мировой серии и Супербоула. Толпа, заполонившая

Супердоум в Луизиане, побила рекорд посещаемости матчей студенческого баскетбола, на игру пришли 61 612 зрителей. Еще 17 млн человек смотрели игру по телевидению.

«Я испытывал смешанные чувства по поводу игры против Дина, потому что питаю к нему огромное уважение и симпатию», – говорил позже Томпсон. Потом он признался: «Поскольку я противостоял Дину, огонь во мне горел еще сильнее». Будучи друзьями, они хорошо знали трюки друг друга. СМИ ухватились за их противостояние и выжимали эту тему до последнего, хотя в сюжете финала были и другие интересные завязки. К примеру, Уорти и Флойд из Джорджтауна входили в символическую сборную лучших американских игроков, оба были уроженцами Гастонии, Северная Каролина, и оба считались стойкими, последовательными приверженцами своих команд. Атмосфера перед игрой была такой густой, что можно было ножом резать. «Души Дина, души!» – скандировал сектор студентов, поддерживавших Джорджтаун.

Девятнадцатилетний Юинг начал игру с того, что смахнул с корзины мяч четыре раза после бросков игроков Каролины, два из них сделал Уорти. Все четыре попытки судья классифицировал как помеху попаданию мяча, так же он отреагировал и на пятый блок Юинга в первой половине игры. Так «Хиллз» набрала свои первые восемь очков в игре, ни разу не забросив мяч в корзину.

«Патрик блестяще умел делать блок-шоты, – сказал Томпсон в интервью Пэкеру пять лет спустя. – Мы хотели по максимуму утвердиться под корзиной. Я до сих пор сомневаюсь в правильности некоторых судейских решений по помехам».

> Другие тренеры могли начать волноваться, что блокированные броски могут сбить уверенность Уорти в себе, но только не Смит.

«Я знал, что это нисколько не беспокоит Джеймса, – говорил тренер Каролины. – Некоторые ребята ненавидят, когда их броски блокируют соперники, но Джеймс был много выше этого». С того момента игра превратилась в тренерские кошки-мышки. «Хойас» повела в счете, затем Каролина сравняла его: 18: 18. Уорти ожил, набрав 18 очков в первой половине игры. Лидерство в счете переходило из рук в руки. Джорджтаун удержал перевес к перерыву: 32: 31.

«Джорджтаун был просто неутомим, – вспоминал Уорти. – Игроки стремились заставить нас сломать все зубы об их защиту, и им это почти удалось. Настал момент, когда они повели в три-четыре очка, а в те времена это была серьезная разница. Тогда Джимми Блэк промахнулся в попытке сделать лэй-ап, и Майкл

подлетел и подправил мяч в корзину – коснулся мяча кончиками пальцев прямо над Юингом, трюк в стиле Айсмена Гервина». Все заключительные 20 минут команды продолжали поочередно захватывать инициативу. За 6 минут до конца Каролина вышла вперед на одно очко – 57: 56, благодаря паре точных штрафных бросков в исполнении Уорти. После этого темп игры взлетел, началась агония. Джордан, разумеется, прославится «броском» в концовке матча, но, с точки зрения тренеров Каролины, ключевой момент случился за 3 минуты 26 секунд до конца, когда Джордан оформил еще одно попадание броском с левой. «Один из лучших бросков в игре, – вспоминал Билл Гатридж, – случился несколькими минутами ранее, когда он исполнил лэй-ап почти от самого верха щита, перебросив Юинга».

«Я подумал, что он блестяще довел мяч в том эпизоде, – сказал Смит на праздновании 20-летнего юбилея той игры, – а потом я увидел выпрыгивающего Патрика, и в голове пронеслась мысль: «Сейчас он заблокирует». Бросок вышел сенсационным».

«Я не знаю, почему я сделал лэй-ап с левой тогда, – говорил Джордан журналу *Tar Heel Monthly* в 2002-м. – Я терпеть не могу бросать левой рукой. Моя левая рука – слабейший элемент моей игры. Но в тот конкретный момент я ею воспользовался. Поверить глазам не мог. Бросок переломил ход игры. Я забросил почти нереальным броском, попав чуть ли не в самый верх щита, и мяч влетел в корзину прямо над Юингом».

Попадание вывело Каролину вперед, 61: 58, но «Хойас» устроила ответный натиск. За 2 минуты 37 секунд до конца Джорджтаун довел счет до 61: 60, когда Юинг высоко подбросил мяч с дистанции в 13 футов. Когда Каролина, завладев мячом в следующем эпизоде, не реализовала ключевой штрафной бросок, юный центровой Джорджтауна оказался первым на подборе. «Слипи» Флойд забил после короткого броска в прыжке, и «Хойас» захватила лидерство – 62: 61. До конца оставалось меньше минуты.

За 32 секунды до конца Смит взял тайм-аут, чтобы перестроить свою команду и подготовить ее к отходу Джорджтауна в тыловую зону. «Обычно я не люблю брать тайм-ауты, – говорил Смит. – Мы и так должны знать, что делать. Но я ожидал, что Джорджтаун вернется в свою зону и будет тормозить игру. Я сказал: «Доэрти, посмотри на Джеймса или Сэма и Джимми, пас через площадку должен идти Майклу». Вышло так, что весь фланг, на котором оказался Майкл, был полностью открыт, потому что соперники в это время гонялись за Джеймсом. Если бы Майкл не попал, героем стал бы Сэм, потому что он был первым на подборе».

В этой сутолоке Смит проявил себя наилучшим образом, он настолько успокаивающе говорил с игроками, что его ассистент Рой Уильямс даже посмотрел на табло, полагая, что Смит, по всей видимости, перепутал счет. Учитывая то, как спокойно говорил Смит, можно было решить, что Каролина ведет в счете, вспоминал Уильямс свои тогдашние ощущения. Когда команда стала расходиться после тайм-аута, Смит шлепнул Джордана и сказал: «Забрось этот мяч, Майкл».

Тридцать лет спустя Пэкер, который вел репортаж об игре с паркета для канала CBS, по-прежнему сомневался в «показаниях» каролинской делегации и не был уверен, что обстоятельства сложились именно так, как рассказывают участники. «Мне всегда казалось, что подобный бросок Дин Смит спланировать не мог, хотя он и до сих пор утверждает, что мяч в корзину забросила сама судьба, – делился мнением комментатор. – У тебя в команде Уорти и Перкинс, но они далеко от корзины. О чем мы вообще тут говорим? О том, чтобы отдать мяч Майклу? Сегодня, конечно, каждый скажет: «Ну разумеется, отдать Майклу». Но тогда… отдавать его ему? Сначала надо было искать Уорти, потом Перкинса, а потом делать проход и пытаться как-нибудь забросить мяч в корзину. Я не собираюсь ставить под сомнение знания и опыт Дина в баскетболе. Но точно могу сказать, что, когда я вел репортаж об этой игре, об таком варианте я не подумал ни в первую, ни во вторую, ни в третью очередь».

Каролине удался отличный бросок, и за 15 секунд до конца Блэк отдал мяч Джордану, которому удалось произвести 16-футовый джампер с левого фланга.

«Условно говоря, бросок был сделан без помех, никто не мешал ему, – говорил Пэкер. – Но штука в том, что все выглядит четче, когда ты оглядываешься в прошлое и вспоминаешь этот момент… Мне все равно, кто планировал получить мяч, Майкл его хотел, и Майкл знал, что попадет в корзину. Этот бросок положил начало одной из величайших историй нашей эпохи. Некоторые ребята получают возможность бросить без помех, но не попадают в цель. Другие, оказываясь в такой ситуации, не хотят бросать. Майкл хотел бросить, именно это вы и увидели. Не было никаких колебаний, никаких лишних финтов. Все было примерно так: «Эй, дайте-ка мне мяч, и я отправлю его в корзину». Вот насколько крепок в нем был соревновательный дух».

Большинство игроков бежит от таких моментов, но узкий круг избранных устремляется им навстречу, говорил Пэкер. «Он не прятался где-то в углу. Он стоял и ждал там мяч». Позже Джордан скажет, что представлял в своем воображении подобный

момент, когда его команда ехала на игру в автобусе.

На дальнем конце площадки фигуры, сидевшие на скамейке запасных Джорджтауна, скручивала агония. Стоявший всего в футе от Джордана тренерский штаб Каролины стоически присел, когда Майкл подпрыгнул для броска. Смит едва заметно поджал губы и нахмурил брови в легкой гримасе. Подобные моменты прошлых Финалов четырех, случавшиеся в его карьере, не принесли ему никакой радости. Джордан оторвался от земли, его язык инстинктивно высунулся взять пробу воздуха Супердоума. Достигнув высшей точки, он позволил мячу изящно скользнуть по кончикам пальцев своей правой руки, пока левая отпускала мяч в свободный полет.

Над землями «Тар Хил» пронесся свист, подобный легчайшему небесно-голубому бризу, и вызвал взрыв громоподобного рева, охватившего все здание. «И вот мы сидим там, в Супердоуме, и Майкл делает свой бросок», – вспоминала Делорис Джордан. Она огляделась вокруг в поисках мужа и дочери Розлин, но они уже умчались вниз, в сторону паркета. «У меня была только одна мысль: «Нет, только не первокурсник».

В интервью 2011 г. Дик Вайсс вспоминал, что был поражен этим розыгрышем Каролины и тем фактом, что Дин Смит доверил право последнего броска новичку-первокурснику. «На тот момент эта игра была важнейшей в карьере Дина», – дивился Вайсс.

«Это было предопределено, – сказал Джордан в 2002-м. – Это была судьба. В тот момент, как я совершил этот бросок, все звезды сошлись так, как надо. Если бы мяч не попал тогда в цель, не думаю, что я был бы там, где нахожусь сейчас».

На самом деле эту судьбу скрепил еще один заключительный незабываемый эпизод. Проигрывая 63: 62, но имея достаточно времени на последнюю атаку, Джорджтаун тут же ринулся вперед, мяч оказался у Фреда Брауна, оказавшегося у переднего края защиты Каролины. Он подумал, что увидел краем глаза «Слипи» Флойда, но призрачная тень в белом оказалась Джеймсом Уорти. Уорти был ошарашен, когда Браун по ошибке отдал ему мяч. Форвард Каролины схватил его и рванул к кольцу, где на нем сфолил соперник.

Томпсона незамедлительно раскритиковали за то, что он не взял тайм-аут перед тем, как его команда получила владение. Но Смит поддержал коллегу, согласившись с подходом Томпсона. «Джон поступил мудро, не взяв тайм-аут, – сказал он, отмечая то, что защитные действия Джордана вынудили Брауна принять ошибочное решение отдать мяч. – Майкл приложил чрезвычайно много усилий, чтобы закрыть Флойда, а Джеймс пошел на перехват и не вернулся. И по сей день я считаю, что, если бы

Джорджтаун играл в своей привычной белой униформе, которую команда носила на всем протяжении турнира, а не в темной, Браун не отдал бы мяч Джеймсу. Джеймс секундами ранее уже пошел на перехват при ложном движении соперника и потерял позицию. Он не должен был находиться там, где он был, это и смутило Брауна».

Томпсон счел пас Брауна чисто рефлекторным действием. Пытаясь совершить перехват, Уорти выбежал из защиты и потерял позицию. «Мы играли впятером против четверых, – говорил Томпсон. – Уорти шел оттуда, откуда обычно выбегает игрок атаки, и я считаю, что Фредди просто рефлекторно на это среагировал. Думаю, что это был старый добрый трюк дворовых игр, когда игрок защиты встает туда, где должен быть форвард, и просит мяч. Но Уорти не просил, он просто вышел не с той стороны, и Фредди рефлекторно бросил ему мяч».

За 2 секунды до конца Уорти выпала возможность забить два штрафных броска, но он промахнулся. Впрочем, это уже не имело значения, «Тар Хиллз» улетели в свою голубую нирвану – 63: 62. Своей победой Каролина обязана не только броску Джордана. Томпсон говорил: «Мы считали, что Уорти был нашей самой главной проблемой. Вы часто слышите о том броске Майкла Джордана. Он, конечно, здорово нас подкосил, но Уорти доставлял нам уйму хлопот. Он был достаточно быстр, чтобы создавать проблемы нашим большим парням, и достаточно силен, чтобы устроивать проблемы нашим маленьким парням».

Обычно бесстрастный Уорти, признанный самым выдающимся игроком турнира, сбросил с лица привычную маску стоика и начал исступленно праздновать победу. Смит и Каролина добрались до вершины.

«Я в особенности рад за тренера, – сказал после игры Джимми Блэк. – Теперь мне не придется читать статьи журналистов о том, что он всегда заваливает большие матчи».

«Не думаю, что как тренер я стал лучше, выиграв национальный чемпионат, – сказал Смит репортерам, обступившим его в комнате для интервью. – Я все тот же тренер».

После игры Джордан разулся и тихонько присел на свое место в раздевалке, принявшись отвечать на вопросы от одного-единственного репортера NBC. Джеймс Джордан сидел в своем костюме-тройке позади него, слегка склонившись к свету телевизионных ламп, пока его сын, плотно сжав губы, ждал вопроса от репортера о волнующем моменте.

«Я не ощущал никакого напряжения, – сказал он спокойно. – Это был просто очередной джампер из неприкрытой зоны».

Глава 12
Кое-что новое

Компания друзей пригласила Билла Биллингсли в Новый Орлеан на Финал четырех. После игры он вышел с арены и влился в шумную, охрипшую от ликования толпу болельщиков, втискивавшуюся во Французский квартал, и в какой-то момент натолкнулся на Майкла Джордана и двух его партнеров, тихо наблюдавших за происходящим.

Джордан тут же узнал своего старого тренера по бейсболу, у которого тренировался в девятом классе. «Биллингсли! – воскликнул он. – Что вы здесь делаете?» Они немного поболтали, и Биллингсли с радостью поздравил Майкла, после чего двинулся дальше. Впоследствии тренер выражал изумление от того, что Джордан смог насладиться моментом победы, избежав попадания в объятия празднующих болельщиков. Ни один из них в тот момент, наверное, не представлял, что переживает последние мгновения «анонимности» Джордана и уже вечером того дня, 29 марта, им придется пройти испытание. В Чапел-Хилл 30 тыс. болельщиков собрались на Франклин-стрит, как только услышали слова радикомментатора УНК Вуди Дарема, объявившего: «Тар Хиллз» вот-вот выиграет национальный чемпионат».

«Как только игра закончилась, я с криками выбежал на Франклин-стрит, – вспоминал Дэвид Манн, который в то время учился на третьем курсе в Каролине. – И, разумеется, все остальные сделали то же самое. Тысячи людей были просто поражены событием. Дин Смит никогда прежде не побеждал, момент был просто невероятный. Все плакали и пребывали в экстазе».

«Столпотворение, истерия, фейерверки и пиво, – заявляла *Greensboro Daily News* на следующий день. – Вот из чего состоят чемпионские титулы». Празднования продолжались до четырех часов утра и возобновились двумя днями позже, когда 20 тыс. болельщиков собрались для того, чтобы поприветствовать вернувшуюся в город команду.

Пройдет несколько недель, прежде чем эйфория сойдет на нет, но формат его новой жизни откроется Джордану лишь в следующие месяцы. «Я был подобен оленю, выбежавшему на трассу, – скажет он много позже, оглядываясь в прошлое. – Я не осознавал масштабов того, что сделал». Момент победы восхитил миллионы людей, включая и тех, кто прежде не имел никакого отношения к Университету Северной Каролины, и моментально

обратил многих из них в преданных фанатов «Тар Хиллз». Выигрыш национального первенства внес ноту гордости как для чернокожих, так и для белых жителей штата. Победа, радость от которой они все разделили, развеяла сомнения касательно Дина Смита и его программы и возвела молодого Майкла в статус принца колец. «Это было похоже на вылупление из скорлупы молодого парня, – делился впечатлениями Джордан. – Меня звали Майк. Все обращались ко мне как к Майку Джордану, упоминая меня, все говорили, Майк Джордан. После того броска я стал Майклом Джорданом».

Если до того броска он выдавал мегаватты трэш-тока, то после него его болтовня стала почти что невыносимой для оппонентов. Он и Юинг будут дружить всю жизнь и помнить этот совместный опыт. «Я помню, как он забросил тот мяч, – печально говорил Юинг в 2010-м. – Я не говорю с ним об этом. Он и так постоянно вдалбливает мне эти воспоминания, так что я никогда сам не поднимаю эту тему».

Спустя всего несколько месяцев после насмешек местных, твердивших, что он не сможет добиться чего-то существенного в УНК, Майкл возвратился домой, чтобы обнаружить, как вокруг него вырастают стены новообретенной известности, славы, которая вскоре заключит его в изолированный, замкнутый мир. Он планировал сходить на уилмингтонские городские площадки, чтобы сыграть в паре дворовых матчей, как делал это в дни до учебы в колледже. Но по приходе в парк он обнаружил там толпу людей, ожидавших его. Согласно свидетельствам судьи, работавшего на этих играх, в тот день Майкл даже не смог выбраться из машины. Это был первый знак того, что вскоре его прежнему образу жизни наступит конец.

Пару недель спустя город устроил банкет с чествованием Майкла Джордана. Он оставил автографы десяткам болельщиков, включая и компании восторженных молодых баскетболистов, пришедших на мероприятие в игровой униформе. В тот вечер на банкете Джордан сидел по правую руку от Дина Смита. Его тренер сиял довольной улыбкой и вел непринужденные беседы с окружающими, пока его обычно кипуче энергичная молодая звезда сидела тише воды. Было очевидно, что Майкл еще во многом подросток, почти ребенок, и такое огромное внимание его явно смущало.

Его родители тоже присутствовали там, каким-то образом им удалось соблюдать приличия, находясь у этого родника гордости и возбуждения. «Куда бы они ни шли, они всегда вели себя очень прилично», – сказал Билли Пэкер, частенько пересекавшийся с Джорданами. Он вместе с ними смеялся и праздновал в ночь

завоевания чемпионства, покорившегося Каролине спустя ровно год после разочарования в Канзасе на игре «Макдоналдс», вызвавшей вспышку гнева у миссис Джордан. «Порой встречаешь родителей, которым обязательно нужно быть в центре внимания. Джорданы никогда не входили в их число. Они всегда были вежливы и вели себя исключительно порядочно. Меня это всегда впечатляло», – добавлял Пэкер. Эту весну они оба запомнили надолго. Делорис вернулась домой и обнаружила поздравления в светло-голубых цветах Каролины, развешанные в банке, где она работала клерком. Кто-то из коллег приветствовал ее словами: «Здравствуйте, миссис Мама Майкла Джордана». Она пыталась убедить окружающих, что они с мужем так же были бы горды своим сыном, если бы он был простым первокурсником Каролины, не игравшим в баскетбол. Интервьюеру она призналась, что материнский инстинкт заставил ее нервно хвататься за живот, пока игроки «Тар Хиллз» бросали друг другу мяч, словно горячую картофелину, в том последнем владении. Когда он оказался наконец в руках ее сына, первой ее мыслью было: «Отдай кому-нибудь другому!»

Джеймса же по приезде домой ждало специально организованное на заводе General Electric, где он работал, собрание под вывеской «Добро пожаловать домой, Майкл Джордан». Тот значимый бросок навсегда изменил не только жизнь самого Майкла. Поднявшиеся волны славы подхватили вместе с ним и его родителей.

Почти что подростковый дискомфорт, который Джордан испытывал в тот вечер на банкете, не мешал ему упиваться новообретенным статусом. В конце концов, большинство первокурсников возвращалось домой после года независимой жизни в колледже лишь для того, чтобы обнаружить, что их родители все еще считают их подростками. Возвращение Майкла домой способствовало осознанию того, что его новый статус потребует огромных изменений во взаимоотношениях между членами семьи. Его фигура довольно скоро затмит их всех и изменит природу семейных отношений, ее динамику. Даже теперь, в конце его первого года в колледже, все они чувствовали это. Он еще не был профессионалом, но в будущем он им станет. В семье старались не концентрироваться на таком видении будущего, особенно миссис Джордан. Более того, она стала еще бдительнее по мере того, как мечта ее сына начала обретать ясные очертания после завоевания чемпионства. Будь скромным. Не слишком акцентируй внимание на себе. Не забывай упоминать своих партнеров. Казалось, что она и Дин Смит читают один и тот же текст вслух. Всякий раз, когда она разговаривала с

репортерами, она обязательно подчеркивала то, как сильно гордится всеми своими детьми. Майкл просто оказался тем, кому досталось все внимание публики, объясняла она.

Для Джордана первейшим вызовом весной 1982 г. был поиск места, где он мог бы насладиться свободой своей прежней жизни. Каким-то образом ему удалось договориться об очной дуэли с местечковой звездой округа Пендер. Поначалу казалось, что им удастся провести игру в уединенной обстановке, но даже туда явилась толпа из сотен людей, собравшихся посмотреть битву, в которой Джордан, по воспоминаниям местных жителей, выиграл два раунда из трех.

> В конечном счете тихой гаванью для него стал Чапел-Хилл.

Благодаря семейной атмосфере, которую выстроил там Дин Смит, многие бывшие подопечные тренера, включая и звезд NBA Уолтера Дэвиса и Фила Форда, приезжали летом поучаствовать в неофициальных «дворовых» матчах. Тем летом после завоевания чемпионства они все жаждали помериться силами с молодым парнем, который сделал «тот самый бросок». Выпускники Смита были очарованы образом и поведением Джордана на площадке. В отличие от Уорти Эл Вуд принимал вызовы Майкла в его первые месяцы пребывания в Каролине и считал Джордана немного застенчивым. В одной из их первых дворовых заруб Вуд ударил его локтем, но перед началом второго курса обучения уже сам Джордан включил локоть в борьбе с Вудом, давая тому понять, что больше не потерпит запугиваний. Со временем их с Вудом связь окрепла, они вместе работали над слэм-данками по ходу дворовых матчей в то лето. Именно Вуд подкинул ему идею крэдл-данка одной рукой, который он впоследствии исполнит в игре с Мэрилендом. Конечно, находились и такие, как Уорти, считавшие, что уверенность первокурсника в себе была слишком большой. Но в его второй год в колледже все начали осознавать, что вера Джордана в себя отражала невиданный прежде уровень интенсивности, с которым он играл и тренировался.

Снова Грэнвилл

Джордан и Базз Питерсон жили теперь на первом этаже Грэнвилл Тауэрс, в коротеньком коридоре, который закрывался с обеих сторон с тем, чтобы защитить небольшую группку баскетболистов и обычных студентов, обитавших там на постоянной основе. Среди обычных студентов, живших на этаже,

был Дэвид Манн, студент последнего курса, учившийся на факультете радио, телевидения и кино. Невысокий, щуплый и непритязательный Манн имел возможность видеть жизнь 19-летнего Джордана изнутри и наблюдать за тем, как возвышается статус молодого игрока.

«Он был очень дерзким даже в те годы, – вспоминал Манн. – Он был Мистером Уверенность и всегда полагался на свои силы». Манн видел девчонок, окалачивающихся около закрытых дверей коридора в надежде улучить возможность пробраться внутрь. Как и большинство «обычных» студентов, живших на этаже, Манн подмечал практически все, что делал Джордан. Он был удивлен, не увидев никаких доказательств того, что Майкл – звезда вечеринок и неутомимый тусовщик.

«Он был довольно серьезным парнем, – вспоминал Манн. – В коридоре с ним соседствовали ребята, любившие вечеринки, игроки и просто студенты, но он никогда не принадлежал к их кругу».

Базза Питерсона, к примеру, можно было увидеть в коридоре с выпивкой в руке, танцующим с подружкой и все еще смакующим победу «Тар Хиллз» в национальном чемпионате, выигранном несколькими месяцами ранее. «Базз определенно не был увлечен баскетболом так же сильно, как Майкл, – говорил Манн. – Базз был больше тусовщиком. Он никогда не относился к делу настолько серьезно, как Майкл. Он был дурнем, если честно».

Той осенью *Sports Illustrated* опубликовал фотографию Джордана в наушниках, танцующим в своей комнате под зонтом. Она разозлила Манна, потому что была постановочной и совершенно неискренней. Питерсон мог танцевать с подружкой, но не Джордан, пусть даже у него и был повод немного насладиться жизнью.

«Вот что делало его уникальным, – отмечал Манн. – Он мог стать глубоко эгоцентричным, мог втянуться в вечеринки, веселье и развлечения с женщинами, во все эти прелести жизни, но у меня сложилось впечатление, что он был настолько предан делу, что не позволил бы себе отвлекаться даже в таком возрасте. Он знал, что хочет стать лучшим, понимал, какие ловушки его подстерегают, и не собирался в них попадать. Он выглядел очень уверенным в себе, безошибочно знавшим то, чем хочет заниматься, и ничто не могло его остановить».

Манн заметил, что, хотя Джордан и был всего лишь 19-летним второкурсником, он умел управлять ситуацией за счет одного своего присутствия, даже находясь среди других баскетболистов, живших с ним на одном этаже. «Он не был громким парнем. Он не доминировал вербально, но когда он

говорил, ты определенно прислушивался. Он не отдавал приказов другим игрокам, не выпячивал свой статус, ничего подобного, но я уверен, что другие игроки уважали его. Думаю, что он их немного пугал. Но он не рычал, отдавая приказы, и не творил ничего такого».

Джордан вскоре узнал, что Манн изучает средства массовой информации с надеждой на то, чтобы в будущем найти работу в киноиндустрии Голливуда. «Майкл считал, что это безумная затея, – вспоминал Манн, – а после этого подошел ко мне и сказал: «Знаешь, тебе надо пообщаться с женой Дина Смита». Жена Дина Смита была психиатром, и каждый раз, когда я видел Майкла, он спрашивал: «Ты уже сходил к жене Смита? Поговорил с ней?» Он считал смешным тот факт, что кто-то вроде меня хочет переехать в Лос-Анджелес и надеется хоть на какой-то шанс получить работу в кинобизнесе».

Эти поддразнивания продолжались пару недель, Джордан подкалывал Манна, насмехаясь над его планами по покорению Голливуда всякий раз, когда они пересекались. Именно тогда Манн понял, что каждый человек, выживший после общения с Джорданом, должен был осознать одну вещь – нужно уметь давать сдачи.

«Наконец я сказал ему: «Майкл, пойми, это моя мечта. Я всегда хотел работать в кино. У тебя самого разве никогда не было мечты?» Он ответил: «Да, у меня есть мечта – играть в NBA». После этого разговора он больше никогда не задевал меня по этому поводу».

Джордан вскоре узнал, что у Манна, учившегося на факультете журналистики, был в комнате видеомагнитофон, что было редким явлением в те времена, когда видеотехнологии еще были относительно новым явлением и стоили довольно дорого. Вдобавок Манн был ярым баскетбольным фанатом, он записывал игры Каролины на пленку. Джордан начал захаживать к нему, чтобы посмотреть на свою игру в записи.

«Это было так давно, в те времена, когда пульт управления был проводным, – вспоминал Манн. – Приходилось вертеть этот пульт с 12-футовым проводом в стороны, чтобы он работал. Майкл сидел и смотрел на себя, а потом пересматривал. Думаю, что он многому научился таким образом. Не знаю, как много времени уделяли этой работе с видео тренеры, но он точно очень часто этим занимался, пользуясь моим VCR».

Игрок, который сделает столь многое для развития эпохи видео, получал первую возможность изучить свою игру со стороны. Одной из первых кассет, которую Джордан и Манн посмотрели вместе, была кассета с записью чемпионского матча

против Джорджтауна. Во время трансляции комментатор Билли Пэкер обронил фразу, что Уорти – быстрейший из игроков Каролины.

«Это полная ерунда, – засуетился Джордан. – Я – самый быстрый в команде».

Когда они дошли до момента с решающим броском Джордана, Манн задал ему вопрос об этом эпизоде. «Майкл сказал, что в момент своего заключительного броска не был уверен в том, что находится там, где тренер Смит хотел бы его видеть. Он думал, что облажался. Майкл сказал мне, что тогда немного запутался и не знал точно, где должен был находиться при розыгрыше. Вышло так, что он оказался никем не прикрыт, решил бросить и попал».

С началом сезона Джордан стал регулярно заходить в комнату к Манну, чтобы изучать свою игру. «Он был молчалив, сидел в полной тишине, – вспоминал Манн. – И почти ничего не говорил. Он был целиком сконцентрирован на своих мыслях и стратегических планах, возникавших в его голове. Он ничего не говорил, когда смотрел пленки, так что я, по сути, оставлял его в одиночестве».

Однажды Джордан натолкнулся на Манна в коридоре, когда тот пытался загнать мячик в стакан. «Он тоже захотел сыграть и предложил делать ставки на попадание, – вспоминал Манн. – Мячики были маленькими, всего по четвертаку или по десять центов, но мы все равно играли минут 30, и я побеждал его. Мне уже нужно было идти на лекцию, а Майкл не давал уйти. Он заставил меня остаться, но я не хотел проигрывать, а потому продолжал попадать в стакан».

Наконец, рассердившись, Джордан швырнул на пол клюшку и ушел. «Он остался должен мне 75 центов, – вспоминал Манн, – но так и не отдал этих денег».

Прогресс

После поездок в летние лагеря, дворовых битв и индивидуальной работы к тренировкам с командой Смита приступил уже обновленный Джордан. «Предсезонная подготовка, второй курс, – вспоминал позже Смит. – Я поверить не мог в то, как сильно он прибавил после окончания предыщущего сезона. Каждый раз, когда он практиковался с командой Синих, Синие побеждали. Каждый раз, когда он тренировался с Белыми, Белые побеждали. Тренеры в штабе начали спрашивать друг у друга: «Что тут вообще происходит?» Он не попал ни в одну

предсезонную сборную лучших игроков Америки, но вырос на 5 см и здорово поработал летом над улучшением контроля мяча и качеством бросков, а уверенности у него было выше крыши».

«Дин всегда говорил, что наибольшего прогресса ребята обычно добиваются в период между первым и вторым курсами учебы, – говорил Арт Чански. – После года занятий баскетболом он всегда рассказывал им, над чем каждому из них нужно поработать. Если они возвращались и работали над собой, они видели плоды своих трудов, потому что уже год провели в студенческом баскетболе. Они становились крепче физически и начинали демонстрировать буквально квантовые скачки в играх – если, конечно, работали над этим. Майкл вернулся, и все были поражены: «Вау, ничего себе!»

Он стал больше, сильнее, быстрее. Время, за которое он пробегал 40 ярдов, упало до 4,39 секунды, он почти на две десятых секунды был быстрее самого себя, когда был первокурсником. Все стрелки, казалось, указывают наверх. В моменты беспечности Джордан признавал, что его цель – выиграть еще несколько национальных чемпионатов, что свидетельствовало о непонимании им того, как здорово ему повезло выиграть хотя бы один. Шансы на еще один титул были бы выше, если бы Дин Смит повел себя чуть эгоистичнее и убедил бы Джеймса Уорти остаться в Северной Каролине на последний, выпускной год.

Однако тренер продолжал ставить успех игроков выше своего собственного, выше даже командного благополучия. Другой тренер сказал бы Уорти, что сейчас у «Тар Хиллз» есть шанс выиграть два национальных титула подряд. С Уорти Каролина возвратилась бы в сезон с четырьмя игроками в основном составе, способствующими завоеванию титула в прошлом сезоне, такая команда могла переписать историю. Однако вместо того, чтобы приложить какие-то усилия к тому, чтобы надавить на Уорти, убедив его остаться, Смит начал изучать перспективы Уорти в преддверии грядущего драфта в NBA.

Когда он узнал, что у Уорти есть все шансы получить высокий номер драфта, то по-доброму посоветовал ему подать заявку на «hardship»[25] и с получением этого статуса попасть на драфт. Риск получить травму и потерять огромные суммы денег был слишком велик в случае Уорти, чтобы он согласился продолжать играть в баскетбол на студенческом уровне. Этот эпизод в очередной раз демонстрирует исключительную честность и порядочность Смита, еще одну причину, по которой его игроки отзывались о нем столь высоко. Пятью сезонами ранее он сделал то же самое с разыгрывающим защитником Филом Фордом,

настояв на том, чтобы его подопечный стал профессионалом после третьего курса, вспоминал Арт Чански. Форд, однако, отказался уйти, объяснив Смиту свой отказ вопросом: «А кто скажет об этом моей матери?» Он вернулся в Каролину и в том последнем сезоне стал игроком года.

Семья Уорти тоже ставила образование Джеймса в приоритет, но Смит подчеркивал, что пойти на драфт будет верным шагом. В итоге Уорти был под первым номером драфта выбран клубом «Лос-Анджелес Лейкерс». Чтобы заменить его в команде, Смит привел очередную партию игроков из числа лучших американских баскетболистов-школьников, среди которых были 17-летний Брэд Догерти ростом в 7 футов (213 см) и атлетичный 195-см защитник Кертис Хантер, а потому состав претерпел серьезные изменения. Сезон «Тар Хиллз» все же начала в ранге лучшей студенческой команды страны, однако почти сразу утратила этот статус.

Было несколько причин, по которым кампания 1982/1983 г. не оправдала изначальных ожиданий. За шесть недель до начала сезона Джордан сломал левое запястье. Тем не менее он продолжал тренироваться в гипсе. Посреди сезона Базз Питерсон травмировал колено, из-за чего Джордан начал носить свою фирменную повязку на предплечье – это было посвящением его соседу по комнате. Больше всего, впрочем, «Тар Хиллз» ощутила отсутствие в составе Джеймса Уорти. Как отмечал Билли Пэкер, Уорти был потрясающим игроком, оставившим после себя почти невосполнимую пустоту.

Перед началом сезона Дик Вайсс отправился в Чапел-Хилл навестить Джордана. Джордан с гордостью рассказывал о том факте, что он и его отец были фанатами гонок NASCAR. Вайсс отметил, что этот молодой человек имел склонность разрушать самые разные стереотипы. Он был приятным малым, вспоминал в 2011-м Вайсс, добавляя, что не увидел ни в Джордане, ни в его игре абсолютно ничего такого, что послужило хотя бы малейшим намеком на то, что «этот парень – следующий спаситель NBA». Однако уезжал спортивный журналист с убеждением, что следующей весной в схватке за титул вновь сойдутся Джорджтаун и Каролина. Этого так и не случилось.

Несмотря на гипс на запястье, Джордан набрал 25 очков, а Перкинс – 22 в матче-открытии нового сезона, который «Тар Хиллз» проиграла в овертайме Крису Маллину и его команде Университета Сент-Джонс со счетом 78: 74. Неделю спустя она отправилась в Сент-Луис, где вступила в физическую конфронтацию с Миссури и вновь проиграла – 64: 60. Стало ясно, что драмы в новом сезоне будет с избытком. Неудивительно, что

каждая команда, с которой играла «Тар Хиллз», настраивалась на нее по максимуму. Три дня спустя в Чапел-Хилл с визитом пожаловала команда Тулейнского университета с впечатляюще мощным центровым Джоном «Хот Род» Уильямсом в составе. Матч был еще далек от завершения, когда каролинская публика уже смирилась с невозможной мыслью – их команда потерпит три подряд поражения на старте сезона. Ни одна из команд Северной Каролины не совершала ничего подобного с сезона 1928/29 г.

По-настоящему серьезные проблемы начались, когда Перкинс в пятый раз за игру сфолил на 4-й минуте 33-й секунде, после чего огромный (ростом в 205 см) Уильямс получил еще больше свободы на паркете. Тулейн повел 51: 49. Джордан сравнял счет, вовремя сыграв на подборе в атаке и забив мяч за 36 секунд до конца игры. Затем Каролина своим фолом привела Уильямса на линию штрафных бросков, и он реализовал оба, вновь выведя «Грин Вэйв» вперед на два очка. Вновь Джордан получил мяч в заключительные секунды встречи. Он пошел в проход к кольцу, но совершил фол в атаке.

Джеймс Джордан наблюдал за происходящим, сидя между двух своих дочерей. «Я подумал: «Мы проиграли», – вспоминал он в интервью 1984 г. Розлин посмотрела на него и сказала: «Папочка, ты слишком рано сдаешься». Табло показывало 4 секунды до конца, когда Джордан перехватил мяч после вбрасывания и запустил его с дистанции в 35 футов в корзину, сравняв счет вместе с сиреной. «Кармайкл Арена» взревела в восторге, но напряжение еще не спало. Судьба встречи была наконец решена меньше чем за 2 минуты до конца третьего овертайма, когда Джордан промчался вдоль боковой, сделал бросок и заработал фол, после чего преимущество Каролины выросло до пяти очков. «Тар Хиллз» хватило этого для того, чтобы одержать первую победу в году – 70: 68.

«Он начал сезон с гипсом на левом запястье, но все равно выиграл для нас матч с Тулейн», – вспоминал Смит. Расписание дало команде небольшую передышку. Следующим их соперником стал Университет Луизианы, эту игру в спорткомплексе «Медоулендс», Нью-Джерси, они выиграли с разницей в четыре очка. Третья победа была одержана над Санта-Кларой в Гринсборо, а неделю спустя команда отправилась в Талсу, где в начале рождественских каникул должна была участвовать в Oil City Classic.

«Голден Харрикейн» обыграла их в первой игре с разницей +10. «Тар Хиллз» все еще привыкала к жизни без Уорти, который не просто умело работал под щитом, но и был активным на всей площадке. Три дня спустя команда отправилась в Чаттанугу

играть с Университетом Теннесси и за 4 минуты до конца оказалась в положении догоняющих, уступая сопернику одно очко. Джордан выдал один из своих фирменных «моментов MJ», набрав 11 из 17 последних очков команды в игре и обеспечив еще одну победу.

На праздники семья Джорданов собрала чемоданы и полетела вслед за командой в Гонолулу на Rainbow Classic, где в придачу к традиционным гавайским вечеринкам луау получила еще три повода попраздновать: «Тар Хиллз» одержала три победы, включая одну над Миссури (73: 58), которой отомстили за поражение в начале сезона. Этот успех положил начало 18-матчевой победной серии. «Тар Хиллз» прибыла домой и незамедлительно расправилась с «Ратжерс» в Гринсборо, затем поехала в Шарлотт помериться силами с Сиракьюс, после чего переключилась на календарь ACC. Ассистент тренера в Сиракьюс Брендан Мэлоун, тренировавший Джордана в лагере «Файв-Стар», получил возможность оценить прогресс Майкла. «Оранжевые» решили, что будут проверять его на прочность двойной опекой. «Наша задняя линия расставила ловушки, – вспоминал Мэлоун. – Я был впечатлен его хладнокровием под прессингом. Он пошел на двоих, ушел от обоих на дриблинге, пригнулся, увидел сквозь двух соперников вариант для паса и идеально его исполнил. Он никогда не паниковал в подобных ситуациях».

В качестве ответа на затягивание времени командой Смита в битве за титул в 1982-м Конференция внесла изменения в регламент, введя в качестве эксперимента правило 24 секунд и трехочковые броски. Смит больше не мог расставлять игроков по площадке и играть в кошки-мышки с соперником, чтобы удержать хлипкое преимущество. Не могла теперь команда и просто бездумно отсиживаться в своей зоне.

> Теперь команды должны были тщательнее продумывать план защиты периметра.

В первой половине игры с Мэрилендом Джордан набрал всего два очка, но ожил после перерыва, набрав 15. Однако лучший его момент в игре случился в концовке, когда он заблокировал лэй-ап Чака Дриселла, сына тренера Мэриленда Лефти Дриселла, и спас для команды победу, 72: 71.

«Тар Хиллз» еще только предстояло сойтись с Ральфом Сэмпсоном и его Виргинией, но это не значило, что грядущая игра не занимала умы тренеров и игроков. Партнеры по команде Уоррен Мартин, Кертис Хантер и Брэд Догерти тоже квартировали на первом этаже Грэнвилл Тауэрс. «За день до игры игроки стояли в коридоре и обсуждали матч, они были до ужаса

напуганы, – вспоминал Дэвид Манн. – Я хочу сказать, что люди нынче не осознают, как сильно все боялись Ральфа Сэмпсона в то время. Тогда он был Годзиллой баскетбольного мира. Брэд Догерти, тогда еще первокурсник, очень не хотел выходить против Сэмпсона. Итак, парни стоят в коридоре и обсуждают, что будут делать, и сильно нервничают перед игрой. Майкл сидит вместе со всеми, но не говорит ни слова. И вдруг через несколько минут он вдруг вскакивает, подпрыгивая больше метра вверх, и лупит рукой по стене с криком «К черту Сэмпсона!».

Ошарашенные партнеры замолкают.

«После этого все бросились врассыпную кто куда», – вспоминал со смехом Манн.

Первую встречу двух команд в новом сезоне, состоявшуюся на следующий день в «Юниверсити-Холл», транслировал канал NBC. Виргиния шла второй, а «Тар Хиллз» занимала в рейтинге 11-е место. Вдобавок «Кавальерс» стремилась продлить свою 42-матчевую победную серию на домашнем паркете, начатую в эру Сэмпсона. Эта игра стала первой домашней для Виргинии за почти шесть недель, а одного присутствия на площадке «Тар Хиллз» было достаточно для того, чтобы завести 9000 болельщиков, взрывавшихся в восторженном гуле всякий раз, когда Сэмпсон приближался к корзине во время разминки. Увидев же Смита, стоявшего у своей скамейки с сияющим в свете телевизионного освещения чемпионским перстнем NCAA, они загудели от негодования и принялись скандировать: «Дин, присядь! Дин, присядь!»

«Тар Хиллз» незамедлительно взяла Сэмпсона под усиленную опеку в зоне и забросила серию трехочковых бросков, поведя +12. К середине игры атмосфера на маленьком стадионе установилась гнетущая: публика была разочарована. Смит повесил на одно плечо Сэмпсона семифутового новичка Брэда Догерти, а на другое – двухметрового Сэма Перкинса и вдобавок дал указание вингам в любой момент смещаться к ним на помощь. «Тар Хиллз» эффективно лишала его мяча, мешая при этом остальным игрокам Виргинии развить хоть какую-то стабильную активность в нападении. В первые 20 минут Сэмпсон забил лишь два броска из восьми. Перкинс тем временем выдал один из лучших перформансов в карьере по части результативности, набрав 25 очков в первой половине и трижды реализовав трехочковые.

После перерыва арена погрузилась в почти что гробовую тишину, когда Сэмпсон совершил свои третий и четвертый фолы, а Северная Каролина увеличила свой отрыв до 23 очков, поведя 85: 62 за 9 минут 41 секунду до конца игры. Потом спустя 2

минуты Сэмпсон забил свой первый трехочковый в сезоне, бросив мяч из-за дуги слева с дистанции в 19 футов, и Виргиния начала камбэк. Ее игроки Рикки Стоукс, Джимми Миллер, Рик Карлайл, Тим Маллен и Отелл Уилсон набирали очки, каждый. Затем забил Сэмпсон. Следом Карлайл реализовал трехочковый. За пятиминутный отрезок матча «Вахуз» сократила отставание с 23 очков до шести. За 2 минуты до конца, когда Каролина удерживала преимущество 96: 90, Сэмпсон выпрыгнул справа от линии в попытке забить коротким джампером. Джордан одновременно выпрыгнул с другой стороны линии и яростно ударил по мячу, заблокировав бросок.

Эпизод заставил журналистов, сидевших на местах для прессы, удивленно ловить воздух ртом. Стоявший у боковой линии тренер Виргинии Терри Холланд зааплодировал. «Майкл и Дэвид Томпсон, – вспоминал Холланд, – были единственными игроками, которые в играх с моей командой показывали такое, что заставило меня аплодировать им в искреннем изумлении… пока до меня не доходило, что я поддерживаю соперников собственной команды».

«А еще я в это же время кричал рефери, что «это была помеха», – говорил Холланд. – Думаю, что рефери были поражены и изумлены так же, как я, и не могли осознать, как ему это удалось сделать. Технически блок-шот можно было классифицировать как помеху – мяч наверняка летел уже в цель, когда Ральф отпустил его, находясь над кольцом. Он летел, как ракета «Титан». Не совсем понимаю, почему Джордан вообще задумался о том, чтобы пойти за этим мячом».

«То были мои молодые годы, – сказал Джордан 15 лет спустя, признавшись, что понятия не имеет, как ему удалось сделать блок в том эпизоде. – Я удивил самого себя. Это был красивый момент моей игры, и в какой-то степени он вытолкнул меня вверх, к моей карьере. Никто не мог просто сказать, на что я способен. Я сам не мог бы сказать вам, на что способен, а на что нет. И в этом заключалась красота».

Играя в тесных рамках системы Смита, Джордан не мог и близко подобраться к раскрытию полного спектра своих талантов, ему только предстояло узнать пределы своих возможностей.

Спустя 14 секунд после блока Отелл Уилсон забил трехочковый, и Виргиния подтянулась очень близко: –2 за 52 секунды до сирены. Но соперники заставили «Кавальерс» фолить, и Джордан на пару с Джимми Брэддоком реализовали свои штрафные, доведя счет до итоговых 101: 95 в пользу своей команды. В тот день Сэмпсон покинул «Юниверсити-Холл», не поговорив с репортерами.

Одержав победу, Каролина вышла на первое место в ACC. Затем «Тар Хиллз» обыграла «НК Стэйт» и «Дьюк Блю Девилз» с большой разницей в счете. С уходом Уорти в NBA Джордан начал опускаться ниже к зоне штрафного броска, где стал демонстрировать первые проблески своего умения играть спиной к сопернику, которое станет фирменным элементом его игры на профессиональном уровне. Он продуктивно бегал по площадке и часто извлекал личную выгоду из того, что оказывался у Смита открытым игроком во второй фазе прорыва. Даже когда Джордан был закрыт соперниками, он мог сделать бросок благодаря быстрому первому шагу и прыжку. Периодически его все же наказывали за этот маневр, фиксируя пробежку, но Смит нашел выход, отправив в NCAA видеокассету с замедленной съемкой его первого шага, чтобы доказать, что Джордан не нарушает правил. Кроме того, Каролина часто прибегала к неожиданным рывкам и «бэкдор кат»[26], помогавшим такому атлетичному игроку, как Джордан, набивать статистику.

«Джордан работал так усердно, как ни один другой игрок, особенно блестящий, талантливый игрок, – сказал тренер Дьюка Майк Кшишевски после январской игры между командами. – Он задавал тон игре. Каждый раз, когда я видел его в игре, он был очень силен психологически. Он говорил: «Я хочу мяч, дайте его мне. Я буду работать». Он был просто великолепен. Мы хотели закрыть его. Мы все расписали, сделали диаграммы и сказали: «Вот как мы будем действовать». Но он все равно сделал то, что хотел. Меня это восхищает. Даже промахиваясь с бросками, он очень усердно работал, чтобы получить возможность их сделать. Он не дал нам ни единого шанса вернуться в игру».

Серия Джордана продолжилась в игре с командой Технологического института Джорджии, в которой он реализовал 11 бросков из 16 на пути к своему рекордному результату в студенческой карьере – 39 очков за игру. В совокупности он предпринял семь попыток забить трехочковый. И шесть из них оказались удачными.

Его усилия впечатлили комментатора ESPN и бывшего тренера Дика Витале, когда Виргиния приехала с визитом в «Кармайкл Аудиториум». Победная серия привела «Тар Хиллз» на первое место, тогда как Виргиния шла в табели второй. Люди, имевшие отношение к спортивным СМИ Виргинии, были раздражены поведением Витале, которого они обвиняли в том, что он запустил персональную кампанию против Сэмпсона в ходе голосования за Лучшего игрока года в стране. Витале превозносил таланты Джордана, но Терри Холланд и пиар-отдел Виргинии сочли, что Витале не просто поддерживал Джордана, а

ехидно атаковал Сэмпсона.

Витале употребил применительно к Сэмпсону слово «суперзвезда» с оттенком насмешки, утверждали они. Комментатор почувствовал, что его неправильно поняли. Он сказал, что Сэмпсон, в отличие от других великих центровых, играл в Виргинии с менее талантливыми партнерами. Но временами, отмечал Витале, Сэмпсону не хватало энтузиазма во время его заключительного сезона в колледже, тогда как Джордан буквально сочился им.

Тридцать лет спустя Холланд говорил, что уже «не было никаких споров относительно того, был ли Майкл адекватным кандидатом на громкий титул, было ли у Дика полное право голосовать за того, за кого он хотел, и «рекламировать» того, кто ему нравился. Но наши возражения касались его комментариев о том, почему Майкл должен быть Лучшим игроком года вместо Ральфа. Это был просто Дик во всей своей красе, со своей склонностью увлекаться. Причин же критиковать Ральфа с целью продвинуть своего кандидата было откровенно мало». Холланд добавил, что Сэмпсон, проучившись четыре года в колледже, уже дважды был Лучшим игроком года.

Спор будет разрешен на паркете «Кармайкла». Шум, который перед началом матча исходил от забитого до отказа сектора студентов-болельщиков, был таким оглушающим, что игроки Виргинии едва могли расслышать свои имена при объявлении составов. Тем не менее они сыграли блестящий матч и за 9 минут до конца второй половины имели 16-очковое преимущество.

Когда до конца оставалось 4 минуты 48 секунд, игрок Виргинии Джимми Миллер завершил розыгрыш точным трехочковым броском, и его команда повела 63: 53. «Кавальерс» больше не забила ни разу, начав спотыкаться на ровном месте: ее потери и перехваты Каролины следовали один за другим. За минуту и 20 секунд до конца, когда его команда еще вела 63: 60, Сэмпсон смазал штрафной бросок. Затем случился коронный номер. За 51 секунду до конца Джордан украл мяч у Рика Карлайла в середине площадки и сделал рывок к кольцу, вколотив в него мяч. Каролина повела 64: 63. Десятилетия спустя этот момент по-прежнему будет вызывать приятную ностальгию у тех, кто видел его своими глазами. Виргиния затем впустую потратила заключительные 50 секунд, пока Карлайл за 5 секунд до конца не выпрыгнул в попытке забить джампером издалека, но промахнулся.

Последний ключевой подбор остался за Джорданом – он перепрыгнул Сэмпсона, о чем весьма красноречиво вспоминал Билли Пэкер: «Конкретно в этот год лучшие эпизоды с его

участием случались не в нападении. Они показали мне, во-первых и в-главных, что он обладает невероятным соревновательным духом, но кроме того умело обороняется. В 1983-м я узнал его больше, открыв для себя то, как здорово он умеет опекать соперников. Очевидно, что он был отличным снайпером, но действительно феноменально играл именно в защите».

Холланд соглашался. «Майкл был великолепным разносторонне развитым баскетболистом в колледже, но эффективнее всего он действовал в защите, – вспоминал он в 2012-м. – А подготовить такого игрока гораздо сложнее, чем выдающегося нападающего, поскольку к защитнику не применишь двойную опеку и не найдешь способов не дать ему мяч».

Каролинская публика еще долгое время после окончания матча стоя аплодировала своим. «В тот вечер мы вернулись в общежитие, – вспоминал Дэвид Манн, – и у меня совершенно пропал голос, я сорвал его криком. Я спустился вниз к автомату со снеками, и тут спускается Майкл. Мы там были вдвоем, я говорю с ним о том, какой великолепной получилась игра и как круто он сыграл. Он отвечал сухо: «Ага. Ну да. Хорошо». А потом начал говорить об учебе. Он был совершенно равнодушен к случившемуся, как будто ничего и не произошло. Ему даже поговорить об игре было неинтересно».

Три дня спустя в город приехала Вилланова играть реванш регионального финала 1982 г. Эдди Пинкни продолжал поддерживать связь с Сэмом Перкинсом, казалось, что земляки-ньюйоркцы горят желанием узнать любую инсайдерскую информацию о своих командах. Некоторую часть разговора они посвятили обсуждению возрастающей конкуренции между конференциями. Вилланова входила в конференцию Биг Ист, в которой играл Джорджтаун.

«Мы не хотели слишком-то брататься, потому что у них были все возможности унизить тебя, если ты позволишь им это сделать, – вспоминал о «Тар Хиллз» Пинкни. – Перкинс говорил, что Джордан – лучший игрок из всех, кого он когда-либо видел. А я, разумеется, говорил, что лучшим был Юинг. Для нас поездка туда и возможность сыграть против Джордана и команды, представляющей ACC, команды номер один в то время, уже было незабываемым опытом, ведь в те времена ACC правила бал. Они были ведущей конференцией, и все лучшие игроки были у них».

«В то время они были номер один, и к тому же у них был Джордан, – объяснял Пинкни. – Мы не верили, что сможем с ним справиться. Ты просто нутром чувствовал, что этот парень – выдающийся игрок. Ты говорил себе как игроку: «Я уже видел

игру этого парня прежде. Когда же *оно* случится?» Потому что ты знал, что это произойдет. «Когда он возьмет игру в свои руки?»

В тот день этого не случилось. Джордан сыграл не слишком здорово, и Вилланова сумела нанести поражение лучшей команде страны на ее родной площадке. «Они должны были просто размазать нас, но мы дали им достойный отпор, – говорил Пинкни. – Мы прыгнули выше головы».

Поражение пустило «Тар Хиллз» под откос. Три дня спустя она отправилась в Мэриленд и проиграла с разницей в 12 очков, потом спустя еще три дня уступила «НК Стэйт» семь очков, предвосхитив свое поражение от «Вулфпэк» в грядущем полуфинале турнира ACC того года. Игроки Джима Вальвано поймали такой ритм, на котором дошли аж до самого финала национального чемпионата, в котором сотворили невозможное, победив Хьюстон.

«Хиллз» тем временем пробилась в региональный финал NCAA в Сиракьюс, где ее съела Джорджия, 82: 77. Джордану выпало несколько возможностей блеснуть красивыми данками во время прорывов, но добыть для команды победу он не смог. После матча он сказал Рою Уильямсу, что выгорел и собирается взять паузу, отдохнуть от баскетбола. Ассистент тренера понял, каким тяжелым оказалось соревновательное бремя, легшее на плечи Джордана с уходом Уорти. Система игры Смита помогала облегчить его положение, но, чтобы каролинская баскетбольная машина продолжала свое движение вперед, Джордан должен был показывать свою лучшую игру в каждом матче. Уильямс сказал Джордану, что взять перерыв – хорошая идея, а потому был ощутимо удивлен, когда на следующий день увидел Майкла в спортзале, работающим над своей игрой. На вопрос о причинах перемены планов Джордан просто ответил, что должен стать лучше.

Под конец сезона амбиции «Тар Хиллз» получили серьезный удар, но репутация Джордана лишь окрепла, поднявшись на несколько ступеней вверх. Теперь в нем видели «лучшего защитника страны с большим отрывом», как писал *Sports Illustrated.* И это спустя какой-то год после того, как он, будучи первокурсником, поразил тренерский штаб своим почти полным безразличием к игре в защите. «Кажется, что Джордан всегда знает, где мяч и куда он направляется, – говорил форвард Мэриленда Марк Фотергилл. – Он бегает вокруг как безумец, покрывает всю площадку и всячески сбивает всех с толку».

Благодаря началу эксперимента ACC с трехочковыми бросками Джордан сумел поднять свой средний показатель на уровень в 20,0 набранных очков (этого хватило, чтобы стать

лидером в ACC) и 5,5 подбора за игру. И все равно он не был доволен. С игры он забивал в 53,5 % случаев, но забивать дальними бросками из-за дуги, имевшими критически важное значение для Каролины, которой приходилось противостоять такому количеству плотно играющих в зонах команд, получалось у него не так часто, как в первый сезон, когда он только пришел в команду. «Думаю, что трехочковые изменили мое мышление, – решил он. – Я давил, слишком часто пытаясь забивать издали». На самом деле он имел впечатляющий результат в 44,7 % реализованных трехочковых бросков, этого показателя было достаточно, чтобы занять четвертое место среди защитников Каролины. «Плюс дуга моих бросков становилась все выше и выше, – говорил он. – Думаю, что победный бросок в 1982-м ударил мне в голову или типа того. Я пересмотрел его в записи, наверное, раз 30. Тот бросок был подобен радуге. Вау».

Будучи первокурсником, он ни разу не получал награду Лучшему защитнику, которую тренеры Каролины присуждали игрокам после каждой игры, но на втором курсе она покорилась ему 13 раз. Он проскальзывал в бреши между соперниками, через которые шли передачи, и делал «отклонения»[27], использовал свои длинные руки, чтобы выбивать мяч из рук соперников, подкрадываясь к ним со спины, и в результате набрал 78 перехватов по итогам сезона, остановившись в шаге от рекорда Каролины, принадлежащего Дадли Брэдли. Столь активная игра в защите привела к тому, что он набрал суммарно 110 персональных фолов и удалялся из-за нарушений в четырех играх, каждую из которых «Тар Хиллз» проиграла.

> Помимо статистики в его активе было и несколько выдающихся перформансов.

К примеру, в одном из матчей он перепрыгнул через голову защитника «НК Стэйт» Сидни Лоу. А один из его слэм-данков в игре против Технологического института Джорджии *Sports Illustrated* назвал «деморализующим». Он оторвался от пола с линии штрафного броска, провисел в воздухе обескураживающе долго, а затем в последний момент изменил направление своего данка, отклонившись в сторону. «Я подумал, что вижу Супермена во плоти», – воскликнул после матча игрок Джорджии Тим Харви.

Легенда Джордана вновь отправилась «по грибы», за наградами. Его включили в первую сборную лучших игроков ACC и во Всеамериканскую команду AP (Associated Press), пусть ему и не удалось отобрать награду Лучшему игроку года у Сэмпсона. Джордан все же стал вторым на вручении наград Игроку года в стране по версии AP, а издание *Sporting News* назвало его лучшим

баскетболистом года среди студентов. «Он парит по воздуху, – отмечал спортивный еженедельник. – Он подбирает, забивает (более 1100 очков за два года, рекорд университета), опекает двоих игроков сразу, как пылесос собирает все ничейные мячи, блокирует и перехватывает. Но самое важное, он решает матчи в концовках, выигрывая их для своей команды».

Несмотря на все это, Джордан погрузился в глубокую панику в связи с неожиданно скорым окончанием сезона. «Оно оставило горький привкус во рту, – сказал он позже в тот год. – Может, меня испортило то, что я выиграл чемпионат NCAA уже первокурсником». Вдобавок он был разочарован некоторыми партнерами по команде, которым, как ему казалось, не хватает необходимой спортивной злости и заряженности на победу. Подобные сомнения в собственных партнерах постоянно станут актуальной темой в его жизни, и он часто это признавал. «Было трудно иметь дела с парнями, лишенными стремления соревноваться и побеждать, – объяснял он много позже. – Я всегда подвергал испытаниям этот аспект характера своих партнеров как на площадке, так и за ее пределами. Начинаешь дразнить их, чтобы понять, смогут ли они дать сдачи. Если они не ведутся, ты понимаешь, что можешь доверять им в моменты, когда давление в игре велико». Он утверждал, что научился лучше справляться с этими проблемами, когда стал профессионалом, однако многие из его партнеров по «Буллз» не соглашались с этим.

Дэвид Манн вспоминал, что из-за разочаровывающей концовки сезона в холле Грэнвилл Тауэрс стало непривычно тихо. «Никто не обсуждал провал». Наконец Манн набрался храбрости и спросил у Джордана, что он думает о выигрыше «НК Стэйт» национального титула. «Он сказал: «Знаешь, чувства смешанные. Мне симпатичен «Стэйт», но чемпионами должны были стать мы».

Позднее будет объявлено, что Джордан в поисках успокоения своих необузданных эмоций, вызванных поражением от Джорджии, начал играть в гольф; кто-то скажет, что игре его учили Базз Питерсон и Дэвис Лав III, который тогда входил во Всеамериканскую сборную по гольфу от УНК. В этой истории есть крупицы правды, но происходило все более плавно и поступательно.

Питерсон играл в старшей школе в гольф и был знаком с Лавом, отец которого давал уроки гольфа Дину Смиту. Питерсон, Лав и Рой Уильямс много дней проводили на полях для гольфа, а Джордан не любил оставаться в одиночестве и чувствовать себя лишним. Лав вспоминал, что он начал увязываться за ними. «В итоге он начал ездить на гольф-карте, а со временем захотел и поиграть, так что мы с Баззом собрали кучу клюшек и старых

мячей и начали его учить… В каком-то смысле мы создали настоящего монстра», – вспоминал Лав. Брэд Догерти, Мэтт Доэрти и несколько других игроков тоже время от времени присоединялись к их компании. Как всегда жаждущий соревноваться Джордан вместе со своими партнерами по команде приходил на тренировочное поле для гольфа работать над свингами.

«Многие игроки приходили поиграть, – вспоминал Лав. – Как-то раз тренер Смит сказал: «Все игроки ушли на тренировочное поле. Не мог бы ты пригнать их обратно в спортзал?»

«Было весело познакомиться с ним и понаблюдать за тем, как он рос, – говорил Лав много лет спустя. – Лучшее в гольфе для него – возможность заниматься чем-то вдали от толпы, от статуса мировой знаменитости. Думаю, что именно по этой причине он ему так нравится. Играть в гольф сложно, он бросает тебе вызов, но гольф служил Майклу убежищем, в которое он мог уйти от баскетбола».

Были у него и другие отдушины помимо гольфа. Арт Чански вспоминал: «В Грэнвилл Тауэрс у них была софтбольная команда со всеми баскетболистами в составе, она играла в «чемпионате кампуса», и Майкл был большой звездой там. По-моему, он был шорт-стопом. Его участие собирало большие толпы зрителей, приходивших посмотреть за игрой на поле, находившееся на территории кампуса. Но тогда парни вели себя не так, как сейчас, когда они могут жить в апартаментах. Тогда все вместе жили в Грэнвилл Тауэрс и вместе тусовались. В этом было что-то особенное. Другие были времена. Он был на пути к славе, должен был стать звездой, однако никто и предположить не мог, звездой каких масштабов».

Pan Am

Быть может, Джордан и нуждался в отдыхе от баскетбола, но Панамериканские игры, проходившие в Каракасе, Венесуэла, вскоре вынудили его вернуться в строй. Он был более чем мотивирован попасть в сборную Соединенных Штатов Америки после разочарования в NCAA. Игры могли стать для него важным международным опытом, но главным образом они давали возможность просто поиграть в баскетбол.

«Я дождаться не мог следующей игры», – вспоминал он.

Пройти просмотр для попадания в состав на Игры съехались десятки игроков двух американских сборных среди любителей. Тренировал команду Джек Хартман из Канзас Стэйт, работавший

под неусыпным взором тренера Индианы Бобби Найта, которому затем доверят возглавить сборную США на Олимпийских играх – 1984 в Лос-Анджелесе.

Эд Пинкни вспоминает, что Джордан играл с таким ожесточением и позволял себе так много трэш-тока, что удивил и Пинкни, который никогда не слышал ничего подобного даже в Нью-Йорке. Позже он вспоминал: «В эту команду пыталась попасть, наверное, целая сотня ребят. И тренеры нас разделили. Я никогда не забуду, как он играл на этих просмотрах. Нас распределили в группы по четыре человека. Я был в команде Майкла. Бобби Найт стоял на подмостках в центре площадки и наблюдал за всеми паркетами сразу. Кажется, с ним там были и другие тренеры. С Майклом в составе команды мы не проиграли ни одной игры. Это было забавно. В каждой игре все играли до семи. У тренеров был секундомер, и нужно было играть до семи очков либо до того момента, пока не выйдет время».

Процесс отбора кандидатов выстроили таким образом с целью максимального увеличения конкуренции, но Джордан на самом деле минимизировал ее. Пинкни говорил, смеясь: «Мы выходили на одну площадку и обыгрывали соперника 7: 0. Потом шли на следующую и побеждали там 7: 3, а он забивал пять бросков подряд. Ну, может, еще кому-нибудь удавалось разок-другой попасть в корзину. Это было просто смешно. Вот тогда я и сказал себе: «Он не поддается контролю, как же он хорош!»

Пинкни и Джордан попали в команду вместе с Крисом Маллином, Леоном Вудом, Майклом Кейджем, Сэмом Перкинсом, Марком Прайсом, Уэйменом Тисдейлом, Энтони Тичи и еще несколькими игроками. Хартман повез их в Канзас провести два подготовительных матча против команды, составленной из игроков NBA, в числе которых были Ларри Дрю и Эдди Джонсон из «Канзас-Сити Кингс».

«Некоторые ребята говорили об NBA, – вспоминал Пинкни. – Мы все знали, что Майкл там окажется. Не было никаких вопросов относительно того, будет он там играть или нет. Он знал, что будет. Но нам всем было в каком-то смысле интересно посмотреть, как он справится с профессионалами. Он доминировал в тех двух матчах. Совершал перехваты. Тогда я впервые увидел, как он делает крэдл-данк. У него вообще не было никаких проблем в играх с этими парнями, вообще. Он превосходил всех на голову».

На территории отеля было небольшое поле для гольфа, рассчитанное на пар-3, и оно незамедлительно привлекло к себе внимание Джордана. «Единственное, чем он хотел заниматься в свободное от баскетбола время – играть в гольф, – вспоминал

Пинкни. – Мы тренировались, а потом этот парень приходил на поле и проводил там время. Больше он ничем не занимался. Он играл на поле, а потом мы шли на тренировку. То же случалось, когда мы уходили куда-нибудь погулять. Он просто обожал играть. Я знал, что он мало спит. Он все время тусовался с Леоном Вудом. Эти двое всюду ходили вместе».

По пути в Венесуэлу сборная остановилась в Пуэрто-Рико, чтобы сыграть там выставочный матч. Тичи вспоминал, что, несмотря на то что пуэрто-риканские игроки наверняка не понимали Джордана, его это не останавливало и он не отказывался от трэш-тока. «Он всегда считал, что этим ребятам нужно напоминать – игру вообще-то изобрели мы. Каждый раз, когда мы ехали за границу, он был предельно мотивирован. И не стыдился этого».

Оттуда сборная США отправилась в Венесуэлу на августовские игры и по приезде обнаружила, что общежитие, в которое ей предстояло заселиться, представляло собой нечто чуть комфортнее бетонной камеры. Менеджером команды на Играх был Лон Крюгер, который впоследствии сделает карьеру тренера в студенческом баскетболе и NBA. «Деревня для спортсменов была не достроена, – вспоминал Крюгер. – Окна не вставили. Двери не повесили. Мы все смотрели друг на друга в недоумении: «Что тут вообще происходит?»

Джордан окинул взглядом голые бетонные стены, затем бросил на пол свою дорожную сумку и сказал: «Приступим к работе». Хартман был поражен его деловым подходом, он не ныл и не жаловался на условия проживания.

«Майкл Джордан выступил вперед и сказал: «Это деревня для спортсменов. Нас все устраивает», – вспоминал Крюгер. – А когда это сказал Майкл, все остальные с ним согласились».

Вуд, который впоследствии станет рефери в NBA, вспоминал, что Джордан относился ко всему этому в стиле «мы все равно ничего не можем с этим поделать». «Мы здесь, чтобы взять медаль, – сказал Джордан своим партнерам. – Давайте займемся делом».

Американцев ждали восемь игр в течение 12 дней, все против иностранных команд. В первой игре американцы быстро отстали в счете от сборной Мексики, 20: 4, а Джордан усугубил тендинит в правом колене. Стиснув зубы, он сумел превозмочь дискомфорт и помог команде добыть победу. Во второй игре, против Бразилии, он играл через боль и набрал 27 очков, заодно сделав данк, который помог сборной США добыть волевую победу. После матча он сидел на скамейке с ледяным компрессом на ноге. «У меня тендинит после старой травмы, – сказал он репортеру. –

Проблемой это не будет. Кроме того, я ни на что не променяю возможность сыграть здесь».

Несмотря на травму, Джордан шел в атаку на каждого следующего соперника. Пинкни вспоминал: «Он перехватывал мячи в защите, бросал из-под опеки в нападении. Если что-то шло не так, он приходил в бешенство. Он играл яростно. Он был своего рода лидером команды, так что, когда ты выходил на площадку, то должен был показывать класс. Парни, которым мы противостояли, были иностранцами-профессионалами и играли за рубежом, в Европе и Южной Америке. Чтобы вы поняли, мы играли против парней старше нас возрастом. Но он выходил на паркет, и ему было плевать. Все было в стиле «играй или дай кому-нибудь другому выйти на площадку».

По время турнира у Джордана временами были трудности с дальними бросками. Выход из трудной ситуации нашел разыгрывающий защитник Марк Прайс. Билли Пэкер отмечал, что «наши парни играли неважно. Мы оставляли много свободных зон. Мало бегали, другие команды нашими зелеными пацанами было не напугать. Марк Прайс, пожалуй, вытащил больше игр, чем кто-либо другой. Майкл был хорош, но не блистал».

Джек Хартман, впрочем, был весьма впечатлен. «Этот парень попадает в цель так легко, как никто прежде, – сказал тренер впоследствии. – Иногда, тренируя его, я ощущал, что меня где-то обманывают. Майкл создавал так много невероятных розыгрышей и эпизодов, что я хотел все их пересмотреть в замедленном повторе. Но не мог, потому что смотрел на его игру вживую».

Джордан стал лучшим снайпером команды, его средний показатель за восемь матчей составил 17,3 очка за игру. Пускай он и упустил свой второй титул NCAA, зато теперь у него была золотая медаль международных соревнований.

Как только он вернулся домой, Делорис Джордан хватило одного взгляда на изможденного сына, чтобы сказать: «Хватит, забудь о том, чтобы идти играть. Никаких дворовых матчей, ты остаешься дома».

Чтобы удостовериться, что он не сбежит, она отняла у него ключи от машины и наказала заниматься тем, на что у него, казалось, никогда не было ни времени, ни желания. Она потребовала, чтобы он хотя бы немного поспал.

Глава 13
Системный сбой

Отдохнув, Джордан вернулся в Чапел-Хилл на исходе лета 1983 г. «Первокурсники уже трепали языками. Я должен был посмотреть, на что они способны», – сказал он. Дин Смит привел в команду двух форвардов, попавших в список лучших американских игроков по версии журнала *Parade*, Джо Вулфа и Дэйва Попсона, но наибольший интерес Джордана вызвал разыгрывающий защитник, рекрутированный из Нью-Йорка. Кенни Смит уже успел заработать прозвище Джет (реактивный самолет), а теперь получил высший балл от Джордана за тест на конкурентоспособность. У него было в избытке и скорости, и проворства. Он не слыл мастаком забивать, но, как и Джимми Блэк, понимал суть игры и роль настоящего разыгрывающего защитника. С возвращением Базза Питерсона после травмы и совершенствованием мастерства второкурсника Стива Хэйла, доказавшего, что он умеет играть в больших матчах, Дин Смит получил в свое распоряжение отличный набор разноплановых игроков на позицию.

«Подстроиться к этой позиции тут сложнее всего, – объяснял тренер *Sports Illustrated*. – Мы очень многого от них требуем».

Наиболее требовательным для них был Джордан, недавно увековеченный в меню ресторана Four Corners, в котором появился сандвич The Jordan – крабовый салат на пите. Лидерская роль Джордана состояла в чем-то большем, нежели просто в приучивании партнеров к страху получить нагоняй. Никто в команде, включая первокурсников, не хотел подвести его. Сам Джордан никак этого не выражал и часто отмечал, он не был студентом-весельчаком и не имел склонности балагурить. Более того, он играл на износ, выкладываясь по максимуму, и требовал того же от своих партнеров, как это было, по свидетельствам Пинкни, в сборной на Панамериканских играх. Часто ему достаточно было просто нахмурить брови, чтобы мотивировать их. Никто не хотел попасть под прицел его хмурого взгляда. По сути, он являл собой образец эффективности. «Будучи выходцем из Нью-Йорка, я видел очень многих игроков большого таланта, истративших его впустую, – объяснял тогда Мэтт Доэрти, учившийся в то время на последнем курсе. – Майкл пускает в ход каждый милиграмм своего таланта».

Ветеранский ростер, казалось, сфокусирован на стремлении соответствовать уровням интенсивности Джордана. Брэд Догерти

теперь был на год старше и гораздо сильнее. Перкинс уже дважды попадал в сборную лучших американских игроков, и вдобавок – как объяснял Джордан скептически настроенному Джеку Хартману – «он всегда там, где он тебе нужен». Третьекурсник Уоррен Мартин обеспечивал Каролине впечатляющую глубину на позиции под кольцом. Догерти был легким форвардом, а восстановившийся после травмы стопы Кертис Хантер давал команде глубину на позиции винга.

Джордан теперь тоже был во многом другим игроком, отточившим мастерство и заряженным на борьбу. Защитник Дьюка Джонни Доукинс наблюдал за прогрессом Майкла. «Джордан вкладывал всю свою энергию, – говорил он. – Не только физическую, как он делал это раньше, теперь он стал обыгрывать соперников умом. Резко ускорился и получил мяч тут. Открылся под навес здесь. Грамотно сыграл в защите там. Из всех игроков он был самым впечатляющим».

> Все это означало, что в сезон 1983/1984 г. Каролина была особенная студенческая баскетбольная команда, одна из лучших за все времена.

Вот что отмечал Билли Пэкер: «Она была невероятной. Та команда была лучшей командой Дина Смита. Поймите, у них была и отличная задняя линия, и великолепная передняя, габариты, взрывная мощь и результативность в атаке, все. У них был опыт. Мы говорим о парнях, которые реально могли играть на высочайшем уровне. В стартовом составе у них были три игрока, бравших национальный чемпионский титул, вот о каком опыте я говорю». Брэд Догерти и Кенни Смит сделают в будущем превосходную карьеру в NBA наравне с Джорданом и Перкинсом, напоминал Пэкер.

То была команда на века, вспоминал комментатор в интервью 2012 г., она была сильнее обеих команд Смита, бравших национальный титул.

Кенни Смит был разговорчивым малым, он частенько заскакивал в комнату к Джордану и Питерсону в Грэнвилл Тауэрс на огонек. Великолепно развитое у Смита видение площадки и умение пасовать быстро помогли ему найти общий язык с Джорданом и на паркете. Их знаменитые аллей-упы приводили в восторг и трепет болельщиков Каролины. «Тар Хиллз» начала кампанию с 21 победы подряд (первые 17 побед были добыты с разницей в среднем в 17,4 очка), прежде чем потерпеть первое поражение, случившееся 12 февраля в Арканзасе. ACC закончила свой годичный эксперимент с введением трехочковых бросков, что привело к тому, что процент попаданий Джордана подрос до

55,1 %. Показатель количества набранных в среднем очков слегка упал до 19,6 за игру, но его концентрация и энергия вызывали восторг у представителей СМИ.

Как-то раз в январе, когда победная серия его команды была в самом разгаре, он удивил спортивных журналистов, явившись на паркет практически лысым. «Мой папа лысый, так что я подумал, что однажды тоже стану лысым, – сказал он им. – Я захотел заранее узнать, как буду выглядеть и чувствовать себя». Репортеры стали смеяться над его объяснением, а потому он быстро признался: «На самом деле парикмахер просто состриг больше, чем я просил».

Со сверкающей на свету бритой головой он выдавал яркие моменты почти в каждом розыгрыше. Но то, что он исполнил в концовке победного для Каролины матча в Мэриленде (74: 62) в январе, вывело Лефти Дриселла из себя, он рвал и метал. Дин Смит потом скажет, что в тот день родился термин «данк-томагавк». Другие назовут этот бросок «колыбельным». Позднее ACC будет использовать кадры с этим моментом в своем промо. Эпизод заронил первое семечко поверья в то, что Джордан умел летать. И вновь это удивило самого Джордана не меньше, чем всех остальных.

«Почти моментально, – вспоминал он потом, – я загнул мяч назад, качнул его с левой стороны в правую и шлепнул, прежде чем опустить вниз… В этом прорыве я увидел шанс попробовать сделать что-то новое и сделал». Для Билли Пэкера этот данк стал откровением. «Я никогда не замечал, чтобы он творил что-то такое же потрясающее, пока не увидел тот данк, который ACC использовала в своем промо-ролике, там, где он подхватил мяч в Мэриленде и вколотил его в кольцо после прорыва на никем не прикрытый щит, – говорил комментатор. – Потому что в Каролине такое делать было попросту нельзя. Если тебе выпадал шанс убежать в прорыв, ты бежал, а потом исполнял стандартный лэй-ап. Нельзя было вколачивать мяч данком-томагавком, когда ты один на один с кольцом. Реакцией было: «Матерь божья!» Тогда я впервые увидел его невероятный атлетизм и ловкость. Впервые заметил нечто подобное в его исполнении».

И действительно, Дин Смит вызвал Джордана в свой офис на следующий день. Сначала он указал ему на то, что Кенни Смит был открыт для проброса, а затем напомнил, что подобные выкрутасы – не в стиле Каролины.

«Я никогда не хотел унижать соперников», – объяснял Джордан.

Арт Чански вспоминал, что Смит отказывался дать продюсерам его телешоу разрешение показать в эфире кадры с

данком. «Он сказал Вуди Дарему и его телепродюсерам, что не хочет, чтобы ролик попал в эфир, потому что считал, что тот прорыв немного унизителен для Мэриленда. Он был очень разозлен на Майкла за этот эпизод».

Джордан принял поправку от своего тренера, хотя позднее отметил, что подобные демонстрации были «частью меня, это мой способ выражать себя».

Энтони Тичи утверждал, что при более близком рассмотрении ситуации можно было выяснить, что и сам Джордан не был до конца доволен ею. «Думаю, что в колледже временами он испытывал разочарование из-за нехватки свободы действий. Я видел это, потому что в старшей школе рядом с ним не было Уорти, или Перкинса, или других парней из студенческой команды. Разочарование вызывал у него недостаток свободы. Но он очень умело его контролировал».

Тичи полагал, что Джордан демонстрировал удивительную зрелость в том, что ограничивал свой выдающийся талант, чтобы встроиться в систему игры Смита. «Не думаю, что он мог бы играть у него в старшей школе», – говорил Тичи. Он своими глазами видел, как Джордан колоссальным образом изменил манеру своей игры, чтобы вписаться в команду Северной Каролины и при этом никогда не получал должной похвалы за то, что ему хватило характера решиться на такие перемены.

Хорошие времена продолжались еще месяц, до тех пор, пока Джордан не отметился 29 очками в выигранном у Университета Луизианы матче, который был омрачен некрасивым «фолом разочарования» в исполнении игрока «Тайгерз» Джона Тудора, сфолившего в тот момент, когда Кенни Смит уже убегал в быстрый прорыв. Тудор жестко, с размаху, ударил Смита в лицо, и защитник-первокурсник рухнул под кольцо на собственную руку. Джордан подлетел и толкнул Тудора, после чего подбежавшие арбитры оттащили его от соперника. Из-за перелома запястья Смит пропустил восемь игр, и, несмотря на то что его сменщик Стив Хэйл очень хорошо играл в его отсутствие, травма Смита многими рассматривалась как главная причина поворотного момента в игре Каролины, утратившей свой победный ритм. Постоянно казалось, что то одна травма, то другая меняет курс движения команд Дина Смита в их лучшие сезоны.

Спустя недолгое время после поражения от Арканзаса в строй вернулся Кенни Смит, которому наложили прорезиненную гипсовую повязку, и Джордан продолжил свою серию ярких выступлений. В игре против Виргинии он набрал 24 очка, забив 12 бросков из 15. В выигранном с разницей в 25 очков матче

против «НК Стэйт» он наколотил 32 очка. А в Мэриленде всегда было что-то такое, что вдохновляло Джордана выдавать свои лучшие данки в играх с этой командой (спортивные обозреватели полагали, что таким раздражителем для него был титул MVP, полученный Эйдрианом Бранчем в игре «Макдоналдс»). В своем последнем матче против команды Лефти Дриселла он набрал 25 очков, поставив точку эффектным данком, на сей раз через голову центрового Бена Коулмана, который сфолил на нем на три штрафных броска. Во второй половине игры с Институтом Джорджии он набрал 18 очков, после чего наступило время его последнего матча в стенах «Кармайкла». Молодая команда Дьюк Майка Кшишевски заставила «Тар Хиллз» сыграть два овертайма, прежде чем сдалась, уступив со счетом 96: 83. Джордан набрал 25 очков, но игра стала предвестником грядущих трудностей. Неделю спустя две команды вновь встретились друг с другом в полуфинале турнира ACC, и «Блю Девилз» огорчила соперников, выиграв 77: 75.

«Самое поразительное в турнире ACC, – отмечал Билли Пэкер, рассуждая о карьере Джордана, – то, что это единственное место за всю карьеру Майкла, в котором он не выделялся на фоне остальных игроков. У него за плечами нет впечаляющей статистики в турнирах ACC. Кроме, разумеется, блестящего сезона в статусе первокурсника, когда он выиграл чемпионский титул у Виргинии».

И вновь поражение в турнире ACC истощит силы Каролины и собьет ее с ритма перед стартом турнира NCAA. «Тар Хиллз» сошлась с Темплом в Шарлотт в 1/16 финала и настрадалась от быстроногого Теренса Стенсбери, набравшего в первой половине игры 18 очков. В попытках удержать преимущество Дин Смит приказал играть аллей-упами на Джордана, и их стало так много, что Майкл утомился и обратился к тренеру с неслыханной просьбой – заменить его, чтобы он мог отдышаться на скамейке. У Каролины было немало проблем с настойчивой зонной защитой тренера Джона Чейни, но аллей-упы в сочетании с габаритами игроков Каролины были слишком мощным оружием, чтобы команда Университета Темпла смогла устоять. «Тар Хиллз» пробилась в 1/8, в рамках которой ей предстояло сыграть в Атланте, на «Омни» – арене, на которой Джордан никогда не блистал. Ее соперником была не имевшая рейтинга «Индиана Хузерс» Бобби Найта, ведомая первокурсником Стивом Олфордом, ее показатели были 22 – 8.

За ночь до игры Билли Пэкер имел разговор с Найтом, в котором они обсуждали то, что «Хузерс» предстояло сделать на следующий день. Найт спрашивал у Пэкера его мнение:

комментатор вспоминал, что тренер Индианы интересовался, есть ли у «Хузерс» шанс как-нибудь обыграть Джордана и «Тар Хиллз». «Я сказал: «Нет, Северную Каролину вам не обыграть». Он ответил: «Да, я тоже так думаю, но все равно кое-что попробую в матче против них. Они, наверное, и так нас обыграют, но никаких «бэкдор катс» я им делать не дам. Я не дам им никаких шансов на джамперы ближе, чем с 18 футов. – Он сказал: – Если они будут забивать джамперами, нам за ними будет не угнаться. Не думаю, что Майкл способен на такие броски, и не считаю, что у них в составе есть кто-то еще, кто способен на это».

Вдобавок Найт решил поставить опекать Джордана Дэна Дакича, который сыграл всего пять игр за весь сезон. Дакич был высок ростом и довольно быстр. Найт планировал, что Дакич сможет осадить Джордана и будет защищать корзину от его проходов. Если Джордан собирался делать джампер, Дакич бросался в close out[28] в надежде отвлечь Джордана от броска. Тренер Индианы дождался момента, когда до игры оставалось 3 часа, и проинформировал своего огромного запасного защитника о задании, которое для него имелось. «Я пошел в свой номер, и там меня вырвало», – сказал Дакич позднее.

Реализации плана Найта помогло то, что в начале игры судьи дали Джордану два фола. Каждый раз, когда он в предыдущих матчах сезона схватывал два фола в первой половине, Смит неизменно сажал его на скамейку. В региональном полуфинале он сделал то же самое, и его за это впоследствии раскритиковали. В первой половине Джордан набрал всего четыре очка.

«Все обвиняли тренера Смита в том, что он держал меня на лавке, – вспоминал Джордан в интервью для Майка Лопрести из *USA Today* годы спустя. – Но и без меня на площадке оставалась сильная баскетбольная команда».

«Майкл был на скамейке в то время, когда Индиана взяла игру под свой контроль», – вспоминал Пэкер.

Пэкер ставил под сомнение целесообразность решения удерживать Джордана на скамейке, пока «Хузерс» продолжала плотно обороняться в своей тыловой зоне. Скорость игры была низкой, отмечал комментатор. «Индиана играет в свою персональную опеку с вытягиванием, почти что зонно. Они не бегают. Эта игра будет короткой из-за такого стиля, а значит шансы игрока схлопотать пять фолов были весьма малы». С Джорданом на скамейке Индиана повела к перерыву 32: 28. Найт решил не отходить от своего подхода в заключительные 20 минут игры. «Когда я вернулся в игру во второй половине, у меня было ощущение, что я пытаюсь впихнуть действия на 40 минут в 20 минут времени, – вспоминал Джордан. – Я так и не смог толком

войти в игру».

«Майкл не делал бросков, – говорил Пэкер, – а защищались они так плотно, что Северной Каролине ни разу не удалось сделать ни одного «бэкдор ката». Но дело было не только в этом. Индиана решила делать в игре только две вещи, и Каролина никак не находила им противоядия».

Найт использовал не слишком высоко ценившегося в команде Дакича для сдерживания Джордана, и его задумка сработала. Пэкер и другие репортеры поверить не могли в то, что видели. «Просто поставьте Майкла вингом и скажите: «Ладно, Майкл, мы будем доставлять тебе мяч. Бросай каждый раз», – отмечал Пэкер. – Каким образом Дакич умудрился ни разу не дать ему удачно бросить?»

«Я не принижаю его игру и то, что он делал. Думаю, что он делал ровно то, о чем просил его тренер Найт, – сказал Джордан о Дакиче. – Но [СМИ] свели всю игру к нашему с ним противостоянию один на один. Быть таким конкурентоспособным игроком, как я, а потом услышать, что единственным, кто смог тебя остановить, был Дэн Дакич… когда я вспоминаю броски, которые делал, у меня слюнки текут. Я просто мазал, вот и все».

Смит так и не перестроил свое нападение, чтобы освободить Джордана для атаки. Разрыв увеличился до 12 очков, но «Тар Хиллз» сократила его до двух к концу встречи, а потом сфолила на первокурснике Стиве Олфорде. В итоге он реализовал оба броска, огорчив Каролину, 72: 68. Чтобы добиться победы, Индиане пришлось продемонстрировать почти 70 %-ную реализацию своих бросков с игры. Олфорд закончил матч с 27 очками в активе. Джордан выбыл из игры после удаления, набрав 13 очков за шесть реализованных бросков с игры при 14 попытках. За три года своих выступлений за Каролину он никогда не делал больше 24 бросков за игру.

Раздевалка Северной Каролины вошла в глубокое эмоциональное пике после матча. Джордан и Перкинс были особенно сильно подавлены и удручены. «Я чувствовал, что подвел их», – вспоминал позднее Кенни Смит. Дин Смит никогда не тратил время на послематчевые разговоры со своими игроками. В тот день он собрал коллектив для вознесения обычной послематчевой молитвы, а затем отправился в комнату для интервью, где с каждым вопросом журналистов и каждым своим ответом становился все более эмоциональным. Наконец, не выдержав, Смит прервал конференцию раньше времени и покинул зал.

«Думаю, что эта игра – пример того, как система Смита и вся его программа встали на пути к победе, – сказал Пэкер в 2012-м. –

Уверен, что из всех игр, которые он отработал, он хотел бы переиграть именно эту просто в силу того, что в тот день система взяла над ним верх. Индиана сыграла хороший матч, но не выдающийся. Они блестяще играли в концовке, потому что смогли защитить мяч от соперника, а Олфорд великолепно исполнял штрафные броски. Ты знал, что мяч обязательно влетит в корзину. Никому не захочется оказаться в ситуации, когда его штрафные броски и удерживание им мяча ведут тебя к поражению в матче».

«Я думал, что мы – лучшая команда в стране», – говорил Джордан, оглядываясь в прошлое. – Но всего один матч может все изменить».

«Северная Каролина иногда приносила некоторые матчи в жертву своей системе, – говорил Пэкер. – Ту игру с Индианой вполне можно считать одним из таких матчей. Но если просто приказать Майклу идти бросать мяч, атаковать, а Сэму Перкинсу дать указание собирать все подборы, тогда сопернику конец. Но Дин никогда не пожертвовал бы целой программой ради одной конкретной игры».

Арт Чански не соглашался: «Это все равно что сказать, что он лучше сохранил бы систему, но проиграл, чем сломал бы ее, но выиграл. Не думаю, что все так однозначно. Дин верил в то, что его путь – лучший путь. Он был убежден, что Майклу нужно отсидеть на скамейке последние 8 минут первого тайма с двумя фолами, потому что так он сможет агрессивно играть во второй половине. Бобби Найт знал, как опекать его в рамках системы, и у него нашелся человек, сумевший его закрыть. Майкл был хорош, но в своем последнем матче он сыграл ужасно. Дакич его просто запер. Пятеро белых парней обыграли Сэма Перкинса, Майкла Джордана и Брэда Догерти? Да ладно! Серьезно? Без ограниченного времени на атаку они бы их не победили. Отдал и открылся, отдал и открылся, так они и сбивали Каролину с ритма. Вдобавок бросали с реализацией в 65 %. Это был единственный вариант для них выиграть ту игру, но им удалось это сделать».

Чански признавал, что Смиту ближе к концу десятилетия пришлось перенастроить свою систему после того, как тренер Дьюка Майк Кшишевски скопировал шаблон тактики Найта и поставил в тупик систему Смита, построенную на игре в пас. Смиту пришлось рисковать, делая ставку на игроков, умевших обыгрывать один на один и проходить сквозь защиту на дриблинге. «Позднее, в конце 1980-х, когда Каролина лишилась игроков калибра Джордана, она не могла отладить нападение, – вспоминал Чански. – Дин это признавал. Он осознавал, что его

команде придется учиться ломать первый эшелон обороны».

Джордан потом сказал, что чувствовал бы себя лучше, если бы Индиана выиграла в итоге национальный титул, но – вот так невероятная ирония – Виргиния уже без Ральфа Сэмпсона в составе (он закончил колледж и был выбран первым номером на драфте NBA 1983 г. клубом «Хьюстон Рокетс») два дня спустя нанесла «Хузерс» поражение и вышла в Финал четырех. В таблице ACC Виргиния в тот год была на шестом месте.

Джордан возвратился в Чапел-Хилл глубоко опечаленным и погрузился в раздумья о собственном будущем. Той весной он выиграет все до единой крупные награды студенческого баскетбола, какие только были, соберет все призы Лучшему игроку года.

«Известность и публичное внимание – это весело, должен признать, – сказал тогда Джордан. – Мне было не слишком-то трудно с ним совладать, как, впрочем, и теперь. Хотя полагаю, что в начале оно доставляло мне больше приятных эмоций, потому что теперь люди все активнее и активнее мной интересуются. Как бы то ни было, веселее и приятнее быть на виду».

За три сезона в Северной Каролине он достиг показателя в среднем всего в 17,7 очка за игру. Этот факт запустил волну критики, суть которой выражалась в шутке, приобретшей вирусную популярность в баскетбольном мире в конце 1980-х: «Кто был единственным человеком, сумевшим не дать Майклу Джордану набрать больше 20 очков за игру? Ответ: конечно же Дин Смит!», хотя статистики должным образом отмечали, что Джордан на самом-то деле набирал в среднем по 20 очков за игру, будучи второкурсником в УНК. Тем не менее какая-то доля правды в шутке была. Но Джордан все равно всегда был на стороне тренера Каролины, объясняя это тем, что Смит показал ему, как можно с большой эффективностью применять свои таланты в игре. «Я не знал игры. Тренер научил меня ей, рассказал, когда нужно прибегать к скорости, как использовать свою быстроту, когда делать первый шаг или как применять опеределенные навыки в конкретных ситуациях. Все эти знания я приобрел благодаря ему, так что, когда стал профессионалом, мне лишь оставалось правильно применить эту информацию. Дин Смит дал мне знания, позволявшие набирать по 37 очков за игру, но люди не в состоянии это понять».

«Когда Джордан пришел в Северную Каролину, у него был дух, он был конкурентоспособен и обладал атлетическими талантами, – отмечал Брендан Мэлоун. – Но в Северной Каролине он научился лучше бросать и стал более подготовлен в

фундаментальных аспектах игры. Когда он закончил учебу в Северной Каролине, он уже был готов стать звездой NBA».

И действительно, это время пришло. Какое-то время Смит уже знал, что третий курс, скорее всего, станет для Джордана последним годом в Чапел-Хилл, и события той весны подсказали ему, что настало время обсудить с Майклом его будущее. Окончательное решение пойти на драфт NBA 1984 г. должно было быть принято до субботы, 5 мая. 26 апреля Смит и Джордан провели предварительную пресс-конференцию, которая лишь смутила местных репортеров. Джордан сообщил им, что пока еще не знает, что будет делать далее. «Я планирую остаться здесь и с нетерпением жду своего следующего сезона, – сказал он им. – Тренер всегда заботился о своих игроках и желает им самого лучшего».

Также Джордан сказал, что будет слушать доводы своих родителей: «Мои старики знают куда больше меня. И я учту их советы. Моя мать – наставник, и я думаю, я уже догадываюсь, о чем она думает. Но мой отец – настоящий клоун. Я, правда, не знаю, что он думает. Не знаю. Не хочу как-либо давить на них».

> Делорис Джордан твердо была против ухода сына из УНК.

Но после пресс-конференции в тот же день Дин Смит встретился с агентом Дональдом Деллом из фирмы ProServ, занимавшейся спортивным менеджментом, и местные журналисты увидели в этом плохой знак. Джордану казалось, что если он уйдет из колледжа, то худшее, что его ждет, – переход в «Филадельфию Севенти Сиксерс», которая, по всей вероятности, должна была получить третий – пятый выбор на драфте. Вариант был весьма неплохой, но Джордан надеялся попасть в состав «Лейкерс». Он не хотел покидать Чапел-Хилл просто ради того, чтобы стать профессионалом хоть где-нибудь, хоть в какой-нибудь команде.

В ту пятницу, 4 мая, Джордан встретился со своим тренером, а позднее, вечером, поговорил с родителями и братом Ларри. После отправился поужинать вместе с Баззом Питерсоном и парой друзей. Его сосед по комнате все не унимался, прося его принять решение. Неужели он и правда хочет отказаться от коричного печенья из Hardee's, любимой виноградной содовой и медовых плюшек? А как же все славные деньки, что они проводили вместе в своей комнате, разговоры до глубокой ночи и всегдашние появления Кенни Смита с его длинным языком? Джордан признавался в ответ, что все еще не знает, как поступить.

Ничего не изменилось и следующим утром, когда он проснулся, чтобы подготовиться к запланированной на 11 утра новостной конференции в спортзале Фетцер. «Я знала, через что ему приходится проходить, – вспоминала тем летом Делорис Джордан. – Но кроме этого я знала, что он должен сам принять решение. Мы с ним несколько раз обсуждали эту тему. Потом, вечером в пятницу, до того как Майкл сделал заявление на следующее утро, нам позвонил тренер Смит. Мы поговорили с Майклом и тренером. Примерно в 10:30 на следующий день у него состоялась встреча со Смитом. Они вышли буквально за пару минут до начала пресс-конференции. Тренер Смит сжал мою руку, когда они вышли, и я все поняла».

После заявления Джордан быстро покинул здание и направился на поле для гольфа, где провел весь остаток дня. Тридцать лет спустя бывший менеджер «Буллз» Джерри Краузе предложил свою, более жесткую версию событий, связанных с уходом Джордана, опиравшуюся на многолетний опыт, приобретенный Краузе за годы работы скаутом в студенческом баскетболе и NBA. «Дин приказал ему покинуть Северную Каролину, – говорил Краузе. – Он велел ему убираться. Майкл становился больше самой программы. Не знаю, признается ли когда-нибудь в этом Дин, но именно так все и было». Дело не в том, что Джордан совершил какой-то неправильный поступок или в открытую бросил Смиту вызов. Краузе так объяснял ситуацию: «Дин был замечательным. Он был очень милостив. Парни не покидали его программу просто так. Он сам предлагал им уходить. Когда они начинали становиться больше всей программы, он говорил им, что настало время уйти».

Пэкер не соглашался с Краузе: «Давайте я вам кое-что расскажу. Если бы Дин Смит хотел, чтобы Майкл ушел, никто об этом не прознал бы. Дин Смит никогда не говорил, что собирается делать. То, что он сказал Майклу «Настало время уйти», он говорил многим своим игрокам».

Боб Макаду был одним из первых игроков Каролины, получивших разрешение Смита уйти. Это случилось в 1972-м, после того как тренер лично изучил перспективы игрока на драфте. «Это произошло тогда, когда по регламенту NCAA получать информацию такого рода, общаться с агентами, командами и т. д. было незаконно, – говорил Пэкер. – Но Дин был мастером по этой части. Он умел усадить игрока за стол, и игроки его всегда слушали. Он говорил: «Я пообщался с этой командой, у которой такой-то выбор на драфте. Майкл, ты, вероятнее всего, будешь идти под номером три». Единственным условием, при котором Дин захотел бы ухода Майкла из

программы, в первую очередь было обеспечение светлого будущего Майкла, а не поиск того, что будет лучше или хуже для Дина. Именно это делало его особенным человеком».

С точки зрения Джордана, быть больше программы означало быть больше самого Смита, а в Северной Каролине никто не мог быть больше тренера. Кенни Смит высказал мнение, что тренер, а не Джордан был человеком, отвечавшим за конкурентную атмосферу в команде, по причине того «как он психологически настраивал нас атаковать друг друга».

Ассистент тренера Каролины Эдди Фоглер женился вечером того дня, когда Джордан объявил о том, что переходит в NBA. На церемонии было в избытке черного юмора, вспоминал Арт Чански. «Эдди говорил: «Эй, я тут женюсь, но ведь мы только что потеряли лучшего игрока страны». На свадьбе присутствовало много болельщиков Каролины».

Среди них был и Джимми Демпси, старый друг Дина Смита, важный сторонник программы «Тар Хиллз», настолько близкий к команде, что Смит летал на его частном самолете по стране в поисках потенциальных новичков. «Он и его жена были крестными баскетболистов, – вспоминал Чански. – На свадьбе в тот вечер Джимми говорил, что безумно зол на Дина. Он сказал: «Его работа состоит в том, чтобы собрать в Университете Северной Каролины лучшую баскетбольную команду, какую только возможно. В этом его работа. А не в том, чтобы отправлять парней в профессионалы, когда они еще могут играть за колледж». Я рассмеялся и предложил ему: «Идите и скажите тренеру Смиту это в лицо». Он ответил: «Я пойду. Пойду и скажу ему прямо сейчас». Когда он вернулся, я спросил: «Что он ответил?» Он сказал: «Дин засмеялся».

Если Джеймс Джордан пришел в восторг от того, что тренер ставит интересы Майкла на первое место, то Делорис Джордан нет, потому что она долгое время мечтала о том, чтобы двое самых младших ее детей окончили Университет Северной Каролины в один и тот же день. Джордан заверил мать, что вскоре вернется в учебное заведение, чтобы получить диплом, что он и сделал, с толком использовав в течение следующих нескольких лет летние обучающие программы. Даже когда той весной его будущее лежало на весах, Джордан настойчиво занимался, готовясь к экзаменам, и решал свои вопросы с учебой. Он так ревностно занимался, что Кенни Смит даже решил, что Джордан намерен остаться в колледже на последний год учебы. Иначе зачем парню, собирающемуся делать карьеру в NBA, вообще заморачиваться над тестами?

«Они сделали заявление, и оно свалилось на меня словно

снег на голову, – говорила миссис Джордан. – Зал для пресс-конференций был забит до отказа, и нам пришлось отвечать на все эти вопросы. Потом я наконец осталась наедине с собой. Когда мы приехали домой, нам пришлось срочно покинуть его, потому что телефон звонил не переставая. Трудно было какое-то время». В следующие несколько месяцев реальность расставит все в жизни Джорданов на свои места. Они посетили почти каждую игру, в которой принимал участие их сын. «Благодарю Господа за услуги кредитного кооператива General Electric», – отвечал Джеймс Джордан, когда люди спрашивали у него, откуда он берет деньги на покрытие всех этих расходов на путешествия. Но спустя несколько месяцев он признает себя виновным в получении отката от частной фирмы-подрядчика. Вопрос был улажен по-тихому, но новость об этом все равно попала в газеты Уилмингтона и всего штата.

«На заводе GE все были в шоке, – вспоминал Дик Неэр в интервью 2012 г. – Никто поверить не мог. Все женщины его любили. Он был очаровательным. Я проработал с ним 25 лет. Мы работали в разных зданиях, но я видел его почти каждый день… Джеймс был весьма крутым парнем. Он был очень представительным. Всем он нравился».

Согласно заявлениям, сделанным властями в то время, в обязанности мистера Джордана входило обеспечение запасами завода GE в Касл-Хейне. Во время второго года обучения сына в УНК Джеймс Джордан составил поддельную заявку на покупку 30 тонн гидравлического оборудования от лица компании Hydratron, которую возглавлял Дэйл Гиршевски. Согласно показаниям обвиняемых, General Electric в результате заплатил Гиршевски 11 560 долларов за 30 тонн цилиндров. Джеймс Джордан признался в суде, что Гиршевски не поставил компании цилиндры, а вместо этого заплатил Джордану откат в 7000 долларов.

В марте 1985 г. Гиршевски признал себя виновным в хищении средств. Его приговорили к штрафу в 1000 долларов и условному сроку. Три недели спустя и Джеймс Джордан подписал заявление о признании вины, получив от суда аналогичный штраф и условный срок.

«Он должен был отправиться в тюрьму за то, во что впутался, – сказал в 2012-м Дик Неэр. – Благодаря Майку ему удалось выйти сухим из воды». Каждый из них мог попасть в тюрьму на десять лет за совершение уголовного преступления. Дело поставило крест на работе Джеймса Джордана в General Electric. Неэр, работавший супервайзером на заводе, сказал, что ситуация была куда серьезнее, чем сообщали власти. «Он руководил нашим корпоративным магазином», – объяснял Неэр.

Корпоративный магазин выполнял функции своего рода клуба для работников GE, где они могли приобрести телевизоры, холодильники, тостеры, инструменты и прочие вещи со скидкой. Будучи менеджером магазина, Джеймс Джордан перенаправлял товары, предназначавшиеся для магазина, в другие места. Неэр отмечал: «Он проводил их по бумагам, но в магазин они никогда не попадали. Он крал их. Полагаю, что потом он сбывал товар на стороне. Ему предъявили обвинение в краже порядка 7000 долларов. Практика была очень распространенная. Другие люди тоже занимались этим».

Очевидно, что стремление семьи присутствовать на каждой игре Майкла, которые он проводил в стране и даже за рубежом, легло тяжким грузом на отца, пытавшегося оплатить все эти поездки. «Если отставить в сторону эту историю, то лучше парня, чем Джеймс, вам не найти», – сказал Неэр, вспоминая все добрые дела Джеймса Джордана для местных жителей и его готовность потратить свое время на возведение бейсбольного поля для детей.

Примерно в то же самое время их старшая дочь Сис начала искать варианты, как предъявить иск родителям по обвинению в сексуальных домогательствах. Ее брак треснул по швам, и какое-то время она провела в психиатрическом отделении местной клиники. Один пожилой родственник навестил ее и сообщил, что дедушка и бабушка глубоко обеспокоены обстоятельствами ее жизни. Сис написала в своей книге, что выписалась из клиники и отправилась с визитом в дом Медварда и Розабелл Джордан.

«Что с тобой такое, девочка?» – спросили они.

Сис писала, что в связи с внезапным взлетом баскетбольной карьеры Майкла ее родители едва находили время на то, чтобы навестить стариков в Тичи. Все чаще и чаще Медвард тихо проводил свои дни на крыльце своего дома на Калико Бэй-роуд, и складывалось впечатление, что Джорданы стыдятся «деревенских манер» родителей Джеймса, потому что ассоциируют себя с баскетбольными болельщиками Каролины, как говорила их старшая дочь. Это обычный сценарий для семей перспективных молодых спортсменов, угодивших в водоворот перемен, вызванный их быстрым восхождением по ступеням спортивной карьеры, а Джорданы мало того, что попали в него, так еще и оказались на самом видном месте, в свете софитов. Каждый житель Северной Каролины, сходившей с ума по баскетболу, внимательно следил за приключениями «Тар Хиллз», словно жизнь команды была главным реалити-шоу их жизни.

Джорданы выдержали три года постоянных путешествий, соревнований и неустанного внимания СМИ. В дни игр они обычно покидали Уилмингтон в три часа дня, чтобы успеть на

вечерний матч. После матчей они ненадолго заглядывали к сыну проведать его, а затем ехали домой, чтобы пересмотреть игру в записи. Обычно они возвращались слишком возбужденными, чтобы заснуть. Делорис Джордан рассказывала: «Мы записывали на видео все игры, чтобы Майкл мог посмотреть их дома по возвращении. Он сидел и смотрел, а потом говорил: «Я правда это сделал?» Понимаете, когда он играет, он так увлечен игрой и происходящим вокруг, что не запоминает некоторых вещей».

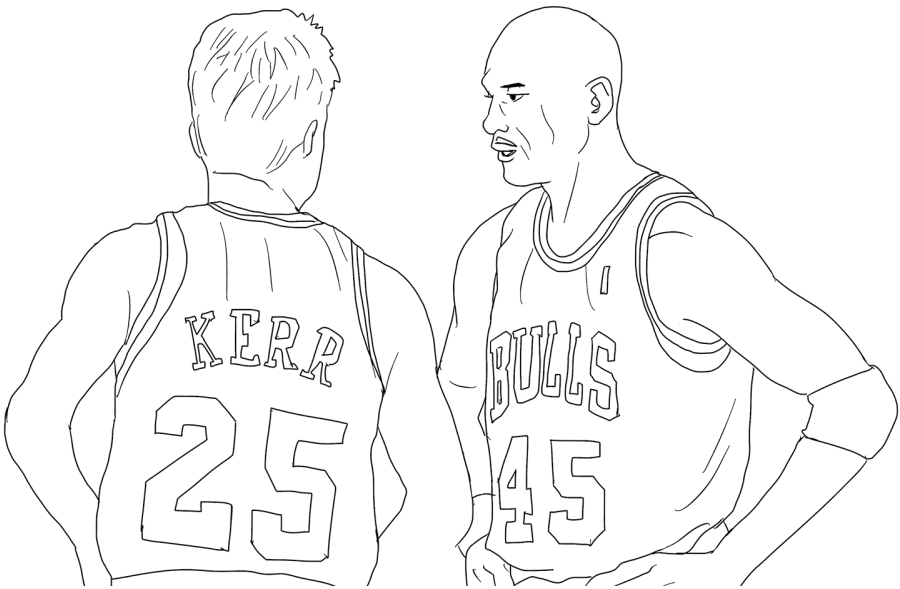
У них установились связи с родителями других игроков Каролины, и они проводили с ними время на матчах и в многочисленных поездках по дорогам страны. Одну из таких ночей, случившуюся в 1982-м во время игр регионального плей-офф, Джорданы называют волшебной. «Старики Сэма Перкинса, Элакуа, были там, как и Брэддоки, Питерсоны, Уорти, Доэрти и тренеры со своими женами, – вспоминала в 1984-м Делорис Джордан. – Мы выбрались в город, набрали кучу китайской еды и ели всю ночь».

«Примерно часа в три-четыре утра… – вмешивается в рассказ ее муж. – Я никогда не забуду этот момент. Мы все вышли на улицу и затянули песню в честь Каролины, мы вели себя как дети, искренне наслаждаясь каждой минутой происходящего».

Шок для них всех настал в мае 1984-го, когда стало ясно, что все это закончилось, пролетев очень быстро.

«Мы ни на йоту не ощущаем себя обманутыми, – говорил Джеймс Джордан. – Мы присутствовали на каждой игре, в которой он принимал участие. Все это невозможно измерить никакой суммой денег, никто и никогда не даст тебе такую возможность, сколько ни заплати. То были хорошие годы для Майкла, и они были хорошими для семьи Джордан в целом… Я убежден, что вы не найдете мальчишку, которому написали лучший сценарий, который получил лучшего продюсера и режиссера и которому сказали: «Иди и проживи свою жизнь вот так», потому что придумать более совершенную, более идеальную жизнь, чем была у Майкла, просто невозможно».

Часть V
Дебютант



Глава 14
Золотая лихорадка

В июле Джордан выбрал своим агентом Дональда Делла из ProServ, компании из Вашингтона, округ Колумбия. Но еще до официального оформления их рабочих отношений Дэвид Фальк, сотрудничавший с Деллом и ProServ, начал изучать варианты для трудоустройства Джордана на предстоящем драфте. Вопреки ожиданиям Джордана «Филадельфия» улучшила свои показатели той весной, тогда как «Чикаго Буллз» потерпела два поражения в концовке от «Нью-Йорк Никс» и тем самым улучшила свое положение на грядущем драфте. Критики шутили над «Буллз», говоря, что она просто привычным образом заканчивала очередной катастрофически провальный сезон, за которым должен был последовать такой же катастрофически неудачный выбор игроков на драфте.

Архитектором этих провальных решений на драфте был генеральный менеджер команды Род Торн, склонный к самоуничижению джентльмен родом из южных окрестностей Аппалачей, открыто признававший долговременные проблемы команды по части поиска и привлечения игроков на драфте. В 1979-м «Буллз» имела 50 %-ный шанс задрафтовать Ирвина «Мэджика» Джонсона, который тогда только привел к титулу NCAA Университет Мичигана. По итогам сезона у «Буллз» вновь была ужасная статистика побед и поражений, и за право первого выбора на драфте им предстояло поспорить с «Лос-Анджелес Лейкерс». Представители команды должны были решить, кто получит право первого выбора, подбрасыванием монетки, и Род Торн поставил на «орла», последовав рекомендациям болельщиков, высказавших свое мнение в специально проведенном по этому случаю опросе. Но выпала «решка».

Торн потерял Мэджика Джонсона из-за неудачного выбора стороны монетки, а затем, уже на самом драфте, проглядел Сидни Монкрифа, предпочтя ему Дэвида Гринвуда из «УКЛА». Несмотря на постоянные травмы Гринвуду удалось отыграть за «Буллз» шесть достойных сезонов. За первые пять сезонов в составе команды он смог достичь показателей в 14 очков и 8 подборов в среднем за игру. Неплохие цифры для тяжелого форварда, но сравнивать его с Мэджиком Джонсоном, приведшим за это время «Лейкерс» к пяти чемпионствам в NBA, или даже с Монкрифом было просто немыслимо. Разумеется, если бы «Буллз» взяла на драфте Монкрифа, в 1984-м ей и не понадобился бы еще

один атакующий защитник на драфте. Как бы то ни было, выбор «Буллз» Гринвуда всегда будет рассматриваться как проваленный драфт. Стоимость «Лейкерс» за 12 лет, на протяжении которых Мэджик Джонсон выступал за команду, подскочила, по данным журнала *Forbes*, с 30 млн долларов до 200 млн. Джонатан Ковлер, совладелец «Буллз», шутил тогда, что «бросок монеты стоил 25 млн».

«Оказалось же, что он стоил все 200», – скажет он позже.

В 1982-м все стало еще хуже: Торн задрафтовал защитника Куинтина Дэйли из Университета Сан-Франциско незадолго до того, как оказалось, что в общежитии колледжа тот напал на студентку-медсестру.

> По прибытии в Чикаго Дэйли отказался раскаяться в своих действиях, и вскоре на играх «Буллз» стали собираться протестующие женщины.

Дэйли и другой талантливый «бык» Орландо Вулридж потом станут испытывать проблемы с болезненным пристрастием к кокаину, и об этом будет очень хорошо осведомлена публика. Такие катастрофические неудачи привели команду весной 1984 г. на грань банкротства.

В феврале того года Торн обменял любимчика болельщиков Реджи Теуса в «Канзас-Сити» на Стива Джонсона и право выбора на драфте. Практически сразу же дела у чикагской команды пошли еще хуже, и шансы получить первый выбор на драфте возросли. «Буллз» завершила сезон с показателями 27–55 и пропустила плей-офф третий год подряд, подогрев спекуляции о том, что команда вскоре будет продана и уедет из Чикаго. С окончанием очередного жалкого сезона Торн вновь получил возможность одним из первых делать выбор на драфте.

«В тот год мы одержали мало побед, – вспоминал Билл Блэр, ассистент тренера «Буллз». – Но Род постоянно напоминал нам, что в Северной Каролине есть один парень, очень и очень толковый игрок. Он все говорил и говорил про Майкла Джордана. Род всегда был на позитиве, он был уверен, что парень станет одним из лучших игроков всех времен. Но многие сомневались: «Ну, защитника он играть не может. Легкий форвард из него тоже никакой». Даже Бобби Найт делал подобные заявления. Но Род сказал: «В этом парне есть что-то особенное».

«Никто, включая и меня, не знал, что Джордан станет тем, кем он стал, – вспоминал Торн. – Мы не разрабатывали его перед драфтом, но провели с ним собеседование. Он был уверен в себе. Он чувствовал, что будет хорош. Было очевидно, что Майкл верил в себя, но он понятия не имел, каким выдающимся станет».

Как только регулярный сезон завершился, «Хьюстон Рокетс» и «Портленд Трэйл Блэйзерс» на двоих получили право первого выбора, а «Чикаго Буллз» следовала сразу за ними. «Рокетс» собиралась взять Хакима Оладжувона, атлетичного центрового из Университета Хьюстона, тогда как «Портленд» раздумывала над тем, чтобы взять центрового из Кентукки Сэма Боуи, которого мучили травмы. «Хьюстон» с самого начала дала понять, что собирается взять Оладжувона, – вспоминал Торн. – Примерно за месяц до драфта у меня состоялся разговор со Стю Инманом, тогдашним генеральным менеджером «Портленда». Стю сказал мне, что его команда хочет Сэма Боуи. Их врачи сказали, что со здоровьем Боуи все будет в порядке, а поскольку они нуждались в большом игроке, то и не рассматривали другие кандидатуры».

У «Буллз» был третий номер на драфте, тогда как «Хьюстон» получила первый, выиграв в подбрасывании монетки у «Портленда». «Трэйл Блэйзерс» осталась со вторым номером. «Мы уже наверняка знали, что заполучим Джордана, когда «Хьюстон» выиграла в монетку у «Портленда», – объяснял Ирвин Мандел, многолетний вице-президент «Буллз». – Если бы «Портленд» выиграла в подбрасывании монетки, она забрала бы себе Оладжувона, а «Хьюстону», скорее всего, достался бы Джордан. Помню, каким взволнованным был Род. Он трепетал, потому что на его взгляд между Джорданом и Боуи была огромная разница».

И действительно, в день драфта Джордан был выбран «Буллз» третьим номером. Отправляясь на церемонию драфта, он признался, что хотел бы играть за «Лейкерс», где Джеймс Уорти уже был восходящей звездой. Но и «Чикаго» сойдет, объяснял Джордан той осенью, ведь «Лейкерс» так укомплектована, что я в любом случае мало чем помог бы этой команде».

«Джордан был доступен, и они обязаны были взять его, – вспоминал Джефф Дэвис, продюсер спортивных каналов в Чикаго. – Выбора у них не было. Понятное дело, парень был двукратным обладателем приза Лучшему игроку года, он привел Северную Каролину к чемпионскому титулу. Но никто на самом деле не знал, насколько он хорош». Дэвис вспоминал, что «Чикаго» очень повезло в том, что «Портленд» задрафтовал Боуи, поскольку складывалось впечатление, что Торн попытается заполучить центрового Кентукки, если ему выпадет такая возможность.

«Нам бы хотелось, чтобы Джордан был ростом в семь футов, но это не так, – сказал Торн изданию *Chicago Tribune*, когда его попросили прокомментировать выбор. – Но центровых не было в доступе. Что делать в такой ситуации? Джордан не изменит жизнь клуба в одночасье. Я и не стал бы просить его об этом. Он

очень хороший атакующий игрок, но не доминирующий».

Довольно странное заявление от генерального менеджера команды, которой нужно было продавать билеты на свои матчи. Ошибка «Портленда» войдет в историю как величайший провал в истории драфта. Впоследствии Стю Инман отметит, что его выбор одобрили члены его тренерского штаба, включая и тренера – члена Зала славы Джека Рэмси. Инман позже скажет, что система Дина Смита в Северной Каролине утаила от глаз наблюдателей таланты Джордана, и это мнение эхом повторит Рэмси. Однако стоит отметить, что тренерский штаб и скауты «Портленда» наблюдали за Джорданом весной того года на олимпийских просмотрах и все равно не разглядели его потенциал. Рик Санд из «Даллас Мэверикс» увидел, на что способен Джордан. Он предложил в обмен на Джордана восходящую молодую звезду «Мэвс» Марка Агирре. Торн отказался. «Рон даже бровью не повел, – вспоминал Санд. – Он знал».

Фактор Найта

Теперь, когда с драфтом было покончено, Джордан мог сконцентрировать все свое внимание на олимпийских просмотрах и тренировках, которые растянутся от самого дня церемонии драфта до начала Олимпиады в Лос-Анджелесе. Джордан никогда не рисковал пролететь мимо олимпийской сборной, но полноценным доверием Найта после встреч их команд в 1/8 финала плей-офф он не пользовался. «После той игры у Боба, как мне кажется, сложилось впечатление, что Майкл не умеет бросать, – вспоминал Билли Пэкер. – И на олимпийских пробах он тоже не блистал как снайпер».

Найт – главный тренер сборной США по баскетболу – был еще бóльшим приверженцем системы, нежели Дин Смит. «Наш парень играл у Дина Смита, где принимал роли и ответственность в рамках системы, – смеялся комментатор. – И вот летом он едет играть у Боба Найта, который оказывается еще более жестким, чем Дин».

Смит определенно умел быть хитрым и манипулировать людьми, но он всегда вел себя достаточно дипломатично. Найт же обладал суровым, взрывным темпераментом и эго размером с «Хузьер Доум», что в Индианаполисе. Плюс он был запредельно грубым, а вдобавок ко всему прочему еще и задирой-богохульником. «Тренер Смит – мастер по части четырехугольной атаки, а тренер Найт – по части четырехбуквенного слова», – острил Джордан.

С самого первого дня Найт дал понять своим подопечным-олимпийцам, что он сфокусирован исключительно на совершенстве. «Я сказал им, что мне не интересно, с кем мы играем или какой на табло счет, – объяснял Найт. – Я заинтересован в том, чтобы эта команда стала лучшей командой, какая только может быть, и я всеми силами буду толкать их к этой цели».

Тренер и игрок были под стать друг другу. Джордан «пас» своих партнеров, нагоняя на них жути своим сердитым взглядом исподлобья и громкими хлопками с призывами сосредоточиться. Найт занимался тем же самым в своем стиле, с угрожающей театральностью. Его бросавшееся в глаза поведение на международных матчах сделало его любопытным выбором комитета, курировавшего любительский баскетбол в США. Власти Пуэрто-Рико выдали ордер на его арест после того, как в 1979-м на Панамериканских играх он вступил в конфликт с офицером полиции. Позднее его заочно осудили по статье за нападение на представителя полиции при отягчающих обстоятельствах.

Теперь Найту предстояло выполнить ответственную миссию. Он хотел обрушить всю мощь американского баскетбольного молота на соперников из других стран. Для осуществления этого плана он составил штаб из 22 тренеров-ассистентов и проводил тщательные просмотры в команду, на которых побывало более 70 игроков со всей страны.

Чарльз Баркли, Сэм Перкинс, Джон Стоктон, Карл Мэлоун, Крис Маллин, Чак Персон и десятки других великолепных игроков трудились на площадке, пока Найт наблюдал за всем этим с высоты своей башни. Летавший туда-сюда по паркету Баркли, блиставший всей своей атлетической мощью и изяществом работы с мячом, стал по итогам просмотров вторым лучшим игроком после Джордана, но казалось, что его больше интересует перспектива впечатлить профессиональных скаутов, нежели понравиться Найту, который видел в форварде из Оберна только 280 фунтов веса.

Баркли, Стоктон и Мэлоун оказались в числе выдающихся мастеров, которых Найт отсеял по итогам просмотров. Разозленный и озадаченный таким итогом Стоктон сказал Баркли и Мэлоуну, что с удовольствием составил бы с ними команду и сразился бы против дюжины игроков, которых выбрал Найт.

Окончательный состав на Олимпиаду выглядел следующим образом: Майкл Джордан, Сэм Перкинс, Патрик Юинг, Крис Маллин, Уэймен Тисдейл, Леон Вуд, Элвин Робертсон, Джо Клейн, Джон Кончак, Джефф Тернер, Верн Флеминг и Стив Олфорд. Вместо своего обычного 23-го номера Джордан получил

майку сборной США с номером 9.

Тренер Индианы счел, что собрал необходимый для унижения иностранных соперников состав и готов к Олимпиаде. Он сказал своему другу Пэкеру, что не будет против, если его олимпийская сборная станет забивать по 90 очков за игру при условии, что соперники не наберут больше 30. «Он невероятным образом сфокусировался на задаче, – вспоминал Пэкер. – Боб, как и Майкл, – невероятный боец, он не может жить без соревнований и борьбы. Он был очень хорошо подготовлен. Люди забывают о том, как он набрал ту олимпийскую команду. Все составляющие университетской баскетбольной жизни он объединил в единое с тренерской точки зрения целое. Селекционный процесс он использовал для того, чтобы заручиться поддержкой каждого. Очевидно, что его игрокам было необходимо понять: «Вот так мы будем играть, такой игры я от вас ожидаю». Поэтому в тех матчах они так доминировали. Он не надеялся выиграть золотую медаль. Он собирался доминировать в мировом баскетболе, и именно это делала его команда».

На самом деле именно выставочные матчи перед Олимпиадой, в которых сборная США противостояла игрокам NBA, позволили Пэкеру изнутри наблюдать за восхождением Майкла Джордана. Его многолетняя комментаторская карьера и дружба с Найтом помогли Пэкеру получить лучшие места у паркета на каждый из девяти фантастических матчей сборной, предварявших Олимпиаду в Лос-Анджелесе и организованных Ларри Флейшером, генеральным советником NBA. «Порой в этих выставочных матчах с парнями из NBA, – говорил Пэкер, – не происходит ничего особенного: они просто приезжают в полдень на матч, надевают свою форму и немного гоняют мяч. Но в этот раз в течение трех-четырех недель шла самая настоящая война».

Направляли все возрастающий градус накала происходящего главные заводилы, Найт и Джордан. Выставочное турне началось в Провиденс, штат Род-Айленд, в конце июня и после остановок в Миннеаполисе и Айова-Сити добралось до Индианаполиса, где 9 июля собралась огромная толпа зрителей, жаждавших увидеть битву двух команд. «К тому времени, как мы добрались до Индианаполиса, олимпийцы выиграли четыре игры, – вспоминал Пэкер. – Так что профессионалы намеревались положить этому конец, прервать серию в тот же вечер. Ларри Флейшеру не улыбалась перспектива увидеть поражение игроков NBA от кучки зеленых студентов».

Флейшер рекрутировал в свою команду Ларри Берда, Мэджика Джонсона, Айзею Томаса и нескольких других звезд, чем до предела наэлектризовал атмосферу в «Хузьер Доум», где

собрались тысячи болельщиков. Пит Ньюэлл, многолетний наставник Найта и один из тренеров-ассистентов сборной США, зашел в раздевалку олимпийцев перед матчем, а потом разыскал Пэкера. «Слушай, я никогда за всю жизнь не видел никого, кто был бы так сильно заведен, как он», – признался Ньюэлл Пэкеру, говоря о Найте. Несмотря на то что состав команды NBA был полон звезд, олимпийцы победили в Инди.

Настоящее испытание поджидало их в Милуоки. Пэкер вспоминал: «Я никогда не видел по-настоящему выдающегося выступления от Майкла Джордана в нападении вплоть до того дня, когда олимпийцы сошлись в Милуоки с игроками NBA. Тогда я впервые наблюдал такой уровень игры в нападении от Майкла Джордана. Во время его прохода к корзине Майк Данливи попал ему в нос. Матч вышел невероятно брутальным. Парней из NBA тренировал Оскар Робертсон. Боба Найта после этого эпизода выгнали с игры. У Майкла текла кровь из носа. Тем временем мяч отскочил к Найту и тот убрал его за спину, отказавшись возвращать арбитрам. Тогда его выгнали. Он и Оскар буквально атаковали друг друга. В игре не действовало правило удаления за фолы. Так что парни из NBA просто колошматили пацанов-олимпийцев».

После ухода с игры Найта ассистенты тренера взяли тайм-аут, чтобы попытаться реорганизовать олимпийскую сборную. Пэкер вспоминал: «Они возвратились на паркет, и Майкл взял игру в свои руки, словно парни из NBA просто стояли столбами и ничего не делали. Это было что-то невероятное. Вот тогда я впервые увидел в Майкле Джордане по-настоящему великого игрока нападения, несмотря на то что наблюдал прежде за его игрой в старшей школе и три года следил за ним в студенческом баскетболе. Раньше я никогда не замечал эту сторону его игры, не знал, что он может просто взять контроль над игрой. Бобби не было даже на скамейке, но Майкл просто вышел и сказал: «Мне все равно, какая там система, я беру эту игру в свои руки». Так он и сделал».

В Финикс на последний выставочный матч в рамках турне олимпийцы ехали с восемью победами в активе при нуле поражений. «И это в играх с командами NBA, – говорил Пэкер. – Там была не какая-то шушера. К тому времени как турне добралось до Финикса, у нас с Бобом состоялся разговор. Майкл окончательно убедил его в своей состоятельности. Боб сказал мне: «Вот что я скажу тебе о Майкле Джордане. Прежде у меня были сомнения на его счет, но этот парень, черт его дери, станет величайшим баскетболистом из всех, что когда-либо ходили по земле».

Найт мало что рассказывал репортерам публично об игроках олимпийской сборной, так как не хотел нарушать командный баланс, раздувая самомнение кого-то из своих подопечных. Но даже несмотря на это, после серии выставочных матчей он сказал журналистам: «Майкл – великолепный, блестящий баскетболист».

Олимпийцы одержали победу в заключительной игре турне в Финиксе со счетом 84: 72, а Джордан набрал в матче 27 очков, два из которых ему присудили за слэм-данк, вколоченный им после рывка через всю площадку мимо отступавшего назад Мэджика Джонсона. В другом эпизоде он отдал мяч Юингу с левой стороны трехсекундной зоны, затем каким-то неведомым образом ухитрился рвануть вперед и забить справа после промаха центрового.

Матч за матчем Джордан выдавал спектакли на паркете. «Парни из NBA стояли и смотрели на него», – сказал репортеру его партнер по сборной США Джон Кончак. Тренер «Лейкерс» Пэт Райли, в тот день сидевший на скамейке команды звезд NBA, сказал после игры: «Он самый одаренный игрок из всех, кого я видел».

Позже Джордан отметит, что вызов (в том числе физического характера), которым для него стали выставочные матчи, подготовил его к резвому старту первого в карьере сезона в NBA. Пэкер указывал на то, что в ростере сборной Найта не было настоящего разыгрывающего защитника, она представляла собой скорее сборище разноплановых игроков, самым универсальным из которых был Джордан, способный закрыть сразу три позиции – обе в защите и позицию легкого форварда.

1984

Олимпийский баскетбольный турнир стартовал 29 июля в лос-анджелесском «Форуме». Советский Союз и Венгрия бойкотировали Игры, по всей видимости, протестуя против бойкота, объявленного сборной США Олимпиаде-1980, проходившей в России. Команда США не встретила серьезного сопротивления и выиграла восемь матчей, набрав в среднем на 32 очка больше своих соперников. Джордан стал ведущим снайпером команды со средним показателем в 17,1 очка за игру. «Стало очевидно, на что способен Джордан и каким разноплановым он умеет быть, – отмечал Пэкер. – Но на Олимпиаде он не выходил на паркет и не делал по 40 очков за игру. Та команда играла совсем не так».

Несмотря на то что системный подход Найта к нападению

сильно ограничивал игровое время Джордана и его снайперские возможности, Майкл все равно приводил в изумление и восторг толпы болельщиков и партнеров как на тренировках, так и на играх. «Когда Майкл получает мяч в быстром прорыве, случиться может только одно, – говорил Стив Олфорд, – он исполнит какой-нибудь данк. Иногда игроки приобретают привычку просто стоять и смотреть на Майкла, потому что обычно он творит такое, что ты не захочешь пропустить».

Пока американцы на скорости проходили турнирную дистанцию, не замечая оппонентов, один иностранный журналист показал Джордану номер зарубежного журнала с его фотографией на обложке – издание объявляло Майкла величайшим баскетболистом планеты. Журналист спросил у Джордана, что он думает об этом. «До сих пор, – сказал тот прямо, – я еще не встретил того, кто мог бы помешать мне делать то, что я захочу».

От доминирования в матчах с командами, полными звезд NBA, до унижения лучших зарубежных сборных – то лето здорово подняло котировки Майкла. Единственный по-настоящему драматичный момент случился, когда американцы растеряли 22-очковое преимущество над сборной Западной Германии. Тогда Джордан совершил шесть потерь и попал в цель лишь в четырех случаях из 14 попыток с игры. Найт взорвался в приступе гнева на скамейке команды, но сборная США сумела остановить свое падение в пропасть и все же добыла победу, 78: 67. Жесткий характер тренера проявился в раздевалке после игры, когда он приказал Джордану принести извинения партнерам по команде.

> «Тебе должно быть стыдно за то, как ты играл», – орал он на Джордана, безмолвно и шокированно стоявшего среди своих партнеров с глазами, полными слез.

Джордан был лидером команды, тем, чей огонь зажигал их всех. Партнеры ценили его талант и целеустремленность и были в шоке от того, что его ругают при всех. Позднее Сэм Перкинс аргументировал: «Мы не считали, что Майкл сыграл так уж плохо, ну правда. Но это было нужно нам. Тренер Найт знал, что делает. И его слова зарядили Майкла».

Позже, уже во время профессиональной карьеры Джордана, его будут часто обвинять в запугивании партнеров по команде и попытках задирать их при каждом удобном случае. Быть может, этому он научился у Бобби Найта за несколько коротких месяцев совместной работы с ним. «Дело не в том, что я его боюсь, – говорил Джордан репортерам, освещавшим работу олимпийской сборной. – Но он – тренер, и он успешно тренирует благодаря

своему стилю. Я вовсе не собираюсь бросать ему вызов. Играть у него четыре года – об этом я даже думать не хочу. Но он прямолинейный и честный. Он говорит то, что думает. Какие бы слова он ни произносил, ты всегда поймешь, что он имеет в виду».

Испытав унижение от Найта, Джордан яростно отыграл концовку олимпийского турнира, набрав 20 очков в финальной игре, в которой сборная США в битве за золото разбила Испанию, 96: 65. После победы он надолго заключил в объятия улыбавшегося Найта, а мгновение спустя уже размахивал маленьким американским флагом, стоя на пьедестале с медалью. Поцеловав ее и спев национальный гимн, он затем рванул на трибуны, чтобы отдать золотую медаль своей матери.

Он напомнил ей о клятве, данной им в девятилетнем возрасте после того, как американцы уступили русским в 1972-м, сильно разочаровав его. Тогда он не мог знать, что золотая медаль достанется ему ценой унижения от тренера Найта. Джордан не был из тех людей, кто легко мирился с издевательством. Каким бы сладким ни был миг победы, история в раздевалке оставила у него горькое послевкусие.

Энтони Тичи не попал в заявку олимпийской сборной, но получил возможность вблизи наблюдать за тем, как Джордан приносит свой талант в жертву требованиям еще одного тренера-деспота, помешанного на контроле. Увиденное поразило Тичи, посчитавшего эту жертву по меньшей мере удивительной. «Многие люди никогда этого не замечали, – говорил Тичи в интервью 2012 г. – Если вы посмотрите на стиль его игры, то поймете, что после школы он подстраивался к команде колледжа, после колледжа – к олимпийской сборной, а после нее – к игре на профессиональном уровне, потому что ему всегда хватало характера играть у таких тренеров, как Дин Смит, Бобби Найт или Фил Джексон».

Никто не был удовлетворен выступлением Джордана на олимпийском баскетбольном турнире больше, чем Род Торн, испытавший сильное облегчение от увиденного: игра Майкла доказала, что генеральный менеджер «Буллз» принял верное решение на драфте. «Игра на Олимпиаде дала Майклу импульс, – объяснял Торн, оглядываясь в прошлое. – Его имя стало притчей во языцех, потому что Олимпиада проходила в Лос-Анджелесе и каждый вечер по телевидению крутили нарезку кадров с его данками и красивыми финтами, пусть даже он отыграл на турнире и не так много времени».

Две недели спустя, 12 сентября 1984 г., «Буллз» объявила о подписании семилетнего контракта с Джорданом на сумму в

6 млн долларов – он стал третьим по величине в истории лиги, позади контрактов двух хьюстонских крупных игроков Хакима Оладжувона и Ральфа Сэмпсона. Сделка с большим отрывом стала самой крупной из всех, что когда-либо заключались клубами с защитниками. «Потребовалось провести переговоры, – сострил партнер «Буллз» Джонатан Ковлер. – Говорили в основном мы, а они соглашались».

Пройдет несколько дней, и другие агенты NBA выскажут противоположное мнение. Почему явно звездный игрок вроде Джордана подписывает контракт, который растянется на семь лет, да еще и за такие скромные деньги? «В этом нет смысла», – сказал изданию *Southtown Economist* Джордж Эндрюс, агент Мэджика Джонсона и Айзеи Томаса. Агент Ли Фентресс отметил, что подобная сделка практически гарантирует возникновение проблем в будущем, так как стоимость контрактов игроков уже начала невероятно быстро расти.

«Я не хочу играть в Бога, – сказал Дэвид Фальк, делая заявление о заключении сделки. – Майкл и его родители сами приняли решение».

Ключевым моментом соглашения стал пункт «Любовь к игре», на включении которого в контракт настоял сам Джордан. Стандартный контракт игрока NBA давал клубу возможность аннулировать соглашение в случае, если игрок получал травму, занимаясь какой-либо активной деятельностью за пределами команды и без ее разрешения. Джордан же захотел иметь свободу соревноваться где и когда захочет без всяких ограничений, к чему его подталкивала любовь к игре. Команда пошла на уступки, так как семья Джордана дала свое согласие на предложенные условия контракта.

«У моих юристов были кое-какие проблемы с контрактом, но у меня нет, – сказал Джордан репортерам в Чикаго. – Я счастлив, что переговоры окончены, я с нетерпением жду начала тренировок с «Буллз». Вас ждет не шоу Майкла Джордана – я просто буду частью команды».

Глава 15
Власть черных

Когда официальные представители Nike впервые встретились с Сонни Ваккаро, им стало интересно, не имеет ли этот господин отношение к мафии? Глядя на его внешность, имя, акцент и манеры, можно было подумать именно так, тем более что у него была аура человека, знающего секреты, сведущего в том, от чего далеки обычные люди. То же впечатление сложилось и у Майкла Джордана, когда он впервые сел за один стол с этим невысоким и толстеньким итальянцем с глубоко посаженными глазами. «Я не уверен, что хочу связываться с этим подозрительным типом», – Джордан признавался впоследствии, что у него были такие мысли.

Сам Ваккаро тихонько посмеивался над неловкостью ситуации. Его друзья были вполне уверены в том, что этот человек и близко не связан ни с чем криминальным. Но Ваккаро никогда не прилагал усилий к тому, чтобы развеять домыслы о том, что он – мафиози. Ему в каком-то смысле даже нравилась мысль о том, что люди считают его связанным с криминальными «семьями». В мире бизнеса пригодится любое преимущество.

Кроме того, Ваккаро и правда был связан с немалым числом «успешных людей», носивших безвкусные цветастые костюмы. Но этими людьми были баскетбольные тренеры, а не гангстеры. Лучшие американские тренеры, работавшие в студенческом баскетболе, тоже не были уверены в нем наверняка. Они просто знали, что чеки, которые выписывал им Ваккаро на солидные суммы, всегда можно было без проблем обналичить. В 1978 г. проложить себе дорогу в баскетбол можно было, только раздавая благодать направо и налево. Впоследствии Сонни Ваккаро превратит Nike в живое доказательство этого тезиса.

Билли Пэкеру было достаточно одного взгляда на Ваккаро, его едва заметный пушок на лице и помятый спортивный костюм, чтобы расхохотаться. «Одно дело, если бы он был воротилой с Уолл-стрит или большой шишкой с Мэдисон-авеню, – говорил Пэкер. – Но он таким не был. Он был парнем с улицы. Баскетбол не собирался пускать его в свой ближний круг. Тогда он начал вести дела за пределами этого круга и стал невероятно успешен как в личном плане, так и в плане управления компанией».

Ваккаро произвел революцию в спорте, даже не пытаясь скрыть свою истинную натуру – дружелюбного малого из Питтсбурга. Ну, по крайней мере, таким он был полгода. Вторую

половину года он был из Вегаса. Если его внешность и аура «приближенного к «семье» не воздействовали на людей, то тогда он прибегал к трюку с Вегасом, козыряя своими связями там. Шесть месяцев в году Ваккаро можно было найти тусующимся около обшарпанных букмекерских контор в заведениях вроде «Аладдина» или «Барбари-Коуст», где можно было поставить деньги практически на все, что угодно. Там он зарабатывал на жизнь, получая «комиссионные» за то, что делал ставки на футбол от лица своих «клиентов». Из объяснений Ваккаро складывалось лишь поверхностное впечатление о его деятельности. Ходили слухи, что он и сам промышлял азартными играми. Он был героем из рассказов Дэймона Раньона и выделялся на общем фоне даже в Вегасе, где таких персонажей было в избытке. Люди говорили, что чем ближе подступало время начала матчей, тем чаще можно было услышать его имя из громкоговорителей в букмекерских конторах.

То, как такой типаж, как Сонни Ваккаро, вообще мог оказаться в компании вроде Nike, лучше объясняет его деятельность в другой половине каждого года, которую он вел в Питтсбурге. В 1964 г. ему было всего 24 года, когда он вместе с соседом по комнате Пэтом ДиЧезаре основал Dapper Dan Roundball Classic – один из первых баскетбольных турниров высокого уровня для восходящих звезд из старших школ. Начинался он как благотворительное мероприятие в масштабах Питтсбурга, но в относительно короткое время Ваккаро обнаружил, что учрежденный им с партнером турнир удовлетворяет огромный спрос тренеров, работавших в колледжах, на молодые таланты: на нем они могли просмотреть большое количество перспективных баскетболистов-старшеклассников. The Dapper Dan довольно скоро стал собирать лучших игроков сезона и ведущих тренеров, там побывали все, начиная от Джона Вудена и заканчивая Дином Смитом.

В этом предприятии крылся ключ к его влиянию, рассказывал Ваккаро всякому, кто был готов его слушать. Там все было завязано на отношениях. «Dapper Dan открыл мне двери», – сказал он в 2012 г., вспоминая прошлое. Сам турнир никогда не приносил больше 3000 долларов чистого дохода ежегодно, но в плане связей он был золотой жилой. Ваккаро подружился со всеми ведущими тренерами. Относительно могущества и влияния он мог поспорить с Ховардом Гарфинкелом и его «Файв-Стар», но с той лишь разницей, что видение Ваккаро предполагало развитие баскетбольного маркетинга, тогда как Гарфинкел концентрировал свое внимание на оценке молодых талантов.

Привлечение главных баскетбольных звезд к участию в

мероприятии притягивало внимание ведущих СМИ. К 1970 г. о затее Ваккаро уже писал *Sports Illustrated*. «Было невозможно развернуться в холле отеля William Penn без того, чтобы не наткнуться на какого-нибудь известного тренера, выискивающего талантливых старшеклассников в фойе, коридорах, буфете, лифтах и иногда даже под пальмой в кадке, – описывал сцену репортер журнала Карри Киркпатрик. – Вездесущая компания тренеров собралась в Питтсбурге, для того чтобы посмотреть турнир Dapper Dan Roundball Classic – ежегодный турнир Всех Звезд среди школьников, который за шесть лет своего существования дорос до статуса лучшего мероприятия в своем роде».

Согласно свидетельствам скаута и оценщика талантов Тома Кончалски, наблюдать за работой Ваккаро в лобби отеля было безумно увлекательным занятием. «Он одновременно вел разговор с восемью разными людьми в разных частях лобби отеля. Джона Томпсона только что пригласил Джордж-таун, а вот Джерри Тарканян все еще работал в Университете Калифорнии в Лонг-Бич. Сонни Ваккаро знал там всех. Казалось, он жонглирует тренерами. В фойе было их человек 30. Он уважительно относился к каждому из них и со всеми поддерживал беседу».

К 1977 г. Ваккаро набрался дерзости и позвонил в офис компании Nike в Портленде, штат Орегон, чтобы продвинуть свою идею новых кроссовок. Nike не заинтересовался его предложением, но Роб Страссер, один из топ-менеджеров компании, был очарован Ваккаро и его многочисленными связями с баскетбольными тренерами. Другие боссы Nike хотели, чтобы ФБР навело справки о Ваккаро, но Страссер и слушать об этом не хотел. Он нанял Ваккаро на работу за 500 долларов в месяц, выделил ему еще 30 тыс. в отдельный банковский счет и дал задание заключать с тренерами спонсорские контракты от лица Nike. «Вам следует помнить, – говорил Ваккаро, – что в то время Nike была компанией со скромными 25 млн долларов дохода».

Выполнить задание Ваккаро было легче легкого. Он подписывал с тренерами простой контракт с Nike, выписывал чек, а затем бесплатно отправлял им кроссовки, в которых играли и тренировались их игроки. Он начал пачками подписывать контракты с тренерами, среди которых были и Джон Томпсон из Джорджтауна, и Джерри Тарканян, который тогда только устроился на работу в Университет Невады, и Джим Вальвано из Айоны, и Джордж Равелинг из Государственного университета Вашингтона.

«Не стоит забывать о том, что в те годы 5000 долларов были большими деньгами для тренера, – вспоминал Пэкер. – Я только

украдкой за этим подсматривал. Только сам Сонни знает, сколько он платил тренерам».

С точки зрения тренеров, такая ситуация была почти что невероятной – настолько привлекательными были условия. «Давайте сразу проясним, – предположительно говорил Джим Вальвано. – Вы собираетесь бесплатно дать мне кроссовки, а сверху еще денег? Это вообще законно?»

По сути, это была баскетбольная версия взятки. Все было законно, но этическая сторона дела вызывала вопросы. Основная идея была довольно простой: заставить тренеров обуть своих игроков-любителей в кроссовки от Nike и тем самым послать мощный сигнал болельщикам и потенциальным потребителям. Когда в 1978 г. игрок Индианы Ларри Берд появился на обложке *Sports Illustrated* в паре кроссовок от Nike, репутация Ваккаро здорово окрепла. Заполучив нового «клиента», он добился от компании внушительного вознаграждения.

Продажи компании пошли вверх, и вскоре Страссер перевел на банковский счет Ваккаро дополнительные 90 тыс. долларов, дав указание, чтобы тот привел еще больше тренеров в ряды клиентов Nike. Когда газета Washington Post опубликовала статью, в которой ставила под сомнение этичность подхода Nike, руководители компании приготовились принимать ушаты негатива со стороны общественности. Вместо этого им стали приходить запросы от тренеров, тоже желавших получить свой кусок пирога. Ваккаро запустил волну наличных денег в мир любительского баскетбола Америки. Вскоре обувные компании не только принялись подписывать контракты с тренерами, работавшими со студентами и их командами, но и перешли в наступление на юношеский и детский баскетбол. «Они изменили игру, – говорил Том Кончалски о «взятках», которые раздавал пионер баскетбольного маркетинга Ваккаро. – Теперь детишки 12 лет и младше, играющие в баскетбол в AAU, думают, что уже стали профессионалами».

Видение

К 1982 г. Ваккаро платил тренерам студентов уже миллионы долларов из кармана Nike. В тот год Джон Томпсон пригласил его в качестве гостя на Финал четырех в Новый Орлеан, и там к Ваккаро пришла следующая гениальная идея. Он увидел, что, несмотря на то что приз Самому выдающемуся игроку ушел Джеймсу Уорти, главной звездой шоу был Майкл Джордан.

«На глазах у всего мира случилось нечто особенное», –

говорил Ваккаро о победном броске Джордана в игре с Джорджтауном. Родилась звезда. Ваккаро не был знаком с Майклом Джорданом. Дин Смит имел спонсорский контракт с Converse, в обуви от этой компании «Тар Хиллз» играла свои матчи. Сам же Джордан обожал Adidas. Особенно ему нравились их кроссовки, потому что можно было вынуть их из коробки, и они уже были готовы к носке. Их не нужно было разнашивать. На тренировках он бегал в обуви от Adidas, а на игры был вынужден надевать Converse. Ваккаро верил, что харизма Джордана сделает его могущественной силой в маркетинге. Он хотел, чтобы Nike заключила контракт с Джорданом и запустила линию товаров, связанных с его именем. В январе 1984 г. на встрече с Робом Страссером и другими официальными лицами Nike он рассказал о своей задумке. В то время Джордан еще был третьекурсником и не принял решение перескочить через последний год в колледже прямиком в NBA.

У топ-менеджеров компании был бюджет в 2,5 млн долларов на спонсорские контракты с профессиональными баскетболистами, и они раздумывали над тем, чтобы распределить эту сумму между несколькими молодыми игроками, включая Чарльза Баркли из Оберна, приобретшего известность благодая своему стилю игры и нестандартной харизме, и Сэма Боуи, которого задрафтовал «Портленд», так что он теперь жил почти по соседству с «кампусом» Nike в Орегоне. Идея распределить бюджет между несколькими интересными молодыми игроками, пришедшими в лигу по итогам богатого на таланты драфта 1984 г., казалась разумной. «Не делайте этого, – сказал Ваккаро Страссеру. – Отдайте все парню. Отдайте все Джордану». После чего стал громко и напыщенно рассказывать о привлекательности Джордана, о том, как эта фигура станет локомотивом, который выведет спортивный маркетинг на новый уровень. Самое важное, продолжал Ваккаро, это то, что Джордан – лучший игрок из всех, кого он только видел.

«Джордан умеет летать», – сказал Ваккаро Страссеру.

В то время спонсорские контракты многих баскетболистов с производителями обуви не превышали сумму в 10 тыс. долларов. Только один игрок, Карим Абдул-Джаббар из «Лос-Анджелес Лейкерс», по слухам, зарабатывал что-то около 100 тыс. долларов в год благодаря своему контракту с обувной компанией.

Еще более странным призыв Ваккаро к директорам Nike делал тот факт, что публика на тот момент еще не разглядела в Джордане новую икону. «Тогда Майкла не превозносили, не огламуривали, – отмечал Ваккаро. – Он был очень хорош, но для

людей он был лишь одним из игроков команды Дина». Ваккаро утверждал, что Джордана ждет взлет к небывалым высотам известности и славы, какие никогда прежде не покорялись ни одному баскетболисту в истории. И Nike должна ухватиться за эту восходящую звезду, связав с ней свое будущее. «Мой замысел был таков: все деньги, сколько их у нас есть, надо отдать ему, – вспоминал Ваккаро. – Роб выслушал меня, а потом задал вопрос: «Рискнешь поставить на кон свою работу?»

За семь лет работы на Nike Ваккаро не раз получал повышение, через его руки проходили сотни тысяч долларов, уходившие тренерам студентов, но сам он за свои усилия получал лишь базовые 24 тыс. долларов в год. Потому он улыбнулся и сказал: «Конечно».

Страссер научился доверять инстинктам Ваккаро, но у него были свои опасения касательно сделки. Чтобы ставка на одного игрока сыграла, Nike придется связать воедино очень много всего и сразу, включая обувь и одежду, и, оформив уникальную линейку товаров, раскрутить ее за счет рекламы и создания нового бренда.

Роб Страссер связался с Дэвидом Фальком и сказал ему, что Nike раздумывает над подписанием контракта с Джорданом. Фальк и Страссер уже заключали прежде сделки, касавшиеся других игроков, и в этот раз они пришли к соглашению, что Джордана следует раскручивать скорее как теннисиста, как отдельную личность, а не как баскетболиста, продвижение которого традиционно связано с командными достижениями. Страссер предложил Фальку начать готовить почву для подписания контракта с Джорданом. Фальк ответил, что начнет прорабатывать эту идею, хотя и предупредил Страссера, что Каролину обычно редко покидают раньше срока, что не совсем было правдой. Самой легкой частью работы по сделке будет привлечение внимания Дина Смита, поскольку партнер Фалька Дональд Делл уже состоял в деловых отношениях со Смитом.

Дина Смита той весной несколько раз видели ведущим беседу с Фальком и другими представителями ProServ, так что, вероятно, Смит помнил о перспективах спонсорского контракта с обувной компанией для Джордана, когда подталкивал его к тому, чтобы стать профессионалом в тот год. Смит никогда не распространялся об этих встречах, но, как отмечал Билли Пэкер, Смит никогда ни о чем не распространялся. Смит оценивал перспективы Джордана в профессиональном баскетболе, опираясь по большей части на результаты своего общения с различными командами NBA, в числе которых была и «Филадельфия 76», которую в то время тренировал Билли Каннингем, один из

бывших звездных подопечных Смита. «Сиксерс» сказала Смиту, что если ей достанется второй или третий номер на драфте, она выберет Джордана. Но если Каннингему очень нравился Джордан, то владелец клуба Гарольд Катц, казалось, намерен уговорить на переход Чарльза Баркли – об этом рассказал бывший тренер «Сиксерс» Мэтт Гукас в интервью 2012 г.

Как бы то ни было, «решение» Джордана покинуть колледж раньше времени дало толчок плану Ваккаро по созданию линейки товаров, связанной с Майклом. В августе 1984 г. Роб Страссер и Питер Мур, креативный дизайнер Nike, встретились в Вашингтоне с Фальком. К тому времени Фальк составил список потенциальных названий для товаров с именем Джордана – кроссовок и экипировки. В списке был и Air Jordan. Страссер и Мур тут же ухватились за эту идею.

«Все, решено, – сказал Мур. – Air Jordan».

К концу встречи Мур уже набросал очертания будущего логотипа бренда, довершив его значком с крыльями, обрамляющими баскетбольный мяч, и словами «Air Jordan».

Тем временем Ваккаро еще только предстояло убедить главу Nike Фила Найта, человека по натуре очень закрытого, в том, что делать столь экстравагантное предложение молодому, относительно малоизвестному и не проверенному в боях NBA новичку лиги – хорошая идея. Во время Олимпиады в Лос-Анджелесе он договорился с Найтом о деловом ужине, на который пригласил за компанию и Билли Пэкера – по всей видимости, чтобы тот помог ему продать идею Найту.

Найт, бывший бегун на милю, основал Nike вместе с Биллом Боуэрманом, легендарным тренером по легкой атлетике из Университета Орегона. Найт сосредоточил в руках экстравертов вроде Роба Страссера управление каждодневными делами Nike. Серьезные стратегические решения по-прежнему принимались с его благословения. Найт отчетливо осознавал, что Ваккаро выстроил отношения, которые обеспечили Nike колоссальный рост продаж. Более того, издание *Sporting News* вскоре включит Найта и Ваккаро в свой список ста самых влиятельных людей спорта. За ужином Ваккаро долго рассказывал о молодом игроке по имени Джордан. Пэкер вспоминал: «Найт был очень уклончив. Он задавал много вопросов, но никакого расположения к идее не выказывал. Не было никаких фраз вроде «Ну и дела, Сонни, надеюсь, ты сможешь его заполучить». Я не знал, привычное ли это для Фила Найта поведение или же нет. Но было не похоже, что возбужден от нетерпения, он не говорил: «Господи, может, я могу чем-нибудь помочь? Мы должны получить этого парня». Ничего подобного и близко не было. Все было очень спокойно,

очень по-деловому. А Сонни все продолжал рассказывать, почему Майкл, по его мнению, станет великолепным маркетинговым инструментом. Даже во время Олимпиады было очевидно, что нужно вложить еще очень много сил в то, чтобы Майкл стал ходовым товаром Nike».

Тем временем Страссеру и Ваккаро нужно было продать идею контракта с Nike еще и семье Джордана. Позднее Майкл признает, что в 21-летнем возрасте все еще был весьма неопытен и не очень-то задумывался о бизнес-перспективах и контрактах с производителем обуви. Но Ваккаро обратился к своему старому другу Джорджу Равелингу, ассистенту тренера Бобби Найта в олимпийской сборной, чтобы тот помог ему ближе подобраться к Джордану. Во время Игр в Лос-Анджелесе Равелинг представил Джордана Ваккаро. «Дело было в ресторане Tony Roma's. Джордж привел туда Майкла и представил меня, – вспоминал Ваккаро. – Тогда я впервые в жизни встретился с Майклом. Мы сели за стол и завели разговор о его возможном переходе в стан Nike. Он даже не слышал про Nike. Это нужно понимать. А я сказал ему: «Майкл, ты меня не знаешь, но мы спроектируем кроссовки специально для тебя. Ни у кого таких нет».

Ни одна из сторон не произвела на противоположную выдающегося впечатления. Джордан счел, что Ваккаро – какой-то мутный тип. Ваккаро решил, что Джордан – избалованный ребенок. Это стало очевидно, когда Джордан, пропустив мимо ушей разговор о товарной линейке, попросил у Ваккаро машину. «Если ты согласишься пойти на эту сделку, ты сможешь купить любую машину, какую захочешь», – сказал ему Ваккаро. «Я хочу машину», – настаивал Джордан.

«Майкл был настоящей занозой, это точно, – вспоминал Ваккаро. – Во-первых, он не умел считать деньги. Во-вторых, он все еще был ребенком, парнишкой из Северной Каролины. Ну и ладно. В 1980-е обувной контракт ничего не значил. Поэтому он был абсолютно равнодушен к затее. Он не хотел переходить к нам. Он хотел работать с Adidas. В 80-е у Adidas были самые стильные тренировочные костюмы».

Джордан спросил о деньгах, и Ваккаро сказал ему, чтобы он не переживал. Если сделка состоится, Джордан станет миллионером. Но интерес Джордана по-прежнему вызывала машина. Ваккаро понял, что, если Джордана так сильно привлекает идея с машиной, ему нужно достать ее для Майкла».

«Мы добудем тебе машину», – пообещал он.

Джордан улыбнулся, но это нисколько не успокоило Ваккаро. «Вы знаете эту улыбку Майкла, – говорил он. – Он смотрит на тебя. А улыбка очень хитрая. Никогда не знаешь, что она

означает».

Команда Nike знала, что Фальк также ведет переговоры с Adidas и Converse, но взаимоотношения Страссера с Фальком вселяли в них уверенность в благополучном исходе. В сентябре того года агент улаживал последние детали контракта Джордана с «Буллз». Плюс Nike знала, что ее планы на Джордана простираются гораздо дальше того, что могли предложить Майклу Adidas или Converse. Ваккаро и Страссер были уверены в том, что Джордан осознает, какое невероятное предложение ему сделала компания.

На следующий день после того, как сборная США взяла золото на Олимпиаде, Фальк, Страссер и Ваккаро сели за стол переговоров обсудить масштаб сделки с Джорданом. Nike действительно швыряла весь свой бюджет Джордану: 2,5 млн долларов за пять лет плюс подписной бонус, ежегодные фиксированные выплаты и финансовые гарантии. Nike также обязывалась активно участвовать в раскрутке бренда Air Jordan. Для спонсорских контрактов профессиональных баскетболистов с обувными компаниями этот договор был просто беспрецедентным по масштабу с учетом того, что Джордан получал 25 % прибыли с каждой пары проданных кроссовок под маркой Air Jordan. Также он будет получать отчисления с продаж кроссовок Nike Air. По правде говоря, откровенничал Ваккаро в 2012-м, Фальк мог добиться для Джордана и 50 %-ных отчислений с продаж. «Дэвид хотел получить больше денег вперед. В 1984-м не было никаких гарантий того, что кроссовки будут хорошо продаваться».

Как бы то ни было, сделка представляла собой колоссальный риск. В конце концов, Джордан переходил в скверно управляемую команду лиги, все еще не отошедшую до конца от своей тусовочной культуры 1970-х с активным злоупотреблением кокаином. Команда «Буллз», только-только подписавшая Джордана, имела в своем составе нескольких игроков, глубоко убежденных в том, что под «коксом» любое дело спорится лучше. Если бы Nike провела хотя бы формальную оценку рисков, ее могло хватить для того, чтобы начисто отказаться от затеи с контрактом. Однако дело тут было не в бизнес-планах, а в чутье Сонни Ваккаро.

Вечером, за день до того, как Джордан вместе с родителями должен был вылетать в Орегон на презентацию, подготовленную официальными лицами Nike и посвященную их видению будущей рекламной кампании Air Jordan, Майкл позвонил родителям и сообщил, что никуда не поедет. Он утомился после всех многочисленных поездок, случившихся в последнее время, и единственное, чего он хочет, это не тащиться завтра на другой

конец страны ради кроссовок, которые ему даже не нравились. Делорис Джордан настаивала на том, чтобы сын явился утром в аэропорт. Никакой другой вариант развития событий она не приемлет. Разумеется, на следующий день Джордан был в Международном аэропорту Роли-Дарем.

Страссер, Ваккаро и все сотрудники Nike присутствовали на встрече. Среди них был и Ховард Уайт, бывший баскетболист из Университета Мэриленда, которому суждено будет сыграть свою роль в долгосрочных отношениях компании с Джорданом. Даже Фил Найт заскочил на встречу, что редко случалось с главой компании. Ваккаро и других представителей Nike сразу поразили профессионализм и сосредоточенность Делорис Джордан. «Могу сказать, что она – самый впечатляющий человек, коих я встречах в своей жизни, – говорил Ваккаро, – потому что сумела выторговать такую жизнь для своего сына».

На презентации Джордан сидел с каменным лицом, словно ему было все равно. Он не хотел присутствовать там и твердо намеревался показать свою незаинтересованность. Он посмотрел на красно-черные кроссовки и отпустил ремарку в духе «красный – цвет дьявола». Как жаль, добавил он, что он до сих пор еще не в Каролине. Тогда кроссовки были бы выполнены в «небесно-голубом» цвете. Несмотря на такое отношение Майкла, Ваккаро не мог отвести глаз от Делорис Джордан. Он следил за выражением ее лица, пока шел рассказ о том, что ее сын будет получать отчисления за каждую пару проданных кроссовок. Ваккаро сказал Джорданам, что Nike готова пойти ва-банк ради осуществления этого плана. «Я сказал это, и очень рад, что сказал: «Мы пойдем ва-банк», – вспоминал он. – Я ставил на кон свою работу. Nike ставила на кон свое будущее. Невероятно. Весь наш бюджет. С точки зрения матери Майкла, это было сродни тому, что мы поставили на кон свою семью. Словно мы говорили: «Вот как сильно мы тебя хотим». Она видела, что мы «собираемся сделать ее сына будущим этой компании». Будто мы говорили: «Майкл, мы обанкротимся, если ты откажешься». Буквально это я и говорил. В этом был весь смысл диалога».

Не была озвучена лишь ключевая мысль, сидевшая в головах каждого, кто присутствовал на встрече. Это была не просто беспрецедентная в финансовом плане сделка. Суть была в том, что такой горшочек с золотом предлагался 21-летнему афроамериканцу, который ни одной минуты не провел в профессиональном баскетболе. Америка уже видела восхождение и расцвет выдающихся чернокожих атлетов, ставших иконами: от Джеки Робинсона до Уилли Мейса, от Билла Расселла до Уилта Чемберлена, от Джима Брауна до Мохаммеда Али. Им удалось

проложить себе путь к славе сквозь тернии борьбы за гражданские права, шедшей по всей стране. И никогда, ни в один момент их карьеры люди с Мэдисон-авеню не видели в этих мужчинах подходящих кандидатов на центральное место в масштабной рекламной кампании, какую Nike подготовила для молодого Майкла Джордана.

Расчет времени – это и правда *всё*. И хотя вопрос еще не был улажен до конца (до этого еще было далеко), Ваккаро почувствовал прилив уверенности в себе, увидев выражение лица миссис Джордан. «Я понял всё по реакции Делорис, – вспоминал он. – Кто-то предлагал им партнерские отношения вместо того, чтобы просто платить Майклу зарплату. И ей это очень понравилось. Эта женщина – всё. Майкл любил своего отца, это правда. Но заправляла всем Делорис».

Тогда этого сразу не поняли, но встреча стала знаковым моментом с точки зрения black power, хотя эта «власть черных» родилась не из протестов против социальной несправедливости и расовых предрассудков. Власть черных, которую олицетворяла Делорис Джордан, вышла прямиком с Прибрежных равнин Северной Каролины, где черным насильственно запрещалось участвовать в политической и общественной жизни. Власть черных, которую она знала, символизировал ее отец, и базировалась она на экономических реалиях жизни испольщиков и земледельцев-арендаторов. Это была экономическая власть черных, и – может прозвучать спорно – эта власть была самым мощным орудием чернокожих, она находила свое проявление в банках и маленьких бизнес-предприятиях, которыми владели чернокожие и которые процветали во время сегрегации в городах вроде Атланты и Дарема. Зачастую экономические успехи чернокожих профессионалов и бизнесменов не получали огласки в прессе, о них мало кто знал, но благодаря им афроамериканское сообщество накапливало богатство.

Те первые переговоры с Nike станут первым шагом Майкла Джордана к обретению такой экономической мощи, какая изменит его жизнь навсегда. Впрочем, прежде чем это случилось, директорам Nike и Делорис Джордан было необходимо убедить ее дерзкого и обидчивого сына в том, что заключение контракта – в его наилучших интересах. Первым его ответом было каменное лицо. Затем он взглянул на Ваккаро и вновь спросил про машину. Ваккаро достал из кармана две миниатюрные игрушечные машинки и покатил их через стол к Джордану. Годы спустя Ваккаро был убежден, что одна из них была моделью Lamborghini.

«Вот твои машины, Майкл», – ответил Ваккаро. После этого он повторил, что сделка даст Джордану возможность купить

любой автомобиль, какой он только захочет. На самом деле обувная компания собиралась платить Джордану больше, чем «Буллз». Все присутствовавшие в комнате, казалось, улыбаются, все, кроме Джордана. Фил Найт сострил, что компания покупала Джордану машины еще до того, как он согласился заключить сделку. После этого глава Nike извинился и покинул комнату.

«Майкл, в какой-то момент приходится довериться людям», – вспоминал свои слова, сказанные в адрес Джордана, Ваккаро. – Этими словами я хотел озвучить факт, который он и так знал: «Мы ставим на тебя столько же, сколько ты ставишь на нас».

Когда встреча завершилась, сотрудники Nike понятия не имели, какие эмоции Джордан испытал от презентации. Позже он сообщил Фальку, что сыт по горло всеми этими встречами. Джордан начал расслабляться лишь позже в тот вечер, за ужином с родителями, Страссером и другими официальными лицами Nike. Молодая звезда произвела на всех очень благоприятное впечатление: он был любезен, очарователен и с легкостью вписался в ряды посетителей дорогого ресторана. Его образ, то, как он держался в тот вечер, убедили руководителей Nike в том, что они сделали мудрый выбор, что и вправду в этом молодом человеке есть что-то особенное, умение находить общий язык с людьми любого происхождения и статуса. Термин «пострасистский»[29] еще не попал в словари, но то, что они увидели и почувствовали в Джордане, можно было описать этим словом. После ужина они подготовили видео с кадрами самых ярких моментов выступлений Джордана за Северную Каролину, чтобы он мог посмотреть его в видеопроигрывателе лимузина по пути в отель. Это было как нельзя кстати. Он также повторно просмотрел видео, посвященное будущей линейке товаров Air Jordan, которая могла стать его личной. Сделка не была закрыта, но связи были налажены, первые впечатления получены.

«Он послушался ее, – сказал Ваккаро о Джордане и его матери. – У нее был решающий голос. Делорис сказала ему: «Они хотят, чтобы мы стали их партнерами». Она убедила его. Действительно убедила. Я никогда не забуду тот день».

Фальк как прилежный профессионал отправился в офисы Converse и Adidas, чтобы оценить их предложения для Майкла. Джордан даже связался со своим знакомым представителем Converse, сказав ему, что его компании «просто необходимо подобраться как можно ближе» к предложению Nike. Но ни Converse, ни Adidas не были готовы предложить ничего и близко сопоставимого с тем, что было предусмотрено Сонни Ваккаро по отношению к Майклу Джордану. Предположительно, Фил Найт так никогда и не дал официального разрешения на заключение

сделки и не высказал своего одобрения. Но никаких действий для того, чтобы помешать подписанию контракта, он тоже не предпринял, а Роб Страссер ухватился за идею Ваккаро и претворил ее в жизнь.

> В результате безмолвие Найта стали трактовать как молчаливое согласие.

«Фил Найт послушал такого парня, как Сонни, и купился на его замысел, – говорил Пэкер. – Сколько бы они ни платили Сонни, это было гораздо, гораздо меньше того, что он сделал для них. У него было великолепное видение будущего, и одно из величайших его озарений заключалось в том, что Майкл не просто станет уникальным в своем роде игроком, он еще и будет магнитом для покупателей, которых будут притягивать его имидж и характер и которым можно будет продавать кроссовки и все, что угодно, еще от его имени». В то время официальные лица Nike этого не подозревали, но в тот день они сделали первый и бесповоротный шаг к тому, чтобы сделать Майкла Джордана полноценным партнером компании.

«Он столько же образ, сколько и символ», – объявил той осенью Дэвид Фальк, рассказав общественности о том, что Джордан подписал контракты с Nike, Wilson Sporting Goods и Ассоциацией дилерских центров Chevrolet Чикаголенда. Сделка с Nike вызвала особенно много удивленных вздохов – и возгласов негодования – в профессиональном баскетболе. Джордан и сам это почувствовал еще до того, как впервые вышел на паркет против первого соперника в лиге. Но из-за своей молодости и неопытности он не сумел оценить масштабы этого резонанса.

«Я знал, что все взоры прикованы ко мне, – сказал он перед началом своего первого сезона в NBA, – и некоторые вещи, которые я творю, порой удивляют даже меня самого. Они не всегда спланированы. Они просто происходят».

Тем временем Сонни Ваккаро был несказанно обрадован тем, что Nike вот-вот приступит к реализации его самой главной идеи. «Мы могли потонуть, если бы вся затея обернулась провалом, – сказал три десятилетия спустя Ваккаро, оглядываясь в прошлое. – Мы вложили в него все деньги, какие у нас были. Что, если бы он оказался средненьким игроком? В то время никто не мог наверняка знать, каким он станет. Мы были бы унижены. Я хочу сказать, что не знаю, что могло бы произойти. Но я знаю, чего не произошло. Он не был посредственным игроком. Он был тем, кто сделал миллионы долларов».

Глава 16
Первый взгляд

В конце августа Джордан возвратился домой на очередную церемонию чествования своих достижений, на сей раз проходившую в уилмингтонском Талиан-Холле, где он формально вручил своей матери золотую олимпийскую медаль. Старшая школа Лэйни также воспользовалась случаем, чтобы изъять из обращения майку «Бакканирс» с 23-м номером, которую носил Джордан. Месяц спустя он отправился в Чикаго к началу тренировочной подготовки к сезону.

Он заключил, что его жизнь в статусе игрока «Чикаго Буллз» будет кардинальным образом отличаться от тех дней, когда он был баскетболистом каролинской «Тар Хиллз». Но даже при этом он не подозревал, насколько колоссальными будут эти перемены. Началось все с тренера. Над ним больше не будет довлеть диктат Дина Смита или Бобби Найта. Его новым тренером был 44-летний Кевин Логери – яркий продукт эры сумасбродства в профессиональном баскетболе, захватившей 1960–1970-е, когда он был звездой «Балтимор Буллетс». Логери говорил с густым бруклинским акцентом и часто улыбался кривой ухмылкой, хорошо соответствовавшей его веселому подходу к игре.

«Кевин был человеком старой школы, – вспоминал бывший тренер «Буллз» Марк Пфейл. – В то время профессиональные баскетболисты еще умели веселиться и получать удовольствие от игры. Ты приходил, делал свою работу, а потом все собирались вместе и шли кутить и развлекаться по барам».

У Логери было интуитивное понимание баскетбола. Он был толковым игроком в прошлом, за 12 сезонов в NBA его средний показатель равнялся 15,3 очка за игру. Он сразу же понравился Джордану, потому что будучи тренером привел Джулиуса Ирвинга и «Нью-Йорк Нетс» к двум чемпионским титулам Американской баскетбольной ассоциации (American Basketball Association – ABA). Как игрок Логери выступал защитником против Джерри Уэста в финале Восточной конференции 1965 г., когда Уэст бил все рекорды, набирая в среднем по 40 с лишним очков за игру. Помимо его опыта взаимодействия с Уэстом и Ирвингом, Логери выделяло то, что он понимал один важный момент: атлет выдающихся физических талантов живет и творит в отдельной от всех категории. При Логери молодая звезда команды будет получать мяч так часто, как это только возможно.

Джордан много раз говорил, что Логери был самым веселым

тренером из всех, у кого он играл. «Он придал мне уверенности, необходимой для игры на этом уровне, – объяснял позднее Джордан. – В мой первый год он бросил мне мяч и сказал: «Эй, парень, я знаю, ты умеешь играть. Иди играй». Не думаю, что все было бы так же, попади я в систему другого тренера».

И внезапно на площадке стал мелькать летающий призрак с оскаленными деснами, что когда-то царствовал в спортзале старшей школы Лэйни, пусть теперь Джордан и обладал более развитой мускулатурой и гораздо более отточенным мастерством. Теперь ему не было нужды прятать от всех свой атлетизм.

Логери посвятил этот год поискам Джорданом своей идентичности и обретению им уверенности в себе. Тренер позволял Джордану самостоятельно изучать и открывать для себя собственную игру вместо того, чтобы принуждать его к чему-то, загоняя в рамки. Он разглядел невероятный голод Джордана и осознал, что его работа состоит в том, чтобы утолить его. Если системы игры Дина Смита и даже Бобби Найта тормозили развитие Джордана, то при Логери он обрел свободу, в которой нуждался и которую хотел почувствовать. Помогал и тот факт, что власть Логери в команде зиждилась на крепких взаимоотношениях с генеральным менеджером «Буллз» Родом Торном, который был ассистентом Логери в «Нетс» и полностью доверял его тренерским методам.

Не менее важным фактором стали и взаимоотношения Логери с молодой звездой. «Я могу называть его другом», – объяснял Джордан. Логери сам был когда-то в таком положении и понимал вызовы, с которыми приходилось сталкиваться первогодке, как и его новым партнерам по команде. Теперь вместо мотивированных молодых звезд УНК Джордану приходилось работать с компанией циничных изгоев и посредственностей, некоторые из которых имели серьезнейшие проблемы со злоупотреблением кокаином и алкоголем. Талантливый защитник Куинтин Дэйли находился в самом эпицентре развала «Чикаго», широко освещавшегося в СМИ и начавшегося задолго до того, как в команду пришел Джордан. «Кью был хорошим другом, – вспоминал тренер Марк Пфейл. – Мне было обидно за него. Мы пытались угрожать ему, но как можно угрожать тому, кто пришел из ниоткуда и ничего не имел? Он говорил: «Я окажусь на улице? Я уже там был. И выжил. Этим меня не напугаешь».

На пару с ним начинал свое погружение в пучину алкогольно-кокаинового угара и другой невероятно талантливый игрок команды, Орландо Вулридж, проводивший свой второй год в лиге выпускник Университета Нотр-Дам. По сути, оба игрока вступили

на горестный путь к преждевременной смерти. В составе было полно беспокойных душ. Как объяснял пиар-менеджер «Буллз» Тим Халлам, Джордан был слишком сосредоточен на соревнованиях, чтобы находить время для наркотиков и алкоголя. Употребление их означало бы, что он дает своим оппонентам преимущество, раскрывая свои слабости, – на такое Джордан не пошел бы никогда.

Не хвативший звезд с неба легкий форвард Род Хиггинс, один из немногих стабильных членов состава команды, был старше Джордана на три года. Посреди хаоса того сезона между ними быстро установились дружеские отношения, которые продлятся еще много лет после того, как оба завершат карьеру. Шесть лет спустя Джордан вспомнит прошлое и скажет, что из всех партнеров ребята из первого его сезона были самыми физически одаренными из всех, но также самыми невежественными. «Looney Tunes» – так он их называл.

Спорткомплекс «Энджел Гардиан Джим», где тренировалась «Буллз», способствовал достижению успеха не больше, чем горемычные партнеры Джордана по команде. «Это был довольно мрачный и темный спортзал с очень жестким паркетом, – объяснял Тим Халлам. – Никаких излишеств не было. Машину приходилось парковать на газоне позади зала. Там был один маленький бордюр, к которому игрокам разрешалось подъезжать на машине, после чего они должны были переехать его и остановиться на траве. Раздевалка была допотопная. Никакой еды не было. Там вообще не было никаких удобств в принципе».

Вдобавок «Энджел Гардиан» был постоянно полон детворы. Джо О'Нил, много лет занимавшийся в «Буллз» продажей билетов на игры, вспоминал: «Чтобы игроки «Буллз» могли потренироваться, им приходилось ждать в очереди, пока площадку не освободят третьеклассники, я не шучу. Игроки вставали в строй, а на другой стороне зала стояла шеренга детей, собиравшихся в бассейн или спортзал». Кроме того, в этом месте было банально очень холодно, найти там укрытие от пресловутой чикагской ненастной погоды было трудно, вспоминал бывший защитник «Буллз» Джон Пакссон. Но Джордан, как и тогда в Венесуэле на Панамериканских играх, не придавал никакой значимости стесненным обстоятельствам. «Энджел Гардиан» ничем не уступал площадкам Эмпи-парка под открытым небом или многим другим местам, где он играл в юности. Так что он просто пожал плечами и взялся за работу.

В течение первых нескольких недель «Буллз» оплачивала проживание своего новичка в Lincolnwood Hyatt House, находившемся неподалеку от «Энджел Гардиан». Когда Джордан

приземлился в аэропорту О'Хара за несколько дней до начала работы тренировочного лагеря команды, его встречал 29-летний водитель лимузина Джордж Колер, который только что упустил заказ и теперь искал следующего клиента. Он увидел молодого и тощего новичка, по ошибке окрестил его Ларри Джорданом и предложил довезти до любого места в городе за 25 баксов. «Вы знакомы с моим братом?» – спросил Джордан, недоуменно глядя на водителя. Тем не менее начало прекрасным отношениям было положено. Колер станет постоянным водителем Джордана, а потом его персональным ассистентом и другом на всю жизнь.

Он вспоминал, что в тот первый день в Чикаго Джордан был совсем зеленым и явно ощущал себя некомфортно в большом городе. «Я посмотрел в зеркало заднего вида и не увидел его, потому что он свернулся на сиденье калачиком, как маленький ребенок, – вспоминал Колер. – Я не знаю, бывал ли он прежде в длинных лимузинах; в Чикаго он никого не знал. Я был незнакомцем для него, и было очевидно, что он немного нервничает, опасаясь, что я завезу его в какой-нибудь мрачный переулок».

Вскоре Джордан освоился. «Каждый день он приходил на тренировку так, словно это была седьмая игра финала NBA, – рассказывал со смехом Джо О'Нил. – Он просто уничтожал всех на тренировках. Это задавало тон всей нашей команде».

Логери наблюдал за Джорданом издали, но вблизи он производил куда более серьезное впечатление. «Когда мы начали отрабатывать игру один на один, – вспоминал тренер, – мы сразу же увидели, что он – звезда. Не могу сказать, будто мы тогда решили, что он – лучший игрок в баскетбол в истории. Но мы всегда понимали, что Майкл умеет бросать мяч. Многие люди сомневались в этом. Но в колледже, у Дина Смита, а позже на Олимпиаде у Бобби Найта Майкл играл в системах, заточенных на игру в пас. Так что никогда не выпадала возможность увидеть, как он умеет работать с мячом индивидуально, оценить, как хорошо он это делает. А потом, когда мы обнаружили, насколько он конкурентоспособен, то поняли, что заполучили игрока, у которого есть все».

На второй день тренировок тренеры решили устроить разминку с мячом, чтобы оценить навыки Джордана в открытой игре на площадке. Билл Блэр, ассистент Логери, говорил: «Майкл снял мяч с кольца на одном ее краю и пошел с ним на противоложный. Где-то с линии штрафного броска он взмыл в воздух, а затем вколотил мяч в корзину данком, и Кевин воскликнул: «Нам больше ни к чему разминаться с мячом».

«Его умение предугадывать то, что произойдет дальше – он

умел видеть всю площадку, – было потрясающим, как и его быстрота и сила, – вспоминал Логери. – Это еще один момент, который часто недооценивается, – насколько сильным был Майкл. Он действительно обладал полным букетом атрибутов и навыков».

Тем не менее с самого начала Джордан сконцентрировался не на том, что у него было, а на том, чего не было. «Нет никаких сомнений в том, что теперь я играю на новом, более сложном уровне, – сказал он после своей первой тренировки в качестве профессионала. – Мне еще многому предстоит научиться».

«Сразу было понятно, что Майкл – особенный, хотя бы по тому, что на тренировки он приезжал минут за 30–40 до их начала, – рассказывал Блэр. – Он хотел поработать над своими бросками. А после тренировки заставлял тебя помогать ему. Он продолжал работать над бросками. Ему было все равно, сколько времени он проводит на площадке. Что мне всегда в нем нравилось, так это то, что, когда я убирал его с разминки с мячом во время тренировок, он тут же начинал требовать вернуть его на паркет. Майкл обожал играть в баскетбол».

Секретариат

Контингент представителей прессы, освещавших первый день Джордана в тренировочном лагере, состоял из одного газетного репортера, одного автора журнальных статей, четырех фотографов и съемочной группы ТВ. Разумеется, «Кабс» в тот уик-энд завершал исторический для себя сезон, а команда «Беарз» встречалась в то воскресенье с «Далласом» на «Солджер Филд», но суровая правда состоит в том, что в сентябре 1984-го никто не интересовался судьбой «Буллз», с Майклом Джорданом в составе или без него. «Буллз» была самым бедным и несчастным ребенком в городе», – объяснял Джефф Дэвис, который в те дни был продюсером спортивного телевидения во Втором городе.

Дело было не только в Чикаго – NBA тоже было, в сущности, все равно. В том сезоне лига заключила новый телевизионный контракт с CBS Sports, который не предполагал показа ни единого матча с участием «Буллз» в календаре. Даже местные каналы не были заинтересованы в том, чтобы снимать материал о «Буллз» для своих выпусков. Дэвис говорил: «В те дни телевидение редко к ним заглядывало». Если съемочная группа не появлялась в «Энджел Гардиан», Логери нисколько не расстраивался. Джефф Дэвис же приходил туда лишь потому, что был баскетбольным фанатом. «Я никогда не забуду те тренировки в начале сезона, –

вспоминал он. – Боже мой, да Джордан показывал такую интенсивность, с какой не мог соперничать ни один другой игрок, а все потому, что Майкл был очень талантлив. Было видно, что он – настоящий трудяга, ты чувствовал, что он будет творить что-то особенное. Он вколачивал мячи с такой легкостью… и против любого соперника. Он был очень требовательным. Хотел, чтобы защитники приклеивались к нему. «Плотнее. Давай, защищайся против меня. Черт бы тебя побрал!» Он обзывал партнеров. Языкастый был, да».

«Каждый день Майкл кого-нибудь донимал, – вспоминал тренер Марк Пфейл. – С самого начала. Каждый день. Кто-то должен был быть его мишенью. Это мог быть кто угодно из игроков команды – Эннис Уотли, Ронни Лестер или Куинтин Дэйли. Майкл бросал, попадал и указывал им на это, снова и снова припоминая им их ошибки. Он дразнил их для того, чтобы заставить играть жестче, по большей части потому, что его соревновательный дух не знал границ. В его первый год бывали моменты, когда управлять тренировкой было попросту невозможно. Логери просто разводил руками и позволял Майклу делать свою работу».

«Очень интересно посмотреть на новичка, который приходит в команду так же, как это сделал Майкл, – вспоминал в 2012 г. Род Хиггинс. – Он моментально заслужил уважение ветеранов за свою конкурентоспособность. Когда мы начали работу тренировочного лагеря, я заметил, что этот парень унижает тебя всякий раз, когда уровень твоей игры не соответствует требованиям и тебе нужно подтянуться. К тому же ему было все равно, кто из ветеранов его опекает».

«Майкл, как Секретариат, – острил в тот год ассистент тренера Фред Картер. – Все другие лошади знают, что должны бежать изо всех сил, чтобы угнаться за ним».

«На тренировках Логери ставил Майкла в разные команды, чтобы увидеть, на что тот способен, – говорил Род Торн. – Но в какую бы команду Кевин его ни отрядил, эта команда обязательно побеждала. Кевин сказал мне: «Я не знаю, так ли плохи остальные парни или так хорош он».

«Кевин всегда так делал на тренировках, – вспоминал Пфейл. – Делил состав клуба на две команды, и первая команда, набравшая десять очков, объявлялась победителем. Проигравшие должны были пробежать десять кругов. Кевин называл эти игры «десять очков или десять кругов». За весь год Майкл не пробежал ни одного круга. Как-то раз команда Майкла вела 8: 0, и Кевин решил перекинуть его в состав противоположной. Майкл пришел в ярость. Первые девять очков он набрал для команды сам, и они

победили».

«Как только я увидел его работу в лагере, я изменил свое мнение о том, как мы будем играть в нападении, – вспоминал Логери. – Своей игрой он диктовал, какой тип игры в нападении нам будет нужен. Без учета Майкла у нас был довольно слабый состав, так что ему предстояло очень много бросать. Я сразу же начал обдумывать способы изолировать его, принуждать идти один на один. Имело смысл ставить его под кольцо, потому что он превосходил по силе большинство защитников в лиге. Было необходимо выстроить атакующую игру вокруг него».

Джордан надеялся, что будет играть атакующего защитника, с той мыслью, что против менее габаритных соперников ему будет проще. Логери, впрочем, решил развить эту идею чуть дальше: он счел, что первогодок вполне может дать команде преимущество, играя на позиции разыгрывающего. И более того, он может играть легкого форварда.

> Универсальность Майкла, по сути, означала, что «Буллз» получала качественное усиление сразу на трех позициях.

Перед стартом сезона команда отправилась в небольшое турне сыграть в выставочных матчах. Новая эпоха началась в Пеории, на арене «Сивик-центра», в присутствии 2500 зрителей. Джордан начал игру на скамейке; выйдя на паркет, он набрал 18 очков, став самым результативным игроком встречи. Далее по расписанию «Буллз» предстояла игра в Гленс-Фолс, штат Нью-Йорк, где Джордан, к большому восхищению толпы болельщиков, непринужденно исполнял данк за данком на разминке. Фанаты аплодировали ему вплоть до того момента, пока не стало ясно, что Джордан собирается размазать их любимых «Никс».

В отношении публики к Джордану Тим Халлам впервые увидел нечто особенное, когда команда «Буллз» приехала на выставочный матч на север Индианы. В тот вечер Джордан набрал 40 очков, и по окончании матча вереница болельщиков, многие из которых были совсем мальчишками, последовали за ним в коридор, словно за Крысоловом. С каждым днем магнетизм Джордана становился все очевиднее. В будущем клубу будет необходимо огораживать его живой стеной, чтобы защитить от необузданной силы этой людской любви. Но на возведение этой стены уйдут многие месяцы. В первые дни того сезона растущее внимание к нему болельщиков было просто забавным фактом.

По реакции своих тренеров и партнеров в первые недели работы тренировочного лагеря и по интересу публики к нему во время выставочного турне Джордан понял, что способен прервать

период неудач своего клуба. «Мы увидели его навыки, – вспоминал Логери, – но нужно было работать с ним каждый день, чтобы увидеть, насколько силен в парне был соревновательный дух. Он собирался попытаться изменить каждую непростую ситуацию. Он собирался выйти на огневой рубеж. Ему это нравилось».

Клубу было нужно все, что мог дать ему новичок. Когда Джеймс и Делорис Джордан впервые пришли на игру «Буллз» в «Чикаго Стэдиум», они были поражены обилием пустых мест на трибунах и совершенно мертвой атмосферой, царившей на арене. В сравнении с невероятной энергетикой на баскетбольных матчах Университета Северной Каролины игры «Буллз» выглядели откровенно жалко. Джорданы стали задаваться вопросом, как эта команда в состоянии платить их сыну сотни тысяч долларов каждый год при пустых трибунах. Со временем станет лучше, говорила Делорис своему мужу, но сама была отнюдь не уверена в этом. Негативом веяло уже от самого «Стэдиума», прозванного «Сумасшедшим домом на Мэдисон-стрит» и расположенного посреди одного из худших кварталов Чикаго. Этот район серьезно пострадал в результате чикагского бунта 1968 г., начавшегося после убийства доктора Мартина Лютера Кинга-младшего. За прошедшие с той поры полтора десятилетия большая часть Вест-сайда до крайности помрачнела. Для любого болельщика, набравшегося храбрости посетить игру «Буллз», простой поиск парковочного места и входа на арену оборачивался большим стрессом. «Там крутились детишки, которые спрашивали у тебя: «Можно помыть вашу машину, мистер?» – вспоминал Джефф Дэвис. – Если ты припарковал машину на улице и не дал им немного наличных, по возвращении тебя ожидали изрезанные шины. Такое нередко случалось. Если ты работал в СМИ, тебе говорили: «Не паркуйтесь нигде, кроме специально отведенных для команды парковочных мест, и как можно быстрее выбирайтесь со стадиона после матчей». Так что в течение получаса или 40 минут после игры со стадиона был массовый исход народа. Люди не задерживались на арене и прилегающих территориях после матчей».

«В то время «Буллз» испытывал проблемы, а «Стэдиум» был расположен в Вест-сайде, – объяснял Тим Халлам. – Тогда район выглядел совсем не так, как сейчас, когда сюда пришло экономическое процветание. Стадион был одним из самых старых зданий среди арен лиги, старше был только «Бостон Гарден». Знаете, когда стадион был забит под завязку, он был великолепен. Шум оставался внутри, потому что звуки отражались от крыши и возвращались к трибунам. Там не было

никакой акустики, что даже к лучшему при аншлагах, но в то время мы не собирали полные залы. Посему арена была мертвой по большей части».

«У нас по-прежнему была очень маленькая аудитория держателей абонементов, – признавался Джо О'Нил. – В третьей четверти я обычно мог сосчитать болельщиков самостоятельно. Я просто выходил и начинал пересчитывать всех, кого видел».

Стив Шанвальд, который со временем станет вице-президентом «Буллз», приехал в Чикаго в 1981 г. на должность маркетингового директора бейсбольного клуба «Уайт Сокс». Сам выпускник Университета Мэриленда, он обожал энтузиазм и задор баскетбольных матчей ACC и решил, что будет неплохо посетить пару матчей «Буллз». Увиденное шокировало его. «Стэдиум» был мертвым пространством для баскетбола, – вспоминал Шанвальд. – Мне нравилось приходить туда, потому что я мог сесть и комфортно вытянуться. Но зрелище было, конечно, постыдное. Я поверить не мог, что тут играет в баскетбол клуб NBA. Больше было похоже на CBA или что похуже. Сам по себе «Стэдиум» был хорош, когда был полон людей. Когда же людей не было, атмосфера там была угнетающей, он напоминал гробницу. Никаких кричаще ярких табло. Мне рассказывали, что в прежние времена болельщики «Буллз» смотрели баскетбольные матчи через хоккейные экраны Plexiglas. Вот насколько неуважительным было отношение к «Буллз».

Малочисленная аудитория, собравшаяся на матч-открытие сезона, лишь усложнила Джордану задачу. Он хотел провести на игру двух особ женского пола, но так, чтобы они не узнали о существовании друг друга. Он жил в городе всего около месяца – и большую часть этого времени с матерью, – однако уже на первую игру сезона доставал билеты для двух женщин и перед самым началом матча пытался каким-нибудь хитроумным способом добиться того, чтобы они оказались в разных секторах арены. «Лучше всего разместить их в противоложных углах, чтобы не путаться», – решил он. И конечно же, совершив столь типичную для неопытного новичка ошибку, он свел все свои усилия, направленные на хитрые манипуляции с местами для дам, на нет, сболтнув лишнее репортеру. Со временем он станет более вдумчиво относиться к тому, что и как говорить в присутствии представителей прессы.

И все же было очевидно, что он далеко продвинулся по сравнению с теми школьными годами, когда с трудом находил девушек, соглашавшихся идти с ним на свидание. Вскоре после победного броска в игре против Джорджтауна в 1982-м он вместе с соседом по комнате Баззом Питерсоном обнаружил, что их

популярность среди женского населения Чапел-Хилл взлетела до небес. В Чикаго Джордана ждала еще более активная и насыщенная социальная жизнь, пионером которой был экс-игрок «Буллз» Реджи Теус, который приобрел такую известность в тусовочных кругах чикагского даунтауна, что его стали называть Реджи с Раш-стрит[30].

С уходом Теуса из команды в 1983 г. «должность» главного дамского угодника Чикаго стала вакантной, и первогодок Джордан имел все шансы ее занять. Майкл серьезно относился к баскетболу, но не настолько, чтобы упускать очевидную возможность. В Каролине его известность делала его очень привлекательным. Теперь, в Чикаго, он обнаруживал, что его богатство вызывает к нему еще больший интерес.

Начало

Джордан, которому исполнился 21 год, сгорал от нетерпения, предвкушая первую игру сезона против «Вашингтон Буллетс», которая должна была состояться 26 октября 1984 г. на скрипучем старом «Стэдиуме». Не было никаких лазер-шоу, что в будущем будут предварять его выход на площадку. Вместо этого его первое появление на паркете сопровождалось аккордами песни Майкла Джексона «Thriller». Болельщики – а их было 13 913, примерно на 6000 больше, чем на матче-открытии предыдущего сезона «Буллз», – приветствовали его громкими аплодисментами и взрывались гулом одобрения каждый раз, когда он делал что-то, что меняло ход игры. В ту первую четверть игры стало ясно, что матчи «Буллз» больше не будут хорошим снотворным для фанатов.

Через 21 секунду после начала матча Джордан промазал свой первый бросок с 18 футов. Минуту спустя он обокрал защитника «Вашингтона» Фрэнка Джонсона, вписав в свой актив первый перехват. Прошло всего несколько минут от начала, когда у болельщиков появился первый повод затаить дыхание: взмыв в воздух слева от корзины, чтобы вколотить данк через голову мускулистого центрового «Буллетс» Джеффа Руланда, Джордан натолкнулся на сопротивление соперника и упал после того, как Руланд отмахнулся от него в попытке остановить вторжение. «Стэдиум» затих, пока Джордан лежал без движения. Наконец он встал, а позже пожаловался на болезненный дискомфорт в шее и голове. Он и Руланд после игры сошлись во мнении, что столкновение получилось нечаянно, но этот эпизод обрисовал дальнейшую канву событий – из раза в раз Джордан пытался

пробиться к кольцу сквозь соперников, руки которых, как ветви деревьев, препятствовали этому, и каждый раз «ветви» выражали недовольство этим фактом.

На отметке в 7: 27 первой четверти он осуществил свой первый бросок в карьере в NBA, забросив после бэнк-шота с 12 футов из правой части трехсекундной зоны. С этого момента он занервничал и в результате провел очень неровный матч по точности бросков. Он реализовал всего пять попыток из 16 с игры, набрал 16 очков и сделал семь передач при шести подборах. К девяти промахам он добавил пять перехватов. Но несмотря на это у болельщиков было много поводов для радости. «Это было хорошим началом моей карьеры, – сказал он после игры. – Моей главной задачей было заставить всех работать на победу. Сначала мне нужно удостовериться, что ты суетишься. Потом нужно растормошить больших ребят. Дальше все само встает на свои места». Одно точно изменится. В той первой игре мяч, казалось, провел большую часть времени в руках его партнеров по команде.

Во втором матче тренерский штаб насладился еще одним зрелищным перформансом Майкла в игре с «Милуоки Бакс». Ассистент тренера Билл Блэр вспоминал: «Когда он начал глумиться над Сидни Монкрифом, которого считали одним из пяти лучших оборонительных защитников лиги, мы поняли, что у нас в команде играет очень особенный игрок».

В своем третьем матче, также против «Бакс», Джордан набрал 37 очков, 22 из которых – в четвертой четверти, а 9356 зрителей на «Стэдиуме» стали свидетелями волевой победы «Буллз» над «Милуоки».

Чем меньше времени оставалось до конца, тем чаще мяч оказывался в руках Джордана. Жаждавший не разочаровать окружающих новичок метался по площадке от кольца до кольца, языком пробуя на вкус воздух арены. Он удивительно быстро находил мяч, собирал подборы и убегал в быстрые отрывы через площадку словно скэтбек[31], рвущийся на дневной свет. Поскольку Майкл умел делать кроссоверы, на полной скорости двигаясь по паркету, соперники научились противостоять этому за счет шага навстречу в момент исполнения им кроссовера, но обнаружили лишь, что он точно так же в любой момент готов сделать ослепительный обратный пивот на полной скорости. Подобные маневры представляли собой трудность даже для ловких, как водяные клопы, защитников, а тут их делает человек ростом почти в 2 метра?

Если соперники мешкали, отступая в защиту, он убегал, и все, ищи ветра в поле. А если они все же возвращались к кольцу,

чтобы защитить его, Джордан бросал им другой вызов. Снова и снова он отрывался от пола раньше них и летел к своей цели, оставляя себе время решить, как закончить эпизод. Элджин Бэйлор в конце 1950-х первым показал лиге, как можно подолгу зависать в воздухе, а Джулиус Ирвинг позже добавил этому действу некоторой поэтичности. Но то, как парил над землей Джордан, завораживало. Казалось, что по мере приближения к кольцу на него находило абсолютное спокойствие, его язык вылезал наружу в то время, как в поле зрения попадала вся защита соперника. В этот момент он мог любовно качать мяч и размышлять о дальнейших маневрах без необходимости беспокоиться о том, что думает тренер. Невероятно зрелищные данки Майкла скрывали от глаз наблюдателей его изумительную способность просчитать момент для разворота. Если защитник занимал свою позицию вовремя и следовал принципу вертикальности, то Джордан просто облетал его со стороны и забрасывал мяч из-за спины.

«Как только Майкл начал играть, и играть хорошо, болельщики заинтересовались, – вспоминал Род Торн. – В начале сезона мы продавали примерно по 6000 билетов на игру. Затем вдруг продажи подскочили до 10 тысяч. Он делал шоу». До регулярных аншлагов было еще далеко, но бизнес-модель «Чикаго Буллз» явно обрела второе дыхание.

Теперь, когда молодой Джордан обратил пламя своей ярости на соперников, на площадке у него стали возникать конфликты с простыми смертными – защитниками. «В своих первых матчах этот парень шел к корзине каждый раз, когда получал мяч, – объяснял Торн. – Он выполнял данки и делал «волчки». Игроки других команд сбивали его наземь, когда он взмывал в воздух. Мы довольно скоро осознали, что еще чуть-чуть и его убьют прямо на площадке». В своем первом матче против «Пистонс» Джордан летел на данк, когда центровой детройтской команды Билл Лэймбир завалил его на пол, спровоцировав взрыв негодования на трибунах «Стэдиума». Джордан нуждался в защитнике, который оберегал бы его от таких ситуаций, но в команде такой нашелся не сразу.

Победы «Чикаго» на первых порах привели к тому, что Куинтин Дэйли и другие игроки команды начали разглагольствовать о том, что дождаться не могут визита действующих чемпионов из «Бостон Селтикс». Джордан набрал 27 очков в игре против Ларри Берда и компании, но игроки «Селтикс» все равно одержали комфортную победу, зарядившись мотивацией после того, как прочитали газетные заметки, что «Буллз» хвастается своей хорошей формой. Однако Берд все равно

был впечатлен игрой Майкла. «Я никогда не видел, чтобы один игрок так кардинально изменил команду», – сказал он после игры колумнисту *Trib* Бобу Верди. – «Буллз» благодаря ему стала лучше во всем… Очень скоро здесь каждый вечер будут аншлаги… Люди будут платить просто за то, чтобы посмотреть на Джордана. Он лучший. Даже на этом этапе его карьеры он делает больше, чем делал когда-либо я. Новичком я не мог творить то, что творит он. Черт, сегодня был один эпизод с его проходом. Он держал мяч высоко в правой руке, а затем опустил его вниз. Потом вновь поднял. Я выставил руку, сфолил на нем, а он все равно забил. И все это время находился в воздухе. Нужно быть баскетболистом, чтобы понимать, насколько это трудно. Ты смотришь на такое и думаешь: «Ну и что я могу с этим поделать?» Я раньше мельком видел его в деле и не был впечатлен. Хочу сказать, что подумал: «Да, он будет хорош», но не настолько. Нет ничего такого, что он не мог бы исполнить. Это хорошо для их франшизы, для всей лиги в целом».

«В скаутском отчете говорилось, что мне можно давать совершать проходы, что я не могу уходить влево, – вспоминал Джордан. – Они не знали о моем первом шаге или моих движениях, не знали, как я прыгаю. Я знал, что удивляю всех, включая и самого себя».

Почуяв, что парень – восходящая звезда, Логери быстро организовал все нападение по принципу «только Джордан, все время Джордан». Вот как об этом говорил Тим Халлам: «Кевин был из тех тренеров, которые… как бы это сказать? Из серии «если поблизости есть лошадь, я ее оседлаю», как-то так. И в случае с Майклом все было именно так».

Это взаимное доверие крепло от игры к игре по мере того, как Джордан привыкал к стилю Логери и начинал чувствовать себя все комфортнее. Халлам вспоминал: «Кевин был хорошим тренером, великолепно умевшим находить выход из ситуации. Тогда он был настоящим тактиком. Майкл уважал это качество».

> Присутствие Джордана на паркете, казалось, способно дать ответ на любой тактический вопрос.

В своей всего-навсего девятой игре в качестве профессионала, против «Сан-Антонио», он набрал 45 очков. Шесть недель спустя уничтожил «Кливленд», записав в актив те же 45. Потом случился концерт в игре с «Нью-Йорком» на 42 очка. И еще 45 он накидал в игре против «Атланты». Уровень его энергетики заставлял соперников сильно нервничать. Док Риверс, разыгрывающий защитник-ветеран из «Атланта Хокс», говорил: «Помню, как в его первый год говорил парням в раздевалке: «Нет никаких шансов на

то, что этот парень отыграет весь сезон с такой же энергичностью». И правда, первогодки NBA традиционно начинали «упираться в стену» в какой-то момент сезона. Они проводили 25 матчей или около того – примерно столько длится сезон в студенческом баскетболе, – после чего обнаруживали, что ноги их больше не держат, а тела истощены до предела. Так бывало, но не с Джорданом.

«Два года спустя он продолжал играть в том же ритме, – дивился Риверс. – Его игровой интеллект всегда выделял его на общем фоне, но интенсивность, с которой играл Майкл Джордан, выделяла его еще сильнее. Очень мало игроков обладает таким качеством. Очень редко можно увидеть суперзвезду, играющую с такой интенсивностью и способную поддерживать ее на должном уровне каждый вечер, быть в ударе каждую игру. Видеть такое было невероятно круто».

Его первый трипл-дабл (35 очков, 15 ассистов и 14 подборов) случился в игре с «Денвером». Потом, перед самым перерывом на матчи Всех Звезд, он оформил 41 очко в игре против действующих чемпионов из «Бостона». Каждый раз, когда он играл против Берда, он вспоминал неуважительное отношение, проявленное главной звездой «Бостона» к нему во время выставочного турне олимпийской сборной. На разминке перед игрой мяч укатился от Джордана на противоположную сторону площадки, где разминались игроки NBA, там его подобрал Берд. Вместо того чтобы бросить мяч ждавшему Джордану, звезда «Селтикс» швырнула его над головой Майкла. «Берд показывал мне, что тут серьезный бизнес и я куда ниже его уровня, – сказал Джордан о том инциденте. – Я не забыл».

Босс «Селтикс» Ред Ауэрбах сразу распознавал в игре шоумена. «Это видно по его глазам, – сказал одному интервьюеру Ауэрбах. – Он счастлив, когда видит на трибунах толпу болельщиков и может выступать перед ней».

Легендарный центровой «Бостона» Билл Расселл соглашался с тренером: «Он один из немногих ребят, за игру которых я готов платить».

Запрет

Когда к началу 1985 г. новичок набрал обороты, Nike выпустила первые кроссовки Air Jordan – красно-черную модель, на использование которой в матчах NBA незамедлительно наложила запрет. Регламент лиги определял, что игроки должны носить только белые кроссовки, а потому NBA пригрозила

Джордану штрафом: он должен был платить по 5000 долларов каждый раз, когда надевает новые кроссовки на матч. Роб Страссер и Питер Мур из Nike тут же связались по телефону с Сонни Ваккаро. «И Роб, и Питер сказали: «Пошли они в задницу». Именно так и сказали, – вспоминал Ваккаро. – Я спросил: «В смысле? Он будет выходить на площадку не в наших кроссовках?»

Страссер быстро принял решение, что Nike все равно обует Джордана в свои кроссовки и возьмет на себя оплату его штрафов за каждую игру. Плюс компания собиралась рассказать болельщикам о запрещенных лигой кроссовках в рекламной кампании. NBA не могла бы предоставить производителю обуви более выгодную маркетинговую платформу. «Когда вы говорите общественности, что что-то отныне под запретом, что обычно делает общественность? – вспоминал со смехом Ваккаро. – Скажите людям, что им не разрешается что-либо делать, и они тут же начнут это делать».

Nike тут же зашевелилась, чтобы воспользоваться преимуществом, полученным от столь щедрого подарка, и начала раскручивать популярность кроссовок на основании того факта, что они – под запретом лиги. «И тогда оно случилось», – вспоминал Ваккаро. Яркая игра Джордана в начале сезона вкупе с запретом на кроссовки и последующей их активной рекламой привели к тому, что продажи компании подскочили до небывалого уровня. За первые три года Nike заработала невероятные 150 млн долларов на продажах обуви под брендом Air Jordan, что, в свою очередь, принесло Джордану первые внушительные заработки, легшие в фундамент его огромного богатства.

В тот первый сезон Nike активно проталкивала продукцию линейки Air Jordan на матч Всех Звезд в Индианаполисе. Ваккаро вспоминал: «Мы делали красно-черным все. Напульсники, футболки, все в цветах «Буллз».

Уик-энд Всех Звезд 1985 г. надолго запомнится появлением на паркете непривычно яркого новичка в новом стильном облачении и тем, как некоторые из звезд и ветеранов лиги игнорировали Джордана по ходу главного матча. Предполагаемый сговор между ними был таким коварным, что поначалу даже сам Джордан не распознал его. Подробности истории вскрылись после игры, когда доктор Чарльз Такер, советник Мэджика Джонсона, Айзеи Томаса и Джорджа Гервина, заговорил об этом в аэропорту. Такер сказал репортерам: «Парни были недовольны его отношением. Они решили преподать ему урок. В защите Мэджик и Джордж устраивали ему «теплый прием», а в нападении просто не давали ему мяч».

«Вот над чем они смеются, – объяснял Такер журналистам, стоя рядом со звездами, ожидавшими свои рейсы в аэропорту Индианаполиса. – Джордж спросил у Айзеи: «Как думаешь, хорошо мы его проучили?»

Их реакция была, по всей видимости, вызвана тем, что новичок надел свой новый спортивный костюм под брендом Air Jordan на конкурс слэм-данков. Джордан, щеголявший на конкурсе золотыми цепочками, уступил в финале Доминику Уилкинсу из «Атланты». Такер также рассказал, что ветераны сочли первогодка высокомерным и неприветливым. Предположительно, Томаса оскорбил тот факт, что Джордан почти ничего не сказал ему, когда они вместе ехали в лифте на собрание игроков в первую ночь уик-энда. «Я очень тихо себя вел, когда оказался там, – объяснял позже Джордан. – Я не хотел идти туда с настроем вроде «я крутой новичок, меня надо уважать».

Что же до самого матча Всех Звезд, то Джордан отыграл всего 22 минуты и совершил лишь девять бросков – из 120 на всю команду. Агент Дэвид Фальк объяснял, что надеть прототип будущих продуктов Air Jordan Майкла попросила компания Nike. «Эта ситуация заставила меня почувствовать себя очень маленьким и ничтожным, – говорил Джордан о своем унижении. – Я хочу забраться в нору и не выходить оттуда».

На вопрос репортеров об инциденте Айзея Томас ответил, что никакого намеренного игнорирования Джордана не было. «Как можно творить такое с человеком? – говорил защитник «Детройта». – Это детский сад какой-то».

На просьбу прокомментировать ситуацию с Майклом его партнер по «Буллз» Уэс Мэттьюз ответил так: «Он одарен Богом. Он – дитя Божье; позвольте ему оставаться Божьим сыном».

Оглядываясь в прошлое, Ваккаро приходит к выводу, что инцидент был вызван недовольством Nike других спортсменов, зарабатывавших ощутимо меньшие деньги по контрактам с Converse в сравнении с Джорданом. «Nike была врагом, – объяснял Ваккаро. – Nike, а не он. Мы создали этого парня. Мы, Nike. Дело было не столько в том, что он появился на конкурсе данков и стал любимчиком публики. Любимчиком был и Доктор Джей, например. Никто не злился на Доктора Джея. Всех бесило то, что мы сделали с Майклом».

Доктора, доктора!

В то время мало кто мог разглядеть, какое могущество обретал Джордан своей завораживающей игрой и контрактом с

Nike. Джордан и сам признает, что инцидент позволил ему осознать, что состоявшиеся звезды лиги серьезно настроены против него. Эта ситуация заронила семена неприязни к Айзее Томасу и Мэджику Джонсону. Негативные чувства по отношению к Томасу только усилились в связи с тем, что их команды конкурировали друг с другом в Центральном дивизионе. Неприязнь Джордана к Джонсону стала расти после того, как до него дошел слух, что защитник «Лейкерс» предположительно пытался убедить владельца клуба Джерри Басса обменять в другую команду старого друга Майкла Джеймса Уорти после того, как в финале чемпионата 1984 г. команда «Лос-Анджелес» уступила «Бостону».

История подлила масла в огонь джордановской жажды борьбы и побед, объяснял Ваккаро, начавший немало времени проводить вместе с Джорданом «за кулисами». «Ситуация стала его личной опорой, – вспоминал Ваккаро. – Вот почему нам довелось увидеть, как этот человек превращается в беспощадного убийцу на паркете, каким он в итоге стал. Он их всех взял в оборот. Он никогда не забывал тот день. Сегодня он улыбается и целуется с каждым из них и все такое, но он никогда не забывал ту историю. Это было первое публичное унижение Майкла Джордана. Помнит ли кто-нибудь из этих ребят об этом? Признается ли кто-нибудь из них? Когда его оскорбил Айзея – выдающийся игрок, что очевидно, – Майкл запомнил это, и мысль о произошедшем долго сидела в его мозгу».

Первую игру после рождественского перерыва команда «Пистонс» должна была проводить на чикагском «Стэдиуме», и, когда репортеры задали Томасу вопрос о его участии в сговоре против Джордана, Томас был явно раздражен: «Такого никогда не было, – сказал он. – Я был очень расстроен, когда прочитал об этом. Это может нанести ущерб нашей с Майклом потенциальной дружбе». Перед игрой звезда «Детройта» отправил Джордану послание с предложением переговорить. Получив короткую аудиенцию, Томас извинился перед Майклом, но Джордан позже окрестил эти извинения «по большей части показушными». В тот вечер Джордан набрал 49 очков, сделал 15 подборов и помог «Буллз» одержать победу в овертайме со счетом 139: 126. В одном из отрывов Джордан намеренно взял паузу, давая возможность Томасу подбежать поближе, после чего эмоционально исполнил слэм-данк, который ведшие трансляцию комментаторы тут же нарекли издевательским. После матча Томас вновь разгневался на журналистов: «Все кончено. С этой историей кончено», – сказал он им. Но их конфликт был далеко не окончен, что станет ясно в последующие сезоны, когда «Буллз» будет биться с «Пистонс»

в борьбе за лидерство в Восточной конференции.

Возросший градус конкурентной борьбы был лишь одной из многочисленных перемен, происходивших в жизни Джордана. Во время матча Всех Звезд в Индианаполисе владельцы «Буллз», бывшие хозяевами команды на протяжении более чем десяти лет, раскрыли свои планы по продаже контрольного пакета клуба Джерри Райнсдорфу. Райнсдорф сказал прессе, что передача клуба в его руки будет завершена к 1 марта 1985 г.

Джордан и «Буллз» ждала в концовке сезона удручающая серия из 12 поражений подряд на выезде, после чего они завершили регулярный сезон с результатом в 35 побед – впечатляющий прогресс по сравнению с предыдущим сезоном, когда им удалось выиграть лишь восемь матчей, – и вышли в плей-офф впервые с 1981 г. Но из-за того, что переднюю линию команды скосили травмы, «Буллз» проиграла «Милуоки» в серии 3–1.

«По мере продвижения по сезону Майкл становился все более и более значимым в глазах фанатов, – вспоминал ассистент тренера Билл Блэр. – Помню нашу поездку в Вашингтон, где мы гарантировали себе место в плей-офф. Два дня спустя нам предстояло играть в Филадельфии, но Майкл остался в Вашингтоне, где встретился с сенатором Биллом Брэдли и появился в конгрессе. Потом он сел в самолет и ночью прилетел в Филадельфию. На следующий день Майкл был в ударе, набрав 40 очков в игре против «Филли». Тогда стало понятно, что он может решать все свои небаскетбольные дела и все равно добиваться результата».

Поражение в Филадельфии довело безвыигрышную серию Джордана против Джулиуса Ирвинга и его «Сиксерс» до пяти матчей. Давно известный своим благородным отношением к игре Ирвинг не принимал участия в сговоре на матче Всех Звезд, хотя тоже имел договоренность с Converse. Однако тренеру «Сиксерс» Мэтту Гукасу было интересно, какой эффект окажет на горделивого Ирвинга вся эта шумиха вокруг персоны Джордана. Гукас имел возможность вблизи наблюдать за развитием карьеры Доктора Джея на протяжении более чем десяти лет – сначала как комментатор, потом как ассистент «Сиксерс», а затем как главный тренер. «Я видел Дока со всех этих точек зрения, – вспоминал в интервью 2012 г. Гукас, поигравший вместе с Уилтом Чемберленом в составе великолепных «Сиксерс» образца 1967 г. – Как личность Джулиус обладал просто гипнотической притягательностью, а статус, который имела наша организация благодаря ему, то, как его почитали, и то, как он относился к людям, – все это было просто фантастическим. Казалось, что у

него всегда есть время для кого угодно, независимо от того, что это за человек. И он был искренен в этом. Джулиус уже приближался к концу карьеры, когда Майкл только начал расцветать. Но знаете, я думаю, что они питали друг к другу взаимное уважение, и Майкл всегда был… не хочу сказать «осторожным», но он всегда следил за тем, чтобы выказывать должное уважение Джулиусу как звезде баскетбола и человеку в целом, он всегда чтил то, что Джулиус привнес в NBA задолго до него, ведь Ирвинга считают человеком, принесшим в профессиональный баскетбол «вау-фактор». И мне кажется, Док это ценил. Майклу, к сожалению, не довелось сыграть против Дока на пике его карьеры. Но я вам так скажу, я видел несколько их матчей друг с другом. Док не просто достойно за себя постоял, но и в ряде ситуаций оказывался победителем. Я говорю не о противостоянии один на один. Только о командных схватках. Но Док всегда удивлял в такие моменты, и каждый раз, когда мы играли против Майкла, он выкладывался чуть больше, чем обычно. Великие игроки не хотят быть униженными. Они знают, что, если выйдут на паркет с привычным настроем, так, как будто это просто очередная игра из 82 игр сезона, Майкл выставит тебя в очень неприглядном свете. Очень. Так что они всегда были готовы к вызову».

Гукас признавался, что он тоже попал под воздействие чар Джордана в те первые сезоны Майкла в «Чикаго». Тренер «Сиксерс» вспоминал, что как-то раз перед игрой на «Стэдиуме», в раздевалке, его не отпускала мысль о том, как можно закрыть Джордана. «Раздевалка «Стэдиума» была старой, сырой и просто ужасной, – вспоминал Гукас, – но сама арена была великолепна. Этот стадион был моим любимым, мне очень нравилось там бывать и играть. Помню, что мы готовились к матчу. Ситуация была такая, что обе команды шли очень плотно, и я пытался удостовериться, что наши парни готовы к борьбе. Я все говорил и говорил про Майкла. Док сидел, опустив голову, он завязывал шнурки или что-то вроде того. Наконец он поднял голову. Он уже наслушался. И сказал: «Эй, минуточку. Мы тоже умеем играть, знаете ли». Я произнес: «Ты прав». Это был ценный урок. Довольно болтовни. Мне не нужно было так долго рассуждать о том, как он хорош», – вспоминал, смеясь, Гукас. И добавил: «Док и Эндрю Тони вышли на паркет и стерли Майкла в порошок в тот день. В некоторых эпизодах игры Джулиус неизбежно оказывался один на один против Майкла. После игры Док выразительно на меня посмотрел. У него еще был порох в пороховницах».

Часть VI
Летная школа

BULLS
23

Глава 17
Молодой пленник

Дин Смит посоветовал Джордану прослушать курс лекций по коммуникациям в Университете Северной Каролины, чтобы лучше подготовиться к интервью и появлению на публике. Его дебют в NBA не обошелся без пары неловких моментов и проявлений нерешительности, но этого следовало ожидать. Он мог полагаться на одно только свое хладнокровие в общении с прессой, и его взаимоотношения с ней на всем протяжении карьеры будут великолепными, даже в те моменты, когда журналисты сильно его раздражали. Почти в одночасье местные теле- и радиостанции, которые прежде проявляли минимум интереса к «Буллз», изменили свое мнение и начали активно освещать жизнь новой городской звезды. «Он всегда выражался очень четко, – объяснял бывший чикагский телепродюсер Джефф Дэвис, – и был удивительно фотогеничен». С той поры известность Джордана очень быстро набирала обороты. Все началось с рекламных кампаний Nike и нарезок с лучшими моментами его игры, которые, в свою очередь, подпитывали сарафанное радио, все сильнее раскручивавшее маховик его популярности, что скоро перерастет в манию.

Пиар-менеджер «Буллз» Тим Халлам наблюдал за тем, как Джордан превращается в публичную фигуру, наделенную потрясающим самообладанием. Джулиус Ирвинг привнес в образ суперзвезды профессионального баскетбола благородство и изящество, которыми Джордан восхищался и которые пытался копировать в своих взаимоотношениях со СМИ. Не вредило и то, что Делорис Джордан следила за каждым шагом своего сына и тут же нашептывала ему на ухо, если что-то было неладно. Более того, способность слушать позволяла ему понимать вопросы репортеров и буднично формулировать запоминающиеся ответы на них.

«Думаю, что он вырос во всех отношениях, – отмечал Халлам. – Если посмотреть его первые интервью, будет видно, что он не был так четок в своих словах, как четыре, восемь или 12 лет спустя после начала профессиональной карьеры. Знаете, в нем поменялось все. Изменилось все и по части одежды. Забавно вспоминать его первый год и то, во что он был одет тогда, и сравнивать это с тем, как выглядел он спустя четыре года. Он прошел путь от треников до дизайнерских костюмов».

Каким бы позитивным и прибыльным ни было пребывание в

центре внимания публики, оно все же ускорило процесс отчуждения Джордана, процесс, на который Халлам начал обращать внимание уже в феврале дебютного сезона Майкла. Отчасти причиной этого была растущая как на дрожжах известность, а отчасти унижение, испытанное им на матче Всех Звезд. Сонни Ваккаро вылетел в Чикаго после той игры, чтобы объяснить ему реакцию главных звезд лиги на него и его поведение. «После матча Всех Звезд никто в Nike не знал, что делать, – вспоминал Ваккаро. – Мы с Майклом поговорили. Я сказал ему: «Эта ситуация показывает, как далеко они готовы зайти просто потому, что ты лучше их всех, Майкл».

> Разговор оказался слабым утешением для разочарованного Джордана. Мэджик Джонсон был его кумиром.

Как сказал сам Джордан репортерам после игры, инцидент заставил его мечтать о том, чтобы залезть поглубже в нору и спрятаться там ото всех. Он уже стремительно двигался по пути к тому, чтобы стать заключенным, запертым в собственном номере отеля, не желающим выбираться на публику по любым поводам, кроме матчей и обязательных пресс-мероприятий. Лишь изредка он вылезал из своей добровольной изоляции. Тим Халлам вспоминал: «Когда он выходил, ты думал: «Вау, Майкл вышел!» Ты был рад за него. Это чем-то напоминало льва, выбравшегося ненадолго из клетки на прогулку по территории зоопарка».

Помимо неприятия его звездами лиги, на Джордана давил и внезапно свалившийся звездный статус, подавлявший его и съедавший значительную часть его новой жизни, – избежать этого было нельзя. В те времена команды все еще летали коммерческими рейсами, означавшими, что выездные игры начинались уже в пять утра со звонка будильника и поездки в аэропорт, непременно сопровождавшейся вниманием людей, узнававших его на каждом углу. Люди считали себя попросту обязанными подойти поближе к новоиспеченному магу мира спорта, и, как правило, проходило совсем немного времени, прежде чем его окружала большая толпа. Халлам рассказывал: «Я говорил: «Знаете что, он должен просто послать все к чертям и делать то, что хочет». Но потом, когда видишь, как он выходит и оказывается в этой толпе, то понимаешь, что он не может этого сделать. Потому что люди просто сходили с ума рядом с ним, будь то дети, взрослые или кто-то еще, они не могли сдержаться. Просто слетали с катушек. Вот каково ему было».

Сложившаяся ситуация вынудила его искать тихое убежище. «Майкл говаривал, что любит ходить в кинотеатры, – объяснял

Джо О'Нил. – В кинотеатре ты сидишь, как обычный человек, тебя никто не узнает. А во всех остальных местах – ресторанах, торговых центрах, автозаправках, везде, куда бы ты ни отправился, – люди тебе шагу не дадут ступить».

Nike и NBA тоже несли некоторую ответственность за то, что личная жизнь Майкла была принесена в жертву, считал Джордж Гервин, ставший партнером Джордана по команде в 1985 г. «Тогда все и изменилось, старик, – отмечал он. – Когда они сделали его больше самой жизни. Это тяжело ему давалось. Они превратили его в самого знаменитого баскетболиста в истории. Но жизнь с таким статусом тяжела, и нужно всюду водить с собой охрану. Невозможно поесть, невозможно просто посидеть на лавочке – рядом обязательно кто-нибудь сядет. Он вел ту же жизнь, что и Майкл Джексон. Суровая это жизнь. Такая жизнь может быстро свести в могилу. Менялась и игра. Она изменилась с приходом ESPN и кабельного телевидения. Ему реально приходилось изолировать себя, потому что они неустанно его раскручивали и продвигали. Nike и все прочие. Ему стало трудно жить жизнью обычного парня. Его, по сути, ограбили, лишив жизни как таковой».

«Он пытался сладить с общественным вниманием, которое стало чрезмерным, – вспоминал Тим Халлам. – Думаю, что главная перемена произошла в том, что касалось требований, потому что они стали почти неимоверными. И вы не должны забывать о том, что чрезмерными требования были со стороны одних только «Буллз», я даже не говорю о его собственных проектах, рекламных кампаниях, сотрудничестве с Nike и вообще о жизни в целом. Все это в совокупности порождало хаос, который в то время в NBA был масштабным».

Брюс Левин, много лет проработавший радиорепортером в Чикаго, считал, что Джордан стал чувствовать себя овеществленным «во многом как очень красивая женщина, которая не может справиться с тем, что люди концентрируют свое внимание только на ее внешнем виде, что они очарованы тем, какая она снаружи, ее физической оболочкой. Он знал, что люди общаются с ним не как с человеком, а как с неким объектом».

«Ему через многое пришлось пройти, – говорил Халлам. – Не думаю, что это действительно изменило его характер, но сделало другим человеком просто потому, что ему пришлось стать другим. Невозможно угодить всем. Можно пытаться делать это какое-то время, но потом все равно приходит осознание, что ты не можешь так больше и все эти попытки не стоят сил и энергии, затраченных на них. Естественно, что какие-то вещи отойдут на второй план, а некоторые люди начнут думать, что все дело в

твоем огромном эго или высоком статусе, будут считать, что причина в том, что у тебя теперь много денег и известности. Но это совсем не тот случай. В сутках всего 24 часа. Думаю, что это было самым трудным во всей ситуации с ним: я сочувствовал ему, но никто не мог как-либо контролировать происходящее вокруг него».

«И все же, – добавлял Халлам, – он все равно выходил на паркет и делал то, что должен был делать».

В борьбе

Странным образом Джордан нашел некоторое облегчение в общении с репортерами, регулярно освещавшими жизнь команды, людьми, которым он научился доверять настолько, что позволял себе беседовать с ними перед матчами. Кроме того, он продолжал черпать поддержку от семьи, его мать и братья регулярно навещали его в Чикаго. Отец тоже приезжал, но это порождало новые проблемы из-за усугублявшегося конфликта между родителями. Вскоре люди в Чикаго из окружения Джордана и его команды начали обращать внимание на то, что родители Майкла редко бывают вместе. Сонни Ваккаро отмечал, что после тех первых встреч ему почти никогда больше не приходилось иметь дело сразу и с Джеймсом, и с Делорис Джордан. «Сначала в поездках все было нормально, – вспоминал Ваккаро. – Они были вместе. В первый раз у нас была совместная встреча, но потом, после двух-трех раз, все сошло на нет. Я буду лукавить, если скажу, что помню что-то, кроме коротких односложных диалогов с ними, после этого».

И сотрудники Nike испытали некоторое облегчение в связи с этим. Они всегда могли положиться на миссис Джордан и ее профессионализм. «Делорис Джордан мы доверяли, – объяснял Ваккаро. – Она всегда была безупречно одета, вела себя как образованная женщина, тогда как Джеймс был довольно грубым и неотесанным». Однако, поскольку сотрудники Nike вели дела с их сыном, вскоре обнаружилось, что им приходится общаться с отцом Майкла, и Ваккаро это не нравилось. Джеймс Джордан выпивал, и это было известно, как утверждал он, а со временем окажется, что в вопросах бизнеса Джеймс – человек ненадежный, настолько же неуверенный и сомневающийся, насколько Делорис была твердой.

Сис, старшая сестра Майкла, отмечала, что ее родители вступили в гонку за право оказывать влияние на сына. Ее отец был тихим и закрытым человеком, тогда как мать охотно

находилась в центре внимания. Сис объясняла: «И хотя резко возросшая популярность Майкла принесла в его жизнь успех невиданных масштабов, она также спровоцировала лавину конфликтов между моими родителями».

Так же, как и конфликты, имевшие место десятилетие назад, этот новый раздор развивался с чрезвычайной интенсивностью вдали от взоров общественности. «Майкл с первого дня разрывался между родителями, – объяснял Сонни Ваккаро. – Это происходило не публично, но в их отношениях друг к другу ощущалась презрительность».

Взгляды родителей расходились по большей части из-за того, что они по-разному смотрели на то, каким он должен быть и как должен себя вести. Сын любил обоих, был предан каждому из них, и каким-то образом первые несколько лет карьеры ему удавалось удерживать градус их конфликта в пределах нормальных значений. Но по мере развития его карьеры делать это становилось все труднее, говорил Ваккаро, и это мнение разделяла старшая дочь Джорданов.

Во время первого сезона Майкла в Чикаго жизнь Джеймса Джордана была далека от идеальной. Отец жил в Северной Каролине и проходил через унизительные судебные процессы, связанные с уголовными обвинениями в его адрес. А Сис довела до сведения родителей, что изучает возможность начать судебное преследование их обоих в связи с обвинениями в сексуальных домогательствах. Она легла в уилмингтонский госпиталь, чтобы пройти курс психиатрического лечения. Неудивительно, что Джеймс нашел легкий выход: влиться в сказочную жизнь, которой жил его сын, и ему было не важно, насколько стесненными были ее обстоятельства.

Сотрудники «Буллз» и болельщики команды начали обращать внимание на близость отца и сына. Джеймс Джордан на публике представлялся дружелюбным и неприметным человеком. Представители СМИ и сотрудники «Буллз» ценили его добродушие. И, как это было с Майклом еще в старшей школе, Джеймс ясно дал понять, что приходит на игры не для того, чтобы как-то пытаться влиять на команду, а лишь затем, чтобы помочь своему сыну свыкнуться с бытом за пределами площадки.

«Майкл его обожал», – вспоминал бывший ассистент тренера «Буллз» Джонни Бах в 2012 г.

«Они были как пара закадычных друзей, знаете ли, – говорил Тим Халлам о Джордане и его отце. – Я думал, что это весьма мило. Отец всегда был с ним. Всегда крутился рядом. Думаю, что Майклу это шло на пользу».

И все же во многих отношениях общение Джеймса с сыном

лишь усиливало напряжение между ним и Делорис, так как оба родителя искали возможность повлиять на сына. Не все замечали или ощущали существование этого конфликта. Джо О'Нил вспоминал, как проводил время с Джорданами, когда «Буллз» ездила на гостевые игры. «Помню, что частенько сидел в лобби отеля вместе с Джеймсом и Делорис Джордан. Они относились ко всему в духе «у нас обязательно получится. Вы же знаете, что получится». Всегда были очень, очень позитивны и готовы поддержать сына. Отец Майка слыл очень веселым дядькой, шутником. Делорис была словно всеобщая мама. Она приглядывала за Майклом так же, как это делала бы любая другая мать. Как человек она была милой и приятной, насколько это вообще возможно. Ее никогда не отличало поведение в стиле «мой сын – суперзвезда», ничего подобного. Родители Майкла очень его защищали, очень гордились им. Как все нормальные родители».

Время свиты

В молодой жизни Джордана появился ряд новых людей, занявших не последнее место в ней. Среди них был и директор Nike Ховард Уайт, бывший баскетболист, игравший за команду Университета Мэриленда, афроамериканец по происхождению. «Ховард был «своим парнем» для него, – объяснял Ваккаро. – Он был баскетболистом. И хорошим человеком. Ховард тоже составлял ему компанию во время выездов».

С того момента окружение Майкла только расширялось. Ваккаро вспоминал: «Тогда Майкл собирал вокруг себя компанию, какая была у него в Северной Каролине. Майкл начал формировать свою тусовку. Род Хиггинс оставался его близким товарищем. Тогда все только начиналось». Это была группа крутившихся вокруг него людей, которые понимали свою миссию: она состояла в том, чтобы не дать Джордану заскучать во время поездок и в моменты, когда его номер в отеле начинал походить на тюремную камеру. Развлекательная программа включала карточные игры, гольф, коктейли, бассейн, что угодно, что могло поднять настроение. Вскоре в эту группу были включены старый друг и партнер по команде Адольф Шивер и «три Фреда»: Фред Уитфилд, который вскоре начал работать с Nike и Дэвидом Фальком; Фред Гловер, страховой оценщик, познакомившийся с Уилфилдом и Джорданом в баскетбольном лагере в Бис Крик; и Фред Кирнс, гробовщик из Шарлотт, частенько поигрывавший с Джорданом в гольф.

В тот первый сезон Джеймса Джордана встревожил счет на крупную сумму, потраченную на покрытие расходов окружения Майкла во время долгой поездки. «Поначалу я подумал, что это пустая трата денег, – говорил в то время отец, – но, поразмыслив немного, решил, что это в наилучших интересах Майкла – держать рядом близких людей вместо незнакомых. Присутствие этих парней шло Майклу на пользу».

Другими постоянными участниками тусовки в те первые дни были Базз Питерсон и Гас Летт, бывший охранник чикагского «Стэдиума», выполнявший аналогичную работу для Джордана. Но самым частым и надежным компаньоном Джордана на долгие годы стал Джордж Колер, водитель и своего рода слуга. «Джордж был идеальным буфером для Майкла. Такому парню, как Майкл, почти всегда нужен кто-то рядом. Кто-то, кто не будет задавать много лишних вопросов. Еще одна пара глаз, которая будет за тобой приглядывать. Джордж – замечательный парень. Он из Чикаго. У него с Майклом совершенно особые отношения. У Майкла не было большой свиты. Его самыми близкими друзьями были обычные ребята – Род Хиггинс, Адольф, три Фреда».

Члены этого окружения вскоре стали называть Майкла «черным котом», возможно, потому, что он умел так же быстро вписаться в социальное окружение, как вписывался в любую игру на площадке. Создавалось впечатление, что Джорданом движет стремление испытывать на прочность окружающих его людей даже в самых маленьких вещах. Его вербальное трюкачество было таким виртуозным, что казалось, оно может соперничать с любым его действием на паркете. «Находясь в кругу своих друзей и близких, Джордан мог что-нибудь заметить и начать подкалывать тебя на эту тему снова и снова, – объяснял как-то раз Род Хиггинс. – Чтобы справиться с ним, нужно было отвечать ему, просто чтобы это не затянулось на всю ночь».

Ему, видимо, доставлял много удовольствия обмен шутками и остротами, не меньше, чем хорошая игра один на один, и подходил он к этому с тем же менталитетом. «Он такой парень, – вспоминал Тим Халлам, – если он начинает на тебя наезжать, ты обязан ответить ему тем же… Нужно уметь принимать его колкости, остроты и отвечать на них. Иначе ты – покойник. Лучший вариант – кинуть ему шутку в ответ так, чтобы люди вокруг засмеялись. Тогда он немного притормаживает, потому что ты дал ему понять: «Я тоже горазд языком чесать, ага?»

Как объяснял Халлам, Джордан верил, что его команда должна заканчивать каждый сезон с результатом 82: 0. Тот же уровень ожиданий он переносил и на социальную жизнь, что не упрощало окружающим пребывание рядом с ним. «Если ты

совершишь ошибку, он укажет тебе на нее», – отметил однажды Базз Питерсон.

Халлам добавлял: «Все так, будто ты вынужден соперничать с ним в чем угодно, и либо ты выбываешь из его круга, либо он понимает, что с тобой соперничать не совсем весело».

Порой его компаньонам приходилось следить за тем, чтобы не переусердствовать в споре с Джорданом и ответами ему. «Он ненавидит быть униженным, – говорил однажды со смехом Уитфилд. – Такое он принять не может. Но сам унижает только так».

«Если он будет дразнить… ты должен незамедлительно отвечать, – отмечал Халлам. – Ему нравятся такие бумеранги. Но нужно делать это правильно. Это не может быть чепухой, ответ должен быть удачным. Кричали ли мы друг на друга? Нет. Но он мог сказать что-то вроде: «А знаешь, я ведь могу тебя уволить». Тогда я отвечал: «Эй, не надо делать мне одолжений. Думаешь, мне в радость терпеть это дерьмо?»

Его острый язык был закален с детства, что впервые разглядел в нем Джордж Колер. Временами Джордан демонстрировал уязвимость, которая резко контрастировала с суровостью его спортивного характера. На первых этапах своей новой жизни в Чикаго он показал, каким сложным человеком является, и эта сложность будет определяющей чертой его характера. Во-первых, он боролся с непростыми и запутанными эмоциями, которые вызывала у него его семья.

Он высоко ценил доверие и, когда находил его, был способен на почти ошеломляющие проявления верности. «Как только ты становишься его другом, он реально работает над тем, чтобы сохранить эту дружбу и лелеять ее», – объяснял Род Хиггинс. И наоборот, если это доверие оказывалось подорванным или же он чувствовал обиду и унижение, то этот вызов тут же получал такой же сильный ответ; этот фактор он научился направлять в русло своей конкурентоспособности.

Вероятно, самой важной вещью для всех его друзей, тем, что заставляло их путешествовать с ним туда-сюда за свой счет и проводить с ним время, была его невиданная преданность. Джордан умел показать им всем и каждому, что заботится о них. «Люди не понимают, что он действительно очень хороший парень», – говорил его бывший партнер по команде и давний друг Чарльз Оукли.

И, без всякого сомнения, возможность изнутри увидеть возвышенный мир Майкла Джордана дарила им искреннюю радость и изумление.

Вид с этих высот открывался волнующий. Он был Элвисом от баскетбола.

«Он создал всю эту мифологию для нас, – утверждал Ваккаро. – Говорим ли мы о Nike, обо мне, о его друзьях или любых других людях, окружавших его; его друзьями была маленькая группа людей, которые прошли с ним и взлеты, и падения. Они были единственными, кому он мог доверять на протяжении восьми или девяти лет».

Так что они делали себя полезными ему как друзья, а потом и в другом качестве. Адольф Шивер, к примеру, самый старый друг Джордана, взял на себя роль своего рода конферансье и бармена на всеобщих сборищах. Больше всего в Шивере Джордан ценил то, что он своим присутствием напоминал ему о доме, а также за нюх на отвязные вечеринки и добрый юмор в отношении каких-то недостатков Джордана. «Этот чувак понятия не имеет, как делать коктейли, – сказал однажды Шивер про Джордана. – Он просто льет в стакан все подряд».

«Реальность такова, – говорил бывший психолог «Буллз» Джордж Мамфорд, – что если бы он не создал этот кокон вокруг себя, то, вероятнее всего, не выиграл бы те шесть чемпионских титулов».

Хуанита

Но самым важным прибавлением в личном окружении Джордана стала Хуанита Ваной, которую он встретил в декабре своего дебютного года в NBA. Их познакомил общий друг, организовавший встречу в заведении Bennigan's в Чикаго. Несколько недель спустя друг устроил небольшую вечеринку, чтобы дать парочке еще один шанс провести время вместе. Ваной была красоткой, по слухам, она некогда была предметом обожания Реджи Теуса. Она была почти на четыре года старше Джордана, и он тут же нашел это привлекательным. Этот факт подстегивал его к тому, чтобы становиться более зрелым мужчиной. Майкл обнаружил, что может разговаривать с ней так, как разговаривал с матерью. Эта способность к общению привела к тому, что между ними установилась волшебная связь, и они начали проводить больше времени вместе.

Как объяснял Лэйси Бэнкс из *Chicago Sun-Times,* жизнь Джордана быстро превратилась в жизнь молодого принца, а посему Ваной наверняка помогало то, что она уже имела связь с чикагским баскетболистом, популярным у противоположного

пола. По всеобщему мнению, она была элегантной, умной и терпеливой женщиной, уверенной в себе и неприхотливой. А это были критически важные факторы для отношений с Джорданом. «И моя супруга Пэм, и я считали Хуаниту очень милым и приятным человеком», – вспоминал Сонни Ваккаро, и это утверждение эхом повторял партнер Джордана по игре в гольф Ричард Эскинас.

«Я с первого дня был знаком с Хуанитой, – утверждал Джо О'Нил. – Хуанита была замечательным человеком. Я рос в чикагском Саут-сайде, как и она. Но в силу каких-то причин это, казалось, никогда не имело для нее значения. Она всегда казалось той Хуанитой, какую я изначально знал».

Тем не менее родители Джордана не одобряли его выбор и приложили некоторые усилия к тому, чтобы нейтрализовать ее влияние на сына, как утверждал Сонни Ваккаро. Это может частично объяснить природу взаимоотношений Хуаниты с Джорданом в первые годы жизни Майкла в Чикаго: то сошлись, то вновь расстались.

По правде говоря, ни один человек, ни один внешний фактор не имели шансов отвлечь Джордана от его главного дела: постоянной подпитки сидевшего внутри него монстра, жаждавшего соревноваться и побеждать, что съедало значительную часть времени его обычного дня. Основными занятиями Майкла были баскетбол и гольф, хотя и не всегда в таком порядке. К счастью, его увлечения не предполагали долгих приготовлений и лишних сложностей. В первые месяцы карьеры в Чикаго, когда Джордан еще был в поисках, чем занять свое время, он частенько заскакивал в офис «Буллз», где вместе с Халламом и О'Нилом играл в гольф на миниатюрном поле для гольфа, которое они там обустроили.

«Мы играли в мини-гольф, – вспоминал Джо О'Нил. – Мы обустроили в офисе поле для мини-гольфа с 18 лунками и делали ставки. Мы бродили по офису, закатывая мячи в мусорные корзины, а этот засранец… он так же выкладывался на поле для мини-гольфа, как и на баскетбольной площадке. Он выиграл у меня 20 долларов, и это в то время, когда 20 долларов были эквивалентны 400 баксам сейчас. Я до сих пор помню, как отдавал ему эти 20 долларов в офисе, а моя жена кричала на меня, отчитывая за то, что я играл с ним на деньги».

Когда погода позволяла, они отправлялись поиграть на открытом воздухе. О'Нил рассказывал: «Мы играли и на общественных полях для гольфа, играли и в Медина Кантри Клаб. В то время он был так же силен в игре, как и я. Потом он начал отыгрывать по 150 партий за год и стал очень хорошим

гольфистом. Но когда мы с Тимом впервые начали играть с ним, Майкл только приступал к игре. Он мог запулить мяч неизвестно куда, и ты никогда не знал, где он окажется».

Джордан часто говорил о том, как ценит тишину и одиночество поля для гольфа. Однако его безудержная радость не делала пребывание на нем таким уж тихим и умиротворенным. «Он никогда не затыкался, – вспоминал, смеясь, О'Нил. – Он говорил, когда ты готовился к свингу, говорил, когда ты собирался сделать патт. Он мог бы стать великолепным телекомментатором, если бы захотел. Он мог просто задавить тебя ментально, и не важно, баловался ли ты мини-гольфом в офисе, играл ли с ним на большом поле или гонял партию в пул. Он всегда давил на тебя психологически». На несколько коротких часов он вновь мог стать Майком Джорданом, обычным парнем. «Вот почему гольф был для него так важен, – говорил О'Нил. – Он давал ему возможность побыть в одиночестве, вдали от людей. Он говорил, что поле для гольфа и кинотеатр – два места, куда он может убежать от людей… куда он мог приходить как обычный человек».

Той весной 1985-го Джефф Дэвис продюсировал региональное телешоу о гольфе, в котором приглашенные знаменитости играли партию в гольф с бейсбольным комментатором Кеном «Хоком» Харрельсоном. Как только баскетбольный сезон завершился, Дэвис связался с Джорданом, предложив ему появиться на шоу, и тот ухватился за представившуюся возможность.

«Он пришел и выглядел так, словно ни одно другое занятие не могло бы сделать его счастливее», – вспоминал Дэвис. На поле Джордан трижды просил дать ему возможность перебить свои удары. «Он не был удовлетворен своим выступлением, – говорил со смешком Дэвис. – Никаких денег на кону не стояло. Это был вопрос самолюбия, он хотел обыграть Харрельсона, который был блестящим гольфистом. Он не мог подобраться к нему близко, но выглядел достойно, для парня таких габаритов у него был вполне неплохой свинг. В любом случае гольф придуман не для высоких людей. Но Джордан был всерьез настроен преуспеть в любом деле».

Съемки для шоу проходили в тот день на поле в северном пригороде Чикаго, и, когда они завершились, съемочная группа погрузила все свои вещи в минивэн и отправилась обратно в город. «До центра было примерно час езды, – вспоминал Дэвис. – Мы ехали по скоростному шоссе Иденс, как вдруг наш оператор, сидевший за рулем, сказал: «Господи, там за нами летит какой-то Corvette!» И тут появляется эта машина, равняется с нами, и мы

видим, что там он. Улыбается во весь рот, просто хохочет, а потом легким взмахом пальцев посылает нам привет, и бах! – его уже и след простыл».

Глава 18
Нога

По ходу одной из тренировок, которые «Буллз» проводила весной 1985-го, Джерри Краузе, работавшему скаутом для «Чикаго Уайт Сокс» Джерри Райнсдорфа, позвонили. Райнсдорф хотел видеть его в Чикаго, чтобы обсудить возможное назначение директором «Буллз». Разговор прошел хорошо, учитывая тот факт, что несколькими годами ранее Краузе уже занимал пост генерального менеджера «Буллз», но был уволен.

Краузе годами скакал туда-сюда по миру бейсбола и баскетбола, трудясь скаутом, пока не проложил себе дорогу в «Сокс», где стал работать на Райнсдорфа. Райнсдорф вырос в Бруклине, а там, как объяснял он, «быть фанатом «Доджерс» было почти религиозной принадлежностью». Он был преданным болельщиком команды, как почти каждый парень с Флэтбуш-авеню. Кроме того, Райнсдорф любил «Нью-Йорк Никс», особенно команды Рэда Хольцмана начала 1970-х гг. После окончания юридической школы Райнсдорф начал зарабатывать свое состояние на рынке чикагской недвижимости, а потом воспользовался выпавшим ему шансом стать владельцем спортивной команды и вступил в права хозяина сначала «Уайт Сокс», а потом и «Буллз».

Узнав о восхищении, которое его босс питал к «Никс», Краузе решил не терять времени даром. Вскоре он начал потчевать Райнсдорфа байками о тех днях, когда будучи скаутом соперничал с Хольцманом и его командой. Речь шла о начале 1960-х, первых годах Краузе на скаутском поприще, когда он работал на тогда еще существовавший клуб «Балтимор Буллетс». Другие скауты уже тогда смеялись над ним. Он был коренастым, низкорослым и не был похож ни на скаута, ни на кого-либо еще, имевшего какое бы то ни было отношение к миру спорта. Вдобавок он был человеком замкнутым и носил плащ и шляпу, словно инспектор Клузо. Они называли его «сыщиком» в честь героя одноименного фильма и потешались над ним за его спиной.

Куда бы Краузе ни приходил, ему казалось, что он всюду натыкается на Хольцмана, который в то время работал скаутом у «Никс». Однажды ранним утром они случайно встретились в аэропорту, и Хольцман спросил у Краузе, где тот был.

«В дороге», – ответил тот.

Краузе любил вспоминать диалог, который произошел между ними дальше: «Он смотрит на меня и говорит: «Сынок, я хочу тебе

кое-что сказать. Я знаю, где ты был, и если у тебя в голове есть хоть немного мозгов, ты тоже знаешь, где был я, так что давай покончим с этой ерундой и будем друзьями».

Друзьями они стали, хотя и продолжали яростно конкурировать друг с другом в борьбе за талантливых самородков из числа доступных баскетболистов-студентов. Краузе рассчитывал, что ему удастся сотворить главную сенсацию драфта 1967 г. и увести из-под носа конкурента молодого форварда Фила Джексона из Университета Северной Дакоты, но Хольцман в последний момент вмешался и забрал Джексона в «Никс», выбрав его 17-м пиком.

«Пропади пропадом этот Хольцман!» – пробурчал Краузе в день того исторического драфта. Трудясь скаутом для «Балтимор Буллетс», Краузе организовал переезд в Балтимор выпускника Государственного университета Уинстон-Сейлема Эрла «Перла» Монро, выбрав его вторым пиком на драфте. Тогда же Хольцман пятым пиком выбрал Уолта Фрейзера из Университета Южного Иллинойса. Оба игрока в будущем окажутся в Зале славы баскетбола, как, впрочем, и Джексон, но уже в качестве тренера. Позже Хольцман стал тренером, приведшим «Никс» к двум чемпионским титулам NBA с Фрейзером, Монро и Джексоном в составе, которым помогали такие ребята, как Дэйв Дебуше и Билл Брэдли. Краузе, в свою очередь, преуспел как скаут, одолев на своем пути насмешников и злопыхателей, которые ставили под сомнение каждый его шаг. По ходу дела Краузе приобрел много знаний, которых хватило для того, чтобы впечатлить такого серьезного делового человека, каким был Райнсдорф.

Когда весной 1985 г. Райнсдорф купил «Буллз», он раздумывал над тем, чтобы оставить Рода Торна директором, ответственным за баскетбольные операции клуба. Но у «Буллз» началась затяжная серия поражений, подтолкнувшая нового владельца к разговору с Краузе, у которого он хотел узнать, каким образом он мог бы улучшить положение дел в команде.

Первым делом, сказал ему Краузе, нужно избавиться от «гнилых яблок». «Как я понял, в команде был целый ворох «фордов», получавших как «кадиллаки», – вспоминал Краузе. – Это было эгоистично с их стороны. Каждый играл за себя». Далее, говорил Краузе, он, опираясь на кое-какие свои знания по части поиска и выявления талантливых студентов, пошел бы на драфт с целью обеспечить «Буллз» будущее. Нужно положить конец практике подписания контрактов со слабыми игроками из числа свободных агентов.

Райнсдорфу понравилась философия работы на драфте, и он доверял Краузе как скауту. Краузе сказал, что первым игроком,

которого он стал бы искать, был бы сильный и неуступчивый тяжелый форвард, здоровяк, который защищал бы корзину и яркого звездного новичка «Буллз». Кроме того, он попытался бы заполучить на драфте атлетичных игроков с длинными руками. Ну и наконец, отыскал бы мастеров джампшота, чтобы заставить соперников жалеть о двойной опеке Джордана. Но главным образом он стал бы искать достойных и уважаемых личностей. Чикаго нужно было избавиться от своей привычки приглашать «паршивых овец».

После беседы Райнсдорф осознал, что должен уволить Рода Торна и привести в команду Краузе. «Краузе был на вершине скаутской иерархии, работая на «Уайт Сокс», и так вышло, что я познакомился с ним лично, – объяснял позже владелец «Буллз». – Во всей организации «Буллз» требовалось провести культурные изменения, а Краузе верил в те же принципы, что и я». Со временем в Чикаго их будут называть «два Джерри», они станут теми, кто будет господствовать в «Буллз» в эпоху Джордана в клубе.

«Мне нужна команда, которая будет играть в баскетбол команд Рэда Хольцмана, – сказал Райнсдорф, делая заявление о грядущих переменах в «Буллз». – Команда, лишенная эгоизма, которая будет защищаться, игроки которой будут знать свои роли и работать без мяча. Задачей Джерри Краузе будет поиск для нас новых Дебуше и Брэдли образца 1985 г.».

Примерно пятью годами ранее Краузе уже занимал должность генерального менеджера «Буллз» и тогда продержался на посту всего несколько месяцев, пока его не уничтожила история с наймом Рэя Майера из Университета Де Поля на должность главного тренера команды. Ошибка Краузе заключалась в том, что он не имел полномочий делать Майеру предложение. Владельцы «Буллз» поспешно уволили его в результате публичного унижения, превратившего его в посмешище для всего города.

Новость о его возвращении свалилась на спортивные редакции чикагских газет, словно ядерная бомба. Джерри Краузе будет боссом Майкла? «Джерри имел репутацию парня, который выходил на публику с пятнами соуса на галстуке, – объяснял как-то чикагский спортивный журналист Билл Глисон. – Лично я не видел никаких пятен от соуса, но некоторые ребята утверждали, что видели. Конечно, он имел избыточный вес. У Джерри всегда были проблемы с перееданием». Краузе был ростом ниже 183 см и весил 117 кг.

«Джерри варится в этом бизнесе уже целую вечность, – говорил один из многолетних сотрудников «Буллз» в 1998-м. – Он

знал всех тренеров, ассистентов и скаутов в лиге. Предыдущая администрация «Буллз» презирала Джерри, постоянно распространяя всякие слухи и байки о нем, все время совершая какие-то нападки на него. Было бы удивительно, если бы он не вернулся сюда и не получил работу генерального менеджера».

Краузе ликовал, возвратившись в «Буллз». «Я ушел опозоренным, я вернулся на вершине успеха», – говорил он.

Его первым шагом на посту стало увольнение тренера Кевина Логери. Вторым стало приглашение в команду старого друга Текса Уинтера, студенческого тренера, вышедшего на пенсию. Он должен был работать с тренерским штабом, который Краузе собирался нанять. На место Логери он пригласил кочевавшего по клубам Стэна Альбека, предыдущим местом работы которого был клуб «Нью-Джерси Нетс». «Я понял, что это ошибка, почти сразу после того, как нанял его», – скажет позже Краузе.

Затем он переключил свое внимание на ростер команды. «Начал я очень сурово, – вспоминал Краузе. – В составе были девять игроков, которых я в команде видеть не хотел, и трое, которые мне нравились. Я хотел, чтобы остались Дэйв Корзин, Род Хиггинс и Майкл. На судьбу остальных мне было глубоко наплевать. А ведь они были талантливыми. Все они были очень талантливы. Но тут дело было не в таланте».

Краузе вспоминал, как сел с Джорданом за стол, чтобы обсудить перспективы команды. «Я сказал ему: «Я верю, что у тебя есть шанс стать великим игроком. Я буду пытаться окружать тебя игроками, которые смогут работать с тобой». Он ответил: «Нет, не надо приводить игроков, которые смогут со мной работать. Приводите игроков, с которыми мы сможем побеждать».

После двух десятилетий постоянных перестановок и сдвигов во фронт-офисе команды болельщики «Буллз» уже никому не доверяли и с нескрываемым подозрением относились к Краузе и его казавшемуся нестандартным подходу к реформированию команды. Но Краузе знал, чего хочет, и всерьез настроился на то, чтобы реализовать свои планы. Он уже давно пообещал себе, что, если ему когда-нибудь выпадет второй шанс стать генеральным менеджером команды NBA, он воплотит в жизнь свое конкретное видение и будет строить проект в соответствии с ним. Все началось с баскетбольной системы Текса Уинтера, треугольного нападения. Второй его инициативой было развитие тренерских качеств Фила Джексона с последующим превращением его в главного тренера. Краузе был знаком с Джексоном еще с тех пор, как пытался задрафтовать его игроком. Сын проповедников-пятидесятников Джексон рос и воспитывался в Монтане и Северной Дакоте. Ко времени окончания старшей школы он уже

грезил об избавлении от оков строгого родительского воспитания и нашел убежище в Университете Северной Дакоты, где получил спортивную стипендию и играл в баскетбол у молодого и энергичного тренера Билла Фитча. Двухметровый Джексон со временем эволюционировал, дважды оказавшись в символической сборной лучших американских игроков второго дивизиона NCAA, и стал перспективным кандидатом на попадание в профессиональную баскетбольную лигу. Краузе и Хольцман, по всей вероятности, были двумя единственными профессиональными скаутами, добравшимися до Северной Дакоты и оценившими Джексона в деле.

Будучи фанатом «Никс», Райнсдорф высоко оценил предложение Краузе сделать ставку на Джексона и развить его до уровня тренера NBA. После завершения 13-летней игровой карьеры, прошедшей в Нью-Йорке и Нью-Джерси, Джексон стал ассистентом тренера и комментатором на играх «Нетс», после чего возглавил команду «Олбани Патрунс», представлявшую Континентальную баскетбольную ассоциацию (Continental Basketball Association – CBA), и отработал там главным тренером пять сезонов. В 1984-м «Патрунс» Джексона выиграла титул CBA, а в следующем сезоне его назвали «Тренером года» в CBA. Когда Краузе связался с ним в 1985-м, предложив работу ассистента главного тренера «Буллз», Джексон тренировал в Пуэрто-Рико.

«Я поддерживал связь с Филом на протяжении его игровой карьеры, – вспоминал Краузе. – Время от времени мы с ним болтали, я следил за его тренерской карьерой в CBA. Когда я получил работу в Чикаго в 1985-м, то снова переговорил с ним. Я сказал ему, что мне нужны скаутские отчеты по игрокам из CBA. В течение недели он прислал мне напечатанные на машинке отчеты обо всей лиге, детальные доклады по каждому игроку».

«Я пошел работать в CBA и добился некоторых успехов, – вспоминал Джексон, – но мне по-прежнему никто не делал никаких предложений… Джерри Краузе был, по сути, единственным человеком из мира NBA, поддерживавшим со мной контакт. А тогда он как раз вернулся к работе. Но это был мой контакт. Джерри видел мою игру еще в колледже, наши отношения длились более 20 лет. Джерри – потрясающий парень. Для мира спорта он – загадка. Он не из тех, кого можно назвать атлетом. Даже будучи скаутом 30 лет назад, он выглядел очень необычно для человека, занятого скаутингом баскетбольных игроков».

За годы своих выступлений в составе «Никс» Джексон приобрел репутацию нонконформиста.

В своей автобиографии 1975 г. под названием *Maverick,* написанной в соавтстве с Чарли Розеном для Playboy Press, Джексон рассказывал о том, как изучал мир контркультуры 1960-х. В книге он открыто признавался в употреблении LSD и других наркотиков, что практически гарантировало, что ни одна из команд NBA не станет рассматривать его в качестве потенциального кандидата на тренерский пост.

«Я никогда не читал эту книгу, – объяснял как-то Краузе. – Мне и не нужно было. Я знал характер Фила».

В процессе формирования тренерского штаба команды в межсезонье Краузе устроил Джексону собеседование со Стэном Альбеком по поводу вакансии ассистента тренера. В Чикаго тот заявился с густой бородой, обутый в сандалии и в соломенной шляпе, из которой торчало большое перо попугая.

«Мое собеседесдование у Стэна получилось очень коротким», – вспоминал Джексон. Альбек позже сказал Краузе: «Я не хочу видеть этого парня в команде ни при каких обстоятельствах».

По правде говоря, Альбека и система, разработанная Тексом Уинтером, не слишком-то интересовала. Однажды уже севший на мель из-за проблем с тренером, Краузе не собирался повторять прежних ошибок и принимать неудачу в свой второй заход на должность генменеджера «Буллз». А потому он отступил и сказал Джексону, что попробует пригласить его как-нибудь в другой раз.

Тем временем Краузе приложил неимоверные усилия к тому, чтобы в последний момент заполучить на драфте 1985 г. Чарльза Оукли из Университета Виргиния Юнион, грузного и малоизвестного форварда. Как и в случае с многими другими ходами Краузе, этот баскетболист не снискал популярности среди болельщиков Чикаго.

«Чарльз был жестким малым, он ничего никому не спускал, – вспоминал бывший ассистент «Буллз» Джонни Бах. – По нему было видно, что это человек сильной воли, к тому же он хотел играть… Он хотел доказать людям, что, несмотря на свой статус выпускника небольшой школы, не случайно был выбран на драфте, и горел желанием усердно работать и играть».

Вскоре Оукли превратился в мощного форварда, в котором так нуждалась команда «Буллз», защитником Джордана от Биллов Лэймбиров баскетбольного мира. Краузе же продолжил поиски других составных элементов будущей команды, которых сам он именовал ОКР – «our kind of people», то есть «людьми нашего типа».

«Джерри убрал из клуба очень много всего ненужного, – скажет позже Фил Джексон о первых шагах Краузе в новой должности. – Клуб не нуждался в людях определенного типа. У

Джерри было конкретное представление о том, какого рода люди ему необходимы в команде. Он приводил людей с характером или тем, что ему нравилось называть характером. Хороших, надежных людей. Людей, хотевших упорно трудиться».

Колкости

Несмотря на свои амбиции и дальновидность, Краузе в тот первый год в Чикаго допустил одну существенную ошибку, приняв совершенно необязательное решение, отдалившее Джордана от команды и заложившее негатив в фундамент их дальнейших взаимоотношений на следующие 15 лет. Одним из первых шагов Краузе на посту был обмен лучшего друга Джордана в другую команду. «Мы обменяли Рода Хиггинса. Майкл был расстроен из-за этого», – признавался позже Краузе.

Впоследствии Краузе возвратил Хиггинса в клуб, но лишь для того, чтобы потом вновь обменять. Этот шаг натолкнул наблюдателей на мысль, что Краузе гордится тем, что бросает вызовы Джордану и, возможно, даже находит в этом какое-то удовлетворение. За годы скаутской работы Краузе изучил игру многих величайших баскетболистов, причем делал это с той же дотошностью, с какой традиционно подходил к поиску талантов в колледжах Америки для чернокожих, где часами отсматривал молодых игроков. Краузе невероятно гордился своим опытом по этой части и регулярно излагал Джордану свое мнение о величайших баскетболистах в истории игры и своих достижениях на скаутском поприще.

«Я язвил и подкалывал его, – вспоминал Краузе о своем раннем конфликте с Джорданом. – Я говорил ему: «Однажды ты можешь стать таким же хорошим игроком, как Эрл Монро. Ты напоминаешь мне Эрла и Элджина. Ты – комбинация талантов Эрла Монро и Элджина Бэйлора, однажды ты можешь стать таким же крутым, как они. Эрл все делал на полу. Ты делаешь все в воздухе. Элджин был первым, кто начал творить в воздухе. Ты напоминаешь мне его». И каждый раз после этих слов он произносил: «Ох уж этот несчастный Монро». А потом говорил: «Где ты взял Монро? На втором пике драфта? Тоже мне достижение». Думаю, что весь этот конфликт с Майклом начался с Эрла Монро».

Сотрудники «Буллз», воочию наблюдавшие за этим обменом мнениями, съеживались от неловкости за Краузе, который настойчиво продолжал бросать Джордану вызовы. «Если ты собираешься чем-то козырнуть перед Майклом, позаботься о том,

чтобы в твоих словах была правда, – советовал Тим Халлам. – Потому что он никогда ничего не забывает и всегда помнит все».

В итоге «язвительное» отношение нового генерального менеджера к Джордану уничтожило всякие шансы на то, что между главной звездой команды и ее боссом могут установиться теплые, сердечные отношения. Но Краузе, казалось, заводило неуважительное отношение, которое он чувствовал в ответах Джордана на свои слова.

Джордан тем временем пытался добиться приглашения в команду единственных кандидатов, которым по-настоящему доверял. Он хотел, чтобы в «Буллз» играли Базз Питерсон или Уолтер Дэвис. Казалось, что он благосклонно отнесется к кому угодно, лишь бы этот кто-то был связан с Северной Каролиной, и, слыша это, Краузе мог только раздраженно закатывать глаза. Спустя какое-то время Джордан попросту решил любой ценой избегать нового генменеджера команды. Настолько грубыми и сучковатыми выходили повороты в сюжетной линии профессиональной карьеры Джордана. Они зависели от химии взаимоотношений двух мужчин, которых связало вместе провидение: один отчаянно нуждался в любви и привязанности, другой делал все, чтобы не дать их ему. Самым странным в истории этой парочки был пышный букет страхов и комплексов Краузе и абсолютное их отсутствие у Джордана. Несмотря на все это, Краузе окажется одной из самых сильных личностей из всех, что когда-либо появлялись на пути Джордана.

По мере того как подготовка Джордана к началу второго сезона в клубе набирала обороты, повышался и градус язвительности и ехидства в общении двух мужчин друг с другом. Многие ветераны профессионального баскетбола полагали, что Краузе своими поступками лишь усложняет весь процесс, хотя делать это было вовсе необязательно. «Майкл был на пути к тому, чтобы стать главнейшей звездой NBA, – вспоминал Кевин Логери. – То есть уже был человек, вокруг которого можно было строить команду. Ты понимал, что с добавлением каждого следующего элемента будешь только улучшать ее год за годом. Чтобы иметь сильную команду в NBA, нужно иметь звезду в составе. Когда удается заполучить звезду, появляется возможность собрать остальные недостающие элементы. А он был не просто звездой, он умел делать очень и очень многое. Он мог играть на трех позициях: разыгрывающего защитника, атакующего и легкого форварда. Думаю, что, если поставить его на «усы», он и там сыграет как надо. Он умел подбирать, умел пасовать. Это звезда, умеющая делать столь многое. Он не был игроком узкой специализации, как многие другие звезды. С ним в

составе было легче собрать боеспособную команду».

Среди новых лиц, которых Краузе привел в тренировочный лагерь команды в тот год, был Джордж Гервин, Айсмен, много лет бывший звездой «Сан-Антонио Сперс». Он был в числе ветеранов, принявших участие в сговоре против Джордана на матче Всех Звезд, и шлейф негатива, тянувшийся с той поры, объяснял, почему осенью в тренировочном лагере в воздухе витало раздражение. Молодая звезда команды не изменила себе и не приветствовала появление в команде Гервина, который знал, что, если в таких обстоятельствах ему придется прогнуться, он сделает это.

«Он был молодым парнем на пути к славе, – вспоминал о 22-летнем тогда Джордане Гервин. – В то время он еще не доказал своего величия. Он демонстрировал потенциал великого игрока. Но он был всего лишь молодым парнем, пришедшим в лигу и надеявшимся сделать себе имя, как и большинство молодых ребят».

Верный своему modus operandi, Джордан вскоре бросил Гервину вызов, предложив ему сразиться один на один. «Мы сыграли, – рассказывал Гервин, признавая тот факт, что он не мог соперничать с Джорданом в плане энергичности, так как энергия Майкла не знала границ. – Мы бросали мяч. Я был уже ветераном, готовившимся к пенсии, так что ему противостоял старый Айсмен. Не Айсмен старой эпохи, понимаете о чем я? Я знал, что рамки моей роли ограничены, что должен просто вносить свой вклад и не более. Я свою жизнь уже прожил. Я знал, что настал его черед, так что просто доигрывал свой последний год в NBA. У него был свой стиль. Майк был великолепным атлетом. Свой знаменитый джампшот он развил уже потом, на более поздних этапах карьеры. Я же умел делал джамперы и забивать с самого начала. Так что у нас был разный подход к игре. Он много прыгал, я много скользил. Я был как Фред Астер. Он – как марионетка на ниточках кукловода».

Та игра один на один растопила лед между двумя игроками, но Джордан не собирался допускать Гервина в свой узкий круг доверенных лиц. «Я мало с ним общался», – говорил Гервин, добавляя, что подозревал, по какой причине Джордан до сих пор не забыл инцидент с матча Всех Звезд, и эта обида все еще причиняет ему боль. «В то время я испытывал к нему исключительно уважение, и только, потому что видел его напор и заряженность. Внутренний огонь. Дело не в том, что он показывал на площадке. Я говорю о напоре, который двигал его к победе, о его стремлении побеждать. Это было видно по тренировкам и так далее. Он не останавливался. В нем был целый вагон этой

мотивации, парень. Мотивации преуспеть. И победить».

Стареющий защитник быстро увидел четкую разграничительную линию, пролегавшую между узким кругом приближенных к Джордану лиц и остальной командой. «Он тесно общался с некоторыми ребятами – Чарльзом Оукли, Родом Хиггинсом. Мы с ним не были так близки, – вспоминал Гервин. – Но уж как было. Знаете, жизнь – забавная штука. Игра – одно дело, но самое важное – это выстраивание отношений. Думаю, что величайшим подарком моей профессиональной карьеры стали крепкие отношения с некоторыми партнерами по команде. Я ценил их, и они знали, что за успех ответствен не один я».

Обстоятельства второго сезона Джордана в «Буллз», и в особенности его начала, выявили проблемы, с которыми ему придется впоследствии сталкиваться регулярно. Круг его избранных друзей моментально разделял его партнеров, независимо от того, какой состав собирался в команде, на тех, кто был вхож в этот круг, и тех, кто не был. Большинство партнеров по команде, особенно в первые его годы в Чикаго, удерживались им на расстоянии вытянутой руки, им определяли роли сторонних наблюдателей. Джордан нуждался в своем коконе, чтобы суметь выжить, но в то же время ему придется понять, что ни один человек на этой земле не может быть, как остров, сам по себе. Как отмечал Гервин, «нужно прикладывать усилия, чтобы не оказаться на этом острове. Нужно упорно работать над этим».

Календарь сезона «Буллз» открыла поздней осенью 1985 г., начав с трех подряд побед, но в третьем матче, против «Голден Стэйт Уорриорз», Джордан получил перелом ладьевидной кости предплюсны левой стопы – такая травма неоднократно вынуждала игроков NBA завершать карьеру или сильно ее укорачивала. Предрекая себе скорое возвращение в строй, он отсидел следующий матч на трибунах, а клуб официально сообщил, что у Джордана «травма лодыжки». Эта игра стала первой, которую он пропустил за всю свою карьеру, включая выступления за старшую школу и даже с учетом перелома запястья, который у него случился за четыре недели до начала его второго сезона в Северной Каролине.

«Чувствую себя болельщиком, – сказал он репортерам на следующий день после травмы в игре с «Голден Стэйт». – Не могу ничего поделать. Все, что мне остается, – смотреть на них и болеть вместе со всеми».

Потом ему поставили диагноз. «После этого год превратился в одну сплошную катастрофу», – вспоминал Джерри Райнсдорф. Джордан пропустил следующие 64 игры. Ветераны всей лиги обменивались друг с другом понимающими взглядами.

Неистовый стиль игры Джордана, отдававшего всего себя игре в каждом матче, наконец предъявил ему счет. «Он все время так играл, – вспоминал Гервин, озвучивая общепринятое мнение. – Наверное, он потому получал травмы, что играл жестко всегда, все время».

Новости о переломе стопы лавиной сошли на Nike, только что инвестировавшую в Джордана миллионы. «Хочу сказать, что в тот момент под угрозой оказалась вся затея, – вспоминал Ваккаро. – Мы это осознали. Все могло закончиться в тот момент».

Джордан разделял их страхи. «Я был немного напуган, – объяснял он позже. – Я не хотел, чтобы меня хоть кто-нибудь беспокоил. Не хотел, чтобы телефон звонил. Не хотел смотреть ТВ. Не хотел слушать музыку. Я хотел просто погрузиться в кромешную темноту, потому что должен был как-то разобраться с этим, пережить это очень болезненное время. Впервые мне пришлось задуматься о том, чтобы заняться чем-нибудь, кроме баскетбола, и это был ни на что не похожий период».

Как только он осознал реальность жизни с травмой, его первой мыслью была мысль о возвращении домой, но эта идея встретила незамедлительное осуждение окружающих. «Майкл хотел вернуться в Северную Каролину и проходить восстановление там, – вспоминал Марк Пфейл, один из тренеров «Буллз» в то время. – Мы смогли донести эту мысль Джерри Райнсдорфу и Джерри Краузе и продумали программу восстановления для Майкла в Каролине. Он восстанавливался, учился, готовясь получить диплом, и обрел некоторое умиротворение. Возможно, это помогло Майклу успешно конкурировать с соперниками после возвращения». Некоторые наблюдатели, в числе которых было и несколько его партнеров по команде, раскритиковали Джордана за то, что он покинул команду на время реабилитации после травмы. Даже несмотря на тот факт, что он принял участие лишь в трех матчах, болельщики все равно избрали его лучшим игроком Восточной конференции на голосовании той зимой.

«Я был очень разочарован и поначалу не знал, как справиться с ситуацией, – вспоминал Джордан. – Я отдалился от нее, уехал в Северную Каролину, работал над дипломом и смотрел матчи команды по ТВ. Лучшего способа справиться со всем этим для меня не было».

Во время своего пребывания в Чапел-Хилл он регулярно посещал матчи Каролины, во время которых сидел на скамейке запасных и впервые имел возможность взглянуть на систему, сформировавшую его как игрока, со стороны. Когда стопа начала заживать, он ступил на запретную территорию и начал играть в

дворовых матчах, о чем не знали ни Райнсдорф, ни Краузе. «Много позже я узнал, что спустя две недели после травмы он уже вернулся на паркет, – вспоминал Краузе. – Не знаю, сколько правды в этих словах, но такие слухи до меня доходили. Он никогда не говорил, что играл. Три недели спустя у нас с ним состоялся телефонный разговор. «Как ты?» – «Намного лучше». – «Доктора все еще хотят, чтобы ты отдыхал. Приезжай сюда еще через пару недель, посмотрим на тебя». Так продолжалось два месяца».

«Я знал, что он играл во время восстановления, потому что он сам сказал мне об этом, – вспоминал Сонни Ваккаро. – Я сейчас перефразирую его, конечно, но говорил он примерно следующее: «Я пойду туда, а там посмотрим, все ли в порядке с этой проклятой ногой. Пойду и узнаю, могу ли играть. Мне нужно держаться подальше от людей, и я знаю, что буду защищен». Эти слова успокоили и одновременно повергли в еще больший ужас сотрудников Nike, поставивших очень многое на его карьеру.

> В отсутствие Джордана Стэну Альбеку пришлось обратиться к Гервину и сделать его одним из основных своих атакующих орудий.

Альбек тренировал Гервина в «Сан-Антонио», так что «Буллз» просто переключилась на розыгрыши с более активным участием Айсмена. «Стэн из кожи вон лез, оказавшись в столь непростых обстоятельствах, – вспоминала чикагская радиожурналистка Шерил Рэй-Стаут. – В отсутствие Майкла бросалось в глаза то, что в этой команде было полно ребят, которым было все равно. Ребята вроде Сида Грина даже не подходили к партнерам во время тайм-аутов».

«Стэну было тяжело, – вспоминал в 1995 г. Сидни Грин. – К сожалению, у него были высокие ожидания от Майкла и команды в целом. Как только Майкл выбыл из игры, Стэну пришлось менять весь свой игровой план. Он попытался построить команду вокруг Джорджа Гервина, но, к несчастью, Джордж уже еле на ногах стоял. Но все еще умел бросать. Остальные же игроки, помимо Джорджа, были очень молоды… Не стоит забывать и о том, что в тот год вскрылись все проблемы Куинтина Дэйли». Дэйли вошел в черную полосу из пропущенных матчей и поздних появлений. После того как он пропустил игру в феврале, Краузе удалил его из команды. Дэйли лег в клинику для наркозависимых во второй раз за восемь недель.

«Куинтин опоздал на очередную игру, а к тому времени я уже знал, что дела у него очень плохи – из-за кокса, – говорил Краузе. – Мы ждали, что он появится к началу, и Стэн сказал:

«Если он явится, я поставлю его в состав…» Я ответил: «С этим парнем покончено, больше в форме «Буллз» он не сыграет». Тогда я принял решение начать поиски нового тренера».

Недостаток остроты в командных действиях в отсутствие Джордана указывал на то, какой внушительный груз ответственности в команде он нес на своих плечах. К марту, когда он сказал менеджменту клуба, что восстановился после травмы и хочет вернуться, статистика «Буллз» была удручающей: 22–43. «Я не хотел видеть, как моя команда летит в пропасть, – объяснял он позже. – Я подумал, что достаточно здоров, чтобы принести ей хоть какую-то пользу».

Его планы застали Райнсдорфа врасплох и спровоцировали еще одну жесткую конфронтацию с Краузе. У владельца клуба и генерального менеджера были серьезные сомнения насчет целесообразности слишком раннего возвращения Джордана в строй.

«Один момент подпортил наше с Майклом общение, – вспоминал Краузе, – он подумал, будто я сказал ему: «Ты – наша собственность, ты будешь делать то, что мы тебе скажем». Я не помню, чтобы я хоть раз говорил что-то подобное. Он неверно интерпретировал мои слова. Я пытался отговорить его от возвращения, потому что у него были проблемы с ногой, а наши доктора твердили: «Нет, нет, нет, не надо». Райнсдорф тоже говорил ему о рисках. А он был молодым парнем, который просто хотел играть. И я не могу обвинить его в этом. Но тогда-то все и началось, потому что мы сказали: «Мы будет удерживать тебя». Мы все вместе сидели в том кабинете, а Стэн и пальцем о палец не ударил, чтобы нам помочь. Стэн мог объяснить суть ситуации Майклу, но он повел себя эгоистично. Он мог встать на нашу сторону и поддежать докторов, говоривших, что Майкл еще не готов играть».

Краузе вспоминал, что у Джордана «пар валил из ушей» во время разговора. Он воскликнул: «Вы говорите мне, что я не могу играть?» Чем дольше они разговаривали, тем сильнее становилась ярость Джордана.

«Вот ты сидишь за одним столом с крупными бизнесменами, делающими миллионы долларов, и понимаешь, что мои миллионы для них – гроши, – вспоминал он позднее. – Все, чего я хотел, – играть в игру, в которую играл долгое-долгое время. Но они иначе смотрели на все это. Они видели в этом защиту собственных инвестиций, хотели, чтобы их миллионы продолжали приходить и приходить. Вот тогда я по-настоящему ощутил себя использованным. Тот раз был единственным, когда я, будучи профессиональным спортсменом, почувствовал себя

использованным. Я ощущал себя вещью, частью чьего-то имущества».

«Я был напуган до смерти, – говорил Краузе, вспоминая ту ситуацию. – Я не хотел войти в историю человеком, который выпустил Майкла Джордана на паркет раньше времени».

Джордан почувствовал, что менеджмент клуба хотел продолжать проигрывать, чтобы команда оказалась в более выгодном положении на следующем драфте. «Если ты проигрываешь матчи специально, это показывает, какой ты на самом деле человек», – сказал он изданию *Tribune*, и этот комментарий всплывет много лет спустя, когда он сам станет владельцем клуба NBA. Джордан подчеркивал: «Никто и никогда не должен проигрывать ради того, чтобы получить что-то получше. Всегда нужно стараться выжать максимум из того, что у тебя есть. Если бы они по-настоящему хотели попасть в плей-офф, я бы выходил на площадку каждый раз, когда у нас был шанс выиграть матч».

«Это была какая-то мыльная опера, – вспоминал в 1995-м Райнсдорф. – Мы были слишком честны с Майклом. Мы дали ему возможность выслушать доклады трех докторов, с которыми мы консультировались на предмет сроков его восстановления. Все трое сказали, что перелом не зажил как следует. Они сказали, что, если он сыграет, будет 10–15 %-ный риск того, что он может закончить карьеру. Майкл был прирожденным спортсменом, он родился, чтобы соревноваться. Он просто хотел играть. Я думал, что у него есть право выслушать то, что хотят сказать доктора. Я никогда не думал, что он захочет рисковать своей карьерой. Я попросту не видел в этом никакого смысла. Но Майкл счел, что 10–15 %-ный риск означает, что с вероятностью от 85 до 90 % он не получит рецидива травмы. Как по мне, награда в такой ситуации никак не соответствовала риску. Наградой здесь было возвращение на площадку и возможность сыграть за команду, которая уже провалила год. Зачем рисковать всей карьерой ради такой награды? Майкл настаивал, что он лучше знает свое тело, чем я. Тогда мы достигли компромисса: он будет играть, но постепенно, сначала по 7 минут в каждую половину игры».

Джордан выпустил свой гнев на паркете, почти в одиночку переломив неудачную серию «Буллз».

«Таков Майк, – объяснял Марк Пфейл. – Если он не считал, что что-то способно ему повредить, он фокусировался на задаче и играл. Растяжения, воспаления паха, мышечные спазмы, грипп – во всех этих случаях первым вопросом Майкла был: «Это помешает мне сыграть?» Если я говорил ему, что нет, все, он тут же забывал об этом. И концентрировался на другом».

«Они стали ограничивать Майкла в количестве минут, которые он мог проводить на паркете, – вспоминала Шерил Рэй-Стаут. – Они в буквальном смысле запускали таймер, отсчитывая количество минут, которое он мог отыграть. Стэн сидел на скамейке и высчитывал время. Он вынужден был это делать до возвращения Майкла. Некоторые скептики высказывали мнение, что такое ограничение количества минут для своего игрока команда ввела специально для того, чтобы улучшить свои шансы выбрать новичка по результатам драфт-лотереи. Это вопрос, на который мы никогда не узнаем ответа».

В одной из игр Альбек продержал Джордана на площадке дольше, чем должен был. Райнсдорф вспоминал: «Я сказал Краузе, чтобы тот передал ему, что так делать больше нельзя. Стэн сказал нам, что думает по этому поводу. Следующая игра была в Индиане, и примерно за 25–30 секунд до конца матча «Буллз» уступала сопернику очко. Ровно в этот момент истекли 7 минут, выделенные Майклу в этой игре, и Стэн убрал его с игры. Он удалил его с площадки специально для того, чтобы показать нам, насколько нелепым было это решение ограничить время Майкла на площадке 7 минутами, насколько случайной была эта цифра в 7 минут».

Команда «Буллз» все же выиграла ту игру благодаря джамперу Джона Пакссона, но Райнсдорф был в ярости. Альбек выставил его дураком. «Одного я никогда не мог понять, – говорил Пфейл, – как это Майкл мог тренироваться по два часа, но не мог при этом проводить в игре больше 14 минут?»

«Игровое время Майкла увеличилось после того, как стало очевидно, что мы можем пробиться в плей-офф, – отмечал Райнсдорф. – Наконец в перерыве одной из игр в концовке сезона Краузе дал указание тренеру передать Стэну новую директиву руководства: давать Майклу столько минут, сколько возможно. Мне нельзя было разрешать ему играть в тот год вообще. Это было ошибкой».

Бог в чужом обличье

Возвращение Джордана в основной состав помогло «Буллз» выиграть шесть из 13 заключительных матчей регулярного сезона. Завершили его они с показателем 30–52 и сумели проскочить в плей-офф, одержав победу в концовке над «Вашингтоном».

Восьмые сеяные «Буллз» встретились в первом раунде с первой сеяной командой «Бостон Селтикс», которая под

руководством президента Реда Ауэрбаха и тренера Кей Си Джонса закончила год с результатом в 50 побед и одно поражение в домашних матчах. Ларри Берд был на пути к своей третьей подряд награде MVP лиги, а «Селтикс» в целом переживала крайне успешный период, на протяжении которого четырежды кряду выходила в финал NBA и дважды становилась чемпионом лиги. То была великолепная, блестящая баскетбольная команда с передней линией в лице Берда, форварда Кевина Макхейла и центровых Роберта Пэриша и Билла Уолтона. Все они уверенно двигались к 16-му чемпионскому титулу в истории франшизы.

«То была команда, – вспоминал Билл Уолтон, – которая могла выиграть любую игру, имела полностью укомплектованный состав, блестящего тренера, обладала феноменальными лидерскими качествами во фронт-офисе в лице Реда и имела огромное преимущество над соперниками на домашнем паркете благодаря невероятным болельщикам. И еще у нее был Ларри Берд, умевший завести своих болельщиков сильнее, чем любой другой игрок из всех, кого я видел. Но каким бы знаменитым ни был Ларри Берд как игрок, он был еще более выдающимся как личность, великолепный лидер. И какими бы яркими ни были наши представления, воспоминания, фантазии о Ларри Берде-игроке, на самом деле в жизни он был гораздо круче. Он был лучшим, несмотря на то что игра, ее правила, секундомер и судьи – все это накладывало на него слишком много ограничений, он оставался лучшим, потому что был художником, творившим на паркете. Он был Микеланджело, Бобом Диланом баскетбола. Он был парнем, умевшим видеть то, чего не видел никто другой, и он умел взяться за эту мечту, за эту искру и претворить ее в жизнь. Не было никого похожего на Ларри Берда».

Тренер «Бостона» Кей Си Джонс был, наверное, сильнейшим защитником в баскетболе по части прессинга мяча, выигрывавшим чемпионство за чемпионством вместе с Биллом Расселлом. Уверенность Джонса в успехе была такой же всеобъемлющей, каким было преимущество его игроков над соперниками в апреле того года. Он не видел никакой необходимости в том, чтобы прилагать какие-то сверхусилия в матче с аутсайдерами из «Чикаго Буллз» и их молодой звездой, только вернувшейся из лазарета.

«У нас не было никаких планов по двойной опеке Джордана, – вспоминал Кевин Макхейл. – Ничего особенного мы не делали. Просто дали ему бросать. И, как вы помните, в первой игре он просто обезумел».

Освобожденный от оков двойной опеки Джордан набрал 49

очков за 43 минуты первой игры серии, но команда «Бостон» все равно размазала «Чикаго» со счетом 123: 104. «Эта персональная опека одного не работает у «Селтикс» в случае с Джорданом», – сказал в перерыве той первой игры комментатор Томми Хейнсон.

Обязанности по опеке Джордана в той серии разделили между собой Деннис Джонсон и Дэнни Эйндж, оба великолепные защитники, и подменявшие их Рик Карлайл и Джерри Сичтинг. «После той первой игры мы сказали, что должны, наверное, взять его под двойную опеку или придумать что-нибудь еще, – вспоминал Макхейл, – а Кей Си Джонс сказал: «Мы подумаем об этом». Я к тому, что они выиграли 30 матчей. Мы – 67. Не было никаких шансов на то, что они обыграют нас».

У Джордана были другие планы на вторую игру серии, которая должна была состояться три дня спустя в «Бостон Гарден». «В раздевалке перед игрой стояла гробовая тишина, – вспоминал Сидни Грин. – Майкл был невероятно сконцентрирован, и мы понимали, что он намеревается сотворить что-то грандиозное». Матч дважды переходил в овертайм. За 53 минуты игрового времени Джордан совершил 41 попытку забросить мяч в цель и был успешен в 22 из них. «Селтикс» много фолили на нем, и он реализовал 19 из 21 штрафного броска. Вдобавок он записал на свой счет шесть ассистов, пять подборов и три перехвата при четырех потерях. Набранные им 63 очка стали абсолютным рекордом всех времен NBA по количеству очков в одном матче плей-офф.

«Да это сам Господь Бог в обличии Майкла Джордана», – сказал Берд после игры. Этот комментарий еще целую вечность будет идти фоном к нарезке лучших моментов в карьере Джордана. В один момент он выбил всю дерзость из лучшей баскетбольной команды.

«В первой игре он набрал 49 очков, но мы победили +20, – вспоминал Уолтон. – И тогда мы сказали: «Да ладно, он все равно никогда не повторит это». В следующей игре он набирает 63 очка, выводит из игры всю команду фол-аутами, и, если бы не сумасшедшая игра Ларри Берда, мы бы не выиграли матч во втором овертайме, 135: 131».

За 56 минут на площадке Берд набрал 36 очков, но для того, чтобы сравняться с результативностью Джордана, «Бостону» потребовался вклад всех остальных игроков команды. Макхейл набрал 27 очков, Эйндж – 24, Джонсон – 15, Пэриш – 13 и Уолтон – 10.

«По правде говоря, никакого плана противодействия ему у нас не было, совсем, – вспоминал Макхейл. – Мы просто вышли на площадку и сказали: «Эй, а знаете что? Мы будем играть в

свою привычную защиту. Если он будет забивать, кому какое дело?» Никто не предполагал, что он настреляет 60 с лишним очков». Уолтон вспоминал: «В раздевалке после второй игры мы сказали: «А этот парень хорош. Почему бы нам просто не закрыть его двойной опекой, а там посмотрим, смогут ли Дэйв Корзин и остальные из «Буллз» что-нибудь сделать с нами».

Столкнувшись в третьей игре серии, проходившей на чикагском «Стэдиуме», с двойной опекой и внушительными габаритами игроков «Селтикс», Джордан предпринял лишь 18 попыток забросить мяч в кольцо и реализовал восемь из них. Игру он заканчивал с 19 очками, 12 подборами и девятью ассистами в активе, но его команда все равно была сметена соперником – 122: 104.

«Мы стали опекать его по двое и не давать ему мяч в руки, – говорил Макхейл. – Мы реально подготовили план для него. Люди забывают, что ту серию мы выиграли всухую. Счет был 3: 0, и мы спокойно поехали домой».

Исход серии едва ли имел большое значение. Вся лига NBA и армия ее поклонников стояли на ушах от перформанса Джордана. Четырьмя годами ранее он уже привлекал внимание национальной аудитории, когда добыл студенческое первенство для своей команды драматичным броском в концовке игры. Игра же против Берда и «Селтикс» вознесла легенду Джордана на новые высоты. То, что он сотворил с лучшей командой баскетбола, приковало к нему внимание всех тренеров NBA, а с ними и болельщиков.

«Это было чудесно, – говорил Сидни Грин. – Я знаю Майкла. Он из тех парней, которым нравится, когда другие люди считают, что он чего-то не может. Эти сомнения лишь подливают масла в огонь его амбиций, он стремился доказать не только себе, но и всем остальным, что может играть с травмой и он готов играть, несмотря ни на что».

Но главным образом перформанс стал посланием менеджменту «Чикаго Буллз». «В той игре, – признавался Райнсдорф годы спустя, – мы впервые начали осознавать, насколько великим Майкл мог стать».

Момент также стал очень важным для Джордана в личностном плане. «Вплоть до того времени столько ребят из прессы говорили, что «он хорош, но не настолько, чтобы считаться игроком одного уровня с Мэджиком Джонсоном или Ларри Бердом», – говорил Джордан, вспоминая прошлое годы спустя. – Я заслужил уважение Ларри Берда – для меня это было показателем того, что я на верном пути. Дело было не в набранных очках, потому что в конце концов мы проиграли матч.

Мне приятно смотреть нарезку с кадрами той игры, но не слишком, потому что я тогда проиграл. На тот конкретный момент это был самый значимый комплимент, который я получил».

Приход Коллинза

Спустя несколько недель после завершения сезона Краузе уволил Стэна Альбека, вновь разозлив растущую армию болельщиков команды. Райнсдорф счел, что тренер встал у них на пути, когда они хотели удержать Джордана от преждевременного возвращения в строй после травмы стопы. Кроме того, Альбек отверг рекомендации Текса Уинтера по организации нападения.

Поиск смены свелся к выбору из двух потенциальных кандидатов: комментатора Дага Коллинза и в очередной раз Фила Джексона. Краузе немного помучился с выбором, затем выбрал Коллинза, который смотрел много матчей лиги, будучи комментатором на CBS, однако не имел тренерского опыта. «Парень из телика? Серьезно?» – предположительно такие вопросы задал Райнсдорф Краузе, когда тот впервые озвучил эту идею. Но Коллинз был звездой Университета Иллинойса и на драфте 1973 г. шел под первым номером; кроме того, он играл ключевую роль в олимпийской сборной США образца 1972 г., которую постигла неудача в финале. После того как на драфте его выбрал клуб «Филадельфия Севенти Сиксерс», Коллинз помог ему преодолеть катастрофу 1973 г. и выиграть чемпионский титул в 1977-м. Трижды попадавший в команду Всех Звезд Коллинз в конечном счете стал жертвой травм, вынудивших его завершить карьеру раньше времени.

«Ситуация сложилась крайне некомфортная, поскольку Коллинз был комментатором и ездил вместе с командой на матчи до своего назначения, – вспоминала Шерил Рэй-Стаут. – Стэн Альбек мог посмотреть через плечо и увидеть Дага Коллинза. Он периодически консультировал команду, а тут появились спекуляции о том, что Коллинз может занять место Стэна».

«Когда я нанял Дага, все надо мной смеялись, – говорил Краузе. – Очень многие люди говорили: «Какого черта ты творишь, на что надеешься, нанимая парня с ТВ?»

«В то время мне было 35 лет, – вспоминал позже Коллинз, – а в Чикаго к тому времени сменилось девять тренеров за десять лет. Я был тем парнем, который должен был закатать рукава и сотворить что-нибудь значимое».

Джордан не был уверен в том, что ему это удастся, особенно поначалу.

«Когда я впервые встретился с Дагом, я думал, что он не понимает, о чем говорит, – вспоминал Джордан. – Мне было интересно, как он вообще получил работу. Я к тому, что он был очень молод. Но как только я узнал его поближе, он мне очень понравился. У него была светлая голова, он контролировал процесс, а самое главное, был позитивен».

Новый тренер не только привнес в команду эти качества, но и добавил для командного уравнивания ассистентов тренеров Джонни Баха и Джина Литтлза. Бах, в частности, станет очень значимой силой в команде. О Коллинзе Бах вспоминал так: «Я тренировал его на Олимпиаде-1972, у нас были хорошие дружеские отношения, мы питали друг к другу большое уважение. Даг позвонил мне и сказал: «Я бы хотел, чтобы ты пришел в команду и вошел в штаб». Для меня было удовольствием поработать с Полом Дугласом Коллинзом. Он был возбужден и заряжен, переживал эмоциональный подъем. Он действительно вновь заложил победные традиции «Буллз».

Довершив комплектование тренерского штаба, Краузе переключил свое внимание на ростер игроков. Он отпустил восвояси Орландо Вулриджа, Джаванна Олдхэма и Сидни Грина, и началось накопление денег и драфт-пиков. К драфту 1987 г. у него уже скопится запас из пиков первого раунда. Но в сезон команда отправлялась всего с одним игроком в составе, имевшим в среднем двузначные цифры основных статистических показателей, и этот игрок только возвращался в строй после серьезной травмы стопы. В то время публика и не подозревала, насколько разозленным и мотивированным был Майкл Джордан. Краузе привел из Портленда защитника Стива Колтера, проводившего третий сезон в NBA, и Джордан напал на него в тренировочном лагере так, словно он был самим Краузе. С каждой игрой и тренировкой становилось все отчетливее ясно то, что чувствительный Колтер не способен играть бок о бок с Джорданом. Как и у многих разыгрывающих защитников, у Колтера были проблемы с эффективностью игры в моменты, когда он оказывался без мяча в руках. Но у Джордана была одна давняя привычка, которой потакал каждый из его тренеров: во время ввода мяча в игру он прогонял прочь разыгрывающих, получал пас и протаскивал мяч вперед, самостоятельно начиная атаку. Со временем станет очевидно, что Джон Пакссон, не нуждавшийся в мяче для того, чтобы быть эффективным, – более подходящий партнер для Джордана. Краузе обменяет Колтера в

другую команду еще до того, как сезон перевалит за экватор, и приведет в команду следующего игрока из длинной очереди разыгрывающих защитников, которым будет не суждено проявить себя в тени Джордана.

В тот год Краузе нанял Джима Стека, сделав его своей правой рукой. Стек играл за команду Северо-Западного университета, а затем выступал в профессиональных лигах в Европе. Он демонстрировал умение анализировать игру и составлять статистические выкладки, обладал хорошим пониманием баскетбола, а поэтому, помимо ассистирования Краузе, помогал еще и команде, проводя для нее глубокую скаутскую разведку соперников. Фронт-офис «Буллз» и сама команда уже превратились в два разных мира, разделенных четкой границей, но позиция Стека в клубе позволяла ему появляться в них обоих. Стек признавал, что ему было довольно неловко обсуждать внутреннюю политику, но когда он не был занят скаутской работой на выезде, он присутствовал на тренировках команды и перечитывал свои отчеты на командных собраниях. Помимо работы на Краузе, Стек помогал и тренерам, с которыми у него установились хорошие взаимоотношения. Как и с Джорданом. Благодаря этим крепким отношениям Стек (хотя не только он один) стал тем клеем, что более десятилетия удерживал вместе составные элементы всей организации, не давая ей развалиться из-за конфликтов.

Стек повидал много чего в баскетболе в разных странах мира, но самые эмоциональные, наэлектризованные игры случались на тренировках «Буллз». «Майкл был просто машиной для убийств, – вспоминал он в 2012 г. – Временами рядом с Майклом оказывались и более талантливые партнеры, но они попросту не могли совладать с той неописуемой удалью и тем мастерством, которые он привносил на площадку. Бедолага Стив Колтер. Когда я пришел в команду, то подумал, что он один из лучших защитников, но Джерри в итоге убрал его из клуба, потому что тот быстро сник на тренировках, где ему приходилось играть против Майкла».

Глава 19
Атакуй!

Перед началом первого сезона Дага Коллинза в «Буллз» в клубе ощущалось серьезное общественное давление: публика ждала, что команда усилит свой состав, пригласив доступного снайпера вроде Эдди Джонсона из «Сакраменто» или большого и мощного игрока типа Джо Бэрри Кэрролла из «Голден Стэйт». Краузе предпочел подождать, что породило страхи в рядах болельщиков, опасавшихся, что в ростере не останется талантливых игроков. В предсезонном старте некоторые предрекали, что «Буллз» не сможет повторить свой прошлогодний результат и выиграть 30 матчей в регулярном сезоне.

Некоторые наблюдители сомневались, что «Буллз» сможет забивать достаточно, чтобы одерживать победы, но ответы на эти вопросы прозвучали уже в первый день сезона, который открывал матч против «Никс» на Мэдисон-сквер-гарден. В составе «Нью-Йорка» были свои «башни-близнецы» в лице Патрика Юинга и Билла Картрайта, и благодаря им к середине четвертой четверти «Никс» вела с преимуществом в пять очков. Во время тайм-аута Джордан посмотрел на Коллинза и произнес: «Тренер, я не дам проиграть ваш первый матч».

Он набрал 18 последних очков команды в этой игре, которые стали залогом победы 108: 103. Набранные им в матче 50 очков – новый рекорд по количеству набранных соперниками «Никс» в Мэдисон-сквер-гарден очков. Таким образом, Джордан превзошел Рика Бэрри и бывшего «быка» Куинтина Дэйли, деливших прежде рекорд в 44 очка.

«Я никогда в жизни не видел никого, подобного Майклу Джордану. Никогда в жизни. Никогда», – сказал Коллинз, обняв каждого из своих баскетболистов. После репортеры подслушали, как Джордан сказал своему отцу, что это болельщики «Никс» побудили его устроить такую феерию. «Так ты играл на публику, а не на команду?» – спросил у него отец, поддразнивая. «Я всегда играю на публику», – ответил он.

«Возбуждение, охватившее клуб после выигрыша первого матча сезона, послужило поворотной точкой, – говорил Райнсдорф, вспоминая прошлое. – В тот год все начало выстраиваться как надо, а Майкл играл просто невероятно». Чтобы конкретизировать: в этот год Джордан завоевал американский баскетбол. Его революция коснулась всего, от малого до великого. В профессиональный баскетбол он пришел в

эпоху шорт а-ля Дэйзи Дьюк, коротких и облегающих, и быстро придумал кое-что получше, начав носить более удобные мешковатые шорты, специально сшитые таким образом, чтобы их длина превышала стандартную на 2,5 дюйма. Пройдет совсем немного времени, и игроки начнут выходить на паркет в длинных, доходящих до колен панталонах, и это модное нововведение от Майкла станет самым долгоиграющим из всех.

Вдобавок началось повальное увлечение его стилем игры и ставшими уже обыденными для него данками rock-a-baby. За всем этим воочию наблюдал новый ассистент тренера Джонни Бах. Баху, как и Тексу Уинтеру, было уже за 60, бывший военный, он много лет проработал тренером: последним местом его работы был клуб «Голден Стэйт Уорриорз», главным тренером которого он являлся до переезда в Чикаго. Бах был полон энтузиазма и жаждал помогать Коллинзу с Джорданом, но, как и Уинтер, Бах поначалу сдержанно вел себя с Майклом и не спешил сближаться с ним.

«Работа ассистентов тренеров, особенно опытных, предполагает, что периодически тебе придется выходить на первый план, а временами держаться подальше, и нужно знать, когда это делать, – вспоминал в 2012-м Бах. – В те дни я наблюдал за Майклом на расстоянии. Его игра была так хороша, что было трудно поверить в происходящее, в то, что он умел делать. Я всегда полагал, что лучшее, что можно сделать, – просто смотреть и быть готовым оказать любую помощь, какая была необходима».

В числе обязанностей Баха при Коллинзе было проведение углубленного изучения соперников с последующим изложением увиденного в их работе на командных собраниях. Тогда он впервые и установил связь с Джорданом. Рассуждая об игре, Бах умел «ввернуть нужную фразу» в свой рассказ, как говорил он сам. «Я использовал много военных терминов, так как в годы войны служил на флоте». Джордана незамедлительно привлек его диковинный язык и рассказы о Второй мировой войне, в ходе которой Бах потерял своего брата-близнеца – летчика, погибшего в бою. «Показалось, что это привлекло его внимание», – вспоминал Бах. Но помимо военных терминов в его арсенале также были безупречные костюмы и горящие глаза – это тоже притягивало Джордана, распаляя его воображение.

Пожилой ассистент тренера часто упоминал в своих речах адмирала Уильяма Холси по прозвищу Бык, который во время войны командовал соединениями флота в южной части Тихого океана, и использовал его фразы, чтобы во время матчей донести какие-то указания до впечатлительного Джордана. «Когда тайм-

аут заканчивался, я шел рядом с Майклом и говорил: «Бога ради, Майкл, атакуй, атакуй, атакуй. Вот что говорил Холси, и вот что я повторяю тебе», – вспоминал Бах. – Я делал так, когда мне казалось, что он не атакует корзину. Я не так часто это говорил ему. Но он запоминал мои слова. Так, наверное, все и началось. Будучи ассистентом тренера, я не мог просить игрока начать какой-то розыгрыш, но в таких случаях просто говорил: «Что-то я не видел, чтобы ты делал то, что умеешь». В таких ситуациях я думал: «А почему бы просто не стимулировать его фразами в духе «Эй, Майкл, давай атакуй, атакуй!» Вот такими мелочами я занимался, и наши отношения с ним хорошо складывались благодаря им». В будущем Джордан начнет называть Баха своим персональным тренером, чей призыв идти в атаку будет звучать как мантра на протяжении всего сезона. В большем подбадривании молодая звезда, создававшая новую математику игры, и не нуждалась.

В 28 матчах сезона он будет набирать более 40 очков за игру. Шесть раз преодолеет отметку в 50 очков. В конце ноября и начале декабря он забивал больше 40 в девяти матчах подряд, шесть из которых пришлись на «турне» по западным городам и штатам. Позже он будет утверждать, что играл так исключительно по необходимости. «Когда я только пришел сюда, я должен был зажигать огонь в партнерах, раззадоривать их, – вспоминал он. – А потому приходилось демонстрировать много индивидуальной игры».

Прыжок

В NBA быстро распространилось мнение о том, что такая версия Джордана – нечто совершенно новое. Эдди Пинкни вспоминал, что его партнер по «Финиксу» Уолтер Дэвис тоже обратил на это внимание. «В моем понимании Майкл несколько идеализировал Уолтера, Дэвис был для него кумиром, – вспоминал Пинкни. – Точно одним из любимых игроков. В то время Уолтер был звездой». По мере приближения игры против «Буллз» Пинкни стал замечать, что Дэвис несколько оживился и начал готовиться к играм усерднее, чем обычно. «Для меня это было немного странным, потому что в то время Уолтер доминировал на своей позиции, – вспоминал Пинкни. – Он никогда по-настоящему не беспокоился и не переживал о том, что ему предстоит играть против кого-либо. Я этого не знал, но огромный контингент игроков летом приезжал в Северную Каролину играть и тренироваться».

Уолтер Дэвис, как казалось, не горит желанием дать Джордану хотя бы один повод посмеяться над собой на тренировочных сессиях в Чапел-Хилл: он не хотел, чтобы их очный матч в регулярном сезоне дал Майклу пищу для трэш-тока. «Я только догадывался, что нас ждет, – говорил Пинкни. – Дэвис же знал наверняка. Майкл выдал концерт. Настоящий концерт. Эти двое реально выкладывались до последнего. Я хочу сказать, что дело не в том, как он забивал. Скорее в том, как он забирал игру под свой контроль. В какой-то момент ты понимал, что вот оно, надвигается, и эти серии растягивались на 10–12 бросков подряд. А то, как он исполнял их, больше напоминало сумасшедшие нападения на кольцо. Он прыгал с одной стороны на другую и обратно. Творил такое… настоящие дикие атаки на кольцо».

Больше всего Пинкни поразило то, как Джордан повлиял на Дэвиса. «Этот парень был реально хорошим игроком, – говорил Пинкни, – а Джордан заставил его целиком пересмотреть свой подход к игре». Тем не менее, несмотря на 43 набранных Джорданом очка, «Буллз» уступила сопернику в той игре, проиграв –2. После игры командный врач надрезал ланцетом разбухший палец на ноге Джордана, и, как вспоминал Джерри Краузе, «из нарыва потек гной. Зрелище было ужасное. Если бы вы увидели это, вас бы стошнило».

Доктор приказал Джордану вернуться в Чикаго и отдыхать десять дней из-за повреждения пальца. В интервью 2012 г. Краузе вспоминал: «Теперь Майкл начинает наседать на Дага Коллинза, я ухожу, но 15 минут спустя Даг выходит в коридор и говорит: «Нам надо поговорить». И передает мне слова Майкла, который сказал ему, что хочет поехать играть следующим вечером в Сан-Антонио. Он заверял, что не будет вредить себе и, если все будет плохо, он не станет играть, ну и тому подобное, что можно услышать от парня в такой ситуации. Ну, я, наверное, тоже повел себя слишком мягко, но мы все-таки разрешили ему поехать в Сан-Антонио. Если посмотрите статистику, то увидите, что он набрал в той игре 52 очка… кажется».

На самом деле 43. Эта игра стала очередной в девятиматчевой серии Джордана из 40-очковых вечеров, и это с больным пальцем. Из девяти матчей «Буллз» проиграла шесть, что не так плохо с учетом того, что восемь игр были гостевыми. Ближе к концу своей серии Джордан набрал 41 очко в игре с «Атлантой», но Доминик Уилкинс из «Хокса» ответил 57.

В каждой игре Джордан заставлял лучших игроков лиги выжимать из себя максимум. Как это поняли «Селтикс» по матчам плей-офф предыдущего сезона, защищаться против него было

совершенно невозможно, по крайней мере усилиями одного защитника. В первый сезон Джордана в Чикаго «Лейкерс» бросила на него Байрона Скотта и Майкла Купера и смогла сдержать его, не дав мяча. Те дни теперь были далеко в прошлом. Купер сказал одному из журналистов: «Когда люди говорят, что я проделал хорошую работу по опеке Майкла или что такой-то игрок хорошо поработал с ним, они ошибаются. Нет ни единого шанса, что я его остановлю. Для этого нужна вся команда. Как только он касается мяча, внутри тебя закипает огонь. В голове начинает звучать сигнал тревоги, потому что ты не знаешь, что он собирается сделать. Он уходит вправо, влево, появляется над тобой, под тобой, обходит вокруг, крутится, извивается. А ты знаешь, что он обязательно бросит. Просто не знаешь, когда и как. И это самый разрушительный в психологическом плане аспект для защитника».

Атака, к которой его подстрекал Бах, выходила у него такой креативной, что спортивный журналист газеты *Sun-Times* Рик Теландер решил поговорить с Майклом о его прыгучести. «Мой вертикальный прыжок никогда не замеряли, – отвечал ему Джордан, – но иногда я думаю о том, как высоко поднимаюсь… Я всегда расставляю ноги, когда высоко прыгаю, как, например, в момент выполнения rock-a-baby данка, кажется, что я раскрываю парашют, который как бы медленно опускает меня на пол. В нашей первой игре против «Нью-Йорка» я очень высоко взлетел. В момент исполнения моего последнего данка я был близок к тому, чтобы оказаться глазами на одном уровне с кольцом. Иногда ты просто задеваешь его запястьем, но в этот раз выше кольца были и локти, и все остальное. Своим данком я почти перебросил кольцо».

О своем умении подолгу зависать в воздухе он рассказывал с тем же энтузиазмом, с каким это делал бы любой его фанат. «Я хотел бы показать вам запись данка, который сделал в Милуоки, – рассказывал Теландеру Джордан. – Там замедленная съемка, и кажется, что я взлетаю, словно мне кто-то приделал крылья. У меня мурашки по коже бегут, когда я пересматриваю этот момент. Я думаю про себя: «Когда это прыжок превратился в полет?» Ответа у меня пока еще нет».

> Невозможно было найти лучшую площадку для демонстрации этих навыков, чем конкурс слэм-данков, включенный в программу уик-энда Всех Звезд.

В том сезоне болельщики отдали рекордные 1,41 млн голосов в пользу того, кого теперь именовали титулом «Его Воздушество», чтобы он только принял участие в матче Всех Звезд. «Думаю, что

это здорово – то, что болельщики так восхищаются моим стилем, – отвечал он на это. – Я не собираюсь как-либо разочаровывать их».

В те времена конкурс слэм-данков обладал особенной привлекательностью для ведущих спортсменов лиги, что подчеркивает тот факт, что Джордан подтвердил свое участие спустя менее 12 месяцев с тех пор, как получил перелом стопы. Мероприятие проходило в «Кингдоуме» в Сиэтле, и Джордан стал его победителем, продемонстрировав серию слэмов, закрепивших за ним его фирменный стиль полетов. (Игрок «Атланты» Доминик Уилкинс был в это время травмирован.) В этот раз никому и в голову не пришло игнорировать его по ходу матча Всех Звезд. Теперь тень Джордана легла на всю лигу. «Даже на матче Всех Звезд ты не мог отвести от него глаз, – делился наблюдениями Митч Лоуренс, баскетбольный журналист-ветеран, писавший для *New York Daily News.* – Не поймите меня неправильно, можно было следить за Мэджиком или Бердом, но в Майкле Джордане было что-то особенное. Когда ты идешь смотреть его игру, даже обычную игру регулярного сезона, ты должен внимательно за ним наблюдать. На паркете могло быть еще две-три суперзвезды, но это не имело значения, 95 % времени ты смотришь только на Майкла Джордана. Если он брал паузу, ты мог начать смотреть на других игроков, но большую часть времени матча твои глаза были прикованы к нему. О скольких игроках из нынешних можно такое сказать?»

После уик-энда Всех Звезд Джордан продолжил играть в том же темпе. В конце февраля он набрал 58 очков в игре против «Нетс», побив старый клубный рекорд «Буллз» по количеству очков, набранных в одном матче регулярного сезона, установленный Четом Уокером, когда-то настрелявшим 57 очков. Несколько дней спустя, несмотря на болезненную мозоль на левой стопе, он уничтожил «Пистонс», набрав 61 очко и принеся своей команде победу в овертайме на глазах у 30 тыс. с лишним кричащих болельщиков, заполнивших «Понтиак Сильвердоум». В концовке игры Джордан и Айзея Томас вместе с Эдрианом Дэнтли из «Пистонс» яростно обменивались точными бросками в кольцо.

«Игра Айзеи в тот момент подняла меня на новый уровень, – признавался впоследствии Джордан. – Он делал великолепный бросок, а потом я брал мяч и делал еще более великолепный бросок. Для болельщиков это было отличным развлечением, шикарный был баскетбол». Из всех своих многочисленных выдающихся матчей того сезона самым любимым он называл тот победный матч против «Пистонс». Причина? «Потому что мы выиграли, – объяснял он. – И потому что в последние несколько

минут игры я переключился на опеку Эдриана Дэнтли, трижды перехватил мяч и не дал ему набрать очков. Победа защиты». После игры ошарашенные игроки «Пистонс» начали работать над созданием схемы противодействия такой игре, чтобы избежать подобных унижений в будущем.

Джордан же, казалось, выдает один запредельный перформанс за другим. «Не знаю, как он это делал, – говорил его партнер Джон Пакссон. – Каждый вечер у него перед лицом вставал кто-то новый, но он никогда не делал ни шагу назад».

The I in Win

Было в его безудержном голоде что-то такое, что грызло и не давало покоя многим людям в NBA. Одним из немногих, кто посмел в открытую высказаться об этом, стал Ларри Берд, сказавший репортеру: «Мне не нравится, когда один парень выполняет все броски. Суть игры не в этом».

Джордан полностью доминировал в Чикаго в том сезоне по части владения мячом: на него одного приходилась треть всех бросков команды. Этот сезон станет первым из девяти, на протяжении которых Джордан будет лидером лиги по попыткам забросить мяч с игры. Такая концентрация на одном игроке в ущерб командным действиям шла вразрез с представлениями ассистента тренера «Буллз» Текса Уинтера, полагавшего, что в баскетболе важно другое. Несмотря на опасения Уинтера, Даг Коллинз, казалось, целиком и полностью поддерживает стремление Джордана набирать очки и даже, наверное, хотел бы еще большей результативности от своего лучшего игрока, если бы это приносило победы команде. Поначалу державшийся очень скромно в отношении Джордана Уинтер со временем начал предпринимать попытки склонить звезду в сторону более фундаментального подхода к игре. Джордан мгновенно ощетинился.

«Знаешь, что он сказал мне? – признавался Джордан репортеру Карри Киркпатрику. – Когда он мне это сказал, я уже знал, что у одного из нас начался маразм. Он сказал: «Наиболее эффективный в процентном отношении бросок после прохода – лэй-ап». Потом спросил: «Почему ты все время пытаешься исполнять эти безумные прыжки, финты и данки?» Я ушам своим не верил. Я просто пялился на него и отвечал: «Эй, я же не планирую это заранее. Просто так получается».

Уинтер, которому было уже под 70, имел более чем 40-летний опыт тренерской работы на высшем уровне, он работал

главным тренером в пяти университетских командах и клубе «Хьюстон Рокетс». Его специализацией было треугольное нападение, которое к тому времени уже считалось устаревшим. Но если другие люди из мира баскетбола издевались над Тексом Уинтером, считая его чудаковатым, то Краузе, знавший его много лет, глубоко восхищался им и его нападением, это восхищение едва не переходило в раболепное поклонение. Краузе раздражал тот факт, что ни Стэн Альбек, ни Коллинз не следовали советам Уинтера по организации нападения.

Нападение Уинтера представляло собой нечто большее, нежели игру в крестики-нолики. Как он любил отмечать, это была целая система или философия игры, которую дополнял целый комплект фундаментальных игровых принципов. Пожилой ассистент был сфокусирован на деталях настолько, насколько профессиональные тренеры себе и представить не могли. К примеру, Уинтер был безмерно взволнован тем фактом, что Джордан не умел исполнить прямую передачу на грудь партнеру, которая пришлась бы ему по вкусу. Альбек и Коллинз противились рекомендациям Уинтера во многом потому, что применение их на практике потребовало бы полного подчинения всей его игровой системе, где каждая деталь игры была разобрана по косточкам. Его система создавала такое нападение, которое предполагало безукоризненный расчет расстояний между игроками и позволяло регулярно взламывать оборону соперника. Она позволяла игрокам заранее знать, откуда они смогут сделать бросок. Но самое важное, она предполагала расположение впереди двух защитников, которые обеспечивали бы баланс на паркете. Идея Уинтера заключалась в том, что один игрок всегда должен быть готов быстро переключиться на защиту, чтобы помешать соперникам перейти в быстрый отрыв.

«Текс в некотором смысле очень упрямый, даже агрессивный человек, – вспоминал Джонни Бах. – Он верил в треугольное нападение, наверное, еще до написания Евангелия. Оно было его Евангелием. Он хотел внедрить его в игру команды. Не знаю, сказал ли ему Краузе, что «да, ты можешь внедрять свои идеи», ведь убедить ему было нужно не только Дага. Ему нужно было убедить и Майкла в том, что его атака не просто полезна всей команде. Он должен был убедить Майкла в том, что он сможет работать в такой системе».

Сделать это окажется очень непросто, так как Джордан считал Уинтера одним из людей Краузе, а значит, автоматически считал его гниловатым, видя в нем мишень для своих острот.

«Текс был для нас как дедушка, – вспоминал тренер Марк Пфейл. – Но игроки над ним издевались. Майкл имел привычку

поддразнивать его. По любому поводу. Однажды на тренировке Майкл подкрался к нему сзади и спустил шорты до самых колен, так что все увидели голый зад Текса».

Уинтер никогда не жаловался на это Краузе, но его отношения с Коллинзом, тренером, для которого он должен был быть наставником, охладевали. Уинтер полагал, что его наняли для того, чтобы он учил, и он учил везде, где только выпадала возможность, общаясь с игроками напрямую и открыто, – большинство из них не встречали такого подхода с тех пор, как закончили среднюю школу.

«Когда игроки выходят на паркет для тренировки, я готов тренировать любого, кто появится на площадке, – рассказал однажды Уинтер о своем методе работы. – И тренировать их я буду так, как привык тренировать, в своем стиле, и не важно, Майкл Джордан передо мной или кто-то еще… Разницы нет. Они это знают. Если я вижу, что Майкл совершает ошибку, я поправлю его так же быстро, как любого другого игрока. И все же он такой великолепный атлет, что с ним надо работать несколько иначе, чем с остальными игроками. Не думаю, что можно сурово критиковать его по всем аспектам игры, тогда как парней помоложе, ребят другого склада можно мотивировать, довольно жестко их критикуя».

Если Бах все время подстрекал Майкла атаковать кольцо, то Уинтер постоянно напоминал ему о важности командного подхода к игре. А его воля ничуть не уступала воле Джордана. В тренерском штабе «Чикаго» назревал конфликт, который усугубляло твердое стремление Коллинза быть самому себе начальником. «Он пришел с таким энтузиазмом, который выходил за все рамки нормальности, – говорил Бах о Коллинзе в тот первый его сезон. – Он был очень заряжен и мотивирован, особенно в плане конкуренции. Некоторые тренеры видят очень мало. Они хороши по части того, что преподают игрокам, но не видят ничего сверх этого. Даг Коллинз же всегда был тренером, который видел слишком много всего». Казалось, что Коллинз ни на минуту не может оставить свою команду в покое и всегда ищет возможности добавить в командный арсенал парочку новых комбинаций и розыгрышей.

Учитывая развивавшийся конфликт между родителями и назревавший конфликт в тренерском штабе, неудивительно, что Джордан стал терять доверие к авторитетным фигурам, окружавшим его. Однако критика всегда, казалось, способна привлечь его внимание. Нет никаких сомнений в том, что мнения, высказанные Бердом и Уинтером, стали сюрпризом для Джордана и заставили его принять несколько оборонительную позу. «Я

рассматриваю эту критику как вызов для себя, повод работать над собой, чтобы стать лучше и увидеть, стала ли лучше от этого моя команда, – говорил он в одном интервью. – Но дело в том, что я не играю в команде, полной суперзвезд… Любой, кто считает иначе, просто круглый дурак».

По правде же, становившийся все более выраженным эгоизм Джордана в плане бросков и результативности начал порождать чувство обиды и негодование среди партнеров по команде. Несколько лет спустя Джордан откровенно расскажет об этой проблеме и признает, что слишком концентрировался на себе в ущерб команде. Тогда же его концентрация на себе, своей игре и своих талантах казалась непрошибаемой. Он внял рекомендациям Баха и усердно атаковал корзину.

Март ознаменовался еще одной серией игр, в которых он набирал более 40 очков. В апреле ему выпала возможность стать первым со времен Уилта Чемберлена образца сезона 1962/1963 г. игроком, которому удалось набрать свыше 3000 очков за сезон. (Чемберлену это удавалось дважды.) Джордан набрал 53 очка в игре с «Индианой», потом 50 в матче с «Милуоки», после чего тренер «Бакс» Дон Нельсон снял с себя галстук и, написав на нем слова «Великий сезон, великий человек», отдал его Джордану. Нельсон был еще одним наставником из плеяды тренеров старой школы, этих убийц на коротком поводке, которые позже будут искусно и тонко обмениваться с Уинтером и Джексоном взаимными оскорблениями на почве спортивной конкуренции. Подписанный для Джордана галстук был еще одним способом побудить Майкла активнее атаковать кольцо, как это делал Бах.

Главный атакующий монстр игры наградил своих поклонников вторым сумасшедшим перформансом: в игре с «Атлантой» на «Стэдиуме» он набрал 61 очко. Сезон он завершил с 3041 очком в активе и лучшим в лиге средним показателем по набранным очкам в 37,1.

Во время избиения «Атланты» он поставил рекорд NBA, набрав 23 очка подряд. В концовке игры он швырнул мяч с середины площадки и едва не попал в цель: этого было достаточно, чтобы пуристы вроде Уинтера негодующе закачали головами, даже при том, что болельщики встретили этот бросок восторженным гулом. Когда Джордан уходил с площадки, Уинтер сказал ему: «There’s no **I** in the **team**», т. е. «В слове «команда» нет буквы «я». Джордан вспомнил этот эпизод в 2009 г. во время своей речи по случаю вхождения в Зал славы баскетбола. Он сказал, что ответил тогда Уинтеру следующее: «Yeah, but there is **I** in **win**», т. е. «Да, но зато есть в победе».

Этот момент обозначил начало великого баскетбольного

диспута, в действительности даже не баскетбольного, а общекультурного, столь характерного для Америки: диспута о противостоянии личности и команды / группы. Только в ретроспективе и Уинтеру, и Джордану станет ясно, что философский конфликт, возникший между ними, существенно повлиял на них обоих, их дальнейшие успехи и взгляды на игру.

Тем временем «наградой» Джордана за атакующие подвиги на протяжении сезона стало непопадание его в первую и вторую символические сборные NBA из лучших защитников, и этот факт привел его в ярость. В том сезоне он стал первым игроком в истории NBA, которому удалось записать на свой счет свыше 200 перехватов и более 100 блок-шотов. В совокупности он совершил 236 перехватов и 125 блоков.

За всю историю лиги только Джерри Уэсту удавалось попасть в сборную лучших защитников в статусе ведущего снайпера лиги. Джордан был серьезно настроен получить признание за «совершенную игру», хотел, чтобы его считали игроком без слабых мест, умеющим делать на площадке все. Он поставил несколько клубных рекордов «Буллз» в шести различных категориях во время одного сезона – этого хватило для того, чтобы обеспечить первой команде в карьере Дага Коллинза результат в 40–42 по итогам регулярного сезона и очередную встречу в первом раунде с «Бостон Селтикс». Берд и «Бостон», впрочем, без труда выиграли серию, одержав три победы (в то время как Джордан набирал в каждой игре в среднем по 35,7 очка) и подчеркнув тем самым справедливость слов Берда и Уинтера, что командная мощь легко может затмить даже самое гениальное выступление одного игрока. За первые три сезона Майкла Джордана в «Чикаго» его команда проиграла девять матчей плей-офф, а выиграла всего один.

«Он – парень, чьи нарезки лучших моментов хочется смотреть и пересматривать снова и снова, – говорил о Джордане защитник «Бостона» Дэнни Эйндж. – Но я не знаю, насколько весело играть с ним в одной команде».

Но даже при всем этом его индивидуальные достижения в тот год не помешали самым стойким критикам высказаться на его счет. «Все постоянно говорят, что главная дуэль – я против Ларри, – говорил репортерам Мэджик Джонсон, клуб которого «Лейкерс» одолел в борьбе за чемпионский титул того сезона «Селтикс» Берда. – На самом же деле – Майк против всех остальных». Джордан и Джонсон считали друг друга лучшими игроками лиги. Некогда бывший кумиром для старшеклассника Джордана Мэджик теперь стал в глазах Майкла неприятным соперником, и дело было не только в победах на паркете.

Джордан столкнулся с серьезной критикой, начинавшейся с собственной команды, раздираемой дебатами, и находившей продолжение в его взаимоотношениях со звездами других клубов.

«Ни для кого в лиге не секрет, что Джонсон, несмотря на четыре чемпионских перстня, испытывает к Джордану что-то большее, нежели профессиональную зависть, – писал для *Sports Illustrated* Карри Киркпатрик. – По крайней мере, в коммерческом плане Мэджик должен был стать столь же успешен, как Майкл еще семь лет назад, когда вслед за выигрышем титула NCAA для Университета Мичигана в 1979-м завоевал победу в шестой игре финальной серии чемпионата NBA 1980 г., в котором «Лейкерс» взяла верх над «Филадельфией 76».

Джонсону и другим ветеранам было явно не по душе то, что сделка Джордана с Nike и активные действия компании по его продвижению на рынок возвели Майкла в такой статус, который ставил его выше самых успешных и титулованных звезд лиги. Джордан, в свою очередь, не стеснялся озвучивать теорию, согласно которой именно Джонсон стоял за решением владельца «Лейкерс» Джерри Басса обменять Джеймса Уорти в другую команду. «Я ничего не имею против него, – говорил Джордан Киркпатрику. – Я просто думаю, что ему не нравятся игроки из Северной Каролины».

Не помогало и то, что Джонсон и Айзея Томас акцентировали внимание на своих дружеских отношениях. Когда Джонсон направил Майклу приглашение поучаствовать в своей летней благотворительной игре Всех Звезд, в которой хотели принять участие очень и очень многие, Джордан сухо отказался. Было очевидно, что унижение, которое он испытал на матче Всех Звезд двумя годами ранее, все еще жгло его самолюбие.

На самом же деле в межсезонье Джордану поступило ошеломительное количество самых разных предложений и приглашений. Когда он впервые услышал от Дэвида Фалька слова «Air Jordan», он засмеялся. Но меньше чем за три года он превратился в беспрецедентную по мощи маркетинговую единицу, на одних продажах кроссовок и других товаров под его брендом Nike заработала свыше 165 млн долларов. «Сначала я подумал, что это чья-то несбыточная фантазия, – говорил Джордан, вспоминая свою первую реакцию на запуск собственной линии кроссовок. – Но теперь этот бренд разросся до куда больших размеров, чем прежде. Цифры просто поражают».

Странно, но у Фила Найта стали возникать сомнения насчет взаимоотношений его компании с Джорданом, что станет причиной драматических поворотов в переговорах по новому контракту по Air Jordan, которые развернутся в следующие

несколько лет. Как объяснял Сонни Ваккаро, Найту представлялось, что Майкл Джордан слишком быстро заполучил огромную власть, и это напугало Найта. Поддерживать столь высокий уровень продаж было тяжело, и первый незначительный спад стал поводом для главы Nike взять паузу и все обдумать. «Фил уже был готов избавиться от него, – вспоминал Ваккаро. – Он хотел подписать контракты со всеми студенческими командами и забыть про Майкла. Я сказал: «Вы не можете этого сделать». Во-первых, компанию покинул Роб Страссер, который теперь советовал Джордану самому заняться выпуском своей товарной линейки. Найт эту идею отверг и продолжил ставить под сомнение ценность взаимоотношений компании с Джорданом. Так продолжалось до тех пор, пока Ваккаро не подготовил для него финансовые выкладки, из которых вытекало, что Nike и близко не светит заработать сопоставимые с продажами Air Jordan суммы на контрактах с колледжами.

> У Найта был выбор: отпустить Джордана с поводка или оседлать эту вздымающуюся, порой пугающую своими размерами волну его популярности.

В конечном счете Найт предпочел держаться одного курса с Джорданом. В конце концов Майклом будет подписан новый весомый контракт с Nike, который несколько лет спустя проложит дорогу к возникновению Jordan Brand и станет залогом невообразимого богатства спортсмена.

«Сначала он получил большую прибавку, а потом и свой бренд Jordan Brand, – рассказывал Ваккаро о последующих сделках Джордана с производителем обуви. – Не было никаких сомнений в том, что он пойдет на это. Я к тому, что масштаб сделки был огромным. Майкл был в деле. Это была самая конструктивная и перспективная сделка в истории подобных сделок. Без вопросов. И стоит отдать должное Майклу и Nike: они создали империю».

«Он так быстро поднимался к вершинам, а продукт под его брендом был так хорош… – вспоминал Джонни Бах. – Он примерял каждую новую пару моделей, которые производила Nike. И очень гордился продуктом. Он хотел убедиться, что ему будет нравиться то, что компания будет выпускать».

Имидж Джордана, казалось, стал неразрывно связан с Nike, а сам Майкл продолжил одновременно и радостно принимать свою разрастающуюся, как метастазы, известность, и беспокойно съеживаться от осознания ее масштабов. Тем временем CBS пустила в эфир своей передачи *60 Minutes* – как будто было мало одних рекламных роликов Nike по ТВ – десятиминутный сюжет

Дайан Сойер о Джордане, в котором он представал игривым, почти солнечным мальчиком Майклом. На такой имиджмейкинг трудно было не купиться. Ликование Дэвида Фалька не знало границ. Подкрепило то, что агент Джордана называл «рекламой в *60 Minutes*», первое появление мультяшного Джордана в популярном комиксе *Shoe*, автором которго был лауреат Пулитцеровской премии Джефф Макнелли, оказавшийся давним поклонником «Тар Хиллз». Считалось, что успех обеспечен любой затее с участием Джордана. К рождественским праздникам в тот год на полках магазинов должны были появиться и товары из первой линейки игрушек, сделанных по его образу.

В 1987-м к освещению жизни «Буллз» вернулся спортивный журналист Лэйси Бэнкс, писавший для *Chicago Sun-Times*, и его представили Джордану. Годы спустя Бэнкс со смехом вспоминал свое первое впечатление от звезды: он увидел молодого короля, восседающего на троне и наслаждающегося своим новым статусом. «Майкл вступил во владение миром».

«Он был словно помазан Богом, – вспоминал Сонни Ваккаро. – Я серьезно, это проявлялось во всем. Даже там, где он делал что-нибудь противоречащее тому, что должен был сделать, все складывалось удачно».

И действительно, болельщики, как и соперники по лиге, начали понемногу понимать, что траектория восхождения Джордана куда шире и гораздо, гораздо выше, чем кто-либо себе представлял. «Если в эпоху спорта на телевидении, – делился наблюдениями Дэвид Фальк летом 1987-го, – вы бы решили создать из спортсмена медийную фигуру и звезду на десятилетие вперед – звезду выдающегося таланта, привлекательную, вполне доступную, складно изъясняющуюся, здравомыслящую, олицетворяющую вечные ценности, чистую и естественную, но не слишком правильную, чтобы не вызывать отвращения, с маленькой чертовщинкой в характере, – вы бы придумали Майкла. Он первый современный образец разноплановой, многогранной личности в командных видах спорта. Мы думаем, что он выходит за рамки расовых ограничений, за рамки баскетбола».

«Все стремительно менялось, и Майкл находился в самом эпицентре этих событий, – объяснял Сонни Ваккаро. – Он снимался в рекламах для всех, вы знаете, и стал вот этой глобальной сущностью во плоти».

McDonald’s, Coca-Cola, Chevrolet, Wilson Sporting Goods и еще с полдюжины других компаний использовали его образ для продвижения своих товаров. Суммы, которые они выплачивали ему за это, сделали его пятилетний контракт с «Буллз» на 4 млн

долларов смехотворно маленьким. Все эти обязательства означали, что его лето было расписано по часам, – чем он только не занимался, начиная от ведения телевизионных шоу и заканчивая символической подачей мяча во время игр Major League Baseball[32].

«Мне потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть, но теперь я наслаждаюсь всеми своими делами за пределами площадки, – говорил Джордан во время своей короткой рекламной поездки в Питтсбург, состоявшейся тем летом. – Я словно вернулся обратно в школу. Все время учусь. В колледже я никогда не задумывался о возможностях, открывающихся профессиональному спортсмену. Я получил возможность знакомиться с самыми разными людьми, путешествовать и расширять свои финансовые возможности, узнавать новые идеи и жизнь в целом, создать целый мир помимо баскетбола».

Все большая и большая часть этого мира отводилась Хуаните Ваной. В канун Нового года он сделал ей предложение, как раз когда они провожали 1987 г., дивясь той щедрости, с которой он одаривал их. Год и вправду получился щедрым, ведь Майкл приобрел новый дом на севере Чикаго с пятью спальнями и общей площадью в 5000 квадратных метров. Пока Хуанита помогала ему с декором дома, они начали вырисовывать свои представления о дальнейшей совместной жизни и о том, какой она будет. Новость, что пара обручилась, не обрадовала родителей Джордана, которые все еще вели борьбу за влияние на его жизнь.

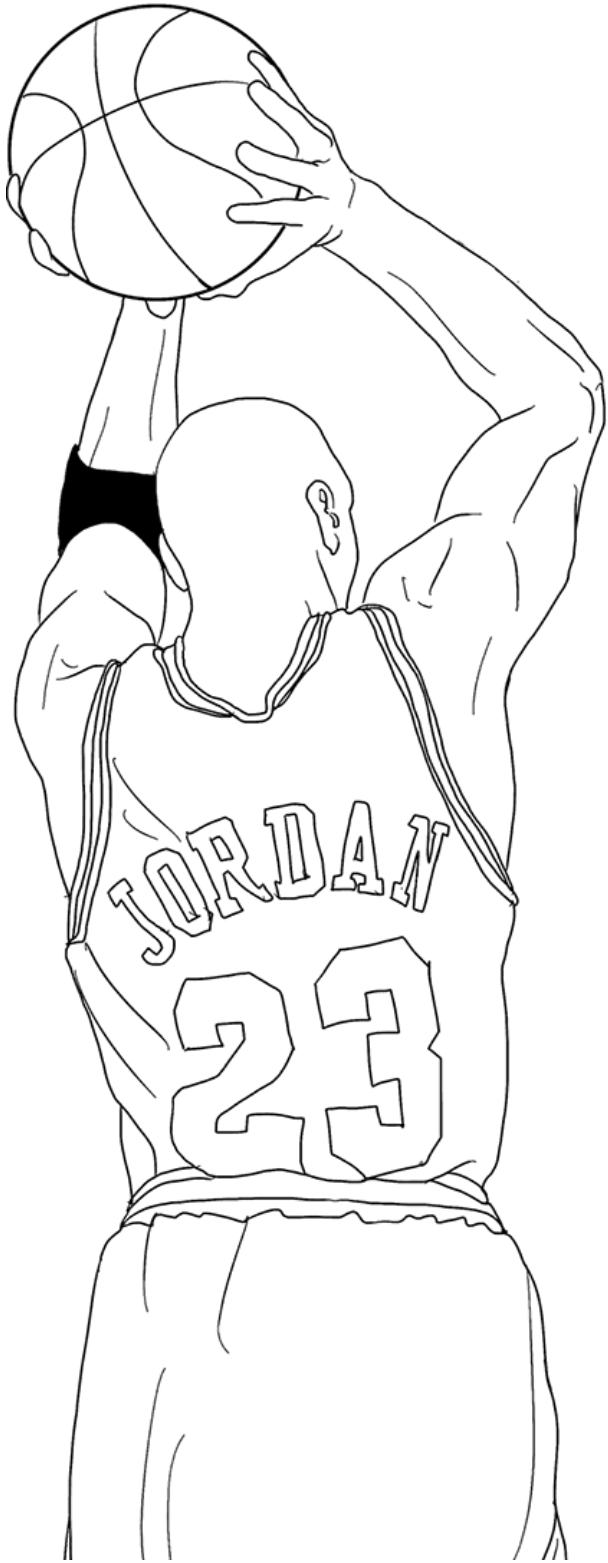
Тайные похождения Майкла, заставлявшие Джеймса Джордана понимающе улыбаться, были настоящим кошмаром для матери игрока и его невесты. «Мы живем в мире, полном искушений, – объяснял Сонни Ваккаро. – А на том уровне, на уровне Майкла, их невероятно много. Он был красивым молодым парнем на вершине мира. О нем ходит много разных баек. Но все эти вещи – естественное следствие богатства и известности. Кумиром быть трудно».

Ваккаро достаточно много путешествовал и работал с Джорданом, чтобы удивиться и даже поразиться тому, насколько осмотрительно вел себя Майкл. Несмотря на свою молодость, Джордан очевидно был достаточно мудр для того, чтобы не ставить в неловкое положение своих друзей и членов ближнего круга. У него были связи на стороне, но он не был таким неугомонным донжуаном, каким был Мэджик Джонсон, позже утверждавший, что на пике своей славы через его постель за год проходило ни много ни мало 500 женщин.

С точки зрения Ваккаро, тот факт, что Джордан был в состоянии выдержать испытание звездным статусом, лишний раз

продемонстрировал, каким удивительным набором качеств и талантов обладает Майкл. «Когда речь заходит о Майкле, становится очевидной… эта его всесторонняя привлекательность, как ее ни назови, – говорил старик Ваккаро. – Я бы применил слово *харизма*, но у меня такое чувство, что никто на свете не может толком объяснить, что оно означает. Все, что наполняло его жизнь, включая и сражения с собственной семьей, он преодолел, преодолел все. Это ведь редчайшее явление. Немногие люди способны на такое в любом деле, в любой сфере».

Часть VII
Циник


JORDAN
23

Глава 20
Вот это развлечение!

Его старшая сестра видела в нем эту особенность еще в детстве. Отец и даже Ред Ауэрбах заметили ее, когда его карьера начала набирать обороты. Джордан обожал развлекать толпу. Его взаимоотношения с публикой росли и развивались настолько стремительно, что окружающие не могли измерить эту скорость. Этот феномен заставил даже университетских ученых и преподавателей изучать Майкла как новую силу в популярной культуре.

Но даже при том, что Джордан отдал свое существование во владение публики, в жизни оставалось многое, что ему удалось скрыть. Он сделал это по собственной воле, следуя крепнущему инстинкту самосохранения и своей убежденности, что в некоторые аспекты его жизни никто не имеет права совать нос. Джонни Бах наблюдал за этим с благоговейным трепетом. Прилежный студент, тщательно изучавший баскетбол и жизнь в целом, Бах был большим философом, наделенным обаянием и искренностью. Кто знает, как развивалась бы история Джордана и NBA, если бы в жизни Майкла не появился Бах, который вел с ним долгие беседы?

«Если его глаза загорались и он начинал слушать, мне очень везло», – говорил Бах, рассказывая об их взаимоотношениях и выпавшей ему возможности поработать с величайшим баскетболистом в истории.

Джордан боролся за право не раскрывать некоторые свои слабости и свою привычку потакать им, равно как и распространяться о том бремени, что он добровольно нес на себе помимо баскетбола. «В начале его карьеры я думал, что он делает безумно много всего, это было просто невероятно, – вспоминал Бах. – Он всегда навещал какого-то человека или ребенка, чьим последним желанием было пообщаться с ним. Он никогда никому не отказывал. Каждый вечер приходили такие просьбы, и я никогда не мог понять, откуда он берет силы на все это. Его просили о визите покалеченные, обгоревшие, умиравшие от смертельной болезни дети. Я до сих пор помню, как он встречался с ребенком, отец которого сжег ему лицо. Его привели к нам, и Майкл сидел с ним в старой раздевалке чикагского «Стэдиума» перед игрой и разговаривал. Просто разговаривал. Вы представить себе не можете, как ужасно обгорел тот малыш. А Майкл просто говорил с ним. Потом посадил его на скамейку и

периодически подходил к нему во время игры и спрашивал: «Ну как тебе тот джампшот?» К нему подошел один из арбитров и сказал: «Майкл, нельзя, чтобы парнишка сидел на скамейке. Это против правил лиги». Майкл посмотрел на него и сказал: «Он останется на скамейке». Командные тайм-ауты он отвел на разговоры с мальчиком. Помню, как у нас с Джоном Пакссоном стояли в глазах слезы, когда мы смотрели на эту сцену, потому что мальчик страшно обгорел. А Майкл просто стоял и говорил с ним. В нем было величие. Именно оно рождало такие моменты. Они повторялись много раз. Он – чудесный, удивительный человек».

Казалось, что Джордан черпает энергию из того же огромного эмоционального запаса, который подпитывал его соревновательный дух. Бах вспоминал: «Я чувствовал, что они злоупотребляют им. Так много людей просили его о стольких вещах сразу, что все эти просьбы не могли не утомлять его. Но он, казалось, всегда находил время и возможность помочь тем, кто нуждался в нем сильнее всего. Он вырос не только как игрок, но и как личность, которая теперь могла взять и осчастливить маленького ребенка просто так. Я не умел так. Я вам вот что скажу. Я бы наверняка сломался, это и так почти произошло. Он же справлялся с давлением чрезвычайно легко, и не важно, исходило ли оно от прессы, компании или самой игры – баскетбола. Он выходил и делал это чаще, чем кто-либо другой. У него редко бывали блеклые матчи. Блеклый матч по его стандартам был бы лучшей игрой в карьере для другого игрока. Я восхищаюсь им и по сей день. Как ему удалось помочь стольким людям, я не узнаю никогда, никогда».

Джерри Краузе тоже восхищался природным даром Джордана по-доброму обходиться с теми, кому повезло в этой жизни меньше. Генеральный менеджер вспоминал, что единственной причиной, по которой молодая звезда могла отказаться от этого своего долга, было стремление кого-либо из причастных превратить это в пиар. Джордан приказал, чтобы о таких вещах никто не распространялся, чтобы они проходили исключительно за кулисами, в тишине. «Он постоянно этим занимался, – вспоминал Тим Халлам. – Было только одно условие. Он делал это не ради саморекламы. Он настаивал на том, чтобы все это проходило в тайне. Никакой прессы, полный запрет».

Разумеется, последнее, в чем нуждался Джордан, – самопиар. Его подвиги на паркете и так обеспечивали ему лучшую рекламу. А в личных беседах он жаловался на то, что уже достаточно настрадался от безупречности своего имиджа. Общественность уже давно питала слабость к звездам спорта и всегда с большой

охотой верила в то, что они есть воплощение лучших человеческих качеств, о чем свидетельствует вознесение до статуса полубогов целого ряда разных фигур – характерная черта века, который позже окрестят «столетием спорта». Мало кто осознавал тогда, что это поклонение Джордану лишь только начинается.

Бум продаж на рынке кроссовок совпал со стремительным прогрессом «Чикаго Буллз». За три сезона Джордана в команде стоимость клуба увеличилась более чем втрое и продолжала расти с каждым матчем. Джерри Райнсдорф был так доволен этими изменениями к лучшему, что продлил годичный контракт Дага Коллинза и планировал предложить новое соглашение Джордану.

Количество зрителей на матчах «Чикаго» выросло почти на 200 тыс. человек, теперь «Буллз» собирала в общей сложности аудиторию в 650 718 человек на домашних играх – прирост почти на треть в сравнении с предыдущим годом, когда Джордан пропустил из-за травмы 34 домашних матча. На выезде «Буллз» тоже подтянула совокупную аудиторию лиги, сумев привести на арены дополнительных 276 996 болельщиков, что принесло еще 3,71 млн долларов дохода. Владельцы клубов осознали, что курица, несущая золотые яйца, принадлежит не одному Райнсдорфу. Возросшая популярность и приток денег подняли уверенность команды в себе. «Мы добились уважения города, – говорил журналистам Коллинз. – Нас больше не считают Буллз», приносящей только плохие новости».

Wooly Bully

Несмотря на все эти завоевания, клубу еще только предстояло нанять на работу Фила Джексона и задрафтовать Скотти Пиппена. Весной 1987 г. Майкл Джордан еще не был знаком ни с одним из них – хотя эти двое будут самыми важными личностями в его профессиональной жизни. Пиппен придет в команду по результатам драфта 1987 г., а Джексон войдет в штаб «Буллз» в межсезонье и станет ассистентом тренера, в обязанности которого будут входить скаутинг соперников и решение всевозможных второстепенных задач. По большей части Краузе хотел видеть Джексона в команде для того, чтобы отрядить его в пару к Тексу Уинтеру, который должен был взять над ним шефство.

Каким-то образом Краузе удалось уговорить Коллинза нанять Джексона, который все еще оставался главным «чудаком»

баскетбола, интеллектуальным типом, носившим шляпу с перьями и имевшим благодаря своей книге репутацию любителя LSD. Но в этот раз баскетбольный хиппи побрился и надел галстук на собеседование, последовав указаниям Краузе. Когда Джексон пришел в команду, Джордан ничего о нем не слышал и отнесся к нему с подозрением, как к очередному ставленнику Краузе. Однако первые впечатления оказались достаточно сильными, чтобы он отбросил свой негативный настрой.

Никто не озвучивал, что Джексон будет ждать своего часа, то есть увольнения Коллинза, но в замкнутом мире NBA это все понимали и ожидали дальнейшего развития этой дворцовой интриги. Клубы NBA не прибегали к услугам ассистентов тренеров вплоть до конца 1960 – начала 1970-х гг., поскольку большинство команд не могли себе их позволить или не хотели им платить. Да и почему Коллинз должен был доверять Краузе, который уже уволил двух тренеров за два года работы в клубе? Однако каким-то образом это назначение сработало, потому что Джексон, несмотря на свое раздутое эго, вел себя сдержанно и держался в тени.

В «Буллз» собралась целая когорта сильных личностей: Джордан, Джексон, Коллинз, Бах и Уинтер, все они каким-то образом оказались объединены этим странным маленьким человеком по фамилии Краузе, и всем им не давали расслабиться растущее напряжение Джордана, его разочарование и цинизм. Он слабо верил в то, что Краузе способен найти какие-либо действенные решения для команды. И кроме того, по-прежнему злился на генерального менеджера за его поведение в истории с возвращением Майкла в строй после травмы стопы – он счел это головотяпством. Однако родители и Дин Смит воспитали Джордана учтивым, они всегда напоминали ему о том, что важно уважительно относиться к другим людям. Он понимал, что такое субординация. Джордан мог время от времени в игривом стиле отпустить шпильку в интервью для прессы, но когда репортеры начинали напрямую спрашивать у него о сотрудниках команды, он часто уклонялся от ответа, говоря, что вопросы, связанные с персоналом клуба, не в его компетенции.

Но за кулисами Майкл был полон сомнений, и драфт 1987 г. лишь сосредоточил его внимание на них, так как Краузе проделал кое-какую работу, чтобы команда получила два пика в первом раунде. Пиппен, которого удалось заполучить пятым пиком по итогам сделки с «Сиэтл Суперсоникс», не стал предметом ожесточенных дебатов внутри клуба.

Десятый пик, однако, стал проблемой, так как на Краузе одновременно оказывали давление Дин Смит и Джордан, убеждая

его выбрать Джо Вулфа или даже Кенни Смита. Генеральные менеджеры стали все с большим подозрением относиться к некоторым игрокам Каролины. Дело в том, что система игры Дина Смита затрудняла оценку их талантов. Вдобавок тренер был очень настойчив и всегда хотел, чтобы его игроки получали максимально высокие номера на драфте. Генеральный менеджер клуба NBA мог столкнуться с серьезными проблемами, если бы позволил Смиту затуманить себе разум.

В день драфта Краузе никак не мог определиться с десятым пиком, но Райнсдорф сказал ему «следовать своему чутью». Тогда Краузе выбрал вместо Джо Вулфа Хораса Гранта из Клемсонского университета, что привело в бешенство Дина Смита. Тот факт, что клуб «Чикаго» предпочел игроку Каролины выпускника Клемсона, взбесил Смита, потому что такой поворот событий мог повредить ему в плане дальнейшего рекрутинга студентов. «Дин Смит позвонил мне, – вспоминал Краузе, – и очень жестко отругал. Он кричал: «Как ты мог поступить так, болван?» Буквально так все и было. А Майкл сказал: «Какого черта? Ты взял этого болвана?!» И долгие годы так он и называл Хораса – болваном. Прямо в лицо. Болван. Говорил ему это в глаза».

Краузе не проконсультировался с Джорданом по поводу своего выбора, хотя хорошо знал, что это обрадовало бы Майкла. «Я разговаривал с игроками, но не с Майклом, потому что он тогда еще не был достаточно взрослым, чтобы понять всю суть», – вспоминал Краузе. Что еще более необычно, так это то, что игроки, с которыми он консультировался по вопросам найма персонала, представляли другие клубы. Он часто общался с Робертом Пэришем из «Селтикс» и Брэдом Дэвисом из «Мэверикс». «Те отношения я выстраивал долгие годы, – признавал потом Краузе. – И они могли дать мне ценные советы, потому что играли против разных парней в лиге».

«Мы с Майклом по-разному смотрим на вещи, – объяснял Краузе в 1995-м. – Первые пару лет в команде Майкл хотел, чтобы я привел в клуб Базза Питерсона, его соседа по комнате из колледжа. Мы постоянно шутили на эту тему. Уолтер Дэвис был другим кандидатом. Он умолял меня привести Уолтера Дэвиса. Я этого не сделал».

> Эта ситуация подлила масла в огонь нараставшей вражды между двумя мужчинами.

Годом ранее Краузе предпочел Брэда Селлерса другу Джордана из Университета Дьюка Джонни Доукинзу. Теперь он обошел вниманием серьезного игрока из Университета Северной Каролины. Много лет спустя Краузе признается, что Джо Вулф

наверняка хорошо вписался бы в состав «Буллз» и что форвард Каролины не смог раскрыть свой талант по большей части потому, что перешел в клуб-аутсайдер «Лос-Анджелес Клипперс». И все же в то время опыт Джордана подсказывал ему, что никто не знает игроков лучше Дина Смита и его одобрение не способно соперничать по авторитетности с одобрением «Тар Хиллз». Именно поэтому он надевал тренировочные шорты цветов Каролины под игровую форму «Буллз» на каждую игру и под обычную уличную одежду каждый день. Он был глубоко верующим в команду Университета Северной Каролины и все, что с ней связано. С Каролиной он выиграл чемпионство, тогда как этап его карьеры в «Буллз» был во многом дешевой авантюрой, клубом управлял непоследовательный и ненадежный Краузе, менее чем за три сезона сменивший трех тренеров.

Но помимо всего прочего, Джордан просто терпеть не мог иметь какие-либо дела с Краузе. Лэйси Бэнкс из *Sun-Times* вспоминал: «Краузе все сильно усложнял там, где это было совершенно необязательно, и поэтому Майкл его ненавидел». Теперь уже вся общественность знала, что Джордан прозвал вице-президента Крошкой, предположительно потому, что все, что бы ни съел Краузе – а ел он много и с аппетитом, – отлично смотрелось на его одежде. «Мы с Крошкой держимся на расстоянии друг от друга», – сказал он в межсезонье изданию *Sports Illustrated*.

Со временем Джордан станет менее осторожен в своих презрительных комментариях и поступках в отношении начисто лишенного чувства юмора генерального менеджера команды. В последующие сезоны, когда Краузе начнет заходить в раздевалку команды, Джордан будет «приветствовать» его вместе с партнерами хоровым мычанием главной музыкальной темы из *Green Acres*: подобное фиглярство Краузе обычно игнорировал, а то и вовсе не замечал.

Когда осенью того года команда собралась в тренировочном лагере для подготовки к сезону, Джордан стал делать то, что делал всегда: он обратил всю мощь своего соревновательного духа и на новичков команды, и на свежие приобретения, сделанные Краузе, чтобы оценить, достаточно ли они сильны в ментальном плане, чтобы выдерживать конкуренцию. Для Джордана эти испытание уже становились привычным ритуалом. Он должен был лично убедиться в том, что генеральный менеджер работает, ему нужно была независимая оценка. Настойчивость и гнев Джордана в вопросах подбора персонала станут одной из постоянных тем его жизни в качестве баскетбольного менеджера много лет спустя.

Правда была в том, что многие игроки NBA были попросту не готовы конкурировать с Майклом Джорданом, и было не важно, из какой школы они пришли или кто задрафтовал их в команду. Любой, кто попадал в состав, отлично осознавал размеры психологического бремени, которое каждому из партнеров Майкла приходилось нести на своих плечах. Было очевидно, что он очень слабо верил в окружающих его людей и их способности. «Поначалу Майкл думал, что может просто взять игру в свои руки и всегда побеждать в одиночку, – делился наблюдениями скаут «Буллз» Джим Стек. – И очевидно, что он много раз так и делал, помогая нам в ключевые моменты игры. До тех пор, пока не стал принимать помощь своих партнеров и не доверился им, свыкнувшись с мыслью о том, что может помогать нам, а не только себе; я подумал, что мы застряли и топчемся на месте».

В предыдущем сезоне очень много помощи ему оказал Чарльз Оукли, который в среднем набирал 14,5 очка за игру и делал 13,7 подбора, а также Джон Пакссон, набиравший 11,3 очка за игру и имевший почти 49 %-ную результативность при бросках с игры. «Чтобы угнаться за Майклом Джорданом, ты должен обрести уверенность в себе как в игроке, – объяснял Пакссон. – Нужно было делать что-то такое, что позволило бы ему начать доверять тебе как партнеру. Он был суров по отношению к партнерам и требователен в плане отдачи, он ждал, что ты будешь играть на максимуме. Так что нужно было дойти до определенного момента в отношениях с ним, своими действиями заслужить его доверие. Это было самым сложным для новичков, и некоторые ребята не справлялись с давлением. Одни не могли играть достаточно хорошо или стабильно, другие не умели делать грязную работу или какие-то другие мелочи. По этой причине Майклу нравился Чарльз Оукли, потому что Чарльз играл жестко и выкладывался на все сто. На площадке он делал какие-то вещи, которые Джордан ценил, но многие ребята этого не понимали».

Пиппен

Когда Джордан впервые увидел Пиппена, он сказал: «О, отлично, еще один деревенский малый». Очевидно, что это было отсылкой к Питу Майерсу, которого Краузе выбрал в шестом раунде драфта 1986 г., вытащив его из Университета Арканзаса. Пиппен был выпускником соседнего вуза, Университета Сентрал Арканзас.

«Я никогда о нем не слышал, – сказал Джордан о Пиппене. – Он был из школы NAIA»[33].

Пиппен был родом из Хамберга, Арканзас, бывшего железнодорожного городка с населением в 3000 человек, уроженцем которого был также автор романа *True Grit* Чарльз Портис. Пиппен был одним из 12 детей Престона и Этель Пиппен. Престон Пиппен работал на текстильной фабрике, но в годы учебы Скотти в старшей школе его подвело здоровье и он умер, тем самым ограничив возможности своего самого младшего ребенка найти дорогу в этой жизни. В 11-м классе старшей школы Хамберга Пиппен в основном сидел на скамейке запасных, но в выпускной год стал основным разыгрывающим защитником: его рост тогда равнялся 185 см, а весил он 68 кг. Вторая часть неправдоподобного баскетбольного путешествия Пиппена привела его в Сентрал Арканзас: школьный тренер устроил его в университет менеджером баскетбольной команды – Пиппен уже выполнял эту роль в старшей школе. «Я был ответственным за экипировку, майки и тому подобное, – вспоминал он однажды. – Мне всегда нравилось этим заниматься, просто быть обычным менеджером».

Его сырой талант вскоре привлек внимание баскетбольного тренера Дона Дайера. «Ни один из колледжей его не пригласил, – рассказывал как-то Дайер. – Он был статистом, 185-см статистом весом в 68 кг. Его тренер по старшей школе Дональд Уэйн играл у меня в колледже, и я взял Пиппена к себе, решив оказать ему услугу. Я был готов помочь ему с учебой в колледже. Собирался сделать его менеджером команды и помочь с учебой в финансовом плане. Когда Скотти пришел в колледж к началу учебного года, он уже вымахал до 190 см. Пара игроков в тот год покинула мою команду. Я видел в нем некоторый потенциал; он был как молодой жеребенок».

Мысль о карьере в NBA никогда не приходила в голову Пиппену даже в самых бурных фантазиях. Но к концу первого курса он вырос еще на 5 см и уже утвердился в качестве одного из лучших игроков команды. «У него был менталитет разыгрывающего, – объяснял изданию *Chicago Tribune* Дайер, рассказывая об эволюции Пиппена, – и мы использовали его для того, чтобы продвинуть мяч по площадке при прессинге соперника. Но я также ставил его форвардом, центровым, по всей площадке».

Со временем Скотти Пиппен начал понимать, что на баскетбольной площадке все иначе. «Я мог быть так хорош, как только захотел бы. Я развил уверенность в собственных способностях». Он раскрылся так, что дважды попал в символическую сборную лучших американских игроков NAIA. Его игра в выпускной год привлекла внимание Марти Блейка,

директора NBA по скаутингу. Пиппен имел статистику в 23,6 очка, 10 подборов и 4,3 ассиста за игру при 59 %-ной реализации бросков с игры и 58 %-ной реализации трехочковых. Блейк передал информацию о Пиппене «Буллз» и другим командам. Пиппен получил приглашение в один из просмотровых лагерей NBA в Виргинии, Portsmouth Invitational, где Краузе тут же влюбился в него, как это часто делают скауты. Теперь Пиппен имел рост в 2 м, а кроме того чрезвычайно длинные руки, что давно являлось ключевым фактором для Краузе при оценке игроков.

«Мы посмотрели на него, – вспоминал позже Краузе, – и я был очень взволнован им. Я был просто потрясен».

Оттуда Пиппен отправился в следующий лагерь NBA, на Гавайях. Краузе оповестил Коллинза о том, что нашел перспективного молодого игрока. «Когда мы рассказали Дагу Коллинзу о Скотти, он был настроен скептически, – говорил Краузе. – Тогда я подготовил видео по всем игрокам, участвовавшим в гавайском турнире, и отдал его тренерам. Я дал им список имен и составы, но не предоставил никакой подлинной информации об игроках, дав им возможность самостоятельно посмотреть и оценить каждого. После окончания видеосессии все вышли из комнаты и я спросил, есть ли у них какие-нибудь вопросы, и первое, что они спросили, было: «Кто такой этот Скотти Пиппен, черт его дери?»

Далее Краузе провернул довольно запутанную сделку с «Сиэтлом», по итогам которой Пиппен оказался в «Чикаго», хотя изначально именно «Соникс» выбрала его под пятым номером на драфте 1987-го. Взамен команда «Сиэтла» получила Олдена Полинайса, центрового из Университета Виргинии. Будучи игроком из маленького городишка и скромной школы, внезапно оказавшимся в центре всеобщего внимания в Чикаго, Пиппен, понятное дело, растерялся.

«Он обладал феноменальным талантом, но был очень сырым и неподготовленным, – вспоминал Джим Стек. – А кроме того, когда мы задрафтовали Скотти, у него были кое-какие проблемы со спиной. Из-за них он много сидел на скамейке во время работы тренировочного лагеря». Эти проблемы со спиной станут колоссальным фактором, повлиявшим на развитие его карьеры и взаимоотношений с фронт-офисом клуба. Но дружба, быстро установившаяся у него с другим новичком «Буллз» на драфте, Хорасом Грантом, помогла ему адаптироваться в первый год в клубе.

«Эти двое приехали в Чикаго на следующий день после драфта и сразу отправились на игру «Уайт Сокс», – вспоминала

Шерил Рэй-Стаут. – Они сидели на скамейке в кепках «Буллз». И незамедлительно подружились… Эта дружба продолжалась и на площадке, потому что они относились друг к другу очень хорошо. Им обоим предстояло повзрослеть и набраться опыта. Скотти, выходцу из NAIA, пришлось труднее всего. Ему было совершенно непривычно видеть рядом представителей прессы, для него это было шоком».

Отношения между двумя новичками вскоре стали походить в некотором роде на безрассудную влюбленность. «Скотти – он словно мой брат-близнец», – объяснял Грант, у которого уже был брат-близнец Харви, также игрок NBA. Пиппен стал его суррогатным братом-близнецом. Они вместе ходили по магазинам, устраивали двойные свидания, водили одинаковые машины и жили по соседству в Нортбруке, недалеко от Чикаго. Они даже женились с разницей в неделю и были шаферами друг у друга на свадьбе. Эти отношения добавили долю странности в атмосферу неловкости, и так царившую в «Буллз». «Как-то раз Скотти позвонил и сказал, что пропустит тренировку, потому что умерла его кошка, – вспоминал бывший тренер Марк Пфейл. – Спустя 15 минут позвонил Хорас и сказал, что останется со Скотти, чтобы помочь ему унять горе. Джонни Бах, наш ассистент тренера, просто обезумел от ярости. Он позвонил Хорасу и сказал: «Немедленно приезжай сюда. Кошку швырни в мусорный бак». Когда команда собралась вместе, Хорас захотел, чтобы все почтили память кошки Скотти минутой молчания».

Подобная чепуха раздражала Джордана. Краузе вспоминал, что тренировки «Чикаго» вскоре стали веселее самих матчей, потому что Джордан время от времени, сидя на корточках, орал Пиппену: «Я тебе задницу надеру!» Поначалу целью агрессивного поведения Джордана в отношении Пиппена на тренировках было закалить боевой дух Скотти. Бах вспоминал, что молодой форвард извлек урок из этого опыта, хотя подобное отношение и не способствовало установлению теплых отношений между ними.

«Когда Скотти и Хорас пришли в команду, Майкл почуял, что теперь команда может изменить свою судьбу к лучшему, – вспоминал Марк Пфейл. – Но проблема была в том, что у них было совершенно другое отношение к этому, что его сильно разочаровывало. Они были слишком молоды, они говорили: «Эй, да нам и так платят, побеждаем мы или проигрываем». Им было достаточно того, что они близко подбирались к победам, и не более».

Джордана заботил поиск только таких партнеров, которые помогут ему выигрывать конкуренцию и побеждать. Коллинз следовал аналогичной жесткой линии. Бах объяснял: «Даг

Коллинз предъявлял серьезные требования к молодым игрокам и порой неправильно интерпретировал их реакцию. От них он ждал соответствия высоким требованиям и эмоциональной вовлеченности в работу команды. Даг выводил их на высокий уровень, заставляя выкладываться по полной каждый вечер. Он заводил их. Даг был с ними на одной эмоциональной волне и пытался доносить до любого, насколько важны каждая тренировка и каждая игра, и гнал их вперед. Некоторые тренеры ведут за собой молодых игроков; он же направлял их».

В тот первый сезон Пиппен продолжал испытывать дискомфорт в спине, что заставило некоторых сотрудников и игроков клуба подозревать, что он симулирует боль, пока в межсезонье 1988-го ему наконец не поставили диагноз и не сделали операцию на диске.

«В первы год-два, признаю, я частенько валял дурака, – рассказывал однажды Пиппен. – Я тусовался на вечеринках, наслаждался богатством и не относился к баскетболу так серьезно, как должен был. Уверен, что многие новички поступали точно так же. Тебе непривычно пребывать в центре внимания или оказываться в столь благоприятной финансовой ситуации».

Но даже при этом его талант дарил франшизе «Буллз» большую надежду несмотря на тот факт, что в свой первый сезон он весил всего 92 кг. «Хотя его тело еще не развилось как следует, были видны признаки прогресса, – вспоминал Джордан. – При открытой игре в быстрых отрывах он был очень похож на Доктора Джея. Он получал мяч в отрыве и длинными шагами несся вперед. Следующее, что ты видел, – он уже у кольца. Думаю, многих людей удивило то, как быстро он прогрессировал и как его тело отвечало на наш стиль игры».

Размолвка

Команда, искавшая габаритного ветерана, который мог бы стать лидером передней линии, вернула 38-летнего Артиса Гилмора, чтобы он делил обязанности центрового с Дэйвом Корзином. Оукли прочно утвердился в статусе ведущего тяжелого форвада «Буллз» и теперь хотел получать мяч чаще. Коллинз не отказывал ему в этом, но ему было тяжело устоять перед искушением сделать ставку на Джордана.

«Мы должны добиться того, чтобы Майкл Джордан перестал быть единственным источником энергии этой команды, – говорил репортерам Коллинз. – И Майкл, и «Буллз» в целом знают, что он не сможет долго тащить тот нечеловеческий груз

ответственности, который мы на него возложили. Хотя, конечно, порой я сомневаюсь, что он – просто человек».

Оптимистичный план предполагал, что Пиппен и Грант будут понемногу заслуживать все больше игрового времени, чтобы Джордан смог объединить свои запредельные возможности с развивающимися талантами своих партнеров по команде. «Мы еще ничего не доказали, – говорил репортерам Коллинз. – В прошлом году мы прыгали выше головы, играя на голых эмоциях. Подборы Оукли, попадания Джордана, выносливость Пакссона, неуступчивость Корзина – все это собралось воедино и позволило нам выйти на средний уровень».

Тот сезон еще не начался, а проблемы уже давали о себе знать. В конце октября Джордан обвинил Коллинза в жульничестве при подсчете очков во время разминочного матча и ушел с тренировки. Заголовки газет оповестили город о том, что игрок и тренер перестали разговаривать. Джордана оштрафовали, а Коллинз оказался под давлением – все ждали его следующего шага.

«На первых порах Майкл был амбициозным и волевым игроком, – отмечал Бах. – Но Даг Коллинз быстро вспыхивал. С таким порывистым характером и эмоциональным зарядом он мог порой задевать игроков за живое, особенно такого игрока, как Майкл Джордан, – я иногда это видел своими глазами».

«Он гордый человек, я тоже, – сказал Джордан репортерам. – Мы – взрослые мужчины. Когда придет время, слова будут сказаны. Я не собираюсь торопить события».

«Даг знал, что он должен помириться с Майклом, и именно это он сделал, – вспоминал Джон Пакссон. – Ему было необходимо успокоить свою суперзвезду. Это было маленьким испытанием для него. Сделал бы такое другой игрок, я даже не знаю, что случилось бы, потому что просто так с тренировок не уходят. Нельзя просто уйти».

И хотя вскоре они помирились на публике, в реальности Джордан перестал уважать тренера. Годы спустя Коллинз докажет свою состоятельность в баскетболе. «Но в то время он был незрелым, – вспоминал Сонни Ваккаро. – Он попросту не был готов. Это было очевидно».

Джордан иногда выплескивал свое разочарование тренером в разговорах с Ваккаро. Бывали ситуации, которые вынуждали Краузе выносить Коллинзу предупреждения за его поведение. Некоторые подозревали, что генеральный менеджер следит за неблагоразумными поступками тренера и отмечает их для себя. Весной и по ходу межсезонья того года они очень сильно конфликтовали из-за приобретенных командой игроков. Ссора с

Джорданом на тренировке лишь добавила беспокойства Коллинзу, и так чувствовавшему себя неуверенно.

> Тренер разрывался. Он был убежден, что Джордан слишком часто берет мяч в свои руки, что не позволяло команде задумываться о чемпионстве.

Джордан продолжал отбирать мяч у разыгрывающих защитников при вводе его в игру и самостоятельно продвигать его, чтобы контролировать нападение своей команды. Это означало, что тренер никогда не мог заставить «Буллз» двигаться и работать как единое целое. Эта ситуация натолкнула Краузе на мысль, что Коллинз не способен говорить Джордану «нет».

«Должно быть, главному тренеру очень трудно иметь хорошие взаимоотношения с Майклом и пытаться выстроить такие же отношения с остальными игроками, – говорил Джон Пакссон спустя почти десять лет после тех событий. – Это просто невозможно. Как тренер ты просто обязан давать Майклу некоторую свободу. Нельзя критиковать его игру так же, как игру других игроков, просто в силу того, что он умеет и из-за его значения для команды».

Импульсивный и эмоциональный Коллинз имел склонность винить своих игроков в поражениях, порой делая это в язвительной и неприятной манере, что только отдаляло их от него. Партнеры начали подстрекать Джордана к тому, чтобы он высказался об этой ситуации, но он отказался, напомнив им о том, какой общественный резонанс вызвал Мэджик Джонсон в 1982 г., решив пойти против своего тренера в «Лейкерс» Пола Уэстхеда.

«Если ты главный тренер команды, в которой играет Майкл Джордан, то должен быть очень осторожен, – говорил Пакссон, вспоминая прошлое. – Я не к тому, что он обязательно будет творить что-нибудь эдакое, но мы все знаем ситуацию с Мэджиком Джонсоном и Полом Уэстхедом в «Лейкерс», когда Уэстхеда уволили за разногласия с Мэджиком. Такую же власть мог бы иметь и Майкл, если бы захотел. Так что Даг действовал осторожно. В начале своей карьеры Даг разрешил эту ситуацию наилучшим образом, как только умел».

В результате взаимоотношения Джордана и Коллинза дали трещину, которую Майкл тщательно пытался замаскировать. Некоторые полагали, что игрок и тренер довольно близки – в разумных пределах. На самом же деле ничего подобного не было. Ваккаро говорил: «Они были как вода и масло. Я это знал». Джордан также протестовал против фиглярства и неуместного поведения Коллинза во время матчей, сильно контрастировавших

с благородным спокойствием Дина Смита, которое Майкл так ценил. Многие в клубе подпитывались сумасбродной энергией Коллинза. Джордан находил ее почти что противной, но держал свое мнение при себе, поскольку очень многие болельщики считали эту энергетику тренера неотъемлемой составляющей жизни яркой молодой команды.

«Даг был очень энергичным парнем, – вспоминал Джон Лигмановски, много лет проработавший в «Буллз» экипировщиком. – Складывалось впечатление, что он сам хочет быть в игре, на паркете. После игры он спускался в раздевалку насквозь пропотевший и абсолютно истощенный. Было забавно, потому что тогда мы только начали восхождение на вершину. Чемпионская команда была на подходе».

Но какими бы ни были его недостатки в молодости, Коллинз обладал энергией, необходимой для того, чтобы протащить «Буллз» через следующую стадию роста. «Даг был отличным парнем, – говорил Марк Пфейл. – В людях ему было интересно все. Он заботился о них».

Шерил Рэй-Стаут отмечала, что журналисты, особенно телевизионные репортеры, любили Коллинза: «Он был всегда доступен для них. Даг кричал, орал, прыгал и кидал предметы… Он определенно был демонстративным по части своих действий, а ребята, ключевые игроки его команды, были чрезвычайно молоды. Хорас и Скотти его ненавидели. Он взрослел вместе с ними. Он был новичком в тренерском деле. Был парнем, вылезшим из комментаторской будки. И тоже изучал процесс, как и они».

Если Джордан и готов был выдвинуть встречные обвинения Коллинзу в связи с инцидентом, случившимся в октябре, то лишь потому, что к тому времени он уже начал (даже чаще собственной матери) оценивать происходившие с ним события через призму своего имиджа, уже ставшего основой его доходов. В интервью детройтской журналистке Джонетт Ховард, которое Джордан дал несколько недель спустя, он это признал. «Я чувствовал себя скверно из-за того, что так повел себя тогда, – сказал он о своем уходе с тренировки. – Но мне было приятно от того, что люди восприняли это так, как надо, заключив, что это проявление моего соревновательного духа».

Данная фраза становилась привычным его оправданием любого своего поведения, которое можно было интерпретировать как неподобающее: это просто проявление моего выдающегося соревновательного духа. Обвинить собственную спортивную натуру было легким выходом из ситуации, но, что более важно, публика с готовностью принимала такое оправдание. Но даже при

этом, как говорил он Ховарду, у него было достаточно причин беспокоиться о собственном имидже. «С этой командой я в непростом положении. Мне трудно быть вербальным лидером команды, потому что такое чувство, что все рассматривают «Чикаго Буллз» как «команду Майкла Джордана» или «Джордан и компания». Мое имя всегда в центре внимания, и вполне естественно, что некоторые люди начинают завидовать мне».

Он беспокоился, что его отношение к партнерам на тренировках будут считать жестоким и суровым, поэтому пытался поддерживать баланс. «Если дать людям ласку и заботу, они начнут ценит тебя больше», – объяснял он. Майкл завел привычку регулярно похваливать своих партнеров в интервью для СМИ.

Коллинз был популярен в Чикаго, и Джордану пришлось переступить через себя, чтобы выказывать ему должное уважение на публике после того инцидента на тренировке. С тренером продлили контракт, но некоторые наблюдатели увидели признаки того, что давление начало сказываться на нем. Он похудел, перестал нормально есть и часто выглядел изможденным.

Джордан тоже пребывал в состоянии стресса – по иронии, эту ситуацию усугубили его финансовые успехи. Деньги, которые он зарабатывал, и его высокий статус продолжали раздражать игроков лиги. Они были наслышаны о его рекламных контрактах, видели его дорогие костюмы и золотые цепи. В то время в NBA было по меньшей мере 24 игрока, которые зарабатывали более миллиона долларов в год, тогда как Джордан был связан со своим клубом контрактом, по которому за сезон 1987/1988 г. получил 830 тыс. долларов. Сонни Ваккаро вспоминал, что Мэджик Джонсон никак не мог понять, почему контракт Джордана с обувной компанией настолько больше контрактов любой другой звезды лиги. Ваккаро слышал аналогичные жалобы и от других игроков. Теперь все знали Ваккаро как главного финансиста Nike, и его работой было общение с игроками и выслушивание их просьб.

Лэйси Бэнкс тоже знал об этих слухах. Осенью 1987 г. *Sun-Times* поручила ему освещать жизнь «Буллз». Бэнкс также был баптистским священником, а потому те, с кем он работал, иногда называли его Преподобный. Он тоже был поражен необычным отношением Джордана к деньгам и богатству. «Когда я начал освещать жизнь Майкла для газеты, он еще только эволюционировал, – вспоминал Бэнкс. – С ним еще не был заключен большой контракт. Джордан придерживался принципа: раз уж я подписал контракт с Райнсдорфом, то обязан ему. Если Райнсдорф захотел бы разорвать соглашение и дать ему какую-

нибудь компенсацию, он бы не отказался от денег. Но он не считал, что имеет право сказать владельцу: «Я теперь стою больших денег. Думаю, вы должны заплатить мне».

Джордан так много зарабатывал вне паркета, что его зарплата по баскетбольному контракту стала для него вопросом гордости. Он не хотел, чтобы люди видели, что он требует себе больше. Доходы от деятельности за пределами площадки позволяли ему говорить, что он играет не ради денег. За годы такое не раз говорили и другие игроки, но Джордан стал первым профессиональным баскетболистом, которому действительно не приходилось концентрироваться на своей зарплате в NBA.

Бэнкс писал о Мохаммеде Али для журнала *Ebony* и в процессе общения хорошо узнал его, он часто рассуждал о том, насколько недопонятым публикой был боксер. Али проявил невероятную отвагу, решив высказаться против вьетнамской войны задолго до того, как это стало общепринятой практикой, и дорого заплатил за свое отрицательное отношение к ней. Этот же молодой принц баскетбола, карьеру и жизнь которого теперь освещал Бэнкс, не высказывал такого же возмущения социальной несправедливостью. И все-таки, как и многие другие люди, писавшие о Джордане, Бэнкс вскоре обнаружил, что восхищается звездой «Буллз». «Я видел, что он оценил тот факт, что успехи «Буллз» освещает чернокожий парень, – вспоминал Бэнкс в 2011 г. – В первые несколько лет мы были очень близки».

Двое мужчин часто вместе сидели, играли в карты и развлекались разговорами во время перелетов коммерческими авиалиниями, которыми команда летала в те первые годы игры Джордана в клубе. И много раз, когда окружение Джордана не следовало за ним на гостевые матчи, Бэнкс оказывался рядом, приносил ему апельсиновый сок и овсяное печенье после игры, так как набивавшиеся в лобби болельщики не давали Джордану сделать это самому. Они засиживались до предрассветных часов, смотрели фильмы на SpectraVision или опять-таки играли в карты. Тогда-то Бэнкс и пришел к выводу, что Джордан обладает фотографической памятью. Он мог цитировать целые куски текста из фильмов и вспоминать удивительные детали бесконечного множества матчей, в которых сыграл.

«Я стал верить, что он считает карты, играя со мной, – говорил Бэнкс об их титанических битвах в пяти- и семикарточный стад, а также в тонк. – Он мог ответить на любую ставку, по крайней мере на 90 % из них. Я пытался играть, чтобы выиграть у него деньги. Он играл ради расслабления и спортивного интереса. Во многих отношениях он меня просто очаровывал. Майкл был мечтой, у меня были хорошие, приятные

отношения с ним, они многое для меня значили и здорово меня обогатили».

Он был неизменно вежлив и обходителен с любой женщиной, стучавшей в дверь его номера поздним вечером в поисках внимания и ласки. «Это было еще до того, как я осознал, что он ведет тайную жизнь», – говорил Бэнкс. В те дни их так часто видели вместе, что, как объяснял Бэнкс, «люди начали называть меня человеком Майкла. Мне было приятно это слышать, это тешило мое самолюбие».

Разумеется, ведь с Джорданом мечтали познакомиться очень многие роскошные женщины. «Вы знаете Майкла? Можете представить меня ему?» – спрашивали они у Бэнкса, который всегда вежливо им отказывал.

Спортивный журналист обнаружил, что Джордан невероятно терпелив не только в общении с женщинами, но и со многими незнакомцами, которых они встречали в аэропортах и отелях. «Он не отмахивался от людей», – констатировал Бэнкс. Такой подход к людям Джордану привили во многом его родители. «Они были тихими, но общительными, – отмечал Бэнкс. – Майкл удивительным образом напоминал своего отца – выражением лица и некоторыми речевыми оборотами. Миссис Джордан была набожной христианкой. Я никогда не слышал, чтобы он говорил что-нибудь неподобающее в адрес своих родителей или братьев и сестер».

Какое-то время журналист потратил на размышления о том, почему некоторые люди неправильно понимали Джордана, не публика и болельщики, нет, а его коллеги по игре. «Когда люди завидовали его успеху, они просто его не понимали, – вспоминал Бэнкс. – Люди думали, что он ведет себя высокомерно, нося драгоценные цацки, и завидовали не столько его таланту, сколько маркетинговому успеху. В те времена многомиллионный контракт баскетболиста с Nike был чем-то неслыханным. Мы все увидели, что этот парень – маркетинговый магнит, и любой, кому удавалось заполучить кусочек притяжения, был обречен на успех. Команда «Буллз» начала собирать полный стадион, стала лидером лиги по числу зрителей на матчах. Майкл превратился в короля паркета».

Эту коронацию оппоненты и некоторые люди внутри «Буллз» наблюдали с презрением.

Глава 21
Правила Джордана

Новый сезон «Буллз» открывала в октябре 1987 г. с Брэдом Селлерсом, своим первым пиком на драфте 1986 г., на позиции легкого форварда, древним Артисом Гилмором в роли центрового и Оукли на месте тяжелого форварда. Джордан и Джон Пакссон играли на позиции защитников. Коллинз и менеджмент клуба договорились, что Джордан должен играть меньшее количество минут, чтобы разделять ответственность за результаты с партнерами, но на деле все случилось ровно наоборот. Коллинз увидел, что Джордан не собирался давать своей команде возможность играть в комбинационную игру с перемещениями, а поэтому он вновь и вновь прибегал к изоляциям, рассчитанным на Джордана, который регулярно ставил соперников в тупик.

Для Джордана сезон 1988 г. станет сезоном корректировки. Быстрота его продвижений к корзине была так велика, что соперникам приходилось вынуждать его делать джампшоты или отдавать мяч партнеру. В то время в регламенте лиги не было пунктов, запрещающих задержку руками или агрессивные физические контакты, поэтому тренеры других команд стали искать игроков, обладавших достаточной мощью, чтобы задавить его мышцами. Джордан стал работать над дальним броском, чтобы не показывать соперникам свою слабость, которую они могли обратить против него. Но он по-прежнему утверждал, что бросает гораздо лучше, чем считают люди, не ценившие этого его умения по достоинству.

В лиге не было ни одной другой команды, которая так концентрировала бы свое внимание на Джордане, как это делала «Детройт Пистонс». Плей-офф 1987 г. стал своего рода переломным моментом для «Пистонс», которая на протяжении нескольких лет сражалась в плей-офф с «Бостон Селтикс» Берда, пытаясь сбросить ее с трона. Наконец в пятой игре финала Восточной конференции 1987 г., проходившей в «Бостон Гарден», показалось, что команде удалось заполучить преимущество над соперником: тогда за считаные секунды до конца «Пистонс» имела преимущество в одно очко. Игроки собирались вбросить мяч из аута неподалеку от своей корзины, и Айзея Томас попросил рефери матча Джесса Керси дать ему мяч. «Тайм-аут взять не хотите?» – спросил Керси. «Просто дай мне этот несчастный мяч!» – ответил Томас, перекрикивая шум топлы. И судья дал Томасу мяч. Тот сделал передачу, а потом Берд

совершил перехват и бросил мяч убегавшему к никем не прикрытой корзине партнеру Деннису Джонсону. Таким образом команда «Бостона» получила преимущество в одно очко за секунду до сирены. Керси обратился к раздавленному Томасу: «Теперь вам тайм-аут не нужен?» – спросил рефери.

Глубину отчаяния Томаса и его партнеров после игры было просто не измерить. Вдобавок их сильно подкосило поражение от Джордана на «Понтиак Сильвердоум», где он набрал 61 очко, принеся победу «Буллз». Детройтские тренеры знали, что им нужно будет приложить дополнительные усилия для того, чтобы остановить его в 1988-м. «Пистонс» была всерьез настроена совершить прорыв. «Буллз» и Джордан явно начинали представлять все большую угрозу для них в центральном дивизионе. Тренер «Детройта» Чак Дэйли и его ассистенты начали искать способы нейтрализации Джордана, и защитник Джо Думарс стал центральной фигурой в их планах.

Думарс, в свою очередь, был изрядно одержим этим вызовом. «Я ждал этой игры больше, чем кто-либо другой, – говорил он о матче против «Буллз». – Чикаго… я с нетерпением ждал этой игры, потому что он [Майкл] был так велик, что все то величие, что было во мне, должно было раскрыться в тот вечер».

У Джордана и Думарса было много общего. «Мы оба южане, воспитанные и почтительные, – говорил Думарс в интервью 2012 г. – Эти люди, то есть наши семьи, учили нас одному и тому же. Уважайте людей, держитесь с достоинством, вкусом и характером, стойте на своем. Не колебайтесь и не отступайте».

Тогда как Джордан поклонялся своему прадеду Доусону, который был для него идолом, Думарс боготворил своего отца, Большого Джо, отслужившего в армии генерала Джорджа Паттона во Вторую мировую. Как и Джордан, Думарс рос и взрослел, играя в баскетбол на площадке, которую построил для него его старик, – она находилась через дорогу от крупнейшего винного магазина в Натчиточес, Луизиана. У магазина были огромные прожектора, подсвечивавшие задний двор дома Думарса, а значит, и всю площадку. Джо часто в одиночестве оттачивал свои броски до поздней ночи, когда его отец возвращался после долгих рабочих смен, – он работал водителем грузовика.

Думарса поначалу тоже проглядели баскетбольные скауты. Он оказался в Государственном университете Макниз, маленькой либеральной школе искусств, расположенной в Лейк-Чарльзе, Луизиана, в центре традиционного региона проживания кажунов Акадиане. Так же, как и Джордан, Думарс с первого года учебы стал игроком стартовой пятерки университетской команды, а на третьем курсе, в сезоне 1983/1984 г., имел среднюю

результативность в 26,4 очка за игру, которой оказалось достаточно для того, чтобы занять шестое место в списке лучших снайперов первого дивизиона NCAA. Как и Джордан, Думарс ломал плюсневую кость стопы и, как Джордан, самостоятельно восстанавливался, а потом так же начал играть, несмотря на рекомендации врачей. Будучи ровесником Джордана, Думарс проучился в колледже на год дольше, но внимательно следил за развитием карьеры Майкла сначала в Северной Каролине, а затем в первый его сезон в «Буллз».

Полученная Джорданом травма стопы привела к тому, что большую часть дебютного сезона Думарса в NBA он пропустил, так что единственный раз они встречались на площадке весной 1986 г. «Мне было очень интересно увидеть, насколько в действительности крут этот парень, – вспоминал Думарс. – Кажется, он тогда набрал 33 очка, мне запомнилась его взрывная скорость, его атлетизм, смотря на него, я просто говорил себе: «Вау».

> К осени 1987 г., когда они уже начали конкурировать друг с другом напрямую, сходств между ними стало меньше.

В конце концов фигура Джордана разрослась настолько, что его имя стало нарицательным, тогда как Думарс по-прежнему оставался одной из главных загадок NBA. Он играл в тени Айзеи Томаса в задней линии «Пистонс» и имел репутацию исключительно одаренного защитника. Он мог забивать столько, сколько было нужно его команде, и отменно обращался с мячом. Обычно он не выставлял напоказ свои успехи, предпочитая держаться скромно, что было удивительно с учетом того, что «Пистонс» все знали как «плохих парней»: клуб был суровым и вполне мирским местом, где игроки не чурались жесткого силового стиля игры, пробивая себе дорогу вверх по баскетбольной иерархии.

Думарс вспоминал, что нацеленность Айзеи Томаса на победу в игре с «Чикаго» лишь усиливала интенсивное напряжение, которое ощущали все игроки команды. Томас вырос в Городе ветров, на негостеприимных улицах Вест-сайда. «Он постоянно твердил о возвращении в Чикаго, – говорил Думарс о настрое Томаса перед каждой игрой против «Буллз». – Он говорил: «Это мой родной город. Я не хочу проигрывать, приезжая в Чикаго». А с учетом того, что у них там играла такая суперзвезда, как Майкл, Айзея был сконцентрирован на этом еще сильнее».

Центровой Джеймс Эдвардс, который за свою долгую карьеру побывал партнером и Джордана, и Томаса, говорил, что, несмотря

на все различия между ними, у двух игроков было кое-что общее в ключевых моментах: «Они оба очень стремились к тому, чтобы быть лучшими настолько, насколько это было возможно. Айзея всегда был заряжен на успех, на любой арене, но особенно сильно, конечно же, в родном городе. Чтобы завести его, требовалось совсем немногое. Он всегда был мотивирован, всегда был на взводе независимо от того, где мы играли».

Неприятный осадок, оставшийся в памяти Джордана после сговора коллег на матче Всех Звезд в 1985-м, повышал градус противостояния «Буллз» и «Пистонс» настолько, что напряжение закипало и било через край. «Те игры были очень интенсивными, эмоциональными, – говорил Думарс. – Может, на дворе и стоял январь, но настрой был такой, как будто уже плей-офф. Невероятная, запредельная интенсивность. В тех играх каждый был очень эмоционален. Никто не хотел проигрывать. И если мы не побеждали, потом в раздевалке все сидели со слезами на глазах. Я большой счастливчик в том плане, что мне довелось играть в такой атмосфере, – это благословение свыше».

В сценарии противостояния была и другая сюжетная линия: Брендан Мэлоун, тренер Джордана по лагерю «Файв-Стар», вошел в тренерский штаб «Пистонс». За пределами площадки Мэлоун проводил время с Джорданом и его родителями на мероприятиях, организованных Nike. К началу своей работы с «Пистонс» Мэлоун уже провел пару лет в лиге, занимаясь тщательным изучением возможностей Джордана. «Я ходил на старый чикагский «Стэдиум» и смотрел игры, – говорил он. – И я знал, что заключительные 8 минут каждого матча были «временем Джордана». Если после третьей четверти у него на счету было 30 очков, я уже знал, что игру он закончит с 50. Если после третьей четверти у него было 20, я знал, что в конце матча он наберет 40 очков. Он захватывал последние 8 минут игры. Что особенно примечательно в Майкле Джордане – а я посмотрел много его матчей, можете поверить, – так это то, что он никогда не отдавал игры просто так, никогда не отказывался от владения, всегда играл на полную, выкладываясь без остатка».

Особенно в матчах с «Пистонс». Обе команды знали, что в 1988-м им предстоит настоящая дуэль. «Чикаго» взяла с места в карьер, выдав на старте результат 10: 3, что принесло Коллинзу звание «Лучший тренер месяца» в ноябре и подняло боевой дух Джордана. Эти чувства передались и другим членам состава и впервые вдохнули жизнь в то, что со временем получит известность как «the Jordan swagger» – развязная, самоуверенная манера игры, кураж.

В ранние годы карьеры он отрабатывал эти «понты» на Лэйси Бэнксе. Их любимой забавой был настольный теннис. Джордан еще в первые дни жизни в Чикаго подсел на эту комнатную игру в порыве соперничества с Родом Хиггинсом, тоже любившим пинг-понг. Бэнкс был старше и грузнее, он обильно потел, когда они играли. Соперничество между ними началось одним прекрасным днем в «Дирфилд Мультиплекс», где тренировалась команда «Буллз». Бэнкс тогда упомянул, что он хорош в пинг-понге.

«Да не умеешь ты играть в пинг-понг», – сказал ему Джордан.

Они взяли в руки по ракетке, и Джордан сказал: «Давай подогреем интерес: играем до 25».

Бэнкс выиграл первые семь партий, и некоторые из них с большим отрывом в счете. Он сразу же заметил, что Джордан с неохотой расплачивался с ним после проигрышей, предлагая вместо этого продолжать играть, а долги «записывать на счет». «Он никогда мне не платил по итогу, – вспоминал Бэнкс. – Майкл был фуфлыжником. Он купил стол и начал практиковаться в игре».

Вскоре они начали играть в «Мультиплексе» на глазах у весьма разношерстной публики. Бэнкс также начал делать ставки с Джорданом, когда команда уезжала на гостевые матчи. Как-то раз репортер проиграл богатой молодой звезде сто долларов в карты – по 20 баксов за партию. Прилетев в аэропорт Чикаго, Бэнкс был вынужден одалживать у Джордана свои же проигранные деньги, чтобы забрать машину из гаража на парковке.

План журналиста заключался в том, чтобы в один прекрасный день, после тренировки «Буллз» в «Мультиплексе», отыграть у Джордана эту сумму в пинг-понг. Для него все складывалось удачно, он выиграл шесть первых партий, но Джордан – что было так типично для него – хотел продолжать играть, так как понаблюдать за ними собралась небольшая толпа зевак.

Бэнкс согласился, и таким образом Джордан смог быстро выиграть две партии, после чего начал говорить: «Даже не думай, что сможешь доминировать надо мной. Никогда! Я тебя раскусил, Лэйси».

Чем чаще он выигрывал, тем сильнее увлекался трэш-током. «Беги за мячиком, Лэйси. Беги, давай… Хватай его, Лэйси! Как я тебя сделал!»

В последний раз, когда они играли вместе, Джордан выиграл все семь партий. Бэнкс вспоминал: «Он стал вести счет моих проигрышей. Я сказал: «Давай играть просто так». Он ни в какую

не соглашался».

«Майкл Джордан и Преподобный были странноватой парочкой, совершенно непохожими друг на друга спарринг-партнерами. Они играли в пинг-понг в старом «Мультиплексе», иногда в карты, и часто спорили, – отмечал автор статей по баскетболу в *Trib* Сэм Смит. – Джордан был гедонистом, знаменитым и богатым до умопомрачения. Бэнкс – выходец из среднего класса, скромный и религиозный. И до последнего Преподобный задавал Джордану такие вопросы на пресс-конференциях, от которых Майкл нервно ерзал».

«Он любил получать удовольствие от жизни, – говорил Бэнкс в 2011 г., вспоминая молодого Джордана. – Он был личностью, обладавшей невероятной энергетикой, чувством юмора, в нем были отвага и жажда соревноваться. Определенно, ничего подобного прежде я не встречал в других людях. Когда я писал о жизни Али – а я это делал до того, как стал писать о Джордане, – то отмечал, что Али был воплощением странности, какой-то ошибкой природы, ведь он был крупным парнем, умевшим танцевать, как балерина, и бить, как молот кузнеца. Но даже имея за плечами опыт общения с Али, могу сказать, что никогда не видел человека, который обладал бы такой нечеловеческой энергией, какой был наделен Майкл».

Ему потребовалось пустить в ход каждую частичку этой энергии, чтобы перевернуть положение дел в «Буллз». Пятиматчевая серия поражений в конце декабря вновь почти уравняла их баланс побед и поражений, и с каждым поражением вера команды в Гилмора улетучивалась. Еще до наступления Рождества клуб освободил его от контрактных обязательств. Январь ознаменовался для «Буллз» грандиозным кулачным боем с «Детройт Пистонс» на чикагском «Стэдиуме» и редкой победой в серии с принципиальным соперником. В рукопашную баскетболисты пошли в третьей четверти после того, как Джордан совершил подбор в нападении и одурачил игроков «Детройта» Рика Махорна и Эдриана Дэнтли, решив сделать путбэк. «Махорн обхватил Джордана за шею и швырнул его на пол, – сообщало в отчете о матче «Ассошиэйтед пресс» (Associated Press), – после чего Джордан вместе с партнером по команде Чарльзом Оукли набросился на Махорна, и игроки с обеих скамеек высыпали на паркет».

Коллинз пытался помешать Махорну дважды ударить Оукли в лицо с правой. Затем Махорн повернулся к Коллинзу… Вот как вспоминал об этом тренер «Буллз» Марк Пфейл: «Прямо перед нашей скамейкой разворачивалась потасовка, и Даг Коллинз попытался схватить Рики Махорна. Черт, Рики дважды швырнул

Дага на пол. Просто бросил его на паркет. Даг подскочил, и Рики откинул его на секретарский стол. Эта картинка постоянно стояла у нас перед глазами. «Пистонс» постоянно вытворяла подобное. Игроки этой команды все время били и колотили соперников».

«У меня нет никаких сомнений в том, что и Махорн, и Дэнтли пытались нанести мне травму, а не просто помешать мне забить, и это вывело меня из себя, – сказал Джордан репортерам после матча. – «Детройт» думает, что сможет запугать нас. И если у Махорна и Дэнтли было полное право помешать мне набрать два легких очка, то никакого права намеренно травмировать меня и выключать из игры у них не было».

Оукли и Махорн были удалены с площадки, но «Чикаго» пришлось как-то отвечать на запугивания. «Казалось, что команда «Буллз» всегда немного побаивалась «Пистонс», все, кроме Майкла, – говорил Пфейл. – И он всегда пытался донести до ребят мысль о том, что эту команду мы просто обязаны одолеть, если хотим выйти на новый уровень. Иногда, чтобы втолковать им это, ему приходилось кричать. Думаю, что именно в играх с «Пистонс» Майкл начал брать на себя лидерские обязательства. Но наши парни все равно не могли избавиться от предчувствия, что в играх с «Пистонс» обязательно случится что-нибудь грязное. Команда «Детройта» пыталась запугивать тебя каждый раз, когда приезжала к тебе в гости».

После той игры «Буллз» вновь поспешно задвигалась к своему итоговому показателю в том сезоне: 50 побед и 32 поражения. Этот сезон стал первым за 13 лет, когда команде удалось одержать в регулярном сезоне 50 побед. Настроение Джордана улучшилось, что позволило его более юным партнерам по команде несколько сблизиться с ним. Его высокие ожидания от партнеров никогда не упрощали этот процесс, особенно на тренировках, где он постоянно поднимал ставки все выше и выше. Он вынужден был толкать их вперед, но в то же время находить какие-то способы подтянуть их к своему уровню. Впрочем, в итоге он оставался для них Air Jordan’ом.

«Я не скажу, что он держался отчужденно или как-то так, – вспоминал Джим Стек. – У него просто был свой круг ребят, которые были с ним в городе с первого дня. Эти ребята следовали за ним повсюду, как своего рода свита. Он изолировал себя таким образом… в некотором роде. Было интересно наблюдать за тем, как Майкл ведет себя за пределами площадки. Он по-прежнему был общителен в отношении своих партнеров. Просто у него были друзья, а вы должны понимать, что Майкл – чрезвычайно преданный человек. Он все время находился в кругу этих ребят».

Но даже несмотря на это, он изыскивал время для партнеров.

«Как-то раз в отеле в Финиксе, – вспоминал Лэйси Бэнкс один случай, – Майк Браун, Скотти Пиппен, Чарльз Оукли и Хорас Грант собрались в люксовом номере Майкла и начали бороться друг с другом, как дети, кидали друг друга на диваны, а я думал: «Тут только члены закрытого клуба». То был ближний круг Майкла, и очень мало кому из игроков дозволялось в этот круг войти, в эту святая святых Майкла. Они говорили друг другу вещи, которые обычно говорят дети, вроде: «Ты не сможешь меня побить». Нелепые забавы. Они вставали в стойки рестлеров и атаковали друг друга, как борцы сумо. Это была проверка на силу, обряд посвящения».

Но посвящения во что? Джордан, казалось, по-прежнему был настроен выигрывать матчи в одиночку. Куда они все двигались и как собирались туда попасть, по-прежнему было неясно. В феврале Чикаго принимал у себя матч Всех Звезд, который стал еще одним важным этапом. Мероприятие, смысл которого всегда сводился к демонстрации главных талантов лиги, в этот раз отводило Джордану ведущую роль, какую он еще никогда прежде не играл в этих матчах. Он завоевал свой второй титул короля слэм-данков, с небольшим перевесом опередив Доминика Уилкинса из «Атланты» за счет идеального выполнения последнего данка, за который ему присудили максимальные 50 очков. Некоторые наблюдатели вроде Митча Лоуренса, писавшего о баскетболе для *New York Daily News*, почуяли тут неладное, заподозрив, что Джордану как-то уж слишком помогают родные чикагские стены. «Я помню, что сидел там и думал: «У Доминика нет никаких шансов победить здесь. Мы ведь в округе Кук, где фальсифицируют выборы», – вспоминал Лоуренс со смешком. – Но я должен сказать, что Джордан, без сомнения, заслужил эту награду, это признал даже сам Доминик, настолько Майкл был великолепен в тот день. Я до сих пор считаю, что Доминик выдал настолько выдающийся перформанс, насколько это вообще было возможно. Проблема была в том, что игра проходила в Чикаго, в субботний день уик-энда Всех Звезд. К тому времени масштаб фигуры Майкла и так уже достиг громадных размеров».

Фотограф *Sports Illustrated* Уолтер Айоосс снимал на пленку конкурс данков в 1987-м в Сиэтле и остался разочарован получившимися снимками. Он осознал, что ему нужно другое освещение и расположение при съемке, чтобы суметь поймать в объектив лица конкурсантов. За 3 часа до начала мероприятия он был на чикагском «Стэдиуме» и, подойдя к Джордану, спросил, не мог бы он рассказать ему, откуда и как тот собирается начинать движение к корзине при исполнении каждого данка. «Разумеется, – ответил Джордан. – Я могу показать вам, как буду

двигаться».

Он предложил фотографу договориться об условных знаках: к примеру, перед каждым данком он будет класть палец на колено, чтобы указать, с какой стороны будет приближаться к цели. Айоосс сомневался, что Джордан не забудет послать ему условный сигнал, но Джордан выполнил обещание. Перед предпоследним данком Майкла Айоосс расположился прямо под стойкой щита, и Джордан буквально «упал мне в руки», как вспоминал фотограф много лет спустя.

Перед последним данком Джордана Айоосс вновь встал под кольцом, пока Майкл готовился к прыжку, стоя на дальнем конце площадки. Джордан взглянул через площадку и движением пальцев подсказал Айооссу передвинуться чуть правее. Затем Джордан стартовал, пробежав через всю площадку, чтобы оттолкнуться от линии штрафного броска и исполнить идеальный данк, и в этот момент Айоосс сделал фотографию летящего Джордана, ставшую культовой: мяч наготове и вот-вот вонзится в корзину, лицо Майкла вытянуто под воздействием силы его решительности, а за его плечами виднеется табло чикагского «Стэдиума», сияющего рекламой Gatorade, Coca-Cola и сигарет Winston. Момент был подобран действительно идеально.

Следующим вечером Джордан набрал рекордные 40 очков в матче Всех Звезд, выиграв награду MVP матча, а СМИ отмечали, что Айзея Томас приложил немало усилий для того, чтобы Его Воздушество чаще получал мяч. Последние свои очки в игре Джордан набрал, сделав аллей-уп-данк после паса от Томаса. После данка они на мгновение остановились и указали друг на друга пальцами, этот момент был схож с приветствием двух боксеров-тяжеловесов, соприкасающихся перчатками перед тем, как начать бой под звуки гонга.

Тихая война

Никто так не приводил Джордана в бешенство, как Айзея Томас, выходящий на площадку перед вбрасыванием мяча в начале матча. Он вновь подчеркнул это в эфире национального телевидения в начале апреля 1988 г., набрав 59 очков в игре с «Пистонс», завершившейся победой «Буллз» 112: 110. Совокупное количество очков, набранное им против «Детройта» за сезон, звучало как издевка: 49, 47, 61 и вновь 49 – над командой, чья игра в защите всегда была предметом ее гордости. «Вот тогда, прямо там, на паркете, мы решили, что Майкл Джордан больше не обыграет нас в одиночку, – говорил Чак Дэйли. – Мы должны

были целиком и полностью следовать командной концепции игры, чтобы добиться этой цели».

Тренерский штаб «Пистонс» твердо был намерен найти способ связать Джордана по рукам в четвертой четверти матча. Стратегия «Детройта» всегда предполагала силовую контактную игру. «Айзея и Лэймбир хотели, чтобы я дал ему возможность совершать проходы, – вспоминал Джо Думарс. – Они говорили: «Пусть проходит». Как вы знаете, в те времена физических контактов в игре было гораздо больше, а они хотели играть жестко, в силовом, даже грязном стиле. Так они собирались остановить Майкла».

«С Айзеей, Риком Махорном и Лэймбиром в составе мы были очень физически крепкой, силовой командой, – соглашался Брендан Мэлоун. – Когда Майкл прошел к корзине и попытался забить лэй-апом, его сбили с ног. Уложили на пол».

«Он никогда не отдавал нам ни дюйма, независимо от того, как активно его колотили, – вспоминал в 2012 г. бывший игрок «Пистонс» Джеймс Эдвардс. – Стараниями Лэймбира и Махорна мы пытались наказать его. Да и наказывали. Но он никогда не отступал, никогда не отдавал нам ни дюйма. А все продолжал идти к корзине. Никогда не останавливался. Его не пугало ничего, что ты с ним делал».

> Плохих парней из «Детройта» все знали как любителей играть не по правилам, но это только усиливало гнев и ярость Джордана.

Довольно быстро он возненавидел «Пистонс» и ее стиль игры. Однако в своем соперничестве с Думарсом он практиковал другой подход, и это было странно. «Когда он вышел на паркет, мы пожали друг другу руки, – вспоминал Думарс. – В духе: «Эй, Майк, как дела?» Ни разу за все 14 лет моей карьеры он не задевал меня трэш-током, ничего такого. Это было любопытно, потому что я смотрел за его игрой по телевизору и видел, как он активно разговаривает с другими соперниками, подкалывая и дразня их. А я сидел и думал: «Я играю против совсем другого парня». Никогда он не прибегал к трэш-току в борьбе со мной, никогда не говорил ничего уничижительного в мой адрес, ни разу. Вообще. Я знал, что он мог очень жестко прохаживаться по парням из других команд. Я уважал это его умение. Он знал, что между ним и мной развернется тихая война, без слов».

Джордан всегда испытывал на прочность тех, кто опекал его в матчах, но Думарс эмоций не показывал, его лицо оставалось бесстрастным.

Джордану тоже приходилось продумывать план

противостояния Думарсу. Он знал, что, если детройтский защитник реализует свои первые пару бросков в матче, он может закончить игру с внушительной статистикой по очкам. Если в других матчах Джордан, как правило, демонстрировал склонность к долгой раскачке – особенно это касалось важных матчей, – то на игры с Думарсом он выбирал другой подход, агрессивный с самого начала, чтобы сразу нагрузить его оборонительной работой и не оставить времени на атакующие вылазки.

Джордан дал понять всем, что ни один другой игрок в лиге не умел защищаться против него лучше, чем Думарс, и взаимоуважение между ними со временем перерастет в полноценную дружбу. «Он вполне земной парень, далекий от имиджа «плохиша», – объяснял как-то Джордан. – Он любит соревноваться. Он парень со второго плана, от него не услышишь громких слов. Он не выходил на паркет в поисках звездности или дурной славы. Они сами его нашли».

Тренерам «Детройта», однако, было не до дружбы. Они хотели отыскать более действенное защитное решение. Чтобы не дать Джордану выдать очередной взрывной перформанс против них, Чак Дэйли и его ассистент Рон Ротштейн разработали то, что будет впоследствии разрекламировано как «правила игры против Джордана».

«Вот насколько они уважали Майкла и его величие – Чак, Ронни и прочие. Думаю, что для любого тренера это был труднейший вызов – попытаться разработать такой план на игру, чтобы хоть немного притормозить этого парня, – объяснял Думарс. – Как-то раз на разминке мы готовились к игре с «Буллз». Один из любимейших моих тренеров в карьере, Ронни Ротштейн, ассистент нашего главного тренера, собрался показать мне, чего он от меня хочет. Ронни сказал: «Вот что делает Майкл, и вот что он собирается делать». И он показывает мне, но тут вмешивается Чак, который останавливает его и говорит: «Подожди-ка минутку. Ты когда-нибудь опекал Майкла? А он довольно неплохо с этим справляется. Пусть он сам нам расскажет, как собирается защищаться против него, как собирается его остановить, а мы уже подстроимся под него».

Таким образом, тренерский штаб «Детройта» решил строить свой план, отталкиваясь от помыслов и действий Думарса. Тренером – членом Зала славы баскетбола Дэйли сделало именно его умение слушать. «Они знали, что я страстно предан делу, – говорил Думарс. – Я никогда не рисовался лишний раз. Я никому не пускал дым в глаза, просто делал свое дело. Они знали, что, когда я выхожу на площадку, я всегда предельно серьезен. И я

старался доказывать это с самого первого дня».

«Пистонс» также пыталась приставлять к Джордану Денниса Родмана и Айзею Томаса. Но Брендан Мэлоун объяснял: «Думарс был ведущим защитником. Он обладал очень быстрыми ногами и был предан делу защиты».

Тренеры и сам Думарс решили, что, несмотря ни на что, они не будут подвергать Джордана двойной опеке в начале игры, даже если он наберет 20 очков в первой четверти. «Я не хотел, чтобы он в самом начале матча увидел и раскусил двойную опеку, – объяснял Думарс. – Я хотел, чтобы мы опекали его парно только в четвертой четверти».

Они также постановили, что не станут вынуждать Джордана быстро расставаться с мячом, так как не хотят, чтобы его партнеры оказывались в комфортных позициях для приема передач и совершения бросков.

«Мы сказали: «Короче, мужики, если он будет мочить первые три четверти подряд – ничего страшного, будем просто пытаться не отставать в счете. Но как только начнется четвертая четверть, мяч перейдет к его партнерам и им придется начать бросать. Так что я не хочу никакой двойной опеки для него вплоть до четвертой четверти», – вспоминал Думарс.

Другой важнейший элемент «правил против Джордана» гласил, что Думарс должен применять физическую силу для того, чтобы вынуждать Джордана уходить левее от центра площадки в моменты, когда у него будет мяч. «Я буду пытаться смещать его влево каждый раз», – объяснял Думарс.

«Вот тогда и пригодились «правила против Джордана», – вспоминал Мэлоун. – Мы лишили его всех его фишек, отняли его фирменные проходы, выдавив на углы трехсекундной зоны, лишили возможности делать проходы к лицевой и выталкивали его влево. А когда он получал мяч под корзиной, мы тут же появлялись и ставили его под двойную опеку. В этом и заключались «правила против Джордана». Мы не хотели, чтобы он проходил до лицевой. Когда заходил с краев, мы выдавливали его к углам трехсекундной. Каждый раз, когда он оказывался на крыле, мы вынуждали его уходить к «усам», и все время старались заставить уходить в левую от него сторону».

Любой другой план на игру, кроме «правил против Джордана», означал бы поражение для «Пистонс». Джеймс Эдвардс отмечал: «Я к тому, что, если не готовить какой-то план на игру с ним, он будет накидывать тебе по 50 очков только так. Нужно было стараться притормозить его любыми возможными способами. Нужно было опекать его по меньшей мере вдвоем и вынуждать отдавать мяч. Нужно было максимально усложнять

ему задачу. Приходилось использовать двух парней для опеки. Невозможно было защищаться против него один на один. Он был слишком хорош, слишком быстр».

На вопрос о «правилах против Джордана» игрок «Детройта» Джон Сэлли однажды дал весьма остроумный ответ: «На самом деле там два пункта. Когда мяч попадает Майклу в руки, мы все должны становиться на колени и молиться. Второй пункт: перед матчем все должны сходить в церковь или синагогу».

«Правила игры против Джордана» сработали настолько успешно в играх с «Буллз» Дага Коллинза, что стали настольной книгой для тренеров, ломающих голову над тем, как защищаться против атлетичных и результативных снайперов. За 17 матчей регулярного сезона и плей-офф между «Буллз» и «Пистонс», состоявшихся за два сезона, показатель средней результативности Джордана упал почти на восемь очков до цифры в 28,3 очка за игру. Но что более важно, «Пистонс» выиграла 14 из 17 матчей. Этот план помог «Детройту» покорить вершину Восточной конференции и выиграть два чемпионских титула NBA, но в долгосрочной перспективе он помог и «Чикаго», так как вынудил Джордана и «Буллз» искать какое-то противоядие детройтским горам мышц. «Полагаю, что «правила против Джордана», так же как и все остальное, сыграли свою роль в становлении Майкла Джордана», – говорил в 2004-м Текс Уинтер, вспоминая прошлое.

С каждым годом «Буллз» становилась все сильнее. Думарс говорил: «Это было похоже на езду по трассе, когда ты смотришь в зеркало заднего вида и говоришь: «Мужики, они приближаются к нам. Они идут». Было видно, как они приближаются. Пройдет немного времени, и их Ferrari пронесется мимо. Вжух!»

Самый ценный

В 1988-м Джордан снова стал ведущим снайпером лиги, на этот раз со средним показателем в 35,0 очка за игру, и впервые получил звание Самого ценного игрока NBA. «Это кайф», – сказал он. Годом ранее в голосовании его опередил Мэджик Джонсон, ведший за собой «Лейкерс» к первому из двух подряд чемпионств. В 1988-м вторым стал Ларри Берд, получивший от проголосовавших 16 первых мест против 47 у Джордана. Показатель Джордана в 3,2 перехвата за игру также оказался лучшим в лиге, он получил награду Лучшему защитнику года и попал в символическую сборную лучших защитников лиги, достигнув таким образом еще одной своей цели.

Краузе тем временем получил звание «Менеджер года», а

Оукли вновь сделал больше подборов, чем кто-либо другой в лиге, – 1066. Самой главной же наградой для «Буллз» стала первая для команды победа в серии плей-офф с 1981 г.: с общим счетом 3: 2 она одолела «Кливленд Кавальерс». В двух первых матчах серии Джордан набрал 50 и 55 очков соответственно. Ни одному игроку в истории NBA, даже самому Уилту Чемберлену, не удавалось два раза подряд набирать по 50 очков в матче плей-офф лиги. В решающей пятой игре серии Коллинз принял решение впервые выпустить в стартовом составе Пиппена. Пиппен заменил в старте неэффективно действовавшего Брэда Селлерса и набрал 24 очка. Краузе глубоко эмоционально отреагировал на это после игры. «Это малыш из Конуэя, Арканзас, на которого мы оказывали громадное давление», – говорил он репортерам.

«Когда я играл против Скотти прошлым летом, то видел, что у него есть мастерство, – говорил Джордан. – Вопрос был лишь в том, как вытащить его наружу по ходу сезона? Ему потребовались 82 игры, чтобы найти ответ на него, но он это сделал. И я думаю, что это поможет ему до конца карьеры».

Чтобы отпраздновать успех, игроки «Буллз» облачились в футболки с надписью «Ну как мы вам теперь?»

«Мы готовы к следующему раунду!» – объявил Джордан после победы. Поначалу казалось, что и вправду готовы. «Буллз» добыла победу во второй игре на «Понтиак Сильвердоуме» в серии второго раунда плей-офф против «Пистонс» и внезапно получила преимущество, так как следующая игра должна была стать для команды домашней. Но в ней «Пистонс» взяла на мушку Джордана, включив в концовке свою оборонительную тактику и вынудив его пасовать мяч партнерам. Кроме того, игроки регулярно прибегали к привычным для себя грязным играм в духе «плохих парней». В третьей игре, завершившейся крупной победой «Пистонс» (101: 79) на «Стэдиуме», Джордан и центровой «Детройта» Билл Лэймбир устроили потасовку. «Я поставил заслон, – говорил Лэймбир. – Похоже, что он не видел».

По ходу этой серии владелец «Лос-Анджелес Клипперс» Дональд Стерлинг позвонил Джерри Райнсдорфу и сделал запрос на обмен Джордана в свою команду. Стерлинг отчаянно нуждался в игроке такого калибра, который позволил бы его клубу соперничать с Мэджиком Джонсоном из «Лейкерс» за внимание баскетбольных фанатов города. Он предложил «Чикаго» множество пиков на драфте взамен, включая два из шести в первом раунде драфта. Тогда сделка не казалась такой надуманной и сомнительной, какой стала выглядеть в ретроспективе. Краузе, грезивший о пиках на драфте, как о драгоценных камнях, начал замечать, что, независимо от того,

какие усилия он прилагает для построения команды, публика всегда будет ставить любые победы в заслугу Джордану, а не ему. А Райнсдорф понимал критиков, говоривших, что команда никогда не выиграет финал NBA с Джорданом в качестве единственной доминирующей силы в нападении. Предложение заставило фронт-офис «Чикаго» задуматься об альтернативном будущем, не связанном с фигурой Джордана. Краузе заключил, что при грамотных ходах на рынке такое будущее может получиться очень привлекательным. Но Райнсдорф уже разозлил чикагских болельщиков своими угрозами перевести «Уайт Сокс» во Флориду. Обмен Джордана в другую команду обрушил бы на его голову ярость и негодование всего города. Владелец знал, что не может пойти на такой шаг, и «Буллз» отказалась от этой затеи.

Команда «Детройта» взяла четвертую игру и уверенно контролировала ход пятой, когда Джордан ударил локтем Айзею Томаса в лицо, и Томас ненадолго потерял сознание. Его отправили в раздевалку, но, подойдя к ней, он обнаружил, что двери заперты. Тогда он возвратился на арену, а чуть позже и в игру, и его присутствие на площадке дало «Пистонс» необходимое преимущество для победы в серии (4–1) и выхода в следующий раунд. Вспоминая те события, Джордан позже скажет, что команды соперников концентрировали практически все свои усилия только на том, чтобы остановить его. «И тем самым они обнажали некоторые слабости нашей команды».

И все же подходящего решения проблемы он не видел.

Перед самым драфтом 1988-го «Буллз» обменяла Оукли на центрового «Нью-Йорка» Билла Картрайта, и новости об этом застали болельщиков и игроков команды врасплох. Оукли был «мышцами» команды, ее главной физической опорой, не говоря уже о том, что он был защитником Джордана и его ближайшим другом среди партнеров по команде. Картрайт, центровой ростом в 215 см, мучился из-за травм стопы и приближался, как считалось, к завершению своей карьеры. Сам обмен был скверным, но еще хуже было то, как он был осуществлен. Оукли уехал из города вместе с Джорданом: они отправились посмотреть бой Майка Тайсона и Майкла Спинкса.

«Оук был в Атлантик-Сити с Майклом на бое, и я не мог разыскать его, чтобы сообщить об обмене, – вспоминал Краузе. – Он узнал об этом во время боя, к нему кто-то подбежал и сообщил новость. Когда Майклу рассказали об обмене, он с ума сошел от ярости: «Как этот Краузе мог, черт подери, такое сделать? Он губит весь клуб!» Майкл просто с катушек слетел».

«Мы были в Атлантик-Сити, смотрели бой, – вспоминал Джордан. – Я был весьма расстроен новостью об обмене, а также

тем, что узнал о ней таким образом».

Ярость Джордана разожгла огонь сначала в СМИ, а потом и среди фанатов. Краузе, который очень гордился тем, что сумел задрафтовать Оукли, тоже был глубоко огорчен этим событием.

«Чарльз был сильным, жестким и неуступчивым, – вспоминал Джонни Бах. – Обмен с его участием был самым сложным из всех, что нам приходилось делать, потому что Джерри Краузе любил его не только как игрока, думаю, что он испытывал к нему глубокую симпатию как к человеку. А отдать его и получить взамен Картрайта – такое было не по нутру многим. Но тренеры искренне верили в то, что мы не сможем побеждать без Билла Картрайта, а посему мы совершили обмен».

«Для команды это было большое разочарование, – объяснял Бах, – но думаю, что оно лишь позволило нам сделать еще один шаг к вершине. Нашу защиту усилил настоящий профессионал. Билл был полезен в раздевалке. Он был хорош на тренировках и сумел заработать уважение команды, потому что мог в одиночку справиться с Патриком Юингом. Нам не приходилось ставить Юинга под двойную опеку. И это придавало команде большой заряд уверенности. Что усложнило обмен, так это то, что Майкл видел в Оукли своего защитника. Чарльз был готов встрять в любую драку или конфликт. Ты ударил Майкла? Значит тебе придется иметь дело с Чарльзом. Но Билл по-своему закалял боевой дух больших парней, что у нас играли, и сам стал эдаким терминатором команды. Атаки соперников заканчивались на подступах к корзине».

«Эта сделка была большим риском для клуба, очень большим риском, – делился позже наблюдениями Текс Уинтер. – Мы отдавали молодого парня в обмен на старичка, но считали, что команда нуждается для начала в хорошем центровом, умеющем играть под кольцом, конкретнее, игрока, который стал бы якорем нашей защиты».

Сделка также дала больше игрового времени быстро прогрессировавшему Хорасу Гранту. «Нам нужен был парень, который мог бы заполнить собой середину трехсекундной зоны, и мы могли бы побеждать с таким игроком, – говорил Джерри Райнсдорф. – К тому же я знал, что Хорас Грант уже подрастает, и думал, что он все равно будет как игрок сильнее Оукли».

Превосходная скорость и проворство Гранта изменили игру «Буллз» в защите. Он и Пиппен стали для команды двумя молниеносными форвардами. С Грантом на площадке «Буллз» могла оказывать на соперников гораздо больше давления при защите. Этот элемент станет фирменной фишкой команды. Бах со временем стал называть Пиппена и Гранта «доберманами»,

атакующими игроками в прессинге «Буллз», загоняющими защиту в ловушки. Но в то время потеря Оукли испортила настроение Джордану, причем как раз в тот момент, когда напряжение в его жизни вне паркета начало нарастать.

Flight 23

Когда весна перетекла в лето, Хуанита Ваной сообщила Джордану о своей беременности, что лишь сильнее разгневало его родителей, которые предположили, что она допустила зачатие намеренно, для того чтобы удержать их сына рядом с собой. Период был несчастливый, как отмечал Сонни Ваккаро.

Тем временем Джордан в партнерстве с Nike открыл небольшую сеть розничных магазинов, которыми частично владела его семья. Магазинами Flight 23 by Jordan должен был управлять Джеймс Джордан. Ваккаро вспоминал: «Это давало ему возможность сделать вид, что он зарабатывает деньги, а не берет их у сына. Когда впервые зашел разговор об этом, именно такой была наша первоначальная идея. Они сказали: «Хорошо, пускай Джеймс учредит компанию. Мы откроем магазин в Шарлотт».

Предприятие также давало братьям и сестрам Джордана доли как совладельцам. Нежданно свалившиеся на их брата колоссальное богатство и известность быстро стали для них ловушкой, лишившей их возможности обустроить себе более-менее нормальную жизнь и получить работу. Ронни, отслуживший в Вооруженных силах и обзаведшийся собственной семьей, уже наладил свою жизнь и делал карьеру, но другие братья и сестры встречали трудности почти на каждом шагу. «Можете себе представить, – отмечал Ваккаро, – как трудно было быть братом или сестрой Майкла Джордана, чьи отец и мать вынуждены поддерживать видимость равновесия в ваших отношениях, такого, при котором ему не приходилось бы покрывать расходы всех, чем он в итоге и стал заниматься».

К сожалению, управление сетью магазинов лишь усугубило семейные конфликты, особенно те, что развивались между Джеймсом и Делорис Джордан. На каждом углу молодого Майкла подстерегали какие-то трудности: от огромных вызовов, что бросали ему соперники на площадке, до его взаимоотношений с Хуанитой, развивавшихся теперь в новом ключе.

> Вдобавок к этому, ему приходилось как-то справляться с нарастающим напряжением между родителями.

Его старшая сестра вспоминала, что перед торжественным открытием магазина Flight 23 by Jordan в Шарлотт, на котором присутствовали большое количество журналистов и толпа поклонников, родители Майкла устроили отвратительную сцену выяснения отношений в подсобке торгового помещения. «Мы все были в той или иной степени участниками их конфликтов, но Майкл был втянут в них больше всех остальных, на него они повлияли сильнее всего. Именно ему приходилось терпеть их бесконечные битвы на личном фронте, а потом выходить на трибуну перед всем миром и улыбаться, даже в те моменты, когда сердце его разрывалось на части. Однажды он сказал мне, что худшее в его успехе – то, что он сделал с нашими родителями».

Если общественность видела в Джеймсе Джордане приятного мужчину и настоящего трудягу, то Nike вскоре обнаружила, что он кошмарно управляет небольшой сетью магазинов. Было известно, что он периодически выпивает, а проблемные ситуации предпочитает попросту… игнорировать. Также он не придавал значения счетам от поставщиков, и, как вспоминал Ваккаро, «он не платил за футболки и все прочее». Помимо этого, появлялось все больше доказательств того, что он регулярно «ходит налево», и это лишь подливало масла в огонь его конфликта с Делорис. «Джеймс оказался негодяем, он создавал кучу проблем, – говорил Ваккаро. – Это был ужас. Он задолжал денег разным людям, в то время как его сын зашибал миллионы». Будучи представителем Nike, Ваккаро был вынужден как-то разрешать конфликт, в эпицентре которого оказался. «Это было невероятно», – говорил он, рассказывая о том, как по отдельности встречался сначала с Джеймсом Джорданом, а потом с его женой, надеясь найти какие-то решения проблем. Слухи о возникших трудностях добрались до Фила Найта, и глава Nike распорядился быстро их уладить.

Джорданы прибыли в отель в Беверли-Хиллз, где Ваккаро по отдельности поговорил с ними обоими. «Я побеседовал с ними о проблеме, которая была у Джеймса, – объяснял он. – Я представлял на этих встречах Nike, потому что Фил не захотел бы и близко находиться рядом с этими людьми. Мне приходилось спускаться и обсуждать с Джеймсом его действия, а потом подниматься обратно к Делорис».

Джордан искренне любил своих родителей и был предан им, что делало конфликт между ними практически невыносимым для него. «Но он не занял сторону своего отца в конфликте с Nike», – вспоминал Ваккаро. Джордан согласился с Филом Найтом в том, что Nike должна как можно скорее выкупить долю его родителей. Иначе семью ожидала бы пиар-катастрофа из-за бездарного управления компанией Джеймсом Джорданом. Разрешение этой

ситуации затянулось на три года, в течение которых Джордан вел свои самые напряженные сражения с «Пистонс».

Поначалу Джеймс Джордан отказывался уступать свою долю. Ваккаро вспоминал: «Он хотел вести дела самостоятельно, но нельзя было иметь отдельно стоящую компанию Flight 23, или как он ее там хотел назвать».

Когда стало окончательно ясно, что Nike собирается вернуть магазины себе, Джеймс решил пустить часть выручки на запуск собственной компании по производству одежды, которую собирался учредить вместе с сыном Ларри. Неудивительно, что по прошествии недолгого времени и эта компания оказалась в беде, что стало поводом для дальнейших конфликтов с Делорис Джордан и добавило их знаменитому сыну еще больше головной боли.

«Широкая публика никогда не видела существовавшей проблемы и не знала всей той боли, – вспоминал Сонни Ваккаро. – Когда они шли на разрыв с Nike и когда Джеймс оказался замешанным в покупке собственных футболок, я был там, я все видел. Я был в эпицентре всей этой кутерьмы».

«После катастрофы с Flight 23 by Jordan он поклялся, что никогда больше не будет вести с нами никаких дел в бизнесе», – говорила старшая сестра Джордана об этом опыте.

«Все было хуже, чем вы или другие люди можете себе представить», – соглашался Ваккаро.

Что сделало эту ситуацию еще хуже – они все осознали это со временем, – так это то, что конфликт лишил Майкла семьи как места, куда он мог сбежать от довлевших над ним славы, богатства и соперничества на паркете. Все больше и больше главным убежищем для него становился гольф. Другим важным жизненным открытием для него стал тот факт, что даже в те моменты, когда он уходил с площадки и переключался на что-то другое, его жажда соревноваться и адреналиновые всплески, которые она порождала, по-прежнему оставались с ним. Он давно уже полюбил делать небольшие ставки в самых разных развлечениях, но особенно в гольфе. По мере того как испарялись тишина и безмятежность его личной жизни, он все активнее стал обращаться к гольфу в поисках облегчения и возможностей сделать рискованную ставку, которые подпитывали его жажду адреналина. Теперь, когда он стал жить на широкую ногу, его ставки тоже становились крупнее. Чего он тогда не осознавал до конца, так это того, что он ставил на кон свое доброе имя, которое столь цепко оберегал во всех остальных аспектах своей жизни. Он продолжил холить свой публичный имидж, держа в секрете свою слабость к ставкам в гольфе, которая была

задокументирована лишь странными иероглифами в карточке участника соревнований. Вскоре его увлечение было скрыто так искусно, что зачастую партнеры по игре в гольф не имели ни малейшего представления о фантастическом масштабе рискованных пари, в которых Джордан был задействован. Джордану вскоре откроется, что его проблема со ставками была не столь существенна сама по себе, сколь важна для тех, кто воспринимал ее со стороны.

Глава 22
Высокий полет

По ходу межсезонья 1988-го Джордан съездил на еще одну церемонию «чествования» в старшую школу Лэйни. Улучив момент во время небольшой паузы, он выскользнул на улицу подышать свежим воздухом. Сзади к нему подкрался Дик Неэр, его старый тренер по Лиге Бэйба Рута, он схватил его за резинку на брюках и нижнее белье и резко потянул трусы Майкла вверх, разыграв его так, как мог разыграть только бывший морпех. (Вероятнее всего, это был последний раз, когда Джордан надевал белье фирмы Hanes.) Ошарашенный и вмиг разозленный Джордан круто развернулся, но, увидев, кто стоит за его спиной, сказал: «Дик Неэр, ты все такой же – самый сумасшедший белый мужик из всех, кого я знаю». Это было сильное заявление с учетом того, какие взаимоотношения у Джордана были с Краузе.

По ходу того межсезонья 1988-го Краузе договорился с Тексом Уинтером и Филом Джексоном о том, что они будут тренировать «Буллз» на матчах Летней лиги и опробуют в них треугольное нападение Уинтера. Главная команда клуба никогда не применяла треугольное нападение при тренере Даге Коллинзе, но генеральный менеджер хотел, чтобы Уинтер обучил Джексона премудростям этой системы. В команде Летней лиги было мало игроков на действующем контракте с клубом – вместо них основной состав формировали разные свободные агенты и новички, надеявшиеся зарекомендовать себя в «Чикаго» и стать полноценными игроками клуба.

Даг Коллинз отлично знал, что команда Летней лиги применяла нападение Уинтера и что Джексон участвовал в этом. Но чего Коллинз не осознавал, так это того, что Краузе, скорее всего, поддержал бы любого тренера, прислушавшегося к Уинтеру и его советам. «Даг был очень упрямым и уверенным в себе, что можно было ожидать, – объяснял Джим Стек. – Некогда он был выбран под первым номером драфта и сделал блестящую карьеру в NBA. Даг очень хотел делать все по-своему. Будучи очень молодым, он противился некоторым идеям».

Кроме того, любому наблюдателю было видно, что «Буллз» прибавляет, становясь все лучше, команда менялась, и перемены эти были волнующими. Простой пример: к осени 1988-го были раскуплены все сезонные абонементы на матчи «Буллз». Если вы захотели прокатиться на экспрессе имени Джордана, вам пришлось бы встать в очередь и ожидать своего шанса. Казна

команды начала пополняться доходами спустя всего четыре года с той поры, когда казалось, что «Буллз» обречена на банкротство и забвение. В результате в сентябре месяце Джерри Райнсдорф наградил свою главную звезду продлением контракта, который, по сообщениям прессы, должен был принести Джордану около 25 млн долларов за восемь сезонов. Но и этот контракт в рекордно короткие сроки станет неактуальным из-за своего несоответствия масштабам фигуры Джордана.

Все главные действующие лица уверенно двигались навстречу лавине денег. В том сезоне «Буллз» вышла в лидеры лиги по продажам лицензионных товаров со своей символикой, и в ближайшем будущем команду никто оттуда не сдвинет. «Чтобы у вас сложилось верное представление, – вспоминал много лет проработавший вице-президентом «Буллз» Стив Шанвальд, – я скажу, что около 40 % продаж всех лицензионных товаров NBA приходились на «Буллз». Если бы только могли все эти деньги купить Джерри Краузе немного любви или хотя бы дать ему короткую передышку от все увеличивавшихся разочарований Джордана.

Конфликт

Как Джордан и ожидал, первые недели его четвертого сезона в NBA оказались беспокойными. В матче – открытии сезона «Пистонс» помыкала «Буллз» как хотела, и не важно, что игра проходила в Чикаго. Коллинз отрядил Картрайта на позицию центрового, Брэда Селлерса и Гранта поставил форвардами, а в партнеры Джордану по задней линии определил Сэма Винсента, перебравшегося в «Чикаго» из «Сиэтла». Увидев вопиющие слабости своей команды, Джордан вновь, казалось, решил взять всю игру на себя и резво устремился к званию самого результативного снайпера лиги – и лидера по нахальству среди игроков. Во время ноябрьской игры против «Юты» он украл мяч и сделал данк через защитника Джона Стоктона, чем вызвал негодование владельца «Джаз» Ларри Миллера, сидевшего неподалеку от площадки: Миллер бросил Джордану, что тому следует задирать соперников своих габаритов. Несколько мгновений спустя Джордан вновь пошел на кольцо и на сей раз сделал данк через центрового «Юты» Мела Тарпина ростом в 211 см, после чего подбежал к Миллеру, спускавшемуся к площадке, и спросил у него: «Этот достаточно большой?»

Команда тем временем шла по сезону ни шатко ни валко. Критики Джордана в прессе уже давно указывали на то, что

Ларри Берд и Мэджик Джонсон делают свои команды сильнее, тогда как Джордан зачастую играет сам за себя. Ассистент тренера Фил Джексон высказал аналогичную точку зрения, сказав как-то, что Джордану нужно стараться делать своих партнеров сильнее. Джексон отметил, что ему самому еще много лет назад это активно внушал Рэд Хольцман, его тренер в «Никс». Коллинз счел, что Джексон сделал справедливое замечание и дал своему ассистенту указание пойти и немедленно проинформировать об этом Джордана. Джексон отправился на эту безрассудную миссию, уже готовясь услышать недовольный ответ от звезды. Однако он был удивлен, увидев, что Джордан терпеливо и внимательно его выслушал и даже, кажется, оценил его честность, независимо от того, как сильно Майкла раздражало публичное обсуждение этого вопроса. Сам Джордан вспоминал, что как только ассистент тренера ушел, он закатил глаза.

Джордан начинал становиться лидером команды, хотя это лидерство было далеко не белым и пушистым. По большей части оно заключалось в давлении, которое он оказывал на своих партнеров, требуя от них либо показывать высокий уровень игры, либо уходить из команды. Теперь же, впрочем, он готовился войти в сезон, за успешное завершение которого сильно опасался, поскольку считал, что Краузе совершил ужасный обмен, пригласив в клуб Картрайта, и тем самым ослабил команду, сделав задачу Джордана лишь еще сложнее.

«В начале года было полно разочарований, их было трудно принять, – вспоминал Джордан. – Дела шли неважно, и это меня раздражало. У меня, как и у всех остальных, были очень высокие ожидания, но тогда нам было необходимо пройти через переходный период».

Тренеры, однако, разглядели ценность Картрайта, не только как защитника, но и как лидера команды. Джексон начал называть Картрайта Тич[34], и это прозвище приклеилось к центровому. Партнеры и соперники по площадке знали характерную привычку Картрайта играть локтями: он высоко поднимал их, делая подборы или заграждая сопернику путь к кольцу.

«Майкл совсем не знал Билла Картрайта как человека, – вспоминал Краузе. – Майкл заставил Билла доказать свою состоятельность. Майкл со всеми так поступал. Это было очень в его стиле. Я знал, кем был Билл. Билл нормально ужился бы с Майклом. Я сказал Биллу: «Это случится. Он будет подкалывать тебя. Майкл тебя с ума сведет». Билл ответил: «Да ничего он со мной не сделает».

На поверку их взаимоотношения оказались непростыми.

Бывший партнер обоих Джон Пакссон вспоминал: «Майкл требовал только полной выкладки. Он не ждал, что ты промахнешься, бросая с открытой позиции. Если Майкл уходил от заслона, делал пару шагов к корзине, а затем быстро бросал мяч Биллу Картрайту и тот не мог удержать мяч, Майкл больше не повторял таких розыгрышей. Примерно такое происходило на первых порах. Если ты делаешь что-то, а один из твоих партнеров не реагирует на твои действия, в следующий раз ты дважды подумаешь, прежде чем повторять то же самое. Это естественно. С Майклом всегда ощущалось, что он ищет пути к достижению совершенства. Часть его натуры ждала того же самого от окружающих».

Если Джордан не выдавал блестящую игру каждый вечер, «Буллз» было трудно одерживать победы, так что его желание получать больше отдачи от своих партнеров вполне обосновано. Все хотели этого. «Мне кажется, что я очень наблюдателен в плане игры, – рассказывал он о своем подходе к делу. – Если все складывалось хорошо, мне не приходилось забивать слишком много. Я мог держаться в тени и задействовать в игре остальных».

При таком императиве его партнеры смогли бы вносить свой вклад. Пакссон говорил по этому поводу: «Майкл бросал вызовы парням, и некоторые не могли ответить на эти вызовы своей игрой. Брэд Селлерс, к примеру. Ему было трудно соответствовать ожиданиям Майкла. У Майкла была склонность оценивать некоторых ребят и говорить: «Ты способен на такое. Почему не умеешь? Я вижу твои физические возможности. Почему ты не умеешь так?»

С Пакссоном как партнером у Джордана установилась крепкая связь, хотя защитник из Нотр-Дам не впечатлял физической мощью или атлетизмом. Джордан часто называл атлетизм вторым по важности аспектом для игрока после отваги. Он говорил, что ждет от партнеров бесстрашия в решающие моменты матчей. Второй немаловажный момент заключался в том, что Пакссону для игры не нужен был мяч, что устраняло один повод для потенциального конфликта между ними. «Уверен, что он много раз смотрел на меня с мыслью: «Ты не способен сделать такое на паркете», – объяснял Пакссон. – Но в моих баскетбольных взаимоотношениях с Майклом у меня было одно преимущество. Когда мы были студентами, то месяц провели вместе за границей, будучи в сборной США. Я совершил победный бросок в игре с Югославией, и, судя по всему, это отложилось в его памяти – Майкл помнил этот факт обо мне как об игроке. Он умел доверять мне. В то же время я не припоминаю, чтобы Майкл оказывал какое-то давление на Скотти Пиппена или Хораса в

начале их карьеры. Он знал, что многим ребятам только предстоит дорасти до уровня лиги. Со мной Майкл был всегда более чем справедлив. По отношению ко мне он всегда был позитивен и никогда не говорил обо мне ничего плохого в прессе. Это много значило для меня. Когда главный игрок команды говорит что-то критическое в твой адрес, ты можешь сникнуть. Он так не поступал. Поначалу я думал, что он порой слишком отстранен и сдержан в отношении других игроков. Уверен, ему казалось, что он идет по очень тонкому льду. «Стоит ли мне быть критичным по отношению к ним? Или лучше расслабиться и дать этим парням делать свое дело?» Мне казалось, что чем активнее он выражал свое мнение, чем более ярким лидером становился, тем лучше играла команда. Нам приходилось учиться тому, как играть с Майклом, точно так же, как Майклу приходилось учиться играть с нами».

Разыгрывающий

В январе «Буллз» боролась за то, чтобы как-то улучшить свою статистику, – у команды вновь было поровну побед и поражений – и все так же продолжала скатываться в конфликты. Коллинза раздражали ассистенты, которых Краузе нанял ему в помощь. «Я был расстроен тем, что Даг, по сути, никогда не прислушивался к Тексу, – объяснял Краузе, – и не выслушивал Фила Джексона. Пару лет Даг хорошо поработал на нас. С точки зрения отношений с общественностью его приход в клуб был плюсом, потому что снял с меня напряжение. Даг великолепно ладил с прессой. Но тренерскому ремеслу он учился по ходу дела и не слушал своих ассистентов так, как ему следовало это делать. К тому же Даг недолюбливал Фила. Время текло, и он все чаще напоминал мне Стэна в том смысле, что так же далеко ушел от того, что мы хотели видеть и делать».

Через три недели после начала сезона Хуанита Ваной родила мальчика, Джеффри Майкла, но родители Джордана все так же противились идее с женитьбой своего сына на матери его ребенка. На протяжении всего сезона новости о рождении ребенка держались в секрете. Некоторые журналисты знали об этом факте, но не упоминали о нем в своих репортажах. Предположительно, Ваной на протяжении шести месяцев раздумывала о том, чтобы начать процесс установления отцовства и подать на алименты, но в конечном счете отложила эту затею.

В личной жизни Майкла напряжение было так же

велико, как и в раздевалке его команды.

Наконец в последних числах января команда начала переламывать текущую ситуацию благодаря прогрессу в игре Пиппена и Гранта, начавшегося вследствие того, что Джордан активно на них давил.

«Думаю, что Майкл разглядел в Скотти и Хорасе талант, увидел, какими игроками они могут стать, – объяснял Уилл Пердью, резервный центровой команды, проводивший в тот год дебютный сезон в NBA. – Он был очень суров с ними в то время. Он давил на них, но делал это в позитивном ключе, и в то же время испытывал их на прочность, чтобы понять, смогут ли они ответить на эти вызовы».

Усложняло взаимоотношения в коллективе то, что Джордана по-прежнему сильно раздражало присутствие в команде Картрайта, который был одним из немногих, кто дал отпор запугиваниям и придиркам со стороны Майкла, вспоминал Джим Стек. Позже некоторые скажут, что искренняя нелюбовь центрового к манере Джордана вести себя подобным образом была не нелюбовью, а почти что настоящей ненавистью. «Билл считал, что Майкл порой несправедливо отчитывает его, – говорил Стек в интервью 2012 г. – Билл был очень гордым парнем. Он пользовался большим уважением в лиге». Стек не считал, что антипатия Картрайта доходила до ненависти, но Пердью, кажется, был уверен, что Джордан Картрайта ненавидел. Пердью был убежден, что Джордан испытывал неприязнь к нему.

Картрайт, казалось, спокойно воспринимал враждебность Майкла. В «Нью-Йорке» Билл играл так, что в среднем набирал по 20 очков и десять подборов за матч, отмечал Стек, добавляя, что Джордан, по всей видимости, не осознавал, на какие жертвы Картрайт был готов пойти, соглашаясь стать в «Чикаго» ролевым игроком.

«Билл высоко ценил талант Майкла, – вспоминал Стек. – Но в то же время он не был готов мириться с его выходками. Майкл проверял на прочность всех. Если на тренировках Майкл шел на кольцо, Билл встречал его на пути. Очень многие игроки до Билла Картрайта целиком и полностью соглашались с Майклом во всем, уступали ему, склонив головы. Но Билл на такое не подписывался… Майкл мог задавить почти всех, потому что его талант был безмерно велик. Билл же гнул свою линию. Он говорил: «Моя вотчина здесь, а ты держись подальше». И это оказало живительный эффект на команду. Билла уважали за то, что он во многих отношениях не отступал перед Майклом, это по достоинству оценили все».

В марте Коллинза перестала удовлетворять игра разыгрывающего защитника Сэма Винсента, и он усадил его на скамейку. Тренер передвинул на его позицию Джордана, начав отдавать тому мяч еще чаще, чем прежде. Крейг Ходжес, игравший у Уинтера в Университете Калифорнии в Лонг-Бич, был введен в стартовую пятерку в качестве атакующего защитника. «Будет интересно посмотреть, как это понравится Майклу», – сказал Коллинз. Джордан ответил на это семью трипл-даблами подряд (в промежутке между январем и апрелем он запишет на свой счет 14 трип-даблов), а «Буллз» одержала шесть побед подряд. Коллинз, казалось, решил отвести ему ту же роль, какую некогда играл Оскар Робертсон. Джордан завел привычку проверять свою статистику у секретаря, ведущего подсчет во время матчей, чтобы наверняка знать, сколько еще ему не хватает до очередного трипл-дабла. Вскоре об этом прознали многие в лиге, и официальные лица распорядились запретить секретарям сообщать ему эту информацию по ходу матчей.

Затем команда потеряла Ходжеса из-за травмы лодыжки, и «Буллз» очень быстро проиграла шесть матчей подряд. Прямолинейный Уинтер высказывался против перевода Джордана на позицию разыгрывающего, и тем самым спровоцировал раздор в тренерском штабе, который привел к тому, что Коллинз запретил Уинтеру посещать тренировки. «Текс, по сути, выпал из коллектива на тот момент», – вспоминал Джексон. Краузе задавался вопросом: возложит ли Коллинз дополнительные обязанности на свою суперзвезду. Джексон, занимавший должность ассистента тренера, тихонько наблюдал за тем, как Джордан выматывается от нагрузки настолько, что порой слишком сильно устает в концовках матчей. Джордану было, в сущности, все равно, что его поставили на позицию разыгрывающего, но он слабо верил в способности своих партнеров забивать.

Было трудно не восхищаться той работой, что проделывал Джордан в роли «первого номера». Его навыки владения мячом позволяли ему протанцовывать в такие зоны площадки, куда соперники, казалось, никогда не успевают прибежать вовремя. Он останавливался и начинал движение снова, брал паузы и ускорялся, превращая каждое владение в серьезную тренировку лодыжек для своих опекунов. Он быстро научился уходить от заслонов. Джордан был таким неуловимым, что защитники, приходившие своим партнерам на помощь для двойной опеки, с трудом могли за ним угнаться. Он стягивал на себя столько внимания соперников, что Ходжес, Пиппен и Пакссон зачастую оказывались никем не прикрытыми и легко забивали

трехочковые. Джордан работал и по периметру, а его джамперы той весной регулярно попадали в цель, что вынуждало защитников становиться еще более уязвимыми, выдвигаясь на него.

Результат «Чикаго», с которым был завершен регулярный сезон на пятом месте в своей Конференции, составлял 47–35, что принесло «джорданцам» выход в плей-офф, где в первом раунде их поджидала команда четвертых сеяных «Кливленд Кавальерс», проигравших за весь сезон лишь четыре игры в родных стенах. Той весной Джордан пристрастился к творчеству Аниты Бейкер, он ставил ее песню «Giving You the Best That I Got» перед матчами, чтобы поймать вдохновение. Оно ему понадобится. «Буллз» проиграла «Кавальерс» все шесть матчей регулярного сезона, но это не помешало Лэйси Бэнксу уверенно предсказать «Чикаго» победу в пятиматчевой серии плей-офф. Когда другие чикагские журналисты выражали сомнение в том, что «Буллз» сумеет выжить в этом противостоянии, Джордан отпускал гневные реплики в их адрес и прогнозировал своей команде четыре победы в серии. Даже обычные болельщики видели, что «Кливленду» хватало мощи и габаритов как на периметре, так и по центру, так как в составе «Кавальерс» были Рон Харпер и Крейг Эло, которые должны были притормозить Джордана.

На первую игру у «Кавальерс» было преимущество домашней площадки, но команда «Чикаго» удивила многих, поведя в серии 2–1 и получив возможность закрыть вопрос в четвертой игре на «Стэдиуме». Джордан набрал 50 очков, но промахнулся, бросая штрафной в концовке матча, из-за чего «Кливленду» удалось перевести игру в овертайм, а потом и сравнять счет в серии. Казалось, что Майкл опустошен таким поворотом событий, но довольно быстро он отбросил сомнения в своих силах. Джексон вспоминал, что когда Джордан явился на следующий день на рейс в Кливленд, он буквально прыгал в проходе между сиденьями, призывая своих партнеров ничего не бояться и убеждая их, что они непременно одержат победу.

Его энтузиазм горел ярким пламенем на протяжении всей пятой игры серии, состоявшейся на следующий день. Джордан вышел на паркет, чтобы забивать и раздавать, его стараниями «Буллз» шла с «Кавальерс» ноздря в ноздрю. Ходжес и Пакссон тоже внесли свой вклад, забросав корзину соперников трехочковыми, и в результате четвертая четверть выдалась полной упорной борьбы: в заключительные 3 минуты команды шесть раз поочередно вели в счете. За 6 секунд до конца Джордан резко ускорился в правую от себя сторону, двинувшись к вершине трехсекундной зоны. Эло вытянулся, пойдя ему наперерез в

попытке остановить, за что был «вознагражден» ошеломительным ударом в лицо, который Джордан нанес ему, исполняя бросок, выведший «Чикаго» вперед со счетом 99: 98. Эло подхватил мяч после ввода в игру, отдал партнеру, а затем опять открылся и сделал лэй-ап, в результате чего команда «Кливленд» вырвалась вперед (100: 99) за 3 секунды до конца.

Во время тайм-аута Коллинз быстро набросал вариант следующего розыгрыша, согласно которому центровой Дэйв Корзин должен был сделать последний бросок. Логика этого решения заключалась в том, что такого исхода никто не будет ожидать. Джордан отреагировал на это, гневно ударив по блокноту тренера и сказав: «Просто дайте мне этот мяч!» Коллинз быстро предложил новый вариант: теперь мяч должен был вводить Брэд Селерс. Выходя на площадку, Джордан шепнул партнеру Крейгу Ходжесу, что собирается сделать бросок.

Тренер «Кливленда» Ленни Уилкенс планировал не дать Джордану это сделать, приставив к нему высокорослого форварда Ларри Нэнса, но Джордан ускользнул от него, получил пас и ускорился в сторону трехсекундной, чтобы сделать джампшот. Эло быстро последовал за ним и сыграл как образцовый защитник – следовал за каждым шагом Джордана, пока тот не опередил его и не выпрыгнул для броска. Эло догнал его, возникнув с правой от Джордана стороны и вытянув левую руку, чтобы помешать броску. Но прыгучесть Джордана и его умение зависать в воздухе предрешили исход эпизода. Эло удалось вытянуть руку перед мячом, но сила инерции протащила его дальше влево, и он стал заваливаться, а фигура в красном продолжила подниматься над полом, затем достигла высшей точки, а после исполнила победный бросок, изменив счет на 101: 100 и вызвав бурю эмоций у партнеров, принявшихся праздновать победу с поднятыми вверх кулаками – в последующие годы кадры с этим празднованием повторят еще триллион раз.

Эпизод мгновенно окрестили «броском» (the shot). Первая мысль Краузе, смотревшего игру с трибун, была о том, что Брэд Селерс идеально вбросил мяч в игру, сделав эту комбинацию возможной. «Это был лучший пас из всех, что я когда-либо видел в баскетболе, – сказал он в 2011-м. – Он сделал этот пас между тремя соперниками, словно продел нитку в игольное ушко. Я сбежал вниз к паркету и обнял Брэда Селерса».

Весьма характерно, что в этот момент Краузе захотел обнять окруженного со всех сторон Селерса, которого он лично выбрал на драфте. В 1986-м Джордан лоббировал приглашение на драфте Джонни Доукинза из Дьюка, но Краузе вместо него выбрал

Селерса, что стало еще одним яблоком раздора, так как Селерс с трудом вписывался в коллектив. Пас определенно вышел отличным, но ничто так точно не обрисовало бы грядущие проблемы, как эта реакция Краузе. Они с Джорданом видели этот момент эйфории с двух противоположных точек зрения. Они оба были своенравными, властными людьми, чей общий успех разрастался и отдалял их друг от друга, словно ничейная земля. Что же до Селерса, то он покинет «Буллз» по окончании сезона. Некогда бывший игрок стартовой пятерки Селерс в плей-офф показывал результативность в жалкие четыре очка за игру и в среднем проводил по 13 минут в матче.

Тем временем дурная слава была обеспечена и другому эпизоду игры, попавшему на пленку, а именно, кадрам, запечатлевшим скамейку «Буллз» в момент, когда 44 очка Майкла принесли «Чикаго» победу. На них попали репортеры *Tribune* Сэм Смит и Берни Линсикам, регулярно освещавшие жизнь команды, и Лэйси Бэнкс, писавший для *Sun-Times*.

«Вы видели кадры с празднующим Дагом Коллинзом, а потом с прыгающим вверх-вниз Лэйси, потрясающим кулаками над головой, – вспоминал Дж. А. Аданде с канала ESPN, прежде работавший с Бэнксом в *Sun-Times*. – В Лэйси была щепотка болельщика «Буллз», вы знаете, и в тот момент она явственно проступила, но он никогда не позволял этому затмевать свой журналистский разум».

Бэнкс, журналист, постоянно бросавший Джордану вызовы, внезапно и весьма комично угодил в ловушку объективизма. Он тоже кое-чем рисковал, ведь перед игрой он предрекал победу «Чикаго», но в гораздо большей степени момент демонстрировал раздиравший индустрию журналистики изнутри конфликт интересов, вызванный низкопоклонством многих ее представителей перед Его Воздушеством. Со временем мир спортивной журналистики будет все с большим трудом находить какие-либо сдерживающие факторы в эпоху, в которую моменты и эпизоды – а с ними и доходы средств массовой информации – будут приобретать исключительные размеры. Игроков «Кливленда» тем временем поражение опустошило начисто. Центровой «Кавальерс» Брэд Догерти, партнер Джордана по команде студенческих времен, уже видел подобное прежде. «Я увидел, как он ускорился, – говорил Догерти, – и я повернулся, чтобы заградить путь к корзине и увидеть полет мяча. Но не увидел, потому что Майкл сначала сделал ложный бросок, а затем опустил мяч. Потом он поднялся вверх и направил мяч точно в сетку. Я до сих пор не понимаю, как ему удалось все это сделать в течение 3 секунд».

«Мы едем в Нью-Йорк, детка», – сказал после игры ликовавший Джордан.

Энергетика этой победы перетекла и во второй раунд плей-офф, где «Буллз» схлестнулась с командой «Никс» тренера Рика Питино, в составе которой играли Патрик Юинг, Чарльз Оукли и Марк Джексон. С Джорданом, набиравшим в среднем по 35 очков за игру, несмотря на обострившуюся травму паха, «Буллз» удивительным образом сумела захватить лидерство в серии 3–2 перед шестой игрой на чикагском «Стэдиуме». Посреди матча Скотти Пиппена и игрока «Нью-Йорка» Кенни Уокера удалили с площадки за устроенное ими рукоприкладство. Для «Чикаго» это стало серьезным ударом, и случился этот эпизод как раз тогда, когда Джордан уверенно шел к своим итоговым показателям в 40 очков и десять ассистов за игру. Казалось, что судьба матча в руках игроков «Буллз», ведших со счетом 111: 107 за 6 секунд до конца. Но Трент Такер из «Никс» реализовал трехочковый бросок, затем заработал фол и окончательно устранил четырехочковый разрыв в счете, заставив стоявшего у боковой линии Коллинза озадаченно хватать ртом воздух, словно ему не хватало кислорода. Майкл Джордан теперь надеялся, что ему удастся сотворить еще одно чудо, продолжение того, что он уже сделал в Кливленде. На сей раз Джон Пакссон вводил мяч в игру, и вновь Джордан резко ускорился в сторону трехсекундной зоны, где на нем сфолили, свалив на пол, когда до сирены оставалась пара секунд. Майкл реализовал оба штрафных броска, а игроки «Никс» смазали свой последний бросок в матче, после чего Коллинз уже вдохнул полной грудью и снова принялся праздновать с игроками в центре площадки, потрясая кулаками и шлепая своих подопечных по спинам.

Плохие парни

Команда «Чикаго» вернулась в финал Конференции впервые с 1975 г., когда она проиграла «Голден Стэйт».

В этот раз ее соперниками должны были стать игроки «Пистонс», и вновь в историю противостояния двух команд была вписана глава, полная злости и ненависти. В апрельской игре Айзея Томас от души приложил кулаком Билла Картрайта и заработал удаление на два матча. В частном разговоре Томас сказал, что предпочел бы сыграть против «Нью-Йорка», даже несмотря на то что «Никс» имела очень впечатляющую статистику в играх с «Пистонс», тогда как «Чикаго» не побеждала «Детройт»

ни разу на протяжении всего сезона. Он активно подталкивал свою команду к выигрышу первого в ее истории титула чемпионов NBA, и «Буллз» вызывала у него некоторое беспокойство. Джордан, видавший невероятные спектакли в победных матчах с «Кливлендом» и «Нью-Йорком», пребывал в какой-то безумной, сверхъестественной форме.

На первую игру финала Восточной конференции Коллинз выпустил Джордана против Томаса. Джордан уже обвыкся на позиции разыгрывающего защитника, но та игра стала первой, в которой он получил оборонительное задание подолгу опекать Томаса. Рост и прыгучесть Джордана оказались своего рода отвлекающим маневром для соперников на периметре. Броски Томаса продолжали лететь мимо цели, что позволило Джордану несколько ослабить хватку и дать ему возможность бросать еще чаще. Если бы Томас попадал в кольцо, Джордан был бы вынужден выходить издалека и опекать его. Тогда Томас мог бы избавляться от его опеки за счет проходов или расчищать путь к корзине для форварда «Детройта» Марка Агирре, которому мог бы отдавать мяч. Но его промахи с дуги поставили «Пистонс» в невыгодное положение.

В тот день Томас реализовал лишь три из 18 своих бросков. «Каждый раз, когда он совершал проход, я уже знал, что он будет делать, – говорил после матча Джордан. – Я хотел вынудить его бросать издали, но нынче такие броски у него не получались. Не говоря уже о том, что я проделал выдающуюся работу в защите».

Другой мастер джампшотов «Детройта», «суперзапасной» Винни Джонсон, тоже много мазал. Во второй четверти команда «Пистонс» отставала в счете уже на 24 очка, но, собравшись, сумела отыграться и вернуть себе лидерство в середине четвертого периода. Однако удержать его в противостоянии с защитой «Чикаго» не смогла, и «Буллз», одержав победу 94: 88, повела в серии 1–0. Поражение прервало 25-матчевую серию побед «Пистонс» на домашней площадке и серию из девяти побед подряд в плей-офф. Также оно стало первым для «Пистонс» в девяти играх против «Буллз». Преимущество домашней площадки, над которым «Пистонс» так упорно работала на протяжении всего года, испарилось за один день.

«Нам будет трудно наступать им на пятки так, как мы делали это сегодня, – сказал репортерам Джордан. – Но у нас хорошие шансы выиграть серию».

В раздевалке «Детройта» тем временем столпились журналисты, стоявшие плечом к плечу, пока Томас дольше обычного мылся в душе. Чем дольше он там находился, тем больше становилась толпа репортеров, желавших его

проинтервьюировать. Наконец он вышел, проложил себе дорогу через толпу и сел спиной к стене и лицом к камерам, лампам освещения и микрофонам.

Как раз в тот момент, когда журналисты начали засыпать Томаса вопросами, его партнер по команде Марк Агирре протиснулся через толпу и нагнулся рядом с Томасом, чтобы извлечь немного лосьона из большого дозатора. «У тебя что, сегодня овсянка на ужин?» – спросил, смеясь, Агирре, пытавшийся своими словами развеять явно одолевавшую друга депрессию.

Томас слабо улыбнулся и переключил свое внимание на микрофоны журналистов. Затем стал отвечать на все их вопросы спокойным взвешенным тоном, один за другим. Пресс-конференция продолжалась 45 минут, пока раздевалка почти полностью не опустела. Остался лишь репортер *New York Post* Питер Векси, который задержался в надежде вытянуть из Томаса что-нибудь еще. *Что в действительности произошло?*

Томас закончил завязывать галстук и печально вздохнул. Его самые жуткие страхи, связанные с Джорданом, казалось, начинают сбываться. Защитник «Детройта» выглядел больным. «Эта игра бывает такой странной порой», – говорил он. Он взял свою спортивную сумку и направился к дверям. Когда он вышел в коридор, Майк Орнстейн, его друг из Лос-Анджелеса, подошел и подхватил сумку. «Давай я понесу ее», – сказал Орнстейн и шлепнул Томаса по спине. Несколько часов они бесцельно катались по городу, как говорил позднее Орнстейн, и за все время Томас не сказал ни единого слова.

Колумнист Шелби Стротер из *Detroit News*, побывавший в тот день в комнате для прессы, подытожил ситуацию следующим образом: «Он может просто умереть по естественным причинам», – сказал он о Томасе.

Однако нужды писать некрологи не было. Две ночи спустя Томас набрал 33 очка, а Думарс – 20, – они принесли победу «Пистонс» со счетом 100: 91, и счет в серии стал 1–1. Затем декорации сменились на старый чикагский «Стэдиум», где «Пистонс» очень здорово начала благодаря стараниям Агирре в нападении. Игроки заставили толпу болельщиков притихнуть: за 7 минут до конца у них было 14-очковое преимущество. И вот, когда уже казалось, что четвертая четверть вновь останется за «Детройтом», Джордан воспрял, и команда «Буллз» пошла вперед, сравняв счет в самом конце: на табло горело 97: 97, до сирены оставалось 28 секунд, а владение было у «Пистонс». Томас работал с мячом по периметру, а за 10 секунд до конца Лэймбир выставил колено, чтобы поставить Джордану заслон с нарушением правил. Судейский свисток возвратил мяч «Чикаго»,

и Джордан завладел им на другом конце площадки, где и исполнил бросок, принесший «Буллз» победу 99: 97 и лидерство в серии, 2–1. В той игре он набрал 46 очков, впервые в серии показав солидную атакующую игру. Игроки «Пистонс», понимавшие, что не могут позволить такому повториться вновь, решили заставить Джордана играть в четвертой игре серии так, как должен играть настоящий разыгрывающий. Они стали опекать его по двое и вынуждать пасовать мяч партнерам.

«Когда он сосредоточивается на цели, его невозможно остановить, – говорил Томас о Джордане. – В этом кроется ключ. Мы надеемся, что вы не дадите ему сосредоточиться».

Как обычно, главным ответственным за сдерживание Джордана стал Думарс, но Винни Джонсон и Томас тоже поочередно помогали ему, как и Родман. В четвертой игре Джордан реализовал 5 из 15 своих бросков. В целом же «Буллз» показала 39 %-ную реализацию с игры. «Пистонс» бросала и того хуже, показав 36 %-ную реализацию, но это уже было не важно. Томас набрал 27 очков, а крепкая защита помогла «Детройту» добыть победу 86: 80 и сравнять счет в серии, 2–2.

После игры Коллинз высказал Джордану, что тот слишком часто бросает и не показывает достаточной меткости. Джордан ответил ему с ребячливостью, за которую в другую эпоху ЛеБрона Джеймса пресса просто распяла бы. А потом и четвертовала вдобавок. В пятом матче серии, проходившем в «Пэлас оф Оберн-Хиллс», Джордан продолжил стоять на своем. С игры он сделал всего восемь бросков, реализовав четыре из них, и сумел набрать лишь 18 очков, что гарантировало «Детройту» победу со счетом 94: 85. Это была своего рода забастовка, заставившая Коллинза в разговоре с Райнс-дорфом сказать, что команда попросту не может побеждать с Джорданом в составе. Однако критики тренера вновь подметили, что это он подкармливал монстра, в которого превратился Джордан, закрывая глаза на каждую вспышку гнева и раздражения звезды.

Чикагская публика, почти ничего не знавшая о мелочных склоках между тренером и звездой команды, собралась на трибунах «Стэдиума» в предвкушении шестой игры серии и громогласно поддерживала своих. Шум на арене стал еще громче в начале первой четверти, когда Пиппен, пойдя на подбор в нападении в толчее игроков, получил сотрясение, напоровшись на локоть Лэймбира. Никакого серьезного ущерба Пиппен не понес, но ему пришлось закончить игру и отправиться на обследование в госпиталь, где он провел ночь. Фола рефери не зафиксировал. Позже по ходу матча центровой «Пистонс» подошел к линии штрафных бросков, и все здание загрохотало –

болельщики скандировали оглушительное: «Лэймбир – отстой! Лэймбир – отстой!»

Томас набрал 33 очка, и игроки «Чикаго» дрогнули, несмотря на то что Джордан набрал 32. Команда «Детройта» вновь торжествовала, победив 103: 94, и серия завершилась. Джордан, в заключительные секунды матча направившийся в сторону своей скамейки, остановился, чтобы поговорить с Думарсом. «Он подошел, – говорил защитник «Пистонс» позже, – пожал мне руку и сказал: «Привези титул на Восток». Я сказал: «Я не буду скучать по тебе, Майк. Увидимся в следующем году». С ним всегда испытываешь страх, что стопроцентной отдачи и лучшей игры может не хватить для победы».

Джордан был зол и разочарован, но не собирался показывать свою боль от поражения. Лэйси Бэнкс вспоминал: «Он говорил: «Не давай людям понять, что тебе больно. Не позволяй другим людям знать, о чем ты думаешь. Ты знаешь о них столько, сколько возможно, но если ты будешь давать им больше знаний о себе, они получат преимущество». Он прятал свои разочарования, прятал свою печаль, свое расстройство, свои муки».

В чикагской раздевалке Коллинз гневно поносил то, что он сам называл «грязной игрой Лэймбира». Репортеры незамедлительно донесли красноречивые комментарии Коллинза до Лэймбира, который ответил, что даже не знал о том, что Пиппен получил травму, пока не добежал до противоположного конца площадки и не обернулся, увидев, что вокруг Скотти собрались тренеры.

Пока толпа репортеров редела, режиссер Спайк Ли, который тогда только начал процесс адаптации своего персонажа Марса Блэкмона для рекламы Air Jordan, которую он снимал для Nike, ходил кругами по раздевалке. Он задержался перед кабинкой Айзеи Томаса, чтобы сделать несколько фотоснимков.

«Спайк! – воскликнул Томас. – Как дела? Я тебя утром по ящику видел».

Ли болезненно улыбнулся и очень слабо пожал ему руку. Джордан, быть может, и имел колоссальное финансовое преимущество благодаря своим контрактам с Nike, но Томас и «Детройт» по-прежнему доминировали над «Буллз». «Пистонс» заберет свой первый титул, сметя со своего пути «Лейкерс» в следующем раунде, тогда как «Буллз» придется пережить еще один период внутренних конфликтов, взаимных обвинений, хаоса и перемен.

«Буллз» потерпела две подряд неудачи в играх с «Пистонс», и теперь на команду медленно находило осознание. «Нельзя было играть с «Детройтом» на эмоциях», – говорил в 1995-м Джон

Пакссон, вспоминая прошлое. – Нельзя было на это вестись, потому что именно этого ее игроки от тебя и хотели. Они хотели не дать тебе сыграть в свою игру. У нас в команде не было мощных, крепких здоровяков, чтобы играть в такой манере, а когда мы злились, это шло им на руку. К сожалению, это была и вина Дага в том числе, он тоже вел себя эмоционально. Вдобавок на их уловки попалась и наша публика».

Пакссон добавлял: «И это ни разу не помогало нам получить преимущество. «Пистонс» была настолько ярко выраженным злодеем в этой истории, что было трудно просто даже контролировать себя. Как только мы научились обыгрывать эту команду, наше противостояние стало великолепным. Но какое-то время казалось, что мы никогда не сможем одолеть ее».

6 июля 1989 г. Джерри Райнсдорф и Джерри Краузе поспешно освободили Дага Коллинза от контрактных обязательств, обозначив в качестве причины «философские разногласия» между менеджментом клуба и главным тренером. Ошеломительный ход: уволить популярного молодого тренера спустя считаные недели после того, как он вывел команду в финал Конференции впервые за 14 лет. Резкий и неожиданный характер этого увольнения породил волну слухов. Люди стали шептаться, что причиной такого решения стало то, что Коллинз имел связь с некой родственницей одного из многих владельцев команды. Краузе признавал, что Коллинз в то время наслаждался активной социальной жизнью – настолько активной, что Краузе даже приходилось разок-другой просить его поумерить свой пыл, – но слухи, по словам Краузе, были явно лживыми.

Краузе сказал, что Коллинз был уволен по двум причинам: первая – напряжение стало слишком велико, его привычка работать интенсивно и горячо зашла слишком далеко и теперь приносила дискомфорт как команде, так и самому тренеру; вторая причина – недостаточное внимание атакующей философии.

Краузе и Коллинз часто конфликтовали по поводу того, каких игроков «Буллз» следует приобрести, и в какой-то момент тренер, по сообщениям прессы, вышел за спиной генерального менеджера напрямую на Райнс-дорфа и попытался убедить того уволить Краузе. Единственной проблемой было то, что Райнсдорф, по слухам, отнюдь не симпатизировал Коллинзу и нанял его только потому, что сделать это порекомендовал Краузе. Попытки Коллинза затеять свою игру во властных коридорах оказались немудрым шагом.

«Даг не ладил с Джерри Краузе, и это начало сказываться на нашей каждодневной работе», – объяснял Марк Пфейл.

«Большинство представителей местной прессы были не слишком удивлены увольнением Дага, – вспоминала Шерил Рэй-Стаут. – Разгневаны были фанаты. Они не поняли этого решения. Команда «Буллз» билась с «Кливлендом» и победила в той серии, хотя все думали: «Боже, «Кливленд» должен был взять верх». Болельщики отреагировали очень плохо, но напряжение внутри команды было огромным. Напряжение в отношениях между игроками; напряжение между Дагом и менеджментом. Не было впечатления, что он задержится в клубе надолго».

«Даг был чрезвычайно популярен среди журналистов, – вспоминал несколькими годами позже Краузе. – Его любили все, кроме меня. Мы играли финал Восточной конференции против «Детройта», когда я сказал Джерри, что «хочу, чтобы Даг ушел». Большинство владельцев сказали бы: «Подожди-ка. Это ведь ты его сюда привел. Он – твоя креатура. Он только что выиграл 50 игр и вывел нас в финал Конференции». Джерри так не сказал. Он спросил: «Почему?» И я ответил ему, что не думаю, что с ним мы сможем стать чемпионами мира, хотя считаю, что этот клуб может стать чемпионом мира. Это – единственная причина, по которой мы отпустили Дага Коллинза».

«Ни один менеджер, каким бы влиятельным он ни был, не может уволить главного тренера команды без одобрения владельца, – продолжал Краузе. – Когда я впервые сообщил об этом Джерри, он спросил: «Кого ты хочешь видеть тренером команды?» Я ответил: «Я не хочу принимать решение до тех пор, пока мы не решим, что убираем Дага из клуба. Давай сначала оценим Дага по заслугам». Так мы и поступили. Потом я сказал: «Хочу нанять тренером Фила Джексона». Двумя годами ранее я привел Фила в клуб ассистентом тренера. Джерри сказал: «Идет».

«Даг – очень эмоциональный парень, – отмечал позже Джексон. – Он живет сердцем, и с этой точки зрения был очень хорош для этого баскетбольного клуба. Он хорошо умел режиссировать игроками, заставлять их играть интенсивно, с эмоциями. Потом они достигли того уровня, когда было необходимо научиться сдержанности и контролю». Эту задача и будет возложена на Джексона.

Под управлением Коллинза команда прибавляла с каждым годом. Несмотря на продолжительные конфликты внутри клуба, он не ожидал такого решения руководства. «Мы пригласили Дага в офис, – рассказывал Краузе, – и мне кажется, что Даг думал, что мы собираемся предложить ему продление контракта. Он пришел вместе с агентом. Я сказал: «Даг, мы собираемся отпустить тебя из клуба». Выражение его лица говорило одно: он был в шоке. Мы поговорили с ним, и я позвонил Филу, который уехал рыбачить в

Монтану. Я сказал ему: «Я только что уволил Дага». Он был поражен: «Что?!» Я ответил: «Даг ушел, и я хочу, чтобы ты стал главным тренером. Приезжай сюда первым же рейсом. Как можно скорее. Мне надо с тобой поговорить».

Коллинз отреагировал на свое увольнение подготовленным заявлением: «Когда меня нанимали три года назад, я с готовностью согласился принять вызов и повести «Буллз» к тому, чтобы эта команда стала командой, которую сполна заслуживает этот город. Я горжусь тем, что каждый год она делала очередной шаг на пути к чемпионскому титулу NBA и всегда играла с гордостью и искренней преданностью делу. Мне не хватит слов, чтобы описать ту пустоту, что я ощущаю теперь в связи с тем, что больше не буду частью этой великолепной команды и чикагского «Стэдиума».

Увольнение Коллинза не вызвало жалоб со стороны Джордана. Сонни Ваккаро вспоминал: «Ни разу не было такого, чтобы Майкл позвонил мне или сказал в личном разговоре что-то вроде: «М-да, а Дага использовали…» Для него это было обычным делом».

«Всем нравился Даг, – говорил Джон Пакссон. – Проблема была в том, что мы только-только вышли в финал Конференции, где вынудили «Детройт» играть с нами шесть упорных матчей. Решалось наше будущее. Тренер, три года потративший на то, чтобы вывести нас на этот уровень, теперь уходил. Вот здесь надо отдать должное Джерри Райнсдорфу и Джерри Краузе. Они искренне верили, что Даг будет полезен команде до определенного момента, но чтобы мы могли выйти на следующий уровень, нами должен был руководить тренер другого типа».

«Думаю, что его многому научил этот горький опыт, – говорил о Коллинзе Джонни Бах в 2012 г. – Даг хорошо справился с этой ситуацией. Вы увидите его влияние, если вспомните третий сезон Майкла в лиге, он был молодым, пылким тренером, работавшим с большой страстью и умевшим подмечать многие вещи. Он всегда полемизировал с арбитрами и обладал внушительной вербальной силой в том смысле, что умел описывать то, что видит. Но для успешной работы нужна благоприятная обстановка. В баскетболе нужно уметь удовлетворять многих людей и при этом выигрывать игры. Думаю, что Даг во многом повлиял на становление и рост Майкла. Эти двое были пылкими людьми, горевшими, как два факела: Майкл пылал своей игрой и неудержимой свирепостью, Даг зажигал людей своей страстью и словами. Он умел внушать какие-то вещи в очень страстном стиле».

Позже Коллинз признался друзьям, что подозревал Джексона

в подрыве его позиции в клубе, хотя никогда не высказывал ничего подобного публично. «Вот как Фил пришел на эту должность, – отмечал Лэйси Бэнкс. – Он стал тем кинжалом, который Краузе вонзил в спину Дагу Коллинзу».

«В блокноте Дага было много комбинаций, – вспоминал Джексон в интервью 1994 г. – Мы использовали 40 или 50 комбинаций. Они давали нам массу вариантов. У нас было пять-шесть разных атакующих построений. У многих команд такое есть. Но это не то, что сделало меня баскетбольным тренером, это было далеко и от философии Текса. Мы верили в организованную систему Текса». Позже Краузе объяснял, что не знал о том, что его новый ставленник будет применять треугольное нападение Текса Уинтера. Но он был в курсе, что Уинтер и Джексон сблизились, тренируя «Буллз» в Летней лиге, в точности как он и рассчитывал.

«Я привел Фила в кабинет, и мы с ним обсуждали философию, – говорил Краузе. – Первое, что он сказал, было: «Я всегда был парнем, больше ориентированным на защиту, и как игрок у Рэда Хольцмана, и потом как тренер. Поэтому вы меня хотите видеть тренером?» Я ответил: «Да». Он подытожил: «Нападение я собираюсь отдать на откуп Тексу, и я буду применять три угла».

Глава 23
Автосвадьба

На протяжении большей части сезона NBA 1988/1989 г. Джордану удавалось держать в секрете от СМИ историю с рождением сына – до тех пор, пока журналист *Sports Illustrated* Джек Маккаллум не получил приглашение в дом Майкла на семейный ужин. Там Маккаллум увидел Хуаниту Ваной с пухленьким, здоровым мальчиком на руках. В тот вечер «Буллз» проводила домашнюю игру, и Маккаллум вспоминал, что к нему подошел пресс-атташе клуба Тим Халлам, который и сообщил, что Джордан не хочет, чтобы кто-либо из прессы писал о его ребенке. Эта просьба поставила Маккаллума в затруднительное положение. Он был вхож в узкий круг близких Джордана, но он был журналистом. Он не хотел сообщать об этих новостях как о какой-то громкой сенсации. Вместо этого Маккаллум вскользь упомянул об этом факте в конце статьи, которую писал всю ту неделю.

> Многие читатели обратили на это внимание, как и Джордан, которого это очень разозлило.

Очевидно, что раскрытие такого факта не шло на пользу безупречному имиджу Джордана. Но тем самым молодая звезда баскетбола показывала, что он вполне себе человек и чем дальше, тем сложнее ему будет утаивать это от публики.

Как только рассеялся дым плей-офф 1989 г., Джордан вновь погрузился в летний гольф и сомнительные авантюры, одновременно пытаясь разобраться с главными проблемами своей жизни. В конце августа на благотворительном мероприятии он познакомился с Ричардом Эскинасом, совладельцем, президентом и генеральным менеджером «Сан-Диего Спортс Арена». Вместе они начнут делать крупные ставки на гольф и на этой почве выстроят взаимоотношения, которые помогут Джордану утолять его растущий голод азарта, а позже выльются в громкий скандал. Тогда же, впрочем, это был еще один горшок, тихонько закипавший на медленном огне печи огромного мира его дел и начинаний.

Вскоре после знакомства с Эскинасом в Сан-Диего Джордан и его свита махнули в Лас-Вегас, где Сонни Ваккаро познакомил его с игорным магнатом Стивом Винном. Брат Сонни работал на Винна, который показал Джордану и Хуаните свое гостеприимство, устроив им теплый прием по приезде. Находясь в

городе, пара отправилась в часовню A Little White Wedding Chapel, знаменитую своими скоротечными свадьбами знаменитостей и супружеским туннелем, в котором можно совершить церемонию не выходя из автомобиля.

Это была долгая помолвка, начавшаяся в тот день, когда Джордан впервые сделал Хуаните предложение в канун Нового, 1986-го, года в ресторане Nick's Fishmarket. «Он просто хотел поскорее покончить с этим делом, – вспоминал Сонни Ваккаро. – В часовне никого не было».

Ну, на самом деле были, кроме Джордана и Хуаниты на церемонии присутствовали сам Ваккаро и его супруга Пэм. И Фред Уитфилд. Больше никого.

«Решение остепениться и жениться на Хуаните было взвешенным и принятым вовремя, – сказал позже Джордан. – Это было сродни открытию какой-то новой, незнакомой прежде ситуации. Но я был готов познать суть брака. Каждый день чему-то учишься. Чтобы прожить с другим человеком остаток своей жизни, нужно постоянно работать над отношениями. В браке обязательно будут как хорошие времена, так и плохие. И как пара, как единое целое, как семья, вы должны уметь преодолевать их вместе».

Ему потребовалось время, чтобы отставить в сторону беспокойства и страхи своих родителей. Он по-прежнему во многом полагался на их советы и поддержку. Он не хотел разочаровывать их, но его первому ребенку был уже почти год от роду, и жизнь вынудила его взять ситуацию в свои руки. В семье по-прежнему не было спокойствия в связи с его поступком. Ваккаро рассказывал: «Его родители вообще не хотели, чтобы он женился, начнем с этого. Когда они поженились, всплыли другие проблемы. Им не нравилась его жена, это во-первых. Но она отличный человек. Она помогла ему преуспеть. Думаю, что, если бы рядом с ним был не такой хороший человек или если бы она не была такой стабильной, такой образованной, какой была, он женился бы уже раза три. У него были бы проблемы с женщинами, я не говорю, что их не было. Их было бы еще больше. Хуаните следует отдать должное за то, что она сделала его жизнь максимально стабильной, настолько, насколько это вообще возможно с учетом всех тех требований, что предъявляла к нему жизнь».

Ваной была «просто первоклассной леди», отмечал Ваккаро, не из тех женщин, которые стремились «все замкнуть на себе». Она была терпеливой, умела давать ему то, в чем он нуждался, а их способность поддерживать диалог и понимать друг друга, казалось, была ключом к постижению Джорданом самого себя и

происходящего в его жизни, добавлял Ваккаро, отмечая, что знаменитостям вроде Джордана редко удается повстречать на своем пути таких приземленных женщин, как Ваной. Его брак можно смело ставить на одну из первых позиций в списке факторов, сделавших его колоссальное состояние. Пока отношения его родителей рушились у него на глазах, Джордан обретал новую стабильность, в которую мог обратиться за поддержкой и пониманием. Хуанита сделала его дом убежищем, стала его семьей и чувствовала его эмоции.

Уединение в личной жизни долгое время оставалось одной из самых ценных вещей для Джордана. Лэйси Бэнкс говорил о том периоде жизни Майкла: «У него и Хуаниты был дом в Хайленд Парке, на Лэйк Кук-роуд. Это был большой дом, не особняк, ничего такого. Особняк они построят позже, на 25 тыс. квадратных футов. Но Майкл был не из тех, кто любил устраивать светские вечера или тусовки у себя дома. Если он ходил на массовые собрания, то обычно в другие места, например на поле для гольфа или в какой-нибудь клуб. Но Майкл не был из тех парней, кто регулярно закатывал вечеринки».

Одно событие, для которого пара обязательно выделяла свободное время в своем календаре каждый год, случалось в Хеллоуин, когда Джордан организовывал раздачу сладостей для многих и многих детей с округи. Он оговаривал, что это мероприятие должно быть исключительно детским, чтобы он мог раздавать конфеты детям в отсутствие их родителей, без необходимости смотреть в алчущие глаза взрослых, жаждавших узнать какие-то факты его личной жизни. Этим делом он начал заниматься в самые первые свои сезоны в NBA, а позже, когда построил свой особняк в северном пригороде Чикаго, оно обрело новые масштабы.

«По мере того как он стал осознавать свое величие, а само это величие начало расти, он стал чаще задумываться о том, что ему нужно делать для того, чтобы поддерживать свой статус, – объяснял Лэйси Бэнкс. – А кроме того, он стал понимать, что обладает силой и возможностями для того, чтобы контролировать «трафик» в своей жизни. Если он не хотел, чтобы ты находился рядом, – а рядом с ним хотели находиться все, потому что все хотели «быть как Майк», быть как он, быть с ним – ты и не мог бы быть рядом. Майкл во многих отношениях был очень скрытным человеком. Как хороший картежник. И я могу понять его. Он не мог открываться всем подряд».

В конце сентября Джордан пригласил Эскинаса в свой дом на курортном острове Хилтон-Хед-Айленд (один из нескольких объектов недвижимости, принадлежавших Джордану), чтобы

провести вместе уик-энд за игрой в гольф, карты и азартные игры. Этот уик-энд он специально зарезервировал для того, чтобы как следует повеселиться перед тем, как отправиться в тренировочный лагерь команде и начать подготовку к длинному сезону NBA. «Если светило солнце, мы играли в гольф, – вспоминал Эскинас. – Если было темно, мы играли в карты».

В помещениях они предпочитали играть в тонк – карточную игру, которая «выглядела, как пришедшая с плантаций», говорил Эскинас. Другими игроками были три Фреда и Адольф Шивер, и один из Фредов сцепился с Шивером, так что даже Джордану пришлось вмешаться, чтобы разнять их. Момент для членов окружения Джордана не самый приятный.

В последнюю лунку в заключительный день уик-энда Эскинас попал лишь с четвертой попытки и проиграл пари Джордану. Он поспешно выписал чек на 6500 долларов, чтобы рассчитаться с Майклом. «E-Man, я не люблю выигрывать вот так», – сказал ему Джордан. Однако чек принял, и их маленькое, но напряженное соперничество поднялось на еще одну ступеньку.

Игра престолов

Будучи подростком, Фил Джексон, по слухам, много времени проводил за настольными играми в компании своей матери, которую часто описывали как женщину смелую и энергичную. Она и сама играла в баскетбол, но этот факт оказался и близко не таким значимым как то, что она регулярно вступала в интеллектуальные баталии с самым младшим из своих сыновей, с которым они жили в Уиллистоне, Северная Дакота, в доме, лишенном почти всех удобств современной цивилизации – даже телевизора не было.

Молодой Фил жил в собственном мире, в чертогах своего разума – читал книги, играл в игры и насмешливо обозревал окружающий мир, – теперь кажется, что это было абсолютно естественным развитием для человека, который будет так часто применять игры разума в своей профессиональной жизни. Когда он взял на себя обязанности тренера «Буллз», ему определенно предстояло побороть многие трудности, вставшие на его пути. Два первых места в этом списке занимали два главных задиры всей организации – Джерри Краузе и Майкл Джордан, хотя работавшие с Джексоном люди не раз и его самого описывали как задиру и хулигана. Подобные фигуры – обычное явление в мире соревновательной борьбы и соперничества, но сближение этих троих мужчин в разворачивавшейся битве за власть привело к

масштабному конфликту, закрученной интриге и в конечном счете успеху «Чикаго Буллз».

Что делало их игру на троих интереснее всего, так это то, что каждый из них орудовал кардинально различавшимися формами власти. Краузе обладал силой интеллекта, у него были напористость, видение и скаутский опыт, благодаря которому он заслужил доверие Джерри Райнсдорфа. За спиной Краузе стояла мощь «организации», как он любил называть клуб.

У Джордана была своя сила, составляющие которой задокументированы на этих страницах: ум, непрезвойденные таланты атлета, энергичная напористость и соревновательный дух, трудовая этика, харизма и высокое положение в иерархии игры. Все это вместе позволяло Джордану зарабатывать очень много денег для себя – а также для Джерри Райнсдорфа, его партнеров, всей NBA и ее игроков.

Позже Джексон разовьет и собственные внушительные силы, но в те первые месяцы на новой должности он мог опираться на собственный опыт, умение понимать нужды игроков (ведь он сам некогда был профессиональным игроком), совершенно отличную от других точку зрения, интеллект, а также хитрость, соревновательный дух и выдающееся умение подмечать как всю картину в целом, так и мельчайшие ее детали. Немаловажную роль играл и тот факт, что он был всем обязан Краузе, возведшему его «на престол». Никто другой не проявлял ни малейшего интереса к Джексону, за исключением «Нью-Йорк Никс» – команды, которая обратила на него внимание, оценив работу Джексона ассистентом в «Буллз».

Сэм Смит однажды удачно сострил, сказав, что одной из характерных черт Краузе, бросающейся в глаза почти сразу, было то, что он слишком много времени тратил на разглагольствования о своих успехах и достижениях. Генеральный менеджер упивался своей ролью скаута, находившего молодых и талантливых людей и помогавшего им продвигаться по карьерной лестнице. К примеру, он часто говорил о своей одаренной молодой ассистентке Карен Стек и ее брате Джиме, которого он тоже нанял на работу, а позже продвигал на более высокие должности. Ему нравилось находить нераскрытые таланты и наблюдать за тем, как они расцветают. Однако тот факт, что он возвел Джексона на трон, давал ему ощущение собственного превосходства, что, в свою очередь, порождало у него чувство вседозволенности: он считал, что имеет право вести себя жестко и бесцеремонно с людьми, которых привел в клуб.

«В характере Джерри есть очень грубая сторона, –

признавался Джим Стек. – Джерри – очень упрямый парень и очень гордый тоже».

Работая ассистентом, Джексон воочию наблюдал начальственные манеры Краузе в его отношениях с Дагом Коллинзом, а посему хотел избегать ненужных конфронтаций с ним. Когда в 1970-е Краузе еще был молодым скаутом и директором «Буллз», с ним крайне сурово обращался тренер команды Дик Мотта – порой он даже высмеивал Краузе, – еще один энергичный тип, никогда не игравший в баскетбол ни в колледже, ни даже в старшей школе. У Мотты была склонность мотивировать своих игроков, подвергая их унижениям, но на них он тратил не весь запал своего презрения, оставляя кое-что и на долю Краузе, как вспоминал бывший генменеджер «Буллз» Пэт Уильямс.

«Краузе и Мотта – одержимые люди, но в совершенно разных смыслах, – отмечал Боб Логан, в 1970-е освещавший жизнь «Буллз» на страницах *Trib*. – Они друг друга не переваривали, а потому было интересно смотреть, как они атакуют друг друга».

Мотта начал побеждать с «Чикаго», и вскоре ему предложила работу другая команда. Краузе отчаянно хотел, чтобы Мотта покинул «Буллз», но популярный среди болельщиков тренер остался и продолжил мучить Краузе, пока не добился ухода пухлого молодого скаута из организации. Возможно, это частично объясняет стремление Краузе уволить Дага Коллинза в 1989-м, сразу после того, как команда вышла в финал Конференции. Это была последняя возможность для Краузе избавиться от тренера, с которым он не ладил. В другой год, если бы Коллинз привел «Буллз» к чемпионскому титулу лиги, Краузе уже не смог бы убрать его из команды. Достигнув позиции на вершине властной иерархии, генеральный менеджер не собирался дожидаться момента, пока его погубит еще молодой и неоперившийся тренер. Джексон это увидел и стремился прилагать максимум усилий для того, чтобы Краузе оставался доволен.

Краузе, со своей стороны, сделал Джексона своим новым молодым королем, готовым и жаждущим учиться протеже. Очевидно, что мотивировали Краузе не только инстинкт самосохранения и нелюбовь к Коллинзу. Генеральный менеджер по-прежнему питал глубокое уважение к Тексу Уинтеру и его системе игры в нападении. Точно так же он был давно и тесно связан узами с Джексоном. В его видении двое мужчин могли сотворить нечто особенное, работая вместе.

В первые месяцы своей работы главным тренером особым источником силы Джексона стала его тихая, спокойная уверенность в себе. Ее ощущали все вокруг, главным образом

Джордан. «Если ты собираешься тренировать такого игрока, как Майкл Джордан, то лучше тебе иметь стальные нервы, – сказал однажды Тим Халлам. – И у Фила они были».

«Фил Джексон и его подход… пожалуй, он лучше всех спелся с Майклом, – объяснял Джонни Бах. – Они оба достигли такого этапа своей жизни, когда уже отлично знали, кем являются». У Коллинза было много сильных сторон, но его страхи и неуверенность проявлялись нелучшим образом. Он хотел, чтобы игроки любили его до определенной степени, особенно это касалось Джордана, что было попросту невозможно. Джексона это мало интересовало. «Самое важное это то, что Джексон никогда не искал их любви, – говорил Бах о Джексоне, вспоминая прошлое. – Многие тренеры хотят быть любимы игроками, им просто необходимо чувствовать любовь своих подопечных, и вследствие этого они терпят неудачи. Профессиональные спортсмены не будут тебя любить. Они не дадут тебе ту любовь, которую ты ищешь».

У Джексона был свой взгляд на игру, тихий, но веселый. Он обожал откинуться в кресле и наблюдать, как игроки преодолевают сложные моменты в баскетболе. Будучи ассистентом, он был своего рода загадочной фигурой на скамейке «Буллз». Когда стал главным тренером, эта загадочность лишь приняла новые масштабы – и именно в ней будет таиться ключ к его глубокому пониманию своей команды. Из всех сотрудников «Буллз» больше всех он общался с Тексом Уинтером. Старый тренер был впечатлен детальностью и проницательностью скаутских отчетов, которые подготавливал Джексон. Позже, когда они вместе тренировали команду Летней лиги, Уинтер поразился крепкой памяти Джексона, который мог вспомнить события даже давнишних матчей. Уинтер решил, что у Джексона идеальная память.

Одним из первых заданий Джексона в качестве главного тренера было установление порядка в составе – он определил иерархию в команде. Бах вспоминал: «Фил объяснял команде иерархию. Сколько тренеров так делает? Он показывал это наглядно, когда беседовал с игроками. Фил говорил: «Вот что такое иерархия». Он поднимал руку вверх и добавлял: «Вот здесь Майкл, он вон там, наверху, высоко-высоко». Потом он спускался по воображаемой лестнице вниз и, указывая на какого-нибудь из парней, говорил: «А ты вот здесь, вот насколько ниже».

Звучит просто. Каждый в команде знал, что Джордан – ведущий игрок, но большинство тренеров пытаются поддерживать иллюзию того, что «в команде все равны», тогда как в действительности все не так. Джексон с самого начала отказался

этим заниматься, что заставило практически всех игроков поблагодарить его за честность и прямоту, особенно того, кто имел для команды первостепенное значение.

«Майклу нравились тренерские методы Фила, очень, – отмечал Бах. – И они кардинально отличались от методов других тренеров». Общественности понадобится много лет, чтобы понять, как сильно все изменилось.

> Эксцентричность Джексона вызывала у игроков некоторую тревогу.

Его уникальный тренерский стиль отчасти сформировался благодаря глубокому погружению в психологические аспекты игры. Его родители были проповедниками-фундаменталистами, а свое детство он провел рядом с индейской резервацией. В молодом возрасте он полюбил все, связанное с коренными американцами настолько, что обшаривал местные библиотеки в поисках любой литературы, посвященной индейской культуре. В колледже на него произвела неизгладимое впечатление книга Уильяма Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (The Varieties of Religious Experience). Став игроком «Нью-Йорк Никс», он трансформировался в хиппи, всюду рассекавшего на велосипеде и покуривавшего дурь. Эти взгляды наложились на философию коренных американцев и увлечение дзен-буддизмом, и в результате Джексон довольно быстро открыл способ взглянуть на себя и свою команду со стороны. Он искал возможность научить каждого из своих игроков умению смотреть на вещи с его точки зрения. Он производил впечатление человека, знающего, о чем говорит. И, разумеется, в немалой степени ему помогали и баскетбольные достижения: он был чемпионом с «Никс» в качестве игрока, а потом собрал чемпионскую команду в CBA.

«Люди забывают, что он работал в CBA, а опыт работы в CBA стоит 30 лет тренерства, потому что там тебе приходилось самостоятельно управлять машинами, – объяснял Бах. – Там ты работал и как тренер, и как психолог, так как в твоем распоряжении были по большей части неудачники и психопаты, не сумевшие сделать карьеру в NBA, потому что они неуважительно относились к игре, тренерам, командам. И вот он взял эти отбросы и составил из них команду, выигравшую чемпионат».

«Было видно, что у Фила есть склонность оценивать свои команды, но не бесстрастно, – добавлял Бах. – Он просто не давал подсказок о своем эмоциональном состоянии. Он многое видел, но не спешил с ответами, подо всем этим скрывалась спокойная уверенность в себе. Он играл под началом нескольких классных

тренеров, таких как Билл Фитч и Рэд Хольцман».

Фитч тренировал Джексона в Университете Северной Дакоты, а Хольцман был его наставником в «Никс». «Мы говорим о двух очень непохожих мужчинах, – говорил Бах. – Один, Фитч, – эмоциональный, жесткий и прямолинейный. Второй, Хольцман, был тихим, но свое дело знал. Я играл против него в бытность игроком. Ловкий и коварный игрок задней линии, таким он был. Он играл у Нэта Хольмана в его мобильном нападении, активно передающем быстрый пас. Рэд был одним из любимейших игроков Нэта Хольмана. Думаю, что Фил с его необычной биографией многое почерпнул от них обоих. Он приехал из Северной Дакоты. Его отец и мать были «палаточными проповедниками». Сам он служил в корпусе подготовки офицеров запаса».

Поначалу Джексон не выпячивал свою эксцентричность. Ему потребовалось какое-то время, чтобы добиться от своих игроков понимания и принятия его медитаций, осознанности и других уникальных практик. Со временем Джордан почерпнет много позитивного от дзен-подхода Джексона и сессий погружения в осознанность, которые Фил будет устраивать для команды, какими бы странными и необычными они ни казались, однако в первые годы он зачастую держал дистанцию и вел себя шутливо.

«Майкл всегда делал какие-нибудь емкие или порой непочтительные заявления, когда Фил пытался применять все эти нововведения, – вспоминал Бах. – Ничего неуважительного он не говорил. Фил отлично умеет поддерживать такие отношения. Мне даже нравилась непочтительность Майкла. Она не вредила нам, не была мерзкой. Юмор Майкла добавлял маленькую искорку в отношения между тренером и игроком. Они становились волнующими. Мы все спрашивали друг у друга: «Что сказал Майкл?»

Некоторые чудаковатые практики Джексона будут применяться им лишь много позже, когда он уже будет тренировать «Лос-Анджелес Лейкерс». Главной среди них был барабан. Он, наверное, стал первым, кто стал делать что-то подобное на любом уровне баскетбола: в дни матчей Джексон отбивал ритм в том-том. Он объяснял, что у этого ритуала коренных американцев была вполне обыденная цель, и он хотел, чтобы его игроки это понимали. Барабан был его способом собрать всех вместе, заставить сердца игроков биться в одном ритме в преддверии грядущей схватки.

«Я полагаю, что барабан в индейских традициях используется для сбора людей, – объяснял Дерек Фишер, позже игравший у Джексона в «Лос-Анджелесе». – Они били в барабан, чтобы люди

собирались вместе. На обед ли, на собрание, да для чего угодно. Он делает такое в дни игр, когда настает время идти смотреть нам фильм. Это отличает его. Но это часть его натуры, его жизненного опыта. Он предпочитает делиться им со своими командами».

Джексон вызвал мистический дух белого буйвола (символ редкого, тайного знания) по традициям американских индейцев и завел привычку окуривать раздевалку «Чикаго» дымом горящего шалфея. «Это делается для того, чтобы отогнать злых духов, – говорил Фишер о сжигании шалфея. – Думаю, что все или почти все знали, что ему нравится заниматься разными подобными штуками. И он даже косвенно затронул эту тему в первом разговоре с нами, рассказав, что́ любит делать».

Когда он впервые принес том-том и начал отбивать ритм, одновременно напевая какие-то индейские мотивы, многие игроки едва сдерживали хохот. Ничего подобного от других тренеров они прежде не видели. Пожалуй, эта ситуация показывала главным образом то, насколько уверенным в себе и убедительным он был, раз умел добиваться принятия подобных практик от игроков своих команд. Бах был прав: Джексон не искал их любви, он хотел лишь принятия ими своего неординарного подхода к команде как к своего рода странному культу.

Когда Джексон начинал свою карьеру в «Чикаго», он не стучал в барабан так часто и настойчиво, как потом, уже в «Лос-Анджелесе». Однако его подход подкреплял его желание поделиться своим выдающимся интуитивным чутьем игры со своими игроками. Из этой интуиции, разделенной со всеми, Джексон будет развивать глубокую и крепкую любовь к своей команде. Среди сотрудников «Буллз» были такие, кому он не нравился, но даже они впоследствии говорили о вполне очевидной любви Джексона к своей команде и восхищались им за это.

Сначала Джексон должен был найти способ как-то защитить команду от того мощного разрушительного потенциала в сотни мегаватт, который скрывался в главной звезде «Буллз» и его образе жизни. В 1989 г. Джордану было 26, и он уже купался в славе и богатстве. В процессе скоростного роста и развития американской поп-культуры он почти мгновенно стал ее иконой. Эти обстоятельства грозили засосать всю команду.

Во-первых, проблемой был растущий эгоизм Джордана, наличие которого звезда позже признает лично. «Я думал о себе в первую очередь и о команде во вторую, – признавал он. – Я всегда хотел, чтобы моя команда была успешной, но при этом хотел быть

главной причиной этого успеха».

«Когда я возглавил «Буллз», то изрядно нервничал, – вспоминал Джексон, – но это была не та нервозность, от которой теряешь сон. Я хотел не ударить в грязь лицом. Меня беспокоил аспект взаимоотношений с Майклом. Я беспокоился о том, удастся ли мне направить его в том же направлении, в каком двигался я сам».

Джордан тоже давно уже осознавал важность в профессиональном баскетболе отношений между тренером команды и главной ее звездой. Если тренер не мог заслужить уважения звезды или утрачивал его, тогда он быстро терял контроль над всей командой. Все было завязано на этих отношениях тренер – игрок.

«Ты знал, что Майкл собирается дать тебе каждый вечер как игрок, – говорил Джексон. – Он хочет дать тебе свои 30 очков в игре, а вместе с ними и шанс на победу. Трудность заключалась в том, чтобы заставить других парней чувствовать себя частью этого, дать им ощущение, что у них тоже есть роль, и важная роль. Это была его команда, его стиль игры».

Второй проблемой был статус Джордана. Как говорил Лэйси Бэнкс, Майкл был молодым принцем, гипнотизирующим людей, притягивающим и завораживающим их. «Он был таким героем для баскетбольных болельщиков в Соединенных Штатах, превратился в такой объект поклонения и обожания, что жизнь рядом с ним стала попросту невозможной», – отмечал Джексон.

С первых своих дней в роли ассистента тренера он изучал Джордана, и не только на площадке. На самом деле тренер всегда играл в своем воображении с дзен-фантазией о встрече с молодым Буддой – каково это? Теперь он знал. «В отелях я жил на одном этаже с ним, – вспоминал Джексон в 1995-м. – Майкл благодаря своему статусу всегда получал номер люкс, у тренеров тоже были люксы, потому что нам нужно было пространство для командных собраний и встреч с ассистентами. Майклу постоянно был нужен кто-то рядом, кто жил бы с ним в одном номере. В коридоре я то и дело слышал какое-то бормотание, там всегда крутилось шесть-восемь сотрудников гостиницы – уборщицы, басбои, – приходивших с цветами, ждавших его автографа. Это было невероятно, ему все время кто-то докучал». Чтобы спасти Джордана от этой ситуации и лучше выстроить идентичность команды, Джексон решил деконструировать некоторую часть того мира, что создалась вокруг звезды. Тренер знал, что это потребует от него решения деликатных вопросов взаимоотношений Майкла с членами семьи и друзьями.

Джим Стек сдружился со всеми главными фигурами

ближнего круга Джордана, начиная от его отца и Адольфа Шивера и заканчивая Джорджем Колером и тремя Фредами. «Они просто обожали Майкла, – говорил Стек, – и Майкл о них заботился. Адольф постоянно был рядом. Адольф был очень дружелюбным парнем, он всегда был поблизости, но никогда не вел себя назойливо, никоим образом. Он просто наслаждался таким образом жизни и тем, что предлагал ему Майкл. Он был настоящим доверенным лицом Майкла в обществе и за пределами площадки. Я не знаю, как они там договаривались друг с другом в плане оформления рабочих отношений, но полагаю, что Майкл оказывал ему какую-то поддержку все эти годы. Майклу нравилось постоянно видеть этих парней рядом с собой. Думаю, что их присутствие оказывало на него успокаивающий эффект и держало в узде за пределами площадки».

Шивер начал зарабатывать деньги самостоятельно, организовывая вечеринки для игроков NBA после ежегодных матчей Всех Звезд – этот бизнес неуклонно расширялся благодаря его связи с Джорданом. Ховард Уайт, Сонни Ваккаро, а позже и Фред Уитфилд были сотрудниками Nike. Колер, Гас Летт и несколько других людей выполняли обязанности охранников и другого обслуживающего персонала.

«Для прохода по аэропортам ему нужно было присутствие рядом людей из окружения, – признавал Джексон. – Он возил с собой людей на гостевые матчи. Его отец ездил с ним. Как и друзья. Он просто вел жизнь, которая временами изолировала его от партнеров. Превращение Джордана обратно в члена команды стало вызовом, нужно было осуществить его так, чтобы он не утратил своего особого статуса, потому что ему не хватало необходимого каждому уединения в личной жизни».

Даже при всем этом Джексон решил, что должны существовать какие-то ограничения для Майкла. «Так что я знал, – вспоминал он, – что нам придется сделать некоторые исключения из основных правил, которые у нас были: «Итак, твои отец, братья и друзья не могут ездить в командном автобусе. Давай оставим его только для членов команды. Да, они могут встречаться с тобой во время выездов, но не могут летать на самолете команды. Должна существовать командная этика, некая священная часть жизни команды, которая остается только нашей и имеет отношение к тому, что мы делаем как баскетбольный клуб».

Это стало еще одним пунктом в повестке дня, который со временем набьет оскомину в зубах пиар-ассистентов команды. Джексон бросался словом «священный» как истинный сын «палаточных проповедников», коим он и являлся. Одной из черт

Джексона было это лицемерие, которым, казалось, всегда обладали великие тренеры вроде Джона Вудена. Из-за этого другим тренерам и было так тяжело терпеть от них поражения.

Драка

Осложнения стали появляться и дальше, так как в круг приближенных Джордана стали входить фигуры из мира СМИ, в числе которых были комментаторы Куинн Бакнер и Ахмад Рашад. Бывший ресивер Рашад, сделавший карьеру в NFL, работал сразу на двух работодателей: NBC Sports, для которого вел репортажи с площадки, и непосредственно саму NBA, для развлекательного подразделения которой готовил программу *Inside the NBA*. Рашад был олицетворением перемен в масс-медиа. Он привнес на экран своеобразный шарм и утонченность человека, не обделенного чувством стиля, что свидетельствовало об отходе телекомпаний от древней традиции отдавать эфир на откуп грузным господам в одинаково скучных костюмах, с микрофонами и блокнотами в руках. СМИ менялись точно так же, как менялись Майкл Джордан и вся лига в целом.

Отношения Рашада с Джорданом стали настоящей золотой жилой для Рашада, как, впрочем, и для Джордана, который всегда искал медийных лиц, которым можно было бы доверять. «Для Ахмада это был полезный опыт, ведь он был парнем из мира футбола, – объяснял Мэтт Гукас, позже работавший с Рашадом на NBC. – Теперь же он внезапно оказался брошенным в спорт, в котором разбирался лишь на уровне рядового болельщика. Он действительно не знал баскетбол так, как знал футбол. Потом его попросили работать с боковой линии, выискивать разные интересные детали, рассказывать истории и т. д., а также развивать отношения с игроками. Это далеко не самая простая задача, вот только Ахмаду было легче с ней справиться, потому что он был очень представительным молодым человеком с хорошими манерами, и остается таковым и сегодня. Он со всеми ладил. С Майклом он тоже установил взаимоотношения. И вновь через каналы Nike. Раньше я ездил в различные промо-поездки от Nike, когда работал тренером, и Ахмад всегда крутился рядом, он так или иначе был как-то связан с мероприятиями, в роли гостя Майкла или другом качестве. И каждый раз, когда Майкл приезжал в Нью-Йорк, они вместе куда-нибудь выбирались. А когда Ахмад приезжал в Чикаго, Майкл выходил куда-нибудь с ним или приглашал к себе домой. У них были довольно близкие отношения. Но Ахмад не злоупотреблял этим. Он не нарушал их

личные договоренности».

Джордан стал известен подобными союзами. В свои первые сезоны в «Чикаго» он сдружился с Марком Вансилом, репортером *Sun-Times*, позже ставшим фрилансером и выпустившим несколько весьма элегантных и информативных иллюстрированных книг о Джордане в сотрудничестве с Майклом Уилбоном, уроженцем Чикаго, писавшем о спорте для *Washington Post*.

Пресс-атташе «Буллз» Тим Халлам достаточно долго варился в клубе, чтобы своими глазами увидеть происходившие перемены и заметить, что некоторая неприглядность всего этого по-прежнему имела место. Халламу нравилось называть узкий круг репортеров, окружавших Джордана каждый вечер после игры, нецензурными словами *pig fuck*. После каждого матча около двух десятков репортеров и членов съемочных групп телеканалов скучивались вокруг звезды, закидывали ее вопросами и подходили как можно ближе, чтобы не упустить ни единого слова. Халлам счел, что Джордан жаждал быть в центре внимания, но никогда не мог понять, зачем ему нужно было устраивать это *pig fuck* в потной раздевалке после каждой игры. Джордан завел привычку мыться в душе в приватной обстановке, а затем облачаться в безукоризненные, идеально скроенные роскошные костюмы, которых, казалось, у него бесконечно огромное количество. Он возвращался в раздевалку, выглядя так, словно только что сошел со страниц журнала *GQ*, а затем занимал свое место среди репортеров, толкавшихся вокруг. Свет «солнечных прожекторов» их камер прыгал ослепительным белым пятном по такой знакомой макушке Майкла цвета черного оникса, и этот танец прерывали лишь тончайшие ручейки пота, стекавшие по голове то тут, то там, пока он рассказывал об игре, в которой только что принял участие.

По мере того как толпа журналистов росла и увеличивалась в размерах с каждым сезоном, Халлам начал все чаще приходить к мысли, что гораздо проще было бы проводить пресс-конференцию по итогам матча в комнате для интервью, где звезда могла бы занять центральное место на специальном подиуме, однако Джордан хотел все так же встречать репортеров в странной, первобытной обстановке запотелой раздевалки. Зачем ему нужно было входить в этих прекрасных костюмах в эту толпу именно там, недоумевал Халлам. Но интимная обстановка и была самой сутью *pig fuck*. Джордан знал, что отстраненная, стерильная атмосфера комнат для пресс-конференций не подходит ему. Он хотел занять центральное место в этой толпе репортеров так же сильно, как они хотели сгрудиться вокруг него. Тем временем его партнеры по команде каждый вечер наблюдали за этим

столпотворением со смешанным чувством трепета и презрения. Временами им тоже доставалась порция внимания, но Джордан научился жить в окружении этой массы людей. Статьи и репортажи, попадавшие в прессу после этих интервью, излучали близость, которой они пропитывались в этой обстановке. СМИ называли его Майклом, словно каждый из репортеров хорошо знал его лично и написал статью после аудиенции в его кабинете. В результате миллионы людей по всему миру знали в первую очередь его имя. Майкл.

Болельщики вскоре стали очень дорожить этим отношением, словно у них тоже был особый доступ к нему, эксклюзивная возможность заглянуть в мир его чувств и мыслей. Да, Бэйб Рут и другие тоже властвовали над своими эпохами, но редко когда обычному спортсмену удавалось столь полным образом транслировать свой опыт болельщикам. С Джорданом все простиралось дальше обычного «родства» болельщика и кумира. Их взаимоотношения с ним бесспорно были очень личными. Его талант и достижения – его абсолютное превосходство над всеми – стали их талантом и достижениями. Они знали его. Могли предсказывать его успехи и с упоением обсуждать их после того, как они случались. Он был более надежен и заслуживал больше доверия, чем любая другая живая душа в их жизни. Самое важное – их взаимоотношения выходили за рамки расовых стереотипов.

Если бы только Доусон Джордан дожил до тех дней, чтобы увидеть это своими глазами…

«Он стал больше, чем просто баскетболистом, – отмечал Дэвид Олдридж, много лет работавший репортером на матчах NBA. – Ни один чернокожий атлет до него не имел такого статуса. Да ни один спортсмен вообще. Каким бы великим ни был Али, – а Али очевидно считали кем-то бóльшим, нежели просто боксером, – он занимал своего рода антикоммерческую позицию. Джордан – не перечеркивая достижений Али, скажу это – во всех смыслах был первым черным атлетом, который стал иконой поп-культуры».

Даже белые спортсмены прежних эпох, коммерчески успешные и раскрученные фигуры вроде Микки Мэнтла не имели возможности достичь такого статуса в культуре, какой имел Майкл. Олдридж резонно подмечал: «Никто до него не делал ничего подобного. Его важность в этом смысле даже недооценивается, как мне кажется. Понимаете, тот факт, что белые мужчины средних лет и консервативных взглядов нормально относились к тому, что их белые сыновья и дочери-

подростки развешивали постеры с Джорданом в своих комнатах, это ведь далеко не ерунда. Это совсем не малозначимый факт. Это громадное по важности явление».

* * *

Впоследствии Олдридж переберется на работу в ESPN и Turner Broadcasting, но по ходу сезона 1989/1990 г. он все еще работал на *Post* и в качестве репортера освещал жизнь «Вашингтон Буллетс», только начиная комфортно чувствовать себя в общении с Джорданом, – тогда звезда еще оставалась вполне доступной журналистам в раздевалке «Буллз», но это изменится через считаные месяцы. Той осенью он встретил приветливого и открытого к общению с прессой Джордана. Лишь много позже станет ясно, что Джордан вел двойную игру: он надеялся выведать информацию о своих соперниках со всей лиги. «В раздевалке на старом чикагском «Стэдиуме» его шкафчик был первым, который оказывался на твоем пути, он был с правой стороны, и Майкл обычно сидел там и говорил с прессой, – вспоминал Олдридж. – Тогда он был другим. Он дотошно расспрашивал тебя о команде, жизнь которой ты освещал. Что происходит с тем парнем, как дела у того, почему они делают то или иное? Казалось, что ему искренне интересно узнать побольше о разных командах лиги. Он был очень восприимчив в те времена и любил общаться с журналистами. Казалось, он получал удовольствие от такого обмена мнениями. Помню, как думал: «Черт возьми, для парня, который получает столько внимания к себе, как он, Майкл настолько близок к нормальности, насколько это вообще возможно».

«С ним можно было говорить, – объяснял Олдридж. – Можно было говорить со многими людьми, с которыми он был близок. Даже тогда он тесно общался с Фредом и Адольфом, со всеми этими ребятами. Я не считал их навязчивыми прихлебателями. Ховард Уайт занимал довольно высокое положение к Nike, а про Фреда Уитфилда я знал, что он очень умный парень, подкованный в финансовых вопросах. Я никогда не считал этих ребят кучкой подхалимов. Знаете, я всегда думал: «Этот парень делает для него такую-то работу, а тот – вот эту». Вот так все и было».

Из всех перемен, которые задумал осуществить Джексон, ограничение доступа представителей прессы к команде было, наверное, самой простой задачей. С появлением в лиге пяти новых команд Джексон хотел держать растущее количество

болельщиков и репортеров на расстоянии. Тренер считал, что они посягают на личное пространство команды, имевшее в его глазах первостепенную важность. Джексон решил обеспечить Джордану защиту в тот момент, когда его популярность вновь возросла, а одновременно с ней поднялся и статус всей лиги в целом.

«Я повесил занавес в нашем тренировочном зале, чтобы тренировки стали временем, которое команда проводит вместе в отсутствие посторонних, – объяснял тренер. – В зале работали только 12 человек и мы, тренеры, никаких репортеров и телекамер. Отныне работа не тренировках не была шоу для публики. Ее сутью стали коллективные усилия нас как людей… Майклу пришлось отказаться от некоторых своих привычек. Знаете, когда ты становишься настолько известным человеком, тебе приходится возводить вокруг себя убежище, в котором можно было бы спрятаться. Майклу пришлось стать одним из таких знаменитых ребят. Он должен был больше вовлекать в свою жизнь партнеров, и он сумел это сделать. Он сумел найти в себе силы на это и в то же время научился расслабляться, не обращать внимания на мнение других. За годы своей карьеры в баскетболе Майкл привык обозначать границы своей территории. На каждой арене у него была своя кабинка, где он мог уединиться, а иногда он находил это уединение в комнате тренера. На чикагском «Стэдиуме» таких комнат у него было две. Это место отводилось целиком ему одному, потому что каждый вечер его окружали 25 репортеров. Мы продолжали протоколировать все это, но также прилагали усилия к тому, чтобы расчистить ему пространство в пределах команды. Если бы мы этого не сделали, если бы не поступили правильно, весь остальной мир сбежался бы к нам и наводнил бы раздевалку. А потому мы сказали: «Давайте сделаем так, чтобы всем не приходилось страдать от его известности. Давайте выделим себе пространство и исключим присутствие толпы посторонних людей». Полагаю, что мне удалось создать безопасную зону, безопасное пространство для Майкла. Это я и пытался сделать».

Джексон совершил тончайший стратегический ход, выделив маленькую группку игроков и тренеров в отдельное образование под названием «команда», жившее особняком от остальной организации, в частности «менеджмента». Таким образом тренер очерчивал узкий круг, обозначая пределы, в которые не мог вторгаться Джерри Краузе. И хотя Джексон не делал никаких конкретных шагов для навязывания этого порядка, он тем не менее установил его вполне конкретным образом. Во-первых, стремление разделить Джордана и Краузе было вполне оправданным, поскольку генеральный менеджер в любой момент,

казалось, способен взорвать главную звезду команды тем или иным своим высказыванием. Во-вторых, Джексон видел, что Джордану нравится держать вокруг себя узкий круг приближенных людей, это его естественная потребность. Столь проницательные ходы сильно помогли Джексону в долгосрочной перспективе определить границы зоны комфорта в своих взаимоотношениях со звездой. В те первые годы своей работы тренер прилагал существенные усилия к тому, чтобы присмирить своего назойливого и агрессивного начальника, одновременно работая над тем, чтобы максимально оградить от его влияния Джордана. Дело было не столько в том, что Джордан нуждался в защите, сколько в том, что команда не нуждалась в хаосе, который сеял генменеджер.

«Фил четко разделил игроков и представителей менеджмента, – вспоминал Джим Стек. – Игроки существовали в рамках узкого круга, тогда как сотрудники менеджмента клуба находились вне его. Время шло, и случались ситуации, которые Джерри мог бы разрешить лучше, чем кто-либо еще, с которыми он мог бы справиться успешнее. Впрочем, Джерри и сам бы признался вам в этом». Стек был вхож в оба мира «Буллз», так как его нанимателем был Краузе, но при этом он выполнял скаутскую работу для тренерского штаба. Со временем совершать переходы между «мирами» становилось все сложнее, вспоминал он. Барьеры становились все более выраженными, как и назревавший конфликт, поскольку Краузе сопротивлялся установлению границ, которые пытался проложить Джексон. Но в первые свои годы в роли главного тренера команды Джексон был озабочен поиском баланса, который позволил бы всем ладить друг с другом и процветать.

Джексону помогали в этом деле Уинтер и Бах, а также новый ассистент Джим Климонс – вместе они формировали лучший тренерский штаб в баскетболе, с большим отрывом. Несмотря на свой огромный опыт, они в тот первый сезон дивились тому, как Джексону удалось взять команду под контроль и выстроить крепкие, открытые отношения с игроками, в особенности с Джорданом. Как Уинтер до него, Джексон, еще будучи ассистентом тренера, настороженно относился к Джордану. Но довольно скоро двум мужчинам полюбился формат обмена мнениями, которого они придерживались на встречах друг с другом. Джексон получил подтверждение своим догадкам о том, что Джордан – чрезвычайно смышленый молодой человек, способный обсуждать с ним какие-то вопросы и бросать ему вызовы в спорах во время бесед. Джексон жаждал включить своих игроков в рабочий процесс и, что самое главное, поставить их в

выигрышную позицию.

«Думаю, что Фил начал работать на основе очень здравой и прочной философии, – вспоминал Текс Уинтер несколько лет спустя. – Я о жизненной философии. Он понимает, что в жизни есть огромное количество вещей, куда более важных, нежели баскетбол. Он не воспринимает самого себя излишне серьезно. Временами мы все относимся к баскетболу довольно глубокомысленно. Но даже тогда он склонен расслабляться. Временами я поражаюсь тому, как он посреди игры может откинуться в кресле и просто созерцать происходящее. Ему нравится, когда люди умеют самостоятельно разрешать свои проблемы, а потому отдает бразды правления в руки своим игрокам. Однако когда он видит, что они вышли из-под контроля, он начинает понемногу их осаживать. Думаю, в этом кроется его сила – в том, как он работает с игроками, в его мотивации, в личных взаимоотношениях с ними. Это подтверждается тем, что игроки принимают его тренерские методы, принимают его критику, пусть порой он и бывает весьма суров с некоторыми из них. Они мирятся с этим, потому что уважают его за то, кто он есть, потому что он – Фил».

За несколько коротких месяцев климат в команде улучшился. Многие проблемы оставались неразрешенными, но мировоззрение команды поменялось. «То была волшебная комбинация из команды, нуждавшейся в правильных тренерах, и тренеров, нуждавшихся в правильных игроках, – сказал в 2012-м Бах. – И больше никто не стоял на пути. Не было места эгоизму, никто не стремился к тому, чтобы стяжать себе больше славы, чем было у остальных. Идеальная гармоничная ситуация. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что это были лучшие дни моей жизни».

Глава 24
Переход

На первых сборах тренировочного лагеря Фила Джексона в качестве главного тренера «Буллз» доминирующей темой была игра в защите. В прошлом, играя за «Никс», Джексон был игроком, неустанно трудившимся на всей площади паркета, от лицевой до лицевой, и от своих «Буллз» он хотел видеть такую же отдачу. «Смотрите на мяч», – говорил Рэд Хольцман своим нью-йоркским командам, объясняя им основы защитного прессинга. Джексон определенно хотел, чтобы его игроки умели видеть мяч и площадку, но в первую и главную очередь такая игра была вопросом физической подготовки. Чтобы играть в защите по принципам Джексона, игроки должны были уметь выходить на высокие скорости и выдерживать их подолгу.

«Когда Фил стал тренером, наш первый сбор в тренировочном лагере был таким тяжелым, каких у меня никогда не было прежде, – вспоминал Пакссон. – Мы были ориентированы на защиту. Все, что он делал, было заточено на защиту: начинаем с оборонительной фазы и прокладываем себе путь в атакующую. Фил, по сути, превратил нас в команду прессингующего типа. Он знал, что в плане защиты такая игра поможет нам побеждать».

«Мы будем играть в прессинг по всей площадке, – говорил Джексон. – Мы будем без остатка отдавать на это все силы».

Чтобы осуществить этот план, нужно было сделать акцент на активной конкуренции, и Джексон решил добиться этого за счет столкновения Джордана и Пиппена. В дебютный сезон Пиппена их уже сталкивали, но теперь это противостояние стало приоритетом для Джексона и плотно вошло в привычку тренера.

«Фил возглавил команду, – вспоминал Джонни Бах, – и, как мне кажется, сумел найти правильное сочетание для Майкла, Скотти и молодых игроков. В основе его лежало упорное соперничество: каждый день Майкл видел перед собой на площадке Скотти Пиппена. Много раз бывало такое, что Фил ставил Скотти в состав сильнейшей команды, а Майкла определял в одну команду с резервными игроками. Соперничество было огненным. Фил искал возможность по-тихому столкнуть их друг с другом, не открыто. Например, устраивал игры до десяти попаданий, проигравшие должны были сделать какую-нибудь глупость, вроде серии ускорений или чего-то в этом духе. Если игра была только одна и Майкл проигрывал, он мог сказать: «Эй, Фил, мы будем играть до десяти раз». И они

играли. Скорее всего, именно этого и хотел Фил, но он никогда этого не показывал, отвечая в духе: «Ну, посмотрим… Не знаю, есть ли у нас время… Ну ладно, если хочешь побросать, вперед».

В другом интервью, за 2004 г., Бах рассказывал о конкуренции внутри команды, и глаза его загорались, когда он вспоминал те времена: «Уровень конкуренции был высок. Скотти учился ремеслу по правую руку от короля. О Скотти я всегда говорил так: «Вот претендент на трон, Майкл же уже сидит на нем». Думаю, что Скотти был вынужден учиться игре таким образом. Приходи каждый день и каждый день играй на полную катушку. И ищи ту игру, которую он в итоге и обрел, работая по всей площадке, продвигая мяч вперед к кольцу и уничтожая все на своем пути в защите благодаря своим длинным рукам. У него была эта радостная улыбка на лице, как и у Майкла. Ему нравилось то, что происходило».

Усилия незамедлительно начали приносить свои плоды. Бах вспоминал: «Пиппен прибавил. Теперь ему приходилось играть против Майкла каждый день. От такого голова может разболеться. В те дни наши тренировки были очень интенсивными».

И не только для двух главных звезд команды. Защитник-первогодок из Айовы Би Джей Армстронг сталкивался на тренировках с ветераном команды Джоном Пакссоном. Это соперничество развило в двух игроках неприязнь друг к другу, которая подлила масла в огонь спортивного напряжения на тренировках.

«Одним из принципов Фила была конкуренция между игроками», – объяснял Бах.

Любое улучшение игры и результатов «Буллз» при Джексоне так или иначе зависело от прогресса взрослевших Пиппена и Гранта, двух молодых игроков, обладавших самым большим потенциалом для укрепления защиты команды. Когда сезон стартовал, начало складываться впечатление, что оба парня выросли в профессиональном смысле. «Он на пороге величия, – сказал Бах той осенью о Пиппене. – Он начинает делать такое, что может делать только Майкл».

«Это лишь вопрос упорной работы на тренировках, – говорил Пиппен. – Я работал над тем, чтобы улучшить свою игру в защите и точнее бросать после дриблинга. Я знаю, что гораздо лучше бросаю с места, но теперь стараюсь попадать после дриблинга, если доступ в трехсекундную зону заблокирован».

Помимо Армстронга Краузе привел в команду двух других новичков, заполучив всех троих в первом раунде драфта. Речь идет о центрфорварде Стэйси Кинге и форварде Джеффе

Сандерсе. В августе того года Краузе переподписал в команду защитника Крейга Ходжеса, пришедшего свободным агентом, и договорился с «Финиксом» об обмене в «Чикаго» форварда Эда Нили из старых «резервов» клуба (он уже играл за «Буллз»), который быстро стал любимчиком и Джексона, и Джордана за счет своей впечатляющей мышечной массы и готовности пускать ее в ход.

Команда становилась все более уверенной в себе с каждым матчем предсезонки, которую она прошла без единого поражения в восьми матчах. И все же любой наблюдатель знал, что «Буллз» еще только предстоит освоиться с диковинной и новой для нее системой нападения Уинтера. Вдобавок неразрешенным оставался «вопрос Картрайта», оказавшегося в команде в каком-то смысле изгоем-одиночкой. Джордан все так же открыто возмущался присутствием габаритного центрового в команде, имевшего проблемы с приемом мяча в окружении большого количества защитников. Треугольное нападение предполагало, что он будет получать мяч чаще, чем когда-либо прежде.

Время читать

В матче – открытии сезона Джордан набрал 54 очка на чикагском «Стэдиуме», выиграв дуэль с Роном Харпером из «Кливленда», завершившим игру с 36 очками в активе. «Буллз» взяла верх в овертайме, но следующим вечером проиграла «Бостону». Три ночи спустя она на родном «Стэдиуме» одолела «Пистонс» с преимуществом в три очка, а Джордан набрал 40. Было очевидно, что «Буллз» иначе выстраивает свою игру в нападении, но те ее первые усилия было трудно классифицировать как игру «в треугольник».

После поездки по западному побережью они подошли к началу декабря с показателями 8–6, и с каждой игрой становилось все очевиднее, что решение Джексона внедрить излюбленную систему Уинтера было крайне рискованным. Уинтер потратил долгие годы на развитие своего треугольного нападения – старой университетской системы, задействовавшей в передвижении мяча всех пятерых игроков команды. Он с успехом применял ее в каждом колледже, в котором тренировал, если у него было достаточно времени для того, чтобы научить игроков ее принципам на тренировках. Но единственный раз, когда в 1970-е Уинтер работал главным тренером клуба NBA – это был «Хьюстон Рокетс», – он потерпел неудачу и был уволен после того, как звезда команды Элвин Хейз отказался постигать

премудрости его системы. К 1990-м гг. «треугольник» стал абсолютно незнакомой и чуждой большинству профессиональных игроков системой игры. Из-за плотного графика матчей у профессиональных команд попросту не было необходимых временных ресурсов, чтобы отработать системное взаимодействие на тренировках. Но Джексон был твердо намерен выстроить такое нападение, которое предполагало бы постоянное перемещение мяча, и менеджмент клуба определенно поддерживал его стремления. Уинтер, однако, лучше кого бы то ни было понимал, что переход на «треугольник» потребует от команды ни много ни мало настоящей революции в подходе к игре.

Годами команды в профессиональном баскетболе работали над «изоляциями» и оттачивали игру один в один, тогда как при треугольном нападении, или «треугольнике», очень редко применяются наигранные комбинации. Вместо этого игрокам в этой системе приходилось учиться реагировать по ситуации и перемещать мяч таким образом, чтобы выявлять слабости в защите соперника. Тем самым игрокам в буквальном смысле приходилось переучиваться игре, начиная с фундаментальных ее понятий, а точнее, со специфической трактовки их Уинтером, до того как подходить к паркету.

> Они больше не повторяли заученные розыгрыши. Теперь им приходилось брать паузы, читать игру и реагировать на защиту.

Словно игроку на каждой позиции нужно было действовать так, как в футболе действует квотербек, особенно это касалось защитников и игроков, оказавшихся на позициях вингов. Нападение фокусировалось на пространстве под кольцом и размещении игроков на углах площадки с обеих сторон, они должны были располагаться высоко и как можно дальше от линии штрафных бросков, чтобы создавать свободное пространство. Что более важно, в передней линии действовали два защитника, выровненные по одной линии и разделенные пространством площадки. Один из них должен был делать первый пас, затем «заполнять угол» собой, или, другими словами, располагаться в одном из двух углов половины площадки соперника, что потребовало бы от опекуна из противоположной команды смещения за ним. Это мгновенно нарушало баланс в построении соперников и давало оставшимся четырем игрокам, в особенности Джордану, пространство для маневра. Понятное дело, игрок, заполняющий собой угол, должен был быть умелым исполнителем трехочковых, что делало Пакссона и Ходжеса идеально подходящими для этой системы игроками.

Такое нападение не предполагало присутствия на паркете разыгрывающего защитника, играющего в традиционной проникающей манере. Уинтер хотел, чтобы защита соперника вскрывалась по большей части через пас. Согласно приблизительным подсчетам, зачастую командам требовалось два года или больше, чтобы по-настоящему освоить систему Уинтера.

По этой причине тренеры «Буллз» в тот первый сезон согласились модифицировать треугольник под игру с одним защитником впереди. Они собирались таким образом облегчить команде адаптацию к системе. Но даже при этом выходило так, что только Уинтер целиком и полностью понимал систему нападения, что привело к тому, что Джексон отдавал ему на откуп огромный процент времени тренировочных занятий. Довольно быстро Уинтер стал фактически самостоятельно организовывать и проводить тренировки, что свидетельствовало о передаче ассистенту тренера беспрецедентных полномочий. Внезапно он превратился из престарелого советника, на которого никто не обращал внимания, в главного человека, заправлявшего всем.

«В той системе нападения было задействовано много конкурентоспособных людей, управлять которыми мог только Текс, – вспоминал Бах. – А Фил был идеальным тренером для внедрения его идей, он мог отойти в сторону и сказать: «Игрокам необходимо поймать свой ритм. Они обязаны прибавить. Им нужно уметь справляться с множеством разных ситуаций. Я здесь не для того, чтобы заниматься каждым нюансом». Фил умел так делегировать. Он был очень классным тренером».

Ключевой проверкой для системы должен был стать Джордан, который уже в совершенстве постиг искусство чтения игры. Треугольник требовал от самых мастеровитых игроков, защитников команды, делиться мячом с менее мастеровитыми, действовавшими под кольцом. Джордан мгновенно распознал, что такая тактика будет приводить к потерям и перехватам со стороны соперника. Его раздражала система, которую он стал называть «нападением равных возможностей».

«Потребовалось какое-то время, – вспоминал Пакссон. – Майкл выходил на паркет с этими ребятами, и мне кажется, что он – если только он не уважал их безмерно – думал: «Почему я должен пасовать им мяч, когда у меня есть возможность забить самому и самостоятельно сделать эту работу? Я скорее буду полагаться на себя в достижении успеха или провале, чем на этих ребят».

«Чем больше он изучал систему, тем очевиднее ему становилось то, каким стойким ее приверженцем является Текс, –

говорил о Джордане Бах. – А Фил был главным тренером, он говорил, как все должно быть. Это было как золотое дно. Ты втягивал игроков в систему, они начинали видеть ее и расцветать в ней». Но это потребовало от Джексона большой работы по убеждению игроков, а также месяцы тренировок под руководством Уинтера. Первоначальными аргументами тренеров о правильности использования треугольника были следующие: он позволял поддерживать баланс на площадке и давал Джордану пространство для маневра. Оба плюса были очевидны. Одного баланса на площадке уже было достаточно для того, чтобы моментально сделать «Буллз» более успешной командой в плане игры в защите, потому что треугольник всегда оставлял одного защитника на подступах к трехсекундной зоне и давал ему возможность в любой момент «вернуться» в защиту. Тренеры знали, что смогут выиграть несколько матчей благодаря такой способности команды обороняться в переходной фазе.

«Какому бы нападению ты ни учил игроков, ты должен научиться их защищаться после того, как был сделан бросок, – отмечал Бах. – Твой долг – знать, куда бежать. Нападение Текса предоставляло тебе возможность защищаться и поддерживало баланс».

Переход на новую систему давался команде с трудом. Некоторые обозреватели вроде репортера *Chicago Tribune* Сэма Смита учуяли неблагоприятную атмосферу в команде, граничащую с бунтом. Она густела на протяжении первых двух сезонов Джексона по мере того, как росло недовольство Джордана. Джексон пытался сводить ее на нет, играя роль хорошего полицейского при плохом полицейском Тексе Уинтере.

«Майкл всегда впечатлял меня так же, как и всех вокруг, – говорил Текс Уинтер, оглядываясь в прошлое. – Я никогда не был идолопоклонником. Я видел его сильные стороны, но вместе с тем видел и некоторые слабости. Мне казалось, что мы, члены тренерского штаба, можем многое сделать для того, чтобы чуть лучше вписать Майкла в команду. Я считал его выдающимся игроком, но мне не казалось, что мы должны рассчитывать исключительно и только на него. Мы пытались заставить его активнее включать в игру своих партнеров. Если бы он не решил, что сам хочет этого, не думаю, что нам удалось бы реализовать ту программу, что принесла успех в дальнейшем».

Разные игроки по-разному реагировали на внедрение этой системы. Защитникам и вингам предстояло очень многому научиться. Игрокам под кольцом было проще, но игра в треугольник требовала от большинства профессионалов перемен в подходе к игре, которую они постигали инстинктивно.

«Для меня система была просто великолепной, – вспоминал Джон Пакссон. – Системное нападение просто рождено для тех, кто не обладает такими физическими данными, какие есть у многих ребят в лиге. Она раскрывала мои сильные качества. Но она натягивала вожжи на таких ребят, как Майкл и Скотти, в том смысле, что мы перестали изолировать их на краях. Система предполагала командную работу, тонкие настройки. Но это было задачей, стоявшей перед Филом, – убедить нас в том, что мы сможем побеждать, играя таким образом».

Вспоминая то время, Уинтер отмечал, что успеху системы колоссальным образом посодействовало то, что Джордан уже играл в системе в Северной Каролине. Но это также могло настроить его скептически.

«Все было заточено на игру в середине, под кольцом, – вспоминал Джордан. – Мы целиком и полностью меняли наш взгляд на игру… и до определенной степени я не соглашался с этим подходом. Мне представлялось, что система оказывает слишком большое давление на людей внутри команды».

Джексон привел Джордана в свой офис и сказал: «Мяч – главный объект внимания. Когда он в твоих руках, все внимание сосредоточено на тебе. А ты должен делиться этим вниманием со своими партнерами, давая им возможность тоже поиграть с баскетбольным мячом».

«Я знаю, – ответил Джордан. – Просто, когда дело доходит до выполнения задачи, они часто не хотят брать на себя инициативу. Иногда брать ее на себя приходится мне, и временами тут трудно поддерживать баланс».

Проведение этих изменений требовало большого терпения от всех участников процесса. Главным девизом Джексона стала фраза: «Джордан должен научиться доверять своим партнерам».

«Бывали матчи, когда Майкл выходил на паркет, зная, что наберет 40 очков, – говорил Джексон. – В такие вечера он был очень горяч. Он пер в одиночку и просто захватывал всю власть над игрой. Нам пришлось понять, что это было следствием его величия, чем-то, что мог делать только он один и никто больше во всей игре. И это нормально. Порой в такие вечера нам было непросто выиграть матч как команде. Но это определенно были выдающиеся вечера для него как для шоумена и снайпера».

Процесс перемен испытывал на прочность новоиспеченные взаимоотношения Джексона и Джордана. И также он предоставил им возможность углубить эти отношения. Джордан учился доверять не только своим партнерам, но и тренерам.

«Много раз, – объяснял Джексон, – моим доводом для убеждения Майкла был такой: «Мы хотим, чтобы ты сделал свои

30 с гаком очков, и хотим, чтобы ты сделал все необходимое для этого. Для нас будет здорово, если к перерыву ты наберешь 12 очков, а к концу третьей четверти сделаешь 18. Добирай оставшиеся 14 или 18 очков в четвертой четверти. Это круто. Если все будет получаться, то именно так мы и будем играть». Кто мог перечить такому? Мы говорили ему: «Просто разыгрывай свою руку. Делай так, чтобы по ходу матчей играли все, а затем приканчивай игру, принося нам победу».

Позже, оглядываясь в прошлое, Уинтер будет поражаться упорству, с которым Джексон внедрял его систему и убеждал в ее правильности Джордана. Тогда они этого не знали, но в тот первый сезон Джексона они стояли на пороге самой значимой эпохи в истории профессионального баскетбола, корнем которой была дисциплина, развитая Джорданом и его партнерами по команде.

«Фил решительно и четко поставил цель и явно не собирался отступать, – вспоминал Уинтер. – И хотя треугольное нападение эволюционировало в течение многих и многих лет моей тренерской работы, Фил верил в его истинность порой даже больше, чем я сам. Бывали моменты, когда я говорил: «Нам стоит отказаться от этой затеи. Пусть у Майкла будет больше возможностей обыгрывать один в один». А он настаивал на том, чтобы мы этого не делали. То, что мы придерживались его базовой философии баскетбола, – заслуга Фила».

Их философия, их система превратили «Буллз» Джексона в команду, не похожую ни на один другой коллектив NBA.

В свой первый год в качестве главного тренера Джексон завел привычку дарить своим игрокам книги на Рождество. Джордану он подарил роман Тони Моррисон «Песнь Соломона» – аллегорическую историю о человеке, искавшем золото. В декабре того года трансформация команды происходила урывками, с переменным успехом. «Буллз» Джексона периодически ловила ритм и выдавала победные серии. Первая случилась прямо перед праздниками и вместила в себя пять матчей, следующая началась в конце старого года и перенеслась в новый. У нападения по-прежнему были трудности, но защита воспряла. Тренеры других команд лиги начали обсуждать перемены в «Чикаго» – и побаиваться этой команды.

К январю нападение отладило игру настолько, что «Пистонс» обратила на «Буллз» свое внимание после того, как обыграла ее +10 в Детройте. Несмотря на одержанную победу, вспоминал Джо Думарс, его команда заметила прогресс конкурентов и была обеспокоена новым вызовом. «После игры я подошел к Айзее и сказал ему: «У нас проблема». Он спросил: «Что? Ты о чем это?» Я

ответил: «От них жди проблем. То, где он располагается на площадке, все эти углы и прочее. Теперь у меня серьезные трудности с ним». Раньше, как только к нему попадал мяч за лицевой и он начинал идти один на один, можно было увидеть, где он и куда движется. А я знал, где находится помощь. Но когда он получал мяч под корзиной в треугольнике и ребята начинали подрезать, я не знал, откуда придет помощь. Так что в первой же игре, в которой они применили треугольник, я знал, что у нас появились проблемы, но ту игру мы выиграли. Однако теперь он врывался на скорости с той стороны, где мяча не было, и оказывался под кольцом. Он теперь бывал в новых местах, где нам никогда прежде не приходилось опекать его вдвоем. Когда мы включали двойную опеку, он просто бросал мяч и ждал, а потом все партнеры открывались резкими рывками. При треугольнике ты бросаешь мяч, а парни делают рывки к лицевой. Я понял, что это доставит нам проблемы».

«Мы сразу же осознали, что ставить Джордана под двойную опеку будет гораздо сложнее, ведь «Буллз» теперь играла в треугольник», – вспоминал Брендан Мэлоун.

Впервые за четыре своих сезона в NBA Думарс стал обращать внимание на пожилого джентльмена, сидевшего на скамейке «Буллз». Им был Текс Уинтер. «Треугольный» дядька. Соперники «Буллз» со всей лиги начали делать аналогичные открытия.

«Нападение Текса подражало тому нападению, которое практиковали в «Нью-Йорке», когда я там играл, – объяснял Джексон. – Мяч часто оказывался под кольцом. Нужно было делать много рывков. Работать без мяча. Игроки совершали рывки, пасовали и перемещали баскетбольный мяч. Такая игра оттягивала внимание от Майкла, который много времени проводил с мячом и был великолепным снайпером. Его репутация заставляла защиту соперников разворачиваться к нему лицом. Теперь же Майкл вдруг стал оказываться в тылу защиты и увидел преимущества такой системы нападения. В подобной системе он уже играл в Северной Каролине. Признание не было мгновенным. Он начал видеть плюсы со временем, по мере того как концепция начала вырисовываться отчетливее».

Треугольник показал свою перспективность, но Джордан все еще не был убежден в том, что команда готова к выигрышу чемпионского титула. В преддверии дедлайна 1990 г., в феврале, он начал призывать клуб совершить некоторые перестановки в ростере, чтобы усилить команду. Болельщики также призывали фронт-офис «Буллз» немедленно сделать ход на рынке.

И вновь Джордан потребовал приобретения Уолтера Дэвиса. «События получили новый виток развития, когда Майкл сказал,

что нам нужно в срочном порядке заполучить в команду Уолтера Дэвиса, – вспоминал Джим Стек. – В том сезоне 1989/1990 г. он настойчиво требовал этого – пан или пропал. Майкл сказал, что мы не сможем победить с таким сочетанием игроков».

Краузе отправил Стека в десятидневную командировку, чтобы тот изучил игру Дэвиса и оценил, способен ли тот помочь «Буллз». «В плане игры в защите Дэвис был, как мне казалось, совершенно непригоден, – вспоминал Стек. – При той игре, которую ставил Фил, Дэвис не сумел бы опекать таких ребят, как Марк Агирре, Ксавьер Макдэниэл или Ларри Нэнс. У «Индианы» был Чак Персон. В Восточной конференции имелось изрядное количество одаренных, физически сильных легких форвардов. Дэвис был физически не готов к тому, чтобы опекать парней, с которыми нам предстояло играть. Так что до наступления дедлайна мы так и не сделали никаких ходов на рынке».

Спокойствие

В феврале «Буллз» вновь начала буксовать, а во время тура по западному побережью сезон «Чикаго» достиг своей низшей точки: команда потерпела четыре поражения подряд. Что еще хуже, Картрайту пришлось пропустить несколько матчей, так как он испытывал проблемы с воспаленными коленями. Пауза, связанная с уик-эндом Всех Звезд, проходившим в Майами, отчасти приглушила шум недовольства. Пиппен впервые попал в состав команды Всех Звезд Востока на пару с Джорданом, а Ходжес выиграл конкурс трехочковых, совершив 19 попаданий подряд.

Джордан и Думарс не знали друг друга лично до того уик-энда Всех Звезд, по ходу которого Джордан позвонил Думарсу и пригласил его вместе с супругой Дебби в свою комнату на беседу за ужином. В тот вечер две парочки быстро сдружились, и дружеские отношения двух игроков получили свое развитие. «Наши жены все время разговаривают друг с другом, – сказал Джордан позже в тот год, рассказывая о своих новых приятельских отношениях. – У нас была возможность сыграть с ним в матче Всех Звезд, а потом увидеть другую сторону его характера, социальную. Я всегда восхищался его спортивными качествами и баскетбольным талантом, и между нами установилась крепкая дружба. Мы питаем друг к другу взаимное уважение, потому что каждый раз, когда играем друг против друга, нам приходится показывать все свои таланты… Но сейчас мы не можем сближаться слишком сильно, так как конкурируем друг с другом. Трудно соперничать с хорошим другом. Когда

соперничаешь с другом, начинаешь немного расслабляться и шутить там, где должен проявлять серьезность. Но у нас такого не произойдет, поскольку мы оба сосредоточены на том, что каждый из нас должен делать для своей команды».

После матча Всех Звезд «Буллз» возобновила свои поиски идеальной химической формулы победы и продолжила отладку своего нападения. В конце марта команда положила начало девятиматчевой победной серии, огонь которой разожгло лучшее в статистическом плане выступление Джордана за всю карьеру: в выигранной игре с «Кливлендом», завершившейся в овертайме, он набрал рекордные 69 очков. Также в тот вечер он показал лучший результат в карьере по подборам, сделав 18 штук. Он реализовал 23 попытки из 37 с игры и забил 21 штрафной бросок из 23. Также он сделал шесть ассистов, четыре перехвата и за 50 минут игрового времени совершил всего две потери. Какой бы изумительной и масштабной ни была эта вспышка гениальности Джордана, она едва ли вписывалась в идеальное представление Уинтера о нападении, согласно которому игроки должны были активно делиться мячом друг с другом.

Как и практически все остальное, Джексон обратил этот эпизод в ценный урок для своих игроков.

Джонни Бах вспоминал: «Майкл провел выдающийся вечер в плане результативности. Я знаю, что Фил использовал этот факт в работе. Он представил его таким образом, каким мог представить только Фил. Он сказал что-то типа: «Да, ты настолько хорош, но теперь тебе придется сделать сильнее пару других наших игроков».

Джордан, скорее всего, не слышал ничего подобного ни от одного из тренеров, но в подходе Джексона к работе было нечто такое, что позволяло ему донести свой месседж до Джордана. Майкл начал прислушиваться к тренеру, впечатлившись его удивительным терпением и внешней безмятежностью, подтверждением которых было то спокойствие, с каким он следил за действом во время матчей. Бах дивился огромной разнице между Коллинзом и Джексоном. «Этот парень доводил себя до изнеможения. Пот стекал с него ручьями, вены вздувались от напряжения, – говорил он о Коллинзе. – Даг отдавал игре каждый грамм своей энергии. Фил, однако, обладал умением весь вечер просиживать на скамейке, не вставая. Уже после игры он мог встать и кивнуть публике. Он тоже мог доходить до такого же эмоционального ажиотажа, как Коллинз во время матчей. Но Фил доходил до него внутри и никогда не демонстрировал этого своим поведением».

Особенно сильно Баха восхищало то, как Джексон вел себя в разгар напряженных матчей. «В этих котлах Фил показывал себя с наилучшей стороны, – говорил он. – Будучи таким психологом, каким он был и остается, Фил умел находить очень разнообразные и нестандартные подходы к решению проблем. Он ни с того ни с сего подскакивал к тебе и говорил: «Давай решим это прямо сейчас».

И Бах, и Уинтер регулярно призывали его брать тайм-ауты в концовках, когда команда испытывала очевидные трудности на площадке. «В ответ Фил просто смотрел на меня», – вспоминал Бах. И Уинтер, и Бах решили, что будут запрашивать у него разрешения на тайм-аут дважды, и если Джексон продолжит игнорировать, они перестанут давить на него. «В нем была эта сила, эта решимость, – говорил Бах, – выдерживать напряжение, какими бы ни были результаты».

Джордан быстро начал ассоциировать себя со спокойствием Джексона. В этом смысле Джексон напоминал ему Дина Смита. Рик Фокс, также игравший у Смита, а позже и у Джексона, соглашался с тем, что двух тренеров во многом объединяло одинаковое поведение на площадке с той лишь разницей, что Джексон регулярно «украшал» свою речь нецензурной лексикой.

Джексон редко повышал голос, общаясь с командой после матчей. Он часто утешал игроков после поражений, концентрируя свое внимание на приложенных ими усилиях. Потом часами сидел в кабинете вместе с Уинтером, разбирая видеозапись каждой игры и планируя дальнейшие тренировки с учетом необходимых корректировок.

«Он очень практичный менеджер, но с совершенно непривычным подходом ко всему, – объяснял Бах. – Он глубоко погружается в психологию. Это идет от сердца, только он умеет фильтровать свои эмоции. Он в каком-то смысле загадочная фигура для своих игроков, потому что непредсказуем. Он не реагирует излишне бурно, а порой не реагирует вовсе. Но при этом у него твердая рука. Великая сила Фила в том, что он всегда в курсе происходящего. Сидя на скамейке или находясь в раздевалке, он все видел, но никогда не спешил с тем, чтобы исправить какие-то детали. Он действовал только после того, как все хорошо обдумывал. А потом делал именно то, что требовалось для разрешения ситуации и устранения проблемы».

Так как Джексону не приходилось постоянно призывать своих игроков разыгрывать определенные комбинации, потому что команда практиковала треугольник, он мог позволить себе сохранять спокойствие и безмятежность. «Можно постоянно видеть, как тренеры бегают туда-сюда вдоль боковой линии,

указывая игрокам, какую комбинацию нужно разыграть, что, на мой взгляд, помогает их соперникам, особенно в сериях плей-офф, – делился наблюдениями Пакссон. – Если ты проводишь качественную скаутскую работу перед матчами, то знаешь, как нужно защищаться от таких розыгрышей. Фил продавал нам – и в конечном счете сумел нас в этом убедить – идею о том, что чем тоньше и неочевиднее ты действуешь в нападении, тем более успешным будешь. Ты сможешь нанести сопернику больше урона, если будешь читать ходы его защиты и реагировать на них, а не беспокоиться о том, как бы разыграть комбинацию, которую хочет видеть тренер, подсказывающий с боковой».

И снова «Детройт»

Победная серия позволила «Буллз» закончить регулярный сезон с показателем 55–27. Этого хватило, чтобы занять второе место в Центральном дивизионе вслед за действующими чемпионами мира «Пистонс» (в битве за титул 1989 г. команда одолела «Лейкерс»), одержавшими 62 победы. Почти каждый вечер Джордан становился лучшим снайпером своей команды, но и Пиппен уже утверждался в роли грозного защитника, умеющего также руководить нападением в качестве разыгрывающего. Мало команд обладали необходимыми ресурсами для того, чтобы противостоять ему, особенно с учетом того, что им приходилось беспокоиться и по поводу Джордана. И вновь Джордан собрал богатый урожай личных наград: попал в сборную лучших игроков NBA, в сборную лучших защитников и четвертый раз подряд стал самым результативным игроком лиги. Плюс занял первое место по перехватам в лиге.

В последней игре регулярного сезона «Буллз» уступила «Детройту», потерпев третье подряд поражение от «Пистонс», из-за чего Джордан с тяжелым сердцем ожидал грядущих матчей плей-офф, сомневаясь в способностях некоторых своих партнеров вносить сколько-нибудь существенный вклад в общее дело. Пиппен хорошо сыграл в первом раунде против «Милуоки» – «Буллз» выиграла серию 3–1, – и Джордан смягчился. В следующем раунде команда сошлась с «Филадельфией» Чарльза Баркли, и Джордан был ошеломительно хорош. По итогам пятиматчевой серии он показал среднюю результативность в 43 очка, 7,4 ассиста и 6,6 подбора, а «Буллз» прошла дальше, несмотря на то что во время серии умер 70-летний отец Пиппена и Скотти пришлось пропустить одну игру, чтобы слетать в Арканзас на похороны.

«Я никогда не отыгрывал четыре матча подряд так, как отыграл против «Филли», – скажет позже Джордан.

Третий год подряд исход сезона для «Буллз» должна была определить кровавая битва с «Пистонс» в очередном финале Конференции. По сути, это был серьезный экзамен для нового стиля игры Джексона.

Вспоминая серию плей-офф предыдущего сезона, по ходу которого Билл Лэймбир ударом локтем по голове вывел его из строя в шестой игре, Пиппен говорил: «Несколько лет назад в лиге действовали вопиюще несправедливые правила по части фолов, из-за чего парней, убегавших в быстрый отрыв, [«Пистонс»] попросту срубали под корень, сбивая с ног. Пускали в ход любые средства, лишь бы победить. В баскетбол играют не так. Я помню один эпизод, когда Майкл убегал в отрыв, а Лэймбир его вынес. У него не было ни единого шанса заблокировать бросок Майкла. Когда ты выходил на площадку против них, мысли об этом постоянно сидели в твоем мозгу, и ты в каком-то смысле берег себя, стараясь не лезть лишний раз на рожон».

Как Джордан и предсказывал, его дружеские отношения с Думарсом, продолжавшие развиваться, никоим образом не притупили накал соперничества между двумя командами. «Пистонс» продолжала щеголять своими знаменитыми «правилами против Джордана», наделавшими много шуму, но представлявшими собой, по сути, элементарный здравый смысл: вынуждай Джордана отдавать мяч. Наседай на него большим числом, вали его на пол. И играй как можно грязнее. Противостояние с «Детройтом», казалось, всегда становится поводом для всплеска паранойи в рядах «Буллз» – как среди игроков, так и среди тренеров команды, – закипавших от бешенства, когда тренерский штаб «Детройта» присылал в офисы лиги видеокассеты с записями эпизодов из матчей, в которых, как они утверждали, Джордан слишком часто получал возможность бросать штрафные по причине необоснованных свистков арбитров, фиксировавших якобы несуществующие фолы. В предыдущих матчах плей-офф между двумя командами игрок «Детройта» Джон Сэлли отмечал в интервью репортерам, что «Пистонс», мол, настоящая команда, тогда как «Буллз» – шоу одного актера. «У нас нет какого-то одного игрока, который задавал бы тон всей команде, – отмечал Сэлли с улыбкой на лице. – Это и делает нас настоящей командой. Если бы у нас все делал кто-то один, мы бы не были командой. Мы были бы «Чикаго Буллз».

И действительно, партнеры самого Джордана отлично знали

о том, как это трудно – играть бок о бок со своим лидером. Как отметил однажды экс-партнер Майкла по «Буллз» Дэйв Корзин, если у команды что-то шло не так, Джордан никогда не оказывался виноватым. Винили всегда кого-то другого. Несмотря на все усилия тренеров по постановке нападения треугольником с активным дележом мяча, Джордан по-прежнему оставался доминирующей фигурой в клубе, имевшей такую важность, что Крейг Ходжес и другие называли его не иначе как Генералом.

Верные своим принципам игроки «Пистонс» затоптали Джордана в первой игре финала Конференции 1990 г. «Детройт» реализовала лишь 33 попытки из 78 с игры, и одна из них была записана на счет Джона Сэлли, ненароком переправившего мяч в корзину после навесного паса Айзеи Томаса. Как и всегда, носившаяся сломя голову по всему паркету защита «Пистонс» спасла игру для них. «Игра больше походила на регбийный матч», – хмуро заметил Фил Джексон.

Ключом к успеху «Детройта» стали 27 очков Думарса и огромный объем оборонительной работы, которую он проделал. Ему удалось немного остудить пыл Джордана: Майкл набрал лишь 34 очка. Остальные игроки стартовой пятерки «Чикаго» набрали в совокупности 31 очко, чего «плохим парням» как раз хватило для того, чтобы одержать итоговую победу 86: 77 и делом доказать правдивость глумливой ремарки Сэлли. В первой четверти Джордана поколотили в одном эпизоде, когда он взмыл в воздух, находясь в трехсекундной зоне. Группа игроков «Пистонс» во главе с Деннисом Родманом свалила его на пол, поставив ссадину на бедре. «По-моему, кто-то выбил из-под меня ноги, – сказал он после матча. – И если так, я не знаю, кто мог это сделать. Думаю, что восстановление от такой травмы может затянуться».

И оно затянулось, по крайней мере до следующей схватки. «Пистонс» захватила лидерство, поведя к середине второй четверти второй игры со счетом 43: 26, пока Джордан со скрипом набирал очки. К перерыву «Чикаго» отставала 53: 38, после чего Джордан влетел в раздевалку, пнул стул и набросился на своих партнеров: «Мы играем, как кучка слабаков!»

После выговора они вернулись на площадку на вторую половину игры и стали действовать гораздо энергичнее. А Джордан сумел наконец разогреться как следует и вывел «Буллз» вперед, 67: 66 – на табло горели цифры 8: 24, шла третья четверть. Но это продлилось недолго. Думарс закончил игру с 31 очком в активе, реализовав 12 из 19 попыток с игры и обеспечив «Пистонс» победу 102: 93. «Детройт» повела в серии 2–0. Тем временем Джордан набрал лишь 20 очков, реализовав всего пять

из 16 своих бросков. Сразу после игры он в пух и прах раскритиковал «Буллз» за ее невдохновенную игру и покинул раздевалку, не поговорив с репортерами. Позже он скажет, что его критика была в той же мере адресована и ему самому, а не только партнерам.

Журналисты собрались вокруг Думарса в раздевалке «Детройта» и стали расспрашивать, как ему удалось остановить Джордана. Защитник «Пистонс» взял паузу и поднял глаза к потолку, словно искал там ответ. Нельзя остановить Джордана, объяснял он. Очевидным ответом было то, что в первых двух играх он активно атаковал Джордана, нагружая его работой, и тем самым разжег гнев Майкла. По крайней мере именно на это указывали раздраженные партнеры Джордана в частных разговорах. Но на тренировке, состоявшейся после первых двух поражений, Джордан пришел в ярость, решив, что Пиппен и Грант бездельничают и недостаточно серьезно воспринимают ситуацию.

На протяжении большей части времени своего пребывания в штабе «Чикаго» Джонни Бах выполнял скаутскую работу, тщательным образом готовя и монтируя видеодосье на оппонентов, которое тренеры показывали игрокам перед каждым матчем плей-офф. Ассистент тренера часто вплетал в свои видеоотчеты нарезки кадров из военных фильмов, чтобы проиллюстрировать некоторые баскетбольные детали, но в тот первый сезон Джексон решил самостоятельно выполнять эту работу за Баха. Видеоклипы, приуроченные к серии плей-офф против «Пистонс», он разбавил эпизодами из фильма «Волшебник страны Оз». Он включил в видео кадры, на которых Думарс совершает ловкий проход мимо Джордана на большой скорости, а сразу после них вставил кадры со Страшилой. После следующей ошибки Джексон показал игрокам Трусливого Льва, а еще после одной – Жестяного Дровосека, изрядно позабавив этим баскетболистов, потешавшихся над происходящим вплоть до того момента, пока Джон Пакссон не отметил, что тренер таким образом вкрадчиво пытается показать игрокам, что у них, по сути, нет ни сердца, ни мозгов, ни храбрости, необходимых для победы.

К счастью, в третьей игре, проходившей на чикагском «Стэдиуме», негативное течение серии несколько поменялось. Джордан защищался лучше, набрав 47 очков и получив достаточно помощи от своих партнеров, чтобы обеспечить команде победу 107: 102. Айзея Томас выбрался из черной полосы – в предыдущей игре он показал слабый результат, реализовав лишь пять бросков из 21, – и записал в свой актив 36 очков, «Буллз» выиграла битву подборов, совершив их 46 против 36 у «Детройта», и благодаря этому, а также следовавшим за

ними повторным броскам, получила преимущество и сумела одержать победу.

В какой-то момент четвертой игры «Буллз» вела с преимуществом в 19 очков, но Думарс набрал 24 и вновь повел за собой «Пистонс», уверенно сокращавший разрыв в счете. Дважды преимущество «Буллз» таяло до трех очков, но благодаря реализованным 18 из 22 штрафных броскам команде удалось отстоять лидерство в счете. И хотя «Пистонс» имела перевес над «Буллз» по подборам (52 против 37), у нее никак не получалось метко бросать: из 78 попыток с игры она реализовала лишь 29. Игравший с болью в лодыжке Деннис Родман набрал 20 очков и сделал 20 подборов, но Джордан выступил еще мощнее, набрав 42 очка, остальные игроки чикагской стартовой пятерки также завершили матч с двузначными показателями, добыв для «Буллз» победу 108: 101.

Внезапно «плохие парни», и сами любившие оказывать давление на соперников, оказались в непростой ситуации, требовавшей от них обязательной победы в домашней игре.

В пятой игре и Джеймс Эдвардс, и Билл Лэймбир преодолели свой кризис результативности и помогли «Пистонс» захватить лидерство в серии 3–2 по итогам и добиться победы со счетом 97: 83, ставшей возможной благодаря игре Думарса, вновь сдержавшего Джордана, – Майкл набрал 22 очка. Простывший и мучимый лихорадкой детройтский защитник провел на площадке 38 минут. «Играя против Джордана, можно только работать в поте лица, надеяться и молиться, и сегодня Джо выполнил все три пункта», – сказал Чак Дэйли. Думарс отыграл серию с таким же вдохновением, за какое потом публика будет превозносить Джордана, но его выступление прошло почти незамеченным и было быстро забыто спортивной историей.

Однако посыл, который Джордан адресовал своим партнерам, казалось, достиг их сердец. Команда «Пистонс» возвратилась в Чикаго и даже сумела сдержать Джордана, набравшего 29 очков, но все равно в пылу борьбы проиграла шестую игру. «Буллз» вынудила «Пистонс» активно мазать в третьей четверти («Детройт» показал лишь 25 %-ную реализацию) и к началу четвертой развила преимущество в три очка до счета 80: 63. В итоге «Детройт» проиграл 109: 91. Таким образом, «Буллз» добилась права сыграть седьмой матч в серии.

«Мы более чем когда-либо настроены выиграть эту серию», – объявил Джордан. Однако седьмая игра быстро превратилась в катастрофу для «Чикаго». Пакссон залечивал серьезный вывих лодыжки, а у Пиппена перед самым стартовым свистком началась мигрень. «У Скотти и раньше случались приступы мигрени, –

объяснял тренер Марк Пфейл. – Он перед игрой подошел ко мне и сказал, что ничего не видит. Я спросил: «Играть сможешь?» Он начал говорить, что нет, но тут подбежал Майкл и сказал: «Черт побери, конечно, он может играть. Ставьте его. Пусть играет вслепую».

«Хорас Грант тоже немного сдал в той игре, – добавлял Пфейл. – Это было скорее следствием взросления игроков – они стали опытнее, – нежели из трусости и страха перед трудностями. Потребовалось определенное время, прежде чем они встали и сказали: «Черт возьми, да сколько можно, нас уже достаточно припирали к стенке». Скотти играл с головной болью, но по ходу игры ему становилось легче».

«Буллз», однако, легче не стало. Вторая четверть выдалась для команды особенно скверной, и «Чикаго» так и не сумела отыграться. «Пистонс» прошла дальше, выиграв 93: 74.

«Мой худший момент в работе с «Буллз» – седьмая игра серии с «Пинстон» в Паласе, которую мы пытались вытащить, но в итоге проиграли, – вспоминал Джексон. – Перед игрой Скотти Пиппен находился на скамейке с мигренью, а Джон Пакссон вывихнул лодыжку еще в предыдущем матче. Мне пришлось сидеть и скрипеть зубами, пока мы с трудом пытались войти в игру всю первую половину матча. Вторая четверть стала настоящим унижением для всей организации. Это был самый тяжелый момент в моей тренерской карьере».

Разъяренный партнерами по команде Джордан вновь проклинал их в перерыве матча, а после игры удалился в конец автобуса, где всхлипывал, еле сдерживая слезы. «Я плакал и бесился от злости, – вспоминал он. – Я говорил: «Эй, я тут рву жилы, а никто меня не поддерживает. Эти парни надирают нам зад, топчут нашу гордость, рвут нам души». Тогда в том месте я поклялся, что такое больше никогда не повторится. Летом того года я впервые начал поднимать тяжести в спортзале. Если меня будут бить и дальше, решил я, то начну отвечать им тем же. Я устал каждый раз проигрывать им в физическом плане».

С каждым поражением «Чикаго» в плей-офф критики все сильнее укреплялись во мнении, что главный изъян «Буллз» состоит в том, что это – команда одного игрока. «Они продолжали натыкаться на «Детройт» и всякий раз выглядели так, словно понятия не имеют, как его обыграть», – вспоминал журналист Дэвид Олдридж. Некоторые наблюдатели подмечали, что Уилту Чемберлену, Джерри Уэсту и Оскару Робертсону потребовались долгие годы на то, чтобы привести свои команды к чемпионскому титулу NBA, и вполне вероятно, что Джордан тоже относится к этой категории игроков. Другие задавались вопросом:

«А не ждет ли его та же печальная участь, что постигла Элджина Бэйлора, Нейта Термонда, Пита Маравича и Дэйва Бинга – великих игроков, никогда не выступавших за чемпионские команды?» Джордан приходил в ярость от этих спекуляций и критики. Его буквально тошнило от ежегодных поражений от «Детройта».

> Проигрывать Айзее Томасу было очень тяжело. Однако некоторая часть груза поражения легла и на плечи Пиппена.

Каждый, включая и партнеров по команде, интерпретировал его слова о головной боли как проявление малодушия. Многие упускали из виду, что форвард, проводивший свой третий сезон в команде, недавно похоронил отца.

«Я лечу домой после матча «с мигренью», – вспоминала Шерил Рэй-Стаут, – и кто, вы думаете, сидит напротив меня в самолете? Хуанита Джордан. Она спрашивает: «Что случилось со Скотти?» Я ответила: «У него болела голова». Она с удивлением: «У него болела голова?!» И закачала головой».

После лучших своих матчей Джордан любил оставлять на память свои игровые кроссовки в память для потомков. После поражения в седьмой игре серии никаких памятных сувениров он не оставил. «После последнего поражения от «Пистонс» мы все выезжали из гостиницы, Скотти жил с ним в одном номере», – вспоминал Лэйси Бэнкс, часто просивший у Джордана его игровую обувь после матчей для того, чтобы передать ее на благотворительный аукцион, проводимый местным филиалом Американской ассоциации сердца (American Heart Association). – Он сказал: «Мне не нужны эти вонючие ботинки. На, Лэйси, забери эти старые вонючие кроссовки. Видеть их больше не хочу».

Джо Думарсу больше всего запомнилось выражение лица Джордана в концовке седьмой игры, оно выражало боль. «Я видел ее в его глазах, – говорил Думарс. – Он подошел, пожал мне руку и тихо сказал: «Поздравляю, удачи». Я помню его лицо, выражавшее боль и разочарование. Видел, что он глубоко ранен этим провалом».

Чтобы провести обряд очищения Джордана и «Буллз» в целом, Филу Джексону понадобится нечто большее, чем пары дымящегося шалфея. Джордан не знал, что именно понадобится для осуществления этого плана, но он знал наверняка, что именно ему предстоит взять инициативу в свои руки.

«Мы снова проиграли, на сей раз с Филом у руля, – вспоминал Марк Пфейл. – После этого Майкл сказал: «Эй, теперь нам надо прыгнуть выше головы, и я собираюсь вытащить всех

туда. Если не хотите плыть со мной в одной лодке, прыгайте за борт».

Глава 25
Бог баскетбола

Годы спустя после тех событий в памяти Сонни Ваккаро почему-то задержался только он, запах мочи.

Был конец августа 1990 г., они зашли в забытый богом туалет американской военной базы в Германии. Майкл Джордан готовился сыграть против самого себя в баскетбол на глазах у почти 2000 солдат американских войск, набившихся в крошечный спортзал. Он не хотел ехать в эту поездку, она лишала его удовольствия поиграть в гольф и побыть рядом с Хуанитой, которая была на пятом месяце беременности (сын Маркус родится у пары в канун Рождества). Но вот стараниями дерзкого и коварного Ваккаро, чьи отношения с главой Nike Филом Найтом становились опасно натянутыми, он приехал в Европу.

Мир замер в ожидании грядущих событий: только что началась война в Персидском заливе, но у Джордана были свои причины не собирать чемоданы и не лететь в Европу на десять летних дней. Поражение в седьмой игре серии от «Пистонс», случившееся в мае, изменило настрой игроков «Буллз» и способствовало тому, что в межсезонье команда работала удивительно сконцентрированно и усердно. Гнев от неудачи породил конструктивный оптимизм в рядах его партнеров по команде, и Джордан хотел быть рядом, чтобы не упустить этот момент.

Эта промопоездка для Nike, совершить которую ему предложил Ваккаро, должна была случиться прямо перед началом работы тренировочного лагеря, а потому Майклу пришлось в спешке возвращаться в Чикаго по ее окончании. Последнее, о чем мечтал Джордан, это забивать свое расписание всякой рекламной чепухой. Сыграть в выставочном матче для американских солдат было в некотором смысле заманчивой идеей, хотя обычно в списке его приоритетов такие мероприятия занимали последнее место. Он согласился главным образом потому, что поездка давала ему возможность повидаться со старшим братом Ронни, и этот факт сделал ее стоящей затеей.

Еще более сомнительной в летнем маршруте Джордана должна была стать остановка в Испании, где он пообещал принять участие в матче Всех Звезд, открывавшем сезон в Испанской лиге – причем играть он должен был за обе команды поочередно. Можно было бы заключить, что нет совершенно никакого смысла в том, чтобы впихивать Джордана в главное

событие испанского чемпионата, если бы не тот факт, что матч давал возможность показать в деле ярчайшую американскую звезду в игре, транслировавшейся на добрую половину испаноговорящего мира.

Все мероприятие выдалось каким-то странным. Вдобавок поездка в военное время требовала усиленных мер безопасности. Только после того как Ваккаро выбил у Nike корпоративный самолет и детальным образом расписал план мер по обеспечению безопасности Джордана на каждой остановке, Майкл дал свое согласие.

«Это было пиар-турне, – объяснял Ваккаро. – Первое турне такого плана, которое устроила Nike. Масштаб был огромным. Майкл был первым спортсменом, участвовавшим в таком мероприятии, первом для нас, и я поехал в турне вместе с ним».

Эти гастроли станут прототипом будущих турне целого поколения американских звезд профессионального баскетбола, которые будут по тем же лекалам продвигать обувные марки в следующие два десятилетия. Но в то время у поспешно спланированного побега была другая причина, более мрачная и темная. Тем летом Nike оказалась втянутой в некрасивую публичную пикировку с организацией Джесси Джексона Operation PUSH. Преподобный Тайрон Кридер, один из молодых протеже Джексона, стал исполнительным директором PUSH и выступил с критикой в адрес обувных компаний, упрекнув их в недостаточном участии в жизни афроамериканского сообщества. Недовольство Кридера Nike было связано с тем, что в совете директоров компании из Орегона не было ни одного чернокожего, в ее рядах не было чернокожих вице-президентов, а среди глав различных департаментов корпорации было считаное число черных людей. У Nike были контракты и с другими чернокожими атлетами помимо Джордана, и Кридер признал этот факт. Но также лидер PUSH заявил, что атакует Nike потому, что компания за несколько коротких лет сумела выйти в лидеры индустрии.

Тем летом компании Nike и PUSH начали дискуссию, но она довольно внезапно оборвалась, когда PUSH потребовала от Nike предоставить бухгалтерскую отчетность, на что Nike ответила встречным требованием к PUSH раскрыть свои финансовые документы. Кридер, в свою очередь, призвал афроамериканцев бойкотировать товары Nike. «Не покупайте Nike. Не носите Nike», – сказал он, анонсируя старт кампании 12 августа. Некоторые обозреватели сочли, что Кридер просчитался, решив бросить вызов Nike, что PUSH непременно потерпит поражение в этой битве. Однако Nike не хотела открытой конфронтации с PUSH и предложила в качестве ответной меры устранить нехватку

афроамериканцев на руководящих постах в структуре компании. Эти ее усилия со временем поднимут статус Джордана в Nike и станут импульсом к созданию в будущем бренда Jordan. Но в краткосрочной перспективе звезда оказалась в опасности быть втянутой в неприятный публичный диспут, которому посвящали заголовки крупнейшие газеты страны. Последнее, чего хотела Nike, это увидеть, как Air Jordan засыпают вопросами о конфликте в эфире телеканалов.

15 августа Джордан выступил с заявлением, в котором говорилось, что крупные корпорации Америки должны предоставлять всем равные возможности, но атака PUSH на Nike выходит за все рамки. «Нечестно выделять Nike только потому, что она – лидер рынка», – гласило его заявление.

Выступив со своими комментариями, он быстро отбыл в Европу. Точно так же, как когда-то Сонни Ваккаро родил идею поместить Джордана в центр всеобщего внимания, теперь он придумал, как его оттуда вывести. Nike совершит кадровые перестановки, а Кридер покинет PUSH в начале 1991 г., после того как станет ясно, что призывы к бойкоту не возымели должного эффекта, а афроамериканские покупатели с неохотой отказываются покупать обувь марки Nike.

Однако инцидент послужил сигналом для Джордана. Он понял, что подобные резонансные вопросы могут и будут добавлять ему головной боли и сказываться на его бизнес-интересах. В 1990-е организации по защите прав человека будут выдвигать обвинения в адрес Nike, заявляя, что корпорация обеспечивает выпуск своей продукции за счет работы сотен кабальных и полулегальных производств по всему миру. Этот вопрос быстро превратится в ловушку, в которую Джордан с его растущим влиянием в компании неизменно будет попадаться.

Тем летом 1990 г. Джордан оказался замешан и в другом серьезном общественном вопросе: к нему через его мать обратились за поддержкой представители Харви Гантта, афроамериканца-демократа, пытавшегося выдавить из американского сената бескомпромиссного консерватора Джесси Хелмса, представлявшего в верхней палате конгресса штат Северная Каролина. Эта кампания имела явный расовый подтекст и получила широкую огласку главным образом потому, что в своей политической агитации Хелмс использовал видеоролик под названием «Hands», в котором был показал белый мужчина, ставший безработным в результате введения несправедливых расовых квот – его место занял представитель меньшинства. Реклама, сценарий которой написал республиканский стратег Алекс Кастелланос, играла на недовольстве белых граждан. Когда

Джордана попросили участвовать в кампании, он отказал людям Гантта, мотивировав свой отказ знаменитой фразой: «республиканцы тоже покупают кроссовки».

Политика не стала путем к процветанию для его деда Эдварда Пиплса, как и для поколений чернокожих жителей Северной Каролины, и в 1990 г. она не была приоритетом ни для Делорис Джордан, ни для ее сына. Ответ Майкла многих разозлил, но в то же время многим пришелся по нраву. Лэйси Бэнкс и другие в Чикаго качали головами. Мохаммед Али дал бы другой ответ, отметит много лет спустя Бэнкс. Отказ Джордана помочь Гантту, проигравшему предвыборную гонку, разгневал общественного деятеля и бывшую звезду NFL Джима Брауна, который сказал о Джордане: «Он больше заинтересован в своем имидже, дающем ему сделки с производителями обуви, нежели в том, чтобы помогать собственному народу».

На противоположном конце спектра мнений были люди вроде Кенни Гаттисона, игравшего против Джордана еще во время учебы в старшей школе. Он сказал, что высказывание сделало возможным окончательное превращение Джордана в универсальный инструмент рекламы продукции крупных корпораций, поскольку он держался в стороне от политической полемики. «Это и сделало его иконой, – отмечал Гаттисон, – потому что он никогда не говорил ни слова и не давал людям ни единого повода критиковать его».

Оглядываясь в прошлое, в 2008-м Майкл Уилбон писал в своей колонке для *Washington Post*: «Казалось, что его комментарий официально возвестил о начале эпохи, в которой спортсмены стали делать осознанный выбор в пользу коммерции и бизнеса, отказываясь от политики. Нейтралитет мало кого задевал. Афроамериканские спортсмены с Джорданом во главе впервые стали апеллировать к коммерческому мейнстриму». (Джордан примет участие во второй, тоже неудачной, попытке Гантта сместить Хелмса, а позже пожертвует деньги кандидату в президенты от демократической партии Биллу Брэдли. Во время президентской кампании Барака Обамы в 2012 г. Джордан даже устроил сбор средств на ее нужды, который широко освещался в СМИ.)

Однако выборы 1990 г. все же стали переломным моментом, поменявшим имидж Джордана. Журналист ESPN Дж. А. Аданде вспоминал, что этот комментарий для многих его друзей стал красной линией, обозначившей пределы их обожания Его Воздушества. «У меня были друзья, которые не хотели иметь с Майклом Джорданом ничего общего из-за сказанных им слов, – говорил Аданде, – так как считали, что он позабыл о своем

общественном долге. Они не могли смириться с этим. Они больше не могли получать удовольствие от Джордана-игрока, потому что утратили всяческое доверие к Джордану-человеку». Аданде и сам не мог взять в толк, почему Джордан не захотел выступить против известного политика-расиста. Когда журнал *GQ* поднял эту тему в беседе с Джорданом несколько лет спустя, он объяснил, что в 27-летнем возрасте он был сконцентрирован на развитии своей баскетбольной карьеры, а не на политике.

«Потом я это понял, но когда я был помоложе, я соглашался с доводами Джима Брауна, – вспоминал журналист Дэвид Олдридж, много лет освещавший NBA. – Я говорил: «Да ладно тебе, Майкл! Ты можешь высказаться об этом. Ты же Майкл Джордан! Что они тебе сделают?..» Я был в ужасе. Я в буквальном смысле думал: «Да брось, Майкл! Ты не можешь быть настолько продажным! Или настолько черствым! Невозможно все время думать только о себе! Ты должен думать о чем-то большем, потому что вся наша история, история черных людей, всегда была чем-то большим, нежели личной историей каждого из нас. По этой причине ты занимаешься тем, чем занимаешься: потому что люди до тебя добились того, чтобы ты имел возможность этим заниматься». Меня одолевал вопрос: «Как Майкл Джордан может не высказаться об этом, как может не поддержать Харви Гантта?» Я соглашался со многими людьми, бранившими его за этот поступок».

Репортер NBA сказал, что этот момент стал поворотной точкой. Поддержка Гантта и одобрение его деятельности вполне могли пустить карьеру Джордана в другом направлении, он мог стать кем-то, кого уважали бы за активную гражданскую позицию и сопротивление социальной несправедливости, а не знали бы как человека, беспокоящегося только о собственных интересах. «Помню, как он сказал однажды: «Я не политик», – вспоминал Лэйси Бэнкс в 2011-м. – В этом была слабость Майкла. Он никогда по-настоящему агрессивно не ассоциировал себя с глобальными общественными процессами».

Учитывая то, что Джордан испытывал дискомфорт, оказываясь в эпицентре таких публичных прений, его решение уехать в компании Сонни Ваккаро в Европу в августе, когда конфронтация только набирала обороты, выглядело логичным.

«С Майклом всегда важно доверие, – объяснял Ваккаро. – Он слушал. Я был тем, к кому он прислушивался. Он не хотел ехать. Тогда только началась война в Заливе. Опасное было время. Я попросил его поехать. Я заставил Nike выделить мне частный самолет. Мы полетели на нем, так что были в безопасности. Мы садились в частных аэропортах; за нами следовали парни в

униформе. С пушками. Вот так поездочка была! Мы съездили в Париж. Побывали в Германии, в Испании».

> Именно так они и оказались в старом вонючем туалете армейской базы в Германии.

Поскольку беспокоиться о маркетинговых проблемах не приходилось, Германия стала для них самым эмоциональным этапом турне, поскольку присутствующие солдаты не знали о конфликте еще очень многого. Плюс там был брат Ронни.

«Майкл был судьей на конкурсе данков и сыграл за армейскую баскетбольную команду, – вспоминал Ваккаро. – Там были спонсоры, связанные с Nike. В Германии он сыграл против самого себя. Он проводил матч в маленьком спортзале, где было, наверное, тысячи две солдат. Согласно плану, он должен был минут 5–10 играть за команду А, а затем 5–10 минут за команду В. А потом мы пробирались через черный ход к лимузину, потому что у главного собирались толпы болельщиков, журналистов и пробраться в этот маленький спортзал было нереально».

Убежище Джордан и Ваккаро нашли в древней уборной спортзала. Там были скамья и открытые писсуары в старом стиле, представлявшие собой длинные металлические корыта, сильно отдававшие вонью, – едва ли такие удобства представлял себе Джордан, когда Ваккаро продавал ему идею отправиться в грандиозный европейских промотур. Джордан, впрочем, ни слова не сказал об условиях размещения.

«Я закрыл дверь перед самым началом игры, – вспоминал Ваккаро. – Мы там были с ним вдвоем, больше никого. Я пошел в туалет, а он набивал мяч о пол. Я закрыл дверь, а потом услышал, как кто-то вошел и сказал, что пришло время начинать игру. Я сказал: «Давай, Майкл, пошли». Он ответил: «Нет, оставь меня одного на минутку». Ваккаро какое-то мгновение пристально изучал Джордана взглядом и только потом понял, что происходит.

«Этот молокосос готовился сыграть матч. Почему я это говорю? Он набивал мяч, чтобы подготовиться к игре. Вот такой он человек. Он собирался показать свою лучшую игру независимо от того, какая там была атмосфера и какими были, черт их побери, обстоятельства. Он оказался в старом вонючем туалете в богом проклятой Германии и готовился к игре так, словно ему предстояло сыграть за УНК против Джорджтауна на «Супердоуме». Это говорит о его менталитете, который был присущ ему всю жизнь».

Джордан на всех порах рванул в игру и в первой половине матча обеспечил своей команде лидерство в счете. В той игре его

соперниками были американцы, ему было проще читать их действия на площадке. Первые мгновения он оценивал обстановку, но потом принялся атаковать в яростном джордановском стиле, выдавая перехваты в фантастических объемах, прорубая себе дорогу к кольцу, дразня соперников трехочковыми, а когда игра замедлялась, он брал мяч и вставал спиной к оппонентам, просто чтобы проверить их на прочность.

«На площадке он – настоящая сволочь», – вспоминал Сонни Ваккаро свои тогдашние мысли.

Джордан, быть может, и не знал, как себя вести с протестной политикой, зато от соревновательной борьбы он никогда не уклонялся. Присутствующие увидели «любовь к игре» во плоти, в обличии одного человека на площадке. Вместо того чтобы играть ограниченное количество времени в каждой половине, Джордан полностью поглотил всю игру. «Он играл за команду А всю первую половину, 20 минут, – вспоминал Ваккаро. – А потом в перерыве поменял майку и стал играть за команду В».

В перерыве счет был, если память не изменяет Ваккаро, «40: 25 в пользу команды Майкла. Потом он поменял майку и стал играть за противоположную команду».

Игроки, которых он только что унижал, теперь стали его партнерами, как это бывало на тренировках «Буллз», когда Даг Коллинз решал вдруг перебрасывать его из одной команды в другую. Так что Джордан стал оценивать свой новый состав и пытаться понять, кто тут может за себя постоять, а кто нет. «Вы уже можете предсказать концовку этой истории, – говорил Ваккаро. – В конце игры счет был 82: 80. Майкл победил самого себя. Он отыграл все 40 минут игры вместе с солдатами».

Настоящая маркетинговая работа началась на барселонском этапе турна: в столице Каталонии вовсю шла подготовка в летней Олимпиаде 1992 г. Джордан совершил несколько широко освещавшихся в СМИ визитов в офисы Nike, олимпийского комитета, даже в офисы Ассоциации баскетбольных клубов – офисы Испанской лиги. «Они хотели, чтобы Майкл приехал в Барселону, и он приехал и даже символически копнул лопатой на месте нового стадиона, который строили к Олимпиаде-1992, – объяснял Ваккаро. – Он дал одну пресс-конференцию в Мадриде, а другую – в Барселоне. Он был членом жюри на конкурсе слэм-данков, проходившем по ходу уик-энда Всех Звезд Испанской лиги, который устроил для молодежи Nike».

И вновь он сыграл против самого себя, на этот раз в компании испанских профессионалов. Джордану потребовалось чуть больше времени, чтобы научиться читать ходы своих европейских оппонентов, игру которых он пытался раскусить. В

этом ему помог олимпийский опыт 1984 г. Он исполнил несколько джамперов, собрался, а затем принялся за работу – к восторгу зрителей, до отказа заполнивших арену в Барселоне.

Толпы испанских болельщиков восторженно встречали каждое движение Майкла, после чего и СМИ, и сами фанаты на один лад стали объявлять о том, что «бог баскетбола» спустился с небес на землю в их присутствии. Грандиозный прием, устроенный Джордану, был чем-то похож на церемонию коронации, что ему устроят в Барселоне двумя годами позже. «Мероприятие здорово разрекламировало Nike, – говорил Ваккаро о своем замысле. – Теперь Майкл стал иконой».

Путешествие запомнилось тем, что в Джордане произошла не такая заметная посторонним, но немаленькая по масштабу внутренняя трансформация, начавшаяся с того, что он прислушался к советам, вспоминал Ваккаро. Очень многое из того, что было сделано им прежде, осуществлялось под руководством Делорис Джордан. Но тогда Ваккаро увидел первые признаки превращения Джордана в маркетинговую и бизнес-силу, которой он вскоре станет. Майкл оставлял в прошлом мировоззрение нетерпеливого и обидчивого молодого принца и забирал в свои руки контроль над собственным брендом, делая то, что было необходимо для обеспечения его дальнейшего роста. Теперь он применял свою трудовую этику, соревновательный дух и обретенную зрелость за пределами баскетбола. Не то что бы Джордан имел склонность не всегда выполнять свои обязанности, нет, просто теперь тот подросток-максималист, клявшийся, что никогда не будет работать, наконец трудоустроился.

Слэм-данк

Вихревое кружение при облете Города света с посещением Елисейских Полей, Триумфальной арки и набережных Сены доставило Джордану так много положительных эмоций, что он сказал своему другу о том, что посещение парижских достопримечательностей заставило его задуматься о приобретении доли в каком-нибудь баскетбольном клубе Европы и продолжении там карьеры после ухода из NBA.

Перемены в Майкле были очевидными. Ваккаро говорил: «Большую часть времени, что я проводил с ним в первые его годы в NBA, он был молодым парнем, резвившимся от души, тусовавшимся на вечеринках, развлекавшимся с подружками и так далее. Так продолжалось до тех пор, пока он не женился на Хуаните. Я был участником всего этого. Я своими глазами это

видел. Теперь же он взрослел, матерел. Теперь он знал, чем обладает. Теперь он брал на себя обязательства по управлению империей вместе с Nike. Он становился совладельцем компании».

Его следующий контракт с компанией признает то, что Фил Найт уже знал и от чего испытывал зависть: могущество Майкла Джордана развилось настолько, что теперь он превращался в полноценного, равного партнера Nike. А PUSH был где-то рядом, следя за процессом такого превращения. «Его следующим контрактом станет Jordan Brand», – отмечал Ваккаро.

Ди Брауну довелось «попробовать» нового Джордана на матче Всех Звезд 1991 г., проходившем в Шарлотт, по ходу которого защитник-первогодок «Селтикс» выиграл конкурс слэм-данков. Единственной проблемой было то, что новый Джордан… сильно смахивал на старого. NBA пыталась убедить его участвовать в конкурсе в родной Каролине, но Джордан отказался, прикинув, что мало что выиграет, а вот проиграть может многое.

Но когда он приехал в Шарлотт, его соревновательная энергия начала бурлить и закипать в жилах, особенно когда он увидел, как паривший над паркетом Браун выиграл конкурс слэм-данков, исполнив данк вслепую. Но действительно важным в этой истории было то, в какие кроссовки был обут Браун: в модные Pumps от Reebok. Спустя немного времени после завершения конкурса, проходившего пятничным вечером, Браун оказался в туннеле под трибунами, где ожидал начала следующего события. И вдруг рядом с ним оказался Джордан. «Это было странно, – вспоминал Браун. – Я был дебютантом лиги и только-только выиграл конкурс, может часа два назад. И вот мы рядом, только я, Майкл и охрана. Я сижу, а он подходит ко мне и говорит: «Отличная работа, малой. Ты и правда здорово потрудился». Потом он сказал что-то вроде: «Знаешь, теперь мне придется жестче играть против тебя». Брауна эта фраза застигла врасплох, он был более чем напуган. «Почему?» – спросил он. Майкл ответил: «Знаешь, ты только что начал обувную войну». Я удивился: «Что это значит?» Я забыл все на свете. Передо мной Майкл Джордан. Мне 21 год, я только что выиграл конкурс данков. Я не понимал, что он говорит. Он мог сказать мне, что у меня лицо сейчас отвалится и вот-вот упадет, а я бы сказал ему «спасибо вам».

Позже Браун начал задаваться вопросом, а как Джордан вообще узнал, где он находился? Неужели звезда потрудилась разыскать его, чтобы сделать замечание? Чем больше он размышлял об этом, тем отчетливее осознавал, что Джордан именно так и поступил.

«Я начал выяснять, – сказал Браун. – Я постоянно слышал все

эти истории о Майкле и о том, как он любит конкуренцию. На тот момент, после того как я появился в этих своих кроссовках от Reebok, у него уже были мысли, что впереди нас ждет соперничество между тем брендом и этим. Забудьте о баскетболе, теперь все перешло в плоскость «теперь я должен одержать верх в чем-то другом. Я знаю, что ты сможешь защищаться против меня. Я лучший игрок в мире. Но поскольку ты посмел сделать этот финт с Reebok, мне нужно тоже поднять ставки в обувном бизнесе».

За несколько коротких месяцев Джордан обрел новую идентичность, о существовании которой тогда мало кто подозревал. Он был играющим директором обувной компании. Как отмечал Ваккаро, Джордан становился гораздо более искушенным в этой своей бизнес-роли, чем представляла себе публика.

«Reebok Pump в какой-то степени взорвал рынок в то время», – говорил со смехом Браун в интервью 2012 г., добавляя, однако, что довольно скоро эта проблема была решительным образом устранена Джорданом. «Очевидно, что Майкл поднял ставки в обувной игре. Это говорит о том, какой серьезной была конкуренция. Теперь все носят Jordan».

Перемены в зарплате

В начале осени 1990 г. 27-летний мужчина с неутолимым аппетитом и безграничной энергией ответил наконец на звонки Фила Джексона, дозванивавшегося до него в преддверии начала работы тренировочного лагеря «Буллз». Тренер пытался пробиться к игроку на протяжении большей части межсезонья, но Джордан, казалось, был слишком погружен в свои многочисленные хлопоты. В какой-то момент летом он нашел время, чтобы поучаствовать в благотворительном турнире по гольфу в Филадельфии в компании с Чарльзом Баркли, игравшим роль его кедди. Они моментально поладили друг с другом. Чак был невероятно талантлив, а его чувство юмора сильно облегчало Джордану процесс разгребания всей той чепухи, что начала сваливаться на него со всех сторон. Каким-то образом Баркли всегда удавалось смешить его. Довольно скоро через его повседневную жизнь нитью стал проходить продолжительный, непрекращавшийся телефонный разговор с Сэром Чарльзом. Джордан думал, что это у него язык без костей, но как же тогда описать Баркли? Джордан не мог удержаться от смеха, когда толстячок из Алабамы заявил, что в грядущем сезоне отберет у

него титул самого результативного игрока лиги.

Когда осенью Джордан вернулся в Чикаго в расположение «Буллз», все окружающие заметили в его ухе сверкающую бриллиантовую серьгу, дополнявшую его налысо выбритую голову. Рискованный ход для человека, чей имидж был для него всем. Прежде всюду можно было увидеть «стиль Джордана альфа-самца», его имитировали мужчины всех рас и цветов кожи.

Джордан вместе с агентом Дэвидом Фальком стали вести серьезные разговоры о его продвижении за пределами баскетбольной площадки. Вскоре они стали рассматривать «прямоугольник баскетбольного паркета не как платформу, а как ненужные рамки, ограничивающие его возможности», объяснял позже Фальк. Как раз в тот сезон несколько бизнес-партнеров выдвинули идею запустить линию вечерних костюмов для мужчин под названием «23 Night for Michael Jordan» в сотрудничестве с After Six – брендом, выпускавшим деловую одежду и костюмы для светских мероприятий. «Мы никогда не испытывали такого волнения, – рассказывала журналу *People* вице-президент After Six по маркетингу Мэрилин Шпигел. – Майкл – мужчина девяностых».

Майкл был ростом в 198 см, весил 88 кг, имел грудь объемом в 114 см и талию в 83 см, что делало его идеальной моделью для портных. Линия вечерних костюмов станет лишь еще одним элементом в том потоке товаров – одежда, парфюм, ювелирные украшения, нижнее белье и т. д., – который вскоре станет характерной составляющей образа жизни «мужчины-метросексуала», как будут именовать таких людей.

«Когда я был молод, я начал активно интересоваться модой и озаботился своим стилем, – говорил Джордан в интервью *People*, вспоминая свой опыт занятий домоводством в старшей школе Лэйни. – Я экспериментировал с разными стилями, но когда я хотел купить себе какую-нибудь вещь, то понимал, что не могу себе ее позволить». Теперь он, разумеется, мог позволить себе все, что угодно, но при этом дошел до той точки своей карьеры, когда игра, давшая ему такие возможности, перестала приносить ему радость и положительные эмоции. Он редко утруждал себя просмотром матчей NBA в свободное время. Эта тема стала одной из тех, что раскрыл в своей книге спортивный журналист *Chicago Tribune* Сэм Смит, освещавший жизнь «Буллз» и писавший свою работу о закулисной жизни команды. По планам книга должна была увидеть свет осенью 1991 г., а в ее основу легла информация, собранная Смитом при общении с анонимными источниками из команды и ее окружения. Она представит Джордана монументально эгоистичным, циничным, злым и

недовольным, утратившим за шесть сезонов пребывания в NBA всякую способность доверять людям.

С такой ситуацией столкнулся Фил Джексон, когда сел поговорить с Джорданом, перед первой предсезонной встречей. Джексон понял, что уже на второй год своей тренерской работы с командой оказался на перепутье. Он хотел обсудить с Майклом то, как он и «его джорданцы», как называли его приближенных, собираются планировать рабочий график сезона.

Джордан надеялся, что тренер сообщит ему об отказе от треугольного нападения, но Джексон собирался сказать ему совсем не это. Тренер не только ожидал, что команда будет более тщательно придерживаться системы, но также проинформировал Джордана о том, что команде будет лучше, если ее главная звезда не будет так сфокусирована на выигрыше очередного титула лучшего снайпера лиги. Словно Чарльз Баркли читал мысли Джексона на расстоянии.

Окончание встречи выдалось неприятным – таким же неприятным, как начало регулярного сезона. Еще в 1989-м, когда «Буллз» решила поместить фотографию Пиппена на свой календарь, приуроченный к началу сезона, Джордан начал подозревать, что в клубе начался процесс «де-джорданизации», то есть решительного стремления выйти из тени, которую отбрасывал Майкл. Он слышал от людей внутри клуба о словах, сказанных Краузе о том, что если бы на месте Джордана был Хаким Оладжувон, «Буллз» взяла бы уже два чемпионских титула. Он чувствовал, что во фронт-офисе начали укрепляться во мнении, что он – не тот игрок, вокруг которого можно выстроить чемпионскую команду. В ретроспективе может показаться смехотворным, что он подозревал клуб в нежелании продвигать его в лидеры. Его лицо мелькало повсюду, где говорили о профессиональном баскетболе. Но его окружению уже давно стало понятно, что реальность, с одной стороны, и сознание Джордана, его соревновательный дух и амбиции – с другой, зачастую существовали в параллельных вселенных. В тот момент он лучше, чем когда-либо умел настроить себя таким образом, чтобы разжечь огонь из ничего – если ему сильно хотелось устроить пожар. У людей, окружавших его, часто были трудности с тем, чтобы отделить реальность от плодов его воображения.

Успех агрессивной и физически мощной защиты «Пистонс» был бесспорным. Джордан знал, что другие тренеры вскоре начнут перенимать у «Детройта» их подход, и был намерен доказать всем их неправоту. «Все будут вынуждать меня бросать издали», – насмешливо говорил он.

Другим очевидным фактором была эволюция в отношениях

между лигой и телевидением. NBC выиграла борьбу у CBS за телеконтракт с NBA, предложив больше денег, что сулило игрокам лиги поток миллионов долларов. Контракт Джордана, о котором он договорился с клубом двумя годами ранее, уже не соответствовал реальному положению дел, так как оставлял Джордана лишь на седьмой строчке в списке самых высокооплачиваемых игроков лиги. Что еще хуже, новый контракт Пиппена принес ему в тот год 760 тыс. долларов, при том что многие из партнеров Джордана по команде, игравшие куда менее значимую роль, зарабатывали более миллиона в год. Пиппен полагал, что скрываться в номере мемфисского отеля, вместо того чтобы ехать на тренировочный сбор команды, – хорошая идея, пока агент не убедил его в том, что подобная стратегия приведет к карьерной катастрофе.

В следующее десятилетие финансовые вопросы станут причиной возникновения громадных разногласий внутри чикагской франшизы, по мере того как игрокам и агентам будет все очевиднее тот факт, что Джерри Райнс-дорф – весьма жесткий и неуступчивый бизнесмен. Владелец команды ставил искусство заключать сделки выше всего остального и давно пообещал себе, что будет избегать плохих контрактов с игроками, которые парализовали жизнь столь многих команд. Райнсдорф следовал жесткой политике – избегал пересмотра условий контрактов любой ценой. И, хотя Джерри сделал исключение в этом вопросе для Джордана, он знал, что его звезда не будет просить у клуба прибавку к жалованью, а значит, у него будет время оценить ситуацию и продумать свои ходы.

Подход главы клуба к «выигрышу» переговоров с игроками и их агентами был завязан на старой как мир тактике заниженной цены. Задачей Краузе было делать чрезвычайно скупые предложения, приводившие в бешенство игроков и их агентов, после чего на авансцену выходил Райнс-дорф уже с более щедрым предложением. Но владелец знал то, что знают все торговцы подержанными автомобилями: если ты начинаешь с низкой цены, ты обычно убеждаешь другого участника сделки поступиться на переговорах очень многим. Несмотря на то что такой подход был эффективным, он привел к тому, что Краузе стал ненавидеть не один только Джордан.

> Целый отряд игроков «Буллз» и их агентов относился к генеральному менеджеру команды с исключительным презрением.

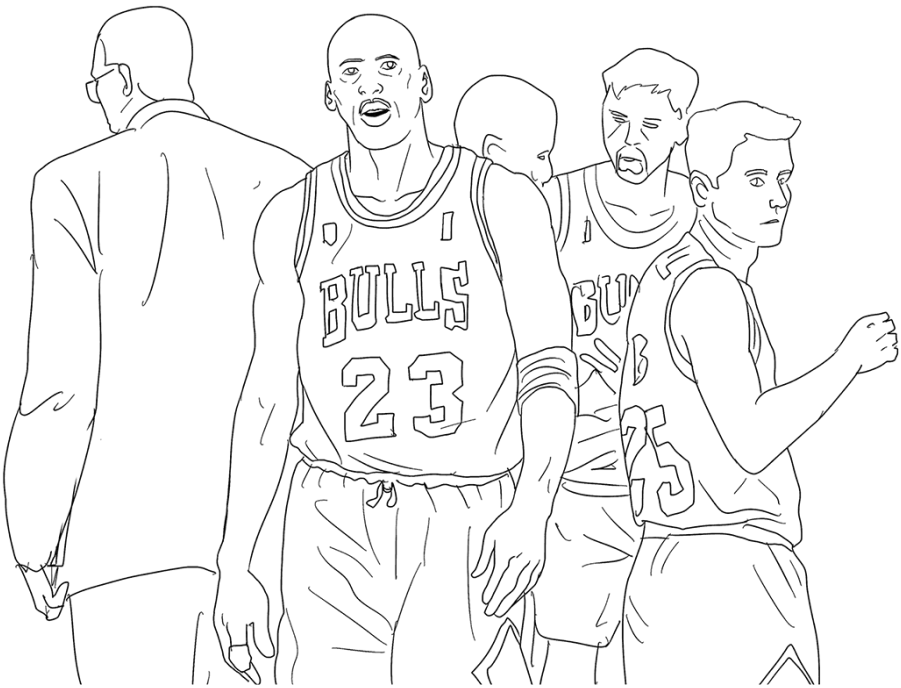
Летом 1990 г. Краузе драфтовал хорватского вундеркинда Тони Кукоча, но в какой-то момент ему пришлось прикладывать

дополнительные усилия для того, чтобы убедить тинейджера играть за «Буллз». В то время европейские игроки были во многом несостоятельны в NBA, где выступали куда более развитые в физическом плане баскетболисты. Восторг, с которым Краузе относился к Кукочу, лишь укрепил Джордана во мнении, что команда пошла по пути «де-джорданизации», особенно когда она начала пытаться завлечь Кукоча, имевшего контракт с европейской командой, за счет спонсорских сделок на стороне. Когда Джордан и Пиппен узнали, что Краузе работал над тем, чтобы выкроить 2 млн долларов из потолка зарплат и покрыть этой суммой расходы на трансфер Кукоча в Америку, они разозлились еще сильнее.

Едва ли это было идеальное время, чтобы объявлять о том, что команда вновь будет применять «нападение равных возможностей», и предлагать Джордану сократить количество своих очков и сыгранных минут во благо команды, но именно это Джексон и сделал. И тем самым жребий был брошен: главным противостоянием отныне будет ум Джексона против воли Джордана. Разумеется, у обоих были и противоположные критерии оценки друг друга. Джордану искренне нравился Джексон, он хотел с ним сотрудничать, но лишь в обозначенных пределах.

После шести лет выступлений в лиге под началом разных тренеров и с разными партнерами Джордан верил по большей части лишь в самого себя. Он верил в Майка. Остальные были под знаком вопроса. В таких обстоятельствах они все встречали осень 1990 г.

Часть VIII
Приобретения



Глава 26
Треугольник

Тихой гаванью для Джордана – когда он сумел наконец добраться до Чикаго и провести там несколько дней – стал диван в доме его тещи в Саут-сайде, где он мог часами смотреть телевизор и наедаться макаронами с сыром, которые в старомодном стиле готовила ему Дороти Ваной. Хуанита была на шестом месяце беременности, а под ногами у нее суетился маленький двухлетний живчик; она тоже искала убежище в доме матери. Это было лучшим местом, где Джордан мог отслеживать маневры Краузе, по ходу межсезонья пытавшегося усилить ростер команды.

У «Буллз» были деньги, которые можно было потратить в то межсезонье на решение нескольких серьезных проблем с составом. Джексону нравились габаритные защитники, крупные игроки, умевшие работать по периметру, они были нужны ему, чтобы обеспечить защитный прессинг. Вдобавок Бах отмечал, что команда нуждается в жестком защитнике-ветеране, который сможет дать отпор Джордану и будет посылать его куда подальше, когда Майкл начнет брать на себя слишком много и замыкать все нападение на себе. Дэнни Эйндж подходил на эту роль по всем параметрам и был доступен для обмена в «Сакраменто Кингз», но командой тогда руководил экс-тренер «Буллз» Дик Мотта, не собиравшийся заключать никаких сделок, которые могли бы как-то помочь его старому врагу Джерри Краузе.

И вновь внимание клуба было обращено к Уолтеру Дэвису, который теперь стал свободным агентом после завершения договора с «Денвером». Джордан согласился на частичный пересмотр своего контракта, чтобы помочь «Буллз» уладить проблему с потолком зарплат, но только при условии, что сэкономленные деньги «Чикаго» потратит на подписание соглашения с Дэвисом. Казалось, что сделка уже на мази, но тут жена Дэвиса дала понять, что хочет остаться в Денвере и не настроена переезжать. Джордан был в шоке.

Тогда Краузе решил приобрести Денниса Хопсона из «Нью-Джерси», бывшего лучшего игрока года в конференции Big Ten, шедшего под высоким номером в первом раунде драфта, чтобы защитник обеспечил команде глубину на своей позиции. На место легкого форварда, способного помочь команде в защите, клуб пригласил Клиффа Левингстона, свободного агента из «Атланты».

Также Краузе подписал не задрафтованного свободного агента Скотта Уильямса из Северной Каролины. Джордан ликовал, узнав о том, что состав пополнил его «собрат» по «Тар Хиллз», и взял форварда под свое крыло. Би Джей Армстронг и Стэйси Кинг, два прошлогодних выбора команды в первом раунде драфта, возмужали и набрались опыта, и тренеры сочли, что они готовы приносить команде больше пользы.

Самым важным усилением, впрочем, был прогресс Пиппена, который совершил переход от винга к роли разыгрывающего защитника. Джексон говорил: «Он стал парнем, который получал мяч так же часто, как Майкл. Он стал доминирующей силой».

Пиппен приехал на тренировочный сбор, имея за плечами трехлетний опыт сражений с Джорданом на тренировках. Перемены в его отношении к соревновательному процессу отражались в стремлении больше забивать. Он тоже хотел быть как Майк. Если говорить более конкретно, он хотел больше денег от команды; чтобы войти в эту бизнес-игру, строившуюся на статистических показателях, ему нужно было чаще набирать очки, и он это понял. Единственная проблема состояла в том, что его новообретенный голод до очков стал еще одной палкой, брошенной в колесо джексоновских планов по построению треугольного нападения.

С самого старта сезона «Буллз» угодила в зону турбулентности, проиграв «Филли» в матче, в котором Сэр Чарльз обогнал Его Воздушество по количеству очков, набрав 37 против 34 у Джордана. Весь матч двое трепались без умолку, раздражая и оскорбляя друг друга. «Буллз» начала сезон с трех поражений подряд, затем добрела до показателей в 5–6 в первые три недели, что явно не соответствовало ничьим ожиданиям. В девятой игре, состоявшейся в Сиэтле, Джордан и языкастый дебютант Гэри Пэйтон начали обмен колкостями еще до начала матча. Джордан набрал 33 очка, а «Буллз» победила с явным преимуществом, но, поскольку Майкл провел на площадке всего 27 минут, его беспокойство, вызванное стремлением Джексона помешать ему выиграть титул лучшего снайпера лиги, лишь стало сильнее.

Освобождение

Посредственный старт команды вызвал тревогу и у Райнсдорфа, который сделал по меньшей мере один звонок Джексону, чтобы проверить, как идут дела, но лишь самые близкие люди из окружения тренера могли заметить у него какие-то признаки волнения. Гораздо больше того звонка от босса

Джексона беспокоила привычная глазу картина: Джордан и Пиппен игнорируют тактику Уинтера в нападении и атакуют защиту соперника, идя один в один. Другим участником этого заговора и подстрекателем Джордана, поддерживавшим его демарши, был Джонни Бах, нашептывавший ему свое мнение. «Джонни говорил: «Зачем этот треугольник? Просто хватай мяч и забивай. Пусть все остальные расчищают тебе путь», – вспоминал Джордан.

Джексон не будет мириться с несоблюдением Бахом субординации вечно, но она все же сыграла важную роль в эволюции командного стиля игры.

«Иногда Майкла нужно было высвобождать от участия в нападении», – объяснял Бах в интервью 2012 г., добавляя, что, на его взгляд, команда нуждалась в таком индивидуальном вкладе Джордана. Бах верил в нападение Уинтера, но он также видел, что главной звезде команды нужно дать возможность по-своему подстроиться под него. Джордан был мастером по части чтения игры защитников, так что переход команды к треугольнику очаровал его. И хотя нехватки драматических поворотов история с треугольником не знала, в команде происходило и нечто новое. Джордан, некогда с готовностью жертвовавший собой ради успеха системы Дина Смита, искал возможности как-то использовать треугольник с выгодой для себя. Бах вспоминал, что наблюдать за работой игрового интеллекта Джордана в этой ситуации было потрясающе интересно. Он действовал словно блестящий актер, в своем непревзойденном стиле трактующий великолепный сценарий, порой переписывая целые сцены и диалоги. «Игрок обязан понимать свою роль в системе, знать, как он вписывается в нее, – объяснял Бах, оглядываясь в прошлое. – Майкл знал треугольник вдоль и поперек. Он мог играть на любой позиции в этом нападении».

В общем и целом треугольное нападение стало форматом, позволявшим Джордану налаживать связь со своими менее одаренными партнерами по команде. Структура треугольника требовала того, чтобы мяч передавался открытому игроку. Как только Джордан начал подчиняться этому правилу, как только стал достаточно доверять команде, чтобы начать делиться с ней мячом, напряжение стало спадать. Система быстро эволюционировала таким образом, что Джордан стал отыгрывать в треугольнике три четверти матча, а затем – в зависимости от скорости и ритма игры – вырывался из рамок системы и в четвертой четверти начинал «запойно» забивать, набирая одно очко за другим. Эти четвертые четверти каждый вечер порождали беспокойство другого рода: Текса Уинтера тревожило то, что

Джордан пытается слишком многое делать сам. Порой, когда он играл таким образом, команда начинала спотыкаться. Но гораздо чаще результат оказывался поразительным.

Жизнь Джордана вне паркета в том сезоне протекала в знакомом русле. Либо он запирался в номере, где участвовал в марафоне карточных битв в компании узкого круга приближенных лиц, либо незаметно ускользал на ближайшее поле для гольфа, чтобы сыграть там партию-другую. Ему часто удавалось выбираться туда днем, после тренировок, пока его партнеры по команде наслаждались послеобеденным сном.

По мере развития сезона игра команды обрела баланс, которого оказалось достаточно для интеграции в систему Хораса Гранта (12,8 очка, 8,4 подбора за игру в среднем) и Джона Пакссона (8,7 очка при 54,8 %-й реализации бросков с игры). Ключевой проблемой стала неспособность игроков, выходивших со скамейки, удерживать преимущество в счете. Армстронг, Ходжес, Пердью, Кинг, Левингстон, Уильямс и Хопсон упорно работали над тем, чтобы следовать принципам треугольного нападения, но результаты команде приносили снайперские успехи Джордана. Его раздражало то, что партнеры испытывали трудности, но в итоге это приводило к тому, что он проводил больше времени на площадке и получал больше возможностей забивать.

Что более важно, после неубедительного старта команда воспряла благодаря игре в защите. Присутствие Баха заряжало игроков энергией, но сам ассистент тренера будет отмечать, что его вклад в работу был всего лишь формальностью в сравнении с теми решительными усилиями, которые прикладывал Джексон к тому, чтобы сделать игру в защите во многом определяющим элементом идентичности своей команды. «Я внес скромный вклад в защиту, – объяснял он. – Чтобы показать ее команде и донести до нее суть, потребовалось активное участие Фила».

Эти усилия привели к появлению первых признаков превращения «Чикаго» в очень хорошую команду. В декабре защите «Буллз» удалось сдержать команду «Кливленд Кавальерс», набравшую лишь пять очков в первой четверти игры на чикагском «Стэдиуме», где толпы болельщиков создавали для гостей весьма враждебную атмосферу, пугавшую не меньше, чем игра хозяев в защите. В третьей игре сезона «Буллз» проиграла «Бостону» в Чикаго. Следующее домашнее поражение случится лишь 25 марта, когда «Хьюстон» прервет 30-матчевую победную серию «Буллз» в домашних играх.

Защита, по сути, приобрела для нападения немного времени, необходимого на отладку треугольника. Когда это произошло,

ролевые игроки вроде Пакссона начали расцветать. «Джон Пакссон был одним из тех, кто создавал все различие, потому что правильно относился к делу, – вспоминал тренер в 1995 г. – Он участвовал в прессинге по всей площадке и был посредником в этой системе нападения».

Февраль команда закончила с результатом 11–1. Серия включала гостевую победу в «Пэлас оф Оберн-Хиллс», случившуюся перед самым уик-эндом Всех Звезд. Айзея Томас не играл из-за травмы, но победа все равно стала позитивным сигналом «Буллз», начинавшей обретать веру в себя. «Сам факт победы на домашней арене придал нам уверенности, потому что прежде нам с большим трудом удавалось обыгрывать их, – вспоминал Пакссон. – Фил убедил нас в том, что необходимо следовать своей игре и не отступать перед лицом «Пистонс». Это очень помогло нам во время матча».

Исход игры зарядил Джордана оптимизмом и еще большей уверенностью, если такое вообще возможно. «Когда мы поехали к ним в гости и победили их перед самым перерывом на матче Всех Звезд, я понял, что мы можем обыграть их и в плей-офф, – вспоминал он. – Мы не были дома что-то около двух недель, и в тот момент все звезды сошлись. Я почувствовал, что мы можем».

Картрайт с ростом в 215 см был ключевым игроком заматеревших «Буллз» в этих противостояниях с физически мощными «Пистонс». Картрайт мог быть таким же упрямым, как Джордан, что тоже помогало команде не бояться выходить лицом к лицу с «Детройтом». «Одним из открытий для нас стало то, – объяснял Джексон, – что у «Детройта» был свой способ поднимать градус враждебности по ходу матчей. В какой-то момент тебе приходилось соревноваться с их игроками в физической мощи – если ты, конечно, хотел продолжать борьбу. Если не хотел – нет проблем. Они просто брали игру в свои руки и обыгрывали тебя. Но если ты хотел ответить им, нужно было сделать что-то аналогичное в плане физической борьбы, чтобы играть с ними на одном уровне. Билл дал «Пистонс» отпор, заявив: «Мы не хотим так играть. Я не хочу так играть. Но если нам надо играть так, чтобы разобраться с этими ребятами, я не испугаюсь. Я покажу этим детройтским парням, что подобное неприемлемо. Мы не будем мириться с таким отношением к себе». Вы и представить себе не можете, как сильно это успокоило таких ребят, как Скотти Пиппен и Хорас Грант, ребят, которые постоянно оказывались зажатыми в тиски физически более мощными игроками вроде Денниса Родмана и Рика Махорна, все время создававших большую проблему на их пути».

Март обернулся девятиматчевой победной серией, которая

помогла команде получить важнейшее преимущество домашней площадки на первый раунд плей-офф. Завершили регулярку «Буллз» еще одной серией побед в четыре матча, одна из которых случилась в игре с «Пистонс» – по ее итогам статистика «Чикаго» вышла на показатели 61–21.

Настроенный доказать свою правоту и при этом удовлетворить желания Джексона Джордан вновь сумел стать лучшим снайпером лиги со средним показателем в 31,5 очка за игру (к ним он добавил шесть подборов и пять ассистов в среднем за матч). Пиппен тоже оказался в силах вывести свою игру на новый уровень. В том сезоне он провел на площадке 3014 минут и имел средние показатели в 18 очков, семь подборов и шесть ассистов.

Когда настала пора матчей плей-офф, Джордана во второй раз признали самым ценным игроком лиги.

Плей-офф «Буллз» открывала игрой с «Никс» и выиграла первый матч с рекордной разницей в +41, а затем смела соперника и в двух оставшихся играх, победив 3–0 по итогам серии. Следующей ее жертвой стала команда «Севенти Сиксерс» Чарльза Баркли – 4–1. Во время двухдневной паузы в серии плей-офф против «Филадельфии» Джордан вместе с писателем Марком Вансилом рванули в Атлантик-Сити, чтобы поиграть в казино. Они приползли в отель, где остановилась команда, около 6:30, но Джордан все равно вышел на тренировку «Буллз» в 10 утра, что не стало сюрпризом ни для кого из тех, кто хорошо его знал. СМИ, впрочем, обратили свое внимание на эту историю, и в дальнейшем на нее будут ссылаться как на первый толчок, возвестивший о надвигавшемся землетрясении в жизни Майкла.

Баскетбол в каком-то смысле возвращал его в реальность. «Буллз» легко разобралась с «Сиксерс» и добилась единственного реванша, которого Джордан по-настоящему желал – игра против «плохих парней» в финальной серии Восточной конференции. В мае 1991 г. «Детройт» была раненой, надломленной командой. Чака Дэйли назначили главным тренером олимпийской сборной США на предстоящие Игры 1992 г., и Айзея Томас, вернувшийся после травмы в апреле того года, вероятно, почувствовал, что не входит в планы Дэйли на Олимпиаду. Он начал публично критиковать своего тренера, намекая на то, что обязательства перед олимпийской сборной негативно сказались на его работе с «Пистонс», которой он стал уделять меньше внимания. Дэйли искал возможность утихомирить свою звезду, но Томас продолжал отпускать критические ремарки. Говорилось, что за кулисами Дэйли пребывал в ярости из-за высказанных Томасом предположений о том, что он якобы не выполняет свою работу

так, как должно. «Все, что я сделал для сборной, – провел одну встречу и посмотрел кое-какие записи», – сказал он журналистам.

Джордан вместе с партнерами почуяли запах крови. «Пистонс» удалось очень мощно начать первую игру серии. «Мы обыгрывали их в первой игре, – вспоминал Брендан Мэлоун. – Таким тихим чикагский «Стэдиум» я не видел ни до, ни после. А потом со скамейки вышли Клифф Левингстон, Уилл Пердью и Крейг Ходжес. Левингстон и Пердью стали попадать «от забора», а Ходжес вообще был очень горяч в той серии».

> Поймав эту искру, «Буллз» сумела выиграть три первые игры в серии.

Правильное отношение к делу и тот факт, что теперь ее игроки стали гораздо лучше действовать в треугольном нападении, дали команде решающее преимущество. Мэлоун говорил: «Со временем они прибавили в нападении. Было тяжело опекать Майкла вдвоем и оставлять кого-то неприкрытым». В итоге система нападения Уинтера создала Джордану больший оперативный простор и открывала его партнерам больше возможностей бросать из открытых позиций. После окончания серии «Пистонс» призовет к ответу за критику, суть которой сводилась к тому, что игроки команды слишком сильно концентрировались на Джордане и оставляли без опеки его партнеров, получивших возможность делать удачные броски.

«Приходится концентрировать большую часть внимания на нем, – сказал Думарс, вспоминая исход того сезона. – Трудно выходить на паркет и не сосредоточивать свое внимание на этом парне, потому что он в состоянии доминировать почти надо всем, что происходит вокруг. Трудно выходить на площадку и не думать о том, что он собирается сделать».

Накануне четвертой игры в Детройте атмосфера вокруг серии сгустилась, приняв негативный оборот после того, как Джордан на пресс-конференции дал волю своему доселе сдерживаемому гневу. «Мои знакомые и близкие люди будут счастливы, узнав, что «Пистонс» больше не действующие чемпионы, – сказал он. – Мы вернем игре ее чистый имидж. Люди хотят вымести такой баскетбол. Когда чемпионом был «Бостон», было видно, что они играют в настоящий баскетбол. «Детройт» побеждал. Этого не отнять. Но команда не играла в чистый баскетбол. Такой баскетбол не хочется одобрять. Мы не будем опускаться до того, чтобы играть в таком же стиле. Я, быть может, иногда и практикую трэш-ток, но мы играем в честный, трудовой баскетбол. Они пытались провоцировать нас, но мы не утратили самообладания».

Затем Джордан решительно заключил: «Думаю, мы можем смести эту команду».

«Пистонс» в целом и в особенности Томас были разгневаны тоном и содержанием его комментариев. «Нет, никто нас не сметет», – поклялся Томас. Думарс таких утверждений не делал, но антипатия Джордана к его команде стала для него сюрпризом. «Я был удивлен, – признавался детройтский защитник позднее. – Я был разочарован, когда он начал поливать грязью наши чемпионские титулы, имевшие для нас такое значение».

Брендан Мэлоун, однако, увидел закат детройтского агрессивного стиля еще на более ранних стадиях плей-офф, когда комиссар NBA Дэвид Стерн сказал, что был шокирован тем, что увидел в игре других команд, начавших по примеру «Пистонс» совершать грубые фолы и заниматься «бандитизмом» на площадке. «Такому баскетболу пришел конец, – сказал Мэлоун. – Думаю, он кончился в тот год, после того как Дэвид Стерн пришел на матч плей-офф и увидел, как игроки затевают драку прямо у него на глазах. Он решил, что прикроет практику агрессивной и грубой игры в NBA».

После этого судьи обрушили на «Пистонс» шквал несправедливых свистков за нарушения, хотя серия с «Буллз» только-только началась. Мэлоун говорил: «Один из фолов зафиксировали у Джо Думарса, который был физически мощным игроком, но не считался слишком агрессивным. Тогда я понял, что лига приняла решение: так играть больше нельзя».

Джордан сдержал данное обещание, и на следующий день после пресс-конференции команда «Чикаго» смела «Детройт». По окончании игры Томас и все игроки «Пистонс» ушли с площадки, не пожав руки игрокам «Буллз» и не поздравив их с победой. Дэйли попросил их не делать этого. Столь пренебрежительное отношение разозлило болельщиков «Чикаго» и многих телезрителей и, вероятно, стоило Айзее Томасу места в олимпийской сборной США.

«Было невероятным наслаждением увидеть, как они ковыляют мимо нашей скамейки, – вспоминал Джон Пакссон по случаю 20-й годовщины победы. – Можно было видеть, как Айзея, сутуля плечи и опустив голову, уходил, как будто не хотел, чтобы его кто-нибудь видел… Но это событие в каком-то смысле подтвердило правильность наших убеждений – мы играем корректным образом. Они были очень хороши, но их время пришло и ушло, теперь настал наш черед». Вместо того чтобы присоединиться к Томасу в протесте, Думарс остановился поздравить своего врага с успехом. Он тоже был расстроен комментариями Джордана, но помнил гримасы боли, искажавшие

его лицо в концовках каждого из предыдущих сезонов. «Тот взгляд был причиной, заставившей меня остановиться и пожать ему руку после поражения, – вспоминал в 2012-м Думарс. – Я не собирался проходить мимо него, не пожав руки. Я пожал руку Филу, Майклу и еще нескольким парням. Я решил, что если этот парень может пожать мне руку, испытывая такие боль и разочарование, какие читались на его лице, то и я ни за что в жизни не уйду с паркета, не пожав руку ему».

Томаса и остальных игроков «Пистонс» привели в ярость слова Джордана, которые они сочли проявлением неуважения, как вспоминал Мэлоун. «Также это касалось и Фила Джексона с Тексом Уинтером, – говорил ассистент тренера «Детройта». – Они вели себя так, словно их стиль баскетбола был единственно верным. Я счел это оскорбительным. Существуют самые разные стили игры в баскетбол. Но у них было такое высокомерное отношение. Просто пришел их черед побеждать. Хорас Грант и Скотти Пиппен набрались опыта и были готовы играть. Пиппен очень повзрослел, как и Хорас Грант, и Майкл наконец получил необходимую поддержку, чтобы выиграть чемпионство».

Думарс отчасти объяснял инцидент с уходом с площадки тем, что Томас не умел проигрывать. Детройтская звезда также болезненно отреагировала на поражение от «Селтикс» четырьмя годами ранее. «Айзея никогда не говорил мне: «Я ненавижу Майкла Джордана», – объяснял Думарс в 2012-м. – Он говорил мне: «Я ненавижу проигрывать». Независимо от того, кто его победил, Айзея с ненавистью отнесся бы к поражению в той серии. Таково мое видение ситуации».

Пренебрежительное отношение «Пистонс» было сродни пощечине, последнему оскорблению в адрес «Чикаго», и оно надолго закрепило в коллективной памяти «Буллз» негативное отношение к «Детройту». «К «Пистонс» и всей их организации я испытываю только презрение и глубокое отвращение», – сказал Джерри Райнсдорф четыре года спустя, вспоминая тот период. – В конечном счете Дэвид Стерн почувствовал давление и внес поправки в правила, поставившие вне закона их стиль игры. То был не баскетбол. Это был бандитизм какой-то, хулиганизм на площадке… Это было одной из причин, по которой мы стали так популярны. Мы были белыми рыцарями; хорошими парнями. Мы разгромили «плохих парней» 4: 0, и они с сердитыми лицами покинули площадку. Я помню, как говорил в то время, что наша победа стала триумфом добра над злом. Их ненавидели, потому что, играя в таком стиле, они одолели сначала «Селтикс», а потом «Лейкерс», которые годами были самыми популярными командами NBA».

Барьер в виде «плохих парней» так долго оставался непреодолимым препятствием для Джордана и «Буллз», что, даже несмотря на то что им еще предстояла финальная серия игр за чемпионство в лиге, они не могли удержаться от того, чтобы как следует не отпраздновать победу. Старт празднованиям памятным образом дал Джерри Краузе. «Он встал в передней части самолета и начал праздновать, – вспоминал Джексон. – Он танцевал, а ребята скандировали «Давай, Джерри! Давай, Джерри!» Обсуждение денежных вопросов было отложено на время, но игроки по-прежнему понятия не имели, чего ждать от своего эксцентричного генерального менеджера. «Он танцевал, – вспоминал с ухмылкой Джексон, – или что он там делал, а когда остановился, все присутствующие покатились со смеху, все просто хохотали, и нельзя было сказать, смеются они вместе с ним или над ним. Это был один из тех моментов, которые отложились в памяти очень расплывчато. Это была просто дичь».

Время Мэджика

В недавнем прошлом «Буллз» пыталась заполучить в команду Дэнни Эйнджа и Бака Уильямса, но оба эти игрока в итоге оказались в «Портленде» в компании Клайда Дрекслера. Команда «Трэйл Блэйзерс» доминировала в Западной конференции на протяжении всего регулярного сезона, который она завершила с результатом 63: 19, но многолетний гегемон «Лейкерс», ведомый Мэджиком Джонсоном, нашел способ взять над соперником верх в финале Конференции: «Портленд» был бит 4: 2.

Внезапно вышло так, что Чикаго должен был принимать первую игру финальной серии мечты каждого баскетбольного фаната – Майкл против Мэджика, «Буллз» против «Лейкерс» – из-за чего менеджер клуба Джо О'Нил, отвечавший за билеты, оказался в кошмарной ситуации. Задача поиска необходимого Джордану количества билетов на домашние матчи никогда не была легкой, тем более что решать ее нужно было так, чтобы лишний раз не злить его партнеров по команде. По мере того как «Буллз» стала продвигаться по сетке плей-офф все дальше и проводить все больше важных матчей, проблема поиска билетов становилась все острее, особенно с учетом неслабых запросов Джордана.

«Я примерно знал, какое количество билетов ему было нужно, – вспоминал О'Нил. – Я всегда говорил Майклу: «Не надо преподносить мне сюрпризы. Не говори мне, что тебе нужны 20 билетов в последнюю минуту», что он обычно и делал». Одной из

серьезнейших проблем было удовлетворение запросов Джордана и одновременно с этим удовлетворение нужд Пиппена и Гранта. О'Нил объяснял: «Помню, как мне приходилось заходить в раздевалку и сообщать Скотти, Хорасу и остальным: «На игру получите по четыре билета. И не просите у меня больше. Билетов больше нет. Точка. Каждому по четыре билета». После чего я протягивал Майклу пачку штук в 40 билетов».

Проблема выросла до таких масштабов, что О'Нил стал советовать Джордану прятать билеты от партнеров. В конце концов менеджер начал встречаться с Джорданом тайком, в раздевалке хоккейной команды, игравшей на «Стэдиуме», чтобы отдавать ему билеты там.

Спрос на билеты вышел из-под контроля, как только стало ясно, что «Буллз» будет принимать у себя «Лейкерс» в первой игре финальной серии. «Оставалось примерно четыре дня до начала финала, а меня заваливали запросами со всех сторон, – вспоминал О'Нил тот первый год. – Достаточного количества билетов у меня не было. Они были нужны и Майклу, и всем остальным. Помню, как приехал домой часов в семь вечера и сказал жене: «Сюзан, думаю, что больше так не смогу. Я перегружен. Весь белый свет ломится ко мне в дверь. Играют Майкл и Мэджик. Мне не хватает билетов на всех. Не думаю, что смогу продолжать это дальше». Сюзан сказала: «У меня есть идея. Почему бы тебе не вынести мусор?» И я вышел из дома, чтобы выбросить мусор. Я вытаскиваю мешок на улицу, и через дорогу в доме соседа загорается свет. Сосед выбегает оттуда, протягивает мне кредитку и говорит: «Мне неловко поступать так, Джо, но ты не мог бы достать мне парочку?» Я вернулся домой и сказал жене: «Только что выносил мусор и получил заказ на два билета».

Это был уже не первый раз, когда дуэль Майкла и Мэджика порождала такой мгновенный и масштабный ажиотаж. В 1990 г. промоутеры планировали свести Джонсона и Джордана друг против друга в игре один на один, которая по планам должна была транслироваться по системе pay-per-view. Джордан, всю жизнь бросавший людям вызовы в играх один на один, тут же счел идею очень привлекательной. Но NBA отвергла возможность устроить такое событие – оно принесло бы участникам очень большие деньги, – после того как Айзея Томас, бывший президентом ассоциации игроков, выступил с возражением. Джордан разразился тирадой в адрес Томаса, раскритиковав его за вмешательство и обвинив в зависти, мол, никто не стал бы платить деньги за то, чтобы посмотреть на игру детройтского защитника.

Джонсон сказал, что с удовольствием сыграл бы против

Джордана, но отказался впутываться в дрязги между двумя баскетболистами. «Это их спор», – сказал он.

Джонсона, однако, немного развеселили спекуляции по поводу возможного исхода дуэли с Майклом. Актер Джек Николсон, фанат «Лейкерс» до мозга костей, сказал, что, если бы он был азартным человеком, он поставил бы деньги на победу Джордана, сильнейшего индвидуалиста в игре и полную противоположность Джонсона, которого считали самым совершенным командным игроком в профессиональном баскетболе.

Джонсон, впрочем, не стал соглашаться с правдивостью этих спекуляций. «Я играл один на один всю свою жизнь, – сказал он. – Так я зарабатывал деньги на завтраки». На вопрос о том, какой маневр был его коронным в играх один на один, Джонсон ответил так: «У меня не было коронного маневра. Моим лучшим маневром было побеждать, и все. Я делал все, что было необходимо для победы».

Баскетбольные болельщики были разочарованы тем, что дуэль двух звезд не состоялась. «Многие люди хотели на нее посмотреть, – сказал Джонсон в то время. – Майкл очень разочарован. Его окружение разочаровано. Как и мы все. Мы все этого очень ждали и хотели сыграть».

Тем летом 1990-го Джордан согласился сыграть в благотворительной игре Всех Звезд, устроенной Мэджиком, но в день игры он слишком увлекся попаданиями в лунки на поле для гольфа и приехал с опозданием. Вместо того чтобы начинать матч без одной из главных звезд лиги, Джонсон решил отложить начало матча, чтобы дать Джордану время успеть к вбрасыванию в центральном круге, что, по слухам, привело в ярость Айзею Томаса. По всей видимости, Джордан был в восторге от того, что доставил неудобства своему заклятому врагу.

Теперь, в финале NBA, Волшебный Майк (Magic Mike) из старшей школы Лэйни получил наконец шанс выйти лицом к лицу со своим кумиром детства. Джонсон, приведший «Лейкерс» к пяти чемпионским титулам NBA, считался самым совершенным приверженцем командной игры, тогда как Джордан был театром одного актера, который, казалось, просто не может перестать называть своих партнеров «группой поддержки», сколько бы его ни просили этого не делать. Вдобавок Джордану пришлось противостоять двум своим бывшим партнерам по колледжу Джеймсу Уорти и Сэму Перкинсу – как будто одного соперничества с Джонсоном было недостаточно, чтобы предаться ностальгическим воспоминаниям. У Уорти был серьезный вывих лодыжки, что серьезнейшим образом ограничило его мобильность

на площадке. Некоторые наблюдатели пришли к выводу, что травма Уорти будет стоить «Лейкерс» победы в серии. Эта потеря имела колоссальное значение для «Лос-Анджелеса». Другие же эксперты, в числе которых был экс-тренер «Лейкерс» Пэт Райли, комментировавший серию для канала NBC, предсказывал, что «Лейкерс» все равно возьмет верх за счет своего превосходства в опыте.

Джордан и «Буллз» нервно начали первую игру, но все равно сумели подойти к перерыву с двухочковым преимуществом в счете. Вторая половина, впрочем, ознаменовалась противостоянием джампшотов «Чикаго» и игрой баскетболистов «Лейкерс» Владе Диваца, Уорти и Перкинса спиной к кольцу. В концовке обе команды перешли на джамперы. Перкинс неожиданно реализовал трехочковый из неочевидной позиции, тогда как Джордан, бросив с сиреной, промахнулся с 18 футов, и «Лос-Анджелес» взяла первую игру 93: 91.

Джордан набрал 36 очков при 12 ассистах, восьми подборах и трех перехватах, реализовав 14 своих попыток из 24 с игры, но даже столь блестящее выступление не помешало некоторым из партнеров тихонько ворчать по поводу его игры один на один и выбора позиций для бросков. И хотя команда только что упустила преимущество домашней площадки, Джексон после игры выглядел как человек, испытавший огромное облегчение. Он видел, что у «Лос-Анджелеса» появлялись проблемы всякий раз, когда Джонсон выходил из игры. Джексон счел, что груз ответственности, который лежал на плечах игрока, приближавшегося к завершению карьеры, слишком тяжел для него, и оказался прав.

В сюжете серии был и другой поворот, который Джексон не предвидел. Он начал серию, приставив 198-сантиметрового Джордана опекать Джонсона, рост которого был 205 см. И во второй игре необходимость защищаться от Мэджика привела к тому, что Джордан совершил два фола уже в самом начале матча. Его партнеры, в особенности Грант и Картрайт, игравший под кольцом, уже выдали мощный старт. Время, которое Джордан провел на скамейке из-за фолов, дало им больше возможностей для набора очков и привело к тому, что более высокорослый Пиппен взял на себя обязанности по опеке Джонсона.

В то время считалось, что 25-летнему игроку будет тяжело справиться с самым хитрым и коварным ветераном баскетбола, непревзойденным разыгрывающим защитником своего времени. Но случилось ровно наоборот. Длиннорукий Пиппен мгновенно связал Джонсона, и внезапно инициатива перешла к «Буллз». Джордан и Пиппен стали поочередно опекать его, и в результате

габаритный защитник «Лейкерс» реализовал лишь четыре броска из 13 с игры. Пиппен тем временем набрал 20 очков, добавил к ним десять ассистов и пять подборов, и «Буллз» выиграла второй матч серии с солидным отрывом.

«Мы стали подмечать, что наша игра утомляет его с точки зрения физических возможностей, – счастливо вспоминал Пиппен, – особенно это удавалось мне: я не отходил от него, постоянно изводил его и не давал включиться в нападение. Он не был так эффективен, как в играх с другими командами в прошлом, когда ему удавалось укрывать мяч корпусом, играя спиной к соперникам, и таким образом получать преимущество в игровых ситуациях. Я увидел у него досаду и разочарование от игры».

«Отчасти нашим стремлением было дать Майклу передышку, – вспоминал Джонни Бах. – Мы не хотели, чтобы он все время висел на Мэджике. Скотти вошел в игру, и внезапно мы осознали, что он был таким длинным и высоким, что Мэджик не мог перебрасывать через него мяч, раздавая передачи. Такие передачи, шедшие через голову, мы называли «галопас». Он бросал мяч прямо над менее рослыми ребятами. Но теперь перед ним оказался Скотти. На самом деле он был немного выше, чем утверждал, – он говорил, что его рост 2 м. У Скотти были длинные руки и большие кисти. А Мэджик уже сходил. Он старел. Молодежь не щадит стариков».

> Джордан начал игру в благодушном настроении: он не глядя раздавал передачи Картрайту и Гранту, которые забивали легкими бросками.

После такого старта «Буллз» принялась бросать очень метко, показывая 73 %-ную реализацию с игры, которая и стала залогом разгрома «Лейкерс», 107: 86. Джордан был точен в 15 бросках из своих 18 с игры, набрав 33 очка, к которым добавил 13 ассистов, семь подборов, два перехвата и один блок-шот. В самой середине второй половины матча он реализовал 13 бросков с игры подряд, и окончанием этой серии стала, пожалуй, самая памятная его попытка в той игре, реализованная им примерно за 8 минут до конца матча. Получив пас на подходе к трехсекундной зоне, он напрямик рванул к кольцу сквозь толпу игроков. Взмыв в воздух с мячом в вытянутой правой руке, он летел так, пока не столкнулся с защитником, затем в последнюю секунду перевел мяч в левую руку и с левой стороны от кольца подбросил мяч так, что тот, ударившись о щит, запрыгнул в корзину и вызвал восторженный гул трибун. Фил Джексон улыбался и качал головой, а комментатор Марв Альберт пришел в неистовство. Этот маневр

окрестят «проходом» (The Move) по аналогии с «броском» (The Shot), исполненным им в 1989-м в игре с «Кливлендом».

Но даже несмотря на фурор, что Джордан произвел в матче, ему не удалось «перестрелять» Пакссона, забившего восемь из восьми с игры. «Пакссон вообще когда-нибудь промахивается?» – спросил после игры Перкинс.

Самым колючим моментом стали, пожалуй, насмешки Джордана над скамейкой «Лейкерс», учащавшиеся по мере того как рос разрыв в счете. Он размахивал руками и тряс кулаками так, словно готовился бросить игральные кости после каждого попадания, особенно после «прохода». «Лос-Анджелес» подаст на него жалобу в главный офис лиги, и даже партнеры «Буллз» будут пытаться угомонить его.

Несмотря на поражение, команда «Лейкерс» не дала «Чикаго» взять обе игры на «Стэдиуме», и теперь отправлялась домой, где должна была провести три подряд игры на «Грейт Вестерн Форуме». У «Лейкерс» было огромное преимущество над «Буллз» в плане опыта, и почти все эксперты считали, что именно в этом и заключается разница.

Первым пунктом на повестке дня «Буллз» перед третьей игрой серии стал разбор видео, подготовленного Джексоном. В нем имелись кадры, на которых было видно, как Джонсон бросает опекать Пакссона, чтобы перейти на зонную защиту, и сеет разрушение в нападении «Чикаго». Джордану пришлось признать это и начать отдавать мяч открытому партнеру, подчеркивал тренер – это послание он будет повторять после каждой из двух следующих игр. Даже несмотря на то что Джордан делал в среднем 11 ассистов по ходу финальной серии 1991 г., проблема индивидуализма Майкла продолжала угрожать команде.

Тот факт, что Пиппен вновь защищался против Джонсона в третьей игре, вышел «Чикаго» боком во второй половине матча, когда «Лейкерс» удалось развить свое преимущество в счете до 13 очков благодаря тому, что центровой Владе Дивац нашел легкий путь к корзине: он стал бросать через менее рослого Джордана. К концу третьей четверти «Буллз» сократила отставание до +6, и после этого проблемы «Лейкерс» стали множиться. Джонсон продолжал уставать по причине большого количества минут, что ему приходилось проводить на паркете, а проблемы Уорти с лодыжкой стали наконец тем существенным фактором, которого так опасались тренеры «Лейкерс». За 3,4 секунды до конца Джордан забил джампером, переведя игру в овертайм. «Буллз» начала, набрав восемь очков подряд, и одержала итоговую победу 104: 96, поведя в серии 2–1. В четвертой игре «Буллз» затравила «Лос-Анджелес» так, что команда показала лишь 37 %-ную

реализацию бросков с игры. За вторую и третью четверть игрокам удалось набрать в совокупности лишь 30 очков. Перкинсу оказалось особенно тяжело играть под кольцом: он был точен лишь в одной своей попытке из 15. Картрайт руководил защитой в тылу, и это позволило «Буллз» победить 97: 82. Джордан вновь выдал выступление, достойное главной звезды лиги, набрав в той игре своей первой финальной серии 28 очков при 13 ассистах, пяти подборах и двух блок-шотах.

«Поверить не могу, что это происходит», – говорил Мэджик Джонсон репортерам.

«Неудивительно, что они побеждают при такой игре в защите, – сказал о «Буллз» тренер «Лейкерс» Майк Данливи. – У них очень атлетичная и умная команда».

Внезапно «Буллз» оказалась в шаге от невозможного, но игрокам предстояло проявить терпение. «Мы повели 3–1 и вынуждены были долго ждать пятой игры – с воскресенья до среды, – вспоминал экипировщик «Буллз» Джон Лигмановски. – Эти три дня тянулись вечно. Еще до того как мы победили в последнем матче, Майкл завел привычку запрыгивать в автобус со словами: «Эй, ну как оно, чемпионы мира?» Он знал. Чувство было весьма приятное. Мы дождаться не могли, когда же разберемся со всем этим».

Накануне пятой игры Джордану пришлось стиснуть зубы и испытать публичное унижение. Он открыто признал вклад Картрайта в успех команды: «Он дал нам преимущество в середине, – сказал он. – Он играл очень солидно… Этот парень оказался одним из самых важных факторов успеха этого баскетбольного клуба, и он удивил многих, стоящих здесь, и тех, кто играет с ним бок о бок».

Когда Картрайту передали слова Джордана, он только отмахнулся. «Подобные вещи не имеют для меня значения, правда, – сказал он. – Я всегда считал, что как аукнется, так и откликнется. Что действительно важно для меня, так это выигрыш чемпионата».

В четвертой игре каждый игрок стартовой пятерки «Буллз» сделал по меньшей мере десять бросков, что послужило доказательством доверия Джордана к команде и засвидетельствовало тот факт, что Джексон обладал в этой команде собственной волей и с ее помощью умел устанавливать определенные отношения. Он редко вступал в открытую конфронтацию с Джорданом за то время, что тренировал команду. Когда он хотел, чтобы Джордан сделал что-нибудь, он обычно обращался ко всей команде с призывом к этому. Когда у него находились поводы покритиковать Джордана, он также

адресовал критику всей команде. Такой стиль коммуникации между главным тренером и звездой команды сложится на годы их дальнейшего сотрудничества. Оба, очевидно, были в курсе происходящего и считали подобную практику вполне приемлемой. Другие игроки команды порой тихонько жаловались на эти методы. Но они тоже принимали такую коммуникацию, считая ее эдакой причудой, порожденной обстоятельствами.

Концовка пятой игры преподнесла неожиданный сюжетный поворот: в динамике игры родился эпизод, который станет любимой притчей во языцех для партнеров Джордана, включая и будущих. На кону стоял чемпионский титул, Джон Пакссон был открыт, а Джордан упорно его игнорировал, продолжая идти на соперников один на один, и тогда Джексон нетерпеливо спросил у него во время тайм-аута: «Майкл, кто открыт?» Вероятно, ошарашенный неожиданной прямотой Джексона Джордан ничего не ответил. Тогда Джексон повторил вопрос: «Кто открыт?» Историю пересказывали друг другу многие партнеры Джордана, предположительно немало пострадавшие от его высоких требований и безразличия к ним за долгие годы.

«Это одна из моих любимейших баек, – говорил в интервью 2012 г. Стив Керр, заменявший Пакссона на его позиции в последующем составе «Буллз». – У Майкла непростая вторая половина, его постоянно опекают два соперника, он пытается вымучить бросок-другой. И тут Фил берет тайм-аут, до конца игры считаные минуты. Он смотрит прямо на Майкла и говорит: «Майкл, кто открыт?» Майкл не поднимает на него глаз. Фил повторяет: «Кто открыт?» Наконец Джордан смотрит на него и произносит: «Пакс!» И тогда Фил с возмущением произносит: «Ну так бросай ему этот мяч, черт возьми!»

Пакссон забьет пятью дальними бросками в заключительные 4 минуты, и каждый раз это будет происходить после того, как Джордан совершит проход, стягивая на себя защитников, а потом отбросит мяч Джону. Пакссон завершит игру с 20 очками, а Пиппен – с 32. «Буллз» окончательно закроет вопрос о чемпионстве победой 108: 101 в пятой игре. Как вспоминал в 2011 г. комментатор Джим Дарем, работавший на матчах «Буллз», момент триумфа команды ошеломленная толпа болельщиков, собравшихся на «Форуме», встретит тишиной. «Один момент, врезавшийся мне в память: игроки «Буллз», танцующие на площадке на глазах у всех остальных, просто сидящих и смотрящих на них в немом недоумении».

В тишине, повисшей над площадкой, ярый фанат «Лейкерс» Джек Николсон обнял Джексона, а Мэджик Джонсон разыскал в толпе Джордана, чтобы поздравить его с победой. За время

финальной серии двое игроков сблизились, не в последнюю очередь потому, что Джонсон подошел к Джордану после игры и сказал, что они должны забыть свои разногласия. Это событие стало подлинным началом их дружеских отношений, отметит позже Джордан. «Я видел слезы в его глазах, – вспоминал Джонсон о том разговоре после финальной сирены. – Я сказал ему: «Ты доказал всем их неправоту. Ты – настоящий победитель и выдающийся баскетбольный индивидуалист».

Слезы текли ручьем из глаз Джордана, когда он пробирался через бедлам, царивший в раздевалке, где хотел насладиться моментом триумфа, о котором так мечтал долгих семь лет. «Я так счастлив и рад за свою семью, эту команду и клуб. Я работал над этим на протяжении семи лет, и теперь благодарю Бога за свой талант и возможность, которая мне выпала».

«Эта сцена с плачущим Майклом в объятиях отца… – вспоминал Джим Дарем. – Наконец он победил и сделал это в своем стиле».

Как только слезы начали течь из его глаз, Джордан уже не мог их сдерживать. «Я никогда не проявлял таких эмоций на публике, – сказал он. – Когда я пришел сюда, мы начинали с чистого листа. Я поклялся, что каждый год мы будем выходить в плей-офф, и с каждым годом мы становились все ближе к цели. Я всегда верил, что однажды у меня будет этот перстень».

Победа в заключительной игре серии стала возможной благодаря точным броскам Пакссона с открытых позиций, говорил Джордан о ситуации, в которой его, по сути, вынудил оказаться Джексон. «Вот почему я всегда хотел, чтобы он играл в моей команде, и почему хотел, чтобы он оставался в ней».

«Игра тут же была решена, все было кончено, и эта драма чем-то походила на блицкриг, – вспоминал Джексон. – После матча всех переполняла радость. Майкл стоял и держал трофей, рыдая… Это был особенный момент».

Далее игроки «Буллз» продолжили вечеринку в своих номерах в Ritz Carlton в Марина-дель-Рей. «Помню, как заходил в номер Майкла, – говорил Джон Лигмановски. – И он говорил мне, чтобы я принес дюжину бутылок Dom Pérignon и достаточно закуски, чтобы хватило на 40 человек. Мы сидели в Ritz Carlton, я позвонил на ресепшен и сказал: «Пришлите, пожалуйста, 12 бутылок Dom'a и закуски на 40 человек». А мне отвечают: «Секундочку». Они не хотели отправлять заказ, потому что слышали, что с ними говорит не Майкл. Тогда я передал трубку ему. Он схватил телефон и сказал: «Приносите уже!»

«Буллз» возвратилась в Чикаго и отпраздновала свое чемпионство в Грант-парке вместе с толпой болельщиков, которая

по разным оценкам насчитывала от 500 тысяч до миллиона человек. «Мы начали с самых низов, – сказал Джордан морю счастливых лиц, – и упорным трудом проложили себе путь наверх. И нам это удалось».

За кулисами складывалось впечатление, что чемпионский триумф немного собьет градус конфликта между Джорданом и Краузе. «Мы смогли выиграть то первое чемпионство, – вспоминал Джим Стек, – и Майкл больше никогда публично не заикался о том, какой мы должны сделать обмен или кого привести в команду. Подспудно Майкл испытывал уважение к Джерри, которое наконец выразил ему, но Джерри пришлось из кожи вон лезть, чтобы его заслужить. В те ранние годы Майкл бесконечно проверял Джерри на предмет его баскетбольной сообразительности и ума».

После завоевания чемпионства Майкл слегка отпустил вожжи, перестав держать Краузе на мушке. Стек вспоминал: «Ненависть поутихла на какое-то время».

Глава 27
Азарт

Приведя свою команду в землю обетованную, Джордан поспешно сменил курс, двинувшись в дикие, неизведанные территории, пока Gatorade готовил к выпуску свою знаменитую рекламу с подавляющим, надоедливым рефреном: «Хочу быть как Майк». Время покажет, что пределы, обозначающие границы того, чего он мог бы добиться в баскетболе, во многом существуют в его голове, но не в реальности. Завоевав первое чемпионство на профессиональном уровне и начав таким образом опровергать доводы критиков, сомневавшихся в его талантах командного игрока, Джордан одновременно ступил на скользкую дорожку в жизни за пределами площадки, и этот путь поставит под угрозу его доброе имя и репутацию, которую он так тщательно выстраивал.

Тем летом Джордан и Ричард Эскинас, совладелец «Сан-Диего Спортс Арена», устроили серию гольф-поединков друг с другом. Ставки были очень высоки, и они начали вести учет своих побед и проигрышей. «Мы всегда очень гибко подходили к вопросу выплаты денег», – вспоминал позже Эскинас. Их азартное увлечение вышло на новый уровень в сентябре, когда за один день игры в гольф в Пайнхерсте, Северная Каролина, Эскинас проиграл Джордану 98 тыс. долларов. Он хотел, чтобы Джордан принял ставку «вдвое больше или ничего» и для того, чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, выписал Майклу два чека на 98 тыс. каждый. Чего он не сказал Джордану, так это того, что он сам не был до конца уверен, что имеет достаточно средств на счетах, чтобы произвести выплату хотя бы по одному из них. Но ему, как выяснилось, и не пришлось бы этого делать. Джордан принял ставку, и игроки сошлись друг с другом в том же месяце в гольф-клубе Aviara в Сан-Диего, где на протяжении десяти дней разгоняли адреналин в крови. Джордан не только проиграл выигранные 98 тыс., но еще и оказался должен сопернику 626 тыс. долларов. Джордан тоже захотел удвоить. Эскинас был в ударе, он утверждал, что просил Джордана не рисковать такими деньгами, но в итоге согласился и принял ставку Майкла.

«И вновь он начал свой долгий рассказ о своем огромном богатстве, – вспоминал позже Эскинас. – Он говорил, что легко достанет 1,2 млн долларов, если вдруг проиграет. «Давай сыграем, – сказал он. – Парень, я поверить не могу, что ты не отдашь мне эту игру». Я пытался донести до него, что проигрыш

такого уровня будет иметь огромные масштабы, пытался отговорить его от того, чтобы продолжать игру. Но он не только не перестал настаивать, он требовал, чтобы я продолжил играть. «Я не хочу играть в эту игру, – сказал я, – но я должен быть честен с тобой. Если проигрываешь – платишь. Только так я согласен дать тебе шанс. И если я обыграю тебя, то все, мы заканчиваем. Никаких больше удвоений и прочего».

Джордан довольно быстро проиграл, доведя сумму своего долга Эскинасу до 1 млн 252 тыс. долларов – по утверждению Эскинаса. Проигрыш такой суммы, казалось, заставил его вздрогнуть, но он не стал требовать реванша и возвратился домой, в Уилмингтон, на торжественную церемонию открытия участка автомагистрали номер 40, проходившего неподалеку от дома его детства на Гордон-роуд, – его назвали в его честь. Дин Смит тоже присутствовал на мероприятии. Его клетчатая спортивная куртка контрастировала с идеально подогнанным костюмом Джордана желтовато-коричневого цвета с щегольски выглядывавшим из кармана пиджака шелковым платком паше. На церемонии разрезания ленточки, проходившей в жаркий день бабьего лета, у него по лицу текли слезы. Хуанита бережно вытерла их с его щек, когда он возвратился на свое место, но самый трогательный момент всего мероприятия случился, пожалуй, еще до его начала, когда Джеймс Джордан, облаченный в изысканный светло-голубой костюм с прикрепленным к левому лацкану значку с надписью «Будь как Майк», вышел на трибуну, чтобы пожать руку своему сыну.

> Все еще сидевший на стуле Джордан поднял глаза на отца, расплывшись в широкой блаженной ухмылке, и похлопал его по плечу.

На той же неделе Джордана включили в состав баскетбольной сборной США, которая должна была отправиться на Олимпиаду 1992 г. Объявление было сделано после переговоров, в ходе которых Джордан был непреклонен: он не будет играть за команду в том случае, если в состав будет включен Айзея Томас. Памятуя о своем опыте выступлений за сборную на Олимпиаде в 1984-м, которая выдалась напряженной и местами не слишком приятной, Джордан не спешил давать свое согласие выступать за команду, которая войдет в историю под именем Dream Team – «Команда мечты». Джек Маккаллум из *Sports Illustrated* сообщал, что комитет, отвечавший за выбор игроков для сборной, решил не приглашать Томаса, так как его члены полагали, что присутствие Айзеи может негативно повлиять на атмосферу в команде. В статье журналиста утверждалось, что ни Чак Дэйли, ни

генеральный менеджер «Детройта» Джек Макклоски, также входивший в отборочный комитет, не приложили больших усилий для того, чтобы включить в состав сборной Томаса. Вся эта история навредила главным образом «Пистонс», которая рассчитывала оправиться после катастрофического поражения от «Чикаго» в плей-офф NBA. Атмосфера в клубе была изрядно подпорчена.

Тем временем Эскинас начал звонить Джордану, чтобы узнать о ходе выплат по долгу за проигранное пари. Три года спустя Эскинас рассказал, что Джордан отвечал ему со смехом: «Рич, я могу с такой же легкостью пристрелить тебя, с какой могу выписать чек на 1,2 млн».

Эта фраза заставила Эскинаса сильно забеспокоиться и вынудила его погрузиться в размышления о том, какой огромной ценностью обладал Джордан для разных заинтересованных сторон. «Я испугался, что во мне начнут видеть угрозу для Джордана, а тем временем стал бояться и других вещей, порожденных этим страхом», – сказал он. «Я закрыл эту тему, – откровенничал Эскинас позднее. – Но своими словами он явно подводил черту, как бы говоря, что не будет выплачивать всю сумму. Он, по сути, говорил: «Я не буду выплачивать всю сумму». И тогда я понял, что у меня будут проблемы с тем, чтобы получить с него долг».

Книга откровений

Если проигрыши на полях для гольфа оставались вне поля зрения общественности, то книга Сэма Смита *The Jordan Rules,* увидевшая свет той осенью, стала еще одной бомбой, разорвавшейся на личном фронте Джордана, и она уже подвела к краю пропасти весь его клуб в целом. Книга представляла крайне негативный портрет Джордана, но также выставляла в неприглядном свете Краузе и присущее ему высокомерие. Фил Джексон позже отметит, что книга достигла одной цели: она стала тем редчайшим явлением, насчет которого у Джордана и Краузе не было расхождения во мнениях.

«Сэм Смит сделал кое-какие деньги на этой книге, – скажет позже генеральный менеджер «Чикаго». – Чтоб он подавился каждым долларом».

Книга, однако, стала в каком-то смысле настоящим откровением, раскрывшим оборотную сторону соревновательной натуры Джордана. Как всегда неимоверно чувствительный, он гневно воспринял такое описание самого себя и был глубоко

уязвлен. Публика тем временем впитала написанное и пришла в восторг: людей восхитила его железная воля, вызывавшая у всех вокруг него странную помесь из ощущения собственной никчемности и одновременно величия. Вместо того чтобы ударить по имиджу Джордана, книга лишь увеличила масштабы поклонения его личности. Эффект, произведенный *The Jordan Rules*, усилил у Джордана ощущение, что он находится в постоянной осаде, и дал почву для становления того, что Джексон называл «стаей».

«*The Jordan Rules* спровоцировала множество серьезных разногласий внутри команды», – вспоминал тренер.

Хорас Грант был одним из источников Смита, и это разозлило Джордана. «Я знал, что люди начнут совершать нападки на меня, – сказал Джордан Марку Вансилу. – В какой-то момент ты достигаешь той точки, когда люди начинают уставать видеть тебя на пьедестале, всего такого правильного и безупречного. Они говорят: «А давайте выясним, нет ли у этого человека каких-нибудь скелетов в шкафу». Но я никак не ожидал, что подобное может выйти изнутри команды. Около восьми месяцев Сэм пытался прикидываться другом моей семьи. Но семья в книге постоянно говорит о той ненависти, что испытывает ко мне. Я хочу спросить, если она так сильно меня ненавидит, выходит, она играет со мной каждый день?.. Я не представляю, каким образом мы добиваемся понимания, если между нами столько взаимной ненависти. Со стороны казалось, что мы все хорошо ладим».

То же негодование выплеснулось наружу несколько недель спустя, когда он решил не присоединяться к команде на традиционной церемонии чествования чемпионов на южной лужайке Белого дома, где команду принимал Джордж Буш-старший. Вместо этого он отправился поиграть в гольф в компании приятелей, среди которых был и друг детства Дэвид Бриджерс. Размолвка вокруг поездки в Белый дом вызвала еще больший разлад в отношениях между Грантом и Джорданом.

«Думаю, что Хорас почувствовал себя униженным в той ситуации, почувствовал, что его не воспринимают всерьез, а он хотел быть важной персоной, – отмечал Фил Джексон. – Некоторые черты характера Хораса вызывали у Майкла беспокойство. Если быть откровенным, Хорас всегда говорит прессе все, что взбредет ему в голову. Одна из ситуаций, обострившихся конфликт между ними, произошла в Нью-Йорке, куда Майкл с женой, Хорасом и его супругой подались после получения нашего первого звания чемпиона. Они отправились на ужин, а потом собирались посмотреть игру. Пока они гуляли,

Майкл напрямик сказал Хорасу, что не поедет в гости к президенту Бушу. Майкл сказал: «Это необязательно. Эта поездка тратит мое время, а у меня есть и другие дела». Тогда Хорас воспринял это совершенно нормально. Он знал, что это частный случай и каждый решает сам, а потому ничего не сказал. Однако, когда на горизонте появились журналисты, – уже после того как история всплыла на публике – они спросили у Хораса, не беспокоит ли его такая ситуация, и он тут же раздул проблему. По сути, репортеры сами вложили нужные слова в его уста, и он почувствовал, что сейчас отличное время для таких заявлений».

«Никаких шансов, что я поеду, – сказал Джордан, отвечая на вопрос о традиционном визите к главе государства. – Никто не спрашивал у меня, удобно ли мне ехать туда в этот день. Если другие ребята едут, о'кей, никаких проблем, но Белый дом – точно такой же дом, как и любой другой. Только почище».

За считаные дни до мероприятия в Белом доме Джордан совершил несколько неловкий визит на телепрограмму *Saturday Night Live* в компании Джесси Джексона и рэп-группы Public Enemy. Джордан не хотел идти на эфир, но Сонни Ваккаро уговорил его поехать и даже отправился с ним в Нью-Йорк, чтобы посидеть в зеленой комнате NBC.

Фил Найт не так давно уволил Ваккаро из Nike, но тот продолжил успешную работу в сотрудничестве с другими компаниями – производителями спортивной обуви. «Когда Фил отпустил меня, Майкл позвонил мне. Один из первых звонков после увольнения я получил от него, – вспоминал Ваккаро. – Он спросил: «Что я могу сделать? Хочешь, я позвоню Филу?» Я сказал: «Нет, все кончено».

Как и Роб Страссер, и другие люди, покинувшие Nike, Ваккаро подталкивал Джордана к тому, чтобы тот требовал себе собственный бренд, ведь успех кроссовок Air Jordan был ошеломительным. «Я делал все, чтобы Майкл попросил об этом, – говорил Ваккаро. – Это было моей последней волей и моим «завещанием» Майклу. Я сказал: «Ты должен получить долю в компании». Ну, так оно и было». Одним из последних дел Ваккаро для Nike и Джордана было разрешение последних проблем, связанных с тем хаосом, что творился в магазинах Flight 23 под управлением Джеймса Джордана. «Майкл был раздосадован тем, что не мог просто закрыть это предприятие, – вспоминал Ваккаро. – В какой-то момент он просто встал и сказал, что Джеймс обязан закрыть его. Если деньги могли остановить этот хаос, он должен был прекратиться».

В том же месяце, полном хлопот, NBC выпустила в прайм-тайм-эфире *A Comedy Salute to Michael Jordan* – специально

подготовленную благотворительной организацией Comic Relief передачу, целью которой был сбор средств для бездомных детей. Билеты на мероприятие, запись которого проходила в июле в чикагском театре, стоили ни много ни мало 400 долларов, и тысячи людей заполонили улицы, окружавшие место событий, в надежде хотя бы одним глазком взглянуть на Джордана. Он вместе с Хуанитой сидел в ложе театра, и было очевидно, что он явно смущался в присутствии такого количества звезд, пробиравшихся сквозь толпу людей вокруг.

Ведущий Билли Кристал начал торжественный вечер с шуток о том, как много разной продукции рекламировал Джордан. «У меня все от Майкла Джордана, – говорил он. – Даже контактные линзы от Майкла Джордана. Чтобы все вокруг выглядели медлительными коротышками».

Чтобы отплатить NBC за усилия, предпринятые каналом при организации благотворительного мероприятия, Ваккаро уговорил Джордана прийти на шоу *Saturday Night Live*. «Это было самое масштабное и значимое событие, в котором только можно было поучаствовать, – говорил Ваккаро, – и он немного нервничал из-за этого. Он почти отказался это делать». Там же в зеленой комнате был и журналист *Sports Illustrated* Джек Маккаллум, наблюдавший за тем, как состав исполнителей шоу развлекает Джордана и просит у него автографы. Продюсеры хотели сделать скетч, где обыгрывалась бы история с Айзеей Томасом, которого Джордан «не пустил» в олимпийскую сборную, но Майкл отказался от этой затеи. Начальный отрезок передачи, в котором он попробовал себя в качестве ведущего *SNL*, получился откровенно неудачным. Шутки выходили плоскими и несмешными, и Джордан наверняка сожалел о решении прийти на передачу.

Именно после этих событий стали всплывать первые проблемы Джордана в личной жизни. В декабре слежка, устроенная полицией за жителем города Шарлотт, судимым наркодельцом, торговавшим кокаином, по имени Джеймс «Слим» Боулер, вскрыла факт передачи дилеру чека на 57 тыс. долларов, выписанного на его имя Джорданом. Впоследствии, после проведенного полицейскими расследования на предмет уклонения от уплаты налогов, Боулеру предъявили обвинения в отмывании денег. И Джордан, и Боулер позже сообщили следствию, что деньги были займом, но Джордан вскоре оказался втянут в тяжбы Боулера и позже получил повестку в суд, где должен был дать показания по делу, заведенному на наркоторговца.

Потом, в феврале 1992-го, поручитель под залог Эдди Доу был убит во время ограбления в собственном доме. Грабители

похитили из дома 20 тыс. долларов наличными, лежавшие в металлическом кейсе, но не тронули три чека на 108 тыс. долларов, выписанных Джорданом. Адвокат, распоряжавшийся судьбой имущества Доу, подтвердил, что чеки были выписаны баскетболистом для покрытия долгов за азартные игры, которые у него были перед подрядчиком из Северной Каролины Дином Чэпменом и двумя другими людьми. Газетные репортеры раскопали, что Джордан часто устраивал небольшие сборища в своей резиденции в Хилтон-Хед-Айленд, участники которых играли с ним в гольф и азартные игры – там он и проиграл эти деньги. Доу, согласно свидетельствам своего юриста, присутствовал как минимум на трех таких сборищах. Также было известно, что Джордан ежегодно перед началом сборов своего клуба проводил мероприятие Mike's Time, участники которого играли в гольф и покер на большие деньги.

Сообщения в прессе вынудили комиссара NBA Дэвида Стерна сделать выговор Джордану. Лига вскоре начала первое из двух своих «расследований» деятельности Джордана, однако масштаб их был сильно ограничен. Ни Джерри Краузе, ни Сонни Ваккаро не были проинтервьюированы в ходе расследований. В 2012 г. Краузе сказал, что в команде «Буллз» были удивлены не меньше всех остальных, узнав об игровых проблемах Джордана, но они никогда не предпринимали никаких попыток поподробнее узнать о его занятиях за пределами площадки. Это было удивительно с учетом того, что в конце 1970-х Краузе трудился во фронт-офисе «Лос-Анджелес Лейкерс». «Лейкерс», согласно свидетельствам бывшего генерального менеджера клуба Пита Ньюэлла, взяла на работу отставного офицера лос-анджелесской полиции, работавшего прежде в отделе нравов, чтобы он отслеживал деятельность игроков за пределами клуба. Позже Фил Джексон обвинит Краузе, также известного как Сыщик, в том, что тот шпионил за игроками «Буллз», стремясь разнюхать, чем те занимались вне основной работы, но Краузе отвергал эти обвинения.

«Я полностью уверен в нем как в человеке», – говорил Краузе о Джордане. Nike заняла аналогичную позицию. «В своей личной жизни он должен иметь свободу делать все, что может делать любой другой человек. Он не президент и не папа римский», – отвечал на вопросы журналистов Дасти Кидд, пресс-атташе Nike.

«У него были проблемы, – вспоминал в 2012-м Сонни Ваккаро. – Он – единственный парень, который мог бы выйти сухим из воды из всей этой истории с азартными играми. Вы ведь понимаете это, не так ли?»

Двадцать лет спустя Краузе тоже высказался на эту тему. «Я

не знал, что в его жизни имели место какие-то проблемы с азартными играми, – сказал он. – Я видел, что он играл в карты в самолете. Можно было слышать, как парни орут друг на друга. Я не предполагал, какие ставки они делали. Позже я узнал, что они были очень высокими. Но все великие баскетболисты NBA прошлого баловались азартными играми. Я и сам этим занимался. Я привык к тому, что парни постоянно играли в карты. Это очень типично для NBA. Что же до Майкла, то для него это было образом жизни. Ну и что? У него были деньги. Он никогда не вел себя непрофессионально. Он каждый вечер выходил на паркет и всегда был готов играть. Я видел, как он участвовал в сотнях разных благотворительных мероприятий, делал добрые дела. И видел кучу глупых его поступков. Он такой, какой есть».

Владычество

Одна за другой иконы, так долго маячившие перед глазами Джордана, стали оказываться на обочине. Айзея Томас и «Пистонс» были сломлены, а после растаяли, как Злая ведьма Запада из «Волшебника страны Оз». Для Ларри Берда настала эпоха унижений: проблемы со спиной, падение результативности и вылеты на ранних стадиях плей-офф. Но самая главная икона пала 7 ноября 1991 г., пока Джордан потел на тренировке. Лон Розен, агент Мэджика Джонсона, позвонил тем утром пиар-менеджеру «Буллз» Тиму Халламу. Розен сообщил Джордану те же скверные новости, о которых уже знал узкий круг элиты NBA. В тот же день Мэджик Джонсон сделает заявление в Лос-Анджеле об окончании своей карьеры по причине положительного теста на ВИЧ – вирус, вызывающий СПИД. Ошеломленный такими известиями Джордан собрался с духом, а потом спросил о судьбе своего кумира детства: «Он что, умрет?..»

Этот вопрос занимал умы миллионов болельщиков на старте того странного и любопытного сезона NBA. Многие топ-игроки втайне проверялись на ВИЧ и сами, потому что огромное их количество тусовалось в тех же местах Лос-Анджелеса, где Джонсон давал волю своей невоздержанности. Слухи об этом не обошли стороной и Джордана, который якобы поспорил со своими партнерами на крупную сумму денег о том, кто из голливудских старлеток окажется в его постели по ходу многодневных турне «Буллз» по западному побережью. Также утверждалось, что он выиграл по меньшей мере одно такое пари, хотя каким образом ему удалось подтвердить факт своего успеха,

осталось неясным.

Что же до баскетбола, то «Буллз» открыла сезон одной победой и двумя поражениями, и со стороны все выглядело так, что команду ожидает еще один переходный период, который ознаменуется продолжением внутренних раздоров и разочаровывающим концом. Ни одной из команд NBA не удавалось защитить чемпионский титул с тех пор, как династия «Бостона» с Биллом Расселлом доминировала на площадках – так продолжалось до 1988 г., когда Пэт Райли привел «Лейкерс» ко второму подряд чемпионству. Но давление, которое он оказывал на команду, подталкивая ее к этому достижению, разрушило его взаимоотношения с игроками. Райли вскоре покинул клуб, а Мэджик Джонсон изрядно истощил свои внутренние ресурсы. Джексон отлично понимал риски, которыми могло обернуться такое давление на команду. Ряд проблем на стороне уже подпитывал его стремление показать игрокам премудрости медитации и ввести их в философию дзен. Какой бы ни была причина, но вскоре они стали демонстрировать исключительную концентрацию.

«Одним замечательным качеством этих ребят, – объяснял Джексон, оглядываясь в прошлое, – было то, что они никогда не позволяли внешним факторам влиять на игру команды на площадке».

В ноябре Краузе устроил обмен, отправив в «Сакраменто» недовольного своим положением в команде Денниса Хопсона и заменив его резервным защитником Бобби Хансеном. После двух поражений на старте они быстро обрели ясность ума и полетели на крыльях новой, набиравшей обороты силы в лице Скотти Пиппена. В 1992-м Джордан был с большим отрывом лучшим игроком лиги, но, как отмечал Джим Стек, «Скотти подобрался к нему настолько, что их с Майклом игру можно было оценивать на 5 и 5 с плюсом».

Четыре года спустя, оценивая прогресс Пиппена, Текс Уинтер отмечал, что Скотти, как и Мэджик Джонсон, вырос до статуса игрока, «делавшего своих партнеров гораздо сильнее… Я думаю, что он превосходил в этом Майкла. Это мое личное мнение, но бывают периоды – так происходит не всегда, это факт, – когда Майкл ухудшает впечатление от партнеров своей игрой. В игре Пиппена такого не встретишь. Он начисто лишен эгоизма. Майкл должен быть эгоистичным, потому что он – великий снайпер. Майкл раскован, Майкл будет искать возможность забить в большинстве случаев, когда будет оказываться на позиции, с которой он может, как ему кажется, забить, тогда как Скотти во многих случаях пожертвует этим шансом ради того, чтобы

включить в игру своих партнеров». Джордан, очевидно, обладал великой мощью и силой в баскетболе, но направлять эту силу так, как удавалось мало кому из игроков, умел Пиппен.

Пиппен, как это уже было продемонстрировано им в финальной серии плей-офф, превратился в серьезное защитное орудие, что, в свою очередь, сделало «Буллз» великолепной обороняющейся командой. В том сезоне команда будет еще больше концентрироваться на треугольном нападении, поскольку продолжит играть в этой системе все лучше и лучше, но именно их защита стала поводом для соперников взять паузу и отдышаться.

«Их защита уже настолько потрясающа, – рассказывал прямодушный тренер «Юты» Джерри Слоун, внимательно изучавший игру «Буллз», – что, когда они решают переключить передачу и немного поднять темп, они могут запросто уничтожить тебя. Если ты паникуешь в такой ситуации – ты в беде, а большинство команд начинает паниковать».

Джексон и сам будет называть «раскалыванием скорлупы» те моменты в игре, когда его команда будет выпрыгивать на уровень выше. Продолжая сеять панику в рядах соперников, «Буллз» разогналась до результатов 37–5, а в ноябре и декабре одержала 14 побед подряд – эта победная серия стала самой продолжительной в истории франшизы. В январе команда выдала еще одну победную серию длиной в 13 игр, но в конце месяца немного сдала. Спад продолжился и в феврале, который она завершила с результатом лишь в 11–8.

«У нас был феноменальный старт сезона, – вспоминал Чип Шефер, которого наняли в качестве нового члена тренерского штаба «Буллз». – У нас был результат 37–5. Но потом мы поехали на Запад и проиграли четыре из шести игр, предшествовавших уик-энду Всех Звезд. Майкла удалили с площадки в Юте, когда он боднул головой Томми Вуда, арбитра. Шел третий овертайм в матче, когда Вуд свистнул фол у Майкла. Он боднул его случайно. Майкл был неистов в своих спорах с ним, и они столкнулись головами. Вуд удалил его с паркета, и мы в итоге проиграли из-за точных попаданий Джеффа Мэлоуна со штрафных».

Также в том сезоне Джордана удаляли с игры за перебор фолов. До конца своей карьеры в «Буллз» он не будет удален больше ни разу, несмотря на то что в активно прессингующей защите Джексона он был главным агрессором. За 930 матчей регулярки в составе «Чикаго» он удалялся из игры за фолы лишь 10 раз. В 179 матчах плей-офф за «Буллз» он удалялся за фолы лишь трижды.

Еще со времен Уилта Чемберлена NBA не любила терять своих звезд по причине дисквалификаций.

«Это была неприятная потеря, – вспоминал вице-президент «Буллз» Стив Шанвальд об удалении Джордана с игры в Юте. – До того свистка игра имела все шансы войти в список величайших матчей в истории лиги. Если бы не свисток, скорее всего, эта игра стала бы первой в истории NBA с четырьмя овертаймами».

«Затем Майклу пришлось отсидеть на скамейке всю следующую игру, которая состоялась в Финиксе, – вспоминал Чип Шефер. – А потом он сразу вылетел в Орландо на матч Всех Звезд».

Пиппен и Джексон присоединились к нему сутки спустя. Несмотря на то что он официально завершил карьеру в ноябре, Мэджику Джонсону было позволено вернуться на матч Всех Звезд, где он стал главным героем вечера и получил награду как самый ценный игрок матча.

Той весной, после всплывших фактов о его «подвигах» на поприще азартных игр и гольфа, Джордан размышлял о странной траектории, которую приняла его жизнь, в интервью журналистке *Tribune* Мелиссе Айзексон. «Это просто одна из тех вещей, что случились со мной, – говорил он о внезапно свалившейся на него славе. – И она шокировала всех. Это колоссальное бремя, и оно оказалось тем, на что я натолкнулся на своем пути. Начинаешь видеть, что люди так много с тобой связывают, так сильно рассчитывают на тебя, что ты стараешься постоянно оправдывать их надежды, и тогда начинает копиться напряжение. Вдруг ты начинаешь думать обо всем, что бы ты ни делал: «А как это воспримут люди?»

Поначалу он раскаивался. Общественность все еще не подозревала о его связях с Ричардом Эскинасом. Связей Джордана с отталкивающими персонажами из полицейских отчетов и стенограмм заседаний суда и так было вполне достаточно. «В какой-то момент моей жизни мне, вероятно, придется иметь дело с последствиями, – говорил он Айзексон. – Очень редким людям удается прожить жизнь и не нажить себе шрамов от ран. А я прошел через шести-, семилетний период, когда мне удавалось избегать их. Теперь у меня есть пара шрамов, и я должен подлечить их и двигаться дальше. Они не уйдут никогда, но я знаю, что они способны сделать меня лучше как личность».

Это могло бы быть правдой, если бы у него была какая-нибудь другая отдушина. Он же постоянно двигался по замкнутому кругу бесконечных баскетбольных состязаний высочайшего уровня, перемежавшихся с игрой в гольф и долгими

покерными марафонами в компании людей из приближенного к нему круга. Также ему удавалось втискивать в свой график какое-то время на семью.

«Своей жене я говорю, что у меня раздвоение личности, – говорил он. – Я веду двойную жизнь. В каком-то смысле меня ждет превращение в 38–39-летнего человека, сполна насладившегося жизнью и более-менее остепенившегося. Набравшись богатого опыта, я стану более консервативен. Но другая моя сторона – это 29-летний мужчина, никогда не имевший возможности разделить свой успех с друзьями и совершить несколько безумных поступков, которые присущи обычным 27–29-летним людям. И иногда у меня бывает желание пойти на эти безумства, но я могу позволить их себе лишь в очень узком кругу людей, которые по-настоящему знают этого 29-летнего человека».

Айзексон спросила у Джордана, может ли он прожить свою жизнь в этом альтер эго. Если бы ему пришлось, это была бы, вероятнее всего, очень короткая жизнь, и Джордан сам это признал точно так же, как признал, что чувствует себя сконфуженно в жизни за пределами баскетбольной площадки, той, в которой пытался выражать одобрение кандидатам на политических выборах или предстать в образе ролевой модели и примера для подражания. Джордан сказал, что попросту не был достаточно опытен в этих делах, чтобы успешно с ними справляться.

«Казалось, что все это нарастает как снежный ком, – рассказывал он о своем богатстве и успехах вне баскетбола. – С точки зрения финансового благосостояния, оно того стоило. Но помимо него мой статус в каком-то смысле стал для меня бременем. Из-за него я ощущаю лишнее давление, но в то же время благодаря ему я заработал уважение и восхищение многих людей. Всем нравится быть уважаемым человеком и вызывать восхищение у других».

В марте Ричард Эскинас приехал в город посмотреть на победу «Буллз» над «Кавальерс» на «Стэдиуме», в тот вечер Джордан набрал 44 очка. Следующим вечером Эскинас оказался в компании Майкла, Хуаниты и игрока «Чикаго Беарз» Ричарда Дента и его супруги в доме Джордана на ужине. Джордан и Эскинас несколько месяцев торговались друг с другом по поводу долга. Они играли на протяжении всего сезона с перерывами, и теперь Джордан был должен своему приятелю чуть меньше миллиона долларов. В конечном счете тема долга поднялась и в тот вечер. Эскинас и Джордан ушли на кухню, где тон их разговора стал на порядок напряженнее. Джордан попросил его

придержать коней, потому что всплывшие факты о других его проигрышах в гольф усилили давление на него со стороны общественности.

«Ты должен дать мне пространство для маневра, – цитировал слова Джордана Эскинас. – Ты должен дать мне время. У меня есть другие проблемы, с которыми я должен разобраться».

«Буллз» закончила регулярку той весной с блестящим результатом в 19–2 и установила лучший в истории клуба результат сезона в 67 побед и 15 поражений. «Мы пробежали остаток сезона, выдавая одну победную серию за другой, – вспоминал тренер «Буллз» Чип Шефер. – Команде почти наскучили успехи, она могла в любой момент прибавить или притормозить, стоило только захотеть».

С учетом того, что треугольное нападение стало чуть чаще отбирать у него из рук мяч, показатель средней результативности Джордана упал до 30,1 очка за игру, но ему все равно хватило этого для того, чтобы в шестой раз подряд завоевать титул самого результативного игрока лиги и в третий раз подряд быть признанным MVP сезона. Он и Пиппен попали в первую сборную лучших защитников лиги, а Пиппен был включен во вторую сборную NBA.

«Мы провели просто вопиюще крутой сезон, – сказал Джексон. – Мы выиграли 67 матчей, и мне даже стало казаться, что я должен немного приструнить ребят, иначе они попытались бы выиграть 70 или 75 матчей в сезоне». Впрочем, после окончания регулярки атмосфера переменилась, и отчасти поводом для этого стала дуэль с «Нью-Йорк Никс» Пэта Райли – командой, которая копировала тактику детройтских «плохих парней». «У нас было много травм, а в плей-офф команду ждал «Нью-Йорк», – вспоминал Джексон. – Соперники шли на нас с большой настойчивостью и энергией. В наш чемпионский сезон мы проиграли семь матчей. Во второй раз так просто нам не было. Нам предстояла проверка на прочность в плане командного характера».

В первом раунде плей-офф «Буллз» сошлась с «Майами Хит» – командой, появившейся в лиге с расширением в 1989 г. и впервые вышедшей в плей-офф. «Чикаго» быстро выиграла две первые игры в серии до трех побед, а затем отправилась в Майами на третью игру. «Первая домашняя для «Майами» игра в плей-офф за всю историю состоялась в «ночь трещоток», – вспоминал комментатор матчей «Буллз» Том Дор. – Клуб призвал болельщиков бить в трещотки всякий раз, когда Майкл получал мяч или исполнял штрафной бросок. Шуметь всеми возможными способами. Ну, в первой четверти эта тактика работала. «Хит»

ушла в большой отрыв в счете. Настолько большой, что мы стали задаваться вопросом «А сможет ли «Буллз» отыграться?» И тут Майкл остановился около стола комментаторов, посмотрел на нас с Джонни Керром и сказал: «А вот и мы». Больше ничего. Боже мой, что он творил тогда. Он просто неистовствовал, набрал 56 очков, и «Буллз» победила, легко выиграв серию».

Первое испытание огнем случилось в тот год довольно рано, во втором раунде плей-офф Восточной конференции. «Никс» смогла проломить себе путь к победе в первой игре на чикагском «Стэдиуме». Би Джей Армстронг помог сравнять счет в серии, очень кстати реализовав несколько хороших бросков в четвертой четверти второй игры. В третьем матче, состоявшемся в Нью-Йорке, Джордан сумел наконец выбраться из-под опеки надоедливых защитников соперника и сделал первые несколько данков в серии. «Нью-Йорк», усилившийся Ксавьером Макдэниэлом, смог в упорной борьбе выиграть четвертую игру, и счет в серии вновь стал равным. В имевшей важнейшее значение пятой игре Джордан взял все под свой контроль и начал из раза в раз проходить к корзине «Никс». Те отвечали тем, что фолили на нем, а он продолжал метко бросать со штрафных, реализовав в общем и целом 15 бросков. Игру он завершил с 37 очками в активе, а «Буллз» одержала победу 96: 88.

«Майкл есть Майкл, – сказал Райли после игры. – Его игра – это пройти к корзине и бросить вызов защитникам. Когда играешь против такого парня, как он, становится понятно, как сильно он хочет победить по тому, как усердно продвигает мяч к корзине в каждой атаке». В шестой игре, в Нью-Йорке, «Никс» вновь удалось сравнять счет в серии, но «Буллз» была готова смести соперника в седьмой игре на «Стэдиуме», что и произошло: 110: 81.

«Буллз» продолжила испытывать трудности и в финале Конференции, где ее соперниками были игроки «Кавальерс», сумевшие сравнять счет в серии при двух победах каждой из команд, но «Буллз» хватило класса и хладнокровия, чтобы оторваться от «Кливленда», 4–2. Джордан сумел второй год подряд вывести свою команду в финальную серию NBA, где на сей раз им должна была противостоять «Портленд Трэйл Блэйзерс» – команда, которая в 1984 г. предпочла Джордану на драфте здоровяка из Кентукки Сэма Боуи. Спор о том, можно ли было отнести это решение к числу величайших просчетов в истории спорта или нет, поднимался в Орегоне неоднократно на протяжении всех тех лет, что Джордан унижал команду из родного города Nike, набирая в играх против нее десятки очков. Боуи, потерявший два года студенческой карьеры в Кентукки из-за долго заживавшего перелома ноги, в 2012 г. признался, что

солгал врачам из медштаба «Портленда» в ходе обследования 1984 г. при оценке состояния его ноги. Он сказал, что тогда сообщил им, что не испытывает болей в ноге, тогда как на самом деле они не прекращались. По иронии судьбы, первым с серьезной травмой выбыл Джордан, а не Боуи, хотя Боуи так никогда и не раскрыл весь свой потенциал. Другой ироничный поворот заключался в том, что «Блэйзерс» вышла в финальную серию NBA на год раньше команды, ведомой Джорданом. («Портленд» проиграл титул 1990 г. «Детройту».)

В составе «Блэйзерс» образца 1992 г. играли Клайд Дрекслер, Дэнни Эйндж, Клифф Робинсон, Терри Портер и Бак Уильямс. Фанаты предвкушали грядущую битву с Дрекслером, чей атлетизм не уступал джордановскому. Наблюдатели со стажем почуяли, что Джордан со своей крепкой памятью наверняка захочет сделать серьезное заявление на площадке, но никто из них в преддверии начала серии не представлял, какой спектакль он выдаст в первой игре на чикагском «Стэдиуме». В первой половине игры он набрал наивысшие для финальных серий NBA 35 очков, сделав рекордные шесть точных трехочковых бросков, – этого хватило для того, чтобы вырыть для «Блэйзерс» глубокую могилу, 122: 89. В общей сложности он набрал 39 очков за игру, реализовав 16 из 27 своих попыток с игры, включая шесть трехочковых, и отметил все это своим фирменным пожиманием плеч.

«Единственный способ остановить Майкла, – сказал Клифф Робинсон, – это убрать его с площадки».

«Я был в ударе, – сказал Джордан, уделивший перед первой игрой серии дополнительные несколько часов тренировок отработке бросков с дальней дистанции. – Когда я бросал «трешки», мне казалось, что я бросаю штрафные. Я не понимал, что делаю, но они залетали снова и снова».

Во второй игре Дрекслер был удален за перебор фолов примерно за 4 минуты до конца. Но «Блэйзерс» набрала 15 очков против пяти у «Буллз» и перевела игру в овертайм, в котором выжала победу 115: 104 благодаря девяти очкам Дэнни Эйнджа. В Портленд, где должны были пройти следующие три игры серии, команды отправлялись при равном счете в серии. Но игра «Буллз» в защите и впечатляющее командное выступление в целом – Пиппен и Грант набрали в третьей игре по 18 очков каждый при 26 у Джордана – положили конец мыслям о возможной неудаче, хотя на этот раз Джордан был неточен во всех четырех своих попытках забить трехочковыми.

«Блэйзерс» с большим трудом удавалось не отставать в счете в четвертой игре, но потом, за 3 минуты до конца, они даже

смогли выйти вперед и выиграть матч 93: 88, в последний момент сумев сравнять счет в серии 2–2. В четвертой игре Джордан реализовал лишь 11 из 26 своих бросков с игры, и было ясно, что важнейшая пятая игра станет проверкой на выносливость, ведь к тому времени обе команды провели в сезоне больше ста игр. Джордан вступил в игру агрессивно, начав раз за разом атаковать корзину, собирать фолы и тащить «Буллз» к лидерству в счете. Тренеры «Чикаго» удивили «Портленд», растянув своим нападением площадку, что позволило Джордану сделать несколько бросков с открытых позиций после многочисленных проходов к лицевой. Он реализовал 16 из 19 своих штрафных бросков и закончил матч с 46 очками в активе, что хватило «Буллз» для того, чтобы одержать победу огромной важности 119: 106 и повести в серии 3–2. «Блэйзерс» подобралась близко, но точные попадания Джордана держали ее игроков в безвыходном положении вплоть до последних минут игры. После матча он сжал кулак в победном жесте и скорчил вызывающую гримасу, в очередной раз припомнив «Портленду», *что* они потеряли на драфте 1984-го.

В шестой игре, в Чикаго, «Буллз» быстро оказалась в роли отстающих, к концу третьей четверти уступив сопернику 17 очков. Тогда Джексон убрал с паркета свою основу и выпустил в компанию к Пиппену Бобби Хансена, Би Джей Армстронга, Стэйси Кинга и Скотта Уильямса. Хансен сделал перехват и бросил мяч в кольцо, и в рядах «Буллз» почувствовалось оживление, которое с одобрением встретил Джордан, аплодировавший на скамейке активнее всех.

Примерно за 8 минут до конца Джексон вновь бросил его в бой, и «Буллз» проложила себе дорогу ко второму чемпионскому титулу, выиграв 97: 93 и спровоцировав беспрецедентный взрыв эмоций у болельщиков, принявшихся отмечать первый завоеванный в Чикаго чикагской командой титул со времен выигрыша «Беарз» титула NFL в 1961 г. на «Солджер Филд».

«Финал против «Портленда» получился драматичным для нас и всех чикагских болельщиков, – вспоминал Джексон. – Мы отыгрались с –17 в третьей четверти и выиграли титул. За этим последовали невероятные по размаху празднества». Игроки «Буллз» собрались в раздевалке, чтобы исполнить свой привычный ритуал: надев чемпионские кепки задом наперед, они принялись обливать друг друга шампанским. Тем временем их болельщики оставались на трибунах «Стэдиума», где громогласно отмечали победу. «Команде пришлось спуститься в раздевалку, где им вручили трофей Ларри О'Брайена Дэвид Стерн и Боб Костас, – вспоминал вице-президент «Буллз» Стив Шанвальд. –

Джерри Райнсдорф, Джерри Краузе, Фил Джексон, Майкл и Скотти стояли на возведенном специально по этому случаю помосте, где и принимали трофей. Но тогда у нас не было возможности дать мгновенный повтор этого момента, так что болельщикам не удалось разделить с нами это мгновение. На «Стэдиуме» через мегафоны играли песни Гари Глиттера, и толпа упивалась чемпионством… Я спустился вниз и спросил у Джерри Райнсдорфа, не можем ли мы вызвать команду обратно на площадку. Он сказал: «Я-то не против, но спрашивай у Фила».

Джексон сунул два пальца в рот и свистнул. Все затихли. «Хватайте кубок, – сказал он. – Мы возвращаемся наверх, праздновать победу с фанатами!»

Джордан схватил трофей, и команда последовала за ним на площадку. Когда они проходили по туннелю, команда, отвечающая за шоу на стадионе, на полную включила «Eye in the Sky» группы Alan Parsons Project – песню, под которую игроки «Буллз» традиционно выходили на паркет. «И вдруг толпа просто взорвалась, – вспоминал Шанвальд. – У меня по телу пробежали 10 тысяч мурашек. Внезапно несколько игроков, Скотти, Хорас и Хансен, забрались на стол, чтобы их можно было увидеть в толпе. Потом залез Майкл, он присоединился к ним с трофеем, и они начали танцевать».

Джордан показал болельщикам сначала два пальца, а потом три, рев стоял оглушительный.

Джексон какое-то время наслаждался этим зрелищем, а потом вернулся в раздевалку, чтобы осмыслить произошедшее в тишине и одиночестве. «У нас были взлеты и падения, – говорил он позднее, – но у нас была одна общая цель, и, несмотря на все наши разногласия, мы фокусировались на этой цели. Я сказал ребятам: «Два чемпионства подряд – признак великой команды». Мы прошли точку невозврата. Выигрыш второго титула отделил нас от других команд».

Несколько дней спустя в Грант-парке Пиппен вновь сообщил сотням тысяч болельщиков, что команда «Чикаго» нацелилась на три-пит. Толпа в ответ издала возглас воодушевления, но прежде чем Джордан смог поразмыслить о перспективе выигрыша очередного титула, ему предстояло уладить один маленький вопрос.

Глава 28
Все то, что блестит

Ловким ходом мог стать отказ Пиппена и Джордана от приглашений сыграть за сборную Соединенных Штатов на Олимпийских играх 1992 г. в Барселоне. По крайней мере на это надеялся Краузе. Он хотел, чтобы суперзвезды «Буллз» отдохнули за лето. Однако они оба согласились выступить на Олимпиаде, и Джордан вскоре оказался замешан в проекте «Команды мечты» – первой олимпийской сборной США, в состав которой вошли лучшие профессиональные баскетболисты Америки. Народ по всему земному шару будет чествовать фигуры в красном, белом и синем облачении как мистических супергероев-спасителей. Быть может, для баскетбола это было и хорошо, но о многом говорит тот факт, что самый напряженный для них момент в плане конкуренции и самой игры случился в ходе разминки с мячом на одной из командных тренировок. Всех своих соперников они выставили полными бездарями и в процессе активно себя рекламировали, превратив при этом считавшиеся статусными матчи олимпийского турнира в бессмысленные поединки абсолютно неравных сил. Джордан знал обо всем этом перед поездкой на Игры и не стеснялся открыто об этом говорить.

«Когда смотришь на уровень команд, с которыми мы должны играть, понимаешь, что это будет мясорубка, – сказал он за несколько месяцев до начала Олимпиады. – Мы и близко не должны с ними соперничать. Мы учили их игре в баскетбол. У нас есть игроки, обладающие необходимым талантом и ростом. Мы говорим о величайших игроках, которые играют в эту игру сегодня, и о команде, которая считается лучшей из всех, что когда-либо собиралась на площадке. Кто обыграет нас? Японцы? Китайцы? Они не смогут тягаться с нами в атлетизме, которым обладает эта команда. Не говоря уже о том психологическом преимуществе, которое у нас будет благодаря присутствию Мэджика, или кто там будет играть на позиции разыгрывающего. У нас есть Стоктон, Баркли, я, Робинсон, Берд… да мало ли. На этих людей европейцы смотрят снизу вверх, так как же они нас обыграют? Если в каком-то из матчей они не слишком сильно отстанут от нас в счете, это уже будет моральной победой для Европы».

Легкие победы были для сборной обычным делом и на предыдущих олимпийских баскетбольных турнирах, даже когда Соединенные Штаты полагались исключительно на игроков-

любителей. Теперь каждому американскому профессионалу выплачивалось от 600 до 800 тыс. долларов за каждое их широко разрекламированное выступление. И наверняка, если бы «олимпийцы» уже не были самовлюбленными нарциссами еще до начала Игр, по их окончании их эго раздулись бы до размеров некоторых стран, сборным которых они противостояли. Олимпийский комитет США благоразумно обратился к каждому из игроков с предложением пожертвовать свои зарплаты на общее дело, вернув их комитету. Джордан с готовностью согласился. Некоторые другие игроки, не купавшиеся в деньгах от Nike, как он, колебались, но потом возвращали либо всю сумму, либо некоторую ее часть. Казино в Монако, в которые команда совершала рекламные визиты накануне Олимпиады, тоже получили какую-то долю этих денег, это бесспорно.

Джордан воспользовался тем, что тренировочный лагерь сборная разбила в Ла-Холье, Калифорния, чтобы продолжить свои баталии на полях для гольфа с Ричардом Эскинасом. Играя в перерывах между тренировками и в свободное время, он сумел снизить сумму своего долга перед приятелем до 902 тыс. долларов. Впоследствии Эскинас рассказал *Los Angeles Times* о том, что партнеры Джордана по олимпийской сборной были в курсе его азартных увлечений. «Но все знали, что не надо и близко затрагивать вопрос о том, насколько внушительными были суммы», – говорил Эскинас.

Большую часть своих выигрышей Джордан сделал в последний из дней, 25 июня, когда они играли в La Jolla Country Club.

В один из вечеров Эскинас присоединился к Джордану за карточным столом в люксовом номере Мэджика Джонсона в отеле Torrey Pines. Там они разыгрывали по сто долларов за раздачу, доводя «банки» до 4000. Клайд Дрекслер и Пиппен из основного состава тоже были за столом, равно как и несколько студентов из резервной команды, включая Бобби Хёрли, Криса Уэббера и Эрика Монтросса. Ни у кого из студентов не было денег, чтобы присоединиться к игре, что превратило их в мишени для насмешек Джордана и Джонсона. Эскинас вспоминал, что каждый раз, когда Джордан ставил деньги на кон, Джонсон отпускал в его адрес шпильку о деньгах «за теннисные туфли». Может, они и сдружились, но не покидало ощущение, что Джонсон так никогда и не смог «простить» Джордану его сделку с Nike, продолжавшую приносить ему щедрые плоды.

Довольно скоро явились какие-то девочки, принявшиеся отвлекать игроков в карты, и вечер плавно перетек в ночь, дав начало серии еженощных вечеринок, на которых зажигали

баскетболисты Команды мечты. Однако дни приятельских отношений Эскинаса с Джорданом подошли к концу. Они продолжат пререкаться по поводу проигрышей Джордана в гольф, и Майкл в конечном счете выплатит Эскинасу по разным подсчетам от 200 до 300 тыс. долларов, часть которых была погашена серией чеков по 50 тыс. каждый, выписанных Хуанитой Джордан. Эскинас будет выжидать, готовя план дальнейших действий в расчете на то, что ему удастся привлечь внимание Джордана к этому вопросу в еще один, последний, раз.

Олимпийские игры дали ведущим звездам NBA первую настоящую возможность провести время вместе и узнать друг друга получше. Коллектив быстро осознал безразличие Джордана к остальным игрокам команды. Все время пребывания на Олимпиаде он подолгу бодрствовал, курил сигары, играл в карты и проводил время со своей свитой, иными словами, делал все, чтобы избегать отдыха, отчего Чарльз Баркли и остальные недоуменно качали головами.

Чак Дэйли, тренер команды, говорил: «Это было похоже на гастроли Элвиса и The Beatles. Путешествовать с Командой мечты было сродни путешествию с 12 рок-звездами. Это единственное сравнение, которое приходит мне на ум».

На пути к золотым медалям американцы одержали 14 побед, а самый маленький разрыв в счете составил 32 очка. Подтекстом происходящего на Играх была продолжающаяся вражда между Майклом и Мэджиком. Несмотря на свой ВИЧ-положительный статус, Джонсон попал в ростер сборной, выступление за которую стало еще одним ярким эпизодом в серии эмоциональных событий, предшествовавших окончанию его карьеры. Казалось, что он намерен укрепить свое положение лучшего баскетболиста в игре и продолжить доминировать, несмотря на то что его «Лейкерс» безнадежно проиграла титул в 1991-м. Они с Джорданом обменивались колкостями, выясняя, кто из них сильнейший, а потом выявили лучшего в ходе внутрикомандной разминки с мячом в Монако, где команда остановилась, перед тем как отправиться в Барселону. Тренировка была закрытой для прессы, но из книги Джека Маккаллума *Dream Team*, приуроченной к празднованию 20-летнего юбилея победы сборной (и отмечавшей некоторые перегибы, имевшие место на Олимпиаде), удалось выяснить, что в состязании участвовали две команды: одну вел за собой Джонсон, другую – Джордан. «Синяя» команда Джонсона с Чарльзом Баркли, Крисом Маллином, Дэвидом Робинсоном и Кристианом Леттнером в составе захватила лидерство и ушла в отрыв, пока Джонсон и Джордан вели долгие перебранки. Команда Джордана со Скотти Пиппеном,

Карлом Мэлоуном, Патриком Юингом и Ларри Бердом сумела отыграться и одержать ураганную победу над разъяренным Джонсоном, чей гнев стал еще сильнее после игры, когда Джордан спел ему «серенаду», процитировав всем известную песню из рекламы Gatorade: «Иногда я мечтаю… о том, чтобы быть как Майк».

«Это был самый веселый мой опыт на баскетбольной площадке из всех», – скажет Джордан позже. Magic Mike одолел кумира своей юности в последний раз. Борьба получилась жаркой, но в конце даже сам Джонсон, прирожденный лидер коллектива, вынужден был признать, что его время прошло. А Джордан вновь подтвердил, что стал царем горы NBA.

Сборная США выиграла золото по итогам победы над Хорватией 117: 85, случившейся 8 августа 1992 г. «Они знали, что противостоят лучшим игрокам мира, – сказал после матча Дэйли, отчасти пытаясь как-то оправдать неравную борьбу совершенно разных по классу команд. – Они поедут домой и до конца своих дней смогут говорить своим детям: «Я играл против Майкла Джордана, Мэджика Джонсона и Ларри Берда». И чем чаще они будут играть против лучших наших игроков, тем более уверенными в себе будут становиться».

Единственным камнем преткновения для Джордана стало то, что Reebok был главным спонсором сборной, это вынудило его носить логотип компании-конкурента по бизнесу. Возникший вопрос он разрешил весьма находчиво: прикрыл американским флагом эмблему Reebok на церемонии вручения чемпионских перстней. Это не было инициативой Nike, компания никогда не требовала ничего подобного от Джордана, говорил Сонни Ваккаро, но решение Майкла восхитило менеджмент компании и продемонстрировало глубину легендарной преданности Джордана.

Как-то раз, спустя некоторое время после окончания Игр, Джордан и Пиппен сидели в командном автобусе «Буллз» и обсуждали прошедшие матчи и своих партнеров по олимпийской сборной. «Только представь, – сказал Пиппен Джордану, – насколько хорош был бы Клайд Дрекслер, если бы он поработал над фундаментальными элементами игры с Тексом Уинтером».

Как и огромное число игроков NBA, Дрекслер полагался в основном на свой огромный талант и не уделял серьезного внимания важным нюансам игры. Джордан был удивлен тем, какими ленивыми были многие из его партнеров по олимпийской сборной на тренировках, как они обманывали самих себя неверными представлениями о том, чего требует от них игра.

Одним из памятных моментов стало их стремление не дать развернуться хорватской звезде Тони Кукочу, «находке» Краузе, которая должна была войти в состав «Буллз» перед стартом сезона 1993/1994 г. Кукоч был озадачен и смущен тем, как они защищались против него по ходу турнира. Он почувствовал на себе то же отношение, с каким Джордан встречал каждое новое приобретение или новичка из тех, которых Краузе приводил в команду, но в самом разгаре олимпийского турнира некоторые сочли подобное поведение странным и неуместным, и больше чем кто-либо так считал сам Краузе.

Дома Джордана ожидала повестка в суд на слушания по уголовному делу Слима Боулера, шедшие в Северной Каролине. Суд попросил объяснить его, почему Боулер, ранее судимый торговец кокаином, имел чек на 57 тыс. долларов, выписанный ему Его Воздушеством. Сначала Джордан сказал, что деньги были ссудой бизнес-предприятию, но, дав клятву на суде говорить правду, он признался, что на самом деле чек должен был покрыть его проигрыши в покер и другие азартные игры, в которые он играл с Боулером в один из уик-эндов в своем доме на острове Хилтон-Хед. О трех других чеках, найденных в кейсе Эдди Доу, поручителя залога, убитого в феврале в ходе ограбления, его не спрашивали.

Джордан публично сознался во лжи в интервью чикагской газете, данном за несколько дней до начала суда, сказав, что «мне стыдно в этом призаваться, но правда должна быть известна, это главное».

Заняв место свидетеля в суде, он объяснил, что проиграл деньги в Хилтон-Хед, играя в нассау на 1000 долларов с Боулером и другими, хотя отрицал при этом, что стал жертвой мошенников. «Это был просто результат моей плохой игры в гольф в трехдневный период», – сказал он. Дэвид Стерн вызвал Джордана в Нью-Йорк, чтобы обсудить его деятельность вне баскетбола и личностей, с которыми он водил дружбу. Позже на пресс-конференции Джордан утверждал, что люди, связанные с ним этими чеками, не были его друзьями, а лишь знакомыми, хваставшимися тем, что отдыхали в его компании. Однако документальные доказательства суда были вполне осязаемы и число их росло.

Перед открытием сезона NBA сделала Джордану выговор за увлечение ставками на гольф и связи с сомнительными личностями, что заставило его покаяться в содеянном в ходе тренировок команды на сборах. Репортерам он сказал, что не перестанет играть в азартные игры, но понизит ставки: «Побеждать здорово, но, когда ты проигрываешь такие крупные

суммы, а потом получаешь всю ту критику, что вылилась на меня, становится понятно, что оно того не стоит, – говорил он. – Думаю, что люди приняли бы тот факт, что я проиграл 40–50 долларов. Такое легко понять, можно посочувствовать. Мне следует придерживаться рамок 20-долларового нассау».

Двадцатидолларовый нассау предполагает лимит ставки в 20 долларов на первые девять лунок, 20 – на вторые и 20 – на совокупный счет по итогам прохождения всех 18 лунок. Таким образом, общая сумма ставки не превысит 60 долларов.

Предстоящий сезон должен был стать приятным отвлечением от уголовных процессов и необходимости отвечать перед судом в качестве свидетеля. Он и его «Буллз» собирались попытаться выиграть третий подряд чемпионский титул, чего не удавалось сделать ни одной команде вот уже 30 лет с тех пор, как Билл Расселл и его развеселая команда «Селтикс» взяли восемь чемпионств подряд в тот период, когда в NBA выступало от восьми до десяти команд.

Книга *The Jordan Rules* содержала его размышления о предстоящем уходе на пенсию и дала болельщикам возможность мельком заглянуть в планы Джордана, намеревавшегося отойти от давления профессионального баскетбола где-нибудь лет через пять. Он еще не видел, какая дорога ждет его впереди, и в любом случае думал больше о другом – на кону стоял чемпионский титул. Но в тот момент никто и не предполагал, насколько тяжелым будет предстоящий год.

«Финикс»

Мозг Фила Джексона переключался между памятными кадрами. Один из них был снят в первом раунде плей-офф 1992 г., когда Джордан сделал данк через игрока «Майами» Рони Сейкали. Этот эпизод напомнил о временах, когда молодой Джордан любил исполнять такие трюки, легко взмывая в воздух и перепрыгивая препятствия на пути к кольцу. «Тот слэм-данк через Сейкали был просто изумительным, он был из той серии, когда Майкл взлетал над всеми и смотрел на корзину сверху вниз», – вспоминал Джексон перед стартом сезона 1992/1993 г.

Данк воскресил в памяти Джексона воспоминания об эпохе, предшествовавшей вступлению Джордана на престол короля мира. Столько всего изменилось для них в какие-то 12 месяцев. Они превратились из команды, не способной побеждать, в доминирующую силу в лиге. «Он делал их для красивых кадров, – говорил тренер о данках Джордана, словно речь шла о каком-то

совершенно не похожем на обычных людей существе. – Он делал их ради зрелища. Он делал их, чтобы произвести поразительный эффект. Теперь же он чуть чаще бросает из позиций, с которых выше шанс сделать точный бросок. У него уже достаточно постеров с кадрами своих полетов».

Произошедшая с Джорданом трансформация объясняет, почему тот данк в игре с «Майами» стал одним из последних проявлений прежнего необузданного Джордана. Дело не только в том, что Джексон изменил мышление Джордана и его подход к игре. Эта перемена также стала результатом его деятельности за пределами площадки и следствием того стресса, который он ощутил на себе помимо всех прочих обстоятельств, навалившихся на него. «Меня беспокоило это в прошлом году в плей-офф и в конце заключительного сезона, – подмечал Джексон, все еще пытавшийся осмыслись победу своей команды в двух чемпионатах подряд. – Я видел, что он начинает немного остывать к игре. Она ему немного поднадоела, хотя обычно баскетбол не утомляет его на протяжении многих и многих матчей сезона. Но создавалось ощущение, что он действительно начинает уставать, и это понятно с учетом того, сколько всего происходит в его жизни, помимо баскетбола и того, что он попал в фокус всеобщего внимания, – каждый его шаг воспринимался через призму спортивного имиджа, каждый проступок, та история с Белым домом, *The Jordan Rules*. Огромное количество разных событий, происходивших вне паркета, отразилось на нем».

Тренер затронул эту тему в разговоре со звездой, сказав Майклу, что его любовь к игре и умение находить в ней что-то свежее и интригующее, должны пережить обновление, чтобы «Буллз» смогла выжить в этой изнурительной борьбе за выигрыш третьего подряд чемпионства. На предстоящем пути стояло много важных верстовых столбов, одним из которых был 30-й день рождения Джордана, до которого оставались считаные недели. Ему необходимо найти какой-то источник радости в возвращении на паркет, говорил Джексон.

Журналистка Мелисса Айзексон из *Trib* подняла ту же тему в разговоре с Джорданом, состоявшемся накануне сезона. «Игра должна дарить веселье, – говорил он ей. – Я должен получать от нее удовольствие».

Это стало проще делать с недавним появлением на свет его третьего ребенка, светлоглазой девочки Джасмин. Его сыновья были парочкой смешливых медвежат, интересовавшихся абсолютно всем вокруг и напоминавших Джордану старые добрые деньки детства, проведенные бок о бок с братом Ларри.

Его главной надеждой было то, что вся головная боль,

связанная с небаскетбольными делами, осталась позади, что все, о чем ему предстоит думать в новом сезоне, – семья и игра. Дальнейшие события покажут, что это были попытки выдать желаемое за действительное. Книга откровений Сэма Смита определила повестку всей его карьеры до самого конца, и развитие этой повестки ускорили события, происходившие за пределами площадки.

Джексона несколько успокаивало то, что у Джордана оставались еще три года по контракту, это могло позволить ему смотреть чуть дальше текущих дел и связанных с ними беспокойств.

На вопрос Айзексон о том, как он узнает, что конец его игровой карьеры уже не за горами, Джордан ответил так: «Когда ребята, которых я раньше обходил в два счета, станут опережать меня… Я всегда хочу быть впереди своих конкурентов, всегда иметь преимущество над ними».

Его игре придется продолжать эволюционировать, но одно оставалось неизменным: он не желал и слышать разговоров о том, что ему надо бы играть меньше минут.

Артист в нем был все еще жив и полон сил.

«У меня по-прежнему есть желание создавать и творить, – сказал он в ноябре того года. – Это часть меня. И всегда ею будет».

Однако при этом он отлично понимал, что манера, в какой команды начали защищаться против него, ограничит его возможности заниматься той акробатикой, которая отличала его игру в предыдущих сезонах. С тех пор как «Буллз» перешла на треугольник, он потратил существенное количество времени на работу над своей игрой спиной к сопернику, потому что треугольное нападение продолжало подбрасывать ему интересные варианты игры вблизи корзины, за спинами защитников, и там, где соперникам было труднее опекать его вдвоем. Наблюдение за процессом адаптации нападения к его собственной игре завораживало Текса Уинтера. Джордан очевидно понял, как эта система перенастроила игру на площадке. Он умел видеть и угадывать открывающиеся возможности так, как этого не умел ни один игрок до него, что даже позволило Уинтеру увидеть его любимый треугольник в новых, разнообразных прочтениях.

Также Джордан инстинктивно понимал, что перемены потребуют от его фанатов и баскетбольной публики переучивания игре. Он видел, как публика неверно воспринимала игру Джулиуса Ирвинга в конце его карьеры, а потому хотел избежать

такой участи для себя. «Когда Доктор Джей уходил на пенсию, все говорили: «Да, ему надо завязывать с игрой, он старый», – объяснял Джордан. – Но Доктор Джей все еще был хорошим игроком. Дело было в людях, годами игравших против него, они знали некоторые его наклонности и пытались ставить его в такие ситуации, в которых он не мог быть таким же изобретательным, каким был некогда. Он мирился с тем, что делала с ним защита».

Подбадриваемый тренером Джордан уже готовился внести похожие изменения в свою игру. Успешному их внедрению должна была способствовать система нападения, которая позволяла трактовать новую тактику защитников соперника так, что она превращалась в настоящий подарок. Джексон считал, что больше не имело значения то, как высоко прыгал Майкл. Новая защитная тактика соперников на самом деле была на руку Джордану, так как вынуждала его переходить на более устойчивый, стабильный подход к игре.

«Моя игра теперь менее зрелищна, потому что я делаю больше бросков с дальней дистанции, – признавал он. – Люди видели… больше креативности в моем исполнении, потому что я чаще совершал проходы, чаще делал данки и больше изобретал. Теперь мне труднее так играть, потому что мне мешают работать в «краске», где толпится много игроков. Теперь моя игра в тыловой зоне почти полностью состоит из эпизодов, когда я оказываюсь спиной к соперникам. Если я оказываюсь на дуге, они либо опекают меня вдвоем, либо отходят назад и позволяют исполнить джампер».

Джампшоты всегда были проявлением уверенности игрока в конкретный момент игры, это справедливо не только в случае Джордана, но и любого баскетболиста. Треугольник обеспечивал его этой важной опцией, если его вдруг задвигали в угол. Вместо того чтобы делать джамперы или разрезать защиту проходами к кольцу, он теперь мог проскальзывать под корзину и быть при этом уверенным в том, что нападение доставит ему мяч в самый нужный момент.

«Это просто результат того, что я подстроился к манере игры соперников против меня, – объяснял он, – а не того, что мне стало не хватать атлетизма или я стал хуже в физическом плане. Это больше следствие того, как команды играют против меня».

Наблюдение за тем, как Джордан выискивает эти моменты под кольцом в плей-офф предыдущего сезона убедило Джексона в том, что его звезда продолжит вносить изменения в игру, поддерживая тем самым свою успешность. Джордан предупреждал, что не будет пускаться в безумные эксперименты, только внесет легкие коррективы. И он пообещал своим

многочисленным болельщикам: данки никуда не денутся. «Моя игра такова, что креативность всегда будет важной ее составляющей, – говорил он Айзексон. – Но она просто рождается. Я не планирую этих действий. Я учился этому на очень ранних этапах карьеры. Пытаясь удовлетворить толпу, ты никогда не будешь играть в тот баскетбол, в который хочешь играть».

Несмотря на все это, сезон 1992/1993 г. начался с неожиданной, быстро вспыхнувшей обиды Хораса Гранта, не обрадовавшегося решению Джексона дать Джордану и Пиппену возможность временами отдыхать на скамейке, пока команда трудилась на сборах. Тренер был обеспокоен насчет них и хотел, чтобы они полноценно отдохнули после напряженных летних месяцев. Грант пожаловался репортерам на «двойные стандарты» и «приоритетное отношение» к звездам. Позже в том же сезоне он обвинит Пиппена в высокомерии. В конечном счете критические стрелы, выпущенные Грантом в прессе, спровоцируют разлад между друзьями, но к тому времени оба соглашались с тем, что уже не общаются так тесно, как раньше. Эти распри Джексон попросту ненавидел. В придачу ко всему «Буллз» столкнулась с некоторыми проблемами физического характера. Картрайт в свои 35 и Пакссон в 32 в межсезонье перенесли операции на коленях, а Пиппена добрую часть года беспокоил дискомфорт в лодыжке. Джордан же сначала испытывал боль в своде стопы, потом в запястье и, конечно, страдал от своего всегдашнего тендинита в коленях.

Би Джей Армстронг, с трудом постигавший принципы треугольного нападения «Буллз», наконец обжился в системе так, что смог заменить Пакссона в стартовой пятерке. Тренеры решили, что 21-летний Армстронг был попросту лучше подготовлен физически для того, чтобы играть в прессингующей защите «Буллз», и именно это сделает разницу в серии плей-офф. Вдобавок он станет лидером лиги по результативности в трехочковых, процент его попаданий превысит 45 %.

В регулярном сезоне, однако, Джексон не планировал применять прессингующую защиту так активно, надеясь тем самым сэкономить энергию своих игроков и поберечь их здоровье. Этот шаг вызвал раздражение Джордана, который посчитал, что без привычной агрессивной игры в защите им будет сложнее выигрывать матчи. Перемены также вывели на передний план другой вопрос, актуальный для клуба ветеранов: скуку. Замедлившийся темп игры шел команде в ущерб, и так продолжалось до тех пор, пока Джордан не собрал партнеров в круг в одном из матчей и не предложил им возобновить агрессивный прессинг. Позже он дискутировал о стратегии

Джексона с репортерами. «Быть может, мы излишне рискуем и выматываемся, – говорил он. – Я по-прежнему не считаю, что мы действуем консервативно. Когда мы замедляемся, мы начинаем слишком долго обдумывать свои ходы».

По крайней мере эта проблема демонстрировала, что между тренером и звездой команды идет какое-то взаимодействие на ментальном уровне. Порой оно напоминало настольную игру, в которой Джордан великолепно справлялся с удержанием своих позиций, ни в чем не уступая Джексону.

В конце концов все эти проблемы едва ли повышали градус зрелищности матчей «Буллз». Единственным соперником команды было то, что Джордан именовал «монотонностью», эта утрата радости от любимого дела, которая так беспокоила Джексона на старте сезона. В декабре тренер отметит свою 200-победу с «Буллз». Он достиг этой цифры быстрее любого другого тренера в истории лиги. Учитывая, как сильно он был обеспокоен признаками беспорядка в команде, было понятно, почему он получил так мало удовлетворения, достигнув столь значимой вехи в своей карьере.

«Парни мучились с травмами, – объяснял Джексон. – Пиппена беспокоила лодыжка, Джордана – его подошвенная фасция. Все эти факторы не давали нам войти в ритм. Мы пребывали в неважной форме. Если работа на тренировках была жесткой и четкой, то в играх мы страдали, испытывая трудности».

Вместо того чтобы пропускать игры, Джордан был вынужден просиживать на скамейке свое любимое время работы с командой. «Я всегда любил тренировки, – говорил он, – и я ненавижу их пропускать. Это как с уроками математики. Когда пропускаешь один день, чувствуешь, что многое упустил. Приходится наверстывать упущенное, делая дополнительную работу. Я всегда был игроком, трудившимся на тренировках, я верю в их пользу». Утрата им возможности черпать радость от тренировок стала первым серьезным сигналом тревоги, скажет он позже. Тренировки были местом, где он мог показывать лучшие образцы своей игры. То, что он творил на тренировках, было прелюдией к его перформансам в матчах. Он всегда ждал их с предвкушением и энтузиазмом. Они никогда не были для него чем-то, что надо было просто отработать или отсидеть.

«Я знал, что для меня настало время выйти из игры», – скажет он позже, оглядываясь в прошлое.

«Они были уставшими, – вспоминал тренер «Буллз» Чип Шефер. – Это бесспорно. Осенью 1992-го Майкл и Скотти были измотаны. Тот год сам по себе выдался длинным и тяжелым, а конкретно для Майкла он получился очень трудным. Казалось,

что проблемы валятся на него одна за другой. Пресса доставала его, весь год творились какие-то вещи. Как только он разбирался с одной ситуацией, тут же возникала другая. Постоянно что-то случалось: то выйдет книга, то произойдет какой-нибудь инцидент. Проблема была не в баскетболе, а в каких-то личных делах, которые вообще не должны были никак влиять на происходящее. Было видно, что все это вкупе начинает утомлять его. В каких-то приватных разговорах и ситуациях он это выражал. Было очевидно, что он начинает уставать как физически, так и психологически от всего, что происходит вокруг».

Ситуация вынудила Джексона копаться в своем арсенале психологических трюков в поисках инструментов, которые помогли бы ему мотивировать команду и не дать ей увянуть. «Фил часто прибегал к всевозможным играм разума, – вспоминал Джордан. – Он развязывал психологические войны, чтобы ты осознал, что от тебя требуется для того, чтобы стать победителем».

Кое-какие достижения, установленные Майклом по ходу сезона, немного помогли ему пережить трудный период. 8 января Джордан набрал свое 20-тысячное очко за карьеру, чтобы достигнуть этой цифры, ему потребовалось всего 620 игр. Единственным, кому удалось сделать это быстрее, был Чемберлен, достигший той же цифры за 499 матчей. «Похоже, что я вновь оказался где-то рядом с Уилтом, это настоящая привилегия, – говорил Джордан. – Я не буду оценивать масштаб этого достижения, пока не уйду из баскетбола. Я доволен этим результатом, но нам предстоит еще очень длинный сезон. Я уверен, что с годами буду ценить это достижение больше».

Как бы усердно ни работал Джексон, команда все равно возвращалась к тем же проблемам. В тот же месяц она провела очень выразительную во всех смыслах серию игр с командой «Орландо», тренер которой Мэтт Гукас дал инструкцию своим игрокам, в числе которых был центровой-дебютант Шакил О'Нил, не спускать глаз с Джордана. «Каждый раз, когда он получал мяч на линии штрафного броска или дальше к корзине, мы опекали его по двое, в том числе усилиями ближайшего к нему игрока, – вспоминал Гукас. – Потом мы переключились на Джона Пакссона, потому что нам внушало опасение его умение метко бросать. Мы оставляли много свободных зон. И Майкл просто порубил нас на кусочки».

Он искал открытых партнеров, и каждый из них упивался этим и итоговой победой. Подолгу остававшиеся неприкрытыми Пиппен и Грант провели очень результативный вечер, и «Буллз»

легко выиграла матч. Две игры спустя команды вновь сошлись на «Стэдиуме» в Чикаго, и на сей раз Гукас предпочел дать Джордану свободу, продолжая при этом опекать его партнеров. В тот вечер «Орландо» была вынуждена обходиться без своих игроков старта Ника Андерсона и Денниса Скотта.

«Я сказал: «Ни за что на свете не подпишусь на двойную опеку Джордана», – вспоминал Гукас. Он отрядил ролевого игрока Энтони Боуи в опекуны Джордана. «Я сказал: «Мне все равно, как он будет бросать, главное, чтобы без данков и лэй-апов. Убедись, что возвращаешься в защиту. Пусть делает свои джамперы сколько угодно». Так против Майкла играли в начале его карьеры. И вот мы выходим и держимся от него подальше, примерно в 8–10 футах поодаль, чтобы лишить его возможности делать проходы. Но в тот вечер он забрасывал кольцо своими джамперами только так».

Джордан делал бросок за броском, совершив рекордные в карьере 49 попыток, на 7 больше, чем все остальные его партнеры вместе взятые, и их начало это раздражать, тем более что игроки «Мэджик» не отставали в счете. «Мы все еще в игре, – вспоминал Гукас. – А их ребята нет».

Игра перетекла в овертайм, и Джордан закончил ее с 64 очками в активе, сделав свой второй результат в карьере. Однако победу одержала «Мэджик», подтвердив тезис Гукаса о том, что лучшая стратегия по-прежнему та же: нужно пытаться превратить Джордана в команду одного человека.

В марте новичок «Вашингтон Буллетс» ЛаБрэдфорд Смит набрал 37 очков в игре против Джордана в Чикаго, после чего Майкл утверждал, что Смит сказал ему: «Хорошо сыграл, Майк». Предположительно, Джордан пришел в ярость, услышав этот комментарий. В послематчевом эфире он говорил о том, что чувствует себя смущенным, и это не повторится следующим вечером, на который была запланирована очередная игра между двумя командами, – она должна была состояться в Вашингтоне. Позже он сказал, что наберет 37 очков уже к перерыву и еще долго рассказывал о возмездии, которое обрушит на Смита, и всячески заводил себя. И хотя он редко выходил на паркет перед началом матча, чтобы побросать мяч и размяться, в этот раз он сделал исключение: вышел на площадку и начал настраиваться на игру. Сам матч он начал с восьми попаданий при восьми попытках, и к перерыву набрал 36 очков. Закончил игру Майкл с 47 очками на счету, но пройдет еще много лет, прежде чем он признается, что выдумал всю эту историю со словами Смита. Смит никогда ничего ему не говорил. Он сфальсифицировал все, чтобы как-то зарядить себя эмоционально и вывести свою игру на

новый уровень. Вопрос был в том, как долго он сможет играть в игры разума с самим собой?

В каждом из четырех предыдущих сезонов команда проводила больше сотни игр, и его колени уже начали чувствовать каждый из них. Неделю спустя в Хьюстоне он устало сидел в раздевалке перед игрой и признавался, что утрачивает свою легендарную концентрацию. Его партнеры, погруженные в собственные проблемы, могли сказать о себе то же самое, и Джордан осознал, что именно по этой причине команды не справляются с задачей защиты чемпионского титула.

Еще на раннем этапе сезона Джексон ощутил, что его команда близка к той точке, когда игроки больше думают о будущем, нежели об игре, которая им предстоит здесь и сейчас. «Мой самый ценный урок, вынесенный из успеха, в том, что ты на самом деле не меняешься, – объяснял позже Джордан. – Меняются люди вокруг тебя. Когда мы стали успешными как организация, многие люди в этой организации начали перестраиваться. Многие люди не в состоянии совладать с успехом».

Сначала, рассуждал он, они начинают концентрироваться на своих собственных интересах, на том, чего у них нет. «Это не классный менталитет», – добавлял он. Затем он стал говорить своим партнерам, что ему конец. После матчей они выпивали по паре бокалов пива, и он делился с ними своими размышлениями. Никто ему не верил. Но он начал говорить и другим людям, своему отцу например, людям из окружения, Дину Смиту и другим доверенным лицам. Его партнеры считали, что он просто ноет почем зря. Джордан решил, что если он приближается к концу карьеры, то ее надо завершить в достойной манере.

Смогут ли он и его партнеры достаточно долго отмахиваться от этих негативных мыслей, чтобы суметь выиграть еще один титул? Дин Смит всегда мечтал съездить в Чикаго посмотреть игру Джордана, и той весной он появился на одной из последних игр регулярного сезона. Тренер нанес ему визит перед матчем, и Джордан сообщил своему старому наставнику, что подумывает об уходе из игры. Джордан вышел на паркет и отыграл очень сконцентрированно, памятуя о том, что Смит будет тщательнейшим образом отслеживать его игру в защите. На тренировках Каролины тренер присуждал игрокам очки за игру в защите, не в нападении. Каждый раз, когда Майкл знал наверняка, что Смит смотрит его игру по телевизору, он старался фокусироваться на защите. Джордан смеялся над самим собой, говоря, что минуло почти десять лет с тех пор, как он покинул колледж, а Смит до сих пор имеет над ним власть. В тот вечер, ближе к концу сезона, он очень слабо отыграл в нападении,

направив всю свою энергию на защиту.

Проиграв два последних матча «Шарлотт» и «Нью-Йорку», «Буллз» завершила регулярку с 57 победами в активе, в четвертый раз подряд одержав более 50 побед за сезон: этого результата команде хватило для того, чтобы стать чемпионами своего дивизиона, но преимущество домашней площадки она уступила «Никс». Джордан вновь выдал великолепный сезон в плане результативности, в седьмой раз подряд забрав себе корону лучшего снайпера (30,3 очка за игру) и сравнявшись таким образом с Уилтом Чемберленом. Его вновь включат в первую сборную лучших игроков NBA и в команду лучших защитников – туда он попадет в компании Пиппена.

«Забавно изучать историю NBA и то, как команды сначала вроде переживали взлет, а потом неизбежно падали, – отмечал тренер Чип Шефер. – Несмотря на все наши намерения и цели, все выглядело так, что этот год останется за «Нью-Йорком». Игроки этой команды заслужили победу своим трудом. В ноябре того года «Никс» разбила нас в пух и прах, просто разгромила, победив с разницей в 37 очков. Команда играла так, словно шел седьмой матч финальной серии. Мы вышли на паркет, позевывая. Ничего серьезного, просто рядовой матч. Майкл еще в начале матча заработал растяжение стопы, и они просто размазали нас. В тот год мы все равно выиграли 57 матчей, но оказалось, что мы немного захромали».

> На протяжении двух лет «Никс» видела, как рушатся ее надежды на чемпионство в семиматчевых битвах с «Буллз» в плей-офф.

Команда решила, что ей непременно нужно получить преимущество домашней площадки, чтобы выбраться из тени Джордана. Тренер «Нью-Йорка» Пэт Райли привел свою команду к 60 победам и обеспечил ей это преимущество. «Буллз» тем временем выглядела перед началом плей-офф так, словно ее отвлекают какие-то более важные дела. Но она быстро набрала высокий темп, вынесла «Атланту» в первом раунде, одержав три победы подряд, затем уничтожила «Кливленд Кавальерс», выиграв кряду четыре игры. Джордан увенчал серию победным броском в последнюю секунду игры в Кливленде, закрыв тем самым этап своего доминирования над «Кавальерс».

«Как только стартовали матчи плей-офф, – вспоминал Шефер, – Майкл смог опять включить прежние высокие скорости. Но мы вновь столкнулись с «Нью-Йорком». У нас не было домашнего преимущества, так что не было серьезных причин для оптимистичного настроя».

Джордан ненавидел «Никс». «Они играют, как «Пистонс», – говорил он вспыльчиво. Более того, Джексон и Райли недолюбливали друг друга еще с тех пор, когда играли в баскетбол сами. В первой игре на Мэдисон-сквер-гарден «Никс» своими действиями добилась того, что Джордан был точен лишь в десяти бросках из своих 27, и одержала победу 98: 90. «Я сказал команде, что подвел ее», – сказал Джордан, но во второй игре история повторилась. Он смазал 20 из 32 своих бросков, и команда «Нью-Йорка», одержав победу 96: 91, повела в серии 2–0. После игры в городе явственно чувствовалось самодовольство – и причины на то были. «Теперь «Буллз» проигрывает уже две игры в серии. Она обязана победить «Никс» в четырех из пяти оставшихся матчей, если хочет зацепиться за шанс взять третий титул подряд», – писал колумнист *New York Daily News* Майк Люпика.

Неудачный исход игры усугубило и то, что после матча в *New York Times* вышла статья, в которой рассказывалось, что Джордана за считаные часы до второй игры серии видели в казино Атлантик-Сити, из чего автор делал вывод, что Майкл, вероятно, не отдохнул перед игрой как следует. Джексон и Краузе тут же выступили в защиту звезды. «У Майкла Джордана нет никаких проблем, – сказал репортерам Краузе. – Его интересует победа, он один из величайших победителей всех времен».

«Нам не нужно вводить комендантский час, – добавлял Джексон. – Речь идет о взрослых людях… Порой нужно давать себе отдых, переключаться на другие занятия в жизни, иначе давление становится невыносимым».

Сам Джордан в содеянном не раскаивался, но его отец выступил с объяснением перед репортерами, сказав, что это он подстрекал сына к тому, чтобы поехать в Атлантик-Сити. За кулисами, впрочем, многие люди, причастные к команде, были ошарашены столь очевидной недальновидностью отца Майкла. На Джордана и так уже были обращены испытующие взоры со всех сторон, NBA вела расследование его связей со Слимом Боулером по делу о долгах, а тут Джеймс Джордан решает, что отправить сына в Атлантик-Сити играть в казино, да еще и в разгар серии плей-офф, хорошая идея?

Над командой нависла эта проблема, а серия тем временем перенеслась в Чикаго. «Буллз» вернулась после тренировки в Berto Center, – вспоминала чикагская радиожурналистка со стажем Шерил Рэй-Стаут. – Я никогда не видела, чтобы на мероприятие собиралось такое количество репортеров из всех СМИ. Майкл вышел из тренировочного зала, и я спросила: «Майкл, не могли бы вы раскрыть нам всю хронологию событий?

Не расскажете ли, что произошло, и откуда вообще растут ноги у этой истории?» Он принялся говорить, а потом репортер одного местного телеканала из Чикаго начал задавать ему такие вопросы и так поджаривать его в эфире, как будто Майкл был каким-нибудь почтенным олдерменом, уличенным в страшном преступлении. Репортером был Чак Гоуди с Channel 7, и он говорил что-то в духе: «Вы так делаете перед каждой игрой? У вас проблемы с азартными играми?» Он продолжал и продолжал упорно наседать на него, и в конечном счете Майкл просто замолчал и пошел прочь».

Джордан прекратил общение с прессой, его партнеры последовали его примеру, что привело к штрафам от NBA за нарушение политики взаимодействия со СМИ.

Джеймс Джордан годами кружил вокруг команды, любезно улыбался, шутил с членами коллектива и людьми, окружавшими его, постоянно подбадривал своего сына. Теперь, когда напряжение стало чрезвычайно высоким и его сын закипел от переполнявших его эмоций, Джеймс решил выделить одно дождливое воскресенье на общение с журналистами, собравшимися около тренировочного комплекса команды. «Я не против поговорить от лица Майкла, – сказал он. – Он мой ребенок. Родитель всегда делает все, что может, для блага своего ребенка».

В личном разговоре с Майклом он сказал, что, по его мнению, у Майкла нет проблем на площадке, от игры его отвлекают проблемы за ее пределами. Свою беседу с журналистами Джеймс начал почти умоляющим тоном, но потом его голос утратил всякую мягкость. «Майкл знает, что сейчас он словно плавает в аквариуме, находясь под микроскопом», – сказал отец, добавив, что в жизни Джордана должен когда-нибудь наступить такой момент, когда это прекратится. «Вы просто должны сказать себе: «Эй, этот парень ведь тоже человек». Я к тому, что непонятно, где пределы? Сколько нужно еще, чтобы было «достаточно»? Сейчас это очень важный вопрос: где это «достаточно»? Если постоянно опрокидывать ведро, довольно скоро в нем ничего не останется. Вы все разольете. И именно это нам нужно начать осознавать как болельщикам».

Пытаясь донести до репортеров свое понимание ситуации с сыном, Джеймс Джордан сказал им: «У моего сына нет проблем с азартными играми. У него есть проблема соревновательного плана».

Здесь и сейчас такой соревновательной проблемой была команда «Никс». Джордан был уверен, что «Буллз» одержит победу. Яма была глубока, но игроки, казалось, уже нащупали ее

дно. В третьей игре, на «Стэдиуме», Пиппен взял инициативу в свои руки, и «Чикаго» победила с большим отрывом, 103: 83.

«Момент, когда я понял, что мы выиграем эту серию, наступил после третьей игры, – вспоминал Чип Шефер. – После того как мы довольно убедительно обыграли их и довели счет в серии 2–1, Патрик Юинг дал комментарий, сказав, что «нам необязательно побеждать здесь, в Чикаго». Как только я услышал эти слова, то уже знал, что мы выиграем серию. Если у тебя такой настрой, ты можешь проиграть матч и растерять преимущество. Нельзя полагать, что ты выиграешь все домашние игры до единой. Как только он это сказал, мне стало ясно, что они рассчитывают выиграть все свои домашние матчи, а этого не должно было произойти. Ту серию вытащил для нас Скотти. Казалось, что у него всегда есть склонность расцветать, когда Майкл испытывал какие-то трудности, в такие моменты он всегда прибавлял и делал то, что нужно было команде».

Джордан со своей стороны тоже внес вклад, обратив свой гнев в обжигающую концентрацию в четвертой игре. Он набрал 54 очка и привел «Чикаго» к победе 105: 95. Затем, в пятой игре, настала пора трипл-дабла Джордана (29 очков, 10 подборов и 14 ассистов), захватившего главные колонки в статистическом отчете о матче, по итогам которого «Чикаго» повела в серии 3–2. Однако окончательно надежды «Никс» похоронили удачные блоки в исполнении Пиппена, не позволившего Чарльзу Смиту добивать мяч в корзину повторными бросками в нескольких моментах в концовке пятой игры, проходившей в Нью-Йорке. Затем «Буллз» довершила свой камбэк в шестом матче в Чикаго, и вновь контрольный выстрел сделал Пиппен своим джампером с угла и точным попаданием с трехочкового, обеспечивший «Чикаго» победу 96: 88.

Дорога к финальной серии получилась ухабистой, но «Буллз» все же смогла в третий раз подряд попасть в финал NBA, где Джордану предстояло сойтись со своим старым кэдди Чарльзом Баркли. Оба в тот момент были на пике своей карьеры. После нескольких разочаровывающих лет в «Филадельфии» Баркли перед стартом сезона 1992/1993 г. был обменян в «Финикс» и там переродился, став MVP лиги, он привел «Санз» к 62 победам в регулярке и выходу в финал после впечатляющей рубки в плей-офф с «Хьюстон Рокетс».

«Финал получился великолепным с точки зрения зрелищности, уровня конкуренции, – вспоминал Мэтт Гукас, тренировавший Баркли в «Филадельфии». – Думаю, что Чарльз считал себя парнем одного уровня с Майклом Джорданом и полагал, что другие признают это».

Благодаря схватке за звание чемпиона соперничество двух друзей теперь получило широкую аудиторию. «Каждый раз, когда мы шли с «Буллз» ноздря в ноздрю, Чарльз хотел опекать Майкла в последние 2–3 минуты матча, – вспоминал Гукас. – У него хватало смелости и отваги на это. И Чарльз не боялся провала. Он знал, что существует вероятность того, что Майкл выставит его в очень неприглядном свете своей игрой. Но как спортсмен он был почти ровней Майклу».

Баркли всегда раздражало то, что Джордан безвылазно сидел в номере отеля. Сэр Чарльз любил выбираться в свет и кутить, общаться с народом, отчего у него постоянно случались неприятности в Филадельфии. Но в Финиксе, с его богатым выбором полей для гольфа в Солнечной долине, у него не было проблем с тем, чтобы вытащить Джордана и поразвлечься с ним вместе.

Битва за титул между ними определенно получилась упорной, но она оставила горькое послевкусие. Из лагеря «Буллз» доносились предположения о том, что Джордан якобы намеренно «играл» с Баркли на протяжении нескольких лет, задабривая его щедрыми подарками, чтобы тот позволял ему доминировать на площадке. Баркли и сам впоследствии будет недоумевать, как такое могло произойти, несмотря на три года дружеских отношений с Джорданом. Джордан был недоволен привычным для Баркли поведением на тренировках, которое тот демонстрировал в работе с Командой мечты в Барселоне, и позже признался, что оно позволило ему получить игровое преимущество над Баркли. Пиппен тем временем не был поклонником Сэра Чарльза и позже будет поносить его за чрезмерное преклонение перед Майклом. Баркли эти обвинения изрядно рассердили. Однако вопрос все еще оставался без ответа. Обманул ли Джордан Баркли, когда тот был так близок к главному призу в карьере? Позже Джордан предположил, что главное отличие между ними заключалось в опыте. Он знал, чего нужно ожидать от финальной серии в плане давления, Баркли же мог только догадываться. Нужно быть готовым к такому тяжкому бремени, говорил Джордан.

На потеху телеаудитории Баркли и Джордана столкнули лбами в поп-культурной войне. Реклама Nike против рекламы Nike. В своих роликах Джордан размышлял вслух: «Что, если бы я был простым баскетболистом?» Тогда как Баркли, в свою очередь, заявлял: «Я не пример для подражания», тем самым обыгрывая свой скандальный публичный имидж. Некоторые критики считали его очередным высокооплачиваемым, но совершенно безответственным исполнителем. Другие понимали, что

заявление Баркли служит напоминанием о том, что профессиональные спортсмены – попросту медийные персоны, и настоящая ответственность за воспитание правильных ценностей у молодежи лежит на их родителях и близких людях. Баркли об этом и говорил, но это слабо убеждало его критиков, концентрировавших свое внимание на сплетнях в таблоидах, главная из которых заключалась в том, что его якобы видели в компании Мадонны в ресторане Финикса. У Джордана были проблемы с азартными играми, а Сэр Чарльз всегда был… Сэром Чарльзом.

В 1993-м ирония всей этой ситуации была в том, что Баркли никогда не проявлял предусмотрительности и без колебаний портил свой собственный публичный имидж, особенно в ранние сезоны своей карьеры в NBA, тогда как более осмотрительный Джордан вел себя осторожнее, всегда говорил и делал правильные с точки зрения корпоративной этики вещи и при этом поступательно выстраивал в Чикаго чемпионскую команду. Временами, когда истории о драках Баркли в барах или неуместные публичные заявления попадали в заголовки газет, Джордан публично выступал в его защиту, и главным посылом его слов всегда был такой: Чарльз порой совершает необдуманные поступки, но он честный, искренний человек и очень сильный соперник. Теперь же Джордан приехал в Финикс с кучей своих проблем. Целая стая ищеек из таблоидов вынюхивала подробности скандала, в котором он оказался замешан.

К счастью, уровень баскетбола в финальной серии оказался достаточно высок, чтобы суметь затмить прочие сюжетные линии. Когда серия открывалась на новехоньком стадионе «Америка Уэст Арена», «Буллз» была преисполнена уверенности в себе. Игроки всегда прекрасно справлялись с филадельфийской командой Баркли. Защита в лице Пиппена и Гранта связала габаритного форварда по рукам и ногам, а Би Джей Армстронг обладал достаточной быстротой, чтобы не отпускать от себя разыгрывающего «Финикса» Кевина Джонсона.

Накануне финальной серии за чемпионство словно по велению некоего медийного стратега, идеально рассчитавшего время для своего хода, в прессу попали факты из теневой жизни Джордана. Как только история об увеселительной поездке Джордана в Атлантик-Сити сошла со страниц газет, Ричард Эскинас выступил вперед, самостоятельно опубликовав свою книгу *Michael & Me: Our Gambling Addiction… My Cry for Help!* («Майкл и я: наша игровая зависимость… Мой крик о помощи!») В книге Эскинас во многих деталях раскрывал подробности своих пари с Джорданом, с которым они играли в гольф на высокие

ставки.

В интервью NBC, записанном в перерыве первой игры финальной серии, Джордан признавался, что проигрывал Эскинасу крупные суммы денег, но названные его приятелем цифры и близко не соответствуют действительности. Эскинас, в свою очередь, предоставил копии своих налоговых деклараций и чеков, выписанных ему Джорданом. По всей видимости, Джордан выплатил около 300 тыс. долларов своего долга, прежде чем обратился к чикагскому юристу, который должен был держать Эскинаса на расстоянии от него.

«Азартным игрокам не место в спорте, – написал колумнист Дэвид Киндред на страницах *Sporting News*. – Они уязвимы к вымогательствам. Они подвержены искушению сделать ставку на то, в чем разбираются лучше всего, – свою игру. Эта уязвимость подрывает уверенность публики в том, что игра ведется честно. Но Джордану, по всей видимости, наплевать. Словно он живет свою жизнь, следуя слогану своего обувного нанимателя, которого он так рекламирует: Just do it (Просто сделай это)».

Никогда никем не утверждалось, что Джордан делал какие-либо ставки на игры NBA, отмечали его защитники. Если сказанное о его пристрастиях и правда, то матчи NBA были единственным, на что Джордан не делал ставки. *Newsweek* писал: «На тренировках он предлагал партнерам пари на трик-шоты или игру в лошадь на деньги. В самолете «Чикаго Буллз» он постоянно затевает игры в двадцать одно или тонк, разновидность джин рамми. Во время поездок на гостевые игры он устраивает в номере своего отеля покерные состязания, длящиеся всю ночь. Три года назад команда начала летать собственным самолетом, чтобы обеспечить игрокам уединение, – но так же, как теперь кажется, для того, чтобы скрыть от любопытных глаз нелицеприятную картину: сотни и сотни долларов, разбросанных по столам залов ожидания аэропортов, деньги участников карточных игр Джордана».

Вопрос о том, могут ли эти отвлекающие факторы стать помехой для «Буллз», быстро отошел на второй план, когда «Чикаго» взяла первую игру 100: 92. Джордан набрал 31 очко, Пиппен – 27, а Баркли стараниями защиты «Буллз» реализовал лишь девять из 25 своих попыток.

Быть может, «Санз» действительно не хватало опыта – впервые оказавшись в эпицентре всеобщего внимания, команда и глазом моргнуть не успела, как тут же оказалась в положении отстающих, и во второй игре стала все глубже погружаться в зыбучий песок. В том матче Баркли и Джордан набрали по 42 очка каждый, но Джордану едва не удалось оформить трипл-дабл

благодаря 12 подборам и девяти ассистам, плюс он сделал два перехвата, и все это за 40 минут игрового времени. Вдобавок он был точен в 18 из 36 своих попыток с игры и реализовал оба своих трехочковых, чем помог «Чикаго» добыть победу 111: 108.

Защита «Чикаго» также сдержала Кевина Джонсона и винга Дэна Марли, благодаря чему «Буллз» повела в серии 2–0. Отчасти победа стала возможной благодаря плану на игру в защите, придуманному Джонни Бахом специально для Армстронга, который должен был противостоять Кевину Джонсону. План сработал: Джонсон был явно раздосадован и большую часть четвертой четверти отсидел на скамейке. Внезапно перед «Финиксом» замаячила перспектива «свипа», ведь следующие три игры должны были пройти в Чикаго. Но каким-то образом в третьей игре «Санз» удалось выцарапать победу 129: 121 в третьем овертайме матча.

> «Я думал, что эта игра никогда не кончится», – сказал после матча Джексон.

В четвертой игре серии Джордан ответил соперникам 55 очками, принеся «Буллз» победу 108: 98 и обеспечив им результат 3–1 в серии. «Финикс» раз за разом позволял ему проскальзывать к кольцу, и он этим пользовался, выдавая симпатичные данки и ловкие бэнк-шоты. За 46 минут игрового времени он реализовал 21 бросок при 37 попытках с игры, добавив к этому 13 точных попаданий со штрафных, восемь подборов и четыре ассиста. В концовке команда «Финикс» подобралась к соперникам на расстояние в два очка, но агрессивное давление Армстронга и ключевой перехват в концовке решили исход игры в пользу «Буллз». Показатели Джордана по набранным очкам позволили ему сравняться с игроком «Голден Стэйт» Риком Бэрри, установившим в 1967-м второй результат по количеству набранных очков в одной игре финальной серии NBA. Рекорд же принадлежал Элджину Бэйлору, набравшему 61 очко в игре против «Бостона» в 1962 г.

Перед пятой игрой, которая должна была пройти на их домашней площадке, «Буллз», имея перевес в счете серии 3–1, была в шаге от своей третьей подряд победы на чемпионате. Однако как раз в этот момент она странным образом забуксовала. Джордан поклялся своим партнерам, что не поедет в Финикс, если они не сумеют добыть чемпионство на «Стэдиуме». Чтобы доказать серьезность своих намерений за 44 минуты игры он набрал 41 очко, реализовав 16 из 29 своих попыток с игры, сделал семь подборов, семь ассистов и два блок-шота. Но несмотря на его усилия, команда «Чикаго» споткнулась, и «Санз» принялась

защищаться. Когда игроки «Финикса» столпились под щитом, Джордан перестал так легко забивать.

Благодаря 25 очкам Джонсона и 24 Баркли «Санз» одержала победу, в которой так нуждалась, 108: 98, и перенесла серию обратно в Аризону. Предыдущие чемпионства «Чикаго» неизменно оборачивались разгульными празднованиями, сотрясавшими весь город, поэтому перед пятой игрой многие торговцы заколотили свои магазины из соображений безопасности. «Мы оказали городу услугу, – сказал Баркли, покидая Чикаго. – Можете снимать все эти доски. Мы едем в Финикс».

Джордан пришел в ярость после поражения и был очень зол на своих партнеров, которые и без того боролись с собственным разочарованием. За кулисами его жена и старшая сестра умоляли его организовать всей семье перелет на его самолете в Аризону на шестую игру серии. Наконец он согласился, вероятно, рассчитав, что стоимость этого путешествия вновь вернет ему концентрацию, необходимую для решения стоящей задачи.

Семью Джордана по-прежнему раздирали разногласия, Джеймс и Делорис продолжали воевать за доходы и отчисления с продажи сети магазинов Flight 23. Сис описывала сложившиеся обстоятельства словом «убогие», поскольку ее родители искали возможность втянуть в конфликт своих детей, в особенности Майкла. В тот момент Сис откинулась в кресле и принялась пристально разглядывать своего брата, которому «больше не хватало часов в сутках и рук, чтобы разобраться со всеми теми задачами, что перед ним стояли». Она вспоминала: «Я смотрела со стороны за тем, как Майкл жонглировал своей жизнью на площадке и за ее пределами… как пытался оседлать волну колоссального успеха и при этом взять к себе на борт партнеров по команде и членов семьи».

«Майкл, кажется, инстинктивно чувствует, в чем нуждается команда, – вспоминал комментатор матчей «Буллз» Том Дор. – Они только что проиграли. Но Майкл поднимается на борт самолета, летевшего в Финикс, со словами «Привет, чемпионы мира». У него во рту полуметровая сигара и он уже празднует победу, потому что знает, что серия закончится совсем скоро. Отправляясь в Финикс, он уже знал, что они победят. Для него это был решенный вопрос, думаю, что и команда чувствовала то же самое. У них была эта надменность. Они не со зла так относились. Просто они чувствовали, что выиграют серию».

Эта дерзость, казалось, и тащила «Чикаго» к победе первые три четверти шестой игры, а фаланга защитников «Буллз» в лице Джордана, Армстронга, Пакссона и редко выходившего

резервиста Трента Такера забросила девять трехочковых в первые три четверти, обеспечив «Чикаго» преимущество в счете 87: 79.

И тут, вновь оказавшись в шаге от заветного титула, «Буллз» опять омертвела. В первые 11 своих владений в четвертой четверти игроки смазали девять бросков и совершили две потери. «Санз» приблизилась к ним на расстояние одного очка, а затем предприняла рывок в самой концовке, поведя 98: 94 за 90 секунд до конца матча. После промаха игроков «Финикса» Джордан сделал подбор в защите, проложил себе путь через толпу игроков к противоположной корзине и исполнил короткий бэнк-шот. Счет стал 98: 96 за 38 секунд до сирены. Точные попадания винга «Санз» Дэна Марли помогли «Финиксу» вернуться в борьбу, но в той игре в предпоследнем владении он сделал неточный бросок, подарив тем самым «Буллз» еще один шанс за 14,1 секунды до конца. После тайм-аута Джордан вбросил мяч Армстронгу, потом получил его обратно и отпасовал вперед Пиппену. Розыгрыш должен был завершиться возвращением мяча главному специалисту «Чикаго» по верным броскам. Но тут Пиппен увидел, что Джордан закрыт, и рванул в трехсекундную сам, где его встретил центровой «Санз» Марк Уэст. У лицевой в одиночестве стоял Грант, набравший за всю игру одно-единственное очко и запоровший до этого несколько вернейших моментов настолько неточными бросками, что мячи после них едва не перелетали через щит. Пиппен все же швырнул ему мяч. На кону стояла победа, и Грант решил не рисковать. Он отдал мяч никем не прикрытому Пакссону, находившемуся за дугой с левой стороны от трехсекундной.

«Я знал, что мяч влетит, как только Пакс исполнил бросок», – сказал Джордан.

Трехочковый вкупе с блоком Гранта, помешавшим Кевину Джонсону попасть последним броском в игре, прикончил интригу и принес «Буллз» третий чемпионский титул.

В ходе финальной серии Джордан набирал в среднем 41 очко за игру и таким образом побил рекорд в 40,8 очка за игру, установленный Риком Бэрри в 1967 г.

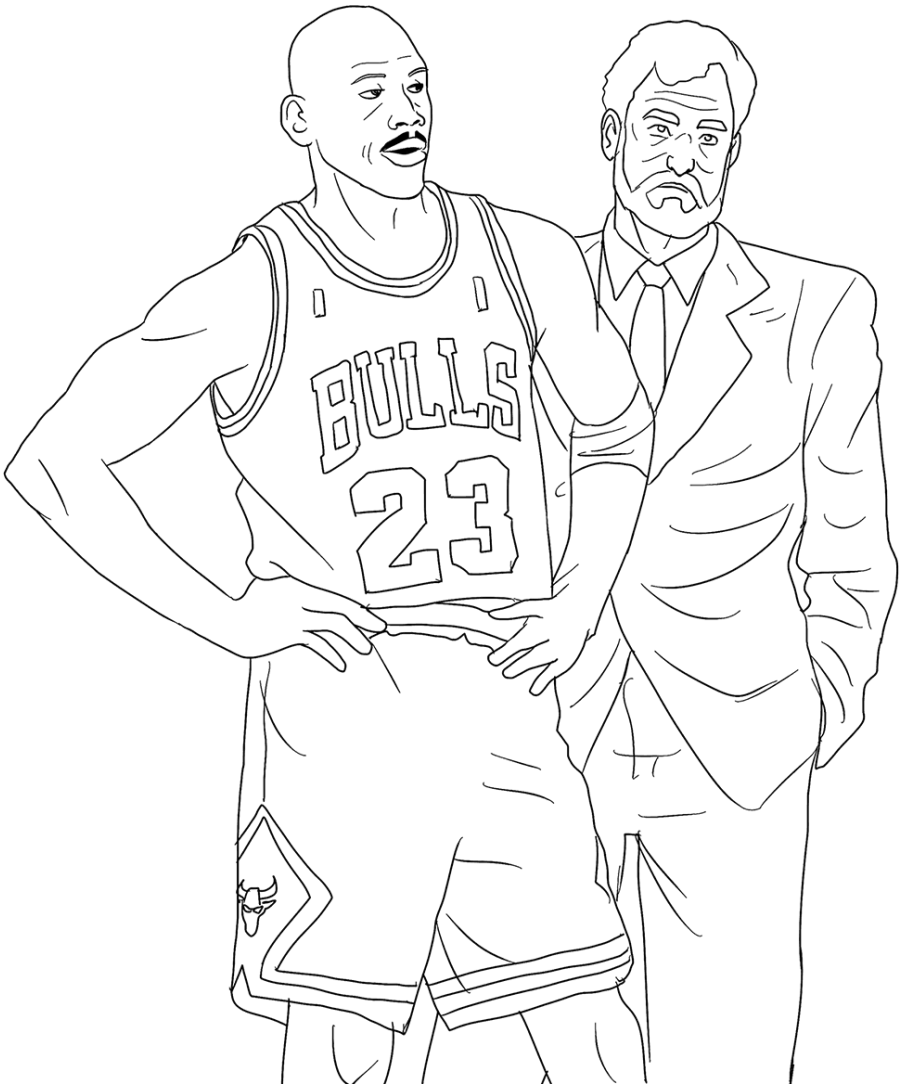
После игры вечеринка ограничилась лишь пространством люксового номера Джордана. Майкл был без футболки, в шортах для спортзала. Джордж Колер откупоривал бутылки очень дорогого шампанского. Тем же был занят и Куинн Бакнер. Но тихое празднование проходило больше в семейном кругу. Сис и мать сидели с Майклом на диване. Джеймс расположился напротив них вместе с Роз. Они были расслаблены и улыбались, а Майкл даже внезапно кинулся на младшую сестру, чтобы устроить с ней шуточный рестлинг-поединок. Это был последний

раз, когда все они были вместе.

Поскольку личные проблемы Джордана копились и множились, у людей из его близкого окружения оставалось все меньше сомнений в том, что он устал от бесконечной изнурительной борьбы и нехватки личного пространства. В своих публичных заявлениях он делал косвенные намеки на скорое завершение карьеры. Он сделал бы это и раньше, если бы не опасался падения продаж продукции Nike и, следовательно, своих доходов от спонсора, подмечал Сэм Смит в *The Jordan Rules*. Неприятности, с которыми он столкнулся за пределами площадки, лишь укрепили общественность во мнении, что он может уйти из баскетбола после завоевания третьего титула.

Спустя некоторое время репортеры задавали ему вопросы на пресс-конференциях, интересуясь дальнейшими планами. Действительно ли он собирается завершить карьеру? «Нет, – уверял он их. – Моя любовь к этой игре очень сильна».

Часть IX
Далеко-далеко



Глава 29
Lexus

Своей игрой он производил такое впечатление, что побеждать легко и просто. Только Фил Джексон и узкий круг людей, знавших кухню «Буллз» изнутри, понимали, каким изнурительным и тяжелым трудом дались команде три чемпионских титула подряд, – они знали, что Джордан сумел добиться успеха благодаря колоссальным дозам психологической крепости, несгибаемой воли и даже страха.

Этот плотно смотанный клубок целеустремленности и решимости дрифтовал в подвешенном состоянии все лето 1993 г., приближаясь к водовороту неприятностей и бед. Вел его туда Джеймс Джордан, чей мир точно так же рушился вокруг. Некая чикагская женщина подала на него суд, инициировав процесс об установления отцовства своего ребенка. Компания, которую он основал вместе с Ларри после фиаско Flight 23, теперь тоже летела под откос, так как налоговая служба истребовала неуплаченные налоги, а поставщики принялись снимать свою продукцию с полок их магазина в связи с неуплатой по счетам. Его яростная битва с Делорис продолжалась; общие банковские счета были закрыты, тем самым он лишился последнего источника кредитования своего бизнеса. Фонд заработной платы компании не из чего было формировать, а каждый следующий звонок его секретарши, казалось, сулит новые проблемы. По словам его старшей дочери, отец устало жаловался своим детям на жену, утверждая, что она пытается разрушить его жизнь на глазах у детей.

22 июля 1993 г. Джеймс и Делорис Джордан покинули свой дом в пригороде Шарлотт и разъехались в разных направлениях. Миссис Джордан села на рейс до Чикаго, чтобы навестить сына, а мистер Джордан отбыл на своем Lexus клюквенного цвета на другой конец штата, в округ Пендер, где должны были состояться похороны его старого друга. Lexus, подаренный ему сыном, был предметом большой гордости Джеймса Джордана. Номерные знаки машины содержали символы UNC0023, что свидетельствовало о некотором тщеславии хозяина авто. На следующий день он должен был вылететь в Чикаго, чтобы там насладиться бейсбольным матчем с участием знаменитостей, который устраивал его сын. Затем его жена и сын должны были отправиться в продолжительный отпуск в Калифорнию.

Пятьдесят седьмой день рождения мистера Джордана уже

прошел, когда 2 августа его старшей дочери позвонила секретарша Джеймса. Она сказала Сис, что беспокоится за своего работодателя. Хотя обычно Джеймс Джордан приезжал в офис каждый день, в этот раз он не выходил на связь с ней уже две недели. Тогда-то дочь и узнала ужасные подробности бизнес-деятельности своего отца. Банк не принимал зарплатные чеки работников компании, так как на счетах фирмы не было средств для выплаты жалованья, вследствие чего сотрудники стали массово покидать рабочие места. Секретарша также сообщила дочери, что мистер Джордан не сел на рейс в Чикаго 23 июля.

В течение многих лет Джеймс Джордан отсутствовал дома по несколько дней, пытаясь угнаться за напряженным графиком своего сына. «Он часто уезжал один, – объяснял позже его сын, – иногда из-за разногласий, которые у него случались с моей матерью, а иногда просто, чтобы побыть в одиночестве. Он так наслаждался пенсией и тем, что мог делать что хотел и когда хотел, что его отсутствие не вызвало подозрений».

Сис позвонила матери, которая только что вернулась домой после почти двух недель отсутствия, и поделилась с ней тревогами секретарши. Делорис Джордан обратила внимание, что дом остался в том же состоянии, в каком был, когда она его покидала, создалось впечатление, что все это время здесь никого не было. Но она решила успокоить свою встревоженную дочь, сказав, что где бы ни был сейчас Джеймс Джордан, он находится там потому, что сам того хочет, и она в этом уверена.

Растущее беспокойство

4 августа Сис вновь позвонила в контору отца, и ей сказали, что он до сих пор не появлялся в офисе. Два дня спустя она узнала, что ее мать и Ларри приезжали в офис фирмы и Делорис Джордан оплатила громадные счета компании. В глазах дочери погашение матерью долгов компании выглядело как признак того, что ее родители начинают понемногу преодолевать свои прежние разногласия. В выходные Сис позвонила матери, которая сказала ей, что подозревает, что мистер Джордан уехал в Хилтон-Хед – в последнее время он обдумывал свой возможный переезд туда.

Несколько дней спустя сосед позвонил Сис и сказал, чтобы она включила телевизор. Lexus Джеймса Джордана нашли разобранным и изуродованным вандалами. Услышав те же вести, Майкл осознал, что с отцом произошло что-то страшное.

«Он берег ту машину, как сокровище», – сказал позже

Джордан.

Полиция обнаружила Lexus 5 августа в лесополосе неподалеку от трассы, пролегавшей через Фейетвилл, Северная Каролина. Заднее стекло было выбито, а из машины были извлечены стереодинамики, сняты номера и колеса. Правоохранители отследили происхождение машины через дилерский центр Lexus, а затем вышли на членов семьи Джордан. Полицейские обыскали территорию вокруг автомобиля, но ничего не нашли. Они смогли установить, что мистер Джордан присутствовал на похоронах 22 июля, а позже, вечером того же дня, навестил свою подругу, после чего покинул ее, отправившись домой в Шарлотт, до которого было три с половиной часа езды. «Для мистера Джордана было обычным делом не сообщать никому о своем местонахождении в течение нескольких дней, но совершенно точно не на протяжении 20 с лишним суток», – сообщил репортерам капитан Арт Байндер из Департамента шерифа округа Камберленд.

Получив известие, Майкл тут же отбыл в Северную Каролину. Полицейские вскоре связали находку машины с сильно разложившимся телом, обнаруженным 3 августа в болотистом ручье неподалеку от Мак-Колла, Южная Каролина. Местный судмедэксперт позже признался, что останки были помещены в мешок для трупов и пролежали в кузове его пикапа большую часть дня. В конечном счете правоохранительные органы Южной Каролины провели вскрытие, сделали фотографии и установили, что жертва погибла от выстрела в грудь из пистолета 38-го калибра. 7 августа коронер забрал кисти рук и челюстные кости погибшего, личность которого все еще не была установлена, и распорядился кремировать останки.

«Это было мое решение, я сделал то, что было необходимо сделать, – сказал репортерам коронер Тим Браун после того, как стало понятно, что жертвой был отец Майкла Джордана. – У меня лежало разлагавшееся тело, а возможности поместить его в холодильную камеру не было».

Ошарашенные новостями члены семьи Джордана начали поспешные приготовления к похоронам в африканской методистской епископальной церкви Рокфиш в Тичи. Тем временем полицейские отследили звонки, сделанные с мобильного телефона, установленного в Lexus’е, и следы привели их к двум 18-летним жителям Ламбертона, Северная Каролина. В тот же день, когда семья Джордана была на поминальной службе в Тичи, правоохранители арестовали Ларри Мартина Демери и Даниэла Андре Грина, предъявив им обвинение в грабеже с применением оружия по предварительному сговору и убийстве

первой степени. По данным шерифа округа Робсон Хьюберта Стоуна, Грин двумя месяцами ранее вышел на свободу по условно-досрочному освобождению, отсидев чуть меньше двух лет по приговору, вынесенному ему в том же округе за вооруженное нападение, ограбление и покушение на убийство.

Джеймс Джоржан, согласно информации следствия, стал жертвой обстоятельств, решив остановить свою машину в хорошо освещенном месте на трассе I-95 неподалеку от Ламбертона в ранние утренние часы 23 июля. Подростки были вооружены и, согласно их показаниям, планировали ограбить кого-нибудь в ту ночь. Они выжидали у съезда с трассы, когда увидели, что Джордан остановил машину у обочины, по всей видимости, чтобы отдохнуть, рассказывал капитан Арт Байндер. Парочка выстрелила и убила Джордана, а выяснила, кем он был, лишь после того как заглянула в его бумажник. Байндер рассказывал: «Как только они осознали, что убили отца Майкла Джордана, они захотели максимально надежно замести следы, насколько это было возможно. Им потребовалось время, чтобы решить, что Южная Каролина будет тем местом, где они спрячут тело».

Они проехали 30 миль, добравшись до отдаленной территории, расположенной сразу за границей Южной Каролины, и там сбросили тело Джеймса Джордана в болотистый ручей. Еще три дня они пользовались Lexus'ом, снимали себя на видео, в которых хвастались своим «достижением», а затем бросили машину на грунтовой дороге на окраине Фейетвилла, примерно в 60 милях от того места, где оставили труп.

«По мере того как раскрываются подробности этого дела, становится ясно, что произошедшее с мистером Джорданом было случайным проявлением насилия, которое так беспокоит и пугает все общество, – говорил Джим Коман, директор северо-каролинского филиала ФБР. – Такое могло произойти с любым из нас».

Спекуляции

Обстоятельства гибели Джеймса Джордана моментально породили волну различных теорий заговора. Почему тело кремировали второпях? Почему никто не сообщил о пропаже Джеймса Джордана? Как так вышло, что он отсутствовал дома несколько недель, а члены его семьи ничего не подозревали? Было ли связано его убийство с проблемами Майкла на почве азартных игр? Как могло выйти так, что никто из членов семьи не заметил его исчезновения, хотя в эти дни он должен был

отмечать свой 57-й день рождения? Загадок стало еще больше после того, как Делорис Джордан поведала властям, что ее муж последний раз говорил с ней 26 июля, а клерк местного магазина сообщил, что видел человека, похожего на Джеймса Джордана в компании двух подростков в своем магазине спустя несколько дней после даты предполагаемого убийства. Следователи позже заключили, что и Делорис, и клерк ошиблись.

Семья тем временем провела эмоциональную церемонию прощания с отцом в воскресенье, 15 августа. Церковь была заполнена до отказа, еще больше людей толпилось снаружи, пока Джордан медленно шел к кафедре священника, чтобы обратиться к двум сотням скорбящих, среди которых были Би Джей Армстронг, Ахмад Рашад и Дэвид Фальк. «Мне всегда было интересно, каково это – стоять за этой стойкой», – сказал он с легкой улыбкой.

> Джордан говорил вкрадчиво, голосом, надламывавшимся от переполнявших его эмоций, говорил о человеческих качествах своего отца.

Он поблагодарил обоих родителей и рассказал о тех усилиях, что они прилагали к тому, чтобы обеспечить детям нормальное воспитание и дать им образование, как подталкивали их ставить в жизни цели и стремиться к ним. «Не думайте о его смерти, лучше прославляйте жизнь, которую он прожил», – сказал Джордан об отце.

Затем он крепко обнял свою мать, улыбнулся и, нашептывая ей что-то на ухо, повел из церкви к кладбищу. Многие из живших с ним рядом людей помнили Джеймса Джордана как трудолюбивого молодого человека, стремившегося показать, что знает, как добиваться цели. «Он все время смешил людей, – говорил *Tribune* преподобный Андре Карр, 71-летний кузен Джеймса Джордана из Роки-Пойнт, городка неподалеку. – Казалось, что он всегда может сказать что-нибудь смешное. Что-то в его душе, в его чувстве юмора было такое, что делало его другом для всех. Ты знакомился с ним, и тебе казалось, что ты знаешь его всю свою жизнь. Он был из тех отцов, которым нравится все, что поднимает настроение. Он был очень счастливым парнем».

В следующий четверг Джордан опубликовал заявление через контору Фалька. «Многие добрые слова и чуткие молитвы подняли наш дух в это тяжелое время, – сказал он. – Я также хотел бы выразить благодарность офицерам из правоохранительных органов местного, штатного и федерального уровней за приложенные ими усилия. Я пытаюсь справиться с

подавляющими, горестными чувствами от этой утраты так, чтобы мой отец мог мной гордиться. Я попросту не могу понять тех, кто намеренно сыплет соль на мои раны, намекая на то, что смерть моего отца каким-либо образом связана с ошибками и просчетами, совершенными мной в жизни». Он говорил о «необоснованных домыслах», как об особенно досадном и болезненном для его семьи факте.

В ту пятницу Джордан должен был сыграть на пригласительном гольф-турнире, организованном Роуз Элдер в Lansdowne Resort в Лизбурге, Виргиния. В следующий вторник ему также предстояло принять решение о том, присутствовать ли на собственном благотворительном турнире по гольфу, организованном им в сотрудничестве с Макдоналдс. Он должен был пройти в гольф-клубе Seven Bridges в Вудридже, Виргиния, и собрать многих знаменитостей, которые должны были привлечь средства для детей из малообеспеченных семей. Майкл решил совершить как можно более скромные визиты на оба мероприятия, несмотря на то что спекуляции вокруг смерти его отца продолжали оккупировать радиочастоты и телеэфиры.

«Норм ван Лир просто убил нас этим здесь, в Чикаго, – вспоминал Фил Джексон о поступке бывшего защитника «Буллз», ставшего комментатором. – Он рассуждал в эфире о теориях, окружавших обстоятельства смерти отца Майкла, проблемах на почве азартных игр, трениях с NBA и тому подобном. Майклу пришлось пойти к нему и сказать: «Норм, умерь свой пыл насчет азартных игр, NBA, заговоров и прочей чепухи вокруг смерти моего отца. Тут нет никакого заговора». Вот до чего доводит паранойя, люди иногда начинают сходить с ума».

С самых первых дней совместной работы Джексон демонстрировал сильную интуицию в вопросах содействия Джордану и поддержания у него мотивации. Тренер стал компаньоном и проводником Джордана. А Джордан делал то же для Джексона, поскольку их идеи и разное видение ситуации дополняли и укрепляли друг друга. Но в недели, последовавшие за смертью отца, которую Майкл тяжело переживал, баскетболу не находилось места в его мыслях. Начало тренировочных сборов приближалось, и Дэвид Фальк проинформировал Джерри Райнсдорфа о том, что Джордан готов завершить карьеру. Смерть Джеймса Джордана не называлась в числе причин, побудивших Майкла пойти на такой шаг, но владелец клуба знал, что боль от утраты была главной движущей силой этого решения. Тут же начались спекуляции о том, что Джордан решил уйти на пенсию в знак протеста против контракта, который оставлял его крайне низкооплачиваемым в сравнении с другими звездами лиги. Но

Райнсдорф развеял эти домыслы: «Майкл сказал мне: «Это не вопрос денег. Я больше не хочу играть в баскетбол. Я хочу уйти на пенсию».

«Чем ты хочешь заниматься?» – спросил Джордана Райнсдорф.

«Хочу играть в бейсбол», – сказал ему Джордан.

Владелец вспоминал, что спрашивал у Джордана, говорил ли он с Джексоном, и Джордан ответил, что колеблется на этот счет. «Зная Фила, имевшего степень по психологии, я понимал, что он будет пытаться залезть мне в голову и понять мои мысли», – вспоминал Джордан.

Джордан, впрочем, знал, чего хочет. И хотя Джексон определенно был в курсе, как надавить на слабости, на очной встрече тренер вел себя осторожно, очень деликатно начиная разговор. Он отметил, что Джордан обладает выдающимся даром от Бога и уход из игры лишит миллионы болельщиков возможности насладиться этим даром. Джексон сказал, что ему стоит тщательнее обдумать свое решение. Но Джордан был тверд. «Нет, это конец», – сказал он.

У Джордана тоже были свои вопросы к Джексону. Он хотел знать, как тренер собирается провести его через очередной регулярный сезон длиной в 82 игры, притом что он начисто лишен мотивации и не видит в выигрыше очередного титула серьезного вызова. Хорошего ответа на этот вопрос у Джексона не было. Джордан не хотел завершать свою карьеру на спаде, не хотел видеть, как его атлетизм и мастерство сходят на нет, а критика его игры со всех сторон становится все громче, он не хотел заканчивать так, как закончил Джулиус Ирвинг.

Тогда Джексон в последний раз скорректировал ход своих мыслей и спросил у Джордана, не задумывался ли тот о творческом отпуске. Но это не подходило ему. Джордан не хотел, чтобы его уход затягивался, не хотел оставлять незаконченные дела. В тот момент Джексон осознал, что решение принято, и сказал Джордану, что он на его стороне. Потом тренер сказал ему, что любит его, и начал горько плакать. Хотя Джордан готовился к тому, что встреча получится тяжелой, такие эмоции застали его врасплох, особенно он был удивлен тем, как отреагировали партнеры и тренеры, узнав о его решении. Тони Кукоч, только переехавший в Соединенные Штаты, чтобы начать играть за «Буллз», был особенно эмоционален, что поразило Джордана. На других партнеров по команде его заявление произвело аналогичный эффект. Тогда он понял, что люди могут годами работать вместе и не осознавать глубины своих чувств друг к другу.

Джонни Бах вспоминал, как Джордан проинформировал тренерский штаб о своем уходе: «Он сказал: «Я собираюсь закончить карьеру, парни». Я поверить не мог. Мы пожелали ему удачи. Это был сокрушительный удар».

6 октября 1993 г. Джордан публично объявил о своем уходе из «Буллз». «Я бы не принял такое решение, будь мой отец рядом, – сказал он во время объявления. – Лет через пять, – сказал он, – если мое желание вернется, если «Буллз» примет меня и Дэвид Стерн разрешит возвратиться в лигу, я, быть может, вернусь». Эта фраза породила еще больше интриг и спекуляций вокруг решения. Некоторые утверждали, что Джордану в ходе дискуссии с Дэвидом Стерном было приказано закончить карьеру, быть может, его даже насильно выставили из баскетбола.

Вновь свое мнение высказывал Дэйв Киндред: «Имел ли место компромисс? «Эй, Майкл, давай-ка ты «уйдешь на пенсию», а мы прекратим «расследование». Посоветовал ли комиссар NBA Дэвид Стерн уйти Джордану по собственной воле, поиграть в бейсбол или во что-нибудь еще, или, может, приказал даже, чтобы закопать историю со скандалом вокруг азартных игр?» *Sports Illustrated* тоже обратил внимание на спекуляции о том, что Джордан покидает баскетбол, чтобы избежать расследования NBA его сомнительных пари, и что на своей пресс-конференции Джордан не упоминал о проблемах с азартными играми.

Фальк и Стерн настойчиво утверждали, что никакой связи между игровыми проблемами Джордана и его уходом на пенсию нет, Стерн добавил, что любой, кто даже озвучивает подобные предположения, поступает «грубо и мерзко». Стерн сказал репортерам, что недавнее расследование лиги в отношении Джордана теперь закрыто, подчеркнув, что сам он вполне уверен в том, что Джордан никогда не делал ставок на матчи NBA и не страдал от игровой зависимости.

Много позже, в интервью 2005 г., данном Эду Брэдли для передачи *60 Minutes*, Джордан наконец признал факт существования этой проблемы. «Да, я попадал в такие ситуации, когда не хотел останавливаться и выходил за рамки, – сказал Джордан Брэдли. – Делает ли это меня заядлым игроманом? Да, многое зависит от того, как посмотреть на все это. Если ты готов подвергать опасности свою жизнь и существование своей семьи, тогда да, это проблема».

Как подмечал Сонни Ваккаро, Джордан имел такую громадную важность для NBA, что был единственным игроком, который мог выйти сухим из воды после этого скандала со ставками. Менее значимого игрока диквалифицировали бы,

говорил Ваккаро, добавляя, что NBA решила расквитаться с этим вопросом, закрыв дело и прекратив сбор информации по нему.

Шансов на то, что Дэвид Стерн силой заставит Джордана уйти из лиги, было крайне мало. Джордан, впрочем, позже позволит себе гневные высказывания в адрес Стерна за то, что тот не приложил больше усилий к тому, чтобы разбить домыслы сторонников теории заговора, связывавших смерть Джеймса Джордана с долгами его сына за азартные игры, даже несмотря на то что ни один из фактов расследования не указывал на такую возможность.

Решение завершить карьеру было принято так скоро, что у него не нашлось времени оповестить о нем свою мать, которая в тот момент находилась в Африке. «Я был в Кении с матерью Майкла и группой школьников, – вспоминал вице-президент «Буллз» Стив Шанвальд. – Там было так тихо и мирно… Мы поехали на сафари в отдаленную провинцию Кении, жили там в палатках. Никаких газет, никакого радио и телевидения, ничего. Я говорил людям, что мир может стоять на пороге гибели, а мы ничего об этом не узнаем. Два дня спустя мы вылетели обратно в Найроби, впервые за десять дней оказавшись в пределах цивилизации. Я сошел с самолета и сел в автобус, который должен был отвезти нас на обед. Водитель автобуса читал газету, таблоид под названием *Daily Nation*, – это кенийская национальная газета. На последней странице была размещена фотография Майкла, над которой красовался заголовок: «Майкл Джордан завершает карьеру». Я подумал, что это чья-то неудачная шутка. Но двумя днями ранее Майкл действительно объявил о завершении своей карьеры. Судя по всему, мать Майкла не была в курсе новостей. Я подошел к ней и поблагодарил ее за сына, который играл в нашей команде целых девять лет. Она спросила: «О чем это вы?» Я сказал: «Миссис Джордан, два дня назад ваш сын завершил карьеру». Она сказала: «Правда? Не верю!» Тогда я пошел за газетой и показал ей статью. Вот так мы и узнали об уходе Майкла на пенсию. В тот вечер за ужином я купил шампанское, чтобы все подняли тост за Майкла и его блестящую карьеру. Но к тому времени, как я возвратился в Чикаго, праздничное настроение уже сошло на нет. Люди явно пребывали в депрессии. Все случилось столь внезапно, как гром среди ясного неба, что эти новости совершенно выбили почву из-под ног болельщиков».

Пожалуй, отчетливее всех внутреннюю пустоту ощущали лидеры NBA, те, кому теперь предстояло кем-то заменить самого популярного и привлекательного персонажа в истории баскетбола. По иронии, в прессе также мелькали упоминания о

том, что Стерн просил Джордана не уходить, но никто из них, ни Стерн, ни Джордан, не обсуждали эту возможность в подробностях. Этот вопрос останется актуальным навсегда и превратится в еще один узел огромной цепочки обид Джордана.

Глава 30
Бриллиантовая мечта

Незадолго до того как «Буллз» начала тренировочные сборы в 1993-м, в Чикаго приехал Стив Керр. Медлительный защитник с копной светлых волос и смертоносным броском пришел в клуб свободным агентом, для которого задача попадания в состав команды была и поводом для беспокойства, и источником мотивации. Он слышал уйму историй, циркулировавших по всей NBA, о том, как трудно было быть партнером Джордана по команде. Но в течение недели, прошедшей с момента подписания Керром контракта, фактор Джордана загадочным образом исчез.

Вместо этого единственной ниточкой, связывавшей его и Майкла в последующие недели, станут появления Джордана на тренировках команды, которую он только что покинул: Керр видел, как он приходил понаблюдать за работой «Буллз». Вакуум, который Джордан оставил после себя, был весьма ощутим. Он давно намекал на свой возможный уход; теперь, спустя непродолжительное время после заявления о нем, он вернулся, словно для того, чтобы в точности установить, как выглядит его отсутствие, в надежде, что бесповоротность решения может как-то помочь ему обрести себя. По его собственному признанию, время в кругу вновь «обретенной» семьи, которой он теперь мог уделять гораздо больше внимания, нисколько не улучшило его психологического состояния. Он все еще был убит горем – публика и СМИ этого не разглядели – и пытался задать своей жизни какой-то новый вектор.

«Он приходил время от времени, – вспоминал Керр. – Мог просто прийти и посмотреть на нашу тренировку. Думаю, он хотел повидать ребят и все такое. Так что мы видели его несколько раз. В тот год он посетил несколько наших матчей, сидел со свитой на трибунах «Юнайтед-центра». Но даже его молчаливое присутствие у площадки на тренировках выглядело пугающим, оно служило напоминанием, что команде предстоит эволюционировать без него.

«Думаю, что в тот момент «Буллз» стала в каком-то смысле командой Фила, – отмечал Керр. – Хотя раньше меня в команде не было, я уверен, что Фил был доминирующей силой, а его присутствие ощущалось и прежде, но после ухода Майкла команда стала по-настоящему командой Фила, как и должно было произойти. Он был доминирующей силой. Характеры, эго игроков, которые выступали за эту команду… у нас было

несколько выдающихся баскетболистов. Но знаете, Скотти никогда не был парнем, который мог взять контроль над командой с точки зрения лидерства. Он был любимым партнером каждого из нас, но одной из причин такого отношения к нему была его уязвимость. Фил уязвимым не был».

Некоторые наблюдатели недооценивали Джексона, утверждая, что его успех был следствием талантов Джордана, но от них ускользало то, насколько доминантной личностью был тренер. Фактор его личности имел важнейшее значение для команды, лучший игрок которой со всех сторон был окружен проблемами, испытывал уверенность в себе и вел битву с менеджментом клуба за более щедрый контракт. Несколькими годами ранее Пиппен настоял на том, чтобы клуб предложил ему долгосрочное соглашение, условия которого быстро потеряли актуальность, так как размер зарплат в лиге постоянно рос. И хотя команда согласилась вернуть деньги, которые он уступил клубу, подписав тот контракт, Райнсдорф не собирался пересматривать условия соглашения.

«Думаю, что Скотти был уязвим, потому что был человечным, – объяснял Керр. – По этой причине его все любили. Вы знаете, он подписал тот длинный контракт. Ему явно недоплачивали. Ему было трудно жить с этим. Он чувствовал себя недооцененным. Все те чувства, которые ассоциируются у вас с человеческим существом, вот это все и есть Скотти, и поэтому мы все очень его ценили, нам казалось, что мы больше похожи на него, хотя на самом деле нет, в физическом плане точно. Мы больше походили на него в эмоциональном плане, гораздо больше, чем на Майкла. Майкл вообще не казался человеком, потому что был таким сильным, таким уверенным в себе».

Довольно быстро Джордан перестал казаться таким сверхчеловеком, каким был раньше. С той поры, как его отца убили в августе, он выглядел потерянным, и каждый следующий всплывавший факт обстоятельств гибели Джеймса Джордана лишь усугублял его печали и горести, как он сам признавался впоследствии. И все же его тянуло к этой истории, он в любой момент мог прервать любое свое занятие, чтобы посмотреть очередной сюжет об отце или последующих арестах причастных к его убийству преступников, что выходили в эфирах телеканалов.

Джордан редко проявлял немощность или слабость, но теперь в домашней обстановке он искал утешение.

Той осенью начали циркулировать слухи о том, что Джордан с благословения Райнсдорфа начал появляться в тренировочном комплексе «Уайт Сокс» в «Комиски парк», чтобы там втайне ото

всех отрабатывать отбивания. В типичной своей манере Джордан приходил на тренировки пять дней в неделю и пытался разобраться в премудростях игры, в которую не играл более десяти лет, и игроки «Уайт Сокс» Фрэнк Томас, Майк Хафф, Дэн Паскуа и Хулио Франко помогали ему в этом. Он запланировал возвращение к игре, которую его отец искренне любил и о которой продолжал говорить, даже когда Джордан стал королем баскетбола.

«Майкл, играющий в бейсбол на профессиональном уровне, – такой была мечта его отца на самом деле, – отмечал несколько месяцев спустя Фил Джексон. – Его отец сам хотел быть профессионалом, но играл лишь как полупрофи. Думаю, что, когда отца не стало, Майкл решил воплотить в жизнь его мечту. Когда я узнал о тренировках Майкла, то первой моей мыслью было: «Боже мой, этот парень хочет играть в бейсбол в Главной лиге?» Но потом я осознал, что баскетболисты постоянно фантазируют о том, что могли бы играть в бейсбол».

«Сокс»

Джордан рассказал о своих планах колумнисту *Chicago Tribune* Бобу Грину, вместе с которым работал над книгой *Hang Time*. Как-то раз они вместе проезжали мимо «Комиски парка», и Джордан намекнул, что, возможно, скоро будет работать в этом месте. Поездка сама по себе стала откровением для колумниста, потому что он впервые воочию смог наблюдать за маниакальным поведением людей, которых они встречали по всему городу, – взрослые мужчины останавливали машины прямо посреди дороги и выпрыгивали при виде Джордана или стучали в окно его Corvette'а, чтобы протянуть ему кусок бумажки для автографа. Грин был поражен, увидев, что Джордан научился более-менее мириться с этими порой очень тревожными вмешательствами в свою жизнь, как с чем-то совершенно обыденным. Неудивительно, что так много времени он проводил в номерах отелей, запирая двери на два замка, подумал колумнист.

Но теперь звезда уже завела привычку отдавать почти каждое мгновение своей личной жизни на алтарь вечно голодного бога – своего публичного существования. Он совершил поездку в Калифорнию, где катался на велосипеде вдоль пляжей в компании своего друга. Там они наткнулись на баскетбольный матч любителей, проходивший в одном из парков. Джордан захотел присоединиться, и, когда его друг подошел к игравшим, они решили, что их разыгрывают, пока не увидели Его

Воздушество во плоти, стоящего неподалеку. Он включился в игру и смог вернуть себе частичку утраченной любви к игре. Но прошло удивительно мало времени, а вокруг площадки уже собралась огромная толпа зевак, и ему пришлось спешно ретироваться, пока все не приняло безумный оборот. Джордан сказал Грину, что подумывает над тем, чтобы включить этот эпизод в новый рекламный ролик, и колумнист не мог понять, шутит он или говорит всерьез.

Грин не распространял новости о бейсбольной карьере Майкла, но другие люди из круга Джордана уже начали размышлять над этой идеей. Сонни Ваккаро, теперь работавший на одного из конкурентов Nike, вспоминал, как Джордан позвонил ему, чтобы сообщить о своем решении: «Он сказал: «Вот чем я думаю заняться», и его слова убедили меня. Он сказал, что твердо намерен это сделать. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь предлагал ему подобное. Он сказал: «Я попробую поиграть в бейсбол». Он всегда думал, что в нем живет бейсболист. Он сказал, что так будет справляться с горем… И ему было легко на это пойти, потому что он предвкушал этот вызов и готовился получить от него удовольствие».

Ваккаро был поражен тем, что решение Джордана уйти в бейсбол вот так просто ставило точку в его проблемах с NBA в связи с азартными играми. «Майклу непросто было пойти на этот шаг, но он осознал, что принял несколько неудачных решений, извинился перед причастными людьми и двинулся дальше, – сказал позже Дэвид Фальк, подкинув тем самым любителям теорий заговоров еще один лакомый кусочек. – Потребовалась громадная смелость, чтобы уйти из игры так, как это сделал он. Потребовалась большая отвага, чтобы пойти играть в бейсбол с риском провалиться после того, как уже достиг невероятного успеха в другом деле. Но Майкл не знает страха». В январе Джордан позвонил Бобу Грину, чтобы тот официально сообщил о его решении через прессу. Он продолжал в течение нескольких недель тренироваться в «Комиски», планируя весной провести сбор вместе с «Уайт Сокс» в Сарасоте, Флорида. Джордан сказал Грину, что это не какая-нибудь «безумная бейсбольная фантазия». Все будет по-серьезному. Как всегда, найдется множество сомневающихся в нем, но те, кто ставил против него, только мотивировали его сильнее. Многие задавались вопросом: епитимья это или паломничество? Или и то, и другое?

В Сарасоту он прибыл за несколько дней до своего 31-го дня рождения, прибыл в компании Грина, работавшего над очередной книгой. Первый день получился многозначительным. Игроки «Уайт Сокс», облаченные в футболки и шорты, готовились к

тренировке, а Джордан сидел у своего шкафчика в раздевалке в полном игровом обмундировании под 45-м номером и походил на юнца, с нетерпением ожидающего начала матчей Младшей лиги бейсбола.

«Вдруг я вновь ощутил себя ребенком», – сказал он чуть раньше, предвкушая новый вызов. Единственным отличием был его легендарный подход к делу, который побудит тренера бэттеров «Уайт Сокс» Уолта Хриньяка описать Джордана словами «трудолюбивый мерзавец». А когда ты говорил ему что-нибудь, он слушал и внимал, дивился Хриньяк.

Не то что бы какая-то из этих черт его характера облегчила ему задачу превращения в классного бейсболиста. Он не играл в организованный, командный бейсбол с тех пор, как ушел из бейсбольной команды старшей школы Лэйни в марте 1981 г. Но стремясь научиться искусству питчера серьезной лиги, Джордан каждый день очень рано приходил на тренировки и уходил с них только поздним вечером. Так продолжалось всю весну. Однако бессмысленность этих занятий стала очевидной почти с самого начала.

Многое из этого было связано с размерами его легенды. Тысячи болельщиков съехались в Саратосу в ожидании его громкого дебюта. Сотрудникам команды пришлось возводить барьеры вокруг стадиона имени Эда Смита, чтобы сдержать толпы людей. Весенние тренировки всегда проходили в полусонном режиме, теперь же кругом сновали охранники и работники пиар-отдела, а игроков каждый день приходилось эскортировать в командный автобус и из него. Пресса тоже была представлена большим числом журналистов.

Толпы людей толклись у забора из сетки рабицы в ожидании автографов звезды, и Джордан прилежно старался удовлетворить просителей, что стало еще одной проблемой для него, так как подобное поведение резко контрастировало с привычками его партнеров по команде. Игроки годами отказывались давать автографы, соблюдая договоренности своего профсоюза, что долгое время вызывало отвращение у Райнсдорфа. А тут Джордан любезничал с толпами охотников за автографами и проводил пресс-конференции, чем рисковал сильно отдалиться от своих партнеров, некоторые из которых с самого начала отнеслись к нему прохладно.

Убежищем Джордана от всего этого стал дом, который он арендовал в охраняемом поселке неподалеку. Там он мог проводить ночи, любуясь звездами на задней палубе, поражаться их несметному числу и размышлять о вечном, как это наверняка делал столетием ранее его дед Доусон Джордан. А присутствие

своего отца он чувствовал повсюду, куда бы ни отправлялся. Порой какая-нибудь незначительная деталь игры пробуждала в его разуме воспоминания о том, как Джеймс Джордан бросал ему мяч на заднем дворе их старого дома.

Джордан говорил себе: «Мы делаем это вместе, я и ты, пап».

Он очень скучал по дружеским подбадриваниям, которыми Джеймс освещал каждый день его баскетбольной жизни. И хотя он никогда не демонстрировал этого публично и не отступался от своей задачи, довольно скоро стоявший перед ним вызов начал все сильнее утомлять его, как и тысячи его поклонников, которые съезжались во Флориду за тем, чтобы понаблюдать за подвигами невероятного атлета, завораживавшего их своими полетами к кольцу, а находили там лишь нерешительного и неуклюжего человека, явно пребывавшего не на своем месте.

После долгих лет в статусе альфа-самца от баскетбола, как любил называть его Фил Джексон, он теперь кардинально сменил свою роль и просто надеялся попасть в состав команды, не более. Каждый день он пробегал глазами список игроков стартового состава, который вывешивал менеджер команды – ничего такого он не делал с тех пор, как в тот судьбоносный день в Лэйни остался на лавке. Но кое-что его партнерам пришлось признать: этот парень не боялся выглядеть скверно. Он полностью выкладывался на тренировках, пытаясь добить до первой базы и превратить свои дрянные граундеры[35] в хиты. Несколько раз он был близок к цели, но после первых десяти попыток в роли бэттера он так и не смог сделать ни одного хита. Некоторые говорили, что он слишком высокий, отчего зона страйка у него слишком велика. Даже он сам соглашался с этим: «Посмотрите на эти руки», – говорил он, сравнивая их с руками своих партнеров.

Среди многих представителей прессы, собравшихся понаблюдать за спектаклем, был Стив Вульф из *Sports Illustrated,* позже написавший насмешливый репортаж, который редакторы журнала поместили на обложку под знаменитым заголовком: «Завязывай, Майкл! Джордан и «Уайт Сок» смущают бейсбольный мир». «Если я буду подавать, когда он будет на бите, то лучше бы ему покрепче завязать шнурки своих Air Jordans, – сказал Вульфу Рэнди Джонсон, специалист по фастболам из команды «Сиэтл Маринерс». – Мне интересно, как высоко он подпрыгнет и как долго провисит в воздухе, когда я исполню одну из своих подач внутрь». Не каждый из тех, кого Вулф просил дать комментарий для статьи, высказывался в такой же наглой манере, а некоторые предпочли высказать свое мнение анонимно. Джордж Бретт, бывший бейсмен с третьей базы, по завершении карьеры перешедший на работу во фронт-офис «Канзас-Сити Роялс», был

откровенен: «Я знаю многих игроков, которые не хотят, чтобы он преуспел в бейсболе, потому что это станет пощечиной для них».

Позже Боб Грин отметит, что статья вышла в том же журнале, который в прошлом помещал Джордана на обложку десятки раз в надежде тем самым поднять продажи своего издания, а в своих рекламных роликах для ТВ обещал читателям в обмен на подписку самые разные призы и атрибутику, связанную с именем Джордана. Глубоко уязвленный Джордан поклялся больше никогда не говорить с представителями журнала и свое обещание он сдержал, несмотря на все то, что случилось в дальнейшем.

Как и всегда, это унижение лишь разожгло в нем огонь страсти. «Я действительно пытаюсь научиться этой игре», – говорил он людям из своего окружения.

Спустя полдюжины игр предсезонного календаря он наконец добрался до базы благодаря «филдерс чойс» – выбору филдера[36]. Его филдинг понемногу тоже становился менее авантюрным. В своей первой вечерней игре, против «Миннесоты Твинс», ему удался неплохой эпизод в шестом иннинге в правом филде, а позже он сделал хит в сторону третьей базы, заработав сингл. Находившийся прямо за ним Данн Ховитт выбил хоум-ран, и таким образом Майкл Джордан смог набрать ран, после чего радостные партнеры окружили его в раздевалке, чтобы поздравить.

Но не было никаких шансов, что он окажется среди 25 игроков, которые должны были попасть в ростер команды на матчи лиги. За неделю до старта весенних тренировок его приписали к команде «Бирмингем Бэронс» из Алабамы, выступавшей в Южной лиге уровня Double-A (входит в систему Minor League Baseball[37], MiLB), так называемой лиге молодых талантов, где играли в основном подающие надежды молодые бейсболисты. Последнюю неделю подготовки во Флориде он провел уже в компании игроков из низшей лиги: 31-летний баскетболист среди прыщавых тинейджеров.

Чикаго, родной дом

7 апреля Джордан вернулся в Чикаго, чтобы сыграть в Windy City Classic, выставочном матче с участием чикагских команд Главной лиги «Уайт Сокс» и «Чикаго Кабс», состоявшемся на «Ригли-филд». Поначалу менеджер «Сокс» Джин Ламонт не собирался выпускать Джордана в стартовом составе, но на трибунах стадиона было 35 тыс. болельщиков, собравшихся, чтобы посмотреть на его игру. К их громогласной радости

Джордан появился на поле в первом иннинге, ловко водрузив свои солнцезащитные очки поверх козырька кепки. При пяти попытках на бите он сумел отбить мяч в двух из них и сделал два RBI в игре, счет в которой был 4: 4 после десяти иннингов. Его толковая игра в правом филде и работа на «доме» вызвали стоячую овацию счастливых болельщиков, что можно крайне редко встретить в бейсболе.

«Какой день для Майкла Джордана!» – объявил комментатор матчей «Кабс» Харри Карей. Перед игрой Карей проинтервьюировал Джордана, который даже не пытался спрятать свою широченную мальчишескую улыбку. Джордан делал то, о чем мечтал каждый пацан, признавал Карей. Но журналист хотел знать, не будет ли Майкл расстроен, если, несмотря на все свои усилия, поймет, что не может отбивать подачи питчеров Главной лиги? «Нет, – отвечал Джордан, – это будет лишь комплиментом бейсболу как игре». Он пришел сюда для того, чтобы выяснить, на что способен и получить приятные эмоции в процессе, объяснял он.

Его приближенные позже скажут, что этот момент смело можно было считать счастливейшим мгновением его бейсбольной жизни, если не самым счастливым в жизни вообще. Игра, транслировавшаяся в эфире суперстанции WGN, обращала внимание зрителей всей страны на то, что вся эта затея Джордана с бейсболом, быть может, и не так уж глупа.

На следующий день он прибыл в Бирмингем и обнаружил, что место запружено тысячами болельщиков. Они приехали туда со всех уголков США, образовав огромный «джордановский прилив», который продолжит омывать берега низшей лиги бейсбола в последующие несколько недель: будут установлены новые рекорды посещаемости, а сувенирные лавки, торговавшие атрибутикой команды, будут полностью опустошены.

Дж. А. Аданде съездил в Бирмингем, чтобы подготовить репортаж об этом феномене для *Washington Post*. «Помню, как поехал туда и, придя на стадион, просто смотрел на него, стоящего в аутфилде, и зрелище казалось мне каким-то сюрреалистичным, – вспоминал он. – У меня перед глазами стоит Майкл Джордан, и он сейчас торчит на этом бейсбольном поле, на бейсбольном поле команды низшей лиги, в Бирмингеме, штат Алабама. Как такое возможно?»

Боб Грин тоже был поражен увиденным зрелищем: одним вечером тысячи болельщиков часами сидели под проливным дождем, не покидая арену, несмотря на то что матч откладывался из-за ливня, только чтобы увидеть его игру. Джордана до крайности смутило, что в ходе одной из весенних тренировок

фанаты нежданно затянули песню «I want to be like Mike» («Хочу быть как Майк»). Подобная горячая поддержка была чем-то неслыханным даже на весенних тренировках в MLB, а тут речь идет о низшей лиге, тихой заводи бейсбольного мира, но люди все равно приходили, пели и скандировали слова поддержки.

В матче – открытии сезона в Бирмингеме он «вознаградил» их за такое отношение семью страйк-аутами в первые девять своих попыток на бите. По мячу он попал лишь дважды, один раз запустив высокую свечу над «квадратом», а в другой попытке выдав граунд-аут[38]. Пресс-корпус, в рядах которого было много знакомых Майклу лиц из мира баскетбола, был поражен тем, что в его взгляде не угадывалась та столь характерная искорка его запредельной уверенности в себе.

«Это был конфуз, большое разочарование – от такого можно прийти в ярость, – сказал он Ире Берков, много лет писавшей о баскетболе для *New York Times*. – Я не помню, когда в последний раз испытывал все эти чувства разом. А я слишком упорно работал над своей игрой, чтобы не выставлять себя таким идиотом, каким был сегодня. Последние девять лет я жил так, что весь мир был у моих ног. Теперь же я просто еще один бейсболист низшей лиги, пытающийся проложить себе путь в MLB».

> Он объяснял, что семя этой идеи было посажено им еще в 1990 г., еще до того, как он прикоснулся к чемпионскому трофею NBA.

«Все началось с замысла моего отца, – сказал он. – Мы уже видели, как Диен Сандерс и Бо Джексон пробуют себя в двух видах спорта, и мой отец говорил, что, по его мнению, я мог бы добиться успеха и в бейсболе тоже. Он говорил: «У тебя есть необходимые навыки». Он полагал, что в баскетболе я уже всем все доказал и мне стоит попробовать себя в бейсболе. Я сказал ему: «Нет, я еще не всего достиг. Я не выиграл чемпионство». Потом я выиграл его, и мы с ним периодически обсуждали бейсбол, а затем я взял еще два титула. А после его убили».

Он не стеснялся говорить о духовном присутствии рядом с собой отца, которое ощущал все время в процессе воплощения этой мечты о бейсбольной карьере. «Я говорю с ним больше подсознательно, нежели непосредственно словами, – сказал он в тот первый уик-энд сезона, сидя напротив своего нового шкафчика в просторной раздевалке «Бэронс». – «Продолжай делать то, что делаешь, – говорил он мне. – Продолжай пытаться воплотить мечту. Нельзя бояться неудачи. Тебе должно быть глубоко наплевать на прессу». Потом он говорил что-нибудь смешное или вспоминал что-то из моего детства, когда мы

бросали друг другу мяч на заднем дворе дома, как это было всегда».

Автобус

По городу быстро расползлись слухи о том, что Джордан приобрел себе новый дорогостоящий автобус, чтобы с комфортом и роскошью передвигаться по проселочным дорогам Юга в компании своих новых партнеров по команде. Это была ложь. Он даже не стал арендовать автобус, хотя предлагал такой вариант команде. Дело было в том, что спонсор «Бэронс», регулярно поставлявший им автобусы, в этот раз предложил клубу люксовую комплектацию с креслами для отдыха и лаунж-зоной в задней части автобуса, которая должна была помочь игрокам бороться со скукой во время долгих переездов в Нэшвилл, Роли, Гринвилл и Орландо.

Джордан объяснял, что автобус более высокого класса давал ему возможность комфортно развалиться в кресле, вытянув ноги, но также признавал, что был и другой немаловажный фактор. «Я не хочу, чтобы наш автобус сломался и заглох в час ночи где-нибудь на Юге, – сказал он. – Никогда не знаешь, кто может следить за тобой. Я не хочу оказаться в затруднительном положении. Я часто думаю о том, что случилось с моим отцом».

Те же мысли сподвигли его приобрести две единицы огнестрельного оружия, которые он хранил в своем доме в пригороде Чикаго. Всегда внимательно следивший за окружавшей его обстановкой, он стал еще более осмотрительным после убийства своего отца.

Ходили разговоры о том, что он сдружился со всеми игроками низшей лиги, находившимися в непосредственной близости от него, и он действительно играл с ними в домино в раздевалке клуба на скромные суммы, что давало его партнерам возможность мельком заглянуть в его бумажник, всегда туго набитый купюрами. Но часто он держался в стороне, в одиночестве сидел в долгих поездках на автобусе.

Ему мешал все тот же эмоциональный барьер, который существовал в каждой команде, за которую он играл с тех пор, как ему исполнилось шесть лет. В Чикаго он признавался Джонни Баху, что, будучи ребенком, годами ощущал себя чужаком в бейсболе, так как был единственным чернокожим игроком в команде. Тот бейсбольный опыт ранних лет жизни тоже повлиял на его характер. Существенная часть тренерской работы Фила Джексона была направлена на разрушение барьеров, которые

отделяли Джордана от остальных членов команды.

Эта быстролетная прогулка по низшим уровням бейсбольной пирамиды воскресила в его памяти первые воспоминания об отце, а вместе с ними и то прежнее ощущение отчужденности. Потому дистанция, разделявшая Джордана и его партнеров по бейсбольной команде, не должна удивлять. Он не вел себя грубо, мерзко или высокомерно, нет, только не в бейсболе. Но он держался в одиночестве, оставаясь рядом со своим окружением, сократившимся до одного лишь Джорджа Колера. Хуанита иногда приезжала на выходные вместе с детьми. Но большую часть времени Джордан проводил с Колером и собственными горестными мыслями. В 2011-м Джек Маккаллум надавил на Джордана, надеясь разговорить его на тему этого опыта, и получил несколько раздраженный ответ. «Ну, был бейсбол, – говорил он. – Команда «Бэронс». Я провел тогда много ночей в одиночестве, в долгих переездах были только я и Джордж, мы разговаривали. Я думал о своем отце, о том, как он любил бейсбол и как мы всегда его обсуждали. Я знал, что он сверху смотрит на меня, и это делает его счастливым. Как и меня».

Для выросшего в Северной Каролине Джордана Алабама не стала культурным шоком. Он поселился в Бирмингеме, в арендованном доме, где была баскетбольная корзина, что позволяло ему привлекать к игре соседских детей. Он выяснил, где в округе находятся лучшие поля для гольфа, лучшие заведения, подающие свиные ребрышки и барбекю, лучшие бильярдные залы. Довольно скоро расслабленный Джордан выдал 12-матчевую серию хитов, что подняло его средний показатель в бэттинге до 0,300. Но потом, с началом жарких летних игр, в его игре наметился затяжной спад.

«Он пытается конкурировать с отбивающими, которые за свою бейсбольную жизнь повидали свыше 350 тыс. фастболлов и больше 204 тыс. брейкинг-боллов[39]», – говорил в том сезоне о Джордане инструктор питчеров «Рэйджерс» Том Хаус. – Мастерство в бейсболе – это вопрос повторения одних и тех же действий. Если бы Майкл решил в старшей школе сделать карьеру в бейсболе, я не сомневаюсь, что он сейчас зарабатывал этой игрой такие же деньги, какие делал в баскетболе. Но сейчас он не то чтобы разрывает соперников в Double-A, а эта лига по уровню в десятках световых лет от главной лиги».

Когда в прошлом октябре Джордан объявил о своем уходе из баскетбола, Лэйси Бэнкс написал на следующий день после его заявления колонку, в которой предсказал возвращение в будущем Майкла в баскетбол. Когда средний результат Джордана в бэттинге начал падать, Бэнкс приехал в Бирмингем на три дня,

чтобы попытаться убедить его вернуться. Но Джордан ответил отказом.

«Я до сих пор не верю в это, – написал Бэнкс в статье для *Sun-Times*. – И его недавний спад в бэттинге – наш союзник в деле его возвращения».

Сидя в раздевалке команды, Джордан смеялся, когда Бэнкс говорил ему о возможном «триумфальном возвращении» в NBA.

«Ты рассказываешь об этом, как о каком-нибудь религиозном празднике или чем-то в этом духе», – хихикал Джордан.

«Джордан был очень твердо уверен в том, что его баскетбольная карьера осталась позади, – вспоминал Дж. А. Аданде, работавший с Бэнксом в *Sun-Times*. – А тут приезжает Лэйси и спрашивает у него: «Есть ли хоть малюсенький шанс на возвращение?» На что Майкл ответил что-то из серии: «Шанс есть всегда, но сейчас он и правда совсем малюсенький».

Несмотря на этот гнетущий спад в результатах Майкла, менеджер «Бэронс» Терри Франкона видел, что Джордан очень существенно прибавил в своей игре. В худший момент своей бейсбольной карьеры он как-то раз после вечерней игры задержался, чтобы узнать у менеджера, что тот в действительности думает о его будущем в бейсболе. Джордан позже признает, что этот разговор случился как раз тогда, когда он начал задумываться о том, чтобы бросить бейсбол. Он не хотел стать всеобщим посмешищем и, что еще хуже, занять место молодого перспективного парня, у которого больше шансов преуспеть в игре. Но Франкона отметил, что прогресс в бейсболе у игроков традиционно медленный и в случае Джордана он видит значительные перемены к лучшему. Усилия, которые Майкл прилагал, были невероятными и непостижимыми для людей, разбиравшихся в бейсболе.

В последний месяц сезона его результат в бэттинге равнялся 0,260, вследствие чего средний показатель смог чуть-чуть подняться, но все равно был жалким: 0,202. В 436 попытках на бите он сумел сделать лишь 88 хитов, включая 17 даблов и один трипл. Он 30 раз крал базу и записал в свой актив 46 ранов. Таким неуклонным прогрессом в игре он заработал повышение. Его приписали к команде «Скоттсдейл Скорпионс», выступавшей в Осенней лиге Аризоны. Казалось, что это победа, но, кроме Терри Франконы и нескольких директоров «Уайт Сокс», так мало кто считал.

В глазах самого Джордана повышение выглядело призраком туманного и мрачного будущего. Его некогда поражавшая всех самоуверенность теперь разлетелась на осколки, валявшиеся повсюду, однако он по-прежнему держался стойко, хотя и был

осторожен. Им движили эмоции, которые мало кто понимал, – если вообще понимал. Он достиг этой точки своей жизни, пребывая в такой дикой, немой ярости, что даже сам был не в состоянии это признать. Этот ослепляющий, хотя и невнятный гнев будет в последующие годы выражаться порой совершенно нелепым образом, пока главенствующим вопросом его жизни не станет этот: сможет ли он вообще когда-нибудь избавиться от него?

Глава 31
Возвращение

Пока долговязый, высоченный Майкл Джордан был занят попытками подтянуть скорость своих махов битой к ритму подач питчеров, его внимание не переставал привлекать к себе мир, который он покинул совсем недавно. Он следил за приключениями «Буллз» и потешался над немощными попытками NBA как-то заменить его в роли главного маркетингового мотора лиги. Особенно любопытно ему было наблюдать весной 1994 г. за прорывным сезоном Пиппена. Вышедший из тени Джордана его старый приятель демонстрировал удивительный прогресс и стал одним из первых игроков лиги. В феврале он был признан MVP матча Всех Звезд, а в сезоне демонстрировал среднюю результативность в 22 очка, делал 8,7 подбора, 5,6 ассиста и 2,9 перехвата за игру. «Буллз» же одержала в тот год 55 побед, всего на две меньше, чем годом ранее с Джорданом в составе.

На первый взгляд казалось, что команда справляется вполне неплохо, но за кулисами гнев и раздражение Пиппена уже начинали закипать. «Буллз» пробилась в плей-офф Восточной конференции, где сошлась с «Никс» и быстро оказалась в положении отыгрывающихся, проиграв первые две игры серии. Третья игра вдруг приобрела важнейшее значение, и «Буллз» начала ее очень слабо, догнав соперника лишь в четвертой четверти. За 1,8 секунды до конца матча центровой «Нью-Йорка» Патрик Юинг сделал точный бросок, сравняв счет 102: 102. На скамейке во время тайм-аута Фил Джексон набросал вариант розыгрыша, согласно которому Пиппен должен был вбросить мяч Тони Кукочу для финального броска в матче. Пиппен выругался в адрес тренера и сел на скамейку, отказавшись возвращаться в игру. Андреа Кремер, репортер ESPN, находившаяся вместе со съемочной группой телеканала неподалеку, наблюдала эту сцену и видела гнев шокированных партнеров Пиппена. Билл Картрайт был особенно разгневан и поражен демаршем Скотти.

Пришедший в замешательство Джексон распорядился, чтобы мяч вбрасывал Пит Майерс. Кукоч поймал мяч и запустил его в кольцо с 22 футов, чем принес команде драматичную победу на последней секунде – уже в четвертый раз в сезоне. Всю радость от победы, впрочем, затмил гнев, вызванный действиями Пиппена. Прессе было дано объяснение, что Пиппен почувствовал неуважение к себе: с учетом того, каким успешным был год для него, он надеялся сам исполнить последний бросок в игре. Едва

ли кто-то упомянул о зависти, нараставшей у Пиппена в отношении европейского игрока, который в свой первый год в команде уже имел зарплату, сопоставимую с его собственной. После игры Джексон сказал репортерам: «Что же до последнего розыгрыша, то Скотти Пиппен не участвовал в нем, потому что сам попросил не задействовать его. Это все, что я могу сказать об этом инциденте».

«Мы с Филом обменялись несколькими фразами, – сказал Пиппен репортерам в раздевалке после игры. – Вот, в общем-то, и все. Дело не в том, что Фил решил убрать меня с игры, мы, по сути, просто обменялись мнениями, и я присел на скамейку. Думаю, это следствие разочарования. Мы и правда провалили эту игру настолько, насколько было возможно. Но смогли отыграться и победить. Тони сделал очередной блестящий бросок, а Фила можно только похвалить за такой розыгрыш».

Джордан, находившийся в Бирмингеме, был поражен случившимся. «Бедный Скотти, – сказал он репортерам, слабо понимая на тот момент, насколько важным этот инцидент будет для его собственной карьеры, какой огромный эффект он на нее окажет. – Я ему часто повторял, что быть мной очень непросто. Теперь он знает это точно». Джордану было жаль Пиппена, и он полагал, что этот инцидент доставит его другу много хлопот.

«Я извинился перед командой и Филом Джексоном, – сказал репортерам Пиппен несколько дней спустя. – Я не думаю, что должен приносить извинения кому-либо еще».

В конечном счете «Буллз» проиграла семиматчевую серию «Никс». «Поражение было катастрофическим, – сказал тогда Стив Керр. – Скотти даже представить себе не мог, какие последствия будет иметь его поступок. Мне было очень жаль его». Краузе пришел в бешенство из-за инцидента. Пиппен и так потратил большую часть сезона на публичные дрязги с генеральным менеджером о своем контракте. «Не думаю, что меня можно назвать трусом, сбежавшим с поля боя, – сказал Пиппен в свою защиту. – Думаю, что можно сказать, что я совершил глупую ошибку. Вот и все. Я не повел себя как трус. Я считаю, что выхожу на паркет вместе со всеми и играю так же старательно, как и любой другой игрок команды. Я играю умно, играю агрессивно, играю как командный игрок».

И хотя Пиппен считался одним из лучших игроков лиги, Краузе начал работу по обмену его в другую команду, но столкнулся с проблемой: было трудно устроить такую сделку, по итогам которой «Чикаго» достался бы игрок сопоставимой величины. Наконец Краузе удалось договориться об обмене с «Сиэтлом», по условиям которого «Буллз» должна была получить

тяжелого форварда Шона Кемпа плюс один пик на драфте, благодаря чему Краузе смог бы пригласить Эдди Джонса, талантливого молодого защитника из Темпла. Но в последний момент владелец «Сиэтла» отказался пойти на сделку, а всплывшие вслед за этим в прессе факты раскрыли планы Краузе общественности. Пиппен, который и так был недоволен условиями своего контракта, взбесился еще сильнее, узнав, что клуб собирался обменять его.

Долго не сходившая на нет обида Пиппена задала тон всему межсезонью, получившемуся буйным и беспорядочным. Хорас Грант, ставший теперь свободным агентом, вступил в аналогичную скандальную перепалку с Джерри Райнсдорфом и вскоре покинул команду, подписав контракт с «Орландо Мэджик». В такой едкой атмосфере конфликтов Картрайт решил объявить о завершении карьеры, но лишь для того, чтобы вскоре всплыть в «СуперСоникс». Джон Пакссон тоже подумывал о завершении карьеры.

Джексон наблюдал за развалом своей отличной команды в то время, когда сам вел напряженные переговоры с Краузе по новому контракту. Тренер уже совершил самый сомнительный и непонятый многими шаг в это межсезонье, поспешно уволив из команды Джонни Баха, едва только «Буллз» завершила выступление в плей-офф. Увольнение случилось в самый неподходящий момент в жизни престарелого ассистента тренера: всего за несколько недель до его 70-го дня рождения. Ирония была в том, вспоминал Бах, что в сезоне 1994 г. тренерский штаб команды работал так слаженно, как не работал, пожалуй, никогда прежде. «В конце того года у меня была масса причин полагать, что мой контракт будет продлен, – вспоминал Бах. – Первым, кто сообщил мне об увольнении, был Фил. Он сказал: «Мы не будем продлевать твой контракт». Я был ошеломлен. Прежде чем я успел сказать что-нибудь в свою защиту, он произнес: «Тебе и правда будет лучше уйти. Организация уже приняла решение». Я был разочарован. Скорее даже шокирован. Я не стал ссориться. Просто не мог поверить в случившееся. Я пошел в кабинет Краузе, и он сказал мне то же самое. Я собрался и ушел. В тот момент в моей жизни наметился тяжелый кризис. Я постоянно ходил в суд, потому что в тот момент разводился с женой после многолетнего брака. Мне пришлось переехать. Тем летом я думал, что вся моя жизнь рушится. А потом случился сердечный приступ. Это все стало таким шоком для меня, что потребовалось какое-то время, чтобы вновь начать доверять людям».

Загадочное увольнение ассистента походило на возмездие. По всей видимости, Бах впал в немилость Джексона, потому что

временами подстрекал Джордана следовать своему собственному игровому инстинкту и игнорировать постулаты треугольного нападения. Некоторые сотрудники организации считали, что отношения Баха с Джорданом ставили под угрозу влияние Джексона на команду, даже несмотря на то что Бах также был преданным сторонником Джексона. В характере и поведении Баха явно было что-то такое, что раздражало Джексона. «Мы были очень разными людьми», – признавался Бах.

В то время и несколько месяцев спустя Джексон в своих интервью для прессы утверждал, что увольнение Баха стало следствием того гнева, который вызвала у Краузе публикация книги *The Jordan Rules*.

«Столь некомфортную ситуацию породили тяжелые взаимоотношения Джерри Краузе с Джонни Бахом, – сказал об увольнении ассистента Джексон несколько месяцев спустя. – Из-за них это должно было произойти рано или поздно. Все было обставлено неправильно. Для атмосферы в тренерском штабе это было плохо, потому что нам предстояло работать вместе. Джерри, по сути, обвинил Джонни Баха во многих вещах, упомянутых в *The Jordan Rules*. И сомнений в том, что ту информацию автору предоставил Джонни, не было никаких. Джерри считал, что Джонни слишком много болтает. А Джонни, в свою очередь, чувствовал эту враждебность со стороны Джерри, его неуважительное отношение к себе, а потому отказывался проявлять лояльность к нему лишь потому, что тот был боссом. Все это затянулось на слишком долгое время, – подчеркнул Джексон. – Я мог бы разнимать их, держать на расстоянии друг от друга, полагаю, что мне удалось бы справляться с этим еще какое-то время. Но мне не нравилось то, что у нас не было качественной командной работы. Это мой штаб, моя зона ответственности. Я согласился пойти на этот шаг. Я подумал, что это хорошая возможность, потому что так у Джонни был бы шанс быстро найти себе другую работу в лиге. Для Джонни все сложилось удачно, хотя мне и пришлось разочаровывать его, а вскоре, быть может, я и сам окажусь в подобной ситуации».

Пройдет несколько лет, прежде чем дальнейшие события покажут, что Джексон искал возможность как-то прикрыть факт собственного вклада в написание той книги. Впоследствии Сэм Смит поведал Райнсдорфу, что Джексон, а не Бах, был одним из источников, поставлявших ему информацию для книги. Райнсдорф нарушил обещание, данное Смиту, не распространять конфиденциальную информацию о вкладе Джексона в создание книги, и рассказал обо всем Краузе. Это откровение моментально привело генерального менеджера «Буллз» в бешенство, он тут же

обвинил Джексона в том, что тот обманул его, убедив, что именно Бах был тем анонимным источником, предоставившим большую часть инсайдерской информации о команде Смиту. Позже Смит независимо от всех подтвердил правдивость этих событий и участие Джексона в написании книги. «Фил и игроки внесли куда больший вклад, нежели Джонни Бах», – сказал Смит.

«Фил солгал мне, – сказал Краузе, отвечая на вопрос об этом инциденте. – Это Фил стоял за увольнением Джонни».

«Идея уволить Баха принадлежала Филу, – признавал также Джерри Райнсдорф. – Фил сказал мне, что плохие взаимоотношения между Краузе и Бахом сделали дальнейшую работу штаба невозможной. Это была идея Фила. Никто не просил его увольнять Джонни».

Оправившись от сердечного приступа, Бах перешел работать в «Шарлотт Хорнетс». Это произошло за несколько лет до того, как он узнал истинную причину своего увольнения из «Буллз», коей якобы была передача им инсайдерской информации Смиту. Бах говорил, что трижды или четырежды перечитал книгу в поисках переданной им автору информации, которая могла бы навредить команде.

> Его цитаты, впрочем, были даны под запись и едва ли содержали что-либо скандальное.

«В этой книге я не нашел ни одной своей цитаты, которая была бы неуместна или провокационна, – сказал он. – Очевидно, что Сэм – мастер журналистских расследований. Книга рисовала портрет Майкла, который пришелся ему не по душе, и в основе лежали правдивые слова, кто бы их ни высказал Сэму». Портрет, раскрывавшийся в книге, «был довольно точным», сказал Бах. И добавил: «Я не думаю, что хоть кого-то в книге Сэм представил не тем, кем он был».

Краузе сказал, что едва не лишился рассудка, узнав, что его обманом заставили уволить ни в чем не повинного человека. К тому времени, как правда была раскрыта спустя несколько лет, Бах перешел на работу в «Детройт», где трудился ассистентом тренера. Как-то раз, когда команда «Пистонс» приехала в Чикаго на игру против «Буллз», директор «Пистонс» Рик Санд сообщил Баху, что Краузе хочет перекинуться с ним парой слов. У Баха были смешанные чувства по поводу возможной встречи, он был более чем удивлен таким предложением Краузе. «Когда Джерри заговорил со мной, он был очень эмоционален, как и я. Я всегда считал, что то решение приняла организация, а не Фил. И подумал, что этот разговор был большой уступкой со стороны Джерри. Я предположил, что он честен со мной и искренне

сожалеет, – сказал Бах об извинениях Краузе. – И я их принял».

Позже Бах поднял эту тему в разговоре с Джексоном, но то, что было сказано тогда, останется только между ними. Бах пояснил: «Я предпочту оставить эту тему. Он определенно знал, что я чувствую. Я всегда считал, что наши взаимоотношения были достаточно крепкими. Мы просидели вместе на тренерской скамье целых пять лет. Будучи ассистентом тренера, не всегда знаешь обо всем, что происходит. Это обвинение всегда было дурацким и надуманным, но я не мог защитить себя. Теперь все это не важно. Когда-то было важным, но не сейчас».

Инцидент, однако, раскрыл интригующий элемент джексоновской стратегии в отношении Джордана. Почему он рискнул своей работой, которую так желал получить, или столь важными для успеха взаимоотношениями с ярчайшей звездой лиги, решив передать репортеру информацию о своем боссе и самом Джордане? Один из сотрудников «Буллз», долгое время работавший с Джексоном на регулярной основе, заключил, что тренер поступил так, стремясь получить больше контроля над своей командой. В конце концов книга стала тем орудием, которое помогло еще сильнее изолировать от команды Краузе и тем самым укрепила статус Джексона как лидера коллектива. «Было примерно так: «Давайте набросимся на Майкла. Давайте как следует выпорем этого парня, чтобы придержать его в узде ради достижения моих целей». Это был такой способ встать на сторону Майкла за счет изолирования его от прессы, – предполагал сотрудник «Буллз». – Вот почему Фил всегда проповедовал подход «Мы против прессы», «Мы против организации», потому что таким образом он мог оставаться вожаком стаи».

Годами тренер не отвечал на обвинения со стороны Райнсдорфа и Краузе, хотя в интервью 2012 г. Джексон отметил, что *The Jordan Rules* имела колоссальную важность для эволюции «Буллз», так как спустила Джордана с небес на уровень ближе к партнерам. Джексон как тренер определенно имел полное право хотеть, чтобы его голос был единственным голосом, к которому бы прислушивались игроки, но в своем стремлении усилить контроль он прибегнул к крайнему средству. «Фил – мастер по части игр разума», – несколько раз говорил о тренере Джордан.

Джордан был встревожен новостями об увольнении своего любимого тренера, хотя понятия не имел, что на самом деле случилось. В будущем он несколько раз будет пытаться как-то вовлечь Баха в свою жизнь. И все же Джордан также часто размышлял о своих особых взаимоотношениях с Джексоном, долгих беседах, которые они вели, дебатах и обменах мнениями –

не только о баскетболе, но и о жизни в целом.

«Мы говорили с ним о стольких разных вещах, – вспоминал Джордан о тех диалогах с тренером. – В философские темы мы погружались чаще, чем во что-либо другое». Было очевидно, что и он, и Джексон получают огромное удовольствие от этих бесед. «Мы бросали друг другу вызовы, – говорил Джордан. – Думаю, я учился у него, а он немного у меня – это помогало ему взглянуть на вещи с точки зрения игрока. Он играл в далеком прошлом, я же помогал ему понять мышление баскетболиста новой эры. Это были взаимовыгодные отношения. Я гораздо больше слушал, нежели говорил. Не то чтобы у нас были разногласия, скорее он предлагал мне какие-то идеи и говорил: «Подумай об этом, подумай о том».

Сквозной, хотя и неявной темой их бесед, по иронии судьбы, было доверие. Джордан вспоминал, что его доверие к Джексону росло со временем. Когда Джексон смог завоевать расположение Джордана и «Буллз» начала выигрывать чемпионские титулы, тренер стал искать новые способы мотивации своей суперзвезды и поддержания баланса в нападении между Джорданом и его партнерами – и успешно их находил. Далее Джексон собрал целый массив из разных источников влияния на Джордана, чем помог сфомировать у него правильный психологический подход и научил, как действовать под высоким давлением. Очевидно, что эти уроки помогли Джордану не только в баскетболе, но и в его бейсбольной жизни.

И снова «Стэдиум»

В сентябре того года Джордан прибыл в Чикаго, чтобы принять участие в матче Всех Звезд Скотти Пиппена – благотворительной игре, средства от которой должны были быть переданы организации Джесси Джексона Operation PUSH. Поначалу Майкл колебался, не спеша принимать приглашение, возможно, потому, что не забыл обиду, вызванную бойкотом товаров Nike четырехлетней давности, к которому призывала PUSH. Однако это мероприятие давало ему возможность в последний раз сыграть на чикагском «Стэдиуме», который в ближайшие месяцы должен был быть снесен. Через дорогу, на той же Мэдисон-стрит, на которой располагалась арена, планировалось возвести «Юнайтед-центр» за 150 млн долларов. Приманка, которой был для него «Стэдиум», оказалась слишком сильна, и, приехав, Джордан увидел забитую до отказа арену, жаждавшую вернуть его себе. Его команда, облаченная во все

белое, сошлась со сборной Пиппена, игравшей в красных цветах, и два экс-партнера по команде шли друг на друга с удивительной свирепостью. Джордан не хотел, чтобы кто-нибудь думал, что он «потерял это или разучился делать то». Он загорелся прежним огнем и сделал 46 бросков в матче, реализовав 24 из них и набрав 52 очка. Его команда победила 187: 150, а публика в тот вечер вполне могла поставить новый рекорд по количеству стоячих оваций, устроенных баскетболистам. Когда игра кончилась, он обнял Пиппена неподалеку от секретарского стола, помахал толпе рукой, а потом подошел к центру площадки, подтянул шорты и, опустившись на колени, поцеловал паркет, в последний раз эмоционально попрощавшись с площадкой, ставшей для него трамплином к величию.

«Я послал прощальный поцелуй «Стэдиуму» и попрощался с годами, которые провел здесь игроком, – сказал он после репортерам. – Но я не прощался с баскетболом. Я всегда буду любить баскетбол и всегда буду в него играть. Просто не буду играть в профессиональный баскетбол».

И действительно, той осенью в Скоттсдейле, где он выступал в Осенней лиге Аризоны, он участвовал в изрядном количестве любительских матчей. Терри Франкона заметил, что в последний месяц пребывания Джордана в Бирмингеме он начал запускать мяч с куда большей силой, делая хиты. Скорость его работы битой возросла, и он начал крепче стоять на своих тонких и длинных ногах. В Скоттсдейле он и правда стал отбивать лучше, его показатели приблизились к вполне порядочной цифре 0,255, и это в лиге, где варились самые перспективные молодые игроки.

Боб Грин отправился в Аризону вместе с Джорданом и обратил внимание на прохладную атмосферу, царившую на играх: стадион был открыт всем ветрам, а трибуны по большей части были пусты. Позже той осенью Делорис Джордан позвонила сыну и услышала в его голосе нечто такое, что подсказало ей: нужно поскорее проведать Майкла. Спустя несколько дней Джордж Колер заехал за ней в аэропорт и повез на стадион. В сравнении с Бирмингемом в Аризоне на бейсбол ходило относительно мало людей, но Грин все равно увидел в тот вечер Джордана, вышедшего на поле и принявшегося высматривать мать на трибунах. Увидев ее, он широко улыбнулся, а глаза его засветились, что было редким событием для него в те месяцы, полные горя и печали.

Позже той осенью он возвратился в Чикаго, чтобы участвовать в церемонии «A Salute to Michael», проходившей на новенькой арене «Буллз». В ходе мероприятия клуб собирался торжественно изъять из обращения его 23-й номер и вдобавок

представить публике бронзовую статую Его Воздушества под названием *The Spirit* – она была установлена рядом со зданием новой арены. Статуя стала тяжелым бременем для Джордана. Он видел ее макет и каким-то образом дал свое согласие на ее установку, но взлетевший до небес публичный имидж и так уже превратил его жизнь в сущий кошмар. Грину он признавался: я живой человек, а не статуя. И ее присутствие рядом с «Юнайтед-центром» замуровывало его еще глубже. Однако сама статуя незамедлительно стала «хитом», начав привлекать бесчисленное количество туристов со всей страны и всего мира.

Чутье Джордана подсказывало ему избегать участия в церемонии всеми способами, и на деле она, транслировавшаяся в эфире национального канала TNT, оказалась еще хуже, чем он мог себе представить. После серии заготовленных заранее скетчей и неловких шуток к публике вышли Райнс-дорф и Краузе, и 21 тыс. болельщиков, все еще злых и неудовлетворенных летними событиями, отчаянно загудела и заухала в их адрес.

«Да ладно вам, хватит, – отчитывал фанатов Джордан. – Оба Джерри – хорошие парни».

Не то чтобы «два Джерри» не слышали недовольного гула в свой адрес раньше. В сущности, на каждом праздновании трех чемпионств «Буллз» в сезонах 1991–1993 гг. Краузе становился объектом безжалостного гула и освистывания для толп чикагских болельщиков. Тренер Чип Шефер, сидевший неподалеку, увидел, что супруга Краузе, Тельма, разрыдалась, услышав гул толпы. Генеральный менеджер уже давно приучил себя к гневу болельщиков, но вид плачущей жены, которую утешал Дин Смит, привел его в ярость.

«Позже Дин подошел к ней и сказал, что Майкл поступил достойно, упомянув мое имя, – вспоминал Краузе. – Тел посмотрела на него и сказала: «Слишком поздно! Бред, он сделал это слишком поздно! Он мог сделать это гораздо раньше». Дин был весьма раздражен… Я очень гордился своей женой. В тот вечер она высказала это еще паре человек. Она сделала выговор Дину Смиту. Отчитала нескольких человек в тот вечер. Она была в бешенстве. После случившегося она сидела со слезами на глазах».

Как и его жена, Краузе был возмущен тем, что Джордан всегда отказывался высказывать что-либо в его защиту. «За эти годы Майкл мог сделать для меня много разного, – говорил Краузе позже, – но он этого не делал».

«Джерри никогда не имел положительного имиджа, – отмечал в то время Фил Джексон, – и это разрушило его публичный образ в глазах публики здесь, в Чикаго. Они видят в нем кого-то вроде

мэра. Мэра всегда освистывают на публике. Джерри в их глазах человек такого же рода. Ему приходится выполнять много грязной работы… Он занимался этим до той поры, пока не стал в каком-то смысле отрицательным персонажем».

Тем не менее Краузе терпел и держался. «Все генеральные менеджеры допускают ошибки, – говорил Райнсдорф. – Джерри невероятно предан, но главный показатель его работы в том, что у него есть результат. Он дает результат, потому что очень усердно трудится и обладает нюхом на таланты».

«Бедного Джерри пинали все кому не лень, включая и меня, – говорил в то время многоопытный чикагский спортивный журналист Боб Логан. – Но от жизни он получил все, что хотел. Он управляет франшизой. У него три чемпионских перстня. И все же я не думаю, что в его жизни был хоть один день, когда он целиком и полностью был всем доволен. Всегда есть что-то такое, чего он хочет добиться, или что-то, что не получается как надо и доставляет ему хлопоты».

Незадолго до церемонии чествования Джордана Краузе признал, что ему не терпится построить команду, которая выиграет чемпионство без Джордана в составе. «Мы с Джерри обсуждали это, – говорил Краузе откровенно. – Черт подери, да, мы хотим выигрывать и после Майкла, потому что эта победа была бы доказательством моей состоятельности в том числе, это вопрос личных амбиций. Да, у меня тоже есть эго, знаете ли. Я не думаю, что оно громадных размеров, но оно и не крошечное. Считаю, что я хорош в том, чем занимаюсь, и хочу хоть раз победить так, чтобы все не говорили, что эта победа – заслуга Майкла». К несчастью, он упустил свой шанс в проигранном плей-офф 1994 г.

Даже в тот вечер чествования ушедшего на пенсию Джордана Фил Джексон чувствовал, что желание играть вновь начинает набирать силу в душе Майкла. Некоторые владельцы клубов NBA тайком предлагали Райнсдорфу объединиться с ними и убедить саму лигу предложить Джордану серьезную денежную компенсацию, чтобы заманить его обратно в баскетбол. Позже репортер спросил у Джордана, согласился бы он вернуться в баскетбол на 100-миллионный контракт. «Если бы я играл ради денег, – сказал он раздраженно, – то запросил бы 300 млн». Если бы он играл ради денег, он явно не ушел бы в бейсбол, где его жалованье было более чем скромным, но поддерживалось доходами от спонсорских сделок, которые в тот год составили 30 млн долларов. В августе Major League Baseball была парализована забастовкой игроков, продлившейся весь праздничный сезон вплоть до февраля. Низших лиг она не

коснулась, а посему Джордан явился на весенние тренировки на неделю раньше, но лишь для того, чтобы своими глазами увидеть, что драка между игроками и владельцами за деньги завершится очень не скоро. Затем у него случилось недопонимание с менеджментом «Уайт Сокс» касательно парковочных мест и договоренностей насчет его места в раздевалке. Но что отвратило его гораздо сильнее, так это растущее чувство, что его пытаются использовать как приманку для болельщиков на весенних тренировках. У него не было совершенно никакого желания становиться временной заменой кому-то из бастующих игроков или, что еще хуже, скэбом[40]. Наконец, он решил отложить мечту своего отца в долгий ящик и отправился домой. Он предупредил об этом Райнсдорфа в телефонном разговоре.

«Думаю, что ты напрасно покидаешь бейсбол», – сказал Райнсдорф.

«Нет, – возразил Джордан. – Я все обдумал и решил».

«Чем же ты хочешь заниматься?» – спросил владелец.

«Не знаю», – ответил Джордан.

«В Осенней лиге Аризоны он отбивал с результатом 0,260, – признавался позже Райнсдорф. – Я думал, что он здорово прогрессирует. Но забастовка лишила его возможности сыграть за «Уайт Сокс» в 1995-м».

10 марта он объявил о своем уходе из бейсбола, сказав, что опыт работы в низшей лиге позволил ему заново открыть ту трудовую этику, которая сделала его великим баскетболистом. «Я обрел тысячи новых поклонников, – сказал он, – и узнал, что игроки низшей лиги и есть подлинный фундамент бейсбола. Они часто играют, оставаясь неизвестными и не получая признания, но заслуживают уважения болельщиков и всех, кто имеет отношение к игре».

Джордан не провалился в бейсболе. Фил Джексон отмечал: «Это бейсбол подвел его».

Дни в «Берто-центре»

Поначалу Джордан пытался пробираться на тренировки «Буллз» тайком, но это едва ли было бы возможно, особенно с учетом того, что команда жила довольно серо и однообразно. Первые сигналы о его возвращении были почти незаметны. Звонок-другой кому-нибудь из старых друзей. Или, быть может, облако сигарного дыма около кабинета Джексона. Но как бы то ни было, этот сигнал каким-то образом достиг нужных людей в марте того года. Майкл Джордан что, обдумывает возвращение?

Собирается прийти на тренировку в своей униформе и посмотреть, что из этого выйдет?

Так начался год, в который мир по-настоящему сойдет с ума от чикагского баскетбола.

«Слухи о его возвращении циркулировали неделями, – вспоминал Чип Шефер. – Я обедал в компании Ларри Крыстовяка, Люка Лонгли и Стива Керра – парнями, которые не играли прежде с Майклом. Они были так взволнованы перспективой поиграть вместе с ним, что казались почти что детьми в своем отношении к нему. Я помню, как сидел и слушал этих парней, а сам думал: «Боже мой, вы даже не представляете, насколько трудно играть с ним в команде».

Год был странным еще до того, как Джордан пришел в команду, вспоминал Стив Керр. «Буллз» была хороша без Джордана в предыдущем сезоне, но ростер образца 1995-го был ощутимо слабее по именам. Скандалы и разногласия наконец аукнулись команде. «Казалось, что в первый год после ухода Майкла его присутствие по-прежнему ощущалось, и у команды был этот кураж, самоуверенность, – объяснял Керр. – У нас были Картрайт, Пакссон и Хорас Грант, все эти парни все еще были чемпионами, и казалось, что они тащат команду даже в отсутствие Майкла. Но на следующий год кураж начал сходить. Нам не хватало Картрайта, Пакссона и Гранта. Нам недоставало их лидерских качеств. Так что внезапно мы оказались лишены своих козырей, как в физическом плане, так и в отношении лидерства. И суровая реальность начала доходить до нас. Мы затухали, утратили свои преимущества и всю энергию. Мы боролись с обстоятельствами».

> Джордан стал захаживать на тренировки в том сезоне, но никакого общения с командой не начинал и не стремился к этому.

Керр говорил: «Он иногда приходил на тренировки, но для тех из нас, кто не играл с ним прежде, он был вне досягаемости просто в силу того, кем он был и какое впечатление производил. Как вы знаете, он довольно устрашающий человек, особенно если ты знаком с ним лично. Нельзя просто взять и подойти к Майклу Джордану с вопросом: «Эй, как дела?» Он был как мираж, легенда. Никто из нас не был хорошо с ним знаком». В течение нескольких дней он уже стал регулярно появляться на тренировках в униформе, и своей энергетикой был способен устроить настоящий ураган. Но по-прежнему было неясно, решил он вернуться в игру или нет.

Первая утечка информации случилась в эфире местного

спортивного радио, и с того момента началось безумие. В следующие десять дней болельщики испытывали такой зуд нетерпения, какой история спорта еще не знала. Вернется ли Майкл Джордан в баскетбол? Около тренировочного комплекса «Буллз» «Берто-центра» разбили настоящий лагерь репортеры национальных газет и представители всех ведущих телесетей, приехавшие на грузовиках со спутниковыми тарелками на крышах, – все они ожидали какого-нибудь заявления от Майкла. Однако пока большие экраны транслировали лишь панорамные окна тренировочного комплекса. Журналисты могли слышать выкрики и скрип кроссовок о паркет на этаже спортзала. Им сказали, что Джордан тренируется с командой, но еще не принял решения, что сейчас идет улаживание некоторых деталей. Тем временем на тренировочных занятиях он бегал в желтой манишке второй команды и играл разыгрывающего защитника против команды основы.

Джордан против Пиппена. Как в старые добрые времена.

«Просто иметь возможность играть с ним уже здорово, – говорил центровой Уилл Пердью, игравший во всех трех чемпионских командах с Джорданом. – Просто иметь возможность посмотреть на него в деле».

По правде говоря, ситуация не приняла бы такой безумный оборот, а ожидание не было бы таким напряженным, если бы вся эта история с возвращением не затянулась на десять долгих дней. Но Райнсдорф хотел, чтобы он подождал. Джордан и сам колебался эту неделю, брал паузы и пытался понять, почему возвращается в баскетбол: потому что разочаровался в бейсболе или потому что любил игру? Пока он выжидал, болельщики толпами стекались к «Берто-центру», словно их притягивал гигантский магнит. Толпа собиралась на парковке у отеля по соседству и жаждала хотя бы одним глазком взглянуть на Его Воздушество, каждый день приезжавшего на тренировки и уезжавшего с них. Но он по-прежнему хранил молчание, чем питал 24-часовые новостные каналы и эфиры радиостанций, вещавших о спорте на всем континенте.

Спустя примерно неделю коллективное нетерпение начало нарастать, некоторые слушатели, дозванивавшиеся до чикагских спортивных радиостанций, утверждали, что Джордан попросту играет с публикой, дразня ее, что вполне могло быть правдой. Дэвид Фальк, подмечавший все, наслаждался такими благоприятными обстоятельствами. Его клиент генерировал такое внимание к себе, какое нельзя было бы купить за деньги. *USA Today* рапортовала, что совокупная рыночная стоимость компаний, нанимавших Джордана в качестве своего

представителя, подскочила за последние дни, по данным разных фондовых бирж, на 2 млрд долларов, что породило дальнейшие спекуляции о том, что Джордан может быть замешан в некой глобальной финансовой манипуляции.

К четвергу 16 марта Джексон дал понять, что все это слишком затянулось. Он сказал Джордану, чтобы тот не приходил на тренировку в тот день, потому что толпа журналистов, собравшихся вокруг «Берто-центра», стала слишком большой. В полдень того дня тренер сообщил собравшимся журналистам, что Джордан и Райнсдорф ведут переговоры и решение, возможно, будет озвучено в ближайшие три-четыре дня. Несмотря на то что он служил колоссальным отвлекающим фактором для команды, Джордан тем не менее показал, что способен поднять ее боевой дух одним своим непродолжительным появлением на тренировках. Вечером пятницы на той неделе «Буллз» завершила свою трехматчевую победную серию и улучшила результат в сезоне, подняв показатель побед на три пункта выше 50 % за счет победы над «Милуоки Бакс» в «Юнайтед-центре». Ходили слухи, что Джордан может внезапно появиться в той игре в униформе «Буллз», но на деле вышло так, что приехали лишь его советники по безопасности, внимательно оценивавшие новую арену.

Затем следующим утром чикагские радиостанции принялись поспешно рапортовать о том, что условия сделки Джордана с клубом оговорены и Джордан сегодня же сделает заявление, а уже в воскресенье сыграет в матче против «Индианы», который будет транслироваться в эфире национального телевидения. На улице Ласалль менеджеры ресторана Майкла Джордана, услышав новости, решили пополнить товарные запасы в сувенирной лавке заведения. Ресторанный бизнес вяло шел весь февраль, но в марте, толпы людей стали заполнять его до отказа, стоило только Джордану намекнуть на свое возвращение. Фанаты несли вахту около статуи Джордана рядом с «Юнайтед-центром», и она быстро превратилась в культовое место. Вокруг «Берто-центра» толпились группы болельщиков и репортеров, некоторые болельщики выглядывали с балконов расположенного по соседству отеля Residence Inn – все пребывали в ожидании официального заявления.

Внезапно тренировка закончилась, и на дороге появился Corvette Джордана. Болельщики неистово аплодировали и радостно кричали, пока он заводил мотор и срывался с места. Следующим выехал Пиппен на своем Range Rover, он задержался, чтобы сверкнуть широченной белозубой улыбкой, проглядывавшей сквозь затемненные окна машины. Несколько мгновений спустя Питер Векси с канала NBC вел прямой

репортаж с места событий, а на заднем плане были видны толпившиеся болельщики. Он сказал аудитории своего канала, что Джордан принял решение вернуться, что в воскресенье он сыграет с «Индианой», и, возможно даже, возвратит свой изъятый из обращения 23-й номер. Волна всеобщего возбуждения прокатилась по городу. Чикаго, сострил один радиожурналист, пребывал в состоянии «Джор-газма».

Звезда всех звезд нарушила молчание пресс-релизом их двух слов, опубликованным через Дэвида Фалька. Он гласил: «Я вернулся».

В то воскресенье Джордан нарушил правила NBA и вылетел в Индианаполис на частном самолете. Приземлившись, он какое-то время в одиночестве просидел в самолете, стоявшем на взлетной полосе. Он готовился сыграть в своем первом матче NBA со времени кончины своего отца и хотел прокрутить в сознании некоторые очень личные моменты из прошлого. Затем он двинулся в центр города в армаде лимузинов, перевозивших отряд его охранников из 20 человек. Они понадобятся ему для того, чтобы утихомирить толпы болельщиков, собравшихся вокруг «Маркет-сквер-арены», где сотрудники службы безопасности уже возвели дополнительные баррикады.

Ожидая начала матча, тренер «Пэйсерс» Ларри Браун оценил атмосферу и пошутил, сказав, что «Элвис и Beatles, по всей видимости, вернулись».

В начале первого часа пополудни он вышел из гостевой раздевалки вместе со своими партнерами и предстал перед толпой, собравшейся на арене. Он жевал жвачку и поглядывал вокруг, сурово нахмурив брови, готовился возобновить карьеру, прерванную 18-месячным «уходом на пенсию».

Наконец прелюдия, едва не сведшая миллионы болельщиков с ума, была окончена, и теперь баскетбольная общественность могла отпраздновать возвращение своего фараона. На месте присутствовали все первосвященники от баскетбола. «NBC выкатила всю тяжелую артиллерию на эту игру», – вспоминал Мэтт Гукас, специально для этой игры согласившийся исполнить роль сокомментатора и аналитика. – Они даже вызвали Боба Костаса, чтобы он провел предматчевое шоу».

Если бы Джордан захотел организовать собственный супербоул, думается, что это не стало бы большой проблемой. Окруженные со всех сторон камерами игроки «Буллз» прокладывали себе путь к площадке, открывая очередную главу в саге Air Jordan, но что-то в этой картине было не так. Майкл был облачен в майку с 45-м номером, который носил в низшей лиге бейсбола и старшей школе, а не со всем знакомым 23-м,

сделавшим его таким знаменитым. Он решил не возвращать изъятый из обращения 23-й, потому что под ним он последний раз играл для еще живого отца, как объяснил он позже. Champion, производитель спортивной экипировки, у которого была лицензия NBA на выпуск игровых маек, незамедлительно добавил еще одну рабочую смену на своих фабриках, начав производить более 200 тыс. маек с 45-м номером для дальнейшей продажи по всему миру.

Толпе фанатов, кажется, было все равно, что в ту полуденную игру против «Индианы» он выглядел несколько одеревеневшим и немного выцветшим. Он реализовал лишь семь из 28 своих бросков, но интенсивность его игры в защите помогла «Буллз» перевести матч с лидировавшими в дивизионе «Пэйсерс» в овертайм, в котором они и уступили. После игры он нарушил свое молчание, чтобы объяснить творившуюся в предыдущие десять дней кутерьму вокруг его возвращения.

«Я человек, – сказал он. – Я не ожидал такого. Меня это немного смутило».

Его возвращение откладывалось в связи с тем, что он желал получить заверения в том, что «Буллз» сохранит в составе Пиппена и Армстронга, но Райнсдорф отказался дать ему такие гарантии. Джордан также сказал, что ему потребовалось время, чтобы оценить свои собственные мотивы и убедиться в том, что его любовь к игре была искренней и неподдельной. В этом, говорил он, крылась причина его возвращения в игру, а не в финансовых амбициях. Он отмечал, что лига наложила мораторий на пересмотр условий контрактов, так как работала над новым коллективным соглашением с Ассоциацией игроков NBA, а посему он был вынужден возвращаться на оклад в 3,9 млн долларов, который имел в 1993-м, уходя из баскетбола. (Хотя «Буллз» могла этого не делать, она все же выплатила ему всю зарплату за сезон 1993/1994 г. и полный оклад за сезон 1994/1995 г., хотя Джордан отыграл только часть матчей.) Его возвращение, говорил он, целиком и полностью было вызвано любовью к баскетболу.

«Я хотел вернуть в игру некоторые позитивные моменты, – говорил он о своем возвращении, выражая недовольство некоторыми высокооплачиваемыми молодыми игроками NBA. – В последнее время тут было много негатива, молодые парни не брали на себя ответственность, как должны были, если учитывать их любовь к игре. Думаю, что эту игру следует любить, а не пользоваться ею с выгодой для себя… Будьте положительными людьми, ведите себя как джентльмены, как профессионалы».

Из Индианаполиса Турне возвращения Майкла Джордана

перенеслось в «Бостон Гарден», где три ночи спустя он набрал 27 очков, реализовав девять попыток из 17 с игры. На сей раз «Буллз» удалось победить. Далее он подарил своим поклонникам победный бросок в последнюю секунду игры с «Атлантой» и устроил большое шоу на «Мэдисон-сквер-гарден».

Тренер «Никс» Пэт Райли забеспокоился, увидев, что Джордан уже входит в свой былой ритм в игре с «Хокс». Райли, одна из самых мудрых и многоопытных фигур профессионального баскетбола, чуял, когда в его сторону надвигался торнадо. Джордан и Фальк тоже это почувствовали. Джордану были нужны три игры, чтобы разогреться перед встречей с жесткой командой Райли, в составе которой играл 195-сантиметровый Джон Старкс, успешно защищавшийся против него в прошлом. Возвращение Избранного в Готэм привлекло крупнейшую аудиторию на матче регулярного сезона в истории кабельной сети TNT, освещавшей матчи NBA, а сам город пребывал в невероятном возбуждении, предвкушая битву. «Буллз на Бродвее» гласила огромная яркая вывеска, висевшая около «Гарден». Все разговоры людей сводились к одному – к «истории». Ничто не было способно разжечь огонь в глазах Джордана так, как игра на главной площадке Нью-Йорка – так было еще со времен его дебютного сезона в лиге. «Гарден» был местом, где он делал одно громкое заявление за другим, самое значимое из которых случилось в 1986-м, когда он вернулся после травмы стопы и поставил рекорд по количеству очков, набранных на арене соперником «Никс» – 50.

Тем вечером он испытывал похожие чувства, его аура явственно ощущалась в атмосфере матча.

«Я приехал сюда забивать», – сказал он после игры, словно ему надо было перед кем-то объясняться. Все и так это увидели в те первые минуты матча в Нью-Йорке. В первой же четверти его джампшоты начали залетать в цель, поскольку Старкс держался от него чуть поодаль, чтобы не давать ему совершать проходы. Это позволило Джордану «поймать свой ритм», как он любил это называть, это беспрерывное течение игры, которое он искал во всем, чем бы ни занимался, от бэттинга в бейсболе до гольфа, баскетбола и настольного тенниса в компании Лэйси Бэнкса. Далее он ухватил «Никс» за горло, и даже Спайк Ли и другие знаменитости, болевшие за хозяев с лучших мест у самой боковой, втайне восторгались его игрой. К концу третьей четверти в его активе было 49 очков, но он не остановился на этом и побил свой рекорд на «Гарден». В процессе он совершил

еще один из своих легендарных подвигов: «два пятицентовика», так прозвали эту игру, в которой он сделал 55 очков.

При всем этом взорвала головы зрителям на Манхэттене именно концовка матча. «Никс» не отставала в счете, но в последние секунды мяч был в руках у Джордана, а значит, с ним была и сама игра. Он оценил обстановку на паркете и собрал на себя, казалось, всю защиту разом. Под кольцом в одиночестве стоял его новый партнер по команде Билл Веннингтон, готовый сделать победный данк.

После матча Райли выглядел так, словно все 48 минут игры грыз зубами ножку секретарского стола. «Он единственный в истории этой игры, кто имел на нее такое влияние», – заключил он.

В комнате для интервью Джордан отпустил в адрес Старкса последнюю шпильку. «Думаю, что он забыл, как надо играть против меня», – сказал он, не удержавшись от искушения «забить» еще раз.

Это выступление, больше чем любое другое событие в его жизни за последнее время, оставило такое впечатление, что он каким-то магическим образом способен продолжить с того же места, на котором остановился, что он готов вот так с ходу вальсировать сразу к четвертому чемпионству. Пожалуй, никто не подпал под влияние этого впечатления сильнее самого Джордана, его тренеров и партнеров. Один рекорд по очкам на «Гарден» подкрепил их веру в него. С Джорданом в составе «Буллз» вихрем пролетела по весенним матчам сезона, одержав 13 побед при четырех поражениях и выдав две шестиматчевые победные серии, от которых атмосфера в «Юнайтед-центре» установилась запредельная. Совершенно новая арена, открывшаяся в начале сезона – «Ю-Си», как ее быстро окрестят на жаргоне Города ветров, – казалась незнакомой и чуждой Джордану, некогда поклявшемуся никогда там не играть. Со временем он, конечно, смягчился, но арена все равно не нравилась ему и как-то раз он даже сострил, что мечтает «взорвать ее». Той весной чикагский «Стэдиум» все еще стоял на противоположной стороне улицы, но в боку у него уже зияла огромная дыра, появившаяся в результате работ по сносу. По вечерам в дни матчей внутри «саркофага из песчаника» горел свет, словно призраки прошлых сражений ждали, как и весь остальной Чикаго, возвращения своего хорошего друга Майкла и толпы его поклонников. Джордан, однако, испытывал трудности, порой выдавая совершенно посредственную игру, и вкупе с этим ощущал напряжение за

кулисами.

«Довольно странно провести 65 игр сезона без кого-то из членов команды, – говорил Стив Керр в 2012-м, оглядываясь в прошлое, – а потом увидеть, как эта фигура, которая оказывается самой главной и господствующей в спорте, просто является из ниоткуда и, знаете ли, играет. Разумеется, требовалось какое-то время для притирки. И его появление всем нам вскружило головы. Мы все были так возбуждены, потому что поняли, что у нас вновь есть шанс стать чемпионами».

Однако за время совместной работы с ним команде предстояло подстроиться не только под его игру, но и под скрытое, незаметное глазу новое течение в их жизни: к презрению к себе с его стороны. Керр был поражен тем, как Джордан мгновенно захватил контроль над психологическим состоянием команды, хорошо это было или плохо. «Мы понятия не имели, чего от него ждать, – говорил Керр. – Он работал с такой интенсивностью… и во многих отношениях относился к нам свысока. Ни один из нас не чувствовал себя комфортно рядом с ним. Изо дня в день он был доминирующей фигурой на тренировках, не в физическом смысле, но в эмоциональном, работал в очень угрожающей манере запугивания. Он собирался заставить нас конкурировать с соперниками, хотели мы того или нет. Бывают такие дни, когда понимаешь, что ты – игрок NBA и просто утомлен до предела. Каждая команда проходит через такие периоды, знаете ли. Бывают дни, когда выходишь и пытаешься попадать бросками, но понимаешь, что нуждаешься в отдыхе и покое. А Майклу отдых не нужен… Он не спит даже сегодня, ему не надо отдыхать. Другим парням надо, и в такие дни, когда все были уставшими, он поднимал нас на смех, иногда пытался умаслить и… ну, порой просто орал на нас. Это было тяжко. Трудно было со всем этим справиться».

> В глазах баскетбольной публики у этой истории были все признаки счастливого конца, какой бывает только в книжках.

«Буллз» завершила регулярный сезон на пятом месте в Восточной конференции и перед плей-офф не имела никакого преимущества домашней площадки. Однако ей все равно удалось вытолкать из плей-офф «Шарлотт Хорнетс» в шести играх первого раунда. «Хорнетс» наняла в свой штаб Джонни Баха, и он сидел на их скамейке, задумчиво наблюдая за тем, как развивается сюжет серии. Джордан тепло поприветствовал своего старого тренера. «Я бы с удовольствием побыл частью этой команды, – сказал Бах много лет спустя, вспоминая прошлое. – Но не судьба».

Джордан с готовностью принял утверждение Джексона о том, что увольнение Баха было делом рук Краузе. Это и конфликты генерального менеджера с Пиппеном положили конец всякому потеплению в его отношениях с Краузе, которое наметилось после завоевания первых трех титулов.

Следующим оппонентом «Чикаго» в плей-офф была команда «Мэджик». Хорас Грант присоединился к Шакилу О'Нилу в передней линии «Мэджик», а Анферни Хардуэй, Деннис Скотт и Ник Андерсон дали «Орландо» необходимый атлетизм и качество бросков, дополнявшие мощь, которую обеспечивал под кольцом дуэт Гранта и Шака. Вскоре после возвращения Джордана они устроили «Буллз» показательную порку на паркете «Юнайтед-центра». Эта серия будет иметь характерный личный подтекст, так как Грант горел желанием показать Райнсдорфу, Краузе, Джексону и Джордану то, что они, по его мнению, всегда недостаточно ценили и уважали.

В первой игре в Орландо «Буллз» шла к победе 91: 90, но в итоге проиграла из-за двух потерь Джордана. Одна из них обернулась перехватом Андерсона, хотя в тот момент Джордану надо было просто подержать мяч, пока не выйдет время, – этот эпизод стал флешбэком, напомнившим ему последнюю игру за команду старшей школы. «45-й номер не 23-й», – сказал после матча Андерсон, добавив, что Джордан не выглядит таким же взрывным и быстрым, каким был до того как ушел в бейсбол.

«В этом году мы какое-то время сильно мучились без него, переживая драматические события постсезона, – сказал позже Джексон. – Но я хорошо знаю Майкла, а потому положил руку ему на плечо после той первой игры с «Орландо», когда он потерял мяч, и сказал: «Мы столько раз выигрывали благодаря тебе, что я не ожидал подобного исхода. Пусть это станет нашим орудием. Давай используем его для возведения чего-то позитивного. Ты – наш парень, никогда не забывай об этом». Никогда не ожидаешь, что тебе придется говорить Майклу подобные слова».

После игры Джордан отказался говорить с прессой. На следующую игру он вышел в майке со своим старым 23-м номером, и эта перемена номера, о которой NBA не была предупреждена заранее, стоила «Буллз» 25 тыс. долларов штрафа от лиги. Также NBA принудила Джордана вновь начать общаться с прессой, потребовав от него соблюдения своей политики взаимодействия со СМИ.

«Я не воспринял их с обидой, – сказал Джордан о комментариях Андерсона спустя несколько дней, когда его наконец заставили поговорить с журналистами. – Два года назад я установил очень высокую планку, а за 20 игр текущего сезона

не смог до нее дотянуться. И меня судят по этим результатам. Я должен соответствовать своим собственным ожиданиям».

«Буллз» выиграла вторую игру, сравняв счет в серии и лишив соперника преимущества домашней площадки. Все ожидали, что в третьей игре в «Юнайтед-центре» команда вернет себе инициативу. Джордан набрал 40 очков, но сделал 31 бросок и порой играл так, словно забыл, что у «Буллз» командное нападение. «Орландо» выиграла важнейшую игру серии, но Джордан стал избирательнее в бросках в четвертом матче, что позволило «Чикаго» вновь сравнять счет в серии. Отвечая на вопрос о своем будущем в окружении десятка репортеров и операторов съемочных групп, он сказал: «У каждого есть мнение о Майкле Джордане за исключением самого Майкла Джордана. Я вернулся на этот и следующий сезоны, а дальше будем оценивать по факту».

После этих слов он смазал много бросков, неверно выбирал для них время и позицию и наблюдал за тем, как игра Гранта переламывает ход серии. Джексон решил защищаться против О'Нила двойной опекой, из-за чего Грант оставался неприкрытым. Тренер посчитал, что если Грант будет делать броски, то в основном двухочковые. Это решение аукнулось Джексону. Грант ответил на его стратегию частыми и точными бросками, чем подчеркнул слабость «Чикаго» на позиции тяжелого форварда. «Мэджик» поставила точку в серии победой 4–2, выиграв на домашней площадке «Буллз», а молодые игроки «Орландо» водрузили на плечи Гранта и унесли его с паркета, празднуя успех. В коридоре, ведущем в раздевалки, тренеры из штаба «Буллз» выглядели оцепеневшими – никто из них не мог поверить в произошедшее. Ник Андерсон был прав, признался Текс Уинтер: «Майкл не тот игрок, что прежде».

«Он старел так же, как любой другой человек, – согласился позже Джексон. – Но он по-прежнему был Майклом Джорданом».

Джексон предрекал, что Джордан войдет в свой прежний ритм и начнет реализовывать броски чаще, чем в 50 % случаев в следующем сезоне. «Можете поставить на это свой последний доллар, – сказал тренер. – Будет ли он выходить из-под любой защиты, с которой столкнется, от двух-трех опекунов? Нет. Но, скорее всего, он начнет лучше понимать, куда и когда отдать пас. Майкл утратил понимание того, откуда должна идти передача, и это было заметно не раз».

Джордану нужна была команда, выстроенная и подготовленная к 82-матчевому календарю. Несколько недель спустя Джексон говорил: «Он видел и слышал критику, что доносилась в его адрес в плей-офф сезона. В Чикаго многие

занимались поиском виноватых, многие ныли и скрежетали зубами. Майкл обратит весь этот негатив в свою силу». Это был явно уничижительный момент для Джордана. В 2012-м Стив Керр вспоминал: «В середине площадки он теряет мяч, даря его Нику Андерсону. Мы уже почти выиграли игру. Но в результате проиграли всю серию. Он провел несколько феноменальных матчей и несколько слабых, так что я всегда думал, что в дальнейшем им двигала эта неудача в плей-офф. Но полагаю, что и бейсбол внес свой вклад, ведь его последний титул случился в 1993-м, то есть прошло два полных года с той поры, когда он ощущал себя королем мира».

То, что он подвел команду, ранило его необъятную гордость. Годами он был ответственным за успех «Буллз» и на своих плечах тащил команду, выдавая блестящие спектакли для миллионов обожателей. Теперь же у всех перед глазами было его падение.

Глава 32
Тренировочный лагерь

Громкое возвращение Майкла Джордана раскрыло то, чего он по большей части никогда не знал. Он не знал по-настоящему, что такое уязвимость, по крайней мере не на баскетбольной площадке. «Разочаровывающая серия плей-офф прошлого года преподала мне хороший урок, – признается он той осенью. Она заставила меня вернуться в спортзал и начать заново изучать игру». Болельщики и пресса естественным образом сместили акцент в своем поиске виновных на другой фактор – чикагское нападение. В дни, последовавшие за поражением, эфиры спортивных радиостанций гудели, обсуждая треугольное нападение и вероятность того, что оно больше не работает для «Буллз». Даже Текс Уинтер принялся сомневаться и отчаянно желал узнать мнение Джордана по этому вопросу.

«Со своей всегдашней импульсивностью, – вспоминал Джексон, – Текс говорил: «Фил, я бы хотел, чтобы ты у него спросил, не считает ли он, что нам надо изменить игру в нападении? Можем ли мы играть в треугольник? Стоит ли планировать использование этой системы в следующем году? Хочу, чтобы ты спросил у него для меня». Я выполнил его просьбу, и Майкл сказал: «Треугольное нападение – хребет нашей команды. Это наша система, нечто такое, на что каждый из нас может положиться, потому что все знают, куда нужно двигаться и как себя вести».

«К тому времени Майкл уже выиграл три чемпионата, играя в треугольнике, а потому полностью доверял этой системе и Филу, – объяснял Стив Керр. – Знаете, Фил нам часто повторял на тренировках: «Мы играем в треугольник не ради Майкла или Скотти. Эти парни будут забивать независимо о того, какое нападение у нас будет. Мы играем в него ради вас, парни». Он это говорил на глазах у Майкла, и, думаю, это было умно с его стороны, потому что все знают, что это нападение так или иначе ограничивает возможности Майкла. Если бы целью было помочь ему набирать по 40 очков за игру, мы могли бы просто разыгрывать комбинации под него и выводить его на кольцо так, чтобы он набирал свои 40 очков. Но так мы не смогли бы побеждать, и Майкл это уже знал».

Гораздо больше, чем от нападения будущее команды зависело от донимавшего всех вопроса, касавшегося самого Джордана: что, если он опять все бросит и уйдет? Некоторым обозревателям

казалось вполне очевидным то, что его время на вершине игры уже прошло. Даже среди некоторых сотрудников «Буллз» ходили спекуляции о том, что Майкл может вновь завершить карьеру, чтобы не заставлять себя вести склочную жизнь игрока NBA. Эти спекуляции усилились летом, когда Джордан оказался втянут в битву между игроками и NBA за условия нового коллективного соглашения. Он никогда не выказывал ни малейшего интереса к трудовым проблемам лиги и никогда не стремился к тому, чтобы заставить «Буллз» пересмотреть условия своего контракта. И тем не менее он, последовав настоятельным просьбам Дэвида Фалька, взял на себя лидерскую роль в мятежном стремлении аннулировать полномочия профсоюза игроков и единолично вынудить лигу предложить игрокам более выгодную сделку, которая дала бы им большую свободу в переговорах с клубами. В конечном счете вопрос был улажен, но после всей этой истории сложилось впечатление, что Джордан стал другим, более жестким и агрессивным в решении проблем за пределами площадки.

Несмотря на беспокойство публики в связи с дальнейшим будущим команды и его самого, тренерский штаб «Буллз» сохранял бодрость духа и оптимизм по поводу дальнейших перспектив, хотя и не афишировал это. Тренеры увидели в молодой команде «Орландо» главного конкурента по Восточной конференции и понимали, что, если «Буллз» надеется выиграть очередной титул, ей непременно придется дать отпор «Мэджик». Команда «Чикаго» нуждалась в тяжелом форварде, который улучшил бы игру под кольцом, и в более габаритных защитниках, которые смогли бы противостоять трио игроков «Орландо» – Анферни Хардуэю, Нику Андерсону и Брайану Шоу.

Первым ходом Краузе было решение оставить любимчика болельщиков Би Джей Армстронга незащищенным в преддверии драфта-расширения. Более рослый и мощный защитник на место Армстронга уже имелся в составе – бывший участник сборной Всех Звезд Рон Харпер, которого Краузе подписал в 1994-м, чтобы кем-то заполнить пустоту, образовавшуюся после завершения карьеры Джорданом. Серия травм коленей ускорила деградацию атлетизма Харпера, отличавшего его в молодые годы, когда он был суперзвездой «Кливленд Кавальерс». Его разочаровывала система треугольного нападения, но Джексон убедил его, что если он улучшит свое физическое состояние, то станет важным игроком для команды в надвигающемся сезоне.

Аналогично и Джордану предстояло перенастроить как свое игровое мировоззрение, так и систему своих тренировок, чтобы заменить свое «бейсбольное тело», как называл его Райнсдорф, более стройным и подтянутым баскетбольным телом. По планам

Джордан должен был провести летние месяцы в Голливуде, участвуя в съемках анимационного фильма про Багза Банни *Space Jam,* производством которого занималась студия Warner Bros. Удивительно, но тренеры «Буллз» не беспокоились из-за того, что их ведущий игрок одновременно ухватился за слишком много дел, и это в новую для него эпоху уязвимости.

«Мы не переживали насчет Майкла, – говорил Уинтер. – Мы сочли, что он может самостоятельно о себе позаботиться».

Большую часть пребывания в Голливуде его «спортзалом» был этаж на студии, который он временно занимал, работая над фильмом. Там Джордан мог работать над своей игрой и при этом оставаться в зоне доступа съемочной группы, приглашавшей его в кадр, когда нужно было снимать очередную сцену. Годами Краузе подстрекал Джордана к тому, чтобы он начал уделять больше внимания работе с отягощениями, но Дин Смит никогда не был поклонником теории необходимости накачивания у своих игроков мышечной массы, и это мнение тренера находило отклик у Джордана.

Чем больше Краузе говорил о занятиях с весами, тем активнее, казалось, Джордан рыскал по полям гольф-клубов в поисках свободных ти-таймов. Но команда «Орландо» привлекла к себе его внимание. Краузе давно хотел, чтобы Джордан позанимался с Элом Вермейлом, тренером «Буллз» по работе с весами, братом бывшего тренера «Филадельфия Иглз» Дика Вермейла, но Джордан с подозрением относился ко всему, что предлагал генеральный менеджер. Вместо Вермейла он обратился к Тиму Гроверу, персональному тренеру Хуаниты Джордан. Джордан, Харпер и Пиппен каждое утро тренировались вместе с Гровером, называвшим эту троицу «Клубом «Завтрак». Со временем «Буллз» будет считаться одной из самых подготовленных и физически мощных команд в истории баскетбола. А Гровер в скорости станет самым востребованным гуру физподготовки с репутацией человека, сделавшего возможным трансформацию тела Майкла Джордана.

«Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь работал упорнее Майкла Джордана, – сказал той осенью Гровер. – Он выполнял свои обычные летние обязательства – снимался в рекламах, появлялся на каких-то встречах и приемах и снимался в кино. Но программа физподготовки всегда оставалась его приоритетной целью».

Для Джордана мучительная, изнуряющая программа в межсезонье была лишь началом долгого годичного пути к возвращению на Олимп NBA. Приближаясь к своему 33-му дню рождения, он не только пытался подготовить себя к встрече с

самыми талантливыми молодыми игроками лиги, но и стремился угнаться за призраком собственной молодости.

«Я такой человек, что расцветает в трудных ситуациях, я живу ради вызовов, – объяснял Джордан в то время, – и я горжусь тем, что люди называли меня лучшим игроком лиги. Но когда я ушел из баскетбола, мой рейтинг упал. Он, как мне казалось, стал ниже рейтинга таких людей, как Шакил О'Нил, Хаким Оладжувон, Скотти Пиппен, Дэвид Робинсон и Чарльз Баркли. Вот почему я так решительно настроился пройти всю подготовку в тренировочном лагере, сыграть в каждой выставочной игре, а потом и в каждой игре регулярки. В моем возрасте приходится работать усерднее. Я не могу позволить себе сокращать путь, срезая углы. Так что в этот раз я планирую подойти к матчам плей-офф с целым сезоном активной физической подготовки за плечами».

Летом ему нужно было играть, и как можно чаще, даже несмотря на то что он проводил долгие дни на съемочной площадке. Джордан обустроил переносную баскетбольную площадку на съемках фильма и пригласил нескольких игроков NBA, чтобы практиковаться с ними в «дворовых» матчах. Тем летом он получил огромное удовольствие от соревнований с коллегами. Но к тому времени как он завершил участие в съемках фильма, собрал чемоданы и выдвинулся в Чикаго, где должен был присоединиться к команде в тренировочном лагере, вся его концентрация была заключена в оболочку необъяснимой ярости. Она будет обрушиваться на каждого, кто будет вставать на его пути.

Гнев

Когда Джим Стек впервые предложил эту идею Джерри Краузе, тот ее проигнорировал. Он знал, что Джордан и Пиппен с ума сойдут от злости, если он подведет Денниса Родмана даже на пушечный выстрел к раздевалке «Буллз». А что скажет Джерри Райнсдорф? Они все ненавидели «Пистонс», этих хулиганистых «плохих парней».

Но Стек был уверен, что этот ход себя оправдает.

«В начале лета ко мне пришел Джим Стек и попросил присмотреться к Родману, – сказал Краузе. – Когда я отказал ему, он стал умолять, и в конечном счете я согласился. Он попросил меня разузнать, все ли скверные слухи, которые мы слышали о «плохих парнях», были правдой. Без настойчивости Джима мы бы не стали тщательнее изучать эти слухи в попытках узнать

правду».

Чем внимательнее они изучали «личное дело» Родмана, тем больше Краузе начинал им интересоваться. Друзья, враги, бывшие тренеры, бывшие партнеры по команде – «Буллз» контактировала с огромным множеством людей, стремясь узнать Родмана поближе. Чак Дэйли сказал им, что он будет играть, и будет играть усердно. Краузе по-прежнему сомневался.

> «Все в лиге до смерти боялись Денниса», – говорил Брендан Мэлоун, бывший ассистент в «Детройте».

Райнсдорф был настроен так же осторожно: не спешите, парни. Такой тип может разрушить все до основания за считаные дни.

Родман и сам не мог поверить своим ушам, когда «Буллз» впервые на него вышла. Но уже к середине разговора Краузе осознал, что ему нравится этот парень. Удовлетворенный беседой Краузе перевел Родмана на Джексона, чтобы они переговорили, и тренер потратил много часов на то, чтобы понять истинное отношение Денниса к делу и всему происходящему в его карьере. Было ясно, что Родман хотел перейти в «Буллз», чтобы играть с Джорданом. Он даже разрешил команде пообщаться со своим психиатром, на приемы к которому ходил. Тренерский штаб счел, что убедить Пиппена и Джордана в правильности приглашения Родмана будет очень тяжело, но две звезды обдумали такой вариант. «Если он готов и хочет играть, он станет отличным усилением для команды, – сказал Пиппен. – Но если он будет негативным фактором для нас, то не думаю, что нам это нужно. В таком случае мы можем сделать гигантский шаг назад».

Как только Джордан и Пиппен дали свое согласие, Краузе в начале октября, всего за считаные дни до открытия тренировочного лагеря, обменял многолетнего запасного центрового Уилла Пердью в «Сан-Антонио» на Родмана.

И таким образом Деннис Родман по прозвищу Червяк, знаменитый 34-летний «подросток», стал игроком «Чикаго Буллз». Он искал команду, которая предложила бы ему двух-трехлетний контракт на сумму около 15 млн долларов. «Пять миллионов я положу в банк, буду жить с процентов и тусить до упаду», – сказал он репортерам, и, как показало время, именно этим он и занялся.

В предыдущие сезоны «Буллз» полагалась на троицу центровых в лице Уилла Пердью, Билла Веннингтона и Люка Лонгли. Пердью умел ставить блок-шоты, Веннингтон был мастером легких, как пушинка, касаний, а Лонгли, ростом в 218 см и весом в 130 кг, обладал огромным телом, которое было

незаменимо в борьбе с такими гигантами, как Шакил О'Нил. Ни один из трех чикагских центровых не обладал полным набором необходимых качеств, но втроем они образовывали «трехголовое чудовище», как прозвала их пресса, эдакую заплатку, найденную тренерами и ставшую временным решением проблем команды. Пердью обменяли, а пришедший вместо него Родман занял место тяжелого форварда, помогавшего оставшимся «двум головам» чудовища в центре.

Чтобы облегчить задачу интеграции Родмана, клуб пригласил его партнера по «Сан-Антонио» Джека Хэйли, а затем привел еще одного экс-«плохого парня» Джеймса Эдвардса, который должен был помогать на позиции центрового. Позже «Буллз» добавит в свой ростер еще одного бывшего игрока «Пистонс» Джона Сэлли, все ради реализации «плана Родман». Тренеры «Буллз» сочли, что с возвращением Джордана и наличием в составе Пиппена, Лонгли и набирающегося опыта Кукоча, с восстановлением былых кондиций Харпера и приходом в команду Родмана у них будут все необходимые элементы чемпионского пазла. «Буллз» с давних пор ненавидела «плохих парней», а теперь собиралась ввести в свой состав сразу нескольких из них.

Единственная проблема заключалась в том, чтобы заставить этот механизм работать. Родман прибыл в Чикаго с выкрашенными в красный цвет «Буллз» волосами и черным силуэтом быка на голове, а его ногти были накрашены в соответствии с цветовой палитрой «Буллз». «Я понимаю, что они с некоторым подозрением и настороженностью относятся к тому, что с ними рядом будет кто-то вроде меня, – говорил он. – Им интересно, как я отреагирую на команду. Полагаю, что они узнают это в ходе работы тренировочного лагеря и во время предсезонки. Думаю, Майкл знает, что может рассчитывать на меня, я сделаю свою работу. Надеюсь, что Скотти считает так же».

Безумная сага с возвращением Джордана наконец отгремела в Чикаго, но теперь город стал активным участником новой медийной эпопеи, связанной с приходом в команду Червя. Кто бы мог предположить, что армия фанатов «Буллз» так быстро и так беззаветно влюбится в татуированного мужчину? Он приехал в город, находясь на пороге банкротства, и вскоре получил целый пакет спонсорских контрактов и возможность швырять деньгами направо и налево. На протяжении всей своей истории Город широких плеч видел длинные вереницы гангстеров и любопытных мадам, продажных политиков и благородных дельцов, населявших его улицы и пригороды, но Родмана все равно можно было с легкостью назвать одним из самых ярких клиентов, которых только видела Раш-стрит. Как вскоре отметит Джексон,

его новый форвард был клоуном первого ранга. В конце концов, кто бы не обратил внимания на парня, заявившегося на пресс-конференцию в свадебном платье невесты?

Если бы не его триумфальное пришествие в город, болельщики могли начать обращать внимание на то, какой странной, почти адской работой команда занималась на тренировочных сборах той осенью. Пройдут годы, прежде чем станет известна правда о том, что на самом деле творилось в те долгие и не предвещавшие ничего хорошего дни в «Берто-центре». Когда работа была завершена, «Буллз» вышла из своего загона, словно компания зэков, освободившихся из тюрьмы по условно-досрочному: напуганными в не меньшей степени, чем пугающими.

«У меня была возможность мельком увидеть работу лагеря с самого начала, – вспоминал в 2012-м Стив Керр. – Там творилось настоящее безумие, настолько конкурентной и напряженной была атмосфера. Майкл собирался оставить позади свое неудавшееся возвращение, ведь он не очень удачно сыграл в плей-офф, по крайней мере по своим стандартам. Он хотел доказать всем, что еще многое может, и привести свою игру в порядок. А потому каждая тренировка походила на войну».

Если у Денниса Родмана и были мысли подурачиться, то он незамедлительно их забросил куда подальше – настолько пугающим был Джордан в своей решимости. На самом деле Родман даже не разговаривал со своими новыми партнерами, предпочитая вместо этого работать в тишине, которая с каждым днем становилась все более странной. «Те тренировочные сборы были суровыми, потому что все были начеку, – объяснял позже в тот сезон Джек Хэйли. – Опять-таки представьте, что вы – Майкл Джордан. Или Скотти Пиппен. С чего бы вам вообще подходить к Деннису и беседовать? Майкл Джордан заработал 50 млн долларов в прошлом году. Почему он должен хотеть идти ручкаться с каким-то парнем и пытаться его разговорить? Они со Скотти подошли к нему и поздоровались, пожав руку, приняли его в команду, сделали еще пару мелочей. Но что-то большее… это был долгий процесс».

«Думаю, что все были скептически настроены по поводу будущего, – вспоминал Джон Пакссон, которого команда наняла в качестве ассистента тренера. – Но у нас были и оптимистичные ожидания по поводу того, что могло произойти. Оптимизм исходил из личности и характера Фила. Нам казалось, что если кто-то во всей лиге и может совладать с Деннисом и заставить Денниса уважать себя как тренера, то этим кем-то будет Фил».

Основным источником напряжения, влиявшим на атмосферу

в команде, были взаимоотношения Родмана и Пиппена. «Нет, у меня не было разговора с Деннисом, – признавал Пиппен в начале года. – Я никогда в жизни не разговаривал с Деннисом и не думаю, что для кого-то это какая-то новость».

В ретроспективе становится понятно, что появление Родмана с его цирковыми номерами стало настоящим благословением для команды в том смысле, что помогло затмить происходившее на сборах в тренировочном лагере и отвлечь всеобщее внимание. Джордан стал еще более трудным партнером, чем прошлой весной. Теперь он стал куда более резким и крикливым в отношениях с партнерами, чем сразу после возвращения из бейсбола. «Когда он вернулся в команду после убийства отца, он был совершенно другим», – объяснял Лэйси Бэнкс. Команда в конце концов была перестроена, пока Джордан отсутствовал в мире баскетбола. Было мало сомнений в том, что коллектив, в котором он оказался, очень слабо представлял себе, как выиграть чемпионский титул. «Многие из этих парней вышли из команд, которые никогда не имели опыта чемпионских побед, ни на каком из этапов своей истории», – объяснял Джордан, признавая свой жесткий подход к новым партнерам. – Я просто ускоряю процесс».

Другим фактором стал летний локаут в лиге. По просьбе Фалька Джордан возглавил неудавшийся поход против профсоюза, чьи полномочия в переговорах с лигой он пытался аннулировать, – Стив Керр при этом был по другую сторону баррикад. Райнсдорф был настроен против того, чтобы Джордан оказался «в авангарде» этого скандала, но Майкл все равно поступил по-своему. «Острота конфликта во время локаута легла в основу наших отношений, – вспоминал Керр, – поскольку я был представителем игроков «Буллз» в этом споре, а Майкл находился в группе ребят Дэвида Фалька, которые были недовольны лидерами профсоюза, это и стало подтекстом дальнейших взаимоотношений. Каждое упражнение, каждая тренировка были чрезвычайно интенсивны». Керр ощущал, что Джордан испытывает к нему повышенное раздражение, даже, возможно, неприязнь. Но никакого расизма с его стороны в этом не было, вспоминал он со смехом. «Он никогда не упоминал расу в своих комментариях. Он был выше этого. Не опускался до дискриминации. Он просто уничтожал нас всех. Но думаю, что это было сделано с расчетом, однозначно. Он проверял на прочность каждого из парней. Тогда ты мог этого не понимать, но он проверял тебя, и ты должен был давать ему сдачи».

Для Керра время давать сдачи Майклу наступило на третий день тренировочных сборов. «Вот что я запомнил, – вспоминал он в 2012-м. – У нас была разминка с мячом, и игроки основы

конкретно нас мочили. Мы были командой «красных», а им сходили с рук все фолы. Майкл играл невероятно агрессивно и жестко. А Фил в этот момент ушел в свой кабинет. У него была привычка отлучаться на телефонный звонок или еще что-нибудь в этом духе, и в отсутствие Фила, разумеется, могло случаться так, что ситуация начинала выходить из-под контроля. Майкл нес всякую чушь. Я уже не помню, что конкретно он говорил, но меня достал этот треп, ну, знаете, потому что я видел, как они фолят каждый раз, и видел, что Майкл фолит. Ассистенты тренера играли роль арбитров, но они не хотели свистеть фолы у Майкла. Он не умолкал, и я начал отвечать ему. Не уверен, что кто-то делал это до меня», – сказал он со смехом. Керр получил мяч, и Джордан вновь сфолил на нем. «Он защищался против меня, и мне кажется, что я свободной рукой отмахнулся от него, задев локтем или вроде того, я хотел отодвинуть его от себя, а он все не умолкал. В тот момент я тоже тявкал в ответ, и в следующем эпизоде я уже бегу через трехсекундную, и он в самой ее середине от души заряжает мне предплечьем в лицо, я тут же отвечаю. И тут он просто набросился на меня. Как говорит Джад Бюхлер, «словно велоцираптор». Я почувствовал себя мальчишкой из *Jurassic Park*, убегающим от разъяренного динозавра. У меня не было ни единого шанса. Это был просто хаос. Мы орали друг на друга, а наши партнеры, слава богу, подбежали к нам и разняли. Но у меня все равно остался фингал. По всей видимости, он ударил меня. Я даже не помню, как это произошло».

Этот кулачный бой был первым и единственным в жизни Керра. «Мы кричали друг на друга, а потом это вышло за всякие рамки, – вспоминал Керр, сын кадрового дипломата. – Он все рассказывал нам, как они вышибают нас. Я и так знал, что они хотят выкинуть нас. Ему необязательно было говорить мне об этом. С чего он решил, что это не разозлило бы меня? Это естественная реакция. Другие парни тоже были в бешенстве. Просто так получилось, что в тот момент он опекал меня».

Джексон тут же расценил этот инцидент как серьезную угрозу для позитивной атмосферы в команде. «Майкл в гневе покинул тренировку, – сказал Керр, – а Фил спустился из своего кабинета и подошел ко мне поговорить. Он сказал: «Вы с Майклом должны уладить конфликт. Ты должен поговорить с ним и разрешить все разногласия». Я приехал домой и обнаружил на своем автоответчике сообщение от Майкла, он извинялся. Это было странно, но начиная со следующего дня у нас установились отличные отношения. Знаете, в течение нескольких следующих дней было довольно странное чувство из-за случившегося, но далее стало очевидно, что с того момента он принял меня как

партнера».

После этого инцидента Джордан полностью взял команду под свой контроль. Если раньше инструментами его давления на коллектив были гнев и психологическое давление, даже запугивание, то теперь он добавил к этому угрозу физического насилия. Он создал такую атмосферу, которая позволила ему на протяжении трех следующих сезонов вести «Буллз» на такой скорости, на какой он хотел. В своих усилиях он не был одинок. Он сформировал партнерство с Джексоном, второй доминирующей личностью команды, и вместе с ним создал чрезвычайно дисциплинированный коллектив.

Вот почему Джексон называл Джордана альфа-самцом. Джексон искал возможность укротить жестокость Джордана и направить ее в другое русло с помощью дзен-практик, медитаций, тренировки осознанности и других методов. «На личном уровне он немногое выражал в процессе общения, – говорил Керр о подходе Джордана. – Но многое выражал на баскетбольном уровне. Я к тому, что у него было свое мнение. На видеоразборах он все время что-нибудь говорил, а иногда Фил просил его говорить с нами, чтобы таким образом распространять на нас его влияние через игру, но не на личном уровне».

Столь беспрецедентный подход наиболее ярко проявился в ходе первых тренировочных сборов после возвращения Джордана, но подобная динамика сохранялась на протяжении следующих трех очень успешных и очень турбулентных лет, как говорил Керр. «Он знает, что производит пугающее впечатление на людей, – сказал той осенью Джексон. – Мне приходилось подтягивать его в предыдущий год, когда он только вернулся. Ему было комфортно играть с Уиллом Пердью… с Лонгли он был очень суров. Порой он мог бросать ему такие передачи, какие не поймал бы, думаю, ни один игрок в мире, а потом смотреть на него этим своим свирепым взглядом. А я пытался донести до него, что Люк – совсем не Уилл Пердью, ничего плохого в том, чтобы проверять его характер на прочность нет, но я хотел, чтобы он играл с ним вместе, потому что у Люка большое тело, он не боится соперников, он умеет бросать, а если мы хотим одолеть «Орландо», то нам нужен в составе кто-то, кто сможет быть ровней Шакилу О'Нилу».

Джексон, всегда прилагавший усилия к тому, чтобы поддерживать в команде четкую иерархию, теперь имел проводника своих идей в лице Джордана, поддерживавшего порядок в команде силовыми методами. Помогал им и Текс Уинтер, который тоже умел жестко пройтись по игрокам, если они вдруг начинали работать с меньшим рвением.

Джексон привел в команду Джорджа Мамфорда, психолога и эксперта по осознанности, который учил игроков медитации и упражнениям на совместимость. Мамфорд также консультировал отдельных игроков, чтобы помочь им понять командную динамику, частью которой были и задиристое поведение Джордана, и влияние Джексона, стремившегося добиваться от всех единения. Что было удивительно наблюдать, так это принятие Джорданом более мягких методов Джексона в работе с командой. Керр отмечал: «В этом был ключ к успеху. Если бы Майкл не доверял Филу, ни у кого из нас ничего не получилось бы. Но Майкл питал такое большое уважение к Филу, что принимал его методы».

Часто несовместимым казалось то, что Джексон тратил 30 драгоценных минут тренировки на то, чтобы усадить своих игроков на пол и заставить их медитировать в темноте, а после спускал с цепи Джордана, наполнявшего своими яростью и напором каждое командное упражнение, следовавшее за погружением в медитацию. Как говорил Керр, Джексон утверждал, что треугольное нападение он ставил команде ради блага не Джордана, а всех остальных игроков. С медитацией было так же, но ровно наоборот. Тренер проводил медитации не столько для других игроков, сколько для Майкла: он надеялся, что эти занятия помешают Джордану пережевывать и проглатывать одного перспективного партнера за другим.

За короткое время Мамфорду удалось установить с Джорданом доверительные отношения, и Майкл признался психологу, что если бы их пути пересеклись на более раннем этапе его карьеры, то он вполне мог избежать жизни «заключенного», запертого в номере отеля.

Пиппен тоже помогал поддерживать командную иерархию. Порой и у него случались вспышки гнева, но он был понимающим и сострадательным лидером. Он был выпускником школы оплеух Майкла Джордана и к осени 1995-го уже стал его партнером в основе команды. Керр делился своими наблюдениями: «К тому времени как я пришел в команду, у них уже были отличные отношения. Знаете, у них проходили эти «заседания» «клуба «Завтрак»: Харпер и Пиппен приходили к Майклу домой по утрам, и они вместе тягали веса. Они занимались с отягощениями, а потом вместе шли на тренировку. Эта троица очень тесно общалась. И для Скотти это была идеальная роль, как мы все знаем, он не любит быть ведущим, а так у него была возможность по-своему доминировать в коллективе».

Джордан по-прежнему оставался альфа-самцом, но его партнерство с Пиппеном создало боевую единицу из двух человек, которые вместе представляли собой гораздо более мощную силу, чем по отдельности. «Они были идеальной парой во всех смыслах, – объяснял Керр. – Они были очень разноплановыми в отношении игры в защите, могли запросто переключаться между своими ролями, меняться местами и чинить большие разрушения для соперника. А в нападении Скотти предпочитал больше пасовать, а Майкл – забивать. После завоевания одного из последних званий нашего чемпионства, кажется, Майкл просто взял его за руку и объявил болельщикам, что весь успех был бы невозможен без Скотти. Так что в конечном счете у них были великолепные отношения».

> В такую атмосферу и ввели Денниса Родмана, ему предстояло освоиться в самой непривычной для «Чикаго» командной обстановке.

Все, кто следил той осенью за командой, горели желанием узнать, как он впишется в новую иерархию и совершенно новую для себя командную идентичность. «Они вообще очень редко разговаривали, – говорил Керр о Родмане и Джордане. – Просто в их отношениях подспудно ощущалось взаимное уважение. Было очень легко увидеть его проявления: Майкл никогда не задирал Денниса. Никогда. А Деннис был в подчинении у Майкла в эмоциональном плане, но не в физическом. Он никогда не делал в игре против Майкла чего-то такого, чего не делал с остальными партнерами, у него было это понимание: Майкл – «величайший», а я ниже его на порядок, так что не буду лезть на рожон, ну и наоборот. Интересно было наблюдать такое».

Главными мишенями для ярости Джордана оставались иностранные звезды команды: Люк Лонгли, выходец из Австралии, и Тони Кукоч, чьей родиной была Хорватия. По всеобщим свидетельствам и словам самого Джордана, его отношение к ним было очень суровым, и так продолжалось на протяжении всех трех его последних сезонов в «Чикаго». «Эти парни были очень талантливыми, особенно Тони, он был невероятно одаренным игроком, – говорил Керр. – А Люк был внушительной фигурой как в прямом, так и переносном смысле. Он был нужен нам, чтобы заполнять пространство в «краске», служил якорем нашей защиты, делал подборы, но чтобы увидеть от него полную отдачу, необходимо было разжечь в нем огонь. Думаю, что именно по этой причине Майкл, Фил, Текс и Скотти не давали этим парням спуску. Они делали так, потому что эти игроки нуждались в постоянной мотивации. Думаю, что Тони был

очень расслабленным. Я тоже внешне очень спокойный, но меня легко можно завести. У меня есть такая «кнопка», нажми ее и все… особенно во время игры. Я мог так сильно разгневаться, как в тот день с Майклом, что мог цапнуть. От Тони же я никогда подобного не видел. Никогда не видел, чтобы Люк огрызался, и из-за этого они становились объектами травли Майкла».

Текс Уинтер подмечал каждый нюанс командной динамики, но особенно сильно его поражала эволюция Джордана, начавшаяся после его возвращения в игру. «Для него это был еще один способ бросить себе вызов», – теоретизировал пожилой тренер, отмечая, что по причине крайне жесткого отношения к партнерам у Джордана самого не оставалось возможности подводить команду.

Керр соглашался: «Если взглянете на его прошлое, то увидите, что в нем было полно моментов, когда он создавал себе какие-то трудности, бросал самому себе вызовы, чтобы поднять уровень своей игры. Больше всего поражает меня то, что установленные им стандарты настолько непостижимо высоки, что с нашей стороны почти что несправедливо требовать от него соответствия им. Это невероятно. На какую бы арену мы ни приехали в течение сезона, все ждут, что он наберет там 40 очков. Ему это нравится. В этом проявляется удивительная черта его характера. Он сочетает в себе потрясающий талант, исключительную трудовую этику, баскетбольное мастерство и соревновательный дух. Это просто невероятное сочетание».

Два года спустя, оглядываясь в прошлое, Джордан признается, что порой настолько сурово относился к людям, что они сбегали от него в ужасе. «Вы лучше поймете меня как лидера, если будете относиться к делу с такой же мотивацией, таким же понимаением того, чего мы пытаемся достичь и что для этого требуется, – объяснял он. – Итак, если мы с вами не ладим, то вы совершенно точно не поймете, какие решимость и целеустремленность нужны, чтобы победить. Так что если люди сбегают от меня, то не потому, что я намеренно веду себя так, чтобы заставить их сбежать. Я веду себя так, потому что стремлюсь дать им понять, что требуется для того, чтобы стать чемпионом, что нужно для того, чтобы посвятить себя делу борьбы и победы. Я не каждый день веду себя сурово. Бывают дни, когда нужно расслабиться и дать напряжению сойти. Но в большинстве случаев, если нужно концентрироваться на цели, то нужно концентрироваться. Как лидер я должен доносить это до игроков. И я не одинок в этом стремлении, – подчеркивал он, эхом повторяя слова Керра. – Пип занимается тем же самым, Фил тоже. Но я, пожалуй, делаю это более последовательно и

регулярно, потому что я здесь дольше всех. Я чувствую, что обязан следить за тем, чтобы мы соответствовали тем же ожиданиям, поддерживали тот же уровень амбиций».

Джордан хорошо знал, что такое запугивание, ведь у него был опыт противостояния с «Пистонс» – командой, не стеснявшейся колотить во время игр. Он считал, что должен передать эти знания другим. Он принял это решение в 1990 г., когда изо всех сил боролся за победу, а потом осознал, что его партнеры не следовали его примеру. Он решил, что больше не окажется на поле битвы в окружении малодушных людей. «Это обязательное условие – прохождение через жуткие разочарования и неудачи, которые ты испытываешь, играя за команду проигравших против команды чемпионов», – говорил он впоследствии, и его глаза сужались, глядя из-под нахмуренных бровей. Джордан схватил свою команду за горло, чтобы поднять ее эмоциональный уровень. Одно осознание этого до глубины души поразило Стива Керра. «Так вот оно что!» – подумал он.

Джордан с готовностью признавал, что его статус в профессиональном баскетболе, позволял ему совершать такие поступки, которые не сошли бы с рук ни одному другому игроку – и даже, наверное, тренеру. «Не хочется поступать так, чтобы люди со стороны неправильно интерпретировали наши отношения, – сказал он. – Тут нет ничего личного. Я люблю всех своих партнеров. Я ради них что угодно сделаю. Я буду тянуться к ним изо всех сил, чтобы они стали успешными. Но и от них я жду того же. У них должно быть лучшее понимание, что требуется для достижения успеха».

То, что Джордан периодически гонял некоторых игроков, претендовавших на партнерство с ним на паркете, «наверное, было даже к лучшему», говорил Керр. Он добавлял: «Нужно избавляться от людей, которые не могут принести реальной пользы. А Майкл умеет выискивать таких ребят, находить слабости…»

«Очевидно, что у нас у всех есть какие-то слабости, – делал вывод Керр, смеясь. – Но только не у Майкла. Тем, что он делает, он вынуждает нас сражаться и быть конкурентоспособными, преодолевать эти слабости и не мириться с ними, а работать над ними, улучшать самих себя и результаты».

«Но не путайте, – говорил Керр, – то, что делал Джордан – чистой воды спортивные вызовы. Он очень много раз подбадривал нас».

«Я подозреваю, что Ларри Берд был таким же, – говорил тренер Чип Шефер, – и по опыту наблюдений за бесчисленным количеством тренировок «Лейкерс», с игроками которой я

занимался во время учебы в Университете Лойола Мэримаунт, могу сказать, что Мэджик Джонсон был на тренировках той еще сволочью. Стоит тебе выронить мяч после его паса, промазать лэй-ап или упустить соперника в защите – бог мой, если бы взглядом можно было убивать, думаю, погибших было бы много».

Потребовалось какое-то время, чтобы публика начала обращать внимание на эту более суровую и колючую версию Джордана. Брюс Левин, репортер чикагской спортивной радиостанции, хорошо узнал Джордана за минувшие годы. Понемногу Левин стал подмечать перемены, произошедшие в звезде после смерти Джеймса Джордана, и понимать ее значение для баскетболиста. «Вплоть до недавнего времени он был самой безучастной суперзвездой, потому что не позволял внешнему воздействию как-то сказываться на себе, – объяснял Левин в то время. – Он мог сидеть в раздевалке перед игрой, делать растяжку и при этом 30–40 минут разговаривать с нами обо всем, кроме баскетбола. Он находился на полу, растягивая мышцы, а мы сидели рядом и 45 минут разговаривали обо всем понемногу. Веселились и шутили. Он задавал вопросы. Он очень любознательный, всегда хочет узнавать что-то новое. Он по-прежнему продолжал учиться, познавать жизнь и образовывать себя. Но когда случилась смерть его отца и он увидел, как ее преподнесли СМИ, то стал иначе относиться к ним, и прежних отношений уже никогда не было. Теперь он не доверяет большинству СМИ, даже таким людям, как я, с которыми у него были приятельские, почти дружеские отношения. Все переменилось в одночасье. Он в какой-то степени очерствел. Он по-прежнему очень щедро выделял нам, журналистам, свое время, но развлекательная составляющая нашего общения пропала, ее больше не было ни с его, ни с нашей стороны».

Людям было трудно распознать и прочесть его резкость, потому что часто Джордан заворачивал ее в обертку привычной веселости, в которой подавал соперникам свой трэш-ток. «Майкл решил для себя, что будет наслаждаться своей игрой в баскетбол и каждой минутой на площадке, – отмечал Текс Уинтер. – Думаю, что он давно так решил. Он получает удовольствие от игры и хочет, чтобы она доставляла ему радость и веселье. И он пытается стремиться к этому. Его методы порой вызывают сомнения, но если они помогают ему получать удовольствие от игры и бросать себе вызовы, то пусть так будет и дальше».

Задача интегрировать обновленную, более колючую версию Джордана в состав, легла на плечи Джексона. С тех пор как Джордан вернулся в ростер, тренер не уставал напоминать ему, что команда сильна ровно настолько, насколько сильно самое

слабое ее звено, и это стремительно разожгло пламя, охватившее весь тренировочный лагерь и его работу. В багаже трюков тренера были игры разума, обманные уловки, мотивационная «игра в прятки», а когда того требовала ситуация, он прибегал к откровенным признаниям и даже к конфронтации. Чем больше времени они проводили вместе, тем больше политического подтекста проявлялось в усилиях со стороны Джексона, старавшегося выражать больше мягкости и понимания. Однако уважение, с которым он относился к Джордану, было очевидным проявлением двойных стандартов.

«Фил всегда говорит о каких-то вещах, имевших отношение к Майклу, в духе «Нам нужно сделать это», – отметил как-то раз после одной игры запасной центровой Билл Веннингтон. – Каждый раз, когда появлялась какая-то проблема в связи с Майклом, на командном собрании Фил говорил: «Нам нужно сделать то-то». Если речь шла обо мне, то он говорил: «Билл, ты должен ставить спину»[41]. Когда речь шла о Майкле, он всегда включал это «мы». Для нас всегда было так: «Стив, ты должен бросать мяч». Майкл мог не поставить спину в какой-то момент, и тогда Фил говорил: «Ребята, *нам* надо ставить спину». Вот такие мелочи. Но если понимать причины такого отношения и причины успеха нашей команды, то станет ясно, что все это вносило свой вклад».

Джордан давно обвинял Джексона в том, что тот заигрывается в игры разума, но сам при этом не брезговал ими, только его игры были куда жестче. «В этом вся суть, в психологии, – говорил Джордан. – Нужно вынуждать их думать головой. Эта команда успешна не из-за физических качеств. У нас нет преимущества в физическом плане. Только в психологии».

«Они были злыми, – говорил Керр о джордановских играх разума. – Но плюсом было то, что иметь с ними дело приходилось только на тренировках. Соперникам же приходилось сталкиваться с ними каждую игру, и мы это знали».

Магси Богз мог бы это подтвердить. В ключевой момент серии плей-офф между «Буллз» и «Шарлотт Хорнетс» в 1995-м Джордан, отходя от 160-сантиметрового Богза, сказал ему: «Бросай уже, карлик несчастный». Бозг смазал свой бросок, потерял уверенность в себе, а позже, по слухам, сказал Джонни Баху, что этот эпизод положил начало спаду в его карьере и дальнейшему ее крушению.

Враг был рядом или друг, не важно, Джордан знал, как задеть за живое каждого, кто окружал его, на глубинном, психологическом уровне. Чикагский спортивный комментатор Джим Роуз получил редкую возможность на собственном опыте

прочувствовать это в ходе благотворительного баскетбольного матча, в котором он принял участие вместе с Джорданом и несколькими другими звездами NBA. Роуз работал на играх «Буллз» и знал, насколько требователен Джордан в спортивном плане, а потому неделями тренировался, готовясь к предстоящей игре. Но в ходе матча он смазал один лэй-ап, чем вызвал ярость Джордана. «Ты недостаточно черный», – предположительно гаркнул Джордан Роузу, чем глубоко оскорбил комментатора, который в следующую же секунду запустил мяч прямиком в Джордана. Позже Джордан извинился. Но инцидент показал, насколько глубоким было интуитивное понимание Джорданом того, какие струны нужно дергать в душах своих партнеров, чтобы задеть их эмоционально. «Он говорил это с добродушным весельем в голосе, – сказал Роуз. – Майкл совсем не любит проигрывать. Я промахнулся, делая лэй-ап. Я разозлился и швырнул в него мяч, а потом быстро удалился с площадки. Майкл не злой человек, в нем нет этого негатива. Он замечательный, но порой его соревновательная натура берет над ним верх».

Джим Стек часто ловил себя на том, что поражается колоссальной разнице между Джорданом, которого обожает публика, и часто мерзким, очень властным человеком, какой представал на тренировках «Чикаго». «Nike помогла создать этот его публичный имидж», – отмечал Стек, добавляя, что в том, что видела общественность, была немалая доля правды. «Майкл рос в хороших условиях и получил хорошее воспитание. Джеймс и Делорис проделали колоссальную работу. Но когда он переключался на свой соревновательный режим, он мог резко перемениться. За пределами площадки он был одной из самых обаятельных и харизматичных фигур за всю историю спорта. По этой части я бы приравнял его к Мохаммеду Али. Он был приятным и почтительным, всегда знал, что нужно сказать и в какой момент. Но когда он переключал свой тумблер в режим соревнования, он мог вырвать тебе сердце и съесть его у тебя на глазах».

Часть X
Ярость

Глава 33
Карнавал

Наказанные, загнанные и постоянно терроризируемые Джорданом игроки «Буллз» вырвались из тренировочного лагеря до предела заряженные адреналином, а Деннис Родман со своими разноцветными волосами стал для команды не просто дорогой, но ненужной побрякушкой сродни фигурке на радиаторе авто, а чем-то гораздо, гораздо большим. Одной его энергетики и энтузиазма хватило для того, чтобы мгновенно сделать команду сильнее. То, как он пачками собирал подборы в нападении, сделало процент реализации бросков команды ненужной и неактуальной статистической мелочью. Его партнеры, казалось, были уверены в том, что, если они вдруг смажут бросок, сумасшедший Червяк, размахивая кулаками, обязательно прорвется к мячу и даст им вторую попытку попасть в кольцо. Он очень убедительно это доказал в первой же предсезонной игре, сделав десять подборов.

«Как только он получше узнает своих партнеров на площадке и начнет играть с большей регулярностью, он будет сверкать», – осторожно предсказывал Джордан. Джексон ожидал того же.

«Первая предсезонная игра в году, – вспоминал Джек Хэйли, – Деннис выходит на паркет, Деннис швыряет мяч на трибуны и получает фол за задержку игры, кричит на судью и получает технический. Первое, что я делаю, – смотрю на скамейку, чтобы увидеть реакцию Фила Джексона. Фил посмеивается, потом наклоняется к ассистенту Джимми Климонсу и говорит: «Боже, он напоминает мне меня самого».

Толпы болельщиков на трибунах «Юнайтед-центра» моментально без памяти влюбились в его клоунский, дурашливый подход к игре, и в конце каждого матча получали от него награду за теплое отношение в виде пропитанной потом игровой майки, которую он снимал с себя и швырял им перед тем, как удалиться в раздевалку, сверкая голой грудью. Болельщицы отвечали ему тем же. Каждый раз, когда он оказывался в каком-нибудь из баров города, женщины как по команде задирали блузки и показывали ему свои груди. Казалось, что с ним Чикаголенду просто суждено открыть для себя в этом сезоне новые баскетбольные высоты.

До сей поры Родман вел себя так, словно никаких границ для него не существовало, но присутствие рядом Джордана моментально обозначило ему пределы дозволенного. Пресса

неустанно судачила о том, как Фил Джексон будет справляться с Родманом, но Джексон мог расслабиться, потому что Джордан делал в этом отношении всю работу за него.

Лэйси Бэнкс любил давать прогнозы, некоторые из которых оборачивались для него публичными унижениями. По ходу предсезонки той осенью он предрек, что «Буллз» завершит регулярку с 70 победами в активе. Как по команде Джордан в первой же игре сезона, против «Шарлотт Хорнетс» в «Юнайтед-центре», набрал 42 очка и принес своей команде победу, придав ей мощнейший импульс и задав тон на остаток кампании.

К сожалению, в матче-открытии имела место и крайне некрасивая история конфликта, разгоревшегося между Хуанитой Джордан и членами семьи ее мужа, делившими с ней VIP-ложу. Хуанита развлекала своих родственников и друзей, находившихся в другой части ложи, в то время как Джорданы, собравшиеся вместе, наслаждались обществом друг друга, но, всей видимости, что-то в их поведении оскорбило Хуаниту. Сис вспоминала, как сильно была удивлена гневной тирадой золовки, раскритиковавшей родственников мужа в конце вечера. Делорис Джордан и ее дети сочли, что произошло какое-то нелепое недоразумение. Но на следующее утро Майкл позвонил матери и гневно ее отругал. Он выразил возмущение тем, что семья посягнула на его душевное спокойствие.

Хотя истинная причина конфликта была неясной – скорее всего, он стал следствием накопленного сторонами недовольства друг другом, – он положил начало периоду охлаждения в отношениях Джордана с матерью, братьями и сестрами. В какой-то момент он сменил замки на дверях офиса Фонда Джеймса Р. Джордана, чтобы закрыть матери доступ туда. Дальнейшее напряжение начало нарастать после истории с парфюмом: Ларри начал прорабатывать план выпуска одеколона под брендом Джордана. Майкл был в курсе деятельности своего брата, но все равно начал сотрудничество с известными посредниками из парфюмерной индустрии через своих агентов, чтобы самостоятельно выпустить линейку своих духов. Впоследствии Майкл проинформировал брата о своих планах, но это случилось уже после того, как Ларри потратил немало времени и денег на проработку идеи. Новости сильно подкосили старшего брата, а Делорис Джордан пришла в бешенство, узнав о поступке своего знаменитого сына. Майкл предложил брату роль в своем парфюмерном проекте, но, пожалуй, это стало слабым утешением для семьи, напряжение в которой поступательно нарастало с тех пор, как умер Джеймс Джордан. Однако было очевидно, что Майкл усвоил урок, полученный в связи с фиаско магазинов

Flight 23. Он не хотел вести бизнес со своей семьей.

Драмы личного характера вроде этой вкупе с судебным процессом над двумя молодыми людьми, которым предъявили обвинения в убийстве Джеймса Джордана, во многом сформировали эмоциональный фон феерического сезона 1995/1996 г. Суд, апелляции и совещания присяжных тянулись месяцами и завершились только в марте вынесением двум подсудимым пожизненных приговоров. На протяжении большей части процесса спортивные СМИ уважительно относились к нежеланию Джордана высказываться по поводу судопроизводства, а посему неприглядные обстоятельства дела месяцами муссировались на страницах газет, где они соседствовали с восторженными статьями, посвященными подвигам «Буллз» по ходу выдающегося сезона.

> В гневной отповеди матери Джордан выплеснул копившиеся месяцами гнев и разочарование.

С ранних лет жизни Джордан всегда искренне любил свою семью. Но со временем становилось все очевиднее то, что молодые убийцы, лишившие жизни его отца, отняли что-то сокровенное и у него самого. Семьи жертв убийц, как правило, переживают глубокую эмоциональную перестройку и коренным образом меняются, пережив столь печальный опыт, отчего им часто становится тяжело ассоциировать себя с кем-либо, включая и своих родственников. Отца Джордана не стало два года назад, это большой срок для человека, которого постигло горе, но основная тема конфликта по-прежнему была актуальной.

Отца Стива Керра, преподававшего в Американском университете Бейрута, тоже убили – он погиб от рук террористов, когда Керр учился на первом курсе Университета Аризоны. Джордан знал, что их с Керром объединяло нечто такое, с чем не сталкивался ни один другой игрок команды, однако ни разу за все годы совместной работы они не поднимали эту тему в разговорах друг с другом. Джордан вел самую публичную жизнь, какую только можно было вести, но при этом на личном фронте был вынужден идти одним из самых тернистых и сложных путей, какой только может выпасть на долю человека.

«Эта тема была очень личной для него, он не затрагивал ее даже с партнерами, – говорил Керр. – Я скажу, что за пять лет игры с Майклом мы с ним обедали считаное количество раз, и я сейчас говорю не о командных обедах или перекусах в самолете. Я про выход в свет с командой и совместный ужин в неформальной обстановке. Майкл каждый вечер проводил в своем номере. Он был заложником собственной жизни. Раз или

два в год мы оказывались в одном ресторане, за одним столом в компании пяти-шести партнеров по команде, но я никогда не завтракал и не обедал с ним наедине. Просто такого ни разу не случалось по причине того, что он жил в своем собственном мире. С каждым из остальных партнеров у меня были очень личные моменты, когда мы могли обсудить какие-то вещи… в интимной обстановке. Но у меня никогда, ни разу за все время не было возможности поговорить так с Майклом и затронуть эту тему. Поскольку, несмотря на свой статус лидера команды, доминирующей фигуры в коллективе, он всегда был несколько в стороне от остальных».

Времени, чтобы обдумать и обсудить сложившуюся ситуацию, было минимум, так как их ждал самый яркий и блестящий сезон из всех. Единственным облегчением в команде Джексона / Джордана было то, что иерархия в ней была быстро и четко обозначена с самого начала. На позиции центрового в команде играл Лонгли, который, казалось, жаждет доказать свое право выходить в стартовой пятерке, а Биллу Веннингтону было вполне комфортно в роли запасного. Джеймс Эдвардс, 39-летний экс-игрок «Пистонс», обеспечивал команде дополнительную глубину под кольцом.

«Было достаточно странным приходить в команду после всех тех битв, что у нас были с этими парнями», – вспоминал Эдвардс, которому тоже было любопытно увидеть, как Джордан примет Родмана. «Но Майкл, казалось, питает большое уважение к Деннису. До тех пор, пока он делал на площадке то, что должен был делать, Майкл был доволен, а остальное его не волновало».

Также Краузе привел в команду Рэнди Брауна, который должен был стать заменой Керра в задней линии «Буллз». Со скамейки выходили Джад Бюхлер, Дики Симпкинс и первый пик на драфте Джейсон Кэффи из Университета Алабамы. Другим элементом командного сочетания был Тони Кукоч, неохотно соглашавшийся на роль «шестого» игрока или третьего форварда. Он хотел выходить с первых минут, но его место в стартовой пятерке отошло Родману.

Однако едва Родман начал обживаться в составе «Буллз», как травма икроножной мышцы выбила его из строя на целый месяц. Несмотря на это, команда выдала на старте пять побед подряд, показав лучший старт сезона в своей истории. Если ранний успех и породил в головах игроков «Чикаго» некоторое самодовольство, то команда «Орландо Мэджик» быстро это исправила в шестой игре сезона, когда «Буллз» как раз представляла на суд общественности свою новую гостевую униформу – черную в красную полоску. Защитник «Орландо» Пенни Хардуэй переиграл

Джордана в тот вечер и принес «Мэджик» важнейшую домашнюю победу. «Буллз» отреагировала на поражение двумя победами в Чикаго, после чего катком прошлась по командам с Запада, выиграв шесть из семи выездных матчей в ходе турне по западным городам. Открывалось оно игрой в Далласе, где «Чикаго» для победы 108: 102 потребовалось дополнительное время овертайма и 36 очков от Джордана (набравшего шесть из 14 последних очков «Буллз» в матче).

«У нас очень агрессивный баскетбольный клуб, очень самоуверенный, – сказал после матча Джексон. – Думаю, что люди удивлены нашей игрой и отношением к делу, а может, команды попросту не справляются с нашей ротацией габаритных центровых. Благодаря им у меня есть доступные варианты в нападении, из-за чего мы можем с ходу набирать много очков».

Турне по Западу они завершили в начале декабря победой над «Лос-Анд-желес Клипперс», по ходу которой Джордан набрал 37 очков. «Я чувствую, что вернул прежнюю форму, которая была у меня раньше, – сказал он, рассуждая о результатах первого месяца сезона. – Мои навыки никуда не делись. Уверенность вернулась. Теперь мне надо лишь выходить и показывать, на что я способен, каждый вечер».

В сезоны, предшествовавшие уходу в бейсбол, Джордан демонстрировал фантастическую реализацию бросков с игры – более 51,6 %, но в 17 сыгранных им матчах весной 1995 г. его показатели упали до 44,1 %. Теперь он подтянул их – 49,3 %. Его результативность также возвращалась в среднем к цифрам в +30 очков за игру, хотя в 1995-м он выдал худший отрезок за девять лет, забивая в общей сложности по 26,9. Лэйси Бэнкс составил график, в соответствии с которым Джордан должен был до конца сезона 1998 г. набрать 29 тыс. очков, что сделало бы его третьим в списке самых результативных игроков в истории лиги, после Уилта Чемберлена и Карима Абдул-Джаббара, лидировавшего с результатом в 38 тыс. и 397 очков.

Бэнкс спросил у него, не собирается ли он замахнуться на рекорд всех времен.

«Забудь про Джаббара, – ответил Джордан. – Ни за что в жизни я не отыграю 20 лет, даже близко».

«Он именно там, где я и ожидал его увидеть, – сказал репортерам Рон Харпер. – То есть в лидерах лиги по результативности. Он далеко оторвался от всех остальных. Больше не остается и тени сомнения в том, что он – величайший игрок в истории».

«В плане возраста думаю, что я стар, – говорил Джордан. – Но в плане мастерства, полагаю, по-прежнему способен играть в тот

баскетбол, в который хочу играть и в который всегда умел играть… Чаще всего люди просят меня сравнить двух игроков: того, который играл до ухода в бейсбол, и того, который вернулся в игру после. Говоря откровенно, считаю, что они одинаковы. Вопрос лишь в том, чтобы отразить это в статистике. И к концу года, надеюсь, вы увидите, что, несмотря на двухлетнюю разницу, я по-прежнему тот же игрок. Сейчас меня все так же сравнивают с Майклом Джорданом, и, если верить некоторым людям, я недотягиваю до стандартов Майкла Джордана. Но у меня самые высокие шансы стать им, потому что *я и есть* он. И со временем я становлюсь лучше, я эволюционирую».

Следующий шаг

Сезон также был отмечен приходом в лигу целой плеяды талантливых молодых игроков. Никто из них не считал, что им нужно изучать игру Джордана по видеозаписям, вспоминал атакующий защитник «Лос-Анджелеса» Брент Бэрри, потому что они росли, наблюдая за его игрой по телевидению. Но увидеть его воочию было совсем другим делом.

Той осенью к «Лейкерс» присоединился выпускник Темпла Эдди Джонс. «Когда я увидел Майкла выходящим на паркет, у меня мурашки побежали по коже, – вспоминал он. – Я знал, что он будет играть против меня. Я знал, что с каким бы игроком он ни столкнулся, он будет атаковать и не отступится… Когда Майкл выходил против кого-нибудь, кто имел репутацию сильного защитника, он распалялся. Он просто хотел выйти и порвать тебя в первой же четверти. В этом проявляется его спортивная натура. Он жил этим. Он хотел показать тебе: «Эй, все эти люди говорят, что ты у нас защитник. Я хочу показать им, насколько хорошо ты защищаешься».

Джерри Стэкхауз, первогодок из Северной Каролины, выучил этот горький урок после того как похвастался в прессе, что сможет сдержать Джордана, – такое мнение основывалось на летних дуэлях между ним и Майклом, которые случились в Чапел-Хилл перед стартом сезона. «Никто в этой лиге не сможет меня остановить, даже Майкл Джордан», – сказал он репортеру, писавшему статью для утренних газет Филадельфии. Тем вечером Джордан доказал обратное, набрав 48 очков, а Стэкхаузу позволил сделать лишь жалкие девять.

«Это было очень хладнокровно», – сказал Джулиус Ирвинг, смотревший игру с трибун.

Позже в том же сезоне Джордан набрал 53 очка, выступив

против самой раскрученной молодой звезды лиги Гранта Хилла, игравшего под началом Дага Коллинза. Коллинз сразу же увидел разницу между двумя игроками. «Грант больше нацелен на то, чтобы понравиться болельщикам и порадовать их своей игрой, – сказал бывший тренер Джордана. – Майкл же просто перережет вам глотку».

Команда «Чикаго» показала результат в 12–2 в ноябре, а в декабре выдала 13–1 и тем самым положила великолепное начало сезону, добившись суммарно 25 побед при трех поражениях. В течение месяца с конца ноября по конец декабря «Буллз» одержала 12 побед подряд, а с начала нового, 1996 г., выдала 18-матчевую победную серию. С каждой победой все активнее шли спекуляции на тему того, сможет ли «Чикаго» одержать 70 побед и превзойти рекорд всех времен по числу побед в регулярном сезоне, установленный в 1972-м «Лос-Анджелес Лейкерс», финишировавшей с результатом в 69–13. Джерри Уэст, вице-президент «Лейкерс» по баскетбольным операциям и бывшая звезда команды клуба 1972 г., сказал, что только травмы могут помешать «Буллз» выиграть 70 матчей в сезоне.

«Я равняюсь на «Селтикс» образца 1986-го, когда у них в составе были Билл Уолтон и выходивший со скамейки Кевин Макхейл, – говорил Джордан, пытаясь проводить параллели между своей командой и другими известными коллективами. – С теми парнями было трудно сладить. Они играли вместе долгое время. Мы только начинаем учиться играть вместе, те же ребята делали это продолжительное время. Они знали друг о друге все, каждую руку и ногу своего партнера, вплоть до кончиков пальцев. Мы дошли пока только до пальцев».

Джордану указывали, что у большинства великих команд NBA в составе имелся доминирующий под кольцом защитник, который умел тормозить соперников в «краске». «У нас такого зверя в команде нет, – признавался он. – Но я полагаю, что Пиппен в состоянии компенсировать нехватку такого игрока. Не думаю, что у какой-либо из тех команд, кроме разве что «Бостон Селтик» 1986-го, был столь же универсальный и одинаково полезный в защите и нападении легкий форвард, каким является Скотти Пиппен».

Тем временем Текс Уинтер начал беспокоиться, что сосредоточенность Родмана на выигрыше титула лучшего игрока лиги по подборам может подорвать структуру командной игры. Помимо этого, Уинтера интересовало, действительно ли Родман в состоянии управлять своими эмоциями. Но с каждой игрой, с каждой поездкой на очередной гостевой матч экс-игрок «Пистонс» начинал все лучше понимать своих партнеров. «Деннис был

особенным, – вспоминал, смеясь, Керр. – Деннис хотел быть ближе к нам, но не всегда знал, как это можно сделать. Он был таким застенчивым. В итоге случилось так, что… с Деннисом сдружились белые ребята, потому что он любил слушать Pearl Jam и Smashing Pumpkins. Мы с ним ходили на концерты… И в конечном счете Деннису стало гораздо комфортнее в обществе белых ребят, чем в окружении чернокожих. Нам точно было с ним комфортно, мы время от времени выбирались куда-нибудь, проводили шумную ночку и веселились от души. Так мы укрепляли наши отношения».

Родман становился все ближе к Джордану и Пиппену на площадке, и по мере этого «Буллз» начинала превращаться в мощную защитную единицу. Там, где Родману не хватало роста, он компенсировал эту нехватку физической силой, так как чуть ли не круглыми сутками тягал веса в спортзале. Соперникам было очень тяжело перебороть его мускульную силу в борьбе под кольцом, вследствие чего команда «Чикаго» всегда могла рассчитывать на его поддержку в пространстве под щитом, и порой он даже близко не подпускал туда своих оппонентов. Когда соперникам нужно было продвинуть мяч вперед по площадке, то первое, с чем сталкивались защитники, был Джордан на первом рубеже обороны – его колени согнуты, тело опущено книзу, взгляд сосредоточен и как будто говорит: «Ну давай, я дам тебе шанс на джампшот. Бросай! О, да ты не хочешь?» По мере развития сезона становилось все очевиднее, что многие команды совсем ничего не хотели делать с «Чикаго».

Во время впечатляющего старта «Буллз» играла с оппонентами в поддавки первые две или три четверти, после чего начинала демонстрировать всю свою мощь и убедительно решала исход игры в концовке. Когда команда вихрем пронеслась через январь, выиграв 14 матчей и не проиграв ни одного, Джексон начал открыто рассуждать о необходимости дать игрокам отдых и пожертвовать парой побед, чтобы немного сбавить обороты. Казалось, он боялся, что команда может настолько пресытиться победами в регулярном сезоне, что у нее не останется энергии к матчам плей-офф. «На самом деле можно легко лишить команду ритма, прибегнув к ротации, чтобы основные игроки отдыхали, а запасные выходили со скамейки, – объяснял он. – Я обдумываю это».

Джордан не хотел участвовать в этой затее. Его концентрация была нерушимой. Завороженный его игрой Джулиус Ирвинг взял у него интервью для телевидения, во время которого спрашивал о произошедших с годами изменениях в его подходе к игре. «В ментальном плане, в плане знаний о баскетболе, я стал сильнее, –

отвечал Джордан. – В физическом плане я, быть может, утратил прежние скорость и проворство. Но ментальные факторы могут преобладать над физическими. Я уже не могу прыгать к кольцу с линии штрафного, как делал это раньше».

«Кажется, что ты работаешь только в той зоне, которая зарезервирована исключительно для тебя, – сказал ему Ирвинг. – Каково тебе там, Майк?» «Такое чувство, что каждый шаг, каждое движение, каждое принятое решение – верные», – ответил Джордан.

Джордан «поймал момент», как выразился Джордж Мамфорд. Время от времени в зоне мог появиться любой игрок, но Джордан, казалось, обосновался там перманентно. Он трансформировал свою игру в комбинацию маневров спиной к сопернику и джамшотов со средней дистанции, защищаться против которых соперникам было очень непросто. Он стал мощным орудием для игры под щитом, почти что как огромный центровой, который может постоянно атаковать корзину. Он играл так, несмотря на дискомфорт, который доставлял ему тендинит в коленях, вынуждавший его накладывать на них лед перед матчами, а иногда и пропускать тренировки.

В середине февраля он набрал 44 очка в игре против «Пэйсерс», чуть-чуть опередив по результативности Пиппена, сделавшего 40 очков. Мэтт Гукас, работавший сокомментатором на игре, отмечал, что Элджин Бэйлор и Джерри Уэст, два величайших снайпера баскетбольного мира, выдавали нечто подобное лишь раз или два. Все больше и больше Пиппен и Джордан превращались в идеальный тандем. Почти в каждой игре того сезона Джордан из раза в раз уходил к лицевой, и Гукас отмечал: «Одно из правил игры против Джордана гласит: никогда нельзя давать Майклу проходить в лицевую». Неудержимая машина «Буллз» пронеслась через февраль с результатом в 11–3. И хотя в марте Родман ненадолго прервал свои выступления за команду, получив шестиматчевую дисквалификацию за удар головой арбитра, это не помешало «Буллз» закончить месяц с результатом 12–2.

> Семьдесят побед в сезоне, которые предрекал команде Лэйси Бэнкс, начали казаться все более достижимой целью.

«Больше всего меня поражает в этой команде то, – говорил Джек Хэйли, – что, несмотря на присутствие в команде Майкла Джордана, величайшего игрока в истории, Денниса Родмана, знаменитейшего мастера подборов во всей лиге, и Скотти Пиппена, самого, наверное, ценного игрока этого сезона, сильнее

всего меня поражает наша трудовая этика и лидерские качества, которые привносят на паркет эти трое изо дня в день. С учетом всех их регалий, огромных доходов, выигранных чемпионатов, всего того, что у них есть, хочется спросить, что же мотивирует их, помимо цели, выиграть еще один титул? Сколько месяцев осталось до этой победы? А ведь эти ребята сфокусированы на цели уже сейчас».

Предвкушая значимое событие, Родман покрасил часть волос в цвет блонд, а часть – в красный цвет, образовывавший закрученную полоску на его голове. Потом, в преддверии исторической недели, перекрасился в розового фламинго. Семидесятая победа в сезоне была одержана командой в Милуоки, во вторник 16 апреля, а закончила «Буллз» регулярный сезон гостевой победой над «Вашингтоном», установив окончательный результат сезона, 72–10.

В первом раунде плей-офф команда быстро разобралась с «Майами Хит», потратив на это три игры. Далее случился реванш с «Никс», игрокам которой удалось одержать победу в родных стенах в овертайме, но Джордана этот факт оставил равнодушным. В пятой игре в Чикаго он набрал 35 очков и прикончил «Нью-Йорк»: 4–1 по итогам серии. После одного из последних своих попаданий он, отступая назад к своей корзине, помахал рукой, «прощаясь» с фанатом «Никс» Спайком Ли, который сидел около боковой линии с полотенцем, наброшенным на плечи. «Я всегда имел репутацию игрока, способного прикончить команду соперника», – сказал после игры Джордан.

Чтобы подготовить команду к встрече с «Орландо», Джексон включил в скаутский отчет по «Мэджик» кадры из «Криминального чтива», а именно историю о двух наемных убийцах. Игроки уловили его посыл. Родман не давал Хорасу Гранту набрать ни единого очка на протяжении 28 минут первой игры серии, после чего форвард «Орландо» травмировал плечо и выбыл из строя на целый год. Встреча двух лучших команд лиги завершилась с унизительным для «Орландо» счетом 121: 83 – «Мэджик» отстала в счете аж на 38 очков.

Комиссар NBA Дэвид Стерн вручил Джордану трофей MVP лиги перед игрой. «Ты по-прежнему задаешь стандарт в величии, преданности делу и лидерских качествах», – сказал он.

К перерыву второй игры команда «Чикаго» уступала сопернику 18 очков. Джексон зашел в раздевалку и сказал, что «Мэджик» играет ровно настолько, насколько позволяют ей «Буллз». И правда, «Буллз» весь сезон играла с соперниками в кошки-мышки. После перерыва она взялась за дело, пустив некогда грозный «Мэджик» под откос. «Парни вроде Майкла и

Скотти чуят запах крови, – сказал репортерам Керр после матча. – А стоит им почуять его, они тут же готовы убивать».

Самым странным зрелищем в финале Конференции было противостояние Родмана и массивного Шакила О'Нила: в одном из эпизодов Червяк повис на бедре огромного центрового «Орландо» и поднял его в попытке заблокировать бросок. Сидевший неподалеку от боковой Брендан Мэлоун, приехавший на игру в качестве скаута, дивился тому, что привнес в игру «Буллз» Родман и как адаптировал свою игру Джордан.

Команда «Орландо» проиграла четыре игры кряду, что стало убедительным ответом от Джордана на неудачу годом ранее. «Он – самый лютый парень из всех, кто когда-либо надевал баскетбольные кроссовки», – сказал Ник Андерсон о Джордане после того, как тот набрал 45 очков в четвертой игре, довершив тем самым свип. Доктор Джек Рэмси, бывший тренер, ставший аналитиком, отметил, что звезда «Буллз» сделала этот успех возможным за счет того, что полностью погрузила себя в командную игру.

«Сиэтл»

В течение девяти дней вынужденного отдыха «Буллз» нервно ожидала, пока «Сиэтл» преодолеет сопротивление своих соперников по Западной конференции и выйдет в финал. Финальная серия NBA 1996 г. открывалась 5 июня, и, согласно котировкам букмекеров, «Буллз» была фаворитом противостояния с командой «Соникс», одержавшей впечатляющие 64 победы по ходу регулярного сезона – их шансы расценивались как десять к одному. Единственным поводом для беспокойства Джордана был приближавшийся День отца. Он помнил, что, когда в последний раз был участником финальной серии – три года назад, – его семья, включая и отца, праздновала вместе с ним выигранный титул в номере отеля в Финиксе. Этот важный день приближался, а в семье по-прежнему ощущались симптомы раскола, хотя мать все так же прилагала усилия к тому, чтобы поддерживать Майкла. Накануне первой игры серии леди Ди прибыла в Чикаго с визитом, чтобы в Филдовском музее естественной истории открыть благотворительное мероприятие по сбору средств на нужды медицинских учреждений. Делорис Джордан, большая поклонница Дианы, металась не в силах выбрать между двумя наложившимися друг на друга событиями. Она очень хотела присутствовать на ужине при свечах и с танцами, а потому облачилась в вечернее платье и приехала на ужин с принцессой,

после чего переоделась и пулей рванула через центр города на стадион, чтобы посмотреть игру сына. «Я знаю, что Майкл ожидает моего приезда», – объясняла она.

NBA аккредитовала примерно 1600 журналистов со всех уголков земного шара, которые должны были освещать финальную серию в СМИ. Как это обычно бывало в случае перформансов Джордана на паркете, серию собирался смотреть весь мир, тем более что теперь у Майкла был новый партнер в лице Родмана, вновь сменившего свою прическу: на сей раз на его голове красовались разные иероглифы и символы, выполненные в красном, зеленом и синем цветах. Репортеры поинтересовались у Джордана, может ли он, как раньше, взлетать и делать данки, что сделали его таким знаменитым, теперь, когда его игра состоит по большей части из джамшотов и работы спиной к кольцу? «Могу ли я взлетать, как прежде? Не знаю, – сказал он. – У меня не было возможности попробовать взлететь, потому что игроки защиты соперников больше не опекают один на один. Но, честно говоря, думаю, что уже не могу… Мне нравится не знать, могу ли я это сделать, потому что так по-прежнему считаю, что могу. До тех пор, пока я верю, что могу что-то делать, остальное не важно».

Тренер «Сиэтла» Джордж Карл нанял Брендана Мэлоуна, чтобы тот подготовил скаутский отчет по «Буллз» за время матчей плей-офф в надежде, что он поможет им применить на практике знаменитые правила игры против Джордана. Перед открытием финальной серии Мэлоун и Чак Дэйли натолкнулись на Джордана в коридоре стадиона. «Майкл проходил мимо меня, – вспоминал в интервью 2011 г. Мэлоун. – Он был расстроен, потому что у меня были знания, которые могли помочь «Сиэтлу» лучше защищаться против него».

«Вам не победить меня», – резко сказал он Мэлоуну.

«Он был вне себя, – вспоминал Мэлоун. – Чак посмотрел на меня и сказал: – «Ты его расстроил».

«Нужно попытаться соответствовать уровню их интенсивности, – говорил тогда репортерам Мэлоун. – Забудьте иксы и игреки. Они попытаются с ходу вырезать вам сердце, с первых же секунд первой четверти».

Он был прав и не прав одновременно. Джордан определенно собирался атаковать, но исход серии зависел также от персональных дуэлей. В первой игре серии Джордж Карл отрядил немца Детлефа Шремпфа, ростом в 208 см, играть против Джордана, и сделал это с прицелом на двойную опеку: как только Джордан опускался бы под кольцо, на помощь к Шремпфу должен был приходить защитник Херси Хокинс. Это было огромным просчетом. Джордан набрал 28 очков, а в целом «Буллз» показала

впечатляющий баланс в плане результативности, так как Пиппен набрал в той же игре 21 очко, Кукоч – 18, Харпер – 15 и Лонгли – 14. Позже Карл отрядил опекать Джордана Гэри Пэйтона, лучшего защитника года в NBA, но было уже слишком поздно. В четвертой четверти защита «Буллз» вынудила соперников совершить семь потерь, и к тому же воспрял Кукоч, набравший десять очков и обеспечивший «Чикаго» уже ставшую традиционной для команды мощную концовку. «Буллз» получила преимущество в серии, победив 107: 90.

Во второй игре команда «Чикаго» сделала бросков с реализацией в 39 %, но такой процент означал лишь, что Родман совершил больше подборов, только и всего. Он завершил игру с 20 подборами, 11 из которых были в нападении – тем самым он сравнялся с рекордом финальных серий. Джордан испытывал трудности по ходу матча, но все равно настрелял 29 очков. А защита «Буллз» вынудила «Соникс» совершить 20 потерь, включая целую их серию за трехминутный отрезок третьей четверти, в течение которого «Чикаго» увеличила свой отрыв в счете с 66: 64 до 76: 65.

Джордан был разозлен тем, что Кукоч не рисковал бросать, предпочитая отдавать мяч партнерам. «Ты что, боишься? – насмехался он над Кукочем. – Если да, то садись на лавку. Если вышел бросать, то бросай».

Кукоч забросил два трехочковых, и несколько мгновений спустя Джордан вознаградил его за это пасом на слэм-данк, после чего «Буллз» взяла победу в матче, 92: 88 – вторая игра тоже осталась за ней. Поскольку у Харпера были проблемы с болями в колене, Джексон и Уинтер сочли, что в следующие три игры на площадке «Сиэтла» «КиАрене» их ждет тяжелая борьба. Но на третью игру игроки «Соникс» вышли странно подавленными. Так как место Харпера в стартовой пятерке занял Кукоч, «Буллз» стала уязвима в плане защиты, но зато ей с ходу удалось компенсировать это мощным нападением. Благодаря 12 очкам Джордана «Буллз» ушла в отрыв к концу первой четверти, 34: 12. К перерыву отрыв увеличился, 62: 38. Джордан завершил игру с 36 очками в активе, но большим сюрпризом стали 19 очков Лонгли, у которого не слишком шла игра во втором матче серии. На вопрос, что же так переменило игру мощного центрового его команды, Джексон ответил так: «Хорошая вербальная трепка от каждого человека в клубе. Я не думаю, что на кого-нибудь хоть когда-нибудь нападало разом такое количество людей, как на Люка после пятничной игры. Текс устроил ему нагоняй так же, как и Майкл. Последние несколько дней я пытался вернуть ему прежнюю уверенность в себе».

Команда «Чикаго» уверенно шла к свипу, и очередная победа могла довести ее результат в плей-офф до 15–1, что стало бы самым успешным результатом по числу побед в плей-офф одного сезона за всю историю NBA. В следующие два дня тренировки «Буллз» проходили в атмосфере предвкушения коронации, пока пресса суетливо искала в истории NBA другие великие баскетбольные команды, с которыми можно было бы сравнить «Чикаго». Аналитик ESPN Джек Рэмси отметил, что «Буллз» вполне может считаться величайшей командой всех времен в плане игры в защите. «Лучшие защитники в игре – это Джордан и Пиппен, – сказал он. – Они такие неуступчивые! В каждом матче серии плей-офф они отрывают от соперника по кусочку, а потом он оказывается на паркете совершенно голым и обобранным до последней нитки. Это унизительно».

Ключом к задору и напористости «Буллз» был Джордан. Рэмси говорил: «Он настолько неутомимый соперник, что благодаря ему на уровень выше становится каждый игрок, находящийся рядом с ним. Я наблюдал за Стивом Керром, в прошлом имевшим репутацию небольшого фаната игры в защите, но считавшегося умелым позиционным снайпером. Посмотрите на него теперь, он играет в защите, создает проблемы каждому, против кого оказывается, действует очень агрессивно. Да, соперники могут обыграть его, но он не будет уклоняться от обязанностей защитника. Теперь он сам ведет мяч на площадке и сам создает себе возможности для бросков. Такого он никогда прежде не делал. Влияние Майкла на всех этих игроков огромно».

Перед четвертой игрой серии Джордж Карл, также выступавший за Каролину под началом Дина Смита, осознал, что приложил недостаточно усилий для того, чтобы сдержать Джордана и оттеснить его от корзины. Тогда он решил вызвать в Сиэтл Тэсси Демпси, 30 лет проработавшую поваром в «Тар Хиллз» и готовившую для баскетболистов. Ее присутствие должно было взбодрить игроков «Соникс». Джордан был шокирован, увидев ее перед игрой в тот четверг. Он спросил: «Мама Ди, что ты тут делаешь?» «Я приехала поддержать Джорджа», – ответила она. К Джордану, который не мог поверить своим ушам, подошла жена Карла и сказала: «Майкл, мама Ди – наш талисман, приносящий удачу».

Всегда суеверный Джордан сказал ей: «Тогда ты поедешь домой, мама Ди. Если ты приносишь удачу им, тебе просто придется уехать домой».

Гэри Пэйтон, впрочем, оказался куда более серьезной проблемой для Майкла Джордана, чем мама Ди. Большую часть времени в серии Пэйтон был занят опекой Пиппена, но Карл

увидел, что в нескольких отрезках третьей игры Пэйтон эффективно противостоит Джордану, а потому на четвертую игру перевел его в защиту против Майкла. Рона Харпера одолевал болезненный тендинит, из-за чего Джордану приходилось больше времени тратить на опеку Пэйтона. Внезапно «Чикаго» лишилась ключевого элемента своей защитной игры – прессинга мяча. Без Харпера Джордан и Пиппен не могли свободно перемещаться и создавать хаос. «Соникс» решила исход встречи, молниеносно уйдя в отрыв во второй четверти, а команда «Чикаго» так и не сумела за ними угнаться. Раздосадованный успешной игрой Пэйтона, противостоявшего ему, Джордан яростно отругал как своих партнеров, так и арбитров матча. В середине четвертой четверти был свисток рефери Джордану за двойной дриблинг. У него случилась вспышка гнева, он даже топнул ногой, явно взбешенный произошедшим. Несколько минут спустя Майкл вышел из игры, реализовав лишь шесть из 19 своих бросков, а в заключительные минуты матча свирепо рычал на всех вокруг, пока сидевший рядом с ним Пиппен смеялся и обнимал его за плечи. Пэйтон выполнил свою работу, и болельщики «Сиэтла» призадумались: а что произошло бы, если бы Пэйтон начал защиту против Джордана раньше, в предыдущих матчах серии?

Харпер вновь сел на скамейку на пятую игру серии. Получив второй шанс поставить точку в серии, «Буллз» забуксовала, отстала в счете, потом отыгралась, но лишь для того, чтобы повторно уступить сопернику, уже окончательно, 89: 78. Серия чудесным образом переносилась обратно в Чикаго. «Радость шестого матча» – гласили заголовки сиэтлских газет на следующий день.

Джордан был очень рассержен тем, что команда не сумела закрыть серию победой. Запасной центровой «Буллз» Джеймс Эдвардс во время плей-офф завел привычку захаживать к Джордану в номер, чтобы раскурить послематчевую сигару с Ашмадом Рашадом и самим Джорданом, у которого всегда с собой был дипломат, заполненный превосходными сигарами на любой вкус. В номере обычно происходило что-нибудь интересное, вспоминал Эдвардс. Но когда он зашел в номер после пятой игры, его поразило неистовое бешенство Джордана. «Я никогда не видел его таким раздосадованным прежде. Он все повторял: «Мы должны были победить сегодня. Серия уже должна была закончиться». Я сказал ему, что мы добьемся победы дома. Он и слышать об этом не хотел. Все повторял, что серия должна была уже закончиться».

Год он завершал так же, как начинал, – демонстрируя всем свои резкие, колючие эмоции. Он хотел окончить серию как

можно скорее, чтобы сбросить с себя невероятную нагрузку, которая легла на его плечи после решения о возвращении в баскетбол. Матчи за чемпионство не вошли в число лучших его перформансов. С игры он попадал лишь в 41,5 % случаев, а в среднем по ходу серии набирал по 27,3 очка за игру, что было существенно ниже его собственного показателя в 36 очков в среднем за время матчей плей-офф. Но у его гнева и разочарования была и другая причина: он хотел, чтобы серия завершилась до наступления Дня отца. «Я всегда о нем думаю», – говорил он.

В воскресенье, в День отца, случилась шестая игра серии. Джордан ощутил огромный прилив эмоций и решил посвятить игру памяти своего отца. В тот день толпа болельщиков в «Юнайтед-центре» громогласно встречала каждый его шаг и дольше обычного аплодировала ему во время представления состава. Казалось, что звуковые волны сжимаются, а потом стремительно распрямляются, подобно взрыву, когда диктор Рэй Слэй представлял его, начиная со слов «Из Северной Каролины…» Стоявшие у боковой игроки «Соникс», напряженно двигавшие челюстями, пережевывая жвачку, наблюдали за происходящим. Публика взорвалась вновь спустя считаные мгновения после вбрасывания спорного мяча, когда Пиппен рванул к кольцу и, «зачерпнув» рукой из-под защитника, подбросил мяч в корзину, открыв счет. С возвращением Харпера вернулся и прессинг «Буллз», и игроки команды принялись снова и снова разрывать «Соникс». Харпер отыграл 38 минут; каждый раз, когда он брал паузу в игре, ассистент тренера опрыскивал его колено анестезирующим спреем. Вдохновленный присутствием в игре Рона Пиппен потащил «Буллз» за собой и в первой четверти набрал семь очков, сделав два перехвата, чем помог «Чикаго» захватить лидерство, 16: 12. Чтобы окончательно решить вопрос о победителе, «Буллз» выдала отрезок в 19 набранных очков против девяти у «Соникс» в третьем периоде, который завершился прорывом Родмана к кольцу после паса Пиппена: Деннис забросил мяч, исполнив аккуратный бросок крюком, а потом поднял сжатые кулаки к небу, чем вызвал еще один взрыв восторга публики. Трибуны загрохотали еще громче после того, как он своим точным броском со штрафного установил счет 62: 47. Джексон продержал Джордана на скамейке на протяжении большей части третьей четверти, чтобы Майкл был свеж и полон сил для контрольного выстрела в четвертой. Но Джордан был разбит эмоционально, ему каждый раз приходилось сталкиваться сразу с двумя опекунами, и поэтому импульс команде придавали другие игроки, в частности Тони Кукоч, забросивший

трехочковый с угла (счет стал 70: 58), и Керр, забивший еще одну «трешку» за 2 минуты 44 секунды до конца. После этого весь стадион заходил ходуном, казалось, что народ танцует в ритм «Whoomp! (There It Is)». За 57 секунд до конца Джордан швырнул мяч Пиппену и тот забросил последнюю «трешку» в матче; мгновения спустя, в последнее владение этого, бесспорно, исторического сезона, Джордан прошел на дриблинге к середине площадки, а затем уступил Пиппену право исполнить последний бросок, но у того получился эйр-бол – мяч даже не долетел до корзины.

> Вырвавшись из объятий Джексона после финальной сирены, Джордан присоединился к безумной драке за игровой мяч.

Некоторое время он боролся на полу с Рэнди Брауном. А потом сбежал, крепко стиснув руками мяч за головой, и исчез в раздевалке, где надеялся спрятаться от камер NBC. Убежище он нашел в комнате тренера, где рухнул на пол и зарыдал от радости и боли, нахлынувшей от воспоминаний об отце.

«Я сожалею, что отсутствовал 18 месяцев, – сказал он после того, как его признали MVP финала NBA. – Я счастлив, что снова в команде, счастлив, что вернул чемпионский титул в Чикаго».

Потом игроки запрыгнули на стоявший у боковой секретарский стол, чтобы исполнить победную джигу в благодарность болельщикам – прямо как в 1992-м, когда в последний раз привозили в Чикаго заветный трофей. С ними был и Родман, уже успевший сорвать с себя майку.

«Думаю, что мы можем считать себя величайшей командой всех времен», – удовлетворенно произнес Пиппен.

«На дворе 90-е, но они играют в том же духе, как играли раньше, – говорил Джордж Карл. – Это ребята старой закалки. Я не могу судить эру Берда или эру Мэджика. То были великие команды, но у команды «Буллз» такой же менталитет, те же базовые ценности. Мне нравится их философия и то, как искренне они отдаются игре».

В миг эйфории от завоеванного чемпионства спортсмены и тренеры, как правило, предпочитают сдержанность. Зачем обещать еще одно чемпионство и взваливать на себя лишнее давление, способное истощить кого угодно? Почему бы не насладиться достижением, не окунуться в лучи славы, особенно если только что ты подвел итог, вероятно, величайшему сезону в истории игры? Но это никогда не было в стиле Джордана.

«Следующая цифра – пять», – сказал он с той же улыбкой, которая когда-то так очаровала Сонни Ваккаро.

Глава 34
Расплата

С боем проложив себе путь обратно на вершину, Джордан теперь стал свободным агентом и получил возможность исправить великую несправедливость и устранить несоответствие между своей зарплатой и зарплатами других ведущих игроков лиги. В «Буллз» переговоры по контрактам обычно провоцировали вспышки гнева и раздражения и часто заканчивались чьей-нибудь обидой. Богатство и известность не привили ни одному из игроков команды иммунитет от душевных ран. Ровно наоборот: чем большего размера эго, тем глубже ссадина.

«Лето – это такой период, когда в команде все начинает бурлить и извергаться стараниями Майкла, – отмечал тогда Стив Керр. – Мы выигрываем чемпионство, он поднимается на подиум и клянется, что мы попробуем выиграть его снова». Это привело менеджмент команды в бешенство. Керр заключил: «И лето началось бурно».

Казалось, что Райнсдорфа и Джордана всегда связывали крепкие отношения. Когда в 1990-е зарплаты игроков в лиге взлетели до небес, Джордан, по слухам, был несколько обеспокоен – и это было вполне понятно – тем, что его контракт приносил ему около 4 млн долларов в год, тогда как в лиге выступал десяток, если не больше, игроков куда меньшего масштаба, зарабатывавших вдвое больше этой суммы. В то же время он был слишком горд, чтобы заговаривать о пересмотре условий соглашения. Его ответом было стремление оправдывать подписанный контракт сполна, как подобает лучшему. Однако, когда он поспешно покинул баскетбол осенью 1993-го, народ, что было неизбежно, принялся перешептываться о том, что одним из мотивов такого поступка мог быть его контракт.

«Буллз» продолжала платить Джордану, пока он был «на пенсии», что, по свидетельству одного из близких к Райнсдорфу людей, было жестом преданности Джордану со стороны владельца. Более циничные наблюдатели отмечали, что, продолжая платить Джордану, команда сохраняла открытым его зарплатный слот, что позволяло ей соответствовать запутанным правилам лиги, касавшимся потолка зарплат. Главным образом, эти обстоятельства указывали на то, как сложно поддерживать крепкие личные взаимоотношения там, где имеет место конфликт бизнес-интересов. Даже жест доброй воли здесь мог быть интерпретирован как хитрая уловка.

В каком-то смысле Райнсдорф и Джордан были партнерами в прибыльном предприятии, работавшем в сфере спортивных развлечений. Проблема заключалась в том, что как игрок Джордан не мог рассчитывать на статус равноправного партнера в этих отношениях. В результате получалось так, что Райнсдорф представлял менеджмент, а Джордан – трудящихся. Трудовые доходы были зафиксированы, тогда как процент от прибыли, падавший в карман тех, кто дергал за ниточки, был велик и ничем не ограничен.

Джордан, безусловно, зарабатывал свои десятки миллионов вне баскетбола. И все же его относительно скромный контракт игрока порождал неравенство. В 1995-м он вернулся в игру на свой старый контракт, что позволяло «Буллз» удерживать зарплатную ведомость значительно ниже потолка в 30 млн, а значит, команда могла продолжать стричь миллионы долларов прибыли. Это, разумеется, было приятным бонусом для владельцев команды, помимо того колоссального увеличения капитала клуба и вороха чемпионских титулов, что принес им Джордан. Группа инвесторов во главе с Райнсдорфом приобрела клуб по ходу дебютного сезона Джордана в NBA примерно за 15 млн долларов и в течение следующих десяти лет наблюдала за тем, как совокупная стоимость команды вырастает более чем в 30 раз.

Было трудно отделаться от ощущения, что Джордану тут кое-что «задолжали», и это ощущалось не только самим Майклом и его представителями, но и буквально всеми причастными к NBA. Игра и лидерские качества Джордана, проявленные им в исторический сезон 1995/1996 г., лишь закрепили это ощущение. С окончанием кампании истек и срок его долгосрочного контракта. И тогда-то начались серьезные неприятности.

Спустя несколько дней после окончания празднований чемпионства представители звезды взялись за обсуждение условий нового контракта с Джерри Райнсдорфом. В интервью 1998 г. Джордан вспоминал, какой подход к переговорам принял тогда: «Я дал инструкцию своим представителям: «Не назначайте цену, когда придете. Я много лет играю в этой команде. Все знают, какой может быть ее рыночная стоимость и какой она могла бы быть. Если он верен своему слову и честен со мной в наших личных отношениях, то сначала послушайте, что он скажет, прежде чем высказывать ему наше мнение». Фальк получил указание съездить на переговоры и выслушать предложение, но не вести торги. Потому что до переговоров и торгов вообще не должно было доходить. Мы не рассматривали это общение как переговоры. Мы считали, что это возможность

для «Буллз» показать, как высоко она оценивает мою важность для организации».

Впрочем, Джордан также был в курсе, что Райнсдорф всегда неохотно расставался с деньгами. Звезда считала, что продолжительные переговоры лишь уронят его достоинство человека, столь многое сделавшего для «Буллз». Потому Джордан и его советники стали рассматривать предложение от «Нью-Йорк Никербокерс». Оставит ли Джордан «Буллз» ради «Никс»?

«Да», – отвечал он.

В самом деле «Никс» подготовила для Джордана предложение в виде нескольких миллионов долларов основного оклада и многомиллионного личного контракта с одной из аффилированных компаний «Никс». По слухам, Райнсдорфа так сильно разозлили новости об этом предложении, что он потребовал у фронт-офиса лиги высказать свое мнение по поводу законности подобных сделок и того, как они вообще вписываются в политику потолка зарплат. Владелец «Буллз», предположительно, пригрозил «Никс» судебным иском, но некая высокопоставленная фигура в структуре NBA отговорила Райнсдорфа от этой затеи, убедив в ее бессмысленности и рассказав о возможных негативных последствиях, которые могли бы иметь судебные разбирательства с самым популярным игроком лиги и таким клубом, как «Никс».

Дэвид Фальк хотел получить от клуба внушительный годичный контракт, который отразил бы вклад Джордана в успехи «Буллз» и развитие баскетбола как такового. Но Райнсдорф не предложил ему ничего такого, и тогда Джордан сам вступил в переговорный процесс.

«Насколько мне известно, никакой речи о конкретных цифрах не заходило вплоть до того момента, пока я не вступил в игру, – вспоминал Джордан. – Никто не хотел выкладывать на стол никаких цифр. Все только и делали, что увиливали в надежде вынудить другую сторону первой озвучить какую-нибудь сумму, чего мы делать не собирались. У нас в головах были примерные цифры, но мы считали, что это «Буллз» должна показать, во сколько оценивают нашу стоимость. И мы хотели, чтобы руководство сделало это без оглядки на Дэвида или меня. Просто чтобы оно показало, что я значу для организации на его взгляд».

Наконец Джордан, рассерженный нежеланием Райнсдорфа делать какое-либо предложение, вступил в телефонные переговоры со своим агентом и Райнсдорфом посредством конференц-связи. В момент беседы он играл в гольф. Но Райнсдорфу сказал, что если команда хочет продлить с ним соглашение, то лучше бы ей предложить ему годичный контракт

миллионов на 30, а лучше даже больше. И что у Райнсдорфа есть час, чтобы дать ответ. «В то время, когда они вели переговоры, я был на озере Тахо, где играл в турнире по гольфу с участием знаменитостей, – объяснял Джордан. – И периодически общался с «Нью-Йорком». Мы собирались встретиться с представителями этой команды сразу после встречи с Райнсдорфом, между встречами должен был пройти час или около того. Дэвид хотел, чтобы «Буллз» сделала нам предложение, которое мы могли бы обсудить, прежде чем ехать на переговоры с «Нью-Йорком». Но Райнсдорф знал, что у него есть окно в наших переговорах с «Нью-Йорком».

Краузе позже назовет подход Джордана к переговорам и решение ограничить владельца по времени «холодным» расчетом.

Хотя Райнсдорф никогда не признавал этого и не обсуждал эту тему публично, было понятно, что переговоры задели его за живое. Он полагал, что у него с Джорданом крепкие личные взаимоотношения. В конце концов разве он не дал Майклу возможность начать карьеру профессионального бейсболиста в составе «Уайт Сокс»? Разве не прилагал усилия к тому, чтобы главная звезда его клуба всегда чувствовала уважение к себе? Позже Райнсдорф сказал своим приближенным, что начал подозревать Джордана в неискренности, он полагал, что Майкл лишь делал вид, что они дружат, чтобы извлечь личную выгоду. Когда боль улеглась, разгорелся гнев. Но Райнсдорф осознал, что у него нет выбора. И принял условия Джордана.

Даже Райнсдорфу было трудно спорить с той суммой, которую ему озвучил Джордан. На самом деле игрок мог запросить куда больше, и общественность его поддержала бы. Но, соглашаясь пойти на сделку, Райнсдорф обронил в разговоре с Джорданом фразу, которая нанесет еще больший урон их взаимоотношениям. Райнсдорф сказал, что пожалеет о том, что согласился заплатить Джордану 30 млн долларов.

«Майкл озлоблен на Джерри, – позже объяснял один из сотрудников «Буллз», – потому что, согласившись заплатить ему 30 млн, Джерри сказал, что еще может пожалеть о своем решении. Следующей осенью Майкл как-то раз, стоя в раздевалке, говорил своим партнерам: «Знаете, что реально вывело меня из себя? Джерри сказал: «Видишь ли, Майкл? Я буду сожалеть об этом поступке».

«Майкл сказал: «Какого черта? Он мог бы сказать: «Ты заслуживаешь этого. Ты величайший игрок в истории, достояние города Чикаго и всей организации. И я счастлив заплатить тебе 30 млн». Можно было бы так сказать, даже если не считаешь так на самом деле и потом, правда, будешь об этом сожалеть, но

зачем ты говоришь об этом мне?» Люк стоял рядом и спросил: «Серьезно? Джерри сказал тебе, что пожалеет об этом?» А Майкл ответил: «Так и сказал. Поверить не могу, что услышал такое от своего босса».

«Подобные вещи порождают огромную обиду», – сказал сотрудник команды.

«Я сказал, что *могу* пожалеть об этом», – пояснял Райнсдорф.

Джордан вспоминал: «На самом деле он сказал так: «Когда-нибудь в будущем я пожалею об этом, уверен». Это было унизительно и принизило важность того, что происходило. Эта фраза лишила происходящее всякого смысла. Его благодарность стала казаться не такой значимой после этого заявления. Как по мне, говорить такое было неуместно». Владелец команды, предположительно, позволил себе аналогичный комментарий в разговоре с Джоном Пакссоном, состоявшемся несколькими сезонами ранее, когда Пакссон наконец добился ощутимой прибавки к зарплате после нескольких лет выступлений на контракте, по которому зарабатывал относительно скромно. Перед подписанием соглашения Райнсдорф сказал трудяге Пакссону: «Поверить не могу, что плачу тебе такие деньги». И хотя Пакссон, который впоследствии станет президентом «Буллз», никогда не обсуждал публично этот комментарий, источники внутри команды подтверждали, что слова владельца разозлили и оскорбили его. Случаи с Джорданом и Пакссоном раскрыли подход менеджмента к переговорам, заключавшийся в том, что Райнсдорфу непременно нужно было «побеждать» во всех переговорах со всеми игроками без исключения. Подобное отношение положило конец каким-либо симпатиям в отношениях между игроками и менеджментом, вспоминал бывший игрок «Буллз». И обычно «поражения» менеджмента становились для Краузе и Райнсдорфа поводом для грусти, отмечал игрок.

«Он преданный и честный, – говорил Фил Джексон о Райнсдорфе. – Он заслуживает доверия. Его слово кое-что значит. Но в этом его стремлении всякий раз добиваться наилучших условий для себя есть что-то такое… Он считает, что должен «выигрывать» в переговорах. Когда речь идет о деньгах, нужно выигрывать».

«Он действительно говорил эти слова, если верить людям, с которыми я тесно общался, – сказал Джексон о комментариях Райнсдорфа, – и такие слова очень больно ранят. Ведь почти всем искренне нравится Джерри Райнсдорф».

«Но… – добавлял Джексон со смехом: – Джерри есть Джерри. Джерри… он не бросает деньги на ветер, даже на себя не тратит. В обмен на деньги он хочет получить что-то ценное. А кто же не

хочет? Рост зарплат в последние десять лет стал серьезной проблемой для владельцев. Речь идет об огромных деньгах. О невероятных суммах».

Поклонение

Первогодок Рэй Аллен нервно стоял в коридоре стадиона «Юнайтед-центр» в надежде украдкой взглянуть на Избранного, почти как молодой брахман, прячущийся в роще оливковых деревьев в надежде мельком увидеть Будду. Выбранный в первом раунде драфта командой «Милуоки Бакс» Аллен бесчисленное количество часов потратил на изучение видеокассет с записями игр Джордана, и в особенности одного любимого момента с его участием. «Тот, где он обыграл Старкса и Оукли, уйдя от двойной опеки, а потом прошел в лицевую и засадил через Юинга», – признавался Аллен. Он пересматривал этот момент снова и снова как завороженный.

Чем ближе подходил момент встречи, тем сильнее становилось нараставшее беспокойство. Это ведь всего лишь предсезонная игра. А что, если Джордан решит не выходить и останется на скамейке? Но внезапно он появился. Мерными шагами в скрипучих белых кроссовках под цвет домашней формы он двигался по направлению к арене. Увиденное заставило сердце Аллена забиться сильнее, глаза его расширились, и он собрался с духом, готовясь бросить вызов своему кумиру и обязательно запомнить каждую деталь, чтобы потом было что рассказать парням с района. По большей части нервозность Аллена была вызвана желанием хорошо сыграть.

«Просто познакомиться с Майком, подготовиться к игре, просто даже подумать об этом, а потом, наконец, увидеть его впервые в жизни…» – говорил потом Аллен, и голос его уносился в заоблачные дали.

Меньше двух лет назад Аллену удался отличный сезон на втором курсе учебы в Университете Коннектикута, и после него он задумался о том, чтобы стать профессионалом. То были времена до введения потолка зарплат для первогодков, времена, когда индустрия уже начала прочесывать колледжи по всей Америке в поисках «нового Майкла Джордана» – затея бесплодная и весьма дорогостоящая. Партнер Аллена по Коннектикуту, Донелл Маршалл, покинул колледж раньше времени, получив контракт на гарантированные 40 млн долларов (и, как оказалось, стал настоящим провалом для «Миннесоты»). Аллен решил остаться в колледже еще на год, чтобы устранить всякие

недостатки в своей игре, прежде чем тягаться с Джорданом.

После успешного сезона на третьем курсе он созрел для перехода в профессионалы, а теперь вот оказался лицом к лицу с мастером. Он старался напустить на себя равнодушный вид, когда слегка касался костяшками кулака Джордана в приветственном жесте. Он позволил себе лишь мельком заглянуть в глаза убийцы, в которых увидел озорную искорку, мерцание той невероятной самоуверенности, тот самый Air.

Мяч подлетел в воздух, и Аллен начал играть, положив начало памятной первой четверти. «Я не хотел играть пассивно против него, – признавался он впоследствии. – Не хотел, чтобы он думал, что я не готов к вызову». Аллен знал, что Джордан мог расслабленно подойти к игре, и понимал, что должен с ходу показать свою агрессивность. Он продемонстрировал, что умеет бросать, и забивал через Джордана самыми разными способами. Забил «трешку», оформил джампер и даже сделал слэм, прорвавшись в трехсекундную. Хор в голове Рэя пел «Аллилуйя», но на лице его не читалось никаких эмоций. Он набрал девять очков в четверти и заставил попотеть Джордана, опекавшего его и даже отпустившего в его адрес несколько колкостей.

> После окончания игры Аллен стоял в раздевалке «Бакс» с ошалелым выражением лица, словно только что воплотил мечту всей жизни.

«Майк есть Майк, он невероятен», – сказал он, и тон его теперь несколько поменялся, словно опыт игры против Джордана изменил его, и теперь он говорил почти как ветеран.

«Рэй Аллен станет хорошим игроком, – похвалил соперника Джордан. – Мне понравилось, как он агрессивно вышел в начале игры».

С драфтом 1996 г. в лигу пришла еще одна волна молодых талантов, привлеченных перспективой мгновенно разбогатеть, играя в баскетбол, которую открыл им Джордан. Среди первогодков, помимо Аллена и прочих, были тинейджер из «Лос-Анджелеса» Коби Брайант и Аллен Айверсон из «Филадельфии». Межсезонье 1996-го обернулось массовыми переходами и большого числа ветеранов. С выходом на рынок почти двух сотен свободных агентов команды лиги потратили более миллиарда долларов на заключение контрактов, в том числе с самыми звездными игроками, и фактически приток всех этих денег в баскетбол обеспечил своим присутствием Джордан. Ни один из этих переходов, впрочем, не был более драматичным, чем переход Шакила О'Нила из «Орландо» в «Лос-Анджелес Лейкерс» на контракт в 123 млн долларов.

Предсезонную игру «Буллз» проводила в «Томас & Мэк-центре» в Лас-Вегасе, что стало довольно странным выбором с учетом того, какие отношения с азартными играми были в прошлом у Джордана и какие проблемы с ними испытывал теперь Родман (только за последние несколько месяцев он кутил там не меньше 19 раз, проиграв за столом в крэпс горы наличных денег, откровенничал Джек Хэйли). И все же ходячее фрик-шоу, коим был Родман, идеально вписывалось в гротескный антураж Лас-Вегас-Стрип. В этой культуре придуманных знаменитостей мастер подборов за Джорданом был главным придумщиком. Тем летом он пропиарил выход новой книги о себе, *Bad as I Wanna Be,* тем, что решил… жениться на самом себе.

Предсезонные матчи NBA пользовались дурной славой, так как имели репутацию начисто лишенных энтузиазма увеселительных поездок по городам, которые лига выбирала либо в соответствии со своими глобальными стратегическими планами – Мехико, Лондон, города Японии, – либо исходя из близости арен, многие из которых были не в лучшем состоянии, к родным городам или колледжам звезд лиги. В былые годы «Буллз» проводила свои предсезонные матчи в Чапел-Хилл. Эти поездки, впрочем, стали памятными в том смысле, что позволили взглянуть на Джордана на пике его могущества, до того как желчность злых языков спустила его с Олимпа, а после и совсем вытолкала из игры. Тогда он был мужчиной в самом расцвете сил.

На самом деле «Буллз» начала предсезонку днем ранее в Альбукерке первой парой матчей против «Сиэтла», ставших ремейком финальной серии. Затем игроки поспешно вылетели из Альбукерке на частном – и роскошно укомплектованном – самолете и прибыли в Лас-Вегас вскоре после наступления полуночи. Стив Винн, глава Mirage Resorts, бесплатно предоставил Родману и Джордану в пользование шикарные виллы в 4000 квадратных футов каждая на время их пребывания в городе. Остальные игроки «Буллз» были размещены в номерах отеля. Джексон отменил утреннюю разминку команды, разрешив Джордану сполна насладиться игрой в гольф.

Вечерний матч в ту субботу между «Буллз» и «СуперСоникс» был отмечен упорным противостоянием Джордана и Крейга Эло, в котором было столько толчков, тычков и хватаний, что Джордан даже позволил себе замахнуться на Эло, но не попал, и арбитры пропустили этот момент, то ли не разглядев, то ли намеренно проигнорировав. После игры Джордан смеялся: «Ему порой сходит такое с рук. А иногда и мне сходит. В этом красота баскетбола. Я так сильно его уважаю и чувствую столько спортивного азарта, когда играю против него, что всегда с

удовольствием в этом случае выхожу на паркет. Всегда забавно посмотреть, кому первому удастся сыграть грязно и остаться не пойманным. Так уж сложилось».

В Лас-Вегасе состоялась и премьера *Space Jam* – анимационного фильма с участием Джордана и мультяшного персонажа Багза Банни. «Думаю, все будет хорошо, – сказал он. – Хотя я очень нервничаю по этому поводу. Это совершенно незнакомая для меня территория, но в меня было вложено очень много денег, надеюсь, что я сделал свое дело. Я пытался сыграть как можно лучше, и если получилось… что ж, здорово. Может, повторю. Если получилось плохо, буду знать свое место на этом поприще. И не буду вылезать дальше 30-секундных рекламных роликов». Фильм впоследствии соберет 400 млн долларов – ошеломительный успех, – и Дэвид Фальк начнет подталкивать Джордана к решению сняться еще в одной картине, но к тому времени он уже передумает и в последующие годы будет отвечать отказом на все предложения из Голливуда.

Когда Майкл появился из раздевалки в тот вечер, к нему навстречу вышел из тени маленький мальчик с новеньким баскетбольным мячом и черным перманентным маркером – он был слишком напуган, чтобы заговорить с Джорданом.

Майкл сморщил лицо и взглянул на мальчика. «Мне заплатят за это? – спросил он, протягивая руку к мячу и маркеру. – Обычно я получаю семизначные гонорары».

Мальчик каким-то образом сумел открыть рот и произнес: «Я… У меня есть пять долларов», – предложил он с надеждой в голосе. Джордан улыбнулся. «Не проблема», – ответил он, пытаясь донести до мальчика, что просто пошутил. В маркере, впрочем, почти не осталось чернил, и, когда Джордан принялся выводить свой фирменный росчерк на поверхности мяча, маркер едва оставлял след. Джордан нахмурился.

«Парень, – сказал он, – ты дал мне дешевую ручку».

На лице мальчика отразились паника и недоумение. Он сунул руку в карман, откуда вынул кучу ручек в попытке найти пишущую. «Я думал, ты за деньгами полез», – сказал Джордан, смеясь.

Его можно простить за мысль о том, что юный поклонник рылся в кармане в поисках денег. Дело в том, что уже много лет Майкл был конечным пунктом огромных финансовых потоков, из которых складывалось его огромное богатство. За один только сезон 1995/96 г. он по подсчетам заработал более 40 млн долларов от спонсорских сделок и небаскетбольной деятельности. В сезоне 1996/1997 г. цифры вновь вырастут, главным образом за счет запуска парфюмерной линии (за первые

два месяца с момента появления одеколона Джордана на рынке было продано свыше 1,5 млн флаконов) и выхода на экраны *Space Jam*, установившего рекордные цифры продаж билетов в первый уик-энд. Он оправдал прозвище, которое Спайк Ли дал ему в рекламных роликах Nike: он и правда был Money. Люди со всего света теперь платили деньги за то, чтобы посмотреть на него, приблизиться к нему, надеть его кроссовки или майки, выпить его Gatorade и проглотить его картошку фри из Макдоналдс, обзавестись его трусами от Hanes, колотить по его мячам для гольфа, читать его книги и бережно хранить его коллекционные карточки.

Но личная доля Джордана была лишь каплей в море того богатства, что свалилось на NBA его стараниями (не говоря уже о том, что он сделал для бренда «Тар Хиллз» Университета Северной Каролины). Его приход в лигу в 1984-м спровоцировал стремительный рост годовых доходов NBA. С отметки в 150 млн долларов она скакнула к невероятным 2 млрд долларов за сезон уже к середине 1990-х – более чем десятикратный рост!

Несмотря на внешнее благополучие, беспокойство, которое ощущал в то межсезонье Фил Джексон, было небеспочвенным. За кулисами внутренний конфликт между его игроками и менеджментом клуба и между самим Джексоном и менеджментом уже набирал обороты. «Этот год будет совершенно другим, – сказал тренер той субботней ночью в Лас-Вегасе. – Я просто не знаю, чего ожидать. Я стараюсь не ожидать ничего. Будь что будет. Наш сценарий, само устройство нашего баскетбольного клуба – все это способно уничтожить наши имеющиеся возможности».

Новый поход

Джордан уже привык к тому, что Джексон прилагает усилия к тому, чтобы немного успокоить его – ровно настолько, чтобы командный механизм продолжал работать без сбоев. Тренер никогда не пытался погасить великое пламя Джордана; ему нужно было лишь регулировать уровень огня так, чтобы Джордан доводил команду до очередного триумфального момента. Теперь Джордан видел во всем практическую пользу – от нападения Текса Уинтера до медитаций и тренировок осознанности с Джорджем Мамфордом. Теперь он так же, как любой другой игрок команды, мог спокойно сидеть на полу в темноте во время тренировок и думать о позитивных вещах.

«Он – наш гуру, – сострил Майкл Джордан, отвечая на вопрос

о причудах своего тренера. – Он обратил весь этот йен и дзен нам на пользу».

Джеймс Эдвардс с неподдельным интересом наблюдал за динамикой отношений между Джексоном и Джорданом. Это был идеальный тесный союз тренера и игрока. Джеймс утверждал: «Фил знал, о чем думал Майк, а Майк знал, о чем думал Фил. Вот насколько близки они были».

Они все понимали Джексона, когда он говорил о духовной связи с игрой. Джордан доверял подходу, который Джексон описывал в своей книге *Sacred Hoops,* объясняя ему, как нужно работать с менее талантливыми партнерами по команде. «Думаю, что Фил действительно научил меня терпению и показал, как понимать группу поддержки в лице партнеров и как дать им возможность стать лучше», – сказал он. Джексон, впрочем, так и не сумел отучить Джордана от привычки называть своих партнеров «группой поддержки», и эта привычка служила напоминанием о том, что в организации «Буллз» все было далеко не идеально. Это несовершенство клубного устройства было подтверждено событиями сезона 1996/1997 г., на протяжении большей части которого внутри клуба нарастал испуг.

На первых порах в расписании нового сезона находилось место симпатичным победным сериям и смачным перформансам от Джордана. По ходу межсезонья он похудел на 3,6 кг, с 98 до почти 94 кг, чтобы облегчить тот дискофморт, что доставлял ему тендинит, часто тормозивший его во время матчей предыдущего сезона. Похудевший и теперь более изящный Джордан с партнерами открыл сезон 12-матчевой победной серией, высшей точкой которой стали 50 очков Майкла в выигранном матче с «Майами» (106: 100). Большую часть игры Джордан улыбался, обмениваясь «любезностями» с тренером «Хит» Пэтом Райли. Команда «Буллз» только-только прилетела из Ванкувера и не успела толком осмотреться, как уже узнала о том, что игроки «Майами» рассказывали местным газетам, как неуважительно отнеслась к ним «Буллз» во время свипа в прошлогодней серии плей-офф.

По ходу матча Райли в шутку назвал Майкла «крысой» после очередного ослепительного отрезка в его исполнении. «Он такой неутомимый соперник! – говорил, улыбаясь, Джордан о Райли после матча. – Я тоже. Я знаю, что приближаюсь к концу своей карьеры. Так что лучше наслаждаться последними моментами звездности, успеха или как это назвать. Это стремление движет мной больше, чем что-либо».

«Моя мотивация – выдать идеальный сезон», – добавлял он.

День благодарения он отметил 195 набранными очками за

пять матчей. В декабре, в игре против молодых «Лейкерс», он забил 30 очков и помог Пиппену сделать 35, а Кукочу 31 очко, словно показывая всем свою щедрость. Далее и до середины февраля он регулярно давал концерты в играх против заклятых друзей: 45 очков сделал в игре с «Кэвс», 51 – с «Никс», 45 – в соперничестве с Гэри Пэйтоном и его «Сиэтлом» и 47 – в матче с «Денвером».

Тренер «Нью-Йорка» Джефф Ван Ганди, тренировавший двух лучших друзей Джордана, Оукли и Юинга, назвал Майкла жуликом, что вызвало суровую ответную реакцию: именно в игре с «Никс» Джордан выдал самый результативный матч в сезоне, набрав 51 очко. «Его стиль – сдружиться с ними [Оукли и Юингом], размягчить их и попытаться показать, что ему якобы важно, что с ними будет и что он искренне сопереживает, – говорил Ван Ганди. – А потом он просто выходит на паркет и пытается их уничтожить. Первый шаг для игрока – осознать это и не поддаться на эту уловку».

«Я был готов сделать ради победы все, что потребуется, – сказал после матча Джордан, в 36-й раз в карьере достигший отметки в 50 набранных очков за игру. – Были моменты, когда все складывалось настолько удачно, что казалось, будто действие происходит в замедленном повторе. Я не спешил. Просто расслабился и играл».

«Возможно, тренер «Никс» допустил тактическую ошибку, решив атаковать Майкла в прессе. Я подумал, что он вышел с настроем вершить вендетту, поквитаться за сказанные слова», – сказал Джексон.

Джордан подытожил результативный вечер метким броском с отклонением с 20 футов, принесшим «Чикаго» победу, после чего накричал на Ван Ганди.

«Некоторые выбирают выражения, – говорил Джордан. – Полагаю, что я сегодня не завел тут друзей». Ван Ганди же скверно подбирал слова.

Майкл добавил: «Полагаю, что они были направлены больше на мотивацию своих игроков. Но не думаю, что на площадке кто-то из них со мной «дружил». На площадку я выхожу не для того, чтобы с кем-нибудь подружиться. Но когда я покидаю паркет, не беру с собой то, что на нем случилось. Мы просто играем. Вне площадки я не рассматриваю баскетбол как войну. Если он считает, что я злоупотребляю своей дружбой с ними, пусть будет так».

Подобные моменты заряжали «Буллз», толкая команду вперед. Она вновь большими, жадными глотками поглощала матчи календаря и завершила регулярный сезон с результатом

69: 13, сравнявшись со вторым рекордным показателем побед в истории лиги. Джордан набирал в среднем по 29,6 очка за игру и взял очередной титул лучшего снайпера, уже девятый по счету. Его в 11-й раз включили в команду Всех Звезд, матч которой на сей раз проходил в Кливленде, и он отметил это событие первым трипл-даблом в истории матчей Всех Звезд. В 1997-м матч Всех Звезд проходил в юбилейный, 50-й раз, и по такому случаю организаторы включили его и Пиппена в список 50 величайших игроков в истории баскетбола. В ноябре в Сан-Антонио он набрал 25-тысячное очко за карьеру. А к апрелю уже обогнал Оскара Робертсона, став пятым в списке самых результативных игроков в истории NBA.

Вместе

По мере приближения плей-офф Джексон вновь заговорил с игроками о необходимости «единения». На сей раз он вставил в скаутский видеоотчет нарезку кадров из фильма «А как же Боб?» Билл Мюррей играл в фильме душевнобольного пациента, пытавшегося поселиться в доме своего психиатра, эгоистичного и неприятного типа. Очевидно, что психиатром «Буллз» был Краузе. «Каждый раз, когда он готовил видео по играм, он вставлял в них отрывки из фильмов, – говорил центровой «Буллз» Билл Веннингтон. – По сути, мы посмотрели весь фильм. Он утверждал, что мы должны быть едины, что должны маленькими шажками двигаться вместе и понемногу начинать хорошо играть…»

Также Джексон иногда вставлял в видео отрывки из старых фильмов про «Трех балбесов». «Текс Уинтер любит петь песню, когда мы собираемся на утренних собраниях, – объяснял Билл Веннингтон. – Он любит петь: «И вот настало время нам быть вместе. Вместе. Вместе. Настало время нам быть вместе. Вместе вновь». Эта песня звучала в «Трех балбесах», когда Мо проглотил гармонику и его друзья стали играть на нем музыку. Они играли эту песню».

Тема «единения» также занимала умы Джордана, Джексона и Родмана по той причине, что все трое были связаны с клубом годичными контрактами. Продолжат ли они выступления за «Буллз» в новом сезоне? Чикагская пресса спекулировала без устали, и неопределенность с будущим бередила спокойствие команды и одновременно мотивировала игроков.

Самым, возможно, важным предназначением темы «единения» было напоминание Джордану о том, что важно не

давить своих партнеров гневом и критикой. Джордан, Пиппен и Харпер образовывали крепкое ядро. Родман, разумеется, был сам по себе. Как и Кукоч, который в каком-то смысле был изолирован от остальных вследствие культурных различий. Симп-кинс, Кэффи и Браун иногда проводили время вместе вне площадки, а еще в ростере «Буллз» был аризонский контингент в лице Бюхлера и Керра, к которым временами присоединялись Лонгли, австралиец, и Веннингтон, канадец.

В первой игре первого раунда плей-офф «Вашингтон Буллетс» предсказуемо пала, но во второй игре вырвалась в лидеры, пока все монологи Джексона о «единении» испарялись, обращаясь в легкую дымку над паркетом «Юнайтед-центра». К перерыву «Вашингтон» вел в счете 65: 58, несмотря на набранные Джорданом 26 очков. Джексона и партнеров он «поприветствовал» в раздевалке с озлобленным выражением лица. «Майкл был изрядно расстроен в перерыве, Фил тоже не был впечатлен нашей игрой, – признавался Керр. – Но никаких особых изменений в игре сделано не было, нужно было чуть изменить свое отношение к ней. Майкл просто немного повысил голос и сказал, что мы обязаны играть лучше».

Джордан и эффективные защитные ловушки позволили «Буллз» набрать в третьей четверти 16 очков против двух у «Вашингтона» и тем самым разбудить дремавшую толпу болельщиков. Игра в защите обеспечивалась командными усилиями, в нападении же Джордан работал почти в одиночку, забрасывая джампер за джампером. По ходу тайм-аутов он сидел неподвижно, закрыв колени полотенцем и опустив голову, – пытался сберечь энергию. За 5 минут до конца игры он сделал проход и забил, чем вывел «Чикаго» вперед на три очка.

> Мгновения спустя он снова получил мяч, ускорился к трехсекундной и изобразил ложный бросок, заставивший всю защиту взлететь над полом.

Когда соперники опустились на землю, он выпрыгнул и забил джампером. Следующее владение он завершил невероятным броском с правого края лицевой – мяч упал, пролетев по высокой дуге, – и увеличил отрыв своей команды до семи очков, а свой общий счет до 49.

Когда «Буллетс» сократила отставание, установив счет 103: 100 за минуту до конца, Джордан ответил на это очередным джампером и ловким бэнк-шотом, причем последний залетел в корзину за 34 секунды до конца и таким образом увеличил отрыв «Буллз» до 107: 102. Затем он подвел итог вечеру двумя бросками со штрафных, которые довели его снайперский счет до 55 очков

(он в восьмой раз в карьере набрал 50 и более очков в игре плей-офф NBA) и принесли «Буллз» победу 109: 104, а с ней и преимущество в серии, 2–0.

Поражаться можно было уже одной физической готовности 34-летнего Джордана, говорил после матча Лонгли, благодаря которой он забивал и интенсивно играл в защите на протяжении более чем 44 минут игры. «В таких матчах он демонстрирует, кем является на самом деле, – добавлял центровой. – Такими выступлениями по-настоящему дивишься. Что меня поражает, так это то, как много таких игр в год он выдает. Пожалуй, что 50 очков он набирал в этом году раза три-четыре, но матчи на 30–40 очков он выдает почти каждый вечер. Тот факт, что в таком возрасте он никому не уступает физически и творит такое каждый вечер, вот это меня действительно потрясает».

Следующей победой «Вашингтон» был убран с пути, и «Буллз» переключила свое внимание на «Атланту Хокс», которую унизила, выиграв четыре игры из пяти. Несмотря на хорошую форму команды, тренерский штаб «Чикаго» был обеспокоен тем, что Джордан так усердно работал в нападении, словно считал, что обязан в одиночку тащить весь этот груз на себе. «Майкл неважно бросал, – признавал Уинтер. – Он всю серию бросал неважно. То, что он делал 25 или 27 бросков за матч, и при этом не слишком качественных бросков, тяжким грузом ложилось на нападение. Если он не будет показывать лучший процент реализации бросков, то тогда ему не стоит бросать так часто. Фил говорил ему не форсировать события, не пытаться брать на себя слишком много, чаще делиться мячом. И Майкл знает об этом. Майкл – умный игрок. Но он настолько конкурентоспособен, обладает такой уверенностью в себе, что ему бывает трудно сдержать себя. Я никогда не имел дел с другим игроком, у которого было бы так мало внутренних ограничений, как у него. В этом одна из причин его величия. У него нет совести».

«Атланта» пала в пятой игре, хотя через 3 минуты после ее начала Джордан получил технический фол за то, что после данка погрозил пальцем Дикембе Мутомбо, который и сам был известен привычкой грозить пальцем соперникам. Победа обеспечила «Чикаго» выход в финал Восточной конференции в седьмой раз за последние девять сезонов. Предполагалось, что их соперником станет «Никс», но вместо нее в финале оказалась команда «Хит» Райли, что вполне устраивало Джексона, сказавшего как-то раз после досадного поражения от «Майами» в концовке сезона 1996 г. своим игрокам: «Никогда не проигрывайте этому дяде».

В серии «Чикаго» с ходу выиграла три матча подряд, отчего Джордан решил, что сейчас отличное время для того, чтобы

пройти 45 лунок в майамском гольф-клубе. Фотограф «Буллз» Билл Смит последовал за ним на поле и вышел на дорожку, чтобы сделать снимок Джордана в гольфкаре. «С дороги, Билл Смит», – сказал Джордан, разгоняя гольфкар и грозясь задавить фотографа, со смехом отскочившего в сторону.

На следующий день Джордан расплачивался за веселье в гольф-клубе: в четвертой игре лишь два его броска из первых 22 достигли цели. Эдди Пинкни, выступавший тогда за «Хит», отлично запомнил концовку встречи.

«Шел последний год моей профессиональной карьеры, и «Буллз» собиралась выбить нас из плей-офф, – вспоминал Пинкни. – Ребята уже зарезервировали ресторан специально для того, чтобы отпраздновать победу. Пэт Райли узнал об этом и сказал нам, игрокам, что очень расстроен таким фактом. Мы вышли и сразу начали отрываться, вели очков в 15, может, 20, и тут Фил Джексон снимает всех с игры. Матч, по сути, кончен. Но Вошон Ленард [защитник «Хит»] решил, что ему обязательно надо поболтать с Майклом Джорданом. Он начал рассказывать ему, как сильно мы оторвались от «Чикаго» и как мы надерем им зад. Джордан возвращается в игру и начинает забивать, делая один бросок за другим, и кричать при этом: «Вы, ребята, не выиграете еще один офигительный матч!» Он кричал во все горло: «Вы, лохи, не возьмете еще одну игру!» Он был в бешенстве».

Когда отрыв «Хит» в счете вырос до 21 очка и «Буллз» поняла, что времени остается мало, Джордан переключил свой внутренний тумблер на атаку и пошел вперед. Его стараниями команда «Чикаго» набрала к концу третьей четверти 22 очка против пяти у «Майами», и подобралась к «Хит» на расстояние четырех очков, 61: 57. В начале четвертой четверти игроки «Хит» вновь взялись за дело, доведя отрыв до восьми очков, 72: 60. Затем Джордан принес «Чикаго» 18 очков подряд – этот перформанс сократил преимущество «Майами» лишь до одного очка за 2 минуты 19 секунд до конца. Концовка, впрочем, осталась за командой «Хит», набравшей шесть последних очков за счет штрафных бросков, и «Буллз» потерпела поражение.

«Это одна из любимейших моих игр Майкла за все время, – сказал в 2012-м Стив Керр, оглядываясь в прошлое. – Потому что если вы взглянете на его статистику в матче, то увидите, что к четвертой четверти он подошел с двумя бросками при 22 попытках, там даже паре эйр-боллов место нашлось. Было очевидно, что такая его игра – результат того, что днем ранее они с Ахмадом Рашадом играли в гольф. Но в четвертой четверти он как с цепи сорвался. Он кричал на скамейку «Хит», но это было

величайшей демонстрацией уверенности в себе, какую я когда-либо видел в жизни… без вариантов. Я хочу сказать, как можно совладать с тем, что ты забросил два броска из 22 в первые три четверти матча плей-офф против блестяще защищающейся команды, как справиться с тем, что ты мажешь все подряд? Но он не тряс головой в отчаянии, он просто делал свое дело и, когда наконец что-то щелкнуло в нем, он начал забивать».

Те, кто увидел этот спекталь своими глазами, вряд ли смогут его позабыть. В четвертой четверти Джордан набрал 20 из 23 очков «Чикаго». «Когда он начал попадать, мячи просто залетали, залетали и залетали в корзину, – сказал Тим Хардуэй. – Он снайпер; мужик».

На вопрос о блеклой первой половине игры Джордан ответил сердито: «Нас это не беспокоит».

«Мы вернулись в Чикаго и не могли даже подойти к их корзине», – вспоминал со смехом Пинкни. Джордан начал пятую игру серии с того, что набрал 15 очков в первой четверти – «Буллз» вполне хватило этого, чтобы повести 33: 19 и не оставить почти никаких сомнений в исходе встречи.

«Они – величайшая команда со времен «Селтикс», которая взяла 11 титулов за 13 лет, – сказал после матча репортерам Райли. – Я не думаю, что кто-нибудь другой сможет выиграть чемпионат, пока Майкл не завершит карьеру. Порой можно построить великолепную команду, но так и не стать с ней чемпионом, потому что вам не повезло – вы родились в ту же эпоху, когда Джордан брал свои титулы».

В финале Западной конференции сражались «Хьюстон» и «Юта», и Джордан признавался, что в финальной серии хотел бы столкнуться с «Рокетс». На драфте 1984-го «Хьюстон» выбрала Оладжувона вместо него, и тот привел свою команду к двум чемпионским титулам в тот период, когда Джордан пробовал себя в бейсболе. Вишенкой на этом соблазнительном торте был Чарльз Баркли, который теперь был форвардом «Рокетс». Однако «Юта» тоже мотивировала его. Форвард «Джаз» Карл Почтальон Мэлоун готовился получить звание самого ценного игрока лиги, даже несмотря на то что Джордан выиграл свой девятый снайперский титул со средним результатом в 29,6 очка за игру. Джордан был включен в первую команду лучших игроков NBA по итогам сезона и вместе с Пиппеном вошел в символическую сборную лучших защитников. Мэлоун стал вторым в гонке снайперов и в девятый раз в карьере попал в первую сборную лучших NBA. Создавалось впечатление, что выбор его кандидатуры на звание MVP делался на основе всех его достижений в карьере в целом, подобный подход периодически практикуется при выборе MVP. Однако

поклонники Джордана будут еще долго жаловаться на то, что их кумира обокрали, лишив еще одного заслуженного звания самого ценного игрока. Пэт Райли считал, что совершенно не важно, кто выиграет финал Западной конференции. «Думаю, что «Чикаго» обыграет любого соперника», – сказал он.

Разыгрывающий «Юты» Джон Стоктон решил исход финальной серии Западной конференции победным броском на последней секунде шестой игры – он вывел «Джаз» в финал NBA впервые за три десятилетия существования клуба. Стоктон, Мэлоун и компания решили форсировать события и бодро начали первую игру серии за чемпионство в «Юнайтед-центре». Менее чем за минуту до конца счет был 82: 81 в пользу «Юты». Когда Джордан подошел к линии штрафных, чтобы исполнить два броска, толпа зрителей начала скандировать: «MVP!» Он забил первым броском, сравняв счет, а вторым промахнулся, заставив болельщиков умолкнуть. Следом настала очередь Мэлоуна бросать два штрафных. Пиппен шепнул ему на ухо: «Почтальон не работает по воскресеньям». В шуме стадиона он смазал оба броска, и «Буллз» выиграла подбор за 7,5 секунды до конца. Удивительно, но перед последним броском «Юта» решила не держать Джордана двойной опекой. Когда мяч рассек воздух и влетел в кольцо, 21 тыс. болельщиков подпрыгнула со своих мест в порыве ликования. Джордан закончил игру с 31 очком в активе, реализовав 13 из 27 своих бросков.

Вторая игра обернулась разгромом «Джаз», ставшим возможным во многом благодаря 38 очкам, 13 подборам и девяти ассистам Джордана. Он оформил бы трипл-дабл, если бы Пиппен не смазал лэй-ап в концовке встречи, из-за чего Джордан недосчитался десятого ассиста.

Третью игру, проходившую в Солт-Лейк-Сити, команда «Джаз» выиграла, несмотря на то что Пиппен сравнялся с рекордом финальных серий NBA по числу трехочковых, забив семь «трешек». Болельщики и пресса тогда еще не знали, что исход четвертой игры серии предрешит роковая ошибка тренерского штаба «Чикаго», обернувшаяся самым большим разочарованием «Буллз» в сезоне. Ее нападение играло бессвязно и часто ошибалось, но защита была великолепна на протяжении 45 минут матча. Короче говоря, своей игрой команда вполне заслуживала победу. За 2 минут 38 секунд до конца матча она повела 71: 66, и казалось, что вот-вот счет в серии станет 3–1. Но в этот момент инициативу в свои руки взял Джон Стоктон, и «Буллз» не характерным для себя образом забуксовала. Позже окажется, что один из членов команды ассистентов «Буллз» по ошибке заменил Gatorade, предназначавшийся игрокам, на

GatorLode – тяжелый напиток, используемый для восполнения запасов углеводов в организме. «Пить его – все равно что есть жареную картошку», – объяснял тренер Чип Шефер. В концовке игры баскетболисты «Чикаго» стали жаловаться на колики в животе, а Джордан даже попросил заменить его на время, чего он никогда не делал в решающие моменты матчей.

Стоктон вывел «Юту» вперед трехочковым броском с 25 футов. Джордан, вернувшийся к тому времени в игру, несмотря на беспокойство в животе, ответил сопернику тем же, забив трехочковым, а когда Джефф Хорнасек пропустил ему посланный мяч, у «Буллз» появился шанс поставить точку в матче. Вместо того чтобы это сделать, Джордан подарил мяч Стоктону, перехватившему его на линии штрафного и рванувшего с ним через всю площадку к кольцу «Буллз». Далее случился момент, приведший в замешательство тренера «Юты» Джерри Слоуна: Джордан собрался и в мгновение ока добежал до противоположного щита, где успел заблокировать бросок Стоктона, но сделал это с нарушением правил, судья свистнул фол.

Так «Джаз» удалось выйти в лидеры – 74: 73. За 17 секунд до конца матча «Чикаго» сфолила на Мэлоуне, и обстоятельства первой игры серии повторились. Мяч после первого броска Мэлоуна запрыгал по кольцу, после чего свалился в сетку, открыв дорогу второму броску и сделав счет 76: 73 в пользу «Юты». Оставшихся без тайм-аутов игроков «Буллз» хватило только на один неточный трехочковый бросок в исполнении Джордана, на который «Юта» ответила слэмом после быстрого отрыва. Итог: 78: 73 – второй наименее результативный матч в истории финалов NBA – и зашедшая в тупик серия: 2–2.

Грипп

Процент реализации бросков Джордана рухнул до 40 %, что было ощутимо ниже его показателя в 51 % по итогам первых двух игр серии. То, что случилось далее, вошло в историю как «грипп-игры». Спустя много лет после тех событий главной остается версия о том, что Джордан накануне пятой игры серии допоздна играл в карты, курил сигары и выпивал, предположительно, в шато в горах Юты. Официальная версия утверждала на следующий день, что его сразила «вирусная инфекция».

«Я вел игру, – вспоминал бывший аналитик NBC Мэтт Гукас, работавший в паре с Марвом Альбертом. – Марв был очень хорош в том, что называется «гонять мяч». У него было чутье на драму.

Конкретно в том матче я думал: «Да что такого-то? Майкл всегда играет великолепно». Но Марв моментально почувствовал, как этот момент можно сделать великолепным для болельщиков, смотревших игру. Другое дело, что нашлось место и теориям заговора, что на самом деле случилось с Майклом. Мы приняли за чистую монету утверждение о том, что он подхватил грипп, а потом просто вышел и сыграл. Но, согласно слухам и домыслам, он всю ночь играл в покер в шале Роберта Редфорда в горах и, по всей видимости, переусердствовал на вечеринке».

Аналитик ESPN Джален Роуз озвучит похожую версию в видеоролике, попавшем в Интернет в 2012 г. Поразил ли Джордана настоящий вирус или это была разновидность «гриппа Милуоки», навсегда останется тайной, покрытой мраком. Точно можно сказать только одно: Джордан был известен тем, что мало спал и много играл как в баскетбольной жизни, так и в повседневной. Не так важно, что было причиной болезненного состояния Джордана, важно, что его игра была искренней и неподдельной. По мере приближения пятой игры серии беспокойство сгущалось над лагерем «Буллз», словно грозовые тучи, что орошают трехгранные тополя в каньонах Юты. Первый шок испытали его партнеры на утренней разминке с мячом. Он что, настолько сильно болен, что не может присутствовать? Чтобы Джордан пропустил ключевую тренировку? Да никогда.

«Это довольно жутко, – сказал резервный форвард «Буллз» Джейсон Кэффи, сидя в раздевалке перед игрой с широко раскрытыми глазами. – Когда подобное случается, не знаешь, что может произойти». В темноте тренировочного зала в нескольких футах от него Джордан лежал почти недвижно. И все же ветераны из числа поклонников Джордана помнили, что в его карьере уже были схожие обстоятельства, еще в годы учебы в старшей школе.

«Майкл болен?» – спросил один репортер. – «Он наберет 40 очков».

Несмотря на всем известную тягу Джордана к драматизму, этот «перформанс» не был притворством. «Я много сезонов отыграл вместе с Майклом и никогда не видел его таким больным, – сказал после матча Пиппен. – Я не знал, сможет ли он хотя бы униформу надеть. Он – величайший, и для меня он точно MVP».

Какое-то время он, казалось, отыграл на адреналине. Принес «Чикаго» первые четыре очка в матче, а потом засторопился и пропал из игры, пока «Юта» уверенно отрывалась в счете: после мощного начала второй четверти команда «Джаз» имела преимущество в 16 очков, 34: 18. Джордан, впрочем, зафиксировал свое внимание на ободе и, нацелившись на кольцо,

начал протаскивать мяч к корзине «Юты». Он внес свой шестиочковый вклад в результативный для «Буллз» отрезок, по ходу которого команда набрала 19 очков против шести у «Юты» и приблизилась к сопернику на расстояние трех очков, 42: 39.

«Буллз» получила передышку, когда Мэлоун вынужденно сел на скамейку, рано заработав третий фол. Работа Джордана под кольцом также принесла «Чикаго» восемь штрафных бросков во второй четверти и помогла впервые в матче повести в счете, 45: 44. В третьей четверти, когда темп игры упал, Мэлоуна ждали новые неприятности с фолами, но «Юта» все равно смогла обеспечить себе пятиочковый отрыв к началу четвертой четверти, а потом быстро увеличила его до восьми очков.

К тому времени Джордан уже переборол симптомы болезни и нашел свою зону. В концовке он набрал 15 очков, продолжая оказывать давление на «Джаз» с каждым следующим владением. «Буллз» проигрывала сопернику одно очко, когда он за 64 секунды до конца игры подошел к линии штрафного броска. Он забил первым броском, а потом, промахнувшись со второго, выиграл мяч на подборе. Спустя несколько мгновений он забил трехочковый после паса Пиппена, и «Буллз», оседлав волну своего чемпионского везения, захватила лидерство в серии, 3–2. Когда игра закончилась, Джордан стоял под корзиной «Юты» и поднимал кулаки в воздух жестом триумфатора.

«Что до больших побед, то думаю, что эта победа самая большая и значимая из всех, что у нас были в подобных ситуациях в плей-офф, особенно с учетом того, что в первой половине мы уступали и вынуждены были отыгрываться», – сказал Фил Джексон.

«Я чуть не доигрался до потери сознания, – сказал Джордан. – Я вошел в игру и был обезвожен, а надо было побеждать. Я приложил уйму усилий и просто рад, что мы победили, потому что поражение стало бы настоящей катастрофой. В перерыве я был очень уставшим, совсем слабым. Я сказал Филу, чтобы он использовал меня отрезками, но каким-то образом нашел в себе энергию и силы доиграть, а я очень сильно хотел победить».

Игру он закончил с 38 очками, набранными за 13 точных бросков с игры из 27 попыток, семью подборами, пятью ассистами, тремя перехватами и блок-шотом. «Он весь день не вылезал из кровати, подъем с нее вызывал у него приступы тошноты, головокружения и так далее, – говорил Джексон. – Нас беспокоило, сколько минут он сможет отыграть, но он сказал: «Дайте мне сыграть» и отыграл 44 минуты. Одно это уже невероятное усилие». Игра Пиппена в защите и его результативные действия с игры тоже помогли «Буллз» сделать

эту победу возможной. Вкладом Скотти стали 17 очков, десять подборов и пять ассистов. «Майкл был великолепен, это мы все знаем, – сказал Чарльз Баркли, сидевший на трибунах «Дельта-центра». – Но я подумал, что одним из ключей к победе «Буллз» стала вторая четверть. У «Юты» был шанс прихлопнуть «Буллз», но она этого не сделала. Одна из причин того, что «Джаз» не удалось это сделать, в том, что Скотти выдал несколько очень мощных эпизодов по ходу отыгрыша «Чикаго».

> Серия наконец перенеслась обратно в Чикаго, где Джордан закончил начатое, срежиссировав еще одну голливудскую концовку сезона.

Команда «Джаз» рано захватила лидерство и отважно удерживала добытое преимущество до тех пор, пока давление «Буллз» ближе к концу матча стало невыносимым. Джордан заработал 39 очков и помог команде двумя часами усердной игры в защите, а венцом его выступления стал изящный ассист Стиву Керру, все еще корившему себя за то, что промазал трехочковый, который мог бы перевести четвертую игру серии в овертайм. «Стив казнил себя из-за четвертой игры, – объяснял после Джордан. – Он часами лежал, уткнувшись в подушку, потому что подвел команду, потому что каждый знает, что он один из лучших снайперов в баскетболе и у него была возможность тогда вытащить нас в овертайм, придать сил своим броском, – поэтому он был очень разочарован».

«Когда Фил набросал вариант комбинации на концовку, которая, как думали все, кто был в зале, кто смотрел игру по ТВ, замкнется на мне, – продолжал Джордан, – я посмотрел на Стива и сказал: «Это твой шанс, я знаю, что Стоктон придет помогать. А я тогда отдам тебе». И он сказал: «Давай мне мяч». Такую фразу сказал бы Джон Пакссон, отмечал Джордан. Керр был точен, арена взорвалась в приступе необъятной эйфории, и «Чикаго» взяла свой пятый титул.

«Сегодня Стив Керр отрастил себе крылья, как по мне, – говорил Джордан, – потому что я верил в него и отдал ему мяч, а он уже забросил. Я рад, что он обрел свое искупление, потому что, если бы он промазал этот бросок, думаю, он не смог бы заснуть все лето. Я очень счастлив за Стива Керра».

«Когда он отдал мне мяч в конце, я сделал бросок, – вспоминал Керр со смехом. – И я всегда буду помнить, что когда он давал интервью после игры, то сказал: «Ну, Стив Керр заслужил признание». Я тогда подумал: «Я что, еще не заслужил его раньше?! Постойте, но мы выиграли титул в прошлом году. Я сделал несколько важных бросков. Приносил команде пользу». Я

не осознавал этого. «Неужели я еще не заслужил признания?»

Такова жизнь члена группы поддержки.

Большинство игроков команды испытывали трудности, но Скотти Пиппен виртуозно освоил игру рядом с Джорданом. Джордан был очевидным MVP, но Пиппен на всем протяжении сезона был в шаге от этого звания. Джордан сказал, что оставит приз самому ценному игроку себе, но машину, которая вручалась обладателю награды вместе с трофеем, отдаст Пиппену.

«Я прослежу за тем, чтобы он получил машину, – сказал Джордан, – потому что он мне как младший брат. Он испытывает боль, но мы все равно тренируемся каждый день. Он присоединяется ко мне, и мы тренируемся каждый день, чтобы оставаться здоровыми, выходить на паркет и добывать победы для организации и города, так пусть мы будем здоровыми и дальше и продолжим быть чемпионами».

Чем дольше Джордан говорил, тем увереннее звучал его голос, и вот он уже призвал Джерри Райнсдорфа сохранить команду, чтобы дать ей возможность защитить титул в грядущем сезоне. Для публики этот жест был совершенно очевидным и читаемым. Для тех, кто знал внутреннюю кухню клуба, он сулил лишь новые неприятности».

Глава 35
«Взрыв» в автобусе

Даже ведя «Буллз» к ее пятому чемпионскому титулу, Джордан ронял в благодатную почву семена будущей гибели команды. В этот раз таким семенем стали вербальные оскорбления, которыми он осыпал Джерри Краузе в командном автобусе. С самых первых дней после своего возвращения в баскетбол Джордан демонстрировал новый уровень злобы и агрессии по отношению к генеральному менеджеру. Он был расстроен несправедливым, как он считал, отношением Краузе к Пиппену, а кроме того, верил, стараниями Джексона, что это Краузе ответствен за увольнение из клуба его любимого тренера Джонни Баха. И хотя Джексон пытался отговорить Краузе от идеи проехаться с командой в автобусе и вообще присутствовать с ней рядом в момент триумфа, генеральный менеджер, всегда искавший возможность почувствовать себя членом команды, настоял на своем. Однако присутствие Краузе в автобусе быстро превратило его в мишень для колких шуток Джордана, которые стали только резче за время финальной серии в Юте. Были ли они проявлением гнева Джордана? Или это его натура задиры вышла из-под контроля? Каким бы ни был верный ответ, конфликт, произошедший в командном автобусе в 1997 г., стал новым витком длинной истории разногласий в «Буллз».

«Жаль, что все вышло таким образом, – сказал Джим Стек. – Не нужно было доводить до такого».

Наверное, не должно удивлять то, что весомым фактором в конфликте стал алкоголь. В первые полчаса после гостевой победы Джордан и многие его партнеры часто выпивали пять-шесть банок пива и раскуривали сигары – для профессионального баскетбола обычное дело. Джордан не был пьян, когда начал задирать Краузе. Но он достаточно захмелел, чтобы спустить с поводка свое острое чувство юмора.

Годами Джордан садился в задней части автобуса после матчей, откуда поражал своим сарказмом, словно лазером, партнеров и вообще всех, кто оказывался рядом. Он подкалывал Кукоча за игру на Олимпиаде 1992 г. или за его манеру защищаться. Экипировщик команды Джон Лигмановски был для него легкой мишенью из-за избыточного веса. Лигмановски вспоминал, что пытался соперничать с Джорданом в острословии, но это было трудно. Джордан прибегал к юмору и для того, чтобы приструнить игроков состава. Лигмановски говорил: «Если ему

казалось, что кто-то не делает свою работу как надо или боится выходить играть, он что-нибудь говорил. Он докапывался и озвучивал свое мнение».

Отвечая на вопрос о причинах этих своих «автобусных» колкостей, Джордан говорил: «Я не воспринимаю вещи слишком серьезно. Я получаю их достаточно серьезными. Но я способен посмеяться над собой, прежде чем смеяться над другими. А это важно. Я могу смеяться над собой. Но потом я могу быть жестоким».

В отношении Краузе он был особенно жесток по ходу серии плей-офф в Юте. По крайней мере отчасти такое отношение можно было объяснить тем, что Краузе годами отпускал шпильки в адрес Джордана в стремлении сдружиться со звездой, и это было ошибкой.

«Джерри Краузе! Джерри Краузе! – орал Джордан из задней части автобуса как-то раз. – Эй, Джерри Краузе, давай съездим на рыбалку. В формате ПСУ – Приноси Свою Удочку. Не волнуйся. Если ничего не поймаем, сможешь сам съесть свою наживку».

Игроки, сидевшие в задней части автобуса, громко захохотали, а сотрудники клуба, сидевшие спереди, нервно кусали губы. Краузе был вице-президентом команды и ее генеральным менеджером, не говоря уже о том, что он был их непосредственным боссом. Джексона, который никогда не был мишенью джордановских колкостей, казалось, забавляло происходящее. «Эти парни выпивали по паре банок пива и начинали доставать его», – говорил один из сотрудников «Буллз».

«Фил порой просто сидит и никак не реагирует на это, – говорил другой сотрудник клуба. – Ты – Фил Джексон, и твоего же босса унижает один из твоих игроков. Ну скажи хоть что-нибудь. Фил не впрягается за него в таких ситуациях. Они прямо как школьники, когда в школе собираются толпой и прессуют кого-то одного».

«Сейчас, в ретроспективе, даже не знаю, что Фил мог тогда сделать, – говорил Чип Шефер. – Он не мог просто повернуться и сказать: «Хватит, Майкл».

Пока команда побеждала и двигалась к чемпионству, Краузе терпел оскорбления молча. Временами, когда поток критики становился особенно тяжелым, генеральный менеджер поворачивался к кому-нибудь, кто сидел по соседству, и говорил: «Трепло из Каролины опять взялся за старое».

«Может, в случае Джерри это был защитный механизм, – говорил Текс Уинтер о молчании Краузе. – Но мне кажется, что слова не так уж сильно его задевали. Думаю, он довольно толстокожий».

«Брэд Селлерс – вот уж удачный пик на драфте», – кричал из задней части автобуса Джордан.

В тот день команда возвращалась в свои квартиры в близлежащем городе Парк-Сити. Чип Шефер вспоминал: «Мы были вынуждены ехать со скоростью где-то 25 миль в час, потому что для того чтобы попасть в Парк-Сити, нам нужно было забраться на высокий горный пик и преодолеть его. И это в каком-то смысле породило ситуацию, в которой все и началось».

«Эй, Джерри Краузе, вчера автобус ехал быстрее без твоей жирной задницы на борту!» – кричал Джордан, и по следам его слов несся громкий смех партнеров.

«Краузе толком нечего ответить Майклу. Он называет его Лысиком или еще как-нибудь по-глупому, – отмечал сотрудник «Буллз». – Когда эти ребята пили пиво, курили свои сигары и гудели, отмечая победу, любое слово Джерри в их адрес только сильнее распаляло обидчиков. Они просто отвечали ему, говоря что-нибудь похуже. Так уж они себя вели».

«После игры они выпивали по паре бутылок пива, – говорил Шефер. – Я не думаю, что кто-нибудь злоупотреблял этим. Они пьют свой Gatorade и GatorLode, ну и пиво им тоже нравится. Поддразнивание – жестокая штука. Дразнят грубо и когда тебе шесть лет и ты играешь в песочнице, и когда тебе десять лет, и когда пятнадцать, жестоко дразнят и взрослых людей. Слышал ли я подобные слова раньше? Улыбался ли, слыша эти шутки? Возможно. Но я слышал и такие слова, после которых думал: «Просто помолчи и оставь его в покое».

«Это всегда порождало огромный дискомфорт, – вспоминал Стив Керр. – Я помню, как Джад Бюхлер как-то раз сказал мне: «Можешь себе представить, чтобы Джеймс Уорти так же вел себя с Джерри Уэстом?»

Известный своей привычкой проверять всех членов команды на прочность, Джордан любил позадирать не только Краузе. «Помню как-то раз, в другой поездке, – вспоминал Керр, – Майкл опять сидел сзади и начал что-то тявкать, а Краузе сидел впереди. Тут к Майклу присоединился Рон Харпер, но Майкл быстро его осадил, сказав что-то вроде «Нет, нет, тебе такое не позволено. Только я могу вести себя так».

И хотя тот факт, что игроки с давних пор подшучивают друг над другом, общеизвестен – это обязательная часть их спортивной жизни, – Керру было очевидно, что Джордану не нравилась мысль о возможном «бунте на корабле». «Он только хотел помучить Краузе. Он всех проверял на прочность, но в этом случае был не тест. Это было искренне с его стороны. И я не уверен, что знаю, в чем была причина. Порой это приводило в замешательство. Я не

очень понимаю, почему он считал себя обязанным вести себя так, но он это делал».

Случались и моменты тотального унижения, вспоминал Керр, добавляя, что никогда ни до, ни после не оказывался в аналогичных ситуациях, когда один человек так ведет себя с другим, особенно если этот другой его начальник.

Люк Лонгли признавал, что, хотя в большинстве случаев язвительные комментарии Джордана вызывали смех у игроков, порой ситуация могла принимать некрасивый оборот, особенно если объектом насмешек Джордана становился ты сам. «Порой они немного выходят за рамки. Но в большинстве случаев шутки довольно смешные, – говорил Лонгли. – У него такой статус, что он может смеяться над людьми и не бояться последствий. Но когда люди отвечают ему такой же шуткой, он принимает этот юмор так же адекватно. Обычно, это говорится не со зла».

«Думаю, что напряжение всегда присутствовало, – говорил Билл Веннингтон. – По каким-то причинам Майкл всегда донимает Джерри. Каждый раз, когда Джерри оказывается рядом, он обязательно начинает его доставать, особенно если это командное собрание и присутствуют все игроки. Майкл обязательно будет дразнить его. А автобус – закрытая территория, так что никто никуда уйти не может. Приходится просто сидеть и слушать».

«Он очень умен, – говорил о Джордане Чип Шефер. – Худшее, что можно придумать, – попытаться дать ему отпор в острословии. Если игнорировать, подколы сами собой прекратятся. Например, если он начинает потешаться над тобой, то нельзя поворачиваться и говорить: «С кем это ты разговариваешь, Лысик?» Тогда считай, что ты принял вызов. Лучше просто посмеяться и надеяться, что он переключится на кого-нибудь другого».

«Способности и таланты Майкла ставят его в такую позицию, с которой он может позволить себе говорить что-то или делать какие-то вещи, которые не могут делать другие, – объяснял Веннингтон. – Что касается того, какой тон он задает в команде, то он – великий баскетболист и лидер нашей команды, а лидер может трогать кого угодно. Он – тотемный столб, и он так же высок, как этот тотем, так что все, кто стоит внизу, должны принимать это и мириться. Что ты должен делать – по крайней мере так поступаю я – просто терпеть эти вербальные побои. Если начать отвечать ему, то никто не встанет на твою сторону. Все примкнут к нему, потому что никто не хочет, чтобы он потом смеялся над ними. Так что это будет неравный бой, 12 против одного. Поэтому лучше потерпеть две минуты унижений…»

«Он может наехать на кого угодно, – добавлял Веннингтон. – Если уж он в настроении и начал до кого-нибудь докапываться – все. Но нужно быть осторожнее, когда он будет подкалывать кого-нибудь из команды, чтобы не засмеяться слишком громко, иначе он может повернуться к тебе и сказать: «Так, давай теперь займемся тобой!»

Неудивительно, что уколы Джордана игрокам было гораздо проще сносить после побед. «Он все время доводит людей, – говорил Керр в то время. – Это забавные моменты. Такие моменты веселья надолго остаются в памяти. Он порой говорил невероятно смешные вещи. Думаю, что в каком-то смысле особенными их делает то, что они звучат только в автобусе. Они – своего рода интимные моменты для команды, потому что случаются после эмоциональной игры так или иначе. Парни в задней части автобуса начинают представление, и это очень веселит».

«Майкл – очень смешной комик, – говорил Рон Харпер. – Он всех расслабляет. Когда напряжение очень велико, когда мы играем тяжелые баскетбольные матчи, он всегда расслабляет тебя и делает это очень, очень хорошо. У него есть способность сказать что-нибудь, чего ты не ожидаешь услышать. Из задней части автобуса он много забивает, если понимаете о чем я. Он часто пристает к Джерри Краузе».

На вопрос о том, как воспринимал поддразнивания Краузе, Харпер отвечал, сочувственно смеясь: «У него не было выбора, не так ли?»

«Думаю, что Джерри хватало понимания того, кто такой Майкл и что он для всех значит, – говорил Текс Уинтер. – Он знает, что у Майкла такой характер, что он любит бросать людям вызовы, любит принижать и поносить их. Думаю, что Джерри просто мирится с этим и принимает как данность. С учетом того, какой Майкл выдающийся баскетболист, у него, по сути, нет выбора. И Джерри первым скажет тебе об этом. Все признают, насколько Майкл ценен для этого баскетбольного клуба». В то же время Уинтер считал, что эта ситуация с Майклом усиливала ощущение неудовлетворенности Краузе в работе с командой. Перешел ли Джордан линию дозволенного в своем общении с Краузе? «Полагаю, что никакой линии там уже нет – так часто он ее переходит», – сказал Уинтер, добавляя, что ситуация была попросту побочным продуктом столкновения «характеров и эго».

Другой сотрудник «Буллз», изнутри наблюдавший за развитием отношений в команде, говорил, что Джексон просил Джордана – Краузе, правда, никогда в это не поверил бы – полегче себя вести с генеральным менеджером. По словам одного свидетеля, Джордан ответил, что и сам знает, что не должен быть

столь суровым, но признавал: «Иногда я просто не могу удержаться».

«Мне кажется, они говорили на эту тему, – соглашался Уинтер. – Фил пытался научить Майкла более лояльно относиться к авторитету босса в команде – такое указание дал сверху Джерри. Думаю, что Фил помог в этом плане. И все же порой мне кажется, что он не помогал так, как, наверное, мог бы помочь, это если говорить откровенно».

Уинтер утверждал, что просил Джексона прилагать больше усилий для разрядки ситуации.

«Казалось, что он стал чаще говорить о каких-то вещах, в то время Майкл стал честнее в своих чувствах, более открыто их выражал, – говорил Джексон о возвращении Джордана в «Буллз». – Но эта неприязнь между ними была всегда. Джерри говорил мне: «Я – тот человек, который сказал ему, что он не может играть, и теперь Майкл будет точить на меня зуб за это всю оставшуюся жизнь».

«Теперь я более открыто и звучно выражаю свои эмоции, чем это было десять лет назад», – сказал Джордан, отвечая на вопрос об инциденте, случившемся после плей-офф. В первые мгновения после окончания финальной серии 1997 г. один из сотрудников «Буллз» увидел, как Джордан обнимает Краузе. «Он схватил его и обнял, – говорил сотрудник. – Это были не короткие объятия, потому что в тот момент нужно было обняться крепко, это было правильно в тот момент. Это были сердечные объятия. Майкл обнял и жену Краузе, Тельму. Она просто улыбалась. С виду они были как одна семья».

В следующее за этим лето, полное конфронтаций и переговоров, места сердечным объятиям уже не найдется. На самом деле было вполне очевидно, что объятия уже навсегда в прошлом.

Последний раз

Как всегда, баскетбольная площадка была для Майкла Джордана тем местом, где ему все становилось ясно и понятно. Все грани и линии ее были остры, чисты и геометрически выверены, а шум толпы превращал ее в крепость его невероятной концентрации на задаче, особенно часто так случалось в последний сезон. Если решения, которые он принимал во время игры, были и не идеальными, то как минимум очень близкими к идеальным. Его игра вышла на такой уровень, что поражались

даже те люди, которые годами следили за его карьерой тщательнейшим образом.

Айзея Томас, Даг Коллинз и Боб Костас в том сезоне вместе комментировали одну из его игр и в какой-то момент сошлись во мнении, что им следует прекратить говорить о Джордане, потому что все, что он делал на площадке, было таким правильным, таким точным и уместным, что никаких слов не требовалось. Вполне вероятно, что никто из людей за всю историю не делал что-либо так хорошо, как Майкл Джордан играл в баскетбол на финише своей карьеры.

Его команда начинала седьмой год игры с треугольным нападением Текса Уинтера. Оно привнесло порядок на площадку, но именно роль Джордана в этой системе часто оживляла ее, вдыхала в нее жизнь. Он мог сделать один шаг и разом переместить всю защиту соперника. Не было ни одного игрока, который знал бы систему нападения Уинтера лучше него, даже сам Уинтер, наверное, не знал ее так хорошо. У Джордана всегда было особое кинестетическое чутье, способность читать происходящее на площадке. Система нападения усовершенствовала это чутье, внеся порядок в контекст игры. Джордан видел ее ограничения и выяснял, как лучше вести себя в их рамках до тех пор, пока не откроется более интересный вариант.

Джордан не нуждался в системе нападения и часто предпочитал поступать по-своему, но в тысячах владений он находил ей идеальное применение. Он постоянно работал под кольцом, и треугольник усложнял задачу соперникам, пытавшимся держать его под двойной опекой. Столько раз случалось так, что все, что ему было нужно сделать, – развернуться к лицевой, в сторону от пары опекунов, и вот она, возможность бросить без помех. Он мог в любой момент улучить возможность для броска просто за счет прохода туда, куда, казалось, не мог пройти никто другой – или даже задуматься об этом. Но нападение, когда он работал в нем, в изобилии предоставляло ему возможности для бросков. А уж бросать он умел изумительно.

«Я тренировал его три года, – сказал Даг Коллинз, – и видеть то, как этот человек до сих пор играет в баскетбол, просто невероятно».

Даже его соперники жаждали узнать, что же он будет делать в следующий момент. В возрасте 35 лет он был в великолепном состоянии, и некоторое время в том сезоне люди начали задумываться о том, возможно ли такое, что он молодеет с годами? Те 3,6 кг, которые он сбросил, определенно молодили

его, пусть и только внешне. Большинство игроков проигрывали битву с молодостью, он же нашел такую нишу, где возраст казался почти не имеющей значения деталью. «Мотор у этого парня никогда не глохнет и не выключается», – дивился Айзея Томас.

Красота игры Джордана на площадке резко контрастировала с отвратительным конфликтом, развивавшимся между ним и генеральным менеджером. После тех злых и едких шуток, что позволял себе Джордан в автобусе в Юте, Краузе, казалось, с головой погрузился в этот конфликт. Он утверждал, что ни одно из слов Джордана не задевало его за живое, но все, что он делал, говорило об обратном. Унижения Джорданом Краузе были лишь одной составляющей в череде тех разногласий, что портили взаимоотношения между игроками, тренерами и управляющими «Буллз». Потом они выиграли чемпионат, и Джордан, взобравшись на подиум во время празднований, воззвал к Райнсдорфу с призывом удержать Джексона и игроков, чтобы предпринять еще один поход за титулом. Этот эпизод оскорбил Райнс-дорфа, потому что Джордан намеренно воспользовался случаем, чтобы продавить свои интересы вместо того, чтобы дать владельцу команды возможность милостиво сделать им предложение.

Джордан, впрочем, знал, что этот эмоциональный момент – лучшее время сделать свой ход. Он не собирался отстраняться и допускать, чтобы этот вопрос решался в совете директоров «Буллз». Но его публичное воззвание к Райнсдорфу с призывом удержать игроков еще на один год задало тон турбулентному сезону 1997/1998 г., по ходу которого Джордан и Джексон вынесут на суд общественности свои аргументы по решению конфликта, тогда как Райнсдорф будет вынужден сердито пыхтеть в тишине своего кабинета.

Что же касается нового контракта Джордана, то переговоры по нему проходили относительно безболезненно. Он подписал новое годичное соглашение на сумму более 30 млн долларов. Джексон тем временем ожесточенно спорил с Краузе на тему важности тренера для команды и соответствующей этой важности цене. Краузе не хотел признавать, что зарплаты тренеров стремительно меняются. Наконец в июле 1997 г. Краузе объявил о заключении годичного соглашения с Джексоном на сумму в 6 млн долларов, но сразу подчеркнул, что этот год станет последним для Джексона у руля команды независимо от результатов, которые покажет «Буллз», – даже если команда выиграет все 82 игры.

Было вполне очевидно, что Джерри просчитался с этим пресс-

релизом и в некотором роде позволил эмоциям возобладать над собой», – сказал позже Джексон.

«Я определенно не хотел объявлять об этом с ликованием в голосе, – признавался Краузе. – Порой я неправильно поступаю в таких ситуациях».

Генеральный менеджер не озвучил конкретных причин, приведших к запланированному уходу Джексона из команды, но отношения между тренером и генеральным менеджером дали трещину, это было очевидно. «Это конец, – просто сказал Краузе. – Фил и я знаем об этом. Мы все знаем». Краузе встал в оппозицию к невероятно популярному Джексону. Все стало только хуже, когда начались тренировочные сборы и Джордан объявил, что завершит карьеру, если Джексон не останется в команде.

Внезапно Джерри Краузе оказался врагом двух самых популярных людей на планете.

Заявление Краузе было необдуманным и совершенно бессмысленным, оно резонировало в течение всего сезона, следствием чего стали нараставшие с каждым днем раздражение и гнев публики, под пресс которой попал Райнсдорф. Болельщики и пресса начали называть их «двумя Джерри», подлецами, пытавшимися разрушить «Буллз». Краузе носил эту мантию так, словно был рожден для нее.

Искра, разжегшая пожар, объявший все здание, сверкнула в день, который обычно выделяется игроками и тренерами для ответов на вопросы репортеров о предстоящем сезоне. Краузе, как он иногда это делал, тоже решил пообщаться с журналистами. Отвечая на вопрос, он отпустил реплику из серии «игроки не выигрывают чемпионства, их выигрывают организации». Позже он будет утверждать, что на самом деле сказал «*одни только игроки* не выигрывают чемпионства».

Может, это и было правдой, но такие мелкие детали часто теряются из виду, когда вражда и взаимная неприязнь выливаются в драку. Генеральному менеджеру «Буллз» следовало бы знать – после более десяти лет совместной работы с Джорданом, – что порой даже кажущиеся безобидными вещи могут привести его в ярость. Сказав одно предложение, Краузе стал Ла Брэдфордом Смитом розлива 1998 г.

Позже репортеры передали Филу Джексону слова Краузе. «Он мог такое сказать», – поспешно ответил тренер. Краузе подлил масла в огонь, но настоящей проблемой был Пиппен. Отказ Джерри Райнсдорфа платить ему ту сумму, которую Скотти считал заслуженной, долгое время будет оставаться одним из необъяснимых элементов глобального клубка конфликтов,

раздиравших команду. «Это была неудача, – говорил Джим Стек в 2012-м, вспоминая минувшее. – Думаю, что контракт Скотти был самой большой проблемой, тот факт, что мы не были готовы платить ему столько, сколько он хотел зарабатывать, и хотел вполне заслуженно. Ситуация была крайне сложной. Скотти только предстояло получить контракт суперзвезды. Его соглашение с клубом истекло летом 1998-го. Было очевидно, что Скотти хочет долгосрочный контракт. Мы просто не были в состоянии дать его ему».

Если проще, то Райнсдорф и его партнеры, заработавшие сотни миллионов долларов на «Буллз» за короткое время, не хотели платить Пиппену столько, сколько получали другие игроки его калибра, а это примерно 15 млн долларов в год. Они платили ему меньше 3 млн в год, что было куда ниже рыночной стоимости его как игрока. Пиппен был ключом к успеху Джордана, но Райнсдорф хотел обменять его в другую команду, чтобы заполучить взамен более дешевые активы. Это позволило бы Райнсдорфу «выиграть» сделку, но подобные методы едва ли подходили для управления лучшей баскетбольной командой в истории. Вероятная стоимость услуг Пиппена за следующие три сезона могла составить 45 млн долларов. Райнсдорф уже выплатил Джордану более 30 млн за один сезон, а потому был твердо настроен удержать в узде платежную ведомость команды, раздувшуюся в тот момент до размеров самой крупной в истории NBA. В разговорах между собой Краузе и Райнсдорф продолжали поднимать тему того, как команда будет входить в крутой поворот, что ждет ее с окончанием эпохи Джордана. Они были так заняты мыслями о ее завершении и дальнейшей жизни без него, что не сумели осмыслить то, что имели благодаря этой эпохе.

Для Пиппена же, и так склонного надувать губы по поводу и без, это было очевидно. Он был травмирован и собирался ложиться на операцию сразу после окончания сезона 1997 г. Вместо того чтобы сразу лечь под нож, он, разозлившись на команду за ее стремление скинуть его какому-нибудь другому клубу, дождался конца лета и только тогда лег на операцию, вследствие чего пропустил многие недели на старте сезона. Всегда умевший читать между строк Сэм Смит приметил, что и Джордан был разгневан решением Пиппена. Если и так, то негатив в отношении Скотти затмило нараставшее негодование Майкла касательно Краузе и Райнсдорфа.

Джексон знал, что неуклюжий ход Краузе станет идеальным прикрытием для Райнсдорфа. Он ввел в заблуждение публику, начавшую считать, что суть конфликта была в противостоянии Джордана и/или Джексона с Краузе, тогда как на самом деле

причиной было нежелание Райнсдорфа платить Пиппену. Джордан не нашел свободного времени, чтобы прийти в день, предназначенный для прессы, но на следующий день, после первой тренировочной сессии команды, он прокомментировал слова, сказанные Краузе днем ранее. «Я очень последователен в том, что говорю, и так было всегда, – сказал репортерам Джордан. – Я говорю серьезно. Если Фила здесь не будет, я точно не останусь».

«А что, если Джексон перейдет в другую команду в следующем сезоне, – спросил репортер. – Последует ли Джордан за ним?» – «Нет, – ответил он. – Определенно. Я бы ушел. Даже не ушел, я бы закончил карьеру, скажу так». На вопрос о том, не повлияют ли комментарии Краузе на игру команды на площадке, Джордан ответил так: «Не повлияют, если Джерри только не будет играть. А он не играет».

Отложенная Пиппеном операция тяжким грузом легла на плечи Джордана. Предыдущие два года выступления Джордана на паркете не давали команде развалиться. Он полагал, что пока «Буллз» выигрывает титул за титулом, Райнсдорф не позволит Краузе разрушить команду. Но в отсутствие Пиппена Джордану предстояло в одиночку тащить на себе весь груз ответственности. В каком-то смысле этот груз был аналогичен тому, что он тащил на себе в Младшей лиге бейсбола. Когда он играл хорошо, его родители радовались. Так что эта ситуация стала, возможно, еще одной вариацией на одну из главных тем его жизни.

Чистый, освобожденный разум

Той осенью команда «Буллз» испытывала ощутимые трудности и выглядела посредственно: ноябрь она прошла с результатом 6–5. Седьмую победу в сезоне она одержала во втором овертайме игры с «Клипперс», в которой Джордан набрал 49 очков. Хотя Пиппен был травмирован, он все равно поехал с командой на Запад, и две игры спустя, в Сиэтле, садился в командный автобус вместе с партнерами, уже будучи нетрезвым. В автобусе он словесно атаковал Краузе. Мгновенно начались спекуляции о том, что Краузе, которому и так не нравился Пиппен, использует этот инцидент, как повод обменять игрока в другую команду прежде, чем в лиге наступит февральский трансферный дедлайн.

Тренировки осознанности, которые проводили Джексон и Джордж Мамфорд, были нацелены на то, чтобы научить Джордана жить моментом. И тот решил, что если этому сезону

суждено стать его последним сезоном, он будет играть сосредоточенно и получать от игры удовольствие. За неделю до Рождества «Буллз» его стараниями улучшила свой результат в сезоне до 14–9. На той неделе в Чикаго приехала команда «Лейкерс», что дало Майклу возможность поближе взглянуть на тинейджера Коби Брайанта, которого пресса уже окрестила очередным «новым Майклом Джорданом». Годами СМИ возвещали о пришествии в баскетбол следующей инкарнации суперзвезды, доминирующей на всех площадках NBA, и за это время такой ярлык навешивали на такое количество молодых игроков, что даже родился новый термин: «наследник Джордана». В начале 1990-х гг. уроженцу Южной Калифорнии Гарольду Майнеру не повезло получить прозвище «Бэби Джордана» и поверить в его правдивость. Даже Рон Харпер был в длинной череде наследников, пока не получил тяжелую травму колена. Он восстановился, но больше никогда не летал так высоко, как раньше. Грант Хилл – первогодок, пришедший в «Пистонс» в 1994-м, тоже трудился в атмосфере шумихи вокруг своей персоны, но время показало, что как игрок он больше походит на Пиппена. Джерри Стэкхауз стал следующим, кого затянула эта трясина нелепых сравнений, и вот теперь, в 1997-м, настал черед Коби Брайанта.

Казалось, что Джордан всегда прилагает огромные усилия к тому, чтобы преподать хороший урок претендентам на свой трон. Однако Брайант оказался настолько похожим на Джордана в ключевых аспектах, что даже сам царствующий монарх остался под впечатлением от его игры. Как и Рэй Аллен, Брайант годами изучал игру Джордана по видеокассетам и делал это с таким усердием, что его уже начали подвергать серьезной критике за желание во всем копировать Джордана. Однако тем вечером в Чикаго Брайант показал, что может подкрепить свои слова делом, особенно по части имитации некоторых атакующих маневров Джордана.

«У него их много», – признавал сам Джордан.

Защитник «Лейкерс» Ник Ван Эксель любил шутить, что Брайант подсмотрел их все в видеокассете с нарезкой лучших моментов игры Джордана, которую он одолжил Брайанту осенью 1996-го, спустя несколько дней после того как Коби, будучи 18-летним дебютантом из старшей школы Лоуэр-Мерион, Филадельфия, присоединился к команде. В тот вечер стало ясно, что Брайант потратил немало времени на изучение видеокассеты, потому что в игре он демонстрировал почти все джордановские приемы по памяти, даже знаменитые раскачивания Майкла при игре спиной к сопернику, когда он своими ложными движениями

и дерганьем доводил соперников до исступления.

Как Брайант сыграет против Джордана? Этот вопрос хотя бы на время отвлек «Буллз» от ее тревог, вызванных трениями между Краузе, Пиппеном, Джорданом и Джексоном. В тот вечер Его Воздушество обеспечил «Буллз» большое преимущество в первой четверти матча, тем самым подготовив почву к дуэли с Брайантом во второй половине игры.

«Майкл любит эти соперничества, – говорил Рон Харпер о встрече между двумя игроками. – [Брайант] – очень молодой игрок, который однажды может занять его трон, но не думаю, что Майкл готов уступить его уже сейчас. Он вышел, чтобы показать всем, что он все еще тот самый Air Jordan».

Джордан набрал 36 очков, а Брайант показал лучший результат в карьере – 33. Этот вечер предоставил богатый материал для нарезок лучших моментов, так как оба игрока изящно танцевали под щитом, выцеливали джамперы с периметра и прокладывали себе путь к кольцу перед тем, как исполнить пару симпатичных данков. «В молодости от меня исходила такая же вибрация, – говорил Джордан репортерам после игры. – Здорово, когда удается соперничать с физической мощью за счет ума и чтения игры. Приятно понимать, что, несмотря на долгие годы выступлений, я, если понадобится, смогу защищаться против Коби Брайанта… и ничем ему не уступить».

Джордан попытался проявить сдержанность, хотя было горячее желание победить в этой дуэли. «Наше соперничество было вызовом для меня по причине всей этой шумихи, – говорил Джордан. – Но вызов также состоит и в том, чтобы не поддаваться этой шумихе и не превращать все в наше с Коби противостояние один на один. Пару раз мне показалось, что такое впечатление могло сложиться, но мне пришлось сдерживаться, особенно когда он забивал через меня. Я чувствовал естественное желание пробежаться до другой корзины и забить через него».

Из целого поколения игроков, выросших на игре Его Воздушества и поклонявшихся ему, как божеству, Брайант, оказалось, был одним из лучших, если не лучшим имитатором Майкла, хотя их манера игры была далека от идентичности. «В плане игры в защите я должен привыкнуть к игре против баскетболиста, чьи способности и таланты схожи с моими, – объяснял Джордан. – Я пытаюсь найти какую-нибудь слабость и использовать ее как козырь».

В разгар их противостояния в четвертом периоде Брайант остановил чикагскую звезду, чтобы задать вопрос. «Он спросил у меня о моем маневре спиной к сопернику, в духе: «Как вы держите ноги: широко расставив или, наоборот, близко их

сводите?» – говорил Джордан. – Я был немного шокирован. Почувствовал себя старичком, когда он задал мне этот вопрос. Я сказал ему, что в нападении всегда нужно пытаться увидеть и почувствовать, где находится защищающийся игрок. Когда я исполняю свой джамп-шот с разворота, я всегда пытаюсь за счет ног почувствовать, где играет защита, чтобы отреагировать на ее действия».

Джордан добавлял, что самым сложным вызовом для Брайанта будет «использование и применение на площадке всего того, что он знает и умеет. Его навыки должны работать на него, а добиться этого трудно. Это опыт. Этому меня научили Ларри Берд и Мэджик Джонсон. Нет никаких сомнений, у него есть навыки, необходимые для того, чтобы управлять баскетбольной игрой».

> Брайант, сын бывшего игрока NBA Джо «Джеллибина» Брайанта, жаждал впечатлить своего кумира.

«Майкл обожает вызовы, соперничество, – говорил Коби. – Он любит, когда ему бросают перчатку. Но в то же время отец всегда учил меня, что никогда нельзя ни перед кем отступать, каким бы выдающимся баскетболистом ни был твой соперник. Если он завелся, ты тоже заводись. Ты должен выходить и на каждый маневр отвечать своим маневром, на каждый удар своим ударом».

Когда Джордан увидел прыгучесть талантливого Брайанта своими глазами, он признался, что это его очень впечатлило: «Я спросил у Скотти Пиппена: «Мы когда-нибудь так прыгали? Я что-то не припоминаю». Он сказал: «Думаю, да, но это было так давно, что я уже не помню».

«Было ощущение, что я сам оказался на месте тех игроков, которые сталкивались раньше со мной, – объяснял Джордан. – Он действительно показал признаки того, что может стать серьезной силой в игре. У него много разных приемов. А будучи игроком нападения, ты захочешь иметь такой арсенал приемов, чтобы защита всегда гадала, что ты сделаешь дальше».

«Он очень умный соперник, – говорил Брайант о Джордане. – Я увидел, что он думает по-баскетбольному, идет ли речь о тактике или каких-то маленьких стратегических моментах, которые он продумывает на площадке. Я слежу за ним и анализирую его игру, чтобы делать то же самое. Но он лучше меня во всем этом, потому что играет уже порядочно времени. Он очень умный, очень техничный. Такое нельзя просто получить от природы… – Брайант взял паузу, прервавшись на середине мысли, и добавил: – Когда у тебя есть талант в придачу ко всему этому, то тогда ты уже совершенный игрок».

Несмотря на рой проблем, круживших вокруг его команды, Джордан продолжал карабкаться вверх к новым рекордам. 9 декабря, по ходу выигранного у «Нью-Йорка» матча, он обошел Мозеса Мэлоуна (27,409 очка) и занял третье место в списке самых результативных снайперов на всю историю NBA. Двумя неделями ранее он опередил в этом списке Элвина Хэйса (27,313 очка). Его влияние ощущалось и в других сферах. Игра против «Финикса», состоявшаяся 15 декабря, обернулась для «Буллз» 500-м аншлагом подряд: история лиги не знала серий длиннее этой, и она стала главнейшим признаком значимости Джордана для игры. Куда бы он ни приезжал, люди продолжали спрашивать у него, действительно ли он намерен покинуть «Буллз», если клуб расстанется с Джексоном. «Я просто играю матч за матчем, – повторял он снова и снова. – Что бы ни случилось, все будет к лучшему. Никто не знает, что нас ждет впереди».

2 января он сразился с Рэем Алленом и его «Милуоки» и набрал 44 очка, реализовав 15 бросков с игры из 22. Неделю спустя он спалил дотла «Никс», набрав очередные 44 в «Гардене», но ведь он всегда сжигал «Никс». За три недели он выдал шесть матчей на 40 с лишним очков в каждом, и в этот отрезок уместилась победа над «Хьюстоном» (Майкл набрал 45 очков) и приятелем Чарльзом Баркли. «Если он обыгрывает тебя, то обязательно об этом сообщит, – говорил Баркли о трэш-токе Джордана. – И когда ты лежишь, он от души тебя топчет».

Тони Кукоча и Люка Лонгли, хорошо узнавших эту сторону Джордана за три года совместной работы с ним, журналисты той весной попросили рассказать о тех трудностях, что они испытывали, будучи двумя главными мальчиками для битья Джордана. «Его критика может быть очень суровой, – признавал Лонгли, – но он дает поблажки. Он стал проще в этом плане, узнав меня получше. Он понимает, что разные ребята могут по-разному отвечать и реагировать на различные стимулы. Поначалу было тяжелее. Но сейчас он знает меня лучше, знает, что я умею и чего нет. Меня совсем не утомляет это. Это все часть командной динамики».

Кукоч, впрочем, сказал, что совсем не расстроится, если Джордан вдруг решит заткнуть себе рот носком. «Порой такие вещи переносишь очень тяжело, – говорил хорватский форвард. – Такие слова не всегда приятно слушать». Когда Джордан выходил за рамки, говорил Кукоч, он дожидался, пока Майкл успокоится, а потом подходил к нему и говорил, что это было слишком. И Джордан всегда был готов выслушать. «Он без проблем готов поговорить о проблемах и обсудить их, – объяснял Кукоч. – Я не отвечал ему в такой же манере. Я не из тех людей, кто может быть

жестким. Я лучше подожду пять-десять минут, а потом подойду поговорить с ним». Оба партнера признавали, впрочем, что Джордан обладал такой целеустремленностью, с которой было трудно ужиться.

Он продолжал искать для себя эмоциональные, психологические уловки, которые помогали бы ему выдавать 40-очковые матчи. С возрастом источником такой мотивации для него становились молодые игроки. Той весной он приберег 40 очков на игру с Гэри Пэйтоном в Сиэтле и Майклом Финли в Далласе. На неделе перед своим 35-м днем рождения, в феврале, он вновь схлестнулся с Брайантом на матче Всех Звезд в Нью-Йорке и вновь вышел победителем из дуэли.

Февраль, а вместе с ним и трансферный дедлайн миновали, а Краузе так и не обменял Пиппена, вернувшегося после травмы, и «Буллз» двинулась к своей заветной цели – последнему чемпионскому призу. Той весной команда всюду встречала толпы признательных болельщиков. Было не важно, где она играла и в каком городе оказывалась, потому что здания арен все как одно при виде Джордана начинали сверкать триллионом фотовспышек в попытке запечатлеть на камеру последние мгновения Его Воздушества в деле. Он уже давно приучил себя игнорировать вспышки фотоаппаратов во время исполнения штрафных бросков, но теперь острое желание людей заснять его вышло на новый уровень. Он сыграл важную роль в становлении баскетбола как массового развлечения, и каждую игру десятки тысяч болельщиков приходили отблагодарить его за это и отдать дань уважения. Еще сотни, а иногда и тысячи собирались снаружи, вокруг арен. Толпились у дверей отелей, в которых он останавливался. Высыпали на улицы в надежде мельком взглянуть на Джордана и его партнеров, выходящих из автобуса. Бесчисленное количество других поклонников отправляли благодарственные письма и подарки, букеты цветов и записки с просьбами, и всего этого хватало не на одно и не на два складских помещения. Даже в эпоху, когда атлетические таланты большинства игроков начали стремительно размываться и деградировать, он снова стал лидером лиги по результативности, набирая больше 28 очков за игру, и хотя в последние сезоны Джордан стал все чаще полагаться на свой великолепный джампшот, он все еще мог показать свою невероятную прыгучесть и поразительную координацию тела, изумлявшую зрителей и поднимавшую телевизионные рейтинги на новые высоты. Он демонстрировал, что по-прежнему может взять контроль практически над любой игрой, а такой способностью будет обладать считаное количество его более молодых соперников –

если вообще таковые найдутся.

«Может ли Майкл играть еще лучше? Сейчас что, 1987-й? – спросил как-то раз после очередной игры Билл Смит, фотограф «Буллз» с многолетним стажем. – Как он может просто взять и уйти? Мне тяжело мириться с этой мыслью».

«Нас уже тысячи раз спрашивали об этом, но никто не может с уверенностью сказать, в чем состоит план команды, – сказал Стив Керр, признавая, что ходы менеджмента озадачивали его и партнеров. – В Чикаго куда бы мы ни пришли, люди все время спрашивают: «Как они могут даже задумываться о том, чтобы разрушить эту команду?» И, честно говоря, у нас нет ответов на этот вопрос».

В феврале, когда команда была в Юте, Краузе попал в заголовки газет, подтвердив в разговоре с колумнистом *Chicago Tribune* Фредом Митчеллом, что этот сезон действительно станет последним для Джексона в команде, чем вновь поднял на поверхность скандальную тему. Терри Армур из *Trib* говорил, что это было огромной ошибкой с его стороны. «Когда мы были в Юте, Краузе сказал: «Мы бы хотели, чтобы Майкл вернулся, но если он хочет, чтобы Фил вернулся вместе с ним… этого точно не произойдет». По ходу того гостевого турне на каждой остановке команды в разных городах люди все время спрашивали: «Эй, Майкл, это твой последний год?» Он отвечал: «О да, вполне возможно. Если Фил не продолжит работу, я тоже не вернусь в клуб. Так что я отношусь к этому сезону как к последнему». Думаю, что Краузе надоело это читать снова и снова, и он сказал: «Ладно, сейчас я нанесу удар и скажу им, что мы хотим сохранить Майкла, но если он вернется, то не под руководство Фила».

«Мне кажется, что Краузе просто хочет больше контроля, – говорил Пиппен. – Он хочет выиграть титул без Майкла. И без Фила. И без меня. Просто ради того, чтобы сказать, что он хорош в том, что делает».

«Зачем, – говорил Джордан, – менять тренера, выигравшего пять чемпионатов, когда он пользуется тотальным уважением игроков и определенно умеет добиться от игроков понимания того, в какой команде они играют и что нужно усердно работать каждый божий день? Зачем? Я думаю, что это так или иначе личный конфликт, в значительной степени причина в этом. Причиной явно не может быть работа [Джексона] и то, что он сделал для команды, поскольку пользуется уважением игроков. Его успех как тренера безупречен, это факт. Не думаю, что это можно ставить под сомнение. Поэтому полагаю, что это личный конфликт».

После того как Джордан атаковал менеджмент клуба на

глобальном собрании представителей СМИ, состоявшемся во время уик-энда Всех Звезд в Нью-Йорке, Райнсдорф сделал мудрый ход, наложив мораторий на публичное обсуждение конфликта. Это было лучшее решение, которое он мог принять, помимо собственно объяснения запутанных причинно-следственных связей конфликта.

«Все разговоры об уходах на пенсию, заменах или переменах в ростере преждевременны, – сказал владелец «Буллз» в заявлении команды. – Менеджмент продлил соглашения с этим тренером и этими игроками на этот сезон, чтобы попытаться выиграть шестой чемпионский титул NBA. Сейчас, когда прошло полсезона и впереди команду ждут матчи плей-офф, всеобщее внимание должно быть сфокусировано исключительно на этой цели. На ней сосредоточен и я. И точка».

Драка скатилась к безобразному обмену ударами ниже пояса. Джексон дал журналистам понять, что одной из причин конфликта была привычка Джордана заходить в туалетную комнату прямо перед матчами. Оказалось, что Краузе всегда стремится попасть туда же в то же самое время, и это злило звезду команды, видевшую в этом посягательство на свою личную жизнь и уединение. Потом в прессу утекла информация о том, что в тот год Джексон совершил глупейший поступок, купив своей подружке нижнее белье в подарок. Проблема была в том, что адрес на посылке был указан неверный. В результате она возвратилась в офис тренера, где его ассистент, решив, что подарок предназначался жене Джексона, переадресовал посылку на домашний адрес Джексона. Разгоревшийся вслед за этим скандал привел к тому, что Джексону весь сезон пришлось жить в номере чикагского отеля.

Игроки «Буллз» сплотились вокруг Джексона в момент кризиса в его жизни, из-за чего Краузе заключил, что тренер использует ситуацию ради собственной выгоды. «Фил определенно популярен у игроков и пользуется их расположением, – соглашался Текс Уинтер. – Вполне очевидно, что игроки его любят. Нечасто встретишь такое, что суперзвезда вроде Майкла Джордана готова убивать за главного тренера и предана ему настолько, что не готова играть ни у одного другого тренера, кроме Фила. У них великолепные взаимоотношения. Они – результат работы Фила, долго их культивировавшего».

«Джерри хочет быть самой влиятельной фигурой в организации, ему трудно просто позволить Майклу быть Майклом, – говорил Джексон. – Майклу власть не нужна. Он хочет быть одним из игроков команды. Но он не хочет, чтобы рядом с ним находился человек, который будет им понукать,

демонстрировать свою власть, загонять его в угол и тому подобное. Вот в чем суть конфликта».

По мере приближения матчей плей-офф Джексон, казалось, все сильнее ощущал вину за конфликт с Краузе: он опасался, что из-за него Джордан может завершить карьеру раньше времени. «Единственным минусом всей этой ситуации, на мой взгляд, – рассуждал тренер, – остается тот факт, что мы – в том случае, если Майкл Джордан пока еще не готов завершить карьеру – лишаем баскетбол одного из величайших игроков, а наше общество одного из его героев, ограничивая своим конфликтом пределы его возможностей. Мы лишим людей возможности увидеть в игре кого-то совершенно особенного, играющего в своем неповторимом стиле и своей манере, ведь мы никогда не видели другого игрока, имевшего в его возрасте такой же суперзвездный статус. Я не знаю ни одного спортивного кумира в нашей истории, который был бы способен играть на таком уровне в его возрасте. Майкл просто до основания разрушил концепцию нормальности, наши представления о том, на что способен мужчина его возраста».

«В этом кроется единственный минус всей этой истории, – заключил Джексон. – У нас хорошие отношения с Джерри Райнсдорфом. С Джерри Краузе мы друг друга понимаем. У нас, возможно, и не такие тесные взаимоотношения, как раньше, но мы понимаем друг друга. Я знаю, что у него есть план дальнейших действий, а он знает, что у меня есть свои мысли по поводу будущего».

Партнеры Джордана по команде дивились тому, что он мог продолжать выступать на чемпионском уровне притом, что его профессиональное будущее оставалось туманным. «Майкл такой профессионал, такой игрок в первую и главную очередь, что все эти проблемы для него всегда на втором плане, – говорил Стив Керр. – Майкл не страдает ерундой. Он играет». И все же навыки Джордана по части общественных отношений были вполне сопоставимы с его спортивными талантами, и он применял их для того, чтобы воспрепятствовать Краузе, пытавшемуся уволить Джексона. «Очевидно, что со всеми этими спонсорскими контрактами он – настоящая пиар-машина, – говорил о Джордане Керр. – Его имидж, по всей видимости, очень важен для него. И я думаю, что в определенном контексте это означает, что он не хочет выглядеть как человек, пытающийся захватить контроль над всей организацией… Он очень смекалистый».

«Думаю, что вокруг этой команды летает больше всяких бредней, чем в эпицентре торнадо, – говорил Люк Лонгли. – Всегда что-нибудь происходит. Деннис постоянно выкидывает

какие-нибудь фокусы или затевается что-нибудь еще. Майкл уходит на пенсию, или Джерри бухтит в прессе. За последние три года нас окружало такое количество скандалов и разных обстоятельств, что мы хорошо натренировали умение выкидывать всю эту чушь из головы».

Когда в марте пришла пора последнего его матча на «Мэдисон-сквер-гарден», Джордан надел пару одних из первых кроссовок Air Jordans, и то, что они были слишком малы, не помешало ему набрать 42 очка в игре с командой Джеффа Ван Ганди. Затем для верности он повторил, сделав 44 очка в игре с «Никс» в Чикаго в последнем матче регулярного сезона.

Мэджик Джонсон, у которого брали интервью перед последней игрой, сказал о Джордане: «Я думал, что самый конкурентоспособный человек из всех, кого я встречал, это я сам. Так я думал, пока не повстречал Майкла».

Джордан запомнил фразу, произнесенную Краузе в день, когда команда встречалась с прессой, и постоянно держал ее у себя в уме.

«Игроки не выигрывают чемпионских титулов…»

Тим Халлам, много лет работавший с Джорданом, сказал так: «У этого парня стальная воля».

Шестое чувство

В конечном счете единственной надеждой «Буллз» на сохранение команды был выигрыш очередного титула. Любой, кто видел игру Джордана в концовке сезона той весной, понимал, что у него есть отличный шанс добиться желаемого еще раз. Как выяснилось позже, конечной точкой пути вновь станет Юта, хотя «Индиана Пэйсерс», ведомая главным тренером Ларри Бердом и Реджи Миллером, едва не сорвала финал-реванш. В Западной конференции «Юта Джаз» уверенно шла всю дистанцию, на самую малость опережая «Чикаго» в гонке за преимущество домашней площадки, которое имело важное значение в контексте потенциальной финальной серии. «Юта» оступилась первой, проиграв в ключевом гостевом матче в Миннесоте, и «Чикаго» вышла в лидеры по показателям побед в лиге. «Буллз», однако, тоже поскользнулась. Она проиграла в Кливленде, затем обыграла «Орландо» и стала первой командой в сезоне, одержавшей 60 побед в регулярке. Но затем в «Юнайтед-центр» пожаловала «Пэйсерс», имевшая физическое превосходство игроков, и «Буллз» столкнулась с серьезными трудностями,

проиграв в итоге 114: 105. После этого поражения «Буллз» вновь проиграла, на сей раз в гостях у «Детройта», и завершила сезон с результатом 62–20. Это сравняло ее по показателям с «Ютой», вот только команда «Джаз» сумела выиграть обе игры у «Чикаго» по ходу регулярного сезона, из-за чего получила преимущество.

Реджи Миллер своим запалом разжег энтузиазм «Пэйсерс», и ее игроки изматывали «Буллз» на протяжении семиматчевой серии в финале Восточной конференции, не уступая сопернику ни в чем. «Чикаго» удалось взять верх лишь благодаря преимуществу домашней площадки. Одолев «Индиану» в воскресенье, 31 мая, «Буллз» на следующий день провела тренировку в Чикаго, после чего рванула в Юту на матч-реванш с «Джаз» в финальной серии чемпионата лиги.

Тренер «Юты» Джерри Слоун продолжал следовать истине, заключенной в его любимом афоризме: «Баскетбол – простая игра, если ты выходишь на площадку и бьешься до последнего каждый вечер». Джон Стоктон и Карл Мэлоун были воплощением этого принципа. Разыгрывающий и тяжелый форварды уже давно превратились в настоящую пик-н-ролл-машину. Стоктон вскоре станет лидером лиги по ассистам за всю историю NBA, а Мэлоун – лишь третьим в истории игроком, которому покорится отметка в 30 тыс. очков и более за карьеру. Команда «Джаз» всегда умела биться и не брезговала никакими средствами для достижения победы, из-за чего многие обвиняли Стоктона в том, что он играет грязно, но Джордан восхищался и командой, и тренером. Чтобы доказать это, он пообещал вновь победить их. Но в противостояниях с «Джаз» психологические уловки никогда не были ключом к победе. Просто пристегните ремни, а там посмотрим, кто лучший.

В первой игре серии команды вцепились друг в друга так, что пришлось назначать овертайм, и в дополнительном периоде Стоктон, измучив Керра долгим дриблингом, прорвался в трехсекундную, откуда сделал победный бросок: «Джаз» повела в серии 1–0. На вторую игру Джексон и его штаб внесли корректировки в игру, предполагавшие, что треугольное нападение будет растянуто таким образом, чтобы открывать свободные зоны на паркете для каттеров[42] команды и давать им возможность легко набирать очки. Никогда треугольник не работал так хорошо, как в первой половине той игры.

«Сегодня удача нам искренне улыбалась, – говорил Джад Бюхлер. – Это нападение придумано специально для того, чтобы каждый мог касаться мяча, пасовать и прорываться. И сегодня парни этим и занимались, вместо того чтобы каждый раз искать Майкла и играть спиной к кольцу. С самого начала игры все

принимали в ней активное участие, и это очень помогло в концовке».

«Первая половина игры выдалась прекрасной, – соглашался Уинтер. – Сегодня мы гораздо лучше следовали своим принципам. Много раз прорывались к кольцу. А Майкл делился мячом. Он искал возможность накормить мячами каттеров». Но пожилой тренер не только нашел слова похвалы, но еще и дал волю своему разочарованию. «Во второй половине мы отступили от этой игры, бросили играть так, – говорил он. – Мы стали слишком много играть один на один. Особенно перестарался Майкл». Если бы «Буллз» продолжила придерживаться своей схемы игры, то вполне могла победить с отрывом в десяток очков, заключил тренер. Но Джордан добыл победу над «Индианой» в седьмой игре плей-офф за счет проходов к корзине и большого числа заработанных фолов. Он попытался повторить тот же трюк во второй игре с «Ютой», но на сей раз арбитры не свистели в его пользу. В результате Джордан несколько раз оказывался лежащим на паркете, пока игроки «Джаз» быстро подхватывали мяч и убегали в отрыв к корзине «Буллз». Внезапно семиочковое преимущество «Чикаго» в счете обратилось в счет 86: 85 в пользу «Юты», и это менее чем за две минуты до конца.

«Я не знаю, в чем дело, – говорил после матча Уинтер, качая головой. – У Майкла столько этой чертовой уверенности в себе…»

Джордан вывел «Буллз» вперед, 88: 86, забив лэй-апом за 47,9 секунды до конца. Но спустя несколько мгновений, когда счет вновь стал равным, а на кону стояла победа в матче, Керр получил шанс забить трехочковый после быстрого отрыва. «Я промазал, но мяч отскочил обратно ко мне, – сказал Керр. – Счастливый отскок. Как только я получил мяч, я увидел Майкла и бросил мяч ему».

Джордан попал в цель, заработал фол, а потом реализовал штрафной бросок, обеспечив «Буллз» победу 93: 88, в которой команда так нуждалась, чтобы вырвать преимущество домашней площадки.

В Чикаго после очередной тренировки Уинтер признался журналистам, что если раньше он надеялся на сохранение команды в целости, то теперь считает такой исход наименее вероятным. «Я не думаю, что распад команды – это обязательно что-то плохое, – говорил он. – Жаль, что его не миновать, но изменения проводить необходимо. И сейчас для этого, может быть, самое время». Его слова звучали неубедительно, но они транслировали основную мысль Краузе. Уинтер полагал, что «Буллз» будет тяжело завоевать титул в 1997-м, однако вот они, год спустя, снова здесь и имеют все шансы вновь покорить лигу.

Но если команда останется в прежнем составе, скорее всего, она будет уже далека от своего пика, чтобы соответствовать высоким ожиданиям в 1999 г., полагал тренер. Джордан продолжал удивлять, но Родман уже был на спаде, а его поведение становилось все более странным. Пиппен испытывал проблемы со спиной, и некоторые наблюдатели беспокоились по этому поводу, полагая, что он сдает в ментальном плане. Джексон всегда умел обновлять свои команды. Удержание ключевых участников коллектива вместе потребует от него проведения терапии. Но только лишь Райнсдорф мог восстановить взаимоотношения между Джексоном и Краузе, утверждал Уинтер. Как покажут дальнейшие события, владелец команды предпринял такую попытку, но к тому времени отношения уже не подлежали восстановлению.

«Быть может, нам удалось бы полнее насладиться этим опытом, если бы мы ценили его», – говорил Джексон.

По ходу матчей плей-офф тренер признался, что, несмотря на взаимные обиды и неприязнь, его и Краузе всегда будут связывать успехи «Буллз». Но Джексон также отмечал, что шансов на продление его отношений с клубом практически нет. Еще в 1997-м он пытался донести до Райнсдорфа, что ему и Краузе, по сути, невозможно дальше работать вместе. Последующие его слова намекали на то, что владелец клуба, оказавшись перед выбором «тренер или генеральный менеджер», встал на сторону Краузе. Но тренер редко закрывал для себя двери возможностей. «Если дойдет до выбора между продолжением карьеры Майкла и ее завершением, то тогда я должен буду взять на себя ответственность за него и продолжение его карьеры и всерьез обдумать вариант остаться, – сказал он. – Я должен быть лоялен к людям, проявлявшим лояльность ко мне. Я чувствую, что обязан это сделать. Единственное, что может помешать мне повлиять на эту ситуацию, – только мое собственное самочувствие, мое личное физическое и эмоциональное здоровье, других причин нет».

Пиппен, Харпер и Джордан со своей стороны предъявили самый веский аргумент, подавив всякое сопротивление защитников «Юты» в третьей игре серии, обернувшейся самым разгромным счетом в истории финалов NBA. Их выступление подчеркнуло то, какой доминирующей командой может быть «Буллз» и какую силу представляет собой Пиппен как защитник. Игроки скамейки «Чикаго» доигрывали матч, завершившийся победой 96: 54. Разрыв в счете был таким огромным, что экипаж делавшего рейс между штатами самолета, запросивший информацию о результате матча по просьбе болельщика «Юты»,

был вынужден повторно связываться с диспетчером, чтобы тот подтвердил результат. Тренер «Юты» Джерри Слоун, получив полную статистическую выкладку после игры, был удивлен окончательным счетом: «Это действительно счет матча? – спросил тренер «Юты». – Я думал счет был 196: 54. Со стороны так точно казалось, что они набрали 196».

Одной этой игрой Джордан и его «Буллз» доказали свою правоту в споре с Краузе, планировавшим перестройку команды. Они не были слишком старыми, а Пиппен был слишком важным и по-настоящему особенным игроком, чтобы отпускать его, предлагая на обмен другим командам. «Мне почти жаль их», – сказал Джексон в частном разговоре, рассуждая о том, как все планы Краузе и Райнсдорфа рухнули в одночасье и какое отношение со стороны чикагских болельщиков их теперь ждет.

Исход четвертой игры решили штрафные броски Родмана, обычно бросавшего не лучшим образом. Он реализовал четыре штрафных на последних секундах, прибавив к ним 14 подборов, и тем самым принес «Чикаго» очередную победу (86: 82), сделавшую команду практически недосягаемой для «Юты». Счет в серии стал 3–1.

Как выяснилось, пятая игра оказалась характерным примером ситуации, когда одна команда начинает праздновать победу слишком рано и расплачивается за это, как случилось и с «Буллз», уже купавшейся в лучах грядущей победы. Справедливости ради, Стоктон и Мэлоун со своей стороны приложили немало усилий к тому, чтобы «Юта» победила 83: 81. Даже Джордан признался, что предвкушение титула затуманило его разум. «Я не договаривался с гольф-клубом о ти-тайме, – сказал он репортерам, – так как думал, что выпью столько шампанского, что не смогу подняться с кровати». Он реализовал девять из 26 своих бросков; Пиппен – лишь два из 16.

Шанс на победу в концовке «Буллз» дали 30 очков Кукоча, набранные им за 11 бросков с игры при 13 попытках – и это, несмотря на то что Мэлоун набрал 39 очков за игру. «Буллз» получила мяч за 1,1 секунды до конца, и во время последовавшего тайм-аута Джордан сидел на скамейке, пытаясь «погрузиться в момент», как его учили Джексон и Джордж Мамфорд.

Несколько мгновений спустя Джордан промазал, бросив издали после ввода мяча из аута, но это не помешало ему насладиться моментом. «Я почти уверен, люди надеялись, что я попаду этим броском. Все, кроме жителей Юты, – сказал он. – Замерев в ожидании, 1,1 секунды все не дышали, и это было довольно мило. Никто не знал, что произойдет дальше. Ни я, ни

вы, никто из тех, кто смотрел игру. И в этом самая приятная часть игры. Я люблю эти моменты. Великие игроки могут упиваться ими в том смысле, что у них есть возможность решать, будут люди счастливы или будут грустить. Ради такого живешь. В этом заключается самое веселье».

Серия перенеслась обратно в Юту, и команда «Джаз» вышла на шестую ее игру с тем же планом, с каким выходила на любой матч: четко обозначить свои амбиции. Игроки с ходу взяли высокий темп и забрали игру под свой контроль. Пиппен тем временем приехал на стадион с ужасающими спазмами в спине и, оказавшись в раздевалке, лег на стол к массажисту команды, который принялся в буквальном смысле колотить его по спине в попытке снять спазм. Один из сотрудников команды сообщал о том, что Краузе в этот момент стоял в углу комнаты и завороженно наблюдал за тем, как Пиппен принимает на себя удары, полный желания выйти на игру и помочь Джордану.

«Я просто попытался стиснуть зубы и играть, – сказал Пиппен. – Я почувствовал, что мое присутствие на паркете принесет команде гораздо больше пользы, чем сидение в раздевалке. Я знал, что вернусь на вторую половину игры, но не знал наверняка, сколько смогу дать команде».

Пиппен нашел возможность помочь Джордану, который вновь впал в транс, превратившись в неудержимую машину по набору очков. Он настрелял 45, последние два очка заработав джампером с линии штрафного.

После того последнего броска он крепко встал на ноги, не опуская руку после доведения броска, чтобы все могли увидеть его великолепие.

Позже он смаковал этот момент, не желая расставаться с ним, и у кого повернулся бы язык обвинить его в таком поведении? Его бросок принес «Чикаго» победу 87: 86.

«Вдруг все начинает замедляться, и ты видишь площадку очень четко и ясно, – говорил он, объясняя последний эпизод. – Начинаешь читать действия защиты. И тут видишь его. Видишь момент. Я его увидел».

Стоктон сделал последний бросок в матче, но опекавший его Рон Харпер предпринял все возможное, чтобы он промахнулся.

Затем Джордан и его тренер встретились на площадке и надолго заключили друг друга в объятия в последний раз. Они больше никогда не будут так близки.

На обратной дороге Джордан крепко и мирно спал в самолете, пока все остальные думали о том, что ждет их дальше. Джексон ответил отказом на предложение Райнсдорфа остаться в

команде, решив, что лучше будет «уехать в закат» на своем мотоцикле. Игроки и тренеры подвели черту под своим захватывающим совместным опытом на командном ужине, состоявшемся спустя несколько дней после чемпионской игры и получившемся очень эмоциональным. Слезы текли, пока они все как один выражали друг другу свои любовь и признательность.

Позже Джексон сказал репортеру *Sun-Times* Рику Теландеру, что он мог бы остаться в команде. «Я действительно почувствовал, что настало время немного отдохнуть, – сказал он. – Заставить меня передумать могли бы слова управляющих клубом. Если бы они сказали: «Оставайся, пока Майкл не закончит карьеру, пока не уйдет из игры насовсем». Но они никогда такого не говорили».

Весной 1996 г. Джексон и его юрист Тодд Масбургер выдвинули Райнс-дорфу встречное предложение: по его условиям Джексон должен был проработать в «Буллз» тренером еще пять лет. Однако Райнсдорф отклонил его, вспоминал Джексон. Далее тренер предложил заключить двухлетнее соглашение на 3 млн долларов за сезон. И вновь Райнсдорф ответил отказом.

«Пожалуй, мы могли сохранить команду еще как минимум на один год и пойти за еще одним титулом, – сказал в 2012-м Джим Стек. – Но нужно было продлевать истекавшие контракты, и вдобавок в клубе было много недовольных тем, как Фил настроил игроков против менеджмента. В то время Фил публично говорил, что если Сильвестр Сталлоне может зарабатывать по 10 млн долларов на одном фильме, то страшно представить, сколько мог бы заработать Майкл за 82 игры в сезоне. Он и правда позволял себе высказывания, которые, вероятно, можно было бы назвать неуместными, публично такое не говорят».

«Думаю, что Джерри Райнсдорф решил, что с него хватит, – добавлял Стек. – То, какие отношения они выстроили с Филом в финансовом плане, полагаю, не слишком устраивало Джерри Райнсдорфа. И ему надоело, что столько лет Джерри Краузе вынужден был работать, не входя в круг доверенных лиц команды».

Казалось, что Райнсдорф решил сделать ставку на то, что Краузе сможет достаточно быстро перестроить команду, сохранив интерес болельщиков. Он признавал, что они почти распустили команду в 1997-м, когда решили обменять Пиппена. «Мы сочли, что стоит попробовать рискнуть шестым титулом ради перестройки команды, и мы так и поступили бы, если бы получили хорошее предложение на обмен, – сказал Райнсдорф. – Причина, по которой мы раздумывали о возможном распаде команды, была в том, что мы стремились минимизировать период

времени между завоеванием последнего титула и построением конкурентной команды, которая сможет выиграть следующий чемпионат». Другими словами, он надеялся сократить время между эпохой Джордана и периодом, когда в «Юнайтед-центре» будет блистать новая большая звезда.

«Сейчас же у нас очень мало активов для обмена, очень мало материала, с которым мы можем начать перестройку, – сказал Райнсдорф позже и добавил: – Майклу было глубоко все равно, что будет [с командой] после его ухода. Борьбы за власть никогда не было. Фил никогда не просил меня убрать Краузе. Такого не было. Фил никогда не говорил мне, что, по его мнению, наш клуб раздирают междоусобицы. Он говорил, что с Краузе работать тяжело, но не невозможно. Фил никогда в жизни не говорил такого. Он действительно озвучивал то, что их отношения были очень прохладными. Я спросил у него: «Что-нибудь изменилось? Хочешь тренировать команду в следующем сезоне?» Он сказал «нет».

Райнсдорф сказал, что после возвращения в Чикаго он повторно задал Джексону этот вопрос. «В среду вечером после выигрыша титула мы праздновали победу в клубном офисе, и тогда я сел с Филом за стол и сказал: «Если ты поменял свое мнение, возвращайся, мы хотим видеть тебя в команде». Предложение было безусловным, оно не зависело от того, останется ли в команде Джордан. Райнсдорф рассказывал: «Фил сказал мне: «Это очень щедро». Я ответил: «Щедрость тут ни при чем. Ты заслужил этот контракт». Он глубоко вздохнул и произнес: «Нет, я должен уйти».

Райнсдорф также сказал, что заверил Джордана: если тот захочет остаться, его годичный контракт (сумма которого превышала 36 млн долларов) по-прежнему актуален и будет продлен на тех же условиях.

И хотя Текс Уинтер давно переживал из-за того, что слава Джордана затмевает саму игру, звезда не побоялась высказаться на эту тему после очередного триумфа: «Я думаю, что баскетбол сам по себе куда как больше Майкла Джордана. Возможность раскрыться мне дали люди, игравшие до меня. Назову лишь нескольких: Карим Абдул-Джаббар, Доктор Джей, Элджин Бэйлор, Джерри Уэст. Эти парни играли в баскетбол задолго до того, как на свет родился Майкл Джордан. Майкл Джордан шел по стопам их всех и благодаря работе мистера Стерна, столько всего сделавшего для лиги, я получил возможность играть в баскетбол, и я играл в него так хорошо, как только позволяли мои способности. Я пытался сделать игру лучше. Пытался быть сильнейшим баскетболистом, каким только мог быть».

Оглядываясь в прошлое, Стив Керр вспоминал свой любимый эпизод, связанный с Джорданом и последней чемпионской командой «Буллз». Этот эпизод родился из типичного для Фила Джексона задания, которое он дал своим игрокам незадолго до окончания регулярного сезона 1998 г.

«У Фила был этот великий момент, – объяснял Керр. – Шел последний день регулярного сезона, и он сказал нам: «Завтра на тренировке жду от всех вас несколько слов о том опыте, который вы пережили с этой командой. Это может быть что угодно: можете написать стишок, можете написать письмо своим партнерам, можете взять слова из песни со смыслом. Что угодно. Но завтра обязательно принесите что-нибудь». Половина ребят принесли задание, еще половина забыли о нем. Я вот тоже забыл. А Майкл написал, это было стихотворение о команде, которое он сочинил».

Это был главный триумф для Джексона, прилагавшего столько усилий все эти годы.

Джордан, самый сердитый человек в игре и самый крутой задира всех времен, написал стихотворение. «Это был шок, – вспоминал Керр. – Далее случилось вот что: каждый из парней что-нибудь говорил, прочитывал или просто импровизировал. Позже Фил сказал мне, что эту идею ему подала Джун, его жена. Так он и решил сделать, и после того как каждый говорил свои слова, те, кто написал их на бумаге, рвали ее на кусочки и складывали в банку из-под кофе. Кажется, это была банка из-под кофе Folgers. Потом, когда все закончили, Фил взял спичку и поджег содержимое банки. Пламя разгорелось, а потом потухло, и комната наполнилась дымком. И ощущение было такое: «Все эти воспоминания, о которых вы, ребята, только что тут говорили, они наши, и никто другой о них никогда не узнает». Он не сказал такого, но это была метафора. Все эти воспоминания – наши, и они уже в прошлом, но будут жить с нами всегда, и никто другой их никогда не узнает и не переживет».

Так Фил Джексон сжег стихотворение Майкла?!

«Знаю, сейчас оно стоило бы миллионы долларов, да? – сказал Керр, смеясь. – Стихотворение Майкла говорило о том, что все это для нас значит. В нем он спрашивал, что этот опыт значит для нас, где мы были прежде и куда идем теперь? Это было так круто. В том наследии невероятных моментов, которые Фил оставил нам, этот, как по мне, самый мощный и проникновенный. Я никогда его не забуду. Я плакал. У многих ребят текли слезы».

Быть партнером Джордана по команде означало отправиться в длинное, трудное и волнующее путешествие, на протяжении

которого моменты великого триумфа перемежались с потрясениями и шоком разного рода, случавшимися с игроками каждый день.

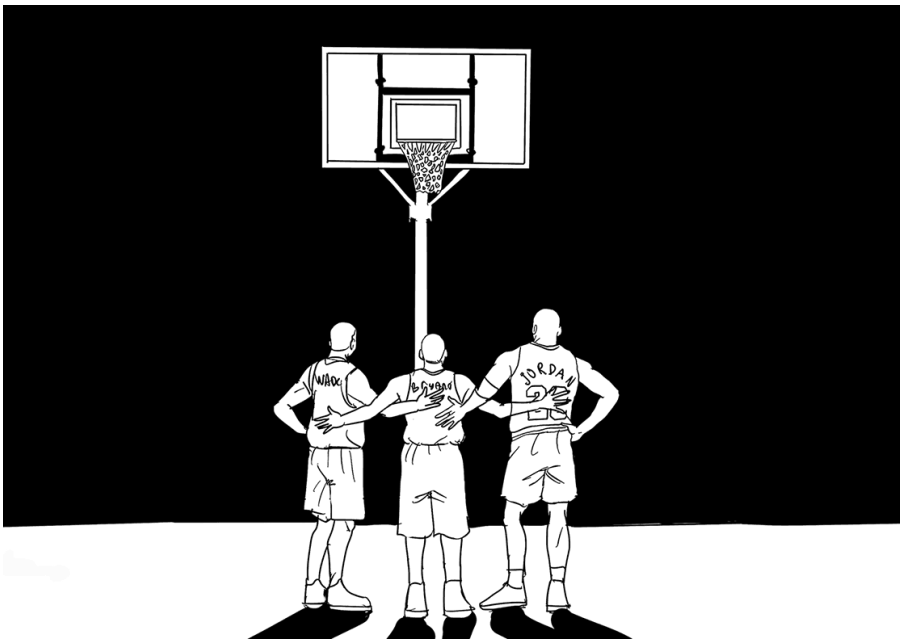
«Дело было не только в Майкле, – говорил Керр. – А в самом опыте в целом. Мы все знали, что живем в совершенно особенную эпоху и что нам повезло быть ее частью. Столько игроков, спортсменов, людей вообще было готово убить ради возможности быть частью такого. Нам так повезло побыть частью этой эпохи, пройти такую дистанцию, и вот теперь все заканчивалось. И мы знали, насколько особенным получилось это путешествие. И гений Фила раскрывался в том… как наша команда сплотилась. Он заставлял нас общаться друг с другом, и благодаря ему мы стали очень близки друг другу в самых разных проявлениях. И если бы не Фил, все это было бы невозможно, потому что сам Майкл такого бы не добился, ведь он всегда был над всеми нами. Он был лучше всех нас, и он не был таким парнем, как Скотти, достаточно человечным, проявлявшим эмоции и показывавшим свою хрупкость, роднившую тебя с ним. Так что с Майклом мы себя ассоциировать не могли, но Фил объединял нас разными способами».

Джексон провел Джордана до конца, довершив с ним полный круг: Майкла Джордана, который был тем неуверенным подростком, прошедшим путь от звезды Младшей лиги до игрока, даже не попадавшего в состав своей команды в Лиге Бэйба Рута из-за излишней худобы для бейсбола на таком уровне; Майкла Джордана, сидевшего на скамейке одинокого чернокожего мальчишку, всегда игравшего в белых командах; Майкла Джордана, чей отец, как казалось, отверг его; Майкла Джордана, из раза в раз заряженного на успех, снова и снова доказывавшего отцу свою ценность всеми возможными способами, каждую игру NBA.

«Вот что сделало его таким крутым, – заключил Керр, смеясь, – не просто голый талант. У него было понимание всего процесса, трудовой этики, самой игры, ее стратегии. Он разбирался во всем этом. Он все это понимал».

Это, разумеется, лишь усилило печаль и тоску, нахлынувшие по окончании сезона, несмотря на завоевание шестого чемпионства. Все, через что он прошел – смерть отца, унижение бейсболом, ярость на судебном процессе, отчуждение в отношениях с матерью, тяжелые переговоры с Райнс-дорфом, глупые баталии с Краузе, разочарование Пиппеном – все это минуло. И вот теперь он стоял в одиночестве, блистая своим баскетбольным совершенством, и не знал, куда ему идти.

Часть XI
Жизнь после



Глава 36
Лимб

По мнению очень многих, Джордану следовало просто до конца своих дней остаться в этом идеальном живописном кадре матча с «Ютой»: время игры уже истекло; он стоит с поднятой вверх правой рукой и согнутой в доведении, словно в знаке вопроса, кистью; мяч парит, падая в корзину, а море лиц на заднем плане напряжено в саспенсе. Air Jordan, непобежденный и не склонившийся до самого конца.

Лучшей кульминации было и не придумать. Карьера, старт которой дал ставший знаменитым на весь мир бросок на последней секунде, завершалась два фантастических десятилетия спустя еще одним пиковым моментом. Другие знаменитые спортсмены становились известными благодаря своим великим карьерным моментам, но ни у кого из них не было такого их количества, никто не ставил их на поток так, как он. А теперь его карьера подошла к такому эпическому завершению в Юте?

Почти все, включая и Джерри Райнсдорфа, склонялись к тому, что ему нужно уходить, оставить баскетбол в покое. «Ничем больше не занимайся, – говорили они ему снова и снова все последующие месяцы. – Ты достиг совершенства. Разве можно сделать такую карьеру еще лучше?»

Но остановиться было невозможно.

Спустя пару дней после того, как финальная серия NBA завершилась в Солт-Лейк-Сити столь славным для «Буллз» образом, ему уже не терпелось поскорее попасть на поле для гольфа, и никакая накопившаяся за три подряд чемпионских сезона с «Чикаго» усталость не могла его удержать.

Джордан часами играл в видеоигровое воплощение своего на тот момент любимого поля для гольфа, спроектированного Fazio в местечке Бартон-Крик, расположенном неподалеку от Остина, штат Техас. Поле поражало своими ферверями[43], окантованными отвесными берегами, обильными водопадами и известняковыми пещерами. Теперь, когда долгий сезон NBA был позади, Джордан планировал опробовать настоящее поле в реальной жизни.

И тут на авансцену вышел Кит Лундквист. В тот понедельник Джордан прибыл в Остин, чтобы сыграть пару дневных партий на поле в Бартон-Крик. За пару дней до своего приезда он позвонил Лундквисту, техасскому профессиональному гольфисту, чтобы узнать, не хочет ли тот в понедельник составить ему компанию на

разминке в гольф-клубе Great Hills.

По понедельникам Great Hills был закрыт, а значит, это было идеальным временем для визита Джордана и его свиты. Потому гольфист сказал Джордану, что все подготовит к его приезду и будет ждать. Он заключил, что звезда баскетбола, которой теперь было уже 35, с радостью согласится поиграть в неспешном темпе, чтобы немного отвлечься от изнуряющей борьбы в NBA.

Но в тот понедельник телефон Лундквиста зазвонил до абсурдности рано. В трубке раздался голос Джордана: он объяснял, что его частный самолет заходит на посадку и по приземлении он сразу же отправится на поле. Лундквист сонно моргал глазами и вновь глянул на часы. Потом выскочил из кровати и принялся второпях собираться, чтобы встретить Джордана в магазине для профессионалов гольфа.

Приехав в Great Hills, Лундквист обнаружил ждущего его Майкла Джордана: тот разогревался, яростно запуская мячи в темноту. Лундквист уже не первый год был профессионалом, но такое видел впервые.

Когда они пожимали друг другу руки, гольфист увидел, как его рука исчезает в огромной лапе Джордана, напоминавшей боксерскую перчатку. «Это правда», – осознал он. Майкл был решительно больше, чем он представлял. Больше самой жизни.

Пока солнечный свет пробивался сквозь сумрак, Джордан вместе со своей группой из четырех человек, среди которых был бывший ресивер NFL Рой Грин, двигался к стартовой площадке. Его Воздушество был решительно настроен пройти как можно больше лунок, прежде чем в полдень появиться на благотворительном мероприятии.

Лундквист шел рядом, чтобы проводить Джордана к полю. «Я советовал ему, куда направлять удары, рассказывал о расстояниях между лунками и характеристах гринов[44], – вспоминал о том дне Лундквист. – На первых девяти лунках он не слишком блистал. Прошло всего несколько дней после финалов NBA. Он курил сигары и наслаждался жизнью. Четверка свиты поигрывала с ним, но без особого фанатизма. Он бил по мячу чрезвычайно хорошо, намного лучше, чем я ожидал. Он умеет бить. В этом сомнений нет».

К тому времени как Джордан дошел до вторых девяти лунок, он уже играл собраннее и лучше. Лундквист отмечал: «На гринах он работал отменными касаниями. Кисти его рук были громадными, поэтому на клюшках у него были удлиненные рукоятки. Зрительная координация его рук впечатляла. Очевидно, что его атлетические таланты находят применение во всем, во что бы он ни играл».

Когда Джордан добрался до вторых девяти лунок, члены клуба уже прознали, что на закрытом поле тренируется сам Майкл Джордан. Быстро собралась импровизированная толпа из 60–70 человек. Такие делегации встречали его практически всюду, куда бы он ни приезжал. Юрист из Орландо Марк Нежам как-то раз вспоминал, как одним утром, выглянув в окно на поле для гольфа, находившееся по соседству с его домом, увидел несущийся по фервею гольфкар. «Минуту спустя я увидел по меньшей мере 15 каров, гнавшихся друг за другом по полю, – вспоминал он. – В первом каре сидел Майкл Джордан, а в остальных – члены клуба, отчаянно преследовавшие его в надежде посмотреть на него хоть одним глазком».

Джордан был представительным мужчиной и, по всей видимости, давно привык к тому, что за ним всюду следуют люди. Лундквист вспоминал: «Он считал обязательным подходить ко мне и общаться по ходу партии. Он использовал клюшки от Wilson. Я сказал ему: «Могли бы найти клюшки и получше».

Джордан согласился. «Они платят по счетам», – сказал он, имея в виду свой спонсорский контракт с компанией – производителем клюшек.

Ричард Эскинас однажды отметил, что Джордан играет в гольф так же, как играет в баскетбол, всегда взвинчивая темп и стараясь получить за счет этого преимущество. В тот день в Техасе все было точно так же. Проглатывая лунку за лункой, свита Джордана из четырех человек двигалась по полю на большой скорости. «Это способно утомить кого угодно», – подумал Лундквист, позже, в полдень, проследовавший с компанией на благотворительное мероприятие, где воодушевленный Джордан непринужденно общался с толпой детей и взрослых. После полудня Джордан прошел еще одну внушительную «порцию» лунок на симпатичных полях Fazio в Бартон-Крик. Он закончил как раз вовремя, чтобы успеть в Сан-Маркос на благотворительный баскетбольный матч, запланированный на вечер.

«В тот вечер он отыграл всю игру от начала до конца, – говорил Лунд-квист. – То есть провел на паркете по меньшей мере два часа. Я никогда не видел ничего подобного». После Джордан заскочил в один из лучших ресторанов Остина, где пробыл до раннего утра: сперва он съел стейк, а потом курил сигары и пил дорогое вино, пока не пришло время спешно возвращаться в аэропорт. Он улетал, когда рассветные лучи солнца уже начали озарять техасское небо.

Джордан отбыл, оставив Лундквиста раздумывать о совершенно запредельном, каком-то потустороннем аппетите к

жизни, с которым он только что столкнулся. Быть может, завершение карьеры пойдет на пользу Джордану. У него были внушительный счет в банке, собственный самолет и громадное любопытство и энергия, необходимые для изучения обитаемого мира в поисках совершенного поля для гольфа. Для наблюдателей со стороны вроде Лундквиста такой исход казался идеальным развитием событий, вот только одно было непонятно: хватит ли Джордану одного этого?

Брошенный

Позже Джордан признает, что чувствовал себя брошенным из-за решения Джексона оставить «Буллз». Джордан, как человек слова, поклялся завершить карьеру, если Джексон перестанет тренировать его. Было трудно оценить последствия его расставания с Джексоном, объяснял близкий товарищ их обоих. «Когда манипулируешь кем-то, получаешь то, что хочешь. Но когда этот человек раскрывает тебя, узнает, что им манипулировали, наступает отчуждение. Это скажется на отношениях, какими бы крепкими они ни казались когда-то. Отчуждение – следствие манипуляции».

Позже Джордан узнал всю правду о Джексоне, уже после завоевания чемпионства, узнал подробности увольнения Джонни Баха и другие факты, но главным образом Джордан ощущал, что Джексон просто решил уйти от него. Джордан сумел отменить «приказ» Краузе, распорядившегося уволить Джексона, однако тренер все равно ушел, оставив их всех брошенными.

После этого Краузе стремительно провернул обмен Скотти Пиппена в «Хьюстон». В результате трейда Пиппен сделает целое состояние, но надлом в отношениях с Джексоном и развал команды лишь усилили у Джордана ощущение отчужденности. Джордан, изначально мало кому доверявший, теперь верил людям еще меньше. Один из близких товарищей, входивший в узкий круг доверенных лиц, который Джексон выстроил в команде, наткнулся на Джордана позже в том же году и мгновенно ощутил, что всякие теплые чувства, что были между ними, теперь давно в прошлом. «Мы разговаривали, – говорил товарищ, – но после разговора у меня было впечатление, что он больше мне не доверяет, по крайней мере не так, как прежде. Казалось, что мы были друзьями раньше, но не теперь».

Если доверие к «Буллз» пропало, не значило ли это, что весь его опыт с этой командой был миражом?

Когда клуб обменял Пиппена и расстался с Джексоном, все

сочли, что уход Джордана на пенсию – дело решенное. Но официальное завершение им карьеры было отложено из-за трудовых разногласий, вновь возникших между игроками NBA и владельцами команд. Джордану было легко расслабиться и отдохнуть от баскетбола, потому что владельцы NBA объявили локаут в межсезонье 1998 г., по ходу которого вели торги с игроками по условиям нового коллективного соглашения – необходимость в нем возникла в том числе и из-за огромного контракта самого Джордана. Владельцы попросту не хотели платить сопоставимые суммы игрокам меньшего калибра. Возникшая ситуация давала ему больше времени на обдумывание собственного будущего.

Во время одного из таких потерянных уик-эндов он случайно порезал себе сухожилие на руке приспособлением для обрезки сигар. Ему потребовалась операция, лишь усугубившая сомнения по поводу будущего.

Тем временем его отношения с матерью, братьями и сестрами также пребывали в подвешенном состоянии. Сис продолжала бороться со своими эмоциями, связанными с отцом. Вскоре после его смерти в 1993-м она начала писать книгу, но забросила проект в 1995-м. Она оставалась убежденным критиком своего богатого и знаменитого младшего брата, особенно ее возмущали внушительные суммы, потраченные им на азартные игры, в то время как она и другие члены семьи испытывали финансовые трудности. Дело было не в том, что он не помогал близким; к примеру, он купил своему дяде Джину Джордану фуру, благодаря которой тот смог работать водителем грузовика до старости, пока ему не перевалило хорошо за 70. Сис подсчитала, что брат перевел ей в общей сложности около ста тысяч долларов за все эти годы. Она не ждала, что он сочтет заботу о ней или ее детях своей обязанностью, но ее и других родственников озлобили всплывшие в прессе факты о проигранных им крупных суммах денег. По всей видимости, у ее критики был свой ценник. Она отмечала, что каждый из членов семьи получил новенький автомобиль благодаря спонсорскому контракту ее брата с дилером Nissan, каждый, кроме нее. Ей дали ключи от подержанного авто. В этом неуважительном отношении она видела доказательство того, что он пользовался своим богатством, чтобы контролировать близких.

К 1997 г. Сис и Майкл перестали разговаривать друг с другом. Каждому из ближайших родственников он дарил дорогие ювелирные украшения по случаю завоевания каждого чемпионского титула в NBA, но в 1998-м он не подарил ей никаких украшений. В 1999-м, после завершения карьеры, он

гневно отреагировал на новости о том, что она снова взялась за работу над своей книгой. По ее словам, он заявил, что книга станет попыткой заработать на его репутации за счет преувеличенных и необоснованных утверждений. Она ответила, что не входит в громадное число подхалимов, окружающих его в жизни и говорящих ему только то, что он хочет услышать; что она знала и любила его задолго до того, как он стал знаменитым; что, в отличие от других родственников, озвучивавших ту же критику в его адрес в разговорах «на кухне», она не боится высказать свое мнение.

Позже в тот год в авиакатастрофе погиб гольфист Пэйн Стюарт, недавно выигравший US Open, из-за чего Сис стала размышлять о том, сколько времени ее брат проводит на борту своего частного самолета, летая туда-сюда по земному шару. Она позвонила и оставила сообщение, в котором делилась своим беспокойством и хотела узнать, все ли с ним в порядке. Он отправил ей ответ через мать, сказав, что с ним все хорошо. Майкл не общался с ней лично, говорила она позже, так как «у него есть склонность сбегать от чего-то, с чем он не хочет иметь дело, и его богатство предоставляет ему множество вариантов побега».

> И хотя Джордан поддерживал контакты с матерью, они уже не были близки друг к другу так, как раньше, отмечали друзья и знакомые.

Осенью 1996 г. у них состоялась эмоциональная встреча: они появились вместе в Университете Северной Каролины, чтобы объявить о передаче в дар 1 млн долларов на создание Института семьи им. Джордана в школе социальной работы. Если людям было интересно, откуда Джордан черпал свои легендарные энергию и задор, то им не надо было далеко ходить, достаточно было взглянуть на Делорис Джордан, которая продолжала писать и ездить по всему миру, рассказывая о семейных проблемах, даже когда ей было далеко за 70. Его харизма в значительной степени была унаследована от матери. Джим Стек отмечал: «Она замечательная леди, очень радушная и искренняя. У него в характере тоже есть эти качества». Работа Института Джордана в УНК хорошо сочеталась с ее огромной позитивной энергетикой и транслировала ее послание будущим поколениям, став для Делорис, вероятно, способом совладать с теми проблемами, с которыми она столкнулась когда-то как молодая мать.

Позже по Чапел-Хилл начнет бродить слух о том, что у школы были трудности с тем, чтобы забрать подарок Джорданов. Было ли это проявлением легендарной скаредности Майкла или

признаком растущей пропасти между ним и матерью, превратившейся в одного из самых суровых его критиков? А может, и то, и другое? Со временем подарок придет по назначению, институт откроет целый ворох программ в школе социальной работы и станет важным элементом семейного наследия Джордана.

Летом 1999 г. исполнилось шесть лет с момента гибели Джеймса. Из всех ближайших родственников Майкл был ближе всех к отцу, который почти всегда оставался его компаньоном и советником, самым пылким его поклонником. Джеймс постоянно был на его стороне, он помогал поддерживать течение событий в позитивном ключе, неизменно подбадривал Майкла, сталкивавшегося на своем пути с колоссальным давлением и все нараставшими сложностями в жизни. Казалось очевидным, что остаток своего существования Джордан проведет в компании двух ангелов, сидящих на плечах: одним будет его мать, она, склонившись перед крестом Божьим, будет нашептывать ему на ухо, увещевая о необходимости вести самоотверженную, бескорыстную публичную жизнь; вторым будет отец, который стает подталкивать его к тому, чтобы он искал веселье всюду, где только можно было его найти, ведь он определенно заслужил его.

После смерти Джеймса мать и сын продолжали свои битвы на невидимом фронте, сообщала Сис, и их конфликт дошел до такой точки, когда Майкл решил поменять замки на дверях офиса фонда, чтобы на время закрыть Делорис доступ туда. Он даже попытался ограничить использование его имени в ее деятельности, как утверждала старшая сестра. И все же Джордан продолжал обеспечивать свою мать ежемесячным довольствием и оказывал другую финансовую помощь. Хотя со временем им удастся до некоторой степени разрешить свои разногласия, их взаимоотношениям, по всей видимости, был нанесен существенный ущерб.

Отца уже давно не было в живых, но казалось, что влияние старшего Джордана во многих отношениях стало лишь больше и значительнее, чем оно было при его жизни. Для некоторых первоочередным доказательством этого был образ жизни, который Джордан вел вдали от внимания публики. Другие, однако, видели в нем давно заслуженное освобождение от оков его отельной жизни взаперти.

Как бы то ни было, Сис утверждала, что предвидела такое развитие событий. Как и другие члены семьи, она поддерживала иллюзию того, что он все тот же любящий, заботливый и нежный младший брат, которого она знала. «С появлением этого его имиджа громадных размеров он стал заложником своего

общественного статуса, и напряжение, которым сопровождался его успех, ожесточило его, – напишет она в книге. – Со временем давление, вызванное постоянным пребыванием «на виду» и необходимостью соответствовать ожиданиям, усложнило Майклу жизнь настолько, что ему стало трудно расслабляться даже в кругу семьи». Он превратился в «ходячий и говорящий конгломерат», – говорила она.

По совести говоря, протестовали его защитники, подобное «корпоративное» существование было фундаментом его долгосрочного успеха. Его возвышение на ниве бизнеса во многом было тем, что коренным образом отличало его от армии бывших спортсменов, по окончании карьеры скатывавшихся до попыток выжать несколько долларов из своей былой славы.

В 1999 г. Джордан столкнулся с очередным вызовом: теперь ему предстояло сочинить второй акт своей жизни, после спорта. Согласно одному из исследований, ни много ни мало 90 % вышедших на пенсию игроков NBA становились банкротами в течение нескольких лет после окончания карьеры. Многих из них обирали до нитки агенты и финансовые менеджеры. Другие становились жертвами системы образования, которая ничему или почти ничему не научила их по части управления финансами и богатством. Большинство же становились жертвами того самого дорогостоящего образа жизни, поддерживать который с окончанием карьеры они были не в состоянии.

На контрасте Джордан благодаря своему статусу партнера в Nike и прочих доходов от спонсоров и инвестиций зарабатывал миллионы каждый год. Его состояние обычно оценивалось примерно в 500 млн долларов, а часто его даже называли первым спортсменом-миллиардером. Он добился долгосрочного успеха вопреки всем превратностям жизни профессионального баскетболиста, почти как его прадед Пиплс, процветавший, несмотря на невозможность жизни испольщика. И при этом подвиги Джордана были свежи в воспоминаниях очень многих его современников. Годами интервьюеры просили Джордана перечислить самые памятные его выступления, и его ответ всегда был стандартным: «Я дождусь окончания своего марафона, прежде чем оценивать свои достижения».

Такой ответ можно было понять, хотя эмоции, которые он выражал на публике, уже давно указывали на то, что он от души смаковал эти достижения. Страсть была его фирменным почерком. Он отмечал победы с неистовым ликованием, и эти выбросы эмоций каждый раз притягивали внимание мировой аудитории. Что же до других людей, внесших посильный вклад в создание этой поп-культурной иконы, то Сонни Ваккаро, в

частности, дивился широте охвата Джорданом аудитории и его огромной популярности. «До Майкла никого прежде не раскручивали так, как раскручивали его мы, – говорил Ваккаро. – И никто никогда не акцентировал столько внимания на одном конкретном спортсмене, чтобы продать какой-либо продукт».

К 1999 г. Джордан единолично захватил вершину культуры, падкой на мифологизацию спортивных героев. Насколько глубоко его влияние проникало в мир? В декабре 1999 г. издание *Financial Review* выразит искреннее удивление тем, что по результатам проведенного еще в 1992 г. опроса китайских школьников Джордан занял второе место в списке величайших фигур XX в. наряду с Чжоу Эньлаем, много лет занимавшим пост премьера Госсовета КНР. Это было за пять лет до выхода на экраны *Space Jam* и задолго до того, как легенда Джордана начала набирать серьезные обороты с его первым «уходом на пенсию», бешеным ажиотажем вокруг его возвращения и выигрыша последних трех чемпионских титулов в стиле книжных бестселлеров.

«Выдвижение Джордана в этом списке выглядит странно, – отмечал *Financial Review*, – если не помнить о том, что достижения чернокожих в спорте высоких достижений вошли в число ярчайших страниц истории XX в.».

«Насколько велик Майкл Джордан? – задавался вопросом журнал *Newsweek* в 1993 г. – Мы все знаем, что он – живой бог для десятков миллионов американских парней, самая медиагенная фигура из мира спорта в истории, человек-конгломерат, способный перемещать товары и услуги так, как несколько слов главы Федеральной резервной системы способны сдвигать котировки на финансовых рынках».

Возвращение в баскетбол в 1995-м подняло популярность Джордана на новые высоты. Четыре года спустя 800 репортеров собрались в чикагском «Юнайтед-центре», чтобы присутствовать на пресс-конференции, собранной им для объявления о втором завершении карьеры. Журналисты понимали, что эпохе настает конец. «Очевидно, что Майкл – один из самых важных спортсменов. Но помимо этого он – одна из самых важных фигур в истории с точки зрения культуры Соединенных Штатов, – говорил в то время Тодд Бойд, профессор Университета Южной Калифорнии, специализировавшийся на спорте и культуре. – Не думаю, что это может вызывать сомнения. Когда речь идет о спортсмене, который не только с явным отрывом доминировал в своем виде спорта, но также сумел превзойти спортивные успехи достижениями своего бренда, когда мы говорим о его способности продвигать продукцию на рынке, – а именно этим Майкл Джордан занялся спустя какое-то время, – то становится

ясно, что он совершил, вероятно, самый значимый переход, какой только удавался кому-либо: с баскетбольной площадки к самым высоким пикам мира американской популярной культуры».

На вершине популярности Джордана у общественности часто вызывали удивление любые намеки на необычное его поведение. Но гораздо больше удивляло, как утверждал Сонни Ваккаро, то, что он не давал больше намеков на это. «Как мог он не развратиться? – спрашивал Ваккаро. – Это было бы невозможно для человеческой природы. Как можно было устоять? Помните, у него были эти рекламные ролики с Марсом Блэкмоном, которые он делал в начале 1990-х со Спайком Ли? Они были невероятно популярны. Потом он сделал фильм и снимался в рекламе с Багзом Банни и Луни Тюнс. Он выиграл все эти чемпионства и стал величайшим спортсменом мира».

«Так что старшая сестра Джордана была действительно права, утверждая, что этот значимый опыт изменил его личность, – добавлял Ваккаро. – После того как мы создали всю эту коммерческую машину, он стал другим… Он стал другим Майклом. Все эти события сказались на нем в очень молодом возрасте. Я не знаю, как можно было бы на его месте уйти от этого».

Его поклонники справедливо подмечали, что, в отличие от других жертв безграничного успеха, вроде Элвиса или Майкла Джексона, Джордан весьма успешно противодействовал многим деструктивным факторам, доступным потерянным и одиноким обладателям такой известности. Это замечание будет актуальным и в последующие годы, когда во втором акте своей жизни – уже в роли баскетбольного менеджера и владельца команды – он столкнется с ураганом трудностей. Если раньше его перформансы на площадке, выходившие за все грани разумного, всегда могли скрыть его недостатки, то жизнь в статусе баскетбольного менеджера таких поблажек ему не давала. Более того, вскоре Джордан убедится, что она лишь будет раскрывать и подчеркивать негативные стороны его жизни.

Преданность Райнсдорфа

В декабре локаут в NBA наконец закончился. Лига объявила, что планирует начать проводить матчи в январе 1999 г., что дало Джордану возможность заявить о завершении карьеры журналистам со всего мира, собравшимся в «Юнайтед-центре» 13 января. Однако он отказался вносить какую-либо конкретику, сказав, что существует 99,99 % вероятности того, что он закончит

выступать, но никогда нельзя говорить «никогда», отмечал он.

«В ментальном плане я утомлен и измотан. Я не чувствую, что передо мной стоит какой-то значимый вызов. В физическом плане я чувствую себя великолепно, – говорил Джордан, объясняя свое решение. – Сейчас идеальное время для того, чтобы уйти из баскетбола».

Некоторые обратили внимание, что он говорит не слишком убедительно. «Я думаю, что лига продолжит работу, хотя у нас и были трудности последние шесть месяцев, – говорил он, имея в виду проблемы в связи с торгами вокруг нового коллективного соглашения, из-за которых болельщики не видели баскетбола почти половину сезона 1998/1999 г. – Думаю, что эта история вернула нас всех к реальности. Баскетбол – это бизнес, но в то же время развлечение. Это все еще игра. И игра продолжит жить».

Но ей придется жить дальше без него.

«Я просто собираюсь наслаждаться жизнью и делать то, чего никогда прежде не делал», – объяснял он. Если вкратце, говорил он, то его заново обретенная свобода будет отдана на откуп жене и трем маленьким детям, любви к гольфу и многим коммерческим соглашениям.

«Я вижу, что теперь Майкл гораздо чаще занимается карпулингом»[45], – сказала Хуанита Джордан репортерам, отвечая на вопрос о том, как она видит будущее Джордана. «К сожалению, – продолжал Джордан, – моя мать, моя семья, братья и сестры не смогли присутствовать здесь. Но раз вы видите меня, значит, вы видите и их. Моего отца, мою мать и, разумеется, моих братьев и сестер. Они здесь через меня, и они, как и я сам, говорят вам спасибо за то, что вы взяли меня к себе, выказывали мне уважение и благодарность, которые я получал от вас на протяжении всех этих лет. Я буду в Чикаго до конца своих дней. Моя жена не разрешит мне переезжать куда-либо еще. Я буду жить в Чикаго и буду поддерживать чикагские команды».

Один из репортеров спросил, не раздумывает ли Джордан над тем, чтобы направить свои многочисленные таланты на спасение мира. Джордан открыто заявил, что он никакой не спаситель. И действительно, он не справился с задачей по спасению чемпионской команды, которую так отчаянно жаждал сохранить. Однако Джордан дал совсем скудные комментарии касательно разногласий в клубе, приведших к развалу команды, вместо этого отметив, что менеджмент «Буллз» ждет очень много тяжких трудов впереди. «Мы высоко подняли планку стандартов», – сказал он с тенью улыбки на лице.

«Я хочу поблагодарить двух джентльменов, мистера Стерна и мистера Райнсдорфа, за то, что они предоставили мне

возможность поиграть в баскетбол и, разумеется, за возможность прийти в Чикаго, познакомиться с моей прекрасной женой и построить здесь семью, – сказал он. – Хочу сказать спасибо моей семье в Северной Каролине и многим моим друзьям, которые приехали сюда, чтобы поддержать меня в этот день, и которые поддерживали меня всегда, с первого моего шага на баскетбольной площадке, и даже когда я еще на нее не ступил. Я хочу выразить благодарность этим двум джентльменам и всем болельщикам Чикаго за то, что вы разрешили мне приехать сюда и приняли меня как одного из своих… Надеюсь, все будут знать наш город как город чемпионов, надеюсь, что победы продолжатся и без Майкла Джордана на паркете. Я буду болеть за «Чикаго Буллз».

Он и Хуанита вещали на пресс-конференции о том, как он отойдет к тихому существованию и станет наконец нормальным отцом. Он искренне любил своих детей, любил с самого начала, так что такой вариант казался возможным – ровно до того момента, пока он не попробовал действительно жить так. Мир полей для гольфа никуда не делся, он ждал его, как ждал и его собственный самолет Jump 23, манивший возможностью слетать куда только душе будет угодно, предлагавший возможность поиграть в карты, подымить сигарой и подурачиться с приятелями на всем пути к заветной цели. Он продолжил жадными глотками поглощать лунки, а с ними и целые поля, устраивал гольф-оргии и марафоны азартных игр, которые по масштабу лишь немногим уступали тем, что он организовывал в начале 1990-х, еще до своих неприятностей на этом поприще.

> Позже его будут обвинять в том, что он вытащил на эту странную и недоступную очень многим орбиту своего приятеля Тайгера Вудса.

Дошло до того, что когда Вудс столкнулся со своими проблемами на почве сексуальной зависимости, получившими широкую огласку в СМИ, один из представителей гольфиста пожаловался, что именно участие Вудса в вакханалиях Джордана привело его к падению.

И хотя Джордан ушел из баскетбола, его соревновательный дух никуда не делся, он продолжал бушевать настолько, что Майкл стал жаждать постоянного движения, борьбы, он все время искал новые стимулы, играл партию за партией, каждый раз до позднего вечера, и ставил на кон столько, сколько было нужно, чтобы чувствовать азарт. Стал ли он зависимым от адреналина или это был выход эмоциям? Ведь он ушел из жизни на виду у всех, жизни, в которой ему так хорошо платили за то, чтобы он

был таким безупречным? Скорее всего, причина была и в том, и в другом, и еще много в чем, включая то, что такой заполненный гольфом график давал ему возможность проводить много времени с друзьями, с которыми он не мог встречаться на публике в силу своей популярности. После двух десятилетий в баскетболе он не знал почти ничего, что выходило за пределы его устоявшегося жизненного цикла: тусовки с окружением, проведение минимума необходимых встреч для поддержания бизнеса, съемки в рекламах, перемежавшиеся с приземлениями в Чикаго, необходимыми для сохранения семьи. Так он думал.

Каким бы ни был корень всего этого, несколько июньских дней 1998 г., которые он выделил на импровизированное празднование чемпионского титула, обратились в недели, потом месяцы, а затем стали новым образом жизни. Как отмечал Лэйси Бэнкс, Джордан приобрел королевскую ауру, этот статус ему счастливо даровала обожавшая его публика. Настойчивое стремление соответствовать большим ожиданиям, которыми сопровождалось его существование в баскетболе, не пропало с завершением карьеры игрока. Погрузившись в гольф и необузданное веселье, он довольно быстро решил, что хочет иметь какое-то место в баскетболе, хочет пустить в дело те ценности, которые он так ясно олицетворял, будучи игроком. Он будет учить следующее поколение важным понятиям об игре, объяснял он репортерам.

Первой его мыслью было занять важную должность в «Буллз», стать совладельцем команды, участвующим в управлении клубом. Некоторым казалось смехотворным то, что у него были такие ожидания, учитывая, какие конфликты разгорались в «Чикаго» в последние его сезоны в команде. Одного гнева Джордана было достаточно, чтобы заставить такого сурового господина, как Джерри Райнсдорф, побелеть. Однако опыт его работы с Nike породил прецедент. За годы он расходился с Филом Найтом во мнениях по очень многим вопросам, но его присутствие в обувной компании и участие в ее развитии обеспечили Nike существенный рост и обогатили фирму. И за свою беспрецедентную власть в ней и влияние на ее развитие он получал щедрое вознаграждение.

Было очевидно, что его усилия и энергия обеспечили аналогичный рост и «Буллз». Но если Джерри Райнсдорф и раздумывал о том, чтобы вознаградить Джордана аналогичным образом, никаких документальных свидетельств этого не имеется. Было бы разумным сохранить связи невероятно популярного в народе героя с клубом – такое решение могло бы подготовить почву к повторному возвращению Джордана в Чикаго.

Чтобы привести в управленческую структуру «Буллз»

Джордана, клуб должен был изменить роль Краузе или уменьшить его полномочия, а то и вовсе избавиться от него, учитывая взаимную неприязнь двух участников конфликта. В 1999 г. эта неприязнь еще была свежа в памяти Краузе и Райнсдорфа. Чикагская пресса на всем протяжении сезона 1997/1998 г. снова и снова окунала их в неприглядные обстоятельства истории с развалом команды. Джордан всегда был правым, а они, казалось, всегда неправыми.

«У нас была поговорка, – вспоминал в 2012-м Краузе. – Мы говорили, что могли бы выстроить всех журналистов вдоль Стейт- и Мэдисон-стрит, и Майкл мог бы помочиться на каждого из них, мог бы помочиться им прямо на лица, а они бы сказали только: «О, нектар богов!» Вот как велико было его влияние на прессу в Чикаго. У него был полный контроль».

Недовольство сторонами друг другом означало, что вариант с приглашением Джордана в «Буллз» в качестве миноритарного акционера и управленца, никогда всерьез не рассматривался, и владельцам клуба было все равно, сколько денег он для них заработал.

«Джерри никогда не говорил со мной о такой возможности, – сказал Краузе в 2012-м о реакции Райнсдорфа на заинтересованность Джордана. – Он никогда не упоминал об этом». Краузе вспоминал, впрочем, что эту тему поднимали некоторые представители СМИ. «Я отшучивался, отвечая на вопросы об этом, потому что знаю Майкла, – говорил Краузе. – Он уже показал, какого уровня его таланты управленца».

Краузе хорошо знал не только Джордана, но и Райнсдорфа. «Джерри – очень упрямый человек», – объяснял он, добавляя, что преданность была колоссальным по важности фактором для Райнсдорфа. По мнению Краузе, преданность главы клуба в первую очередь распространялась на акционеров «Буллз». И хотя старания Джордана сделали акционеров довольно богатыми, его потенциальное участие в управлении было совсем другим делом. Краузе говорил: «Такое делегирование ответственности могло бы привести к печальным последствиям. Думаю, Майкл был уверен, что получит эту работу. Майкл думал, что получит все на свете. Он не знал, какие требования предъявляла эта работа. Понятия не имел».

Краузе также отмечал, что обида и разочарование, испытанные владельцем «Буллз» в ходе переговоров по последним двум контрактам Джордана с клубом, также были важны и их следовало учитывать. «Решение контрактных вопросов с Майклом было горьким опытом, веселья там было мало», – говорил Краузе. Отчасти обида Райнсдорфа объяснялась

поведением Фалька во время переговоров. Краузе поспешил добавить, что он и Райнсдорф уважали Фалька, в том числе и потому, что тот был очень неуступчивым в переговорах. Но это уважение едва ли могло бы смягчить обиду «двух Джерри» на Джордана.

Джим Стек, который позже покинет «Буллз» ради должности директора «Миннесоты Тимбервулвз», говорил, что вопрос приглашения Джордана в менеджмент «Чикаго» усложнялся в том числе тем, что все годы своей игровой карьеры он пытался продавливать приобретение игроков из Северной Каролины. «Другой составляющей было то, что Джерри Райнсдорф действительно доверял нам и верил в то, что мы делаем, – говорил Стек об администрации команды при Краузе. – Джерри Райнсдорф уже получил представление о Майкле-управляющем после истории с Уолтером Дэвисом и кое-каких других инцидентов. Не думаю, что Майкла удовлетворило бы номинальное участие в жизни «Буллз». Он наверняка захотел бы принимать участие в непосредственном управлении, в принятии решений. Это было бы трудно осуществить. Даже если бы Джерри Райнсдорф захотел вернуть Майкла в «Буллз», не думаю, что он сумел найти бы для него такую должность, которую Майкл захотел бы принять и которая устроила бы его».

Стек, тесно сотрудничавший и с Джорданом, и с Краузе, содрогался от одной мысли о том, что эти двое могут делить фронт-офис клуба. «Нет никаких шансов на то, что эти парни могут работать сообща», – говорил он. Джордана не должен был удивить отказ Райнсдорфа, отмечал репортер Дэвид Олдридж, много лет освещавший NBA. Он утверждал: «У меня никогда не было мысли о том, что Райнсдорф хотя бы на секунду задумался о приглашении Майкла директором. Я хочу сказать, что обычно всегда можно понять, что человека готовят к переходу на работу во фронт-офис. Чтобы это понять, не надо быть семи пядей во лбу. У меня никогда не было ощущения, что они готовят Майкла на эту роль. Никогда».

Быть может, реализации этого плана помогло бы то, что продолжение сотрудничества Джордана с клубом было в лучших интересах держателей акций. Ведь по факту он был самым мощным орудием лиги по привлечению внимания, тем, что Джерри Уэст любил называть «лицензией на печатание денег». Ценность Джордана отражалась не только в громадном росте доходов и совокупной стоимости «Чикаго Буллз», но и в его влиянии на город Чикаго в принципе, выразившемся в расцвете некогда невзрачных и опасных кварталов вокруг чикагского «Стэдиума», которые преобразились в бурно развивающийся

район с многочисленными барами, ресторанами и другими видами бизнеса, выраставшими вокруг с открытием «Юнайтед-центра» – «дома, который построил Майкл». Позволит ли Райнсдорф своему гневу помешать сделать то, что было в интересах акционеров команды и всего города?

Что же до тезиса о том, что Райнсдорф был что-либо «должен» Джордану в связи с ошеломительными успехами команды, Краузе парировал просто: «Мы заплатили Майклу много денег за то, чтобы он играл в баскетбол». Последний контракт Джордана, по которому он получил 33 млн долларов за сезон, служит доказательством этого утверждения, вот только выкладка NBA данных по совокупным карьерным заработкам звезд лиги, опубликованная в 2012 г., указывает на другое. В списке главных толстосумов NBA, ранжированных по количеству заработанных денег за карьеру, Джордан занял лишь 57-е место, чуть отстав от Дэвида Ли. Совокупные доходы Джордана от выступлений в NBA составили относительно скромные 90 млн долларов. Из списка становится понятно, что успех Джордана позволил следующему поколению звезд, выступавших после него, – Кевину Гарнетту, Коби Брайанту и Шакилу О'Нилу – приблизиться к цифре в 300 млн долларов, заработанных за карьеру. Джордан часто отмечал, что его успех был построен на усилиях поколения игроков, игравших до его появления в баскетболе и зарабатывавших сущие гроши. Он говорил, что вполне логично, что он заработает меньше своих последователей.

И все же Джордан оказался далеко позади даже своих современников. Патрик Юинг возглавлял группу игроков, выступавших в эру Джордана, со своими 119 млн долларов совокупного дохода. Скотти Пиппен заработал 109 млн долларов, большая часть из которых была получена им уже после ухода из «Буллз». Хаким Оладжувон мог похвастаться 107 млн, а доходы Гэри Пэйтона, Реджи Миллера и Карл Мэлоуна перевалили за отметку в 100 млн долларов.

Эти данные говорят о том, что «Буллз» не баловала Джордана щедрыми контрактами, особенно если сравнивать его доходы с тем богатством, которое свалилось его стараниями на держателей акций команды. Владелец «Лейкерс» Джерри Басс, к примеру, заплатил Мэджику Джонсону 14 млн долларов перед его уходом на пенсию, отчасти для того, чтобы отблагодарить лучшего игрока за пять чемпионских титулов NBA, к которым он привел команду, и за то, что его игра помогла значительным образом увеличить общую стоимость клуба.

Впрочем, отношения Басса и Джонсона часто описывали как нечто похожее на отношения отца и сына, тогда как некогда

крепкие взаимоотношения Райнсдорфа и Джордана настолько сильно пострадали в результате их разногласий касательно Пиппена и Джексона, что Райнсдорф быстро и решительно оттолкнул от себя Джордана, как только тот завершил игровую карьеру.

«Дефицитом» доходов Джордана можно также объяснить его позицию. Он всегда утверждал, что играет «ради любви к игре». Даже потом, после возвращения в баскетбол, он играл за минимальную компенсацию. Он очень гордился тем, что заработал свое огромное состояние – превышавшее миллиард долларов по некоторым оценкам – «за пределами баскетбольной площадки».

Джерри Райнсдорф определенно лишил своих партнеров некоторой прибыли, отказавшись нанимать Джордана управляющим. И все же глава «Буллз» повел себя так, как повело бы большинство в этой ситуации. Ему надоели конфликты, и он решил отпустить Джордана на все четыре стороны. «В конце концов Майкл почувствовал, что у него еще остался порох в пороховницах, но он был вынужден уйти, потому что у него не было выбора, и ему это очень тяжело далось», – говорил Джим Стек.

Под конец карьеры Джордана Краузе попросил его о последней встрече. Этот случай заставил Краузе вспомнить их первую встречу с Джорданом 14 годами ранее, весной 1985-го. После случилась травма стопы, а дальше разногласия между ними только множились. «Враждебность начала проявляться именно тогда, – вспоминал Сонни Ваккаро. – И она продолжала накапливаться, пока не вылилась в очень некрасивые инциденты».

«Моя работа состояла не в том, чтобы беспрестанно унижаться перед Майклом», – говорил Краузе. Краузе почувствовал нужду в примирении с Джорданом или в окончании их конфликта, он надеялся, что встреча поможет в разрешении их конфликта, а потому попросил Майкла прийти в его офис в «Берто-центре». Разговор Краузе начал с признания, что слова о том, что Эрл Монро был лучше Майкла, он говорил неискренне. «Ты был лучше его в начале своей карьеры, – говорил Краузе, – но я не мог сказать тебе об этом».

«Я знал», – ответил Джордан так, словно ему наконец представилась возможность сказать: «Ага! Я подловил тебя!»

«Он отреагировал в духе «Ну, хорошо», – вспоминал это Краузе. – Разговор получился очень коротким. Мы с Майклом никогда не сядем за один стол. Он помнит всех, кто сомневался в том, что он станет великим. Он помнит каждую негативную заметку, написанную о себе».

И он определенно будет помнить Джерри Краузе, даже когда будет очень далеко от него.

Глава 37
«Уизардс»

Поначалу казалось, что Джордан отправится в Милуоки, чтобы стать совладельцем «Бакс». Но владелец «Бакс» Херб Коль в последний момент отказался от сделки. Как выяснится позже, новым владением Джордана станет Вашингтон, округ Колумбия, где он связался с Тедом Леонсисом, магнатом и топ-менеджером America Online, который стал совладельцем клуба «Вашингтон Уизардс», некогда пресловутого «Вашингтон Буллетс». Джордан побывал и в Шарлотт, там он рассматривал вариант с «Хорнетс», но владелец Джордж Шинн был занят приведением в бешенство болельщиков помешанного на баскетболе штата, а они отвечали ему тем, что толпами покидали арену клуба. Со временем игроки «Хорнетс» соберут чемоданы и переберутся в Новый Орлеан, оставив городу стойкое ощущение того, что NBA его предала.

Колумнист *Chicago Sun-Times* Джей Мариотти утверждал, что Фил Джексон, приведший «Лейкерс» к титулу чемпионов NBA в 2000 г., хотел, чтобы к его новой команде присоединился Джордан. Деньги, предположительно, предлагались Майклу минимальные, но зато он получал возможность стать частью команды «Лейкерс», у которой были все шансы на завоевание новых титулов. Джордан отказался, якобы потому что «Вашингтон» предлагал ему долю в команде и был согласен сделать его со временем основным владельцем клуба.

Вашингтон, в отличие от Лос-Анджелеса, был городом, нуждавшимся в напоминании о том, что у него вообще когда-то был опыт в NBA. «Уизардс»/«Буллетс» уже прочно укоренились в своей посредственности, погружение в которую началось больше двух десятилетий назад. То, что Джордан был связан с командой Эйба Поллина, столь проблемной франшизой, стало сюрпризом для многих. По ходу локаута в NBA, случившегося всего несколькими месяцами ранее, Джордан и владелец «Вашингтона» вступили в ожесточенную перебранку, свидетелями которой стали несколько игроков – в их числе был и Реджи Миллер, позже отметивший вклад Джордана, благодаря которому игроки смогли переломить ход переговоров и добиться от владельцев клубов лиги более выгодных для себя условий.

«В сезоне 1998/1999 г. у нас была запланирована встреча в Нью-Йорке, и все игроки должны были туда приехать, – вспоминал Миллер. – Майкл Джордан предположительно только что завершил карьеру. Когда мы все туда прибыли, Майкл

Джордан уже был там и был готов схлестнуться с несколькими владельцами и комиссаром лиги, он почти что кричал, споря с покойным уже великим Эйбом Поллином. Майкл Джордан «наезжал» на комиссара Стерна и Поллина, которым говорил, что если вы продолжите выписывать эти плохие чеки плохим игрокам, то, возможно, вам следует задуматься о том, чтобы вообще отказаться от владения командой».

Поллин жаловался на трудности, с которыми сталкивался в процессе управления клубом.

«Тогда продайте свою команду», – порывисто ответил Джордан Поллину.

«Ни ты, Майкл, ни кто-либо другой не будет давать мне указания, когда продавать мою команду», – парировал Поллин.

Тогда казалось маловероятным, что эти двое смогут работать вместе. Джордан, однако, был слишком ценным активом, чтобы такая команда, как «Вашингтон», отказывалась от него. Было легко представить, как Его Воздушество смахивает пыль с профессионального баскетбола столицы страны и возвращает ему былой блеск. «Шумиха была невероятной, – говорил Дэвид Олдридж о заявлении Джордана о приходе в «Уизардс» в качестве миноритарного акционера и баскетбольного управляющего. – Я помню этот день так, словно он был вчера. Заголовок в *Washington Post* был выше линии сгиба. Эта газета в свое время свалила Ричарда Никсона. Заголовок над сгибом гласил: «Джордан едет в Вашингтон». Так что ажиотаж был огромным, колоссальным».

К осени 1999-го, когда Леонсис начал предпринимать первые шаги к тому, чтобы вовлечь Джордана во владение и управление «Уизардс», обиды прошлого, как казалось, уже растаяли. В своих публичных заявлениях Поллин был полон энтузиазма по поводу прихода в команду величайшего игрока в истории баскетбола. Партнерство, которое обсуждали Поллин и Джордан, было олицетворением слияния старой NBA и новой. Поллин, владевший строительной компанией, купил клуб «Балтимор Буллетс» в 1964-м, когда ему было чуть за 40. Одним из самых первых сотрудников Поллина стал дородный молодой скаут Джерри Краузе. В течение долгих десятилетий они будут друзьями и доверенными лицами друг друга. Поллин также будет тесно общаться с молодым юристом, работавшим на NBA, Дэвидом Стерном – в 1984-м он станет комиссаром лиги.

По большей части Поллин имел связи со старой гвардией NBA, особенно дружен он был с владельцем «Детройт Пистонс» Биллом Дэвидсоном. Олдридж вспоминал: «Думаю, что он с большим почтением относился к пожилым владельцам клубов лиги, которые наверняка знали, каково это – суметь покрыть

расходы на зарплатную ведомость в то время, когда ты совсем не уверен, что тебе это удастся. И он явно чувствовал себя ментором Стерна. Я знаю, что у него были хорошие отношения с Джерри Краузе, и знаю, что они говорили об очень многих вещах».

Впрочем, с этой его высокой оценкой Краузе не всегда соглашались люди, работавшие на Поллина. Олдридж со смехом говорил во время интервью 2012 г.: «В структуре «Буллетс» было много людей, считавших, что Джерри несколько преувеличил свою роль в драфте Эрла Монро, такое к нему было отношение. Когда в «Буллетс» ты спрашивал у людей, кто такой Джерри, они всегда закатывали глаза и говорили: «Ах да, это тот парень, что открыл Эрла Монро».

Краузе, впрочем, оставался важным элементом «агентурной» сети Поллина из владельцев и генеральных менеджеров по всей лиге. Поллина и Краузе, как было известно, объединяли общие взгляды и схожее видение будущего их команд, которое они обсуждали в беседах.

> Позже станет ясно, что владелец «Вашингтона» имел виды на Джордана еще задолго до того, как тот пришел в «Уизардс».

Хорошей новостью и для Поллина, и для Джордана было то, что у них была одна общая черта: они были чрезвычайно преданы старым друзьям. Учитывая, что в 2000-м для Поллина начиналось пятое десятилетие у руля команды, у него было немало таких друзей, многие из которых получали зарплату в «Уизардс». И хотя его клуб превратился в одно из самых плачевных предприятий лиги, в первое десятилетие владения Поллина, когда клуб еще базировался в Балтиморе, Монро удалось вывести команду в финальную серию 1971 г., где их поспешно смела со своего пути команда «Никс». Даже несмотря на этот успех, продажи билетов в Балтиморе оставались скромными, что подтолкнуло Поллина к исполнению его изначальной задумки: он планировал перевезти команду в Вашингтон. В 1973-м он построил «Кэпитал-центр» в пригородах Мэриленда, который стал домом для «Буллетс» и профессиональной хоккейной команды «Кэпиталз», которую он основал.

1970-е станут периодом наивысшего расцвета для «Буллетс». С тренером Кейси Джонсом команда доминировала в регулярном сезоне 1975-го, но в финальной серии за чемпионство в лиге начисто проиграла «Голден Стэйт Уорриорз», что стало большим разочарованием. Вскоре Поллин обратился к старому врагу Краузе Дику Мотту, пригласив его тренером в команду, и в 1978-м «Буллетс» вернулась в финальную серию с двумя новыми

звездами в составе – молодым центровым Уэсом Ансельдом и Элвином Хейзом. Тогда им удалось завоевать единственный чемпионский титул в истории клуба – в семиматчевой серии была повержена «Сиэтл Суперсоникс». В 1979-м две команды вновь сошлись в финале NBA, где «Сиэтл» взяла реванш и выиграла титул, но на этом славная эпоха для «Вашингтона» закончилась.

Владелец команды потерял своего сына во младенчестве и похоронил дочь-подростка – оба умерли вследствие заболеваний сердца. Возможно, что это поможет объяснить тесные взаимоотношения, что установились у него с Ансельдом, центровым славной эпохи, который останется в рядах «Буллетс» сначала как тренер, а потом и как директор, и Сьюзен О'Мэлли, дочерью его бизнес-партнера и политического соратника, на много лет ставшей директором, ответственным за маркетинг и пиар-сектор в клубе.

Олдридж отмечал, что ценности Поллина хорошо иллюстрировал его ответ на вопрос: «Как вы относитесь к людям, с которыми работаете?» Поллин относился к своим людям исключительно хорошо, хотя со временем его лояльность «стала идти во вред организации». Олдридж вспоминал: «Я начал освещать деятельность «Буллетс» в 1988-м, и когда в 2008-м я приходил на игры команды, я видел, что процентов 60–70 сотрудников продолжали работу в клубе еще с тех времен. Я спрашивал себя: «Что тут вообще происходит?» Владелец явно не поощрял этих людей за успехи, потому что «Буллетс» был плохим клубом с кучей проблем. Быть может, «Клипперс» был еще хуже них, но это сомнительное достижение». Другой лидер мог хотя бы поменять лидеров, чтобы встряхнуть команду с ее сонной культурой. Но не Поллин. Олдридж уточнял: «Я смотрел на все это и спрашивал: «Зачем вы держите всех этих людей?» Эйб был чрезвычайно преданным человеком. Он не увольнял Уэса Ансельда, хотя, если вы посмотрите на результаты при нем, увидите, что они далеко не безупречные. А ведь речь идет о человеке, семь-восемь лет проработавшем тренером, а потом ставшем генеральным менеджером».

Лучший свой сезон из тех, что освещал Олдридж, команда прошла с результатом 40–42. Он вспоминал со смехом: «Это был пик моей «карьеры» журналиста, писавшего о жизни «Буллетс». Команда была ужасной. Она играла так плохо, как только можно было, и это продолжалось долгое время. Было ли у этого много причин? Разумеется. И многие из этих причин не были чьей-то виной, просто прибыль есть прибыль. NBA ведь – ориентированный на результаты бизнес, не так ли? Вы знаете, что Эйб был невероятно преданным. Он долгое время был очень

предан Сьюзен О'Мэлли. Долгое время был очень предан Уэсу. Даже люди в пиар-отделе никогда не менялись, они уходили только по собственному желанию. Я не помню, чтобы он кого-нибудь увольнял. Эйб был преданным. И он ожидал ответной преданности, хотя, я думаю, в большей степени он рассчитывал получить в ответ некоторое уважение к себе».

Поллин многое сделал для того, чтобы заслужить уважение жителей Вашингтона. Он выделял внушительные суммы на помощь городским нуждающимся. Возведение им «MCI-центра» в деловой части Вашингтона в 1997 г. обеспечило городу внушительный приток средств, в котором столица так отчаянно нуждалась, чтобы привести в порядок свои финансы. Однако в баскетболе он и его команды во многом выглядели полными лузерами. По крайней мере так на них смотрели в NBA на излете века. Владелец полагал, что вовлечение Джордана в проект поможет кардинально улучшить этот имидж.

Не было никаких сомнений в том, что в 37-летнем возрасте Джордан был умудренным старейшиной от баскетбола, но к тому времени, как начался его роман с «Уизардс», в 2000-м, ему по-прежнему не хватало управленческого опыта. Он был чрезвычайно энергичным баскетболистом, чей единственный метод оценки потенциала игрока базировался на личной конфронтации с ним на площадке. И хотя он обладал беспрецедентным опытом игры в баскетбол и выполнения лидерских функций в своих командах, он никогда не занимался формированием ростера команды и никогда не тренировал ни на одном из уровней.

Несмотря на это, Эйб Поллин отчаянно жаждал обновить свою команду и произвести шум в лиге, что поставило Джордана в очень выгодную переговорную позицию. Поллин согласился пойти на определенные уступки, но настойчивое желание Джордана добиться этих уступок от владельца, судя по всему, в некоторой степени омрачило их взаимоотношения еще до начала совместной работы. Первой проблемой было время. Джордан хотел неполной занятости для себя, чтобы оставалось время на прочие бизнес-интересы, а также выполнение обязательств перед спонсорами, для которых он регулярно снимался в рекламе на ТВ. Его график также предполагал изрядное количество свободного времени на гольф и прочие увлечения. Обговаривая условия контракта, он настаивал на том, чтобы в его обязательствах было посещение не более чем полудюжины матчей команды в сезоне. Также он не хотел играть никакой существенной роли в рекламе игр «Уизардс» и маркетинговом продвижении клуба. Сотрудникам давно мучившейся команды было трудно

согласиться на такие условия, особенно с учетом того, каким магнетизмом обладал Джордан.

«Эта история прогремела на весь мир, – объяснял Дэвид Олдридж. – Я говорю лишь о том эффекте, который произвел приезд Джордана в Вашингтон, в каком бы качестве он ни представлял команду: был ли директором или игроком. Эффект был колоссальным. Публика устраивала ему стоячие овации просто за сам факт появления в ложе владельца, за то, что его лицо появлялось на экране. Реакция людей была в духе: «Вау!» А он съеживался от неловкости, он не хотел, чтобы его показывали, а потому уходил в свой кабинет, где его никто не мог увидеть».

Такие условия работы Джордана незамедлительно вызвали раздражение у давних сотрудников команды, особенно у тех, кто ходил в фаворитах Поллина. Чтобы помочь себе в выполнении директорских обязанностей, Джордан пригласил старых, проверенных друзей: Рода Хиггинса, имевшего опыт тренерской и административной работы в «Голден Стэйт», и Фреда Уитфилда, который работал как на Nike, так и на Дэвида Фалька. Также он нанял Кертиса Полка, много лет проработавшего с Фальком. «Уизардс» гнулась пополам от тяжкого груза раздутых контрактов стареющих игроков, и люди Джордана намеревались избавить франшизу от этих деструктивных соглашений. Команда Джордана перестраивала клуб по всем канонам учебников по управлению бизнесом, но все ее достижения вскоре потонут в море ехидства и желчности.

Джордан также привел в «Уизардс» своего старого друга Джонни Баха, которому было уже под 80, на должность ассистента еще не нанятого главного тренера. Он пытался переманить в Вашингтон Джона Пакссона из чикагской команды менеджеров Райнсдорфа, но Пакссон отказался. Пытался Джордан нанять и Майка Джарвиса, но тренер «захотел слишком много денег», как объяснял Олдридж. Наконец, Леонард Хэмилтон согласился стать его тренером, и жребий был брошен. Поначалу было много улыбок, но Джордан и Поллин явно присматривались друг к другу. Наблюдателей интересовало, как требовательная натура Джордана и сопутствующий ей гнев проявятся в столице страны. Как выяснилось, конфликтов хватало. Джордан много лет проработал под началом Фила Джексона, который был мастером по части нагнетания напряжения в организации: он добивался этого, настраивая команду против менеджмента. Джексон с большим успехом применял тактику подобных настроений в «Буллз», пока атмосфера в команде не стала слишком ядовитой. Аналогичными методами он пользовался и в «Лейкерс». В «Чикаго» между Джексоном и внушительной частью сотрудников

команды были очень натянутые отношения. Во время матчей плей-офф 1994 г. в Нью-Йорке Джексон заслужил всеобщую похвалу, когда в один из дней решил поднять настроение команды, объявив, что тренировки не будет, а вместо нее команда на автобусе отправится на паромную переправу Статен-Айленда развеяться. Что тогда осталось за кадром, так это поступок Джексона в отношении единственной женщины в автобусе, ветерана рекламного отдела клуба: когда автобус отъехал на расстояние одного квартала от отеля команды, Джексон попросил водителя остановиться и приказал женщине сойти. Сотрудница была унижена таким поступком тренера и вскоре покинула штат «Буллз». Это решение наряду с несколькими другими привело к негодованию некоторых работников команды, возмутившихся поведением Джексона.

«Фил был очень хорош по этой части, – говорил Краузе. – Он не был единственным тренером, который создавал атмосферу «мы против них» во взаимоотношениях между командой и администрацией. Многие тренеры NBA поступают так же, до определенной степени. Но Фил был по-настоящему хорош в этом деле».

Быть может, Джордан не намеренно пошел тем же путем, став менеджером по баскетбольным операциям в «Вашингтоне», но в «Чикаго» он привык работать именно так. Довольно скоро Поллин и его администрация почувствовали разлад и затаили обиду.

«Он выписывал чеки, – говорил о владельце «Вашингтона» Дэвид Олдридж. – Такому человеку нужно выказывать какое-то почтение. Люди могут думать, что лучшие его годы позади и что он не знает, о чем говорит, и все такое, но он по-прежнему владеет командой. Я расскажу вам, что произошло. Когда Майкл пришел и привел с собой своих людей – он привел Хиггинса, привел Фреда и Кертиса Полка и всех прочих – было такое ощущение, что владельцу говорили: «О'кей, отойдите в сторонку. За дело берутся настоящие воротилы. А вы пока посидите тихонько в сторонке, время от времени я буду бросать вам кость».

«Такая была атмосфера. Я помню, – рассказывал Олдридж, – что прошло совсем немного времени, прежде чем я начал слышать всякое от людей в организации. Ну знаете, вроде «Эй, а Эйб хочет пообедать с Майклом». Он не обедал с ним месяца два или четыре недели, не важно. Услышав такое, думаешь: «Вау! А ему надо бы следить за этим». Мне кажется, что люди Майкла оттолкнули других сотрудников в сторону».

Сьюзен О'Мэлли переходила на работу еще в «Буллетс» и с годами продвинулась до должности вице-президента. Она всегда предпочитала агрессивный подход в маркетинге сначала в

«Буллетс», а потом в «Уизардс». Но поскольку команда не блистала, она и ее отдел строили свою стратегию продажи билетов не вокруг привлекательности «Уизардс», а опираясь на другие команды, которые должны были приехать в город и привезти своих звезд.

«Это все, что они делали, – сказал Олдридж о маркетинговом департаменте «Уизардс». – Они рекламировали другие команды. «Приходите посмотреть на игру другой команды, потому что наша команда не очень хороша»… Когда Майкл воспротивился такому подходу, это вызвало беспокойство и страхи в клубе».

Джордан взял на вооружение старый и бескомпромиссный подход, схожий с тем, что проповедовал много лет возглавлявший «Бостон Селтикс» Ред Ауэрбах, который считал, что сила команды и то, как здорово она играет, должны обеспечивать продажи билетов. «Сьюзен хотела найти Майклу такое применение, которое не слишком ему нравилось, – отмечал Олдридж. – Он сказал: «Я не хочу быть цирковым пони. Я не хочу выходить к трибунам и пожимать людям руки». В этом и была проблема».

После многих лет пребывания в центре всеобщего внимания Джордан хотел ограничить доступ журналистов к своей персоне и поэтому утвердил более жесткую политику общения с прессой. Это, в свою очередь, привело к тому, что в его отношениях с журналистами в Вашингтоне уже не было той близости и доверия, какие были в Чикаго, где он когда-то был властителем СМИ.

В своем новом качестве он хотел делать меньше, а не больше рекламной и публичной работы. Его ставшие будничными отказы О'Мэлли, регулярно просившей его о чем-нибудь, тоже начали разъедать их отношения. Потребовалось всего лишь несколько кадров в эфире ТВ, на которых Джордан был запечатлен покидающим арену «Уизардс» на автомобиле с номерными знаками штата Иллинойс, чтобы подчеркнуть разительную перемену в подходе Джордана к делу. Имевший в годы игровой карьеры репутацию неутомимого трудяги Джордан теперь вечно отсутствовал на рабочем месте.

Олдридж и его коллеги по журналистскому цеху пытались разобраться во всем этом. «Знаете, Тони Корнхейзер, Майкл Уилбон и я все время спорили на эту тему. Корнхейзер говорил: «Он должен быть на виду. Должен быть близок к публике, выходить в народ». Я склонялся к мнению Уилбона, говорившего: «В Чикаго ведь есть телевизоры. Не важно, где он находится, главное, чтобы он делал свою работу». В спорте значение имеют только поражения, а игроки Леонарда Хэмилтона не просто проигрывали, они опускались до открытых конфликтов, выясняя отношения прямо на скамейке по ходу игры. Хэмилтон со

временем много раз докажет, что он – великолепный студенческий тренер, но даже Джонни Бах не мог защитить его от конфликтов с профессиональными игроками. Дно было достигнуто, когда по ходу одного из матчей Хэмилтон вызвал охрану стадиона, чтобы одного из его игроков, Тайрона Несби, вывели со скамейки после того, как у него случилась перепалка с тренером на повышенных тонах.

«У Майкла было свое представление о том, что он хотел бы видеть в команде, – вспоминал Джонни Бах. – Он так никогда и не начал воплощать задуманное в жизнь, потому что у него в команде работал тренер студентов, никогда не имевший дело с профессионалами. Все складывалось неудачно».

Искавшему способ поправить дела команды и вывести ее на верный путь Джордану как-то раз, весной, пришла в голову мысль, что лучший способ помочь организации в данный момент – сыграть за команду, вернуться на паркет и научить молодых игроков уважению к баскетболу и упорной работе. Так он поднял из пепла «Буллз». Начав играть. Да, тогда он был моложе, но зато теперь, размышлял он, он знает гораздо больше. Конечно, он растолстел на работе директором, а его колени были в ужасном состоянии. Но он ведь может начать работу со старым другом Тимом Гровером, который теперь управлял эксклюзивным тренировочным центром в Чикаго, где долю имел и Джордан-инвестор. Гровер вернет его в прежнюю форму.

Джонни Бах счел эту идею ужасной и незамедлительно принялся отговаривать Майкла. «Ради блага франшизы он пытался ублажить Эйба и сыграть, – вспоминал Бах. – Он знал, что мы не будем часто выигрывать».

Это и поразило Дэвида Олдриджа. Джордан, которого всегда заботили победы, собирался рискнуть своей репутацией, отлично зная, что команда не способна побеждать, уж точно не таким образом, как того ожидала публика. Но он все равно был готов пойти на это, чтобы наладить дела франшизы. Это было словно повторением истории с бейсболом; он опять решил взяться за дело, которое было обречено на провал с самого начала.

«Я не хотел, чтобы он играл, – говорил Бах. – Я знал, что ему больше нечего доказывать в этой жизни. Я видел, какие трудности сопряжены с тем, чтобы попытаться играть в том же стиле, в каком он играл всегда. Игра уже не давалась ему так легко. Он уставал на тренировках. Чтобы привести свои ноги в тонус, он был вынужден работать на велотренажере. Он превозмогал трудности, пытаясь привести себя в форму. Я считал, что он берет на себя слишком тяжкий груз. Я видел, как ребята возвращаются в игру, видел, как бойцы возвращаются на ринг.

Видел, как ДиМаджио мучается в центре поля. Видел, как Джо Луиса забивали на ринге. В спорте очень мало таких людей, как Рокки Марчиано. Он выиграл все и ушел непобежденным. Вот так и надо поступать. Я надеялся, что Майкл так и сделает. Что еще он мог выиграть? Моей надеждой было, что он будет просто хорошо выступать в Вашингтоне. И он выступал. В среднем набирал по 22 очка за игру и заполнял трибуны».

> Поллин был в восторге, получив новости о том, что Джордан раздумывает о возвращении.

Он принесет команде десятки миллионов дохода, но что еще лучше, Джордану придется отписать свою миноритарную долю акций команде, так как правила NBA не позволяют игрокам держать акции клуба и одновременно продолжать игровую карьеру.

Изначальный план, родившийся в голове Джордана, предполагал, что по окончании выступлений он вернет себе долю в акциях, а потом завершит сделку после приобретения контрольного пакета акций команды. Джордан не стал вызывать Фалька на переговоры по сделке. Потому что никакой сделки не было, никаких гарантий тоже. Ему было необходимо доверить Эйбу Поллину свои акции на время, а потом вернуть их себе, когда с игрой на площадке будет покончено. Джордан, который по своему опыту в «Чикаго» не слишком доверял людям, согласился довериться Эйбу Поллину. Этот парень никогда никого не увольнял, его приятели и старые друзья всегда были рядом с ним.

В тот год команда «Уизардс» завершила очередной унылый сезон и позже, по результатам драфт-лотереи NBA, получила право первого пика на драфте. Джерри Краузе вспоминал, как летел домой после лотереи в одном самолете с Родом Хиггинсом и Фредом Уитфилдом и слышал какую-то возню позади себя. Он был почти уверен, что они смеются над ним у него за спиной. «Помню, как подумал: «Они все испортят, – говорил Краузе.

Тогда лига еще не ввела правила, согласно которому командам позволялось драфтовать только игроков, отыгравших в колледже хотя бы один год, а посему на драфте в тот год было много здоровых тинейджеров. «Уизардс» выбрала выпускника старшей школы из Джорджии Кваме Брауна, имевшего рост в 210 см и титул MVP Всеамериканской игры под эгидой Макдоналдс. У «Буллз» были два достаточно высоких пика на драфте, и Краузе выбрал неуклюжего Эдди Карри и Тайсона Чендлера. Джерри Уэст, подбиравший игроков для «Мемфис Гриззлис», остановил свой выбор на испанце Пау Газоле.

«Он с большим отрывом был лучшим игроком того класса старшей школы, – говорил о Кваме Брауне Маркес Джонсон, бывшая легенда УКЛА и баскетбольный комментатор. – Я смотрел ту игру – 17 очков, семь подборов, четыре или пять блок-шотов в матче Макдоналдс».

«Я знал всех трех этих парней, и Эдди Карри, и Тайсона Чендлера, и его, – вспоминал Сонни Ваккаро, все так же проводивший немало времени за наблюдением за звездными школьниками и оценкой их потенциала. – Майкл спросил у меня, кто лучший из них, и я назвал Кваме». По меньшей мере, заключила команда Джордана, Браун даст «Уизардс» преимущество на подборах, энергию и атлетизм для игры под кольцом.

Джордан также пригласил Чарльза Баркли, чтобы тот начал тренироваться с ним с прицелом на то, что они вернутся в игру вместе. Баркли согласился, что, как кажется в ретроспективе, должно было стать тревожным звоночком для Джордана. Не было никаких шансов на то, что Баркли, выдающийся телекомментатор, растолстевший после окончания карьеры куда сильнее Джордана, вернется в такую физическую форму, которая позволит ему ступить на паркет в матче NBA. Пытаясь сотворить громкий камбэк, в коротких штанах, с сигарами в зубах и шутками-прибаутками у кольца они на пару с Джорданом напоминали Мика Джаггера и Кита Ричардса, решивших вернуться на сцену. Но они ни разу не Rolling Stones. Собирая свою старую банду, Джордан подумал, что в список нужно включить еще одного старого доброго приятеля.

«И вдруг откуда ни возьмись в клубе появился Даг, – сказал Бах. – Я не знал, что он приедет».

Даг Коллинз прошел приличный путь после увольнения из «Буллз». Он проделал интересную, но неудовлетворительную работу в качестве тренера «Пистонс», а затем вернулся на ТВ, чтобы продолжить выступать в роли лучшего аналитика NBA и ярчайшего сокомментатора в бизнесе. Теперь в Вашингтон держал путь человек, никогда не умевший говорить Джордану «нет» – как раз в то время, когда кто-нибудь должен был сказать ему это самое «нет».

Джордан отказался объявлять о своем возвращении, хотя тем летом он с усердием принялся тренироваться с Гровером в Чикаго. Даже Коллинз не знал наверняка, что он задумал. Но баскетбольная общественность узнала знакомые обстоятельства. Опять Джордан строил из себя королеву драмы, пустив слух о своем возвращении, и городу уже не терпелось поскорее узнать все подробности его нового воплощения. Тем временем

постаревшие ребята с калькуляторами уже бойко высчитывали, сколько смогут заработать, если он решит еще раз натянуть на себя кроссовки за 200 долларов.

Атмосфера в тренирочном центре Гровера Hoops the Gym была тем летом наэлектризованной, хотя по мощности в ваттах и недотягивала до 1994-го или 1995 г., когда Джордан метался между баскетболом и бейсболом. В этот раз грузовиков со спутниковыми тарелками на крышах не было, лишь колумнист *Sun-Times* Джей Мариотти болтался около спортзала, дежуря в одиночестве. Каждый день Джордан осторожно проходил мимо него, испытывая боль в коленях. Они обменивались репликами, близкими к любезностям, но Мариотти так и не смог вытащить из Джордана какое-нибудь подтверждение его планов.

Джордан прибегнул к своему старому арсеналу трюков, принявшись накалять атмосферу в зале трэш-током и обещаниями унижений тем, кто не был готов играть на пределе. Некоторые его друзья и звезды NBA присоединялись к нему в этих матчах, по всей видимости, чтобы как-то помочь, но также они приезжали туда, чтобы сравнить свою игру с его, хотя он и утрачивал былую мощь. Джордан искал доказательства того, что у него еще есть необходимые данные для игры, и то, что он увидел и почувствовал на тренировках, придало ему уверенности.

В один из дней Джордан, потративший недели тяжкого труда на возвращение формы, сломал себе два ребра в столкновении с Роном Артестом. Травма оттянула его возвращение на четыре недели. Любой другой на его месте увидел бы в этом знак свыше, призыв остановиться. Баркли уже забросил мечту о возвращении. Джордан, однако, намеревался объявить о своем возвращении в сентябре, но пресс-конференцию пришлось отложить в связи с террористическими атаками 11 сентября. Он, из уважения к жертвам, прождал несколько дней, а затем объявил о своем возвращении и передаче всей своей зарплаты за сезон в размере 1 млн долларов семьям погибших.

«Было очевидно, что когда я покидал игру, то забыл кое-что на площадке, – говорил Джордан репортерам, сообщая о своем камбэке. – Вы, ребята, можете этого не понять. После выигрыша нами последнего титула я не просто сел на лавку, готовый покинуть баскетбол. Я не хотел проходить через процесс перестройки команды, это да, но если бы Фил остался в команде, а она сама не развалилась бы, я наверняка до сих пор играл бы».

«Я возвращаюсь игроком из любви к баскетболу, – сообщал он в подготовленном пресс-релизе. – Я в большом восторге от «Вашингтон Уизардс», и убежден, что у нас есть фундамент, на котором можно выстроить конкурентоспособную команду для

плей-офф».

В первый день октября он появился на пресс-конференции в черном спортивном костюме Air Jordan и черной кепке, на передней части которой красным была вышита надпись JORDAN. В тот же день NBA выпустила в продажу реплику его игровой майки «Уизардс» стоимостью в 140 долларов.

Бывший тренер Джорджтауна Джон Томпсон вошел в число тех, кто незамедлительно выразил свой скепсис по поводу возвращения Джордана в баскетбол. «Я беспокоюсь за Майкла – я счастлив, но честно скажу, что совершенно точно не хотел его возвращения. Думаю, что ожидания будут абсолютно нереалистичными, учитывая то, какие высокие стандарты он задал, – сказал он. – Плюс надо понимать, что все эти трюки с прыжками от линии штрафных уже давно в прошлом. Его игра теперь будет на полу. Мы будем называть его Floor Jordan».

«Если мне суждено упасть, я упаду, – говорил репортерам Джордан, сидя за столом, на который с явным стратегическим расчетом поставили банку Gatorade. – Встану и пойду дальше. Если я пытаюсь чему-то научить своих детей, я рассказываю им о важности мечты и стараний… Если у меня получится, здорово. Если нет, я смогу с этим жить».

В баскетболе появилось поколение молодых атлетичных игроков, жаждущих показать себя на его фоне в ближайшие годы, признавал Джордан. «Моя голова стоит на кону, – говорил он. – Молодые псы будут гонять меня. Ну, я тоже не собираюсь отставать от них. Я ни от кого не бегу. Если меня что и ждет, так это великолепный вызов».

Главным образом он хотел избавиться от чувства сожаления, которым наполнилась его жизнь после того, как обстоятельства вынудили его бросить любимую игру и покинуть «Чикаго». «Меня мучает зуд, который нужно унять, – говорил он. – И я хочу удостовериться, что он не будет беспокоить меня до конца моей жизни».

Скромная зарплата заставила многих удивленно поднять брови. По сути, она означала, что Джордан дарит 30 млн долларов команде, которой больше не владеет. Его возвращение готовились приветствовать авторы новых книг о нем, особенно репортер *Washington Post* Майкл Лэхи, писавший о Джордане и для газеты. Если Боб Грин дружил с Джорданом и имел к нему доступ при написании книги *Rebound*, посвященной бейсбольному этапу жизни Майкла и его возвращению в Чикаго, то отношения Лэхи с Джорданом довольно быстро приобрели скандальный оттенок.

Лэхи изобразил Джордана излишне эгоистичным адреналиновым наркоманом, слишком зацикленным на цели,

чтобы тратить время на уход за больными коленями и приведение себя в адекватную форму. Перелом ребер отбросил Джордана далеко назад при подготовке к сезону. Он хромал во время тренировочных сборов в лагере, который по его желанию был разбит в Уилмингтоне, что стало приятной новостью для его родного города. По ходу выставочных матчей в конце октября Лэхи, на бегу ведший отчет о возвращении Джордана в баскетбол, выследил его в одном из казино Коннектикута, Mohegan Sun, где Джордан оказался за ночь до игры. Он проиграл заведению уже 500 тыс. долларов, но не покидал игровых столов вплоть до восхода солнца. Ему удалось не только отыграть свои деньги, но и заработать 600 тыс. долларов сверху, и все это в полном неведении, что Лэхи фиксирует каждое его движение, чтобы потом рассказать эту историю читателям в Ди-Си.

Джордан и его команда наполнили ростер «Уизардс» в основном игроками-кочевниками, регулярно менявшими клубы. Атакующий защитник Ричард «Рип» Хэмилтон был единственным ярким молодым талантом в практически пустой «конюшне» «Вашингтона». Он и Джордан со временем схлестнутся друг с другом, пока Даг Коллинз будет мучиться от растущего ощущения того, что он подводит Джордана.

Но даже несмотря на это, новая арена, возведенная Поллином и называвшаяся «Verizon-центр», каждый вечер заполнялась вашингтонцами, которые долгое время игнорировали «Уизардс». Теперь же они толпами приходили посмотреть на старания Майкла Джордана, пытавшегося изменить плачевную ситуацию в клубе.

Тем временем Лэхи узнал, каким шоком для партнеров Джордана стал его приход в команду. Изначально планировалось, что Кваме Браун станет атлетичным игроком передней линии, каким был для «Чикаго Буллз» Хорас Грант. В ходе предсезонной подготовки Джордана спросили, правда ли, что он задрафтовал «добермана», подобного тому, которого Джонни Бах тренировал в «Чикаго», но Джордан в ответ нахмурился. «Ему еще многому предстоит научиться», – сказал он о Брауне.

Когда Браун приехал в тренировочный лагерь к Джордану, он был беспечным парнишкой из неблагополучной семьи. Кисти его рук были мелковаты для игрока под кольцом, а кроме того, он понятия не имел, как ублажить своего нового босса. Много лет спустя Браун будет вспоминать прошлое и скажет, что в то время был настолько зеленым, что даже не знал базовых баскетбольных терминов вроде «заслона». Джордан помогал в своей привычной огненной манере. Кто-то нашептал Лэхи, что Джордан кричал на юного новичка на тренировках и обозвал его «педиком»

в присутствии всей команды. Когда Лэхи опубликовал эти истории в номере *Post*, вышедшем на той неделе, а позже в книге *When Nothing Else Matters,* публика отреагировала на них без восторга.

Краузе тем временем висел на телефоне, выпытывая информацию у своих источников о работе штаба «Уизардс». «Кваме был выдающимся талантом, – вспоминал Краузе. – Я слышал, что Майкл так насел на него, что поломал парня. Его отец сидел в тюрьме. Мать готовилась туда сесть. У него был ворох семейных проблем. На такого парня не надо было орать. По свидетельствам моих знакомых из их клуба, Майкл сломал парня и его карьеру».

Конкурентный подход Майкла коробил – и это еще слабо сказано – сотрудников администрации Поллина, работавших в структуре франшизы уже много лет. В телефонных разговорах они сочувствовали Краузе, который и сам, по личному опыту, мог пересказать им эпизоды своих взаимоотношений с Джорданом. «Его ненавидели все сотрудники клуба, – вспоминал Краузе. – Я знал многих людей оттуда. Они говорили мне: «Джерри, он дрянь». Уэс Ансельд ненавидел его до глубины души. Ансельд был человеком Поллина».

Браун проведет в лиге более 12 лет и будет котироваться как приличный ролевик, но звездой никогда не станет. «Майкл Джордан не делал всего того, что думают люди», – говорил Браун в интервью 2011 г., вспоминая свой опыт в шумном тренировочном лагере. «Тренировали на самом деле больше ветераны и Даг, – говорил Браун о своем разочаровывающем дебютном сезоне. – Криков на самом деле было не так много. Они больше пытались тренировать меня. Я многого не знал тогда. Помню, что они учили меня терминологии, которую я не знал, учась в старшей школе, они объясняли мне такие вещи, как «слепой заслон», например, то, чего я не знал в общем. Если ты берешь на драфте молодого парня из старшей школы, ты должен дать ему время, а также понять, что он не знает терминологии NBA. У тебя в команде должны быть игроки, которые будут развивать молодых баскетболистов».

Команда Джордана увела из ростера «Лейкерс» защитника-ветерана Тайрона Лью, ставшего свободным агентом. Его выбрали, потому что он был быстрым и проворным разыгрывающим защитником. Лью практически сразу наладил взаимопонимание с Джорданом, но они оба знали, что Лью придется играть чуточку медленнее, чтобы стареющая звезда с больными коленями поспевала за ним.

«Давление тяготило его, потому что он очень сильно хотел

побеждать, – вспоминал Лью. – Он вернулся в игру в 38-летнем возрасте и рискнул всем, поставив на кон свое наследие и так далее. Я думал, что это здорово. Когда ты играл с Майклом Джорданом, от тебя требовалось только одно – играть усердно. Если ты играл усердно и отдавал себя всего игре каждый вечер, у него не было претензий к тебе. Если же ты приходил, ложился на лавку и не играл как подобает, тогда кто угодно начал бы предъявлять тебе претензии, не только он. Если ты ступаешь на баскетбольную площадку, то должен быть готов отдать всего себя игре, и это все, чего он хотел».

Издалека за происходящим наблюдали его бывшие партнеры. Игравший теперь за «Портленд Трэйл Блэйзерс» Пиппен смотрел матчи «Уизардс», следил за их результатами и регулярно созванивался с Джорданом. «Думаю, что теперь, оказавшись вдали от бывшей команды, он понимает, что «Чикаго» навсегда остался в прошлом, – признавался Пиппен как-то раз в начале сезона. – Той команды нет, и она уже никогда не вернется. Он больше не находится в окружении хороших игроков, сильных тренеров и партнеров, людей, которые понимают его и то, как нужно играть в баскетбол».

У Джордана почти ничего не осталось с тех пор, говорил Пиппен. Время, проведенное порознь, дало им всем возможность поразмыслить о том опыте, что они приобрели в «Чикаго». Текс Уинтер не только дал им жизненно важную структуру треугольного нападения, он творил беспрецедентные вещи. Пиппен объяснял: «Он так внимателен к фундаментальным вещам и нюансам игры… И он никогда не отступает от них. Честно говоря, большинство тренеров NBA отходит от фундаментальных принципов, от работы ногами, передач на грудь и бросков. Они не хотят уделять время всему этому. Текс – полная их противоположность. Он всегда говорил, что баскетбол – игра привычек».

Было очень весело наблюдать за препирательствами Уинтера и Джордана, частенько случавшимися на тренировках. Пиппен вспоминал: «Очень комичные эпизоды. Текс любил делиться своими знаниями, а Майкл в ответ полоскал его почем зря. Он говорил: «Это не будет работать в современной игре. Может, в 40-х или 50-х это работало, но не сегодня». Но он знал, что к чему. Впрочем, у Текса и Майкла были отличные отношения».

Джордан понимал ценность подхода Уинтера, говорил Пиппен. Вот почему две главные звезды команды всегда с такой готовностью брались за отработку фундаментальных принципов Уинтера на каждой тренировке. На самом деле это стремление все время становиться лучше в фундаментальных аспектах и

будет их подлинным наследием. Пиппен анализировал: «Мы принимали и соглашались со всем, что могло вывести нас на следующий уровень. Мы очень позитивно относились к тому, что приходилось делать на тренировках, к фундаментальным вещам, которых от нас ждал Текс, стремившийся сделать нас сильнее. Мы видели, чего можем достичь, если будем играть на пределе и усердно тренироваться».

Помимо фундаментальных основ баскетбола, выдающимся баскетболистом Пиппена сделал опыт каждодневных сражений с Джорданом на тренировках. «Думаю, что мастерство родилось из необходимости подстраиваться под него, – говорил он. – Я постигал, как следует выбирать позицию так, чтобы контролировать ситуацию и доминировать на площадке. Изучение этого помогало мне, когда я оказывался на паркете без Майкла».

Аналогичным образом опыт в «Буллз» помог и Джордану, отмечал Пиппен: он помог ему компенсировать нехватку прежнего атлетизма. «Он уже не может проходить к кольцу так, как он делал это даже три-четыре года назад. Но никто не может смело утверждать, что Майкл многое растерял, потому что он способен творить очень разные вещи. А его знания об игре огромны. Не думаю, что у него будут проблемы с тем, чтобы набирать много очков за игру. Он по-прежнему умеет забивать. Проблема теперь будет с тем, чтобы выигрывать».

Наблюдение за успехами Джордана неизбежно заставляло Пиппена задумываться о том, что произошло бы, если бы «Буллз» не распалась. «Думаю, что мы могли бы быть вполне конкурентоспособными, если бы продолжили играть вместе, – сказал он. – У нас было бы несколько козырей в виде опыта и знаний. Мы бы до сих пор были очень конкурентоспособными».

Действительно, кажется вполне вероятным, что «Чикаго Буллз» могла выиграть как минимум еще один чемпионский титул, если не два или три – им всем нужно было лишь относиться друг к другу чуть лучше. Как и ожидалось, без Джордана «Буллз» имела громадные проблемы в новом сезоне. Краузе, всегда называвший Чарльза Оукли одним из своих любимых игроков, вернул форварда обратно в команду. Пиппен говорил, что Оукли был не рад своему возвращению в «Буллз». «Я разговаривал с ним вчера, – говорил Пиппен. – Он сказал им: «Если вы не заботились об Майкле и Скотти, то обо мне не будете заботиться и подавно, я это знаю».

Что же до молодых игроков «Уизардс», то Пиппен советовал им на тренировках с Джорданом уделять все

внимание обучению у него.

Стив Керр соглашался с этим утверждением. «Вопрос не в том, как он будет играть. Вы знаете, что Майкл обязательно наберет свои цифры. Пускай он уже не так часто появляется в эфире *SportsCenter* с данками «мельницей». Вопрос в том, как он будет мириться с поражениями? Сможет ли команда улучшить плохую ситуацию? Он же с ума сойдет. Он будет учить их играть, но я не знаю, сумеет ли он научить. Думаю, что его соревновательный запал возьмет верх, он уже это сделал. Люди не осознают, насколько это тяжело – играть вместе с Майклом. Все обучение нужно пройти на тренировках, потому что в игровых ситуациях его соревновательная натура будет преобладать. А он хочет, чтобы они играли на его уровне».

«Это очень тяжело, – добавлял Керр. – Вопрос в том, смогут ли они с Майклом узнать друг друга, будет ли понимание. Им трудно понять, что такое хороший бросок. «Должен ли я уступать ему? Или должен просто выходить и играть?» Им будет очень трудно дать ответ».

И действительно, у Джордана возникнут проблемы с несколькими игроками, которым «Уизардс» платила деньги за то, чтобы они играли в баскетбол. «Знаете, – говорил Тай Лью, – эти парни не выкладывались на полную в каждой игре. А когда у тебя в команде играет парень, который всю свою жизнь соревновался на высочайшем уровне, который решил вернуться в баскетбол в 38 лет и каждый день приходит на тренировки работать над своей игрой и уходит последним, несмотря на боль в коленях и травмы, то у тебя обязательно возникнут проблемы, если ты не играешь по максимуму рядом с ним».

«Он играл через боль, – объяснял Лью. – Его колени были уже не те, что раньше. Он отвык от матчей в каждодневном режиме, и какое-то время вообще отсутствовал в баскетболе. Ему явно было непросто. Но он никогда не пропускал тренировок, никогда не пропускал матчей, играл несмотря на травмы. Думаю, больше всего боли ему причиняло то, что он мог сказать: я выхожу и играю, отдавая вам всего себя, а некоторые из вас не играют с таким усердием, с каким могли бы».

Что удивляло их всех, так это терпение Джордана. Брент Бэрри, в то время игравший защитником в «Сан-Антонио», давно изучал Джордана. Его заинтриговали перемены, произошедшие на третьем и заключительном этапе карьеры Майкла. Все такой же упрямый, целеустремленный и несгибаемый Джордан теперь стал учителем для других. Бэрри вспоминал: «Разница была в методах. Теперь он был более терпеливым во время владений,

когда мог диктовать защите, что нужно делать для того, чтобы разыгрывать комбинации. Но эти комбинации были заточены не под него, не для того, чтобы он забивал. Они выводили на корзину других парней. Эти комбинации должны были показать молодым игрокам «Вашингтона»: «Эй, вы можете играть вот так, и, когда у вас будет мяч, вы сможете повлиять на происходящее в каждом конкретном владении за счет перемещений и передвижений».

«Под конец карьеры он делал очень много тренерской работы, находясь при этом на паркете, где помогал Дагу и молодым парням, – объяснял Бэрри. – Его игра во время матчей была больше похожа на тренировку: он показывал этим парням, учил их, каким эффективным можно быть, если освоить фундаментальные принципы игры».

Поначалу медленно, потом уже со все возрастающей скоростью ситуация в «Уизардс» начала меняться к лучшему. Затем перед самым Новым годом в игре Джордана внезапно появились первые признаки драматических перемен. В матче с «Индиана Пэйсерс» он врезался в стену и набрал лишь шесть очков – карьерный антирекорд. Этот результат прервал его длившуюся 866 игр серию, на всем протяжении которой он неизменно набирал по десять и более очков за игру. Он мгновенно отреагировал на провал в следующей игре, против «Шарлотт Хорнетс» в Вашингтоне, набрав 24 очка в четвертой четверти и 51 всего – и это за шесть недель до своего 39-го дня рождения.

«Можно сказать, он вернулся вовремя», – сказал репортерам после матча форвард «Шарлотт» Пи Джей Браун.

С игры он реализовал 21 бросок из 38, был точен в девяти штрафных из десяти, сделал семь подборов и отдал четыре ассиста за 38 минут игры. Он мог побить клубный рекорд «Уизардс», установленный Эрлом Монро, набравшим когда-то 56 очков за игру, но игра и так завершалась разгромом, поэтому Коллинз усадил его на скамейку на заключительные 3 минуты.

«Есть у этого парня немного гордости, да, что скажете? – спрашивал Коллинз. – Он провел тяжелую игру в Индиане, и думаю, он собирался показать всем, кто он есть на самом деле… Я видел, как он творит совершенно невероятные вещи, но выдать такое в 38 лет, сегодня… это просто фантастика».

Джордан забивал с отклонением из раза в раз, а потом даже вколотил данк. «Уже давно никто не говорил, что я зависаю в воздухе, – говорил Джордан. – В первой половине я чувствовал себя очень хорошо. Мой ритм, мой выбор времени – все это было идеальным, я заставил защитников гадать, что я сделаю дальше.

Сегодня был один из тех волшебных вечеров».

В последний раз он набирал больше 50 очков в игре весной 1997-го, когда настрелял 55 очков в матче плей-офф против «Вашингтона». В следующей игре он едва не выдал еще один сумасшедший результат. «Это было невероятно, – вспоминал Дэвид Олдридж. – Он почти сделал 50 очков второй вечер подряд. Я видел обе эти игры. И он был разозлен после второй. Это было так забавно».

Форвард «Нью-Джерси» Кеньон Мартин перед второй игрой сообщил прессе, что хочет опекать Джордана. «Помню, как Кеньон Мартин говорил: «Я хочу, хочу его опекать», – вспоминал Олдридж. – И Майкл преподал ему урок. Знаете, у Майкла ведь уже не было ничего. Он играл на хитрости, интеллекте и знаниях об игре. У него уже не осталось никаких физических качеств… У него уже и надежды не было, а тут он забивает 50! Это было невероятно».

Олдридж вспоминал, как, сидя на ряду для прессы, наклонился к Джею Мариотти и сказал: «Ты смотришь ту же игру, что и я? Понимаешь ли ты, насколько невероятно то, что творит здесь этот парень?»

Джордан начал заряжать уверенностью своих партнеров настолько, что даже заставил их поверить, что они могут забивать такими бросками, какие многие из них даже никогда не пробовали исполнять. С начала декабря и вплоть до матча Всех Звезд «Уизардс» шла по дистанции довольно уверенно: команда одержала 21 победу и потерпела девять поражений. Однако этот период так и останется пиком карьеры Майкла Джордана в «Уизардс». Его колени стали существенным фактором, повлиявшим на игру, а игроков, которые могли поддерживать набранный темп, у команды не было. Обиды начали копиться у некоторых игроков еще с тренировочных сборов, отчасти причиной их была величественно-надменная манера Джордана держаться, отчасти тот факт, что он был совладельцем клуба, и не на бумаге, а в реальности, ведь именно он назначил своего старого тренера управлять командой. Кроме того, набирал обороты неявный, но все же конфликт с Рипом Хэмилтоном, лучшим молодым снайпером команды.

В январе, в разгар сезона, Хуанита Джордан подала на развод в Чикаго, и вскоре репортер из *Sun-Times* появился в раздевалке «Уизардс», чтобы задать Джордану вопрос о расставании с женой. Интервью-сессии Джордана еще со времен его игры за «Чикаго» всегда концентрировались на баскетбольных темах. Теперь, после победы над «Лос-Анджелес Клипперс», в комнате для прессы нашлось место неуместной конфронтации Джордана с

журналистом, наблюдать за которой некоторым очевидцам было почти физически больно. Репортер спросил, был ли его развод с супругой неизбежным. «Не твое дело», – отрезал Джордан. Вашингтонская газета опубликовала детальный отчет о том, как в ту же ночь, после игры, он с помощью друзей из своего окружения, среди которых был и Тим Гровер, пытался закрутить роман с женщиной в вашингтонском ночном клубе.

В феврале его включили в состав команды Всех Звезд, но его появление в том матче запомнилось лишь промазанным данком. 2 апреля он показал свой худший результат в карьере по очкам, набрав лишь два в проигранном матче с «Лейкерс (113: 93). Два дня спустя команда объявила о том, что он пропустит остаток сезона вследствие проблем с коленями. «Уизардс» выбыла из борьбы за плей-офф, завершив сезон с отрицательным балансом побед и поражений.

«Первый год вышел тяжелым, – вспоминал Джонни Бах. – Второй еще тяжелее. Ему было гораздо труднее поддерживать тот же ритм и играть такое же количество минут. А некоторые команды по-прежнему играли, стремясь остановить Майкла. Баскетбол – игра физическая. Думаю, что он и так сделал куда больше, чем кто-либо другой. Из-за того, что в прошлом он был так хорош, его 22 очка в среднем за игру уже не удовлетворяли ни его самого, ни публику».

По ходу межсезонья «Уизардс» обменяла Рипа Хэмилтона в «Детройт» на Джерри Стэкхауза, и осенью 2002-го Джордан снова был готов соревноваться. «Тот последний сезон, он… вау! Он был так плох, как только можно было представить, – вспоминал Дэвид Олдридж. – И думаю, что он укрепил некоторых людей во мнении, что Джордан – ужасный руководитель. Ведь это он набирал состав».

План на второй год предполагал, что Джордан будет играть ограниченное количество минут, выступая в роли шестого игрока команды. «По ходу предсезонки он все повторял одно и то же, – вспоминал Олдридж. – Он будет шестым игроком. Он отдаст Стэкхаузу роль первой скрипки. А сам будет выходить со скамейки и доводить дело до конца с резервистами. Я тогда подумал: «А вот в этом есть логика!» Более того, я даже проголосовал за него как за шестого игрока года, просто поверив ему на слово. Потому что, рассуждал я, даже сдавший Майкл Джордан, выходя против парней со скамейки, будет набирать 16–17 очков за игру. В этом не просто была логика, это решение казалось отличным выходом. Но все кончилось уже через две недели после начала сезона. Я не знаю, была ли причина в его эго или в том, что он не считал Стэкхауза достаточно сильным

игроком. Он просто вернул себя в стартовую пятерку».

Этот шаг породил разговоры о том, что Даг Коллинз опять не может постоять за себя перед Джорданом, владельцем команды, облачившимся в игровую униформу. «Я защищал Дага, – вспоминал Олдридж, – в печати и на ТВ, говоря: «Ты ставишь своего тренера в невозможное положение, самостоятельно решая выпустить себя в стартовом составе». Я так до сих пор и не понял, зачем он это делал, ведь для него было бы так логично выходить со скамейки! В этом действительно был бы толк. Такая тактика сократила бы количество его минут на площадке, облегчила бы нагрузку на колени, ведь играть 24 минуты гораздо проще, чем 37. Думаю, что это сработало бы. Но он просто не мог сесть на скамейку и смотреть, как играют другие».

Конфликт Джордана с недавно обменянным Хэмилтоном вновь вышел на первый план, когда «Уизардс» сошлась с «Детройтом» в следующем сезоне. «Когда он обменял Хэмилтона в «Детройт», Рип был взбешен, – вспоминал Тай Лью. – Мы играли в Детройте, и Рип рвал жилы, чтобы показать себя. Он трепал языком, надеясь задеть Майкла, а тот ему отвечал: «Ничего личного, Рип. Я просто пытаюсь играть». Рип все не унимался, тогда Майкл сказал: «Слушай, Рип, как ты смеешь оскорблять меня, когда на тебе мои кроссовки? У тебя ж на ногах Jordan'ы! Так какой тут может быть трэш-ток вообще?» Мы все посмеялись над этой историей. Это было сугубо деловое решение. Я думаю, Рип ему нравился. Я полагаю, что он просто пытался заполучить более агрессивного снайпера в лице Джерри Стэкхауза, умевшего бросать с игры, выискивать возможности для бросков, стягивать на себя двойную опеку и в целом быть полезнее для команды. Думаю, что он пытался заполучить в команду такого игрока. Ничего личного в этом обмене не было».

Куда более значимым событием для его бывших партнеров и тренеров стала первая его игра против Пиппена, состоявшаяся в начале декабря того года. «Противостояние будет жарким, поверьте мне», – утверждал Текс Уинтер. И хотя каждый из них набрал по 14 очков, упорной борьбы в матче не получилось. «Трэйл Блэйзерс» Пиппена выиграла 98: 79. «Я знаю Пипа, я знаю, что он хотел, чтобы я вышел и хорошо сыграл, – сказал репортерам Джордан. – Поверьте мне, я тоже хотел выйти и хорошо сыграть. Его лошади были готовы, а мои мулы приболели. Сейчас мне придется терпеть насмешки».

Джордан продолжал мучиться с коленями и испытывать трудности с физическими требованиями баскетбола. 15 декабря он вновь набрал лишь два очка за игру. Однако после он вошел в

форму и в феврале принял участие в матче Всех Звезд, где удивил многих, появившись в старте. Он набрал 20 очков и сумел затмить Карима Абдул-Джаббара, до того момента бывшего лучшим снайпером в истории матчей Всех Звезд. Но во многих отношениях этот вечер получился мучительным. Он смазал первые семь своих бросков, еще четыре его броска были заблокированы, а вдобавок он промахнулся, заколачивая данк. Под конец игры он попал в цель и вывел команду Востока вперед, но Коби Брайант сравнял счет, а за два овертайма Джордан совершил три промаха, и Восток окончательно пал, проиграв 155: 145.

Сезон превратился в прощальное турне, которое Джордан однажды поклялся никогда не устраивать. Когда «Уизардс» приехала в Лос-Анджелес на последнюю игру против «Лейкерс», Коби преподнес ему прощальный подарок. «Коби просто уничтожил его в первой четверти, набрав где-то очков 40, наверное, за первую половину игры, – вспоминал Дж. А. Аданде. – Эта игра словно стала подлинным концом эпохи и символической передачей эстафетной палочки. Для него это было, наверное, настоящим унижением. Я к тому, что он уже ничего не мог поделать с соперниками».

В предыдущем сезоне, когда Брайант выдал серию матчей на 40 с лишним очков в каждом, Джордан отметил, что у него и Брайанта, кажется, есть кое-что общее: они оба искали возможность дистанцироваться от своих современников. В случае Джордана это проявилось в том, что он построил куда более успешную карьеру, чем невероятно одаренный Клайд Дрекслер. Для Брайанта, впрочем, ориентиром был сам Джордан.

По мере того как «Уизардс» приближалась к концовке сезона, отношения Джордана с несколькими партнерами по команде портились. В «Чикаго» Фил Джексон разрабатывал стратегии – вроде сессий по тренировке осознанности, проводившихся Джорджем Мамфордом, – которые должны были помочь Джордану проще относиться к менее талантливым партнерам по команде. Уделявший массу внимания групповой динамике Джексон весь свой подход строил на том, чтобы раскрыть сильные стороны игрока и при этом замаскировать его слабости. В «Вашингтоне» ничего этого не было: ни Фила Джексона, ни Джорджа Мамфорда, ни треугольного нападения Текса Уинтера и, что немаловажно, там не было Пиппена. У Джордана в распоряжении не было никаких атрибутов прошлого, и казалось, что он очень мало доверяет ключевым игрокам, окружавшим его в команде.

«Если у него когда-то и было доверие, то теперь оно улетучилось, – говорил приятель. – Там ему было очень одиноко».

Дальше – хуже. Примерно за три недели до окончания сезона Джерри Краузе узнал о надвигающейся буре. «Я позвонил Эйбу Поллину, – вспоминал он в 2012-м. – Он сказал мне: «Я вздрючу этого вашего друга. Он думает, что обойдет меня. Вот увидите. Он еще ничего не знает». Эйб и сам был крутым сукиным сыном».

Вскоре после этого разговора баскетбольному журналисту Майку Вайзу из *New York Times* позвонил источник, сообщивший ему шокирующие новости: Поллин освободит Джордана от обязанностей по окончании сезона. Вайз начал брать интервью у разных людей и вскоре выяснил, что у Джордана почти не было друзей среди игроков и сотрудников команды, за исключением тех менеджеров, которых назначил он сам, и что в шахматной партии с Поллином он явно перестарался.

«Я знал, что в клубе есть проблемы, – вспоминал Дэвид Олдридж. – Вот почему я подумал, что одним из первых шагов Майкла будет разговор с Поллином. Я полагал, что он скажет Эйбу: «Послушайте, мы тут наломали дров. Вот, как мы поступим. Вы – владелец. Мы это понимаем. Мы не будем делать ничего такого, чего не захотите вы. Я приношу свои извинения, если мои люди грубо обошлись с вашими людьми, если они вели себя снисходительно по отношению к ним. Такое больше не повторится». У него не было возможности устроить такую встречу».

New York Times опубликовала историю Вайза о проблемах Джордана, спрогнозировав его скорое увольнение. Тай Лью вспоминал, что его удивил тон статьи. «Как можно было его так громить? – спрашивал Лью. – К вам тут вернулся 40-летний дядя, который по-прежнему набирает в среднем по 20 очков за игру и все так же с большим процентом реализует броски. Я к тому, что, на мой взгляд, он был великолепен. Да, прежнего Майкла уже было не вернуть, это все знали, но его воля к победе, его страсть к игре были теми же».

Брент Бэрри вспоминал, что, прочитав статью, пришел в ярость от слов некоторых игроков и их отношения к делу, которое они выражали в публикации. «Впрочем, знаете что? – вопрошал Бэрри. – Не он должен нести этот крест. Когда игрок такого масштаба тратит время на то, чтобы поговорить, научить, показать, что ты должен делать, чтобы по максимуму раскрыть свой потенциал, ты должен слушать и внимать. Потому что, давайте будем честны, это твоя работа. Если бы Майкл никогда не

тратил на это свое время, тогда был бы другой разговор».

«Я думал, что они смогут сработаться, – говорил Олдридж о Джордане и Поллине, – что они найдут какой-то способ сотрудничать. Так и было до какого-то момента, но не после. Очевидно, что много людей демонстрировали свои обиды и претензии к нему в этой статье *Times*. Она стала своего рода предупредительным выстрелом в духе «Все гораздо серьезнее, чем вы думаете, ребята».

Статья, на первый взгляд, выглядела такой надуманной, что ни Джордан, ни Дэвид Фальк, казалось, не могли поверить в ее правдивость – роковая ошибка. «Мне думается, что он мог бы выбраться из всей этой истории невредимым, если бы выказал больше почтения Эйбу Поллину, – говорил о Джордане Олдридж. – Полагаю, что эта нехватка уважения и стала началом конца. Статья вышла в *New York Times*. Как только она была опубликована, стало понятно, что сейчас что-то произойдет, ведь ты же не станешь публиковать что-либо в *New York Times,* если не собираешься действовать, правда? Поэтому, хотя я и не смог получить независимого подтверждения, но решил, что информацию, очевидно, слил кто-то, у кого был конкретный план. Я считаю, что кем бы ни был человек, устроивший публикацию этой истории в прессе, он был очень умен, ведь большинство местных СМИ симпатизировали Майклу и не стали бы открывать огонь по нему».

Ветеран спортивной журналистики Вайз, много лет писавший о баскетболе, никогда не был в числе поклонников той версии Джордана, что предстала перед ним в «Вашингтоне». Его поразило, каким потерянным в собственном мире выглядел Джордан, он был словно Элвис, утративший связь с реальностью. Джордан и его компаньоны из ближнего круга были в «Вашингтоне» живой иллюстрацией высокомерия, говорил Вайз в 2012-м, вспоминая прошлое.

У Джонни Баха была иная точка зрения. Да, Джордан мог казаться отстраненным, отчужденным, когда пытался играть, но в то же время Бах видел, как сильно Джордан жаждет ублажить Поллина, он был готов поступиться своей репутацией, чтобы только помочь команде, хотя и знал, что шансов начать побеждать нет. Второй год подряд команда закончила с отрицательным результатом (37–45) и не попала в плей-офф. Последний вечер Джордана в форме «Вашингтона» получился очень милым: эмоциональные болельщики «Уизардс» искупали его в любви и благодарности. Сезон – да и весь этот этап карьеры в целом – стал громадным разочарованием для Джордана, но в последний вечер он широко улыбался и, казалось, искренне

наслаждался вниманием болельщиков.

Несмотря на публикацию *Times,* Джордан ехал на встречу с Поллином по окончании сезона, всерьез рассчитывая, что его вознаградят за усилия и все, что он сделал для команды. В конце концов франшиза пребывала в плачевном финансовом положении, когда он только приехал в столицу. Джордан и его команда менеджеров избавились от нескольких катастрофически невыгодных контрактов игроков и подправили финансовую ситуацию, дав «Уизардс» возможность приобретать молодых игроков. Два года он отыграл на минимальном окладе, который переводил на благотворительность. А в процессе команда собирала аншлаг за аншлагом на каждой его игре – беспрецедентные цифры посещаемости помогли франшизе подчистить свои потери и заработать около 30–40 млн долларов.

Месседж Поллина в тот день был кратким и жестким. Он предложил Джордану выходное пособие в несколько миллионов долларов, по разным оценкам. Джордан оставил деньги нетронутыми и быстро ушел со встречи.

Эйб Поллин, человек, который никогда никого не увольнял, уволил Майкла Джордана. Многие люди в профессиональном баскетболе были шокированы таким поворотом событий. Джордана многие считали национальным достоянием, важнейшей фигурой в баскетболе, человеком, принесшим миллиардные прибыли NBA.

«Это было дико, – сказал Пэт Уильямс, четыре десятилетия занимавший руководящую должность в NBA и знавший их обоих. – Внезапно в клубе образовались два противоборствующих лагеря. Организация разрывалась, двигаясь в двух разных направлениях. Это подкосило Майкла».

«Все кончилось очень плохо, – вспоминал Джонни Бах. – Внезапно он покинул клуб. Все его парни, мы все, потеряли работу. Я тоже не понял этого решения, что бы там ни говорилось людьми. Майкл такой человек, он держит свое слово. Если ты дал ему слово, то лучше тебе сдержать обещание. У них была договоренность. Такие вещи нельзя было закрепить на бумаге».

Игроки команды тоже были ошарашены новостями. «Такое трудно принять, – говорил Тай Лью. – То есть к тебе приходит человек, играет за тебя, компенсирует все деньги, которые ты потерял за последние пять лет, двумя годами выступлений… Он все компенсирует за два года, а ты благодаришь его вот так? Грустный был день».

Даже Вашингтон, город грязных игр и подковерной борьбы, казалось, был шокирован таким поворотом событий. «Теперь, – объяснял Олдридж, – в Вашингтоне активно спорят об этом:

специально ли Эйб использовал Майкла до тех пор, пока это было возможно, а потом просто убрал его с дороги? Полагаю, что многие люди так считали. Думаю, многие в это верили. Ни для кого не было секретом, чего ожидал Майкл. Никаких сюрпризов. Он думал, что вернется на работу директором. Он ни от кого не скрывал этого на протяжении всего того времени, что играл. Не было такого, что он просто вдруг решил поступить так и где-нибудь за три недели до окончания карьеры сообщил всем об этом».

Олдридж сказал, что склонялся к мнению, что Поллин никогда и не планировал соблюдать достигнутое с Джорданом соглашение и возвращать его в структуру клуба. «Я склоняюсь к тому, – говорил он, – что Эйб вовсе не собирался продавать команду Майклу, он ни за что не отдал бы ему больше 50 % акций. Я никогда не верил, что это произойдет».

После увольнения в тот день Джордан провел последнюю ночь в городе. В Интернете есть множество свидетельств тех событий, и во всех он представал потерянной, заблудшей душой.

«Он ушел, – вспоминал Дэвид Олдридж. – Он ушел… Я очень долгое время не видел его после этого».

Глава 38
Каролина

«Шарлотт Бобкэтс» определенно не казалась шагом вперед, уж точно не в долгосрочной перспективе. Но в 2004 г. Джордан всплыл именно там. Роберт Джонсон, медиамагнат, получил в рамках расширения лиги франшизу, которая должна была заменить команду «Шарлотт Хорнетс», переехавшую в Новый Орлеан и открывшую одну из самых горьких и мрачных страниц истории лиги. В прошлом «Хорнетс» была одной из ведущих команд маленького охвата рынка в лиге. В 1989-м в Шарлотт открылся новенький «Колизеум», который вскоре начали до отказа забивать толпы болельщиков, обожавших команду и выступавших за нее звезд вроде Алонзо Моурнинга, Ларри Джонсона и Магси Богза. Но прошло десятилетие, и владелец команды Джордж Шинн начал агитировать за строительство новой арены со скайбоксами, которые могли бы увеличить доходы и, следовательно, сделать команду более конкурентоспособной. Пока шла затяжная война за финансирование новой арены, дела клуба стремительно ухудшались. В один момент Шинну предъявили обвинение в сексуальном насилии – сущий кошмар с точки зрения пиара, – и оно стало последней каплей для «Хорнетс». Болельщики отвернулись, и тогда Шинн собрал команду и покинул город, оставив ему стойкую неприязнь к профессиональному баскетболу.

После всех этих событий франшиза «Бобкэтс», появившаяся перед стартом сезона 2004/2005 г. в рамках расширения лиги, начала свою работу, обосновавшись на великолепной новой арене в центре города. Но болельщики отреагировали вяло. Как первый афроамериканец, приобретший контрольный пакет акций серьезной спортивной франшизы, Джонсон был очень заинтересован в приглашении Джордана в команду в качестве управляющего баскетбольными операциями и миноритарного акционера. Джордан немного подлатал свой разваливавшийся брак, но новая работа требовала от него гораздо больше времени проводить на спортивной площадке. Эта должность окажется далеко не идеальной для перезапуска семейных отношений.

Бильярд

Дэниэл Мок работал в конце 2004 г. барменом в Men’s Club of

Charlotte, престижном стриптиз-клубе в южной части города. Ребенком Мок боготворил Джордана: стены его комнаты были завешаны постерами с Майклом, а в коллекции маек были все игровые майки Майкла Джордана, какие только были. На гольф-турнире с участием знаменитостей ему даже удалось заполучить автограф Джордана, и воспоминания о том, как он всюду следовал за своим кумиром по полю для гольфа, были ему очень дороги. Поэтому он был поражен, когда десять лет спустя однажды вечером увидел Джордана, Роберта Джонсона, Чарльза Оукли и владельца «Даллас Мэверикс» Марка Кьюбана, входящими в Men's Club. Они заняли небольшую приватную зону бара как раз там, где работал Мок. Клуб был большим, он занимал два этажа, имел четыре барных стойки, три сцены и 60 танцовщиц в штате, танцевавших топлес каждую ночь в режиме нон-стоп.

«Они вошли в Men's Club, и я впал в ступор, – вспоминал со смехом Мок. – Я стал сам не свой, и все официантки начали надо мной смеяться. Когда они зашли и расселись, я взял у них заказ и распорядился, чтобы несколько девчонок развлекли их танцами». Пришлось сдвигать два стола, чтобы Кьюбан, Джордан и Джонсон могли поужинать в компании танцовщиц, посменно приходивших исполнять приватные танцы для них. Оукли отделился и сел за маленький бар в нескольких футах от них, за которым приглядывал Мок. Вскоре у Дэниэла завязался разговор с Оукли, в ходе которого Мок сказал, что Джордан – «кумир всей его жизни». «Серьезно? – спросил Оукли. – Я сейчас его приведу». Мок запаниковал, словно ему предстояло познакомиться с самой симпатичной девочкой в школе. «Нет, не надо», – запротестовал он.

В перерывах между песнями каждая из обнаженных по пояс танцовщиц усаживалась на колени к мужчинам. К столу Джордана выстроилась очередь из танцовщиц, сменявших друг друга группами по шесть человек. Оказываясь у стола, они танцевали минут пять или около того, после чего усаживались поболтать с мужчинами. Наконец Мок подошел к Джордану и заговорил с ним. «Я произнес: «Мистер Джордан, ну как вам тут сегодня?» – Они курили громадные сигары. – Я просто хотел вам сказать, что у меня есть ваш автограф, который вы мне дали, когда мне было 11 лет, на озере Тахо. Вы были кумиром моей юности».

«Ты до сих пор хранишь тот автограф, парень?» – спросил Джордан.

Мок ответил, что держал его под замком из соображений безопасности.

«Что ж, лучше береги его», – сказал со смехом Джордан.

Компании подали шампанское и ужин. Заведение было из тех, где можно было самим выбрать лобстера из аквариума и понаблюдать за приготовлением стейков. После того как они поели – к тому времени счет их столика давно перевалил за 1000 долларов, – Джордан поднялся, чтобы поиграть в бильярд за ближайшим столом с тремя танцовщицами. Он проходил мимо как раз в тот момент, когда Оукли рассказывал Моку, что завтра рано утром они все собираются поиграть в гольф в Firethorne Country Club. Мок, ярый фанат гольфа, прежде работал в этом клубе.

«Джордан сказал: «Да, Firethorne суров», – вспоминал Мок. – Я сообщил ему, что работал там раньше. «Серьезно? – спросил Джордан, внезапно остановившись и поглядев на Мока. – Расскажи мне».

Бармен затем пустился в долгий рассказ с описанием газона на поле и дал им свои рекомендации по поводу клюшек: где какие лучше использовать, на каких лунках нужен 3-вуд, на каких лучше выбрать другую клюшку. «Минут пять он сидел и пялился на меня, словно записывал все сказанное мной, – говорил Мок. – Потом играл в бильярд в паре с маленькой китаянкой против двух высоких блондинок а-ля Памела Андерсон, которые играли голыми по пояс. У него в руке была огромная сигара, он играл одной рукой. И каждый раз, когда собирался забить шар в лузу, он подходил к столу с этой огромной сигарой во рту, убирал одну руку за спину, как бы немного опуская кий на стол. И каждый раз перед его ударом одна из девчонок опускалась к столу и клала на него свои груди».

«Я сидел там вместе с Оукли, – вспоминал со смехом Мок, – и он приговаривал: «О, еще один удачный вечер для Майка». Вот так тот вечер и прошел».

Джонсон покинул заведение рано, а Кьюбан, Джордан и Оукли задержались, просидев вплоть до закрытия клуба в 2 часа ночи и даже дольше. Мок был поражен, узнав, что на пять утра у них запланирован ти-тайм.

Проснувшись следующим утром, Мок позвонил одному из своих старых друзей, профессиональному гольфисту из клуба, который рассказал ему о том, что сотрудники клуба хотели перенести ти-тайм Джордана на 6:30. «Джордан ответил, что это слишком позднее время, – вспоминал бармен. – Он заставил их пустить его на поле в 5:45, как раз, когда солнце начало подниматься. Я сказал своему приятелю: «Они пробыли в баре до трех часов». Он удивился: «Да ладно, поспали всего два часа?»

Гольфист спросил у Мока, откуда он знает, что они

засиделись в баре до трех часов. Тот ответил, что они кутили в Men's Club. «Он произнес: «Не может быть», – вспоминал Мок, смеясь. – Он сказал мне: «У нас тут собралась куча членов клуба, которые хотели попасть на поле следом за ними. Так что Джордан выкупил четыре ти-тайма, чтобы его никто не беспокоил лишний раз». Вот это да, они выкупили четыре ти-тайма после того, как посидели в клубе до глубокой ночи и потратили бог знает сколько денег. Кажется, кто-то из девчонок сказал, что счет был на 18 сотен. Я почти уверен, что за все платил Кьюбан».

Гольфист рапортовал, что Джордан, Оукли и Кьюбан носились по полю до 9:30. Аппетит Джордана к жизни, казалось, бушевал с прежней силой.

С этого момента Джордан вступил в должность управляющего «Бобкэтс». Период работы там был отмечен его непрекращавшимися путешествиями по миру, тусовками, игрой в гольф и азартными играми. Поэтому не стало большим сюрпризом то, что вскоре Хуанита вновь подала на развод, после 17 лет брака. Развод был окончательно оформлен в декабре 2006 г., и, по подсчетам *Forbes*, обошелся Джордану в 150 млн долларов. По слухам, эта компенсация стала одной из крупнейших в истории бракоразводных процессов.

В течение нескольких коротких лет его казавшийся безупречным имидж серьезным образом пострадал. Толпы безумных людей взяли за обычай бранить его за каждый проступок в Интернете и смаковать каждую неудачу. А просчеты продолжались. «Шарлотт» задрафтовала Адама Моррисона третьим пиком драфта 2006-го. Моррисон станет огромным разочарованием и нанесет еще один удар по таинственному ореолу непогрешимости Джордана. Критика нарастала, и некоторые наблюдатели задавались вопросом, почему же Джордан ни разу не пообщался с Краузе по поводу работы на административной должности в NBA, ведь она являет собой серьезный вызов для любого менеджера. Другие понимали, что Джордан никогда не пойдет на это. Со стороны он выглядел как человек, чья слава отгородила его от остального мира, ограничив круг собеседников, с которыми он мог обсуждать серьезные вопросы, до размеров узкого круга его приближенных.

> Однако Джордан спокойно нашел другое решение, которое стало даже более удачным, чем гипотетический разговор с Краузе.

Джим Стек перешел из «Буллз» на работу директором в «Миннесоту Тимбервулвз» и начал регулярно общаться с Джорданом по вопросам, связанным с игроками.

«В период между 2004-м и 2008-м мы много раз беседовали о делах», – вспоминал Стек, добавляя, что Джордан, как и любой другой директор, постоянно интересовался мнением разных людей, работавших в самой лиге и крутившихся вокруг нее.

Стек говорил, что они активно обсуждали драфт Адама Моррисона. «Адам был очень одаренным игроком нападения. Позже оказалось, что у него диабет, накладывавший ограничения на его игру. Он с самого начала был довольно хрупким парнем, а потом на его игре сказался жесткий календарь NBA. Я разговаривал с Майклом на эту тему. Мы искренне обменивались мнениями. На том этапе драфта Адам был совершенно очевидным вариантом. Просто драфт получился скверным, потому что у него не пошло».

Чтобы быть успешным директором в клубе, нужно прилагать много усилий и быть очень везучим, так как, объяснял Стек, «ты проделываешь всю эту работу и готовишься вступить в игру, надеясь, что тебе повезет и ты получишь нужного игрока». И все же складывалось впечатление, что на этой работе Джордан чувствует себя не в своей тарелке, словно она сбивала его с внутреннего ритма. Люди, наблюдавшие за тем, как Джордан выискивал подходящих игроков в драфт-лагерях NBA, работая скаутом, поражались, как сильно пострадала его уверенность в себе. Конгениальный, как и всегда, Джордан, казалось, растерял уверенность, столкнувшись с трудностями по окончании карьеры. Утомленное лицо напоминало знакомым о том, сколько всего произошло в жизни Джордана со времени окончания его славных баскетбольных дней. Более того, порой язык его жестов говорил о человеке, оказавшемся совершенно не на своем месте, как это было в чужом для него мире бейсбола, куда его забросило десятилетием ранее.

Брайант

На преддрафтовых сборах в лагере NBA в 2008-м он сидел в одиночестве, забравшись на верхний ярус торцевого сектора спортивного комплекса Disney в Орландо. Оттуда он наблюдал за тем, как подающие надежды студенты и свободные агенты делают упражнения и проводят тренировочные матчи на площадке внизу. Казалось, что он не слишком увлечен происходящим, поэтому, когда репортер попросил его об интервью, Джордан не отказал, словно обрадовавшись возможности отвлечься от наблюдения за менее одаренными игроками, бегавшими по паркету, как по песку. В какой-то момент интервьюер коснулся темы Коби

Брайанта.

В начале нулевых Фил Джексон выиграл в Лос-Анджелесе три чемпионских титула, и весной того года команда «Лейкерс», ведомая Коби Брайантом, вновь ожила, напомнив всем о своих амбициях. Джордан с интересом наблюдал за тем, как Брайант играет его роль в треугольном нападении, работая под началом Джексона и Уинтера. Защитник «Лейкерс» потратил годы на то, чтобы быть как Майк, – начиная от выбритой наголо головы, которой он щеголял в подростковом возрасте, и заканчивая копированием джордановских повадок, – но, несмотря на это, старательно отрицал, что он имитатор. Казалось, что он – лучший из поколения тех, кто мечтал стать Джорданом, из легиона игроков, жаждавших унаследовать мантию короля. Брайант был единственным, кто, пожалуй, мог бы это сделать.

Джордан и сам долгое время с интересом наблюдал за развитием увлекательной карьеры Брайанта, равно как и Джексон со своим штабом. Сравнение двух игроков обычно порождало оживленные дебаты в Интернете. Откровенно говоря, Джордан не понимал, отчего столько шумихи. В конце концов человеческое поведение подражательно по своей сути. Люди копируют повадки друг друга и обезьянничают сплошь и рядом, как, например, каждая рок-группа десятилетиями искала пути повторения успеха Beatles или Rolling Stones, которые, в свою очередь, очень многое позаимствовали у великих американских блюзменов предшествовавших поколений.

Очевидно, что его игра осветила путь Брайанту, отмечал в тот день Джордан. «Но сколько людей осветило путь мне? В этом и состоит эволюция баскетбола. У меня не было бы никаких шансов играть так, как я играл, если бы прежде не следил за Дэвидом Томпсоном и другими ребятами, игравшими до меня. Так же и у Коби не было никаких шансов на то, чтобы играть так, как он играет сейчас, если бы он не видел меня в деле. Так что это эволюция баскетбола. Ее не остановить».

В ходе разговора быстро стало очевидно, что Джордан уважает Брайанта, без намека на снисходительное отношение. Он уважал любого игрока, который делал свою работу как надо и обладал необходимой психологической крепостью. Брайант соответствовал обоим критериям. Джордан отмечал: «Так что он не так сильно отличается от меня, хотя он другой. Людям просто надо это понять и осознать, что, несмотря на множество сходств, он определенно другой игрок».

Но даже если отставить в сторону то, что Брайант, без сомнения, был в долгу перед Джорданом, его сравнение с Майклом делало столь интересным то, что Брайант играл в том

же треугольном нападении, в системе которого варился и Джордан, а архитекторы-тренеры, построившие эту систему, были одними и теми же – Джексон и Уинтер – в обоих случаях. Джордан говорил, что эта система давала оперативный простор суперзвезде, в котором та могла раскрываться. «Треугольное нападение – отличная возможность для поиска свободного пространства и правильных позиций. Но если в этой системе играют такие талантливые игроки, как Коби, которые понимают, как в ней играть, и задействуют всех остальных, то она становится еще сильнее».

Уинтер начал разрабатывать свою систему много лет назад, строя ее на шести принципах командной игры. Но потом, когда он стал тренировать Джордана в 1985-м, то осознал, что система нуждается в седьмом принципе – исключительно одаренный игрок может действовать вне рамок остальных шести принципов.

Нужно подстраивать всю игру под великого игрока, давно понял Уинтер.

«Текс абсолютно прав, – сказал в тот день Джордан, улыбаясь и вспоминая многие эпизоды своей карьеры в «Буллз», когда они с Уинтером спорили то об одном, то о другом. – Коби проходит через тот же процесс».

Возмущение фанатов тем, что Брайант проходил жернова той же системы, было глупым и неоправданным, считал Джордан. Он говорил: «Коби делает все, что нужно для достижения успеха и величия. Истории успеха очень похожи, что бы там ни говорили. Ты вряд ли скажешь что-то новое о том, кто добивался успеха до тебя, потому что твои качества во многом будут схожи с характеристиками того, кто уже преуспел раньше».

Джордан подчеркивал, что суть не в том, чтобы копировать чей-то стиль, а в том, чтобы следовать проверенной формуле успеха. «Успех ему обеспечен. Он проделал немалую работу, чтобы его добиться».

Джордан отмечал, что, наблюдая за Брайантом, мог переживать заново некоторые моменты собственной карьеры. У них были телефонные разговоры, в которых они обсуждали только то, что было понятно им одним. Когда по ходу финальной серии за чемпионство 2008 г. Брайанту сообщили, что Джордан говорил в его адрес лестные слова, Коби тут же навострил уши, словно мальчишка, жаждущий автограф. «Майкл Джордан что-то говорил обо мне? – спросил он. – Красавчик!» Было очевидно, что Брайант черпает уверенность из своих взаимоотношений с Джорданом, они стали для него источником поддержки.

Несколькими годами ранее тренерский штаб «Лейкерс» заключил, что Брайант и Джордан во многом настолько схожи,

что даже становилось жутко, особенно когда речь заходила об их соревновательных натурах и качествах альфа-самцов. Оба были беспощадны, когда нужно было побеждать, в этом сходились все. Да и уровень мастерства их был схож, хотя руки Джордана были массивнее. Большая разница между ними просматривалась в студенческом опыте. Джордан играл в баскетбольной системе Северной Каролины, а значит, был лучше подготовлен к треугольнику Уинтера, к командной концепции игры. Брайант пришел в лигу с горящими глазами сразу после старшей школы.

«Я часто думаю о том, насколько же они схожи, – отмечал Уинтер. – Оба демонстрируют фантастическую реакцию, быстроту и прыгучесть. У обоих отличные броски. Некоторые говорят, что Коби бросает лучше, но Майкл очень здорово прогрессировал в мастерстве бросков по мере развития своей карьеры. Я не знаю, бросает ли Коби лучше Майкла в лучшие его годы». Джексон тоже признавал наличие сходств между двумя игроками, но отмечал, что Джордан только один во всем свете.

Наблюдателям нравилось отмечать, что Джордан играл за «Буллз», команду без выдающегося центрового, но Уинтер всегда парировал словами о том, что Джордан отлично умел играть спиной к соперникам и являлся мощнейшим оружием своей эпохи для игры под кольцом. Брайант и сам пришел в NBA, обладая отличными навыками игры спиной к кольцу, но из-за присутствия в команде Шакила О'Нила, всегда заполнявшего собой пространство трехсекундной зоны во времена их совместных выступлений за «Лейкерс», Коби никогда не находилось там места.

Уинтер сомневался, что Джордан сыгрался бы с О'Нилом.

Во многих отношениях Брайант был ровней Джордану по части игры под кольцом, отмечал Уинтер, с одной лишь существенной разницей – Джордан был гораздо сильнее физически. Тренер говорил: «У Майкла было умение не уступать пространство, в этом он был сильнее Коби».

Уинтер часто отмечал, что, как и Джордан, Брайант добился куда больших успехов, играя на позиции легкого форварда, нежели защитника, позволявшей ему «действовать за защитой». Но несмотря на всю успешность Брайанта в нападении, Уинтер подчеркивал, что «Лейкерс» нужно не забывать активнее перемещать мяч, а не полагаться на Брайанта слишком часто, как это делали его партнеры, – прямо как партнеры Джордана в свое время.

Другое отличие между ними, по словам Уинтера, крылось в их лидерских стилях. Джордан обращался со своими партнерами резко, порой даже жестоко, лишь бы подготовить их к игре под

давлением, тогда как Брайант проповедовал более вкрадчивый, мягкий подход. А еще у Джордана был несравненный Пиппен. Невозможно переоценить вклад Пиппена в успехи «Буллз» и Джордана, часто повторял Уинтер.

Спрингфилд и далее

Примерно в это же время Джордан повстречал супермодель Иветт Прието, и его жизнь начала меняться. «Бобкэтс» испытывала громадные трудности, теряя десятки миллионов долларов за сезон, в то время как интернет-сайты вроде TMZ превратились в греческий хор для Его Воздушества. Казалось, что критика и скандалы неотступно следуют за ним повсюду, какой бы поступок он ни совершил. В 2009 г. его ввели в Зал славы баскетбола, в первый же год, когда это можно было сделать[46], и эта почесть станет очередным крестом, который ему придется нести по жизни.

Джордж Мамфорд как-то отметил, что оценивать людей нужно по их поступкам, а не по словам. В августе, когда до мероприятия оставалось уже совсем немного времени, Джордан выбрал своим компаньоном на церемонию Джонни Баха, а не Фила Джексона. Ассистенту тренера, много лет проработавшему в баскетболе, теперь уже было за 80, и развод с женой серьезно подкосил его, лишив пенсии от NBA. Джордан щедро заплатил своему старому тренеру, подначивавшему его «атаковать больше», чтобы он отправился с ним на церемонию. Он также попросил двух сотрудников «Буллз», работавших с командой с первых его дней пребывания там – менеджера по продажам билетов Джо О'Нила и пиарщика Тима Халлама – отправиться вместе с ним, Прието и маленькой компанией приближенных, в числе которых был и Джордж Колер, на его самолете в Спрингфилд, штат Массачусетс, где должна была пройти церемония.

«Это было весьма волнующе, если говорить честно, – рассказывал о том опыте О'Нил. – Я начал работать в «Буллз» много лет назад. Майкл, наверное, еще был девятиклассником в старшей школе, когда я пришел в клуб. Мы с Тимми Халламом были первыми людьми, с которыми Майкл познакомился в «Чикаго». Тогда все было совсем по-другому. Он не был мегасуперзвездой. Я не знаю, кто сейчас самый узнаваемый человек в мире, но он явно где-то на вершине списка. Оказаться в том самолете, везущем Майкла и его подругу в Зал славы… Я даже не смогу выразить, что это значило для меня. Мы сидели и смеялись, рассказывали байки о первых годах Майкла, о том, как

выбирались поиграть в гольф, как делали то и се. Майкл не забывал людей. Он повез в Зал славы Джонни Баха. Думаю, что ближайшие друзья Майкла далеко не знаменитости. У него есть приятели, с которыми он проводит время, играет в гольф и тусуется. Само собой, у него миллион друзей-знаменитостей. Но люди, с которыми он проводит все свои дни напролет – обычные парни, и я думаю, что ему доставляет удовольствие проводить время в их компании».

Весь полет в Спрингфилд они вспоминали первый год Джордана в лиге, безумный состав «Буллз», матчи по гольфу в офисе, когда они закатывали мячи в импровизированные лунки в виде консервных банок, и тренировки в «Энджел Гардиан Джим» в компании детишек, приходивших туда на уроки физкультуры. Они смеялись и предавались воспоминаниям, и О'Нил заметил, что чем меньше времени оставалось до приземления в Спрингфилде, тем сильнее Джордан нервничал.

«Сколько бы ни уделялось внимания Майклу, сколько бы гламура его ни окружало, думаю, что в те моменты, когда он оказывается на виду у всех, в нем просыпается какая-то стеснительность, – отмечал в интервью 2012 г. О'Нил. – Думаю, что ему было несколько некомфортно, ведь то, что Майкла Джордана вводили в Зал славы, было таким значимым событием, что об этом говорили все. Думаю, что он ожидал окончания всей этой церемонии с не меньшим нетерпением, чем ее начала. С нами в самолете был Джордж. И по сей день мы с Джорджем говорим: «Можешь поверить в то, где мы сейчас и откуда пришли?»

Что же до его речи, то О'Нил отмечал, что Джордан ничего не готовил заранее. «Он ничего особо не записывал, – вспоминал старый друг Майкла. – Он не был до конца уверен, что именно собирается сказать. Он нервничал перед приездом туда».

Джордан попросил своего кумира детства Дэвида Томпсона присутствовать вместе с ним в Зале славы и быть рядом в момент, когда он будет выступать перед элитой баскетбола, выложившей большие деньги за то, чтобы присутствовать на этой коронации и видеть Майкла на вершине его баскетбольной жизни. Именно тогда, поддавшись эмоциям, нахлынувшим в столь важный момент, Джордан решил освободиться от груза своих чувств и раскрыть всем свою соревновательную натуру, высказаться о вещах, подлинных ли, надуманных ли, которые мотивировали его и двигали им в течение жизни. Даже для тех, кто много лет наблюдал за Джорданом и полагал, что хорошо его знает, сказанные им слова стали сюрпризом, а для кого-то разочарованием. Для широкой публики почти шоком оказались

его откровения о том, как сильно его разгневало исключение из баскетбольной команды школы в десятом классе; каким разочарованием было то, что Дин Смит не разрешил поместить его фото на обложку *Sports Illustrated* в первый год учебы в колледже; какие у него были перепалки с Тексом Уинтером, с которым они спорили о том, есть ли «я» в слове «победа»; как сильно он недолюбливал Джерри Краузе и даже о том, как у него случился спор с Пэтом Райли о номере в гавайском отеле. Своей искренностью он, казалось, стремился оскорбить стольких же людей, скольких и отблагодарить.

Фил Джексон смотрел трансляцию церемонии по ТВ в переполненном спорт-баре, где наблюдал удивленную реакцию многих клиентов заведения на происходящее. Джексон, впрочем, мгновенно осознал, что Джордан лишь пытается объяснить природу своей соревновательной натуры, единственной проблемой было только то, что почти все явления, мотивировавшие Джордана в жизни, были негативного характера, и людям было трудно это понять. Из-за этого церемония едва не обернулась катастрофой.

«Речь Майкла Джордана на церемонии введения в Зал славы стала Exxon Valdez'ом[47] речей, – писал Рик Райли для *Sports Illustrated*. – Она была поочередно грубой, мстительной и огнеопасной. И все это в момент, когда он пытался быть смешным и забавным. Речь получилась бестактной, эгоистичной и совершенно неподобающей. Когда он закончил, никто не хотел быть как Майк».

Никто не был ошарашен сильнее Джерри Краузе, и никто сильнее него не ликовал. «Я сидел в зале, – вспоминал Краузе в 2012-м. – Я был немного, как бы это сказать… удивлен. Но опять-таки, это Майкл. Я удивлен, что он сделал это на такой сцене. Шокирован тем, что он пришиб в речи Дина. Меня? Это было ожидаемо. Дина? Это было жестко. Дин, наверное, сидел и думал: «Что?» Дин, должно быть, был ошарашен. Мы прожили с этим достаточно для шести чемпионств, и тут ты понимаешь, откуда это все идет».

Краузе сравнил эту речь с резко контрастировавшим и очень эмоциональным самобичеванием Денниса Родмана, которое тот подготовил к собственному вхождению в Зал славы, случившемуся двумя годами позже. «Деннис мог ужасно себя вести, – сказал Краузе. – Но у Денниса доброе сердце. Он причинял себе вред. Но Деннис никогда не стал бы делать больно другому человеку, только себе. Майкл? Майклу все равно, что он может задеть чьи-то чувства. Он порой не в себе. Я не говорю, что он сумасшедший. Я видел многие ситуации, в которых он вел

себя исключительно милосердно. Полагаю, что любой психиатр с восторгом взял бы его в пациенты, чтобы разгадать его. Это было бы очень интересно. Он один из умнейших баскетболистов, с которыми я только работал, но этот его поступок в Зале славы, эта речь помогла людям понять, какой он на самом деле тупой. После той речи ко мне подходило бесчисленное количество людей, говоривших: «Я и не догадывался, что Майкл такой козел».

У Джексона был великолепный психолог, который выжимал из Джордана все лучшее. Краузе говорил о нем: «У нас была очень хорошая баскетбольная команда, в которой были очень чувствительные эго. Он работал с этими эго и расставлял их в нужные места. Он понимал игроков и знал, как добиться того, чтобы они работали вместе».

Другим ключевым элементом был Уинтер. Краузе констатировал: «В плане самосовершенствования Текс наседал на Майкла жестче всех. Майклу не нравился треугольник. Он говорил: «Что эта ерунда нам даст?» Ему понадобился почти год, чтобы принять ее, и только потом он осознал, как может работать под кольцом благодаря нападению».

Когда генеральный менеджер заговорил (Райнсдорф отпустил его с должности в 2003-м) о речи Джордана в Зале славы, он начал расслабляться и рассказывать о том, каким великим спортсменом и соперником был Джордан, как ни разу за все их годы, проведенные вместе, Джордан не уклонился от выполнения труднейших задач и не отказался нести тяжелейшее бремя. Краузе признался, что у него есть целая видеотека с записями всех великолепных выступлений Джордана, но их совместный опыт с Джорданом получился таким горьким, потому что он ни разу не смотрел ни одну из них. Он повторил: «Он такой, какой есть. Майкл и я никогда не сядем за один стол».

Столь резкие заявления были порождением нарциссизма, развившегося от постоянного внимания и преклонения со стороны СМИ. Краузе отмечал: «Если бы Майкл играл во времена Элджина, Оскара и тех ребят, ничего этого не было бы. И если бы сейчас перенести Элджина и Оскара в современную эпоху, то же самое случилось бы и с ними. Билл Расселл тоже зарабатывал бы 30 млн в год».

> Однако, как столько раз повторял сам Джордан, у него свое чувство времени.

В центре внимания он повел себя так же, как всегда, представ дерзким и непокоренным. Как подмечал Сонни Ваккаро, «он был словно отмечен высшей силой. Я серьезно, это проявлялось во всем. Даже там, где он делал что-нибудь противоречащее тому,

что должен был сделать, все складывалось удачно».

После Спрингфилда он двинулся дальше, хотя авторы спортивных колонок в газетах от мала до велика, ведущие радиошоу, интернет-сайты и телекомментаторы резко критиковали его за сказанную речь. Главным образом, они неудомевали и сердились на него за то, что он отказал им в удовольствии радостно воздать почести герою, которым давно восхищались целые поколения.

«Я думаю, что у него на душе спокойно», – сказал Дэвид Олдридж.

Но публика ждала большего удовлетворения от человека, изменившего все.

Владелец

Затем он обратился к следующей задаче – завершению покупки «Бобкэтс». Впервые в истории бывший игрок станет владельцем контрольного пакета акций команды NBA. Дэвид Стерн и Джордан никогда не были близки, но теперь Стерн работал за кулисами над тем, чтобы осуществить передачу клуба, и как только это произошло, продолжил помогать становлению нового руководства. Каким-то образом в ходе всего этого публика упустила из виду наиболее вероятную разгадку старой тайны. Джек Маккаллум ближе всех подобрался к ответу на вопрос, который интересовал многих: «Вынудили ли Джордана уйти из баскетбола в 1993-м?» Никаких оснований у теорий заговора, связанных с азартными играми, нет, повторял Майкл снова и снова в своих интервью от 2011-го и 2012 гг. Он давно затаил обиду на Стерна за то, что тот не вышел тогда к журналистам и не сказал больше, чтобы прояснить эту ситуацию. Комиссар знал о гневе Джордана, но, как отметил Маккаллум, Стерн был в неловкой позиции. Если бы он сказал слишком много или протестовал бы слишком активно, это только подогрело бы спекуляции сторонников теории заговора. Джордан же расценил поведение комиссара как проявление равнодушия.

Что бы ни было сказано двумя мужчинами друг другу, это останется между ними, поскольку ни один из них никогда не поднимал эту тему публично и не раскрывал никаких подробностей. Доказательство было в лучшем случае косвенным, но казалось весьма серьезным. Если бы Джордана действительно вынудили уйти из баскетбола, то комиссар лиги вряд ли так тепло принял бы его назад в качестве игрока. Однако он никогда не был склонен соглашаться с Джорданом-владельцем. В конце

концов Джордан редко раскаивался в содеянном. (В 2007-м в Лас-Вегасе к Джордану за столом, где играли в крэпс на большие деньги, присоединился Адам «Пэкмен» Джонс, игрок NFL. Всю ночь Джордан настаивал на том, чтобы никто, кроме него, не трогал игральные кости – только ему дозволялось бросать кубики. В интервью 2014 г. Джонс вспоминал, что в тот вечер выиграл миллион долларов, тогда как Джордан проиграл пять.) «Я не знаю, действительно ли там были проблемы с азартными играми», – говорил Краузе. Если бы были, то крайне маловероятно, что Стерн прикладывал бы столько усилий к тому, чтобы обеспечить Джордану владение командой. Поскольку фактов, которые свидетельствовали бы об обратном, недостаточно, наиболее вероятной версией отъезда Джордана в Бирмингем остается та, что вошла в официальные летописи Майкла: горе и отчаяние породили желание стать ближе к умершему отцу через бейсбол.

Что же до «Бобкэтс», то в 2009-м в клубе увольняли персонал толпами. Теперь, когда Джордан стал владельцем контрольного пакета, команда начала заполнять вакантные должности новыми сотрудниками и решать деловые вопросы, которых набрался целый ворох. Команда никогда не получала никаких доходов от названия своей арены, а потому новые владельцы быстро оформили сделку по продаже прав на название компании Time Warner Cable. Сотрудники клуба одно за другим предлагали решения для улучшения ситуации во франшизе. На встречах они вскоре совершили открытие, узнав, что Джордан отлично умеет слушать, – его мать и Дин Смит знали об этом еще несколько десятилетий назад. Он начал проводить встречи с держателями сезонных абонементов, причем обычно в самые непростые для команды времена, например после унизительных поражений (а таких было немало).

Поначалу ему, как владельцу, сопутствовала удача. Он нанял своим тренером члена Зала славы и еще одного выпускника УНК Ларри Брауна. Джордан забрал в свои руки бразды правления «Бобкэтс» в начале 2010-го, и весной того года они впервые в своей короткой истории пробились в плей-офф, но потом, в межсезонье, были вынуждены продать нескольких лучших игроков, приняв трудное решение по сокращению расходов. Наблюдатели отмечали, что потеря разыгрывающего защитника Рэймонда Фелтона и центрового Тайсона Чендлера сказалась на успехах «Бобкэтс», испытывавшую серьезные трудности в 2011-м. Это, в свою очередь, вскоре стало причиной горького расставания Джордана с Брауном, который позже появился на передаче *The Dan Patrick Show* и пожаловался на то, что люди в окружении

Джордана «понятия не имеют» о баскетболе, что все они «подхалимы», от которых его «тошнило» во время работы в команде, и что Джордан имел своих «шпионов», следивших за тренерами.

На замену Брауну Джордан пригласил тренера-ветерана Пола Сайласа, вернув того с пенсии, но это не помогло команде, промучившейся всю весну и в итоге бесславно затонувшей. Тогда Джордан начал надевать игровую форму и приходить на тренировки, проверить своих игроков на прочность. «У него очень богатые знания об игре, – отмечал в то время Сайлас. – Он играл, выигрывал чемпионские перстни, так что понимает, что требуется от игроков. Он жесткий, но очень уважительно относится к игрокам, он с ними на «ты». Но в той же степени и неуступчивый. Он просто хочет, чтобы каждый игрок таил в себе угрозу для соперника».

Старый друг Род Хиггинс, топ-менеджер команды по баскетбольным операциям, нуждался в центровом перед стартом сезона и раздумывал о приглашении Кваме Брауна, который тогда был свободным агентом. Браун был олицетворением унизительной главы джордановской карьеры в «Вашингтоне», и Хиггинс подумал, что лучше бы заручиться одобрением владельца, прежде чем подписывать Брауна, который за десятилетие в лиге приобрел репутацию центрового-кочевника, умеющего защищаться и подбирать мячи.

«Если считаешь, что он может помочь нам побеждать, подписывай его», – сказал Джордан. Так он вновь оказался лицом к лицу с Брауном на тренировках.

«Наши отношения все те же, – говорил той весной Браун, когда ему задали вопрос о Джордане. – Майкл есть Майкл. Между нами никогда не было ничего того, о чем фантазирует публика. У нас отношения босса и игрока. Только так. Жизнь не будет малиной нигде, если ты не показываешь результаты. Но как человек Майкл – отличный парень. У такого владельца здорово играть, поэтому я и приехал сюда».

Отвечая на вопрос о том, каково это, противостоять 48-летнему Джордану на тренировках, Браун сказал: «Он играл очень жестко, никаких поблажек. Он теперь немного старее… Но по-прежнему может забивать. Все так же ни в чем не уступает. Я не знаю, как он мог бы играть от щита до щита, но на одной половине он по-прежнему хорош».

А что же до его пресловутого трэш-тока?

«Он никуда не делся, – отвечал Браун, смеясь. – Ну это же Майкл. Отвечали ли мы ему? Нет, нет, нет. Но у какой другой команды есть владелец, который приходит на тренировки и все

так же может играть? Как только он появляется на тренировках, уровень игры и конкуренции сразу вырастает. Он шумит, шутит. Хорошо, когда он рядом, потому что тогда каждый хочет работать усерднее…»

«Лучше уж вам работать усердно, иначе…» – добавил он, опять засмеявшись.

Пока «Бобкэтс» боролась той весной, Джордан продолжал сносить критику, масштабы которой были огромны. Но он все же согласился взять на борт Рича Чо, одного из самых талантливых молодых оценщиков потенциала игроков, доверив ему заведовать баскетбольными операциями. Со стороны Джордана это была огромная уступка, говорили обозреватели. Доверие никогда не давалось ему легко, но теперь оно стало наконец неотъемлемой частью его работы, утверждали многие.

«В управлении всем этим безумием он определенно придерживается вполне конкретных методов, – говорил о Джордане Джим Стек. – У Майкла очень, очень, очень светлая голова. Он крайне проницательный. Необыкновенно много знает. Он ничего не делает просто так, по случайности. Он чрезвычайно расчетлив. На удивление взвешенно ко всему подходит. Думаю, что во многих вопросах он предвидит дальнейший ход событий, знает, куда движется, но порой все складывается не так, как ему нужно. По пути он учится. И учится быстро, потому что быстро схватывает. Когда что-то происходит, он обязательно вносит необходимые поправки. Но когда ты – владелец или менеджер, то не можешь себе позволить работать на полставки. Нужно быть погруженным в процесс нон-стоп. Учитывая то, что он – Майкл Джордан, икона и кумир – ему трудно 24 часа в сутки семь дней в неделю быть на рабочем месте, как того требует должность. Он осознал, что его образ жизни не способствует хорошей работе в этой роли. Он согласился немного отступить, сложив часть полномочий по принятию окончательных решений. Его упрямство в молодости помогло ему добиваться того, чтобы все происходило на его условиях. Но теперь он набрался опыта и понимает, что должен сделать шаг назад и уйти с линии огня. Я вижу, что он как личность и человек обрел колоссальную зрелость. В прошлом он никогда так не поступил бы. Никогда. Его путь был таким – идти напролом, жестко и агрессивно, а уже потом найти вариант решения задачи, как это было в битвах с «Детройтом», в тех трудных ситуациях, что не давали ему совершить прорыв».

Вскоре Джордан обнаружил, что все уступки, на которые он пошел, гарантировали ему лишь еще больше неприятностей, какие он себе и представить не мог. Весной 2011-го он вместе со своей командой менеджеров наблюдал за недолгим

воскрешением «Бобкэтс», после чего решил нажать на курок и обменять ветерана команды, ее лидера и участника матчей Всех Звезд Джеральда Уоллеса в «Портленд», чтобы заполучить пики драфта и разношерстную стаю ролевых игроков. Этот ход был направлен на построение команды, это была потеря, которую франшиза согласилась понести ради того, чтобы приобрести молодых игроков на будущее, но вместо этого сделка стала причиной крутого пике команды «Бобкэтс», вошедшей в затяжную серию поражений. А Уоллес, семьянин и влиятельный человек в чернокожем сообществе Шарлотт, позже сказал прессе, что чувствовал себя «преданным» Джорданом. Не будет преувеличением сказать, что некоторые другие игроки в раздевалке «Бобкэтс» испытывали те же чувства. Джордан наверняка понимал это. Будучи игроком, он много раз чувствовал себя сбитым с толку и преданным менеджментом «Чикаго Буллз», который обменивал в другие команды его лучших друзей и братьев по оружию в надежде построить успешное будущее франшизы. Теперь настал черед Джордану быть плохим парнем. В дни, последовавшие за обменом, он не предложил сообществу почти ничего, кроме гробового молчания, поэтому некоторые наблюдатели сочли, что Джордан просто бесчувственный человек, которого совершенно не беспокоят неприглядные обстоятельства обмена. На самом деле обмен дался Джордану тяжело. Умник мог бы заметить, что Джордан, обменяв Уоллеса, провернул такую же сделку, какие проворачивал Краузе, стремясь заработать.

На время Джордан нанял своего старого друга Чарльза Оукли ассистентом тренера «Бобкэтс».

«Он хороший парень», – сказал Оукли о Джордане как-то раз после очередного поражения, добавив, что современные баскетболисты NBA – разбалованные плаксы, понятия не имеющие о том, что значит заткнуться, стиснуть зубы и работать.

Джордан улыбнулся свидетелю этого монолога, а потом сострил, сказав, что если Оукли может делать по десять подборов за игру, то и он может вернуться и начать забивать пачками. «Если он может забить десять, я могу забить 20», – храбро сказал Джордан.

Если бы дело было только в этом. Джордан отлично понимал, что встал на долгий и извилистый путь к успеху, возглавив команду NBA с маленького рынка – на этой ухабистой дороге уважение нужно было заслуживать постепенно, понемногу, шаг за шагом.

На следующий день он проснулся рано и отправился колесить по городу во главе делегации своих игроков. Они участвовали в социальном проекте, помогавшем местным

школам, и ему удалось собрать сотни тысяч долларов для того, чтобы спортивные программы в средних школах не закрыли в связи с урезанием бюджета.

Тем летом в лиге случился очередной локаут, во многих аспектах получившийся куда более гневным, чем предыдущие. В прошлом были времена, когда Джордан выходил на авансцену на стороне игроков в их битве с владельцами. Теперь он сам был владельцем контрольного пакета акций, держателями которых были и миноритарные партнеры, и по их интересам сильно ударяли многомиллионные убытки команды. В этой драке за трудовое соглашение он агрессивно выступил на стороне владельцев. Как и должен был поступить в таких обстоятельствах. Его партнеры доверили ему ответственную задачу заключить сделку на максимально жестких и выгодных для франшизы условиях. Для публики, впрочем, он оставался все тем же Air Jordan'ом, которого теперь бичевали за совершенное предательство. Он был единственным чернокожим владельцем контрольного пакета среди престарелых белых мужчин.

Время было очень и очень смутным для него.

Но той зимой локаут завершился, и какими бы скверными ни были месяцы 2011-го, в ретроспективе они окажутся благодатным оазисом в сравнении с 2012-м, обернувшимся для него ураганом критики, когда молодая команда «Шарлотт», лишившаяся лидеров-ветеранов и самых талантливых игроков, попала в лиге в небывалую, жесточайшую мясорубку, которая стала причиной насмешек над Джорданом и прилепила ему ярлык Величайшего Лузера в истории спорта.

Лузер

Светлым пятном в том катастрофическом сезоне стал приезд в Шарлотт «Детройт Пистонс». Джордан разговаривал с автором этой книги в тот момент, когда узнал новость о том, что Джо Думарс, топ-менеджер по баскетбольным операциям «Детройта», приехал на игру. «Джо здесь?» – спросил Джордан, и глаза его расширились. Он мгновенно повернулся и пошел по коридору в сторону раздевалки «Пистонс», откуда как раз выходил Думарс. Он раскрыл руки и обнял своего старого врага, у которого тоже хватало головной боли в «Детройте», и они пошли рука об руку дальше по коридору. Джордан хотел, чтобы Думарс познакомился с Прието, его невестой, которая, казалось, помогла обрести счастье и умиротворение самому разочарованному человеку в баскетболе.

По мере того как приближался его 49-й день рождения в феврале, печатная, интернет- и телевизионная пресса начали все чаще называть его наихудшим владельцем в истории. Заключительным ироническим штрихом стало то, что команда закрывала сезон серией поражений, продлившейся… 23 игры. На множестве матчей, в которых команда сыпалась, он выглядел, как запертый в клетке лев. Укороченный из-за локаута сезон «Бобкэтс» завершила с результатом 7–59, выиграв лишь 10,6 % матчей, что стало худшим показателем в истории NBA. Предыдущий антирекорд принадлежал «Филадельфии Севенти Сиксерс» образца 1973 г., которая проиграла 73 матча, одержав девять побед (11 %). Рич Чо помогал клубу Джордана воплощать свою стратегию в жизнь, обменивая звезд с крупными контрактами на более молодых и менее опытных игроков, и такой ростер мог обеспечить команде высокие пики на драфте.

Джордан утверждал, что у него и его менеджеров есть свое видение будущего команды, и, хотя они не ожидали, что дела «Бобкэтс» будут так плохи, они не намерены отходить от своих планов. В конце регулярного сезона он убрал Пола Сайласа с должности главного тренера, и сам Сайлас с этим решением согласился, после чего перешел на должность во фронт-офисе клуба.

Главным призом драфт-лотереи того года был Энтони Дэвис – звезда выигравшей чемпионство команды Университета Кентукки, но даже несмотря на провальные результаты сезона удача не улыбнулась Джордану. Топпик драфта достался «Новому Орлеану», а «Бобкэтс», выбиравшая второй в очереди, взяла Майкла Кидд-Гилкриста, другого впечатлявшего своей игрой молодого винга из команды Кентукки.

Более поздние этапы владения Джорданом «Шарлотт» были отмечены слухами о том, что он решил сдаться и продать команду, но сам он решительно эти слухи отрицал. Поколение игроков, выросших на его игре, продолжало смотреть на него как на пример для подражания. Игроки вроде Эдди Пинкни и Энтони Тичи и многие другие, соперничавшие с Майклом или игравшие с ним в одних командах, питали большие надежды на то, что он сможет изменить дела к лучшему. Другие тихо говорили, что если он не в состоянии работать лучше, то пусть продает команду.

Незадолго до своей смерти в 2012 г. Лэйси Бэнкс выразил разочарование тем, как сложилась жизнь Джордана после ухода из баскетбола. Бэнкс ссылался на свой опыт общения с Мохаммедом Али и говорил, что Джордану следует найти какой-то способ отплатить человечеству, попытаться быть тем львом,

каким был когда-то Али. Многие другие, не сговариваясь с Бэнксом, озвучивали то же желание. Сонни Ваккаро сказал, что настало время Джордану найти какое-то значимое применение своей неуемной энергии, а не погружаться еще глубже в свой гедонизм. Хороший пример ему всегда может подать родная мать, отмечал Ваккаро.

> Джерри Краузе говорил, что Джордан слишком зациклен на себе, чтобы пойти на такое: «Он считает, что мир перед ним в долгу».

И все же не покидает ощущение, что период его мытарств с «Шарлотт» многими был недооценен, как в свое время был упущен публикой и период его выступлений за «Бэронс» в Бирмингеме. Позже, после выхода документального фильма о его бейсбольных днях, целый ряд различных наблюдателей заявили, что прежде они не осознавали, какое большое дело он сотворил, решив переделать себя в бейсболиста и сделать карьеру в этой игре. Точно так же усилия, предпринятые им в «Шарлотт», имели критически важное значение для улучшения экономического климата в регионе и создали условия для появления первых признаков существенного роста, несмотря на все разочарования и трудности, встречавшиеся на его пути. Казалось, на это указывает и тот факт, что президент Барак Обама выбрал Time Warner Cable Arena в Шарлотт в качестве места проведения съезда Демократической партии в 2012 г. – именно там он был выдвинут партией на второй президентский срок.

Всеподавляющий негатив сезона 2012 г., однако, породил новую волну слухов о том, что Джордан продаст команду в связи с огромными убытками и общим разочарованием. Он поспешил опровергнуть их, публично заявив, что инвестировал в «Шарлотт» с прицелом на долгий срок и ему не важно, как много времени потребуется на то, чтобы возвратить присутствие NBA в регион.

Летом ему предстояло определиться с выбором нового тренера, и в прессе проскакивали сообщения о том, что он выбирает между жестким старым профессионалом Джерри Слоуном, которому теперь было за 70, и молодым и толковым Брайаном Шоу, который сначала играл у Фила Джексона, а потом был его ассистентом в «Лейкерс». Джордан, однако, сделал удививший всех выбор, назначив почти никому не известного Майка Данлапа, имевшего репутацию тренера, делающего упор на жесткие тренировки и изнурительную физподготовку. Именно на тренировках Джордан сделал себя как игрок и с помощью тренировок теперь надеялся выбраться из той ямы, в которую попал как владелец.

Осенью 2012 г. его молодая команда выдала удивительно бодрый старт, одержав за несколько недель больше побед, чем предыдущая команда смогла за целый сезон, но вскоре сказалась нехватка опыта, и «Бобкэтс» вошла в черную полосу, проиграв 18 матчей кряду. Несмотря на поражения, команда продолжала играть очень усердно и старательно, так что надежда не умирала на всем протяжении разочаровывающего этапа. В разгар этого полного трудностей сезона некоторые наблюдатели из ближнего круга Джордана отмечали, что он стал выглядеть счастливее, обручившись с Прието. В его жизни стало меньше затяжных пикников на полях для гольфа, он казался более сконцентрированным на стоявших задачах. В 2013-м, после того как пресса шумно отпразднует 50-летие Джордана, они с Прието сыграли свадьбу. Несмотря на весь этот позитив, весной «Бобкэтс» опять забуксовала. В межсезонье Джордан вновь решился на смену тренера. Он нанял ассистента тренера «Лейкерс» Стива Клиффорда и осенью наблюдал за тем, как «Бобкэтс», по-прежнему остававшаяся одной из самых молодых команд лиги, демонстрирует существенный прогресс в игре. За лето Джордану удалось завершить сделку по приобретению прав на имя клуба – «Хорнетс». Команда из «Нового Орлеана» станет «Пеликанс», и с сезона 2014/15 г. Джордан будет председательствовать уже в клубе «Шарлотт Хорнетс». Большую часть года он пытался продать свой особняк в Хайленд-Парке, к северу от Чикаго, площадью в 56 тыс. квадратных футов. Сначала он был выставлен на рынок за 29 млн долларов, позже оказался на аукционе, где за него просили уже 18 млн, после чего стартовая цена была существенно снижена.

Ближе к концу 2013 г. появились новости о том, что новоиспеченная миссис Джордан в положении. (Она родит двух девочек-близняшек, Викторию и Изабель, в феврале 2014 г., за несколько дней до 51-го дня рождения Майкла, из-за чего ESPN и другие СМИ будут шутить, что отец получил в подарок «новенькую пару Джорданов».) Медленно, но верно он придавал своей жизни новый импульс. Он начал более серьезно заниматься собой и прилагать усилия к тому, чтобы сбросить десятки фунтов лишнего веса, породив тем самым настойчивые слухи о своих планах вернуться в игру, чтобы изредка участвовать в матчах. Он уже давно намекал, что такое развитие событий возможно – он может вернуться на паркет в 50-летнем возрасте. По большей части эти намеки служили доказательством того, что его карма петляла причудливыми зигзагами, ведя его жизнь от одной неизгладимой фантазии к другой.

Если то, с чем столкнулся Джордан в «Шарлотт», было

борьбой с превосходящими силами, то тогда победить в ней можно было точно так же, как в любой другой схватке: пройти долгий и трудный путь, полный страданий. В темные бирмингемские ночи он часто обращался к своему покойному отцу, так что не будет преувеличением сказать, что и в самые мрачные и беспросветные ночи в Шарлотт Джордан так же сидел в одиночестве в темноте арены и вспоминал все то, что случилось с Джеймсом Джорданом, рассказывал старику о своих неоправдавшихся ожиданиях и конфузах.

Нетрудно представить, что в такие вечера мысли Джордана уносили его к фантазиям или как минимум представлениям о том, что ему удастся обрести надежду и добиться успеха в роли владельца. Там, где-то далеко впереди слабым светом мерцал великий сезон: забег к поздним стадиям плей-офф и выигрыш долгожданного чемпионства. В видении Джордана нетрудно представить и всю его семью, духи его предков рядом с ним, даже Доусон Джордан и его ненаглядная Клементина, Медвард и его дорогая мисс Белл. Все Джорданы и все Пиплсы. Они все здесь. Делорис, Сис, Ларри и Роз с кузинами и родственниками, и все светятся в предвкушении матча.

На середине его фантазию обрывает звук сирены. Уже почти настало время разыграть мяч с центра, но арена внезапно приходит в волнение. Майкла нигде не видно.

Он сидит у себя в офисе, в недрах арены, сидит и разговаривает с Джеймсом, как делал это всегда. Глаза Майкла широко раскрыты и светятся, образ старика становится таким ясным, что его почти можно разглядеть в сумраке. Внезапно Майкл задает вопрос, актуальный для него всегда: «Ну что теперь думаешь обо мне, пап? Как тебе такое, а? Или мне все равно надо идти в дом, к женщинам?»

Можно представить, как в этот момент Джордан берет паузу, осознав то, что его ближайшие друзья и многочисленные поклонники поняли уже давно: что ему уже не нужно спрашивать. Теперь этот бушевавший так долго спор можно отставить в сторону раз и навсегда. Ответ на этот вопрос у него прямо перед глазами, перед глазами у нас всех. Он четко может его видеть.

Благодарности

Я часто отмечал, что о Майкле Джордане написано так много книг, что их уже пора выделять в отдельный жанр. Так с чего возникла нужда еще в одной?

Ну, мой ответ похож на ответ, который дают большинство авторов: «В этой есть много новой информации».

Нет, правда. Эта книга содержит много новой информации о Джордане. Она важна, потому что помещает в новый контекст наши представления о жизни Майкла Джордана. Мы многое о нем знаем, но новый контекст многое меняет в нашем восприятии того, что мы уже знали.

Выход новой книги не означает, что все старые публикации теперь устарели и утратили актуальность. Наоборот, любые книги, написанные о Джордане, сколько бы их ни было, останутся безмерно ценными, и каждая из них внесла существенный вклад в формирование мной мозаики его жизни – сложить эту мозаику оказалось очень трудно, особенно если брать в расчет то, как ревностно охраняет семья Джордана свои секреты и свою частную жизнь. И кто может обвинить их в этом, учитывая природу известности в нашу постмодернистскую эпоху, где миром правят СМИ?

В этом отношении малоизвестная книга сестры Майкла Делорис, *In My Family's Shadow,* опубликованная в частном порядке в 2001 г., проливает немало света на те трудности, с которыми Джорданы столкнулись за годы жизни.

Публикация самого Джордана (совместно с писателем Марком Вансилом) также стала важным источником для меня, открыв доступ к его мыслям, как это было и в случае работ таких журналистов, как Мелисса Айзексон, Лэйси Бэнкс, Рик Теландер, Джек Маккаллум, Сэм Смит, и ряда других.

Работа Смита *The Jordan Rules* – текст, который впервые приподнял завесу, скрывавшую сложный и многогранный характер Джордана. *Rebound* за авторством Боба Грина – еще один пример великолепной книги, хотя часто в мире литературы, посвященной Майклу Джордану, ее незаслуженно обходят вниманием, предпочитая более известную книгу Грина *Hang Time.*

Хотя ему так и не удалось проинтервьюировать самого Джордана, Дэвид Халберстам в своей книге *Playing for Keeps* раскрывает нам очень важный культурный контекст, в котором работал Джордан. Аналогичным образом создают этот фон и мои собственные работы, включая *Blood on the Horns,* историю о сезоне «Буллз» 1998 г., полную противоречий и дрязг; *Mind Games; And*

Now, Your Chicago Bulls и некоторые другие работы, посвященные Джордану и NBA.

Я хочу отметить работу десятков журналистов, освещавших баскетбол и карьеру Джордана до меня: Митча Элбома, Терри Армура, Лэйси Бэнкса, Грега Стоды, Чака Карри, Майка Макгро, Терри Бурса, Майка Вайза, Клифтона Брауна, Дэйва Андерсона, Фила Бергера, Фрэнка Дефорда, Брайана Бервелла, Дэвида Дюпри, Скотта Остлера, Иры Берков, Шелби Стротер, Чарли Винсента, Митча Чорткофф, Роберта Фалькофф, Билла Глисона, Билла Холла, Скотта Ховарда-Купера, Майка Имрема, Мелиссы Айзексон, Джона Джексона, Пола Ладевски, Берни Линсикома, Боба Логана, Джея Мариотти, Кента Макдилла, Корки Мейнеке, Майка Маллигана, Скипа Мисленски, Гленна Роджерса, Стива Розенблума, Эдди Сефко, Джина Сеймура, Сэма Смита, Рэя Санса, Пола Салливана, Марка Вансила, Боба Верди, Боба Райана, Роя С. Джонсона, Тони Корнхейзера, Дэйва Киндреда, Пэта Патнема, Сэнди Падве, Джека Маккаллума, Сэма Макмэниса, Дага Кресса, Майка Литвина, Джона Папанека, Леонарда Коппетта, Джорджа Векси, Алекса Вулффа, Брюса Ньюмана, Джеки Макмаллена, Стива Булпетта, Питера Мэя, Майка Файна, Уилла Макдоны, Эйлин Вуазин, Дрю Шарпа, Терри Фостера, Стива Эдди, Дина Хоуи и еще многих-многих других, чьи работы на передовой здорово помогла мне в написании этой книги.

Люди не меньше, чем литература, помогли мне в создании этого подробного и детального рассказа о жизни Джордана. Среди многих из тех, кого я проинтервьюировал, некоторые личности выделяются особенно за свой внушительный вклад в мое понимание Майкла Джордана как личности. В их числе Морис Юджин Джордан, Уильям Генри Джордан, Джордж Гервин, Рэй Аллен, Род Хиггинс, Джеймс Уорти, Патрик Юинг, Джо Думарс, Билл Биллингсли, Майкл Тейлор, Джордж Мамфор, Текс Уинтер, Джонни Бах, Стив Керр, Сонни Ваккаро, Джерри Краузе, Билли Пэкер, Кенни Гаттисон, Тим Халлам, Джим Стек, Джо О'Нил, Дик Неэр, Дэвид Олдридж, Лэйси Бэнкс, Эд Пинкни, Дж. А. Аданде, Кевин Макхэйл, Билл Уолтон, Дэвид Манн, Джеймс Эдвардс, Ральф Сэмпсон, Терри Холланд, Дон Саблетт, Ховард Гарфинкел, Мэтт Гукас, Чак Карри, Том Кончалски, Брендан Мэлоун, Брик Оттингер, Фред Уитфилд, Чарльз Оукли, Кваме Браун, Дэниэл Мок, Брент Бэрри, Майк Вайз, Эдди Джонс, Джефф Дэвис, Кен Робертс, Уолтер Баннерман, Дик Вайсс, Мэджик Джонсон, Арт Чански, Скотти Пиппен и сам Майкл Джордан, равно как и многие другие, честно и открыто рассказывавшие о своем опыте.

Ни одной строчки этой книги не было бы написано, если бы

не моя жена Карен; мои дочери Дженна и Морган и мой зять Майк Холлоуэлл – все они, помимо оказывания поддержки, также тратили свое время на переписывание всех записей интервью для этого проекта.

Я в огромном долгу перед Дином Смитом и Майком Эшли за то, что они читали отрывки этого манускрипта и давали пояснения, перед Дагом Дафти, дававшим мне советы по темам интервью, и сотрудниками библиотек округов Пендер, Даплин и Нью-Хановер. Также важнейшую роль сыграли коллекции, в частности Southern Folklife Collection в уилсонской библиотеке УНК и личная видеоколлекция Адама Райана о Джордане.

За дружбу и подбадривания я в долгу перед своим сыном Генри Лэзенби и зятем Джоном Тамасом, а также перед своими хорошими друзьями и коллегами Рэном Генри, Линди Дэвис, Стивом Коксом, Дэвидом и Делорис Крейг, Риком и Эмми Мур, Мадкэтом Сондерсом, Нилом Тарнеджом, Энди Мэгером, Скоттом и Сью Маккой, Пэтом и Сью Флинн, Билли и Кэйтлин Драйвер, Тоньей и Джеком Лукасом, Бэтт Мэйси, Майклом Хадсоном, Хорхе Рибейро, Брайаном и Бекки Тинсли, Гэри Бернсом и многими другими.

Как всегда, ключевую роль в моем проекте сыграл мой агент Мэттью Карниселли, как и ключевые сотрудники издательства Little Brown, включая Майка Питша, Бена Аллена, Малин фон Юлер-Хоган и Пэг Андерсон. Особая благодарность моему редактору Джону Парсли за те усердие и самоотверженность, с которыми он трудился над этой книгой.

И, наконец, особая благодарность моим сибсам Дженни и Хэмптону, а также нашим покойным родителям Уильяму Лоури Лэзенби и Виргинии Хэмптон Лэзенби, которые с ранних лет приучали меня любить чтение и баскетбол.

notes

Сноски

1

Ускоренная киносъемка с частотой кадров, превышающей стандартную в несколько раз. Используется для получения эффекта замедленного движения при проекции фильма со стандартной частотой кадров, а также в научных целях. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Время, которое игрок проводит в воздухе при прыжке.

3

1 миля = 1,61 км.

4

1 фут = 0,3048 м.

5

Дикси – историческая область, которая включает в себя южный регион Соединенных Штатов Америки, также этот термин часто используется для обозначения Юга США.

6

G.I.Bill – закон, принятый в 1944 г., согласно которому лицам, служившим в вооруженных силах во время Второй мировой войны и после, выделялась стипендия для получения образования и другие льготы.

7

1 акр = 4046,85 м^2.

8

Shortstop – бейсболист между второй и третьей базами (должен останавливать мячи, попадающие в эту зону).

9

All-Pro – игрок в американский футбол, выступающий в NFL и признанный лучшим на своей позиции в отдельно взятый сезон. Из лучших All-Pro на каждой позиции составляется символическая сборная, аналог команды Всех Звезд в баскетболе.

10

Так по традиции именуется плей-офф первенства NCAA, потому что огромное количество матчей играется в марте практически без пауз.

11

Cornbread – кукурузный хлеб.

12

Средние очки в беттинге в виде десятичной дроби.

13

Вид подачи в исполнении питчера. При правильно исполненном наклболе мяч в последний момент начинает резко падать вниз.

14

Бант (*англ.* bunt) – короткий удар, при котором бэттер не замахивается по мячу, а просто подставляет под него биту.

15

MVP, *англ.* Most Valuable Player – титул, ежегодно присуждаемый самому ценному игроку НБА по итогам регулярного сезона.

16

Parent Teacher Organization – организация, объединяющая родителей учеников и учителей.

17

Чрезмерно опекающие детей родители, постоянно «кружащие» над ними, как вертолеты.

18

Run batted in – количество очков, которые заработала команда после действия бэттера.

19

1 ярд = 0,91 м.

20

По сути, это игрок, застрявший между позициями три и четыре и проседающий на обеих половинах площадки. Зачастую он просто недостаточно хорош, крепок и обучен игре в защите для того, чтобы выходить на паркет в роли тяжелого форварда, или чересчур медлителен, чтобы играть легкого.

21

Первая Всеамериканская игра состоялась в Филадельфии в 1978 г.

22

Home Box Office (HBO) – американская кабельная и спутниковая телевизионная сеть.

23

Позиционное наступление (в баскетболе).

24

Большой, спокойный.

Согласно этому правилу игрок может перейти в профессионалы, не отучившись положенных четыре года в колледже при условии бедственного финансового положения его и его семьи.

26

Базовая баскетбольная комбинация, которую вы видите на каждом шагу. Брошенный зачастую на слабой стороне игрок проникает под корзину вдоль лицевой, получает мяч от высоко расположившегося партнера и забивает непосредственно из-под кольца. Адаптационный перевод – «войти с заднего двора».

27

Касание игрока защиты мяча при передаче или ведении, повлекшее за собой уход мяча за пределы площадки или к другому игроку.

28

Движение защитника внутри зоны нападения с целью сокращения дистанции между собой и нападающим, чтобы тот не смог совершить с мячом какое-либо действие (бросок, проход и пр.).

29

Пострасистским, в частности, можно назвать то современное общество, в котором расовая дискриминация и расовые предрассудки как таковые отсутствуют.

30

Одна из улиц в центре Чикаго, славящаяся большим количеством ресторанов, клубов и увеселительных заведений.

31

Тип раннинбека в американском футболе, очень быстрый и ловкий игрок, способный вести мяч на длинные дистанции.

32

Главная лига бейсбола.

33

National Association of Intercollegiate Athletics (NAIA) – Национальная ассоциация университетских спортивных организаций.

34

От глагола *teach* – «учить».

35

Удар, после которого мяч летит по земле.

36

Достижение игроком базы только благодаря тому, что филдер пытался вывести в аут другого раннера.

37

Низшая лига бейсбола.

38

Бьющий отбил мяч в поле, но игрок защиты подобрал мяч и бросил его партнеру на первой базе раньше, чем бьющий успел ее коснуться.

39

Подача по самым неожиданным траекториям. Акцент при исполнении идет на точность и максимально сложную траекторию.

40

Бранная кличка, применяемая к штрейкбрехерам в Англии, США и других англо-язычных странах (Академик).

41

Преградить сопернику путь к кольцу с целью выигрыша подбора.

42

Каттер (Cutter) – проникающий баскетболист, игрок с прекрасным умением пройти под корзину.

43

Фервей (fairway) – участок с травой средней длины, занимающий большую часть игрового поля между ти и грином.

44

Участок с очень коротко постриженной травой, по которой мяч может катиться как по гладкому ковру, с вырезанным отверстием размером 108 мм – лункой.

45

Совместное использование частного автомобиля с попутчиками.

46

По правилам, игрок, которого вводят в Зал славы, должен быть на пенсии как минимум пять лет.

47

Нефтяной танкер, получивший известность после аварии в проливе принца Уильяма, которая привела к утечке сотен тысяч баррелей сырой нефти, загрязнившей воды и побережье Аляски.